ОЧЕРКИ
ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ

(1700—1863 г.)

А. М. Скабичевскаго.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе Ф. Павленкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подьяч., 39.
1892.

ОЧЕРКИ
ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

ОЧЕРКИ
ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ

(1700—1863 г.)

А. М. Скабичевскаго.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе Ф. Павленкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1892.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Андерсенъ, **Аристотель, Байронъ**, Бальзакъ, Беккарія, **Ф. Беконъ, Беранже**, Клодъ-Бернаръ, Берне, Бернсъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, **Боккачіо**, Бокль, Бомарше, Дж. Бруно, **Будда (Сакіа-Муни), Р. Вагнеръ**, Валленштейнъ, Вашингтонъ, Виклефъ, **Л Винчи**, Вирховъ, Вольта (и Гальвани), Вольтеръ, Гайднъ, **Галилей**, Гальвани (и Вольта), **Гарвей**, Гарибальди, **Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гете**, Гладстонъ, **Говардъ**, Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго**, Дагерръ и Ніэпсъ, **Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ**, Декартъ, **Дефо, Дженнеръ**, Дидро, **Диккенсъ**, Жанна Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Канова, Кантъ, **Кальвинъ, Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ**, Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій, Коперникъ**, Кромвель, Кукъ, **Кювье, Лавуазье, Лапласъ** (и **Эйлеръ**), Лейбницъ, Лессепсъ, **Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола**, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Масе (основатель международной лиги образованія), Мейерберъ, Меттернихъ, **Микель-Анджело, Милль**, Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ, Мольеръ**, Мольтке, Монтескье, **Морзе (и Эдисонъ), Т. Моръ, Моцартъ**, Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, **Паскаль**, Пастеръ, Песталоцци, Платонъ, **Прудонъ**, Рабле, **Рафаэль**, Рашель, Рембрандтъ, Риттеръ, Ришелье, Ротшильды, Рубенсъ, Руссо, Савонарола, **Сакіа-Муни (Будда), Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скоттъ**, А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, **Стэнли**, Стефенсонъ, Тацитъ, **Теккерей**, Торквемада, **Уаттъ, Фарадей, Франклинъ**, Франдискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, Фультонъ, **Цвингли**, Цицеронъ, Шекспиръ, **Шиллеръ, Шопенгауеръ, Шопенъ, Эйлеръ (и Лапласъ), Эдисонъ (и Морзе), Дж. Эліотъ**, Эразмъ, Ювеналъ, Юлій Цезарь, и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Богданъ Хмѣльницкій, **Боткинъ**, Бутлеровъ, Булгаринъ и Гречъ, **Бѣлинскій**, Бэръ, Верещагинъ, **Волковъ** (основатель русскаго театра), Воронцовы, **Глинка, Гоголь**, Гончаровъ, Грановскій, Грибоѣдовъ, Дашкова, **Демидовы**, Державинъ, **Достоевскій**, Екатерина II, Ивановъ, Иванъ IV, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, Катковъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ**, Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И Костомаровъ, **Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ**, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Меншиковъ, Миклуха-Маклай, Н. Милютинъ, Некрасовъ, Никитинъ, **Никонъ, Новиковъ**, Островскій, Перовъ, Петръ Великій, Пироговъ, Писемскій, Посошковъ, Потемкинъ, **Пржевальскій, Пушкинъ**, Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій**, Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій**, Струве, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Ушинскій, **Фонъ-Визинъ**, Шевченко, Щепкинъ, Ѳедотовъ, и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 20 апрѣля 1892 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Существенное различіе въ развитіи книгопечатанія на Западѣ и въ Россіи.—Безучастіе русскаго общества въ этомъ дѣлѣ; сосредоточеніе его въ правительственныхъ сферахъ и,—какъ результатъ этого,—отсутствіе законовъ о печати и случайность всѣхъ цензурныхъ мѣропріятій до Петра Великаго, при немъ и его первыхъ преемникахъ.

I.

Исторія печатнаго станка въ Россіи, съ самымъ первыхъ годовъ появленія его, представляетъ собою картину, ни въ малѣйшей степени не похожую на исторію западнаго станка. На Западѣ пресса вызывается настоятельною, органическою потребностью все болѣе и болѣе развивавшейся образованности. Она возникаетъ въ самый бурный вѣкъ всеобщаго пробужденія умовъ, въ эпоху rennaissance и наканунѣ реформаціи. Жажда разнообразнаго чтенія по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ была въ это время такъ сильна во всѣхъ слояхъ общества, что ранѣе уже изобрѣтенія книгопечатанія многочисленные переписчики складываются въ цѣлыя корпораціи и цехи, появляются книжныя лавки, и правительства создаютъ статуты съ цѣлью правильной организаціи письменности и контроля надъ нею. Въ статутахъ этихъ видна заботливость правительства о томъ, чтобы книги имѣли, по возможности, легкій доступъ къ публикѣ, продаваясь не свыше цѣны, опредѣленной таксами, чтобы книгопродавецъ безпрекословно выдавалъ находящіяся у него рукописи для переписки, чтобы на одну треть сбавлялъ коммиссіонерскій процентъ при продажѣ книгъ профессорамъ или студентамъ, и проч. Очень понятно, что когда появилось книгопечатаніе, оно было встрѣчено съ восторгомъ, какъ духовными, такъ и свѣтскими людьми, какъ правительствами, такъ и обществами. Французскій король Людовикъ XII, давшій многія льготы участникамъ типографскаго производства, назвалъ даже его «скорѣе божескимъ, чѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ». Но не однѣ власти, духовныя и свѣтскія воспользовались станкомъ: его тотчасъ же захватили въ свои руки и наука въ лицѣ университетовъ, и искусство въ лицѣ драматурговъ, поэтовъ, сатириковъ и проч., и политика, наводнившая общество массою памфлетовъ и летучихъ листковъ, во множествѣ распространяемыхъ протестантскими типографіями, задѣвавшими не только римское духовенство, но и свѣтскіе дворы. Такимъ образомъ пресса на Западѣ сразу сдѣлалась не одною исключительною принадлежностью куріи и двора, а общественною силою, противъ которой, послѣ первыхъ же восторговъ, и свѣтскія, и духовныя власти принуждены были бороться посредствомъ различныхъ цензурныхъ статутовъ. Такъ напримѣръ, во Франціи не

прошло и двадцати лѣтъ послѣ того, какъ было произнесено вышеупомянутое изрѣченіе Людовика XII,—уже при Францискѣ I Сорбонна настойчиво подняла вопросъ объ уничтоженіи навсегда всѣхъ типографій, появившихся въ странѣ и о запрещеніи основывать, когда бы то ни было, новыя типографіи. Францискъ уже готовъ былъ подписать проэктъ Сорбонны, но былъ удержанъ представленіями парижскаго епископа Жана-дю-Беллаи и нѣкоего Вильгельма Гюде, замѣтившихъ, что типографіи—орудіе обоюдоострое, которое можетъ быть употреблено не только ко вреду, но и съ большою пользою для государства, и что «сохраненіе ихъ необходимо для того, чтобы имѣть возможность, при помощи типографскаго же станка, противодѣйствовать тѣмъ самымъ злоупотребленіямъ, на которыя со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы» *).

Совершенно не то мы видимъ въ нашемъ отечествѣ въ эту же самую эпоху. Общество, безграмотное, полудикое, невѣжественное въ своей массѣ, не только не обнаруживало ни малѣйшаго интереса къ какимъ либо свѣтскимъ знаніямъ и самостоятельной мысли, но въ каждомъ намекѣ на что либо подобное видѣло нѣчто еретическое и дьявольское. «Епископы, лишенные всякаго образованія, говоритъ Флетчеръ о времени Бориса Годунова:—слѣдятъ съ особенною заботою, чтобы образованіе не распространялось, боясь, чтобы ихъ невѣжество и нечестіе не были обнаружены. Съ этою цѣлью они стараются увѣрить царя, что всякое новое знаніе, вводимое въ государство, возбудитъ стремленіе къ новизнамъ и будетъ для него опасно». Тоже высказывали и нѣкоторые изъ русскихъ; вотъ что, напримѣръ, говоритъ о нашихъ епископахъ князь Курбскій: «Я самъ слыхалъ отъ нихъ, будучи еще въ русской землѣ, подъ державою московскаго царя; прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навыкнуть писанію, и говорятъ имъ: не читайте книгъ многихъ, и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ тотъ въ ересь впалъ» **).

Но и въ тѣхъ религіозныхъ сферахъ, въ которыхъ исключительно вращалась мысль нашихъ предковъ, книги находились въ крайнемъ небреженіи. Письменность была сосредоточена въ рукахъ массы полуграмотныхъ писцовъ, занимавшихся своимъ дѣломъ безъ всякой организаціи, въ разсыпную и какъ Богъ на душу положитъ. Они искажали и уродовали текстъ священныхъ книгъ иногда до неузнаваемости и абсурдовъ, переходившихъ всѣ границы человѣческаго смысла. Тщетно Іоаннъ Грозный поднялъ на Стоглавомъ соборѣ вопросъ объ исправленіи книгъ, тщетно соборъ принялъ кое-какія палліативныя мѣры къ этому. Полудикіе, суевѣрные умы пугались не столько искаженій, сколько исправленія священнаго текста, подозрѣвая въ этихъ мѣрахъ покушеніе дерзкаго умствованія на вѣковѣчную святыню.

Очень понятно, что при такихъ условіяхъ печатный станокъ явился у насъ непрошеннымъ и нежеланнымъ заморскимъ гостемъ, и съ первыхъ же шаговъ ему не посчастливилось. Не смотря на то, что первая типографія была заведена въ Москвѣ по иниціативѣ самого царя, который, въ видахъ все того же вопроса объ исправленіи книгъ, обратился съ просьбою къ датскому королю Христіану III о присылкѣ ему книгопечатниковъ, и для помѣщенія типографіи построилъ даже на Никольской особенный домъ, это новое и неслыханное учреж-

---

*) См. «Моменты исторіи законод. о печати», И. Я. Фойницкаго. «Сборникъ Государственныхъ Знаній», т. II, стр. 340.

**) Id., стр. 318.

деніе было встрѣчено крайне недоброжелательно во всѣхъ классахъ общества. Писцамъ, видѣвшимъ въ типографіи подрывъ своему ремеслу и лишеніе куска хлѣба, ничего не стоило возбудить противъ несчастнаго печатнаго станка своими наговорами и интригами какъ власти, такъ и народъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, печатный дворъ былъ сожженъ, типографія разрушена и разграблена. А первые русскіе типографщики, ученики датскаго мастера Бокбиндера, Иванъ Ѳедоровъ Москвинъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, принуждены были бѣжать въ Литву, потому, какъ они объяснили въ предисловіи къ Львовскому апостолу, что «презрѣнное озлобленіе отъ многихъ начальниковъ и учителей, которые ради зависти обвинили насъ во многихъ ересяхъ, изгнало насъ изъ своей земли и отъ родныхъ въ чужую невѣдуемую страну». Вотъ какъ было встрѣчено на святой Руси и въ богоспасаемой Москвѣ «скорѣе божеское, чѣмъ человѣческое изобрѣтеніе».

Правда, что въ 1568 году типографія была возобновлена въ Александровской слободѣ, но дѣйствовала робко, нерѣшительно, словно украдкой, печатая лишь изрѣдка нѣкоторыя богослужебныя книги. Печатники, словно страшась народнаго гнѣва, и дрожа за свое дѣло, обращаются къ читателямъ въ предисловіяхъ къ книгамъ съ жалобными мольбами: «хотящимъ сіи книги святыя прочитати или переписывати любезно молимъ васъ, милостиви намъ будите», и такъ продолжалось до изданія Требника при Филаретѣ: книга эта была первая въ Москвѣ, изданная безъ унизительной просьбы о помилованіи. Въ то же время рукописная литература не только не уменьшается, но во второй половинѣ XVII столѣтія еще болѣе развивается. Только со временъ Никона типографія выходитъ побѣдительницею изъ борьбы съ переписчиками, развертываетъ свои силы и начинаетъ печатать въ значительномъ числѣ экземпляровъ не только богослужебныя, но и поучительныя книги.

Нечего и говорить о томъ, что эта первая вполнѣ утвердившаяся типографія въ Россіи продолжала быть дѣломъ совершенно чуждымъ и обществу, и народу, вообще частнымъ сферамъ жизни. Это было такое же правительственное учрежденіе, какъ какой нибудь пушечный или монетный дворъ, причемъ всецѣло находилось въ рукахъ духовенства, служа узкой, спеціальной цѣли печатанія богослужебныхъ книгъ. Поэтому типографія и называлась патріаршею, а съ упраздненіемъ патріаршества была причислена къ монастырскому приказу. Понятно, что при такихъ условіяхъ никакая цензура надъ подобнаго рода духовно-казенною прессою была немыслима. Правда, на московскихъ соборахъ составляли списки запрещенныхъ еретическихъ книгъ и за держаніе ихъ, равно и за чтеніе опредѣлялись церковныя наказанія; между прочимъ, такимъ образомъ было осуждено сочиненіе Сильверста Медвѣдева «Манна», а самъ онъ впослѣдствіи былъ казненъ «за многія злодѣйственныя умышленія», но всѣ эти соборныя постановленія и мѣры имѣютъ дѣло не съ печатью, а все еще съ рукописными книгами. Эта борьба съ рукописью продолжалась весь XVII вѣкъ, и при Петрѣ она еще болѣе ожесточается вмѣстѣ съ ожесточеніемъ борьбы противъ раскола. Въ эту эпоху не одни раскольники, а вся многочисленная оппозиція противъ реформъ Петра, распространенная во всѣхъ классахъ общества, и особенно среди духовенства, постоянно прибѣгала къ перу для изъявленія своихъ протестовъ, и Петръ былъ осыпаемъ градомъ всякаго рода рукописныхъ памфлетовъ и подметныхъ писемъ. Это ему наконецъ до такой степени надоѣло, что онъ, по широкому размаху своей могучей натуры, прибѣгъ къ такой ради-

кальной мѣрѣ, какую едва ли когда либо и гдѣ бы то ни было употребляли противъ свободы слова; онъ рѣшился истребить зло съ корнемъ, наложивши запрещеніе на самое существенное орудіе письма—чернила и перья. Такъ, въ 1701 году явился слѣдующій указъ:

«Монахи въ кельяхъ никаковыхъ писемъ писати власти не имѣютъ, чернилъ и бумаги въ кельяхъ имѣти да не будутъ, но въ трапезѣ опредѣленное мѣсто для писанія будетъ—и то съ позволенія начальнаго» (Полн. собр. законовъ, т. IV, № 1835).

Мѣры противъ печати естественно могли начаться лишь тогда, когда рядомъ съ правительственнымъ станкомъ возникли частные. А это случилось вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Москвѣ Малороссіи. Въ западномъ краѣ и южной Руси уже въ XVI вѣкѣ при духовныхъ братствахъ возникли вольныя типографіи съ тою же цѣлью исправленія книгъ и очищенія ихъ отъ всякихъ латинскихъ и уніатскихъ примѣсей. Московское духовенство, какъ извѣстно, очень недовѣрчиво и недоброжелательно смотрѣло на кіевскихъ богослововъ, подозрѣвая ихъ въ наклонности къ католичеству и всяческимъ ересямъ. Очень понятно, что съ присоединеніемъ Малороссіи оно недружелюбно отнеслось къ типографіямъ, существовавшимъ въ Кіевѣ и Черниговѣ. Въ этихъ типографіяхъ печатались не однѣ церковно-богослужебныя книги, но и сочиненія кіевскихъ богослововъ, ихъ проповѣди, поученія, учебныя пособія, употреблявшіяся въ кіевской академіи и семинаріяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ печатались порою въ тѣхъ же типографіяхъ и раскольничьи книги. И вотъ мы видимъ впродолженіе всего царствованія Алексѣя Михайловича и Петра цѣлый рядъ мѣропріятій для обузданія южно-русской прессы и водворенія надъ нею контроля. Книги и сочиненія нѣкоторыхъ кіевскихъ богослововъ, заподозрѣнныя въ еретичествѣ, конфискуются и сожигаются. Указъ за указомъ издаются для побужденія типографій ничего не печатать безъ вѣдѣнія Москвы. Такъ напримѣръ, указъ отъ 5-го октября 1720 г. гласитъ:

«Великому Государю, Его царскому Величеству извѣстно учинилось, что въ Кіевской и Черниговской типографіяхъ, въ печатныхъ книгахъ печатаютъ не согласно съ великороссійскими печатьми, которыя со многою противностью восточной церкви, а именно: въ Черниговѣ учебные часословы по желанію раскольническому, которое явилось чрезъ розыскъ калужаниномъ Ерастомъ Кадминымъ, что онъ также часословъ, въ прошлыхъ годахъ продолжалъ печатать проискомъ своимъ, и продавалъ оныя на ярмаркахъ: въ книгѣ Богомыслія, которая печатана въ типографіи святотроицкой-ильинской въ 1710 году, явилась многая люторская противность, да въ мѣсяцесловѣ, который изданъ въ прошломъ 1718 году генваря 27 дня, а печатанъ въ кіево-печерской типографіи, въ заглавіи напечатано, якобы напечатанъ ставропигіею вселенскаго константинопольскаго патріарха, чего было печатать не подлежало, для того, что кіевопечерскій монастырь отъ многихъ лѣтъ учиненъ въ Ставропигіи святѣйшихъ россійскихъ патріарховъ, а отъ константинопольскихъ уволенъ. Того ради его царское величество указалъ именоваться кіево-печерскому и черниговскому монастырямъ, во всѣхъ книгахъ, ставропигіею всероссійскихъ патріарховъ, а не константинопольскихъ, а вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать. А и оныя церковныя старыя книги, для совершеннаго согласія съ великороссійскими, съ такими же церковными книгами сравнивать прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ немъ не было. А другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, не объявляя объ новыхъ въ духовной коллегіи, и не взявъ отъ оной позволенія, въ тѣхъ монастыряхъ не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти» (См. сбор. распор. и постан. по цензурѣ съ 1720 по 1862 г. изд. М. Н. Пр.).

Совершенно подобнаго же рода указы являются 25-го января и 20-го марта 1721 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ 25 января 1721 года былъ изданъ регламентъ духовной коллегіи, въ которомъ между прочимъ мы читаемъ такого рода общее узаконеніе, относящееся уже ко всей имперіи:

«Аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое-бъ не печатать, но первое презентовать въ Коллегіумъ. А Коллегіумъ разсмотрѣть должно, нѣтъ ли каковаго въ письмѣ ономъ прегрѣшенія, ученію православному противнаго». (Регл. ч. III, § 3. См. сборн. расп. и постан. по цензурѣ).

Этотъ законъ, установляющій для духовныхъ сочиненій нѣчто вродѣ предварительной цензуры, можно считать первымъ на Руси закономъ о печати.

II.

Эпоха Петра, наиболѣе замѣчательная именно въ томъ отношеніи, что мысль нашихъ предковъ выходитъ въ это время изъ религіозной замкнутости и становится на почву умственныхъ и культурныхъ интересовъ чисто свѣтскаго характера, не могла не отразиться на исторіи печати. И здѣсь мы видимъ тотъ же громадный переворотъ: рядомъ съ духовною типографіею возникаетъ мало по малу типографія свѣтская, и для печати въ Россіи наступаетъ новый періодъ существованія.

Иниціатива этого переворота, какъ и всѣ реформы петровской эпохи, принадлежитъ вполнѣ Петру. Стремясь распространять среди русскихъ людей, въ виду своихъ реформъ, научныя свѣдѣнія, Петръ нуждался въ книгахъ по разнымъ отраслямъ знаній, особенно техническимъ; патріаршая же типографія въ Москвѣ, принаровленная исключительно для печатанія богослужебныхъ книгъ, не въ состояніи была удовлетворить этой потребности.

И вотъ, въ 1700 г. Петръ даруетъ своему голландскому другу, одному изъ первыхъ негоціантовъ Амстердама, Янну Тессингу, за учиняемыя имъ великому посольству службы, грамату съ тѣмъ, чтобы Тессингъ завелъ въ Амстердамѣ типографію и печаталъ бы въ ней «земныя и морскія картины, и листы, и персоны, и математическія, и архитектурныя, и городо-строительныя, и всякія земныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славянскомъ и голландскомъ языкомъ по особну, отъ чего бъ русскіе подданные, много службы и прибытки могли получати и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ» *). Книги, напечатанныя Тессингомъ, дозволялось ему или его приказчику привозить къ Архангельску, а также и въ другіе города «повольною торговлею, съ платежемъ указанныхъ пошлинъ, на уреченное время съ настоящаго (1700) года впредь на 15 лѣтъ», и при этомъ предоставлялась полная монополія относительно всѣхъ другихъ заграничныхъ типографій: если кто вздумалъ бы продавать въ Россіи книги этихъ типографій, то продавцы подвергались штрафу въ 3,000 франковъ, изъ которыхъ третья часть шла въ пользу Тессинга; самыя же книги конфисковались. Но при этихъ льготахъ не были упущены и цензурныя соображенія для предупрежденія какихъ-либо злоупотребленій печати со стороны Тессинга. Въ этихъ видахъ въ граматѣ было оговорено, «чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ великаго Государя межъ европейскими монархами и къ общей народной пользѣ и прибытку, *а пониженья бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашего въ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было*».

Съ установленія гражданскаго шрифта около 1704 года слѣдуетъ окончательное обособленіе свѣтскаго станка отъ духовнаго. Послѣ этого Петръ и въ

*) Пекарскій. Наука и лит. въ Россіи, стр. 10—12.

Петербургѣ, и въ Москвѣ заводитъ гражданскія типографіи съ просвѣтительными цѣлями вполнѣ уже свѣтскаго характера. Но перейдя на свѣтскую почву, печатный станокъ этимъ самымъ не сдѣлался еще самостоятельною, общественною силою; дѣло ограничивалось тѣмъ, что онъ перешелъ изъ рукъ духовныхъ властей въ руки свѣтскихъ, но при этомъ остался тѣмъ же оффиціальнымъ, казеннымъ учрежденіемъ, до котораго обществу не было никакого дѣла. Въ лицѣ Петра въ это время сосредоточивалось все литературное дѣло страны: онъ заказывалъ и редактировалъ книги, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, самъ повелѣвалъ ихъ печатать, самъ издавалъ куранты, подкупалъ заграничную прессу для восхваленія своей особы и полемики противъ его хулителей. Что же касается общественной массы, то она относилась ко всему этому съ полной апатіей. Такъ, въ 1703 году, одинъ голландскій купецъ, торговавшій книгами, вышедшими изъ Тессинговой типографіи, жалуется царю, что продажа книгъ причинила ему одинъ убытокъ, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало».

При такомъ равнодушіи публики къ книжному дѣлу и сосредоточеніи этого дѣла въ рукахъ царевыхъ, понятно опять-таки, что не могло быть и помысла о какихъ-либо цензурныхъ учрежденіяхъ. Какъ редакторъ и издатель, Петръ самолично направлялъ книжное производство согласно своимъ политическимъ и просвѣтительнымъ цѣлямъ. Ни одна строка не выходила изъ-подъ печатнаго станка безъ его высочайшаго усмотрѣнія, и въ этомъ случаѣ до насъ дошелъ анекдотъ самаго антицензурнаго характера, представляющій намъ Петра не только въ видѣ строгаго цензора, а, напротивъ, борящимся въ качествѣ редактора съ излишнимъ и самовольнымъ цензурнымъ усердіемъ его сотрудниковъ. Такъ извѣстно, что переводчикъ Бужинскій, переводя по порученію царя «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ Пуффендорфа», выпустилъ одно пикантное мѣсто, не рѣшась перевести его, вслѣдствіе слишкомъ рѣзкаго отзыва Пуффендорфа о русскихъ: «зазорны же русскіе и невоздержательны суть, пишетъ Пуффендорфъ:— свирѣпы и кровежаждущи человѣцы, въ вещахъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостью возносятся; въ противныхъ же вещахъ низложеннаго ума и сокрушеннаго; ко прибыли и лихвѣ, хитростью собираемой, никакой же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется, и жестокостью власти воздержатися въ повинновеніи любятъ, и якоже всѣ игры, въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ частое есть употребленіе?» Узнавши о пропускѣ этого мѣста, Петръ очень осерчалъ на Бужинскаго: «Глупецъ, вскричалъ онъ:—что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгою?»

— Перевести, отвѣчалъ Бужинскій.—«Развѣ это переведено?» возразилъ Петръ, указывая на пропущенное мѣсто:—тотчасъ поди и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть» *).

Очень понятно, почему Петръ не велѣлъ выпускать этого мѣста: онъ не усматривалъ въ немъ никакого *«пониженія его царскаго величества превысокой чести»*, а напротивъ, видѣлъ оправданіе своихъ просвѣтительныхъ реформъ.

Другое было дѣло, когда около 1708 г., мастеръ, печатавшій книги въ типографіи Тессинга, не имѣя никакихъ средствъ къ своему существованію послѣ смерти этого негоціанта (въ 1701 г.), отправился съ славянскою типографіею въ Россію, но на дорогѣ, именно въ Данцигѣ, шведы завладѣли всѣми типографскими

---

*) Пекарскаго. Наука и литер. при Петрѣ I, стр. 396.

принадлежностями и начали печатать славянскимъ шрифтомъ разныя воззванія къ русскому народу, для распространенія ихъ въ русскихъ предѣлахъ. По этому случаю, Петръ сдѣлалъ такое распоряженіе:

«Буде какія письма гдѣ явятся, напечатанныя славянскими (т. е. русскими) словами и складомъ славянскимъ же, къ возмущенію народа, или хотя подъ какимъ ни на есть лестнымъ образомъ, приводя къ тому-жъ, чтобъ тѣмъ народъ обманомъ привести въ возмущеніе, и такимъ письмамъ отнюдь не вѣрить и у себя не держать, хотя будетъ и то въ нихъ написано, будто они на Москвѣ напечатаны, а гдѣ и у кого такія письма явятся, и такихъ людей ловить и расправшивать, гдѣ кто такія письма взялъ, и на кого скажутъ, и тѣхъ людей сыскивать со всякимъ крѣпкимъ прилежаніемъ и присылать къ Москвѣ, а за сыскъ такихъ возмутителей, кто ихъ сыщетъ, будетъ имъ его государева милость».

Кромѣ этого, намъ извѣстны еще двѣ мѣры цензурнаго характера, относящіяся къ эпохѣ Петра, касающіяся, впрочемъ, не печати, а живописи. Такъ, мы видимъ, что послѣ того, какъ духовнымъ регламентомъ была возложена на Синодъ обязанность надзора за всѣмъ, касающимися религіи, первымъ распоряженіемъ его было усилить надзоръ надъ народными лубочными картинами религіознаго содержанія. Появившееся почти въ одно время съ типографіею печатаніе гравированныхъ картинокъ до сихъ поръ производилось почти безъ всякой цензуры. Правда, патріархъ Іоакимъ нашелъ неприличнымъ, что «всякія невѣжды рѣжутъ на доскахъ и печатаютъ на бумагѣ развращенно иконы Спасителя, Богородицы и святыхъ; другіе же покупаютъ такіе печатные листы, дѣлаемые лютерами и кальвинами, на подобіе лицъ своея старины», и около 1644 г. указалъ печатаніе и продажу такихъ листовъ воспретить подъ страхомъ жестокаго наказанія; самые же листы отобрать и истребить. Но указъ этотъ остался безъ исполненія, и народныя картинки продолжали печататься безъ всякаго надзора. И вотъ въ 1721 г., Синодъ снова подтвердилъ запрещеніе, чтобы никто не имѣлъ права продавать въ Москвѣ на Спаскомъ мосту и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній, каноны и молитвы, сочиненные людьми разныхъ чиновъ самовольно и безъ свидѣтельства: листы приказано отобрать и отослать въ Приказъ церковныхъ дѣлъ, «запретивъ впредь таковыя, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія». Для разсмотрѣнія такихъ изданій была учреждена Петромъ въ Москвѣ Изуграфская Палата, безъ одобренія которой они не могли выходить *).

Вторая мѣра подобнаго же рода касалась царскихъ портретовъ: указомъ 1723 г. было предписано суперъ-интенданту Зарудневу наблюдать, чтобы персоны государя и государыни писались искусными мастерами и затѣмъ продавались въ Москвѣ и по разнымъ мѣстамъ; безобразные же царскіе портреты отбирать и отсылать въ Синодъ.

III.

Но вотъ, мало-по-малу, просвѣщеніе начинаетъ распространяться въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества. Книги дѣлаются не такою рѣдкостью, какъ при Петрѣ: покупаются и въ отечествѣ, еще болѣе вывозятся изъ-за границы. Заводятся свѣтскія училища, требующія руководствъ и всякаго рода пособій. Основывается «Академія наукъ», какъ высшее ученое и учебное учрежденіе, заботящееся о развитіи просвѣщенія въ странѣ. Являются и первые свѣтскіе писа-

*) Сборн. отд. русск. яз. и слав. имп. Акад. наукъ, т. 27. Русск. нар. карт. Д. Ровинскаго, стр. 31.

тели въ лицѣ Кантемира, Ломоносова и Тредьяковскаго. Масса ученыхъ писателей и переводчиковъ начинаетъ группироваться вокругъ Академіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ является потребность окончательно отдѣлить гражданскій станокъ отъ духовнаго. И вотъ, 4-го октября 1727 года, является указъ (П. С. Зак., № 5175), въ силу котораго типографіи, бывшія при Синодѣ и при Александровской лаврѣ, переводятся въ Москву со всѣми инструментами, для печатанія тамъ церковныхъ книгъ; въ Петербургѣ же остаются лишь двѣ свѣтскія типографіи—при Сенатѣ, для печатанія указовъ и правительственныхъ распоряженій, и при Академіи наукъ, для «сочиненій историческихъ наукъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ типографія Академіи наукъ устраняется изъ вѣдомства Синода, надзору котораго впредь подлежатъ однѣ духовныя книги и вообще всѣ сочиненія, касающіяся религіи; свѣтскія же книги подчиняются вѣдѣнію Академіи. Вслѣдъ за этимъ указомъ, съ января 1728 года, Академія наукъ начинаетъ издавать «С.-Петербургскія Вѣдомости», печатая ихъ въ своей типографіи подъ своею личною отвѣтственностью безъ всякаго посторонняго и высшаго контроля.

Затѣмъ наступаютъ 30-ые годы прошлаго столѣтія, и надъ Русью нависаетъ мрачный періодъ бироновщины, эпоха безцеремоннаго владычества временщиковъ и всякаго рода иноземныхъ проходимцевъ, ужасовъ тайной канцеляріи, съ ея кровавыми розысками и правежами и всеобщихъ доносовъ съ ихъ грознымъ кличемъ «слова и дѣла». Въ это десятилѣтіе было не до преуспѣянія литературы и вообще просвѣщенія въ Россіи. Академія наукъ, подъ игомъ своей канцеляріи, наполненной германскими хищниками, едва влачила свое существованіе, причемъ члены ея чуть не умирали съ голоду отъ постоянныхъ обсчитываній и затягиваній жалованья. Литература, въ лицѣ Тредьяковскаго, раболѣпно ползала на колѣнкахъ наряду съ Балакиревымъ и прочими придворными шутами, получала всемилостивѣйшія оплеушины и писала оды на иллюминаціи, осыпаемая градомъ палочныхъ ударовъ со стороны свирѣпыхъ самодуровъ. Очевидно, что впродолженіи всего этого періода трудно было и ждать какихъ-либо положительныхъ мѣръ, которыя расширяли бы сферу дѣятельности печатнаго станка. Но въ то же время этотъ станокъ находится въ такомъ загнанномъ положеніи полнаго пренебреженія, что правительство не имѣетъ нужды и въ какихъ-либо отрицательныхъ мѣрахъ противъ него. Поэтому въ царствованіе Анны Іоановны указы о печати очень рѣдки. Намъ только и извѣстны два такіе указа. Такъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, Анна Іоановна первымъ дѣломъ озаботилась о томъ, чтобы среди подданныхъ ея не вращались нѣкоторыя иностранныя книги, заключающія въ себѣ дурные отзывы о ея главныхъ приближенныхъ. И вотъ, указомъ 1733 г. 17-го марта, она повелѣваетъ:

«Изданную отъ Ея Императорскаго Величества печатную книгу на нѣмецкомъ языкѣ о жизни бывшихъ графа Остермана, графа же Миниха и герцога курляндскаго Бирона, въ которой, между прочимъ, вымышленно-затѣйные, предосудительные къ россійской имперіи пашквильные пассажи находятся, принадлежащіе (экземпляры) публикѣ сжечь и чтобъ болѣе оная въ Россійской имперіи разсѣяна не была, учинить къ собранію ея основательное опредѣленіе и впредь таковыхъ, касающихся до Россійской имперіи пашквильныхъ сочиненій во всѣхъ мѣстахъ продавать и вывозить накрѣпко запретить» (Сборн. пост. о печати).

Затѣмъ уже, въ концѣ царствованія Анны Іоановны, мы видимъ именной указъ, отъ 26-го декабря 1738 года, генералу Румянцеву, изъ котораго видно, что по донесенію изъ Кіева генералъ-лейтенанта Леонтьева конфисковано было у мѣщанина Львовскаго, ѣхавшаго въ Малую Россію, по 150 экземпляровъ двухъ

календарей на 1739 годъ—астрономовъ Франциска Невѣскаго и другого безъименнаго.

«И понеже въ тѣхъ обоихъ календаряхъ, говорится въ указѣ: по разсмотрѣніи здѣсь находятся въ прогностикахъ о Нашей имперіи, а особливо о Украйнѣ, нѣкоторые злоумышленные и непристойные пассажи, чѣмъ неразсудительно народъ можетъ легко придти въ какой соблазнъ и сумнѣніе, того ради посланъ указъ нашъ къ помянутому генералъ-лейтенанту, чтобы всѣ тѣ календари въ Кіевѣ сжечь, и ежели иногда гдѣ индѣ такіе же календари у кого явятся, отбирая пожигать, и впредь оныхъ въ границы наши пропускать не велѣть». Въ заключеніе же указа говорится: «а вмѣсто тѣхъ польскихъ календарей могутъ въ Кіевѣ и во всей Украйнѣ употреблять Россійскіе календари, которые издаются въ печать здѣсь, въ Академіи Наукъ» (Сборн. пост. о цензурѣ).

Тайная канцелярія, вѣдѣнію которой принадлежали какія бы то ни было государственныя злоумышленія, въ томъ числѣ конечно и литературныя, среди необъятной массы всякаго рода доносовъ и розысковъ, почти совсѣмъ не находила какихъ-либо преступленій по дѣламъ печати. По крайней мѣрѣ, намъ только и извѣстны два случая слѣдствія, въ которомъ замѣшана книга. Такъ, Волынскій, въ числѣ всѣхъ прочихъ преступленій, взваленныхъ на него, обвинялся между прочимъ въ томъ, что читалъ сочиненіе Юста Липсія, какое именно—неизвѣстно. Второй случай въ видѣ слѣдствія о «Псальмѣ Тредьяковскаго» поражаетъ своимъ абсурдомъ. Это одно изъ тѣхъ «прискорбныхъ недоразумѣній», какія нерѣдко встрѣчаются въ русской жизни до сего дня, но особенно учащаются въ такія смутныя эпохи, какова была бироновщина. Дѣло заключалось въ томъ, что Тредьяковскій ко дню коронаціи Анны Іоановны написалъ оду, начинающуюся такъ:

«Да здравствуетъ днесь императрикcъ Анна...»

Эта ода, подъ названіемъ «Псальма», была напечатана въ типографіи Академіи наукъ съ нотами для пѣнія ея и разошлась по всей Россіи во множествѣ экземпляровъ не только печатныхъ, но и рукописныхъ. Между прочимъ одинъ изъ такихъ рукописныхъ экземпляровъ былъ у священника Костромской губерніи, города Нерехты, Алексѣя Васильева. Священникъ утерялъ его и въ бытность свою 12 мая 1735 г. въ костромскомъ духовномъ правленіи написалъ для памяти начало пѣсни съ тѣмъ, чтобы попросить одного пономаря, нельзя ли ее отыскать въ Костромѣ. Писчикъ духовнаго правленія Семенъ Косогоровъ увидалъ эту записку; его смутило то обстоятельство, что въ ней императрица названа вдругъ императриксъ; онъ увидалъ въ этомъ оскорбленіе высочайшей особы и крикнулъ «слово и дѣло» о злополучномъ священникѣ духовному правленію. Священника сейчасъ же арестовали. Начался допросъ. Оказалось, что предосудительную псальму передалъ ему дьяконъ изъ Нерехты, Савельевъ. Схватили и дьякона, и обоихъ отправили въ Москву въ контору розыскныхъ дѣлъ. Все лѣто и до поздней осени просидѣли священнослужители въ заключеніи, дрожа за свою участь. Уже 23-го сентября 1735 г., начальникъ конторы розыскныхъ дѣлъ Семенъ Солтыковъ писалъ къ Андрею Ушакову о псальмѣ: «которая отъискана и взята къ дѣлу и явилась печатная, сочиненная въ Гамбургѣ, въ которой между прочимъ въ титулѣ ея императорскаго величества явилось напечатано не по формѣ. А признается, что оная напечатана въ Санктъпитербурхѣ въ Академіи Наукъ, того ради не соизволите-ль, ваше превосходительство, приказать оную въ печати освидѣтельствовать, и ежели такъ напечатано, то оныхъ попа и дьякона надлежитъ освободить безъ штрафа»...

Въ Петербургѣ Ушаковъ призвалъ Тредьяковскаго въ тайную канцелярію и потребовалъ отъ него письменнаго отвѣта, повергши его въ немалый трепетъ. Тредьяковскій отвѣчалъ цѣлымъ посланіемъ (отъ 16-го октября 1735 г.), въ кото-

ромъ между прочимъ онъ распространился о свойствахъ пентаметра, какъ главнаго виновника употребленія слова императриксъ. «Первой самой ея стіхъ, пишетъ онъ:—въ которомъ положено слово Імператриксъ, есть пентаметръ, то есть, пять мѣръ, или стопъ имѣющій, и конечно въ Россійскомъ стихотворствѣ одиннадцать слоговъ, ни больше, ни меньше содержащій. Слово сіе Імператриксъ, есть самое подлинное латинское (отъ котораго и нынѣшнее наше сіе, производится, Императрица) и значитъ точно во всей своей высокости: Императрица, въ чемъ я ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые совершенную силу знаютъ въ Латинскомъ языкѣ. Употребилъ я сіе Латинское слово, Імператриксъ, для того, что мѣра стіха сего требовала, ибо лишней бы слогъ былъ въ словѣ Императрица; но что чрезъ оное слово никаковаго нѣтъ урона въ высочайшомъ тітлѣ Ея Імператорскаго Величества, то не токмо Латинскій языкъ довольно меня оправливаетъ, но сверхъ того и стихотворная наука».

Если взять во вниманіе обычную нетороплпвость нашей бюрократіи въ веденіи дѣлъ, особенно такихъ ничтожныхъ, какъ мнимая провинность столь маленькихъ людей, какъ священникъ и дьяконъ нерехтенской церкви, то надо предполагать, что не раньше конца октября или начала ноября были выпущены на свободу злополучные узники, просидѣвъ такимъ образомъ въ заключеніи, вдали отъ родины, около полгода, и все это единственно изъ-за того, что Тредьяковскому вздумалось не совсѣмъ удачно побаловать пентаметромъ *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Развитіе свѣтской литературы и книжной торговли при Елизаветѣ Петровнѣ.—Оппозиція духовенства противъ просвѣтительной дѣятельности Академіи Наукъ и цензурныя мѣры Синода.—Журналъ Миллера. —Доносы на него Тредьяковскаго и Ломоносова.—«Трудолюбивая пчела» Сумарокова; цензурные подкопы подъ нее Ломоносова и борьба Сумарокова съ академическими цензорами.

Мрачныя эпохи, вродѣ той, о которой шла рѣчь въ предыдущей главѣ, не ограничиваются обыкновенно тѣми напастями, какими онѣ разражаются непосредственно: онѣ оставляютъ по себѣ печальныя послѣдствія, отражающіяся иногда на цѣлые десятки лѣтъ. То же самое мы видимъ и послѣ бироновщины. Эпоха эта не прошла въ нашей исторіи безслѣдно: она завѣщала послѣдующимъ двумъ десятилѣтіямъ цѣлое поколѣніе, обезличенное и деморализованное до послѣдней крайности. Казалось бы, что со вступленіемъ на престолъ Елизаветы, всѣ должны бы были поднять голову и вздохнуть свободнѣе. Своеволіе иноземцевъ было въ достаточной мѣрѣ обуздано; русскіе люди пошли вездѣ въ ходъ; на престолъ взошла государыня мягкаго характера и пользовавшаяся всеобщею популярностью. Между тѣмъ, мы видимъ, что общество находится въ томъ же приниженномъ состояніи хронической паники, въ какомъ оно находилось въ предшествовавшее десятилѣтіе. Вы замѣчаете въ немъ полное отсутствіе всякой инициативы и самодѣятельности, раболѣпную покорность, доходящую до подобострастнаго усердія, превышающаго

*) П. Пекарскаго. Ист. Имп. Акад. Наукъ, т. II, стр. 60—63.

всѣ ожиданія и желанія и порою совершенно излишнюю, и въ то же время необузданную страсть къ доносамъ, которые до такой степени успѣли въѣсться въ нравы, что сдѣлались обыденнымъ явленіемъ, никого не смущавшимъ и ни мало не считавшимся зазорнымъ, и, какъ мы увидимъ ниже, даже такія почтенныя личности, стоявшія въ уровнѣ европейской образованности и науки, какъ Ломоносовъ, взапуски подвизались на этомъ доблестномъ поприщѣ.

При видѣ такого трепетно-пресмыкающагося общества, васъ нисколько не удивляетъ, что правительство того времени относится къ нему, какъ къ ребенку, распростирая надъ нимъ свою опеку порою до поразительныхъ мелочей быта. Опека эта принимаетъ такой патріархальный характеръ, что въ книжномъ дѣлѣ правительство не нуждается ни въ какихъ предупредительныхъ или карательныхъ мѣрахъ. Оно ограничивается тѣмъ, что предписываетъ своимъ агентамъ *отбирать* у публики тѣ книги, которыя ей не слѣдуетъ читать, совершенно подобно тому, какъ родитель отбираетъ у своего возлюбленнаго дѣтища вредныя вещи; а еще чаще оно не нуждается и въ отбираніи, а предоставляетъ подданнымъ самимъ представлять начальству то, что имъ не слѣдуетъ имѣть въ своихъ домахъ, и подданные исполняютъ волю начальства съ примѣрною покорностью, превышающую ожиданія, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Такъ осенью 1742 г., императрицѣ Елизаветѣ во время прогулки были представлены два портрета ея и наслѣдника Петра Θеодоровича необыкновенно безобразной гравировки. Вспомнили объ указѣ Петра 1723 г., но оказалось, что за смертью Заруднева, которому было поручено наблюдать за царскими портретами, указъ этотъ оставался безъ всякаго исполненія. И вотъ было предписано,—безобразные портреты *отобрать* и сдать въ сенатъ, и магистрату указано было выбрать для наблюденія за этимъ дѣломъ на будущее время искуснаго мастера вмѣсто умершаго Заруднева, а впредь до выбора наблюденіе поручить живописцу Вишнякову. Черезъ три года изданъ былъ портретъ Елизаветы, гравированный мастеромъ Авиломъ Соколовымъ съ оригинала Каравакки, при высочайшемъ указѣ, чтобы прочіе мастера «дѣлали и писали портреты ея величества на подобіе онаго высочайше опробованнаго», который впрочемъ вышелъ не много лучше прежней лубочной персоны *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица Елизавета, вскорѣ по вступленіи на престолъ, озаботилась уничтожить всѣ печатные слѣды предшествовавшаго царствованія. Какъ ни коротко было время правленія Анны Леопольдовны, но впродолженіе его успѣли издать нѣсколько календарей и святцевъ съ поименованіемъ царствующаго дома, вышли и книги, какъ въ Россіи, такъ и за границей, посвященныя высочайшимъ особамъ. И вотъ 27-го октября 1742 г. вышелъ указъ, чтобы всѣ книги церковныя и гражданскія, «печатанныя по кончинѣ блаженныя памяти императрицы Анны Іоановны для переправленія объявлять». Затѣмъ 19-го августа 1848 года снова вышелъ указъ о томъ, чтобы «книги россійскія и иностранныя, въ которыхъ упоминаются въ бывшихъ два правленія извѣстныя персоны, предъявлять въ десіансъ-академію», а въ 1750 г. опубликовано запрещеніе ввозить въ Россію подобныя книги. (Сборн. росп. и постанов. по цензурѣ).

Указы эти произвели въ публикѣ такой эффектъ, какого по всей вѣроятности начальствующіе люди не ожидали. Благомыслящіе россіяне поняли приказаніе въ такомъ смыслѣ, что слѣдуетъ представлять начальству всѣ книги, какія только

---

*) Русск. нар. картинки Д. Ровинскаго.

кто имѣетъ. И вотъ въ де-сіянсъ Академію и въ Сенатъ начали стекаться цѣлыя кипы книгъ самаго разнообразнаго содержанія, историческія, генеалогическія, географическія, между прочимъ экземпляры какого-то «Гибнерева статскаго лексикона». Во избѣжаніе опасности оставить подданныхъ совсѣмъ безъ всякихъ книгъ, правительству пришлось предпринять мѣры противъ такой излишней покорности, и оно принуждено было издать новый указъ, изъясняющій, что слѣдуетъ представлять однѣ только книги, заключающія въ себѣ имена извѣстныхъ персонъ, а вовсе не всѣ безъ исключенія, особенно же такія, въ которыхъ «не ино что, какъ токмо къ Высочайшей Ея Императорскаго Величества славѣ и къ знанію и обученію исторіи дѣтей напечатано, изъ которыхъ ничего исключать не слѣдуетъ». (Сборн. пост. по цензурѣ).

Синодъ, въ свою очередь, впродолженіе всего царствованія Елизаветы выказываетъ поразительное усердіе въ цензурномъ отношеніи. Такъ, бывшій воспитанникъ духовной Академіи Семенъ Тодорскій, учившійся потомъ за границей и между прочимъ въ Галльскомъ университетѣ, въ бытность свою за границей, перевелъ и напечаталъ сочиненіе д-ра Арнда, главы германской богословской школы піэтистовъ, «Ученіе о началѣ христіанскаго житія». Сочиненіе это было ввезено въ Россію въ нѣсколькихъ экземплярахъ. И вотъ въ началѣ царствованія Елизаветы, въ 1743 году, Синодъ представилъ государынѣ докладъ о необходимости изъять эту книгу изъ обращенія, какъ имѣющую «титулу подъ видомъ ревности къ Богу, аки бы о истинномъ христіанствѣ, добродѣтеляхъ, о прочемъ, а въ Синодѣ оная не свидѣтельствована». Замѣчательно, что въ числѣ членовъ Синода, подписавшихся подъ докладомъ, значится и имя «Симона, архимандрита Ипатскаго» (Семенъ Тодорскій въ монашествѣ былъ нареченъ Симономъ), т. е. самаго переводчика книги, такъ что издатель и переводчикъ книги, въ числѣ прочихъ своихъ сочленовъ по св. Синоду, самъ ходатайствовалъ о запрещеніи своей книги. Но курьезнѣе всего то, что когда 9 декабря 1743 г. получился въ Синодѣ высочайшій указъ объ изъятіи этой книги изъ употребленія, рапортовалъ объ этомъ указѣ по начальству все тотъ же архимандритъ Симонъ. Другой подобный безпримѣрный фактъ ходатайства самого автора объ уничтоженіи своей книги, вы едва ли найдете во всемірной исторіи цензуры.

Далѣе затѣмъ Синодъ снова обратилъ вниманіе на народныя картинки, которыя, несмотря на всѣ вышеприведенныя мѣры Петра, продолжали печататься безъ всякой цензуры. И вотъ указомъ 18-го октября 1744 г. Синодъ подтвердилъ запрещеніе рѣзать такія изображенія и предписалъ, чтобы всѣ рисунки были представляемы на апробацію епархіальныхъ архіереевъ, затѣмъ чтобы и послѣ апробаціи первый оттискъ снова былъ представляемъ архіерею.

Но Синодъ не ограничился однимъ надзоромъ за печатаніемъ духовныхъ изображеній. Онъ вторгся въ самыя крестьянскія избы и подвергъ надзору всѣ висѣвшіе тамъ образа, какъ печатные, такъ и писаные. Этотъ знаменитый указъ Синода 10-го мая 1744 г., поражаетъ насъ, какъ крайняя степень, до какой доходила у насъ правительственная опека въ прошломъ столѣтіи; замѣчательны между прочимъ и мотивы стыда передъ Западомъ, которые въ настоящемъ случаѣ выставляютъ опекуны. Вотъ что предписываетъ этотъ указъ:

Св. пр. Синодъ, разсуждая: «что въ селахъ и деревняхъ въ крестьянскихъ избахъ на полкахъ святыя иконы стоятъ безъ всякаго о чистотѣ оныхъ наблюдательства, и такъ отъ дыму закоптѣли, что и ликовъ не видно; *а понеже многіе иностранные люди по дорогамъ ѣздятъ и становятся для обнощеванія въ крестьянскихъ избахъ, отъ чего имѣетъ быть посмѣяніе;* того ради приказали: отнынѣ поселянамъ черезъ ихъ сельскихъ священни-

ковъ приказать, и впредь тѣмъ священникамъ и посылаемымъ изъ домовъ архіерейскихъ для смотрѣнія церковнаго благочинія смотрѣть, чтобы поселяне святыя иконы въ избахъ своихъ имѣли во всякой чистотѣ, и почасту-бы ихъ обмывали и пыль обметали, а иконы закоптѣлыя велѣть по надлежащему возобновлять; а на которыхъ изображенія весьма не знать, таковыя отобрать приходскимъ священникамъ, учинить опыхъ по правиламъ св. отцовъ, токмо тѣмъ какъ сельскимъ священникамъ, такъ и посылаемымъ изъ домовъ архіерейскихъ ради смотрѣнія благочинія наикрѣпчайше указами подтвердить, чтобы они при осмотрѣ вышепоказанныхъ иконъ поселянамъ никакихъ обидъ и озлобленій отнюдь не причиняли, и никакихъ же взятковъ брать съ нихъ не домогались, подъ опасеніемъ совершеннаго безъ всякой пощады лишенія священства и тяжкаго въ свѣтскомъ судѣ истязанія». (Полн. собр. зак. № 8935. Сборн. отд. р. яз. и сл. им. Ак. наукъ т 27, Русскія нар. картины Д. Ровинскаго, стр. 342).

Люди, сколько-нибудь знакомые съ народнымъ бытомъ и имѣющіе хоть каплю воображенія, легко могутъ представить себѣ, какія комическія, а подъ часъ и глубоко-трагическія сцены совершались по всей Россіи при исполненіи подобнаго указа. Интересно было бы знать, въ какой степени было осуществимо это исполненіе. За неимѣніемъ никакихъ данныхъ, мы ничего не можемъ сказать относительно первой половины указа, но что касается до послѣдней—именно грознаго заключенія о мздоимствѣ, мы можемъ поручиться, что это заключеніе никого не испугало и осталось безъ всякихъ послѣдствій, и, въ концѣ-концовъ, безъ сомнѣнія—указъ составилъ не малую доходную статью для весьма многихъ сельскихъ іереевъ.

Но не ограничиваясь вѣдѣніемъ своей духовной области, Синодъ, какъ мы увидимъ ниже, вмѣшивался и въ дѣла совершенно изъятой изъ его вѣдомства Академіи Наукъ.

Послѣдняя значительно процвѣла и развернула свою дѣятельность, особенно послѣ назначенія въ президенты ея графа Кирила Разумовскаго 21-го мая 1746 г., и введенія новаго устава 1747 г., по которому Академія была раздѣлена на собственно Академію и университетъ, и на содержаніе обоихъ учрежденій было ассигновано 53,298 р., т. е. вдвое болѣе противъ суммы, отпускавшейся при Петрѣ Великомъ (24,912 р.). Съ этого времени, съ каждымъ годомъ Академія начинаетъ обогащаться новыми членами, причемъ появляются академики изъ русскихъ (Крашенинниковъ, Никита Поповъ, Котельниковъ, Румовскій, Софроновъ, Красильниковъ, Козицкій, Мотонисъ). Въ то же время, при увеличеніи въ публикѣ любви къ чтенію книгъ, усиливается и издательская дѣятельность Академіи. До того времени, впродолженіе 30-хъ годовъ, книжная торговля въ Россіи шла такъ туго, и въ академическомъ книжномъ складѣ накопилась такая масса непроданныхъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ, что начальникъ академической канцеляріи Нартовъ, со своимъ секретаремъ Волчковымъ, постановленіемъ Академіи 30-го апрѣля 1743 г., представили на разрѣшеніе Сената устроить обязательную продажу русскихъ книгъ по всему государству не только въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, но и вообще всѣмъ служащимъ, какъ въ гражданской, такъ и въ военной службѣ, которые обязывались волей-неволей покупать въ Академіи книгъ на 5—6 рублей съ каждой получаемой ими сотни рублей жалованья; купцы также должны были участвовать въ этой насильственной покупкѣ «по препорціи своего торгу». Совершенно не то видимъ мы 10 лѣтъ спустя, и особенно въ 50-хъ годахъ. Продажа издававшихся Академіею, и особенно переводныхъ книгъ, не ученаго содержанія, для легкаго чтенія—романовъ, повѣстей, сказокъ—такъ возрасла, что при Академіи учредилась отдѣльная типографія, называвшаяся новой, въ отличіе отъ первоначальной, изъ которой выходили преимущественно ученыя изданія. При основаніи новой

типографіи именно имѣлось въ виду «умножить въ оной печатаніе книгъ, какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной». И вотъ новая типографія въ огромномъ числѣ экземпляровъ печатала такія изданія, какъ Синопсисъ, Троянская исторія, Повѣсть о раззореніи града Іерусалима. Похожденія Жилблаза-де-Сантиланы, Исторія о Кирѣ младшемъ и пр. Бо̀льшая часть переводчиковъ, являвшихся въ академическую канцелярію съ переводами для изданія, были бывшіе воспитанники академическихъ университета и гимназіи, или же лица, служившіе при Академіи Наукъ. Особенное расширеніе подобной издательской дѣятельности началось съ 27-го января 1748 года, когда графъ Разумовскій, во время присутствія въ академической канцеляріи, объявилъ именной ея императорскаго величества изустный указъ, коимъ всемилостивѣйше повелѣно «стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ». Слѣдствіемъ этого указа былъ слѣдующій вызовъ, напечатанный въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1748 г., № 10):

«Понеже многіе изъ россійскихъ, какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей находятся искусны въ чужеземныхъ языкахъ, того ради, по указу ея императорскаго величества, канцелярія Академіи наукъ черезъ сіе охотникамъ объявляетъ, ежели кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго или съ другихъ какихъ языковъ, тѣ-бъ явились въ канцелярію Академіи наукъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что отъ нихъ сперва будутъ пробы взяты ихъ переводовъ, а потомъ буде найдется ихъ искусство къ переводу книгъ, то дана будетъ книга для переводу. А какъ скоро оная будетъ переведена и, переписавъ на чисто, принесена въ канцелярію, то за труды оному по напечатаніи съ его имянемъ, ежели онъ пожелаетъ, выдано ему будетъ въ подарокъ сто печатныхъ экземпляровъ той же книги».

Такимъ образомъ первые гонорары, получавшіеся русскими писателями и переводчиками, представлялись въ видѣ оттисковъ ихъ сочиненій. Но потомъ переводчики стали требовать и денежнаго вознагражденія, а подъ конецъ встрѣчались примѣры и полистной платы. Между лицами, входившими въ подобныя сдѣлки съ академической канцеляріей, встрѣчаются имена Фонвизина, Лукина, А. Нартова и др. Такимъ образомъ здѣсь впервые возникли вопросы о литературной собственности и вознагражденіи за умственный трудъ въ Россіи.

Вся эта масса изданій выпускалась въ свѣтъ подъ отвѣтственностью Академіи Наукъ, внѣ какого-либо контроля свыше. Исключеніе составляли однѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости», которыя, указомъ 18-го марта 1742 г., были подчинены цензурѣ сенатской конторы, потому что «въ печатныхъ въ С.-Петербургѣ Россійскихъ Вѣдомостяхъ Академіи Наукъ являются напечатанныя многія несправедливости. какъ и въ печатныхъ февраля 26-го дня сего года подъ № 17 напечатано, якобы того числа Ея Императорское Величество Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Михаила Бестужева пожаловала кавалеріею Св. Апостола Андрея, каковаго пожалованія отъ Ея Императорскаго Величества не бывало» (Сборн. расп. и постан. по цензурѣ). Но подобный указъ, касаясь лишь однѣхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», нисколько не простирался на всѣ прочія изданія Академіи.

II.

Въ половинѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія дѣятельность Академіи ознаменовалась новымъ предпріятіемъ, весьма важнымъ въ исторіи нашей литературы,

именно изданіемъ перваго учено-литературнаго журнала. Уже съ 1728 г. конференцъ-секретаремъ Академіи Миллеромъ были выпускаемы въ свѣтъ отъ Академіи. въ видѣ приложеній къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», такъ называвшіяся «Примѣчанія». Въ нихъ помѣщались статьи самаго разнороднаго содержанія, оригинальныя и переводныя, изложенныя въ популярной, доступной для публики формѣ. Въ смутный для Академіи Наукъ 1742 годъ (суда надъ Шумахеромъ) «Примѣчанія» эти прекратились и болѣе не возобновлялись; тѣмъ не менѣе они такъ пришлись по вкусу читателей, что долгое время спустя ихъ перепечатывали и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Въ половинѣ 50-хъ годовъ о нихъ вспомнили, и по предложенію президента Академіи Разумовскаго отъ 12-го декабря 1754 г., былъ учрежденъ при Академіи ежемѣсячный журналъ «Санктпетербургскія академическія примѣчанія» (переименованный потомъ въ «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія»). Редакторомъ назначался Миллеръ, вполнѣ самостоятельнымъ, какъ отъ конференціи, такъ и отъ канцеляріи Академіи; статьи, назначаемыя въ журналъ, утверждались къ печатанію его разрѣшительною подписью. Онъ обязывался заботиться о статьяхъ для журнала и о соблюденіи порядка при доставленіи ихъ отъ академиковъ. Въ случаѣ недостатка такихъ статей, книжку журнала дозволялось «дополнять какимъ ни на есть переводомъ, чьимъ бы то ни было, или стихами, въ которыхъ, по усмотрѣнію, соединено будетъ полезное забавному». Такъ какъ журналъ предназначался для большинства читающей публики, то было оговорено, что «изъ высокихъ наукъ, яко то: астрономическихъ наблюденій и исчисленій, изъ физики математическими вычетами изъясняемой, изъ анатомическихъ примѣчаній, которыхъ разумѣть невозможно безъ знанія самой анатоміи, и ничего тому подобнаго въ помянутыя книжки не вносить». Въ то же время было положено исключить вовсе изъ журнала статьи богословскія и вообще всѣ, касающіяся до вѣры, а равнымъ образомъ статьи критическія или такія, которыми могъ бы кто оскорбиться.

Журналъ предположено было издавать ежемѣсячно въ размѣрѣ 6 листовъ въ каждомъ номерѣ и подписная плата была назначена въ 2 рубля, дешевле «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», за которыя годовые подписчики платили 2 р. 50 к. Журналъ первоначально печатался въ количествѣ 2,000 экземпляровъ, но такъ какъ число подписчиковъ никогда не простиралось сверхъ 700, то въ январѣ 1758 г. академическая канцелярія велѣла печатать журналъ въ количествѣ 1,250 экземпляровъ *).

Исторія этого перваго на Руси литературнаго журнала представляетъ весьма печальную картину. Та крайняя деморализація общества, о которой мы выше говорили, не замедлила проявиться во всемъ своемъ безобразіи въ этомъ почтенномъ предпріятіи. Начать съ того, что маленькая кучка людей науки и литературы, составлявшая въ то время все умственное богатство Россіи и которую всю можно было вмѣстить въ небольшую комнатку, была поголовно перессорившись между собою. Всѣ они только и дѣлали, что взаимно препирались и строили другъ-другу всякіе подвохи и каверзы. Сатиры и эпиграмы были самымъ благороднымъ и невиннымъ оружіемъ въ этой борьбѣ. Но противники не ограничивались этимъ: они при всякомъ случаѣ осыпали другъ-друга градомъ ругательствъ и дѣло доходило чуть не до рукопашныхъ схватокъ. Не довольствуясь и этимъ, они вспоминали

---

*) Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ академика П. Пекарскаго. Спб. 1867 г.

годы своей юности, достопамятную эпоху «слова и дѣла», и разражались противъ своихъ враговъ устными или письменными доносами, стараясь очернить политическую благонадежность ближняго. Такъ съ самаго начала существованія Академіи въ нѣдрахъ ея боролись двѣ партіи: русская, съ Ломоносовымъ во главѣ, и нѣмецкая, подъ предводительствомъ Шумахера и Миллера. Но въ то время, какъ нѣмцы были тѣсно сплочены въ одну дружную семью, русскіе столпы науки и литературы всѣ были чуть не на ножахъ другъ съ другомъ. Особенно Ломоносовъ, Тредьяковскій и Сумароковъ кипѣли взаимною непримиримою ненавистью. Это была необузданная вражда литературныхъ самолюбій, которыя, ни мало не скрываясь, свободно проявлялись во всей своей грубой наготѣ. Въ разгарѣ этой борьбы забывались нетолько всѣ приличія нравственныя и культурныя, но и тѣ общественныя, просвѣтительныя цѣли, которымъ была посвящена жизнь и дѣятельность этихъ людей. Дошло дѣло до такого крайняго извращенія, что роли правительства и литераторовъ получились совершенно обратныя тому представленію, какое объ этихъ роляхъ имѣется въ настоящее время. Такъ, мы видимъ, что въ то время, какъ правительство основываетъ журналъ безъ всякихъ политическихъ цѣлей, съ единственнымъ, вполнѣ искреннимъ желаніемъ развить въ обществѣ любовь къ чтенію и образованіе, столпы литературы и науки не только отстраняются отъ этого предпріятія, но и всячески противодѣйствуютъ ему изъ грубо-эгоистическихъ побужденій самаго низменнаго свойства. Правительство желаетъ дать какъ можно болѣе простору для возникающаго предпріятія и не подвергаетъ его никакой цензурѣ, довольствуясь личною отвѣтственностью редактора. Столпы же, какъ увидимъ ниже, всячески хлопочатъ о томъ, какъ бы подвергнуть журналъ наиболѣе строгой цензурѣ.

Что касается до членовъ Академіи, то они отнеслись къ журналу крайне безучастно. Съ самаго начала изданія и до конца Миллеръ не переставалъ жаловаться на малое содѣйствіе ему въ этомъ дѣлѣ со стороны членовъ, что на немъ одномъ лежитъ изданіе журнала; изъ прочихъ же академиковъ мало кто доставлялъ статьи, а переводчики и корректоры такъ плохо исполняли дѣло, что Миллеру приходилось все исправлять самому. Посторонніе сотрудники, каковы Сумароковъ, Ив. Гр. Елагинъ, Херасковъ, А. Нартовъ, Порошинъ, П. Рычковъ, были гораздо усерднѣе, чѣмъ члены Академіи. Впрочемъ нѣкоторыхъ Миллеръ и самъ иногда отстранялъ; такъ напримѣръ, изъ всѣхъ членовъ наибольшее участіе въ журналѣ принялъ было съ начала его изданія Тредьяковскій. Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» были напечатаны двѣ прозаическія статьи его и одно стихотвореніе. Но потомъ Миллеръ сталъ отказывать Тредьяковскому въ помѣщеніи его произведеній, а Тредьяковскій между тѣмъ приготовилъ было нѣсколько сочиненій, въ томъ числѣ «Объ окончаніи нашихъ прилагательныхъ множественныхъ мужскихъ именъ». Тогда Тредьяковскій обратился къ Миллеру съ требованіемъ объясненій:

«По какой бы онъ власти и по чьему повелѣнію, лишаетъ меня моего законнаго права тѣмъ, что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ книжки, и апиробованныхъ не печатаетъ? Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ, какъ будто должнымъ уже и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколько-бъ я его ни спрашивалъ. Гдѣ-жъ то узаконено, продолжаетъ Тредьяковскій, чтобъ члену секретарь не долженъ былъ ничего сказывать? Трудно-бъ терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на моемъ мѣстѣ. Однако, я извнѣ замолчалъ, а внутри раздирался на части!..»

Такая неудача въ помѣщеніи своихъ произведеній въ журналѣ навела Тредьяковскаго на мысль, что Миллеръ не печатаетъ его произведеній изъ личной не-

пріязни къ нему, и вотъ стихотворецъ прибѣгъ къ хитрости. Онъ поручилъ Андрею Нартову, усердному сотруднику «Ежемѣсячныхъ сочиненій», передать свои статьи редактору отъ имени Нартова. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ:

«Сочинилъ я оду, назвавъ ее «Вешнее тепло», и тѣмъ утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ, да и вручилъ конференцъ секретарю посторонними руками. Расхвалена сія ода, и въ книжкахъ напечатана. Хотя-жь мнѣ и посчастливилось въ подставѣ чужого автора, однако сей самый успѣхъ низвергъ меня почитай въ отчаяніе: ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои. Сіе самое испыталъ я и еще двумя пошлыми піесами, изъ которыхъ первая о безпорочности и пріятности деревенскія жизни, а другая о школѣ и червяхъ шолковыхъ. Первая оная такъ типографщиками изгажена, что я въ сомнѣніе пришелъ, не нарочно ли сіе сдѣлано для безчестія мнѣ, можетъ быть, почувствовавши, что она моя. Писалъ я для того письмо къ издателю, и жаловался, что такъ дурно съ сочиненіемъ моимъ поступлено, но онъ, свѣдавъ уже подлиннѣе о мнѣ, уничтожилъ токмо вторую, хотя и прошена была назадъ о шолкѣ»...

Послѣ этого Миллеръ нанесъ еще нѣсколько обидъ горемычному Тредьяковскому. Такъ, 12 мая 1755 г. было занесено въ отчетъ о засѣданіи, что рѣшено напечатать въ журналѣ представленную Сумароковымъ эпистолу, въ которой онъ опровергаетъ разсужденіе Тредьяковскаго о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено на волю Тредьяковскаго сообщить свой отвѣтъ. Миллеръ эпистолу Сумарокова напечаталъ въ августовской книжкѣ съ нѣкоторыми выходками противъ плохого стихотворца, отвѣтъ же Тредьяковскаго не былъ помѣщенъ въ журналѣ. Наконецъ въ протоколѣ академической конференціи 4-го октября Миллеръ записалъ, что за разногласіемъ академиковъ представлены были на усмотрѣніе президента Академіи наукъ стихи Сумарокова и басня Тредьяковскаго. Первые графъ Разумовскій велѣлъ потомъ напечатать въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». О баснѣ же Тредьяковскаго ни запрещенія, ни разрѣшенія отъ президента не послѣдовало, а такъ какъ въ ней есть жесткія выходки противъ русскихъ поэтовъ, которые по малочисленности своей всѣ могли счесть это себѣ за оскорбленіе, то приняли за лучшее не пропускать басни въ печати. При подписаніи этого протокола Тредьяковскій протестовалъ, утверждая, что никакого разногласія членовъ не было, и что Миллеръ не пропускаетъ басни самовольно, а онъ, Тредьяковскій, не признаетъ его власти надъ собою.

Это было послѣднею каплею, переполнившею чашу гнѣва Тредьяковскаго. Убѣдившись послѣ этого, что онъ не въ силахъ бороться съ Миллеромъ въ нѣдрахъ Академіи и заставить послѣдняго печатать его произведенія, Тредьяковскій выступилъ на поприще доноса: 13-го октября 1755 г. онъ подалъ въ Синодъ доношеніе, въ которомъ выступаетъ разомъ противъ двухъ своихъ противниковъ: Миллера и Сумарокова. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ доношеніи:

«Читая сентябрьскую книжку «Ежемѣсячныхъ сочиненій» сего 1755 года, нашелъ я, именованный, въ ней оды духовныя, сочиненныя г. полковникомъ Александромъ Петровымъ Сумароковымъ, между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106, а въ ней увидѣлъ, что она съ осьмыя строфы по первую на десять включительно говоритъ отъ себя, а не изъ псаломника о безконечности вселенныя и дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понежѣ «Ежемѣсячныя книжки» обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ иные могутъ и въ соблазнъ придти; того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію, въ священномъ писаніи вѣщающему, о такой помянутой оды лжи на псаломника покорнѣйше донося, извѣщаю. При отношеніи приложено было пространное изъясненіе, оканчивающееся такимъ образомъ: «но какъ ни есть; только-жь въ псалмѣ 106-мъ не упоминается ниже о возможномъ множествѣ міровъ, а толь меньше еще о дѣйствительной безконечности вселенныя; но токмо изъясняется въ немъ Промыселъ Божій, наводящій на человѣковъ разныя искупленія, и подвергающій ихъ различнымъ бѣдствіямъ, дабы они прибѣгали къ нему, взывали его и боялись, да и прославляли милость его и щедроту».

Надобно думать, что этотъ поступокъ Тредьяковскаго скоро сдѣлался извѣстенъ Сумарокову, потому что 1-го ноября 1755 г. онъ прислалъ въ академическое собраніе бумагу, въ которой было много яростныхъ выходокъ противъ Тредьяковскаго и просьба о недопущеніи его судить на будущее время произведенія разсерженнаго поэта *).

Слѣдуетъ взять при этомъ во вниманіе, что донесеніе Тредьяковскаго имѣло тѣмъ болѣе злостный характеръ, что Тредьяковскій зналъ, куда доносилъ. Не говоря уже о томъ, что Синоду по закону принадлежала цензурная власть надъ всѣмъ, касающемся религіи, Синодъ былъ заклятымъ врагомъ Академіи: духовенство того времени въ учрежденіи Академіи не признавало никакой пользы, а, напротивъ, подозрѣвало одно лишь потрясеніе основъ религіи и постоянно вопило противъ безбожія, будто бы разсѣваемаго въ академическихъ изданіяхъ. Академиковъ громили въ церковныхъ проповѣдяхъ, о чемъ мы можемъ судить по тому, что Ломоносовъ въ 1759 г. въ числѣ преимуществъ академическаго университета полагалъ помѣстить: «духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвящщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ». До какого сильнаго озлобленія противъ науки и ученыхъ доходили духовные чины того времени, можно заключить изъ слѣдующаго анекдота того времени: въ 1749 г., священникъ при церкви св. Самсонія въ Петербургѣ, Симеонъ Лукинъ, узнавъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ гостяхъ находились академическіе граверы, и вообразивъ, что и они принадлежатъ къ ученому сословію, долгомъ счелъ сказать: «я-де ученыхъ людей вездѣ не люблю на смерть: старанія-де и труды изъ такихъ людей происходятъ больше ничего, какъ пустыя враки!» **).

Вотъ въ какой мракъ кромѣшный направилъ Тредьяковскій ядъ своей мести. Синодъ впрочемъ на оду Сумарокова не обратилъ особеннаго вниманія, но во всякомъ случаѣ доношеніе Тредьяковскаго принялъ къ свѣдѣнію и 24-го декабря 1756 г. отнесся въ академическую канцелярію съ бумагою слѣдующаго содержанія: «Усмотрѣно, что между выходами изъ оной Академіи «Ежемѣсячными примѣчаніями» включено въ сочиненія «О величествѣ Божіи размышленія», а кто оныхъ переводитель и съ какого автора, то неизвѣстно... того, ради... послать... указъ, чтобъ о таковомъ сочиненіи, съ какового оное автора и кѣмъ именно переводится, оригиналъ немедленно взнестись къ разсмотрѣнію святѣйшему Синоду»!.. На запросъ, сдѣланный по этому поводу Миллеру, онъ отвѣчалъ, что переводчикомъ статьи, обратившей на себя вниманіе Синода, былъ подпрапорщикъ шляхетнаго кадетскаго корпуса Семенъ Порошинъ, и что онъ переводилъ ту статью изъ собственной своей книги «Увеселеніе разума», которая и нынѣ, прибавилъ Миллеръ въ заключеніе, находится у него, и того для въ канцелярію взнесена мною быть не можетъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ декабрѣ 1756 года послѣдовалъ отъ Синода докладъ на высочайшее имя слѣдующаго содержанія: «Понеже усматриваемъ, что въ ежемѣсячныхъ, изъ санктпетербургской Академіи выходящихъ примѣчаніяхъ не токмо много честнымъ нравамъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго пишется, особенно нѣкоторыя и переводы и сочиненія находятся, многія, а нидѣ и безчисленные міры быти утверждающіе, что и св. писанію, и вѣрѣ христіанской крайне противно есть, и многимъ неутвержденнымъ душамъ причину къ натуралезму и безбожію подаетъ, того ради всеподданнѣйше о семъ донося, нацши

*) Редакторъ сотрудники и цензура въ русскихъ журналахъ Н. Пекарскаго, стр. 15—17, 41—45.

**) Ист. Акад. наукъ П. Пекарскаго, т. II, стр. L.

къ стопамъ вашего императорскаго величества»... Далѣе слѣдуетъ прошеніе—во-первыхъ—о запрещеніи во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, а во-вторыхъ—конфисковать какъ «Ежемѣсячныя сочиненія», такъ и переводъ князя Кантемира сочиненія Фонтенелля о множествѣ міровъ.

Если докладъ этотъ остался безъ послѣдствій, то конечно потому, что какъ Академія вообще, такъ въ особенности Миллеръ со своими «Ежемѣсячными сочиненіями» были подъ особеннымъ покровительствомъ такихъ сильныхъ людей, каковы были графы Разумовскіе, которые, судя по всему, не имѣли ни малѣйшей наклонности ни къ ханжеству, ни къ враждѣ противъ науки и просвѣщенія въ своемъ отечествѣ.

Замѣчательно, что Тредьяковскій послѣ своего доноса не замедлилъ и самъ подвергнуться бичу той же духовной цензуры Синода. Между прочимъ онъ переложилъ псалмы Давида и написалъ книгу подъ заглавіемъ «Ѳеоптія». Сочиненія эти, какъ касающіяся религіи, были представлены на разсмотрѣніе Синода, и 24-го февраля 1755 года выдано было нашему писателю изъ Синода свидѣтельство, въ которомъ значилось, что сочиненія его были разсмотрѣны преосвященнымъ Сильвестромъ архіепископомъ санктпетербургскимъ и шлюссельбургскимъ и архимандритомъ Троицкаго Александровскаго монастыря и преосвященнымъ Гавріиломъ, епископомъ Коломенскимъ и Каширскимъ; и что по прочтеніи тѣхъ книгъ въ оныхъ никакой противности церкви святой не присмотрѣно.

Но напечатать эти сочиненія въ академической типографіи Тредьяковскому не удалось, и онъ въ апрѣлѣ 1757 года обратился съ просьбой въ Синодъ, чтобы ему было разрѣшено напечатать эти книги въ московской синодальной типографіи славянскими буквами, а главное дѣло — въ кредитъ, «и денегъ за напечатаніе, писалъ онъ въ своей просьбѣ, не спрашивать съ меня за нее, пока не выберется сумма, въ кою станутъ матеріалы съ печатаніемъ: ибо я человѣкъ весьма не богатый, такъ что не продавъ книгъ, не могу имѣть надлежащія тоя суммы...»

Синодъ въ уваженіе бѣдности Тредьяковскаго согласился на его ходатайство и послалъ рукопись его для печатанія въ синодальную типографію въ Москву. Тредьяковскій 1-го мая 1757 года написалъ вслѣдствіе того письмо къ справщикамъ «московскія древнія типографіи», въ которомъ чрезвычайно подробно объяснялъ, какъ онъ желаетъ, чтобы печатали его рукопись церковными буквами. Несмотря однако на разрѣшеніе Синода, судьбѣ неугодно было, чтобы Псалтирь и Ѳеоптія Тредьяковскаго были напечатаны. Вмѣсто исполненія синодскаго указа о напечатаніи изъ синодальной типографіи была представлена въ синодъ «выписка о сумнительствахъ въ Ѳеоптіи находящихся»; замѣчательно здѣсь то, что между разными придирками къ Тредьяковскому встрѣчаются обвиненія въ распространеніи нашимъ ревнителемъ чистоты православія мыслей противныхъ св. Писанію, а именно, что онъ въ стихахъ говорилъ, будто земля вертится, а солнце стоитъ, что луна ходитъ вслѣдъ за землею и т. п Между подобными замѣчаніями встрѣчается въ концѣ и такое; «встарь вм. встарину, весьма подло!» Выписка обо всѣхъ этихъ сумнительствахъ произвела свое дѣйствіе: —цензурное опредѣленіе преосвященныхъ Сильвестра и Гавріила, равно какъ и распоряженіе Синода о печатаніи книгъ Тредьяковскаго были отмѣнены и сочиненія Тредьяковскаго были подвергнуты запрещенію. Такимъ образомъ ему самому пришлось нежданно-негаданно испить изъ той самой чаши, которую онъ подносилъ своимъ собратьямъ *).

---

*) Ист. Акад. наукъ П. Пекарскаго, т. II, стр. 203—205.

*

Всѣ эти факты опредѣленно показываютъ намъ, въ чемъ заключалась главная причина враждебнаго отношенія духовенства къ Академіи наукъ и вообще къ свѣтскимъ ученымъ. Придерживаясь буквы св. писанія, духовенство никакъ не могло помириться съ такими истинами науки, какъ существованіе множества міровъ, система Коперника и, упорно держась праотеческихъ астрономическихъ воззрѣній, заключающихся въ томъ, что весь міръ состоитъ въ одномъ земномъ шарѣ, вокругъ котораго вращаются и солнце, и луна и всѣ свѣтила небесныя, въ малѣйшемъ отступленіи отъ этихъ воззрѣній видѣло ересь и колебаніе религіозныхъ основъ. Для пополненія характеристики подобнаго отношенія нашего духовенства XVIII вѣка къ свѣтской наукѣ приводимъ здѣсь кстати еще одинъ фактъ цензурнаго преслѣдованія Синодомъ книги за ея астрономическіе взгляды.

Въ 1858 году студентъ Академіи наукъ Николай Поповскій перевелъ извѣстное сочиненіе Попе «Опытъ о человѣкѣ». Переводъ этотъ былъ исполненъ Поповскимъ по указанію Ломоносова стихами съ прозаическаго французскаго перевода Сплуэтта. Но духовная цензура остановила печатаніе этого изданія, найдя что «издатель оныя книги ни изъ св. Писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей церкви узаконеній ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагаетъ, присовокупляя къ тому и Коперникову систему, такожъ и мнѣнія о множествѣ міровъ, съ св. Писаніемъ совсѣмъ несогласныя».

Тогда графъ Шуваловъ, признававшій книгу Поповскаго «весьма небезполезною учащемуся юношеству» и принявшій ее подъ свое особенное покровительство, передалъ ее для новаго просмотра архіепископу Амвросію, человѣку, «разумъ котораго, по отзыву Новиковскаго словаря о россійскихъ писателяхъ, былъ просвѣщенный, чуждъ суевѣрія и лицемѣрія». Просвѣщенный архіепископъ озаботился, чтобы въ переводѣ Поповскаго не осталось ничего о «множествѣ міровъ, Коперниковой системы и натурализму склоннаго» и выпустилъ массу «сумнительныхъ мѣстъ», замѣченныхъ прежнею цензурою, и кромѣ того призналъ необходимымъ передѣлать нѣсколько стиховъ, ускользнувшихъ отъ вниманія прежняго цензора. Вмѣсто выпущенныхъ стиховъ онъ помѣстилъ свои собственные, заимствовавъ ихъ изъ имѣвшагося у него подъ рукою стихотворнаго перевода Попе аббата Дю-Реналя. Такимъ образомъ были выпущены или замѣнены между прочимъ слѣдующіе стихи, приводимые нами для примѣра, что считалъ просвѣщенный Амвросій предосудительнымъ въ цензурномъ отношеніи:

Хотя тѣмъ мірамъ нѣтъ предѣловъ, ни числа,
Въ которыхъ Богъ свои являетъ намъ дѣла.

Какъ многія живутъ и разны существа
На каждой изъ планетъ для славы божества.

Онъ столько смертному далъ совершеннымъ быть
Сколь много совершенствъ онъ могъ въ себя вмѣстить.

Различными страстьми туда мы и сюда,
Какъ сильнымъ вѣтромъ трость колеблемся всегда.

Превѣчной цѣпи сей, что утвердилъ Творецъ,
Скажи, о, смертный, мнѣ, нашелъ ли ты конецъ.

А вотъ образецъ передѣлокъ:

Которой кожей *волкъ* отъ мраза прежде грѣлся,
Въ ту нынѣ ужъ герой или монархъ одѣлся.

Здѣсь слово волкъ замѣнено словомъ звѣрь.
Стихи:

Ни звѣрской лютостью наполненный тиранъ,
Ни крови жаждущій разбойникъ согражданъ.

измѣнены такъ:

Ни сильный въ державѣ надъ подданными царь,
Ни землю орющій для податей пахарь.

Такъ какъ стихи, вставленные Амвросіемъ, оказались и безъ риомъ, и безъ всякаго размѣра, какъ мы можемъ объ этомъ судить по послѣднему приведенному нами образцу, то Шуваловъ предложилъ Поповскому исправить эти вставленные стихи и согласовать ихъ съ размѣромъ всего сочиненія. Но Поповскій отказался исполнить желаніе куратора и навязать Попе мысли, которыхъ не было въ его «Опытѣ», ссылаясь на трудность подобной работы. Вмѣсто этого, онъ въ первомъ изданіи своего перевода выдѣлилъ цензурные стихи отъ своихъ собственныхъ, напечатавъ первые болѣе крупнымъ шрифтомъ чѣмъ текстъ. Сверхъ того Поповскій предполагалъ объяснить происхожденіе стиховъ, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ въ предисловіи къ книгѣ, но Шуваловъ удержалъ его отъ этого и Поповскій ограничился слѣдующимъ намекомъ въ концѣ предисловія: «Какъ матерія сія нѣжная, то можетъ найтись *кому-нибудь* нѣчто и сомнительное въ разсужденіи нашей религіи, въ чемъ, однако, *справедливый* читатель меня извинитъ для двухъ причинъ: первая, что я не богословъ, и потому простительно мнѣ будетъ, естьли гдѣ не могъ усмотрѣть несходства съ нашею религіею; второе, что я не критикомъ былъ, но переводчикомъ; слѣдовательно, хотя бы и усмотрѣлъ нѣчто противное, однако, *поправлять не имѣлъ никакого права.* Я только старался какъ можно ближе подходить къ французскому переводу; и такъ *сумнительныя* мѣста могутъ больше причтены быть французскому переводчику, которому я слѣдовалъ, нежели мнѣ» *).

Все это показываетъ намъ на неуклонное стремленіе духовенства нашего XVIII вѣка попрать свѣтскую ученость, и если духовенство оказывалось безсильнымъ во всѣхъ своихъ попыткахъ подобнаго рода, то благодаря лишь преобладавшимъ надъ нимъ свѣтскимъ властямъ, которыя стояли во главѣ возникавшаго просвѣщенія въ Россіи и, всячески покровительствуя ему, въ то же время ни мало не раздѣляли фантастическихъ воззрѣній духовныхъ особъ.

III.

Отношенія Ломоносова къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ»**) и редактору ихъ Миллеру нисколько не лучше отношеній Тредьяковскаго и отличаются такимъ же

*) Русскій Архивъ, 1872 г., № VII, стр. 1,311—1,322, ст. Тихонравова «Исторія изданія «Опыты о человѣкѣ», въ переводѣ Поповскаго».

**) Свѣдѣнія объ отношеніяхъ Ломоносова къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» взяты изъ брошюры П. Пекарскаго: «Редакторъ сотрудники и цензура въ русск. журналахъ».

кляузническимъ характеромъ. И здѣсь дѣло начинается съ придирокъ и всякаго рода протестовъ, а кончается доносами. И здѣсь вы видите, что въ основаніи поступковъ Ломоносова лежатъ не какія-либо высшія и безкорыстныя цѣли общественнаго блага, а низменныя побужденьица самаго эгоистическаго свойства. Дѣло заключалось просто въ томъ, что самолюбіе Ломоносова было дважды уязвлено: мало того что обошли его въ назначеніи редакторомъ вновь возникавшаго журнала, но редакторомъ былъ назначенъ заклятой врагъ его, соперникъ и антагонистъ по вопросу о происхожденіи Руси—Миллеръ. Этого не могъ простить Ломоносовъ и съ самаго возникновенія журнала всталъ въ непримиримо враждебныя отношенія къ предпріятію, во всякомъ случаѣ заслуживающему полнаго уваженія. Такъ, при самомъ первомъ обсужденіи академической конференціи характера журнала онъ внесъ предложеніе, чтобы статьи, предназначаемыя въ журналъ подвергать предварительному просмотру академическаго собранія. И въ этомъ случаѣ Тредьяковскій выказалъ себя либеральнѣе Ломоносова, такъ какъ возсталъ противъ подобной предварительной цензуры и совершенно правильно возразилъ, что эта мѣра можетъ подать поводъ къ пререканіямъ и напрасной тратѣ времени. Графъ Разумовскій согласился съ мнѣніемъ Тредьяковскаго и, какъ мы выше видѣли, въ предложеніи академическому собранію 12-го декабря 1754 г. объявилъ, что согласно заключенію академиковъ предполагаемый журналъ подъ названіемъ «Санктпетербургскія академическія примѣчанія» поручается подъ смотрѣніе секретарю конференціи, т. е. Миллеру.

14-го декабря 1754 года Миллеръ прочиталъ въ академическомъ собраніи приготовленное имъ предисловіе къ первой книжкѣ журнала, и чтеніе это было выслушано академиками безъ возраженій. Но мѣсяцъ спустя (11-го января 1755 года), Ломоносовъ потребовалъ корректуры заглавнаго листа и предисловія журнала и заявилъ въ академическомъ собраніи, что «сей титулъ и предисловіе при дворѣ ея императорскаго величества очень раскритикованы и надлежитъ-де оба перемѣнить. А особливо о титулѣ сказалъ онъ, что хотя назвать книгу санктпетербургскими штанами, то сіе таково-жъ прилично будетъ, какъ имя «Примѣчанія», потому что и стихи вноситься будутъ, а стихи-де не примѣчанія».

Миллеръ возражалъ, что журналу дано заглавіе по латинской пословицѣ a potiori fit denominatio, но Ломоносовъ этимъ не удовлетворился и приступилъ къ разбору предисловія. Уже на первой строкѣ ему не понравилось выраженіе «ученые журналы». Миллеръ, отличавшійся по свидѣтельству Шлёцера въ спорахъ язвительностью, защищая въ настоящемъ случаѣ это выраженіе, промолвилъ: «Ежели г. Ломоносовъ то не знаетъ, то надлежитъ-де ему поучиться!» Эти слова окончательно разсердили Ломоносова, и онъ сталъ упрекать Миллера, что онъ его посылаетъ учиться въ школу, «а онъ-де человѣкъ такой, что ему-де съ нимъ равняться никакъ невозможно!» При этомъ Ломоносовъ утверждалъ, что на иностранныхъ языкахъ можно сказать «Journal littéraire, Gelehrte Zeitungen», но по-русски такъ не говорится. Въ споръ вмѣшался Тредьяковскій, утверждая что если говорятъ: ученое собраніе, ученыя дѣла, ученыя письма, то стало быть можно сказать и ученый журналъ. По свидѣтельству Миллера въ продолженіе этихъ пререканій ему много досталось отъ Ломоносова «безчестныхъ порицаній», о которыхъ онъ умалчиваетъ только «для краткости». Свое донесеніе объ этомъ событіи Миллеръ оканчиваетъ догадкою, что «можетъ быть, г. Ломоносовъ недоволенъ тѣмъ, что дѣло сіе положено на меня, и онъ развѣ

думаетъ, что онъ гораздо лучше оное исправлять можетъ». Въ такомъ случаѣ конференцъ-секретарь предлагалъ возложить на Ломоносова обязанности по изданію журнала, «токмо, чтобы онъ обязался, что за нимъ никогда остановки не будетъ...» Если же журналъ останется въ рукахъ его, Миллера, то онъ просилъ, чтобы ему быть внѣ зависимости отъ критики Ломоносова, такъ какъ у него съ нимъ «великая ссора была» по поводу диссертаціи о происхожденіи руссовъ. На этотъ разъ мнѣніе Ломоносова одержало верхъ и журналъ былъ переименованъ въ «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія», и подъ этимъ заглавіемъ журналъ выходилъ до 1758 года, когда заглавіе было снова измѣнено, именно: «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія».

Затѣмъ до марта 1757 года мы не видимъ никакого вмѣшательства Ломоносова въ дѣла журнала. Миллеръ выпускаетъ книжки совершенно самостоятельно и лишь въ сомнительныхъ случаяхъ обращается къ графу Разумовскому, который и разрѣшаетъ эти «нѣкоторыя сумнительства». Но вотъ 1-го марта 1757 г. Ломоносовъ дѣлается членомъ академической канцеляріи, а графъ Разумовскій уѣзжаетъ изъ столицы, и на «Ежемѣсячныя сочиненія» начинаютъ сыпаться мѣры на этотъ разъ уже чисто цензурнаго свойства. Такъ, для мартовской книжки набиралась статья бывшаго академическаго, а тогда синодальнаго переводчика Григорія Полетики: «О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи», и Миллеръ 7-го марта 1757 года просилъ о напечатаніи 100 отдѣльныхъ оттисковъ ея въ вознагражденіе автора. 8-го марта академическая канцелярія вытребовала эту статью Полетики. Въ тотъ же день Миллеръ представилъ туда на предварительное разсмотрѣніе эпиграмму Сумарокова. 11-го марта Ломоносовъ объявилъ Миллеру на словахъ, что статью Полетики «печатать не пристойно, понеже въ оной съ X вѣка послѣ Рождества Христова по XVII вѣкъ ни о какихъ школахъ въ Россіи не упомянуто: а были-де еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ архитекторы, выписанные изъ Италіи; и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ зачалась-де типографія: что́-де все подлежало было описать, и упомянуто-де только о кіевскихъ школахъ, а не о московскихъ. Чего ради надлежитъ сію піэсу выкинуть изъ «Ежемѣсячнаго сочиненія» и на то мѣсто взнесть что-нибудь другое»...

Миллеръ съ своей стороны возразилъ на это: «Когда ни въ какихъ лѣтописяхъ, ниже въ другихъ извѣстіяхъ, которыя г. сочинитель къ сему своему сочиненію употребилъ, какъ я подлинно увѣренъ, не упоминается о школахъ, въ то время бывшихъ, то и отъ него, г. сочинителя, требовать не можно. Иное есть архитектура или практика архитектурная, иное архитектурная школа. Были-де при великихъ князьяхъ московскихъ и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и медики, токмо не было медицинской школы». Затѣмъ Миллеръ, опираясь на первоначальное опредѣленіе, что журналъ долженъ издаваться безъ вмѣшательства канцеляріи, отстаивалъ свое право помѣщать въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» статьи по своему усмотрѣнію.

Но доводы Миллера не убѣдили канцелярію, и 13-го марта онъ получилъ оттуда ордеръ, рѣшительно запрещавшій печатать въ журналѣ статью Полетики и эпиграмму Сумарокова. Вмѣстѣ съ тѣмъ было представлено президенту академіи наукъ о Миллерѣ, какъ объ ослушникѣ его приказаній и вообще о человѣкѣ самомъ безпокойномъ. Миллеръ въ свою очередь обратился къ президенту съ жалобою, въ которой между прочимъ писалъ: «Моя привязанность къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» и стараніе не выказывать публикѣ наши внутренніе раз-

доры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова; но умоляю ваше сіятельство помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе мнѣ будетъ невозможно продолжать мой трудъ»...

Въ настоящемъ случаѣ графъ Разумовскій принялъ сторону Ломоносова: статья Полетики была признана наполненною «многими непристойностями», и Миллеру сдѣлано внушеніе, чтобъ онъ былъ въ полномъ подчиненіи канцеляріи. Какъ слѣдствіе этого внушенія послѣдовало распоряженіе академической канцеляріи, чтобы Миллеръ представлялъ туда заблаговременно списокъ авторовъ и статей, предназначавшихся для каждой вновь выходившей книжки. Но Миллеръ началъ представлять такіе списки уже по выходѣ книжки; тогда академическая канцелярія сдѣлала ему выговоръ въ ордерѣ 2-го іюня 1757 года, на который Миллеръ возразилъ, что не въ состояніи выполнить такого распоряженія: «Каждый мѣсяцъ долженъ состоять изъ шести листовъ печатныхъ, то весьма невозможно знать напередъ, сколько какихъ пьесъ, разными руками писанныхъ, на оныхъ шести листахъ вмѣстится. Иногда случалось, что присылали ко мнѣ со стороны пьесы и переводы уже въ половинѣ мѣсяца съ прошеніемъ, чтобы оные внесть еще въ тотъ же мѣсяцъ. И понеже въ томъ отказать было невозможно, то затѣмъ другія на тотъ мѣсяцъ назначенныя пьесы были оставлены. Иногда приготовлялъ было я матеріи и давалъ оныя переводить, токмо переводы не поспѣли въ надлежащее время»...

Черезъ два года послѣ того надъ Миллеромъ стряслась новая бѣда. Въ это время на итальянскомъ придворномъ театрѣ плѣняла петербургскую публику и въ особенности золотую молодежь танцовщица Сакко. Одинъ изъ ея поклонниковъ, гвардейскій унтеръ-офицеръ Ржевскій, написалъ въ честь ея мадригалъ и передалъ его черезъ академика Попова Миллеру для напечатанія въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Мадригалъ былъ напечатанъ въ февральской книжкѣ журнала и произвелъ большую сенсацію при дворѣ. Дѣло заключалось въ томъ, что, расхваливая красоту и таланты танцовщицы, авторъ заключаетъ свой мадригалъ слѣдующими тремя стихами:

Хоть *нѣкихъ дамъ* языкъ клевещетъ тя хулою,
Но служитъ *зависть ихъ* тебѣ лишь похвалою:
Ты истинно прельщать сердца на свѣтъ рождена.

Очевидно, что здѣсь заключался какой-то намекъ, въ настоящее время непонятный, но въ то время имѣвшій свой таинственный смыслъ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что въ придворныхъ сферахъ стихи произвели бурю. Академическій совѣтникъ Таубертъ тотчасъ же былъ потребованъ ко двору чтобы узнать отъ него объ имени автора. Таубертъ въ свою очередь отнесся къ Миллеру и послѣдній въ тотъ же день отвѣчалъ ему, что и по его мнѣнію стихи также непристойны, если Сакко дѣйствительно находится танцовщицей на придворномъ театрѣ въ Петербургѣ. «Такъ какъ я, писалъ при этомъ Миллеръ, вѣчно сидѣвшій за своимъ рабочимъ столомъ, не посѣщая здѣшняго итальянскаго театра и никогда не слыхивалъ имени Сакко, то и предполагалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ итальянскому театру въ Парижѣ, и что, слѣдовательно, стихи не оригинальные, а переведены съ французскаго. Поэтому-то я нисколько и не затруднялся въ помѣщеніи ихъ въ журналѣ».

Если даже предположить, что это была лишь отговорка со стороны Миллера, то одна возможность подобной отговорки достаточно характеризуетъ нравы того времени. Вы видите, что всѣ культурные элементы находились въ то время въ

такомъ зародышномъ состояніи, что редакторъ единственной въ странѣ газеты и единственнаго журнала могъ допустить невѣдѣніе о существованіи въ столицѣ тѣхъ или другихъ первоклассныхъ актеровъ.

Неизвѣстно, что произошло съ Ржевскимъ послѣ открытія его имени начальству; что же касается Миллера, то академическая канцелярія отнеслась къ нему съ слѣдующимъ опредѣленіемъ: «Понеже въ академическихъ сочиненіяхъ февраля сего 1759 года внесены нѣкоторые стихи неприличные, почему и листъ тотъ перепечатанъ, того ради приказали: прежде отдачи въ станы, какая-бъ о чемъ матерія ни была, первые листы или послѣдпія корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію»...

Такимъ образомъ мы видимъ, что канцелярія окончательно подчинила своему цензурному контролю «Ежемѣсячныя сочиненія» и Ломоносовъ въ качествѣ члена канцеляріи добился-таки того, чего онъ тщетно добивался при возникновеніи журнала въ качествѣ члена академическихъ засѣданій. Но онъ не ограничился однимъ цензурнымъ тяготѣніемъ надъ «Ежемѣсячными сочиненіями». Преслѣдуя Миллера, что называется—не на животъ, а на смерть, онъ дошелъ подобно своему сочлену Тредьяковскому и до доносовъ. Такъ, въ январѣ 1761 г. онъ обратился къ президенту академіи съ представленіемъ, въ которомъ Миллеръ выставляется политическимъ злоумышленникомъ и ненавистникомъ Россіи, старающимся всячески унижать наше отечество. Ломоносовъ указываетъ на то, что Миллеръ получилъ выговоръ отъ конференціи при дворѣ императрицы Елизаветы около ноября 1760 года «за важныя политическія ошибки, *ежели ошибками назвать можно*», прибавляетъ онъ. Ломоносовъ подразумѣваетъ здѣсь статью, помѣщенную въ майской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» 1760 г., подъ заглавіемъ «Извѣстія о запорожскихъ казакахъ», одинъ листъ которой былъ перепечатанъ и нѣсколько словъ исключены.

Далѣе подразумѣвая другую статью, напечатанную въ іюльской книжкѣ 1760 г.: «Извѣстія о находящихся съ западной стороны Каспійскаго моря между Астраханью и рѣкою Куромъ народахъ и земляхъ и о ихъ состояніи въ 1728 г.», Ломоносовъ продолжаетъ: «Иностранная коллегія и безъ того затрудненіе имѣетъ отвѣтствовать о побѣгахъ изъ Запорожья. Въ іюлѣ мѣсяцѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» прошлаго 1760 года, въ примѣчаніи казаковъ Персіи присвояетъ, на что въ иностранной коллегіи негодуютъ»...

Наконецъ, въ томъ же представленіи Ломоносовъ указываетъ на зловредность и другого труда, предпринятаго въ это время Миллеромъ. Въ V части «Sammlung Russischer Geschichte», напечатанной въ 1760 году, Миллеръ помѣстилъ «Versuch einer neueren Geschichte von Russland», который началъ являться въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1761 г., подъ заглавіемъ «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи». Эта была русская исторія послѣ смерти Ѳедора Ивановича, заключавшая въ себѣ царствованіе Бориса Годунова и эпоху самозванцевъ. Извѣстно, что Татищевъ хотѣлъ кончить свою исторію 1613 годомъ въ тѣхъ видахъ, что «явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оные—погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстью несогласно, того ради оное оставляю инымъ для сочиненія»... И вотъ Миллеръ предпринялъ свой трудъ въ видѣ продолженія исторіи Татищева, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи: «Г. Татищеву соизволилось сочиненную имъ исторію прекратить кончиною царя Ѳедора Ивановича, яко послѣ-

дняго изъ варяжскаго колѣна; того ради почелъ я за справедливое зачать съ того времени, гдѣ онъ свой трудъ окончилъ, для приведенія въ нѣкоторое совершенство всей русской исторіи».

Вотъ что говоритъ объ этомъ трудѣ Миллера Ломоносовъ все въ томъ же своемъ представленіи:

«Нетокмо въ «Ежемѣсячныхъ», но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, (Миллеръ) вплетаетъ, по обычаю своему, занозливыя рѣчи. Напримѣръ, описывая чувашу, не могъ пройти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Растригины - самую мрачную часть россійской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было».

Эти выдержки изъ представленія Ломоносова показываютъ намъ, что уже въ то время, при самомъ началѣ развитія литературы и науки въ Россіи доносъ успѣлъ сѣсть на того конька, на который онъ всегда садился и впослѣдствіи: именно на конька горячаго патріотизма и ревностной заботы о томъ, чтобы слава отечества не была помрачена передъ судомъ Запада злоумышленными выставленіями однѣхъ отрицательныхъ сторонъ и опущеніемъ доблестей. Доносъ Ломоносова не замедлилъ оказать свои послѣдствія. Начальство согласилось съ тѣмъ, что русская исторія должна оканчиваться смертью Θедора Ивановича, и что далѣе затѣмъ въ жизни нашего отечества идутъ такіе скандалы, о которыхъ лучше умалчивать. Особенно эпоха самозванцевъ представлялась современникамъ Ломоносова такимъ чернымъ нятномъ въ нашей исторіи, которое слѣдовало обходить и замазывать а не выставлять на позоръ и посмѣшище Запада, изъ тщеславія передъ которымъ, какъ мы видѣли, чистились и обметались образа въ деревенскихъ избахъ. И вотъ отъ конференцъ-министровъ было поручено академической канцеляріи дать дерзкому исторіографу строгій выговоръ съ приказаніемъ, чтобъ впредь такія сумнѣнія печатаны не были. Миллеръ принужденъ былъ прекратить на время печатаніе своего труда.

Послѣ 1761 года случаи принятія цензурныхъ мѣръ противъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» прекращаются. Это обусловливается вступленіемъ на престолъ Екатерины II, которая удостоивала особаго вниманія Миллера. Доказательствомъ этого служитъ сохранившаяся записка Миллера къ Тауберту 21-го октября 1764 г. «Вчера ввечеру, пишетъ Миллеръ:—я получилъ неожиданную милость: ея императорское величество потребовала меня къ себѣ и около часу милостиво разговарива со мною о разнообразныхъ предметахъ. Между прочимъ, она спрашивала меня о продолженіи «Sammlung Russischer Geschichte», и, узнавъ, что теперь отпечатана IX-я часть, соизволила выразить, что это изданіе, съ самаго восшествія ея на престолъ, къ ней болѣе не доставляется, а потому поручила мнѣ озаботиться, чтобы у ней былъ полный экземпляръ, и на будущее время всякой разъ, при выходѣ въ свѣтъ новой части, точно представлять ей. Я обѣщалъ передать о томъ вамъ и теперь исполняю это повелѣніе».

Но въ царствованіе Екатерины «Ежемѣсячныя сочиненія» продолжались недолго, и замѣчательно, что въ прекращеніи ихъ виновникомъ отчасти оказывается все тотъ же Ломоносовъ. 1-го января 1765 года императрица по докладу Бецкаго назначила Миллера въ Москву главнымъ надзирателемъ въ тамошній Воспитательный Домъ. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Миллеръ изъ-

явилъ академической канцеляріи свое желаніе, чтобы «Ежемѣсячныя сочиненія» продолжались и безъ него, для чего обѣщалъ доставить на цѣлый годъ матеріалу для нихъ, и въ слѣдующіе годы содѣйствовать этому. Но Ломоносовъ продолженіе «Ежемѣсячныхъ сочиненій» оспорилъ и вмѣсто нихъ предложилъ издавать экономическія и физическія сочиненія четыре разъ въ годъ, на что всѣ члены согласились. На подлинномъ представленіи Миллера Ломоносовъ написалъ противъ слова *оспорилъ:* «Опять грубость и клевета: иное предложить, а иное оспорить». Дѣло кончилось тѣмъ, чѣмъ всегда оканчиваются у насъ дѣла въ подобныхъ случаяхъ: прекратились «Ежемѣсячныя сочиненія», но не стали издаваться и предполагаемые въ замѣнъ ихъ четвертные сборники ученыхъ статей.

IV.

Совершенно такимъ же цензурнымъ усердіемъ вслѣдствіе необузданнаго и вышедшаго изъ всякихъ предѣловъ самолюбія отличался Ломоносовъ и по отношеніямъ своимъ къ другому существовавшему въ то время журналу, на этотъ разъ не казенному, а частному, именно «Трудолюбивой пчелѣ» Ал. Сумарокова *). Надо замѣтить при этомъ, что до 1759 года, Сумароковъ былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». По свидѣтельству академика Штелинга «бригадиръ Сумароковъ поставилъ даже себѣ закономъ, чтобы безъ присылки его стихотворенія не выходила ни одна ежемѣсячная книжка журнала, потому-то въ каждомъ его мѣсяцѣ, нѣсколько лѣтъ сряду можно найти по одному и по нѣскольку его стихотвореній». Но около 1759 года у Сумарокова произошла какая-то ссора съ Миллеромъ; по крайней мѣрѣ Ломоносовъ въ письмѣ къ Шувалову отъ 19-го января 1761 г. пишетъ о Сумароковѣ: «Тауберта и Миллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, *а не ради общей пользы* (sic!)». Послѣ этой ссоры, въ декабрѣ 1758 г. Сумароковъ подалъ просьбу въ канцелярію Академіи наукъ о разрѣшеніи ему издавать журналъ «для услуги народной». «Что же касается, писалъ онъ въ своей просьбѣ:—до разсмотрѣнія изданій, нѣтъ ли чего въ оныхъ противнаго, сіе могутъ просматривать, ежели благоволено будетъ, тѣ люди, которые просматриваютъ академическія журнальныя изданія, моихъ изданій слогу не касаяся».

Академическая канцелярія съ Таубертомъ въ корню и Ломоносовымъ въ пристяжкѣ тотчасъ же встала преградой для предпріятія Сумарокова, высказавшись противъ его ходатайства. По ея словамъ онъ состоялъ еще должнымъ академической типографіи съ 1748 года, которая и безъ того завалена казенными работами. Кромѣ того «члены канцеляріи, имѣя по должности своей довольно другихъ дѣлъ, въ разсмотрѣніе его піесъ вступать не могутъ. А ежели, паче чаянія, въ оныхъ усмотрѣна будетъ послѣ какая противность, въ такомъ случаѣ кто будетъ въ отвѣтѣ? Но графъ Разумовскій оказался человѣкомъ болѣе либеральнымъ и благосклоннымъ къ развитію литературнаго дѣла чѣмъ ввѣренная его попеченію Академія: онъ разрѣшилъ Сумарокову какъ изданіе «Трудолюбивой пчелы», такъ и печатаніе ея въ академической типографіи, хотя конечно это обусловливалось и тѣмъ, что Сумароковъ принадлежалъ къ партіи графовъ Разумовскихъ, сторонниковъ великой княгини Екатерины и противниковъ елизаветинскаго фаворита гр. Шувалова.

---

*) Исторія Академіи наукъ, П. Пекарскаго, т. II, стр. 650—660.

Замѣчательно, что Сумароковъ рѣшился даже посвятить свой журналъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ стихахъ, въ которыхъ говорилось:

Умомъ и красотой, и милостью богиня,
О просвѣщенная великая княгиня...
. . . .
Возвысь сей низкій трудъ примѣрами ея
И покровительствомъ Минерва будь моя!

Надо обратить вниманіе на то, что великая княгиня была въ это время въ немилости императрицы Елизаветы и почти въ открытомъ разладѣ съ великимъ княземъ, такъ что напечатать подобное посвященіе было своего рода мужествомъ со стороны Сумарокова. Это одно придавало журналу «Трудолюбивой пчелѣ» оппозиціонный характеръ и помимо всякихъ личныхъ счетовъ дѣлало его ненавистнымъ въ глазахъ всѣхъ приверженцевъ графовъ Шуваловыхъ, въ томъ числѣ и Ломоносова.

«Трудолюбивая пчела» печаталась въ количествѣ 800 экземпляровъ. При началѣ изданія Таубертъ писалъ къ академику по каѳедрѣ астрономіи Никитѣ Попову, что «его сіятельство, Академіи наукъ г. президентъ, по доношенію бригадира Сумарокова, приказать изволилъ: издаваемый имъ помѣсячно журналъ печатать въ академической типографіи и вносимыя въ оный піесы, прежде печатанія, просматривать вамъ, и если усмотрѣно будетъ вами, что противное въ дѣлѣ, а не въ слогѣ, то напоминать о семъ издателю».

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ Сумароковъ подалъ доношеніе на своего цензора, причемъ въ бранныхъ выраженіяхъ обвинялъ его въ нетрезвой жизни:

«Не первой пьяница, писалъ онъ:—меня уже изъ ученыхъ пьяницъ обидитъ. Есть еще такой же Барковъ и другіе, о которыхъ Академія не меньше меня извѣстна. Я прошу только нижайше всѣхъ господъ присутствующихъ по канцеляріи, никого для подозрѣнія не исключая, чтобы приказали мнѣ цензоромъ, да и то не въ складѣ, опредѣлить не пьяницу; ибо отъ пьянства профессора Попова мнѣ дѣлается въ изданіи моего журнала остановка, и чтобъ канцелярія Академіи наукъ благоволила мнѣ сдѣлать милость и назначить безъ замедленія времени другого цензора, потому что журналъ по тѣмъ правамъ, безъ данной отъ меня причины, не нарушивъ правосудія, остановленъ быть не долженъ. *А что онъ подчеркивалъ, то ясно доказываетъ о его, во время просматриванія, состояніи.* Бригадиръ Александръ Сумароковъ *). Апрѣля 22-го дня 1759 года».

Гр. Разумовскій и на этотъ разъ выразилъ свою благосклонность къ Сумарокову и того же 22-го апрѣля распорядился о порученіи должности цензора «Трудолюбивой пчелы» математикамъ Котельникову и Румовскому. Къ послѣднему написано было:

«Понеже нынѣ оный г. бригадиръ Сумароковъ чрезъ доношеніе канцеляріи представилъ на онаго профессора Попова великія свои неудовольствія, того ради въ канцеляріи Академіи наукъ опредѣлено: пока оное его доношеніе разсмотрѣно быть имѣетъ, чтобъ въ печатаніи оныхъ не учинить остановки, оныя издаваемыя на май мѣсяцъ піесы читать вамъ обще съ г. профессоромъ Котельниковымъ, кои и имѣютъ быть къ вамъ присланы прямо отъ него, г. Сумарокова»..

Въ іюнѣ 1759 г. Поповъ, узнавъ о взведенныхъ на него Сумароковымъ обвиненіяхъ, просилъ канцелярію: «Отъ такихъ наглыхъ и напрасныхъ ругательствъ и безчестій, меня отъ сея сильныя руки г. бригадира Сумарокова защитить и доставить мнѣ за то достойную састифакцію по указамъ», а 19-го іюня и Котельниковъ просилъ но тщетно объ увольненіи его отъ цензорства журнала Сума-

*) Курсивомъ обозначена собственноручная приписка Сумарокова.

рокова: «Его высокородіе писалъ между прочимъ Котельниковъ:—о моихъ представленіяхъ великое показываетъ неудовольствіе. И для того, опасаяся ссоры и отъ того худыхъ послѣдствій, принужденъ я многія вещи безъ поправки пропускать, ибо его высокородіе отнюдь не хочетъ ничего въ оныхъ сочиненіяхъ допустить поправить».

Надо полагать, что недовольство Сумарокова цензоромъ Поповымъ заключалось не въ одномъ пьянствѣ послѣдняго. Это была одна формальная ширма обвиненія, за которою скрывалось нѣчто совершенно иное. Несомнѣнно, что академикъ Поповъ былъ назначенъ академическою канцеляріею цензоромъ «Трудолюбивой пчелы» не безъ вліянія Ломоносова и можетъ быть съ спеціальной цѣлью обуздывать Сумарокова въ его выходкахъ противъ самолюбиваго холмогорскаго одописца. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что съ устраненіемъ Попова съ майской же книжки «Трудолюбивой пчелы» начинаются всевозможныя вылазки противъ Ломоносова, чего до того времени не было. Такъ Сумароковъ напалъ на Ломоносова за его грамматическія правила, началъ оспаривать окончанія именъ прилагательныхъ мужскаго рода множественнаго числа на *е*, утверждая, что они должны оканчиваться на *я* и въ концѣ концовъ дошелъ до полнаго отрицанія грамматикъ. «Я, писалъ Сумароковъ:—по единому только собственному моему произволенію никакихъ себѣ правилъ не предписываю, и нетолько другимъ, но и самому себѣ въ грамматикѣ законодавцемъ быть не дерзаю, памятуя то, что грамматика повинуется языку, а не языкъ грамматикѣ»...

Въ іюльской книжкѣ «Трудолюбивой пчелы» явилась статья Тредьяковскаго «О мозаикѣ», въ которой въ заключеніе, явно въ пику Ломоносову, хлопотавшему въ это время о полученіи казенныхъ заказовъ для его стеклянпаго завода, говорится: «Живопись, производимая малеваньемъ, весьма превосходнѣе мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ автора, ибо невозможно, говоритъ онъ, подражать совершенно камешками и стыклышками всѣмъ красотамъ и пріятностямъ, изображеннымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла или стѣнѣ такъ называемою фрескою изъ воды по сырой извести».

Наконецъ Сумароковъ приготовилъ къ печати нѣсколько пародій на оды Ломоносова подъ заглавіемъ «Вздорныя оды». Пародіи эти были самаго невиннаго содержанія, но они очень мѣтко осмѣивали пареніе Ломоносова, его трескучіе стихи и гиперболическія сравненія и уподобленія. Вотъ двѣ выдержки изъ нихъ:

Громъ, молніи и вѣчны льдины,
Моря и озера шумятъ,
Везувій мещетъ изъ средины
Въ подсолнечну горящій адъ.
Съ востока вѣчно дымъ восходитъ,
Ужасны облака возводитъ
И тьмою кроетъ горизонтъ.
Ефесъ горитъ, Дамаскъ пылаетъ,
Тремя Церберъ гортаньми лаетъ,
Средьземный возжигаетъ понтъ.
Претяжкою ступилъ ногою
На Пико яростный Титанъ,
И, поскользнувшися, другою
Во грозный льдистый Океанъ,
Ногами онъ лишь только въ мірѣ,
Главу скрываетъ онъ въ ефирѣ,
Касаясь ею небесамъ.

Весь ротъ я, Музы, разѣваю,
И столько хитро воспѣваю,
Что пѣсни не пойму и самъ...

Въ третьей вздорной одѣ слѣдующій куплетъ содержитъ явный намекъ на пьянство Ломоносова:

Въ безоблачной странѣ несуся,
Напившись ипокренскихъ водъ,
И, ихъ напившися, трясуся,
Производитель громкихъ одъ!
Ослабли гордые нынь ямбы.
Ослабли пышны дитирамбы.
О, Бахусъ, толь награда мнѣ?
Орфей, ты больше не трясися;
Возникни, Муза, вознесися,
Греми въ безоблачной странѣ!.. и т. д.

Узнавши объ этихъ пародіяхъ, Ломоносовъ отнесся тотчасъ же къ президенту Академіи съ просьбою объ ихъ запрещеніи и самъ сверхъ назначенныхъ цензоровъ началъ цензоровать «Трудолюбивую пчелу». Такъ онъ остановилъ печатаніе «Вздорныхъ одъ» и послалъ въ типографію слѣдующее распоряженіе: «Его сіятельство «Вздорныхъ одъ» вносить не приказалъ, что велѣть исполнить Барсову» (корректору академической типографіи).

Что касается до статьи Тредьяковскаго «О мозаикѣ», то она вывела Ломоносова совсѣмъ изъ себя, и онъ обратился къ И. Шувалову съ жалобою 8-го іюля 1759 г.

«При семъ, писалъ онъ: — не могу преминуть, чтобы не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ «Трудолюбивой», такъ называемой, «Пчелѣ» напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тредьяковскій совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостью, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлый комплотъ: Тредьяковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу», Таубертъ далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть ваше высокопревосходительство можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покою, не преставая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ! Умилосердитесь надо мною, милостивый государь, освободите меня отъ такихъ нападковъ, которые, меня огорчая, не даютъ мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія; но токмо всеуниженно прошу оправданъ быть передъ свѣтомъ высочайшею конфирмаціею докладу отъ правительствующаго Сената, о украшеніи Петропавловской церкви, чего цѣлый годъ ожидая, претерпѣваю, сверхъ моего разоренія, посмѣяніе и ругательство. Ваше сильное ходатайство можетъ меня отъ всего скоро избавить и увѣрить меня о непремѣнной милости, которою за особливое счастіе и честь въ жизни моей почитаю».

Сумарковъ въ свою очередь обратился съ жалобами на самовольное цензорство Ломоносова 15-го ноября 1759 года къ тому же И. Шувалову.

«Сочиненій мнѣ никакихъ больше въ народъ пускать невозможно, писалъ онъ: — ибо Ломоносовъ останавливаетъ у меня ихъ и принуждаетъ имѣть непрестанныя хлопоты, а онъ и истецъ, и судья, а мнѣ, чтобъ я всему міру не открылъ его крайняго въ словесныхъ наукахъ невѣжества, крайній злодѣй; а его почти всѣ при Академіи боятся и ему противу воли угождаютъ. Сихъ ради причинъ нельзя мнѣ ничего сочинять, ибо ничего безъ множества хлопотъ напечатать неудобно. Избраны цензоры не знаю для чего, чему и президентъ дивится. а что они подпишутъ, то еще Ломоносовъ просматриваетъ, приказывая корректору всякой листъ моихъ изданій къ себѣ взносить, и что ему не покажется, то именемъ канцеляріи останавливать, а я печатаю не по указу и плачу деньги»...

При такихъ цензурныхъ условіяхъ, естественно, что «Трудолюбивая пчела» не могла просуществовать больше года.

V.

Со смертью императрицы Елисаветы кончается второй періодъ исторіи нашей прессы равно и цензурныхъ отношеній къ ней со стороны правительства. Теперь намъ остается лишь подвести итогъ и на основаніи вышеизложеннаго сдѣлать общую характеристику прессы и цензуры въ этотъ періодъ.

Главное и существенное отличіе этого періода заключается въ томъ, что пресса во все это время находилась всецѣло въ рукахъ правительства, т. е. была прессою казенно-оффиціальною. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что правительство принимало на себя покровительственную роль по отношенію къ прессѣ. Къ этому побуждали его не однѣ высшія просвѣтительныя цѣли, но и чисто экономическія. Являясь содержателемъ типографій, правительство нуждалось, чтобъ эти типографіи не стояли безъ дѣла, а роботали и приносили казнѣ доходъ. И вотъ правительство черезъ своихъ агентовъ предпринимаетъ изданіе газеты, журнала и всякаго рода книгъ учебнаго и литературнаго содержанія. Такъ какъ сбытъ книгъ является сначала очень ничтоженъ, то правительство прибѣгаетъ къ насильственной продажѣ книгъ, вводитъ нѣчто въ родѣ книжнаго налога. Затѣмъ по мѣрѣ того какъ общество пріохочивается къ чтенію, сбытъ книгъ не нуждается болѣе въ принудительныхъ мѣрахъ, книжное дѣло ростетъ; для производства ихъ оказывается недостаточно казенныхъ авторовъ и переводчиковъ, и правительство призываетъ частныхъ образованныхъ людей къ свободному содѣйствію ему въ производствѣ книгъ. Въ концѣ же этого періода типографіи, не ограничиваясь казенными работами, все болѣе и болѣе начинаютъ заваливаться частными заказами всякаго рода литературныхъ предпріятій, такъ что принуждены бываютъ подчасъ отказывать авторамъ за невозможностью удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно начинаетъ ощущаться потребность въ заведеніи частныхъ типографій, съ чего, какъ мы ниже увидимъ, и начинается новый періодъ исторіи нашей прессы.

Очень понятно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ правительство не имѣло ни малѣйшей нужды въ какихъ-либо особенныхъ цензурныхъ вѣдомствахъ. Надзоръ за всѣми духовными сочиненіями былъ ввѣренъ Синоду, причемъ книги предлагались на разсмотрѣніе тому или другому члену духовнаго коллегіума, который и рѣшалъ, можно ли допустить книгу къ печати или нельзя. Въ рѣдкихъ случаяхъ Синодъ дѣлалъ докладъ на высочайшее имя объ изъятіи изъ употребленія той или другой книги вредной въ религіозномъ отношеніи. Что же касается свѣтскихъ книгъ, то за исключеніемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», печатаніе которыхъ было подвергнуто высшему контролю Сената, отвѣственность за ихъ благонадежность лежала на Академіи наукъ, и здѣсь мы встрѣчаемъ въ цензурномъ отношеніи совершенный хаосъ, полное отсутствіе какихъ-либо установленныхъ правилъ. Въ однихъ случаяхъ члены академіи издаютъ книги или выпускаютъ періодическія изданія подъ своею личною отвѣтственностью, не подчиняясь никакому постороннему надзору, въ другихъ—рѣшаетъ вопросъ о печатаніи или непечатаніи академическая конференція, въ третьихъ—книга дается на просмотръ тому или другому академику по выбору академической канцеляріи, въ четвертыхъ—сама академическая канцелярія принимаетъ на себя роль цензуры; иногда вопросъ о печатаніи книги представляется на усмотрѣніе президента Академіи,

иногда же тотъ или другой академикъ безъ всякаго приглашенія самовольно принимаетъ на себя роль цензора, требуетъ изъ типографіи корректуру и начинаетъ вычеркивать изъ нея что вздумается, или же пишетъ доношеніе президенту Академіи, въ Сенатъ, Синодъ и выше. Въ то же время и самое понятіе о томъ, что̀ такое цензура, какіе предметы и вопросы подлежатъ ея усмотрѣнію, а какіе выходятъ изъ круга ея надзора, представлялось очень смутнымъ и неопредѣленнымъ. Когда рѣшался вопросъ о томъ, печатать или не печатать книгу, дѣло шло очень часто не только о ея политической благонадежности, но и вообще о научныхъ и литературныхъ достоинствахъ, такъ что слово цензура вполнѣ отождествлялось со словомъ критика, и Академія далеко выходила изъ предѣловъ цензурныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова: это была скорѣе коллективная редакція, завѣдующая издательскимъ дѣломъ, чѣмъ цензурное вѣдомство. Члены Академіи, которымъ поручался просмотръ книгъ, допускали себѣ очень часто выправку слога разсматриваемаго сочиненія или исправленіе грамматическихъ ошибокъ, считая и это дѣло въ вѣдѣніи цензуры; не даромъ Сумароковъ при просьбѣ о назначеніи цензоровъ для своей «Трудолюбивой пчелы» поставилъ особенно на видъ, чтобы эти цензора слога его сочиненія не касались, а Таубертъ со своей стороны при назначеніи цензоромъ «Трудолюбивой пчелы» Попова, подтверждаетъ ему это условіе издателя.

Такъ какъ производителями книгъ являются сами члены Академіи или люди, хотя и не принадлежавшіе къ Академіи, но такъ или иначе связанные съ ея книжнымъ дѣломъ и группировавшіеся вокругъ нея, то цензурное вѣдѣніе Академіи волею-неволею принимало видъ взаимнаго самоцензорованія, что, при отсутствіи всякой регламентаціи и открывало широкій доступъ для всевозможныхъ интригъ, кляузъ и взаимныхъ подсиживаній. Вслѣдствіе этого и принимая къ тому же въ разсчетъ деморализацію общества, о которой мы говорили выше, книжное дѣло и представляло въ то время такую извращенную картину, что высшее начальство являлось гораздо благосклоннѣе и терпимѣе въ цензурномъ отношеніи, чѣмъ сами литераторы, являвшіеся по отношенію другъ къ другу самыми строгими, придирчивыми и нетерпимыми цензорами. Въ то время какъ они только и дѣлали, что подвергали сочиненія другъ друга самовольной цензурѣ или писали одинъ на другого доношенія, начальство не прибѣгало ни къ какимъ карательнымъ мѣрамъ за печатныя погрѣшности. Во весь этотъ періодъ, не исключая даже и грозной эпохи бироновщины, мы не видимъ ни одного случая, чтобы какой-либо авторъ подвергся судебному или административному взысканію за свои сочиненія. Все преслѣдованіе ограничивалось тѣмъ, что книга не допускалась къ печати или, если была уже отпечатана и выпущена въ свѣтъ, изымалась изъ употребленія и уничтожалась; авторы, люди по большей части служебные, получали иногда при этомъ выговоры отъ начальства, чѣмъ дѣло и ограничивалось. Правда, эта мягкость правительства къ печатнымъ провинностямъ, во всякомъ случаѣ какъ мы выше видѣли, очень рѣдкимъ, главнымъ образомъ обусловливалась полнымъ отсутствіемъ нетолько оппозиціонной, но сколько-нибудь самостоятельной мысли въ обществѣ. Находясь въ рукахъ правительства, литература, производители которой были почти подрядъ служащіе чиновники, естественно представляла полную солидарность со всѣми видами правительства. Никому и въ голову не могло придти прекословить волѣ начальства, особенно печатно. Могли случаться лишь случайныя недоразумѣнія и «сумнительства», какъ тогда выражались, которыя сейчасъ же начальствомъ и разрѣшались безъ

всякаго шума. Однимъ словомъ, съ цензурной точки зрѣнія, весь этотъ періодъ преемниковъ Петра, кончая Елизаветой, можетъ представляться своего рода потеряннымъ раемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Появленіе самостоятельной интеллигенціи въ эпоху Екатерины и переходъ прессы изъ правительственныхъ сферъ въ частныя.—Забота правительства о надзорѣ за выпискою и продажею иностранныхъ книгъ.—Разрѣшеніе первой вольной типографіи Гартунга.—Указъ 1783 года о вольныхъ типографіяхъ.—Характеръ полицейскаго надзора за книгопечатаніемъ и цензура Управы Благочинія.—Оппозиція Москвы.—Исторія съ драмою Николева «Сорена и Замиръ».

I.

Какъ ни громки были побѣды, ознаменовавшія вѣкъ Екатерины Великой, какъ ни блестящи завоеванія, какъ ни важны для своего времени реформы во внутреннемъ правленіи, но наибольшее значеніе въ глазахъ потомковъ будетъ всегда имѣть одинъ громаднаго значенія фактъ, совершившійся въ эту эпоху исторической жизни русскаго народа, фактъ, который одинъ способенъ сдѣлать этотъ періодъ истинно великимъ: именно — пробужденіе самостоятельной, критической мысли въ русскомъ обществѣ и переходъ умственнаго движенія страны изъ оффиціальныхъ сферъ въ частныя. Въ царствованіе Екатерины, однимъ словомъ, впервые интеллигенція является самостоятельною и самодѣятельною силою.

Правительство само всячески покровительствовало и содѣйствовало зарожденію этой силы. Оно принуждено было къ этому силою историческихъ обстоятельствъ: разъ Россія была введена въ союзъ европейскихъ народовъ, она по необходимости должна была стремиться встать въ одномъ уровнѣ съ ними, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи; къ этому побуждало ее не одно національное тщеславіе въ видѣ побужденія ничѣмъ «не осрамиться передъ Европою», но и естественное чувство самосохраненія: въ это время въ Европѣ все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе, подтверждаемое рядомъ осязательныхъ фактовъ, что просвѣщеніе не есть одно фривольное украшеніе націй, но составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ основу и матеріальнаго могущества каждаго государства. Науки и искусства начинали уже въ то время производить такія чудеса, пользоваться которыми могли одни просвѣщенные люди, а безъ этихъ чудесъ нація находилась въ такомъ же безпомощномъ положеніи, въ какомъ могутъ чувствовать себя лишь полуодѣтые и вооруженные первобытнымъ дрекольемъ дикари среди арміи, вооруженной и дисциплинированной по всѣмъ правиламъ современной стратегіи. Такимъ образомъ, вопросъ о размноженіи просвѣщенныхъ людей въ странѣ былъ своего рода вопросомъ жизни. Не подозрѣвали въ то время лишь одного: что просвѣщенные люди могутъ имѣть претензію мыслить независимо отъ предначертаній свыше, и что разъ они составляютъ солидную массу, они сливаются въ общественную силу, могущую имѣть самостоятельное вліяніе на ходъ развитія страны и на всѣ ея историческія судьбы.

Все царствованіе Елизаветы было подготовительнымъ періодомъ къ созданію

въ Россіи интеллигентной силы. Къ этому клонилась просвѣтительная дѣятельность Академіи наукъ, а къ ней присоединилось съ 1756 года еще болѣе могучее вліяніе вновь возникшаго Московскаго университета. Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Елизаветы производство книгъ было такъ уже велико, что существовавшія въ то время казенныя типографіи не въ состояніи уже были удовлетворить всѣмъ заказамъ. Въ то-же время, кромѣ академической книжной лавки, начали открываться частныя, владѣльцы которыхъ, играя роль коммисіонеровъ по отношенію къ Академіи наукъ и Московскому университету, въ то же время занимались выпискою и продажею заграничныхъ книгъ въ большомъ количествѣ. Книги же эти были по преимуществу французскія: творенія Вольтера, Руссо, Дидро. и прочихъ представителей философскаго движенія XVIII вѣка, которое увлекши за собою всю Европу, не замедлило оказать свое могучее вліяніе и на русскіе умы. До какой степени доходило увлеченіе энциклопедистами въ это время въ Россіи, и при томъ не въ однихъ придворныхъ кружкахъ, а и въ частныхъ общественныхъ сферахъ, это мы можемъ судить потому, что въ 1767 году въ Москвѣ возникло цѣлое общество для перевода статей изъ Энциклопедіи, состоявшее изъ заслуженныхъ знатныхъ людей, профессоровъ и молодыхъ людей лучшихъ фамилій.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, покровительственная система правительства по отношенію къ созданію интеллигентной силы еще болѣе пускается въ ходъ и доходитъ до своего максимума. Не говоря уже о личномъ участіи Екатерины въ великомъ движеніи вѣка, о ея сношеніяхъ съ энциклопедистами, о ея литературныхъ трудахъ, о массѣ всякаго рода проектовъ и учрежденій, имѣвшихъ въ виду самыя широкія просвѣтительныя цѣли (русское отдѣленіе Академіи наукъ, воспитательный домъ, институты, гимназіи, приходскія училища), одни такіе факты. какъ созывъ депутатской коммиссіи въ 1766 году и изданіе «Наказа», должны были имѣть самое рѣшительное вліяніе на пробужденіе общественной мысли и развитіе въ ней сомостоятельности.

Но тотъ же самый вѣкъ, который ознаменовалъ себя созданіемъ интеллигентной силы въ Россіи, былъ вѣкомъ и радикальнаго перелома въ отношеніяхъ къ ней со стороны правительства. Покровительственная система, дойдя до своего крайняго напряженія, въ одинъ прекрасный день, сразу рушится безъ возврата. Создавши интеллигентную силу, правительство вдругъ испугалось ея, словно какого-нибудь опрометчиво вызваннаго призрака, и, несмотря на то, что это былъ едва лепечущій младенецъ, оно немедленно же подвергло его ожесточеннымъ преслѣдованіямъ. Разгаръ французской революціи еще болѣе обострилъ это враждебное отношеніе. Въ концѣ прошлаго столѣтія дошло дѣло, какъ мы увидимъ, до того, что каждый человѣкъ, имѣющій дѣло съ книгами, этимъ однимъ уже казался подозрительнымъ и опаснымъ и рисковалъ проѣхаться въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя.

Сообразно этому перелому, раздѣляющему эпоху 1762—1802 на два рѣзко-противоположные періода, мы видимъ, что и судьба прессы, тѣсно связанная съ судьбами интеллигенціи, подвергается той же пертурбаціи. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, пресса вступаетъ въ новый періодъ своего развитія. Вмѣстѣ съ нарожденіемъ интеллигентной силы и умственной самостоятельности общества, она переходитъ изъ оффиціальныхъ сферъ на почву частной предпріимчивости. дѣлается такимъ образомъ достояніемъ общества, развитіе ея быстро доходитъ до размѣровъ небывалыхъ до того времени; контролю подвергается она самому ничтожному, почти фиктивному. Но затѣмъ съ одного маху правительство почти

совсѣмъ уничтожаетъ ее и ставитъ въ условія существованія совершенно невозможныя. Вотъ картиной-то этого перелома, обусловливающаго собою обособленіе цензуры, какъ спеціальнаго учрежденія, бдящаго надъ прессою, мы теперь и займемся.

II.

Въ первые девять лѣтъ царствованія Екатерины II, какъ пресса, такъ и цензура оставалась все при тѣхъ же порядкахъ, какіе мы видѣли при Елизаветѣ. Разница заключалась только въ томъ, что Петербургъ совершенно оскудѣлъ по части періодическихъ изданій; послѣ 1764 года, въ который прекратились «Ежемѣсячныя сочиненія», въ немъ только и издавались одни «С.-Петербургскія Вѣдомости», и такое оскудѣніе продолжалось до 1768 года. Журналистика въ это время процвѣтала въ Москвѣ. Здѣсь выходили: «Полезное увеселеніе» Хераскова (съ января 1760 по іюнь 1762 г.), «Свободные часы» Хераскова же (1763 г.), «Невинное упражненіе» Богдановича (съ января по іюнь 1763 г.), «Доброе намѣреніе» Санковскаго (1764), «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знаній и къ произведенію удовольствія» профессора Вейхеля (1762 г.), наконецъ «Московскія Вѣдомости» (1756 г.). Всѣ эти изданія группировались вокругъ университета, въ которомъ служили Херасковъ и Богдановичъ и гдѣ учился Санковскій, и печатались въ университетской типографіи, подъ наблюденіемъ того или другого изъ профессоровъ. На сколько строга была эта университетская цензура и что она преслѣдовала или вымарывала, объ этомъ у насъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Что же касается до правительства, то на второй же годъ царствованія Екатерины, оно озаботилось надзоромъ надъ выпискою иностранныхъ книгъ изъ заграницы, и 6-го сентября 1763 г. былъ изданъ слѣдующаго рода весьма характерный собственноручный указъ государыни:

«Слышно, что въ Академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго права, насъ самихъ и россійской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напримѣръ: Эмиль Руссо, Меморіи Петра III, Письма жидовскія по французскому и много другихъ подобныхъ. А у вольныхъ здѣшняго и московскаго городовъ книгопродавцевъ думать надобно что еще болѣе есть такихъ книгъ, которыя служатъ къ преобращенію нравовъ, по той причинѣ, что оныя лавки ни подъ чьимъ вѣдомствомъ не состоятъ. И тако надлежитъ приказать наикрѣпчайшимъ образомъ Академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили, а прочимъ книгопродавцамъ приказать ежегодно реестры посылать въ Академію наукъ и университетъ московскій, какія книги они намѣрены выписывать, а онымъ мѣстамъ вычеркивать въ тѣхъ реестрахъ такія книги, которыя противъ закона, добраго права и насъ. А естли послѣ того сыщется преступникъ сему въ продажѣ такихъ книгъ, то конфисковать всю лавку и продать насчетъ сиропитательнаго дома; впрочемъ, дозволяется сенату придумать, что за лучшее разсудится къ исполненію сего. А въ Остзейскихъ мѣстахъ, гдѣ публичныхъ училищъ нѣтъ, тамъ препоручить смотрѣніе надъ онымъ градскимъ начальникамъ, естьли о семъ въ тѣхъ мѣстахъ еще установленія нѣтъ; а гдѣ есть училища, тѣ могутъ поступать такъ, какъ Академіи и университету предписано. Екатерина». («Сборникъ русск. ист. общ.», т. 7, стр. 318).

Указъ этотъ замѣчателенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ показываетъ, что увлеченіе умственнымъ движеніемъ Европы было такъ уже сильно въ нашемъ обществѣ въ 60-ые годы прошлаго столѣтія, что успѣло обратить на себя вниманіе правительства, сдѣлалось предметомъ его заботы и контроля. Во-вторыхъ, мы видимъ, что при всемъ сочувствіи Екатерины дѣятельности энциклопедистовъ, это было съ ея стороны отнюдь не слѣпое увлеченіе всѣми представителями движенія безразлично; она рѣзко отличала Вольтера, съ которымъ вела

переписку, отъ Руссо, сочиненія котораго причисляла къ числу вредныхъ книгъ, служащихъ къ «преображенію» нравовъ, и не желала, чтобы подданные ея читали подобныя книги.

Этимъ указомъ и ограничиваются всѣ заботы правительства о прессѣ въ первые девять лѣтъ царствованія Екатерины. Затѣмъ 1-го марта 1771 года является указъ, опредѣляющій начало переворота въ судьбахъ прессы. Указомъ этимъ даровано иноземцу Іоганну Михелю Гартунгу право на заведеніе въ Петербургѣ первой вольной типографіи и словолитни для печатанія, впрочемъ на первый разъ однѣхъ лишь иностранныхъ книгъ. Вотъ главные пункты этой концессіи:

«1) Въ оной типографіи печатать ему на собственномъ своемъ и чужомъ иждивеніи, книги и прочія сочиненія на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, кромѣ россійскаго; однакожъ, такія, кои не предосудительны ни христіанскимъ законамъ, ни правительству, ниже добронравію. Чего ради ему, Гартунгу, все то, что только въ его типографіи въ печати отъ кого принесено, или самимъ имъ изъ чужихъ краевъ выписано будетъ, напередъ, не приступая къ работѣ, объявлять для свидѣтельства въ Академію наукъ, и что дозволено будетъ, то и печатать, означивая на каждомъ экземплярѣ такъ: Печатано въ вольной Гартунговой типографіи. 2) Дозволяется ему такожде печатать въ своей типографіи и объявленія всякія, но оныя однакоже, не инако, какъ съ дозволенія полиціи. Напротиву же того: 3) На россійскомъ языкѣ никакихъ книгъ, ни сочиненій не печатать, дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было, также и на иностранныхъ языкахъ безъ свидѣтельства Академіи наукъ и безъ вѣдома полиціи отнюдь ничего не печатать, подъ опасеніемъ конфискаціи и лишенія сего дозволенія. 4) Въ словолитной при его типографіи, всякія литеры, какъ россійскія, такъ и иностранныя лить, и въ Россіи продавать свободно во всѣ казенныя типографіи, а не кромѣ сихъ мѣстъ, да и то въ однѣ только тѣ, кои требовать оныхъ по своей надобности и по лучшей добротѣ литеръ будутъ, и въ цѣнѣ добровольно согласятся; въ противномъ же случаѣ, не возбраняется всякой типографіи литеры для себя выписывать и изъ иностранныхъ мѣстъ. 5) Сіе, данное ему позволеніе, касательно до заведенія здѣсь вольной, печатанія иностранныхъ книгъ, типографіи и при ней словолитной, не только для самого его, просителя Іоганна Михеля Гартунга, но и для собственныхъ его наслѣдниковъ служить, токмо не можетъ препятствовать другимъ въ заведеніи, во всякое время, таковыхъ же приватныхъ типографій, а оставляется каждому воля равномѣрно пріобрѣтать право, какъ симъ его Императорскаго Величества указомъ и самому ему, Гартунгу, дано».

Въ указѣ этомъ, кромѣ цензурныхъ огражденій, замѣчательна забота правительства о томъ, чтобы право, дарованное Гартунгу, не обратилось въ монополію. Правительство очевидно предвидѣло уже въ то время возможность разрѣшенія къ открытію и другихъ вольныхъ типографій кромѣ Гартунга и заранѣе ограждаетъ за собою право подобныхъ разрѣшеній. Но въ то же время въ ограниченіи права Гартунга печатаніемъ однѣхъ иностранныхъ книгъ проглядываетъ страхъ конкурренціи, боязнь за уменьшеніе доходовъ казенныхъ типографій. Это буквально то же самое, что до послѣдняго времени правительство практиковало въ театральномъ дѣлѣ. Совершенно подобно тому, какъ въ разрѣшеніи частныхъ театровъ въ столицахъ правительство усматривало подрывъ доходамъ казенной сценѣ и лишь въ видѣ исключенія дозволяло иногда существованіе какой-нибудь второстепенной частной сцены, на которой пьесы давались на иностранномъ языкѣ (театръ Буффъ, напримѣръ), такъ и здѣсь: дѣлая первую уступку духу времени, требовавшему вольныхъ типографій, правительство въ то же время всячески старалось удержать въ своихъ рукахъ прессу, выпустить которую изъ рукъ ему было жалко, не говоря уже ни о какихъ другихъ видахъ, прежде всего въ экономическомъ отношеніи.

III.

Но неумолимый духъ времени дѣлалъ свое дѣло и неудержимо увлекалъ правительство отъ уступки къ уступкѣ. Если при Елизаветѣ уже казенныя типографіи не могли исполнять всѣхъ заказовъ, то теперь, когда производство книгъ съ каждымъ годомъ возростало болѣе и болѣе, казенныя типографіи оказались въ концѣ-концовъ совершенно безсильными удовлетворить наростающей потребности, и не было ни малѣйшихъ основаній бояться какой-либо конкурренціи. И вотъ указомъ 22-го августа 1776 г. дано было дозволеніе книгопродавцамъ Вейнбрехту и Шнору завести новую вольную типографію для печатанія не однѣхъ уже иностранныхъ, но и русскихъ книгъ, причемъ было оговорено, «также и литеры лить для своей типографіи и другихъ, но россійскихъ литеръ, выливаемыхъ въ ихъ типографіи, какого-бъ оныя ни были сорта, ни подъ какимъ видомъ на продажу партикулярнымъ людямъ не отпускать, и литеръ, кромѣ словолитной, при типографіи находящейся, въ особыхъ или партикулярныхъ домахъ не отливать и не дѣлать».

Заведеніе этихъ первыхъ вольныхъ типографій привело къ новымъ цензурнымъ мѣрамъ, которыя до того времени, при существованіи однѣхъ казенныхъ типографій, были совершенно излишни. Такъ мы видимъ, что за типографіями былъ учрежденъ надзоръ въ лицѣ особенныхъ смотрителей, опредѣляемыхъ отъ Синода и отъ Академіи, «кои обязаны смотрѣть, чтобы въ печатаемыхъ книгахъ и прочихъ сочиненіяхъ ничего противнаго, а особливо закону (божію), правительству и благопристойности не было». (Указъ 1780 г. См. Сборникъ постан. о цензурѣ).

Наконецъ 15-го января 1783 г. послѣдовалъ знаменитый именной указъ Сенату, предоставлявшій полную свободу заводить вольныя типографіи, гдѣ и кому угодно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подчинявшій свѣтскую печать теперь уже не однимъ духовнымъ и ученымъ вѣдомствамъ (Синоду, Академіи наукъ и Университету), а вмѣстѣ съ тѣмъ и полиціи. Вотъ что гласитъ этотъ указъ:

«Всемилостивѣйше повелѣваемъ типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, и вслѣдствіе того позволяемъ, какъ въ обѣихъ Столицахъ Нашихъ, такъ и во всѣхъ городахъ Имперіи Нашей, каждому по своей собственной волѣ заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ Управѣ Благочинія того города, гдѣ онъ ту типографію имѣть хочетъ. Въ сихъ типографіяхъ печатать книги на Россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, не исключая и Восточныхъ, съ наблюденіемъ однакожъ, чтобъ ничего въ нихъ, противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося, издаваемо не было; чего ради отъ Управы Благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать и ежели что въ нихъ противное Нашему предписанію явится, запрещать; а въ случаѣ самовольнаго напечатыванія таковыхъ соблазнительныхъ книгъ, не только книги конфисковать, но и о виновныхъ въ подобномъ самовольномъ изданіи недозволенныхъ книгъ, сообщать, куда надлежитъ, дабы оные за преступленіе законно наказаны были».

Указъ этотъ поражаетъ насъ своею двойственностью, какъ и многое, что совершалось въ ту эпоху: казалось бы, нельзя не признать его мѣрою безспорно прогрессивною въ смыслѣ уничтоженія казенной монополіи и полной отдачи прессы въ руки общества. Но въ то же время этотъ же самый указъ отдавалъ прессу подъ безконтрольную власть полиціи. Онъ не сопровождался никакими инструкціями, правилами, и каждому члену Управы Благочинія, полиціймейстеру или исправнику предоставлялось дѣйствовать по своему личному усмотрѣнію. Въ ре-

зультатѣ такой неопредѣленности получалось то, что, въ концѣ-концовъ, подобнаго рода цензурная система оказалась несостоятельною, какъ въ глазахъ писателей, такъ и для самаго правительства. Писателей она раздражала безсмысленной придирчивостью къ мелочамъ и произвольнымъ вымарываніемъ словъ и строкъ со стороны малограмотныхъ людей, изъ которыхъ многіе до того времени не держали въ рукахъ ни одной книжки и едва умѣли подписывать свою фамилію. Чѣмъ занимались эти полицейскіе цензора и что они находили необходимымъ вымарывать изъ представляемыхъ на нихъ просмотръ книгъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ Радищевъ на 292 страницѣ своего «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».

«Правительство, говоритъ онъ: — дознавъ полезность книгопечатанія, оное дозволяло всѣмъ; но паче еще дознавъ, что запрещеніе въ мысляхъ утщетитъ благое намѣреніе вольности книгопечатанія, поручило цензуру или присмотръ за изданіями управѣ благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи сего, можетъ быть только тотъ, чтобы воспрещать продажу язвительныхъ сочиненій. Но сія цензура есть лишняя. Одинъ несмысленный урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ, и на многія лѣта остановку въ шествіи разума; запретить полезное изобрѣтеніе, новую мысль и всѣхъ лишить великаго. Примѣръ въ малости. Въ управу благочинія принесенъ для утвержденія переводъ романа. Переводчикъ, слѣдуя автору, говоря о любви, называлъ ее лукавымъ богомъ. Мундирный цензоръ, исполненный духа благоговѣнія, сіе выраженіе почернилъ, говоря: «неприлично Божество называть лукавымъ»... Такого же рода цензоръ не дозволялъ, сказываютъ, печатать тѣ сочиненія, гдѣ упоминалось о Богѣ, говоря: «я съ нимъ дѣла никакого не имѣю». Если въ какомъ-либо сочиненіи порочили народные нравы того или другого государства, онъ недозволеннымъ сіе почиталъ, говоря: «Россія имѣетъ трактъ дружбы съ нимъ». Если упоминалося гдѣ о князѣ или графѣ, того не дозволялъ онъ печатать, говоря: «сіе есть личность, ибо у насъ есть князья и графы между знатными особами».

Но, придираясь такимъ нелѣпымъ образомъ къ мелочамъ, та же самая полицейская цензура обнаруживала полную некомпетентность въ сужденіи о томъ, какія книги общимъ своимъ содержаніемъ расходятся съ видами правительства и подлежатъ поэтому запрещенію. По крайней мѣрѣ, за все время дѣйствія указа 1783 г., мы не видимъ ни одного запрещенія книги непосредственно полицейскими цензорами. Всѣ преслѣдованія авторовъ и конфискаціи книгъ, какія только мы встрѣтимъ ниже, были производимы по предписаніямъ свыше и касались книгъ, пропущенныхъ уже цензурою, напечатанныхъ и выпущенныхъ въ свѣтъ безпрепятственно. Въ то же время надзоръ за типографіями и книжными лавками былъ такъ еще плохо организованъ, что многія книги издавались и затѣмъ распродавались, совсѣмъ минуя всякую цензуру, причемъ издатели не всегда даже считали нужнымъ обозначать на заглавномъ листѣ «печатано съ указнаго дозволенія», а ограничивались обозначеніемъ лишь типографіи и года печатанія.

Такая слабость контроля за печатью обусловливалась между прочимъ конечно и тѣмъ, что это былъ кульминаціонный моментъ либерализма екатерининской эпохи. Въ Петербургѣ успѣли уже къ этому времени просвистать бичи Новиковской и фонвизинской сатиры. Разбуженное къ умственной жизни общество было сильно возбуждено. Въ то время, какъ одни бросались въ мистицизмъ и филантропію и вся страна покрывалась сѣтью массонскихъ ложъ, другіе, увлекаясь ученіемъ энциклопедистовъ, безбожничали, кощунствовали и старались превзойти другъ друга въ вольныхъ рѣчахъ самаго рѣзкаго и зажигательнаго характера. Особенно въ этомъ отношеніи отличалась нелюбимая Екатериною Москва, наполненная опальными вельможами и всякаго рода людьми, недовольными современными порядками, какъ въ реакціонномъ, такъ и въ либеральномъ смыслѣ. Независимый, оппозиціонный духъ этой заштатной столицы выражался открыто и

доходилъ даже до демонстрацій. Такъ, при въѣздѣ двора въ Москву въ 1775 г., москвичи съ особеннымъ энтузіазмомъ встрѣчали Павла Петровича, и гораздо холоднѣе императрицу, что очень ее огорчило.

До какой степени доходила въ то время цензурная терпимость Екатерины, мы можемъ судить по извѣстной исторіи съ трагедіей «Сорена и Замиръ». Въ это время въ Москвѣ пользовался большою популярностью стихотворецъ Николай Петровичъ Николевъ. Воспитанникъ княгини Дашковой, человѣкъ свѣтскій, образованный, онъ соединялъ въ себѣ репутацію даровитаго писателя и блестящаго селадона великосвѣтскихъ салоновъ. Московскій бо-мондъ былъ очарованъ его талантами и осыпалъ его похвалами. Въ 1785 году 12-го февраля на московскомъ театрѣ была представлена въ первый разъ сочиненная Николевымъ трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, «Сорена и Замиръ». Трагедія эта повидимому ничѣмъ особеннымъ не отличалась отъ современныхъ ей Агріонъ, Ильменъ и тому подобныхъ подражаній французскимъ трагикамъ. Та-же интрига, основанная на разлукѣ половецкаго князя Замира съ супругою его Сореною, на которой хочетъ жениться какой-то царь россійскій Мстиславъ, коварный похититель власти Замира; тѣ же перипетіи, основанныя на ложныхъ слухахъ о смерти героя, на обманѣ его и т. д.; та же развязка, заключающаяся въ томъ, что злодѣй вдругъ раскаивается и хочетъ соединить супруговъ, но уже поздно: Сорена съ Замиромъ умираютъ. Тѣмъ не менѣе трагедія при своемъ представленіи произвела на публику потрясающее впечатлѣніе. Это было какое-то общее бѣснованіе; не только женщины рыдали, но по свидѣтельству одного современника плакалъ самъ герой Бендеръ и усмиритель Пугачевщины, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Причина такого успѣха заключалась не въ однѣхъ раздирательныхъ сценахъ и игрѣ актеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ массѣ отдѣльныхъ стиховъ весьма жгучаго содержанія, въ духѣ Вольтерова Брута или Катилины. Подобнаго рода пикантныя мѣста, произносимыя актерами съ особеннымъ конечно подчеркиваніемъ, были въ большой модѣ въ то время въ театральныхъ пьесахъ и какъ нельзя болѣе характеризуютъ духъ времени.

Но успѣхъ не прошелъ автору даромъ. Въ это время главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ генералъ-аншефъ Яковъ Александровичъ Брюсъ. Суровый, надменный, онъ возбуждалъ общее недовольство въ Москвѣ своими строгими порядками и необузданнымъ произволомъ. Узнавши о смѣлыхъ стихахъ Николева, онъ сейчасъ же подвергъ строгому пересмотру рукопись «Сорены», отмѣтилъ въ ней множество мѣстъ и отправилъ прямо къ государынѣ, испрашивая запрещенія новой трагедіи, представленія которой были тогда же пріостановлены по его приказанію. Особенное вниманіе императрицы обращалъ Брюсъ на слѣдующіе стихи въ монологѣ Премысла, наперсника Мстислава:

«Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ:
Льзя ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ?
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца,
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца!» (Дѣйств. IV, явл. 5).

Но императрица не пожелала предать запрещенію трагедію Николева и отвѣчала Брюсу слѣдующимъ рескриптомъ:

«Удивляюсь, графъ Яковъ Александровичъ, что вы остановили представленіе трагедіи, какъ видно, принятой съ удовольствіемъ всею публикой. Смыслъ такихъ стиховъ, которые вы замѣтили, никакого не имѣетъ отношенія къ вашей госуда-

рынѣ. Авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью».

Послѣ этого рескрипта «Сорена» снова появилась на сценѣ къ радости публики, а черезъ годъ была напечатана въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», издававшемся подъ редакціей княгини Дашковой при участіи самой императрицы *).

Конечно здѣсь большую роль играли придворныя связи Николева, воспитанника кн. Дашковой. Но ниже мы увидимъ, какую бурю претерпѣла сама княгиня Дашкова, когда при дворѣ подуло совсѣмъ другимъ вѣтромъ.

Очень понятно, что при такомъ умственномъ оживленіи общества, указъ 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ возбудилъ всеобщій энтузіазмъ и предпріимчивость. Тотчасъ же и въ Петербургѣ, и Москвѣ начали открываться массы типографій, изъ которыхъ многія, заведенныя сгоряча, безъ предусмотрительности и практическаго знанія дѣла, вскорѣ лопались и закрывались. Наибольшую же извѣстность пріобрѣли типографіи Пономарева, Разсказова, Гиппіуса, Рѣшетникова и Селивановскаго въ Петербургѣ, а въ Москвѣ—Зеленникова, Анненкова и пр. Не ограничиваясь столицами, типографіи начали открываться и по провинціальнымъ городамъ и даже селамъ. Такъ напримѣръ, извѣстны типографіи бригадира Ивана Герасимовича Рахманинова—Тамбовской губерніи, Лебедянскаго уѣзда, въ селѣ Казинкѣ; гвардіи прапорщика Николая Еремѣевича Струйскаго—Пензенской губерніи, Инсарскаго уѣзда, въ селѣ Рузаевкѣ, и неизвѣстнаго Рязанской губерніи, Ряжскаго уѣзда, въ селѣ Пехлецѣ. Но, какъ мы сказали выше, это была кульминаціонная точка либерализма екатерининскаго времени, и тотъ же 1785 годъ, въ который трагедія Николева удостоилась Высочайшаго покровительства отъ цензурныхъ преслѣдованій гр. Брюса, ознаменовался первымъ раскатомъ грозы, надвигавшейся надъ головами едва возникшей молодой русской интеллигенціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Реакціонный переломъ въ царствованіе Екатерины II.—Издательская и книгопродавческая дѣятельность Новикова и первыя цензурныя преслѣдованія, испытанныя имъ.—Запрещеніе печатать въ вольныхъ типографіяхъ священныя книги и небывалое въ исторіи ауто-да-фе.—Окончательный разгромъ мартинистовъ.—Первый процессъ по дѣламъ печати московскихъ книгопродавцевъ.—Дѣло о книгѣ Радищева.—Сожженіе трагедіи Княжнина «Вадимъ».—Дѣло бригадира Рахманина.—Запрещеніе вольныхъ типографій 16 сентября 1796 г.

I **).

Реакцію, омрачившую послѣднія десять лѣтъ царствованія Екатерины II, приписываютъ обыкновенно тому страху, который внушила всей Европѣ француз-

*) «Матеріалы для исторіи просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII в.». Михаила Лонгинова. «Рус. В.», 1860 г., т. XXV.

**) По дѣлу Новикова и московскихъ мартинистовъ служили мнѣ руководствомъ слѣдующія книги: «Новиковъ и московскіе мартинисты, М. Лонгинова, М. 1867 г.», «Дополненія къ исторіи массонства въ Россіи въ XVIII стол., Ак. П. Пекарскаго, Спб., 1869 г.»; «Чтеніе въ императорскомъ общ. и древн. рос. при моск. универ., 1871 г., книга 3», отдѣлъ V, стран. 17—46.

ская революція, и стремленію со стороны всѣхъ европейскихъ правительствъ поставить посредствомъ строгихъ репрессивныхъ мѣръ оплотъ противъ вторженія въ ихъ страны революціонныхъ идей. Но смѣю думать, что далеко не однимъ впечатлѣніемъ революціи обусловливается эта реакція. Революція могла служить ей оправданіемъ, могла обострить ея проявленія и довести ее до прискорбныхъ крайностей, но главная причина ея коренилась въ иныхъ обстоятельствахъ, чисто внутреннихъ и нашихъ собственныхъ. Не надо забывать при этомъ, что первые признаки реакціи проявились уже въ 1785 году, т. е. за 4 года до созыва Людовикомъ XVI государственныхъ штатовъ, когда о революціи никто еще и не помышлялъ, и разразились эти первые громы реакціи вовсе не надъ какими-нибудь вольтеріанцами и вольнодумцами, увлеченными французскими идеями, а надъ благочестивыми и набожными мартинистами, не помышлявшими ни о какихъ революціонныхъ переворотахъ.

Дѣло заключалось просто въ томъ, что въ правительственныхъ сферахъ этого времени преобладали воспитанные въ духѣ старыхъ порядковъ люди, которые никакъ не могли привыкнуть къ тому, чтобы въ обществѣ совершалось какое бы ни было умственное движеніе, самостоятельное, независимое и неимѣющее ни малѣйшаго оффиціальнаго характера. Они привыкли къ тому, что все, по умственной части предпринимаемое—издавался ли какой журналъ или книга, создавалось ли какое-либо просвѣтительное учрежденіе — все это производилось, мало того, что съ разрѣшенія начальства, но и самимъ начальствомъ, и предприниматель, если онъ до того времени нигдѣ не служилъ, дѣлался чиновникомъ на поприщѣ самого исполненія своего предпріятія. Такъ напримѣръ, Волкову съ его труппою стоило завести театръ въ Ярославлѣ, и сейчасъ же онъ и вся его труппа были переведены въ Петербургъ и обращены въ придворныхъ служителей. Теперь же вдругъ появились люди, которые вздумали всю свою жизнь посвящать на служеніе исключительно обществу, проповѣдуя, просвѣщая, уча, благотворя и проч., и проч., совершенно независимо отъ всякихъ оффиціальныхъ отношеній, по своей собственной иниціативѣ и какъ имъ Богъ на душу положитъ. Да мало еще этого: они дерзнули сложиться въ свободныя ассоціаціи съ какими-то мистическими ритуалами и облекли свою дѣятельность покровомъ непроницаемой тайны, и такимъ образомъ отстранили отъ себя мало того, что всякое оффиціальное вмѣшательство и независимость, но и самый надзоръ за ихъ дѣятельностью. Государство въ государствѣ, какимъ повсюду стремилось сдѣлаться масонство, само по себѣ могло внушать опасеніе при самыхъ скромныхъ размѣрахъ, особенно, если взять во вниманіе сознаніе со стороны правительства своей непрочности при воспоминаніи о цѣломъ рядѣ дворцовыхъ переворотовъ позади и въ томъ числѣ послѣднемъ, которому оно было обязано своимъ существованіемъ; но опасеніе это должно было принять еще большіе размѣры, когда масонство сосредоточилось въ недовольной Москвѣ и волею-неволею приняло оппозиціонный характеръ, ратуя за чистоту нравовъ среди всеобщей распущенности въ высшихъ сферахъ того времени. Прибавьте къ этому еще тѣ колоссальные и небывалые до того времени размѣры, какіе приняла на его почвѣ просвѣтительная дѣятельность, выразившаяся въ формѣ «Дружескаго ученаго общества» Новикова. Владѣя чуть не милліонными капиталами и получая изо всѣхъ предпріятій доходы отъ 40 до 80 тысячъ въ годъ, это общество внѣдрилось въ университетъ, начало завладѣвать умами университетской молодежи посредствомъ «Собранія университетскихъ питомцевъ», «Переводческой семинаріи», раздачи стипендій бѣднымъ студентамъ и посылки за-границу подающихъ на-

дежду молодыхъ людей; вліяло на массу читающей публики цѣлыми сотнями изданій, безпрерывно выходящихъ одно за другимъ изъ типографій общества; стремилось захватить въ свои руки и учебную часть страны, заведя «Учительскую семинарію». Однимъ словомъ, правительство увидѣло передъ собою недюжинную силу, готовую привлечь къ себѣ нетолько всю интеллигенцію, но и народъ, которому во время голода въ 1787 г. общество раздавало безвозмездно хлѣбъ, скупивши его на нѣсколько сотъ тысячъ, не говоря о постоянной благотворительности членовъ общества нуждающемуся люду. Понятно, что хотя бы эта сила преслѣдовала вполнѣ мирныя и невинныя цѣли, она мозолила глаза самымъ своимъ существованіемъ, и въ то же время раздражала всѣхъ суетныхъ и распущенныхъ дѣтей вѣка своею суровою моралью и высокимъ самоотверженіемъ. Таинственность же, въ какую была облечена дѣятельность масоновъ, подавала поводъ ко всяческимъ подозрѣніямъ, и дошло дѣло до того, что, видя тѣ громадныя суммы, какія жертвовались масонами, начали предполагать, что они занимаются дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій.

И при всемъ томъ, вы замѣтьте, что гоненія противъ масоновъ начались только съ того времени, какъ «Дружеское общество» встало на вполнѣ самостоятельную и независимую почву и развернуло всѣ свои силы. Пока дѣятельность Новикова, Шварца и всего «Дружескаго общества» тѣсно примыкала къ московскому университету и имѣла такимъ образомъ оффиціальный характеръ, пока Новиковъ представлялъ изъ себя лишь арендатора университетской типографіи и издателя «Московскихъ Вѣдомостей» и вся дѣятельность «Дружескаго общества» имѣла такимъ образомъ въ результатѣ увеличеніе доходовъ казенной типографіи—хотя кураторъ Меллисино и противодѣйствовалъ «Обществу», усилія его были тщетны, высшія власти снисходительно терпѣли существованіе «Общества». Но совсѣмъ другое пошло дѣло, когда «Общество» начало вставать на вполнѣ самостоятельную ногу. Это произошло въ 1783 году, послѣ изданія указа о вольныхъ типографіяхъ. Указомъ этимъ не замедлило воспользоваться «Общество». Для него недостаточно было одной университетской типографіи, бывшей казенною собственностью и вынужденной часто производить работы, вовсе чуждыя цѣлямъ общества, въ видахъ уплаты аренды или по оффиціальнымъ требованіямъ. И вотъ, въ томъ же 1783 году были учреждены «Обществомъ» двѣ вольныя типографіи на имя членовъ его, Новикова и Лопухина, одна въ домѣ Новикова, вторая—въ Армянскомъ переулкѣ, въ домѣ Лопухина. Кромѣ этого, собственно масонами была устроена около того же времени типографія, которую они называли «тайною», потому что она не числилась по общимъ счетамъ. Она состояла изъ двухъ становъ, отдѣльныхъ отъ Лопухинской, и помѣщалась въ домѣ Шварца, близъ Меньшиковой башни, гдѣ жили и рабочіе, не имѣвшіе никакого сообщенія съ прочими; всѣ они были нѣмцы и получали особое содержаніе. Тамъ печатались, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, книги, особенно важныя для мартинистовъ. Но и этимъ всѣмъ не ограничилось «Дружеское общество», и въ 1784 году была основана отдѣльная отъ него «Типографическая компанія» изъ 14 членовъ, подъ управленіемъ Новикова, Гамалѣи, Лопухина, Кутузова, барона Шредера и двухъ князей Трубецкихъ. Члены компаніи, для начала дѣлъ, внесли въ кассу свои капиталы въ размѣрѣ 57,500 руб. и книгъ на 80,000 р., и первымъ дѣломъ «Компаніи» было заведеніе новой обширной типографіи на 20 становъ. Она была, на основаніи указа 1783 г., вольною, но составлявшею собственность не частнаго лица, а цѣлаго товарищества въ силу формальнаго договора пайщиковъ: это былъ примѣръ, еще

небывалый въ Россіи, и если прибавить ко всему, что въ слѣдующемъ году компанія владѣла огромнымъ домомъ въ 150,000 руб., въ которомъ помѣщалась типографія, аптека и другія учрежденія компаніи, жили служащіе и рабочіе, и имѣлись помѣщенія для розенкрейцерскихъ собраній, передъ нами развернется картина чисто въ американскомъ духѣ. Но мыслимо ли было существованіе подобныхъ предпріятій на широкую американскую ногу на почвѣ русскихъ порядковъ прошлаго столѣтія?

А между тѣмъ, въ 1784 году. былъ назначенъ главнокомандующимъ Москвы графъ Яковъ Алексѣевичъ Брюсъ. Суровый, черствый человѣкъ стараго закала, онъ ненавидѣлъ мартинистовъ, нравственное ученіе которыхъ, основанное на христіанской кротости и человѣколюбіи, шло совершенно въ разрѣзъ съ его звѣрскими инстинктами и грубыми предразсудками. Подъ покровомъ этого ученія онъ подозрѣвалъ существованіе политическихъ стремленій, клонящихся къ ущербу власти и нарушенію строгаго порядка. Нѣтъ сомнѣнія, что въ донесеніяхъ своихъ императрицѣ онъ старался заподозрить въ ея мнѣніи дѣятельность мартинистовъ и дѣлалъ это весьма небезуспѣшно, такъ что въ Петербургѣ стали съ недовѣрчивостью смотрѣть на нихъ.

Что касается до императрицы, то она давно уже была нерасположена къ масонамъ. Ихъ туманный мистицизмъ и суровые, аскетическіе идеалы противны были ея положительному, скептическому уму и живому, веселому нраву. Французская философія и мораль болѣе подходили къ ея вкусамъ. А тутъ еще пріѣхалъ Калліостро въ концѣ 1779 года въ Петербургъ и своимъ обнаруженнымъ фокусничествомъ сильно скомпрометировалъ масоновъ, къ числу членовъ которыхъ онъ имѣлъ претензію принадлежать и которые поддались было его вліянію. Калліостро былъ изгнанъ изъ Россіи, а Екатерина напечатала книжку «Тайна противонелѣпаго общества», въ которой осмѣяла масоновъ и ихъ тайны. Пока этимъ и ограничилось нерасположеніе императрицы къ масонамъ. Но втеченіе пяти лѣтъ нерасположеніе это значительно увеличилось. Дѣятельность масоновъ въ эти 5 лѣтъ дошла, какъ мы видѣли, до своего апогея. Императрицѣ въ то же время сильно не нравилось подчиненіе русскаго масонства шведскому; она видѣла въ этомъ подчиненіи возможность вліянія на Россію иностранной державы. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица начала подозрѣвать масоновъ въ приверженности къ Павлу Петровичу и въ тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ предосудительнаго свойства. А тутъ еще подошла извѣстная катастрофа съ баварскими иллюминатами, орденъ которыхъ былъ закрытъ курфирстомъ баварскимъ, Карломъ Теодоромъ, 16-го августа 1784 года, причемъ многіе члены были арестованы и захвачены бумаги компрометирующаго свойства, обнаружившія въ иллюминатахъ революціонные замыслы самаго рѣшительнаго характера. Это событіе произвело сильное впечатлѣніе на всѣ европейскія правительства; повсюду стали искать, не существуетъ ли гдѣ отрасль этого страшнаго заговора. Между прочимъ, начали подозрѣвать въ связи съ иллюминатами и московскихъ розенкрейцеровъ.

До какой степени дошло раздраженіе императрицы противъ масоновъ, мы можемъ судить по тому, что съ 1779 года уже не писавши комедій, она снова принялась за перо и въ теченіе 1786 года написала три комедіи, направленныя противъ мартинистовъ. Въ первой изъ нихъ—«Обманщикъ», выведены нелѣпость и вредъ стремленій къ духовѣдѣнію, толкованій необъяснимаго, къ герметическимъ опытамъ и т. п. Мартинисты были названы въ пьесѣ «мартышками». Въ лицѣ обманщика Калифанкферстана выведенъ Калліостро, алхимическія затѣи

котораго пріурочены къ ученію масоновъ. Во второй комедіи — «Обольщенный», въ свою очередь, осмѣиваются мартинисты, напримѣръ въ тирадѣ: «они въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и тому подобное и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ». Наконецъ въ третьей комедіи — «Шаманъ Сибирскій», осмѣивающей ханжество и суевѣріе, выведенъ простякъ, поддавшійся шарлатану, продѣлки котораго уподоблены кривляньямъ Шамана. Императрица очень дорожила этими тремя пьесами своими и щедро награждала кабинетнаго переводчика Арндта, который переводилъ ихъ на нѣмецкій языкъ. Переводы эти печатались, и государыня дарила и даже разсылала экземпляры ихъ знакомымъ ей иностранцамъ. Нужно ли говорить о томъ, что и на эрмитажномъ театрѣ, и на петербургской публичной сценѣ пьесы эти имѣли блестящій успѣхъ. Но замѣчательно, что въ Москвѣ не рѣшились поставить ихъ на сцену, словно опасались какой-либо демонстраціи въ пользу мартинистовъ. Замѣчательно также и то, что въ то время, какъ въ петербургской журналистикѣ комедіи эти встрѣтили пышныя похвалы и въ прозѣ, и въ стихахъ, въ журналахъ появились статьи, сатиры и эпиграммы, направленные противъ мартинистовъ,—московская журналистика отвѣтила на все это гробовымъ молчаніемъ.

Къ этому ко всему надо прибавить, что мартинисты незадолго передъ тѣмъ пріобрѣли себѣ еще однихъ весьма опасныхъ враговъ въ лицѣ іезуитовъ. Изгнанные отовсюду, іезуиты, какъ извѣстно, нашли себѣ убѣжище лишь въ Пруссіи и Россіи. Екатерина приняла ихъ подъ свое покровительство и они успѣли заинтересовать собою многихъ въ Петербургѣ и пріобрѣсти тамъ сильную опору. Въ 1784 году Новиковъ въ прибавленіяхъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» печаталъ «Исторію ордена іезуитовъ». Исторія эта не заключала въ себѣ ничего для нихъ обиднаго. Въ ней говорилось о дѣяніяхъ и заслугахъ Ордена, объ учености и энергіи его членовъ. Но къ этому присоединены были обыкновенныя общія разсужденія о несообразности его мірскихъ притязаній съ духомъ монашескаго братства и стремленіи іезуитовъ составлять государство въ государствѣ. Какъ ни было такое дѣло обыкновеннымъ, но чуткость іезуитовъ расшевелилась. Они очевидно не хотѣли, чтобы такія мнѣнія, распространенныя въ другихъ земляхъ Европы, высказывались въ единственной странѣ, гдѣ ихъ призрѣли. Они постарались предупредить первую попытку разсужденій такого рода, которыя могли бы повредить имъ въ Россіи и даже повлечь за собою ихъ изгнаніе изъ предѣловъ ея. Съ свойственною имъ хитростью, іезуиты успѣли довести дѣло до императрицы и представились обиженными, вопреки ея покровительству. Этотъ маневръ удался имъ какъ нельзя лучше. Императрица отправила къ Архарову рескриптъ, отъ 23-го сентября 1784 года, приказывая ему запретить печатаніе въ Москвѣ «ругательной исторіи Ордена іезуитовъ», а если она вышла, то отобрать ея экземпляры, потому что она не позволяетъ осуждать іезуитовъ, которымъ обѣщала свое покровительство. Архаровъ, отъ 1-го октября, донесъ государынѣ, что ея повелѣніе исполнено: печатные листы были отобраны у Новикова, причемъ отъ него былъ истребованъ списокъ лицъ, получившихъ эти листы, чтобы могли быть отобраны и розданные уже экземпляры. Такимъ образомъ, какъ это ни прискорбно, но исторіи приходится отмѣтить тотъ фактъ, что первое цензурное преслѣдованіе въ царствованіе Екатерины было произведено въ пользу іезуитовъ.

Наконецъ въ 1785 году на московскихъ мартинистовъ обрушилась первая

серьезная гроза. 23-го декабря этого года графъ Брюсъ получилъ слѣдующій именной указъ:

«Въ разсужденіе, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія старинныя книги, прикажите Губернскому Прокурору, сочиня роспись онымъ книгамъ, отослать оную съ книгами вмѣстѣ къ Преосвященному Архіепископу Московскому; а его Преосвященство имѣетъ особое отъ насъ повелѣніе, какъ самого Новикова приказать испытать въ законѣ нашемъ, такъ и книги его типографіи освидѣтельствовать, и что окажется, намъ донести и Синодъ вашъ увѣдомить. Сверхъ того нужно есть, чтобы вы согласилися съ Преосвященнымъ Архіепископомъ объ опредѣленіи одного или двухъ духовныхъ особъ, вмѣстѣ съ свѣтскими, для освидѣтельствованія книгъ, выходящихъ изъ Новиковой и другихъ вольныхъ типографій, гдѣ что-либо касается до вѣры или дѣлъ духовныхъ, и для наблюденія, чтобы таковыя печатаны не были, въ коихъ какія-либо колобродства, нелѣпыя умствованія и расколъ скрывается».

Во исполненіе этого указа московскій губернскій прокуроръ Андрей Антоновичъ Тейлсъ составилъ роспись книгамъ, продававшимся у Новикова, и копію съ этой росписи, равно какъ экземпляры каждой книги, отослалъ къ Платону. Всѣхъ книгъ, описанныхъ въ лавкѣ Новикова, какъ подлежащихъ разсмотрѣнію, было 461 сочиненіе. Замѣчательно, что въ число заподозрѣнныхъ книгъ попали «Естественное Богословіе» Дрегама, напечатанное въ 1784 г. съ разрѣшенія самого Платона, и «Тайна противонелѣпаго общества», сатира на масоновъ, сочиненная самою императрицею.

Затѣмъ 11-го января 1786 года Новиковъ былъ призванъ къ Платону для испытанія въ законѣ Божіемъ. Архіепископъ, въ присутствіи члена консисторіи Серапіона, архимандрита Богоявленскаго монастыря, увѣщевалъ Новикова показать истину и предложилъ ему 12 письменныхъ вопросовъ. Результатомъ этого испытанія было донесеніе Платона государынѣ, 15-го января, о томъ, что онъ исполнилъ ея волю и Новиковъ оказался признающимъ всѣ основные догматы православія и, по учиненной справкѣ, говѣетъ ежегодно, и хотя принадлежитъ къ обществу франъ-масоновъ, но подтверждаетъ, что въ немъ нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ, законамъ и совѣсти. Далѣе архіепископъ сообщалъ, что въ должность постоянныхъ духовныхъ цензоровъ для книгъ, печатающихся въ вольныхъ типографіяхъ, назначены имъ: богоявленскій архимандритъ Серапіонъ и знаменскій игуменъ Моисей, которымъ дана инструкція, какъ дѣйствовать совокупно съ приставленными къ тому же дѣлу свѣтскими цензорами.

Изъ современныхъ документовъ видно, что постоянными свѣтскими цензорами книгъ, печатавшихся въ вольныхъ типографіяхъ, назначены тогда были: противникъ Шварца и масоновъ, университетскій профессоръ Барсовъ и московскій полицiймейстеръ Годеинъ. Они впрочемъ и прежде цензуровали нерѣдко книги по своей должности также, какъ и другіе ихъ сослуживцы.

23-го января 1786 года Брюсъ получилъ отъ императрицы еще два указа, относившіеся къ тому же дѣлу. Первымъ указомъ предписывалось осмотрѣть всѣ больницы и школы, заведенныя въ Москвѣ людьми, составляющими «скопище извѣстнаго новаго раскола», и подчинить ихъ вѣдомству приказа Общественнаго Призрѣнія. По второму указу повелѣвалось: объявить Новикову, что типографіи заведены для печатанія полезныхъ книгъ, а не сочиненій, «наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ допросить Новикова о причинахъ, побудившихъ его къ изданію такихъ книгъ и о намѣреніяхъ его при этомъ.

Въ силу этого указа, по приказанію графа Брюса, Управа Благочинія «сыскала» Новикова и «представила» его въ губернское правленіе. Тамъ предложили

ему письменно вопросы по пунктамъ, установленнымъ для формальныхъ слѣдствій. Въ отвѣтахъ своихъ Новиковъ показалъ на предложенные вопросы, что печаталъ разныя книги, получавшіяся отъ сочинителей и переводчиковъ, но съ разрѣшенія законной цензуры (Управы Благочинія и Университета), а сочиненія духовнаго содержанія съ дозволенія Синодальной конторы и назначенныхъ ею духовныхъ особъ. Намѣреніе его при изданіи книгъ состояло въ желаніи «приносить трудами пользу отечеству черезъ распространеніе книжной торговли и честнымъ образомъ получать законами невозбраненный прибытокъ». Какія же напечатанныя у него сочиненія противны законамъ, того онъ не знаетъ, ибо «читалъ изъ нихъ малое число, полагаясь на цензуру, которой онъ обязанъ былъ подвергать ихъ по контракту своему съ Университетомъ». Наконецъ онъ прибавлялъ, что въ случаѣ ложнаго показанія, подвергаетъ себя штрафу по законамъ.

Между тѣмъ къ марту мѣсяцу Платонъ вмѣстѣ съ двумя духовными цензорами кончили разсмотрѣніе представленныхъ имъ книгъ изъ лавки Новикова и въ началѣ марта написалъ императрицѣ заключительное донесеніе по дѣлу Новикова. Онъ говорилъ въ этомъ донесеніи, что испыталъ Новикова въ догматахъ вѣры и сдѣлалъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Какъ передъ престоломъ Божьимъ, такъ и престоломъ твоимъ, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы нетолько въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, Всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане такіе, каковъ Новиковъ».

Перейдя затѣмъ къ разсмотрѣннымъ книгамъ, Платонъ раздѣлилъ ихъ на слѣдующія три категоріи: 1) книги собственно литературныя, которыя желательно распространять для образованія публики, особенно при бѣдности нашей литературы; 2) книги мистическія, которыхъ Архіепископъ «не понимаетъ», а потому не берется и судить о нихъ и 3) книги зловредныя, развращающія нравы и подрывающія религіозныя чувства, «гнусныя и юродивыя порожденія энциклопедистовъ, которыя слѣдуетъ исторгать, какъ пагубные плевелы».

Судя по этому отзыву, можно было ожидать, что запрещенію подвергнутся книги третьей категоріи. Но совершенно не таковъ былъ духъ, господствовавшій въ то время въ правительственныхъ сферахъ. «Порожденія энциклопедистовъ», которыя Платонъ со своей богословской точки зрѣнія трактовалъ, какъ «пагубные плевелы», и которыя Новиковъ издавалъ, вопреки своимъ убѣжденіямъ, лишь ради барышей, такъ какъ подобные «плевелы» находили самый большой сбытъ въ публикѣ, оказались совершенно безвредными въ глазахъ правительства, въ свою очередь расположеннаго къ ученію энциклопедистовъ. «Пагубные же плевелы» правительство усмотрѣло лишь въ мистическихъ книгахъ второй категоріи, о которыхъ Платонъ отказался судить за непониманіемъ ихъ. И вотъ, 25-го марта послѣдовалъ указъ на имя графа Брюса, предписывающій конфисковать слѣдующія шесть книгъ изъ лавки Новикова: 1) Апологія В. К. (вольныхъ каменьщиковъ), перев. съ нѣмецкаго М. въ тип. Разсказова 1784. 2) Братскія увѣщанія нѣкоторымъ братьямъ свбднм. кмнщкм. М., въ тип. И. Лопухина 1784. 3) Карманная книжка для В. К., М., въ университетской типографіи Н. Новикова 1783. 4) О заблужденіяхъ и истинѣ, соч. философа неизвѣстнаго, перев. съ французскаго, М., въ типографіи Лопухина, 1785; 5) Химическая псалтырь или философическія правила о камнѣ мудрыхъ, соч. Парацельса, М., въ тип. Лопухина, 1784; 6) Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго весьма важнаго содержанія, М., въ тип. И. Лопухина, 1783 г.

При этомъ въ указѣ повелѣвалось «помянутому Новикову, да и вообще содержателямъ вольныхъ типографій въ Москвѣ строжайше подтвердить, чтобы они остерегались издавать книги, наполненныя подобными странными мудрованіями, или лучше сказать, сущими заблужденіями, подъ опасеніемъ нетолько конфискованія тѣхъ книгъ, но и лишенія права содержать типографію и книжную лавку, а притомъ и законнаго взысканія».

Во исполненіе этого указа всѣ найденные экземпляры вышепоименованныхъ книгъ были переданы опечатанными въ московскую Управу Благочинія и впослѣдствіи были сожжены. Но при этомъ Новиковъ допустилъ важную неосторожность. Конфискованныя книги были взяты изъ университетской лавки, гдѣ онѣ лежали опечатанныя. Но кромѣ того, экземпляры ихъ находились въ книжномъ складѣ Новикова; Тейльсъ же, придерживаясь буквально смысла даннаго ему предписанія, обыскалъ лишь одну университетскую лавку, въ складъ же Новикова не заглянулъ. Новиковъ же не только не заявилъ своевременно объ этихъ оставшихся неопечатанными экземплярахъ, но черезъ нѣсколько времени, съ вѣдома своихъ товарищей, передалъ ихъ книгопродавцу Кольчугину, который сталъ ихъ продавать и разсылать по ярмаркамъ. Хотя это осталось безнаказаннымъ до самаго 1792 года, но тогда много повредило Новикову.

II.

Послѣ этого перваго удара, мартинисты вздохнули немного свободнѣе, такъ какъ вмѣсто ненавистнаго имъ Брюса главнокомандующимъ Москвы 28-го іюня 1786 года былъ назначенъ добродушный Еропкинъ, который благоволилъ къ нимъ и, ограничиваясь лишь исполненіемъ воли свыше, самъ лично ничего не предпринималъ противъ нихъ. Но тѣмъ не менѣе, дни московскаго масонства были сочтены, и сверху не замедлили послѣдовать новые удары на головы мартинистовъ. Такъ въ 1787 году императрица задумала исполнить мѣру, которая должна была прекратить совершенно литературную пропаганду мартинистовъ. Вѣроятно нѣкоторыя духовныя особы представили ей, что путемъ этой пропаганды свѣтская печать вторгается въ область духовной литературы, причемъ чистота церковныхъ догматовъ ничѣмъ не ограждена, а правамъ и интересамъ духовенства наносится нравственный и матеріальный ущербъ. Такія жалобы совпадали какъ нельзя болѣе съ мыслями и намѣреніями самой императрицы касательно мартинистовъ. И вотъ, 25-го іюля 1787 года императрица отдала статсъ-секретарю Храповицкому приказаніе «написать въ Москву, чтобы запретить продажу всѣхъ книгъ, до святости касающихся, кои не въ синодальной типографіи напечатаны». Вслѣдствіе этого Храповицкій заготовилъ на имя Еропкина указъ, который императрица подписала 27-го іюля. Сущность его была слѣдующая.

Печатаніе книгъ церковныхъ и вообще духовного содержанія присвоено исключительно духовнымъ типографіямъ. Разрѣшеніе заводить вольныя типографіи нисколько не отмѣняетъ этого закона, потому что имъ дано право печатать лишь книги «свѣтскія и пользѣ общественной служащія». Поэтому слѣдуетъ сдѣлать распоряженіе, чтобы ни въ одной свѣтской типографіи не печатались и въ книжныхъ лавкахъ не продавались «молитвенники не отъ синода изданные, такожъ книги церковныя или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся, кромѣ того, которыя напечатаны въ синодской

или другихъ духовныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Синода состоящихъ, или же отъ комиссіи народныхъ училищъ съ дозволенія высочайшаго изданы или впредь издаваемы будутъ». На основаніи этого должно во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, гдѣ найдутся въ продажѣ книги подобнаго рода, напечатанныя въ свѣтскихъ типографіяхъ, запечатать эти книги и до новаго предписанія сдать ихъ на храненіе въ синодальную контору.

Митрополитъ Платонъ немедленно же черезъ цензоровъ, архимандрита Серапіона и игумена Моисея, приступилъ къ исполненію указа, и въ то же время получилъ сообщенія изъ Синода о томъ, что послѣдовало распоряженіе, чтобы во всѣхъ городахъ были дѣланы подобные же обыски лицами духовнаго и гражданскаго вѣдомства, по соглашенію ихъ начальствъ, и чтобы книги отпечатывались и отсылались въ Петербургѣ въ Синодъ, въ Москвѣ—контору его, а въ прочихъ городахъ—къ мѣстнымъ архіереямъ. При этомъ также предписано наблюдать внимательно за продажею книгъ по ярмаркамъ, нигдѣ впрочемъ «не дѣлая о семъ огласки». Исполненіе это по городамъ и уѣздахъ возлагалось на благочинныхъ совокупно съ городничими и капитанъ-исправниками.

Мы не знаемъ, каковы были результаты этого указа въ самомъ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, но что касается Москвы, тамъ были обысканы всѣ книжныя лавки и опечатано множество книгъ. 10-го октября 1787 года Серапіонъ и Моисей кончили свое дѣло и представили Платону при рапортѣ и реестрѣ экземпляры 313 книгъ, въ числѣ которыхъ были между прочимъ и собственныя его сочиненія. Всѣ эти книги, безъ сомнѣнія, были сожжены, и подобное auto-da-fe представляло собою зрѣлище поистинѣ безпримѣрное въ исторіи; вы представьте себѣ только не какихъ-нибудь безбожниковъ или якобинцевъ, но православныхъ духовныхъ особъ, предающихъ огню псалтыри, молитвенники, бесѣды святыхъ отцовъ церкви и разныя душеспасительныя книги вродѣ «Безсмертіе души», «Доказательства бытія Бога», «Посрамленный безбожникъ и натуралистъ», и въ томъ числѣ сочиненія самого владыки! Это было словно какое-то умоизступленіе. Можно было бы подумать, что люди эти заразились духомъ надвигавшейся на Европу грозы, еслибы не было извѣстно, что здѣсь руководило одно слѣпое усердіе тупого формализма. До какого крайняго отсутствія всякаго здраваго смысла доходило это усердіе, можно судить по тому, что въ числѣ книгъ опечатанныхъ, и слѣдовательно признанныхъ подлежащими вѣдѣнію исключительно Синода, попадаютъ вдругъ такія, какъ «Азбука французская», М. тип. унив. 1782 г. «Азбука нѣмецкая», М. тип. Нов. 1780 г. «Азбука итальянская», М. тип. Нов. 1783 г. «Творенія эпическія» Михаила Хераскова. М. унив. тип. 1787 г. «Собраніе духовныхъ стихотвореній Сумарокова». М. въ компан. тип. 1787 г. «Духовныя сочиненія Ломоносова» и даже «Сочиненія и переводы Василія Тредьяковскаго», Спб. 1758 г. Думалъ ли Василій Кириловичъ, когда онъ доносилъ на своихъ враговъ въ Синодъ за провинности противъ религіи, что его собственныя сочиненія, 18 лѣтъ спустя послѣ его смерти, будутъ предаваться сожженію духовною цензурою!..

Какъ бы то ни было, но этимъ новымъ ударомъ дѣятельность масоновъ была потрясена въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Потерявши возможность вести свою пропаганду путемъ изданія нравственныхъ и мистическихъ книгъ, потерпѣвши страшные убытки вслѣдствіе обрушившагося на нихъ погрома, «Типографическая компанія», равно и всѣ прочія учрежденія масоновъ начинаютъ быстро клониться къ упадку. Такъ, «Педагогическая» и «Переводческая семинарія» были

закрыты еще въ 1786 году. Затѣмъ 1-го мая 1789 г. кончился срокъ десятилѣтняго контракта Новикова съ университетомъ, и Екатерина почти за годъ до окончанія этого срока озаботилась о томъ, чтобы типографія не была снова отдана Новикову, и отъ 19-го октября 1788 г. она посылаетъ Еропкину слѣдующій подтвердительный указъ: «Петръ Дмитріевичъ! Подтверждаемъ и теперь прежнее наше повелѣніе, чтобы университетская типографія по истеченіи срока на содержаніе поручику Новикову не была отдана; о чемъ вы кураторамъ московскаго университета объявите».

И дѣйствительно, по истеченіи срока контракта университетская типографія, равно и «Московскія Вѣдомости» сданы были по торгамъ коллежскому ассесору Свѣтушкину, отъ котораго типографія перешла въ аренду купцу Василію Ивановичу Окорокову въ декабрѣ того же года. Въ № 34 «Московскихъ Вѣдомостей», 1789 года Новиковъ простился съ публикой, благодаря ее за десятилѣтнюю поддержку его предпріятій и объявилъ, что отнынѣ книжная лавка его у Никольскихъ воротъ не будетъ уже называться университетскою, которая переходитъ въ домъ межевой канцеляріи на Тверскую, а останется подъ фирмою Кольчугина и Переплетчикова.

Дѣла «Типографической компаніи» въ свою очередь съ каждымъ годомъ шли хуже и хуже; наконецъ положеніе ея сдѣлалось безвыходно, долги возросли до 300,000 р., и члены ея были вынуждены въ ноябрѣ 1791 года составить актъ объ ея уничтоженіи. Въ силу этого акта Новикоковъ оставляетъ за собою домъ у Никольскихъ воротъ, всѣ книги, напечатанныя въ типографіяхъ общества, типографію и Спасскую аптеку. Всѣ члены обязались не изъявлять впредь никакихъ претензій другъ къ другу, а отсутствующіе должны были подчиниться всѣмъ постановленіямъ акта.

Между тѣмъ реакція, возбуждаемая ужасомъ разгоравшейся французской революціи, дѣлала бóльшіе и бóльшіе успѣхи. Самые близкіе друзья и сподвижники оставляли теперь мартинистовъ и отрекались отъ нихъ. Такъ напримѣръ Карамзинъ, обязанный имъ всѣмъ своимъ умственнымъ развитіемъ и возникающею славою, публично отказывается теперь отъ всякой солидарности съ ними и въ публикаціи объ изданіи «Московскаго журнала» на 1791 годъ объявилъ, что въ планъ его не входятъ лишь пьесы «теологическія и мистическія». Масонскія ложи въ свою очередь закрывались одна за другою и смѣнялись иного рода учрежденіями, совершенно противуположнаго характера. Такъ Петръ Ивановичъ Мелиссино, братъ университетскаго куратора, заслуженный артиллерійскій генералъ, старинный масонъ, основатель особенной ложи въ Петербургѣ, былъ призванъ къ императрицѣ и по ея повелѣнію долженъ былъ закрыть ее, а вмѣсто этой ложи ему было дозволено учредить подъ его предсѣдательствомъ «Филадельфическое общество», которое составилось изъ молодыхъ столичныхъ развратниковъ и имѣло цѣлью предаваться всевозможнымъ безпутствамъ. Примѣръ этому подавали тогда братья Зубовы, окруженные толпою угодниковъ. Развращеніе нравовъ быстро распространялось и снимало съ себя всякія личины. Такъ около этого же времени учредился въ Москвѣ «Еввинъ клубъ», въ которомъ еженедѣльно совершались лицами обоего пола, принадлежавшими къ высшему обществу, неслыханныя сатурналіи и безчинство это продолжалось болѣе двухъ лѣтъ.

Начались аресты, допросы, истязанія, ссылки, и, какъ всегда это бываетъ въ подобныя мрачныя эпохи, явился и свой жестокій человѣкъ, вставшій во главѣ террора.—Таковъ былъ начальникъ тайной канцеляріи тайный совѣтникъ и ка-

валеръ Степанъ Ивановичъ Шешковскій, котораго Радищевъ называетъ «великимъ инквизиторомъ Россіи». Одно имя этого страшнаго человѣка наводило всеобщій трепетъ. Отъ его когтей не спасали никакое высокое положеніе и связи. Такъ изъ записокъ кн. И. М. Долгорукова мы видимъ, что нѣкоторыя фрейлины были высѣчены имъ за держаніе у себя и распространеніе какихъ-то каррикатуръ. «По дѣлу о каррикатурахъ и ругательныхъ сочиненіяхъ, говоритъ по всей вѣроятности о томъ же самомъ Радищевъ (Русск. Стар. II, стр. 637)—нѣсколько придворныхъ особъ были у него въ передѣлкѣ. Въ С.-Петербургѣ у него было много дѣла всякій день. однакожъ онъ былъ посылаемъ и въ другіе города. Когда напримѣръ многими недовольными въ Москвѣ были говорены неприличныя рѣчи, и это дошло до свѣдѣнія императриц[illegible] девяностыхъ годахъ) видѣла въ нихъ сѣмена возмущенія и старалась ихъ подавить. Она прислала туда Шешковскаго. Вся Москва вострепетала, и это дѣло по оштрафованіи нѣсколькихъ лицъ было оставлено». По всей вѣроятности объ этомъ же самомъ посѣщеніи Москвы Шешковскимъ сообщилъ М. Н. Лонгинову московскій старожилъ В. А. Юни, бывшій съ 1792 года офицеромъ въ одномъ изъ полевыхъ мушкатерскихъ батальоновъ. (См. Р. В. 1860 года, т. XXV). По его словамъ онъ не разъ стоялъ въ караулѣ въ домѣ, гдѣ въ бытность Шешковскаго въ Москвѣ помѣщалась тайная канцелярія. Домъ этотъ на Мясницкой, гдѣ нынѣ духовная консисторія. Шешковскій ѣздилъ по городу ночью и арестовывалъ людей, казавшихся ему подозрительными. Возвратясь домой, онъ запиралъ на ключъ весь караулъ, чтобы караульные не могли видѣть, кого онъ привезъ, а потомъ уже вводили во дворъ арестованныхъ. Утромъ, часовъ въ 8 начинался допросъ приведенныхъ, о которыхъ свидѣтельствовали жалобные вопли и крики допрашиваемыхъ. На время, когда ихъ выпускали, караулъ опять запирался на ключъ. Многіе, взятые Шешковскимъ, были ссылаемы.

Между тѣмъ 9 февраля 1790 года благодушный Еропкинъ былъ уволенъ отъ должности главнокомандующаго Москвы, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-аншефъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій. Это былъ старый фронтовый генералъ, надменный, ограниченный, плохо образованный и ненавидящій просвѣщеніе, полагавшій въ то же время, что все на свѣтѣ можетъ и должно подчиняться военной дисциплинѣ, и что администрація состоитъ въ одномъ наблюденіи за сохраненіемъ порядка, понимаемаго въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Назначеніе его имѣло спеціальную цѣль обуздать строптивую Москву, въ особенности же подвергнуть при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ строгому надзору подозрительныхъ мартинистовъ. Онъ получилъ инструкціи для исполненія своей обязанности и конечно принялъ ихъ съ полною готовностью осуществлять ихъ на дѣлѣ. Усердіе его было таково, что не нуждалось въ новыхъ приказаніяхъ, если понадобилось бы дѣйствовать рѣшительно и круто. Потемкинъ, узнавши о назначеніи князя Прозоровскаго, превосходно очертилъ его въ письмѣ къ императрицѣ: «Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества». (Русск. Вѣстн. 1858 г. № 15, стр. 457).

При такихъ условіяхъ очень понятно, что положеніе мартинистовъ было крайне критическое, и судьба ихъ висѣла на волоскѣ. Они были со всѣхъ сторонъ окружены сыщиками, слѣдившими за каждымъ ихъ шагомъ; всѣ письма ихъ распечатывались. Правительство ждало только повода къ арестованію ихъ. Такъ уже въ 1791 году императрица спросила князя Прозоровскаго, который постоянно чер-

нилъ передъ нею Новикова и друзей его, для чего онъ его не арестуетъ? Кн. Прозоровскій отвѣчалъ, что стоитъ ей лишь приказать. Екатерина долго колебалась и наконецъ возразила: «нѣтъ, надо найти причину».

Но за причиною дѣло не стало. Въ 1788 году вышла въ свѣтъ книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Исторія о отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ, яже за благочестіе, святые церковные законы и преданія въ настоящія времена пострадали; тутъ же и челобитная монаховъ Соловецкаго монастыря къ царю Алексѣю Михайловичу, повѣсть о бѣломъ клобукѣ и другія статьи». Книга эта, кромѣ того, что была сама по себѣ нецензурна, такъ какъ представляла апологію раскола, была сверхъ того преступна и по отношенію къ вышеупомянутому указу 27-го мая 1787 г., запрещавшему издавать книги, относящіяся до религіи въ какихъ бы то ни было типографіяхъ, кромѣ синодальныхъ. Кѣмъ издана и въ какой типографіи напечатана эта книга, до сихъ поръ покрыто мракомъ неизвѣстности. Но эта именно неизвѣстность и подала поводъ правительству приписать ея изданіе мартинистамъ. И вотъ 13-го апрѣля 1792 года князь Прозоровскій получилъ указъ императрицы, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ:

Недавно появилась въ продажѣ книга, напечатанная церковнымъ шрифтомъ и заключающая въ себѣ разныя раскольническія сочиненія, противныя духу православія и правительству. Заглавный листъ ея выдранъ; но въ другихъ подобныхъ книгахъ значится, будто онѣ изданы въ Гроднѣ. Однако, можно полагать, что онѣ печатаются въ Москвѣ скорѣе всего у Новикова, который, «какъ слышно», завелъ у себя въ подмосковной типографію независимо отъ Московской. Вслѣдствіе этого предписывается: командировать въ эту подмосковную одного изъ совѣтниковъ судебныхъ палатъ и изъ засѣдателей верховнаго земскаго суда, которые должны произвести тамъ внезапный обыскъ. Если при этомъ найдены будутъ упомянутая книга или церковные шрифты, то это послужитъ достаточнымъ доказательствомъ тому, что Новиковъ ея издатель, и тогда онъ долженъ лишиться права содержать типографію и подвергнуться взысканію за нарушеніе законовъ. Для открытія же истины слѣдуетъ Новикова взять подъ присмотръ и допросить, а также изслѣдовать, какимъ образомъ, не бывши владѣльцемъ наслѣдственнаго значительнаго имѣнія, онъ считается теперь человѣкомъ весьма достаточнымъ и можетъ ли доказать при этомъ свое «безкорыстное поведеніе». Наконецъ Прозоровскому предписывалось донести обо всемъ, что откроется, «обстоятельно и немедленно».

Результатомъ этого указа было слѣдствіе надъ мартинистами и арестъ Новикова. Мы не будемъ входить во всѣ подробности этого дѣла, обстоятельно изложеннаго въ книгѣ М. Н. Лонгинова «Новиковъ и московскіе мартинисты», и выберемъ изъ него то, что прямо касается нашего предмета—цензуры. Такъ получивши 18-го апрѣля указъ императрицы, князь Прозоровскій прежде всего приказалъ одному «довѣренному человѣку изъ благородныхъ людей», не открывая ему впрочемъ ничего, съѣздить въ лавки и купить книгу, о которой шла рѣчь. Довѣренный человѣкъ привезъ какую-то книжку о раскольникахъ, но совсѣмъ не ту какая требовалась, и вмѣстѣ съ тѣмъ экземпляръ запрещенной «Новой киропедіи», которой всѣ экземпляры были конфискованы, почему Прозоровскій заключилъ, что Новиковъ противузаконно перепечаталъ ее вновь. Для ареста Новикова и слѣдствія надъ нимъ была такимъ образомъ найдена достаточная причина.

Утромъ, 22-го апрѣля совѣтникъ уголовной палаты Дмитрій Адамовичъ Олсуфьевъ, губернскій стряпчій Даниловъ и засѣдатель земскаго суда Писаревъ по приказанію Прозоровскаго прибыли въ подмосковную Новикова Авдотьино и

приступили къ обыску. Всѣ бумаги и книги Новикова были конфискованы. Но въ домѣ его не нашлось никакихъ признаковъ типографскаго производства, ни церковныхъ литеръ. Происшествіе это произвело сильное потрясеніе въ Новиковѣ. Съ нимъ сдѣлались спазмы и частые обмороки, такъ что онъ просилъ позволенія исповѣдываться и пріобщиться, что ему не разрѣшили. Однако Олсуфьевъ нашелъ положеніе его опаснымъ и рѣшился оставить его на дому подъ присмотромъ Никитскаго городничаго съ его командой и на медицинскомъ попеченіи жившаго въ Авдотьинѣ доктора Багрянскаго; самъ же Олсуфьевъ возвратился въ Москву съ забранными книгами и бумагами, которыя и доставилъ главнокомандующему 23-го апрѣля.

Тотъ же день, 22-го апрѣля, надѣлалъ не мало тревоги и въ самой Москвѣ. Оберъ-полиціймейстеръ и полиціймейстеръ произвели обыскъ въ бывшемъ компанейскомъ домѣ; прокуроръ Колычевъ и частный приставъ Ивановъ—въ книжной лавкѣ Новикова и магазинѣ «типографіи»; совѣтникъ казенной палаты Буланинъ и частные пристава Семеновъ и Пименовъ—во всѣхъ вольныхъ книжныхъ лавкахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ найдены были не показанныя въ печатныхъ каталогахъ 20 книгъ, скрытно продававшихся, хотя и запрещенныхъ въ 1786—87 гг., и 48 книгъ, печатанныхъ безъ указаннаго дозволенія. Поэтому хозяева лавокъ были взяты подъ стражу, а лавки ихъ всѣ запечатаны. Прозоровскій сейчасъ же сталъ допрашивать книгопродавцевъ. Всѣ, кромѣ Никиты Никифоровича Кольчугина, сначала хотѣли скрыть, что получили эти книги отъ Новикова, но потомъ сознались и сказали, что развозили ихъ по ярмаркамъ; Кольчугинъ же, имѣвшій свои три книжныя лавки и бывшій сверхъ того приказчикомъ въ лавкѣ Новикова у Никольскихъ воротъ, прямо сознался, что запрещенныхъ книгъ хранится на сумму 5,000 рублей въ кладовыхъ гостиннаго двора и на суконной фабрикѣ на старомъ кадетскомъ монетномъ дворѣ, за Москвой рѣкой. Прозоровскій велѣлъ разбирать всѣ книги въ лавкахъ и особо откладывать запрещенныя.

Апрѣля 23-го Прозоровскій по пріѣздѣ Олсуфьева изъ Авдотьина, считая ненадежнымъ Никитскаго городничаго, отправилъ туда маіора гусарскаго эскадрона князя Жевахова съ 12 гусарами, приказавъ ему караулить Новикова и привезти его въ Москву, какъ только позволитъ его здоровье. Жеваховъ съ командою прибылъ въ Авдотьино 24 числа. Тамошніе крестьяне съ изумленіемъ и испугомъ увидѣли отрядъ гусаръ, спускавшихся съ горы къ сторонѣ Коломенской дороги. Жеваховъ вошелъ въ домъ и нашелъ Новикова въ болѣзненномъ состояніи; онъ нерѣдко падалъ въ обморокъ. Несмотря на это, часа черезъ два Новикова посадили въ кибитку и повезли въ Москву подъ конвоемъ. Крестьяне горько плакали о несчастіи, постигшемъ любимаго помѣщика, и когда вѣсть объ этомъ разнеслась по окрестностямъ, сосѣди были поражены уныніемъ и ужасомъ; они любили и уважали Новикова, который оказывалъ имъ разныя услуги. Экспедиція Жевахова имѣла страшныя послѣдствія для дѣтей Новикова. Отъ страха сынъ его пораженъ былъ эпилепсіей, отъ которой страдалъ всю жизнь, а старшая дочь впала въ неизлѣчимую болѣзнь.

Жеваховъ привезъ Новикова прямо къ Прозоровскому, и тотъ немедленно же снялъ съ него допросъ. При этомъ допросѣ Новиковъ между прочимъ повинился, что выдавалъ Кольчугину для продажи запрещенныя книги, при чемъ прибавилъ, что духовныя книги печатались болѣе потому, что на нихъ увеличивалось требованіе и цензуровались онѣ духовными лицами, а затѣмъ послѣ отказовъ послѣднихъ отъ цензуры,—полицейскими и университетскими чиновниками. При этомъ

Прозоровскій выразилъ самое грубое невѣжество: допрашивая Новикова, онъ взялъ какую-то изъ отобранныхъ у него книгъ и, указывая цифры, обозначавшія въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту ссылки на главы и стихи книгъ св. писанія, сказалъ: «вотъ тутъ, подъ этими условными знаками скрываются ваши зловредные замыслы и преступныя ученія; но все это теперь откроется».

Однакоже послѣ нѣсколькихъ допросовъ Прозоровскій не рѣшился отдать Новикова подъ судъ, «потому что сдѣланные ему допросы препроводить въ судъ нельзя, а надо дѣлать новые въ особой комиссіи изъ довѣренныхъ лицъ. Прежніе же отвѣты Новикова потому неудобны для передачи въ судъ, что въ нихъ говорится о масонахъ и т. п.; это повело бы къ вопросамъ о томъ, что такое массонство и дало бы подсудимому способы замѣшать дѣло».

Мая 10-го получился Прозоровскимъ указъ императрицы о высылкѣ Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость, и Новиковъ былъ немедленно препровожденъ подъ сильнымъ конвоемъ и въ концѣ мая былъ уже въ Шлиссельбургѣ, гдѣ его заточили въ тотъ самый казематъ, въ которомъ нѣкогда томился другой знаменитый узникъ—императоръ Іоаннъ Антоновичъ. Далѣе слѣдуютъ нѣсколько допросовъ Шешковскаго, касающихся преимущественно масонскихъ дѣлъ и разныхъ подозрѣній политическаго характера. Что же касается книжнаго дѣла, то Новиковъ утверждалъ во время этихъ допросовъ, что запрещенныя въ 1786 году книги никогда не были перепечатаны, что при распродажѣ ихъ Кольчугинымъ, помощниковъ у него не было; что переводчики этихъ книгъ ему неизвѣстны; кромѣ книгъ, взятыхъ у него при арестѣ, никакихъ другихъ въ тайной типографіи печатано не было; что самъ онъ никогда не таилъ именъ авторовъ и переводчиковъ книгъ, издаваемыхъ имъ; что никогда ни онъ, ни товарищи его не приписывали самому Спасителю сочиненіе нѣкоторыхъ мистическихъ книгъ; наконецъ что изъ церковныхъ и монастырскихъ книгохранилищъ ни онъ, ни друзья его не брали никогда никакихъ книгъ. При этомъ замѣчательно, что, судя по отвѣтамъ Новикова, его вовсе не спрашивали объ изданіи «Исторіи о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ», несмотря на то что книга эта служила главнымъ поводомъ къ его аресту.

Дальнѣйшая судьба Новикова хорошо всѣмъ извѣстна. Не найдя въ слѣдствіи надъ масонами и отвѣтахъ Новикова ничего такого, за что бы можно было предать его законному суду, тѣмъ не менѣе 1-го августа 1792 года Екатерина подписала въ Царскомъ селѣ рѣшительный указъ по этому дѣлу, въ которомъ между прочимъ говорилось, что хотя Новиковъ не открылъ тайныхъ замысловъ своихъ, но всѣхъ изложенныхъ въ 6 пунктахъ обвиненій довольно, чтобы подвергнуть его «по силѣ законовъ тягчайшей и нещадной казни». Однако Екатерина, слѣдуя сродному ей человѣколюбію и желая оставить ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія», ограничилась приказаніемъ «запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость».

Между тѣмъ слѣдствіе надъ книжнымъ дѣломъ въ Москвѣ продолжалось. Такъ 20-го мая, въ то время когда Новикова везли еще въ Петербургъ, Прозоровскій препроводилъ государынѣ какую-то найденную у него французскую книжку, хотя Новиковъ и увѣрялъ прежде, что не знаетъ пофранцузски. Къ этому Прозоровскій присовокуплялъ реестръ книгъ на этомъ языкѣ, купленныхъ Новиковымъ у купца Бибера,и просилъ, чтобы приняты были мѣры къ пресѣченію торговли запрещенными иностранными книгами, которыя всѣ безъ исключенія можно было получать въ Москвѣ.

Книжныя лавки, въ которыхъ были найдены религіозныя книги, вопреки указа 27-го іюля 1787 г. оставались запечатанными. Купцы ихъ подали императрицѣ прошеніе о томъ, чтобы лавки были отпечатаны. По этому прошенію императрица предписала Прозоровскому 18-го августа 1792 г. «учинить немедленно рѣшеніе, съ законами согласное», и донести ей. Прозоровскій конечно объяснилъ императрицѣ въ особомъ донесеніи о томъ, что просители нарушили указъ 27-го іюля 1787 г., и императрица отъ 31-го августа опять предписала ему «учинить законное рѣшеніе», и, не приводя его въ исполненіе, представить на ея усмотрѣніе, приложивъ къ постановленію и мнѣніе главнокомандующаго. Вслѣдствіе этого наряженъ былъ надъ обвиненными книгопродавцами судъ, состоявшій изъ трехъ инстанцій: низшую инстанцію составляли московскій городской магистратъ, уѣздный и нижній надворные суды; среднюю—губернскій магистратъ, верхній земскій и верхній надворные суды; высшую — палата уголовнаго суда.

Это былъ первый процессъ въ Россіи по дѣламъ печати. Никакого закона, налагающаго наказаніе за торговлю запрещенными книгами, въ то время еще не существовало и судьямъ предстояло подводить вину подсудимыхъ къ какимъ-либо побочнымъ законамъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ даннымъ обвиненіямъ. Къ этому надо прибавить, что здѣсь дѣйствовало вліяніе кн. Прозоровскаго, предрѣшившаго подсудимымъ кару по возможности самую строгую. И вотъ мы видимъ, что большинство судей остановилось на грозномъ указѣ 1720 года, въ которомъ говорится объ ослушаніи публикованныхъ указовъ и полагаются за это ослушаніе жесточайшія наказанія. Въ результатѣ этого примѣненія указа 1720 года получился рядъ приговоровъ, придавшихъ первому нашему процессу по дѣламъ печати чисто драконовскій характеръ. Особенно въ этомъ отношеніи отличились низшія судебныя инстанціи, которыя, придерживаясь буквальнаго смысла вышеозначеннаго указа, приговорили большинство обвиненныхъ—*вмѣсто смертной казни, къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и постановленіемъ знаковъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу.* Но среднія инстанціи, и въ особенности уголовная палата въ значительной степени смягчали приговоры низшихъ инстанцій, такъ что въ результатѣ получились слѣдующія рѣшенія: Никиту Кольчугина, купца 2-й гильдіи—написать въ рабочіе люди въ уѣздный городъ, купцовъ 3-й гильдіи: Ивана Переплетчикова, Матвея Глазунова, Тимофея Полежаева, Ивана Козырева, Ивана Луковникова и московскаго университета переплетчика Никиту Водопьянова—наказавъ кнутомъ, написать въ уѣздныхъ городахъ въ рабочіе люди; 3-ей гильдіи купца Петра Заикина, какъ по простотѣ преступившаго въ страхъ, дабы впредь былъ осторожнѣе, наказать плетьми; 3-ей гильдіи купца Василія Глазунова—отдать на мѣсяцъ въ рабочій домъ; купца 3-ей гильдіи Семена Иванова, мѣщанина Ивана Шелковникова, 3-ей гильдіи купца Сергѣя Топинскаго и серпуховскаго мѣщанина Алексѣя Телепнева—оставить безъ наказанія но подтвердить имъ чтобы впредь запрещенными книгами не торговали; наконецъ относительно иностранца Беллентина, прикащика петербургскаго купца Миллера, было опредѣлено объ изслѣдованіи и поступленіи по законамъ съ с.-петербургскимъ купцомъ Миллеромъ сообщить тамошнему губернскому правительству.

Эта сравнительная мягкость приговоровъ среднихъ и высшихъ инстанцій относительно низшихъ безъ сомнѣнія во многихъ отношеніяхъ зависѣла отъ того, что въ высшихъ инстанціяхъ встрѣтились независимые голоса людей

сколько-нибудь просвѣщенныхъ и гуманныхъ, рѣшившихся выступить противъ предрѣшающаго вліянія князя Прозоровскаго. Такъ въ среднихъ инстанціяхъ депутатъ московскаго университета надворный совѣтникъ Жегулинъ предложилъ уподобить обвиненныхъ торгующими запрещенными товарами и поступить съ ними «по разуму законовъ о запрещенныхъ товарахъ». Еще большею мягкостью отличалось мнѣніе ассесора уголовной палаты Горюшкина, предложившаго на основаніи законовъ о запрещенной торговлѣ взыскать съ книгопродавцевъ то, что стоили найденныя у нихъ запрещенныя книги. Это мнѣніе вывело изъ себя князя Прозоровскаго, и вотъ что онъ пишетъ объ этомъ предметѣ въ представленіи своемъ императрицѣ:

«А какъ Горюшкинъ въ голосѣ своемъ помѣстилъ непринадлежащее до сужденія его, ибо хотя оправдывать оныхъ книгопродавцевъ, старался отдалить, будто бы указъ 1720 году, какъ нижнія инстанціи опредѣлили, къ преступленію ихъ не подходитъ; а возлагалъ вину на Новикова и типографію, и можно сказать, наполнилъ его одпѣми пустословіями и нелѣпостью. А такъ какъ и нижнія инстанціи по допросамъ подсудимыхъ и паче Кольчугина, что книги получены отъ Новикова и Ивана Лопухина, вошли было въ изслѣдованіе, то я губернскому прокурору замѣтилъ, что до сего касаться уже не должно, какъ сіе дѣло суждено и вашимъ величествомъ рѣшено; равно и сіи книгопродавцы были мною допрашиваемы и признаны винными, какъ и сами въ поданномъ къ вашему величеству прошенію вину свою признаютъ; слѣдственно и есть высочайшая воля вашего величества, чтобы судомъ сказать, чего они преступленіями своими заслуживаютъ; а посему прокуроръ и въ уголовной палатѣ ему, Горюшкину, замѣчанія дѣлалъ, наконецъ, предложилъ палатѣ диспутъ; и я, по донесенію мнѣ прокурора, далъ палатѣ письменное предложеніе въ вышеизъясненныхъ словахъ, какъ я и прокурору словесно замѣчалъ, но по непонятью ль, или по упрямству его, Горюшкина, все сіе недовольно было отвратить сего отъ несообразнаго къ сему дѣлу голоса. а посему уже его упрямству далъ я предложеніе палатѣ, въ которомъ ему, сдѣлавъ должное замѣчаніе, рекомендовалъ впредь мнѣнія полагать по точности дѣла и по прямому разуму закона».

При всемъ томъ, представляя вышеозначенные приговоры императрицѣ, князь Прозоровскій ходатайствовалъ однакоже о прощеніи книгопродавцевъ: «наипаче, писалъ онъ, Кольугина, который чистосердечно признался мнѣ въ винѣ своей и объявилъ, гдѣ скрыты были запрещенныя книги, что способствовало мнѣ открыть скорѣе непохваленные поступки Новикова».

Представленіе это было послано въ Петербургъ въ августѣ 1793 года, но тамъ дѣло книгопродавцевъ оставалось безъ движенія цѣлые три года, въ которые обвиненные ждали въ заключеніи рѣшенія своей участи. Наконецъ 2-го іюля 1796 года указомъ императрицы повелѣно было: Кольчугина и десять другихъ обвиненныхъ и осужденныхъ книгопродавцевъ призвать въ уголовную палату, прочесть имъ состоявшіяся о нихъ рѣшенія и объявить имъ, что имъ даруется прощеніе по случаю рожденія великаго князя Николая Павловича.

Между тѣмъ книги, отобранныя изъ складовъ Новикова, равно изъ его имѣнія, были отданы на просмотръ разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ московскимъ цензорамъ. Въ «Чтеніяхъ въ имп. общ. ист. и древн. рос. при моск. универ.», въ № 3, 1871 года напечатанъ списокъ этихъ книгъ, цензурованныхъ архимандритомъ Меѳодіемъ, трехсвятительскимъ протопопомъ Іоанномъ и др. Передъ каждымъ названіемъ книги значится цензорская помѣтка о ея зловредности. Большинство этихъ помѣтокъ трактуетъ о несогласіи книгъ съ догматами и ученіемъ православной церкви, но нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ своею курьезностью. Такъ подъ № 63 значится «Гарвоада радостныя мысли», а противъ нея цензорская помѣтка: «*Книга неважная и ненужная*»; № 64—«О приключеніяхъ графа Бонвеля», «*Книга почти лишняя*», № 65—«Приключеніе Теострика Илiебразы»—

«*Въ сей книгѣ не усматривается нужды*», № 69—«Листы безъ подписанія»—«*Сіи листы и не примѣчательны и не служатъ къ употребленію*», и т. под.

11-го февраля 1793 г. императрица предписала князю Прозоровскому предать всѣ эти книги огню. Распорядиться этимъ поручено 31-го октября 1793 года Курбатову, который донесъ 14-го ноября, что 18,656 экземпляровъ такихъ книгъ имъ сожжено, причемъ найденные годными 1,964 экземпляра переданы въ Заиконоспасскую академію и 5,194—въ университетъ. Въ апрѣлѣ 1794 года неожиданно былъ открытъ въ Гендриковскомъ домѣ еще одинъ книжный складъ, остававшійся до того времени по какому-то случаю неотпертымъ и неосмотрѣннымъ. Вѣроятно и тамъ нашлись запрещенныя книги, потому что изъ дѣла видно, что Курбатовъ долженъ былъ произвести еще два подобныя аутодафе 20-го апрѣля и 15-го іюля 1794 г. Въ дѣлѣ не сказано, сколько уничтожено тогда книгъ, но извѣстно, что при этомъ случаѣ князь Прозоровскій велѣлъ отложить въ число вредныхъ и потому сожженныхъ книгъ переводъ Карамзина «Юлія Цезаря» Шекспира. Этотъ достопамятный фактъ долженъ быть принятъ во вниманіе шекспирофилами, занимающимися археологическими изысканіями твореній великаго трагика и всѣхъ ихъ судебъ: интересно было бы знать, былъ ли гдѣ-либо и когда-либо въ Европѣ другой подобный же случай сожженія хоть одной трагедіи Шекспира?

III.

Послѣ разгрома мартинистовъ цензурные громы не замедлили перейти и на головы другого лагеря интеллигенціи екатерининской эпохи, именно такъ называемыхъ «вольтеріанцевъ». До разгара французской революціи этотъ лагерь былъ подъ особымъ покровительствомъ двора. Мы видѣли, какъ отнеслась императрица къ трагедіи Николева, видѣли, какъ переводы энциклопедистовъ, подвергнутые строгому приговору Платона, остались незапрещенными. Но совершенно другое пошло дѣло, когда ужасы французской революціи взволновали всѣ европейскіе дворы и начали приписываться исключительно вліянію энциклопедистовъ. Тогда русскія высшія сферы, не уступавшія до того времени прочимъ европейскимъ верхамъ своимъ свободомысліемъ и покровительствомъ философамъ, вдругъ преисполнились благочестія и преданности священнымъ преданіямъ, и начались подозрительные поиски повсюду отраслей французскихъ революціонныхъ плевелъ.

Первый ударъ грома обрушился надъ головою злополучнаго Александра Николаевича Радищева съ его знаменитою книгою «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

Получивши блестящее образованіе особенно послѣ путешествія за-границею и слушанія лекцій въ лейпцигскомъ университетѣ, А. Н. Радищевъ былъ одинъ изъ числа немногихъ въ то время русскихъ, всосавшихъ гуманныя идеи, бродившія въ Европѣ, въ плоть и кровь, и глубоко проникшихъ въ нихъ, сдѣлавшихъ ихъ своею религіею. Книга его была не однимъ продуктомъ авторскаго тщеславія, желанія блеснуть моднымъ радикализмомъ и сатирическою солью, какъ многіе думали въ его время, думаютъ и нынѣ. Вся она отъ первой до послѣдней страницы обнаруживаетъ своимъ горькимъ, безъ преувеличенія можно сказать рыдающимъ тономъ, что она была выстрадана, и въ появленіи ея нельзя не видѣть нѣчто роковое, неизбѣжное. Въ самомъ дѣлѣ вы представьте себѣ только передового че-

ловѣка, стоящаго въ уровнѣ европейскихъ идей той эпохи среди русскихъ порядковъ, окружавшихъ его. Въ то время какъ на Западѣ развертывались великія событія и кружили голову, раскрывая блестящія, радужныя перспективы, въ Россіи съ каждымъ годомъ дѣлалось все глуше, мрачнѣе и безнадежнѣе. Черствое, безчеловѣчное беззаконіе сверху до низу, масса злоупотребленій, варварской жестокости и всевозможной житейской грязи полудикаго, инертнаго общества, все это росло не по днямъ, а по часамъ. Куда ни обращалъ свой взоръ такой человѣкъ, повсюду онъ натыкался на что-нибудь такое, отъ чего сердце его обливалось кровью и желчь закипала ключомъ. Прибавьте къ этому собственное безотрадное положеніе Радищева: человѣкъ сгараетъ жаждою приложить свои силы и знанія сообразно своимъ идеямъ, и вдругъ оказывается, что этого отъ него никто не требуетъ и не нуждается; жизнь его представляется вся наполненною удручающею канцелярскою рутиною и обыденными дрязгами службы по таможенному вѣдомству. Какой ни на есть исходъ нуженъ былъ тому, что накипѣло въ немъ въ теченіи всѣхъ 40 лѣтъ его жизни, и вотъ исподволь, въ свободныя минуты отъ службы онъ строчитъ книгу, въ которой изливаетъ всю свою душу. Книгу эту чиновникъ таможенной палаты пишетъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ.

И дѣйствительно книга Радищева является не какимъ-либо отвлеченнымъ публицистическимъ трактатомъ или рядомъ холодныхъ обличеній; это положительно вопль современника съ душою о всѣхъ тѣхъ мерзостяхъ, какія совершались вокругъ него. Правда въ книгѣ попадаются мѣстами общія разсужденія въ радикальномъ духѣ какъ эхо той бури, какая разгоралась въ то время на Западѣ, но не эти разсужденія, пришитыя къ книгѣ на живую нитку и которыя безъ труда можно всѣ выбросить, составляютъ главное ея достоинство и содержаніе, а именно та яркая картина современныхъ нравовъ, которая развертывается передъ вами на ея страницахъ, масса фактовъ всякаго рода беззаконій, безчеловѣчія и жестокостей, фактовъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни, такъ что многіе современники, не исключая Екатерины, угадывали безъ труда, о какихъ лицахъ идетъ дѣло въ томъ или другомъ мѣстѣ книги. Конечно это послѣднее обстоятельство въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ выраженныя въ «Путешествіи» идеи сгубило книгу и самого автора.

Въ исходѣ 1788 года книга была готова. Очень возможно, что автору и въ голову въ это время не приходило, какая буря виситъ надъ его головою *). По крайней мѣрѣ впослѣдствіи онъ говорилъ, что еслибы онъ выдалъ свое «Путешествіе» за 10 или 15 лѣтъ до французской революціи, то онъ вмѣсто ссылки скорѣе былъ бы награжденъ на томъ основаніи, что въ его книгѣ есть очень полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству. Въ исходѣ же 1788 года о революціи никто еще не помышлялъ, и очень возможно, что Радищевъ, собираясь печатать свою книгу, мечталъ, что она принесетъ ему не одни лавры авторской славы, но и милости свыше. Тотчасъ же по окончаніи своего труда и переписки его на-бѣло таможеннымъ надзирателемъ Царевскимъ Радищевъ отправилъ ее для цензуры въ С.-Петербургскую Управу благочинія, черезъ таможеннаго надсмотрщика Мейснера. Въ концѣ лѣта 1789 года рукопись была возвращена Мейснеру съ нѣкоторыми цензурными поправками Управы благочинія и съ подписью оберъ-полиціймейстера Рылѣева, который нетолько

---

*) «Русск. Архивъ», 1872 г., стр. 928–953. О Радищевѣ, М. Щугурова.

ничего въ ней не вымаралъ, но и не читалъ ея, не счелъ нужнымъ даже справиться объ имени сочинителя и «зря подписалъ свое благословеніе».

Получивъ цензурное разрѣшеніе, Радищевъ обратился-было для напечатанія своей рукописи къ содержателю типографіи купцу Селивановскому, но тотъ, прочтя рукопись, отказался печатать ее, не смотря на подпись Рылѣева. Тогда Радищевъ рѣшился завести свою собственную типографію и дѣйствительно лѣтомъ 1789 года купилъ у Шнора типографскій станокъ, который и помѣстилъ въ своемъ домѣ въ Грязной улицѣ, близь Владимірской. На этомъ станкѣ ему удалось напечатать лишь два своихъ сочиненія: — «Письмо къ другу въ Тобольскъ» и «Путешествіе». Наборщикомъ при печатаніи этихъ сочиненій былъ подчиненный Радищева таможенный надсмотрщикъ Богомоловъ, а тисненіемъ занимались крѣпостные люди Радищева. Въ половинѣ 1790 года книга вышла въ свѣтъ. Радищевъ отдалъ для продажи купцу Зотову 25 экземпляровъ ея и нѣсколько экземпляровъ роздалъ своимъ пріятелямъ. Книга по свидѣтельству Гельбига начала быстро расходиться, «начала входить въ моду у многой шали», пишетъ въ своемъ письмѣ объ этомъ предметѣ Безбородко. Но вотъ она попала въ руки Шешковскаго и тотъ поспѣшилъ ее представить императрицѣ. Послѣдняя, прочитавъ книгу, была сильно раздражена противъ нея и написала подробныя подстрочныя примѣчанія *), раскритиковавъ книгу съ первой страницы до послѣдней. «Книга,—пишетъ она въ началѣ этой критики,—печатана въ 1790 году безъ подписи типографіи и безъ видимаго дозволенія въ началѣ, но въ концѣ сказано: *Съ дозволенія управы благочинія*. Сіе вѣроятно ложь, либо оплошность. Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно. Сочинитель той наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства. Онъ же едва ли не мартинистъ, или чего подобное. Знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ. Сложенія унылаго и все видитъ въ темно-черномъ видѣ. Слѣдовательно, черно-желтаго вида. Воображеніе имѣетъ довольно, и на письмѣ довольно дерзокъ... Скажите сочинителю,—говорится далѣе въ примѣчаніяхъ:—что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему лично какой обиды? Ибо судить его не хочу, доньдеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царяхъ, не выслушивая ихъ оправданія»... Кончаются же примѣчанія слѣдующими словами: «о строкѣ «Съ дозволенія Управы Благочинія» скажу, что прибавить къ книгѣ послѣ подписи подписавшаго есть лживый поступокъ и бездѣльство. Стараться надлежитъ узнать, много ли выпущено экземпляровъ и куда дѣвались».

Началось тотчасъ же слѣдствіе. Не мало всполошился Рылѣевъ. Въ сущности онъ былъ главный виновникъ во всемъ этомъ, такъ какъ безъ его разрѣшительной подписи книга не могла бы явиться въ свѣтъ. Онъ бросился сейчасъ же къ императрицѣ и палъ передъ нею на колѣни. Императрица простила «шалуна Никиту» вѣроятно изъ уваженія къ его глупости и вѣтренности. Но не такъ легко обошлось автору книги.

Первымъ дѣломъ были задержаны и спрошены Мейснеръ и Зотовъ, но на вопросъ—кто авторъ книги, они отперлись незнаніемъ. Между тѣмъ Радищевъ въ первомъ порывѣ ужаса предалъ сожженію какъ всѣ бывшіе у него экземпляры книги, такъ и цензурные листы со всѣми остававшимися у него макулатурами,

*) Архивъ князя Воронцова, ч. I, М. 1872 г.

корректурами и оригиналомъ. Это была большая съ его стороны оплошность. Дѣло въ томъ, что онъ послѣ разрѣшенія цензурной его рукописи сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя исправленія: кое-что выпустилъ, кое-что прибавилъ. Исправленія эти по его показаніямъ были самыя ничтожныя и вполнѣ невиннаго характера, но такъ какъ цензурный оригиналъ былъ сожженъ, то подобныя показанія его получили вполнѣ голословный характеръ и не могли быть уважены судомъ. Вслѣдъ за допросами Зотова и Мейснера былъ произведенъ обыскъ и въ домѣ Радищева, и въ концѣ іюня онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость. 13-го іюля 1790 года состоялся рескриптъ Екатерины гр. Я. А. Брюссу о преданіи Радищева суду въ палатѣ уголовнаго суда С.-Петербургской губерніи, и 15-го іюля началось дѣло.

Въ архивѣ князя Воронцова напечатаны отвѣты Радищева на заданные ему вопросные пункты, и надо признаться, что отвѣты эти не обнаружили въ Радищевѣ чувства достоинства. Такъ напримѣръ, на вопросъ—съ какимъ намѣреніемъ писалъ онъ эту книгу, Радищевъ отвѣчалъ, что «главное его намѣреніе состояло въ томъ чтобы прослыть писателемъ и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ о немъ думали; впрочемъ теперь, при объявленіи оной и самъ онъ видитъ, что *она наполнена гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, о чемъ отъ всего сердца и сожалѣетъ*. Францію-жь въ примѣръ онъ не бралъ, хотя *и самъ признается, что сіе похоже на то обстоятельство*, ибо сіе писалъ онъ прежде нежели во Франціи было возмущеніе». На вопросъ,—почему онъ хочетъ уничтожить цензуру, онъ отвѣчалъ: «Признаю мое заблужденіе. Я такъ думалъ, что безъ нея можно обойтись, но теперь вижу изъ собственнаго своего опыта, что она полезна потому болѣе, что если она будетъ существовать, такъ какъ законодательница учредить изволила, то подлинно она спасетъ многихъ подобно мнѣ заблужденно мыслящихъ отъ таковой погибели, въ которую я себя ввергнулъ истинно отъ слабаго своего разсудка». На вопросъ—не чувствуетъ ли онъ со стороны Ея Императорскаго Величества какой себѣ обиды, онъ отвѣчалъ: «Никогда и никакой не чувствовалъ, что всегда носилъ Ея на себѣ милости, да и впредь ожидалъ всего моего и всей моей семьѣ блаженства, и тѣмъ-то мнѣ чувствительнѣе, что я привелъ Высочайшую Ея особу противъ себя въ гнѣвъ; однакожъ уповая на матернія Ея Величества щедроты и человѣколюбіе, о томъ съ рыданіемъ вопію, да отпуститъ прегрѣшенія мои и спасетъ погибающаго со всею своею семьею» и т. п.

Такимъ же униженнымъ тономъ раскаянія преисполнена «повинная», которую Радищевъ представилъ императрицѣ 6-го іюля. Но всѣ эти мольбы и покаянія не послужили къ облегченію участи несчастнаго узника и 6-го сентября того же года состоялся слѣдующій именной указъ сенату:

«Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ, Александръ Радищевъ, оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и наконецъ оскорбительными и неистовыми выраженіями противу силы и власти Царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ Палатою Уголовныхъ Дѣлъ Санкт-Петербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни; и хотя по роду столь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную, но Мы, послѣдуя

правиламъ Нашимъ, чтобы соединить правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости, которую вѣрные подданные Наши раздѣляютъ съ Нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ Наши неусыпные труды въ благо Имперіи, отъ Него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, а повелѣваемъ, вмѣсто того, отобрать у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безъисходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ».

IV.

Около того же времени подобный же погромъ обрушился на комедію Княжнина «Вадимъ», и если самъ авторъ ея избѣгъ участи Радищева, то лишь благодаря тому, что успѣлъ заблаговременно убраться въ могилу *). Трагедія эта была написана какъ-разъ въ 1789 году. Вотъ ея содержаніе: Рюрикъ сдѣлался самодержцемъ новгородскимъ по избранію народа. Посадникъ Вадимъ, страстно приверженный къ прежней новгородской вольности, возвратясь изъ похода на родину, узнаетъ о перемѣнѣ правленія и уговариваетъ Пренеста и Вигора возмутить народъ противъ Рюрика, обѣщая руку дочери своей Рамиды тому, кто успѣетъ помочь ему въ этомъ предпріятіи. Онъ оставляетъ Пренеста въ городѣ, чтобы дѣйствовать на гражданъ, а Вигора беретъ съ собою въ свой станъ, расположенный невдалекѣ. Рамида любитъ Рюрика и ждетъ только отца, чтобы получить позволеніе вступить въ бракъ съ новымъ государемъ. Приходитъ Вадимъ въ одеждѣ простаго воина и упрекаетъ дочь въ любви къ хищнику новгородской вольности. Рамида, несмотря на свои увѣренія что Рюрикъ — властитель добродѣтельный и мудрый, видитъ, что отецъ ея непреклоненъ, и клянется ему забыть свою любовь и выйти за того, кто побѣдитъ Рюрика. Пренестъ сообщаетъ Вадиму объ успѣхѣ своего предпріятія. Вигоръ видитъ въ Пренестѣ опаснаго соперника и клянется, что не стерпитъ его первенства. Рюрикъ между тѣмъ замѣчаетъ внезапную холодность къ себѣ Рамиды, и наперстникъ его Извѣдъ возбуждаетъ въ немъ ревность къ Пренесту. Рюрикъ допрашиваетъ Пренеста, который въ смятеніи проговаривается о заговорѣ, но вскорѣ образумившись старается заподозрить въ глазахъ Рюрика соперника своего Вигора, который по уходѣ Рюрика является на сцену и прямо высказываетъ Пренесту свою ненависть къ нему, любовь къ Рамидѣ и намѣреніе свое оспорить у него сердце Рамиды. Въ это время Извѣдъ, уже узнавшій о подробностяхъ заговора, сообщаетъ о нихъ Рюрику, который приказываетъ готовиться къ бою, но исполненный великодушія не хочетъ даже знать именъ заговорщиковъ. Рамида не можетъ долѣе скрывать своихъ чувствъ къ Рюрику, который въ восторгѣ клянется ей въ своей страсти. Вадимъ между тѣмъ подступаетъ къ Новгороду, но счастіе благопріятствуетъ Рюрику. Вадима приводятъ обезоруженнаго съ другими плѣнниками; онъ хочетъ умертвить себя. Рюрикъ сожалѣетъ о немъ, а Вадимъ укоряетъ Рюрика въ похищеніи новгородской вольности. Рюрикъ описываетъ бѣдствія, которыми страдало отечество до того времени, пока власть не была вручена ему, и отдаетъ себя на судъ народа, снявши свой вѣнецъ въ знакъ того что не хочетъ царствовать насильно; но граждане убѣждаютъ его не покидать ихъ. Вадиму возвращаютъ оружіе, и Рюрикъ проситъ

---

*) «Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII вѣка», М. Лонгинова, «Рус. Вѣстн.», 1860 г. т. XXV.

посадника отдать ему руку Рамиды. Вадимъ, видя что все удается Рюрику, говоритъ въ отчаяніи, что если Рамида любитъ Рюрика, то онъ уже не считаетъ ея дочерью своею. Рамида, желая показать себя достойною дочерью отца, въ изступленіи схватываетъ мечъ и убиваетъ себя. Вадимъ слѣдуетъ ея примѣру чтобы не видѣть родину порабощенною. Рюрикъ клянется быть достойнымъ царскаго вѣнца.

Княжнинъ всегда подражалъ французскимъ трагикамъ и цѣликомъ бралъ изъ нихъ цѣлыя мѣста для своихъ трагедій. Такъ и въ Вадимѣ многое напоминаетъ Цинну Корнеля. Рюрикъ сколокъ съ Августа и подобно ему произноситъ монологъ о тщетѣ власти. Вообще «Вадимъ» по содержанію не представляетъ ничего яркаго и особеннаго по сравненію съ другими трагедіями классической школы, и подобно «Сoренѣ» Николева отличается лишь нѣсколькими смѣлыми отдѣльными стихами, которые правда сильнѣе чѣмъ въ Соренѣ, но все-таки не до такой степени чтобы видѣть въ нихъ «слова не токмо соблазнъ подающія и къ нарушенію благосостоянія общества, но даже изреченія противу цѣлости законной власти царей», какъ о томъ гласитъ докладъ генералъ-прокурора графа Александра Николаевича Самойлова присутствію правительствующаго сената. Характеръ Рюрика такъ великодушенъ, что очевидно авторъ имѣлъ цѣлью возвысить его, а противоборство его власти представилъ лишь какъ драматическій контрастъ очень обыкновенный. Но авторъ опоздалъ какимъ-нибудь годомъ. Онъ отдалъ «Вадима» на сцену въ 1789 году. Роли были уже расписаны: Вадима—Плавильщикову, Рюрика—Шушерину. Рамиды—Барановой по распоряженію директора придворнаго театра Степана Ѳедоровича Стрекалова. Но Княжнинъ повидимому убѣдился, что піеса его несвоевременна, и самъ взялъ свою трагедію назадъ.

Января 14-го 1791 года его не стало; онъ такъ и не дожилъ до появленія своей трагедіи въ свѣтъ. Послѣ его смерти къ княгинѣ Дашковой явилась вдова Княжнина и просила ее какъ президента Академіи наукъ напечатать при Академіи трагедію мужа въ пользу дѣтей покойнаго. Объ этомъ же ходатайствовалъ одинъ изъ совѣтниковъ академической канцеляріи О. П. Козадавлевъ (бывшій при Александрѣ I министромъ внутреннихъ дѣлъ). Княгиня поручила ему разсмотрѣть рукопись и донести ей, не заключается ли въ ней чего-либо предосудительнаго. Совѣтникъ отозвался, что трагедія основана на историческомъ фактѣ, что въ ней нѣтъ ничего противнаго законамъ, и что развязка ея заключается въ торжествѣ русскаго государя надъ новгородскими мятежниками. По этому отзыву академическаго цензора кн. Дашкова приказала печатать «Вадима» въ академической типографіи на условіяхъ самыхъ выгодныхъ для г-жи Княжниной (вѣроятно вмѣсто платы за напечатаніе Академія выговорила себѣ право напечатать «Вадима» въ издаваемомъ ею «Россійскомъ Ѳеатрѣ»).

Прошло нѣсколько времени. Вдругъ, по разсказу кн. Дашковой, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, котораго никто не могъ упрекнуть въ томъ, чтобы онъ когда-нибудь прочелъ хоть одну книгу, вообразилъ себѣ по чьему-то внушенію, что онъ прочиталъ «Вадима», побѣжалъ къ знаменитому временщику князю Платону Александровичу Зубову, и увѣрилъ его въ вредномъ направленіи трагедіи *особенно въ такое время*. Неизвѣстно, прочли ли ее императрица и Зубовъ, но вотъ по докладу генералъ-прокурора Самойлова въ началѣ 1792 года состоялся указъ правительствующаго сената, повелѣвающій:

«Оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями, а потому въ обществѣ Россійской имперіи нетерпимую—сжечь

въ здѣшнемъ столичномъ городѣ публично, чего для и отослать ее въ С.-Петербургское губернское правленіе при указѣ, и чтобъ отъ Управы благочинія обывателямъ объявить, дабы они, кто бы у себя означенную книгу ни имѣлъ, тотчасъ представили оную въ губернское правленіе съ таковымъ подтвержденіемъ, что если кто утаитъ и не представитъ оную, тотъ подвергаетъ себя сужденію по законамъ, а какъ быть можетъ, что оная книга нетокмо въ Москвѣ, но и въ прочихъ губерніяхъ уже распространилась, то московскому губернскому и намѣстническимъ правленіямъ предписать, дабы и они, равнымъ образомъ, отъ таковыхъ, кто оныя имѣетъ, отобравъ, доставили бы немедленно въ сенатъ для истребленія оныхъ» *).

Во исполненіе этого указа къ кн. Дашковой явился оберъ-полиціймейстеръ Рылѣевъ и въ самыхъ изысканно вѣжливыхъ выраженіяхъ объявилъ ей, что по приказанію государыни онъ обязанъ отобрать изъ книжной лавки Академіи всѣ экземпляры «Вадима», который признанъ Ея Величествомъ книгой вредною для обращенія въ публикѣ.

Княгиня сказала Рылѣеву, что онъ можетъ распоряжаться, какъ хочетъ, хотя едва ли найдетъ въ лавкѣ хоть одинъ экземпляръ «Вадима», но что эта трагедія перепечатана въ послѣдней вышедшей 39-й части «Россійскаго Ѳеатра». Къ этому она прибавила, что въ этой части помѣщены и другія пьесы, слѣдовательно, «Вадима» надо вырвать и испортить книгу. Рылѣевъ отправился въ лавку, а княгиня отъ души смѣялась такому страху по случаю пьесы, которая ничѣмъ не предосудительнѣе бо́льшей части другихъ трагедій.

Въ тотъ же день послѣ обѣда пріѣхалъ къ княгинѣ генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ и объявилъ ей отъ имени государыни выговоръ за напечатаніе «Вадима». Княгиня отвѣчала съ твердостью, что она удивляется, какъ могла императрица хотя на минуту заподозрить ее въ умыслахъ противъ интересовъ правительства. Самойловъ сказалъ ей, что государыня уподобила напечатаніе «Вадима» изданію «Путешествія» Радищева. На это княгиня возразила, что она желаетъ, чтобы «Вадима» сравнили съ французскими пьесами, которыя играютъ на публичныхъ театрахъ, и что этотъ Вадимъ былъ предварительно цензурованъ членомъ Академіи.

Въ первое послѣ этого малое собраніе во дворцѣ княгиня замѣтила на лицѣ государыни выраженіе неудовольствія и горечи. Когда она подошла къ императрицѣ и спросила ее о здоровьѣ, Екатерина сказала:

«— Очень хорошо! Но скажите мнѣ: что́ я сдѣлала, чтобы вы издавали книги, противныя моей власти?

«— Можете ли вы это думать? спросила княгиня.

«— Я говорю вамъ, что эта трагедія должна быть сожжена рукой палача, сказала государыня.

Княгиня нашла эти слова столь несогласными съ характеромъ Екатерины, что убѣдилась въ постороннемъ вліяніи и наговорахъ, и возразила:—Сожгутъ ли ее или нѣтъ рукою палача—это не мое дѣло; но я буду краснѣть, если это случится. Но ради Бога, прежде чѣмъ вы что-нибудь рѣшите, прочтите, умоляю васъ, эту пьесу, въ которой вы найдете такую катастрофу, какую только вы можете пожелать. При этомъ прошу васъ вспомнить, что я не авторъ этой трагедіи и ничего не могла выиграть черезъ ея напечатаніе.

Этимъ разговоръ кончился и государыня сѣла играть въ карты На другое утро княгиня отправилась къ ней съ докладомъ по Академіи, принявши твердое намѣреніе подать въ отставку, если государыня не встрѣтитъ ея съ обык-

---

*) См. «Рус. Стар.», т. IV, стр. 91.

новенною благосклонностью и не пригласитъ ее въ бриліантовую комнату, гдѣ она обыкновенно во время прически волосъ бесѣдовала съ нею откровенно. Въ аванзалѣ встрѣтился ей Самойловъ, выходившій отъ императрицы, и сказалъ ей:

«— Будьте покойны, государыня сейчасъ выйдетъ; она повидимому не слишкомъ гнѣвается на васъ».

На это княгиня отвѣчала громко, такъ что всѣ присутствующіе могли слышать ея слова:

«— У меня нѣтъ причины безпокоиться, господинъ Самойловъ, потому что мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя, да и другихъ я не упрекаю, хотя меня, признаюсь, огорчаетъ, если ея величество оказываетъ мнѣ несправедливый гнѣвъ или подозрѣваетъ меня. Впрочемъ къ несправедливостямъ я такъ привыкла, что давно онѣ для меня не новость».

Вскорѣ вошла государыня, и присутствующіе подошли къ ея рукѣ. Она обратилась къ княгинѣ и сказала ей обыкновеннымъ своимъ голосомъ: «Я готова говорить съ вами, княгиня, будьте такъ добры, пойдемте со мною».

Княгиня пришла въ восторгъ отъ этихъ словъ, тѣмъ болѣе, какъ говоритъ она, что безъ этого непремѣнно вышла бы въ отставку и уѣхала бы изъ Петербурга, что́ въ публикѣ произвело бы невыгодное впечатлѣніе для Екатерины.

Только-что они вышли въ другую комнату, княгиня поцѣловала у императрицы руку и просила ее забыть прошлое.

— «Точно ли такъ, княгиня» спросила государыня.

— «Да, ваше величество», отвѣчала княгиня.

— «Между нами пробѣжала черная кошка: не будемъ опять звать ее къ себѣ».

Екатерина засмѣялась и оставила княгиню у себя обѣдать.

Но тѣмъ не менѣе «Вадимъ» все-таки былъ сожженъ какъ въ отдѣльномъ изданіи, такъ и выдранный изъ 39-й части «Россійскаго Ѳеатра». Замѣчательно, что при этомъ извлеченіи «Вадима» изъ «Россійскаго Ѳеатра» невинно пострадалъ между прочимъ бывшій тогда еще молодымъ писателемъ дѣдушка Крыловъ. Блюстители правовъ такъ поусердствовали, что вырвали не одного «Вадима» (стр. 123—195), но отъ 8-го по 13-й листъ (стр. 113—208), захвативъ такимъ образомъ конецъ предыдущей пьесы «Опасная шутка» и начало послѣдующей—«Филомелы» Крылова. Все это было сожжено и такимъ образомъ несчастная комедія Крылова вышла безъ первыхъ 13-ти страницъ, словно съ отрубленною головою.

Одновременно съ этимъ обрушилась гроза на типографію бригадира К. Т. Рахманинова. Типографія эта первоначально была въ Петербургѣ и была извѣстна самой императрицѣ, которой черезъ графа П. А. Зубова была поднесена Рахманиновымъ книга его изданія: «Извѣстія о дворянахъ россійскихъ». Въ 1791 г. Рахманиновъ по случаю выхода въ отставку переселился въ свое имѣніе—село Казинку, Козловскаго уѣзда. Сюда же была переведена имъ и типографія, изъ которой въ томъ же году вышла книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Полное собраніе всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на россійскій языкъ и въ печать изданныхъ сочиненій господина Вольтера; второе изданіе съ поправленіемъ противъ прежнихъ и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, кои еще никогда изданы не были». Послѣ заглавія было напечатано, что книга эта вышла съ указаннаго дозволенія въ г. Козловѣ. Между тѣмъ козловскій городничій Сердюковъ, единственный цензоръ

въ г. Козловѣ, донесъ въ Петербургъ, что типографія Рахманинова, существуетъ не въ Козловѣ, а въ селѣ Казинкѣ, и книги въ ней печатаются безъ всякаго указаннаго дозволенія. Это было уже спустя два года по выходѣ книги и произошло вслѣдствіе ссоры Рахманинова съ Сердюковымъ. На основаніи этого доноса, сдѣлавшагося извѣстнымъ самой государынѣ, генералъ-прокуроръ Самойловъ приказалъ тамбовскому губернатору В. С. Звѣреву—типографію у Рахманинова запечатать и печатаніе запретить, а книги всѣ конфисковать и всѣмъ имъ прислать реестръ. По полученіи этого приказа Звѣревъ немедленно командировалъ въ село Казинку капитана Салькова съ тремя рядовыми и съ членомъ козловскаго нижняго земскаго суда. Книги были конфискованы; типографщиковъ арестовали. Въ заключеніе посланные приступили къ составленію реестра книгамъ. Всѣхъ книгъ въ типографіи оказалось 5,205 экз., подъ слѣдующими заглавіями: 1) Аллегорическія, философическія и критическія сочиненія г. Вольтера; 2) Сатирическій духъ г. Вольтера; 3) Собраніе разныхъ сочиненій и повѣстей; 4) Тактика г. Вольтера и его разсужденіе о воинскомъ искусствѣ; 5) Колесо счастья; 6) Утренніе часы; 7) Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ; 8) Бесѣдующій гражданинъ; 9) Ненависть, побѣжденная любовью, и 10) Политическое завѣщаніе г. Вольтера. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ были переведены самимъ Рахманиновымъ, напр., №№ 1, 9 и 10. Извѣщая Екатерину II о своихъ распоряженіяхъ, Звѣревъ между прочимъ писалъ: «Всемилостивѣйшая государыня! Имѣя счастье до старости моей служить Вашему Императорскому Величеству 50 лѣтъ съ непремѣннымъ вѣрноподданническимъ усердіемъ и чувствуя неоднократныя монаршія Вашего Императорскаго Величества милости, дерзаю Державной Особѣ Вашей представить то, что̀ душа моя, состарѣвшая подъ благословеннымъ скипетромъ Вашимъ, чувствуетъ: книги, бригадиромъ Рахманиновымъ переведенныя и печатанныя, не служатъ къ благому наставленію людей Твоихъ. Лучше было бы употребить талантъ свой на доставленіе соотечественникамъ своимъ чего нибудь полезнаго, нежели критическаго и двоемысленнаго». Дѣло о типографіи Рахманинова затянулось, вслѣдствіе искусной защиты обвиненнаго, до слѣдующаго царствованія. А въ 1797 г. типографія въ селѣ Казинкѣ сгорѣла со всѣми запечатанными въ ней книгами. Остальные экземпляры изданій, бывшіе у разныхъ лицъ, въ 1800 г. повелѣно было собрать и «безъ изъятія сжечь».

Не ограничиваясь этими частными мѣрами, относящимися къ отдѣльнымъ книгамъ, правительство не замедлило приступить и къ общимъ мѣрамъ противъ всей прессы во всей ея сложности. Такъ съ мая 1796 г. были приняты мѣры строжайшаго наблюденія за рукописями, назначаемыми для печати и выходящими въ свѣтъ книгами. Цензора были снабжены подробными инструкціями. Наконецъ 16-го сентября 1796 г. послѣдовалъ роковой указъ, омрачившій послѣдніе дни жизни Екатерины. Указомъ этимъ были запрещены всѣ вольныя типографіи, какія были заведены въ силу указа 1783 г.

«Въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, гласилъ этотъ указъ:—которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признали мы за нужное слѣдующія распоряженія: 1) Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ подъ вѣдѣніемъ сената, въ Ригѣ, Одессѣ и при таможнѣ Радзивиловской, къ которымъ единственно привозъ иностранныхъ книгъ по изданному передъ тѣмъ тарифу былъ дозволенъ, подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ учредить цензуру изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ. 2) Частными людьми заведенныя типографіи, исключая тѣ, кои по особому дозволенію вслѣдствіе соглашенія и договоровъ устроены, упразднить».

Такимъ образомъ пресса снова была возвращена къ тому положенію, въ

которомъ она находилась при Елизаветѣ, и это тяготѣвшее надъ нею запрещеніе оставалось въ своей силѣ до 9-го февраля 1802 года, т. е. впродолженіе 6-ти лѣтъ литература попрежнему пробавлялась однѣми казенными типографіями.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Цензурный потопъ въ царствованіе Павла Петровича.—Общій терроръ и въ особенности для литераторовъ.—Свидѣтельство объ этомъ Коцебу.—Его ссылка въ Сибирь.—Указъ о портовой цензурѣ.—Запрещеніе ввоза въ Россію иностранныхъ книгъ.—Ѳ. Ос. Туманскій; свѣдѣнія объ его жизни.—Характеръ его цензурной дѣятельности.—Исторія съ Гарткнохомъ и пасторомъ Зейдеромъ.—Различныя цензурныя распоряженія того времени.—«Ябеда» Капниста.—Рѣчь профессора Гайма.

I.

Всѣ ретроградныя эпохи сопровождаются странною иллюзіею, заключающеюся въ томъ, что при каждой новой репрессивной мѣрѣ людямъ кажется, что они дошли до геркулесовыхъ столповъ и дальше идти некуда; но ретрограды не замедляютъ удивлять публику новыми шагами, которые въ свою очередь принимаются за геркулесовы столпы.

Безъ сомнѣнія то же испытывали русскіе люди въ концѣ прошлаго столѣтія. Послѣ ужасовъ Шешковскаго, заточенія Новикова, ссылки Радищева, инквизиціонныхъ костровъ, въ огнѣ которыхъ сгорали десятки тысячъ экземпляровъ, оставался возможнымъ одинъ лишь послѣдній шагъ: запретить всѣ частныя типографіи. Дальше, казалось, идти было некуда и оставалось почивать на лаврахъ. Но современникамъ въ свою очередь пришлось убѣдиться, что все это были одни цвѣточки, а ягодки предстояли еще впереди, и эти ягодки не замедлили созрѣть очень быстро.

Мы приступаемъ теперь къ роковому въ исторіи прессы моменту обособленія цензуры въ видѣ отдѣльнаго вѣдомства, спеціально предназначеннаго для наблюденія надъ прессою, и при этомъ считаемъ многознаменательнымъ, что обособленіе это произошло въ моментъ такого цензурнаго потопа, подобнаго которому не было еще у насъ ни до того, ни послѣ того. Цензура въ это время вышла изъ всѣхъ береговъ: она перестала ограничиваться одною прессою, а вторглась во всѣ предѣлы жизни, начала наблюдать надъ каждымъ словомъ и шагомъ людей, стремясь проникнуть въ самыя сокровенныя ихъ мысли, налагая свое veto даже на такія мелочи частной жизни, какъ покрой и цвѣтъ носимаго платья. Такъ въ это время во избѣжаніе всего, что хоть чѣмъ бы то ни было напоминало собою нравы ненавистной революціи, было запрещено носить круглыя шляпы, фраки, жилеты, панталоны, ботинки и сапоги съ отворотами, вмѣстѣ съ тѣмъ и черныя шапки съ ушами; всѣ привиллегированные классы страны обязаны были облечься въ однобортные кафтаны со стоячимъ воротникомъ, трехъугольныя шляпы, камзолы, короткое нижнее платье и ботфорты. Женщины въ свою очередь должны были соблюдать установленную форму въ покроѣ какъ платьевъ такъ и головныхъ уборовъ.

Результатомъ подобнаго цензурнаго потопа былъ всеобщій терроръ, нависшій надъ всею русскою землею, и надо ли прибавлять, что особенно чувствителенъ былъ этотъ терроръ для людей мало-мальски интеллигентныхъ. Люди, имѣвшіе дѣло съ книгами, особенно же производившіе ихъ, сдѣлались мало того что подозрительны, но положительно ненавистны. Участь каждаго изъ нихъ ежеминутно висѣла на волоскѣ. Что чувствовалъ въ это время литераторъ, живущій въ Петербургѣ и подвизающійся на литературномъ поприщѣ, объ этомъ краснорѣчиво повѣствуетъ намъ Августъ Коцебу въ своей книжкѣ «Достопамятный годъ моей жизни»:

«Злодѣи, говоритъ онъ:—злоупотребляя довѣріемъ монарха по природѣ расположеннаго къ добру, представляли ему во всемъ какіе-то небывалые призраки, въ существованіе которыхъ они сами не вѣрили, и достигли того, что въ странѣ водворился терроръ. Каждый вечеръ я ложился съ мрачными предчувствіями; ночью внезапно просыпался и вскакивалъ въ смертельномъ ужасѣ при малѣйшемъ шумѣ, при стукѣ всякой проѣзжавшей по улицѣ кареты. Каждое утро первою заботою было избѣгнуть возможныхъ бѣдствій въ теченіи дня. Выходя изъ дому, я еще издали искалъ глазами государя, чтобъ во-время выйти изъ экипажа; я наблюдалъ съ большимъ безпокойствомъ за цвѣтомъ моей одежды, ея покроемъ и отдѣлкою; я былъ принужденъ оказывать вниманіе женщинамъ сомнительной репутаціи и мужчинамъ ограниченнаго ума; я сносилъ дерзости мужа госпожи Шевалье, невѣжественнаго балетъ-мейстера; при каждомъ представленіи моей пьесы, дрожа всѣмъ тѣломъ, я ожидалъ, что постоянно зоркая и бдительная полиція или тайная экспедиція откроютъ въ ней что-либо подозрительное или оскорбительное. Каждый разъ, когда жена моя отправлялась съ дѣтьми гулять и не возвращалась долѣе обыкновеннаго я дрожалъ, опасаясь, что она слишкомъ поздно вышла изъ экипажа при встрѣчѣ съ государемъ и была отправлена за это въ общую тюрьму, какъ это сдѣлали съ женою содержателя гостинницы г. Демута. Я рѣдко сталъ повѣрять мои горести какому-нибудь другу, потому что стѣны слушали и братъ не могъ положиться на брата. Я не имѣлъ возможности достать себѣ книгъ, чтобы чтеніемъ развлечься въ такое смутное и бѣдственное время—почти всѣ книги были запрещены. Я долженъ былъ отказаться отъ употребленія пера, потому что возможно ли было что-либо довѣрить бумагѣ, которую во всякій часъ могли у меня отобрать. Я подвергалъ опасности свое здоровье всякій разъ, когда долженъ былъ по дѣламъ своимъ проѣзжать мимо дворца, такъ какъ во всякое время года, несмотря ни на какую погоду, всѣ обязаны были снимать шляпу, приближаясь къ этой грудѣ камней и удаляясь отъ нея. Самая невинная прогулка обращалась въ мученіе, потому что почти всегда можно было встрѣтить несчастныхъ, которыхъ вели или въ тюрьму или для наказанія кнутомъ. Ссылаюсь на всѣхъ жителей Петербурга, если изображенная мною картина покажется слишкомъ мрачною. О! еслибы государь, искренно желавшій счастія своихъ подданныхъ, зналъ бы все это!»

Не надо забывать, что это свидѣтельствуетъ лицо оффиціальное, директоръ нѣмецкой труппы придворнаго театра, лично извѣстный Павлу и обласканный имъ послѣ ссылки. Каково же должны были чувствовать себя литераторы, не имѣвшіе ни протекціи, ни связи при дворѣ. Очень понятно, что они, если не были заточаемы и ссылаемы, то сами добровольно спасались бѣгствомъ изъ Петербурга, спѣша укрыться куда-нибудь въ провинціальную глушь подобно птицамъ во время грозы. Такъ намъ извѣстно, что баснописецъ Крыловъ, впродолженіе всего этого времени скрывался на Украйнѣ въ усадьбѣ князя Голицына, который въ свою очередь находился въ своемъ имѣніи въ качествѣ ссыльнаго.

До какой степени въ это время было опасно слыть интеллигентнымъ человѣкомъ и въ особенности писателемъ, не беря въ разсчетъ ни направленія мыслей, ни какихъ-либо предосудительныхъ поступковъ, объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ печальная участь того Коцебу, о которомъ мы сейчасъ говорили. Мы остановимся на этомъ фактѣ, тѣмъ болѣе для насъ замѣчательномъ, что здѣсь выступаетъ передъ нами въ качествѣ цензора самъ Павелъ.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло вовсе

не съ какимъ-нибудь революціонеромъ и радикаломъ, а съ тѣмъ самымъ извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Августомъ Фридрихомъ Фердинандомъ Коцебу, который впослѣдствіи палъ подъ ударами кинжала Карла Занда. Онъ пріѣхалъ въ Россію еще въ 1783 году, служилъ въ Ревелѣ въ должности ассесора апелляціоннаго суда, а потомъ президента магистрата, женился на русской, а затѣмъ въ 1797 году пріѣхалъ въ Вѣну, оставивъ Россію съ разрѣшенія императора. Въ Вѣнѣ онъ былъ сдѣланъ режиссеромъ придворнаго театра съ титуломъ «придворнаго драматическаго писателя». Въ 1800 году ему захотѣлось вновь посѣтить Россію для свиданія съ родственниками жены и двумя старшими сыновьями, воспитывавшимися въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ. Но въѣздъ въ Россію былъ запрещенъ кому бы то ни было безъ высочайшаго разрѣшенія. Чтобы получить это разрѣшеніе Коцебу обратился къ русскому посланнику въ Берлинѣ барону Крюднеру. Ему посовѣтовали, не ограничиваясь формальною просьбою, написать императору личное письмо, въ которомъ указать на цѣль путешествія и просить въ видѣ милости разрѣшенія пробыть въ предѣлахъ Россіи четыре мѣсяца. Прошеніе Коцебу было еще въ дорогѣ, какъ онъ получилъ уже отъ барона Крюднера письмо слѣдующаго содержанія:

«Съ великимъ, милостивый Государь, удовольствіемъ спѣшу сообщить вамъ *о благосклонномъ разрѣшеніи* государя императора на выдачу вамъ паспорта. Я получилъ приказаніе доставить вамъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ въ возможно скорѣйшемъ времени донести о томъ, по какому направленію предполагаете вы отправиться въ Россію (*чтобы устранить всѣ препятствія, могущія вамъ безъ этой мѣры предосторожности встрѣтиться*). Поэтому, М. Г., прошу васъ сообщить мнѣ въ возможной скорости: 1) маршрутъ вашего путешествія, 2) списокъ лицъ, васъ сопровождающихъ, и 3) мѣсто, въ которое я долженъ доставить вашъ паспортъ, если вы не предполагаете заѣхать въ Берлинъ по дорогѣ?»

При всей любезности этого письма оно однако же возбудило въ Коцебу нѣкоторыя подозрѣнія. «Я,—говоритъ онъ,—оставилъ Россію съ разрѣшенія императора и до изданія указа, по которому лицо, покидавшее Россію, обязывалось не въѣзжать болѣе въ ея предѣлы; но я зналъ, что Павелъ I не жаловалъ писателей. Какъ согласить извѣстное мнѣ нерасположеніе его къ моей личности съ тѣмъ скорымъ, благосклоннымъ и повидимому преисполненнымъ милости отвѣтомъ, который послѣдовалъ на мою просьбу? Я не могъ себѣ представить, какого рода затрудненія могутъ встрѣтиться мнѣ на дорогѣ, коль скоро я имѣю паспортъ; а если затрудненія эти представлялись всѣмъ путешественникамъ по Россіи, то на какомъ основаніи дѣлаютъ исключеніе для меня? Какое имѣлъ я право на такое отличіе? Зачѣмъ государю необходимо было знать въ подробности направленіе моего пути?»

Опасенія эти еще болѣе увеличились, когда, получивъ паспортъ, Коцебу не нашелъ въ немъ означенія, что паспортъ выданъ на четыре мѣсяца. «Опущеніе это было крайне непріятно, говоритъ онъ:—оно могло затруднить мое возвращеніе; я старался поправить это слѣдующимъ образомъ: въ то время я имѣлъ честь носить званіе драматическаго писателя его императорскаго величества австрійскаго императора, и на этомъ основаніи испросилъ себѣ у министерства двора четырехъмѣсячный отпускъ, который долженъ былъ предъявить австрійскому посланнику, еслибы встрѣтилось препятствіе къ моему возвращенію въ Германію».

По пріѣздѣ въ Берлинъ Коцебу получилъ нѣсколько писемъ отъ друзей изъ Россіи и всѣ они, словно сговорились, писали одно и то же, чтобы Коцебу

«обратилъ вниманіе на свое здоровье и не подвергалъ его суровости здѣшняго климата». Но не смотря на подобныя предостереженія, Коцебу отправился далѣе. Въ одномъ маленькомъ городкѣ въ Помераніи Коцебу разговорился съ однимъ старикомъ прохожимъ повидимому привратникомъ, который долго увѣщевалъ его не ѣздить далѣе и, видѣвъ тщету своихъ совѣтовъ, окончилъ ихъ, сказавъ:

— Да благословитъ и поможетъ Богъ отправляющемуся въ Россію!..

Всѣ эти увѣщанія и предостереженія до такой степени наконецъ смутили Коцебу, что по мѣрѣ приближенія къ границамъ Россіи онъ началъ колебаться ѣхать ли ему туда и не предоставить ли женѣ одной дальнѣйшее путешествіе, а самому остаться въ Мемелѣ ожидать ея возвращенія, но жена ни за что не согласилась на это, и участь его была рѣшена. Благосклонное и безпрепятственное быстрое разрѣшеніе въѣзда въ Россію съ устраненіемъ всѣхъ препятствій на пути оказалось лишь западнею, и одновременно съ нимъ были приняты всѣ мѣры къ немедленному задержанію Коцебу. Едва успѣли въѣхать наши путешественники въ предѣлы Россіи, какъ Коцебу тотчасъ же былъ арестованъ въ Палангенской таможнѣ. Поводовъ къ этому аресту не было буквально никакихъ кромѣ лично извѣстнаго Павлу литературнаго имени Коцебу. А потому не было ни суда, ни слѣдствія, ни одного допроса хотя бы ради соблюденія формальности, а такъ-таки прямо изъ Палангена и отвезли злополучнаго драматурга прямо въ Тобольскъ, разлучивъ его съ семействомъ и предоставивъ послѣднее на произволъ судьбы.

Два мѣсяца уже томился несчастный драматургъ въ снѣгахъ Сибири, ничего не зная, не вѣдая объ участи своего семейства, рисковалъ быть и совсѣмъ забытымъ въ своемъ безпричинномъ изгнаніи, какъ вдругъ его выручилъ тотъ слѣпой, капризный случай, который въ ту пору вертѣлъ въ Россіи всѣми людьми безъ различія половъ, возрастовъ и состояній. Вотъ какъ разсказываетъ Коцебу о своемъ чудесномъ избавленіи:

«Года четыре тому назадъ я написалъ небольшую драму, подъ заглавіемъ «Старый кучеръ Петра III», внушенную мнѣ увлеченіемъ однимъ великодушнымъ поступкомъ императора, и я конечно не воображалъ тогда, чтобы она могла когда-либо такъ сильно повліять на мою судьбу. Эта драма была переведена на русскій языкъ молодымъ человѣкомъ по фамиліи Краснопольскій. Желая посвятить свой переводъ императору, онъ обращался съ просьбою объ этомъ ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, которые совѣтовали ему не дѣлать этого или, по крайней мѣрѣ, умолчать въ переводѣ, что это мое произведеніе, такъ какъ достаточно было моего ненавистнаго имени, чтобы испортить все дѣло, тѣмъ болѣе, что русскіе и нѣмецкіе актеры, давая мои пьесы, не отваживались обозначать на афишахъ мою фамилію. Благородный молодой человѣкъ не рѣшился однако на такое литературное похищеніе.

— Пьеса написана Коцебу,—говорилъ онъ:—я только переводчикъ; я не хочу быть вороною въ павлиньихъ перьяхъ; я долженъ оставить его фамилію въ заглавіи пьесы.

«Встрѣтивъ затрудненія лично поднести государю свой переводъ, онъ послалъ его по почтѣ. Эта посылка произвела необычайное впечатлѣніе на государя. Онъ прочелъ пьесу; она его тронула и ему понравилась. Онъ приказалъ наградить переводчика богатымъ перстнемъ и запретилъ въ то же время напечатать эту рукопись. Спустя нѣсколько часовъ, онъ опять потребовалъ рукопись къ себѣ, прочелъ ее снова и дозволилъ печатать, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій, какъ напримѣръ, (кто бы могъ это подумать), «*императоръ поклонился мнѣ; онъ кланяется всѣмъ порядочнымъ людямъ*». Впродолженіе дня онъ пожелалъ просмотрѣть рукопись въ третій разъ, снова прочелъ ее и разрѣшилъ печатать безъ всякихъ пропусковъ. Въ то же время онъ объявилъ, что поступилъ со мною нехорошо, долженъ поправить свою ошибку и считаетъ своею обязанностью сдѣлать мнѣ подарокъ, равный полученному кучеромъ отъ его отца (т. е. въ двадцать тысячъ рублей). Въ ту-же минуту отправленъ былъ за мною курьеръ въ Тобольскъ.

«Вскорѣ была получена моя докладная записка. Императоръ прочелъ ее два раза, несмотря на то, что она была очень длинна. Тронутый ея содержаніемъ онъ приказалъ эстлянд-

скому губернатору выбрать для меня отличное казенное имѣніе вблизи Фриденталя. Такое приказаніе одинаково дѣлаетъ честь уму и сердцу. Онъ не довольствовался сдѣлать мнѣ подарокъ, онъ хотѣлъ сдѣлать его пріятнымъ для меня образомъ. Нельзя отрицать, что въ подобномъ приказаніи обнаружились большая деликатность и благородство. Впрочемъ, въ окрестностяхъ Фриденталя не оказалось такого имѣнія, какое государь желалъ мнѣ подарить»...

За то 13-го августа Коцебу получилъ копію съ указа, которымъ государь жаловалъ ему казенное имѣніе Воррокуль въ Лифляндіи, освободивъ его отъ всякихъ повинностей. «Это имѣніе, говоритъ Коцебу:—очень обширное, заключавшее болѣе 400 душъ, приносило мнѣ до 4,000 рублей аренднаго дохода; кромѣ того, здѣсь находился хорошій домъ со всѣми хозяйственными принадлежностями. Это былъ истинно царскій подарокъ и самое краснорѣчивое доказательство моей невинности». Вмѣстѣ съ тѣмъ Коцебу былъ назначенъ директоромъ труппы нѣмецкихъ актеровъ съ производствомъ въ чинъ надворнаго совѣтника и съ содержаніемъ по 1,200 р. въ годъ.

Вскорѣ затѣмъ изъ тайной экспедиціи возвратили ему всѣ бумаги, отобранныя на границѣ. Все было въ цѣлости до малѣйшаго листочка; только драма «Густавъ Ваза» завернута была въ особый пакетъ съ надписью «не дѣлать никакого изъ нея употребленія». Одно выраженіе навлекло на эту пьесу, по словамъ Коцебу, такое рѣшительное осужденіе, именно то, въ которомъ говорилось, что *если монархъ повелѣваетъ совершить преступленіе, то всегда находитъ тысячи рукъ, готовыхъ поразить жертву.*

Ниже мы обратимся къ дѣятельности Коцебу въ качествѣ директора нѣмецкаго театра; теперь же мы займемся цензурными преобразованіями, послѣдовавшими въ царствованіе Павла.

II.

Первая цензурная мѣра заключалась въ указѣ 4-го іюля 1797 г., которымъ государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: книги, цензурою признаваемыя недозволенными, и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе Совѣта (Его Величества).

Этотъ указъ при всей своей краткости тѣмъ не менѣе по всей вѣроятности привелъ литературу въ немалый трепетъ, такъ какъ онъ подвергалъ ее непосредственному надзору высшаго правительства, относившагося, какъ мы видѣли, къ писателямъ крайне сурово и подозрительно.

Затѣмъ 17-го мая 1798 года былъ изданъ указъ слѣдующаго содержанія:

«Правительство, нынѣ во Франціи существующее, желая расцространять безбожныя свои правила во всѣ устроенныя государства, ищетъ развращать спокойныхъ обитателей оныхъ сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тѣ сочиненія разными образами разсѣевать въ общество, наполняя даже оными и газеты свои. Подтверждая нынѣ прежде сего состоявшiеся указы о сочиненіяхъ французскихъ, подъ именемъ Монитера извѣстныхъ да и другихъ такого рода, издаваемыхъ вообще въ областяхъ подъ обладаніемъ французскимъ состоящихъ, видя также, что многіе газетчики отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей и ищутъ, по подущенію ли французовъ или же по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ подражать имъ и что къ сожалѣнію власти нѣкоторыя взираютъ на сіе спокойнымъ духомъ, за нужное признаемъ повелѣть сенату нашему: 1) устроить во всѣхъ портахъ цензуру, составленную изъ одного или двухъ членовъ, которые бы имѣли наблюденіе, чтобы на корабляхъ отвозимыя сочиненія, какъ газеты, такъ и другія, не были пропускаемы безъ прочтенія тѣми цензорами и согласія оныхъ; а таможенные начальники при входѣ въ портъ всякаго судна имѣютъ объявлять, какъ капитану онаго, такъ и пассажирамъ сіе повелѣніе... 2) Сенатъ нашъ имѣетъ обнародовать по всей имперіи, что кто получитъ газету какую бы

то ни было, или иное періодическое сочиненіе посредствомъ вояжировъ, курьеровъ, или же почты, и оное передастъ изъ рукъ своихъ въ другія, не представя предварительно оныя цензорамъ, то подвергаетъ себя неминуемо суду какъ ослушникъ законовъ».

Указъ этотъ былъ лишь подтвержденіемъ и развитіемъ екатерининскаго указа 1796 года. Уже тогда при портахъ была устроена особая цензура, и она открыла свою дѣятельность въ 1797 году. Теперь это новое учрежденіе было окончательно организовано и приведено въ порядокъ.—Первыми членами его были назначены: *ученые* цензора въ Петербургѣ—Котельниковъ, въ Ригѣ—Иноходцевъ, въ Одессѣ—профессоръ Захаровъ (отъ Академіи), въ Москвѣ—профессоръ Антонъ Прокоповичъ—Антонскій, въ Радзивиловѣ—философіи магистръ Александръ Барсовъ (отъ университета); *гражданскіе*, въ Петербургѣ—костромской вице-губернаторъ Михаилъ Туманскій; въ Москвѣ—совѣтникъ мануфактуръ-коллегіи Стратиловичъ; въ Ригѣ состоящій при народныхъ училищахъ Ѳедоръ Туманскій; *духовные*—ректоръ кіевской семинаріи Антоній, проповѣдникъ московской академіи от. Владиміръ и рижскій протопопъ от. Спиридонъ Тихонравовъ. Въ то-же время предположено было сенатомъ назначить особые домы, необходимо потребные для производства цензуры книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены были и штаты: свѣтскимъ цензорамъ было положено отъ 1,800 до 800 рублей, смотря по важности того города, въ которомъ занимали они мѣсто, а духовнымъ положено по 500 рублей. При управленіяхъ назначено по секретарю, библіотекарю, по три чтеца, знающихъ иностранные языки; сверхъ того, положено выписывать энциклопедическіе и критическіе журналы о вновь выходящихъ книгахъ. Всего по штатамъ назначено на цензуру свыше 20,000 рублей.

Всѣ эти цензора на основаніи вышеозначенныхъ указовъ 16-го сентября 1796 г. и 4-го іюля 1797 г. въ сомнительныхъ случаяхъ обязаны были представлять свои заключенія о книгахъ на разсмотрѣніе Совѣта Его Величества, предсѣдателемъ котораго былъ генералъ-прокуроръ князь Куракинъ, а впослѣдствіи князь Лопухинъ. Журналы же Совѣта докладывались самому императору Павлу Петровичу. Не ограничиваясь этими указами, 17-го апрѣля 1800 года правительство сочло нужнымъ издать новый подтвердительный указъ, повелѣвающій, чтобы ни одна изъ цензуръ безъ одобренія с.-петербургской цензуры печатать книги не дозволяла, и всѣмъ имъ по сему предмету быть подчиненными означенной цензурѣ. На слѣдующій же день, т. е. 18-го апрѣля 1800 г. былъ изданъ указъ, который дѣлалъ совершенно излишнимъ существованіе портовыхъ цензуръ, такъ какъ парализовалъ окончательно ихъ дѣятельность: «Такъ какъ, гласилъ этотъ знаменитый указъ: — черезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить выпускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія въ государство наше, равномѣрно и музыку».

Подобное окончательное огражденіе отъ Европы китайскою стѣною въ видѣ запрещенія какъ свободнаго проѣзда черезъ границу безъ высочайшаго соизволенія, такъ и впуска какихъ бы то ни было иностранныхъ книгъ и даже нотъ, это рѣшительное возвращеніе ко временамъ допетровской замкнутости, представляло собою, наконецъ, дѣйствительно геркулесовы столпы, дальше которыхъ реакція уже не пошла.

III.

Теперь отъ общихъ узаконеній мы перейдемъ къ частнымъ фактамъ, характеризующимъ собою духъ, направленіе и практику цензурной дѣятельности эпохи Павла.—Здѣсь мы считаемъ кстати замѣтить, что каждая эпоха выдвинула своего цензурнаго представителя, героя, въ которомъ наиболѣе олицетворился идеалъ цензуры своего времени. Въ царствованіе Павла подобнымъ воплощеннымъ идеаломъ былъ гражданскій цензоръ Риги—Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій.

Туманскій происходилъ изъ хорошей малороссійской фамиліи *), и слѣды его украинскаго происхожденія проявлялись нерѣдко въ его литературныхъ трудахъ. Онъ учился въ геттингенскомъ университетѣ и во второй половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія выступилъ на литературное поприще, но не обнаружилъ никакого таланта. Въ 1791 г., когда Карамзинъ началъ издавать «Московскій журналъ», Туманскій сталъ присылать ему во множествѣ свои стихотворенія; но они были такъ плохи, что Карамзинъ ихъ не печаталъ. Кромѣ того Карамзинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ рѣзкій разборъ, написанный Подшиваловымъ, переведенной Туманскимъ Полефитовой книги «О невѣроятныхъ сказаніяхъ». Все это озлобило Туманскаго, и онъ выступилъ въ числѣ противниковъ Карамзина вмѣстѣ съ Клушинымъ, Эминымъ-сыномъ и прочими сотрудниками петербургскаго журнала «Зритель». Самъ же Туманскій въ томъ же 1792 г. издавалъ журналъ «Россійскій Магазинъ», гдѣ въ свою очередь порицалъ Карамзина. Но месть Туманскаго не ограничилась этимъ. Въ 1800 году, когда онъ былъ уже рижскимъ цензоромъ, вышелъ въ Лейпцигѣ сдѣланный Рихтеромъ нѣмецкій переводъ «Писемъ русскаго путешественника Карамзина». Туманскій задержалъ эту книжку и представилъ ее въ Совѣтъ, но Совѣтъ допустилъ ее къ ввозу въ Россію.

Въ 14-мъ томѣ «Русской Старины», въ статьѣ «Цензура въ Россіи при императорѣ Павлѣ» (стр. 445) приведенъ длинный списокъ иностранныхъ книгъ, задержанныхъ Туманскимъ и представленныхъ имъ въ Совѣтъ съ донесеніями объ ихъ зловредности. Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько наиболѣе характеристическихъ и курьезныхъ изъ этихъ донесеній.

Экономическо-технологическая энциклопедія доктора Крюнца. «На страницахъ такихъ-то, опорочивая, что крестьяне въ Россіи крѣпостные, порочитъ законы блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго о распоряженіи подушныхъ денегъ и набора рекрутъ, а на страницѣ 520-й утверждаетъ, что въ государствѣ крѣпостныхъ быть не должно».

Странные разговоры между нѣкіемъ путешественникомъ и разнаго рода другими лицами о религіозныхъ истинахъ. «Сіе сочиненіе подозрительнымъ дѣлаетъ, что путешественникъ о важныхъ матеріяхъ и большею частію къ христіанству относящихся разговариваетъ низкимъ образомъ, какъ бы согласуясь съ простолюдинами, входящими въ разговоръ съ нимъ».

Журналъ для фабрикъ, мануфактуръ, торговли и моды. «На первой строкѣ 306-й стр. постановленіемъ вопросительнаго знака хитро критикуетъ священное изрѣченіе». (Совѣтъ эту книгу пропустилъ).

Робертъ и Элиза или радости возвышенной любви. «На стр. 310-й считаетъ ненужною тайну брака благословеніемъ священно-іереевъ, да и на стр. 314-й совѣтуетъ дочери не присутствовать при погребеніи родителя, и безъ того уже въ жизни довольно черными красками описаннаго, что есть противно нравственности, обязывающей дѣтей къ почтенію родителямъ».

---

*) «Р. Стар.», 1873 г., т. 8, стр. 334—335.

Дома проституціи или лучшій міръ въ теплыхъ странахъ «Довлѣетъ одного возврѣнія къ презрѣнію».

Франція въ 1797 г. (на нѣмецкомъ языкѣ). «Кромѣ того, всѣ страницы наполнены разсужденіями о французской революціи, на стр. 189 помѣщена пѣснь своевольства, да еще и съ нотами».

Лѣтописи британской исторіи. «Повсюду силится дать французской революціи видъ пріятный и восхитительный; напротивъ того мараетъ черными красками Англію и прочія державы въ желаніи чтобы вразумить Францію».

Мои странствованія по юдоли несчастій и по долинѣ бѣдствій. «На стр. такихъ-то, чтобъ быть министромъ, надобно пить; проспавшись, собирать налоги, опять пить, и такъ продолжать до конца жизни; умереть въ пьянствѣ—блаженство; на стр. 145-й: я король и останусь королемъ, доколѣ пьянъ. Таковыя нелѣпыя выраженія по нынѣшнимъ временамъ и въ шуткахъ опасны».

Du contrat social ou principes du droit politique par J. J. Rousseau. «Извѣстно, что мнимое равенство во французской революціи большею частію изъ сей книги заимствовано». Но Совѣтъ нашелъ, что книга эта можетъ быть пропущена, «яко принадлежащая къ сочиненіямъ Руссовымъ, которыхъ привозъ и продажа были равномѣрно свободны, а потому, конечно, и есть уже онѣ здѣсь во многихъ собраніяхъ книжныхъ».

Журналъ фабрикъ, мануфактуръ, торговли и моды. «Въ сочиненіи лифляндца или рижанина, на стр. 434-й, говоритъ о помазанникѣ Божіемъ безъ всякаго отличія отъ простого купца; на стр. 435-й бредитъ о благополучныхъ россіянахъ, яко бы они подъ желѣзнымъ игомъ рабства стонутъ! Россіяне, бывъ своимъ состояніемъ совершенно довольны, не просятъ рижскихъ купцовъ ни писать, ни сожалѣть о ихъ состояніи»... Надо полагать, что стонущіе подъ игомъ рабства россіяне были плодомъ фантазіи рижскаго цензора, желавшаго отличиться своею благонамѣренностью въ глазахъ начальства, и что ничего подобнаго не заключалось въ вышеприведенномъ журналѣ, такъ какъ Совѣтъ разрѣшилъ выпускъ его.

Англійскіе листки (на нѣмецкомъ языкѣ). «На стр. 140-й крайне обижаетъ женщинъ, называя знатную даму кокеткою, подобно дѣвкѣ въ кухнѣ, а хозяйку дома—инвалиднымъ мясомъ и т. д. Стр. 142 сатира на императоровъ; на стр. 148 не находитъ у большихъ господъ вкуса къ книгамъ, ибо-де голова ихъ безъ разума, пуста. Стр. 172 совѣтуетъ презирать супружество; стр. 207 и 208—будто пороки уже такъ вкоренились, что супружества добраго и нѣтъ; стр. 227 отъ царя Давида и далѣе ругаетъ всѣхъ государей и пр.».

Молитвенникъ императора Павла (переводъ съ русскаго на нѣмецкій). «Изъ предисловія явствуетъ, что сія книга не есть то, что на титулѣ изображено; а какъ мыслей монаршихъ безъ монаршаго позволенія печатать нельзя, то цензоры и пропустить не смѣли».

По поводу этого молитвенника состоялся слѣдующій журналъ Совѣта: 1797 года, ноября 23-го дня, въ совѣтѣ вице-канцлеръ объявилъ, что имѣлъ онъ счастіе представлять государю императору принадлежащую къ рапорту рижской цензуры, отъ 30-го октября, книжку, подъ титломъ: «Kaisers Paul Gebethbuch», которую его величество указалъ запретить, какъ содержащую въ себѣ подъ видомъ похвалы многія вольнодумныя и неприличныя мысли и выраженія.

Приготовительныя познанія для правильнаго разумѣнія Бога, природы и человѣка. Для юношества. «Цѣль и намѣреніе книжки, до предпослѣднихъ страницъ, похвальны; но какъ сочинитель оной подъ дедикаціею подписался воспитателемъ юношества въ Россіи, съ Бѣлорусской губерніи, то кажется, что на стр. 389-й названіе государя *первымъ гражданиномъ*, а на стр. 390, *первымъ гражданиномъ и большимъ слугою* есть ученіе слишкомъ новое, и для юношества таковыхъ лѣтъ, для каковыхъ назначено, оное вперять опасно, не предпославъ другихъ важнѣйшихъ правилъ къ повиновенію и непреложному почитанію».

Человѣкъ въ оковахъ. «Начиная отъ стр. такихъ-то, введенъ республиканецъ, разсуждающій съ монархистомъ, по имени Фалкономъ, объ образѣ правленія, что первый, усиливаясь во всемъ давать преимущество правленію республиканскому и унижая монархическое приведеніемъ разныхъ несчастій для подданныхъ, отъ сего рода правленія для подданныхъ проистекающихъ, наконецъ склонилъ, яко-бы на свою сторону и монархиста, а тѣмъ самымъ наводитъ *сумлѣніе* въ слабоумныхъ о изрядствѣ правленія монархическаго».

Эти двѣ книги вмѣстѣ съ «Путешествіемъ изъ Пресбурга» и «Обличеніемъ людей мрака» были представлены изъ рижской цензуры въ числѣ 25; Совѣтъ призналъ всѣ 25 книгъ неудобными къ выпуску; на поляхъ же противъ этого мѣста помѣчена слѣдующая резолюція императора Павла:

«Книги сжечь, а хозяевъ отыскавъ поступить съ ними по законамъ, за выписку оныхъ».

Рижская типографія представила въ тамошнюю цензуру книгу, подъ названіемъ: «*Регламентъ для общества вспомоществованія больнымъ, вдовамъ и сиротамъ*». Но цензура задержала эту книгу и представила въ Совѣтъ при слѣдующемъ донесеніи Туманскаго:

«Никакіе законы не могутъ быть въ публику выпускаемы безъ утвержденія монаршія воли, сія же книга названа Reglement, а регламенты суть законы; на стр. 9 въ § 12, предполагается принимать въ общество разныя состоянія, но о дворянахъ и военныхъ выпущено; на стр. 13, § 18 ограничиваетъ пребываніе своихъ членовъ, не позволяя выѣзда изъ границъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній; а какъ въ члены пріемлются и служащіе по гражданской части, то симъ сіе состояніе, долженствующее служить тамъ, гдѣ повелѣно будетъ, стѣсняется; на стр. 19, въ § 29 предполагается старшинамъ воля созывать все, изо ста одного человѣка состоящее общество по надобности; по законамъ же таковое многолюдное общество, кажется, не можетъ быть созываемо инако, какъ съ позволенія и подъ призоромъ губернскаго начальства, ибо сіе наблюдается и при собраніяхъ дворянства; на стр. 21, въ § 32, предоставляется ежегодно въ день установленія имѣть обѣденный столъ, которыя лучше бы употребить на помощь бѣднымъ», и т. д.

Но Совѣтъ не согласился на этотъ разъ съ донесеніемъ Туманскаго и замѣтилъ рижской цензурѣ, что ея сужденія «тѣмъ болѣе странны, что оная книжка не содержитъ ничего соблазнительнаго или развратнаго, а есть токмо собраніе правилъ, кои общество, предположившее себѣ предметомъ вспоможеніе больнымъ и бѣднымъ согражданамъ, составило для себя къ удобнѣйшему произведенію въ дѣйство сего благотворительнаго и похвальнаго намѣренія».

Путешествіе Гулливера, Свифтъ. «Въ сей книгѣ авторъ старается разныя при дворахъ учрежденія осмѣивать, какъ напримѣръ, весьма ѣдко на стр. 305, что прыганіе на веревкахъ производится токмо людьми великими»...

Нравственные разсказы Августа Лафонтена. «Довлѣетъ воспретить; на стр. 159 авторъ осмѣливается говорить о постыдности искать чиновъ, унижая себя передъ златомъ, или высшею степенью негодяя»...

Бѣдность и великодушіе, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Августа Коцебу. «Стр. 8 и 9,—съ насмѣшкою о письмѣ короля полученномъ; на стр. 39 при словѣ умиленіе, кажется, не кстати. Но важнѣйшее всего сумлѣніе на стр. 118, гдѣ церковную каѳедру поставляетъ въ одной степени съ театромъ и тѣмъ отъемлетъ почтеніе къ храмамъ и ослабляетъ благочестіе, а особливо въ сердцахъ юныхъ прелестьми театра и выраженіями на ономъ плѣняющихся».

Дитя любви, его же. «Что токмо дѣти незаконнорожденныя суть дѣти любви—несправедливо и неблагопристойно, а потому и самый титулъ соблазнителенъ»...

Часы досуга. «Стр. 60 кажется сумнительна; также, кажется, не весьма прилично, что писатель, предпославъ увѣдомленіе, что король гишпанскій и фамилія королевская и вельможи назначили игрище битвы быковъ, на стр. 123 называетъ сіе игрище подлымъ и безчеловѣчнымъ, что неинако, какъ до двора королевскаго относится». (Книга Совѣтомъ разрѣшена).

Національная галлерея, Штудгардтъ, 1794 г. «На стр. 4 Россію, которая есть монархія, купно съ Турціею поставляетъ въ число государствъ деспотическихъ; на стр. 15 описываетъ россійское дворянство свирѣпымъ и жестокимъ, а крестьянъ несчастными».

Книга эта была представлена рижской цензурой въ Совѣтъ вмѣстѣ съ 24-ю другими книгами, и только одна одобрена журналомъ Совѣта отъ 7-го марта 1799 г., всѣ же прочія найдены неудобными къ выпуску. Но императоръ Павелъ, утвердивъ журналъ Совѣта, замѣтилъ, что національная галерея также должна быть запрещена, «*чтобы впредь всѣ книги, коихъ время изданія помѣчено какимъ-нибудь годомъ французской республики, были запрещаемы*».

Въ силу этого новаго закона петербургскій цензоръ представилъ въ Совѣтъ списокъ книгъ, числомъ 13 бо́льшею частію научнаго содержанія помѣченныхъ

годомъ французской республики, и испрашивалъ разрѣшенія какъ поступить съ ними. Въ отвѣтъ на это получено увѣдомленіе, что на выпускъ означенныхъ книгъ не послѣдовало высочайшаго соизволенія.

Взаключеніе всѣхъ этихъ донесеній Туманскаго считаю не лишнимъ, ради курьеза, представить самую форму донесеній, какъ образецъ дѣловаго слога этой замѣчательной эпохи. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ относился Туманскій къ предсѣдателю Совѣта:

«Донеся о семъ, за совершеннѣйшее счастіе почитаю, что получилъ случай повергши себя въ высокое вашего сіятельства покровительство, яко вѣчно сущій со благоговѣніемъ, истинною преданностію и глубочайшимъ высокопочитаніемъ, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепреданнѣйшій и всенижайшій слуга». Или: «за верхъ счастія почитаю, что смѣю съ благоговѣніемъ, всесовершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію называться» и проч. *).

Но Туманскій отличался не однѣми строгостями, лишенными подъ часъ всякаго здраваго смысла по отношенію къ иностраннымъ книгамъ, ввозимымъ въ Россію; сверхъ того еще онъ мучилъ книгопродавцевъ и дѣлалъ совершенно невозможною книжную торговлю томительною медленностью, съ которою исполнялъ свои обязанности. Ко всему этому онъ былъ человѣкъ крайне мстительный, и въ своемъ стремленіи кому-нибудь навредить не разбиралъ средствъ.

Такъ рижскій книгопродавецъ Гарткнохъ 12 сентября 1797 года обратился въ Совѣтъ съ жалобою **), изъ которой видно, что съ начала судоходства до послѣднихъ чиселъ іюня 1797 г. Гарткноху было выслано изъ-за границы 34 кипы съ книгами, цѣною болѣе чѣмъ на 25 тысячъ рублей; цензура же вскрыла по день подачи прошенія (12 сент.), только шесть кипъ; изъ нихъ три съ книгами научнаго содержанія выданы книгопродавцу, остальныя три все еще находились въ разсмотрѣніи цензуры, а прочія 28 кипъ продолжали лежать въ таможнѣ.

Подавши жалобу, Гарткнохъ, имѣвшій въ Петербургѣ большія и высокія связи, началъ ходить по вельможамъ и хлопотать по своему дѣлу, но повсюду его встрѣчали одни неодобренія за подачу жалобы, какъ за шагъ крайне рискованный и неосторожный и не обѣщавшій никакихъ благопріятныхъ послѣдствій. Нѣкій же сенаторъ и предсѣдатель юстицъ-коллегіи, имени котораго Гарткнохъ не называетъ (по всей вѣроятности Фриціусъ) встрѣтилъ его очень сухо и надменно, причемъ пародировалъ извѣстное изрѣченіе Екатерины фразою, достойною быть записаной въ лѣтописяхъ исторіи цензуры.

— Пусть лучше сотня хорошихъ книгъ будетъ сожжена,—сказалъ онъ Гарткноху:—чѣмъ проскользнетъ одна, въ которой найдется хоть одно выраженіе, имѣющее мало-мальски революціонный намекъ.

Четыре дня спустя послѣ подачи просьбы, къ Гарткноху, остановившемуся въ Петербургѣ у одного своего друга, нагрянула въ 4 часа полиція и препроводила его къ оберъ-полицймейстеру, объявившему ему, что его требуетъ къ себѣ генералъ-прокуроръ князь Куракинъ. Князь Куракинъ проживалъ въ это время въ Гатчинѣ. Когда Гарткнохъ просилъ позволить ему нанять экипажъ чтобы отправиться туда, ему отвѣчали съ внушительною рѣзкостью:

— Для такихъ господъ, какъ вы, у насъ есть свои экипажи.

---

*) «Цензура въ Рос. при Павлѣ», «Р. Стар.», т. 14, стр. 455

**) Hartknoch, «Geschichte der Gefangenschaft des Buchhändlers Hartknoch unter der Regierung Kayser Pauls I. Von ihm selbst erzählt». Leipzig. 1803 г.

И вотъ несчастнаго Гарткноха, неуспѣвшаго въ тотъ день еще и пообѣдать, голоднаго и къ тому же больного, сажаютъ въ простую телѣгу и отправляютъ съ фельдъегеремъ въ Гатчину.—Проскакавши 45 верстъ со скоростью фельдъегерской ѣзды, Гарткнохъ предсталъ передъ Куракина въ полубезчувственномъ состояніи. Кн. Куракинъ объявилъ ему, что его пригласили ни для чего иного, какъ для выслушанія высочайшей резолюціи на его просьбу. Резолюція эта заключалась въ томъ, что закону слѣдуетъ повиноваться а не разсуждать, и что онъ, Гарткнохъ, весь свой вѣкъ долженъ питать глубокую признательность къ милосердію его величества за то, что его не привлекли къ отвѣту за выписываніе изъ-за границы до введенія цензуры книгъ, печатавшихся во время французской революціи.

Какъ ни былъ утомленъ и обезкураженъ Гарткнохъ, однакожъ у него хватило духу и храбрости замѣтить князю:

— Неужели же меня изъ Петербурга съ фельдъегеремъ препроводили въ Гатчину и такъ поспѣшно единственно для того, чтобы выслушать этотъ отвѣтъ?

Князь былъ очень удивленъ. Оказалось, что съ своей стороны онъ не отдавалъ никакихъ приказаній объ арестѣ и препровожденіи Гарткноха съ фельдъегеремъ. Онъ обратился въ полицію лишь потому, что не зналъ адреса Гарткноха и просилъ ее розыскать его и пригласить для выслушанія отвѣта. Полиція же сама отъ себя выказала такое необузданное усердіе.

Но этимъ не кончились непріятности, претерпѣнныя Гарткнохомъ вслѣдствіе жалобы на цензуру. Далѣе началась месть со стороны Туманскаго. Прежде всего послѣдовалъ со стороны Туманскаго въ Петербургъ доносъ на крайнюю неблагонадежность Гарткноха. Вслѣдствіе этого доноса кн. Репнинъ писалъ къ рижскому военному губернатору гр. Бекендорфу, чтобы онъ слѣдилъ за Гарткнохомъ, такъ какъ онъ съ нѣкоторыми своими сообщниками въ Ригѣ принадлежитъ къ зловредной сектѣ иллюминатовъ, и они намѣреваются низвергнуть всѣ власти. Графъ Бенкендорфъ лично зналъ Гарткноха, питалъ къ нему уваженіе и потому не далъ никакого хода этому доносу. Но Туманскій не ограничился однимъ этимъ.

Незадолго передъ тѣмъ издатель «Революціоннаго альманаха» написалъ Гарткноху письмо, прося его извѣстить, можно ли ему послѣ введенія цензуры продолжать высылать Гарткноху это изданіе, и если можно, то во сколькихъ экземплярахъ. Гарткнохъ чтобы разрѣшить этотъ вопросъ обратился въ цензуру, прося позволить ему выписать одинъ экземпляръ этого альманаха на 1797 годъ по почтѣ, обязуясь немедленно по полученіи представить этотъ экземпляръ цензору, чтобы тотъ рѣшилъ, допустима ли эта книга въ публику и можно ли ее выписать въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Туманскій согласился на просьбу Гарткноха, и послѣдній, получа по почтѣ одинъ экземпляръ альманаха, сейчасъ же представилъ его въ цензуру. Просмотрѣвъ книгу, Туманскій сдѣлалъ о ней такое заключеніе, что она не содержитъ въ своемъ текстѣ ничего противуправительственнаго и вреднаго для публики, но допустима въ продажу можетъ быть лишь съ тѣмъ условіемъ чтобы вынуть изъ нея гравюры, изображающія различныя уличныя сцены французской революціи, и потому въ россійской имперіи нетерпимыя. Тогда Гарткнохъ такъ и написалъ издателю «Революціоннаго альманаха», прося его выслать ему потребное количество экземпляровъ, вынувъ изъ нихъ гравюры.

Между тѣмъ Туманскій, несмотря на то, что все это дѣлалось съ его же согласія, немедленно же донесъ въ Петербургъ, что Гарткнохъ, минуя цензуру,

выписалъ по почтѣ одинъ экземпляръ «Революціоннаго альманаха», значащагося подъ № 130 въ цензурномъ спискѣ запрещенныхъ книгъ, и такимъ образомъ открылъ въ страну путь сей зловредной книгѣ.

И вотъ 5-го ноября 1797 года, 10 дней спустя по возвращеніи изъ Петербурга, въ лавку къ Гарткноху является плацъ-маіоръ и препровождаетъ его къ военному губернатору. Тотъ ему предъявляетъ полученный изъ Петербурга приказъ тайной канцеляріи немедленно же арестовать Гарткноха и представить его въ Петербургъ съ фельдъегеремъ. И опять поскакалъ злосчастный Гарткнохъ на расправу, и на этотъ разъ пришлось ему проскакать безъ передышки уже не 45, а 568 верстъ, да къ тому же еще его обязали совершить его путешествіе на свой счетъ и путевыя издержки выдать фельдъегерю впередъ.

Но и на этотъ разъ гроза обошлась ему сравнительно легко. Сильныя связи и теперь выручили: все дѣло ограничилось тѣмъ, что онъ просидѣлъ дней 14 подъ арестомъ при полиціи, и петербургскія власти, удовлетворившись тѣмъ объясненіемъ, которое далъ имъ Гарткнохъ, отпустили его на свободу. Но замѣчательнѣе всего то, что черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Ригу ему передана была чрезъ рижскую цензуру изъ тайной канцеляріи бумага, которая содержала въ себѣ запрещеніе ему выписывать «Революціонный альманахъ», и бумага эта къ довершенію удивленія Гарткноха была помѣчена 4-мъ ноябремъ и подписана княземъ Куракинымъ, слѣдовательно выходило такъ, что за день еще до ареста Гарткноха состоялось рѣшеніе въ тайной канцеляріи, при которомъ арестъ его, препровожденіе въ Петербургъ и 14 дней заключенія не имѣли никакого смысла. Или же остается предположить, что бумага эта была составлена послѣ уже освобожденія Гарткноха и помѣчена заднимъ числомъ ради очистки совѣсти. Въ брошюрѣ своей Гарткнохъ между прочимъ сообщаетъ такой фактъ, что когда онъ уѣзжалъ въ Ригу, кн. Куракинъ поручилъ ему отвезти туда нѣсколько казенныхъ бумагъ. Очень возможно, что въ числѣ ихъ былъ и этотъ курьезный актъ.

IV.

Теперь мы приступаемъ къ самому важному подвигу Туманскаго, которымъ онъ наиболѣе прославился и оставилъ по себѣ неизгладимую память въ потомствѣ, именно—къ доносу на ранденскаго пастора Зейдера, имѣвшему очень печальныя послѣдствія для послѣдняго.

Вотъ какъ описываетъ самъ Зейдеръ въ своихъ запискахъ *) обстоятельства и поводъ къ этому знаменитому въ лѣтописяхъ исторіи доносу:

«Вскорѣ по полученіи мною мѣста священнослужителя въ Ранденѣ (близь Дерпта) въ началѣ 1792 г., я принялъ къ себѣ въ домъ пансіонерами нѣсколько мальчиковъ. Преподавая имъ нѣмецкій языкъ, я при каждомъ урокѣ прочитывалъ нѣкоторые отрывки изъ сочиненій нашихъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, и съ этою цѣлію выписалъ нѣсколько извѣстнѣйшихъ сочиненій и въ томъ числѣ нѣкоторые популярные романы. Въ короткое время у меня составилась маленькая библіотека, обратившая вскорѣ вниманіе сосѣдей, которые просили одолжить то ту, то другую книгу. Мало по малу все было перечитано и многіе изъ знакомыхъ приступили ко мнѣ съ просьбою устроить болѣе полную библіотеку, предлагая свое участіе въ издержкахъ и увѣряя меня, что сосѣдніе помѣщики не преминутъ присоединиться къ нашему кружку. Дѣло это устроилось весьма успѣшно; купивъ за деньги, собравшіяся отъ членскихъ взносовъ, новѣйшія сочиненія по всѣмъ отраслямъ литературы, я имѣлъ удовольствіе содѣй-

*) «Р. Стар.» 1878 г., т 22, стр. 119.

ствовать такимъ путемъ развитію вкуса и познаній моихъ подписчиковъ. Нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ я этой библіотекой; но всему бываетъ конецъ; уже въ послѣдніе два года все труднѣе становилось пополнять ее новыми произведеніями. Введеніе въ Россіи при императорѣ Павлѣ цензуры, стѣснившей значительно литературу, было могильнымъ звономъ для сѣверной музы. Особенно враждебно относился къ литературѣ рижскій цензоръ Туманскій; онъ старался подавить всякое проявленіе человѣческаго ума и ревностно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни одна свѣтлая мысль не проникла въ массу публики. При подобныхъ обстоятельствахъ всякій держалъ себя какъ можно осторожнѣе и я съ своей стороны пересталъ принимать новыхъ подписчиковъ и не возобновлялъ прежнихъ абонементовъ. Поэтому съ каждою почтою я получалъ посылки съ книгами, которыя возвращались мнѣ подписчиками. Одна изъ подобныхъ посылокъ была доставлена мнѣ въ довольно растрепанномъ видѣ и по осмотрѣ оказалось, что въ ней недоставало первой части «Вѣстника любви» Лафонтена, которая, судя по описи, должна была находиться тутъ же. Я обратился къ подписчику, приславшему мнѣ эти книги, письменно съ вопросомъ, не задержалъ ли онъ первой части этого сочиненія по ошибкѣ, и получилъ отъ него торжественное увѣреніе въ томъ, что онъ возвратилъ мнѣ это сочиненіе въ цѣлости. Поэтому, не оставалось сомнѣнія, что посылка была дорогою вскрыта и что такимъ образомъ исчезла вышеупомянутая книга. Надобно сказать, что въ то время всякій любитель чтенія дорожилъ тѣми произведеніями, какія ему удалось пріобрѣсти, и мнѣ было чрезвычайно обидно имѣть не полное сочиненіе Лафонтена, тѣмъ болѣе что я не могъ достать его вновь въ книжныхъ магазинахъ, такъ какъ цензоръ Туманскій именно около этого времени объявилъ многія изъ лучшихъ произведеній запрещенными. Вслѣдствіе этого я прибѣгнулъ къ наилучшему средству возвратить утраченную вещь — къ гласности, и напечаталъ въ «Дерптскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе о томъ, «что изъ посылки съ книгами, высланной мнѣ изъ имѣнія А. въ Ранденскій пасторатъ, дорогою затерялась первая часть «Вѣстника любви» Лафонтена, и такъ какъ я имѣю всѣ слѣдующія части, то прошу того, кому въ руки попадется эта книга, возвратить мнѣ ее». Вскорѣ книга была прислана, но объявленіе, напечатанное мною въ газетѣ было источникомъ моего несчастія. Газета попалась въ руки Туманскому; онъ объявилъ это сочиненіе Лафонтена запрещеннымъ и рѣшилъ принять относительно меня тѣ мѣры, которыя читателямъ моимъ я вслѣдъ за симъ сообщу».

Гнуснѣе всего было то, что здѣсь со стороны Туманскаго было не одно только цензурное усердіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интрига весьма неблаговиднаго свойства. По крайней мѣрѣ Коцебу въ своемъ «Достопамятномъ годѣ» вотъ что говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ (стр. 142):

«Увѣряютъ, что это чудовище желало не столько повредить пастору Зейдеру, сколько навлечь замѣчаніе превосходному лифляндскому губернатору Нагелю, къ которому онъ питалъ тайную злобу вслѣдствіе какой-то обиды. Онъ донесъ объ этомъ своему покровителю и начальнику Обольянинову (оберъ-прокурору тайной канцеляріи), присоединивъ еще разныя неблагопріятныя для пастора навѣты: Обольяниновъ же донесъ объ этомъ государю, также съ добавленіями со своей стороны. Короче сказать, пасторъ Зейдеръ былъ обвиненъ въ томъ, что продолжалъ держать библіотеку для чтенія, несмотря на воспрещеніе цензора, и старался распространять въ кругу своихъ читателей вредныя начала, давая читать запрещенныя книги революціоннаго содержанія. Надо замѣтить, что списка запрещенныхъ книгъ не было. Все это было представлено государю въ такомъ ложномъ и гнусномъ видѣ, что онъ немедленно приказалъ арестовать пастора Зейдера, посадить его въ Петропавловскую крѣпость и поручить Туманскому всенародно сжечь всѣ его книги».

Послѣдній фактъ о сожженіи книгъ былъ очевидно или присочиненъ Коцебу, или переданъ имъ по невѣрнымъ слухамъ. Изъ записокъ же Зейдера видно, что библіотека его была опечатана (20-го мая 1800 г.) и вмѣстѣ съ нимъ препровождена въ Петербургъ къ генералъ-прокурору. Зейдеръ былъ немедленно же послѣ первыхъ допросовъ заключенъ въ крѣпость. Дѣло его было препровождено въ юстицъ-коллегію съ предрѣшеніемъ по Высочайшему повелѣнію назначить пастору тѣлесное наказаніе и сослать въ рудники въ Сибирь. Такимъ образомъ юстицъ-коллегія приняла въ этомъ дѣлѣ видъ не столько судебной, сколько исполнительной власти. Вотъ какъ описываетъ самъ пасторъ Зейдеръ судъ надъ нимъ:

«Двери растворились и тотчасъ я вошелъ въ залу. За столомъ, покрытомъ краснымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ; двое изъ нихъ, занимая первыя мѣста, имѣли орденскія ленты, а напротивъ нихъ сидѣли два священника. Глаза мои подернулись влажнымъ туманомъ, скрывшимъ отъ меня всѣ прочіе предметы; въ комнатѣ царствовала страшная тишина. Сдѣлавъ еще два шага, я остановился у одной колонны, недалеко отъ дверей. Наконецъ на середину комнаты выступилъ секретарь и развернулъ какую-то бумагу. Его порывистыя движенія обличали происходившую въ немъ внутреннюю борьбу. Онъ началъ читать, а я со вниманіемъ слѣдилъ за его словами, напрягая всѣ свои усилія къ тому, чтобы услышать свой оправдательный приговоръ. Но Боже! что я услышалъ? Изрѣченіе!.. Прочтите слѣдующія слова, и не забывайте, читатель, что всѣ мы одинаково люди:

— «Такъ какъ до свѣдѣнія его императорскаго величества дошло, гласилъ ужасный приговоръ, «что пасторъ Зейдеръ отъ Рандена въ Лифляндіи имѣетъ и раздаетъ для чтенія запрещенныя книги, то онъ высочайше повелѣть соизволилъ опечатать книги пастора Зейдера и препроводить ихъ вмѣстѣ съ нимъ въ С.-Петербургъ къ генералъ-прокурору; когда это было исполнено и пасторъ Зейдеръ далъ письменное объясненіе дѣла, то его императорское величество повелѣлъ юстицъ-коллегіи: такъ какъ пасторъ Зейдеръ поступалъ противъ высочайшаго распоряженія, то судить его, какъ преступника и нарушителя закона, приговорить къ тѣлесному наказанію и сослать въ Нерчинскъ на каторжную работу. Согласно съ этимъ, юстицъ-коллегія постановила: по повелѣнію его императорскаго величества, приговорить пастора Зейдера къ тѣлесному наказанію 20-ю ударами кнута и сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ, предварительно лишивъ его духовнаго сана присутствующимъ здѣсь пробстомъ Рейнботомъ».

«Секретарь еще не докончилъ чтенія, какъ сильныя судороги заставили меня прислониться къ стѣнѣ; но я еще не потерялъ сознанія, когда священники встали, и пробстъ Рейнботъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— «Симъ лишаю васъ вашей должности и духовнаго сана, и разрѣшаю васъ отъ данной вами присяги и связаннымъ съ нею обязанностей священнослужителей».

«При такихъ словахъ я окончательно лишился сознанія и безъ чувствъ грохнулся на полъ. Это безсознательное состояніе продолжалось вѣроятно недолго, ибо когда меня подняли, то я былъ уже въ совершенной памяти.

«Боже мой,—воскликнулъ я,—какая несправедливость! я невиненъ! я не преступникъ, я не нарушилъ закона. Богъ да будетъ мнѣ судья. Какія у меня были запрещенныя книги? Неужели я не имѣю права ничего сказать въ свою защиту?

— «Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ прокуроръ, дрожа и поблѣднѣвъ какъ полотно: —ваши слова напрасны: это воля императора, это воля императора».

— «Какой жестокій приговоръ,—воскликнулъ я, поднявъ руки къ небу:—какая вопіющая несправедливость! Ты отомстишь за меня, всевышній Судья!

«Произнося эти полубезсознательныя слова, я отступилъ на нѣсколько шаговъ и мнѣ снова сдѣлалось дурно. По знаку прокурора одинъ изъ служителей сорвалъ съ меня мантію и воротникъ—отличительные знаки духовнаго сана. Меня вывели изъ залы засѣданія въ нижній этажъ; я надѣялся, что тутъ по крайней мѣрѣ мнѣ дадутъ отдохнуть и хотѣлъ присѣсть на стулъ, но мнѣ велѣли идти дальше и въ сѣняхъ, гдѣ я былъ переданъ въ руки сыщиковъ, меня повалили на каменную плиту, позади которой возвышался столбъ. Заложивъ руки за спину, меня привязали къ нему веревками такъ крѣпко, что кровь застыла у меня въ жилахъ, и я громко вскрикнулъ отъ боли и снова началъ жаловаться; но страданія, вынесенныя мною въ тѣ минуты, совершенно изгладили изъ памяти всѣ мои слова, которыя, какъ видно, были способны тронуть самыя закоренѣлыя сердца. Тюремщикъ простой солдатъ, профессія котораго убиваетъ въ немъ всякое чувство состраданія и который считалъ меня вѣроятно за преступника, подошелъ ко мнѣ съ цѣпями и остановился передо мною какъ вкопанный. Несмотря на мое нервное состояніе, я замѣтилъ, что онъ отиралъ слезы и такъ долго медлилъ своимъ дѣломъ, что прокуроръ долженъ былъ напомнить ему исполнить свою обязанность. Вздохнувъ, онъ наложилъ на меня цѣпи. Когда я былъ окованъ, меня отвязали отъ столба; я не могъ двинуться съ мѣста, мнѣ помогли встать. При первыхъ шагахъ, сдѣланныхъ мною въ оковахъ, во мнѣ снова проснулось со всею силою чувство оскорбленнаго человѣческаго достоинства. Проникнутый сознаніемъ своей невинности я смѣло возвысилъ голосъ, такъ что стѣны задрожали отъ моихъ возгласовъ, и, собравъ послѣднія силы, упорно боролся съ сыщиками, которые заставляли меня молчать. Слова: *несправедливость*, *жестокость*, *уголовный судъ*, *невинность*, *месть*, *жена и ребенокъ*, которыя я произносилъ чаще всего, переполошили всѣхъ судей. Прокуроръ выбѣжалъ изъ залы засѣданія.

— «Бога ради, не кричите, несчастный,—сказалъ онъ:—васъ поведутъ теперь къ военному губернатору; можетъ быть, вы будете еще помилованы.

Судьба Зейдера произвела глубокое впечатлѣніе на весь Петербургъ. Во многихъ домахъ проливали слезы о несчастномъ пасторѣ. Всѣ просили и хлопотали о смягченіи его участи, даже русское духовенство принимало участіе въ этихъ хлопотахъ, забывъ на этотъ разъ о своей непріязни къ лютеранской вѣрѣ. Наиболѣе усилій спасти Зейдера употребилъ генералъ-губернаторъ графъ Паленъ, заслуживъ этимъ общее одобреніе. Но все было тщетно. 3-го іюля 1800 года Зейдеръ былъ отвезенъ на лобное мѣсто. На половинѣ дороги его вернули назадъ, чтобы напутствовать таинствомъ причащенія, которое онъ и получилъ изъ рукъ пастора Рейнбота; затѣмъ процессія снова двинулась въ путь. Его руки были уже прикручены къ столбу, его уже раздѣли, чтобы приступить къ экзекуціи, какъ вдругъ прибылъ курьеръ и сообщилъ что-то на ухо палачу. Послѣдній почтительно отвѣчалъ: «слушаю-съ», и затѣмъ двадцать разъ, не прикасаясь, подымалъ и опускалъ надъ несчастнымъ кнутъ, ловко скользя имъ по платью осужденнаго, не причиняя ему боли. Ясно, что какая-то добрая душа, не имѣя возможности избавить этого невиннаго отъ безчестія, оградила его по крайней мѣрѣ отъ физическихъ истязаній.

По совершеніи казни Зейдеръ былъ обратно отведенъ въ тюрьму. Все испытанное имъ такъ потрясло его, что онъ захворалъ чѣмъ-то въ родѣ нервной горячки и былъ переведенъ въ полицейскій лазаретъ. Здѣсь его навѣщали люди всѣхъ сословій. Графъ Паленъ подъ разными предлогами отдалялъ его отправленіе въ рудники и имѣлъ даже по этому поводу нѣсколько размолвокъ съ генералъ-прокуроромъ, но императоръ такъ настойчиво потребовалъ окончательнаго приведенія въ исполненіе приговора что наконецъ, надо было уступить. Черезъ 11 дней послѣ казни не успѣвшаго еще оправиться отъ болѣзни Зейдера снесли и положили на простую телѣгу, запряженную въ одну лошадь.

«Дворъ полиціи былъ биткомъ набитъ народомъ,—говоритъ Зейдеръ въ своихъ запискахъ:—я видѣлъ, какъ многіе плакали, ломали руки и вздыхали. Когда я выѣхалъ изъ воротъ, масса народа двинулась за мною и проводила меня вдоль нѣсколькихъ улицъ. Я лежалъ окутанный въ плащъ, и плакалъ навзрыдъ. Телѣга проѣхала еще нѣсколько пустынныхъ улицъ, миновала городскія ворота и—Петербургъ остался позади меня. Я приподнялся.
— «Прощай, дорогая жена, прощай милое мое дитя!—воскликнулъ я, удрученный горемъ, и въ отчаяніи упалъ на сидѣнье».

Несмотря на всѣ хлопоты и ходатайства, жена его, хотѣвшая сопровождать мужа, не могла выхлопотать на это соизволенія.

Болѣе года провелъ Зейдеръ въ нерчинскихъ рудникахъ, но память о немъ въ Петербургѣ не изсякла. «Нѣсколько дней спустя послѣ восшествія на престолъ Александра I, говоритъ Коцебу:—князь Зубовъ у одного изъ рестораторовъ далъ большой обѣдъ на сто персонъ, по двадцати пяти рублей съ каждой особы безъ вина; на этомъ обѣдѣ между прочимъ выпито четыреста бутылокъ шампанскаго, по пяти рублей за каждую. Чокаясь бокалами, кто-то вспомнилъ о несчастномъ пасторѣ Зейдерѣ, и немедленно составленная подписка въ его пользу принесла, какъ говорятъ, десять тысячъ рублей!»

Въ концѣ 1801 года Зейдеръ былъ освобожденъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими несчастными, раздѣлявшими съ нимъ общую участь. Александръ, убѣжденный въ невинности Зейдера, далъ слѣдующій указъ, возстановлявшій его честь и достоинство:

«Бывшаго Ранденскаго пастора Зейдера, Деритскаго округа, который несчастнымъ образомъ былъ лишенъ сана и невинный подвергся наказанію, освобождая отъ всякаго упрека за понесенное имъ обвиненіе, всемилостивѣйше повелѣваемъ, согласно постановленіямъ проте-

стантскаго церковнаго устава, глава XIX, § 21, посвятить снова въ прежній духовный санъ и, по протестантскому уставу о приходахъ, дать ему таковой, когда подходящее мѣсто окажется вакантнымъ. Сверхъ того, мы повелѣли государственному казначею выдавать ему, Зейдеру, до полученія имъ мѣста, половину доходовъ, какими онъ пользовался въ Ранденскомъ пасторатѣ, именно 715 рублей въ годъ.

Александръ».

И вотъ 2-го января 1802 года въ Анненской церкви, въ Петербургѣ, тотъ же самый священникъ пробстъ Рейнботъ, который по повелѣнію императора Павла лишилъ Зейдера сана, теперь при многочисленномъ стеченіи народа вторично посвятилъ его въ духовный санъ.

Что касается до Туманскаго, то, несмотря на то, что съ воцареніемъ Александра, вѣтеръ подулъ совсѣмъ съ другой стороны, и всѣ тотчасъ же преисполнились гуманности и либерализма, онъ повидимому ничего этого не замѣчалъ, и мало того что остался до конца вѣренъ самому себѣ, но пошелъ еще далѣе. «Туманскій,—говоритъ Коцебу:—столько времени бывшій страшилищемъ города Риги, окончилъ самымъ печальнымъ образомъ свою роль. Съ бѣшенствомъ относясь къ презрѣнію, ему повсюду выражаемому, онъ вознамѣрился погубить всѣхъ жителей этого добраго города, и съ этою цѣлью сдѣлалъ на нихъ доносъ императору какъ на якобинцевъ, препроводивъ ко двору длинный листъ, на которомъ находились имена главныхъ гражданъ и должностныхъ оффиціальныхъ лицъ города, а во главѣ всѣхъ имя достойнаго, стараго генералъ-губернатора Нагеля. Прямой и прозорливый Александръ I, прочитавъ этотъ пасквиль, объявилъ можетъ быть съ нѣкоторой и излишней добротой, что Туманскій сошелъ съума и смѣстилъ его съ занимаемой имъ должности».

Выйдя въ отставку, Туманскій отправился на родину въ свой хуторъ Родіоновку и, проживъ тамъ, всѣми забытый, еще десять лѣтъ, скончался въ декабрѣ 1810 года.

V.

Что касается до дѣятельности прочихъ цензоровъ, подвизавшихся въ эпоху Павла, то до насъ дошло мало извѣстій объ этомъ предметѣ, и намъ приходится отмѣтить лишь нѣсколько наиболѣе выдающихся фактовъ.

Такъ въ концѣ 1797 года петербургская цензура *) вошла съ представленіемъ въ Совѣтъ, спрашивая, какъ ей поступать съ сочиненіями Вольтера. Въ журналѣ Совѣта отъ 3-го декабря 1797 г. вопросъ этотъ разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ; такъ какъ до сего времени сочиненія Вольтера были ввозимы въ Россію въ великомъ множествѣ экземпляровъ и находятся во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ, то прегражденіемъ дальнѣйшаго ввоза ихъ не будетъ достигнута цѣль, а потому Совѣтъ и постановилъ поступать съ ними, какъ съ сочиненіями дозволенными. Но вслѣдъ затѣмъ появился новый журналъ, въ которомъ значится, что государю угодно было указать не впускать изъ-за границы сочиненія Вольтера, а поступать съ ними, какъ съ запрещенными книгами.

Въ томъ же году отъ князя Куракина поступило въ петербургскую цензуру слѣдующее предложеніе: Его императорское величество повелѣть соизволилъ: нѣмецкую книгу, изданную въ Берлинѣ, подъ названіемъ Историко-родословный календарь на 1798 годъ препроводить на разсмотрѣніе въ цензуру, и буде въ

---

*) «Р. Стар.», т. 14, стр. 457, 460.

ней найдено будетъ что-либо непозволенное, выпускъ ея повсемѣстно запретить». Вслѣдствіе этого цензура представила довольно пространный докладъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что означенный календарь содержитъ въ себѣ между прочимъ взглядъ на причины, вызвавшія низверженіе Петра III. Несмотря на то, что это историческое изслѣдованіе написано вполнѣ безпристрастно и что авторъ его относится сочувственно къ Петру, императоръ Павелъ приказалъ запретить книгу *).

Далѣе затѣмъ мы видимъ, что петербургская цензура запретила «Всеобщій учебникъ для бюргерскихъ школъ»: «Въ сей книгѣ, доноситъ цензоръ Совѣту:— весьма, впрочемъ, для наставленія юношества полезной, одно только мѣсто замѣчается сомнительнымъ, гдѣ авторъ, говоря о всеобщихъ правахъ человѣчества и поставляя въ числѣ оныхъ главнѣйшимъ право личности, утверждаетъ, что рабство противно разуму и что вслѣдствіе сего никакой человѣкъ не долженъ быть собственностью другого, и проч.».

Журналъ «Le Nord littéraire» былъ запрещенъ петербургской цензурой на томъ основаніи, что «на стр. 253 находится критика на учрежденіе цензуръ, причемъ наипаче рижская цензура съ насмѣшкою опорочивается»...

Переводъ съ нѣмецкаго сельской картины въ одномъ дѣйствіи—«Der redliche starost» (Честный староста среди своихъ односельцевъ), не смотря на посвященіе переводчиковъ императору Павлу, былъ запрещенъ 12 іюля 1800 г. на слѣдующихъ основаніяхъ:

«Содержаніе сей пьесы есть слѣдующее: староста въ нѣкоторой деревнѣ собираетъ крестьянъ, объявляетъ имъ свое намѣреніе сложить съ себя свою должность; всѣ о немъ сожалѣютъ; просятъ чтобы онъ остался, но онъ отъ своего намѣренія не отстаетъ. Крестьяне напослѣдокъ согласились выбрать сына его на его мѣсто, который женится на богатой дѣвушкѣ. Все сіе происходитъ въ торжественный день коронованія Его Императорскаго Величества Государя Павла I. Вотъ главное существо сей пьесы, не заключающее ничего противнаго; но между прочимъ къ сей матеріи разсужденіями сочинитель примѣшиваетъ и такія, кои не соотвѣтственны правамъ и умоначертанію крестьянъ, а паче русскихъ. Напримѣръ, деревенскій староста, главное тутъ дѣйствующее лицо, безпрестанно и некстати твердитъ объ отечествѣ, о любви къ отечеству, о неустрашимости и славѣ умереть за отечество; разсуждаетъ о мирѣ и войнѣ; въ супружескомъ и семейственномъ счастіи, приводитъ крестьянамъ въ примѣръ императора и императорскій Домъ; въ одномъ наконецъ мѣстѣ, сравниваетъ себя съ государемъ относительно занимаемой имъ должности. Сіи и подобныя сему нескладныя разсужденія почитаются неправистными и неприличными для крестьянъ.

Книга *для обученія и чтенія*, была запрещена марта 11-го 1801 г. въ разсужденіи содержащихся въ ней слѣдующихъ мѣстъ:

1) Въ описаніи перваго стрѣлецкаго возмущенія, въ томѣ изъ сочиненій Сумарокова по стр. 109 и 110. Г. Сумароковъ обвиняетъ патріарха Іоакима, якобы онъ былъ сообщникъ лютаго стрѣльцовъ злодѣянія; но сіе несправедливо, ибо современные писатели сего происшествія свидѣтельствуютъ, что патріархъ противустоялъ злоумышляющей сторонѣ; въ единомысліи же со стрѣльцами только одинъ г. Сумароковъ, безъ всякаго основанія и доказательствъ старается его обвинить.

2) Изъ сочиненій г. Фонвизина, стр. 183. Басня «Лисица-Королева», въ которой представляется смерть и погребеніе льва, сужденіе звѣрей о его свойствахъ, есть содержанія сатирическаго, изображеніе въ дерзкихъ выраженіяхъ и наполнено язвительностью *).

Въ 1797 г. въ московскую цензуру поступилъ въ рукописи романъ въ письмахъ на французскомъ языкѣ, сочиненный дѣвицею Демидовой въ Калугѣ. Цензура представила эту рукопись какъ сомнительную на усмотрѣніе предсѣдателя Совѣта князя Куракина, причемъ выразилась такъ: «Сочиненіе сіе, впрочемъ,

---

*) «Ист. Вѣст.» 1885 г. № 10, стр. 158—159.

кажется, не заслуживало бы особеннаго вниманія, если бы въ немъ не былъ примѣтенъ духъ нѣкоей философіи, несообразной съ государственными правилами, добрыми правами и любовью къ отечеству». По поводу этого сочиненія въ выпискѣ изъ журнала Совѣта отъ 22-го октября 1797 г. сказано: «Совѣтъ, находя въ сихъ письмахъ разныя неприличныя о послѣдней нашей войнѣ съ турками разсужденія, полагалъ, что сего романа въ печать издавать не слѣдуетъ, а надлежитъ препроводить его въ цензуру обратно для возвращенія тому, отъ кого онъ полученъ и для изъясненія притомъ, что если онъ подлинно сочиненъ дѣвицею, то занималась она дѣлами совсѣмъ до нея не касающимися». На поляхъ противъ этого мѣста написано: «На подлинномъ протоколѣ Совѣта при докладѣ его императорскому величеству княземъ Александромъ Борисовичемъ отмѣчено: не въ цензуру возвратить, а съ симъ манускриптомъ поступить, какъ съ прочими запрещенными книгами» (т. е. сжечь).

Князь Энгалычевъ перевелъ съ нѣмецкаго книгу: «Опытъ, какимъ образомъ возстановить пришедшее въ упадокъ состояніе», представилъ ее въ московскую цензуру и, прождавъ цѣлый годъ напрасно отвѣта, обратился съ письмомъ къ предсѣдателю цензурнаго Совѣта. Въ письмѣ онъ объясняетъ между прочимъ, что авторъ этой книги, напечатанной 30 лѣтъ тому назадъ, предвидя неизбѣжное банкротство и паденіе Франціи, издалъ свое сочиненіе съ человѣколюбивою цѣлью — спасти прочія государства отъ подобнаго же несчастія. Однако, не взирая на такую благонамѣреннѣйшую цѣль, московская цензура, разсмотрѣвъ книгу, нашла, что «самое заглавіе показываетъ, что въ ней должно быть нѣчто странное, новое, необыкновенное, и въ подтвержденіе этого представила 42 замѣчанія. Изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія:

«Едва ли справедливо судитъ авторъ, отчего умаляются доходы государствъ. — Охуждается вообще запрещеніе лѣсной торговли. — Не велитъ законами ограничивать издержекъ. — Похваляется роскошь. — Не запрещать а вывозить лѣсъ совѣтуетъ. — Отвергается всякое преимущество въ торговлѣ. — Считаетъ большою погрѣшностью, что крестьяне ходятъ въ города торговать. — Утверждаетъ, что должно учить и наставлять народъ безъ различія состояній. — Желая доказать, сколько убытковъ терпятъ города отъ деревяннаго строенія, приводитъ въ примѣръ Петербургъ. — Авторъ, желая уменьшить разныя вѣсти, совѣтуетъ, чтобы въ каждомъ городѣ печатались газеты».

На этомъ основаніи Совѣтъ запретилъ эту книгу.

Но въ практикѣ московской цензуры встрѣчается одинъ примѣръ и разрѣшенія бывшей прежде запрещенной книги. Въ 1799 году въ московскую цензуру поступила книга «Объ истинномъ христіанствѣ, Арндта». Это была та самая книга, переводъ которой Симона Тодорскаго былъ запрещенъ въ 1743 г. указомъ императрицы Елизаветы, «яко напечатанный въ Галлѣ и безъ свидѣтельства Святѣйшаго Синода». Въ 1784 году по порученію Синода о ней было доложено императрицѣ Екатеринѣ, отъ которой послѣдовало такого рода повелѣніе: «что когда помянутая книга отъ покойной государыни императрицы запрещена, то ей такъ и остаться». Въ виду этихъ обстоятельствъ московская цензура вошла съ рапортомъ къ предсѣдателю Совѣта, объяснивъ между прочимъ что цензура не находитъ въ книгѣ Арндта ничего противнаго вѣрѣ и благочестію. Императоръ Павелъ разрѣшилъ выпускъ этой книги.

Но наибольшей строгостью, поражающей своею щепетильностью, доходящею порою до невѣроятныхъ абсурдовъ, отличалась цензура по отношенію къ пьесамъ

появляющимся на сценѣ. Замѣчательные курьезы въ этомъ отношеніи сообщаетъ Коцебу въ своемъ «Достопамятномъ годѣ». Мы видѣли уже выше, что по возвращеніи изъ ссылки онъ былъ назначенъ директоромъ нѣмецкаго театра.

«9-го октября, говоритъ онъ (ч. 2, стр, 83): —я получилъ въ первый разъ приказаніе немедленно прибыть въ Гатчину. Я отправился на разсвѣтѣ. Курьеръ прибылъ за мною ночью, и я, дрожа всѣмъ тѣломъ, пошелъ прощаться съ женою. Судя по быстротѣ, съ которою сообщили мнѣ это приказаніе, я полагалъ, что дѣло касается чего-нибудь очень важнаго. Ничуть не бывало. Государь приказалъ мнѣ имѣть самый строгій надзоръ за выборомъ пьесъ и исключать всѣ подозрительныя мѣста. Онъ говорилъ еще наканунѣ съ приближенными о необходимости цензуры и хотѣлъ возложить ее на меня. Я хорошо понималъ, что рано или поздно эта обязанность сдѣлается для меня камнемъ преткновенія, скалою гибели, о которую мой только что спасшійся отъ бури утлый челнъ можетъ разбиться снова. Я вошелъ съ представленіемъ о назначеніи для меня особаго цензора, указывая на то, что авторъ не можетъ быть въ то же время и цензоромъ, что ослѣпленный самолюбіемъ онъ невольно можетъ совершить что-нибудь противное волѣ государя. Мнѣ стоило много труда добиться осуществленія моей просьбы Наконецъ мнѣ это удалось; моя добросовѣстность даже понравилась государю, и онъ назначилъ моимъ цензоромъ Аделунга, человѣка очень ученаго, соединявшаго вмѣстѣ съ ученостью много хорошаго вкуса, очень извѣстнаго въ Германіи изданіемъ сборника памятниковъ древней германской литературы, найденныхъ имъ послѣ большихъ трудовъ и тщательныхъ изысканій въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ.

«Невозможно составить себѣ понятія о той невѣроятной строгости, съ которою этотъ достойный человѣкъ и я самъ должны были цензуровать пьесы. Довольно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, какое сильное отвращеніе я долженъ былъ испытать къ возложенной на меня обязанности.

«Слово *республика* не должно было встрѣчаться въ моей драмѣ «Октавія». Антоній не смѣлъ говорить—*умираю свободнымъ римляниномъ*. Въ комедіи «Эпиграмма» должно было изъ *императора* Японіи сдѣлать простого владѣльца этого острова. Равнымъ образомъ необходимо было исключить вредную мысль, что *икра получается изъ Россіи*, и что *Россія страна отдаленная*. Не позволялось камергеру полагать, что онъ *хорошій патріотъ*, потому что не соглашался вступить въ бракъ съ иностранкою. Равнымъ образомъ не допускалось говорить, что камерлакей *дерзокъ*. Надо было исключить фразу, въ которой говорилось, что его величество *не боленъ и не слѣпъ*. Не позволялось, чтобы князь имѣлъ борзую собаку, чтобы совѣтникъ чесалъ ей за ухомъ, и чтобы пажи надѣвали на голову совѣтника бумажный колпакъ. Въ пьесѣ «Два Клингсберга» *русскій князь*, о которомъ мимоходомъ упоминаетъ госпожа Вунчель, былъ обращенъ въ *иностраннаго вельможу* и вмѣсто *польской шапки* та же Вунчель должна была надѣть *венгерскую*. Слово *крѣпость* замѣнялось словомъ тюрьма, слово *царедворецъ*—словомъ льстецъ (что, конечно, не очень лестно для царедворцевъ); выраженіе *мой дядя министръ* замѣнили *всемогущій дядя*. Восклицаніе молодого Клингсберга о теткѣ и Амаліи: *пожалуй, онѣ сдѣлаются принцессами*, показалось слишкомъ оскорбительнымъ и было исключено.

«Въ пьесѣ «*Аббатъ Энэ*» не позволено было, чтобы въ Тулузѣ обитали *граждане*. Франваль не смѣлъ говорить *горе моей родинѣ;* онъ долженъ былъ сказать *горе моей странѣ*, потому что особымъ указомъ воспрещалось русскимъ имѣть *родину*. Аббатъ Энэ, который, какъ извѣстно, пріѣзжаетъ изъ Парижа, не смѣлъ прибывать оттуда и не смѣлъ упоминать *о лицеѣ* этого города, ни даже о Франціи. «*Познанія въ естественныхъ наукахъ*» Бюффона, *наука* д'Аламбера, *чувствительность* Руссо, *умъ* Вольтера,—все это было безжалостно исключено однимъ почеркомъ пера. Въ пьесѣ подъ заглавіемъ «*Секретарь*» необходимо было совершенно исключить всю роль заговорщика.

«Хотя я привелъ только отдѣльные примѣры, взятые наудачу, чтобы не входить въ слишкомъ большія подробности, но они даютъ достаточное понятіе о крайней строгости, которую цензоръ вопреки своему желанію долженъ былъ соблюдать при исполненіи своей обязанности. Сколько разъ прежде я потѣшался глупостью цензора въ Ригѣ (Туманскаго), совершенно тупого человѣка, который, напримѣръ, въ моей пьесѣ «*Примиреніе*» вычеркнулъ слѣдующія слова сапожника: *Я отправляюсь въ Россію*; *говорятъ тамъ холоднѣе здѣшняго*! (онъ сгоралъ безнадежною любовью) и замѣнилъ ихъ слѣдующими: *Я уѣзжаю въ Россію*, *тамъ только одни честные люди*! Я не предполагалъ тогда, что въ Петербургѣ будутъ когда-либо изъ страха дѣлать то же самое, что Туманскій по глупости дѣлалъ въ Ригѣ.

«Мы были бы поставлены въ немалое затрудненіе, еслибъ государь, по какому-нибудь случаю обративъ вниманіе на подобныя исключенія и передѣлки, спросилъ бы насъ, на ка-

комъ основаніи это сдѣлано? Напримѣръ изъ «Октавіи» были исключены между прочимъ два мѣста. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что властелинъ награждаетъ повара за отмѣнно вкусное блюдо домомъ, который ему даже не принадлежитъ.— Развѣ я когда либо сдѣлалъ что нибудь подобное? могъ спросить императоръ, а если не дѣлалъ, то почему же сочли вы это мѣсто для меня оскорбительнымъ!.. Въ другомъ мѣстѣ Цезарь говорилъ, что Антоній, какъ всѣмъ извѣстно, находился подъ вліяніемъ собственныхъ рабовъ. Императоръ могъ также спросить, развѣ вы полагаете, что я нахожусь подъ вліяніемъ и господствомъ разныхъ любимцевъ и камеръ-юнгферъ? а если вы этого не предполагаете, то зачѣмъ же вычеркнули эти слова?

«Эти два примѣра,—а я могъ привести ихъ тысячу,- показываютъ, до чего должность цензора была опасна для лица, исполнявшаго эту обязанность, и до чего цензура была стѣснительна для меня, подвергавшагося ей постоянно. Аделунгъ при самомъ лучшемъ желаніи не могъ облегчить бремя этой должности ни для меня, ни для себя».

И дѣйствительно цензура была доведена до такой степени щепетильности, что ей было вмѣнено въ обязанность не только вникать въ смыслъ сочиненій или вымарывать неловкія въ какомъ бы то ни было отношеніи выраженія, но и слѣдить, чтобы авторы не употребляли нѣкоторыхъ словъ, которыя были запрещены именнымъ указомъ *). Этотъ знаменитый указъ былъ данъ въ 1797 г. и строжайше повелѣвалъ: вмѣсто *обозрѣніе* употреблять *осмотрѣніе*, вмѣсто *врачъ—лекарь*, вмѣсто *выполненіе—исполненіе*, вмѣсто *пособіе—помощь*, вмѣсто *преслѣдованіе—посланный въ погоню*, вмѣсто *сержантъ—унтеръ-офицеръ, хотя и прежде отставленъ*, вмѣсто *граждане — жители* или *обыватели*, вмѣсто *отечество — государство*, вмѣсто *приверженность — привязанность* или *усердіе*, вмѣсто *стража—караулъ*, вмѣсто *степень—классъ*, вмѣсто *отрядъ—департаментъ* или *команда*. Слово же *общество* было запрещено совсѣмъ употреблять безъ замѣны его какимъ-либо синонимомъ. Въ подобномъ отрицаніи самаго понятія *общество* какъ нельзя болѣе характеристично выразился духъ того времени. Это былъ крайній и вполнѣ послѣдовательный логическій выводъ изо всей той упорной, пятнадцатилѣтней борьбы, которая была воздвигнута противъ интеллигенціи, и борцы, какъ мы видимъ, не остановились и передъ этимъ выводомъ.

И при всемъ томъ нашелся смѣлый человѣкъ, который въ эти грозные годы рѣшился выступить съ гражданскою сатирою. Это былъ Капнистъ со своею «Ябедою». Конечно, въ наше время комедія эта, написанная хотя и бойкимъ языкомъ и не лишенная остроумія, должна казаться сатирою въ цензурномъ отношеніи вполнѣ невинною и благонамѣренною, но нужно взять въ разсчетъ время, въ которое выступилъ Капнистъ съ своимъ обличеніемъ взяточничества и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ заслуживаетъ названіе безстрашнаго героя. «Ябеда» была издана въ 1798 г. отдѣльнымъ изданіемъ въ 1,200 экземпляровъ и въ то же время поставлена на сцену**). Зрители при первомъ представленіи пьесы торжествовали отъ всей души и шумно привѣтствовали комедію, обличавшую вѣковую язву общества. Но чиновный людъ всѣхъ ранговъ, пристыженный такой картиной, и видя въ ней какъ въ зеркалѣ изображеніе своихъ пороковъ, разрывался съ досады. Составленъ былъ докладъ. Представлено императору, что Капнистъ далъ ужасный поводъ съ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность; найдено даже явное попраніе монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ: въ подобныхъ выраженіяхъ обрушена была на писателя цѣлая

*) «Р. Стар.» 1871 г., т. 3, стр. 531.
**) «Рус. Стар.» 1873 г., № 5, стр. 714.

гора лживыхъ обвиненій. Все это завершалось униженнымъ челобитьемъ объ охранѣ власти, запрещеніи пьесы и о примѣрномъ для будущаго времени наказаніи злостнаго, неотчизнолюбиваго автора. Императоръ Павелъ, довѣрившись донесенію, приказалъ немедленно отправить Капниста въ Сибирь, и въ то же время книгу его тотчасъ же конфисковать. Это было утромъ (27-го октября 1798 г.). Приказъ былъ немедленно выполненъ. Послѣ обѣда гнѣвъ императора остылъ, онъ задумался и усомнился въ справедливости своего приказанія. Не повѣряя однако никому своего плана, онъ велѣлъ въ тотъ же вечеръ представить «Ябеду» въ его присутствіи на эрмитажномъ театрѣ. Государь показался въ театрѣ только съ великимъ княземъ Александромъ. Больше никого въ театрѣ не было. Послѣ перваго же акта императоръ, безпрестанно апплодировавшій пьесѣ, послалъ перваго попавшагося ему фельдъегеря, чтобы тотчасъ же возвратить Капниста; пожаловалъ возвращенному писателю чинъ статскаго совѣтника, минуя низшіе чины въ порядкѣ чинопроизводства (Капнистъ былъ въ то время коллежскимъ ассесоромъ), щедро наградилъ его и до самой кончины удостоивалъ своихъ милостей.

Взаключеніе характеристики цензуры въ эпоху императора Павла считаемъ не лишнимъ замѣтить, что было бы ошибочно думать, будто цензурныя строгости этого времени возбуждали всеобщее и поголовное неудовольствіе. Встрѣчались въ это время люди мало того что интеллигентные, но къ тому же и столпы науки, и слѣдовательно лично заинтересованные въ вопросѣ о свободѣ слова, которые публично одобряли цензурные порядки своего времени. Такъ, въ 1798 году, при торжествѣ тезоименитства императора, профессоръ московскаго университета Геймъ говорилъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, въ которой между прочимъ выразилъ вотъ какія мысли по поводу цензурныхъ реформъ своего времени:

«Мудрую прозорливость свою императоръ Павелъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣянію наукъ черезъ учрежденіе строгой и бдящей цензуры книжной. Познаніе и такъ называемое просвѣщеніе часто употреблено во зло черезъ обольстительные нынѣшнихъ сиренъ напѣвы вольности и черезъ обманчивые призраки мнимаго счастья. Европейскія правительства, спокойно взиравшія на сей развратъ, возымѣли наконецъ правильную причину сожалѣть о своемъ равнодушіи: возвратились въ Европу мрачныя времена лютѣйшаго варварства. Сколь счастливою почитать себя должна Россія, потому что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія».

Такимъ образомъ вы видите, что профессоръ Геймъ чувствовалъ себя счастливымъ, что ученость его охранялась благоразумными ограниченіями отъ всегубительной язвы лжеученій,. и публично заявлялъ о своемъ счастіи, и ему безъ всякихъ сомнѣній апплодировали такіе же счастливые люди. Имя профессора Гейма безспорно должно быть записаннымъ исторіею, какъ образецъ истинной благонамѣренности, простирающейся до своего рода самоотверженія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Характеристика русскаго общества въ царствованіе Александра I.—Первыя цензурныя распоряженія и запрещенія послѣ вступленія на престолъ Александра I.——Проэктъ Баккаревича.—Роль Главнаго правленія училищъ.—Проэктъ Новосильцева. Возраженія Озерецковскаго и Фуса.—Цензурный уставъ 1804 г. Преслѣдованія листковъ.—П. И. Пнинъ и его книга.—Преслѣдованіе статей объ освобожденіи крестьянъ.—Отношенія цензуры къ статьямъ по новѣйшей политикѣ.—Прочія распоряженія по дѣламъ печати до 1812 г.—Вмѣшательство министерства полиціи въ цензурныя дѣла.

I.

День вступленія на престолъ Александра I 12-го марта 1801 года былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней русской исторіи. Современники встрѣтили этотъ день съ нескрываемою, шумною радостью. По словамъ очевидцевъ, нетолько внутри домовъ, въ интимныхъ кружкахъ друзей, но при встрѣчахъ на улицахъ и площадяхъ люди незнакомые открыто поздравляли другъ друга и даже при этомъ обнимались и цѣловались въ порывахъ восторга, словно въ день Пасхи. Не прошло нѣсколько дней, какъ весь Петербургъ преобразился: снова появились круглыя шляпы, фраки, панталоны, жилеты; къ концу апрѣля однобортные кафтаны и камзолы изрѣдка встрѣчались лишь на людяхъ крайне бѣдныхъ. Въ то же время, несмотря на распутицу, разлитіе рѣкъ, время самое неблагопріятное для путешествій, всѣ дороги покрылись путешественниками. «Отставные или выключенные,—говоритъ Вигель въ своихъ запискахъ:—потянулись толпами, чтобы проситься на службу; весьма многіе поскакали затѣмъ только въ Петербургъ, чтобы полюбоваться царемъ». «Много литераторовъ,—говоритъ тотъ же Вигель въ другомъ мѣстѣ:—существовало непримѣтнымъ образомъ, скрывалось по деревнямъ, какъ бы ожидая «назначеннаго часа»: онъ пробилъ 12-го марта. Я былъ тогда въ Москвѣ и помню этотъ часъ: откуда что взялось? какъ-будто изъ земли выросло. Все съ истиннымъ, равнымъ восторгомъ хотя и не съ равнымъ искусствомъ пустилось привѣтствовать и славословить Александра, все кинулось, кто къ трубамъ и лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другіе, запѣло, запищало».

Восторгъ современниковъ былъ вполнѣ понятенъ и естественъ. На престолъ вступалъ кроткій и мягкосердечный юноша, издавна пользовавшійся всеобщею популярностью, воспитанный при дворѣ просвѣщенной бабки, по всѣмъ правиламъ новѣйшей педагогіи, въ духѣ гуманныхъ идей XVIII вѣка свободолюбивымъ швейцарцемъ Лагарпомъ. Изданный имъ въ первый день вступленія на царство манифестъ открывалъ подданнымъ самыя радужныя перспективы. «Воспріемля престолъ,—объявлялъ юный монархъ:—воспріемлемъ и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ *по законамъ и по сердцу* августѣйшей нашей бабки, императрицы Екатерины Великой».

Правда, что подобное обѣщаніе могло быть истолковано двояко, такъ какъ царствованіе Екатерины II рѣзко раздѣляется на два періода, совершенно противоположные. Но съ одной стороны характеръ и всѣ душевныя качества Александра, съ другой—рядъ всевозможныхъ льготъ и широкихъ реформъ, предпринятыхъ въ первый же годъ новаго царствованія,—все это обѣщало, что внукъ готовится идти по стопамъ своей бабки, какъ сочинительницы наказа, а не какъ гонитель-

ницы Новикова. Одно уже то должно было наполнить сердца современниковъ ликованіями, что первымъ дѣйствіемъ молодого монарха было освобожденіе всѣхъ содержащихся по дѣламъ тайной экспедиціи въ крѣпостяхъ и сосланныхъ въ Сибирь или въ отдаленные города и деревни Россіи подъ надзоръ полиціи, и уничтоженіе самой тайной экспедиціи. Когда Ал. Петр. Ермоловъ, выходя изъ Петропавловской крѣпости, написалъ на стѣнѣ: «свободна отъ постоя», государь, узнавши объ этомъ, сказалъ: «желаю, чтобъ навсегда!» Какъ же было не радоваться?

Къ сожалѣнію современники не принимали въ разсчетъ одного очень важнаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что характеръ эпохи зависитъ не отъ одной личности, а является суммою разумѣнія и хотѣнія всѣхъ лицъ, участвующихъ въ управленіи страною. Исключеніе изъ этого закона представляютъ лишь такіе вѣковые геніи, каковъ былъ Петръ I. Вліятельная же общественная среда этого времени представляла собою очень печальную картину. Самые передовые и наиболѣе благомыслящіе изъ людей этой среды были въ то же время очень поверхностно и плохо развиты для того, чтобы глубоко усвоивать тѣ идеи, которымъ поклонялись, и послѣдовательно до конца проводить тѣ реформы, которыя пытались проводить въ жизнь. Все ихъ образованіе ограничивалось внѣшнимъ лоскомъ европеизма, заключавшимся въ утонченныхъ свѣтскихъ манерахъ и блестящихъ передовыхъ фразахъ самого повидимому гуманнаго характера, но когда отъ этихъ фразъ переходили къ дѣлу, то выходило всегда, что умѣли только мягко стлать, но оказывалось очень жестко спать. Наполеонъ, изрекши свое геніальное изреченіе, что стоитъ потереть русскаго человѣка, и въ каждомъ подъ европейскою политурою вы обрѣтете татарина, имѣлъ въ виду очевидно именно всѣхъ этихъ сладкопѣвцевъ, съ которыми ему только и приходилось встрѣчаться и имѣть дѣло изъ нашихъ соотечественниковъ. И дѣйствительно, все это были истые татары до мозга костей. Одни изъ нихъ, самые лучшіе, изломанные и обезличенные предшествовавшею реакціею, напуганные въ одно и то же время ужасами разомъ двухъ террововъ— краснаго во Франціи и бѣлаго въ отечествѣ—представляли изъ себя людей крайне слабодушныхъ, безвольныхъ и трусливыхъ, только о томъ и помышлявшихъ, какъ бы проплыть между Сциллою и Харибдою: страхъ возвращенія мрачныхъ предшествовавшихъ годовъ наполнялъ ихъ помыслы мечтами о благихъ и широкихъ реформахъ, а когда они принимались за осуществленіе этихъ реформъ, то съуживали ихъ до крайняго минимума изъ опасенія какъ бы не вышло чего-нибудь въ родѣ того, что произошло въ Парижѣ. Другіе же, ревностные сподвижники Шешковскаго и Туманскаго, только на время прикинулись гуманными либералами, но въ то же время продолжали скрывать въ себѣ свои хищные и кровожадные инстинкты и скрипѣли зубами, смотря на то, что́ дѣлалось вокругъ нихъ и выжидая, что придетъ праздникъ и на ихъ дворъ,—и праздникъ не замедлилъ придти. Молодое же поколѣніе, выступившее на общественное поприще къ 20-мъ годамъ текущаго столѣтія, съ новыми идеями стремленіями и инымъ нравственнымъ закаломъ, въ это время бѣгало еще въ курточкахъ и рубашечкахъ по родительскимъ сералямъ. И вотъ эпоха, на которую всѣ смотрѣли какъ на зарю новой жизни, какъ на воскресеніе изъ мертвыхъ, только и подарила намъ, что нѣсколько университетовъ, да и тѣ потомъ такъ обкарнала, исказила, что довела до полнаго ничтожества. Во всемъ же остальномъ эпоха эта оказалась жалкимъ пустоцвѣтомъ, эпохою самаго коварнаго тартюфства, въ которую всѣ предпринимаемыя реформы мало того что сводились къ нулю, но произвели рядъ отрица-

тельныхъ. величинъ, налегшихъ на страну новымъ гнетомъ, при чемъ сначала подъ маскою доброжелательства и гуманности скрывалась черствая и ледяная жестокость, а затѣмъ подъ личиною фанатическаго ханжества проявилось чисто азіатское звѣрство.

Но нигдѣ этотъ пустоцвѣтный, тартюфскій характеръ эпохи не отразился съ такою полнотою, какъ на законахъ о печати и цензурной практикѣ этого времени, поражающихъ своими пертурбаціями весьма поучительнаго характера.

Такъ мы видимъ, что первыя правительственныя распоряженія по этой части вполнѣ носятъ характеръ новыхъ вѣяній, обѣщаютъ самую широкую свободу печати, отмѣняя всѣ тѣ тяжкія постановленія, какія были сдѣланы въ концѣ царствованія Екатерины и при Павлѣ I. Не прошло и трехъ недѣль по вступленіи на престолъ, какъ Александръ успѣлъ уже издать слѣдующаго рода указъ 31-го марта 1801 г., безъ сомнѣнія наполнившій восторженныя сердца россійскихъ гражданъ и особенно писателей и ученыхъ еще бо́льшимъ восторгомъ:

«Простирая попеченія Наши въ пользу вѣрноподданныхъ Нашихъ и желая доставить имъ всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, Повелѣваемъ учиненнымъ указомъ 18-го апрѣля 1800 года, запрещеніе на впускъ всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя по повелѣнію, іюня 5-го дня 1800 года послѣдовавшему, частныя типографіи распечатать, дозволяя, какъ провозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри Государства, по то́чнымъ правиламъ, въ указѣ отъ 16-го сентября 1796 года постановленнымъ».

Правда, что это́тъ указъ имѣлъ значеніе чисто отрицательное, какъ лишь отмѣненіе излишнихъ строгостей предшествовавшаго царствованія, но отнюдь не заключалъ въ себѣ какихъ-либо новыхъ положительныхъ постановленій относительно печати, но у нѣкоторыхъ изъ восторженныхъ современниковъ до того въ ту пору закружилась голова, что они вообразили, будто этимъ указомъ совершенно отмѣняется всякая цензура и установляется безграничная свобода печати. И вотъ одинъ изъ такихъ легковѣрныхъ оптимистовъ поспѣшилъ издать книгу подъ заглавіемъ «Философъ горы Алаунской, или мысли при кончинѣ Государя Императора Павла Перваго и при вступленіи на престолъ Александра Перваго», не представивъ своего сочиненія на одобреніе цензуры, не означивъ на заглавномъ листѣ типографіи, въ которой оно было напечатано, однимъ словомъ обойдя всѣ цензурныя правила. Но правительство не замедлило осадить слишкомъ ужь увлекшагося смѣльчака. Мы не знаемъ, была ли книга арестована и что послѣдовало съ авторомъ ея, но петербургская цензура не упустила изъ виду этого нарушенія установленныхъ законовъ и сдѣлала докладъ по начальству, результатомъ котораго былъ именной указъ 14-го іюня 1801 г., подтверждавшій, «дабы въ предупрежденіе всякаго злоупотребленія, отъ самовольнаго печатанія книгъ произойтить могущаго, содержатели всѣхъ типографій какъ казенныхъ такъ и частныхъ, никакихъ книгъ, подлежащихъ разсмотрѣнію цензуръ, безъ одобренія одной изъ нихъ не печатали, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ взысканія; при томъ на всѣхъ сочиненіяхъ, которыя будутъ печататься по одобреніямъ цензуръ, непремѣнно означать на заглавныхъ листахъ годъ, въ какой типографіи и по одобренію которой цензуры печатано».

Вслѣдъ затѣмъ 9-го февраля 1802 года былъ изданъ указъ, еще болѣе либеральный и рѣшительный, чѣмъ указъ 31-го марта 1801 года *).

---

*) «Сборн. постан. и распор. по цензурѣ», стр. 65, 67, 72 - 74.

«По уваженію внѣшнихъ обстоятельствъ,—гласилъ этотъ указъ:—хотя и признано было въ 1796 году нужнымъ существовавшія до того времени правила на пропускъ книгъ иностранныхъ и учрежденіе типографій внутреннихъ перемѣнить, и вслѣдствіе того установить особыя цензуры, подчинить строгому ихъ разсмотрѣнію всѣ сочиненія, какъ извнѣ привозимыя, такъ и внутри Имперіи издаваемыя, съ уничтоженіемъ и существовавшихъ дотолѣ вольныхъ типографій; но какъ съ одной стороны важныя обстоятельства, къ мѣрѣ сей правительство побудившія, прешли и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой — пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію предполагаемой имъ цѣли; то по уваженіямъ симъ и признали Мы справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препоновъ, по времени содѣлавшихся излишними и безполезными, возвратить ее въ прежнее положеніе, и вслѣдствіе того повелѣваемъ: 1) пропускъ книгъ иностранныхъ постановить, какъ было сіе до 1796 г., на точномъ основаніи тарифа 1782 года, 2) типографіи и внутренній порядокъ изданія книгъ въ Имперіи учредить на правилахъ, въ указѣ 1783 года генваря 15-го дня изображенныхъ, силою коихъ повелѣно: Типографій не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, а потому и дозволяется каждому по волѣ заводить оныя во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи, давая только знать о таковомъ заведеніи Управѣ Благочинія того города, гдѣ кто типографію имѣть хочетъ... Сіе распоряженіе Мы считаемъ нужнымъ дополнить тѣмъ, чтобы отнынѣ разсматриваніе книгъ, внутри Имперіи тисненію предаваемыхъ въ вольныхъ типографіяхъ, возложено было не на Управы Благочинія, но на самихъ Гражданскихъ Губернаторовъ, которые имѣютъ къ сему употребить Директоровъ народныхъ училищъ... въ типографіяхъ же при ученыхъ обществахъ какъ-то: при Академіяхъ, Университетахъ, Корпусахъ и прочихъ казенныхъ мѣстахъ существующихъ, цензура издаваемыхъ книгъ возлагается на попеченіе и отчетъ тѣхъ самыхъ мѣстъ и начальниковъ». Наконецъ § 4 этого указа предписываетъ: «Цензуры всякаго рода въ городахъ и при портахъ учрежденныя яко ненужныя упразднить, а чиновниковъ, какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ въ нихъ состоящихъ, первыхъ обратить въ свое начальство, а послѣднихъ, если другихъ должностей не имѣютъ, опредѣлить по способностямъ ихъ къ другимъ дѣламъ по усмотрѣнію Правительствующаго Сената».

Такимъ образомъ указъ этотъ, возвращаясь къ 1783 году, идетъ еще дальше по пути либерализма: онъ устраняетъ литературу отъ власти полиціи. Теперь книги, отпечатанныя въ вольныхъ типографіяхъ, должны были прочитывать не какіе-либо полуграмотные подьячіе управъ благочинія, а директора народныхъ училищъ, люди предполагавшіеся образованными и компетентными.

Однакоже, какъ ни либераленъ казался этотъ указъ, но впродолженіе его краткаго времени существованія, успѣли таки быть совершены нѣсколько конфискацій книгъ. Такъ мы видимъ, что одновременно съ тѣмъ какъ въ высшихъ сферахъ, въ знаменитомъ «comité du salut public» обсуждался между прочимъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ издалъ книгу: «Ist die von einigen des Adels projectirte Einführung der Freiheit unter dem Bauerstande in Livland dem Staatsrechte Russlands conform?» Книга эта была арестована, экземпляры ея сожжены и автору ея было объявлено «негодованіе Его Величества за столь дерзновенный поступокъ» *). Въ то же время военный губернаторъ Беклешовъ пріостановилъ продажу сочиненія «Abrégé de l'histoire de Russie» которое по разсмотрѣніи цензурою было признано «содержащимъ множество погрѣшностей», а потому запрещено. Московскій же военный губернаторъ графъ Салтыковъ конфисковалъ сочиненіе «Кумъ Матвѣй», переведенное съ французскаго и дозволенное для продажи московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а книгопродавцевъ, у которыхъ оно продавалось, арестовалъ, и это арестованіе книгопродавцевъ, напомнившее времена губернаторства князя Прозоровскаго и новиковскаго процесса, произошло опять-таки какъ-разъ въ то самое время, когда въ «le comité du salut public» обсуждался вопросъ

---

*) «Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи», стр. 9—10.

о введеніи въ Россіи habeus corpus. На этотъ разъ правительство не одобрило распоряженія гр. Салтыкова: арестованныхъ книгопродавцевъ государь велѣлъ освободить, а министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей увѣдомилъ о томъ одного изъ нихъ вѣжливымъ письмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ убытки, нанесенные распоряженіемъ гр. Салтыкова, были вознаграждены изъ суммъ кабинета.

Но не такъ милостиво было поступлено съ московскимъ книгопродавцемъ Риссомъ, который за продажу запрещенныхъ книгъ былъ высланъ за-границу, и вслѣдъ затѣмъ 1-го мая 1802 года былъ изданъ именной указъ слѣдующаго рода:

«По случаю открывшагося злоупотребительнаго торга иностранными книгами, запрещенными, соблазнительными и противными Законамъ Божіимъ и Гражданскимъ, книгопродавцемъ московскимъ Риссомъ, который подвергнулъ себя за то высылкѣ за границу, и желая отвратить подобный жребій отъ прочихъ книгопродавцевъ, еслибы кто изъ нихъ, побуждаемый алчностью къ корысти, вздумалъ выписать изъ чужихъ краевъ запрещенныя книги и продолжать оными законопротивную торговлю, повелѣваю вамъ собрать къ себѣ всѣхъ книгопродацевъ и внушить имъ мѣру Моего снисхожденія, подтвердить наистрожайше, чтобъ никто изъ нихъ ни тайно, ни явно отнюдь не дерзали производить далѣе сего рода торговлю и выписывать впредь непозволенныя въ продажѣ книги, обязавъ ихъ вновь подписками съ тѣмъ, что въ случаѣ нарушенія оныхъ *безъ всякой уже пощады* подпадутъ подъ наказаніе, неповинующимся Гражданской власти законами установленное. За дѣйствительнымъ чего исполненіемъ полиція долженствуетъ имѣть бдительное наблюденіе» *).

Одновременно со всѣмъ этимъ бывшій адъюнктъ московскаго университета Баккаревичъ обратился къ правительству съ проектомъ обширнаго періодическаго изданія подъ заглавіемъ «Правительственный Журналъ».

«Въ семъ журналѣ, писалъ Баккаревичъ въ своемъ проектѣ: - помѣщаемы будутъ всѣ государственные акты и бумаги, каковыя только благоразуміе правительства почтетъ за благо обнародывать, какъ-то: Высочайшіе манифесты, рескрипты, журналы всѣхъ Высочайшихъ путешествій, бывшихъ или имѣющихъ быть; всѣ новыя узаконенія и уставы, если они не слишкомъ обширны; реляціи министровъ и полководцевъ, описаніе военныхъ экспедицій, сраженій и побѣдъ и разные трактаты съ иностранными дворами; примѣчательнѣйшія письма къ Императорскому Величеству или къ знаменитымъ государственнымъ особамъ; голоса и мнѣнія, какъ гг. сенаторовъ, такъ и другихъ верховныхъ чиновниковъ относительно къ важнымъ дѣламъ; примѣчательнѣйшія тяжбы; достопамятнѣйшія уголовныя дѣла, рѣшенныя или въ правительствующимъ сенатѣ, или въ палатахъ, или въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, съ показаніемъ ихъ теченія и производства. Далѣе помѣщены будутъ краткія описанія жизни и дѣяній великихъ россійскихъ патріотовъ и героевъ, прославившихъ или спасшихъ отечество. Помѣщаемы будутъ всѣ новые одобренные проекты, писанные яснымъ и чистымъ слогомъ; всѣ новыя полезныя открытія, въ какомъ бы то родѣ ни было Всѣ основательныя разсужденія относительно къ общественной пользѣ: о законодательствѣ, напримѣръ, о земледѣліи, торговлѣ, пчеловодствѣ, о воспитаніи юношества; также всякія патріотическія мысли, всякія характеристическія черты россійскаго народа, всякіе примѣры добродѣтели; словомъ, это будетъ хранилище всѣхъ домашнихъ, такъ сказать, важнѣйшихъ государственныхъ происшествій».

Далѣе Баккаревичъ изъяснялъ, что изданіе это должно сдѣлаться архивомъ необходимыхъ для отечественной исторіи матеріаловъ:

«Родится,—писалъ онъ: —россійскій Тацитъ, россійскій Робертсонъ и найдетъ въ семъ обширномъ хранилищѣ богатый запасъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ», недостатокъ которыхъ, по мнѣнію Баккаревича, и составляетъ существенную причину невозможности написать исторію Россіи; поэтому онъ полагалъ предоставить редактору этого изданія званіе «исторіографа Россійской Имперіи». Всѣ матеріалы, долженствовавшіе войти въ этотъ журналъ, по проекту Баккаревича, обязаны были сообщать въ редакцію министры и главноуправляющіе вѣдомствами».

---

*) «Сб. пост. и расп. по цензурѣ». стр. 78.

Проектъ свой Баккаревичъ представилъ сначала Н. Н. Новосильцеву, котораго онъ предполагалъ поставить во главѣ изданія, а затѣмъ черезъ Новосильцева проектъ былъ представленъ министру народнаго просвѣщенія гр. Завадовскому. Но гр. Завадовскій не одобрилъ проекта Баккаревича. Въ докладѣ своемъ государю онъ представилъ, что въ замышляемое изданіе должны войти «такія статьи, которыя едва ли можно позволить издавать въ свѣтъ частному человѣку», каковы: манифесты, рескрипты, которые, будучи напечатаны неисправно, могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Кромѣ того министръ полагалъ, что слишкомъ трудно найти людей довольно способныхъ и просвѣщенныхъ для составленія редакціи подобнаго изданія и что наконецъ еслибы такіе люди и нашлись, то потребовали бы слишкомъ большого содержанія, а при этомъ и самое изданіе едва ли могло бы окупиться».

И такимъ образомъ проектъ былъ отвергнутъ. Этотъ фактъ можетъ служить прототипомъ всѣхъ предпринимавшихся въ то время преобразованій. Въ основѣ вы видите широкій, блистательно-либеральный планъ полной правительственной гласности. Планъ этотъ задумывается не безъ участія Н. Новосильцева, члена «comité du salut public», и слѣдовательно самого высшаго правительства. Но потомъ находятся тысячи препятствій, и такихъ притомъ мелочныхъ, какъ типографскія опечатки; могущія искажать смыслъ манифестовъ, дѣло откладывается въ долгій ящикъ, и въ концѣ-концовъ гора родитъ мышь въ видѣ «Сѣверной Почты», которая издавалась съ 1810 года при почтовомъ департаментѣ подъ редакціею товарища министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлева и была самымъ заурядныъ и безцвѣтнымъ казеннымъ изданіемъ *).

II.

Та же судьба послѣдовала и съ законами о печати. Началось дѣло, какъ мы видѣли, указомъ 2-го февраля 1802 года, который ввелъ цензурныя постановленія во всякомъ случаѣ либеральнѣйшія, чѣмъ всѣ когда-либо существовавшія. Но имъ суждено было просуществовать всего два года. Въ томъ же 1802 году, когда былъ изданъ вышеупомянутый указъ, было учреждено вмѣстѣ съ прочими министерствами и министерство народнаго просвѣщенія, къ вѣдомству котораго была причислена существовавшая съ 1782 года Комиссія для образованія училищъ. Комиссія эта была теперь преобразована и переименована въ Главное правленіе училищъ, и ей было вмѣнено первымъ дѣломъ озаботиться объ открытіи и преобразованіи университетовъ, среднихъ и низшихъ училищъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и объ организаціи цензуры.

Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ въ это время тотъ самый графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, который провалилъ проэктъ Баккаревича. Родомъ малороссъ, Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, сынъ казака, воспитанникъ іезуитской школы и Кіевской академіи, онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и передовыхъ людей въ лучшіе годы екатерининской эпохи, но теперь ему было уже 64 года, и какого бы уваженія ни заслуживали тѣ педагогическія реформы, какія были совершены во время его правленія министерствомъ, какъ бы ни было почтенно одно уже то, что онъ не былъ поборникомъ

*) «Ист. св. о ценз. въ Россіи», стр. 7—8.

реакціи и на долю его выпало считаться самымъ либеральнымъ министромъ народнаго просвѣщенія въ царствованіе Александра I, во всякомъ случаѣ онъ далеко не стоялъ въ уровнѣ современныхъ требованій и не могъ постигнуть всей широты реформъ, задуманныхъ правительствомъ въ первые годы по вступленіи на престолъ Александра, и поэтому невольно былъ однимъ изъ тѣхъ тормазовъ, которые сводили задуманныя реформы къ крайнему минимуму, если не къ нулю. Такимъ по крайней мѣрѣ тормазомъ проявилъ онъ себя по отношенію къ законамъ о печати.

Что касается до Главнаго правленія училищъ, которому суждено было во все время царствованія Александра играть совершенно такую же роль по отношенію къ прессѣ, какую нынѣ занимаетъ Главное правленіе по дѣламъ печати, то первыми членами его, при учрежденіи этого вѣдомства, были во-первыхъ ближайшіе друзья государя: Строгановъ, Новосильцевъ, Чарторижскій, и затѣмъ какъ спеціалисты по различнымъ научнымъ и педагогическимъ вопросамъ—Янковичъ-де-Миріево, Мартыновъ, Румовскій, Озерецковскій, Фусъ. Выработка проекта новаго цензурнаго устава была поручена академикамъ Озерецковскому и Фусу.

Указомъ 1802 года предварительная цензура, господствовавшая въ царствованіе Павла, была, какъ мы видѣли, уничтожена: книги просматривались цензорами уже по напечатаніи ихъ. Правда, по старой памяти иногда авторы представляли на разсмотрѣніе и рукописи. Такъ въ 1802 г., черезъ полгода по изданіи вышеупомянутаго указа нѣкто Августъ Видманъ представилъ министру народнаго просвѣщенія рукопись, жалуясь, что петербургская цензура *не дозволила ее напечатать* подъ предлогомъ, что «ему не слѣдуетъ писать о таковыхъ матеріалахъ и что сіе принадлежитъ однимъ знатнымъ особамъ», и прося о дозволеніи ее напечатать. Такъ Н. Н. Новосильцевъ препровождалъ къ гр. Завадовскому сообщенную ему рукопись: «Троянъ и Александръ», прося «приказать разсмотрѣть оную цензурѣ *для одобренія къ напечатанію*» *). Но это была добрая воля авторовъ или происходило отъ незнанія ими существующихъ законовъ, которые вовсе не обязывали, чтобы рукописи подвергались цензурѣ до ихъ напечатанія. Передовые умы въ эту эпоху сознательно стояли за полную свободу печати. Такъ въ то время, когда Главное правленіе училищъ занималось обработкою цензурнаго устава и въ обществѣ возлагались самыя свѣтлыя надежды на Правленіе, въ это вѣдомство была прислана между прочимъ пространная записка неизвѣстнаго автора, доказывавшая необходимость и своевременность освобожденія печатнаго слова отъ всякаго рода цензуры. Обращаясь къ членамъ Правленія, авторъ говоритъ:

«Истинные сыны отечества ждутъ уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживавшаго ходъ просвѣщенія тяжкими оковами и связывающаго истину рабскими узами. Свобода писать въ настоящемъ философическомъ вѣкѣ не можетъ казаться путемъ къ развращенію и вреду государства. Цензура нужна была въ прошедшихъ столѣтіяхъ, нужна была фанатизму невѣжества, покрывавшему Европу густымъ мракомъ, когда варварскіе законы государственные, догматы невѣжествомъ искаженной вѣры и деспотизмъ самый безчеловѣчный утѣсняли свободу людей, и когда мыслить было преступленіе... Словесность наша всегда была подъ гнетомъ цензуры. Сто лѣтъ какъ она составляетъ отдѣлъ въ исторіи ума человѣческаго и его произведеній. Мы имѣемъ много хорошихъ поэтовъ, много прозаиковъ: видимъ на нашемъ языкѣ сочиненія математическія, физическія и другія, но философіи — нѣтъ и слѣда! Можетъ быть, скажутъ, что у насъ есть переводы философскихъ твореній. Это правда, но всѣ наши переводы содержатъ только отрывки своихъ подлинниковъ: рука цензора умѣла убить

*) «Ист. св. о ценз. въ Россіи», стр. 9.

ихъ духъ... Разные толки объ истинѣ не столько опасны, сколько заблужденія невѣжества.. Нѣкоторые утверждаютъ, что французская революція, причинившая столько бѣдъ Франціи и цѣлой Европѣ, есть слѣдствіе литературныхъ произведеній. Несправедливо обвиняютъ Руссо, Вольтера, Реналя и другихъ писателей. Не они, а Робеспьеръ, Маратъ и имъ подобные произвели и питали революцію. Безъ писателей Франція бы пала и сдѣлалась жертвою раздраженія внутреннихъ и внѣшнихъ партій. Писатели одушевили истинныхъ гражданъ, указали имъ цѣль, къ которой должно стремиться. И такъ писатели не только не произвели революціи, но въ революціи спасли Францію, показавъ исходъ изъ лабиринта всеобщаго волненія. Если Сена послужила могилою для цѣлыхъ семействъ, бросавшихся въ нее отъ голода; если улицы Парижа наполнены были день и ночь грабителями и убійцами; если кредитъ окончательно упалъ и во всемъ былъ страшный недостатокъ, то писатели въ этомъ отнюдь неповинны. Если я спокоенъ и счастливъ, говори мнѣ философъ, что угодно. я не пожертвую своимъ настоящимъ благосостояніемъ для неизвѣстнаго будущаго: такъ думаетъ народъ. И такъ писатели спасли Францію отъ революціи, писатели одушевили героевъ и величайшаго изъ нихъ Бонапарте устроить благоденствіе народа и успокоить волненіе. Слѣдственно истины, излагаемыя печатнымъ слогомъ, полезны, и свободный ходъ къ нимъ не долженъ быть заграждаемъ» *).

Само высшее правительство въ лицѣ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ Главнаго правленія училищъ попечителя С.-Петербургскаго округа Н. Н. Новосильцева, было склонно къ освобожденію печати отъ предварительной цензуры. Такъ мы видимъ, что Н. Н. Новосильцевъ указалъ Главному правленію какъ на образецъ на постановленія о печати, изданныя датскимъ правительствомъ въ самое либеральное время правленія короля Христіана VII (1766—1808), когда во главѣ правительства стоялъ горячій приверженецъ новыхъ идей графъ Струензе. Правда, постановленія эти успѣли уже значительно исказиться въ эпоху реакціи, послѣдовавшей въ Даніи послѣ паденія Струензе, и въ томъ видѣ, въ какомъ Новосильцевъ предложилъ ихъ правленію, они представляли собою чисто драконовскій характеръ. Съ особенною строгостью преслѣдовали они анонимныя сочиненія, признавая ихъ вопіющимъ зломъ, безнравственнымъ орудіемъ для оскорбленія священнѣйшихъ правъ гражданъ, и въ силу этого обязывали, чтобы на заглавномъ листѣ каждой книги непремѣнно были выставлены имена автора, издателя и типографщика съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ званій, а также чтобы были обозначены городъ и годъ изданія; точно также и въ періодическихъ изданіяхъ обязательно было обозначеніе издателя, редактора, типографщика и автора каждой отдѣльной статьи. Нарушеніе этого закона влекло за собою конфискацію книги и штрафъ въ 200 талеровъ въ пользу бѣдныхъ. Еще болѣе тяжкими карами грозило это постановленіе за прямыя злоупотребленія печати. Такъ напримѣръ, за кощунство и оскорбленіе религіи, исповѣдуемой иновѣрцами, виновный подвергается тюремному заключенію на время отъ 4—14 дней на хлѣбѣ и водѣ. Такому же наказанію подлежалъ и тотъ, кто позволялъ себѣ насмѣшки надъ государственными учрежденіями или разбиралъ ихъ безъ соблюденія должнаго приличія въ выраженіяхъ или же выпускалъ книгу соблазнительную для благонравія. За ложное извѣстіе о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ правительства, равно какъ за пренебрежительные отзывы о дружественныхъ державахъ и представленія въ ложномъ и оскорбительномъ свѣтѣ дѣйствій ихъ государей, виновные подвергались работѣ въ смирительномъ домѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ. За порицаніе монархическаго правленія вообще, распространеніе невыгодныхъ и оскорбительныхъ слуховъ о королѣ, королевѣ, принцахъ и принцессахъ королевскаго дома, за отрицаніе Бога и безсмертія души, слѣдовало изгнаніе на время отъ 3—10 лѣтъ, а если кто, наказанный такимъ образомъ, являлся въ оте-

*) «Изсл. и статьи по русск. лит. и просв.», М. И. Сухомлинова, т. I, стр. 415.

чество ранѣе срока, подвергался вѣчной каторжной работѣ въ цѣпяхъ. И наконецъ авторъ книги, заключавшей въ себѣ внушенія произвести перемѣну правленія и взывавшей къ бунту, подвергался смертной казни.

Но предложивъ подобные грозные законы въ руководство Правленію, Новосильцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ и тѣ измѣненія, которыя онъ находилъ нужнымъ сдѣлать въ датскомъ образцѣ. Такъ по его мнѣнію: 1) требованіе печатать имя каждаго автора и переводчика особенно было бы тягостно для молодыхъ литераторовъ, впервые вступающихъ на поприще словесности и изъ скромности скрывающихъ свои имена. Можно было бы предоставить свободу печатать книги и безъ означенія имени автора; для отвращенія злоупотребленій достаточно, чтобы двое или трое гражданъ, имѣющихъ гдѣ-либо постоянное пребываніе, давали типографщику письменное обязательство, что въ случаѣ надобности они объявятъ имя автора; 2) взысканія за нарушенія цензурныхъ правилъ, принятыя въ Даніи и несоотвѣтствующія русскимъ законамъ и обычаямъ, должны быть замѣнены другими, сообразными съ русскимъ законодательствомъ; 3) въ Россіи право конфискаціи подозрительныхъ книгъ удобнѣе предоставить не полиціи, какъ это практикуется въ Даніи, а университетамъ и академіямъ, съ тѣмъ чтобы они, увѣдомивъ мѣстное начальство, представляли мнѣнія свои вмѣстѣ съ экземпляромъ книги въ Главное правленіе училищъ; 4) если дѣла по печати предоставить обыкновеннымъ судамъ, въ которыхъ часто засѣдаютъ чиновники, не имѣющіе научныхъ познаній, то могутъ произойти пагубныя для подсудимыхъ писателей слѣдствія, для отвращенія которыхъ слѣдовало бы учредить особый родъ суда. Главное правленіе училищъ составитъ списокъ государственныхъ чиновниковъ, имѣющихъ требуемыя свѣдѣнія и пользующихся уваженіемъ въ обществѣ. Въ случаѣ обвиненія въ изданіи вредной книги, правленіе назначитъ отъ помѣщенныхъ въ спискѣ лицъ опредѣленное число (четыре, шесть или восемь) посредниковъ отъ живущихъ въ томъ городѣ, гдѣ находится обвиняемый. Для скорѣйшаго теченія дѣлъ и для соблюденія переписки можно предоставить и университетамъ право назначать посредниковъ отъ лицъ, внесенныхъ въ списокъ въ Главномъ правленіи. Если обвиняемый будетъ оправданъ посредниками, то онъ освобождается отъ всякаго суда, а книга его—отъ запрещенія и конфискаціи; обвинитель же подвергнется взысканію на основаніи законовъ, и 5) постановленіе о свободномъ книгопечатаніи не должно касаться цензуры книгъ духовныхъ, наблюденіе за которыми вполнѣ предоставлено св. Синоду *).

Вотъ какъ умѣли мягко стлать государственные люди того времени. Если бы этотъ проектъ Новосильцева былъ утвержденъ, то наши законы о печати были бы либеральнѣе самого либерализма и едва ли уступали бы существовавшимъ въ то время англійскимъ. Но конечно ужъ сейчасъ же не замедлили найтись тысячи препятствій. Озерецковскій и Фусъ, разсмотрѣвъ датскій уставъ, представили свои возраженія противъ предложенія Новосильцева. По ихъ мнѣнію оказывалось, что 1) онъ не предохраняетъ совершенно отъ гибельныхъ послѣдствій злоупотребленія свободнаго слова. Ядъ возмутительнаго и пагубнаго сочиненія, пущеннаго въ свѣтъ подъ невиннымъ заглавіемъ, можетъ отравить многія сердца и взволновать умы прежде нежели успѣютъ остановить его продажу; 2) онъ поставляетъ въ необходимость всѣхъ сочинителей объявлять свои имена; но многіе изъ авторовъ по скромности и во избѣжаніе придирчивой критики и личностей,

*) Ibid., 404—411.

скорѣе согласятся вовсе не печатать своихъ сочиненій, нежели ввѣрить тайну двумъ или тремъ лицамъ, которыя по тщеславію, нескромности или легкомыслію могутъ открыть имя автора; 3) великое неудобство было бы предавать авторовъ обыкновенному суду; но чрезвычайно затруднителенъ также и выборъ посредниковъ, проникнутыхъ истинно либеральными мыслями и чуждыхъ пристрастія и всякаго рода предразсудковъ; 4) какъ бы ни разграничивали преступленія и постепенность наказаній, — тонкость и неуловимость оттѣнковъ въ нарушеніяхъ закона, различіе въ воззрѣніи и требовательности судей, способъ толкованія намековъ и мѣстъ, имѣющихъ двоякій смыслъ, и т. п. дѣлаютъ въ высшей степени затруднительнымъ приговоръ надъ книгами и авторами; 5) опытъ показываетъ, что запрещеніе книги придаетъ ей цѣну и пускаетъ въ ходъ сочиненія, не обращавшія на себя дотолѣ ни малѣйшаго вниманія.

И вотъ въ силу всѣхъ этихъ доводовъ почтенные академики пришли къ убѣжденію, что гораздо цѣлесообразнѣе и полезнѣе будетъ введеніе предварительной цензуры. Такой способъ цензуры по ихъ мнѣнію вошелъ уже у насъ въ историческую привычку и продолжалъ существовать при духовномъ вѣдомствѣ, равно для книгъ, издававшихся учеными заведеніями, академіями и университетами; онъ болѣе обезпечиваетъ отъ злоупотребленій, останавливая зло въ зародышѣ и лишаетъ его возможности распространиться, освобождаетъ авторовъ отъ обязанности объявлять свои имена и пр.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ соображеній появился проектъ новаго цензурнаго устава, представленный Озерецковскимъ въ Главное правленіе училищъ. Проектъ этотъ былъ написанъ на французскомъ діалектѣ тѣмъ высокимъ слогомъ и либеральнымъ языкомъ, какими въ то время все писалось и говорилось. Каждая строка проекта дышала громкими воззваніями къ свободѣ мысли и слова:

«Благо, проистекающее,—писали авторы проекта:—изъ благоразумной свободы печати такъ велико и прочно, зло же, сопровождающее злоупотребленіе этою свободою, такъ рѣдко и мимолетно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, въ которую ставится правительство, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ рѣшительно вступившее на почву либеральныхъ принциповъ, полагать границы этой свободѣ, вынуждаемое къ этой мѣрѣ опытомъ, обстоятельствами минуты или же могучимъ потокомъ духа времени. Сожалѣнія эти должны еще болѣе увеличиться, если принять во вниманіе, что подобное стѣсненіе трудно удержать въ должныхъ границахъ, что доведенное до крайности, оно часто является совершенно безполезнымъ и всегда вреднымъ. Такъ какъ несомнѣнно, что эта мѣра строгости почти всегда влечетъ за собою гибельныя послѣдствія, совершенно подавляя искренность, парализуя умы, потушая священное пламя любви къ истинѣ, и черезъ это самое останавливая распространеніе просвѣщенія. Несомнѣнно въ то же время, что свобода мыслить и писать представляется самымъ могущественнымъ средствомъ возбуждать, облагораживать и развивать національный геній, что господство истины можетъ даже выиграть отъ свободнаго допущенія какого-нибудь заблужденія, потому что едва заблужденіе это покажется на бѣлый свѣтъ, какъ сотни перьевъ будутъ готовы къ опроверженію его. Несомнѣнно наконецъ, что истинный прогрессъ культуры, твердое и неуклонное шествіе по пути развитія, на какое способенъ человѣческій родъ, возможны только тамъ, гдѣ свободное употребленіе всѣхъ психическихъ способностей возбуждаетъ умы, гдѣ дозволено публично обсуждать, какъ вопросы гуманности, такъ и истины, интересующія человѣка и гражданина» *).

Вотъ какимъ высокимъ слогомъ какія великія истины изволили изрекать почтенные академики въ то время, какъ предлагали во имя священной и необходимой для правильнаго прогресса свободы слова уставъ предварительной цензуры учрежденія, признававшагося всѣми тогдашними передовыми умами давно

*) Ibid., стр. 218.

отжившимъ и наиболѣе стѣснительнымъ для печати. Мнѣніе ученыхъ и компетентныхъ мужей было уважено правительствомъ, и вотъ 9-го іюня 1804 года былъ утвержденъ высочайшимъ повелѣніемъ первый уставъ предварительной цензуры. Вотъ въ главныхъ и основныхъ чертахъ содержаніе этого устава:

По смыслу § 1 цензура имѣетъ обязанностью разсматривать всякаго рода книги и сочиненія назначаемыя къ общественному употребленію, и на семъ основаніи въ § 3 говорится, что ни одна книга или сочиненіе не должны быть напечатаны въ Имперіи Россійской, ни пущены въ продажу, не бывъ *прежде разсмотрѣны* цензурою.

Для разсматриванія книгъ и сочиненій (§ 4) учреждаются цензурные комитеты при университетахъ изъ профессоровъ и магистровъ и состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ университетовъ, и каждый изъ этихъ комитетовъ разсматриваетъ книги въ своемъ университетскомъ округѣ. Каждый цензурный комитетъ (§ 12) имѣетъ въ положенное время засѣданіе, цензоры составляющіе его раздѣляютъ между собою книги и сочиненія, поступающія въ цензуру, и по прочтеніи представляютъ письменныя объ оныхъ отъ себя донесенія, за вѣрность коихъ сами и отвѣтствуютъ. Книги и сочиненія, которыя цензоръ самъ собою напечатать сомнѣвается, представляются въ полное собраніе цензурнаго комитета, а цензурный комитетъ въ случаѣ сомнѣній (§ 14) испрашиваетъ черезъ попечителя разрѣшенія отъ Главныхъ училищъ правленія. Если цензоръ въ доставленной ему рукописи (§ 16) найдетъ нѣкоторыя мѣста противныя закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина, то не дѣлаетъ самъ собою никакихъ поправокъ, но означивъ таковыя мѣста, отсылаетъ рукопись къ издателю, дабы онъ самъ перемѣнилъ или исключилъ оныя. По возвращеніи же исправленной такимъ образомъ рукописи, цензоръ одобряетъ ее къ напечатанію.

Если же въ цензуру (§ 18) прислана будетъ рукопись, *исполненная* мыслей и выраженій оскорбляющихъ личную честь гражданина, благопристойность и нравственность, то цензурный комитетъ, отказавъ въ печатаніи такого сочиненія, объявляетъ причины сего запрещенія тому, кто прислалъ оное, а самое сочиненіе удерживаетъ у себя.

Если же въ цензуру (§ 19) прислана будетъ рукопись, *исполненная* мыслей и выраженій, явно отвергающихъ бытіе Божіе, вооружающая противъ вѣры и законовъ отечества, оскорбляющая верховную власть или совершенно противная духу общественнаго устройства и тишины, то комитетъ немедленно объявляетъ о такой рукописи Правительству, для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ. Впрочемъ, говорится въ § 21, цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. *Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, то въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать.* Не менѣе любопытенъ былъ и § 22, въ которомъ говорилось, что «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли Правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающаго успѣхи просвѣщенія».

Что же касается до типографій, то (§ 43) за напечатаніе неодобренной цензурою рукописи весь заводъ напечатанной книги отбирается въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, и въ пользу Приказа взыскиваются съ содержателя типографіи, если онъ печаталъ книгу не на свой счетъ, всѣ издержки, во что обошлось напечатаніе всего завода. А если книга или сочиненіе (§ 44) будутъ сверхъ того содержать въ себѣ мѣста, упомянутыя въ 18 и 19 пунктахъ устава, въ такомъ случаѣ содержатель типографіи и издатель отсылаются къ суду, а книга предается сожженію *).

Уставъ этотъ при всемъ томъ что по самой своей сущности былъ основанъ на отжившихъ началахъ административнаго произвола, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ считается самымъ либеральнымъ изъ всѣхъ, послѣдовавшихъ за нимъ. Такъ смотрѣли на него и современники. По крайней мѣрѣ г. Завадовскій въ докладѣ, при которомъ онъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе проектъ устава, писалъ: «Сими постановленіями ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной». Постлано было во всякомъ случаѣ мягко. Каково-же мягко оказалось писателямъ александровской эпохи покоиться на этомъ ложѣ—это мы узнаемъ далѣе.

III.

Первое и главное зло, не замедлившее обнаружиться вслѣдствіе введенія устава предварительной цензуры, заключалось въ томъ, что вопреки § 21, запрещавшему цензорамъ всякія пристрастныя толкованія, и § 22, дозволившему полную свободу скромнаго и благоразумнаго обсужденія всѣхъ религіозныхъ и общественныхъ вопросовъ, цензура сразу сдѣлалась слѣпымъ орудіемъ вѣяній и партій, господствовавшихъ въ высшихъ сферахъ. Цензора хотя бы и въ лицѣ профессоровъ, людей образованныхъ и ученыхъ, во всякомъ случаѣ оказались чиновниками, вполнѣ зависящими въ іерархическомъ порядкѣ отъ лицъ высшей администраціи, и взгляды ихъ на дозволенное и недозволенное въ цензурномъ отношеніи, вполнѣ сообразуясь со взглядами лицъ, стоявшихъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, мѣнялись при малѣйшей перемѣнѣ правительственнаго вѣтра.

Такъ въ первые года существованія устава, пока либеральные порывы не успѣли еще заглохнуть въ правительственныхъ сферахъ,—и цензора были мягки и уступчивы. Писатели по собственному ихъ сознанію высказывали вещи, о которыхъ не рѣшились бы и заикнуться въ прежнія времена; отовсюду слышались сочувственные отзывы о странѣ, гдѣ никому не запрещалось обнаруживать истину на пользу и просвѣщеніе общества. Появилось множество новыхъ журналовъ, и въ нихъ впервые хотя чисто въ зародышевомъ состояніи выразилось нѣчто вродѣ политическихъ направленій.

Такъ представителями ультрапатріотическаго и реакціоннаго направленія, громившими французскія идеи, которымъ поклонялось общество, и подражаніе Европѣ во имя сохраненія основныхъ началъ русской жизни, самодержавія и православія, были «Демокритъ» А. Кропотова, «Русскій Вѣстникъ» С. Глинки, и «Сынъ Отечества» Греча. Умѣренный постепенный либерализмъ съ консерва-

*) «Ист. св. о ценз. въ Россіи», стр. 85—95.

тивнымъ оттѣнкомъ представлялъ собою «Вѣстникъ Европы» Карамзина. «Сѣверный Вѣстникъ» Мартынова со своимъ поклоненіемъ англійской конституціи занималъ лѣвый центръ либерализма. Затѣмъ «Журналъ Россійской Словесности» Н. Брусилова, газета «Геній Временъ» О. Шредера и Ив. Деракроа, а позже «Духъ Журналовъ» Яценкова выражали то крайне-либеральное направленіе, какое въ то время было возможно. Въ этихъ журналахъ часто встрѣчались довольно прозрачные намеки на освобожденіе крестьянъ, на введеніе гласныхъ судовъ, полной свободы печати и разныхъ гарантій противъ административнаго произвола, помѣщались иногда и болѣе ѣдкія выходки. Такъ напримѣръ, въ «Журналѣ Россійской Словесности», въ баснѣ А. Измайлова «Истина во дворцѣ» повѣствовалось, какъ истина вошла во дворецъ и была приговорена къ ссылкѣ въ рудники; но потомъ, перерядившись въ вымыселъ, въ шуткахъ высказала все, что нужно было, и ее благосклонно выслушали. Правда, въ концѣ авторъ смягчилъ рѣзкость своей басни слѣдующими стихами:

Счастлива та страна, въ которой кроткій царь
Правдиво говорить себѣ не запрещаетъ!
Счастливѣй ты стократъ: нашъ ангелъ-государь,
Не только истину въ чертогъ къ себѣ впускаетъ,
Но даже ищетъ самъ ее.

Тѣмъ не менѣе басня все таки выдается своею смѣлостью среди всего, что печаталось въ то время. Въ 5-мъ нумерѣ того же журнала помѣщена басня, въ которой хозяинъ за вѣрную службу дворняшки даритъ ей *ошейникъ* и болѣе ничего, а въ 7-мъ другая—«Царь и придворный», гдѣ проводится мысль, что «блескъ царскаго величія» ничто безъ поддержки народа и пр. *).

Но вмѣстѣ со вмѣми этими легкими поблажками литературѣ, цензура зорко прислушивалась къ правительственному камертону и грозно обрушивалась на все то, что не нравилось въ высшихъ сферахъ. Такъ мы видимъ, что въ періодъ либерализма правительство продолжало придерживаться традиціонныхъ, завѣщанныхъ Екатериною взглядовъ на масоновъ и всякаго рода мистиковъ. Оно не преслѣдовало ихъ такъ ожесточенно, какъ это было въ эпоху новиковскаго процесса, но во всякомъ случаѣ не питало къ нимъ благосклонности. И новая цензура, примѣняясь къ этимъ взглядамъ правительства, не замедлила обрушить свои громы на мистиковъ. Одна изъ первыхъ мѣръ, повлекшихъ за собою одностороннее и произвольное толкованіе самыхъ существенныхъ параграфовъ устава, направлена была противъ изданія масонскихъ и мистическихъ сочиненій. Въ собраніи Главнаго правленія училищъ представлено было, что цензурные комитеты, основываясь на статьѣ устава, дозволяющей скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества и прочаго, одобряютъ къ напечатанію сочиненія мистическія, служащія къ заведенію сектъ, предвѣщательныя и другія, каковы сочиненія Штиллинга, Эккартсгаузена, Сведенборга и другихъ. Поэтому Главному правленію вмѣнено въ обязанность привести въ большую ясность означенную статью устава. Вслѣдствіе этого давленія свыше цензурные комитеты начали очень строго относиться къ масонскимъ и мистическимъ сочиненіямъ и допускали ихъ не иначе, какъ съ нѣкоторыми ограниченіями, предварительными справками и пр. Такъ по свидѣтельству г. Сухомлинова, приводящаго въ своей статьѣ одно изъ дѣлъ министерства (журн. Главн.

*) «Изъ исторіи нашего литер. и общ. развитія», А. П. Пятковскаго, т. II, стр. 129.

правл. уч. 1810, № 48, ст. LX) мы видимъ, что Главное правленіе училищъ, чтобы пропустить масонскія пѣсни самаго невиннаго содержанія, потребовало отъ содержателя типографіи письменнаго свидѣтельства отъ министерства полиціи о томъ, что масонскія общества дозволены въ имперіи. А въ 1806 г., когда стоявшій въ это время во главѣ мистиковъ въ Россіи вице-президентъ Академіи художествъ А. Ѳ. Лабзинъ, послѣдователь мистическихъ ученій Юнга Штиллинга и Эккартсгаузена и переведшій на русскій языкъ многія изъ ихъ сочиненій, вздумалъ издавать мистическій журналъ «Сіонскій Вѣстникъ», журналъ этотъ былъ запрещенъ цензурою на 9-й книжкѣ. Ниже мы увидимъ, какая превратная судьба постигла этотъ журналъ позже.

Не менѣе чѣмъ и за мистицизмомъ зорко слѣдила цензура за толками о крестьянскомъ вопросѣ. При всемъ сочувствіи нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ лицъ, не исключая и самого государя къ этому вопросу, большинство вліятельныхъ людей того времени смотрѣло на освобожденіе крестьянъ какъ на революціонное потрясеніе всѣхъ основъ государства. Мы видимъ, что даже и такой просвѣщенный и либеральный писатель того времени какъ Карамзинъ, и тотъ смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ, какъ на мѣру преждевременную и крайне опасную. Къ страху повторенія французской революціи примѣшивалась здѣсь конечно не малая доля своекорыстія. Эта примѣсь конечно и была главною причиной, что не смотря на дозволеніе обсуждать какіе угодно государственные вопросы лишь бы прилично и благоразумно, каждая мало мальски прямая и открытая постановка крестьянскаго вопроса въ прессѣ производила впечатлѣніе скандала. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся цензурныхъ скандаловъ подобнаго рода представляетъ книга Пнина «Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи».

Петръ Ивановичъ Пнинъ былъ незаконнорожденный сынъ князя Рѣпнина, чему и обязанъ онъ былъ своей усѣченной фамиліей—Пнинъ. Онъ родился въ 1773 году, первоначальное воспитаніе получилъ въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, потомъ перешелъ въ инженерный кадетскій корпусъ и съ 1789 года по 1797 находился въ военной службѣ, а затѣмъ почти до самой смерти отъ чахотки въ 1805 г. служилъ по разнымъ департаментамъ гражданскаго вѣдомства. Воспитанный въ духѣ гуманной философіи 18 вѣка, другъ и пріятель Радищева Пнинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ въ то время передовыхъ людей, которые, не довольствуясь разными паліативными мѣрами, требовали болѣе серьезныхъ и рѣшительныхъ реформъ. Это былъ демократъ, если не по убѣжденіямъ, то по природнымъ инстинктамъ и въ самой практикѣ своей жизни. «Будучи весьма небогатъ,—говоритъ его біографъ:—онъ любилъ помогать несчастнымъ. Съ жаромъ друга человѣчества всякую скорбь угнетаемаго людьми и судьбою человѣка бралъ онъ близко къ сердцу своему и не щадилъ ни трудовъ, ни покоя, ни иждивенія для облегченія судьбы несчастныхъ». На литературное поприще выступилъ онъ еще при Екатеринѣ и въ 1798 г. издавалъ «Петербургскій журналъ», при чемъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ и поэтическихъ (басняхъ, одахъ), и прозаическихъ (статьяхъ политическаго и экономическаго содержанія) сознательно проводилъ тѣ же радикальныя для того времени идеи, какія мы встрѣчаемъ въ книгѣ Радищева, на сколько конечно было это возможно въ тѣ тяжкія времена. Съ воцареніемъ Александра литературная дѣятельность его еще болѣе оживаетъ и расцвѣтаетъ: онъ предполагаетъ издавать по очень обширной программѣ новый журналъ «Народный Вѣстникъ», пишетъ «Опытъ о просвѣ-

щенія», «Вопль невинности, отвергаемой закономъ» (о печальномъ и неправильномъ положеніи незаконнорожденныхъ дѣтей), «О возбужденіи патріотизма», оканчиваетъ первое дѣйствіе исторической драмы «Велизарій» и задумываетъ собрать свои стихотворенія подъ названіемъ: «Моя лира». Преждевременная смерть, причина которой заключалась конечно не въ одной простудѣ но и горькомъ разочарованіи, вынесенномъ имъ изъ зрѣлища всеобщаго разлада словъ и дѣлъ, окружавшаго его со всѣхъ сторонъ, прекратила сразу эту кипучую дѣятельность.

«Опытъ о просвѣщеніи» изданъ былъ съ эпиграфомъ: «Блаженны тѣ государства и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общества». Трактатъ заключалъ въ себѣ три части: въ первой—Пнинъ рѣшаетъ вопросъ, въ чемъ должно состоять истинное просвѣщеніе; во второй—всѣ ли состоянія въ Россіи требуютъ одинаковаго просвѣщенія, и въ третьей—указываются мѣры, которыя могутъ «наиболѣе споспѣшествовать просвѣщенію».

Въ первой части авторъ исходитъ изъ того начала, что будущіе вѣка должны служить зерцаломъ для настоящихъ дѣлъ законодательныхъ. «Но обыкновенно законодатели не придерживаются подобнаго правила», и Россія вслѣдствіе этого, по словамъ автора, «имѣла многихъ обладателей, но правителей мало». Далѣе Пнинъ подробно разсматриваетъ вопросъ объ управленіи народомъ. «Власть самодержавная,—говоритъ онъ: истекая изъ единной воли, рѣдко какую либо цѣль предполагающей, зависитъ почти всегда отъ расположенія духа дѣйствующей особы». Указывая затѣмъ, въ чемъ должно заключаться истинное управленіе народомъ, авторъ говоритъ: «управлять народомъ значитъ наблюдать правосудіе, сохранять законы, поощрять трудолюбіе, распространять просвѣщеніе, словомъ—созидать общее благо, и къ сему единственному предмету желаній гражданина, посредствомъ начертанныхъ для того правилъ, постановленнаго порядка и мудрой дѣятельности открыть всѣмъ свободный путь». Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о просвѣщеніи. Судить о просвѣщеніи всей страны по числу ея сочинителей и писателей, по его мнѣнію, несправедливо. Истинное просвѣщеніе непремѣнно предполагаетъ «спокойствіе и блаженство гражданъ». Та страна, гдѣ этого нѣтъ, не можетъ быть названа просвѣщенной, хотя-бы имѣла много ученыхъ и литераторовъ. «Обязанность государства должна заключаться въ томъ, чтобы внушить нужду взаимной зависимости, положить каждому предѣлы, изъ которыхъ нельзя было-бы выйти, опредѣлить каждому состоянію его права, предписать его обязанности». Затронувъ вопросъ о сословіяхъ, Пнинъ въ яркихъ чертахъ рисуетъ положеніе крестьянъ: «какъ можно, говоритъ онъ: чтобы участь толико полезнѣйшаго сословія гражданъ, отъ котораго зависитъ могущество и богатство государства, состояла въ неограниченной власти нѣкотораго числа людей, которые, позабывъ въ нихъ подобныхъ себѣ человѣковъ,—человѣковъ, ихъ питающихъ и даже прихоти ихъ удовлетворяющихъ, поступаютъ съ ними иногда хуже нежели со скотами, имъ принадлежащими. Ужасная мысль! При такомъ безотрадномъ положеніи русскихъ крестьянъ законодатели должны всѣ свои усилія направить къ тому чтобы предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія и защитить оную отъ насилій, словомъ—сдѣлать оную неприкосновенною». Пнинъ считаетъ при этомъ, что заботиться о просвѣщеніи крестьянъ возможно только тогда, когда послѣдніе будутъ въ состояніи пользоваться всѣми человѣческими правами, будутъ свободны.

Во второй части Пнинъ разсматриваетъ, въ чемъ должно состоять просвѣщеніе каждаго сословія. Чтобы просвѣтить народъ, нужно опредѣлить главнѣйшія добродѣтели каждаго сословія, «и потому,—говоритъ онъ:—трудолюбіе и трезвость нахожу я самыми приличными добродѣтелями для земледѣльческаго сословія; исправность и честность для мѣщанъ; правосудіе и всегдашнюю готовность пожертвовать собою пользамъ отечества для дворянъ, и наконецъ благочестіе и примѣрное поведеніе для состоянія духовнаго». Воспитателямъ нужно всего болѣе стремиться къ тому дабы пріуготовить Россіи россіянъ, а не иностранцевъ, дабы приготовить полезныхъ сыновъ отечеству, а не такихъ людей, которые гнушались-бы тѣмъ, что есть отечественное и презирали-бы собственный языкъ. Сообразно воспитанію этихъ сословныхъ добродѣтелей и науки авторъ располагаетъ тоже по сословіямъ: земледѣльцевъ по его мнѣнію надлежитъ обучать только чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, сельской механикѣ, скотоводству, обработкѣ полей и пр. Для мѣщанъ—грамматика, географія, введеніе во всеобщую исторію и главныя эпохи русской исторіи, геометрія, тригонометрія, естественная исторія, технологія, физика и практическія знанія, полезныя для промышленности. Для купцовъ ко всему этому присоединяются англійскій языкъ, алгебра, простая и двойная бухгалтерія, исторія комерціи, товаровѣдѣніе и пр., для дворянъ-же сверхъ всего вышеозначеннаго предполагается занятіе юридическими науками и высшее философское, политическое и эстетическое образованіе *).

По всему этому вы можете судить, въ какомъ еще дѣтскомъ состояніи находилось мышленіе нашихъ соотечественниковъ въ то время, и какъ трудно было отрѣшаться имъ отъ господствовавшей рутины. Пнинъ во всякомъ случаѣ является передовымъ и наиболѣе крайнимъ мыслителемъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ, но вы видите, что и онъ является проникнутымъ чисто кастовыми предразсудками, и его книга, представлявшая верхъ свободомыслія въ свою эпоху, въ настоящее время отъ первой страницы до послѣдней могла-бы быть принята символомъ вѣры для самыхъ строгихъ изъ нашихъ современныхъ консерваторовъ. Консерваторы-же начала нынѣшняго столѣтія усмотрѣли въ ней потрясеніе всѣхъ основъ.

Книга была издана въ 1804 году, до введенія новаго устава и гражданскій губернаторъ, которому она была представлена по отпечатаніи, свободно пропустилъ ее въ продажу. Успѣхъ ея былъ такъ великъ, что въ томъ-же году почти все первое изданіе было распродано и понадобилось второе. Авторъ не замедлилъ имъ и въ томъ-же 1804 году представилъ свою книгу уже во вновь открывшійся цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями, сдѣланными, какъ авторъ объяснялъ, *по волѣ монарха*.

Въ то же время былъ представленъ въ цензурный комитетъ доносъ на книгу Пнина, нѣкоего бездарнаго писаки Гавріила Геракова, извѣстнаго своими патріотическими произведеніями въ родѣ: «Герои русскіе за 400 лѣтъ», «Твердость духа нѣкоторыхъ Россіянъ» и т. п. Книга Пнина была рекомендована Гераковымъ, какъ крайне вредная и исполненная разрушительныхъ правилъ **).

Доносъ этотъ произвелъ свое вліяніе на цензурный комитетъ: новое изданіе книги не было разрѣшено, а экземпляры перваго изданія, еще остававшіеся въ продажѣ, предписано отобрать изъ книжныхъ лавокъ. Вмѣстѣ съ книгою были

---

*) «Древн. и Нов. Россія», 1879, № 9.

**) «Изъ ист. нашей лит. и общ. разв.» А. Пятковскаго, т. II, стр. 100—102.

отвергнуты цензурнымъ комитетомъ и рукописныя къ ней дополненія, при чемъ комитетъ слѣдующимъ образомъ мотивировалъ свое запрещеніе:

Приведя слова автора: «насильство и невѣжество, составляя характеръ правленія Турціи, не имѣя ничего для себя священнаго, губятъ взаимно гражданъ, не разбирая жертвъ», цензоръ замѣчаетъ: «хочу вѣрить, что эту мрачную картину списалъ авторъ съ Турціи, а не съ Россіи, какъ то иному легко показаться можетъ; но и для турецкаго правленія это язвительная клевета, будто народъ сей не имѣетъ для себя ничего священнаго и губитъ себя взаимно, не разбирая жертвъ». Главный же доводъ противъ книги Пнина цензоръ полагаетъ въ томъ, что «авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого-нибудь капризнаго паши... Хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло вѣками укорепившееся и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія. Мудрые наши монархи усмотрѣли его давно; но зная, что сильный переломъ всегда разрушаетъ машину правленія, не хотѣли вдругъ искоренить сіе зло, дабы не навлечь черезъ то еще бо́льшаго бѣдствія. Правительство дѣйствуетъ въ семъ случаѣ подобно искусному врачу; мѣры его кротки и медленны, но тѣмъ не менѣе безопасны и спасительны. Еслибы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое-нибудь новое средство дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе предполагаемой имъ цѣли, т. е. истребленія рабства въ Россіи, то приличнѣе было бы предложить оное проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную губительную тучу».

Пнинъ, не удовлетворившись этими отеческими увѣщаніями цензора, подалъ протестъ въ Главное правленіе училищъ.

«Всякій писатель,—возражалъ онъ:—пишущій о предметахъ государственныхъ, никогда не долженъ терять изъ виду будущее. Ибо цѣлый народъ никогда не умираетъ, ибо государство, какимъ бы оно ни было подвержено сильнымъ потрясеніямъ, перемѣняетъ только видъ свой, но вовсе никогда не истребляется. И потому сочинитель обязанъ истины имъ предусматриваемыя представлять такъ, какъ онъ находитъ ихъ. Онъ долженъ въ семъ случаѣ послѣдовать искусному живописцу, коего картина тѣмъ совершеннѣе бываетъ, чѣмъ краски имъ употребляемыя соотвѣтственнѣе предметамъ имъ изображаемымъ. Впрочемъ все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности, всѣ истины къ сему предмету относящіяся почерпнулъ я изъ премудраго наказа Великія Екатерины. Она внушила мнѣ оныя. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе. Рукописное дополненіе, сдѣланное мною по волѣ монарха, заключаетъ въ себѣ опредѣленіе крестьянской собственности примѣненное мною къ настоящему положенію вещей».

Но протестъ этотъ не имѣлъ никакого успѣха; Главное правленіе училищъ согласилось съ цензурнымъ комитетомъ на запрещеніе книги Пнина. Послѣднему только и оставалось обратиться къ общественному мнѣнію и онъ излилъ свою скорбь на страницахъ «Журнала Россійской Словесности» (№ 12) въ особенномъ сочиненіи: «Сочинитель и цензоръ, переводъ съ манчжурскаго». Мы считаемъ не лишнимъ привести вполнѣ это сочиненіе, которое покажетъ намъ наглядно, насколько писатели того времени были довольны вновь введенною цензурою:

Сочинитель. Я имѣю, государь мой, сочиненіе, которое желаю напечатать.
Цензоръ. Его должно напередъ разсмотрѣть. А подъ какимъ оно названіемъ?
Сочинитель. «Истина», государь мой.
Цензоръ. «Истина»? О! ее должно разсмотрѣть и строго разсмотрѣть.
Сочинитель. Вы, мнѣ кажется, излишній берете на себя трудъ. Разсматривать истину?

что это значитъ? Я вамъ скажу, государь мой, что она не моя и что она существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ. Божественный Кунъ (Конфуцій) начерталъ оную въ премудрыхъ своихъ законахъ. Такъ говоритъ онъ: «Смертные! любите другъ друга, не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу, ибо она есть основаніе общежитія, душа порядка и, слѣдовательно, необходима для вашего благополучія». Вотъ содержаніе сего сочиненія.

Цензоръ. «Не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу»!.. Государь мой, сочиненіе ваше непремѣнно разсмотрѣть должно. (Съ живостью). Покажите мнѣ его скорѣе.

Сочинитель. Вотъ оно.

Цензоръ. (Развертывая тетрадь и пробѣгая глазами листы). Да... ну... это еще можно... и это позволить можно... но этого никакъ пропустить нельзя (указывая на мѣсто въ книгѣ).

Сочинитель. Для чего же, смѣю спросить.

Цензоръ. Для того, *что я не позволяю* и, слѣдовательно, это непозволительно.

Сочинитель. Да развѣ вы больше, г. цензоръ, имѣете права не позволить мнѣ печатать мою «Истину», нежели я предлагать оную?

Цензоръ. Конечно, потому что я отвѣчаю за нее.

Сочинитель. Какъ? Вы должны отвѣчать за мою книгу? А я развѣ не могу отвѣчать за мою «Истину»? Вы присваиваете себѣ, государь мой, совсѣмъ не принадлежащее вамъ право. Вы не можете отвѣчать ни за образъ мыслей моихъ, ни за дѣла мои. Я уже не дитя и не имѣю нужды въ дядькѣ.

Цензоръ. Но вы можете заблуждаться.

Сочинитель. А вы, г. цензоръ, не можете заблуждаться?

Цензоръ. Нѣтъ, ибо я знаю, что должно и чего не должно позволить.

Сочинитель. А намъ развѣ знать это запрещается? Развѣ это какая-нибудь тайна? Я очень хорошо знаю, что я дѣлаю.

Цензоръ. Если вы согласитесь (показывая на книгу) выбросить сіи мѣста, то вы можете книгу вашу издать въ свѣтъ.

Сочинитель. Вы, отнимая душу у моей «Истины», лишая всѣхъ ея красотъ, хотите, чтобы я согласился въ угожденіе вамъ обезобразить ее, сдѣлать ее нелѣпою? Нѣтъ, г. цензоръ, ваше требованіе безчеловѣчно; виноватъ-ли я, что «Истина» моя вамъ не нравится и вы не понимаете ея?

Цензоръ. Не всякая «Истина» должна быть напечатана.

Сочинитель. Почему же? Познаніе «Истины» ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія, значитъ препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ лишать его способовъ сдѣлаться счастливымъ. Если можно не позволить одну «Истину», то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить. Притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобы ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобы его понимали.

Цензоръ. Я вамъ говорю, государь мой, что книга ваша, безъ моего засвидѣтельствованія, *есть и будетъ ничто*, потому что безъ онаго не можетъ она быть напечатана.

Сочинитель. Г. цензоръ! позвольте сказать вамъ, что «Истина» моя стоила мнѣ величайшихъ трудовъ; я не щадилъ для нея моего здоровья, просиживалъ для нея дни и ночи: словомъ, книга моя есть моя собственность. А стѣснять собственность, какъ говоритъ премудрый Кунъ, никогда не должно, ибо черезъ сіе нарушается справедливость и порядокъ. Впрочемъ вѣрнѣе засвидѣтельствованіе ваше можно назвать незначущимъ, ибо опытъ показываетъ, что оно нисколько не обезпечиваетъ ни книги, ни сочинителя. Притомъ, г. цензоръ, вы изъясняетесь слишкомъ непозволительно.

Цензоръ (гордо). Я говорю съ вами, какъ цензоръ съ сочинителемъ.

Сочинитель (съ благороднымъ чувствомъ). А я говорю съ вами, какъ гражданинъ съ гражданиномъ.

Цензоръ. Какая дерзость!

Сочинитель. О Кунъ, благодѣтельный Кунъ! Если бы ты услышалъ разговоръ сей, если бы ты видѣлъ, какъ исполняютъ твои законы; если бы ты видѣлъ, какъ наблюдаютъ справедливость, еслибы ты видѣлъ, какъ споспѣшествуютъ въ твоихъ божественныхъ намѣреніяхъ, тогда бы... тогда бы справедливый гнѣвъ твой... Но прощайте, г. цензоръ, я такъ съ вами заговорился, что потерялъ уже охоту печатать свою книгу. Знайте однакожъ, что «Истина» моя пребудетъ неизмѣнно въ сердцѣ моемъ, исполненномъ любви къ человѣчеству и которое не имѣетъ нужды ни въ какихъ свидѣтельствахъ кромѣ собственной моей совѣсти».

Этотъ скорбный голосъ остался, конечно, голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Пнипа не стало...

Чтобы не возвращаться нѣсколько разъ къ одному предмету мы нарушимъ здѣсь тотъ хронологическій порядокъ, которому придерживаемся, и исчислимъ за одно всѣ цензурныя преслѣдованія, какія были въ царствованіе Александра I по поводу крестьянскаго вопроса.

Такъ одною изъ жертвъ этого вопроса былъ Василій Григорьевичъ Анастасевичъ, почтенный труженикъ науки и литературы, правая рука Чарторижскаго, принимавшій самое живое и горячее участіе по преобразованію Виленской академіи и вообще по устройству учебнаго вѣдомства въ Западномъ краѣ, обогатившій наконецъ нашу литературу массою переводовъ ученыхъ и поэтическихъ произведеній (такъ онъ перевелъ Федру Расина, стихотворенія Сафо и пр.). Въ 1809 г. была издана въ Вильнѣ брошюра Валеріана Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщика съ крестьянами». Авторъ съ прискорбіемъ говоритъ о поддержкѣ крѣпостного права со стороны польскаго общества до того сильной, что не только въ 1780 году сеймъ отвергнулъ проектъ направленный противъ этого безчеловѣчія, но и въ его время немногіе соглашаются съ тѣмъ, что человѣкъ не можетъ быть такою-же собственностью другого человѣка, какъ вскормленная въ дому или купленная лошадь или быкъ. Не смотря на то, будучи убѣжденъ, что рано или поздно помѣщики узнаютъ надобность уволить крестьянъ отъ крѣпостного состоянія, Стройновскій разсматриваетъ, какимъ образомъ и на какихъ основаніяхъ дѣлать съ крестьянами добровольные договоры о землѣ.

Анастасевичъ перевелъ эту брошюру и предпослалъ этому переводу предисловіе, въ которомъ собралъ изъ древней россійской вивліоѳики историческія свидѣтельства о крестьянахъ въ Россіи и на основаніи этихъ свидѣтельствъ сдѣлалъ такое заключеніе: «Знающій отечественную исторію удобно припомнитъ, что желаніе свободы крестьянамъ въ Россіи, если-бы когда-либо исполнилось, было-бы только возвращеніемъ имъ того блага, которымъ они наслаждались не въ слишкомъ давнія времена, т. е. менѣе двухсотъ лѣтъ».

Книга эта возбудила такую сенсацію въ высшихъ сферахъ, и толки о ней получили такой грозный характеръ, что Сперанскій принужденъ былъ предложить Анастасевичу просить увольненія отъ занимаемой имъ въ комиссіи законовъ должности помощника начальника отдѣленія польскихъ и малороссійскихъ правъ *).

Но наибольшую строгость по отношенію къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, начала проявлять цензура позже, въ 20-хъ годахъ, послѣ цѣлаго ряда смутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и въ особенности у кочубеевскихъ крестьянъ. Помѣщикъ Кочубей продалъ крестьянъ помѣщику же Кирьякову, который перевелъ ихъ изъ Полтавской губерніи въ Херсонскую. Крестьяне не хотѣли повиноваться, и не покорялись даже и тогда, когда покупщикъ отъ нихъ отказался, и они остались за прежнимъ владѣльцемъ. Предписано было наказать виновныхъ при собраніи одновотчинниковъ и сосѣднихъ помѣщичьихъ крестьянъ и подтвердить, что малѣйшее неповиновеніе помѣщичьей власти повлечетъ строгое наказаніе, которое, не ограничиваясь зачинщиками, будетъ простираться и на ихъ семейства. Но всѣ крестьяне обоего пола даже малолѣтніе остались непреклонными. Напрасны были увѣщанія начальства, представлявшаго имъ ужасное

*) «Изсл. и ст. по русск. лит. и просв.», М. И. Сухомлинова, т. I, стр. 20—24.

положеніе, въ которое ввели они себя своимъ упорствомъ: дома стояли безъ крышъ, безъ окошекъ и даже безъ дверей; хлѣба вовсе не имѣли; въ дворахъ не было ни скота, ни птицы. При самомъ совершеніи наказанія, когда палачъ грозилъ всему обществу тою же участью, никто не обнаружилъ ни смущенія, ни робости. Крестьяне сохранили совершенное спокойствіе и не обнаружили ни малѣйшаго сопротивленія и дерзости; когда же уполномоченный отъ помѣщика предложилъ имъ хлѣбъ и другія вспомоществованія, они отказались принять ихъ, говоря что полагаются на волю Божію и на свою судьбу.

Виновата во всемъ этомъ оказалась конечно ужъ литература. Начальство сейчасъ же возмнило, что всѣ эти смуты происходятъ ни отъ чего иного какъ вслѣдствіе допущенія цензурою сочиненій, направленныхъ противъ помѣщичьей власти, которыя крестьяне читаютъ и возмущаются. И вотъ попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ было предписано, чтобы ни подъ какимъ видомъ не были пропускаемы цензурою сочиненія касающіяся политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи.

Въ это самое время (1820 г.) въ историко-статистическомъ журналѣ, выходившемъ въ Москвѣ, помѣщена была переведенная съ нѣмецкаго статья подъ заглавіемъ: «Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостояніе въ Россійскомъ государствѣ». Главнѣйшимъ залогомъ благосостоянія Россіи авторъ полагаетъ открытіе училищъ и освобожденіе крестьянъ. «Въ царствованіе Императора Александра I, замѣчаетъ авторъ:—учреждено пять университетовъ, пятьдесятъ восемь гимназій и сто уѣздныхъ училищъ, кромѣ множества народныхъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній. Главное средство къ возведенію Русскаго государства въ высшую степень просвѣщенія и благосостоянія заключается въ томъ чтобы исподволь и съ благоразуміемъ доставить крестьянамъ бо̀льшую свободу и даровать имъ въ полной мѣрѣ права, принадлежащія имъ какъ людямъ и существамъ разумнымъ. Въ тысяча восьмистахъ городахъ живетъ въ Россіи шесть милліоновъ гражданъ, наслаждающихся полною гражданскою свободой; многіе крѣпостные получили свободу отъ рабства съ согласія своихъ господъ; крестьянамъ позволено покупать свою свободу; постепенное уничтоженіе крѣпостного права начато уже на окраинахъ государства, откуда исподволь можетъ распространиться и во внутренніе предѣлы страны».

Цензоръ профессоръ Черепановъ, которому была представлена эта статья на разсмотрѣніе, не счелъ себя въ правѣ задержать ее, такъ какъ она вполнѣ соотвѣтствовала основнымъ параграфамъ цензурнаго устава: вопросъ обсуждался скромно и благоразумно, и въ то же время сочиненіе было проникнуто полнымъ сочувствіемъ и глубочайшимъ уваженіемъ къ дѣйствіямъ правительства. Къ тому же Черепановъ видѣлъ подтвержденіе словъ автора въ начинавшемся освобожденіи крестьянъ въ Курляндіи, о чемъ было напечатано въ томъ самомъ Гамбургскомъ журналѣ, откуда переведена была статья объ успѣхахъ земледѣлія и благосостоянія въ Россіи. Но высшее начальство посмотрѣло на эту статью другими глазами: оно имѣло въ виду распоряженіе по поводу крестьянъ Кочубея и боялось, какъ бы историко-статистическій журналъ не попалъ въ руки крестьянъ, и они, прочтя вышеозначенную статью, не пришли бы въ еще большее волненіе. И вотъ Черепановъ былъ обвиненъ Главнымъ правленіемъ училищъ за пропускъ статьи, заключающей въ себѣ неприличныя разсужденія о видахъ правительства и къ тому же, въ неповиновеніи волѣ начальства. Въ силу этого обвиненія онъ былъ удаленъ отъ званія цензора, а какъ по уставу оно

соединялось съ званіемъ декана, то воспрещено было избраніе Черепанова въ деканы *).

IV.

Но болѣе всего цензура того времени противорѣчила себѣ и ежедневно измѣняла свои требованія по вопросамъ внѣшней политики. Это была тревожная и горячая эпоха наполеоновскихъ войнъ. Расположеніе русскаго правительства къ властителю Европы переживало въ это время самыя разнородныя и противуположныя фазы: сегодня смотрѣли на Наполеона какъ на беззаконнаго узурпатора, адское исчадіе революціи и чуть-что не антихриста, завтра поклонялись ему какъ всемірному генію, братались съ нимъ и заключали самые дружественные союзы. Сообразно этому и цензура то, что считала позволительнымъ вчера, запрещала сегодня, и наоборотъ.

Такъ съ 1802 г. свободно обращались въ продажѣ книги «Histoire de Bonaparte» и «Du commerce français dans l'état actuel de l'Europe», наполненныя наивными похвалами императору французовъ и представлявшія его протекторатъ спасеніемъ для всей Европы. Въ началѣ 1807 года, то есть во время войны съ Франціей, книги эти обратили на себя вниманіе и были препровождены с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Вязмитиновымъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета Новосильцеву, поступившему въ эту должность въ 1807 году послѣ графа П. А. Строганова. Цензурный комитетъ «во уваженіе нынѣшнихъ обстоятельствъ нашелъ вышеозначенныя сочиненія недозволительными. «Авторъ первой изъ нихъ,—доносилъ онъ гр. Завадовскому:—вообще обнаруживаетъ себя попеременно то почитателемъ революціи и всѣхъ ея ужасовъ, то подлымъ обожателемъ хищниковъ трона».—«Сверхъ того, сочинитель этой книги отъ начала до конца превозноситъ Бонапарте, какъ нѣкое божество, расточаетъ ему самыя подлыя ласкательства, представляетъ всѣ его властолюбивыя дѣянія въ самомъ благовидномъ видѣ; всѣ его несправедливыя присвоенія и хищничества представляетъ праведными и законными». Въ книгѣ же «Du commerce etc.» цензурный комитетъ обратилъ вниманіе на «порицаніе англійскаго правительства, будто оно золотомъ своимъ подкупаетъ прочія европейскія государства (а слѣдовательно и Россію) къ союзу противъ Франціи»; будто Англія есть единственная причина всякой войны въ Европѣ и пр. Во вниманіе всего этого обѣ вышеозначенныя книги были изъяты изъ обращенія **).

Но вотъ былъ заключенъ тильзитскій миръ, русское правительство встало въ самыя дружественныя отношенія къ Наполеону, и теперь цензура начала преслѣдовать всякія порицанія Наполеона и осужденія его дѣйствій. Особенно въ этомъ отношеніи обращено было вниманіе на «Русскій Вѣстникъ», издатель котораго С. Глинка, проводя свое патріотическое направленіе, продолжалъ отзываться о Наполеонѣ враждебно. Такъ въ мартовской книжкѣ этого журнала сказано было:

«Впродолженіе прошедшаго похода Наполеонъ всегда былъ близокъ къ погибели, и чѣмъ далѣе заходилъ, тѣмъ опасность его становилась ужаснѣе, неизбѣжнѣе... Если бы миролюбивый Александръ не пожертвовалъ невѣрною союзницей благоденствію своей имперіи, то

*) Ibid., стр. 434 435.

**) «Ист. свѣд. о цензурѣ», стр. 15.

по сихъ поръ Богъ знаетъ, гдѣ бы былъ непобѣдимый Наполеонъ и великая армія великой націи. Теперь поднялась завѣса, и всѣ узнали, что прусскимъ кабинетомъ управлялъ Талейранъ, что прусскими силами располагалъ Талейранъ; что онъ нарочно поссорилъ сіе королевство со всѣми державами: съ Австріею, Россіею, Швеціею, Англіею, такъ усыпилъ Фридриха-Вильгельма надеждою на миръ, что онъ вступилъ въ сраженіе въ твердомъ увѣреніи, что все кончится дружелюбно. Теперь извѣстно, что измѣна генераловъ и комендантовъ — чего, благодаря Бога, въ Россіи еще не случалось и долго не случится — не менѣе геройскаго мужества и быстроты Наполеона способствовали завоеванію Пруссіи».

Подобные отзывы вызвали со стороны министерства замѣчаніе:

«Таковыя израженія неприличны и предосудительны настоящему положенію, въ какомъ находится Россія съ Франціей. Почему строжайшимъ образомъ предписать цензурному комитету, дабы воздержался позволять въ періодическихъ и другихъ сочиненіяхъ оскорбительныя разсужденія, и проходилъ бы изданія съ наибольшею строгостью по матеріаламъ политическимъ, которыхъ близко видѣть не могутъ сочинители, и, увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ».

Всѣмъ округамъ предписано было, чтобы «цензоры не пропускали никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія» *).

Съ 1812 года отношенія русскаго правительства къ Наполеону опять радикально измѣняются; снова Наполеонъ дѣлается узурпаторомъ и антихристомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ поощряться всякія патріотическія сочиненія и журналы. Такъ при открытіи журнала «Сынъ Отечества» государь, узнавъ что издатель Гречъ недостаточенъ, повелѣлъ выдать ему изъ Кабинета 1,000 р.

Приближеніе борьбы съ двунадесятью языками отразилось въ цензурной сферѣ слѣдующими распоряженіями: «Комитетъ гг. министровъ положилъ, писалъ гр. Разумовскій въ цензурные комитеты: чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ издатели всякихъ періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ такія только извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ заимствовали бы изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ».

Осенью же 1812 года велѣно было приготовлять календарь на слѣдующій годъ безъ родословій чужеземныхъ владѣтельныхъ домовъ.

Въ 1814 году политическія наши отношенія вновь радикально измѣнились, и литературѣ было указано сообразоваться съ этою перемѣною. Такъ предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета Уваровъ предлагаетъ комитету слѣдить за тѣмъ, чтобы «журналисты, писавшіе въ 1812 году, иначе писали бы въ 1815 году, и мало-по-малу согласовались бы съ намѣреніями правительства и содѣйствовали распространенію мирныхъ сношеній, слѣдуя такимъ образомъ общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей». При этомъ Уваровъ предлагалъ комитету «обратить свое вниманіе на выписки изъ листовъ и рѣчи членовъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ», помѣщаемыя въ нашихъ журналахъ, а равно и «смягчать грубый тонъ въ сужденіяхъ о другихъ народахъ, стоящихъ нынѣ въ совершенно новыхъ отношеніяхъ къ намъ», но съ которыми, какъ видно, не могло еще примириться всколыхавшееся до дна патріотическое чувство русскихъ писателей. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовалъ и гр. Разумовскій, стараясь успокоить взволнованныя народныя страсти и не вполнѣ въ этомъ успѣвая, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ одного изъ его циркуляровъ: «весьма непріятно для меня,

---

*) «Изсл. и ст. по русск. лит.», т. I, стр. 427 – 428.

писалъ онъ: — напоминать столь часто цензурнымъ комитетамъ объ ихъ обязанностяхъ» *).

Кромѣ всего вышеозначеннаго считаемъ не лишнимъ упомянуть о слѣдующихъ цензурныхъ распоряженіяхъ, состоявшихся въ первый періодъ царствованія Александра, т. е. по 1812 г.

Въ 1805 году цензурный комитетъ разсматривалъ въ засѣданіи 25-го апрѣля 1805 года драму «Увѣнчанная добродѣтель», въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Антона Автушкевича, которую цензоръ Яценковъ призналъ подлежащею запрещенію по слѣдующимъ причинамъ: 1) по совершенному незнанію сочинителя какъ законовъ, такъ и обычаевъ Россіи, гдѣ происходитъ дѣйствіе; 2) по несообразности съ отечественными постановленіями окончанія пьесы, гдѣ самыя узнанныя и доказанныя злодѣйства остаются безъ должнаго наказанія; 3) сочинитель, занявъ содержаніе пьесы изъ истиннаго происшествія, случившагося въ проѣздъ государя императора Александра I черезъ Лифляндію, вымышляетъ, что работникъ, коему безпримѣрный монархъ сей лично оказалъ помощь въ приключившемся ему несчастіи во время работы его при судахъ, былъ крѣпостной человѣкъ того господина, котораго родной его братъ умышляетъ убить въ сочиненной имъ драмѣ. Сей вымыселъ, какъ оскорбительный для чести фамиліи сего господина, совершенно противенъ 15 пункту устава о цензурѣ».

На основаніи этого донесенія цензора Яценкова, комитетъ опредѣлилъ предложить сочинителю, не согласится ли онъ пьесу свою исправить въ вышеприведенныхъ листахъ и по исправленіи возвратить въ комитетъ на разсмотрѣніе **).

Что сдѣлалъ авторъ съ пьесою, неизвѣстно, но ни названія этой драмы, ни имени ея автора мы не находимъ въ каталогахъ Сопикова, Плавильщикова и Смирдина.

Въ 1806 году цензоръ Тимковскій доносилъ с.-петербургскому цензурному комитету, что разсмотрѣвъ печатную театральную пьесу, доставленную придворнымъ актеромъ Шушеринымъ для одобренія къ представленію на театрѣ, подъ заглавіемъ Софонисба ***), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, находитъ онъ, что «оная не иначе одобрена быть можетъ къ представленію на театрѣ, какъ по исключеніи стиховъ, заключающихся на стр. 159, 164 и 196, ибо они, оскорбительны будучи для чести государей, произнесенные на театрѣ, могутъ сдѣлать неблагопріятное впечатлѣніе въ публикѣ». Стихи сіи суть слѣдующіе:

Стр. 159: Остави ты царя ничтожно титло Риму;
Предъ нимъ порфиру скрой рабомъ боготвориму,
Коль хочешь, чтобы онъ тебя не пренебрегъ.
Ты Рима другъ,—вѣрь мнѣ, се титло выше всѣхъ,
Оно единое героевъ созидаетъ,
А часто царское тиранство сокрываетъ...

На той же стр.: Се титла царскаго все право и вся честь,
Чтобъ строгу истину отъ глазъ скрывала лесть.

Стр. 164: Къ покорству сихъ владыкъ намъ должно пріучать;
Честь римская—успѣть, а царска—трепетать.

Стр. 196: Гдѣ скипетры, вѣнцы, та гордости утѣха,
Во прахѣ смѣшены безъ славы, безъ успѣха.

---

*) «Истор. свѣд. о цензурѣ», стр. 12, 13, 19, 20.

**) «Бесѣды въ общ. любит. русск. слов.», М. 1871, вып. 3, стр. 9—10.

***) «Софонисба» Княжнина, переводъ съ сокращеніями и измѣненіями трагедіи Вольтера того же названія, напеч. въ т. XXXIV Россійскаго Θеатра.

Комитетъ, разсмотрѣвъ упомянутые стихи, нашелъ ихъ противными уставу о цензурѣ согласно съ мнѣніемъ цензора Тимковскаго, и опредѣлилъ сообщить въ контору дирекціи императорскихъ театровъ объ исключеніи ихъ изъ трагедіи Софонисба.

Въ томъ же 1806 г. привезено было къ петербургскому книгопродавцу Динеману нѣсколько экземпляровъ сочиненія «Feldzug von 1805» неблагопріятнаго нашей арміи вслѣдствіе чего Вязмитиновъ адресовалъ на имя выборгскаго губернатора Обрескова слѣдующую записку: «По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію препровождаемаго при семъ книгопродавца Динемана благоволите, ваше высокопревосходительство, приказать выслать за границу и меня увѣдомить». Повѣренный Динемана въ С.-Петербургѣ ходатайствовалъ о дозволеніи ему возвратиться, объясняя что выписанная имъ книга хотя и дѣйствительно подвергалась запрещенію цензуры, но уже въ то время когда было отказано, по какимъ соображеніямъ неизвѣстно.

Около того же времени цензурный комитетъ задержалъ книгу «Mes souvenirs de vingt ans de sejour à Berlin ou Frédéric le Grand, par M. Thibault». 1805, въ 5 томахъ. При этомъ особенное вниманіе было обращено на слѣдующія слова Петра Великаго о самомъ себѣ: «Mon cher frère, je suis un sauvage, qui ne sait rien... Daignez faire pendre quelqu'un dès demain afin que je sache, comment vos bourreaux s'y prennent...»

«Хотя бы и былъ такой разговоръ между монархами,—прибавляетъ цензоръ— однако всякій замѣтитъ, что Императоръ Петръ I говорилъ это шуткою, а посему г. сочинитель разсматривалъ анекдотъ не съ надлежащею довѣренностью и представилъ его въ другомъ видѣ». Но Главное правленіе училищъ разрѣшило продажу книги съ исключеніемъ одного лишь разсказа о вступленіи на престолъ Екатерины II но съ удержаніемъ въ цѣлости всѣхъ другихъ мѣстъ, «кажущихся опасными, но въ дѣйствительности не имѣющихъ вліянія на общественное мнѣніе» *).

Въ 1807 году конфисковано было сочиненіе подъ заглавіемъ «Ежедневныя христіанскія упражненія по руководству слова Божія», напечатанное еще въ 1801 году и свободно обращавшееся. Подверглось оно запрещенію единственно потому, что напечатано было не въ типографіи духовнаго вѣдомства и безъ дозволенія Св. Синода, хотя въ приговорѣ о запрещеніи не упоминается, чтобы въ книгѣ содержалось что-либо предосудительное **).

Книга подъ заглавіемъ: «De la souveraineté ou connaissances des vrais principes du gouvernement des peuples» была осуждена цензоромъ за новыя правила вредныя основаніямъ доброй нравственности, вѣры и политики. Но цензурный комитетъ опредѣленіемъ 12-го апрѣля 1807 года не призналъ ее вредною. По отзыву его, «въ книгѣ хотя и содержатся многія смѣлыя и оригинальныя мысли, которыя, будучи взяты въ отдѣльности, могутъ оказаться предосудительными; но соображая ихъ съ общимъ духомъ книги нельзя не признать, что авторъ, разрѣшая повидимому общепринятыя мнѣнія о добродѣтели, нравственности, религіи и правахъ человѣчества, тѣмъ не менѣе утверждаетъ ихъ на новомъ основаніи. Въ такомъ вѣкѣ, когда потрясены всѣ древнія опоры алтарей и троновъ, не безполезно противопоставить опытъ Макіавеліева ученія, смягченнаго и принаров-

---

*) «Изсл. и ст. по русск. лит.», т. I, стр. 458.

**) «Ист свѣд. о цензурѣ», стр. 14.

леннаго къ духу настоящаго времени. Будучи наполнена отвлеченными и глубокомысленными изысканіями, книга «De la souveraineté» обратитъ на себя вниманіе только людей ученыхъ и просвѣщенныхъ, которые безъ сомнѣнія прочтутъ ее съ пользою, и если не согласятся съ мнѣніемъ автора, то по крайней мѣрѣ доведены будутъ до розысканія многихъ полезныхъ истинъ, хотя бы то было и къ опроверженію самого автора. Что же касается до читателей недальновидныхъ, для которыхъ книга эта могла бы послужить соблазномъ, то кажется утвердительно можно сказать, что они не захотятъ принять на себя трудъ входить въ лабиринтъ глубокомысленныхъ изслѣдованій автора» *).

Въ сентябрѣ 1807 г. было конфисковано болѣе 5000 экземпляровъ сочиненія: «Тайная исторія французскаго двора», переведеннаго съ нѣмецкаго съ дозволенія петербургскаго комитета. Экземпляры эти предписано было петербургскимъ военнымъ губернаторомъ кн. Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ оберъ-полиціймейстеру Эртелю «истребить огнемъ». Но это auto-da-fé обошлось не дешево: издатель «Тайной исторіи» потребовалъ удовлетворенія за убытки и по высочайшему повелѣнію ему было выдано изъ комитета 6500 рублей.

Въ 1808 году, 9 іюля остановлено было сочиненіе «Грамматика милымъ женщинамъ, собраніе эротическихъ сочиненій въ 2 томахъ, изданное Захаромъ Некрасовымъ», по причинѣ «недостатка въ смыслѣ» **).

Въ 1809 году въ книгѣ Монтескьс «О существѣ законовъ», переведенной на русскій языкъ Дмитріемъ Языковымъ, московскій цензурный комитетъ исключилъ слѣдующія мѣста: «Рабство не хорошо по существу своему; оно не приноситъ пользы ни господину, ни рабу; этому, потому что онъ ничего не можетъ сдѣлать по разсужденію, а первому, что, обходясь съ своими рабами, занимаетъ разныя дурныя привычки, нечувствительно пріучаясь не наблюдать никакихъ нравственныхъ добродѣтелей, дѣлаясь гордымъ, вспыльчивымъ, суровымъ, гнѣвливымъ, сластолюбивымъ, жестокимъ (кн. XV, гл. 1). Но какъ всѣ люди родятся равными, то надобно сказать что рабство противно природѣ, хотя въ нѣкоторыхъ земляхъ оно основано на естественной причинѣ, и надобно очень отличать эти земли отъ тѣхъ, въ которыхъ запрещаютъ естественныя причины» (гл. VII). Главное правленіе училищъ, одобривъ рѣшеніе комитета, присовокупило, что по многимъ усмотрѣннымъ въ отрывкахъ перевода погрѣшностямъ противъ чистоты и исправности слога, не слѣдовало бы одобрять рукопись къ печатанію, пока слогъ ея не будетъ выправленъ съ бо́льшимъ вниманіемъ и усердіемъ ***).

Въ томъ-же 1809 году было не одобрено къ печатанію сочиненіе: «Жизнь, характеръ, военныя и политическія дѣянія россійскаго генералъ-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго». Сочиненіе это было прочтено самимъ гр. Завадовскимъ, заинтересовавшимся имъ тѣмъ болѣе что въ немъ встрѣчались кое-какія черты изъ его собственной жизни, и вотъ что писалъ онъ по поводу этого сочиненія предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета 28-го марта 1809 года:

«Не хотѣвъ занять Главное училищъ правленіе лишнимъ трудомъ, я самъ прочелъ доставленную ко мнѣ рукопись подъ заглавіемъ: «Жизнь, характеръ» и т. д. Я помню дѣла того времени, и обращался въ нихъ. Князь Потемкинъ былъ дѣйствующее орудіе на знаменитыя происшествія, а сочинитель, повидимому, не знавъ близко ни характера, ни его даро-

*) «Изсл. и ст. по русск. лит.», т I, стр. 458, 459.
**) «Бесѣды въ общ. люб русск. слов.», 1871 г., вып. 3-й, стр. 12.
***) «Изсл. и ст. по русск лит.», т. I, стр. 448.

ваній, изъ своего воображенія кидаетъ злорѣчіе на лицо усопшаго и столь знаменитаго мужа. И сего единаго было бы достаточно, чтобы не дозволять печатать таковое сочиненіе; но какъ еще въономъ неприлично разсѣяны неуважительныя выраженія въ отношеніи къ самой императрицѣ Екатеринѣ II, то предпишите комитету сію рукопись удержать».

О томъ, какъ ревностно слѣдилъ ветеранъ «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма» за исторіографіей этой лучшей эпохи своей жизни, мы можемъ судить и по другому еще факту подобнаго-же рода: около того-же времени гр. Завадовскій сдѣлалъ замѣчаніе петербургскому комитету за то, что въ пропущенной имъ книгѣ «Духъ великаго Суворова» онъ «не уважилъ ни писанія, не вездѣ смыслъ поддерживающаго, ниже нелѣпостей, коими (книга эта) наполнена» *).

Въ 1810 году въ петербургскій цензурный комитетъ представлена была рукопись: «Повелѣнія законодательныя, собранныя со всѣхъ древнихъ и нынѣ существующихъ узаконеній и расположенныя по матеріямъ Павломъ Волошиновымъ». Цензура нашла, что рукопись не можетъ быть напечатана, потому что узаконенія расположены въ ней безъ всякаго систематическаго порядка, названіе не имѣетъ никакого разумнаго смысла, и вообще она скорѣе можетъ запутать и повести къ заблужденію нежели послужить вѣрнымъ руководствомъ для желающихъ пользоваться ею по дѣламъ судовымъ. Но Главное управленіе училищъ разрѣшило печатать книгу Волошинова, замѣтивъ что критическіе разборы книгъ нисколько не входятъ въ обязанность цензурныхъ комитетовъ, которымъ предоставлено только право внушать кроткими мѣрами сочинителямъ и переводчикамъ, чтобы они при изданіи въ свѣтъ сочиненій и переводовъ старались, сколько возможно, выправлять встрѣчающіяся въ слогѣ погрѣшности.

Въ томъ же 1810 году въ петербургскій цензурный комитетъ представлена была надворнымъ совѣтникомъ Антоповскимъ рукопись подъ заглавіемъ «Журналъ или ежедневная записка всѣхъ случаевъ и плаванія, веденная вице-адмираломъ Бредалемъ во время военныхъ дѣйствій на Азовскомъ морѣ учебнымъ армейскимъ флотомъ подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Ласси въ 1737 и 1738 годахъ». Комитетъ затруднился дать свое одобреніе, потому что рукопись имѣла видъ оффиціальнаго акта, заимствованнаго изъ какого-нибудь публичнаго архива. Но Главное управленіе училищъ опредѣлило дозволить напечатать рукопись, и такой приговоръ былъ важенъ особенно потому, что комитетъ заявилъ, что рѣшеніе Главнаго управленія послужитъ цензурѣ руководствомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Подобнымъ же образомъ Главное правленіе училищъ разрѣшило печатать задержанную комитетомъ критику Измайлова на похвальное слово Суворову **).

Въ 1809 г., 14-го ноября на Петрозаводскомъ театрѣ, находившемся подъ наблюденіемъ олонецкаго гражданскаго губернатора, была представлена комическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Дидона и Еней» или «Дидона на изнанку». Поставлена была эта опера по всей вѣроятности по личному желанію губернатора, а потому дѣло обошлось безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры, представителемъ которой въ Петрозаводскѣ былъ директоръ олонецкихъ училищъ. Но цензоръ потребовалъ отъ губернатора, чтобы рукопись была прислана ему для просмотрѣнія, имѣя въ виду, что былъ уже въ Петрозаводскѣ подобный же обходъ цензуры: именно—въ 1805 г. 30 августа на Петрозавод-

---

*) См. «Ист. свѣд.», стр. 10, 14.
**) «Изсл. ист. по русск. лит». т. I, стр. 448 и 457—458.

скомъ театрѣ была представлена пьеса: «Прологъ на всерадостнѣйшій день тезоименитства его имп. вел.», напечатанная въ типографіи олонецкаго губернскаго правленія мало того что безъ разрѣшенія цензуры, но олонецкое губернское правленіе не исполнило даже просьбы цензора прислать ему экземпляръ книги, не увѣдомило, сколько экземпляровъ было напечатано, по чьему приказанію и кто авторъ. Но тогда «Прологъ» былъ благонамѣренъ по содержанію и цензоръ оставилъ это дѣло безъ послѣдствій. Теперь же нарушеніе было болѣе серьезное, такъ-какъ пьеса едва-ли могла получить одобреніе и потому когда губернаторъ не отвѣчалъ цензору и рукопись ему не препроводилъ, цензоръ донесъ объ этомъ нарушеніи с.-петербургскому цензурному комитету.

Комитетъ, признавъ жалобу основательной, сдѣлалъ донесеніе попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцеву, а послѣдній—министру гр. А. К. Разумовскому. Рукопись была вытребована отъ олонецкаго губернатора и передана на разсмотрѣніе въ цензурный комитетъ, который высказалъ о ней въ донесеніи министру народнаго просвѣщенія отъ 12 іюля 1810 г. слѣдующее:

1) Пьеса сія не содержитъ въ себѣ никакой нравственной цѣли, необходимо нужной для всѣхъ театральныхъ пьесъ и каковая есть даже въ «Русалкахъ» и другихъ имъ подобныхъ комическихъ операхъ, не говоря уже о томъ эпизодѣ Виргиліевой «Энеиды», который служитъ оригиналомъ сей пародіи.

2) Вся пьеса преисполнена выраженій слишкомъ подлыхъ и для тонкаго слуха оскорбительныхъ, а особливо если ихъ произноситъ Эней или Дидона, или другія важныя особы, напримѣръ: «*вся глотка пересохла*» и пр., «*а послѣ они насъ такъ взбутетенили, что небо въ овчинку показалось*» и пр., «*Охъ, матушка, охъ милая, не огурчика мнѣ хочется*».

3) Комитетъ находитъ неприличнымъ выводить на сцену лица царственныя въ столь подломъ и непристойномъ видѣ. Даже въ «Русалкахъ» князья и княгини не забываютъ своего достоинства и приличной важности.

4) Непочтительность Энея къ его дядѣ, выраженная самыми грубыми словами, предосудительна и противна нравственности, напримѣръ Эней говоритъ ему: «*Эхъ, дядюшка, нелегкая тебя сусетъ*», также: «*сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро*» и пр.

5) Пьеса сія вообще ни къ чему иному служить не можетъ, какъ только къ поврежденію вкуса, распространенію подлыхъ выраженій въ народѣ и оскорбленію тонкаго чувства благородныхъ зрителей. «Въ уваженіи прописанныхъ причинъ и основываясь на 15 и 18 статьяхъ устава о цензурѣ, коими предписано при цензорскомъ разсматриваніи сочиненій наблюдать, чтобы въ оныхъ не было мыслей и выраженій, оскорбляющихъ нравственность и благопристойность; также на 2 статьѣ того же устава, коею постановлено: главнымъ предметомъ разсматриванія цензурою сочиненій имѣть доставленіе обществу книгъ и сочиненій, способствующихъ къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удаленію книгъ и сочиненій, противныхъ сему намѣренію... Комитетъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ, что означенная пьеса не заслуживаетъ быть одобрена ни къ печатанію, ни къ представленію на театрѣ» *).

Въ 1810 году, сентября 9-го с.-петербургскій цензурный комитетъ отнесся къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ донесеніемъ на рукописи: «Описаніе достопамятныхъ происшествій въ Арменіи, случившихся въ послѣдніе 30 лѣтъ, т. е. отъ патріаршества Симонова (1779) до 1809 года. Сожженіе князя Егора Хубова, переводъ съ армянскаго»:

1) Судя по заглавію, въ рукописи сей должны бы содержаться происшествія, случавшіяся впродолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ; но въ самомъ дѣлѣ въ ней описаны только дѣйствія главнокомандовавшаго въ тѣхъ странахъ генерала князя Цыціанова съ 1803 по 1807 годъ; предшествовавшихъ же обстоятельствъ авторы коснулись только слегка.

2) Рукопись сія преисполнена мыслей и выраженій, оскорбительныхъ для чести покой-

---

*) «Русск. Стар.» 1889 г., № 5, стр. 459—461.

наго князя Циціанова, коего дѣйствія, виды и предпріятія во многихъ мѣстахъ представлены въ самомъ дурномъ свѣтѣ.

3) Все сочиненіе вообще писано слабымъ и недовольно обработаннымъ слогомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаетъ и смыслу.

«Цензурный комитетъ, основываясь на правилахъ высочайше конфирмованнаго устава о цензурѣ, коимъ запрещены книги, предосудительныя для чести гражданина, и сверхъ того имѣя въ виду предписаніе Главнаго правленія училищъ отъ 19 февраля сего года касательно до всего прочаго наблюденія за чистотою языка въ книгахъ, на разсмотрѣніе комитета представленныхъ, нужнымъ находитъ, чтобы вышеупомянутая рукопись была исправлена надлежащимъ образомъ господиномъ переводчикомъ, ежели онъ имѣетъ намѣреніе оную напечатать».

Князю Хубову разрѣшено было напечатать его книгу лишь съ высочайшаго разрѣшенія съ тѣмъ, чтобы «при печатаніи всѣ листы были доставлены въ цензурный комитетъ для поправленія неграмотностей въ чистотѣ слога» *).

Въ 1812 г., 21-го апрѣля на запросъ попечителя с.-петербургскаго округа С. С. Уварова, почему цензурой не пропущены басни Измайлова: «Раскольникъ Аввакумъ» и «Кошка, превращенная въ женщину», с.-петербургскій цензурный комитетъ отвѣчалъ:

«Цензурный комитетъ имѣетъ честь донести, что онъ въ 1-й изъ сихъ двухъ басень не находитъ съ своей стороны ничего противнаго правиламъ устава о цензурѣ, но какъ имѣетъ словесное приказаніе его сіятельства г-на министра народнаго просвѣщенія, объявленное чрезъ г-на директора департамента въ прошломъ генварѣ мѣсяцѣ, чтобы въ осужденіе и осмѣяніе старообрядцевъ не дозволялось ничего печатать, поелику отъ правительства приняты уже потребныя къ наставленію ихъ мѣры, по какой причинѣ въ одной книгѣ выкинута цѣлая статья о раскольникахъ, не заключавшая въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры, то комитетъ въ исполненіе таковой воли министра, принужденнымъ нашелся означенную басню *Раскольникъ Аввакумъ* запретить печатать».

«Что же принадлежитъ до другой басни: *Кошка, превращенная въ женщину*, то въ оной замѣчены для исправленія сіи три (?) стиха, заключающіе въ себѣ мысль слишкомъ вольную:

«И кошка-женщина спать съ мужемъ ужъ легла,
Онъ съ нетерпѣніемъ, бѣдняжка, дожидался минуты роковой»...

по исключеніи которыхъ эта басня къ напечатанію дозволена быть можетъ» **).

Въ 1812 г., декабря 12 цензоръ Яценковъ обратился въ с.-петербургскій цензурный комитетъ съ слѣдующимъ донесеніемъ:

«Представленную въ здѣшній цензурный комитетъ отъ г-на Волынскаго рукопись подъ заглавіемъ «Новый Россійскій и Нѣмецкій Букварь» съ нѣмецкимъ переводомъ разсматривалъ я еще въ іюнѣ мѣсяцѣ и возвратилъ сочинителю для исправленія замѣченныхъ мною мѣстъ. Нынѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ сочинитель представилъ оную вторично, якобы исправленную. Почему я разсматривалъ ее вновь въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, какъ учебную книгу, назначенную для обученія юношества, и во-вторыхъ по предмету содержащихся въ оной статей. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ нашелъ въ сей книгѣ слѣдующіе недостатки:

I. Какъ учебная книга, она содержитъ въ себѣ ложныя правила россійскаго языка, превратное правописаніе онаго и неправильный слогъ, а также совершенное незнаніе нѣмецкаго языка и неправильный переводъ на ономъ. Въ доказательство чего представляю слѣдующее:

1) Въ россійскій алфавитъ введены буквы иностранныхъ языковъ, которыхъ въ нашемъ совсѣмъ нѣтъ, какъ-то: іотъ, иксъ, цетъ; также двогласныя ä, ö, ӱ.

2) Въ нѣмецкомъ алфавитѣ введены русскія, какихъ въ нѣмецкомъ совсѣмъ нѣтъ, какъ-то: ч, ш, щ, ъ, ь, ы.

3) Въ россійскомъ правописаніи вводятся такія новости, которыя никѣмъ еще не приняты и почему не могутъ быть приняты въ книгѣ учебной, назначаемой для учащагося юношества, напр. сочинитель предлагаетъ писать «Гэврӓй, мӧбли, ӱбекъ, княгинӓ».

*) **) «Р. Стар.», 1889 г. № 5, стр. 461 и 464.

4) Вымышлены новыя, совсѣмъ неслыханныя въ русскомъ языкѣ буквы: тсрг, зсч, зсгтег, для которыхъ сочинитель обѣщаетъ выразить особыя фигуры или знаки.

5) Неправильность слога, неясность и вообще незнаніе русскаго языка видны на каждой страницѣ, особенно же въ собственныхъ его сочиненіяхъ.

6) Незнаніе нѣмецкаго языка видно также на каждой страницѣ; нельзя найти ни одной строчки, которая была бы чисто и правильно написана понѣмецки.

«Всѣ таковыя погрѣшности и неприличныя нововведенія могли бы привесть въ заблужденіе учащихся и напитать умы ихъ ложными правилами языка, еслибы рукопись сія была напечатана.

II. По предмету содержащихся въ сей рукописи статей, я замѣтилъ въ оной множество ложныхъ правилъ нравственности, несходство съ церковными нашими книгами, незнаніе исторіи, выраженій, предосудительныхъ чести Петра I и другихъ, противныхъ правительству статей. Въ доказательство чего приведу слѣдующее: стр. 8 «говорить приноситъ честь»; стр. 32, «если ты великъ и властенъ безъ науки, то ты больше ничего не значишь, какъ деревянный болванъ въ мраморномъ храмѣ»; стр. 34, «одинъ знакомый не цѣлый рай», также «остерегайся тѣхъ людей, которые краснорѣчивы». Вообще во всѣхъ молитвахъ есть несходства съ церковными, иныя менѣе важны, другія существенныя. Я приведу здѣсь только нѣкоторыя: стр. 16, «Царю небесный, утѣшителю душъ истинныхъ, иже вездѣ сіи». Что сіе не есть описка при перепискѣ, это доказывается нѣмецкимъ переводомъ «Tröster der wahren Seelen», стр. 18, «Се бо въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣхахъ родихъ мя мати моя», также «научу беззаконія путемъ твоимъ». Сочинитель вездѣ пишетъ «аменъ» вмѣсто «аминь» и прѣсно вмѣсто присно. Стр. 15, въ символѣ вѣры сіи слова: «единосущны Отцу, имже вся быша», переведены такъ: «der mit allem was da war der Vaters Wesens ist». Также сіи слова: «Господа животворящаго и славимаго, глаголавшаго пророки», переведены такъ: «der den Herrn beleble bond dessen Profecetungen verherrlechet warden». Страница 46. Императора Трояна сочинитель счелъ за короля троянскаго и перевелъ его такъ: «der Kaiser von Trajaner». Стр. 64 и далѣе. Астрономическія наблюденія Волынскаго не сходствуютъ съ тѣми, которыя преподаны ученѣйшими въ семъ родѣ мужами. Неприлично внушать молодымъ ученикамъ такое ученіе, которое еще не доказано за истинное и можетъ поселить въ незрѣлыхъ умахъ ложныя мысли. Стр. 66. То же сказать слѣдуетъ о мнѣніи сочинителя объ обитателяхъ неба и земли, гдѣ также предлагается ученіе о гернгутерахъ довольно предосудительное. Всѣ прочія новости, въ сей рукописи приведенныя, преисполнены нелѣпостей, съ здравымъ разсудкомъ несогласныхъ, особенно же предосудительна статья: «Побѣда подъ Полтавой»; наконецъ на стр. 85 и далѣе сочинитель приводитъ въ подозрѣніе пользу отъ прививанія коровьей оспы, что совершенно противно благотворнымъ намѣреніямъ правительства о распространеніи сего полезнѣйшаго открытія. Въ предисловіи къ сей книгѣ сочинитель порицаетъ всѣ изданныя въ семъ родѣ сочиненія, поставляетъ свое, можно сказать, на ряду съ богодухновенными твореніями.

«По всѣмъ таковымъ уваженіямъ признаю я рукопись сію достойною запрещенія. О чемъ представляю на усмотрѣніе комитета».

Комитетъ согласился съ мнѣніемъ Яценкова.

Въ 1814 году, дек. 12 попечитель с.-петербургскаго округа С. Уваровъ обратился съ слѣдующимъ внушеніемъ:

«Въ № 50 журнала «Сынъ Отечества», въ статьѣ объ англійскомъ парламентѣ, замѣтивъ нѣсколько неосторожныхъ выраженій, предлагаю комитету обратить свое вниманіе на выписки изъ листковъ и на рѣчи членовъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ. Нерѣдко находятся въ нихъ изрѣченія и извѣстія, которыхъ въ нашихъ журналахъ обнародовать невозможно. При семъ случаѣ предлагаю также имѣть въ виду смягчать мало по малу колкій и грубый тонъ въ сужденіяхъ о другихъ народахъ, стоящихъ нынѣ въ совершенно новыхъ отношеніяхъ къ Европѣ и къ намъ. Журналисты, писавшіе въ 1812 г., должны иначе писать въ 1815, мало по малу согласоваться съ намѣреніями правительства и содѣйствовать къ распространенію мирныхъ отношеній, слѣдуя такимъ образомъ общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей. Само собой разумѣется, что сіе правило должно быть хранимо между членами комитета и при каждомъ случаѣ наблюдаемо столько, сколько благоразуміе и опытность каждому цензору внушить могутъ» *).

*) «Р. Стар.» 1880 г. стр. 463—465.

Наконецъ любопытно также отношеніе министра народнаго просвѣщенія къ попечителю 10 мая 1815 г.:

«М. Г. мой Сергій Семеновичъ! Въ вышедшемъ вчера листочкѣ подъ заглавіемъ: «Къ читателямъ Сына Отечества» напечатанъ высочайшій его императорскаго величества рескриптъ на имя президента варшавскаго сената графа Островскаго о принятіи его величествомъ титула короля польскаго. Хотя въ семъ листочкѣ и сказано, что рескриптъ почерпнутъ изъ чрезвычайнаго прибавленія къ «Варшавскимъ Вѣдомостямъ» однако же ваше прев-ство безъ сомнѣнія сами видите, сколь неприлично помѣщать въ частномъ журналѣ извѣстіе о столь важномъ политическомъ событіи до Россіи касающемся, когда наше правительство не признало еще за благо обнародовать оное. Весьма непріятно для меня напоминать столь часто цензурнымъ комитетамъ о ихъ обязанностяхъ. Въ настоящемъ случаѣ прошу васъ, милостивый государь мой, сдѣлать строжайшій выговоръ, какъ цензору одобрившему помянутый листокъ, такъ и самому издателю «Сына Отечества», которому надлежало бы знать, что подобныхъ статей въ его журналѣ помѣщать не слѣдуетъ; на будущее время предписать цензурному комитету, дабы отнюдь не позволялъ помѣщать въ частныхъ изданіяхъ ни оффиціальныхъ статей, особенно высочайшихъ рескриптовъ, ни извѣстій о важныхъ происшествіяхъ, до Россіи относящихся, ежели не будутъ оныя напередъ обнародованы отъ правительства».

С.-Петербургскій цензурный комитетъ отвѣтилъ 18 мая 1815 г. на это отношеніе, что «никто изъ цензоровъ означеннаго листка не одобрялъ своею подписью, каковаго прежде напечатанія на видалъ. Издатель же, для скорѣйшаго сообщенія читателямъ его журнала извѣстія, напечатаннаго въ Варшавѣ съ дозволенія россійскаго же тамъ учрежденнаго правительства, не усумнился напечатать оное, не представивъ цензору въ рукописи для разсмотрѣнія и подписанія».

Всѣ эти факты показываютъ намъ, въ какомъ туманѣ бродила въ это время цензура, путаясь въ лабиринтѣ непримиримыхъ противорѣчій. Она вертѣлась какъ бѣлка въ колесѣ, получая постоянно нахлобучки сверху, то за излишнюю снисходительность, то наоборотъ за неумѣстную строгость, причемъ при полномъ административномъ произволѣ и вверху и внизу, область цензурнаго вѣдѣнія оставалась до такой степени неопредѣленна, что цензора, помимо вопросовъ о политической благонадежности книгъ, вступали очень часто и въ область чисто литературной критики и даже имъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать за чистотою языка и правильностью слога. Такова была цензура въ самые либеральные годы царствованія Александра I. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, до чего дошла она въ эпоху реакціи, наступившую послѣ 12 года.

V.

Какъ бы ни различались между собою цензурныя реформы по степенямъ своего либерализма, предпринятыя въ началѣ царствованія Александра I, во всѣхъ нихъ мы видимъ одинъ главный и руководящій принципъ вполнѣ доброжелательный: именно—стремленіе устранить литературу отъ всякаго полицейскаго надзора и подчинить ее исключительно учебному вѣдомству. Предполагалось, что полиція не можетъ быть судьею въ дѣлахъ печати, какъ потому, что цѣли ея и область вѣдѣнія совершенно чужды вопросамъ науки и литературы, такъ и потому, что большинство ея членовъ являются людьми самыми некомпетентными по этой части. Другое дѣло—министерство народнаго просвѣщенія: цѣли его совершенно совпадали съ цѣлями прессы; оно обязано было выражать собою тѣ же самыя стремленія со стороны правительства къ распространенію образованія въ обществѣ и народѣ, какія преслѣдовала и пресса по общественной иниціативѣ.

По крайней мѣрѣ половина членовъ министерства если не болѣе принимала участіе въ прессѣ. Кому же, казалось въ то время, быть болѣе компетентными судьями по дѣламъ печати, какъ не профессорамъ или академикамъ, по самому своему званію предполагавшимся во главѣ прогресса своего времени. Литература патріархально подчинялась министерству, какъ младшій членъ семьи старшему; подчиненіе предполагалось не враждебно подозрительное, а родственно покровительственное; цензоръ долженъ былъ не грозно карать и преслѣдовать, а дружелюбно остерегать авторовъ отъ заблужденій, ложныхъ шаговъ и сопряженныхъ съ ними неблагопріятныхъ послѣдствій. На практикѣ все это приняло конечно совсѣмъ иной видъ, но по крайней мѣрѣ такъ это было въ теоріи.

Но въ 1811 году, при образованіи новаго министерства полиціи, правительство отступило нетолько уже въ практикѣ, но и въ теоріи отъ этого своего руководящаго принципа. Въ «наказѣ министерству полиціи» къ обязанностямъ «особой канцеляріи» министра была отнесена «цензурная ревизія», т. е. надзоръ за книгопродавцами и типографіями, наблюденіе, «чтобы не обращались книги, журналы, мелкія сочиненія и листки безъ установленнаго отъ правительства дозволенія», и иностранныя сочиненія неодобрительнаго содержанія. Кромѣ того новому министерству предоставлено было выдавать «дозволенія на представленія новыхъ театральныхъ сочиненій и на напечатаніе афишъ, объявленій» и т. п. Но этого мало: министерству полиціи поручалось имѣть наблюденіе, чтобы не обращалось такихъ книгъ, которыя «*хотя и были пропущены цензурою, подавали бы поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ*», и «если министръ полиціи усмотритъ о таковыхъ книгахъ», то предоставлялось ему сноситься съ министромъ просвѣщенія, или же *представлять о нихъ съ своими замѣчаніями на Высочайшее усмотрѣніе.* Наконецъ хотя дозволеніе открывать типографіи оставалось за министромъ народнаго просвѣщенія, но не иначе однако-жь какъ по полученіи согласія министра полиціи.

Во главѣ министерства полиціи былъ поставленъ генералъ-адъютантъ А. Д. Балашовъ, бывшій с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ. Онъ немедленно обратился къ министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому съ просьбой приказать цензурнымъ комитетамъ доставлять ему свѣдѣнія о книгахъ, одобряемыхъ ими къ печати, и не дозволять печатать никакихъ частныхъ объявленій безъ дозволенія полиціи. Исключеніе изъ этого послѣдняго требованія было допущено лишь для нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, которымъ предоставлено было выпускать публикаціи о своихъ изданіяхъ на прежнихъ основаніяхъ. Затѣмъ приступивъ къ организаціи новаго министерства, Балашовъ задумалъ устроить при своей канцеляріи особый комитетъ для «цензурной ревизіи». Предположеніе это было внесено имъ въ комитетъ министровъ, который одобрилъ его и поручилъ Балашову представить свой проектъ на Высочайшее утвержденіе. Министръ народнаго просвѣщенія почему-то не присутствовалъ въ засѣданіи комитета министровъ, гдѣ обсуждался этотъ проектъ; когда же ему представили его, гр. Разумовскій опротестовалъ проектъ Балашова. По его мнѣнію въ наказѣ министерству полиціи не усматривается «достаточнаго повода для подобнаго учрежденія»; по предположенію Балашова возлагается на комитетъ обязанность просматривать вновь всѣ выходящія на россійскомъ языкѣ книги и сочиненія, хотя бы онѣ и были впрочемъ одобрены цензурою. Сею статьею состоящіе въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія цензурные комитеты совершенно лишаются сдѣ-

данной имъ уставомъ о цензурѣ довѣренности и дѣйствіе ихъ становится излишнимъ. Слова наказа: «если полицiя усмотритъ», не могли содержать въ себѣ ту мысль, чтобы всѣ сочиненія были вновь разсматриваемы въ министерствѣ полиціи, а означаютъ только: «если дойдетъ до свѣдѣнія министра полиціи». «Комитетъ этотъ,—продолжалъ гр. Разумовскій:—предполагается раздѣлить на 4 отдѣленія и предоставить ему просмотръ сочиненій по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній; но едва ли въ немъ можно надѣяться собрать потребное для этого количество спеціалистовъ. Далѣе,—писалъ гр. Разумовскій:—Балашовъ предполагаетъ подчинить предварительному просмотру всѣ вновь привозимыя изъ за границы книги; если ихъ свозить въ Петербургъ, то это будетъ смертельнымъ ударомъ для книжной торговли и вредно подѣйствуетъ на просвѣщеніе, котораго я обязанъ быть ходатаемъ; если же, какъ слышно, желаютъ устроить по прежнимъ примѣрамъ цензуру при таможняхъ и при начальникахъ пограничныхъ губерній, то есть ли вѣроятность, чтобы тамъ нашлись достаточно просвѣщенные для этого чиновники, и гдѣ ручательство, что признанныя указомъ 1802 г. неудобства подобной цензуры не возобновятся?» Въ заключеніе гр. Разумовскій писалъ, что имъ представленъ въ государственный совѣтъ проектъ нѣкоторыхъ измѣненій сообразно съ новыми условіями, вызванными измѣненіями цензурныхъ учрежденій и что проектъ Балашова можетъ подать поводъ къ страннымъ противорѣчіямъ между комитетомъ министровъ и государственнымъ совѣтомъ, этою высшею законодательною инстанціею, которую не должно было бы миновать ни одно положеніе, получающее силу закона.

Но подобный протестъ гр. Разумовскаго не былъ принятъ во вниманіе. Онъ былъ даже доложенъ статсъ-секретаремъ Молчановымъ государю не ранѣе какъ черезъ три мѣсяца.

Такимъ образомъ цензурные комитеты съ 1811 г. встали въ зависимость разомъ отъ двухъ вѣдомствъ: отъ Главнаго правленія училищъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія и отъ комитета для цензурной ревизіи при министерствѣ полиціи. Это не замедлило отразиться на прессѣ новымъ гнетомъ, и притомъ гнетомъ со стороны вѣдомства, которое при всей своей некомпетентности въ сужденіяхъ о литературѣ всегда относилось къ прессѣ крайне подозрительно и враждебно.

Полиція не замедлила оказать свое давленіе на цензуру, а черезъ нее—на прессу. И замѣчательно при этомъ, что одно изъ первыхъ полицейскихъ преслѣдованій обрушилось не на какое-либо сочиненіе, подозрительное въ политическомъ отношеніи, а на душеспасительную религіозную книгу Д. П. Рунича, одного изъ главныхъ столповъ возникавшей реакціи. Это была тоненькая брошюрка религіозно-аскетическаго содержанія подъ заглавіемъ «Дружескій совѣтъ всѣмъ тѣмъ, до кого сіе касаться можетъ». Суть ея заключалась въ слѣдующихъ строкахъ: «Не думай, чтобы заслуга собственныхъ добрыхъ дѣлъ твоихъ могла спасти тебя... Если ты когда-либо спасешься, то спасетъ тебя единая заслуга Іисуса Христа». Брошюрка эта продавалась «въ пользу разоренныхъ и неразоренныхъ»—вѣроятно французскимъ нашествіемъ. И вотъ 14 марта 1814 г. къ попечителю московскаго учебнаго округа П. И. Голенищеву-Кутузову явился частный приставъ Ивановъ безъ всякой бумаги, съ однимъ словеснымъ приказаніемъ отъ оберъ-полицiймейстера Ивашкина, «чтобы сей книги какъ всѣ печатные экземпляры такъ и рукопись взять отъ университетской типографіи и къ нему, г. полицiймейстеру, доставить».

Черезъ два дня надзиратель тверской части 1-го квартала Равинскій, пришедши въ университетскую книжную лавку, запечаталъ своею печатью 81 экземпляръ вышеупомянутой книжки; то же самое было сдѣлано и во всѣхъ прочихъ книжныхъ магазинахъ въ городѣ, гдѣ только эта книга продавалась.

Голенищевъ-Кутузовъ отнесся къ министру народнаго просвѣщенія объ этомъ самовольномъ распоряженіи полиціи съ письмомъ, указывая на § 34 цензурнаго устава, въ которомъ сказано, что «если гражданское мѣстное начальство полагаетъ запретить книгу, находившуюся въ продажѣ, то должно предварительно отнестись о томъ въ цензурный комитетъ». Опираясь на эту статью, Голенищевъ-Кутузовъ просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы впредь онъ «огражденъ былъ отъ объявленій ему черезъ частныхъ приставовъ такихъ приказаній, кои неудобоисполнительны и коихъ объявленіе несовмѣстно съ чиномъ его и званіемъ, Высочайше на него возложеннымъ», и чтобы ему предписано было опредѣлительнѣйшимъ образомъ, «въ каковыхъ отношеніяхъ должна быть цензура съ г. главнокомандующимъ».

Получивъ донесеніе отъ московскаго попечителя, гр. Разумовскій сдѣлалъ объ этомъ всеподданнѣйшій докладъ, о послѣдствіяхъ котораго увѣдомлялъ слѣдующимъ письмомъ отъ 4-го августа новаго главнокомандующаго Москвы графа Салтыкова:

«Я имѣлъ случай докладывать лично Государю Императору о книгѣ подъ заглавіемъ «Дружескій совѣтъ тѣмъ, до кого сіе касаться можетъ», московскою полиціею запечатанный. Его Величеству угодно было повелѣть разрѣшить выпускъ означенной книги въ продажу и о томъ вашему сіятельству сообщить для надлежащаго распоряженія» и т. д. *).

Въ 1815 году одинъ изъ существовавшихъ въ то время литературныхъ кружковъ предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго литературно-критическаго журнала подъ названіемъ «Вѣстникъ Словесности». Въ журналѣ предполагалось три отдѣла: словесность, критика и смѣсь. Въ первомъ отдѣлѣ—историческія происшествія, разсужденія, письма, повѣсти, разговоры, посланія, эклоги, басни, пѣсни; во второмъ—разборъ сочиненій и переводовъ, критическія изслѣдованія и замѣчанія и иногда *судъ о театрѣ*; въ третьемъ—предметы исторіи и статистики, извлеченія изъ иностранныхъ книгъ и журналовъ, анекдоты, извѣстія о благотворительности и т. п. Управляющій министерствомъ полиціи Вязмитиновъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что новый журналъ *можно бы почесть излишнимъ*, судя по множеству издаваемыхъ въ семъ году періодическихъ сочиненій, тѣмъ не менѣе къ изданію его не встрѣчается особенныхъ препятствій. Но театральная хроника возбудила сильное сомнѣніе въ министрѣ полиціи. «Я такого мнѣнія,—писалъ Вязмитиновъ:—что позволительны сужденія о театрѣ и актерахъ, когда бы оные зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденія объ императорскомъ театрѣ и актерахъ, находящихся на службѣ Его Величества, я почитаю неумѣстными во всякомъ журналѣ».

Съ этимъ мнѣніемъ согласился министръ народнаго просвѣщенія гр. Разумовскій и предписалъ петербургскому и московскому цензурнымъ комитетамъ, чтобы они не позволяли печатать въ журналахъ ничего, касающагося императорскаго театра и актеровъ.

Вопросъ о правѣ театральной критики былъ впослѣдствіи, именно въ 1823 г. снова поднятъ въ правительственныхъ сферахъ. Московскій военный генералъ-

---

*) «Бесѣды въ общ. любит. слов.», 1871, вып. 3-й, стр. 13—15.

губернаторъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи печатать въ московскихъ журналахъ критическія статьи объ игрѣ актеровъ и самихъ пьесахъ. При обсужденіи этого вопроса въ комитетѣ министровъ, министръ финансовъ Канкринъ отозвался при этомъ, что онъ не находитъ никакой надобности запрещать помѣщеніе въ журналахъ критическихъ статей объ игрѣ актеровъ и даваемыхъ на театрѣ пьесахъ, ибо критика необходима для усовершенствованія искусствъ и художествъ. Мнѣніе Канкрина поддержано было предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта Николаемъ Семеновичемъ Мордвиновымъ и петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ. Но большинство членовъ комитета высказалось въ противоположномъ смыслѣ, и актеры попрежнему остались неприкосновенными для литературной критики *).

До какой степени полиція оказывалась некомпетентною не только въ своихъ сужденіяхъ о литературныхъ вопросахъ, но и относительно знанія законовъ, утвержденныхъ самимъ правительствомъ и за соблюденіемъ которыхъ она была обязана наблюдать, объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующему факту, относящемуся къ тому же времени. Въ 1814 году нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и членъ петербургскаго цензурнаго комитета, Яценковъ **) задумали издавать ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ «Духъ журналовъ», и программа этого изданія была представлена въ министерство полиціи. Просматривая ее, Вязмитиновъ обратилъ вниманіе на отдѣлъ «внутреннихъ обозрѣній», въ которомъ издатель предполагалъ изслѣдовать «великіе способы Россіи и выгоды, нѣкоторые недостатки и злоупотребленія» и проч. Подобный отдѣлъ не могъ представить самъ по себѣ ничего предосудительнаго, такъ какъ вполнѣ согласовался съ § 22 цензурнаго устава, дозволявшаго скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго и проч. Но Вязмитиновъ повидимому и не подозрѣвалъ о существованіи этого параграфа. «Нахожу сію статью,—писалъ онъ министру просвѣщенія:—совершенно неприличною, *ибо упоминаемые въ ней предметы относятся до попеченія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично*». Графъ Разумовскій потребовалъ по содержанію этого письма объясненія у с.-петербургскаго цензурнаго комитета, который представилъ, что періодическое изданіе «Духъ журналовъ» предполагало цѣлью выборъ изъ газетъ и журналовъ всего лучшаго и любопытнѣйшаго, появившагося въ печати за исключеніемъ предметовъ медицинскихъ и богословскихъ, что объявленіе объ этомъ изданіи разрѣшилъ цензоръ Яценковъ и что программа журнала и объявленіе о немъ вовсе не были представлены въ цензурный комитетъ. Получивъ это донесеніе, гр. Разумовскій въ письмѣ къ попечителю с.-петербургскаго округа, С. С. Уварову, просилъ его сдѣлать цензору Яценкову строгій выговоръ и находилъ нужнымъ остановить печатаніе журнала впредь до разрѣшенія. Цензоръ оправдывался тѣмъ, что разрѣшеніе печатанія объявленій о книгахъ высочайше предоставлено министерству юстиціи, а объявленіе объ изданіи «Духа журналовъ» тѣмъ болѣе могло выдти съ разрѣшенія полицейской цензуры, что оно въ видѣ афиши роздано вмѣстѣ съ газетами; са-

*) «Изсл. ист. по р. л.», т. I, стр. 246.

**) Григорій Максимовичъ Яценковъ получилъ образованіе въ московскомъ университетѣ, былъ учителемъ латинскаго и греческаго языковъ, потомъ адъюнктомъ философіи и свободныхъ наукъ при московскомъ университетѣ Въ 1804 году опредѣленъ цензоромъ въ с.-петербургскій цензурный комитетъ.

мыя-же статьи изданія имѣлось въ виду представить обыкновеннымъ путемъ на разсмотрѣніе цензурнаго комитета. Вязмитиновъ, спрошенный гр. Разумовскимъ, отвѣчалъ, что онъ не только не давалъ разрѣшенія на изданіе «Духа журналовъ», но даже не зналъ имени издателя. Цензоръ Яценковъ, отъ котораго потребовали объявленія этого имени, отвѣчалъ слѣдующее:

«Цензоръ Яценковъ имѣтъ честь донести, что ему извѣстенъ одинъ изъ издателей, именно кол. асс. Вельяминовъ-Зерновъ, который и представилъ въ цензуру объявленіе о томъ изданіи. На вопросъ цензора: кто издатель? г. Вельяминовъ отвѣчалъ, что онъ одинъ изъ участвующихъ въ семъ изданіи, но что прочіе желаютъ быть неизвѣстными, увѣряя при томъ, что всѣ они люди, уваженные въ публикѣ, какъ по своимъ рангамъ, такъ и по свѣдѣніямъ; въ прочемъ же во всемъ, что по цензурѣ сего изданія относиться имѣетъ, онъ, г-нъ Вельяминовъ, уполномоченъ. Цензоръ Яценковъ, памятуя, что постановленіями цензурнаго устава позволено сочинителямъ и издателямъ скрыть свое имя, ежели они объявить его не пожелаютъ, считалъ себя не въ правѣ настоятельно требовать его, зная притомъ лично г-на Вельяминова, какъ человѣка основательнаго и во многихъ частяхъ учености весьма свѣдущаго».

Вельяминовъ съ своей стороны ходатайствовалъ у гр. Разумовскаго отъ имени общества издателей о разрѣшеніи «Духа журналовъ», предоставляя его благоусмотрѣнію отмѣнить тѣ статьи программы, какія ему будетъ угодно, и представляя, что издатели уже обязались передъ публикою выпущеннымъ объявленіемъ и понесли значительные убытки, выписавъ слѣдующіе иностранные журналы... Затѣмъ слѣдовалъ списокъ 16-ти выписанныхъ журналовъ.

Вслѣдствіе этого гр. Разумовскій писалъ С. С. Уварову:

«По полученіи надлежащихъ свѣдѣній о предполагаемомъ изданіи періодическаго сочиненія подъ названіемъ «Духъ Журналовъ», не нахожу уже нужнымъ сіе изданіе запрещать; почему прошу ваше пр-во распорядиться, дабы цензурный комитетъ дозволилъ печатаніе сего журнала съ тѣмъ однакожъ, чтобы: 1) въ составъ онаго не входили газетныя статьи, а во 2) вовсе въ немъ не были помѣщаемы предметы, кои по содержанію своему относились бы къ VI статьѣ объявленія о семъ журналѣ, гдѣ подъ названіемъ «Замѣчаній о внутреннемъ состояніи Россіи» предполагается помѣщать статьи о всякихъ ея способахъ и выгодахъ, нѣкоторыхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ, средствахъ къ исправленію оныхъ и къ возвышенности тѣмъ благосостоянія отечества нашего»; вообще же предпишите цензурному комитету разсматривать сочиненіе сіе со всею осторожностью и возложите сіе въ особенности на цензора Тимковскаго. Впрочемъ я увѣренъ, что вы, м. г. мой, по отношенію моему не оставите сдѣлать цензору Яценкову строгій выговоръ за неправильный его въ семъ дѣлѣ поступокъ, хотя я и не получалъ о томъ вашего отзыва.

Затѣмъ 29 апр. 1815 года послѣдовало на имя гр. Разумовскаго слѣдующее отношеніе министра полиціи Вязмитинова:

«Прошлаго 1814 г., ноября 23 имѣлъ я честь относиться къ вашему сіятельству о программѣ новаго изданія подъ названіемъ «Духъ журналовъ», въ которомъ предполагалось помѣщать замѣчанія о внутреннемъ состояніи Россіи, какъ-то: великіе ея способы и выгоды, нѣкоторые недостатки и злоупотребленія. Находя сію статью совершенно неумѣстною, ибо упоминаемые въ ней предметы относятся до попеченія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично, просилъ я покорнѣйше, м. г. мой, буде и вы признаете помянутую статью непозволительною, въ такомъ случаѣ дать приказаніе вашему здѣшнему цензурному комитету: имѣть въ виду, чтобы въ томъ журналѣ не было помѣщаемо предметовъ, по содержанію своему къ означенной статьѣ относящихся. На сіе мое отношеніе тогда же почтили меня отвѣтомъ, что вы не оставите распорядить, дабы въ изданіи періодическомъ подъ названіемъ «Духъ журналовъ» не было помѣщено предметовъ, относящихся къ VI статьѣ напечатаннаго объявленія о семъ журналѣ, которые выше сего изложены».

«Между тѣмъ въ выпущенной на сихъ дняхъ 16-й книжкѣ помянутаго журнала помѣщена статья о стараніи Императрицы Екатерины II о дешевизнѣ жизненныхъ потребностей,

*) «Бесѣды въ Общ. люб. слов.» 1871 г., вып. 3-й, стр. 15—19.

статья, наполненная разсужденіями не только самыми глупыми, безсмысленными, но и непозволительными, дерзкими, могущими имѣть вліяніе вредное на мнѣніе народное. Какъ дерзнуть человѣку, неимѣющему,—что все сплетеніе нелѣпыхъ его разсужденій доказуетъ,—ни малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ науки, дѣлать примѣненія и сравненія относительно мѣръ, пріятыхъ и пріемлемыхъ правительствомъ въ разныя времена по части государственнаго хозяйства? Дабы разсуждать объ измѣненіи цѣнъ вещамъ, должно имѣть ясное понятіе о томъ, что̀ составляетъ цѣну вещи, что̀ представляетъ цѣну и какимъ она можетъ быть подвержена перемѣнамъ по многоразличнымъ какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ вліяніямъ. Народонаселеніе, курсъ денежный, умноженіе или уменьшеніе потребности, скорое или тихое обращеніе капитала, политическія сношенія съ иностранными государствами, усиленіе войскъ,—все сіе и множество другихъ причинъ, о коихъ ваше сіятельство конечно еще болѣе моего имѣете свѣдѣній, должны быть взвѣшены съ необыкновенною разсудительностью, дабы опредѣлить барометръ цѣнамъ. Сего конечно отъ ограниченнаго издателя «Духа журналовъ» и требовать грѣшно:—но тѣмъ болѣе дерзости».

«Далѣе какое непростительное невѣжество помѣстить письмо Государыни Екатерины II на имя графа Брюса, называя его Яковомъ *Алексѣевичемъ* вмѣсто *Александровича!* Не въ правѣ ли каждый читатель спросить: откуда взялъ издатель сіи письма? Не самъ ли онъ ихъ вымыслилъ? Ибо неимовѣрно, чтобы особы, писавшія сіи письма по повелѣнію Императрицы, не знали настоящаго имени графа Брюса».

«Наконецъ какое дерзкое заключеніе сравненію временъ: «Тогда не то было!» Сіе выраженіе одною только глупостью извиниться можетъ, ибо въ противномъ случаѣ было бы преступленіе, и преступленіе самое тяжкое».

«Изложивъ такимъ образомъ со всею откровенностью мысли мои вашему сіятельству, препровождаю при семъ экземпляръ помянутой книжки «Духа журналовъ» и покорнѣйше прошу васъ, м. г. мой, учинить зависящія со стороны вашей распоряженія, чтобы во избѣжаніе впредь могущихъ случиться непріятныхъ послѣдствій положена была преграда обнародыванію столь глупыхъ и неумѣстныхъ разсужденій, могущихъ имѣть вредное вліяніе на общее мнѣніе».

Замѣчательно, что въ то время какъ Вязмитиновъ, какъ это видно изъ приведеннаго письма, обвинилъ статью «Духа журналовъ» въ отсутствіи малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ науки, гр. Разумовскій отнесся къ ней совершенно съ противоположной точки зрѣнія. Онъ напротивъ того нашелъ, что «*подобныя разсужденія могли имѣть мѣсто только въ сочиненіяхъ серьезнаго ученаго содержанія*, а не въ изданіи, доступномъ читателямъ различной степени образованія». На этомъ основаніи онъ нашелъ статью неумѣстною въ «Духѣ журналовъ» и приказалъ сдѣлать петербургскому цензурному комитету выговоръ *).

Министру же полиціи принадлежитъ и запрещеніе романа Нарѣжнаго «Россійскій Жильблазъ». Увлеченный примѣромъ Лесажа, Нарѣжный рѣшился, какъ онъ самъ говоритъ, вывести на показъ русскимъ людямъ русскаго же человѣка, полагая, что гораздо естественнѣе принимать участіе въ дѣлахъ земляка, нежели иноземца. «*Почему Лесажъ*,—прибавляетъ авторъ:—*не могъ этого сдѣлать, всякій догадается; за нѣсколько десятковъ лѣтъ и у насъ нельзя было отваживаться описывать безпристрастно наши нравы*». Романъ былъ дозволенъ петербургскою цензурою съ выпущеніемъ многихъ мѣстъ, особенно въ третьей части романа. Но министерство полиціи предложило романъ этотъ совсѣмъ запретить, и гр. Разумовскій тотчасъ же согласился съ этимъ предложеніемъ, причемъ въ своемъ циркулярѣ по цензурному вѣдомству вошелъ въ подробное объясненіе мотивовъ своего распоряженія. «Между издаваемыми вновь романами,—писалъ онъ:—выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ противныхъ какой-либо статьѣ цензурнаго устава, но вообще по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ могутъ быть

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 20–21.

почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ, хотя повидимому и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками или описываютъ съ такою подробностью, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе было бы вовсе не упоминать. Каково бы ни было литературное достоинство романовъ, они только тогда могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно нравственную цѣль».

Эта постоянная безпрекословная уступчивость со стороны графа Разумовскаго требованіямъ министерства полиціи, эти безосновательные выговоры въ угоду министру полиціи цензорамъ, руководствовавшимся вполнѣ правильно статьями цензурнаго устава, все это показывало, что министерство полиціи начало подчинять своей власти министерство народнаго просвѣщенія по крайней мѣрѣ по дѣламъ печати. Это былъ весьма знаменательный признакъ. Всѣ вышеприведенныя распоряженія были словно отдаленными раскатами грома надвигавшейся новой реакціонной тучи. Но туча шла совсѣмъ съ иной стороны, и грозѣ надъ литературою и наукою пришлось грянуть не изъ министерства полиціи, а изъ того самаго министерства народнаго просвѣщенія, которое по самому своему существу было предназначено покровительствовать прессѣ и употреблять всѣ усилія къ ея развитію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Характеръ реакціи во второй половинѣ царствованія Александра I. — Три вида мистицизма, обуявшаго русское общество. — Баронесса Крюднеръ. — Священный союзъ. — Библейскія общества. — Преслѣдованія нападокъ на мистическія книги. — Магницкій и Руничъ. — Ученый комитетъ. — Университетскіе погромы: казанскаго и с.-петербургскаго. — Изгнаніе пр. Фесслера изъ с.-петербургской духовной академіи, Осиповскаго и Шада изъ харьковскаго университета. — Погромъ Нѣжинскаго лицея.

I.

Реакція, о которой намъ теперь приходится вести рѣчь, зависѣла на этотъ разъ не отъ однѣхъ внутреннихъ причинъ русской жизни; это было повѣтріе, распростершееся надъ всею Европою. Вырожденіе революціи въ наполеоновскій деспотизмъ и затѣмъ наполеоновскія войны имѣли своимъ послѣдствіемъ всеобщее изнеможеніе и апатію въ низшихъ слояхъ обществъ, разочарованіе и отчаяніе въ интеллигентныхъ классахъ и паническій страхъ за свое существованіе въ правительственныхъ сферахъ. Это была эпоха реставраціи не однѣхъ свергнутыхъ династій, но и всего того въ чемъ сомнѣвались, что отрицали и осмѣивали въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ. Въ то время какъ клерикалы и іезуиты мечтали о возвращеніи господства Рима надъ народами и королями—даже революціонныя движенія въ это время принимали ретроспективный характеръ,—въ литературѣ господствовалъ романтизмъ, въ которомъ полагали реставрацію средневѣковой поэзіи, въ политикѣ начали развиваться знамена націонализма тоже во имя различныхъ завѣтовъ прошлаго.

Въ великосвѣтскихъ вліятельныхъ сферахъ исчезли къ этому времени всякіе слѣды того свободомыслія и скептицизма, какими эти сферы блистали въ концѣ

прошлаго столѣтія; напротивъ того въ большую моду вошли религіозная экзальтація и сектаторскій мистицизмъ. Повсюду начали появляться святые люди, пророки и духовидцы, устраивались религіозные кружки, предававшіеся неистовствамъ и бѣснованіямъ, ничѣмъ не отличавшимся отъ бѣснованій американскихъ шэкеровъ или нашихъ хлыстовъ. И вотъ тотъ самый мистицизмъ, который въ эпоху Новикова вооружался противъ распущенности великосвѣтскаго общества и терпѣлъ за это жестокія гоненія, теперь всталъ во главѣ общества, и самъ въ свою очередь сдѣлался гонителемъ литературы и науки, за процвѣтаніе и свободу которыхъ онъ прежде ратовалъ.

Но религіозное настроеніе, овладѣвшее придворными сферами, далеко не имѣло какого-либо однообразнаго и солидарнаго характера. Оно представляло три теченія, весьма рѣзко отличавшіяся одно отъ другого и находившіяся по отношенію другъ къ другу въ непримиримомъ антагонизмѣ. Таковы были: съ одной стороны католическое теченіе подъ вліяніемъ іезуитовъ, утвердившихся въ великосвѣтскомъ обществѣ. «Предпріимчивость іезуитовъ,—говоритъ въ своихъ запискахъ Стурдза *): — возрастала со дня на день. Сардинскій посланникъ, графъ де-Местръ, служилъ имъ ораторомъ при дворѣ и въ высшемъ кругѣ общества. Начались явныя совращенія нашихъ боярычей, питомцевъ іезуитской коллегіи; во всѣхъ гостиныхъ витійствовали знатныя дамы въ пользу латинства; однимъ словомъ, горькіе плоды столѣтняго превратнаго воспитанія созрѣли и обнаружились». Другое теченіе создалось отчасти подъ вліяніемъ протестантской пропаганды, во главѣ которой стояли разные модные заѣзжіе проповѣдники, въ родѣ Пиккертона, отчасти дѣятельностью масонскихъ ложъ, возобновившихся съ 1808 года, и сектаторскими увлеченіями чисто мистическаго характера, относившимися безразлично къ какимъ-бы то ни было господствующимъ вѣроисповѣданіямъ. Къ обоимъ этимъ теченіямъ одинаковую враждебность питала партія православнаго духовенства съ архимандритомъ Фотіемъ во главѣ, смотрѣвшая на всѣ эти увлеченія католическими и протестантскими проповѣдниками и германскими мистиками, какъ на весьма серьезную опасность для господства православія въ Россіи.

Преобладаніе того или другого изъ этихъ трехъ религіозныхъ теченій зависѣло конечно отъ большаго расположенія къ одному изъ нихъ монарха и наиболѣе приближенныхъ къ нему вліятельныхъ лицъ. Что касается лично до Александра, то онъ былъ сильно потрясенъ всѣми предшествовавшими событіями и мысли его приняли религіозное настроеніе. По собственному свидѣтельству его, 1812 годъ и пожаръ Москвы воззвали его къ новой жизни, измѣнили, пересоздали его. Онъ говорилъ, что вслѣдствіе воспитанія, общаго въ то время въ высшихъ кругахъ европейскаго общества, онъ чувствовалъ душевную пустоту, но московскій пожаръ озарилъ его душу, а судъ Божій, совершившійся на поляхъ битвъ, наполнилъ сердце невѣдомою дотолѣ теплотою вѣры; съ тѣхъ поръ онъ сталъ другимъ человѣкомъ: спасенію Европы отъ гибели онъ обязанъ своимъ собственнымъ спасеніемъ. Но при этомъ религіозномъ настроеніи, государь по собственной иниціативѣ не оказывалъ явнаго и опредѣленнаго пристрастія ни къ одному изъ тѣхъ трехъ теченій, о которыхъ мы говорили. Между тѣмъ историческія обстоятельства сложились такъ, что преобладающую роль въ нашей жизни пришлось занять протестантско-мистическому теченію. Этой своей временной побѣдѣ протестантско-мистическое теченіе

*) «О судьбѣ православной церкви рус. въ царств. имп. Александра I», «Рус. Стар.», 1876 г., № 2, стр. 271.

было обязано знаменитой баронессѣ Юліи Крюднеръ. Урожденная Фитингофъ, внучка Миниха, Юлія Крюднеръ принадлежала къ тѣмъ восторженнымъ, нервнымъ натурамъ, которымъ самою природою суждено бываетъ играть роль энтузіастки и вдохновительницы въ религіи или политикѣ, смотря по обстоятельствамъ времени и среды. Эта была своего рода кающаяся Магдалина: молодость ея была проведена очень бурно въ вихрѣ свѣтскихъ развлеченій, но вдругъ преждевременная смерть одного близкаго ей лица на ея глазахъ такъ потрясла ее, что она удалилась отъ свѣта, бросила свою прежнюю жизнь и какимъ-то образомъ попала въ общество Моравскихъ братьевъ, о которомъ узнала случайно отъ ремесленника, принесшаго ей заказанную работу. Затѣмъ въ Карлсруэ она жила у извѣстнаго мистика Юнга Штиллинга, посвятившаго ее въ загробныя тайны; они вызывали духовъ, говорили съ умершими и т. п. Здѣсь же она сблизилась съ фрейлиною императрицы Елизаветы Петровны дѣвицею Стурдзою и начала писать ей письма, исполненныя восторженнаго удивленія къ дѣйствіямъ Александра I, пророчащія ему всевозможныя блага и намекающія на сверхъестественныя откровенія, которыя могутъ быть сообщены только лично самому государю. Эти письма сильно заинтересовали Александра при его расположеніи къ мистицизму, и вотъ баронесса предстала передъ нимъ сама въ Гейдельбергѣ среди глубокой ночи, какъ разъ въ ту минуту, когда Александръ былъ взволнованъ бѣгствомъ Наполеона съ острова Эльбы и перспективою новой борьбы съ нимъ. Съ пламеннымъ энтузіазмомъ начала она свою проповѣдь, говоря, что возвращеніе Наполеона есть искупительное наказаніе, постигшее Европу за упадокъ въ ней истиннаго христіанства, и что она, баронесса, предвидѣла эту кару. «Крюднеръ,—говорилъ впослѣдствіи самъ государь:—подняла передо мною завѣсу прошедшаго и представила жизнь мою со всѣми заблужденіями тщеславія и суетной гордости; она доказала, что минутное пробужденіе совѣсти, сознаніе своихъ слабостей и временное раскаяніе не есть полное искупленіе грѣховъ; говорила, что сама она была великая грѣшница, но что у подножія креста она выстрадала себѣ прощеніе молитвою и горькими слезами».

Подобныя бесѣды бар. Крюднеръ съ Александромъ имѣли важныя послѣдствія въ судьбахъ европейской политики: онѣ создали знаменитый священный союзъ, внушенный Александру по мнѣнію многихъ исключительно баронессою. Полагаютъ, что самое названіе «священный союзъ» дано ею и заимствовано изъ книги пророка Даніила.

Въ основѣ этого священнаго союза, заключеннаго между тремя державами въ Парижѣ 14 сентября 1815 года, было положено, чтобы какъ во внутреннемъ правленіи, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ руководствоваться началами святой вѣры, справедливости, мира и любви къ ближнему. На основаніи словъ св. писанія, повелѣвающихъ всѣхъ людей считать братьями, государи трехъ державъ должны быть признаны братьями, призванными Провидѣніемъ къ управленію тремя вѣтвями единой семьи, причемъ, оказывая другъ другу участіе, содѣйствіе и помощь, они должны управлять какъ отцы семействомъ своими народами, составляющими единый христіанскій народъ, неимѣющій иного владыки кромѣ того, кому единому подобаетъ владычество и пр.

Изъ началъ священнаго союза логически проистекало то положеніе, что для того чтобы политика, основываемая на религіозныхъ основахъ истиннаго христіанства, могла процвѣсти, необходимо было, чтобы не одни правители, но и управляемые народы были проникнуты христіанскимъ духомъ. «Къ чему послу-

жить св. союзъ,—говорилъ императоръ Александръ I:—если начала его останутся одинокими и не проникнутъ въ сердце народа? Это можетъ совершиться вполнѣ и искренно только посредствомъ Св. писанія на языкѣ каждаго народа. Надо распространять святыя книги въ томъ видѣ, какъ онѣ намъ даны: коментаріи подкладываютъ обыкновенно свой смыслъ сообразно съ своею системою. Надо предоставить каждому христіанину, *какого бы исповѣданія онъ ни былъ*, воспринять благодатное дѣйствіе Св. писанія: оно изъ каждаго сдѣлаетъ то, чѣмъ онъ можетъ быть по своей природѣ. Единство въ разнообразіи необходимо для счастія и церкви и государства: оно открывается всюду и въ природѣ внѣшней и въ исторіи народовъ. Истина вѣчна, но дѣйствія ея медленны, и для воспріятія ея потребны иногда цѣлыя столѣтія; несмотря на всѣ препятствія, она неизбѣжно пробивается на свѣтъ, и невозможно запереть ее герметически, какъ нѣкоторые хотѣли сдѣлать съ Св. писаніемъ».

Этотъ логическій выводъ повелъ за собою два весьма важныя послѣдствія, наложившія свою неизгладимую печать на послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра. Съ цѣлью распространенія духовнаго образованія въ народѣ положили распространять въ Россіи библейскія общества, процвѣтавшія въ Англіи, Германіи и прочихъ протестантскихъ странахъ. А для того чтобы и интеллигенція прониклась религіознымъ духомъ, предположено было, чтобы какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ высшихъ преподаваніе основывалось исключительно на религіозныхъ началахъ при полномъ единеніи знанія и вѣры.

Для осуществленія этого плана необходимо было прежде всего поставить во главѣ министерства народнаго просвѣщенія лицо, которое вполнѣ было бы проникнуто этимъ новымъ духомъ правительственнаго вѣянія. Равнодушный къ религіознымъ вопросамъ, склонный къ либерализму и къ тому же крайне мягкій и уступчивый гр. Разумовскій не годился для этого дѣла. Между тѣмъ баронесса Крюднеръ поспѣшила въ Петербургъ вслѣдъ за Александромъ. Здѣсь она была встрѣчена съ восторгомъ въ высшемъ обществѣ толпою религіозныхъ мистиковъ и экстатиковъ, и въ то время какъ изъ другихъ странъ она была изгоняема за свои зажигательныя рѣчи, обращенныя къ народу и произносимыя на площадяхъ, въ Россіи ей было привольно: вокругъ нея тотчасъ же составился мистическій кружокъ горячихъ поклонниковъ ея, людей болѣе или менѣе вліятельныхъ при дворѣ, между которыми наиболѣе выдавались и родственникъ ея баронъ Фитингофъ: камеръ-юнкеръ Александръ Скарлатовичъ Стурдза, отличившійся въ время ахенскаго конгресса своею нѣмецкою брошюрою реакціоннаго характера, направленною противъ германскихъ университетовъ, и принужденный спасаться бѣгствомъ отъ негодованія германской молодежи.

Здѣсь же парадировали извѣстный уже намъ вице-президентъ академіи художествъ и издатель «Сіонскаго Вѣстника» Лабзинъ, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія Василій Михайловичъ Поповъ, о которомъ Стурдза въ своихъ запискахъ говоритъ, что у него «духъ сектъ жалкимъ образомъ омрачилъ слабый разсудокъ», а Вигель характеризуетъ его «кроткимъ изувѣромъ, смирнымъ, простымъ человѣкомъ, котораго однакожъ именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія». Сюда же примкнулъ «заматорѣлый въ мартинизмѣ», по выраженію Стурдзы, В. А. Кошелевъ, и пр. Но главнымъ пріобрѣтеніемъ кружка былъ приближенный съ молодыхъ лѣтъ къ государю князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Получивши при дворѣ Екатерины свѣтское воспитаніе въ духѣ XVIII вѣка, любившій въ молодости и покутить, и пораспут-

ничать и покощунствовать Голицынъ вдругъ переродился подъ вліяніемъ пламенной пропаганды баронессы Крюднеръ, остепенился, принялся за трудъ, отказался отъ суетныхъ забавъ, началъ обуздывать колкость языка, перемѣнилъ всѣ наружные пріемы, бросилъ кощунство и ударился въ благочестивую набожность и мистицизмъ. Вотъ его-то и поставили во главѣ министерства народнаго просвѣщенія (1816 г.), преобразовавши послѣднее въ «министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія» ради единенія вѣры и знанія и для основанія общественнаго воспитанія на религіозныхъ началахъ, какъ объ этомъ сказано было въ манифестѣ 24 октября 1817 года. «*Желая дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія*, признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія, подъ названіемъ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія».

Вслѣдъ затѣмъ было открыто и библейское общество, президентомъ котораго былъ назначенъ все тотъ же князь Голицынъ, а секретаремъ вышеупомянутый В. М. Поповъ, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія. По духу священнаго союза, провозглашавшаго стремленіе къ единенію церквей, въ составъ библейскаго общества были приглашены представители всѣхъ вѣроисповѣданій; здѣсь рядомъ съ митрополитомъ Михаиломъ, ректорами Инокентіемъ и молодымъ тогда еще архимандритомъ Филаретомъ, засѣдали лютеранскіе и англиканскіе проповѣдники и принималъ участіе католическій архіепископъ Сестренцевичъ. Это смѣшеніе вѣръ произвело не малый скандалъ: съ одной стороны православное духовенство открыто роптало и начало организоваться въ враждебную партію, не замедлившую, какъ увидимъ ниже, вступить въ ожесточенную борьбу съ торжествующими мистиками, съ другой стороны—римскій дворъ негодовалъ при видѣ, какъ его уполномоченный духовный сановникъ братается и возсѣдаетъ рядомъ съ еретическими священнослужителями, и папа громилъ Сестренцевича выговорами и угрозами. Но энтузіазмъ былъ такъ силенъ въ лагерѣ мистиковъ, вставшихъ во главѣ правительства, что вся эта оппозиція казалась совершенно безсильною. «Князя Голицына,—говоритъ Струдза:—«обступили многорѣчивые защитники безусловнаго распространенія слова Божія на всѣхъ языкахъ, мимо всякаго церковнаго надзора и съ устраненіемъ всѣхъ вообще истолкованій на божественный текстъ. Шумѣли, увѣряли, что въ идеѣ библейскаго общества—новое изліяніе Св. Духа на всяку плоть, что съ помощью одной книги можно будетъ христіанству расторгнуть обветшалыя пелены, обойтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ и истинѣ...» Однимъ словомъ, мистицизмъ сдѣлался общимъ моднымъ повѣтріемъ. Отдѣленія библейскаго общества начали вскорѣ распространяться по всей Россіи. Воспитанники университетовъ, лицеевъ и другихъ учебныхъ заведеній стали составлять библейскія сотоварищества и христіанскія собранія. «Чтеніе Св. писанія,—говорилъ кн. Голицынъ въ своей рѣчи на засѣданіи библейскаго общества, 27 сентября 1819 года:—распространяется у насъ и между поселянами. Солдаты и матросы сами ищутъ сей пищи духовной. Во внутренности семействъ библія становится правиломъ жизни и ежедневнымъ поученіемъ. Но еще утѣшительнѣйшіе виды представляются нынѣ для отечества нашего: въ сообразность съ волею монаршею вводится теперь чтеніе Св. писанія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ нашимъ, и таковое основаніе послужитъ непремѣнно къ насажденію благочестія въ духѣ возрастающаго поколѣнія, къ созиданію царства Христова на землѣ».

Студенты казанскаго и харьковскаго университета вносили имена свои въ списки членовъ библейскихъ обществъ, и труды свои, писанные въ духѣ этихъ обществъ, помѣщали въ университетскихъ изданіяхъ. При пермской гимназіи открыто было сотоварищество россійскаго библейскаго общества. Ученики пензенской гимназіи устроили христіанскія и литературныя бесѣды, въ которыхъ читались псалмы и разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи и о жизни святыхъ мужей. Даже «*дѣти* великаго Ришельевскаго лицея» учредили между собою библейское сотоварищество для снабженія сверстниковъ своихъ книгами слова Божія. Начальство лицея, вполнѣ сочувствуя «благосклонному подвигу юныхъ сотрудниковъ россійскихъ библейскихъ обществъ», охотно разрѣшило членамъ сотоварищества собираться два раза въ недѣлю. Петербургскій библейскій комитетъ и въ особенности кн. Голицынъ, принимая въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе и ожидая отъ него немаловажной пользы, поручилъ одесскому комитету утвердить существованіе дѣтскаго сотоварищества, принять его подъ особенное свое покровительство и преподать юнымъ сотрудникамъ надлежащее руководство въ ихъ дѣйствіяхъ.

Все это движеніе не замедлило отразиться и на цензурѣ. И не смотря на то, что на мистическихъ собраніяхъ много было рѣчей о любви къ ближнему, братствѣ и единеніи въ духѣ христіанской любви и смиренія, цензурные комитеты того времени представляли собою такой механическій прессъ, который съ систематическою точностью давилъ безъ разбору все, что только ни попадало подъ него. Такъ мы видѣли, что въ началѣ царствованія Александра I прессъ этотъ давилъ масонскія и всякаго рода мистическія сочиненія. Теперь, напротивъ того, подобнаго рода книги начали пользоваться покровительствомъ, вошли въ моду и пропускались цензурою безпрепятственно; въ особенности же поощрялись книги, трактующія о внутреннемъ христіанствѣ, о всеобщемъ братствѣ и единеніи церквей и народовъ, и наполненныя идеями, съ церковной точки зрѣнія вполнѣ еретическими. Въ прежнее время подобныя книги были бы навѣрное задержаны и преданы сожженію; теперь же, по словамъ Стурдзы, «мистики работали день и ночь надъ переводомъ современныхъ духовныхъ сочиненій въ ихъ духѣ. Тогда-то градомъ посыпались на св. Русь разноцвѣтныя творенія подъ самыми странными названіями... Яковъ Бемъ, С. Мартенъ, Эккартсгаузенъ, Юнгъ Штиллингъ выдаваемы были за величайшихъ учителей». Вмѣстѣ съ тѣмъ Лабзинъ возобновилъ свой «Сіонскій Вѣстникъ», запрещенный, какъ мы видѣли, въ 1806 году, и князь Голицынъ освободилъ этотъ излюбленный органъ мистицизма нетолько отъ духовной, но и отъ всякой цензуры, объявивъ, что онъ самъ будетъ цензуровать его.

И въ то же время книги самаго нравственнаго, религіознаго содержанія были останавливаемы цензурой, если въ нихъ заключалась защита одного какого нибудь исповѣданія, несогласная съ стремленіемъ къ единой отвлеченной религіи всего человѣчества. Такъ эстетическія разсужденія Ансильона вызвали полемику, въ которой принялъ участіе архіепископъ рязанскій, но замѣчанія его были задержаны за находившіеся въ *нихъ отзывы о католичествѣ и сужденія о предметахъ, которые могутъ возбудить соблазнъ и слабыхъ повести къ паденію.*

Виленская цензура пропустила «Письма лиссабонскаго раввина къ раввину брестскому». Сочиненіе это вызвало брошюру подъ названіемъ: «Простой отвѣтъ простого христіанина однакожъ вѣрнаго на невѣрное письмо жидовское, недавно

напечатанное въ Вильнѣ, подъ именемъ писемъ раввина лиссабонскаго къ раввину брестскому». Это было еще въ 1813 году, при Разумовскомъ и профессоръ Гродекъ, пропустившій «Письма раввина», получилъ выговоръ отъ министерства. Но очевидно профессоръ чуялъ уже, что мистицизмъ усиливается при дворѣ, и въ отвѣтъ на выговоръ министерства смѣло отвѣчалъ, что «Письма раввина» сочинены были вслѣдствіе оклеветанія общества франкмасоновъ однимъ изъ тамошнихъ проповѣдниковъ, что авторъ «Писемъ» старается доказать, что общество это нетолько не имѣетъ цѣлью сопротивляться святымъ законамъ христіанской религіи, но напротивъ того основнымъ догматомъ своимъ полагаетъ почитаніе христіанства, усердную любовь къ ближнему, призрѣніе страждущихъ, нищихъ и злополучныхъ. Заставляя писать и говорить раввина, авторъ не могъ навязать ему мыслей, противныхъ его состоянію, характеру и религіи. Будучи убѣжденъ въ хорошемъ намѣреніи письма и на основаніи § 21 устава, онъ и далъ цензурное разрѣшеніе.

Въ 1818 году получилъ выговоръ другой виленскій цензоръ Голянскій за пропускъ «Разсужденія, позволительно ли всѣмъ безъ изъятія читать книги Св. писанія, печатаемыя на простонародномъ языкѣ». Разсужденіе направлено было противъ только что открывшагося въ Вильнѣ отдѣленія библейскаго общества и сильно ему повредило. Цензоръ Голянскій ограничился уклончивымъ объясненіемъ, что замѣчанія о чтеніи библіи пропущены имъ потому, что касаются только римско-католическаго исповѣданія, а римская церковь не допускаетъ свободнаго чтенія книгъ Св. писанія *).

II.

Между тѣмъ мрачныя тучи реакціи все болѣе и болѣе сгущались на европейскомъ горизонтѣ. Національное движеніе въ Германіи, Тугендбундъ, Вартбургскій съѣздъ, убійство Коцебу въ 1819 г., покушеніе аптекаря Лессинга на жизнь президента Ибелля и еврейскіе погромы, воздвигнутые взволнованными массами, все это возбуждало въ правительственныхъ сферахъ Европы стремленіе къ репрессивнымъ мѣрамъ. Въ этихъ видахъ австрійское правительство созвало представителей нѣмецкихъ государствъ въ Карлсбадъ для совѣщаній о противодѣйствіи общими силами угрожающимъ бѣдамъ. Карлсбадскія конференціи происходили съ чрезвычайною таинственностью, но рѣшенія выработанныя ими заявлены были франкфуртскому сейму и обнародованы отъ лица представителей германскихъ государствъ. Душою, какъ карлсбадскихъ конференцій, такъ и сейма, была Австрія и ея государственные люди, во главѣ которыхъ стоялъ Меттернихъ. Главное вниманіе было обращено на два существенныя орудія просвѣщенія, въ которыхъ предполагали источники всѣхъ революціонныхъ золъ—университеты и прессу. И вотъ для обузданія этихъ учрежденій были предложены слѣдующія мѣры: назначить уполномоченныхъ отъ правительства для наблюденія за университетскимъ преподаваніемъ, равно и за преподавателями въ ихъ общественной и частной жизни. Правительства взаимно обязуются немедленно удалять отъ должности преподавателей, имѣющихъ вредное вліяніе на юношество, и удаленный отъ должности не можетъ снова быть преподавателемъ ни въ одномъ изъ союзныхъ госу-

*) «Изсл. ист. по р. л.», т. I, стр. 423.

дарствъ. Никакія тайныя общества не могутъ быть терпимы въ университетахъ и лицо, принадлежащее къ нимъ, лишается права опредѣленія въ какую бы то ни было оффиціальную должность. Студентъ, исключенный изъ одного университета, не можетъ быть принятъ ни въ какой другой изъ нѣмецкихъ университетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена была комиссія для изслѣдованія демагогическихъ революціонныхъ замысловъ и предположено безотлагательно обнародовать однообразныя постановленія по дѣламъ книгопечатанія.

Всѣ эти чрезвычайныя мѣры не замедлили отразиться и въ нашей жизни. Какъ вѣрный членъ священнаго союза, Россія, побѣдительница Наполеона и освободительница Европы, сдѣлалась теперь покорною рабою Австріи и шла на помочахъ Меттерниха. Такъ послѣ франкфуртскаго сейма мы видимъ у насъ ту же наклонность къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, предпринятымъ совершенно по плану карлсбадскихъ конференцій.

Первымъ дѣломъ вмѣстѣ съ вступленіемъ въ министерство князя Голицына, составъ членовъ Главнаго правленія училищъ совершенно измѣняется: главную роль начинаютъ здѣсь играть доблестные рыцари и сподвижники мистицизма и меттерниховской реакціи: баронъ Фитингофъ, Стурдза и наиболѣе прославленные герои и представители этой эпохи Магницкій и Руничъ.

Имена Магницкаго и Рунича постоянно ставятся рядомъ, какъ двойники въ своемъ служеніи мракобѣсію своего времени. Но между ними была существенная разница и одинъ нисколько не походилъ на другого. Невѣжественный, крайне ограниченный, изъ сержантовъ гвардіи второго періода екатерининскаго царствованія, Руничъ былъ узколобый изувѣръ, ханжа и вполнѣ искренній реакціонеръ, который впродолженіи всей своей жизни никогда и не былъ и не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ самымъ Руничемъ, который усмирялъ вятскихъ крестьянъ и потомъ засѣдалъ въ качествѣ попечителя округа на судѣ опальныхъ профессоровъ петербургскаго университета. Совершенно не таковъ былъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. Это былъ отнюдь не мистикъ и не изувѣръ въ своей душѣ, въ которой впрочемъ очень трудно было найти что бы то ни было святое, чему бы онъ поклонялся и чѣмъ бы дорожилъ. Это былъ хамелеонъ, которой съ идеальною послѣдовательностью исповѣдывалъ ту религію, которая была въ силѣ сегодня, и безцеремонно, открыто измѣнялъ ей завтра, предвидя ея паденіе. Довольно сказать, что получивъ первоначальное образованіе въ московскомъ университетѣ и довершивъ его за-границей, въ Вѣнѣ и въ объятомъ революціею Парижѣ, по возвращеніи оттуда въ отечество Магницкій, по словамъ Вигеля, носилъ якобинскую дубинку съ серебряною бляхою и съ надписью «droits de l'homme». Потомъ, въ эпоху comité du salut public онъ былъ усерднымъ англоманомъ и конституціоналистомъ, а послѣ тильзитскаго мира сдѣлался отчаяннымъ обожателемъ Наполеона, вкрался въ довѣренность Сперанскаго, сдѣлался правою рукою его во всѣхъ реформахъ и оказывалъ при этомъ такое горячее рвеніе что при паденіи Сперанскаго его самого сослали въ Вологду, гдѣ онъ и оставался въ административной ссылкѣ съ 1812 по 1816 годъ. Но по словамъ біографа Магницкаго г. Ѳеоктистова, «онъ не упалъ духомъ: получивъ возможность снова начать службу, рѣшился онъ достигнуть, во что бы то ни стало, предположенной имъ цѣли, не гнушаясь никакими средствами, служа самымъ противнымъ убѣжденіямъ». «Изображать,—прибавляетъ къ этому біографъ: — его дѣятельность въ это время значило бы рисовать картину темныхъ интригъ, клеветъ, доносовъ, неблаговидныхъ отношеній его къ различнымъ лицамъ, отъ которыхъ ожи-

далъ онъ покровительства и милости». Вотъ этими-то доблестными путями послѣ непродолжительной службы въ качествѣ воронежскаго вице-губернатора онъ вкрался въ довѣренность князя Голицына, прикинулся самымъ набожнымъ мистикомъ и былъ сдѣланъ членомъ Главнаго правленія училищъ. Какъ на образецъ, какими путями вкрался Магницкій въ довѣренность князя Голицына, біографъ указываетъ на анонимное письмо, полученное симбирскимъ отдѣленіемъ библейскаго общества въ бытность Магницкаго вице-губернаторомъ въ Воронежѣ. Въ письмѣ этомъ предлагается библейскому обществу заняться истребленіемъ всѣхъ безбожныхъ книгъ и такимъ образомъ превратиться въ центральное инквизиціонное судилище для литературы. Біографъ дѣлаетъ при этомъ не лишенную основанія догадку, что судя по слогу и содержанію, письмо это не могло принадлежать никому иному какъ Магницкому.

Прибавьте ко всему этому привлекательную наружность, высокій ростъ, голубые умные глаза (какъ описываетъ его Лажечниковъ въ своихъ запискахъ), увлекательный даръ слова и передъ вами предстанетъ самъ Тартюфъ съ головы до ногъ, полный, воплощенный идеалъ этой тартюфской эпохи всеобщаго ханжества, лицемѣрія и предательства.

Первое распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія при князѣ Голицынѣ заключалось въ томъ, что не довольствуясь Главнымъ правленіемъ училищъ и цензурными комитетами, образовали еще одно полупедагогическое, полуцензурное вѣдомство—именно Ученый комитетъ. Членами его были назначены графъ Лаваль, Стурдза и академикъ Фусъ; сверхъ того комитету предоставлено было приглашать по мѣрѣ надобности въ свои засѣданія юрьевскаго архимандрита Иннокентія. Ученый комитетъ долженъ былъ разсматривать всѣ книги, издаваемыя для учебныхъ заведеній, и сверхъ того выражать свои сужденія о книгахъ всякаго рода, входящихъ къ министру по разнымъ случаямъ и для разныхъ предметовъ, равно и проектовъ или предположеній по ученой части. Стурдза написалъ подробную инструкцію для Ученаго комитета, въ которой Комитету вмѣнялось въ обязанность при одобреніи учебныхъ пособій и руководствъ наиболѣе строго слѣдить за тѣмъ, чтобы въ преподаваемыхъ наукахъ было сохраняемо тѣсное единеніе между знаніями и вѣрою. На этомъ основаніи комитетъ «былъ обязанъ допускать въ преподаваніи только тѣ книги о нравственной философіи и умозрительномъ законодательствѣ, которыя не отдѣляютъ нравственности отъ вѣры; книги же, учащія мнимой добродѣтели безъ всякаго указанія на единственный ея источникъ, а равно и теоріи о естественномъ правѣ, о первобытномъ состояніи, въ которомъ человѣкъ уподоблялся животнымъ, должны быть отвергаемы. Ученіе о первобытномъ состояніи человѣка можетъ излагаться лишь въ видѣ гипотезы, неосновательность которой надлежитъ сдѣлать очевидною, подобно тому какъ въ географіи полагаются линіи на земномъ шарѣ для удобнѣйшаго исчисленія временъ и разстояній. Историческія книги должны, сколько возможно, возвѣщать о единствѣ исторіи, столь поучительномъ для ума и сердца учащихся; частое указаніе на дивный и постепенный ходъ богопознанія въ человѣческомъ родѣ и вѣрная синхронистика съ священнымъ бытописаніемъ и эпохами церкви, должны напоминать учащимся высокое значеніе и спасительную цѣль науки. Въ преподаваніи естественныхъ наукъ отстраняются всѣ суетныя догадки о происхожденіи и переворотахъ земного шара и все вниманіе обращается на ясность, порядокъ и полноту методы. Физическія и химическія книги должны распространять полезныя свѣдѣнія безъ всякой примѣси надменныхъ умствованій, порождаемыхъ во вредъ

истинамъ, неподлежащимъ опыту и раздробленію. Въ руководствѣ по физіологіи, патологіи и сравнительной анатоміи не должно вкрадываться ученіе, низвергающее духовный санъ человѣка, внутреннюю его свободу и высшее предопредѣленіе въ будущей жизни», и т. д. *).

На основаніи этой инструкціи Ученый комитетъ приступилъ къ строгому изслѣдованію учебныхъ руководствъ и пособій и отысканію въ нихъ всяческихъ ересей. Укажемъ на наиболѣе выдающіяся распоряженія его въ этомъ родѣ.

Въ 1820 году директоръ царскосельскаго лицея генералъ Энгельгардтъ обратился къ министру съ просьбою поднести императору экземпляръ только что изданнаго Куницынымъ сочиненія «*Право естественное*». Голицынъ препроводилъ эту книгу въ Ученый комитетъ, гдѣ академикъ Фусъ одобрилъ было эту книгу къ поднесенію государю, но черезъ нѣсколько дней Руничъ поспѣшилъ представить о ней самый жестокій приговоръ:

«Вся книга, писалъ онъ —есть ни что иное, какъ пространный кодексъ правъ, присвояемыхъ какому-то естественному человѣку, и опредѣленій, совершенно противуположныхъ ученію Св. откровенія. Вездѣ чистыя начала какого-то непогрѣшимаго разума признаются единственною законною повѣркой побужденій и дѣяній человѣческихъ. Здѣсь мірогражданство по существу своему почитается происходящимъ изъ тѣхъ же началъ, на коихъ основано и самое право естественное. Здѣсь утверждается, что нѣтъ истинъ самостоятельныхъ, по которымъ бы опредѣлять возможно было понятіе о добрѣ и злѣ, о позволенномъ и непозволенномъ. Здѣсь говорится о какомъ-то внутреннемъ чувствѣ, похожемъ на совѣсть. Здѣсь утверждается, что совокупленіе людей для достиженія общей цѣли не можетъ иначе произойти, какъ черезъ договоръ, ибо никто не имѣетъ первоначальнаго права принуждать другихъ желать того, чего самъ желаешь и дѣйствовать для цѣлей, имъ назначенныхъ. Здѣсь супружество почитается союзомъ между двумя лицами различнаго пола для *исключительнаго сожитія* (часть II, листъ 29, § 285). Здѣсь допускается наложничество, названное бракомъ, заключеннымъ *на временное сожитіе,* по началамъ права не признаваемое незаконнымъ, но только противнымъ почему-то какой-то нравственной природѣ человѣка. Въ случаѣ же брака между такими лицами предполагается, что какое-то благородное чувствованіе родственнаго расположенія пожертвовано будетъ какому-то другому чувствованію низшаго разряда, хотя, впрочемъ, по началамъ естественнаго права доказать и нельзя, существуетъ ли въ природѣ врожденное отвращеніе между восходящими и нисходящими родственниками, между братьями и сестрами. Ниже (§ 306) одна должность воспитывать дѣтей признается основаніемъ родительской власти надъ дѣтьми; а въ § 310 опредѣляется срокъ родительской власти, которая должна уменьшиться, когда сіи получатъ достаточныя силы къ труду и употребленіе разума, при которомъ могутъ уже располагать своими поступками сами, и потому выходятъ изъ родительской власти, а родители перестаютъ имѣть должность ихъ воспитывать. Право сіе о бракѣ, власти родительской и повиновеніи дѣтей высокое существо такого естественнаго человѣка заимствуетъ отъ животныхъ безсловесныхъ. Се человѣкъ сей!..»

Въ заключеніе же своей записки Руничъ восклицаетъ: «Злой духъ тьмы носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка въ мірѣ. Счастливымъ почту себя, если по слову одного почтеннаго соотечественника, вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова».

Большинство членовъ Главнаго правленія училищъ тотчасъ же согласилось съ мнѣніемъ Рунича. Книгу Куницына нетолько не признали достойною къ поднесенію Государю, но она была запрещена, изъята изъ продажи и отобрана, какъ изъ библіотекъ такъ и отъ частныхъ лицъ, успѣвшихъ ее пріобрѣсти. Происшествіе это имѣло ту важность, что особенное вниманіе правительства было обращено съ этихъ поръ на преподаваніе естественнаго права. Положено было вытребовать отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній руководства письменныя или печатныя по естественному праву и, разсмотрѣвъ ихъ, составить руководство, обязательное

*) «Изсл. ист. по р. лит.», т. I, стр. 194—195.

для всѣхъ, основанное на уваженіи къ религіи и существующему порядку. Но Магницкій и Руничъ не были согласны съ этимъ послѣднимъ опредѣленіемъ Главнаго правленія. «Достаточно и неоспоримо доказана,—утверждали они:—«совершенная ничтожность мнимой науки естественнаго права, не говоря уже объ явномъ вредѣ отъ произвольнаго преподаванія и лживыхъ толковъ, столь удобно входящихъ въ составъ ученія, съ нѣкотораго времени токмо вымышленнаго, и безъ коего римская, французская и другія монархіи впродолженіе многихъ столѣтій славились своимъ правовѣдѣніемъ и знаменитыми правовѣдцами». Посему предлагали они «запретить безусловно преподаваніе естественнаго права, не отлагая далѣе, нынѣ же во всемъ государствѣ». Магницкій хлопоталъ объ этомъ во все время своей силы, до самаго своего паденія *).

Если не полному запрещенію, то изгнанію изъ учебныхъ заведеній подверглись слѣдующія книги по распоряженію Ученаго комитета.

«*Всеобщая мораль или должности человѣка, основанныя на его природѣ*». По доносу Рунича книга эта есть полная система языческаго мудрованія, кодексъ суетной нравственности. Она составлена изъ мнѣній языческихъ и новѣйшихъ философовъ, и цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы научить мнимой добродѣтели, не признавая единственнаго ея источника и обѣщая блаженство вести къ заблужденію».

«*Начертаніе метафизики*» казанскаго профессора Лубкина. Здѣсь усмотрѣно желаніе автора согласить два рѣшительно противоположныя начала: вѣру, утверждающуюся на откровеніи, и изслѣдованія разума, ищущаго въ самомъ себѣ рѣшенія какъ относительно предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, такъ и для самыхъ отвлеченныхъ идей, восходящихъ за его предѣлы. Многія мѣста въ метафизикѣ, удовлетворительно отвергая безбожіе, говорятъ о благонамѣренности автора; другія же напротивъ того исполнены заблужденій, ложныхъ началъ и служатъ доказательствомъ той истины, что разумъ въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ сверхчувственныхъ, ограничиваясь однимъ только разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ видимой природы, неспособенъ простирать виды свои въ міръ безтѣлесный. Многія мѣста, неопредѣленныя и подлежащія произвольному толкованію, дѣлаютъ книгу Лубкина подозрительною.

«*Логическія наставленія, руководствующія къ назначенію и различію истиннаго отъ ложнаго*» профессора петербургскаго университета Лодія признаны «опаснѣйшими по нечестію и разрушительнымъ началамъ». Въ доносѣ упомянуто и о томъ, что авторъ, превосходя открытостью нечестія и Куницына и Галича, въ одномъ изъ университетовъ нашихъ занимаетъ мѣсто декана и преподаетъ естественное право.

«*Пустынникъ или путь, ведущій къ царствію славы*», сочиненіе Строителева, представленное въ рукописи, отвергнуто Ученымъ комитетомъ на основаніи того плачевнаго опыта, что неудачное защищеніе истины гораздо вреднѣе своими послѣдствіями, нежели жесточайшія нападенія нечестія и разврата.

«*Книга о должностяхъ гражданина и человѣка*», изданная для народныхъ училищъ и употреблявшаяся въ нихъ съ 1783 года, составленіе которой приписываютъ извѣстному педагогу екатерининскихъ временъ Янковичу де-Миріево, а иные считаютъ ее произведеніемъ самой императрицы, была изъята изъ употребленія по предложенію одного изъ членовъ Главнаго правленія училищъ, который

---

*) «Матеріалы для ист. просв. въ Россіи. I. Магницкій», Е. Ѳеоктистова, стр. 9—18.

предложилъ, что не нужно дѣтямъ читать о должностяхъ «человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ». Вслѣдствіе этого предложенія по приказанію министра всѣ экземпляры этой книги изъ училищъ были отобраны и директору департамента министерства Попову велѣно было продать ихъ по 50 к. за пудъ бумажному фабриканту съ тѣмъ, чтобы «никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу». Вмѣсто же этой книги Ученымъ комитетомъ предписано ввести въ употребленіе по всѣмъ училищамъ «чтеніе изъ евангелистовъ».

Курсъ всеобщей исторіи профессора Зябловскаго былъ запрещенъ къ употребленію во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ былъ принятъ въ руководство, на тѣхъ основаніяхъ, что это есть ни что иное, какъ «сборище, сдѣланное съ большою поспѣшностью безъ выбора и соразмѣрности», что въ книгѣ «находится множество ложныхъ мнѣній, несообразностей и неприличій; авторъ, слишкомъ распространяясь о предметахъ маловажныхъ, вскользь упоминаетъ о важнѣйшихъ, требующихъ особеннаго вниманія историка».

Даже въ руководствѣ къ познанію исторіи Кайданова найдено было два сомнительныхъ мѣста, а именно: «отъ одной пары, Богомъ сотворенной, люди размножились», и «гоненіе на христіанъ, бывшее въ Трояново время, должно кажется приписать болѣе тому, что послѣдователи ученія Христова были тогда смѣшиваемы съ іудеями, производившими вездѣ возмущенія».

Рвеніе Ученаго комитета дошло, наконецъ, до того, что даже прописи, употребляемыя въ училищахъ, подверглись передѣлкѣ въ отношеніи, какъ почерка, такъ и помѣщенныхъ въ нихъ примѣровъ. Для новаго изданія прописей взяты изреченія изъ книги о подражаніи Христу и чтенія четырехъ евангелистовъ; изреченій же нравственно-философскихъ «комитетъ не принялъ, желая и въ прописяхъ ознакомить учащихся съ единою на потребу истинною нравственностію христіанскою» *).

III.

Одновременно со всѣмъ этимъ предприняты были строжайшія мѣры по отношенію къ университетамъ. Такъ первымъ дѣломъ правительство озаботилось спасти русское юношество отъ вреднаго вліянія германскихъ университетовъ, на которые смотрѣли въ то время, какъ на главные разсадники всѣхъ революціонныхъ идей, и гдѣ гнѣздилась ненавистная философія. Наиболѣе вредными считали университеты іенскій, вюрцбургскій, гессенскій, берлинскій, кенигсбергскій, но всѣхъ ихъ по своей ядовитости превышалъ гейдельбергскій, игравшій такую же роль въ глазахъ Магницкихъ и Руничей, какая выпала 50 лѣтъ спустя на долю цюрихскаго университета, несмотря на то, что профессорà и студенты гейдельбергскаго университета нетолько не подымали народныхъ волненій, но принимали непосредственное участіе въ водвореніи порядка: такъ во время еврейскаго погрома университетскій совѣтъ дѣйствовалъ за одно съ магистратомъ, и студенты подъ предводительствомъ профессоровъ разсѣяли толпу, буйствовавшую въ еврейскихъ домахъ.

Тѣмъ не менѣе управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ слѣдующимъ представленіемъ:

---

*) «Изсл. ист. по р. лит.», т. I, стр. 202.

«Обнаружившійся въ послѣднее время развратный духъ и пагубныя правила въ разныхъ университетахъ Германіи обратили на себя особенное вниманіе тамошнихъ правительствъ, вслѣдствіе чего на конгрессѣ, бывшемъ въ Карлсбадѣ, сдѣлано новое постановленіе объ университетахъ, утвержденное потомъ на общемъ сеймѣ полномочныхъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Хотя постановленіе это имѣетъ главною цѣлью лучшее устройство университетовъ и истребленіе вкравшихся въ нихъ безпорядковъ, особливо же искорененіе распространившихся вредныхъ правилъ; но тѣмъ не менѣе изъ послѣднихъ донесеній миссій нашихъ видно, что принятыя вновь мѣры, вѣроятно отъ слабаго исполненія во многихъ мѣстахъ не имѣли еще желаемаго успѣха. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ находящійся въ баденскихъ владѣніяхъ университетъ гейдельбергскій, считающійся въ настоящее время опаснѣйшимъ во всей Германіи, съ одной стороны по вольнодумству тамошнихъ наставниковъ, научающихъ всѣмъ мятежнымъ правиламъ и проповѣдующихъ самое невѣріе, а съ другой — по духу буйства и развращенія, поселившагося между питомцами. При такомъ положеніи университета прискорбно видѣть, что изъ 84 человѣкъ, отправленныхъ изъ остзейскихъ губерній за-границу для окончательнаго образованія, около трети находится въ Гейдельбергѣ».

Вслѣдствіе этого отношенія министерства иностранныхъ дѣлъ рижскому военному губернатору поручено было дѣлать частные совѣты и увѣщанія родителямъ и опекунамъ, чтобы отзывали молодыхъ людей изъ германскихъ университетовъ и перемѣщали ихъ въ русскіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ министровъ, полагая, что и въ тѣхъ германскихъ университетахъ, въ которыхъ наставники не осмѣливаются явно преподавать слушателямъ своимъ правила мятежа и нечестія, втайнѣ внушаютъ ихъ, и при общемъ духѣ, господствующемъ въ Германіи, нельзя ручаться, что тѣ же самыя обстоятельства, которыя случились въ Гейдельбергѣ, не встрѣтились бы въ скоромъ времени въ томъ или другомъ нѣмецкомъ университетѣ; поэтому, въ какой бы изъ тамошнихъ университетовъ ни было перемѣщено наше юношество, вездѣ должно ожидать одинаковыхъ послѣдствій. Для отвращенія ихъ комитетъ положилъ отозвать изъ всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ русскихъ студентовъ, поставивъ къ тому причиною, что университеты и другія ученыя заведенія въ Россіи достигли уже той степени, что нѣтъ никакой нужды русскому юношеству обучаться въ иностранныхъ училищахъ *).

Въ то время какъ германскіе университеты, по образцу которыхъ были устроены въ либеральный періодъ александровской эпохи и наши, возбуждали такую необузданную ненависть въ нашихъ реакціонерахъ, идеаломъ ихъ сдѣлались французскіе университеты дореволюціоннаго періода, съ ихъ строгою клерикальною дисциплиною. Такъ въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» 1821 г., въ октябрьской книжкѣ была помѣщена статейка «Нѣчто объ иностранныхъ университетахъ», подписанная «Изъ Саратова», въ которой вотъ въ какихъ краскахъ рисуются порядки французскихъ университетовъ въ противоположность развращенности германскихъ:

«Нынѣ въ нѣкоторой части Европы буйная мода почитаетъ университеты какими-то вставочными въ гражданскій порядокъ республиками. Послѣ распутствъ и вольнодумства вѣка Людовика XV, лѣтъ за шесть до революціи во французскихъ университетахъ было совсѣмъ другое правило. Въ шесть часовъ утра, по первому удару колокола входилъ въ спальную студентовъ ихъ инспекторъ, привѣтствуя ихъ словами: «Слава Отцу и Сыну и Св. Духу»; они отвѣчали: «Аминь». Затѣмъ ударялъ второй звонокъ: прилежнѣйшіе шли въ домашнюю церковь и тамъ въ молчаніи, на колѣняхъ передъ алтаремъ молились. По третьему звонку, всѣ студенты входили въ аудиторію по два въ рядъ и читали вслухъ: «Помилуй мя, Боже!» Каждый профессоръ (вѣроятно и философіи) передъ началомъ своей лекціи становился на колѣни и призывалъ на себя и слушателей своихъ небеснаго духа премудрости и разума. Экзаменъ на ученыя степени происходилъ въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ; экзаменаторы подъ предсѣдательствомъ ректора сидѣли за столомъ, который также покрытъ былъ

*) Ibid. стр. 186—188.

чернымъ сукномъ и на которомъ посреди двухъ зажженныхъ большихъ свѣчъ стояло распятіе... «Что касается до ошибки тѣхъ судей,—заключаетъ авторъ:—и которые почитаютъ введеніе христіанскихъ установленій въ университеты и другія учебныя заведенія какою-то странною и небывалою новостью, то ошибка эта происходитъ единственно оттого, что они принимаютъ лоскутъ земли Сѣверной Германіи за цѣлый просвѣщенный міръ» *).

Вотъ во имя подобнаго идеала и начались тѣ знаменитые въ нашей исторіи университетскіе погромы, которыми ознаменовались послѣдніе годы царствованія Александра I.

Первый погромъ обрушился на казанскій университетъ въ 1819 году, вслѣдствіе полученныхъ кн. Голицынымъ доносовъ на крайне распущенное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе этого университета *). Въ виду этихъ доносовъ кн. Голицынъ съ высочайшаго разрѣшенія поручилъ Магницкому произвести тщательную и полную ревизію казанскаго университета какъ ученой, такъ и хозяйственной части, причемъ во время ревизіи Магницкому предоставлены были права попечителя учебнаго округа, а послѣ нея онъ былъ окончательно утвержденъ въ этой должности.

Въ результатѣ этой ревизіи Магницкій нашелъ полную несостоятельность университета во всѣхъ отношеніяхъ: хозяйственную часть крайне запущенною и веденіе ея небрежное до послѣдней степени; на засѣданіяхъ совѣтовъ раздѣленіе на партіи; раздоры и пререканія, доходящіе до того, что прохожіе, слыша споры и крики профессоровъ, останавливаются толпами подъ окнами совѣта; на каѳедрахъ господство опаснаго духа свободомыслія, непростительно снисходительные для студентовъ экзамены на подкладкѣ взяточничества, вольнодумство, развратъ и буйство въ студентческихъ кружкахъ и деморализацію профессоровъ какъ въ общественной ихъ дѣятельности, такъ и въ частной жизни. Особенно поразило Магницкаго то, что каѳедра богословія пребывала вакантною и студенты оказывались крайне слабыми въ законѣ Божіемъ.

«Признаюсь вашему сіятельству,—писалъ онъ въ докладѣ своемъ министру: — что, не взирая на вопль ученыхъ и полуученыхъ цѣлой Европы противъ намѣренія основать зыблющійся храмъ паукъ на единомъ твердомъ краеугольномъ камени я не постыдился спросить у студентовъ. наученныхъ профессоромъ философіи управляться *нравственнымъ закономъ*, слыхали ли что-либо о законѣ Божіемъ, письменномъ и откровенномъ, и къ величайшему удивленію нашелъ, что многіе изъ нихъ не знаютъ числа заповѣдей; другіе отвѣчали мнѣ, что Богъ написалъ ихъ на двухъ, а не на трехъ скрижаляхъ, потому что такъ Ему было угодно; и несмотря на то, что въ росписаніи занимаются они якобы разборомъ Одиссеи, ни одинъ изъ тѣхъ, коихъ вопрошалъ я, не знаетъ, что значитъ слово *евангеліе*. Между тѣмъ какъ сочиненія Вольтера выбросилъ я изъ библіотеки, отобранной для чтенія студентовъ ихъ инспекторомъ».

Въ доказательство, какимъ опаснымъ духомъ пропитано было преподаваніе въ университетѣ, Магницкій представилъ на благоусмотрѣніе министра рѣчь, подъ заглавіемъ «*Разсужденія о разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ*», которая произнесена была въ 1817 году профессоромъ философіи Іосифомъ Срезневскимъ. Наиболѣе зловреднымъ въ этой рѣчи Магницкій нашелъ то, что профессоръ считаетъ внушенія разсудка и прирожденный человѣку инстинктъ достаточными руководителями въ нравственномъ чувствѣ. «Къ чему же въ такомъ случаѣ,— спрашиваетъ онъ:— служитъ законъ откровенной религіи?»

*) Ibid., стр. 188—189

**) Свѣдѣнія о казанскомъ погромѣ заимствованы мною изъ сочин. г. Е. Ѳеоктистова: «Магницкій».

Какъ образцы нравственной деморализаціи профессоровъ Магницкій приводитъ такіе факты, что профессоръ N былъ соблазнительной игрушкой (?) въ домахъ здѣшнихъ помѣщиковъ; дочери статскаго совѣтника N открыто предавались постыднѣйшимъ распутствамъ и одна изъ нихъ приходила къ студентамъ въ кучерскомъ платьѣ; профессоръ N, не успѣвши выдать одну изъ этихъ дочерей за профессора N, женившагося на кухаркѣ, велѣлъ бросить цѣлый возъ нечистоты у воротъ его; онъ же на лекціяхъ древностей представлялъ изъ себя Юпитера съ тремя граціями, коими были три студента; въ другой разъ, стоя на креслахъ, изображалъ Юпитера громовержца, и адъюнктъ N, давая лекціи на дому, въ преподаваніи фармацéи вводилъ непристойные разсказы и часто оканчивалъ свои уроки тѣмъ, что студенты напивались съ нимъ до-пьяна».

Не менѣе мрачными красками рисуетъ Магницій поведеніе студентовъ. «16-го мая 1807 года,—говоритъ онъ въ своей запискѣ:—«студентъ К. обругалъ публично въ университетскомъ саду жену инспектора Яковкина, да лично наговорилъ ему грубостей, такъ что Яковкинъ призналъ за нужное для охраненія спокойствія поставить на всю ночь пикетъ изъ четырехъ рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ, а на другой день посланъ былъ отъ гражданскаго губернатора частный приставъ Потто для прекращенія безпорядка». Неблагопристойное поведеніе студентовъ и воспитанниковъ, по словамъ Магницкаго, достигло высшей степени, они наводятъ соблазнъ въ церквахъ во время богослуженія и нарушаютъ порядокъ въ храмѣ Божіемъ; стороннія особы жалуются на сіе попечителю. Въ 1812 году казанская градская полиція просила удержать студентовъ, дабы не пускали въ городѣ ракетъ; 8-го іюля 1816 года студенты въ пьяномъ видѣ разбили ночной дозоръ; 8-го сентября 1814 г., когда инспекторъ входилъ въ университетскій садъ ночью, то нарочно поставленными отъ студентовъ и обрушившимися на него кольчугами, камнями, горшками, наполненными стеклами и разною нечистотою, былъ раненъ въ плечо и голову, на что жаловался онъ и попечителю, который находился тогда въ Казани; 26-го іюня 1815 года студентъ Б. высѣкъ крапивою въ саду дочь университетскаго солдата и т. п.

Въ виду всѣхъ этихъ безпорядковъ Магницкій пришелъ къ слѣдующему заключенію:

«Казанскій университетъ, пользовавшійся всѣми правами и преимуществами, ему присвоенными и свято со стороны правительства сохраненными, нарушившій, съ своей стороны, коренныя обязанности свои и тѣмъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ разодравшій грамоту, ему дарованную условно (ибо утвержденъ совокупно съ нею и уставъ, обязанности его опредѣляющій), злоупотребившій сумму 2 милліона рублей (израсходованную на университетъ со времени его основанія, 5-го ноября 1805 г.), причинившій очевидный вредъ не только отъ себя непосредственно, но и въ обширномъ округѣ, по непреложной справедливости и по всей строгости правъ, подлежитъ уничтоженію».

Но правительство не согласилось съ этою радикальною мѣрою, а ограничилось лишь преобразованіемъ университета и устраненіемъ всѣхъ безпорядковъ. Съ этою цѣлью Магницкому была прислана по высочайшему повелѣнію отъ Главнаго правленія училищъ инструкція, заключающаяся въ томъ, чтобы 1) ввести при казанскомъ университетѣ преподаваніе богопознанія и христіанскаго ученія, опредѣливъ для сего наставника изъ духовныхъ. 2) Нѣкоторыхъ профессоровъ совершенно уволить отъ занимаемыхъ ими должностей, другихъ перевести на такія каѳедры, которыя болѣе соотвѣтствуютъ ихъ способностямъ. 3) Для экономической, полицейской и нравственной части опредѣлить при университетѣ особаго чиновника подъ наименованіемъ директора подобно тому, какъ назначено сіе

при с.-петербургскомъ университетѣ. 4) Попечителю предоставить заняться составленіемъ проекта лучшаго образованія гимназіи, которая замѣнила бы собою и нынѣшнюю императорскую гимназію и народное училище.

Результатомъ этой инструкціи и былъ погромъ, учиненный Магницкимъ въ казанскомъ университетѣ ради искорененія въ стѣнахъ его всѣхъ зловредныхъ плевелъ. Первымъ дѣломъ тотчасъ послѣ ревизіи были удалены изъ Казани одиннадцать профессоровъ, вслѣдствіе неблагонадежности или по недостатку знаній; но Магницкій не удовольствовался этою мѣрою, и когда онъ утвержденъ былъ въ званіи попечителя, онъ тотчасъ же приступилъ къ искорененію зла съ корнями и къ удаленію изъ университета всѣхъ членовъ, мало-мальски заподозрѣнныхъ въ либерализмѣ. Первою изъ такихъ жертвъ Магницкаго былъ лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ. Изъ представленной имъ программы на 1820—21 годъ оказалось, что онъ намѣревался знакомить своихъ слушателей съ образцовыми произведеніями германской литературы по хрестоматіи Гельстрета. Въ книгѣ же этой Магницкій усмотрѣлъ многія мѣста, предосудительныя для юношества. Такъ напримѣръ, о Фридрихѣ Великомъ сказано было слѣдующее: «Онъ не принялъ религіи праотцовъ своихъ, находя въ ней, какъ онъ думалъ, нѣкоторыя несообразности, дѣлавшія ее въ его глазахъ презрѣнною, и открывая въ ея почитателяхъ и учителяхъ разныя нелѣпости и пороки, которые возбуждали въ немъ отвращеніе и къ самой системѣ»... «Выборъ столь дурной книги,—доносилъ Магницкій министру:—свидѣтельствуетъ ясно о неблагонадежности Лейтера, а потому я имѣю честь представить вашему сіятельству объ увольненіи его изъ университета. А такъ какъ Лейтеръ содержитъ благородный пансіонъ, то я полагалъ бы требовать отъ директора мнѣніе, можно ли безъ вреда воспитывающимся у него дѣтямъ, по симъ правиламъ воспитателя, у него оставаться?» Лейтеръ былъ немедленно уволенъ изъ университета и лишился права содержать пансіонъ.

Такая же участь постигла и профессора естественнаго права Солнцева. Магницкій поспѣшилъ представить министру нѣсколько выписокъ изъ его курса, сопровождая ихъ своими замѣчаніями. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ:

«Всякій человѣкъ властенъ употреблять принужденія для приведенія въ дѣйство своего права противъ несправедливости, какъ препятствующей не только своей, но и внѣшней общей свободѣ, которая при несправедливости существовать не можетъ.

«Единственно великому философу Эммануилу Канту было предоставлено имѣть единственное вліяніе на естественное право. Онъ одинъ основалъ и опредѣлилъ его существенно, признавая вообще практическій разумъ законодателемъ свободы, общимъ источникомъ правоученія и естественнаго права.

«Религія (Богопочитаніе) есть практическое представленіе нашего отношенія къ Богу, а свобода религіи въ юридическомъ смыслѣ есть власть поступать сообразно своимъ убѣжденіямъ, касающимся до религіи».

Примѣчаніе Магницкаго: Сіи три § опровергаютъ совершенно всѣ основанія общества и церкви.

«Всякое общество основывается на договорѣ соединенія (pactum unionis), ибо оно происходитъ отъ соединенія воли многихъ къ достиженію общей цѣли; но одинъ человѣкъ не имѣетъ права ограничивать поступки другихъ въ разсужденіи чего-либо противъ ихъ воли, исключая тѣ случаи, когда будутъ нарушены права его».

Примѣчаніе Магницкаго: Продолженіе совершенно революціонныхъ началъ.

«Права и обязанности супруговъ равны: въ свойствѣ супружескаго союза не можетъ находиться никакой причины по которой бы одному изъ супруговъ прилично было надъ другимъ главное начальство, если о томъ ничего не опредѣлено въ договорахъ».

Примѣчаніе Магницкаго: Жены своимъ мужамъ повинуйтеся, яко же Господу: яко же

и Христосъ глава церкви; но яко же церковь повинуется Христу, такожде и жены своимъ мужамъ во всемъ (Ефес. гл. I, ст. 21—23).

«Церковь есть общество, соединившееся для общественнаго богослуженія. Церковь, по свойству своему, есть равное общество; въ ней никто не имѣетъ преимуществъ передъ другими».

Примѣчаніе Магницкаго: То-есть, республика!

«Гражданинъ имѣетъ всѣ права на свое тѣло и силы, ежели онъ ихъ не употребляетъ во зло и не причиняетъ симъ подлиннаго вреда его согражданамъ или государству».

Примѣчаніе Магницкаго: Оправданіе самоубійства.

«Война есть состояніе продолжительныхъ насильствъ».

Примѣчаніе Магницкаго: Это опредѣленіе разбоя, а не войны.

Вслѣдствіе представленія Магницкаго Солнцевъ былъ нетолько уволенъ изъ университета, но ему запрещено было преподавать даже и въ частныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдъ затѣмъ былъ удаленъ и почетный членъ казанскаго университета, членъ національнаго парижскаго института Грегуаръ за свое бывшее участіе въ качествѣ члена конвента въ смертномъ приговорѣ Людовика XVI, такъ какъ вмѣстѣ съ донесеніемъ объ этомъ обстоятельствѣ Магницкаго и совѣтъ университета нашелъ «противнымъ нетолько справедливости, но и наружной благопристойности, числить въ сословіи университета лицо, участвовавшее въ страшномъ злодѣяніи».

Вмѣстѣ съ удаленіемъ всѣхъ либеральныхъ членовъ университета приступлено было немедленно къ строгому разсмотрѣнію университетской библіотеки, и было истреблено въ ней все, что по мнѣнію Магницкаго проникнуто было вреднымъ направленіемъ. Разсмотрѣвъ каталогъ библіотеки казанской гимназіи, Магницкій пощадилъ лишь двѣ книги: «Droit de la guerre et de la paix», par Grotius и «De l'éducation publique propre à la jeune noblesse». Что же касается до остальныхъ книгъ, то онъ настаивалъ, чтобы онѣ были немедленно сожжены, и если библіотека казанской гимназіи не подверглась такой печальной участи, то она обязана была этимъ непремѣнному засѣдателю Дунаеву, который вмѣсто аутода-фе заперъ книги въ кладовыя. Множество книгъ университетской библіотеки положено было не выдавать нетолько студентамъ или посторонней публикѣ но даже и профессорамъ, которые тщетно ссылались на дарованное имъ право получать всѣ книги безъ цензуры. Наконецъ втеченіе всего управленія Магницкаго не сдѣлано было никакихъ новыхъ пріобрѣтеній, такъ что профессора жаловались безпрерывно на недостатокъ самыхъ необходимыхъ пособій при преподаваніи различныхъ наукъ.

Всѣ студенты раздѣлены были по поведенію и успѣхамъ на три разряда: 1) отличныхъ; 2) испытуемыхъ и 3) подъ особымъ присмотромъ находящихся. Каждый разрядъ помѣщался въ отдѣльномъ этажѣ и даже въ столовой отличался особыми надъ столами надписями. День проходилъ обыкновенно такъ: въ 5 часовъ утра комнатные служители будили студентовъ звонкомъ; черезъ десять минутъ они должны были уже одѣться, убрать свои кровати и стоять около нихъ въ ожиданіи прихода помощника инспектора. Слѣдовала краткая молитва, и по окончаніи ея надзиратель велъ студентовъ въ столовую, осмотрѣвъ предварительно ихъ одежду, волосы и обувь. Здѣсь одинъ изъ отличнѣйшихъ студентовъ читалъ молитвы по канонику, а затѣмъ начинался завтракъ, сопровождаемый чтеніемъ Священнаго писанія. Въ 8 часовъ собирались всѣ въ главный залъ и отправлялись оттуда по парамъ въ сопровожденіи *старшихъ* въ аудиторіи, гдѣ для каждаго назначено было опредѣленное мѣсто. Дежурный адъюнктъ, помощникъ инспектора,

инспекторъ, ректоръ и директоръ, одинъ за другимъ, являлись осматривать аудиторіи. Въ 12 часовъ опять собирались всѣ въ главную залу и шли по парамъ въ столовую, гдѣ обѣдали въ глубокомъ молчаніи, слушая чтеніе Евангелія. Послѣ обѣда дозволялась кратковременная прогулка на дворѣ или въ саду. Послѣ вечернихъ лекцій и ужина, по окончаніи вечерней молитвы студенты шли спать, и черезъ десять минутъ, назначенныхъ для раздѣванія, огни гасились во всемъ зданіи. Тогда начинался ночной надзоръ. Двое часовыхъ расхаживали въ корридорахъ каждаго этажа на встрѣчу одинъ другому до самаго разсвѣта, и кромѣ того дежурный помощникъ инспектора обязанъ былъ нѣсколько разъ осматривать спальни.

Всѣ провинности студентовъ были раздѣлены на три категоріи: поступки легкіе, тяжкіе и дурные навыки. Въ первомъ случаѣ ограничивались частными или публичными выговорами, тяжкіе же проступки наказывались арестомъ и лишеніемъ пищи на нѣсколько дней. Самымъ же важнымъ наказаніемъ было заключеніе въ карцеръ или, какъ называлъ его Магницкій, *комнату уединенія.* Комната эта не имѣла иной мебели, кромѣ деревяннаго стола и скамьи; дверь и окна ея были загорожены желѣзною рѣшеткою, а надъ входомъ была приличная надпись изъ Священнаго писанія; на одной изъ стѣнъ висѣло распятіе, а на другой картина страшнаго суда. Виновные, подвергшіеся наказанію такого рода, получали названіе *грѣшниковъ*, и во все то время пока находились они въ заключеніи, приносимы были за нихъ молитвы. Но въ рукахъ Магницкаго находилось и болѣе энергическое средство противъ провинившихся: безъ суда и приговора отдавалъ онъ ихъ въ солдаты. Участи этой подверглись между прочимъ два студента — Левенгофъ и Бовинъ, обвиненные въ неумѣренномъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ.

Надзоръ за студентами простирался до такой степени, что нетолько посѣщать знакомыхъ, но даже переходить изъ одного этажа въ другой не дозволялось имъ безъ билета отъ инспектора. Постороннія лица могли посѣщать университетъ не иначе какъ въ праздники по запискамъ, выдаваемымъ отъ начальства, и свиданіе ихъ со студентами происходило въ общей комнатѣ, подъ наблюденіемъ надзирателя. Каждому изъ студентовъ выдавались кондуитные списки, на которыхъ обозначались его *характеръ*, *благочестіе*, *образъ мыслей*, *наружное поведеніе*, *былъ ли наказанъ*, *за что и чѣмъ.*

Профессора въ свою очередь были строго дисциплинированы и подведены подъ одинъ знаменатель: какую бы науку они ни преподавали, всѣ лекціи ихъ должны были вести къ единственной цѣли: насажденію въ юныхъ душахъ благочестія. Отъ этого требованія не исключались даже преподаватели наукъ математическихъ, естественныхъ и медицинскихъ. Инструкція гласила, что въ факультетѣ физико-математическомъ, профессоръ естественной науки долженъ упоминать, что обширное царство природы, какъ ни представляется оно премудро и въ своемъ цѣломъ для насъ непостижимо, есть только слабый отпечатокъ того высшаго порядка, которому послѣ кратковременной жизни мы предопредѣлены, «а преподаватель астрономіи укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тѣлъ небесныхъ, откровенные роду человѣческому въ отдаленной древности. Профессора же врачебныхъ наукъ должны принять всевозможныя мѣры, чтобы отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись, отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего впадая въ гибельный матеріализмъ именно оттого,

что наиболѣе премудрость Творца открываетъ. Студентамъ нужно внушить, что Св. писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ; что вольнодумствующій врачъ никогда не выйдетъ изъ предѣла физическихъ явленій: что искусство врачеванія безъ духа христіанской любви и милосердія есть ремесло само по себѣ, особливо когда отправляется для одной корысти, столь же низкое, сколь высока и почтенна медицина, на пользу человѣчества обращаемая и высшимъ свѣтомъ озаренная».

Вообще отношенія Магницкаго къ профессорамъ отличались полнымъ произволомъ: почти всѣ они были обязаны ему своимъ назначеніемъ, и отъ него зависѣло вполнѣ лишить ихъ мѣста подъ предлогомъ вреднаго направленія, несогласнаго съ истиннымъ благочестіемъ. Всякій, кто дозволилъ бы себѣ дѣйствовать сколько-нибудь самостоятельно, подвергался всевозможнымъ мелочнымъ преслѣдованіямъ, которыя дѣлали положеніе его невыносимымъ. О правахъ совѣта не могло быть при этомъ и рѣчи: все дѣлалось волею Магницкаго, и огромное большинство преподавателей заботилось лишь о томъ чтобы предугадать его волю. Интриги, происки, доносы въ средѣ этихъ лицъ, достигали невѣроятныхъ размѣровъ. Магницкій присвоилъ себѣ право назначать профессоровъ по собственному усмотрѣнію, лишь для формы давая объ этомъ знать совѣту; многіе изъ нихъ не имѣли никакихъ ученыхъ степеней и обязаны были полученіемъ мѣстъ покровительству сильныхъ лицъ, которымъ Магницкій старался угождать; другіе были иностранцы, съ недавнихъ поръ поселившіеся въ Россіи.

Но не одна общественная, даже частная, семейная жизнь профессоровъ была подвержена строгому надзору баснословно-унизительнаго свойства. «За профессорами,—по свидѣтельству Лажечникова:—наблюдали, чтобъ они не пили вина. Изъ числа ихъ нѣкоторые, весьма воздержные, но привыкшіе передъ обѣдомъ выпивать по рюмкѣ водки, въ свой адмиральскій часъ ставили у наружныхъ дверей на караулъ прислугу чтобы предупредить грозу нечаяннаго дозора. Такимъ образомъ, прислушиваясь къ малѣйшему стуку и безпрестанно оглядываясь, преступникъ дерзалъ ключемъ, привѣшаннымъ у пояса, отворять шкафъ, гдѣ въ секретной глубинѣ хранилось ужасное зелье. У одного изъ ученыхъ мужей, которому прописали вино въ микстурѣ, былъ директоромъ, внезапно посѣтившимъ его, запечатанъ сосудъ, вмѣщавшій въ себѣ запрещенное питье. Медикъ, осмѣлившійся прописать такое лекарство равно какъ и паціентъ его остались на замѣчаніи... На торжественныхъ университетскихъ обѣдахъ пили тосты не шампанскимъ, а медомъ...»

IV.

Но однимъ казанскимъ университетомъ конечно не ограничилось стремленіе реакціонеровъ очистить высшія учебныя заведенія отъ тлетворнаго духа знаній. Въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ одна и та же исторія повторилась и въ другихъ университетахъ. Такъ въ 1821 году разразилась гроза надъ только-что открытымъ с.-петербургскимъ университетомъ. Здѣсь героемъ былъ попечитель округа Руничъ, а жертвами—профессора: всеобщей исторіи—Раупахъ, статистики—Германъ и Арсеньевъ и исторіи философіи—Галичъ.

Не прошло и двухъ лѣтъ съ открытія университетскихъ курсовъ, какъ Руничъ представилъ Главному правленію училищъ, что философскія и историческія науки преподаются въ университетѣ въ духѣ, противномъ христіанству, а въ умахъ

студентовъ вкореняются идеи, разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія. Вслѣдствіе этого немедленно были пріостановлены лекціи вышеозначенныхъ профессоровъ. Въ Главное правленіе были представлены отобранныя у студентовъ тетради ихъ лекцій и тамъ тетради эти были читаны членами. «Главное правленіе—сказано въ протоколѣ засѣданія—съ содроганіемъ и крайнимъ изумленіемъ увидѣло, что въ лекціяхъ отвергается достовѣрность Священнаго писанія и находятся дерзкія хулы на распоряженія правительства, и къ крайнему прискорбію убѣдилось въ томъ, что сотни молодыхъ людей подъ видомъ обученія высшимъ наукамъ систематически напитываемы были смертоносною отравою для разсѣянія по всему отечеству пагубныхъ сѣмянъ невѣрія, богоотступничества и мятежническихъ правилъ, которыя потрясли уже передъ нашими глазами крѣпость другихъ государствъ».

Не лишнимъ будетъ представить на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ лекцій Германа, Раупаха и Арсеньева, чтобы читатели могли судить, что̀ именно нашли въ этихъ лекціяхъ наиболѣе зловреднымъ члены Главнаго правленія.

Изъ лекцій профессора Германа: 1) Предметъ статистики есть государство. Оно есть такое учрежденіе большаго или меньшаго общества людей, по которому одни для безопасности покорили свою волю законамъ, а другіе наблюдаютъ оные и приводятъ ихъ въ дѣйствіе. Двѣ главныя части статистики: народъ и правительство, о благосостояніи коихъ она и должна говорить, но спрашивается: которая же предшествуетъ? Часть управляемая всегда предшествуетъ управляющей. И потому статистикъ вопервыхъ долженъ говорить о состояніи народа, какъ части управляемой, а потомъ о способѣ управленія онымъ, какъ части управляющей.

2) Монархія имѣетъ ту безцѣнную выгоду, что вся верховная власть соединена въ одномъ физическомъ лицѣ — монарха, который, какъ Богъ, единъ и всемогущъ на землѣ. Онъ неограниченъ и въ благодѣяніяхъ къ своему народу; но жалко, что сіе мѣсто занято не ангеломъ, а человѣкомъ; жалко, что наслѣдуютъ его люди разныхъ характеровъ, что̀ одинъ создаетъ, то другой по смерти его разрушаетъ.

3) Правительство, когда умножаетъ бумажки, подданные думаютъ, что оно когда-либо заплатитъ за сіи билеты, и сія увѣренность въ добромъ расположеніи правительства поддерживаетъ бумажки внутри государства. Нашъ купецъ клянется, что ассигнація стоитъ напримѣръ 5 рублей, но иностранецъ другими глазами смотритъ на сіе. Онъ говоритъ, что эта бумажка стоитъ только $1^1/_4$ р., ибо у васъ выпущено бумажекъ вчетверо болѣе, нежели нужно, а потому и платить вы въ состояніи только $^1/_4$ часть.

4) Состояніе русскихъ крестьянъ показало уже, что первая причина худого состоянія крестьянъ есть феодальная система, по коей законодатели при важнѣйшихъ перемѣнахъ никакого не обращали на нихъ вниманія.

Изъ лекцій Раупаха: 1) Священное писаніе весьма коротко объясняетъ нравы первыхъ человѣковъ, постановленія, родъ жизни и участь, а въ священныхъ книгахъ другихъ народовъ такъ баснословно, что для исторіи нѣтъ отъ нихъ пользы. Въ одномъ только всѣ удивительно согласны: это потопъ, истребившій бо̀льшую часть человѣческаго рода.

2) Священныя книги мы знаемъ только у трехъ народовъ: іудеевъ, мидянъ и индѣйцевъ.

3) Всякая вѣра упадаетъ со временемъ въ той мѣрѣ, какъ разумъ просвѣщается, что̀ необходимо случается при умножающейся опытности.

4) Никто изъ древнихъ не имѣлъ понятія о Богѣ невещественномъ.

Изъ лекцій Арсеньева: 1) Народъ былъ прежде правительства, слѣдовательно народъ важнѣе правительства, и мы должны говорить о народѣ такъ какъ о важнѣйшемъ предметѣ.

2) Монархія есть самая лучшая форма. Здѣсь власть отдается одному, но иногда монархъ вмѣсто добра можетъ произвести зло. Положимъ, что государь добръ, старается о безопасности подданныхъ; но онъ смертенъ; послѣ него бываетъ новый, который приводитъ подданныхъ въ ужаснѣйшее состояніе. И такъ мы видимъ, что во всякомъ правленіи есть свои недостатки. Англія узнала оные и избрала лучшее правленіе.

3) Чиновники сей полиціи (тайной) для удобнѣйшаго розыска бываютъ тайны и называются розыщиками: имъ поручаетъ правительство свою безопасность. По своему основанію, эта полиція очень полезна: но будучи орудіемъ деспотизма, ужасна и вредна для самого

государства Она стоитъ большихъ издержекъ на жалованье чиновникамъ. Посредствомъ сей полиціи наказываются даже требованія правъ человѣчества. Это есть сѣмя раздоровъ и недовѣрчивости между гражданами государства.

4) Когда будемъ вникать въ составъ государства и въ отношенія подданныхъ къ правительству и обратно, то увидимъ, что налоги суть необходимы и показываютъ, что государство стоитъ на извѣстной степени образованія. Но налоги вредны; ибо имѣютъ вредное вліяніе на народонаселеніе, на промышленность, на просвѣщеніе, и вообще на благосостояніе народа; ибо при тягостныхъ налогахъ молодой человѣкъ, едва прокармливающій себя и уплачивающій налоги, не можетъ думать о супружествѣ и опасается въ случаѣ брака впасть въ крайнюю бѣдность: отъ сего народонаселеніе уменьшается и притомъ дѣти отъ бѣдности въ нѣкоторыхъ семействахъ умираютъ. Налоги также вредны и для народнаго богатства. Сіе богатство состоитъ въ запасѣ капиталовъ, которые пріобрѣтаются бережливостью, которую налоги уменьшаютъ. И такъ, налоги вредятъ и народному просвѣщенію какъ слѣдствію богатства, ибо при налогахъ всякій думаетъ не о своемъ просвѣщеніи, но о корысти.

Подобныя мѣста въ лекціяхъ профессоровъ произвели цѣлую бурю въ Главномъ правленіи училищъ. Рѣшено было потребовать отъ профессоровъ отвѣтовъ и для этого составить вопросные пункты, соотвѣтственно вреднымъ и ложнымъ началамъ ученія. Вопросные пункты составлены были членами Правленія: Лавалемъ, Магницкимъ, Руничемъ и директоромъ департамента Поповымъ, и препровождены въ университетъ для отобранія письменныхъ отвѣтовъ, которые вмѣстѣ съ мнѣніемъ университета, требовалось представить въ Главное правленіе училищъ.

И вотъ 3-го, 4-го и 7-го ноября 1821 года состоялись знаменитыя въ лѣтописяхъ исторіи с.-петербургскаго университета чрезвычайныя засѣданія совѣта, продолжавшіяся непрерывно въ теченіи девяти и даже одиннадцати часовъ. Всѣмъ дѣломъ заправляли попечитель Руничъ и директоръ университета Кавелинъ, отбиравшіе отвѣты и бывшіе въ одно и то же время обвинителями и судьями. Когда вы читаете записки присутствовавшихъ на этихъ засѣданіяхъ (напримѣръ профессора Плисова), увѣковѣчившихъ этотъ жестокій моментъ русской исторіи, у васъ сердце обливается кровью и вы положительно цѣпенѣете. Нѣтъ возможности предположить, чтобы когда и гдѣ-либо почтенное званіе профессора и притомъ не въ единичномъ видѣ, а въ коллегіальномъ составѣ совѣта, было до такой степени унижено и попрано въ грязь. Руничъ мало того что открыто заявлялъ, что все уже предрѣшено, что эти засѣданія совѣта представляютъ одну формальность и что отъ господъ профессоровъ требуется лишь единогласнаго подтвержденія обвиненій, но малѣйшую попытку какихъ либо возраженій со стороны немногихъ сколько-нибудь самостоятельныхъ и смѣлыхъ членовъ совѣта онъ встрѣчалъ съ пѣною у рта, съ самыми площадными ругательствами и обзывалъ не иначе какъ бунтомъ и измѣною престолу и отечеству. Такъ напримѣръ, когда Руничъ предложилъ профессорамъ письменно отвѣтить на вопросъ, какого мнѣнія конференція о подобномъ ученіи, судя по выпискамъ, присланнымъ изъ Главнаго правленія училищъ, и профессоръ Шармуа отвѣчалъ: «je ne me trouve pas en compétence d'y répondre», Руничъ окончательно вышелъ изъ себя и началъ неистово кричать, «что Шармуа, отвѣчая такимъ образомъ, не только оспариваетъ права его, яко президента, но не признаетъ слѣдовательно законности ни собранія, ни предписанія министра, а слѣдовательно противится и верховной власти. Потомъ, хвалясь своими предками, заслугами и достоинствами по качеству члена Главнаго правленія училищъ, попечителя и президента, онъ продолжалъ ругать профессора Шармуа всяческими язвительными, поносными и укорительными словами, называя себя сыномъ отечества, вѣрнымъ подданнымъ

государю, истиннымъ христіаниномъ, а профессора Шармуа пришлецомъ, чадомъ революціи, выходцемъ изъ отечества Маратовъ и Робеспьеровъ, бунтовщикомъ, государственнымъ измѣнникомъ, некрестемъ» и т. п.

Если Руничъ относился такимъ образомъ къ членамъ собранія, то можно себѣ представить отношеніе его къ обвиняемымъ профессорамъ. Онъ положительно не давалъ имъ произнести ни одного слова въ оправданіе и осыпалъ ихъ потоками самой площадной брани, обзывая ихъ бунтовщиками, возмутителями, зажигателями, государственными измѣнниками, глумился въ ихъ присутствіи надъ ихъ собственноручными тетрадями лекцій, называя ихъ гадкими, мерзкими чтобъ взять въ руки, и къ тому же смердящими, предлагая нюхать ихъ, кому угодно, показывая съ своей стороны отвращеніе отъ какого-то дурного въ нихъ запаха и зажимая носъ. Наконецъ онъ торжественно объявилъ обвиняемымъ, что лишь его великодушію они обязаны, что ихъ ввели въ залу совѣта не подъ конвоемъ жандармовъ съ саблями на голо какъ государственныхъ преступниковъ. И почтенные члены совѣта все это выслушивали терпѣливо, съ наружнымъ видомъ подобострастной почтительности.

Изъ обвиняемыхъ профессоровъ съ наибольшимъ достоинствомъ и мужествомъ держалъ себя Раупахъ. Онъ, не горячась и не выходя изъ себя, рѣзко и ловко отпарировалъ всѣ нападенія Рунича и въ письменныхъ своихъ отвѣтахъ, не входя ни въ какія пространныя разъясненія и оправданія, ограничился одними лаконическими отрицаніями въ родѣ того, что «я училъ свѣтской исторіи такъ, какъ она должна быть, а не системѣ философской; я не училъ тому, чтобы теогонія язычниковъ содержала что-нибудь справедливое, я не нападалъ на достовѣрность Священнаго писанія, я не проповѣдывалъ матеріализма» и т. п., и подобными отвѣтами онъ довелъ Рунича до крайняго неистовства. Совсѣмъ въ иномъ родѣ проявилъ себя молодой профессоръ Галичъ. Противъ всѣхъ вопросныхъ пунктовъ, онъ выставилъ одинъ короткій отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «сознавая невозможность отвергнуть или опровергнуть предложенные мнѣ вопросные пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія».

Можете представить восторгъ Рунича по прочтеніи этого отвѣта. По разсказу Плисова, Руничъ зарыдалъ; ему послѣдовали въ томъ и нѣкоторые члены. «Галичъ,—продолжаетъ Плисовъ:—призванъ въ присутствіе. «Послѣ сего,—воскликнулъ г. Руничъ:—могу ли я рѣшиться бросить на васъ камень». Онъ бросился обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича. Увлекаясь восторгомъ, онъ называлъ Галича блуждающею овцою, оглашеннымъ, обращеннымъ, просвѣтившимся, увѣрялъ все собраніе, что обращеніе сіе есть чудесное дѣйствіе благодати Божіей; что въ сію самую минуту благодать коснулась его, Галича, сердца; что только слѣпотствующій умъ того не видитъ, что признаніе Галича относится къ славѣ Спасителя міра; что пастырь овецъ подъялъ его на рамена свои и несетъ уже въ домъ Израилевъ. Г. Кавелинъ подтверждалъ сіе видѣніе и потомъ бросился также обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича; то-же сдѣлалъ въ свою очередь и г. Зябловскій. Всѣ члены собранія были чрезвычайно тронуты и приведены въ изумленіе. Кто не жалѣлъ о бѣдномъ Галичѣ, который двумя строками поставилъ себя въ такое положеніе, что самъ г. Руничъ не могъ рѣшиться бросить на него камень?»

И какъ бы желая хоть сколько-нибудь смягчить и оправдать допущенное Галичемъ такое ужасное посрамленіе своего человѣческаго достоинства, профессоръ Плисовъ замѣчаетъ:

«Конечно одинъ только Галичъ подтвердить можетъ, сколько подѣйствовали на него предварительныя увѣщенія г. Кавелина и угрозы, что онъ, Галичъ, въ противномъ случаѣ объявленъ будетъ сумасшедшимъ; сколько подѣйствовало на него настоящее его положеніе, страшные упреки, произнесенные Руничемъ и сколько внутреннее его сознаніе невинности оспаривало наружное признаніе, которое къ тому еще и двусмысленное»...

Далѣе профессоръ Плисовъ разсказываетъ, что на самого Рунича, среди его восторга, вдругъ налетѣло сомнѣніе въ искренности признанія Галича: «онъ внезапно превратился такъ сказать въ оцѣпенѣніе; умолкъ, бросалъ сомнительные и двусмысленные взгляды то на Галича, то на г. Кавелина, который также молчалъ и отвѣчалъ только знаками, пожимая плечами. Г. Зябловскій началъ говорить, но (сколько помнить можно) не сказалъ ничего. Г. Руничъ обратился потомъ къ Галичу.

— «Любезный Александръ Ивановичъ,—сказалъ онъ, перемѣняя тонъ и съ примѣтнымъ неудовольствіемъ:—наружность можетъ быть обманчива; чѣмъ бы напримѣръ могли вы на опытѣ доказать то, что настоящее положеніе ваше даетъ поводъ сомнѣваться?»

Галичъ не отвѣчалъ ни слова.

— «Не согласились ли бы вы,—продолжалъ г. Руничъ:—запечатлѣть свое признаніе тѣмъ, чтобы издать вновь вашу исторію системъ философскихъ и въ предисловіи къ оной торжественно описать ваше обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеименитомъ разумѣ основаннаго?»

Галичъ молчалъ; г. Руничъ задумался; потомъ вдругъ принялъ прежній веселый видъ и съ прежнимъ восторгомъ, или лучше сказать съ новымъ восхищеніемъ обратился къ собранію, которое уже приготовлялось услышать сообщеніе новаго видѣнія:—«но на что намъ другіе доводы, самое уже сіе сознаніе г. Галича не явнымъ ли служитъ доказательствомъ, что вредныя и опасныя ученія дѣйствительно были въ здѣшнемъ университетѣ, а слѣдственно и во всемъ учебномъ округѣ допущены, а сего уже и довольно»; «а сего уже и довольно», повторялъ онъ нѣсколько разъ и такимъ значительнымъ тономъ, что рѣдкій не могъ понять, что въ томъ только и состояла вся главная роль. «Пусть теперь усиливаются доказывать противное», прибавилъ онъ съ явною нескромностью, которую тотчасъ г. Кавелинъ далъ ему замѣтить, прервавши торопливо его рѣчь. Тутъ г. Руничъ обратился опять къ Галичу, говорилъ, что онъ долженъ непремѣнно получить прощеніе; что онъ самъ будетъ о томъ ходатайствовать у г. министра; что до будущаго опредѣленія рода ученыхъ занятій Галича онъ теперь же позаботится о новой для него должности. Наконецъ Галичъ вышелъ изъ присутствія»...

Въ заключеніе всѣхъ этихъ засѣданій совѣта петербургскаго университета изъ двадцати членовъ конференціи восемь признали отвѣты Германа и Раупаха неудовлетворительными, три—нетолько неудовлетворительными, но и оскорбительными, пять—недостаточными, а четыре доказывали необходимость выдать обвиняемымъ тетради, на основаніи которыхъ сдѣлано обвиненіе. Только девять членовъ признали подсудимыхъ вполнѣ виновными; остальные или допускали виновность ихъ только въ томъ случаѣ, если будетъ положительно доказано, что выписки справедливы, или же вовсе отказывались отъ подачи мнѣній на томъ основаніи, что обвиняемымъ не дано ни малѣйшихъ средствъ къ оправданію, вопреки нетолько нравственному чувству, но и существующимъ постановленіямъ.

Затѣмъ дѣло о профессорахъ было представлено въ Главное правленіе учи-

лищъ, которое признало ученіе Германа, усвоенное и Арсеньевымъ, и Раупаха вреднымъ, возмутительнымъ противъ христіанства и опаснымъ для государственнаго благосостоянія. Положено было: Германа и Раупаха удалить изъ университета, запретивъ имъ преподаваніе по министерству просвѣщенія вообще; книги: Германа—«Краткое руководство къ всеобщей теоріи статистики», «Всеобщую теорію статистики» и «Историческое обозрѣніе литературы статистики въ особенности Россійскаго государства», Галича—«Исторію философскихъ системъ», и Арсеньева—«Начертаніе статистики Россійскаго государства»—запретить не только въ преподаваніи, но и вообще въ употребленіи, для чего и вытребовать экземпляры этихъ книгъ изъ всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. А такъ какъ обвиненные профессора требуютъ, чтобы имъ даны были средства къ оправданію передъ лицами, имѣющими право разбирать подобныя дѣла, то предоставить такое разсмотрѣніе надлежащему судебному мѣсту *уголовнымъ* порядкомъ. Магницкій противъ этого послѣдняго постановленія Главнаго правленія подалъ особенное мнѣніе, въ которомъ съ циническою откровенностью заявилъ, что и подсудимые, и общество назовутъ людей, *подвергающихъ бездоказательно обвиненныхъ уголовной отвѣтственности, не судьями, а палачами*. Онъ предлагалъ поэтому расправиться съ профессорами безъ всякаго суда, ограничившись высылкою Германа и Раупаха изъ Россіи, и согласно условіямъ священнаго союза предостеречь союзныя державы отъ этихъ опасныхъ людей.

Наконецъ дѣло препровождено было кн. Голицынымъ въ комитетъ министровъ, который по внимательномъ разсмотрѣніи его единогласно призналъ ученіе, заключающееся въ представленныхъ министромъ народнаго просвѣщенія выпискахъ изъ лекцій профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева, вреднымъ, и послѣ многочисленныхъ преній постановилъ: 1) дозволить профессорамъ Герману, Раупаху и адъюнктъ-профессору Арсеньеву представить къ своему оправданію все то, что они признаютъ нужнымъ, ни малѣйшимъ образомъ не стѣсняя ихъ въ этомъ отношеніи и 2) для разсмотрѣнія всего дѣла вмѣстѣ съ оправданіями, какія вновь будутъ представлены отъ обвиняемыхъ профессоровъ, составить особую комиссію изъ трехъ членовъ: князя Лобанова-Ростовскаго, барона Камненгаузена и Шишкова, и изъ двухъ членовъ Главнаго правленія училищъ: графа Ливена и графа Лаваля. Такимъ образомъ партія Магницкаго и Рунича, предлагавшая выслать профессоровъ безъ всякаго суда надъ ними и выслушанія какихъ-либо оправданій съ ихъ стороны была побѣждена, и этому злосчастные профессора были обязаны конечно заступничеству бывшаго попечителя петербургскаго округа С. С. Уварову.

Уваровъ написалъ императору Александру рѣзкое и страстное письмо по поводу дѣла профессоровъ 18-го ноября. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ въ этомъ письмѣ:

«Когда очень важные мотивы, изъ которыхъ Вашему Величеству извѣстна лишь малая часть, заставили меня просить отставки отъ мѣста попечителя петербургскаго университета, я былъ далекъ отъ мысли, чтобы противъ меня обратили оружіе, постоянно употребляемое мною противъ партіи, месть которой въ настоящую минуту совершается. По безпримѣрному фатализму тѣ, которыхъ я, глубоко проникнутый своимъ дѣломъ и съ храбростью убѣжденнаго человѣка, третировалъ, какъ сѣятелей безпорядковъ и тайныхъ враговъ общественнаго спокойствія, тѣ, союзъ которыхъ я съ ужасомъ отвергъ, они-то въ Вашихъ глазахъ украшаются титуломъ защитниковъ трона и алтаря противъ нападеній, которыя въ духѣ ихъ же системы слѣдовало бы если не терпѣть, то во всякомъ случаѣ игнорировать.

«Этимъ сказано все: это представляетъ такое чудовищное и странное извращеніе идей

и личностей, что я не колеблюсь болѣе возвысить голосъ и изложить передъ Вами, Государь, истинное положеніе дѣла, которое, собственно говоря, есть мое дѣло.

«Докладъ министерства народнаго просвѣщенія, отъ 19-го сентября, по поводу отрѣшенія отъ званія профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева гласитъ, что ихъ преподаваніе представляло преднамѣренную систему атеизма и принциповъ, опасныхъ для нравственности и общественнаго блага.

«Государь, пусть обвиненные сами защищаютъ себя, я хочу только спросить, въ чемъ заключается corpus delicti этого заговора, раскрытаго съ такимъ шумомъ? Въ латинскихъ тетрадяхъ Раупаха, въ лекціяхъ Германа, составленныхъ студентами, и двухъ книжкахъ, изданныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Арсеньевымъ и Галичемъ и одобренныхъ цензурою, и притомъ не одною университетскою, но и министерскою. Изъ этихъ четырехъ элементовъ заговора два такимъ образомъ отходятъ, а если взять во вниманіе, что Германъ не самъ письменно составлялъ свои лекціи, то остаются однѣ тетради Раупаха. Странный заговоръ, corpus delicti котораго таетъ самъ собою еще раньше начала слѣдствія! А если къ этому всему мы припомнимъ неслыханные скандалы, совершившіеся со времени конфискаціи бумагъ, если примемъ въ соображеніе, что среди 19-го столѣтія, на 20-мъ году царствованія Вашего Императорскаго Величества, въ 30-ти шагахъ отъ Вашей царской резиденціи осмѣлились произвести среди ночи страшный терроръ, оскорблять честь учрежденія, созданнаго Вашимъ Величествомъ, угрожать разжалованіемъ въ солдаты мирныхъ студентовъ, которыхъ не удалось возмутить, угрожать имъ тюрьмою и Сибирью, вынуждать отъ нихъ разныя кощунственныя присяги и если къ этому ко всему прибавимъ, что всѣ эти скандалы были превзойдены процедурою университетскихъ конференцій, во время которыхъ все было попрано до поруганія человѣческаго достоинства, то, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ право спросить, откуда же проистекаетъ это чудовищное остервененіе, стремящееся, во что бы то ни стало, воспрепятствовать, чтобы оправданія профессоровъ, свободно и законно выраженныя, не дошли до трона Вашего Величества? Къ чему столько злобы и хитрости расточено съ цѣлью лишить обвиненныхъ законнаго права, дарованнаго имъ Вашимъ Величествомъ? Они просили позволенія доказать, что не только они не признаютъ своими и не одобряютъ превратныхъ ученій, о которыхъ говорится въ вопросныхъ пунктахъ, но что ни въ тетрадяхъ, ни въ лекціяхъ ихъ нѣтъ ничего подобнаго. И что же имъ отвѣтили? «Что это просьба мятежная, и что единственно великодушію президента они обязаны, что не были введены въ залу совѣта подъ конвоемъ жандармовъ, съ саблями на голо». Что же это за процессъ, Государь, который требуетъ для своего торжества подобныхъ средствъ? Но все это будетъ принято во вниманіе со временемъ. Голосъ истины не будетъ заглушенъ; онъ дойдетъ до Вашего великодушнаго сердца. Вы все узнаете, Государь, какъ только соблаговолите позволить, чтобы Вамъ все было открыто».

Въ заключеніе же письма Уваровъ выражаетъ слѣдующія требованія, необходимыя по его мнѣнію для возстановленія истины: 1) чтобы обвиненнымъ профессорамъ дана была полная возможность защищаться, 2) чтобы всѣ акты и протоколы засѣданія университетскаго совѣта были представлены на усмотрѣніе Государя и притомъ не въ экстрактахъ и копіяхъ, а въ оригиналахъ и 3) чтобы онъ самъ, Уваровъ, былъ удостоенъ въ свою очередь Высочайшей аудіенціи. Къ этимъ тремъ требованіямъ въ другомъ письмѣ было присоединено четвертое: «Такъ какъ собственный разборъ бумагъ и всего дѣла былъ бы слишкомъ обременительнымъ для Государя Императора, то кажется можно бы составить особенный комитетъ изъ людей знающихъ и къ дѣлу неприкосновенныхъ, коимъ было бы поручено разсмотрѣніе онаго и непосредственный отчетъ въ своихъ сужденіяхъ».

Мы видѣли, что такъ это и было сдѣлано по совѣту Уварова. Но комиссія, назначенная для подробнаго разсмотрѣнія дѣла профессоровъ, не особенно торопилась своими занятіями, и неизвѣстно даже, дѣлала ли она что-либо. Очевидно, въ интересахъ правительства было по возможности замять это скандальное дѣло и заставить забыть о немъ общество. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что комиссія существовала до 1827 года, ничѣмъ не заявивши своей дѣятельности. Въ

февралѣ же 1827 года было объявлено Высочайшее повелѣніе считать дѣло о профессорахъ оконченнымъ *).

Что касается до прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то почти повсюду были свои маленькіе погромы, хотя и не столь грандіозные, какъ въ казанскомъ и с.-петербургскомъ университетахъ. Такъ изъ с.-петербургской духовной академіи былъ изгнанъ профессоръ философіи Игнатій Авреліанъ Фесслеръ. Родомъ венгерецъ, бывшій капуцинъ и перешедшій потомъ въ протестантство, онъ былъ выписанъ въ Россію еще Сперанскимъ. Заклятой врагъ его епископъ рязанскій Ѳеофилактъ въ качествѣ члена Комитета духовныхъ училищъ написалъ замѣчанія на представленный въ Комитетъ Фесслеромъ конспектъ философскихъ наукъ. «Планъ наукъ философскихъ, составленный Фесслеромъ для С.-Петербургской духовной академіи,—писалъ Ѳеофилактъ:—есть такое произведеніе, которое заставляетъ обратить особенное вниманіе начальства, пекущагося о пользѣ церкви и отечества. Начала, которымъ Фесслеръ неуклонно слѣдовать обѣщаетъ, суть начала *разрушительныя*, а не *созидательныя*. Они подрываютъ религію, и, что́ всего удивительнѣе, совершенно ниспровергаютъ и самую философію»...

Это ниспровержение философіи по мнѣнію Ѳеофилакта заключалось въ томъ, что Фесслеръ придерживался зловредной Кантовой системы. Цѣль же Кантовой философіи,—писалъ епископъ:—двоякая: «*ниспроверженіе* христіанства и *замѣщеніе* онаго не деизмомъ, а совершеннымъ безбожіемъ. Для достиженія первой цѣли Кантъ Св. писанію даетъ такой толкъ, что ни пророки, ни апостолы не были богодухновенными, а Христа должно допускать только въ аллегорическомъ смыслѣ, т. е. почитать его не больше какъ идеаломъ. Для замѣщенія христіанства безбожіемъ Кантъ вводитъ Церковь чистаго разума. Въ сей Церкви: 1) никто не вѣритъ бытію Божію, 2) никто не вѣритъ безсмертію души, 3) нѣтъ никакихъ обязанностей по отношенію къ Богу, слѣдовательно и молиться не кому и не для чего, 4) присяга въ вѣрности государю одинъ суевѣрный обрядъ, 5) однѣ добродѣтели суть свободныя дѣйствія, а всякій поступокъ, грѣхомъ почитаемый. есть невольное дѣло. Кантова философія славилась въ Германіи болѣе 20-ти лѣтъ. Несмотря на сію краткость времени, столько вреда отъ нея послѣдовало, что и религія и политика противъ нея вооружились и заставили многихъ профессоровъ, закрывши каѳедры Кантова ученія, удалиться изъ Германіи въ Россію» **).

Въ силу этого доноса Фесслеръ былъ нетолько изгнанъ изъ академіи, но и сосланъ въ Саратовъ.

Въ харьковскомъ университетѣ были удалены двѣ европейскія знаменитости, служившія украшеніемъ университета, не говоря уже о приносимой ими пользѣ, таковы были профессоръ чистой математики Тимоѳей Ѳедоровичъ Осиповскій и профессоръ философіи Шадъ. Осиповскій былъ удаленъ изъ университета единственно за то, что на экзаменѣ сдѣлалъ одному студенту замѣчаніе, что о Богѣ умѣстнѣе употребить выраженіе *существуетъ*, нежели—*живетъ*. Удаленіе же профессора Шада произвело сенсацію въ Европѣ и надѣлало намъ не мало хлопотъ. Шадъ читалъ логику, этику, психологію, метафизику, естественное право, исторію философіи, и въ лекціяхъ своихъ проводилъ идеи Канта и Шеллинга. Министерство нашло, что руководство Шада «Institutiones juris naturae» по слогу неудобно къ употребленію, слишкомъ пространно, мѣстами весьма неясно,

*) «Матер. для ист. обр. въ Р.», гл. VI, стр. 263—268.
**) «Чтен. общ. ист.», 1859, № 5.

притомъ же въ немъ часто повторяются намеки на новѣйшія политическія событія и на извѣстныя лица, и сильныя нападки на французовъ въ пользу нѣмцевъ. Шадъ называетъ Наполеона корсиканскимъ чудовищемъ, исчадіемъ ада, изверженнымъ для пролитія крови и распространенія зла, говоритъ, что французы обречены на вѣчное рабство, а удѣлъ нѣмцевъ—свобода и т. п. Шадъ, сказано въ предложеніи министра, придерживается новѣйшей въ Германіи возникшей философіи, и въ особенности слѣдуетъ по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ основаніяхъ, системѣ Шеллинга, а весьма сомнительно, должно ли прямо допустить введеніе этой системы въ Россіи и вкорененіе ея въ памяти молодыхъ людей; въ книгѣ Шада находятся мѣста, несообразныя съ понятіемъ власти государей, порицаніе существующихъ въ Россіи учрежденій, противное нравамъ объясненіе супружескаго союза и т. д. Въ комитетѣ министровъ было представлено, что книги Шада—вышеозначенная и еще «De viris illustribus Romae»—содержатъ мѣста, неприличныя въ сочиненіяхъ, написанныхъ для юношества. Такъ Шадъ говоритъ, что Рея Сильвія родила Рема и Ромула въ одинъ годъ «отъ объятій Марса», что Лавренція отъ сосѣдей нарицаема была волчицей (lupa), потому что промышляла своимъ тѣломъ, отчего до нашихъ временъ... домишки называются логовищами волчицъ (lupanaria);—далѣе прибавляетъ Шадъ:—«при чтеніи этого мѣста, кому не придетъ на мысль Наполеонъ и французы? Въ наше время величайшее вѣроломство по справедливости можно назвать вѣроломствомъ французскимъ» и т. п. Сверхъ всего этого, Шаду ставили въ вину, что диссертаціи двухъ лицъ, искавшихъ степени доктора, оказались поддѣльными и списанными съ тетрадей, по которымъ Шадъ читаетъ свои лекціи. Комитетъ министровъ призналъ, что Шада нетолько не должно оставлять при настоящей должности, но съ тѣми правилами, которыя онъ обнаружилъ, онъ вовсе не можетъ быть терпимъ въ Россіи. Вслѣдствіе этого Шадъ, въ 1816 году, былъ изгнанъ изъ Россіи.

По прибытіи въ Германію Шадъ началъ кричать встрѣчному и поперечному, что нѣмецкіе ученые преслѣдуются въ Россіи и приносятся въ жертву французамъ, удаленіе свое онъ приписывалъ интригѣ французовъ и ихъ ревностныхъ приверженцевъ. «Философія моя,—писалъ Шадъ министру просвѣщенія:—считаетъ за величайшее преступленіе распространять французскій заразительный духъ между русскими студентами; напротивъ того онъ письменно и словесно старается о распространеніи вѣры, нравственности и любви къ отечеству». Не ограничиваясь этимъ, Шадъ прибѣгъ къ прессѣ, и въ «Іенскихъ Литературныхъ Вѣдомостяхъ» напечаталъ о своемъ дѣлѣ. Вскорѣ въ ученомъ изгнанникѣ приняли участіе такіе корифеи нѣмецкой литературы какъ Шиллеръ и Гете, и дѣло дошло до дипломатической переписки: посланникъ нашъ при прусскомъ дворѣ увѣдомилъ, что изгнаніе Шада произвело крайне неблагопріятное впечатлѣніе въ Германіи. Чтобы потушить скандалъ, русское правительство рѣшилось выдать Шаду вознагражденіе за понесенные убытки, и въ посольство было сообщено описаніе дѣла въ его настоящемъ видѣ для помѣщенія въ иностранныхъ газетахъ. Вскорѣ затѣмъ Шадъ при содѣйствіи знаменитаго врача Гуфеланда получилъ каѳедру въ Берлинскомъ университетѣ *).

Нѣсколько позже (именно 1827—30 гг.) произошелъ погромъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Правда, это случилось уже въ царствованіе Николая I, при значительно измѣнившихся порядкахъ, но мы скажемъ нѣсколько словъ о немъ здѣсь,

*) «Извл. ист. по р. лит.», т. I, стр. 233.

такъ какъ по характеру своему онъ совершенно подходитъ ко всѣмъ разсмотрѣннымъ нами въ этой главѣ. За кулисами этого погрома стоятъ по обыкновенію партіи и интриги между профессорами. Такъ мы видимъ, что сначала профессоръ естественнаго права Бѣлоусовъ доноситъ, что «нѣкоторые воспитанники пансіона, скрываясь отъ начальства, пишутъ стихи, не показывающіе чистой нравственности и читаютъ ихъ между собою; читаютъ книги, неприличныя для ихъ возраста, держатъ у себя сочиненія Александра Пушкина и другихъ подобныхъ». А затѣмъ 7-го мая 1827 г. наборотъ уже старшій профессоръ политическихъ наукъ Билевичъ доноситъ на самого Бѣлоусова, что «онъ, Билевичъ, примѣтилъ въ нѣкоторыхъ ученикахъ нѣкоторыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія въ основаніяхъ права естественнаго, которое вопреки предписанію попечителя (19-го мая 1824 г.) читается не по системѣ де-Мартини, а по основаніямъ философіи Канта и Шада».

Здѣсь мы встрѣчаемся съ тою особенностью, что конференція профессоровъ, приступивши къ разсмотрѣнію этого дѣла, передала записки Бѣлоусова законоучителю протоіерею Волынскому, чтобы онъ рѣшилъ, не встрѣчаются ли въ этихъ запискахъ мѣста, противныя догматамъ православной церкви. О. Павелъ не преминулъ найти массу мыслей, «при поученіи юношества къ сбивчивымъ и ложнымъ понятіямъ ведущихъ». Такъ началось дѣло о вольнодумствѣ профессоровъ Нѣжинскаго лицея и длилось оно три года, все разростаясь, причемъ въ концѣ-концовъ обвинялись въ вредномъ направленіи, потворствѣ ученикамъ и ихъ развращеніи уже не одинъ Бѣлоусовъ, а и сторонники его профессора Шапалинскій, Ландражинъ и Зингеръ, и именнымъ указомъ 27-го октября 1830 года было повелѣно: «Профессоровъ Шапалинскаго и Бѣлоусова за вредное на юношество вліяніе, а Ландражина и Зингера сверхъ того и за дурное поведеніе отрѣшить отъ должности со внесеніемъ сихъ обстоятельствъ въ ихъ паспорты, дабы таковымъ образомъ они и впредь не могли быть нигдѣ терпимы по службѣ по учебному вѣдомству, а тѣхъ изъ нихъ, кои не русскіе, выслать за-границу, а русскихъ—на мѣста ихъ родины, отдавъ подъ присмотръ полиціи».

Изъ этого вы можете усмотрѣть, что огульное и перекрестное заподозриваніе всѣхъ и каждаго въ вольнодумствѣ дошло наконецъ до того, что своя своихъ не познаша и за вреднаго вольнодумца сошелъ профессоръ, считавшій предосудительнымъ чтеніе воспитанниками Пушкина.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Усиленіе цензурныхъ строгостей въ эпоху реакціи. — Трудность разрѣшенія новыхъ журналовъ. — Преслѣдованія и запрещеніе «Духа журналовъ» Яценкова. — Письмо Ломоносова «О сохраненіи и размноженіи русскаго народа». — Запрещеніе писать о конституціяхъ даже въ отрицательномъ смыслѣ.—Жалоба Академіи наукъ на критику «Сына отечества».—Уничтоженіе судебной гласности.—Доносы Голенищева-Кутузова на Карамзина.—Исторія съ балладою Жуковскаго «Ивановъ вечеръ».—Гете и Шиллеръ подъ русскою цензурою.

I.

Рядомъ съ репрессивными мѣрами, предпринятыми противъ высшихъ учебныхъ заведеній, министерство князя Голицына не осталось въ долгу и передъ ли-

тературой. Несмотря на то, что тонъ прессы значительно понизился сравнительно съ первыми годами царствованія Александра, бдительность цензоровъ возросла въ неизмѣримой степени. Начать съ того что изданія новыхъ журналовъ и газетъ разрѣшались съ большими затрудненіями, и достаточно было малѣйшихъ поводовъ, чтобы министерство хваталось за нихъ и отказывало предпринимателямъ. Другое было дѣло, когда такими предпринимателями являлись люди съ связями, чиновники, извѣстные правительству своею благонамѣренностью. Такъ напримѣръ, магистру Сниткину, служившему въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, было охотно разрѣшено въ 1820 году изданіе журнала «Невскій Зритель» «какъ по ученой степени его, такъ и по сочиненію, показывавшему здравыя сужденія, ясное отношеніе и чистоту русскаго языка». Олину въ 1821 г. было разрѣшено изданіе еженедѣльной критической и литературной газеты «Рецензентъ» на томъ основаніи, что онъ «извѣстенъ уже своими летературными трудами и умѣлъ заслужить вниманіе и довѣріе публики». Наконецъ при разрѣшеніи Свиньину, служившему при государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, издавать «Отечественныя Записки» (1820 г.), Ученый комитетъ заявилъ, что «журналъ этотъ, по своей цѣли и содержанію, будетъ весьма полезнымъ и совершенно отличнымъ отъ другихъ періодическихъ изданій, а редакторъ его, судя по прежнимъ его сочиненіямъ, въ состояніи совершить предпринятый имъ трудъ».

Но совершенно другое было дѣло, когда прапорщикъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка Александръ Бестужевъ обратился съ просьбою разрѣшить ему издавать съ 1819 года журналъ «Зимцерла». Петербургскій цензурный комитетъ представилъ слѣдующія соображенія по поводу этой просьбы:

1) «По содержанію программы кругъ журнала, предполагаемаго Бестужевымъ, чрезвычайно обширенъ, заключая въ себѣ нетолько всѣ части отечественной, иностранной словесности, но также критику и всѣ отрасли военныхъ и гражданскихъ наукъ. Къ выполненію такого обширнаго плана потребны и обширныя по всѣмъ частямъ свѣдѣнія, а также и практическая опытность для правильнаго сужденія о предметахъ, относящихся до государственнаго управленія, чего въ Бестужевѣ по его слишкомъ молодымъ лѣтамъ нельзя ни предполагать, ни отрицать: ему всего 20 лѣтъ отъ роду. 2) Хотя въ послужномъ спискѣ Бестужева значится, что онъ обучался многимъ языкамъ и наукамъ, однако въ написанной имъ программѣ комитетъ не безъ удивленія замѣтилъ въ десяти не болѣе строкахъ три ошибки противъ правописанія, что доказываетъ по меньшей мѣрѣ его невнимательность и небрежность. 3) Помѣщенные въ «Сынѣ Отечествѣ» переводы Бестужева, на которые онъ ссылается, именно: «Духъ Бури», стихами изъ Лагарпа, и о состояніи эстонскихъ и ливонскихъ крестьянъ похвальны только потому, что свидѣтельствуютъ объ охотѣ его къ полезнымъ упражненіямъ. Впрочемъ переводъ въ прозѣ о состояніи эстонскихъ и ливонскихъ крестьянъ не отличается ни чистотою слога, ни правильностью языка. 4) Для исправности въ изданіи періодическихъ сочиненій, издателю необходимо имѣть, кромѣ познаній, величайшее терпѣніе, безпрерывную внимательность и навыкъ къ трудамъ. А какъ Бестужевъ въ прошеніи своемъ изъясняетъ, что онъ, будучи занятъ по службѣ, могъ быть извѣстенъ публикѣ только двумя названными статьями, то комитетъ имѣетъ причину думать, что самый родъ службы будетъ часто отвлекать его отъ многотрудныхъ занятій журналиста, причемъ должно опасаться либо совершенной остановки, либо неисправности въ изданіи журнала. 5) Комитетъ неоднократно имѣлъ случай замѣтить, что многіе особливо изъ молодыхъ людей, не принадлежащихъ къ сословію ученыхъ, предпринявъ изданіе какого-либо журнала, прекращали его, отчего нетолько публика оставалась обманутою, ибо деньги собраны впередъ, но и цензура нѣкоторымъ образомъ терпѣла нареканіе».

И несмотря на то, что попечитель округа былъ склоненъ къ разрѣшенію изданія «Зимцерлы», Главное правленіе нашло заключеніе цензурнаго комитета основательнымъ, и признало не разрѣшать Бестужеву изданія до того времени, пока онъ не пріобрѣтетъ трудами своими болѣе извѣстности въ ученой публикѣ.

Въ 1821 году инспекторъ Александровскаго военнаго училища въ Тулѣ капитанъ-лейтенантъ Броневскій испрашивалъ разрѣшенія издавать еженедѣльно «Тульскія Вѣдомости». Но Главное правленіе училищъ отказало Броневскому на томъ основаніи, что «изданіе въ Тулѣ вѣдомостей было бы излишне и затруднительно: излишне потому, что всѣ тѣ внутреннія и иностранныя извѣстія, которыя только могутъ быть въ «Тульскихъ Вѣдомостяхъ», помѣщаются въ петербургскихъ и московскихъ; затруднительно потому, что въ Тулѣ нѣтъ цензоровъ для разсмотрѣнія помѣщаемыхъ статей. Притомъ же Академія наукъ и московскій университетъ, издающіе газеты въ Петербургѣ и Москвѣ, могутъ признать изданіе «Тульскихъ Вѣдомостей» подрывомъ и нарушеніемъ своихъ правъ» *).

Въ то время, какъ съ такимъ трудомъ разрѣшались новыя изданія, и старыя едва влачили свое существованіе подъ гнетомъ строжайшей и придирчивой цензуры. Къ тому же запрещеніе періодическихъ изданій не было въ то время обставлено никакими формальностями и вполнѣ зависѣло отъ воли министра народнаго просвѣщенія, и понятно поэтому, что надъ каждымъ журналомъ и газетою постоянно висѣлъ своего рода Дамокловъ мечъ. Удару этого меча не замедлилъ подвергнуться «Духъ Журналовъ» Яценкова. Мы видѣли уже, что журналъ этотъ успѣлъ обратить на себя вниманіе начальства еще ранѣе своего существованія. Затѣмъ рядъ замѣчаній какъ Яценкову, такъ и цензурному комитету, не прерывался во все время изданія журнала. Такъ въ іюлѣ 1815 г. С. С. Уваровъ получилъ отъ гр. Разумовскаго слѣдующее предложеніе:

«Вижу себя вновь принужденнымъ сдѣлать вашему пр—ству слѣдующія замѣчанія насчетъ здѣшняго цензурнаго комитета: 1) въ 26-й книжкѣ «Духа Журналовъ» напечатанъ отрывокъ изъ сочиненій Бентама подъ заглавіемъ: «О запрещеніи мануфактуръ», предъ коимъ издатель помѣстилъ собственныя свои разсужденія. Статья сія явнымъ образомъ клонится къ порицанію системы, принятой нашимъ правительствомъ, и мѣръ, приведенныхъ онымъ въ дѣйство; издатель не можетъ тѣмъ оправдаться, что сочиненія Бентама напечатаны и продаются въ Россіи: политическому писателю позволено изъявлять различныя мнѣнія о предметахъ, относящихся къ государственному хозяйству, и обращеніе сочиненій его въ ученой публикѣ не можетъ имѣть никакого дурного вліянія на духъ народный и общественное мнѣніе; но журналисту не позволительно извлекать изъ него статьи, содержащія опроверженіе правилъ, принятыхъ правительствомъ, а еще менѣе выставлять сіи статьи, какъ неоспоримыя истины; 2) во 2-мъ номерѣ журнала «Русскій Инвалидъ» помѣщена неприличная статья противъ издателя «Сына Отечества», содержащая въ себѣ не критику, а личности на счетъ того издателя и споръ, который неприлично было сообщать публикѣ. Кажется, цензурный комитетъ не оказываетъ никакого уваженія къ дѣлаемымъ ему отъ моего имени замѣчаніямъ: иначе непонятно было бы, почему безпрестанно появляются статьи противныя уставу о цензурѣ и моему предписанію, между прочимъ заключающемуся въ отношеніи моемъ къ вамъ, м. г. мой, отъ 3 числа мая сего года, въ коемъ цензурному комитету подтверждено было обращать особенное вниманіе на «Духъ Журналовъ». Прошу васъ объявить цензурному комитету, что сіе замѣчаніе есть послѣднее, и при первомъ случаѣ виновные цензоры будутъ безъ всякаго снисхожденія отрѣшены отъ должности».

Затѣмъ 6 сент. 1816 г. новый министръ народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ писалъ Уварову:

«Въ «Духѣ Журналовъ», издаваемомъ цензоромъ Яценковымъ, усмотрѣны мною разныя неприличности, какъ-то: статьи о послѣднихъ временахъ написаны такъ, что сей важный предметъ обращенъ въ шутку, и хотя время кончины міра и по Священному писанію никому неизвѣстно, но статьямъ симъ данъ такой оборотъ, что можно думать, что никогда оной не будетъ. Многія политическія статьи не въ духѣ нашего правительства, какъ напримѣръ въ письмахъ изъ Америки весьма неприличны замѣчанія о тамошнемъ правительствѣ въ сравненіи съ другими; «Бидайозскій деканъ» таковъ, что и понять нельзя, что такое онъ значитъ;

---

*) «Изсл. ист. р. лит.», т. I, стр. 449—452.

стихи нѣкоторые соблазнительны. Притомъ нѣкоторыя книжки сего журнала (№ 34 и 35) цензурованы и одобрены къ печати самимъ г. Яценковымъ, который не долженъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ, и сверхъ того нарушается тѣмъ предписаніе бывшаго министра, дабы журналъ сей разсматриваемъ и одобряемъ былъ цензоромъ Тимковскимъ. Всѣ уваженія сіи побуждаютъ меня поручить вашему пр—ству обратить на журналъ сей особенное вниманіе ваше; издателю онаго сдѣлать замѣчаніе, чтобы духъ сего журнала перемѣнилъ онъ на другой; который былъ бы полезнѣе, не вмѣшивался бы впредь въ духовныя матеріи, каковы пророчества о послѣднихъ временахъ, и вовсе бы не помѣщалъ оныхъ въ своемъ журналѣ,— иначе, при первомъ усмотрѣніи оныхъ журналъ будетъ запрещенъ; цензурному комитету замѣтить, что ему не слѣдовало оныя пропускать, и чтобы сдѣлать распоряженіе о «Духѣ Журналовъ», дабы типографія не принимала печатать онаго безъ подписей другого цензора, кромѣ Тимковскаго».

Вскорѣ послѣ того усмотрѣны были въ «Духѣ Журналовъ» новыя неприличности, хотя и другого рода. Въ № 48 были изложены неудобства тогдашняго порядка отдачи писемъ на почту, пріемъ которыхъ производился лишь впродолженіе весьма короткаго времени и въ одномъ пунктѣ столицы, а въ № 3 «Д. Ж.» за 1817 г. предлагалось устроить при всѣхъ полицейскихъ будкахъ почтовые ящики, подобные нынѣ существующимъ. Помѣщая это предложеніе, издатели сочли нужнымъ сдѣлать оговорку, что проектъ этотъ требуетъ новыхъ и значительныхъ расходовъ и кромѣ грубости будочниковъ, съ которыми публикѣ пришлось-бы имѣть дѣло, внушаетъ «подозрѣніе, что письменная корреспонденція между частными людьми будетъ подъ надзоромъ полиціи». По поводу такихъ толковъ о полиціи и вообще предметовъ, касающихся правительства, кн. Голицинъ писалъ 28 янв. 1817 г. Уварову: «я имѣлъ-бы право запретить сей журналъ, такъ какъ онъ не выполняетъ предписаній начальства; но въ уваженіе того что онъ долженъ претерпѣть убытокъ отъ возвращенія денегъ подписавшимся и прочихъ денежныхъ разстройствъ я еще разъ хочу его только предувѣдомить, что ежели онъ будетъ продолжать писать въ духѣ, противномъ прежнимъ предписаніямъ гр. Алексѣя Кириловича и моимъ внушеніямъ, то будетъ журналъ немедленно запрещенъ, и не знаю, оставлю-ли я его и цензоромъ послѣ такого ослушанія. А членамъ цензурнаго комитета сдѣлайте замѣчаніе, чтобы они впредь были осторожнѣе въ разсматриваніи издаваемыхъ въ свѣтъ сочиненій.

Въ № 20 1818 г. была напечатана въ «Духѣ Журналовъ», рѣчь, произнесенная г-мъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, кн. Н. Г. Репнинымъ при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Полтавѣ и Черниговѣ въ 1818 г. Это была замѣчательная рѣчь по высказаннымъ въ ней мыслямъ. Отдавъ справедливость заслугамъ дворянства въ минувшую войну, кн. Репнинъ замѣчалъ, что наступило время заняться благоустройствомъ внутреннихъ дѣлъ и ссылался на торжественно выраженную волю Государя, что часть этой задачи должна быть разрѣшена дворянствомъ, попеченіями этого сословія о судьбѣ крѣпостныхъ крестьянъ:—«Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами—сказалъ при этомъ ораторъ, есть отличительная черта русскаго народа. У иноземцевъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, которые ему оный доставили. Но сколько пагубы было отъ сего послѣдствія! Пришли враги, а за родину никто не принесъ себя въ жертву. Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны»... Самая эта рѣчь и особенно появленіе ея въ печати, и притомъ вслѣдъ за рѣчью Государя при открытіи сейма въ Варшавѣ («Д. Ж.» 14), въ которой развиваемы были начала народнаго представительства, взволновала и испугала всѣхъ реакціонеровъ, и вотъ 28 мая 1818 г. кн. Голицынъ писалъ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа, что онъ замѣтилъ, что «издатель «Духа

Журналовъ» помѣщаетъ въ немъ статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ и многія другія неприличности», и считая рѣчь кн. Репнина недозволенною къ напечатанію, предлагалъ потребовать у издателя объясненія—«на какомъ основаніи дозволено ему издавать свой журналъ, который, сколько извѣстно и по самому названію его судить можно, могъ-бы заключать въ себѣ только извлеченія изъ газетъ и другихъ журналовъ и періодическихъ сочиненій, уваженія и примѣчанія достойнѣйшихъ. На посвященіе-же сего «Духа Журналовъ» сужденіямъ о томъ, что касается собственно до правительства, вѣрно не было даваемо ему позволенія. Таковыя матеріи могутъ быть только печатаемы, когда правительство по усмотрѣнію своему само находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе: ибо ему одному можетъ быть извѣстнымъ, что̀ изъ такихъ матерій и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣнія публики. Посему издателямъ не слѣдуетъ писать ни въ подкрѣпленіе какой-либо о подобныхъ предметахъ мысли, ни противъ оной; то и другое нерѣдко бываетъ равно вредно, поданіемъ повода къ разнымъ заключеніямъ и толкамъ... По всѣмъ симъ причинамъ нашелъ себя въ обязанности препоручить вашему пр-ву обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства».

Кн. Голицынъ замѣчалъ притомъ, что № 40 «Духа Журналовъ» не былъ вовсе на разсмотрѣніи цензуры, о чемъ предлагалъ потребовать отвѣта какъ отъ издателя Яценкова, такъ и отъ содержателя типографіи, и писалъ въ заключеніе: «нужно подтвердить цензурѣ правило, что никто не имѣетъ права быть самъ цензоромъ издаваемаго имъ въ печати; тотъ-же, кто произведетъ цензуру какого-либо сочиненія, долженъ непремѣнно скрѣплять по листамъ оное и отвѣтствовать за сіе». Издатель представилъ на это слѣдующія объясненія: 1) касательно права печатанія статей, до правительства относящихся, онъ ссылался на § 22-й цензурнаго устава, 2) касательно статей «о̀ рабствѣ и вольности» онъ ссылался на нѣсколько статей, заключавшихъ «сужденія о семъ предметѣ несравненно въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ, «дозволенныхъ къ напечатанію въ прошломъ году». «Многократныя повторенія о пользѣ свободнаго книгопечатанія для самаго правительства—писалъ онъ—читаемыя въ «Сѣверной Почтѣ» газетѣ, издаваемой подъ руководствомъ министра, исправлявшаго должность министра народнаго просвѣщенія. (Іос. Пет. Козодавлева, управлявшаго мин. нар. пр. въ 1813 г.), не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы система сія, въ границахъ благоучрежденной цензуры, измѣнилась... Въ нынѣшнемъ-же 1818 г. въ № 12 напечатана статья «О рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ». Когда-же въ опроверженіе «Духа Журналовъ» напечатана была въ № 19 «Сына Отечества» статья о иностранныхъ крестьянахъ, то начальство не только не нашло ничего предосудительнаго въ ученыхъ состязаніяхъ о семъ предметѣ, но еще гласно изъявило за то издателю «Сына Отечества» свое отличное одобреніе». Что касается рѣчи Репнина, то Яценковъ писалъ: «Рѣчь сія прислана къ главному издателю «Духа Журналовъ» печатная. Она говорена была лицомъ, которое есть органъ воли монаршей, слѣдовательно принята за офиціальную, а потому и не оставалось никакого сомнѣнія къ напечатанію оной съ печатнаго уже экземпляра... Принявъ рѣчь сію за офиціальную, какъ она и есть, я не счелъ необходимымъ испросить цензорскаго одобренія къ напечатанію оной вновь, основываясь на § 39 Высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ».

Яценковъ былъ обязанъ подпискою впредь не печатать ничего безъ дозволенія цензуры. Но это не устранило столкновеніе его съ нею, и 3 февр. 1818 г. кн. Голицынъ писалъ Уварову:

«Въ Духѣ Журналовъ» во второй книжкѣ сего года подъ статьею «О сохранныхъ кассахъ» помѣщены, между прочимъ, на счетъ правительства два слѣдующія изъясненія: 1) стр. 8: «какъ часто мы винимъ людей въ томъ, въ чемъ виновны гражданскія наши учрежденія!» и 2) стр. 10 «о нашихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе благопріятствуютъ тѣмъ, кои и безъ того уже судьбою облагодѣтельствованы. У богатаго тысячи и милліоны растутъ сами собою, какъ будто хлѣбъ въ землѣ; а у бѣднаго малая лепта пропадаетъ какъ зерно, падшее на камень или на распутіе. Имущему дано будетъ и прибудетъ, а у неимущаго отымется». Какъ сіи изъясненія на счетъ правительства никакъ не могутъ быть позволительны и сверхъ того вовсе противны наставленію, данному мною издателю сего журнала, стат. сов. Яценкову по сему предмету, то прошу васъ покорно сдѣлать ему замѣчаніе за нарушеніе такимъ образомъ повелѣній начальства и объявить ему, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался отнынѣ издавать въ свѣтъ никакихъ сужденій на счетъ нашего правительства; въ противномъ случаѣ журналъ сей будетъ запрещенъ»...

Судьба однако хранила «Духъ Журналовъ» еще почти три года. Въ началѣ 1820 г. кн. Голицынъ писалъ Уварову по случаю нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ «Духѣ Журналовъ» и въ журналѣ древней и новой словесности, касающихся правительства, что онъ неоднократно замѣчалъ с.-петербургскому цензурному комитету, что таковыя статьи могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство, по усмотрѣнію своему, само находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе, безъ котораго ни подъ какимъ видомъ не должно быть печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе распоряженій правительства.

Вскорѣ послѣ этого кн. Голицынъ писалъ попечителю с.-петербургскаго округа слѣдующее:

«Въ періодическомъ изданіи, подъ названіемъ «Духъ Журналовъ», всегда замѣчаемы были мною мысли и изъясненія непозволительныя и противныя уставу о цензурѣ. Прежде неоднократно позволялъ себѣ издатель онаго возставать на распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ по части мануфактурной, когда не позволяли ввозъ въ Россію чужестранныхъ произведеній; потомъ, когда по новому тарифу послѣдовало разрѣшеніе на свободный ввозъ оныхъ, журналъ сей осмѣлился критиковать и сіе распоряженіе, такъ что съ основательностью можно изъ сего заключать о намѣреніи издателя представлять въ глазахъ читателей своего журнала всѣ распоряженія правительства, какія бы они ни были, необдуманными и противными общественной пользѣ, единственно изъ желанія осуждать оное во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Журналъ сей нарушилъ правила устава и самаго благоприличія даже и въ томъ, что осмѣливался судить и хулить разсужденія и соображенія лицъ самыхъ почтенныхъ, именуя ихъ въ своихъ замѣчаніяхъ.

«...Наконецъ нынѣ вновь оказалось въ № 17 и 18 сего журнала явное порицаніе монархическаго правленія такимъ образомъ, что примѣтно безъ наималѣйшаго сомнѣнія постоянное направленіе изданія сего—дѣйствовать въ противность видамъ и интересамъ правительства, что ни въ какихъ земляхъ терпимо и допускаемо быть не можетъ... Вслѣдствіе сего изданіе «Духъ Журналовъ» съ 1821 г. необходимо прекратить» *).

Около того-же времени, именно въ 1819 году Яценковъ навлекъ на себя гнѣвъ министерства и въ качествѣ цензора «Журнала Древней и Новой Словесности» издаваемаго Олинымъ. Здѣсь дѣло шло не о чемъ-либо иномъ, какъ объ обнародованіи отысканнаго Олинымъ письма Ломоносова «О размноженіи и сохра-

*) «Бесѣды въ общ. люб. рус. слов.», 1871 г., вып. III, стр. 19—24.

ненія русскаго народа». Находку эту Олинъ помѣстилъ въ одной изъ книжекъ своего журнала и въ то же время издалъ письмо Ломоносова отдѣльной брошюрой, о чемъ было объявлено въ газетахъ. И вдругъ оказалось, что даже Ломоносовъ, этотъ патріархъ россійской словесности, не обладалъ настолько благонамѣренностью, чтобы удовлетворить цензурнымъ требованіямъ министерства князя Голицына. Извѣстно, что Ломоносовъ въ своемъ письмѣ между прочимъ возстаетъ на неравнолѣтніе и насильственные браки, особенно на браки несовершеннолѣтнихъ юношей на взрослыхъ дѣвицахъ, возстаетъ на постриженіе въ монахи вдовыхъ священниковъ, на грубыя ликованія въ праздничные дни и чисто внѣшнее соблюденіе постовъ, полагаемыхъ не въ воздержаніи отъ злыхъ дѣлъ, какъ того требуетъ церковь, а единственно въ воздержаніи отъ брашенъ. Много достается отъ Ломоносова и нравамъ духовенства. Все это вмѣстѣ взятое и привело въ ужасъ ханжей, которыми было наполнено министерство народнаго просвѣщенія. И вотъ князь Голицынъ сдѣлалъ замѣчаніе цензурному комитету, что не слѣдовало вопреки § 15 устава пропускать сочиненіе, въ которомъ содержатся въ пунктахъ: третьемъ, пятомъ, седьмомъ и восьмомъ, мысли предосудительныя, несправедливыя, противныя православной церкви и оскорбляющія честь нашего духовенства. Цензору Яценкову, одобрившему рукопись, угрожали удаленіемъ отъ должности, и цензурованіе «Журнала Древней и Новой Словесности» было передано въ другія руки. Въ то же время было воспрещено и распространеніе брошюры въ публикѣ.

Яценковъ и на этотъ разъ принялъ обрушившуюся на него грозу не безмолвно и безотвѣтно, а обратился въ министерство съ объясненіемъ, исполненнымъ чувства собственнаго достоинства и сознанія своей правоты.

«Не входя въ изслѣдованіе о томъ,—писалъ онъ:—справедливы ли разсужденія Ломоносова, въ письмѣ семъ изображенныя, осмѣливаюсь объяснить только слѣдующее. Статья сія имѣетъ совсѣмъ другую цѣну и должна быть разсматриваема совсѣмъ съ другой стороны. Она не есть ни богословская, ибо кто станетъ искать въ Ломоносовѣ разрѣшенія богословскихъ вопросовъ? — ни медицинская, ниже политико-экономическая, хотя въ семъ дѣлѣ всѣ лучшіе врачи и многіе государственные люди отдадутъ Ломоносову справедливость. Она есть ни что иное, какъ новая черта къ портрету Ломоносова, дополненіе къ исторіи жизни и многочисленнымъ ученымъ занятіямъ сего великаго мужа. До сихъ поръ мы знали и почитали Ломоносова какъ неподражаемаго поэта, какъ великаго математика, физика, астронома, химика, отнынѣ будемъ знать и почитать его еще выше и какъ глубокомысленнаго государственнаго мужа, какъ ревностнѣйшаго споспѣшника народной силы, богатства и величія нашего отечества. Онъ могъ ошибаться въ мнѣніяхъ своихъ о предметахъ богословскихъ и политико-экономическихъ; но одно усердіе его къ споспѣшествованію общей пользѣ даетъ уже ему право на всеобщую признательность. Будущій историкъ жизни Ломоносова не пропуститъ и сей черты вмѣстѣ со многими другими, изображающими величественный образъ сего необыкновеннаго человѣка. И сія есть одна истинная точка, съ которой цензоръ считалъ себя въ обязанности разсматривать статью его. Запретивши оную, онъ бы выкинулъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ похвальномъ словѣ Ломоносову».

Это былъ единственный сколько-нибудь смѣлый и независимый голосъ въ министерствѣ, напоминавшій первые годы царствованія Александра, и это былъ буквально гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Можно ли было ожидать въ это время отъ министерства заботы о любопытнѣйшихъ страницахъ въ похвальномъ словѣ Ломоносову, когда оно до такой степени было погружено въ отысканіе всевозможныхъ зловредностей и неблагонамѣренностей, дошло до такого заподозрѣнія всѣхъ и вся, что даже самые столпы его, которыми вся эта система держалась, не могли ручаться за благонамѣренность самихъ себя и другъ друга. Такъ напримѣръ, стоило самому Магницкому (1824 г.) прислать рукопись въ цензурный комитетъ

«Нѣчто о конституціяхъ» инкогнито, не объявивши, что это его сочиненіе, и рукопись была признана нецензурною. И еслибы еще Магницкій восхвалялъ конституціонный образъ правленія; совершенно наоборотъ: цѣлью сочиненія было доказать превосходство неограниченной монархіи въ сравненіи съ конституціонною. Не входя въ разсмотрѣніе содержанія, само слово конституція привело цензоровъ въ ужасъ и смятеніе. По крайней мѣрѣ комитетъ мотивировалъ свое запрещеніе тѣмъ, что вопервыхъ онъ не находитъ ни нужнымъ, ни полезнымъ въ государствѣ съ самодержавнымъ образомъ правленія публично разсуждать о конституціяхъ; вовторыхъ нѣкоторыя сужденія объ этомъ предметѣ могутъ показаться непріятными для союзныхъ съ Россіею иностранныхъ державъ, имѣющихъ правленіе конституціонное; втретьихъ изданіе въ свѣтъ подобнаго сочиненія на русскомъ языкѣ, хотя и написаннаго въ духѣ самодержавнаго правленія, можетъ подать поводъ въ періодическихъ изданіяхъ и другихъ книгахъ писать о конституціи, а публикѣ—дѣлать свои выводы и превратно объяснять появленіе у насъ подобнаго рода вещей; вчетвертыхъ наконецъ въ министерскомъ предписаніи (отъ 24 мая 1818 года) объяснено, что обо всемъ, касающемся правительства, можно писать только по волѣ самого правительства, которому лучше извѣстно, что и когда сообщить публикѣ; частнымъ же лицамъ не слѣдуетъ писать о политическихъ предметахъ ни за, ни противъ: и то, и другое нерѣдко бываетъ одинаково вредно, давая поводъ къ различнымъ толкамъ и заключеніямъ» *).

Мы видѣли выше, что журнальная критика игры актеровъ императорскихъ театровъ была воспрещена на томъ основаніи, что актеры состоятъ на государственной службѣ. Понятно, что подобное запрещеніе тѣмъ болѣе простиралось на всѣхъ служащихъ чиновниковъ, литературныя сужденія о дѣйствіяхъ которыхъ строго преслѣдовались цензурою. Такъ въ 1817 году въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ», издававшихся при тамошнемъ университетѣ, были помѣщены слѣдующія строки о бывшемъ тамъ вице-губернаторѣ Гурьевѣ: «Ревностнымъ исправленіемъ трудовыхъ обязанностей онъ снискалъ любовь и почтеніе людей благомыслящихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ навлекъ себѣ недоброжелателей, по естественному ходу вещей... Гдѣ достоинство, тамъ и зависть»... Достаточно было этихъ скромнѣйшихъ строкъ, чтобы министръ полиціи тотчасъ же обратился къ кн. Голицыну, что онъ находитъ «неприличнымъ, чтобы въ вѣдомостяхъ помѣщаемы были сужденія о служащихъ или уволенныхъ отъ службы чиновниковъ».

На основаніи подобной привилегіи чиновныхъ людей стоять внѣ литературныхъ обсужденій весьма естественно, что когда въ 1819 г. издано было Академіею наукъ третье изданіе русской грамматики и изданіе это было встрѣчено безпощадно убійственною рецензіею въ «Сынѣ Отечества» (такъ какъ издатель «Сына Отечества» Гречъ видѣлъ въ изданіи Академіи наукъ конкуренцію опасную для его грамматики), Академія наукъ вломилась въ амбицію, и въ засѣданіи своемъ порѣшила обратиться въ Главное правленіе училищъ съ жалобою на дерзкаго критика «Сына Отечества». Въ жалобѣ этой Академія между прочимъ писала слѣдующее: «Имѣютъ-ли журналисты право объ издаваемыхъ Академіею книгахъ извѣщать публику съ своими о нихъ сужденіями и критикою? Общее мнѣніе (конференціи) по сему вопросу было слѣдующее. Цѣлая Академія не можетъ быть безграмотною, журналистъ легко можетъ быть безграмотенъ, ибо всякій можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой Академіи предполагается болѣе знанія, не-

*) «Изсл. ист. по р. л.», т. I, стр. 428—429.

жели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше. И такъ, по здравому разсудку, нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобы изданныя отъ Академіи и слѣдовательно оцѣненныя уже ею сочиненія были вновь переоцѣниваемы журналистами. Въ государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано, что журналисты могутъ публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно. Посему ясно, что издатель журнала подъ названіемъ «Сынъ Отечества» присвоилъ самъ себѣ сіе право. Поступокъ его не подлежитъ суду Академіи, но суду правительства».

Но на этотъ разъ Главное правленіе училищъ вдругъ выказало неожиданный либерализмъ и признало, что дѣланіе замѣчаній на всякую издаваемую книгу, а тѣмъ болѣе на грамматику не можетъ никому быть возбранено, и въ случаѣ неосновательности замѣчаній критикъ подвергается стыду передъ публикою и опроверженію своихъ мыслей тѣмъ же способомъ, какимъ доведены онѣ до всеобщаго свѣдѣнія *).

Нечего и говорить о томъ, что требованія почтенныхъ академиковъ поражаютъ своею крайнею дикостью и поступокъ Главнаго правленія, отказавшаго подобнымъ требованіямъ, вполнѣ основателенъ. Но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онъ былъ столь же послѣдователенъ: какъ бы то ни было, а Академія подобно театрамъ носила титулъ Императорской, и академики гораздо въ большей степени могли считаться людьми, состоящими на государственной службѣ чѣмъ актеры. Но несчастіе академиковъ заключалось въ томъ, что они были въ то же время люди науки, для которыхъ законъ былъ не писанъ, и при той крайней ненависти, которую питало большинство членовъ Главнаго правленія ко всѣмъ ученымъ людямъ безъ различія, понятно, что академикамъ нечего было и думать о той привилегіи, какою пользовались артисты кордебалета.

Впрочемъ кн. Голицынъ въ извѣстной степени удовлетворилъ требованіе Академіи и въ письмѣ президенту Академіи Шишкову писалъ, что хотя онъ и вполнѣ согласенъ съ заключеніемъ Главнаго правленія училищъ, «но оскорбительныя для Академіи выраженія и отзывы, каковыми наполнены помянутыя замѣчанія издателя «Сына Отечества», совершенно противны уставу цензуры: слѣдовательно не могутъ быть никому дозволены не токмо въ отношеніи къ цѣлому сословію, но и ко всякому частному лицу».

Вслѣдствіе этого кн. Голицынъ просилъ учинить выговоръ цензору, пропустившему оскорбительную для Академіи статью, самому-же издателю «Сына Отечества» «поставить на видъ таковый противный законамъ поступокъ» и объявить, что за помѣщеніе подобныхъ отзывовъ издатель подвергаетъ себя отвѣтственности, и самый журналъ его должно будетъ запретить**).

За уничтоженіемъ гласности обличительной послѣдовало уничтоженіе и судебной гласности. Въ первыхъ годахъ второго десятилѣтія въ журналахъ нашихъ иногда помѣщались извлеченія различныхъ процессовъ. Но уже въ 1816 году возникли нѣкоторыя сомнѣнія по поводу печатанія судебныхъ записокъ. Такъ записка Черепова по дѣлу его, производившемуся въ общемъ собраніи Сената, была допущена къ печатанію лишь по предложенію Комитету попечителя, при чемъ цензоръ Яценковъ, которому первоначально была дана эта записка на просмотръ,

*) Ibid., стр. 452—456.
**) «Вес. о русск. слов.», 1876 г., вып. III, стр. 34.

представилъ попечителю тѣ причины, по которымъ онъ не допустилъ эту записку къ напечатанію:

1) Въ уставѣ о цензурѣ не видно, чтобы разсмотрѣніе записокъ о спорныхъ и криминальныхъ дѣлахъ принадлежало къ обязанности гражданской цензуры, ибо первою статьею устава ограничивается обязанность цензуры разсматриваніемъ книгъ и сочиненій, назначаемыхъ къ общественному употребленію.

2) Хотя комитетъ и дозволялъ изрѣдка печатать подобныя записки, но лишь такія, которыя были сочинены въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ, безобидныхъ и для сопернической стороны, и еще менѣе для правительства. Въ запискѣ же Черепова скромности сей не соблюдено, а именно сказано: «Правительствующій Сенатъ и за Высочайшую конфирмацією, пріемля въ основаніе несправедливую справку уѣзднаго суда, въ просьбахъ Черепова отказалъ», и далѣе: «Правительствующій Сенатъ, оставя оное безъ разсмотрѣнія, обвиняетъ его, Черепова, несправедливо», и далѣе: «Правительствующій Сенатъ учинилъ сіе въ отмѣну вотчинной жалованной грамоты, въ противность законовъ и въ противность Высочайше конфирмованнаго доклада».

3) Наконецъ цензоръ Яценковъ тѣмъ паипаче усомнился одобрить къ печатанію записку, что опредѣленіемъ Правительствующаго Сената на него, Черепова, наложено молчаніе и запрещено ему утруждать болѣе просьбами своими правительство; послѣ же, за ослушаніе его, повелѣно указомъ поступить съ нимъ, Череповымъ, какъ съ ослушникомъ правительства, почему цензоръ и оставался въ опасеніи, чтобъ дозволить печатать записку не было причтено ему въ вину.

Поставляя на видъ эти соображенія Яценкова, комитетъ испрашивалъ разрѣшенія начальственнаго, какъ поступать ему впредь, когда такого рода записки о спорныхъ дѣлахъ будутъ представляемы ему, поелику въ оныхъ почти не избѣжны выраженія оскорбительныя противу личности гражданина, а иногда и противу правительства.

Съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія комитетъ получилъ право давать дозволеніе на печатаніе записокъ по судебнымъ спорнымъ дѣламъ съ тѣмъ только, чтобы не находилось въ сихъ запискахъ выраженій оскорбительныхъ противу правительственныхъ мѣстъ либо частныхъ лицъ *).

Въ началѣ 1817 года дѣло пошло далѣе; возникло сомнѣніе вообще о приличности печатанія судебныхъ записокъ, и министръ положилъ по этому поводу слѣдующую резолюцію: «По уставу о цензурѣ въ числѣ представленныхъ къ разсмотрѣнію цензурнаго комитета книгъ и сочиненій не упоминается нигдѣ о подобныхъ запискахъ по частнымъ дѣламъ», почему министръ и заключилъ, что писать объ этихъ предметахъ недозволено. Запрещеніе это было неоднократно подтверждаемо и кн. Голицынымъ и сдѣлалось правиломъ для цензуры.

Исключеніе изъ этого правила составляли лишь западныя губерніи, въ которыхъ судопроизводство отправлялось на основаніи литовскаго статута, допускавшаго адвокатовъ и опубликованіе процессовъ. Но государственные люди того времени, какъ мы уже неоднократно видѣли, не отличались знаніемъ законовъ, и вотъ въ 1818 году по поводу одного частнаго дѣла, опубликованнаго въ повременныхъ изданіяхъ, министры полиціи и народнаго просвѣщенія сообща потребовали объясненій отъ типографій и цензурныхъ комитетовъ. Попечитель виленскаго университета кн. А. Чарторижскій въ отвѣтѣ своемъ представилъ кн. Голицыну, что не только запрещеніе печатать адвокатскіе голоса было бы противно дѣйствующимъ въ краѣ законамъ, но и подчиненіе ихъ предварительной цензурѣ невозможно. «Голоса адвокатовъ, писалъ онъ:—уважаются, какъ оффиціальныя письма, за кои адвокаты отвѣтствуютъ передъ тѣмъ же судомъ, передъ коимъ

*) «Р. Стар.», 1889 г., № 10, стр. 195—196.

ихъ чтутъ»; притомъ голоса эти должны быть предаваемы тисненію немедленно; часто ихъ печатаютъ въ то время, какъ на нихъ въ судѣ дѣлается возраженіе со стороны противной партіи, и измѣненіе такого порядка съ цѣлью подвергать ихъ предварительному просмотру цензуры произвело бы неблагопріятное впечатлѣніе. Мнѣніе кн. Чарторижскаго было сообщено министру юстиціи кн. Лобанову, который отозвался, что по его мнѣнію «нѣтъ достаточнаго основанія возбранять въ присоединенныхъ губерніяхъ печатаніе записокъ адвокатовъ». Право это впрочемъ удержалось не долго: въ 1825 году по представленію цесаревича великаго князя Константина Павловича оно было уничтожено *).

Въ 1821 году между прочимъ было запрещено спб. цензурнымъ комитетомъ печатаніе «Историческихъ записокъ о Россіи въ царствованіе Лжедимитрія» въ переводѣ съ польскаго на томъ основаніи, что «сочинитель усиливается дать вѣру толкамъ поляковъ, будто истинный царевичъ не былъ убитъ въ Угличѣ». Уваровъ, донося объ этомъ распоряженіи цензурнаго комитета министру, съ своей стороны заявилъ слѣдующее мнѣніе: «Не принимая на себя рѣшительно сказать о удобности напечатанія сей рукописи, я могу только по самой строгой справедливости изъявить мое мнѣніе, что изслѣдованіе сіе писано весьма скромно и осторожно, содержитъ много любопытнаго и въ глазахъ историка можетъ имѣть особенно то достоинство, что догадки (впрочемъ не новыя) не представляются въ видѣ истинъ и подчиняются вездѣ благоразумному сомнѣнію». Но князь Голицынъ приказалъ «отвѣчать г. попечителю, что Польша имѣла свои причины писать, что Лжедимитрій былъ истиннымъ царевичемъ; поелику же сіе совершенно противорѣчитъ преданіямъ церкви, то сочиненія сего и нельзя одобрить къ напечатанію».

Въ томъ же 1821 году князь Голицынъ далъ знать попечителю спб. учебнаго округа, что по случаю вышедшей вновь изъ печати книги безъ употребленія въ оной буквы ѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тому слѣдовало быть по общимъ правиламъ русскаго языка, Высочайше повелѣно наблюдать цензорамъ, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было допускаемо подобное отступленіе отъ общихъ правилъ языка **).

III.

Извѣстно, что въ этотъ моментъ невыносимаго цензурнаго гнета существовалъ въ Россіи писатель, который пользовался завидною привилегіею находиться внѣ всякихъ цензурныхъ условій. Писатель этотъ былъ Карамзинъ въ должности государственнаго исторіографа. Но и этотъ человѣкъ, болѣе сановникъ чѣмъ писатель, извѣстный всему двору и высшему обществу, обласканный и осыпанный Высочайшими милостями, удостоенный такого исключительнаго довѣрія, что ему было разрѣшено печатать исторію, не представляя ее въ цензурные комитеты, тѣмъ не менѣе не обошелся безъ заподозрѣваній въ крайней неблагонадежности и сообразныхъ этому заподозрѣванію доносовъ. Извѣстно, что Карамзинъ, какъ стилистъ, имѣлъ противъ себя ожесточеннаго противника въ литературѣ въ лицѣ Шишкова, хлопотавшаго всю жизнь о чистотѣ и неприкосновенности русскаго языка. Но и самъ Шишковъ не питалъ къ Карамзину такой вражды, какъ рья-

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 25, 26.
**) «Бес. въ общ. люб. р. слов.», 1871 г., вып. III, стр. 34.

ный приверженецъ ученія Шишкова, попечитель московскаго округа Голенищевъ-Кутузовъ.

Это былъ обскурантъ до мозга костей, подвизавшійся на поприщѣ мракобѣсія раньше еще 12 года, когда либерализмъ первыхъ годовъ царствованія Александра не успѣлъ еще совсѣмъ остынуть. Вся дѣятельность его въ качествѣ попечителя московскаго округа сопровождалась непрерывными доносами. По крайней мѣрѣ въ книгѣ «Семейство Разумовскихъ» А. А. Васильчикова приведена масса писемъ его къ министру Разумовскому, и рѣдкое письмо его обходится безъ какого либо хоть маленькаго доносика. То въ качествѣ предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета онъ доноситъ на неисправности цензоровъ, и—нетолько московсковскихъ, но иногда и петербургскихъ. Такъ напримѣръ, въ письмѣ 2 іюня 1810 г. вы читаете:

«По особенной матеріи, обязался я и особое къ вашему сіятельству писать письмо, къ коему подалъ поводъ матерію прилагаемый здѣсь журналъ, самый безтолковый, который пропущенъ безтолковыми нашими цензорами, по который я велѣлъ остановить и листъ перепечатать. Судите сами, ваше сіятельство, возможно ли его пропустить въ такомъ видѣ, какъ онъ уже былъ пропущенъ. Извольте прочитать страницы мною загнутыя. На стр. 5 сатира на петербургскую дороговизну и сатира столь дерзкая, что сказано «*петербургскіе жители едва могутъ вѣрить, что на свѣтѣ есть чистыя деньги*». А на стр. 45 еще горше того эпиграммы на именной указъ, коимъ предписано учиться римскому праву. Можно ли было это пропускать, и хорошо ли я сдѣлалъ, что эту дрянь остановилъ? Но вотъ, ваше сіятельство, въ какое я поставленъ положеніе. Еслибы это было пропущено, то враги мои радовались бы случаю говорить и уязвлять меня тѣмъ, что подъ моимъ начальствомъ пропущено дерзкое твореніе и простерли бы злобу до того, что мнѣ бы всю вину приписывали; а теперь остановя это, я подвергаюсь другого рода непріятностямъ. Дерзкій авторъ князь Шаликовъ кричитъ, злобится, вопіетъ. Онъ имѣетъ протекторовъ, коими всегда руководствуемъ былъ и поставляемъ, здѣсь, въ Москвѣ, Карамзинъ, а въ Петербургѣ другъ его, Ив. Ив. Дмитріевъ. А потому будьте увѣрены, ваше сіятельство, что за сіе остановленіе дерзкаго умствованія дойдутъ на меня жалобы въ Петербургъ, и многіе за сіе вновь на меня возстанутъ такъ, какъ возстали бы, ежели бы я сіе пропустилъ; почему прошу ваше сіятельство оградить меня отъ стрѣлъ лукаваго, ищущаго всячески меня поражать, и успокоить меня одобреніемъ вашимъ сего моего осторожнаго поступка»... *).

Доносилъ онъ и на московскихъ профессоровъ, особенно же—на профессора философіи Буле, котораго онъ ненавидѣлъ и всячески выживалъ изъ университета. Такъ напримѣръ, 4 сентября 1811 г. онъ писалъ Разумовскому:

«Надзиратель нашей типографіи Невзоровъ донесъ мнѣ, что онъ отъ студентовъ слышалъ, что профессоръ Буле въ свою аудиторію приносилъ библію, и, развернувъ Іезекіиля, сталъ критиковать штиль, говоритъ, что это противъ вкусу эстетики и здраваго смысла. и что все священное писаніе въ такомъ вкусѣ писано, а при этомъ изрекъ такое коцунство, коего я ни начертить, ни изрѣщи не осмѣливаюсь. Живущіе въ одномъ домѣ съ г. Буле сказывали, что онъ, Буле, блудно живетъ съ родною своею сестрою, и въ университетѣ, къ крайнему всѣхъ соблазну, сдѣлалось гласно, что онъ спитъ съ нею на одной постели... Но и кромѣ сего въ его исторіи о философіи довольно одной статьи, въ коей онъ хвалитъ ученіе Спинозы, чтобы извергнуть его изъ благоустроеннаго общества»... и т. п. **).

Конечно лѣтъ черезъ восемь или десять подобный доносъ навлекъ бы Буле большія непріятности, но въ это время не настала еще пора для подобныхъ навѣтовъ, и Голенищевъ-Кутузовъ игралъ роль ранней ласточки. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что Буле хотя и оставилъ московскій университетъ въ этомъ самомъ году, но за то получилъ назначеніе при дворѣ библіотекаря великой княгини Екатерины Павловны. Да и вообще, какъ видно, Голенищевъ-Кутузовъ не

*) «Семейство Разумовскихъ» кн. Васильчикова, стр. 288, 289.
**) Ibid., стр. 66.

пользовался большимъ авторитетомъ въ министерствѣ. По крайней мѣрѣ гр. Разумовскій очень часто дѣлалъ ему репримапды и иногда совершенно неосновательные. Такъ напримѣръ, въ 1812 году министръ отнесся къ нему съ замѣчаніемъ, зачѣмъ онъ не представилъ одному изъ московскихъ цензоровъ выговора, присланнаго этому цензору изъ министерства за пропускъ какой-то книги, показавшейся въ министерствѣ предосудительною. Голепищевъ-Кутузовъ отвѣчалъ на этотъ репримандъ, что исполнить волю министерства онъ не былъ въ состояніи по той простой причинѣ, что въ это время Москва была во власти французовъ, и цензурнаго комитета не существовало, такъ какъ всѣ цензора, и самъ онъ Голенищевъ-Кутузовъ, были разсѣяны по разнымъ городамъ и весямъ Россійской имперіи.

Что касается до Карамзина, то въ своимъ письмахъ къ Разумовскому при всякомъ удобномъ случаѣ Голенищевъ-Кутузовъ выставлялъ его не иначе, какъ врагомъ отечества. Такъ, напримѣръ, 10-го августа 1810 года онъ писалъ кн. Разумовскому:

«Милостивый государь, графъ Алексѣй Кирилловичъ! Имѣя толь вѣрный случай, рѣшился писать къ вашему сіятельству о томъ, чего бы не хотѣлъ ввѣрить почтѣ. Ревнуя о единомъ благѣ, стремясь къ единой цѣли, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина. Вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда. Но его послѣдователи и одобрители подняли теперь еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ, его сопровождавшимъ. О семъ надобно очень подумать, буде не для насъ, то для потомства. Государь не знаетъ, какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется. Оныя сдѣлались классическими. Какъ могу то воспретить, когда оныя рескриптомъ торжественно одобрены? Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно бы дать, давно бы его запереть, не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь»... *).

Еще болѣе кляузнымъ характеромъ отличается доносъ его 2-го декабря 1810 года:

«За нужное почитаю, пишетъ онъ князю Разумовскому: — донести вашему сіятельству, что г. исторіографъ Карамзинъ сегодня отправляется въ Петербургъ и по достовѣрнымъ о немъ извѣстіямъ ѣдетъ именно нарочно для того, чтобы дѣйствовать противъ васъ, и яко депутатъ отъ историческаго общества, просить, что они всѣ несправедливо обижены. Между прочимъ, одинъ изъ его знакомыхъ вопрошалъ его, зачѣмъ онъ ѣдетъ, то онъ ему отвѣчалъ: затѣмъ, чтобы *Разумовскій и вся его затѣи полетѣли къ чорту*. Противу же указа и противъ васъ онъ говоритъ публично, и, словомъ сказать, самолюбіе его такъ оскорблено, что онъ въ ярости и бѣшенствѣ и не думалъ ѣхать въ Петербургъ до разрѣшенія общества, а теперь нарочно ѣдетъ. Пристанетъ онъ у г. министра юстиціи, съ коимъ очень друженъ, а потому и мѣры берите, какія ваше благоразуміе и твердость вамъ внушаютъ. Его же намѣреніе все и цѣль та, чтобы новое общество (историческое) не утвердилось, и даже говоритъ, что онъ будетъ имѣть особую бесѣду съ Государемъ.

«Главнѣйшія и сильнѣйшія мѣры тѣ, что я вамъ неоднократно писалъ: нужно его демаскировать, какъ человѣка вреднаго обществу и коего всѣ писанія тѣмъ опаснѣе, что подъ видомъ пріятности преисполнены безбожія, матеріализма и самыхъ пагубныхъ и возмутительныхъ правилъ; да и безпрестанные его публичные толки вездѣ обнаруживаютъ его яко якобинца. Возьмите даже его Мароу Посадницу. Какой республиканскій духъ и какая пустая выдумка, имѣющая цѣлію только воспаленіе духомъ республиканскимъ! Вложилъ въ уста пьяной и глупой бабы ораторскія рѣчи въ защиту вольности новгородцевъ и заставилъ ее говорить какъ Демосѳена. И позволено ли историческое происшествіе, бывшее недалѣе, какъ за 200 лѣтъ, исказить вымыслами и на какой конецъ, — на якобинскій? Я скоро очень доставлю вамъ выписку изъ проклятыхъ его сочиненій, гдѣ увидите весь ядъ, который онъ разлить старался на бѣдное наше юношество, полюбившее къ несчастію его бредни. Не въ чины его жаловать надобно, а велѣть присматривать за нимъ и за его знакомыми. У него бываютъ сборища, гдѣ любимые разговоры — кощунство насчетъ религіи и Священнаго писанія, коими онъ явно ругается! Возьмите хоть одну маленькую его книжку, вездѣ продающуюся,

*) «Чтен. общ. истор». 1858, т. 2.

подъ названіемъ «Разговоръ о счастіи», и увидите явный матеріализмъ и зловредное для юношества ученіе. А у насъ въ университетѣ его сочиненія какъ модель штиля сдѣлались классическими. Я не могу формально противъ этого возстать, ибо всѣ вовопіютъ: *это личность*. А вы предписать это можете. Да и что за авторъ! Куда онъ годится! Противенъ всякой нравственности, а штиль, про который такъ кричатъ невѣдующіе русскаго языка, штиль самой дурной, неправильный и не русскій! Загляните въ книгу «О старомъ и новомъ слогѣ», сочиненную вице-адмираломъ Шишковымъ, или удостойте Шишкова о семъ поговорить, онъ ясно доказываетъ, что сей авторъ худо грамату знаетъ... Профессоры наши курятъ опміамъ передъ нимъ, *и многіе были въ первый день праздника съ визитомъ, а у меня не были*. Вотъ какое вліяніе онъ здѣсь имѣетъ. Вы одни можете уронить его цѣну и сдѣлать, чтобы онъ не такъ у двора принятъ былъ, какъ его обожатели воображаютъ, и чтобы не съ тріумфомъ сюда возвратился, какъ они всѣ увѣрены. А самое сильное для него пораженіе: 1) если уставъ общества историческаго утвердится, ибо онъ увѣряетъ всѣхъ, что онъ утвержденію его помѣшаетъ; 2) если вы, яко отъ самихъ себя, разсудить изволите написать ко мнѣ бумагу, что его сочиненія не употреблять яко классическія въ университетахъ и во всѣхъ училищахъ. Спѣшу послать «Разговоръ о счастіи». Этимъ можете его изобличить. Ядовитыя мѣста противъ нравственности нарочно мною подчеркнуты, потрудитесь хоть взглянуть на нихъ. Я вскорѣ къ вамъ пришлю выписку изъ всѣхъ его сочиненій». *).

Все это было слишкомъ ужь мерзко и глупо чтобы оказать какое либо дѣйствіе, хотя и можно усомниться на счетъ того, какой эффектъ могъ бы произвести подобнаго рода доносъ пять лѣтъ спустя, при князѣ Голицынѣ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что когда Карамзинъ въ 1816 году пріѣхалъ въ Петербургъ съ 8-ю томами своей «Исторіи» съ цѣлью печатать ихъ на казенный счетъ, авторитетъ его сильно началъ колебаться при дворѣ, когда онъ не хотѣлъ сдѣлать визита Аракчееву. И высочайшая аудіенція, которой онъ добивался, не назначалась, и 60,000, необходимыя для печатанія его исторіи, не отпускались, и только послѣ того какъ онъ смирился духомъ и занесъ визитную карточку къ всесильному фавориту дѣло его пошло какъ по маслу.

Но и тутъ вышла вдругъ неожиданная закорючка. «Исторія» начала печататься въ военной типографіи, какъ вдругъ дежурный генералъ А. А. Закревскій, вѣроятно не имѣвшій ни малѣйшихъ свѣдѣній ни о какихъ придворныхъ и литературныхъ дѣлахъ, ни о томъ что такое былъ Карамзинъ и его положеніе, пріостановилъ печатаніе «Исторіи», требуя цензурнаго разрѣшенія. Карамзинъ тогда обратился съ жалобою къ князю Голицыну: «Академики и профессоры,—писалъ онъ,—не отдаютъ своихъ сочиненій въ публичную цензуру; государственный исторіографъ имѣетъ, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, что и какъ писать: надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, Государя и нравственности; но, быть можетъ, что цензоры не позволятъ мнѣ, напримѣръ, говорить свободно о жестокости царя Іоанна Васильевича. Въ такомъ случаѣ, что будетъ исторія». Желаніе Карамзина было удовлетворено. **)

III.

Не отдѣлался отъ цензурныхъ преслѣдованій и другой придворный поэтъ Жуковскій, въ свою очередь пользовавшійся въ высшихъ сферахъ большими милостями и связями, получавшій пожизненную пенсію въ 4000 р. и пр., и пр. Въ 1822 г. Жуковскій перевелъ балладу Вальтеръ-Скота «The Eve of saint

*) См. книгу Васильчикова, стр. 325—327.
**) «Ист. свѣд. о ценз.» «С. Р.», стр. 27.

John»—«Ивановъ вечеръ» и отдалъ ее для напечатанія въ «Инвалидъ» *). Но цензоръ Бируковъ не разрѣшилъ печатаніе баллады за отсутствіемъ въ ней всякой нравственной цѣли. Жуковскій обратился тогда 17-го августа 1822 г. съ слѣдующимъ письмомъ къ кн. Голицыну изъ Царскаго Села:

«Я на сихъ дняхъ отдалъ для напечатанія въ листахъ «Инвалида» мой переводъ одной баллады англійскаго стихотворца Вальтеръ-Скотта «The Eve of saint John»—«Ивановъ вечеръ». Сія баллада давно извѣстна; содержаніе о ней заимствовано изъ древняго шотландскаго преданія; она переведена стихами и прозой на многіе языки, и до сихъ поръ ни въ Англіи, гдѣ всѣ уважаютъ нравственный характеръ Скотта, и цѣль, всегда моральную, его сочиненій, ни въ остальной части Европы, никому не приходило на мысль почитать его балладу безнравственною или почему-нибудь вредною для читателя. Нынѣ я узнаю съ удивленіемъ, что мой переводъ, въ коемъ соблюдена вся возможная вѣрность, не можетъ быть напечатанъ: слѣдовательно, цензура находитъ сіе стихотвореніе или безнравственнымъ, или противнымъ религіи, или оскорбительнымъ для правительства. Нужно ли мнѣ увѣрять, что для меня ничего не стоитъ отказаться отъ напечатанія нѣсколькихъ стиховъ: очень равнодушно соглашаюсь признать эту балладу не заслуживающею вниманія бездѣлкою; но слышать, что ея не печатаютъ, потому что она можетъ быть *вредна* для читателей, это совсѣмъ иное! Съ такимъ грозно-несправедливымъ приговоромъ я не могу и не долженъ соглашаться.

«Я не въ состояніи даже вообразить, на чемъ гг. цензоры основываютъ свое мнѣніе; но слышалъ, что ихъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ стихѣ: «*И ужасное знаменье въ столъ возжено!*» пугаетъ слово *знаменье;* должно ли замѣчать, что слова *знаменье* и *знакъ* одно и то же, и что ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ничего предосудительнаго? Если же цензоры думаютъ, что слово *знаменье* исключительно принадлежитъ предметамъ священнымъ и не должно выражать ничего обыкновеннаго, то они ошибаются, и надобно отказаться отъ знанія русскаго языка, чтобы въ этомъ случаѣ съ ними согласиться. Еще сказываютъ о требованіи, чтобы я обряды греческой церкви, будто описанные въ балладѣ Вальтера-Скотта, замѣнилъ *обрядами шотландскими.* Такое требованіе для меня совсѣмъ непонятно. Во-первыхъ описаны и англійскимъ поэтомъ, и мною не греческіе священные обряды, а римско-католическіе, ибо во время, къ коему относится происшествіе, разсказанное въ балладѣ, римское исповѣданіе было общее въ западной Европѣ; тогда не было реформатскихъ и тѣмъ менѣе особыхъ шотландскихъ обрядовъ. Во-вторыхъ еслибы даже въ семъ сочиненіи были описаны обряды греческаго богослуженія, то и въ этомъ можно ли находить что-либо противное нравственности и нашей святой религіи? Богослужебные обряды описаны въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» и у насъ въ «Россіадѣ», «Владимірѣ», во многихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, и кто же думалъ за то упрекать авторовъ въ неуваженіи святыни? Смѣю думать, что я не менѣе цензоровъ знаю, сколь предосудительно представлять обряды церкви въ неприличномъ видѣ или съ намѣреніемъ унизить, сдѣлать смѣшными. Но есть ли что подобное въ переведенной мною балладѣ Вальтера-Скотта! Я позволю себѣ утверждать, что цѣль оной нравоучительная, и что въ разсказѣ и описаніяхъ соблюдено строгое уваженіе нетолько къ вѣрѣ и правамъ, но и къ малѣйшимъ приличіямъ. Наконецъ, главный порокъ сей баллады, по мнѣнію гг. цензоровъ, есть заключеніе. Убійца отъ ревности и невѣрная жена скрываются другъ отъ друга и отъ свѣта въ уединеніи монастырскомъ; одинъ *дичится людей и молчитъ;* другая не *смѣетъ взглянуть на свѣтъ и грустна;* явное дѣйствіе раскаянія, въ тайнѣ терзающаго ихъ душу. Вотъ и все! И въ этомъ господа цензоры видятъ оскорбленіе монашескаго сана! И такъ мы въ угодность имъ должны думать, что раскаяніе не есть возвращеніе къ добродѣтели, что оно, изливаясь въ слезахъ передъ алтаремъ въ сихъ святыхъ обителяхъ, гдѣ все вѣщаетъ о смерти и вѣчности, слѣдственно о покаяніи, не можетъ своею таинственною силою примирить преступника съ небомъ, такое мнѣніе противорѣчитъ не одному человѣческому разуму, а ученію Бога Спасителя! Какъ же утверждать, что писатель, представляющій злодѣя, заключившаго себя въ стѣнахъ монастырскихъ для покаянія, проповѣдуетъ противное вѣрѣ, что онъ оскорбляетъ святыню! Въ переводѣ моемъ нѣтъ точнаго слова *раскаяніе* единственно потому, что его нѣтъ и въ оригиналѣ, что я не хотѣлъ сдѣлать изъ стиховъ прозу и что самое слово здѣсь ни мало не нужно для полной ясности. Гг. цензоры видятъ ли въ моей балладѣ то, чего въ ней нѣтъ, или произвольно предполагаютъ въ ней дурное—не знаю! Во всякомъ случаѣ передъ такимъ обвиненіемъ нѣтъ оправ-

---

*) Въ изданіяхъ сочиненій Жуковскаго баллада эта озаглавливается «Замокъ Смальгольмъ».

данія!.. Покориться приговору цензуры—значило бы признаться, что написанное мною (одинъ ли это стихъ или цѣлая поэма все равно!) не согласно съ постановленіемъ закона и что я не имѣю яснаго понятія о томъ, что противно или непротивно нравственности, религіи и благимъ намѣреніямъ правительства. Еслибы не было защиты противъ подобныхъ страшныхъ и непонятныхъ обвиненій цензуры, то благомыслящему писателю, при всей чистотѣ его намѣреній, надлежало бы отказаться отъ пера и рѣшиться молчать: ибо въ противномъ случаѣ онъ не избѣжалъ бы незаслуженнаго оскорбленія передъ лицомъ своего отечества».

Въ отвѣтъ на это письмо Жуковскаго, цензурный комитетъ представилъ въ министерство длинное объясненіе. Начинается это объясненіе подробнымъ изложеніемъ баллады. При этомъ особенно поражаетъ начало изложенія своимъ казенно-криминальнымъ языкомъ: «Смальгольмскій баронъ, увѣривъ свою жену, что онъ ѣдетъ поражать непріятелей Шотландіи, *въ самомъ дѣлѣ уклоняется отъ исполненія долга защитника отечества*, и вмѣсто сего пылаетъ мщеніемъ противу своего домашняго врага, рыцаря Рольдингама, нападаетъ на него скрытно и его убиваетъ» и т. д.

Далѣе слѣдуютъ объяснительные пункты, почему цензурный комитетъ нашелъ, «что для многихъ читателей трудно будетъ отыскать въ этой балладѣ какую-либо нравственную и вообще полезную цѣль».

1) Удержанное въ русскомъ переводѣ самое названіе стихотворенія: *Ивановъ вечеръ* можетъ показаться страннымъ по содержанію шотландской баллады, совершенно противуположному тому почтенію, какое сыны господствующей здѣсь греко-россійской церкви обыкли хранить къ дню сего праздника, и переводчикомъ называемаго великимъ днемъ, между тѣмъ какъ читателямъ предлагается чтеніе о соблазнительныхъ дѣлахъ, которыя они должны воображать себѣ происходившими передъ самымъ симъ праздникомъ и въ самую его ночь. Противуположность между названіемъ баллады и содержаніемъ ея тѣмъ чувствительнѣе для русскаго читателя, что въ Ивановъ день, въ іюнѣ и въ августѣ мѣсяцахъ, обыкновенно бываетъ постъ по уставу греко-россійской церкви.

2) Описаніе соблазнительныхъ дѣйствій и особливо страшныхъ явленій убитаго рыцаря Кольдингама, котораго молодой пажъ и молодая жена барона нѣсколько разъ видятъ не во снѣ, а на яву, принадлежитъ къ числу суевѣрныхъ повѣстей и можетъ болѣе разгорячать и пугать воображеніе, нежели наставлять простыхъ или мало просвѣщенныхъ читателей, особливо молодыхъ людей и женщинъ.

3) Для самыхъ тѣхъ читателей, которые любятъ поэзію и уже привыкли равнодушно смотрѣть на подобныя явленія въ балладахъ, шотландская баллада въ русскомъ переводѣ безъ историческихъ примѣчаній темна и не имѣетъ здѣсь той занимательности содержанія, какую представляетъ она шотландцу, англичанину или ирландцу по достопримѣчательности упоминаемыхъ въ ней мѣстъ и лицъ, которыя имъ знакомы. Безъ подобныхъ примѣчаній читатель баллады на русскомъ языкѣ будетъ не въ состояніи отличить историческую часть сего стихотворенія отъ вымысловъ и прикрасъ автора; не увидитъ основанія ихъ, заимствованнаго отъ народныхъ преданій, и въ такомъ смѣшеніи понятій поневолѣ будетъ судить о ней ошибочно. Самъ Вальтеръ-Скоттъ не считалъ излишнимъ пояснить историческими и другими примѣчаніями нѣкоторыя мѣста своего произведенія, темныя и для самыхъ англичанъ.

4) Для многихъ читателей покажется удивительнымъ и даже неприличнымъ то, что въ шотландской простонародной пѣснѣ, въ суевѣрномъ разсказѣ о явленіи мертвеца, въ соблазнительномъ разговорѣ съ нимъ невѣрной жены, дѣлаются весьма некстати обращенія къ Творцу, кресту, великому Иванову дню; представляются священникъ, монахи, панихида, поминки, часовня, съ такою малою разборчивостью, что русскій читатель, находя въ шотландской сказкѣ *часовню, панихиду и черницовъ*, невольно подумаетъ, что ему хотятъ представить разсказываемое происшествіе случавшимся или по крайней мѣрѣ могущимъ случиться и въ Россіи. У католиковъ, а тѣмъ менѣе у протестантовъ (прежнихъ и нынѣшнихъ жителей Шотландіи), нѣтъ ни часовенъ, ни панихидъ; названіе же иноковъ *черницами*, то-есть употребляющими черную одежду, исключаетъ монаховъ, носящихъ бѣлую одежду, которые есть въ нѣкоторыхъ орденахъ римской церкви, но которыхъ вовсе нѣтъ въ греко-россійской. Всякій согласится съ тѣмъ, что протестанту, автору шотландской баллады, въ странѣ, гдѣ господствуетъ протестантское вѣроисповѣданіе, скорѣе простятъ подобную неразборчивость выраженій въ разсказѣ о происшествіи, относящемся ко времени, когда римско-католическое

исповѣданіе было общимъ въ западной Европѣ. Но отъ русскаго переводчика, пользующагося въ Россіи именемъ извѣстнаго писателя, можно было ожидать большей разборчивости въ названіи священныхъ предметовъ, по крайней мѣрѣ можно было требовать, чтобъ не подавалъ повода русскому читателю смѣшивать понятія объ установленіяхъ церкви греческой съ понятіями о подобныхъ установленіяхъ, которыхъ касается авторъ, говоря о чужой для него и для переводчика церкви римской. Словомъ, въ переводѣ баллады мало видно заботливости о соблюденіи приличій и различія въ священныхъ предметахъ.

5) Хотя переводчикъ и понималъ духъ автора, но вполнѣ передать его своимъ читателямъ не могъ по обстоятельствамъ, настолько благопріятнымъ ему въ Россіи, гдѣ терпимы и покровительствуемы всѣ христіанскія исповѣданія, и гдѣ въ самой господствующей церкви сохраняются древнія установленія и обряды, отчасти сходные съ римско-католическими. Можетъ быть по симъ самымъ причинамъ переводчикъ находился въ необходимости отступать отъ подлинника; но при семъ онъ позволялъ себѣ иногда и то, чего можетъ быть не сдѣлалъ бы самъ авторъ. Нѣкоторыя отступленія переводчика отъ яснаго смысла оригинала и собственныя прибавленія затемняютъ усматриваемое даже въ подлинникѣ намѣреніе автора касаться съ большею разборчивостью предметовъ, равно почитаемыхъ католиками и протестантами, и говорить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ большею осторожностью и скромностью о непозволенной любви.

6) Развязка всей пьесы не имѣетъ той силы, какую хотѣлъ бы найти въ ней читатель и какой дѣйствительно требуетъ великость пороковъ и преступленій, описываемыхъ здѣсь съ такою подробностью. Послѣ впечатлѣній, сдѣланныхъ на читателя представленнаго ему картиною соблазнительной жизни трехъ лицъ (выбранныхъ изъ людей высшаго состоянія), читатель не видитъ сокрушенія преступной жены, сдѣлавшей несчастнымъ и своего мужа, и любовника и себя; не находитъ сильнаго раскаянія въ мужѣ, который отъ ревности и свирѣпства сдѣлался убійцею одного врага и желалъ открыть двухъ подобныхъ враговъ. Изъ одного того, что баронъ и его молодая жена скрылись другъ отъ друга и отъ свѣта въ уединеніи монастырскомъ, и надѣвши монашеское платье, показывались одинъ мрачнымъ и дичащимся людей, а другая грустною и не обращающею глазъ на свѣтъ, читатель еще не увѣрится о сокрушеніи ихъ сердецъ и примиреніи ихъ съ Богомъ и между собою посредствомъ истиннаго покаянія, притомъ о состояніи ихъ въ монастырскихъ стѣнахъ упомянуто холодно, съ равнодушіемъ, даже съ нѣкоторымъ видомъ неуваженія къ сей перемѣнѣ, между тѣмъ, какъ здѣсь-то особливо надлежало бы показать живое участіе христіанскаго человѣколюбія, чего имѣли право требовать, если не несчастливцы, можетъ быть вымышленные, то по крайней мѣрѣ читатели, желающіе увидѣть въ заключеніи наставительную развязку всей повѣсти».

Представляя министру приведенный отзывъ комитета, попечитель округа Руничъ прибавилъ съ своей стороны, что баллада: «Ивановъ вечеръ» нетолько не заключаетъ въ себѣ ничего полезнаго для ума и сердца, но и совершенно чужда всякой нравственной цѣли.

Кн. Голицынъ въ отвѣтномъ письмѣ Жуковскому совѣтовалъ ему «перемѣнить нѣсколько идей и выраженій, и, защищая приговоръ комитета, указывалъ на комедію Фонвизина. Одинъ критикъ не одобряетъ въ «Недорослѣ» того, что авторъ для служки вывелъ на сцену церковно-служителя, и заставилъ его для смѣха повторять изреченія Св. писанія, хотя тотъ же критикъ полагаетъ, что Фонвизинъ допустилъ это только потому, что не подумалъ, къ чему могутъ повести подобныя шутки.

Баллада Жуковскаго напечатана была, два года спустя, въ «Новостяхъ Литературы», выходившихъ въ видѣ прибавленія къ «Русскому Инвалиду», издаваемому Воейковымъ. Вмѣсто «Иванова вечера» баллада названа была «Дункановъ вечеръ». Въ то же время въ ней были сдѣланы слѣдующія измѣненія:

Въ рукописи:	*Напечатано:*
И она, помолясь и крестомъ оградясь,	Содрогнулась она и смятенья полна
Вопросила: «но что же съ тобой...»	Вопросила: «но что же съ тобой»...
И ужасное знаменье въ столъ вожено:	И печать роковая въ столѣ вожена:
Напечатаны пальцы на немъ;	Отразилися пальцы на немъ;
На рукѣ обожженной чернѣетъ пятно	На рукѣ-жь—но таинственно руку она
И закрыта съ тѣхъ поръ полотномъ.	Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

Такимъ образомъ Бируковъ отстоялъ-таки слово *знаменье*, употребленіе котораго въ свѣтскомъ смыслѣ считалъ кощунственнымъ и неприличнымъ.

Чтобы Вальтеръ Скотту не было скучно одному изъ западно-европейскихъ корифеевъ парадировать передъ судомъ цензуры князя Голицина, мы можемъ присоединить къ нему Шиллера и Гёте. Тотъ-же цензоръ Бируковъ низачто не хотѣлъ допустить къ печати переводъ Жуковскаго трагедіи Шиллера «Іоанна д'Аркъ», и лишь ходатайство вел. кн. Николая Павловича открыло шлагбаумъ передъ этой безсмертной пьесой великаго поэта. Около того же времени была недопущена къ представленію на нѣмецкомъ театрѣ трагедія Гёте «Эгмонтъ» па томъ основаніи, что въ пьесѣ находятся многія препія о правахъ государей на ихъ подданныхъ и содержаніе ея заключается въ возмущеніи нидерландцевъ, которое вмѣсто того чтобы внушить зрителямъ повиновеніе правительству можетъ возбудить въ нихъ совсѣмъ противныя чувства.

Тогда же запрещена была въ представленіи на сценѣ драма Вернера: «Doctor Martin Luther oder die Weihe der Kraft» за колкія выраженія противъ католичества. «Если уставомъ запрещается,—говоритъ цензоръ:—и всякое сочиненіе, оскорбляющее личную честь гражданина, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ запрета такое сочиненіе, въ которомъ исповѣдующіе римско-католическую религію, терпимую нашимъ правительствомъ, оскорбляются язвительнымъ осмѣяніемъ. Въ пьесѣ происходятъ различные споры о духовныхъ предметахъ, и выводятся на сцену кардиналы, папскіе нунціи, епископы, монахи, монахини и наконецъ полный соборъ церковный, судившій Лютера и его ученіе» *).

Такимъ образомъ, какъ видите, даже католичество, которое въ иныя времена всегда служило у насъ своего рода ширмою, при кн. Голицынѣ было неприкосновенно наравнѣ съ прочими вѣроисповѣданіями. Это было совершенно согласно съ тѣмъ духомъ интернаціональнаго мистицизма, который въ это время господствовалъ въ высшихъ сферахъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Характеристика молодого поколѣнія александровской эпохи.—Мнѣніе о лицеистахъ въ административныхъ сферахъ.—Взглядъ на Пушкина Н. Макс. Попова.—Ссылка Пушкина.—Отношеніе цензуры къ его произведеніямъ 20-хъ годовъ.—Доносъ гр. Воронцова.—Ссылка Пушкина въ село Михайловское.—Ссора съ отцомъ.—Запрещеніе «Горя отъ ума» и трагическая смерть Грибоѣдова.—Цензоръ Ал. Ив Красовскій и его подвиги.—Проекты Магницкаго и оппозиція противъ нихъ.

I.

Если такіе корифеи какъ Карамзинъ и Жуковскій не миновали подозрѣній и доносовъ, то можно себѣ представить, какъ смотрѣли въ то время на молодежь, выступившую на поприще общественной дѣятельности къ 20-мъ годамъ столѣтія. У Магницкихъ и Руничей зубы скрипѣли при одной мысли, что молодежь эта была воспитана въ первые годы царствованія Александра I въ либеральнѣйшемъ и гу-

*) «Изсл. ист. по р. л.», т. I, стр. 436—448.

маннѣйшемъ духѣ, и, не говоря уже о свободомысліи, какое она почерпала изъ устъ и учебниковъ профессоровъ, изъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, самый примѣръ старшихъ, взапуски либеральничавшихъ до 12-го года, былъ въ высшей степени обаятеленъ и заразителенъ. Понятно, что Магницкіе смотрѣли на молодое поколѣніе какъ на отпѣтое, а послѣднее въ свою очередь не оставалось въ долгу. Правда образованіе этого молодого поколѣнія не отличалось особенною солидностью и глубиною, но эта поверхностность обусловливала собою еще въ бо̀льшей степени рѣзкость внѣшнихъ формъ проявленія антагонизма. Если общественно-политическіе идеалы этой молодежи были крайне неопредѣленны и шатки, то во всякомъ случаѣ достаточно было чистоты и честности, какія присущи юности, чтобы возмущаться противъ той бездны лицемѣрія, предательства, низкопоклонства и т. п., въ которой утопало въ то время общество. А тутъ еще въ европейскихъ литературахъ господствовалъ такой плѣнительно-гордый, независимый, высоко-парящій надъ повседневною грязью идеалъ, какимъ была переполнена поэзія Байрона, этого властителя думъ той эпохи. Вы только подумайте, что̀ за бездна должна была раздѣлять Байрона отъ Магницкихъ, Руничей съ ихъ ежеминутными воздѣваніями рукъ къ небу. Естественно, что возмущенная до глубины души всѣмъ, что происходило вокругъ, молодежь начала будировать, чѣмъ только могла: небрежностью костюмовъ противъ чопорности свѣтскихъ нравовъ, дерзкими рѣчами и страшными словами противъ молчалинства алармистовъ и ханжей, разгульными пирами и даже порнографіей противъ лицемѣрнаго пуризма старшихъ. Для насъ теперь кажется крайне дикимъ и нелѣпымъ пристрастіе первыхъ поэтовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ Пушкина, Языкова, Лермонтова, Полежаева и пр. къ скабрезнымъ стихотвореніямъ, поражающимъ не столько утонченно-соблазнительными образами, сколько грубостью площадного цинизма. Но этотъ странный фактъ очень легко объясняется, если мы возьмемъ въ соображеніе, что цензора того времени не допускали въ печати, чтобы любовники назначали свиданія наканунѣ Иванова дня и придирались къ самымъ невиннымъ изображеніямъ плотской любви. До чего доходилъ пуризмъ цензуры въ этомъ отношеніи, мы можемъ судить по слѣдующему факту: въ 1822 году въ Москвѣ была представлена въ цензурный комитетъ книга «Лекарство отъ задумчивости и безсонницы», заключающая въ себѣ нѣсколько народныхъ сказокъ о Еруланѣ Лазаревичѣ, Иванѣ Царевичѣ и пр. Книга эта была уже старая; первое изданіе ея вышло еще при Екатеринѣ, и затѣмъ она выдержала нѣсколько изданій, послѣднее въ 1819 году. По этому изданію и цензуровалъ ее въ 1822 году цензоръ Перелоговъ, и нашелъ-таки нецензурныя мѣста, хотя прежде, не далѣе трехъ лѣтъ назадъ мѣста эти проходили безпрепятственно. Это были наивно-грубыя народныя описанія, какъ какой-нибудь богатырь велѣлъ прекрасной царевнѣ постелю изготовить и *легъ съ прекрасною царевною на постелю спать, началъ ее лелѣять и цѣловать и за бѣлыя груди хватать*. Подобныхъ фразъ нѣсколько выкинуто изъ книги, а въ одномъ мѣстѣ, гдѣ Ивашка-бѣлая рубашка рубитъ головы змію, прилетающему къ брачной постели Силы Царевича и Царевны Труды, цензоръ выбросилъ три страницы, совершенно исказивъ смыслъ сказки. Въ сказкѣ о Игнатіи Царевичѣ Перелоговъ никакъ не могъ допустить, чтобъ Игнатій Царевичъ *разъярилъ* своего вѣрнаго коня, и во многихъ мѣстахъ замѣнилъ это слово синонимомъ *разсердилъ* и т. п.

Послѣ всего этого порнографія 20—30 годовъ легко объясняется, какъ естественный протестъ противъ тартюфства, у котораго въ это время положительно умъ зашелъ за разумъ. Замѣчательно, что порнографическія стихотворенія списы-

вались обыкновенно въ рукописные сборники безразлично рядомъ съ нецензурными произведеніями политическаго характера, и правительство въ свою очередь на порнографію смотрѣло не только какъ лишь на порчу нравовъ, но усматривало въ ней нѣчто мятежное и революціонное.

Но подозрительнѣе и зловреднѣе всѣхъ въ глазахъ правительства казались бывшіе воспитанники Царскосельскаго лицея, такъ называемые «лицеисты». Это происходило конечно вовсе не отъ особеннаго какого-либо духа, царившаго въ лицеѣ, и не отъ его воспитателей, а просто по просту отъ того, что въ то время, какъ питомцы прочихъ высшихъ заведеній на половину разночинцы по выходѣ изъ заведеній стушевывались въ общественныхъ массахъ, лицеисты по бо̀льшей части дѣти богатыхъ дворянскихъ фамилій были на виду и мозолили глаза своимъ фрондерствомъ. По крайней мѣрѣ до насъ дошелъ доносъ подъ заглавіемъ: «Нѣчто о Царскосельскомъ лицеѣ и о духѣ его» *). Незвѣстно кѣмъ написанный,—по всей вѣроятности чиновникомъ въ родѣ Голенищева-Кутузова,—доносъ этотъ даетъ ясное представленіе о томъ, какъ смотрѣли въ то время многіе правительственные люди на молодежь вообще, а на лицейскую въ особенности.

Начинается этотъ доносъ опредѣленіемъ, что̀ значитъ «лицейскій духъ».

«Въ свѣтѣ, говоритъ авторъ:—называется лицейскимъ духомъ, когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамильярно съ начальниками, высокомѣрно съ равными, презрительно съ низшими, исключая тѣхъ случаевъ, когда для фанфаронады надобно показаться любителемъ *равенства.* Молодой вертопрахъ долженъ при семъ порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизустъ или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а на французскомъ—знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій. Сверхъ того онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ и, болѣе всего представляться филантропомъ и *русскимъ патріотомъ.* Къ тому принадлежитъ также обязанность насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ, и въ сей цѣли выдумано ими слово *шагистика.* Пророчество перемѣнъ, хула всѣхъ мѣръ или презрительное молчаніе, когда хвалятъ что-нибудь,—суть отличительныя черты сихъ господъ въ обществахъ. *Вѣрноподданный* значитъ укоризну на ихъ языкѣ; *европеецъ и либералъ*—почтенныя названія. Какая-то насмѣшливая угрюмость (morgue) вѣчно затемняетъ чело сихъ юношей, и оно проясняется только въ часы буйной веселости. Вотъ образчикъ молодыхъ и даже многихъ немолодыхъ людей, которыхъ у насъ довольное число. У лицейскихъ воспитанниковъ, ихъ друзей и приверженцевъ этотъ характеръ называется въ свѣтѣ *лицейскій духъ.* Для возмужалыхъ людей прибрано другое названіе: *Mèpris souverain pour le genre humain*; для третьяго разряда, т. е. сильныхъ крикуновъ—просто *либералъ*».

Далѣе авторъ разсматриваетъ, откуда и какъ произошелъ этотъ лицейскій духъ. Онъ выводитъ его ни болѣе, ни менѣе, какъ отъ мартинистовъ и новиковскаго кружка, занимавшихся «распространеніемъ либеральныхъ идей посредствомъ произвольнаго толкованія Священнаго писанія, масонства, мистицизма, размноженія книгъ иностранныхъ и вреднаго содержанія и изданія книгъ, чрезвычайно либеральныхъ на русскомъ языкѣ...

«Должно замѣтить, прибавляетъ—онъ къ этому,—что планъ Новиковскаго общества былъ почти тотъ же, какъ «Союза благоденствія», съ тою разницею, что Новиковцы думали основать малую республику въ Сибири, на границѣ Китая и по ней преобразовать всю Россію». «Французская революція,—продолжаетъ авторъ:—была благотворною росою для сихъ горькихъ растеній. Ужасъ, произведенный ею, исчезъ, правила остались и распространились множествомъ выходцевъ, коимъ повѣряли воспитаніе и съ коими дружились безъ всякаго разбора. Кратковременное царствованіе императора Павла Петровича не погасило пламени, но прикрыло только

*) «Русская Старина», 1877 г., № 4, стр. 657.

цѣломъ. Настало царствованіе императора Александра и новыя обстоятельства дали новое направленіе сему духу и образу мыслей...

«Во время самой сильной ферментаціи умовъ, въ 1811 году, новозаведенный лицей наполнился юношествомъ изъ хорошихъ фамилій. Молодымъ людямъ преподавали науки хорошіе профессора, ихъ одѣвали чисто, помѣщали въ великолѣпныхъ комнатахъ, кормили прекрасно, но никто не взялъ на себя труда испытать нравственность каждаго ученика, узнать, въ чемъ онъ имѣетъ недостатокъ, какую главную страсть, какой образъ мыслей, какія понятія о вещахъ, чтобы, истребляя вредное въ самомъ началѣ, развить понятія въ пользу настоящаго образа правленія и къ сей цѣли направить все воспитаніе юношества, назначеннаго занимать важныя мѣста и, по своему образованію, давать тонъ между молодыми людьми. Это именно ускользнуло отъ наставниковъ—впрочемъ, людей добрыхъ и благонамѣренныхъ.

«Въ Царскомъ Селѣ стоялъ гусарскій полкъ; тамъ живало лѣтомъ множество семействъ, пріѣзжало множество гостей изъ столицы, и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральныя, которыя кружили въ свѣтѣ. Должно замѣтить, что тогда было въ тонѣ посѣщать молодыхъ людей въ лицеѣ; они даже потихоньку (т. е. безъ дозволенія, но явно) ходили на вечеринки въ дома, уѣзжали въ Петербургъ, кутили съ офицерами и посѣщали многихъ людей въ Петербургѣ, игравшихъ значительныя роли, которыхъ мы не хотимъ назвать. Въ лицеѣ начали читать всѣ запрещенныя книги, тамъ находился архивъ всѣхъ рукописей, ходившихъ тайно по рукамъ и наконецъ пришли къ тому, что если подлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились въ лицей

«Послѣ войны съ французами (въ 1816 и 1817 годахъ) образовалось Общество подъ названіемъ «Арзамасскаго». Оно было ни литературное, ни политическое, въ полномъ значеніи сихъ словъ, но въ настоящемъ существованіи клонилось само собой и къ той, и къ другой цѣли. Оно сперва имѣло въ намѣреніи пресѣчь интриги въ словесности и въ драматургіи, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцевъ-словесниковъ. Члены общества были извѣстны, или хотя извѣстны всѣмъ, но не объявляли о себѣ публикѣ; но общество было явное. Оно было шуточное, забавное, и во всякомъ случаѣ принесло бы болѣе пользы, нежели вреда, еслибъ было направлено кѣмъ-нибудь къ своей настоящей цѣли. Но какъ никто о семъ не заботился, то Арзамасское Общество принесло вредъ, особенно лицею. Сіе Общество составляли люди, изъ коихъ почти всѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были отличнаго образованія, шли въ свѣтѣ по блестящему пути и почти всѣ были или дѣти членовъ Новиковской мартинистской секты, или воспитанники ея членовъ, или товарищи, друзья и родственники сихъ воспитанниковъ. Духъ времени истребилъ мистику, но либерализмъ цвѣлъ во всей красѣ. Вскорѣ это общество сообщило свой духъ большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло безъ умысла искры и превратило ихъ въ пламень...

«Молодые люди, будучи не въ состояніи писать о важныхъ политическихъ предметахъ по недостатку учености и желая дать доказательства своего вольнодумства, начали писать пасквили и эпиграммы противъ правительства, которые вскорѣ распространялись, приносили громкую славу молодымъ шалунамъ и доставляли имъ предпочтеніе въ кругу зараженнаго общества. Они водились съ офицерами гвардіи, съ знатными молодыми людьми, были покровительствуемы Арзамасцами и членами тайнаго общества, шалили безнаказанно, служили дурно и. за дурныя дѣла пользуясь въ свѣтѣ наградами и уваженіемъ, давали тѣмъ самое пагубное направленіе обществу молодыхъ людей, которые уже въ домахъ своихъ не слушали родителей, въ насмѣшку называли ихъ *вѣрноподданными* и почитали себя преобразователями, дѣтьми новаго вѣка, новымъ поколѣніемъ, рожденнымъ наслаждаться благодѣяніями своего вѣка. Всѣ совѣты были тщетны. Они почитали себя выше всѣхъ. Духъ журналовъ» былъ отголоскомъ ихъ мнѣній—можетъ быть и неумышленно».

Но изъ всѣхъ лицейскихъ воспитанниковъ наиболѣе выдавался какъ своимъ талантомъ, такъ и живымъ, нервнымъ характеромъ А. С. Пушкинъ, который не замедлилъ вскорѣ послѣ выхода изъ лицея прослыть самымъ опаснымъ изъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Вотъ какъ отзывается о немъ одинъ изъ его современниковъ, Ник. Макс. Поповъ (впослѣдствіи служившій въ III отдѣленіи при Дубельтѣ), отражая въ своемъ отзывѣ опять-таки чисто административную точку зрѣнія на знаменитаго поэта *):

---

*) См. «Р. Стар.» 1874 г., т X, стр. 684.

«Въ то время разгульная жизнь, шалости и вольномысліе были щегольствомъ между молодежью; а войска, возвратившіяся послѣ отечественной войны изъ-за границы, принесли съ собою мысли о конституціи, свободѣ и равенствѣ. Въ то же время въ литературномъ мірѣ славился Байронъ, знаменитый своими поэмами и странностями. Правнукъ по матери африканца, пылкій и смѣлый, легкомысленный, склонный къ удальству и сатирѣ, воспитанный на французскихъ книгахъ, Пушкинъ легко всосалъ въ себя всѣ недостатки современнаго общества. Онъ тратилъ жизнь въ праздности, въ попойкахъ съ друзьями и за картами. Для звучнаго стиха онъ не боялся нарушить чувства стыдливости и затронуть предметы, чтимые въ народѣ; для остраго слова не щадилъ никого, даже людей, которыхъ самъ уважалъ. Не уступавшій никому, онъ за малѣйшую противъ него неосторожность готовъ былъ отплатить эпиграммой или вызовомъ на дуэль. Въ самой наружности его было много особеннаго: онъ то отпускалъ кудри до плечъ, то держалъ въ безпорядкѣ свою курчавую голову; носилъ бакенбарды большіе и всклокоченные; одѣвался небрежно, ходилъ скоро, повертывая тросточкой или хлыстикомъ, насвистывая или напѣвая пѣсню. Въ свое время многіе подражали ему и эти люди назывались à-la Пушкинъ. Объ остротахъ и странностяхъ его разсказывались анекдоты; его непристойные и недозволенные стихи переписывались и заучивались. Онъ былъ первымъ поэтомъ своего времени и первымъ шалуномъ; прослылъ русскимъ Байрономъ, вольнодумцемъ и опаснымъ человѣкомъ».

Вотъ какъ смотрѣло начальство на знаменитаго нашего поэта, а вотъ какъ самъ онъ описываетъ въ проектѣ просьбу, которую онъ собирался подавать Государю въ 1824 или 25-хъ годахъ, о своемъ нравственномъ состояніи передъ ссылкою *).

«Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 году. Нѣсколько необдуманныхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на себя вниманіе. Разнесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался, мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить ли мнѣ къ самоубійству или... Но въ первомъ случаѣ я самъ бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ, а не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было; я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ.. Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтывалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ: я понялъ, что это безполезно. Тогда я рѣшился выказать столько наглости столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести»...

1820-й годъ, когда реакція дошла до своего апогея, былъ именно такимъ годомъ, въ который подобной жаждѣ мученичества не пришлось долго мучить поэта безъ удовлетворенія. Стоило ему на масляной въ театрѣ показать нѣкоторымъ знакомымъ портретъ убійцы герцога Беррійскаго Лувеля, и участь его была рѣшена. Началось съ того, что однажды вечеромъ, когда Пушкина не было дома, къ нему въ квартиру пришелъ неизвѣстный человѣкъ и предлагалъ дядькѣ его Никитѣ, пятьдесятъ рублей, прося дать ему почитать сочиненій барина. Вѣрный старикъ прогналъ любознательнаго незнакомца. Узнавши объ этомъ по возвращеніи домой, Пушкинъ сжегъ всѣ свои бумаги. Затѣмъ онъ былъ потребованъ къ генералъ-губернатору гр. Милорадовичу. При вопросѣ о бумагахъ Пушкинъ отвѣчалъ: «Графъ, всѣ мои стихи сожжены; у меня ничего не найдется на квартирѣ! Но если вамъ угодно, все найдется здѣсь (онъ указалъ пальцемъ на свой лобъ). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что̀ когда-либо было написано мною (разумѣется, кромѣ печатнаго) съ отмѣткою: что разошлось подъ моимъ именемъ». Подали бумаги. Пушкинъ сѣлъ и написалъ цѣлую тетрадь.

Какъ извѣстно, реакціонные изувѣры и тутъ возвысили свой голосъ. Не щадя ни молодости Пушкина, ни его таланта, которымъ и тогда уже гордилась вся

*) «Сочиненія Пушкина», подъ редакц. П. М. Ефремова, Москва 1882 г., стр. 196, 197.

Россія, они старались раздуть его вину и предполагали сослать его на заточеніе въ Соловецкій монастырь. Лишь ходатайство Е. А. Энгельгардта, Н. М. Карамзина, Н. И. Гнѣдича, А. Н. Оленина и П. Я. Чаадаева смягчили участь поэта. Къ этимъ ходатаямъ присоединился и Милорадовичъ, который вотъ какъ описываетъ свой докладъ государю о дѣлѣ Пушкина:

— «Я вошелъ къ государю со своимъ сокровищемъ (стихами Пушкина), подалъ ему тетрадь и сказалъ: «Здѣсь все, что разбрелось въ публикѣ, но вамъ, государь, лучше этого не читать». Государь улыбнулся на мою заботливость. Потомъ я разсказалъ подробно, какъ у насъ дѣло было. Государь слушалъ внимательно и наконецъ спросилъ:—«А что же ты сдѣлалъ съ авторомъ?»—Я? Я объявилъ ему отъ имени вашего величества прощеніе!—Тутъ мнѣ показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчавъ немного, онъ съ живостью сказалъ: «Не рано ли? Потомъ, еще подумавъ, прибавилъ:—«ну, коли ужь такъ, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина въ дорогу, выдать ему прогоны и съ соотвѣтствующимъ чиномъ и съ соблюденіемъ возможной благовидности отправить его на службу на югъ!»

Ссылка въ Одессу въ значительной степени остепенила Пушкина. Въ то время, какъ онъ просилъ Карамзина заступиться за него, Карамзинъ взялъ съ него слово, чтобы онъ по крайней мѣрѣ впродолженіе года не писалъ ничего противнаго правительству. «Иначе, говорилъ онъ:—я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи». Пушкинъ далъ слово, и дѣйствительно не писалъ уже болѣе политическихъ стихотвореній. Произведенія его легко проходили сквозь цензуру за исключеніемъ какого-нибудь одного, двухъ, трехъ стиховъ. Такъ напримѣръ, въ посланіи Чаадаеву—«Любви, надежды, гордой славы», былъ выпущенъ стихъ «Вольнолюбивыя надежды оживимъ». «Вчера, пишетъ Пушкинъ Н. И. Гречу по поводу этого стихотворенія отъ 21-го сентября 1821 г.:—видѣлъ я въ «Сынѣ Отечества мое посланіе къ Чаадаеву; ужь эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral; оно прямо русское и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и топталищемъ».

Затѣмъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» стихи:

Не много радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала,

Цѣломудренная цензура измѣнила слѣдующимъ образомъ:

Немного радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала.

«Зарѣзала меня цензура! писалъ по этому поводу Пушкинъ П. А. Вяземскому:— я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: *ей дней* въ концѣ стиха. Ночей, ночей—ради Христа, ночей судьба на долю ей послала. То-ли дѣло *ночей*, ибо днемъ она съ нимъ не видѣлась—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня! Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Бируковъ добрый малый, уговори ого, или я слягу». Наконецъ въ одѣ на смерть Наполеона (1821 г.) цензура, какъ извѣстно, выкинула стихи:

Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ.

и затѣмъ выпущена послѣдняя строфа:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Ты русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Но, несмотря на всю сдержанность, гоненія на Пушкина не ограничились однако высылкою въ Одессу. Здѣсь, какъ извѣстно, онъ не поладилъ съ гр. Воронцовымъ, котораго осыпалъ злыми эпиграмами, и вотъ Воронцовъ 24-го марта 1824 года послалъ графу Нессельроде донесеніе о Пушкинѣ, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«Я не могу пожаловаться на Пушкина за что-либо; напротивъ, казалось, онъ сталъ гораздо сдержаннѣе и умѣреннѣе прежняго, но собственный интересъ молодого человѣка, *не лишеннаго дарованія* и котораго недостатки происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца, заставляетъ меня желать его удаленія изъ Одессы. Главный недостатокъ Пушкина — честолюбіе. Онъ прожилъ здѣсь сезонъ морскихъ купаній и имѣетъ уже много льстецовъ, хвалящихъ его произведенія; это поддерживаетъ въ немъ вредное заблужденіе и кружитъ его голову тѣмъ, что онъ *замѣчательный писатель*, въ то время какъ онъ *только слабый подражатель писателя, въ пользу котораго можно сказать очень мало* (лорда Байрона). Это обстоятельство отдаляетъ его отъ основательнаго изученія великихъ классическихъ поэтовъ, которые имѣли бы хорошее вліяніе на его талантъ — въ чемъ ему нельзя отказать, и сдѣлали бы изъ него современемъ замѣчательнаго писателя. Удаленіе его отсюда будетъ лучшая услуга для него. Я не думаю, что служба при генералѣ Инзовѣ поведетъ къ чему-нибудь, потому что хотя онъ и не будетъ въ Одессѣ, но Кишиневъ такъ близокъ отсюда, что ничего не помѣшаетъ его почитателямъ поѣхать туда; да и наконецъ въ самомъ Кишиневѣ онъ найдетъ въ молодыхъ боярахъ и молодыхъ грекахъ скверное общество».

Но не успѣло еще это донесеніе дойти по мѣсту назначенія, какъ въ Петербургѣ завязалось новое дѣло о Пушкинѣ. Незадолго до того поэтъ написалъ, неизвѣстно кому, письмо, въ которомъ находились слѣдующія строки: «Читаю Библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, что̀ я дѣлаю? Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ глухой философъ и единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ *). Онъ написалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію болѣе чѣмъ правдоподобная».

Письмо это было перехвачено на почтѣ и какимъ-то образомъ распространилось въ спискахъ по Москвѣ. Можно себѣ представить, въ какое негодованіе привело оно мистическое начальство. И вотъ 11-го іюля 1824 года отъ графа Нессельроде послѣдовала гр. Воронцову въ отвѣтъ на его донесеніе слѣдующая бумага:

«Графъ! Я подавалъ на разсмотрѣніе императора письма, которыя ваше сіятельство прислали мнѣ, по поводу коллежскаго секретаря Пушкина. Его величество вполнѣ согласился съ вашимъ предположеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, на которыхъ вы основываете ваши предположенія, и подкрѣпленныхъ въ

*) Подъ аѳеемъ здѣсь подразумѣвается нѣкто докторъ Гунчисонъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви.

это время другими свѣдѣніями, полученными его величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ къ несчастію, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ приложеннаго при семъ письма. Его величество поручилъ мнѣ переслать его вамъ; объ немъ узнала московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность. Вслѣдствіе этого его величество въ видахъ законнаго наказанія приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за дурное поведеніе; впрочемъ его величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора на томъ основаніи, что, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ безъ сомнѣнія все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится и вынудитъ начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить по возможности такія послѣдствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только его отставкою, но находитъ необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства. Ваше сіятельство не замедлитъ сообщить г. Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ выполнить въ точности и отправить его безъ отлагательства въ Псковъ, снабдивъ прогонными деньгами».

И вотъ Пушкинъ отправился изъ Одессы 30-го іюля 1824 г. по назначенному маршруту черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ, давъ подписку нигдѣ не останавливаться на пути и по прибытіи въ Псковъ явиться къ гражданскому губернатору. Самъ Воронцовъ назначилъ этотъ маршрутъ, исключивъ изъ него Кіевъ. Въ деревнѣ поэтъ отданъ былъ подъ надзоръ губернатора, предводителя дворянства и архимандрита сосѣдняго имѣнію Пушкиныхъ Святогорскаго монастыря.

Но надзоръ всѣхъ этихъ лицъ не былъ для поэта столь тягостенъ, сколько донялъ его отецъ Сергѣй Львовичъ, находившійся въ усадьбѣ во время пріѣзда сына. Онъ отнесся къ опальному поэту съ возмутительною грубостью, накинулся на него съ упреками, чуть не съ проклятіями. Вотъ что писалъ по этому поводу Пушкинъ къ Жуковскому 31-го октября 1824 года:

«Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ, какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче—быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясняться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ желая вывести себя изъ тягостнаго положенія прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу: нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что *говорю ему въ послѣдній разъ*... Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что *я его билъ*... Потомъ, что *хотѣлъ бить*!.. Передъ тобой не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?.. Рудниковъ сибирскихъ, лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня... Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de loi».

Въ то же время псковскому губернатору Борису Антоновичу Адеркасу Пушкинъ писалъ:

«Милостивый государь Борисъ Антоновичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его императорское величество, да соизволитъ меня пере-

вести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства».

Жуковскому удалось помирить отца съ сыномъ, но несмотря на то, что всѣ родственники Пушкина уѣхали изъ Михайловскаго и оставили его одного. Несмотря на близость села Тригорскаго, гдѣ Пушкинъ отдыхалъ душою въ семействѣ П. А. Осиповой, ссылка такъ томила его, что онъ постоянно искалъ возможности избавиться отъ нея. То онъ придумывалъ фантастическую болѣзнь, нѣчто въ родѣ аневризма, и обращался съ просьбою дозволить ему ѣхать лечиться хотя бы въ Псковъ, то онъ собирался писать просьбу государю о помилованіи; наконецъ, дошло дѣло до того, что онъ сталъ сговариваться съ пріятелемъ своимъ А. Н. Вульфомъ бѣжать за границу. Вульфъ хотѣлъ выхлопотать себѣ заграничный паспортъ и увезти съ собою Пушкина подъ видомъ слуги. Когда же до слуха Пушкина дошло привезенное изъ столицы поваромъ Осиповыхъ Арсеніемъ извѣстіе о томъ, что въ Петербургѣ бунтъ, повсюду разъѣзды, караулы, тутъ ужь поэтъ не могъ болѣе вытерпѣть и рѣшился напропалую ѣхать въ Петербургъ. Онъ уже выѣхалъ изъ усадьбы, но на пути встрѣтилъ священника; не проѣхалъ и версты. какъ дорогу ему перебѣжали три зайца: эти дурныя примѣты, въ которыя вѣрилъ поэтъ, несмотря на весь свой «аѳеизмъ», заставили его повернуть оглобли и мирно возвратиться подъ сѣнь Михайловскаго.

Вотъ каково было положеніе въ эти мрачныя времена нашего геніальнѣйшаго поэта, имя котораго, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, въ настоящее время изображается московскими публицистами крупнымъ шрифтомъ на знамени консерватизма.

Не менѣе грустно было положеніе и другого литературнаго корифея этого времени изъ молодыхъ, А. С. Грибоѣдова. По разсказу одного изъ цензоровъ того времени, въ 1824 году въ пріемную къ министру явился однажды высокій стройный мужчина, во фракѣ, очкахъ, съ большою переплетенною рукописью. Это былъ Грибоѣдовъ. Разсказчикъ, случившійся въ пріемной, спросилъ вошедшаго, чего онъ желаетъ?—«Я хочу видѣть министра и просить у него разрѣшенія напечатать мою комедію «Горе отъ ума». Чиновникъ объяснилъ, что дѣло просмотра рукописи принадлежитъ цензурѣ, и онъ напрасно обращается къ министру. Грибоѣдовъ однако стоялъ на своемъ, а потому былъ допущенъ къ министру. Тотъ, просмотрѣвъ рукопись, перепугался разныхъ отдѣльныхъ стиховъ, и комедія на многіе годы была запрещена.

Затѣмъ въ февралѣ 1826 года Грибоѣдовъ, какъ извѣстно, былъ арестованъ въ Екатериноградской станицѣ по подозрѣнію въ участіи въ заговорѣ декабристовъ и препровожденъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ, гдѣ былъ заключенъ въ главномъ штабѣ и заключеніе это длилось четыре мѣсяца, пока слѣдствіе не оправдало его.

Наконецъ въ апрѣлѣ 1828 года Грибоѣдовъ получилъ почетное, но опасное назначеніе полномочнымъ министромъ при дворѣ персидскомъ. Неохотно принялъ Грибоѣдовъ эту миссію: мрачное предчувствіе не оставляло его. Посѣтивъ друга своего А. А. Жандра и сообщая ему о своемъ назначеніи, Грибоѣдовъ сказалъ:

— «Насъ тамъ непремѣнно всѣхъ перерѣжутъ. Аллаяръ-ханъ—мой личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ туркменчайскаго трактата!»

Трагическая смерть Грибоѣдова была исполненіемъ этого предчувствія, если только слова Грибоѣдова можно назвать предчувствіемъ *)....

*) «Русск. Стар.», т. X, «Ал. С. Грибоѣдовъ», гл. V, стр. 295—296.

II.

Теперь отъ подозрѣваемыхъ, тѣснимыхъ и гонимыхъ поэтовъ намъ приходится обратиться къ ихъ неусыпнымъ стражамъ въ лицѣ наиболѣе ревностныхъ цензоровъ того времени. Съ однимъ изъ нихъ мы уже познакомились, именно — съ Бируковымъ, запретившимъ «Замокъ Смалькгольмъ» Жуковскаго и покушавшимся наложить свое veto даже и на «Іоанну-д-Аркъ». Но какъ ни строгъ и придирчивъ былъ Бируковъ, какъ ни много жалобъ на него встрѣчаются въ письмахъ писателей того времени, но слава его меркнетъ передъ Александромъ Ивановичемъ Красовскимъ, который подобно Туманскому эпохи Павла является новымъ воплощеніемъ и героемъ цензуры своего вѣка.

А. В. Красовскій былъ сынъ протоіерея Петропавловскаго собора и члена Россійской Академіи. Окончивъ курсъ наукъ въ бывшей гимназіи Академіи наукъ, онъ поступилъ въ 1796 г. переводчикомъ въ канцелярію Академіи; въ 1800 г. былъ опредѣленъ библіотекаремъ въ Имп. Публичную Библіотеку. а съ 1810 г. занималъ должность секретаря въ ней. Въ 1821 г. началась его цензурная дѣятельность въ качествѣ сначала члена цензурнаго комитета, по закрытіи котораго былъ уволенъ въ 1828 году. Въ 1832 г. онъ былъ командированъ въ Варшаву для принятія книгъ и рукописей изъ тамошнихъ библіотекъ, университетской и общества любителей наукъ. Затѣмъ 11-го мая 1832 г. Красовскій былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры и въ этой должности прослужилъ 25 лѣтъ, до самой своей смерти 19-го ноября 1857 года.

Изъ всѣхъ современниковъ Красовскаго трудно придумать человѣка, который былъ бы такимъ совершеннѣйшимъ исчадіемъ окружавшей его среды, съ такимъ слѣпымъ и тупымъ рвеніемъ подлаживался бы къ господствовавшему духу и такъ вѣрно сохранилъ бы его во всю свою послѣдующую жизнь. Представьте себѣ господина съ типическою чиновною физіономіею и съ необыкновенными ушами, громадными, расплюснутыми, совершенно безъ завитковъ, взбѣгавшими вверхъ до макушки и тянувшимися до затылка. По словамъ автора воспоминаній о немъ *) «это былъ цѣликомъ казенный человѣкъ, какъ понимали казеннаго человѣка въ старину, и онъ шелъ къ своей служебной добычѣ всегда верхнимъ чутьемъ, которое никогда его не обманывало. Въ немъ все было напоказъ; тѣло и душа въ мундирѣ; набожность, православіе, человѣческое чувство, служба — все форменнаго покроя. Водотолченое усердіе, принизительное смиреніе, угодливость передъ высшими, разсчитанное ханжество—все это служило ему ходулями впродолженіи всей его дѣятельности».

Когда мистицизмъ вошелъ въ моду, Красовскій началъ посѣщать домовыя церкви высокопоставленныхъ особъ обоего пола; особенно же усердныеземные поклоны на виду у государственныхъ сановниковъ клалъ онъ въ домовой церкви князя Голицына; послѣ же обѣдни вмѣстѣ съ другими посѣтителями князя онъ втирался въ гостиную его и усаживался хотя и въ почтительномъ отдаленіи, но такъ, чтобы постоянно быть на глазахъ у князя.

Самъ весь проникнутый ханжествомъ, онъ и отъ подчиненныхъ требовалъ такихъ же внѣшнихъ проявленій религіозности. Говѣніе великимъ постомъ вмѣня-

*) См. «Р. Стар.», т. IX, стр. 107—140.

лось имъ въ обязанность, какъ долгъ службы, причемъ болѣе усерднѣйшимъ чиновникамъ Красовскій дарилъ грошовыя духовно-назидательныя книжечки для народнаго чтенія съ собственноручными надписями на нихъ вродѣ того, что такому-то въ знакъ христіанской любви, А. Красовскій. Не менѣе строго слѣдилъ онъ и за нравственностью чиновниковъ особенно по отношенію къ прекрасному полу. Такъ напримѣръ стоило дойти до него слухамъ, что одинъ чиновникъ, занимавшій казенную квартиру, имѣетъ прислугою молодую женщину, онъ въ среду на страстной, передъ исповѣдью позвалъ его къ себѣ, заперъ комнату, заставилъ читать молитву о покаяніи и затѣмъ произошелъ слѣдующій допросъ:

— Прочли вы молитву?

— Прочелъ.

— Видите ли вы, къ какому таинству готовитесь?

— Вижу.

— И вы оскверняете себя прелюбодѣяніемъ, да еще гдѣ? — на казенной квартирѣ.

— Какимъ прелюбодѣяніемъ? спрашиваетъ изумленный чиновникъ.

— Какъ какимъ? Вы живете въ незаконномъ сожительствѣ съ молодой женщиной! Я видѣлъ ея шляпку въ вашей комнатѣ, я сейчасъ былъ у васъ.

— Да это моя прислуга, рекомендованная мнѣ моими знакомыми; другихъ отношеній между нами никакихъ нѣтъ.

— Не правда-съ, вы съ ней живете, на вашей кровати можно двумъ спать.

— Да эта кровать куплена прежде, чѣмъ она поступила ко мнѣ.

— Пустыя оправданія, ничего не доказывающія! Приказываю вамъ немедленно выслать ее изъ казенной квартиры сегодня-же. Это не можетъ быть терпимо. Самъ князь Платонъ Александровичъ (Ширинскій-Шахматовъ) строго смотритъ за тѣмъ, чтобы чиновники министерства, живущіе на казенныхъ квартирахъ, вели себя благоправно, а не то они лишаются этой милости и даже мѣста. Предостерегаю и васъ! И на вашу службу это можетъ повліять дурно. Совѣтую вамъ взять женщину не моложе 40 лѣтъ...

Чиновникъ, получившій такую нахлобучку, вздумалъ провести своего строгаго начальника: онъ выписалъ свою прислугу изъ своей казенной квартиры въ частную въ томъ же домѣ. Красовскій объ этомъ узналъ, и, не довольствуясь уже интимными внушеніями, придалъ этому дѣлу оффиціальный характеръ: предписалъ секретарю комитета съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла выслать эту женщину не только изъ казенной квартиры, но даже изъ самаго дома, что и было совершено административнымъ порядкомъ.

Но Красовскій преслѣдовалъ не одни прелюбодѣянія своихъ подчиненныхъ, онъ возставалъ и противъ законныхъ браковъ: самъ умерши дѣвственникомъ, онъ и между чиновниками старался поддерживать безбрачіе. «Женатый человѣкъ, — говорилъ онъ: — «совершенно неблагонадежный чиновникъ, потому что долженъ дѣлиться между службой и семьей, вмѣсто того чтобы всецѣло принадлежать первой». — Неимовѣрныхъ усилій стоило получить у Красовскаго разрѣшеніе на бракъ. Онъ пускалъ въ ходъ все свое томительное краснорѣчіе, которое не всякій могъ выдержать до конца, потому что для этого надо было имѣть очень крѣпкіе нервы; если же падшій продолжалъ упорствовать въ своемъ заблужденіи, Красовскій требовалъ тогда самыхъ строгихъ гарантій, что бракъ предстоитъ вполнѣ солидный и будетъ совершенъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ.

Даже и про своего начальника князя Ширинскаго-Шахматова, передъ которымъ Красовскій благоговѣлъ, онъ однажды осмѣлился замѣтить: «Ужь онъ ли, кажется, не святой человѣкъ и по жизни, и по набожности! А что же? Вѣнца праведника ему не стяжать: онъ женатъ—плотское сожительство препятствуетъ».

Какъ у истаго бюрократа до мозга костей страсть къ перепискѣ доходила у Красовскаго до маніи. Онъ нетолько посылалъ цѣлые вороха бумагъ по всевозможнымъ присутственнымъ мѣстамъ и изъ каждой мелочи создавалъ толстое дѣло, но завелъ исполненную тончайшей формалистики переписку между чиновниками собственной его канцеляріи, и почти ни одного приказанія не давалъ устно, безъ сопровожденія многорѣчивыми предписаніями или отношеніями. Чиновники потѣшались надъ этою страстью начальника и нарочно иной разъ изливались въ длиннѣйшихъ рапортахъ изъ-за такихъ пустяковъ, для которыхъ было бы вполнѣ достаточно двухъ-трехъ фразъ устнаго разговора. Эта страсть довела Красовскаго даже до того, что онъ, не дерзавшій даже мысленно вознестись надъ всякимъ на вершокъ выше его стоящимъ, вдругъ возропталъ. Это было подъ конецъ его жизни, когда при наступившемъ либеральномъ вѣяніи послѣ крымской войны вышло правительственное распоряженіе о сокращеніи переписки. Это ошеломило Красовскаго какъ революція сверху и дабы отвратить государственный переворотъ онъ сталъ въ оппозицію и еще болѣе увеличилъ и переписку, и дѣлопроизводство.

Однажды сторожъ несъ къ Красовскому въ незапечатанномъ пакетѣ бумаги для его просмотра и подписи; дорогою онъ зашелъ въ кабакъ, а потомъ купилъ на закуску нѣсколько гнилыхъ яблокъ, и такъ какъ въ глазахъ его все кружилось, то онъ положилъ яблоки въ пакетъ съ бумагами и передалъ въ такомъ видѣ пакетъ камердинеру Красовскаго. На другой день получается отъ Красовскаго предлинный запросъ: «отчего между принесенными вчера бумагами оказалось приложеніе изъ трехъ яблокъ, и тѣ не перваго сорта, но бумаги объ нихъ нѣтъ?» Завязалась переписка, наведены справки, и лишь когда изведено было не малое количество бумаги, недоумѣніе Красовскаго разъяснено было самимъ виновникомъ казуснаго дѣла.

По однимъ этимъ фактамъ можно себѣ представить, что̀ это былъ за цензоръ. И дѣйствительно онъ оставилъ по себѣ неизгладимую память въ потомствѣ и не столько вопіющими скандальными фактами цензурныхъ запрещеній какихъ-нибудь крупныхъ литературныхъ произведеній, сколько щепетильными придирками къ отдѣльнымъ фразамъ и словечкамъ, въ которыхъ онъ усматривалъ то что-нибудь антирелигіозное, то оскорбляющее его дѣвственное цѣломудріе, и каждую такую придирку онъ сопровождалъ обыкновенно замѣчаніями на поляхъ высоко комическаго характера. Такъ напримѣръ въ 1823 году поэтъ Туманскій перевелъ извѣстное французское стихотвореніе Мильвуа «Chûte des feuilles» и отдалъ его для напечатанія въ «Сынъ Отечества». Стихотвореніе это изображаетъ прощаніе умирающаго чахоточнаго съ природою, которая своимъ осеннимъ видомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ настроенію духа угасающаго юноши. Между прочимъ онъ говоритъ:

Шуми, валися листъ минутный.
Шуми, вались съ родныхъ вѣтвей,
Засыпь, сокрой мой холмъ пріютный
Отъ взоровъ матери моей.
Но если дѣва, мнѣ драгая,
Подъ покрываломъ, въ тишинѣ,

Какъ призракъ изъ-за древъ мелькая,
На грустный холмъ придетъ ко мнѣ,
И плакать простодушно будетъ,
И робко вымолвитъ: люблю!
Пусть легкій шорохъ твой пробудитъ
Тѣнь умиленную мою.

Кончается же стихотвореніе тѣмъ, что юноша наконецъ угасъ, и затѣмъ вышло какъ разъ противное его ожиданіямъ: мать-то его именно и приходила на могильный холмъ оплакивать сына,

А съ милой лаской на устахъ
Туда не приходила дѣва.

Красовскій вычеркнулъ всѣ стихи, касающіеся дѣвы, и съ боку написалъ: «какая дѣва?» А въ концѣ, противъ помѣты автора «9 марта 1823 г.», написалъ: 9 марта 1823, т. е. въ одинъ изъ первыхъ дней великаго поста, весьма неприлично писать о любви дѣвы, неизвѣстно какой, когда говорятъ о материнской любви и о смерти. При этомъ «Сынъ Отечества» читаютъ люди степенные и даже духовные».

Почти въ то же время цензуровалъ Красовскій тоже для «Сына Отечества» стихи А. Константинова «Романсъ съ французскаго», въ которомъ провансальный трубадуръ разсказываетъ, какъ прежде онъ былъ всегда веселъ и безпеченъ, не зналъ никакихъ заботъ и печалей и куда бы ни являлся, вездѣ его встрѣчалъ

Привѣтъ хозяина желанный
И вздохъ хозяйки молодой.

Но вотъ однажды въ Аквитаніи онъ постучался посошкомъ въ двери одного замка, гдѣ глазамъ его представилось дивное явленіе:

Красавица—обвороженье!
И сердце кинулося въ плѣнъ.

Съ тѣхъ поръ, говоритъ трубадуръ: прости свобода и радость, и покой, въ крови огонь пылаетъ лютый,

Цѣвница, пѣсни—все забыто!
Отвагу страхомъ я сковалъ
И, жертва страсти неоткрытой,
Несчастнымъ трубадуромъ сталъ.

Противъ всѣхъ стиховъ, означенныхъ нами курсивомъ, Красовскій поставилъ NB, а въ концѣ написалъ:

«Сіи стихи (Гречъ предназначалъ для № 11) приличнѣе будетъ напечатать въ № 18 или 19 С. О. Теперь сыны и дщери церкви молятъ Бога, съ земными поклонами, чтобы Онъ далъ имъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви (совсѣмъ другой, нежели какова побѣдившая француза-рыцаря). Надѣюсь, что и почтенный сочинитель прекрасныхъ стиховъ не осудитъ цензора за совѣтъ, который дается отъ простоты и чистаго усердія къ нему и его читателямъ». Подъ помѣтою Греча «къ № 11 С. О.» Красовскій поставилъ «18 или 19».

Еще болѣе курьезныя замѣчанія сдѣлалъ Красовскій при цензурованіи стихотворенія Олина «Стансы къ Элизѣ», переведеннаго имъ изъ поэмы-баллады Вальтера-Скотта «Замокъ Литтелькетъ». Стихотворенія этого Красовскій не рѣшился пропустить «безъ особаго разрѣшенія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія», и Олинъ обратился къ попечителю С.-Петербурга Руничу съ жалобою, къ которой приложилъ списокъ тѣхъ стиховъ, которые возбудили сомнѣнія Красовскаго, замѣчанія послѣдняго и свои возраженія на нихъ. Вотъ этотъ списокъ:

Замѣчанія Красовскаго:	*Возраженія Олина:*
1) *Улыбку устъ твоихъ небесную ловить...* Слишкомъ сильно сказано; женщина недостойна того, чтобы улыбку ея называть небесною.	1) Выраженіе, кажется, вообще и весьма употребительное, особенно въ поэзіи. Не говоримъ ли мы: *небесные взоры, небесная улыбка, она мила, какъ ангелъ,* и проч.?
2) *И молча на тебѣ свои покоить взоры...* Тутъ есть какая-то двусмысленность.	2) Странно, кажется, искать двусмысленности тамъ, гдѣ она ни для кого не существуетъ.
3) *И поняла, чего душа моя искала...* Надобно объяснить, чего именно, ибо здѣсь дѣло идетъ о душѣ.	3) Въ стихахъ и прозѣ писатель оставляетъ иногда читателей, какъ извѣстно, подразумѣвать то, что хотѣлъ сказать онъ; и еслибы подъ симъ выраженіемъ скрывалась какая-нибудь непозволительная мысль, въ такомъ только случаѣ, думаю, можно было бы требовать объясненія.
4) *Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ Дороже для меня вниманья всей вселенной...* Сильно сказано; къ тому-жъ во вселенной есть и цари, и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно.	4) Выраженіе также общее и употребительное, не заключающее въ себѣ, кажется, никакой *вольнодумной* мысли, и ужели въ поэзіи и краснорѣчіи въ подобныхъ случаяхъ должно говорить всегда съ оговорками?
5) *О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши Безвѣстный близь тебя къ блаженству пріучаться...* Такихъ мыслей никогда разсѣвать не должно; это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю для того только, чтобы всегда быть съ своею любовницею; сверхъ сего къ блаженству можно только пріучаться близь Евангелія, а не близь женщины.	5) Стихи сіи не заключаютъ въ себѣ ничего болѣе, кромѣ неясныхъ чувствъ, перелитыхъ въ слова, не исключающія впрочемъ обязанностей гражданскихъ и духовныхъ; и какъ возможно, по мнѣнію моему, подводить подъ подобный масштабъ мечты поэзіи?
6) *О, какъ бы я желалъ всю жизнь тебѣ отдать!..* Что же останется Богу?	6) Правота, чистая совѣсть, здравый разсудокъ.
7) *У ногъ твоихъ порой для пѣсней лиру строить ..* Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины.	7) Я истинно не знаю, что мнѣ отвѣтить на сіе мнѣніе.
8) *И на груди твоей главу мою покоить...* Стихъ чрезвычайно сладострастный!	8) Во-первыхъ слѣдовало бы сказать, почему этотъ стихъ сладострастенъ; во-вторыхъ сколько есть подобныхъ стиховъ, пропущенныхъ цензурою безъ малѣйшаго сомнѣнія.
9) *Тебѣ лишь посвящать, разлуки не страшась, Дыханье каждое и каждое мгновенье, И сердцемъ близь тебя, другъ милый, обновясь...* Всѣ эти мысли противны духу христіанства, ибо въ Евангеліи сказано: кто любитъ отца своего или мать паче Мене, тотъ нѣсть Мене достоинъ.	9) Мнѣ кажется, что нельзя и не должно смѣшивать съ вымыслами и чувствами поэзіи священныхъ истинъ религіи.

Жалоба Олина была сообщена Руничемъ с.-петербургскому цензурному комитету, который, прочитавъ стансы Олина и «узнавъ изъ собственнаго его объясненія, что подразумѣваемая имъ въ заглавіи пьесы Элиза была ни жена, ни невѣста, ни родственница автора, а идеалъ любовницы, долженъ былъ таковое

*

стихотвореніе, по самому предмету его, признать эротическимъ или сладострастнымъ. Содержаніе пьесы отвѣчало надписанію ея: она дышала одною нѣгою чувственности и страсти любви, сверхъ того заключала въ себѣ двусмысленныя и непристойныя обращенія молодого автора къ своей любовницѣ». По мнѣнію комитета пропускъ стиховъ Олина противенъ былъ бы статьямъ цензурнаго устава: въ § 2 сказано, что главный предметъ разсматриванія состоитъ въ томъ, чтобы «доставить обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію», а въ § 15 между прочимъ изъяснено, что цензурный комитетъ и каждый цензоръ въ особенности при разсматриваніи книгъ и сочиненій, наблюдаетъ, «чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго закону Божію и нравственности».

«Чтеніе же «Стансовъ къ Элизѣ» г. Олина,—писалъ комитетъ:—могло бы возбудить въ читателяхъ, особенно молодыхъ, нечистыя чувствованія, которыя, какъ извѣстно, запрещаются седьмою заповѣдью и осуждаются Спасителемъ въ Евангеліи св. Матоея (гл. 5, ст. 28). Такое чтеніе должно было произвесть большой соблазнъ, особенно въ страстную недѣлю, въ которую авторъ могъ уже сіи коротенькіе стихи распустить по полученіи позволенія цензуры на напечатаніе ихъ, а извѣстно, какъ строго запрещены въ словѣ Божіемъ соблазны. Сверхъ сего, цензурному комитету неоднократно объявлено было черезъ цензора Бирукова приказаніе его сіятельства, господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, чтобы цензура вообще сколько можно болѣе остерегалась пропускать эротическія или любострастныя стихотворенія... Между тѣмъ г. Олинъ распространилъ въ публикѣ слѣдующія насмѣшливыя примѣчанія: «Гг. цензоры, сказавъ, что вся эта пьеса и грѣшна, и соблазнительна, спросили меня, къ кому она написана: къ женщинѣ, или къ дѣвицѣ, къ ближайшей родственницѣ, или посторонней, говоря, что это имъ необходимо нужно знать, потому что по многимъ стихамъ видно, что будто бы съ этой особой я имѣлъ тѣсную связь; я отвѣчалъ имъ, что на будущей недѣлѣ стану говѣть и исповѣдываться и что тогда покаюсь священнику въ грѣхахъ моихъ; но какъ цензура не есть исповѣдная, а цензоры не попы, то не нахожу никакой нужды объясняться съ ними по сему предмету». Изъ сего любопытнаго примѣчанія г. Олина довольно видно, что «Стансы къ Элизѣ» онъ самъ признавалъ нескромнымъ чтеніемъ и что онъ представлялъ ихъ въ цензуру точно въ великій постъ. Приличны ли здѣсь сдѣланные имъ отзывы объ исповѣди и согласны ли съ послѣдующими его дѣйствіями, на сіе нужно изъясненіе».

Въ заключеніи Руничъ послалъ 17-го апрѣля 1823 г. слѣдующій отзывъ цензурному комитету: «Получивъ представленіе комитета отъ сего 2-го августа на жалобу титулярнаго совѣтника Олина, и находя изъясненныя въ ономъ обстоятельства не принадлежащими къ моему разсмотрѣнію, за даннымъ отъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія комитету въ руководство, приказаніемъ не пропускать эротическихъ или любострастныхъ стихотвореній, я объявилъ г. Олину, чтобы онъ, если имѣетъ справедливыя причины къ неудовольствію, поступилъ бы на основаніи § 40 *) устава о цензурѣ **).

Но не одну плотскую любовь гналъ дѣвственный Красовскій. Въ томъ же 1823 году онъ запретилъ какую то критическую статью кн. Вяземскаго, по причинѣ заключающихся въ ней личностей противу нѣкоторыхъ писателей. Кн. Вяземскій обратился съ жалобою въ Главное правленіе училищъ, въ которой писалъ между прочимъ: «Смѣю замѣтить, что обвиненія мои не касаются нигдѣ *личности гражданина*, но падаютъ единственно на писателя, и то по одному литературному отношенію», поэтому кн. Вяземскій не считаетъ цензуру въ правѣ

---

*) § 40 Устава 1804 г. предоставлялъ авторамъ и писателямъ право жаловаться на цензоровъ и комитетъ въ Главное правленіе училищъ.

**) «Бесѣды въ общ. люб. слов.», 1871 г., вып. III, стр. 43—45.

мѣшать ему высказывать хотя бы и несправедливыя его мнѣнія: «Я буду отвѣчать за нихъ,—продолжалъ онъ:—единственно передъ судомъ разсудка и просвѣщенныхъ читателей. Въ тѣхъ мѣстахъ, кои подвергаются совершенному его (цензора Красовскаго) исключенію, не ясно ли видно, что г. цензоръ принимаетъ на себя въ отношеніи ко мнѣ обязанность рецензента и съ учительскою заботливостью наставляетъ меня искуству писать по своему, замѣняя слова мои своими и выкидывая выраженія, по мнѣнію его, видно некрасивыя или неправильныя. Да позволено мнѣ будетъ обратить вниманіе Главнаго правленія училищъ на нѣкоторые тому примѣры. Въ одномъ мѣстѣ, вмѣсто *задѣваетъ*, г. Красовскій ставитъ *упрекаетъ*; въ другомъ не позволяетъ мнѣ сказать, что Карамзинъ *слѣдовалъ благоразумію;* въ третьемъ прибавляетъ къ словамъ *строгимъ приговоромъ—но справедливымъ*, и такимъ образомъ, предугадывая и насильствуя мое литературное мнѣніе, хочетъ, чтобы я волею или неволею почиталъ за справедливое въ словесности то, что онъ справедливымъ почитаетъ. Далѣе вмѣсто выраженія моего: *полемической тактики* ссужаетъ меня выраженіемъ *спорной тактики*, которая едва ли имѣетъ какой либо извѣстный смыслъ» *)...

Наконецъ въ томъ-же 1823 году была представлена Красовскимъ рукопись С. Калядина «О военной наукѣ». Рукопись эта была вся испещрена замѣчаніями и исправленіями Красовскаго. Начать съ того, что онъ измѣнилъ самое заглавіе ея, прибавивъ слово «*Разсужденіе* о военной наукѣ». Слово *свобода* онъ замѣнилъ въ одномъ мѣстѣ словомъ *независимость*, выраженіе «освѣщенное примѣромъ римскаго легіона», замѣнилъ *одобренное*, и т. д. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что Наполеонъ быстро идетъ въ Моравію, поражаетъ русскихъ и подъ Аустерлицомъ заключаетъ миръ. Красовскій зачеркнулъ слова: «поражаетъ русскихъ», такъ что вышло, будто Наполеонъ пришелъ въ Моравію чтобы заключить миръ подъ Аустерлицемъ. Александра Македонскаго Красовскій не позволяетъ называть просто великимъ, а *называемымъ великимъ*. Тамъ, гдѣ авторъ указываетъ на какіе-нибудь недостатки военнаго устройства, Красовскій дѣлаетъ оговорку: «читатель, конечно вспомнитъ, что это говоритъ французъ о французской, или другой иностранной арміи».

Въ фразѣ «*мы часто учимъ солдатъ парáднымъ маневрамъ* не только безполезнымъ, но даже и опаснымъ на полѣ сраженія, которыя служатъ только къ тому, чтобы запутывать ихъ понятіе», Красовскій оставилъ только начало, означенное нами курсивомъ, остальное же все выбросилъ.

Въ главѣ «Военная метафизика» авторъ, разсуждая о храбрости воиновъ, говоритъ, что это чувство противоестественное, потому что по природѣ мы всѣ родимся робкими. «Судя по правиламъ разума,—прибавляетъ авторъ:—Роше Фукольдъ почитаетъ храбрость большою глупостью». Красовскій измѣнилъ эту фразу такимъ образомъ: «Хотя, судя по правиламъ разума, Роше Фукольдъ почитаетъ храбрость большою глупостью, *однако храбрость всегда останется сколько необходимымъ, столько же и похвальнымъ качествомъ воина*». Такимъ образомъ по милости Красовскаго невольно вышло такъ, что по правиламъ разума величайшая добродѣтель воиновъ—глупость.

Говоря о страстяхъ, возбуждающихъ храбрость, авторъ упоминаетъ фанатизмъ и прелести загробной жизни, обѣщанныя Магометомъ: «умереть на полѣ сраженія въ глазахъ магометанъ было средствомъ летѣть въ объятія божествен-

---

*) «Ист. свѣд. о ценз.», стр. 28.

ныхъ гурій, всегда юныхъ, всегда дѣвственныхъ, всегда готовыхъ удовлетворить похотямъ, которыя онѣ умѣли всегда воспламенять». Красовскій зачеркнулъ *божественныхъ*, вмѣсто *похотямъ* поставилъ *желаніямъ* и отъ себя прибавилъ: *Но сіи мечты грубой чувственности, отвергаемыя разумомъ и еще болѣе осуждаемыя истинною вѣрою, служатъ вмѣстѣ и къ ослабленію мужества; время невѣжества и необузданности страстей не всегда продолжается*».

Далѣе особенно поражаютъ слѣдующія два мѣста, подвергшіяся еще болѣе курьезнымъ измѣненіямъ Красовскаго:

Въ подлинникѣ:	*Въ измѣненіи Красовскаго:*
Но сія пружина (фанатизмъ), нѣкогда столь сильная, начинаетъ ослабѣвать въ наше время; употребленіе ея уже не согласно со степенью образованности большей части европейскихъ націй. Философскій умъ истребилъ легковѣріе, и религія, сдѣлавшаяся слабою и для черни, можетъ сдѣлать фанатиками только немногихъ. Русскіе солдаты суть почти одни въ Европѣ, надъ которыми сія пружина еще имѣетъ дѣйствіе.	Но сія пружина, нѣкогда столь сильная, начинаетъ ослабѣвать въ наше время; употребленіе ея уже не согласно со степенью *такъ называемой* образованности большей части европейскихъ націй. Философскій умъ *XVIII вѣка, къ сожалѣнію, распространилъ въ Европѣ гибельныя сѣмена безвѣрія и легкомыслія.* Русскіе солдаты суть почти одни въ Европѣ, надъ которыми сія пружина еще имѣетъ дѣйствіе.
Россіяне имѣютъ ту выгоду, что ихъ религія идетъ всегда въ одну сторону съ правленіемъ; священники, употребляемые ими въ арміяхъ, подчинены, какъ и другіе офицеры, воинской дисциплинѣ; они воодушевляютъ солдатъ, смотря по духу, внушенному въ нихъ генералами. Чернь, всегда легковѣрная по своему невѣжеству, слѣпо вѣритъ симъ истолкователямъ воли неба и, безъ ропота покорившись подъ иго религіи, равнодушно идетъ почти на видимую смерть, или по привычкѣ къ безотвѣтной покорности, или для полученія награды, обѣщанной имъ въ другомъ мірѣ.	Россіяне имѣютъ ту выгоду, что ихъ религія идетъ всегда въ одну сторону съ правленіемъ; священники *воодушевляютъ солдатъ, смотря по духу, внушенному въ нихъ генералами. А сей духъ согласенъ съ вѣрою и любовью къ порядку. Народъ, не обольщаясь ложными умствованіями новѣйшей философіи, къ счастію и не зная ихъ*, вѣритъ истолкователямъ воли неба и, безъ ропота покорившись подъ иго религіи, и т. д.

Говоря о любви къ отечеству, какъ о средствѣ къ возбужденію храбрости, авторъ говоритъ между прочимъ, что «чѣмъ болѣе правленіе отдаляется отъ свободы и приближается къ деспотизму, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ любовь къ отечеству въ сердцахъ подданныхъ, и наконецъ послѣдняя степень порабощенія совершенно истребляетъ оную». Красовскій зачеркнулъ все это мѣсто, а на поляхъ карандашомъ написалъ: «*Въ Европѣ нѣтъ деспотическаго правленія*».

Далѣе авторъ говоритъ: «Граждане древнихъ республикъ любили отечество, какъ свободу». Красовскій прибавилъ отъ себя: «*Но сія свобода была не своеволіе и не нарушеніе законовъ, которыхъ ищутъ для своей гибели нѣкоторые европейскіе либералы*» *)

Но верхомъ всѣхъ цензурныхъ подвиговъ Красовскаго поистинѣ должно считаться запрещеніе одной статьи «О вредности грибовъ», которую Красовскій не пропустилъ на томъ основаніи, что «грибы - постная пища православныхъ и писать о вредности ихъ—значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе».

*) «Р. Стар.», 1879 г., № 11, стр. 584—88.

К сожалению стр. 183/184 отсутствовали в оригинале.
Будем признательны приславшему на imwerden@gmail.com

К сожалению стр. 183/184 отсутствовали в оригинале.
Будем признательны приславшему на imwerden@gmail.com

тельственныхъ сферахъ, какъ стальными оковами, сковалъ бы прессу, не давая ей возможности ни малѣйшихъ отклоненій отъ предписываемаго свыше пути.

И вотъ при Главномъ правленіи училищъ былъ учрежденъ особый комитетъ для составленія новаго цензурнаго устава изъ членовъ: Магницкаго, Рунича, графа Лаваля, князя Мещерскаго и Фуса. Комитетъ открылъ свои дѣйствія 20-го іюня 1820 года и въ маѣ 1823 года представилъ проектъ новаго устава.

Редакція этого устава принадлежала Магницкому, который предварительно изложилъ мнѣніе о цензурѣ вообще и о началахъ, на которыхъ она должна быть устроена въ Россіи, и затѣмъ, принявъ въ соображеніе замѣчанія своихъ сочленовъ и самого министра, составилъ проекъ устава и, кромѣ того, секретной инструкціи цензурному комитету.

Въ инструкціи этой излагаются важнѣйшіе поводы къ составленію новаго устава съ тѣмъ алармистскимъ краснорѣчіемъ, какимъ блисталъ Магницкій.

«Духъ времени,—гласитъ инструкція,—очевидно и во многихъ государствахъ Европы, открыто уже стремится на разрушеніе всякаго гражданскаго порядка. Съ седьмого на десять вѣка явно возсталъ онъ въ Европѣ на Бога ученіями матеріализма, потомъ адскими поруганіями надъ святою библіею и наконецъ отверженіемъ Искупителя и личнымъ на него остервененіемъ. Тогда явились первыя разрушительныя начала теорій права естественнаго. За ними послѣдовало во Франціи низверженіе алтарей Христовыхъ и законныхъ властей. Нынѣ, когда внѣшнія волненія утихли, системы невѣрія, дотолѣ Англію и Францію только облекавшія, со всею хитростью духа злобы явились подъ новою личиною въ Германіи.

«Безъ открытаго уже опроверженія библіи, въ молчаніи объ Искупителѣ, подъ именемъ чистаго разума, въ совершеннѣйшихъ противъ прежняго системахъ наукъ философскихъ, естественныхъ, историческихъ и въ произведеніяхъ изящнѣйшей словесности разливается нынѣ ядъ опаснѣйшаго всѣхъ прежнихъ временъ невѣрія. Подобно новому Пилату, разумъ человѣческій, со всею правильностью умозрительныхъ формъ своихъ, осуждаетъ и предаетъ на пропятіе Богочеловѣка. Таково нынѣ состояніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ.

«Очевидно, что ни одно христіанское правительство не можетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, не токмо для собственной безопасности, но и для настоящаго и будущаго блага своихъ подданныхъ, оставаться бездѣйственнымъ. Между мѣрами, противоборствующими сей господствующей въ Европѣ заразѣ, цензурныя установленія суть одна изъ важнѣйшихъ. По сей причинѣ и на сихъ началахъ составленъ и изданъ нынѣ уставъ для цензурнаго комитета.

«Цѣль сего важнаго законоположенія облекаетъ цензоровъ высокимъ званіемъ стражей, охраняющихъ вѣру Христову, нравы отечественные и самый языкъ нашъ, не оскверненный еще ни богохуленіями, ни разрушительными воплями противъ власти царской, ни нечистотами разврата и сладострастія отъ язвы, повсемѣстно уже и особенно въ Германіи свирѣпствующей.

«Да проникнутся цензоры всею важностью сего служенія ихъ Царству Божію во времена самыя опасныя и тяжкія, и приступая съ благословеніемъ Господнимъ къ исполненію своего долга, да дѣйствуютъ они по прямому разумѣнію и по чистой совѣсти, вѣрою освѣщаемыми».

Что касается до проекта самого устава, то, минуя всѣ предварительныя доводы въ его пользу, занимающіе три первые отдѣла проекта и заключающіе въ себѣ краткую исторію цензуры въ Европѣ съ древнеклассическихъ временъ римскихъ цензоровъ (!) и въ Россіи съ Екатерининскаго указа 1783-го года, минуя затѣмъ рядъ все тѣхъ же алармистскихъ возгласовъ, мы обратимъ вниманіе лишь на четвертый отдѣлъ, въ которомъ излагается суть реформы.

Въ административномъ отношеніи проектъ предлагаетъ: 1) навсегда разграничить цензуру при министерствѣ народнаго просвѣщенія отъ цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи, причемъ послѣдній долженъ ограничиваться лишь надзоромъ, чтобы не печатались и не продавались книги безъ цензуры, просмотромъ афишъ и всякаго рода публичныхъ объявленій. 2) Въ обѣихъ столицахъ, въ Ригѣ и Вильнѣ учредить цензурные комитеты, независимые отъ университетовъ,

составивъ ихъ въ столицахъ—изъ одной духовной особы, четырехъ русскихъ и двухъ иностранныхъ цензоровъ, а въ Ригѣ и Вильнѣ—изъ трехъ таможнихъ чиновниковъ министерства просвѣщенія и одной духовной особы. 3) По присвояемой важности цензуры комитеты должны состоять изъ лицъ по званію ихъ и по личной довѣренности министра значительныхъ, и чтобы мѣста цензоровъ не были какъ бы добавочными къ другимъ занятіямъ, избрать чиновниковъ, единственно сему важному дѣлу себя посвятившихъ и, обезпечивъ ихъ достаточнымъ содержаніемъ, дать имъ всѣ нужные способы къ легкому и безостановочному отправленію ихъ обязанностей. 4) Цензуру медико-хирургической академіи въ нравственномъ отношеніи соединить съ общею и медицинскія книги, дабы не закрались въ нихъ матеріализмъ и невѣріе, разсмотрѣвъ въ отношеніи нравственномъ въ общей цензурѣ, затѣмъ уже отсылать въ цензуру академическую и наконецъ въ 5) чтобы оградить переводчиковъ и сочинителей отъ всякаго произвольнаго къ нимъ притязанія, а самую цензуру отъ нареканій то поставить правиломъ, что цензура не можетъ положить запрещенія на представленную ей рукопись иначе, какъ актомъ комитета, съ указаніемъ статьи устава, въ силу которой запрещеніе сдѣлано и выписка изъ сего акта должна быть выдана тому, чья книга запрещается, а запрещенная рукопись должна оставаться при дѣлѣ. Если же сочинитель недоволенъ распоряженіемъ комитета, онъ можетъ принести жалобу министру, который наряжаетъ одного изъ постоянно опредѣленныхъ къ тому по его назначенію членовъ Учебнаго комитета для разсмотрѣнія оной.

Что же касается до практики цензурныхъ комитетовъ, то уставъ предписывалъ безусловно запрещать: всякое сочиненіе, въ которомъ прямо или косвенно отвергается, ослабляется или представляется сомнительнымъ святое ученіе Откровенія, достовѣрность и святость книгъ Св. писанія, или въ коемъ утверждается что либо вопреки преданію или постановленіямъ церкви; равнымъ образомъ все противное явно или косвенно должному уваженію въ іерархіи церковной вообще и къ мѣстамъ и лицамъ ее составляющимъ (§ 29); всякое твореніе, въ которомъ подъ предлогомъ защиты или оправданія одной изъ церквей христіанскихъ порицается другая, яко нарушающее союзъ любви всѣхъ христіанъ единыхъ духомъ во Христѣ связующей (§ 30); всякое произведеніе словесности, въ которомъ гордость и своевольство разума человѣческаго усиливается изъяснить и доказать недоступныя для нихъ святыя таинства вѣры (§ 31); всякое твореніе, не токмо открыто возмутительное противъ властей предержащихъ, но и скрытно ослабляющее должное къ нимъ почтеніе (§ 32); всякое сочиненіе, въ которомъ заключаются прямые или косвенныя нападенія на ту непреложную истину, что монархическій образъ правленія въ началѣ обществъ данъ въ примѣръ самимъ Богомъ и составляетъ единое твердое, законное и благотворное ихъ основаніе (§ 33); къ сему роду сочиненій принадлежатъ: a) всѣ книги о нравственной философіи и умозрительномъ законодательствѣ, кои отдѣляютъ нравственность отъ вѣры, b) всѣ книги, почерпнутыя изъ теоріи естественнаго права, основаннаго на ложномъ понятіи о нѣкоемъ первобытномъ состояніи человѣка, въ которомъ уподобляется онъ якобы животнымъ, c) всѣ книги, нарушающія должное уваженіе къ установленнымъ отъ Бога властямъ отечественнымъ и государствъ союзныхъ, d) всѣ книги, прямо или косвенно устремленныя противъ той царственной думы, коей ввѣрено свыше охраненіе и благоденствіе всего христіанскаго міра, верховная стража алтарей Божіихъ и престоловъ помазанниковъ, равно какъ и всѣ творенія противъ державныхъ ея членовъ и актовъ и постановленій, изъ нея проистекающихъ (§ 34).

Изъ всѣхъ замѣчаній и возраженій, какія дѣлались въ Главномъ правленіи училищъ при обсужденіи этого проекта устава, мы укажемъ лишь на замѣчаніе графа Лаваля и архимандрита Филарета. Графъ Лаваль предложилъ ввести въ уставъ особый параграфъ, запрещающій печатать и продавать книги, содержащія оскорбленія, сатиры, колкія насмѣшки на правительства и государей, находящихся съ русскимъ дворомъ въ сношеніяхъ родства, союза или дружества; при этомъ графъ обратилъ особенное вниманіе на журналистику, распространявшую, какъ литературныя, такъ и политическія извѣстія. По его мнѣнію только два—три журнала какъ напримѣръ: *Безпристрастный Наблюдатель*, *Инвалидъ*, *Петербургскія Вѣдомости* должны имѣть право помѣщать статьи политическаго содержанія, и то не иначе, какъ съ разрѣшенія министерства. Всѣ же другіе журналы и газеты могутъ только перепечатывать эти статьи, избѣгая всякихъ сужденій о политическихъ и дипломатическихъ вопросахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Лаваль возразилъ и противъ одного параграфа тайной инструкціи, запрещавшаго писать что либо противъ умершихъ государей какъ отечественныхъ, такъ и чужестранныхъ. «Это все равно, говорилъ онъ:— что запретить изученіе исторіи, сего верховнаго судилища, на которомъ разбираются добрыя и худыя дѣла. Ни одна историческая книга во Франціи не умолчала ни о жестокостяхъ Людовика XI, ни о фанатизмѣ Карла IX, стрѣлявшаго въ своихъ подданныхъ-протестантовъ. Во всѣхъ историческихъ запискахъ того времени ясно изображено, какимъ образомъ Марія Медичи заставляла партизановъ своихъ дѣйствовать для вооруженія руки Равальяка противъ Генриха IV».

Преосвященный Филаретъ находилъ излишнимъ присутствіе духовной особы въ числѣ членовъ цензурнаго комитета. На вопросъ, кто же будетъ охранителемъ религіи въ комитетахъ, отвѣчалъ: «Всѣ члены ихъ, которые, при внимательномъ избраніи правительствомъ, должны быть просвѣщенные христіане. А если не будутъ они просвѣщенными христіанами, то и сидящая рядомъ съ ними духовная особа не охранитъ религіи въ ихъ комитетѣ».

Но проекту Магницкаго не суждено было подвергнуться утвержденію: представленный въ Главное правленіе училищъ въ 1823 году онъ былъ задержанъ вслѣдствіе того, что одновременно съ нимъ составленъ былъ св. синодомъ новый уставъ для духовной цензуры. При сличеніи ихъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ они касаются однихъ и тѣхъ же предметовъ, и потому признано необходимымъ разграничить ихъ области самымъ опредѣленнымъ образомъ. Дѣло о преобразованіи цензуры снова препровождено было въ Ученый комитетъ, гдѣ ему пришлось быть рѣшенымъ уже при новомъ министрѣ адмиралѣ Шишковѣ, создавшемъ, какъ увидимъ ниже, свой собственный уставъ.

IV.

Не довольствуясь этимъ уставомъ, Магницкій въ февралѣ 1823 г. обратился къ министру съ оффиціальною запиской, въ которой высказывалъ убѣжденіе, что если правительство не хочетъ допускать распространенія различныхъ гибельныхъ ученій, то должно, не ограничиваясь однимъ надзоромъ за направленіемъ профессоровъ, прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ—изъять вовсе нѣкоторыя науки изъ преподаванія, и начать подобное вырываніе зла съ корня, съ наукъ философскихъ.

Совершенно согласно своему германоѣдству и пристрастію къ реставраціонной Франціи, Магницкій и въ запискѣ своей опирается на примѣръ Франціи, утверждая, что будто «въ парижскомъ университетѣ запрещено преподаваніе нетолько философіи, но и исторіи новѣйшей послѣднихъ временъ, сей школы возмущеній и неистовствъ» и т. д.

Въ запискѣ этой встрѣчаются мѣста, въ которыхъ фанатизмъ Магницкаго доходитъ положительно до сумасшедшаго бреда. Такъ напримѣръ, между прочимъ онъ говоритъ:

«Прошло уже то время, когда мы разсматривали изученія сіи (т. е. философскія науки), какъ вредныя только теоріи вольнодумствующихъ профессоровъ. Съ тѣхъ поръ бунтующія войска опрокинули уже нѣсколько троновъ, а нынѣ три государства разрушительныя начала сіи проповѣдуютъ, а одно изъ нихъ, глава сего *адскаго союза,* противупоставленнаго врагомъ *союзу священному,* посреди своего парламента объявило торжественно, что по мнѣнію его власть державная получаетъ свое начало отъ народа. Ежели справедливо устрашилъ насъ, въ свое время, сей нечестивый догматъ Марата въ книгѣ профессора Куницына, то неужели не страшенъ онъ въ устахъ Каннинга, по слову котораго могутъ двинуться многочисленныя войска и на всѣхъ моряхъ владычествующіе флоты Англіи на подкрѣпленіе сего правила? И такъ врагу Божію три года только нужно было, чтобы довести дѣло сіе отъ каѳедры Куницына до потрясеній Неаполя, Мадрита, Турина, Лиссабона и до сей торжественной исповѣди англійскаго парламента: отъ одной строки профессора — до 200 тысячъ штыковъ и ста линейныхъ кораблей, до государствъ, обливаемыхъ кровью».

Въ подкрѣпленіе мыслей, развитыхъ въ запискѣ, Магницкій представляетъ два документа: одинъ изъ нихъ «Начальныя основанія логики для благороднаго пансіона московскаго университета» профессора Давыдова. Магницкій подробно разбираетъ эту книгу, предпосылая этому разбору въ видѣ эпиграфа текстъ изъ Апокалипсиса: «и видѣхъ изъ моря звѣря исходяща, имущаго главъ седмь и роговъ десять и на розѣхъ его вѣнецъ десять и на главахъ его имена хульна». Магницкій старается доказать, что книга профессора Давыдова пропитана отъ начала до конца «богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга, распространяющимъ вліяніе свое на всѣ отрасли человѣческихъ свѣдѣній и даже на литературу». Основу Шеллинговой философіи составляетъ, по словамъ его, *вольнодумство и развратъ.* Далѣе онъ разбираетъ не менѣе подробно и другую книгу: «Истинный иллюминатъ или точный и не исправленный уставъ иллюминатизма», и цѣль этого разбора клонится къ тому, чтобы доказать связь между новѣйшею философіею и иллюминатскими ученіями.

Главное правленіе училищъ, куда министръ препроводилъ записку Магницкаго, тотчасъ-же занялось разсмотрѣніемъ вопроса, поднятаго въ ней. Графъ Лаваль поспѣшилъ обратиться къ Кювье, Сильвестру де-Саси и де-Моллевалю, завѣдывавшими учебною частью во Франціи, прося ихъ сообщить ему, какъ ведется преподаваніе философіи во Франціи. Тѣ прислали каждый по письму, въ которыхъ заключались свѣдѣнія крайне неопредѣленныя. Изъ нихъ можно было только заключить, что во Франціи преподаваніе философіи было весьма стѣснено, въ коллегіумахъ ограничивались лишь самыми элементарными началами этой науки, приняты были мѣры для составленія однообразнаго руководства философскихъ наукъ для высшихъ заведеній, но пока профессора читали по своимъ запискамъ, различнымъ для каждаго заведенія. Графъ Лаваль поспѣшилъ усвоить себѣ духъ системы, господствовавшей во Франціи, и доказывалъ, что въ главнѣйшихъ чертахъ она можетъ быть примѣнена къ Россіи. Для успѣшнаго преподаванія философіи,—говорилъ онъ,—слѣдовало обязать всѣхъ профессоровъ составлять тетради, одинаковыя для каждаго учебнаго округа; при этомъ главнѣйшія заботы ихъ

должны клониться къ тому, чтобы «внушить воспитанникамъ столько же недовѣрія къ открытіямъ, сдѣланнымъ *свѣтильникомъ разума*, сколько новѣйшіе философы проповѣдывали къ онымъ удивленія».

Но Магницкаго, желавшаго полнаго уничтоженія преподаванія философіи, не удовлетворило это предложеніе гр. Лаваля. Несмотря на письма французскихъ ученыхъ, онъ продолжалъ утверждать, что философія изгнана изъ французскихъ университетовъ, и ссылался при этомъ на имѣющуюся у него газету, въ которой это положительно сказано. Это былъ № 29 (12 Дек.), 1822 г. «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ въ извѣстіяхъ изъ Парижа сказано: «гросмейстеръ университета отмѣнилъ на нынѣшній академическій годъ преподаваніе естественнаго права, новѣйшей исторіи и философіи». За невозможностью однако вполнѣ осуществить свой планъ Магницкій согласился удовольствоваться представленіемъ министру проекта правилъ относительно ограниченія преподаванія философскихъ наукъ самыми тѣсными предѣлами. Онъ предлагалъ назначить въ каждомъ университетѣ директора, предоставить попечителямъ неограниченное право удалять отъ учебнаго вѣдомства «вольнодумствующихъ преподавателей», обязать профессоровъ составленіемъ подробныхъ конспектовъ, а университеты—составленіемъ такихъ курсовъ философіи, «кои были бы очищены отъ разрушительныхъ началъ, введенныхъ въ науку сію философами XVII и XVIII столѣтія, а въ новѣйшія времена германскими университетами». Кромѣ того при министрѣ слѣдовало устроить особенный комитетъ исключительно для надзора за духомъ и направленіемъ преподаванія, ежегоднаго осмотра всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и «собранія полезныхъ чужестранныхъ установленій по части народнаго воспитанія и приличнаго ихъ заимствованія».

Проектъ Магницкаго долгое время занималъ членовъ Главнаго правленія училищъ. Они были приглашены сообщить подробныя мнѣнія объ этомъ вопросѣ, и всѣ за весьма ничтожными исключеніями отнеслись отрицательно къ мысли Магницкаго. Они допускали необходимость нѣкотораго надзора за преподаваніемъ философскихъ наукъ, но положительно отвергли какъ уничтоженіе его, такъ и правила, предложенныя Магницкимъ.

Особенно въ этомъ отношеніи выдаются мнѣнія графа С. И. Лаваля и попечителя Дерптскаго университета князя К. А. Ливена. Графъ Лаваль прямо высказывалъ свое убѣжденіе, что серьезное занятіе философіей необходимо для молодежи, и что если наука эта *заразилась*, какъ утверждалъ Магницкій, *вреднымъ направленіемъ*, то нельзя было, по словамъ его, отчаяваться въ томъ, что «и для нея наступитъ своего рода *реставрація*».

«Казанскій попечитель,—говоритъ гр. Лаваль:—основываетъ главнѣйшіе аргументы свои на предположеніи, будто бы правительство французское и многія другія въ Европѣ запретили у себя преподаваніе философіи. Совершенно противное было доказано однако положительнымъ образомъ, такъ что невозможно теперь сомнѣваться, что философія преподается не въ одномъ Парижѣ, но и во всей Франціи. Позволительно высказывать свое мнѣніе о какомъ-либо фактѣ, но непозволительно выдавать это мнѣніе за фактъ. Курсы философскихъ наукъ существуютъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Эдинбургѣ, Болоньѣ и даже во владѣніяхъ папы, а потому запретить ихъ въ Россіи было бы тѣмъ болѣе поразительнымъ исключеніемъ, что Европа привыкла въ послѣднее время удивляться нашимъ быстрымъ успѣхамъ во всѣхъ отрасляхъ наукъ и не могла бы согласить подобныя ретроградныя дѣйствія съ мѣрами, принимавшимися доселѣ для преуспѣянія цивилизаціи. Пусть позволено мнѣ будетъ упомянуть при этомъ случаѣ о распоряженіи, сдѣланномъ въ отдаленныя отъ насъ времена однимъ императоромъ, прославившимся своимъ отступничествомъ: онъ не умѣлъ лучше обнаружить свое презрѣніе къ христіанамъ, какъ воспретивъ имъ доступъ въ философскія школы».

Мнѣніе кн. Ливена отличалось еще большею ироніею.

«Неужели во всѣхъ вѣкахъ,—говорилъ кн. Ливенъ:—въ которые обучали философіи въ высшихъ училищахъ, между всѣми учеными богословами всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, между всѣми государственными мужами, кои всѣ философіи обучались, не нашелся одинъ такой, который имѣлъ бы столь проницательный умъ, какъ нынѣшній обвинитель сей науки, дабы подобно ему усмотрѣть въ оной то, что по словамъ его противно христіанскому и монархическому правленію?. Другая мысль, представившаяся мнѣ, есть слѣдующая: находится ли въ свѣтѣ хотя одна вещь, которая не была бы во зло употребляема? Даже самая священнѣйшая—религія, отъ того не изъята. Сколь многіе странные, безразсудные расколы, вовсе несогласные съ христіанствомъ, украшались симъ именемъ? Но неужели по причинѣ злоупотребленія или искаженія отвергнуть самое священное дѣло»?

Князь Ливенъ допускалъ необходимость опредѣлить границы преподаванія философіи, но обязанность эту по его мнѣнію должно было возложить ни на кого другого, какъ на самихъ ученыхъ, профессоровъ, которые могли бы по этому поводу заявить свой образъ мысли. Всякаго рода правительственныя мѣры преимущественно же тѣ, которыя предлагалъ Магницкій, казались ему вредными и неспособными достигнуть результата; онѣ были не нужны, ибо по словамъ автора записки университеты наши вовсе не представляли того зрѣлища, которое изображалъ Магницкій самыми мрачными красками. «Г. Магницкій утверждаетъ, будто бы въ одномъ только казанскомъ университетѣ исполняются приказанія и распоряженія начальства, будто бы только тамъ наблюдается за вреднымъ преподаваніемъ: что̀ дѣлается въ казанскомъ или въ какомъ-либо другомъ изъ состоящихъ въ имперіи университетовъ, я не знаю, ибо *у меня правило заботиться только о томъ, что мнѣ ввѣрено*, и въ семъ мою обязанность, сколько то состоитъ въ моемъ знаніи и силахъ, исполнять по совѣсти». Мѣры, предлагаемыя Магницкимъ, устрашали кн. Ливена своимъ деспотическимъ характеромъ. Расширеніе власти попечителей округовъ казалось ему совершенно ненужнымъ. «Я, какъ попечитель,—говорилъ онъ:—поставляю себѣ въ обязанность донести, что втеченіе почти девятилѣтняго отправленія сей должности, въ исполненіи моихъ обязанностей никогда не затруднялся недостаткомъ власти, что большая власть легко можетъ быть поводомъ къ злоупотребленіямъ, которыя нигдѣ не производятъ вреднѣйшихъ дѣйствій какъ по учебной части. Я знаю, что честный человѣкъ исполняетъ свою должность безъ угрозительныхъ мѣръ»... Столь же опаснымъ казалось ему предоставленіе попечителю права удалять отъ должности вольнодумствующихъ преподавателей. «*Предложеніе это*,— замѣчалъ онъ:—*можетъ проистекать изъ одной только неограниченной наклонности къ произволу автора онаго*. Сколь легко могъ бы справедливѣйшій и человѣколюбивѣйшій министръ, пристрастнымъ заключеніемъ или злымъ умысломъ попечителя, быть завлеченъ къ величайшей несправедливости»! Не менѣе рѣзко порицалъ кн. Ливенъ мысль объ устройствѣ комитета, который долженъ былъ слѣдить исключительно за направленіемъ научныхъ знаній въ Россіи. «*Вѣроятно изобрѣтатель таковаго комитета*,—*читаемъ мы въ запискѣ:*—*предназначалъ для себя первое въ ономъ мѣсто*, *дабы такимъ образомъ всѣ бразды министерства народнаго просвѣщенія забрать въ свои руки*, *требуя отъ всѣхъ другихъ строжайшей отвѣтственности*, *а самому безъ всякой отвѣтственности дѣйствовать по произволу*» *).

Мнѣнія членовъ Главнаго правленія училищъ были представлены въ проме-

*) «Магницкій», г. Ѳеоктистова, гл. IV.

жутокъ времени отъ 15-го августа по 1-е ноября 1825 года. Дѣло подвигалось съ этихъ поръ очень медленно. Если въ началѣ проектъ Магницкаго обратилъ на себя вниманіе, то впослѣдствіи видимо къ нему охладѣли. Лишь годъ спустя, въ 1826 г., ноября 10-го Главное правленіе училищъ постановило слѣдующій приговоръ:

«Курсъ философскихъ наукъ, очищенный отъ нелѣпостей новѣйшихъ философовъ, основанный на истинахъ христіанскаго ученія и сообразный съ правилами монархическаго правленія, необходимъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но какъ высочайшимъ повелѣніемъ учрежденъ комитетъ для устройства учебныхъ заведеній, обязанность котораго между прочимъ состоитъ въ начертаніи наукъ, долженствующихъ преподаваться въ училищахъ, то и слѣдуетъ, составя изъ всего дѣла обстоятельную записку, препроводить ее въ упомянутый комитетъ для соображенія при составленіи новаго устава для университетовъ».

Комитетъ, упоминаемый выше, былъ тотъ самый, въ средѣ котораго возникъ уставъ 1828 года. Извѣстно, что преподаваніе философіи было допущено имъ, но при обсужденіи этого важнаго вопроса мнѣніе Магницкаго не обратило уже на себя ни малѣйшаго вниманія. Эта рѣшительная оппозиція противъ Магницкаго зависѣла конечно отъ того, что уже съ 1823 года вліяніе его въ министерствѣ значительно ослабѣло. Да и самъ Магницкій къ этому времени изъ приверженца министерства, которому онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, успѣлъ перейти въ лагерь враговъ его. Въ этомъ отношеніи онъ до конца сохранилъ вѣрность своему тартюфскому типу: дни министерства кн. Голицына были уже сочтены. Сначала подземная работа, а потомъ открытая борьба партіи православнаго духовенства поколебали наконецъ господство мистиковъ, и все зданіе, воздвигнутое ими, готово было рухнуть съ трескомъ. Въ этой катастрофѣ цензурѣ пришлось играть дѣятельную роль, и въ слѣдующихъ главахъ мы займемся этимъ замѣчательнымъ эпизодомъ нашей исторіи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Борьба православнаго духовенства съ мистиками.—Прекращеніе «Сіонскаго Вѣстника».—Конфискація книги Станевича.—Митрополитъ Серафимъ и арх. Фотій.—Его свиданіе съ императоромъ Александромъ.—Переходъ Магницкаго въ лагерь православнаго духовенства.—Увольненіе кн. Голицына.—Конфискація книги Госнера и отставка кн. Голицына. — Проекты Шишкова. — Процессъ по книгѣ Госнера. — Преслѣдованія мистиковъ.—Закрытіе библейскихъ обществъ и масонскихъ ложъ.—Запрещеніе мистическихъ книгъ, катехизиса Филарета и переводовъ Св. писанія, изданныхъ Библ. обществомъ.—Паденіе Магницкаго. — Цензурныя распоряженія при Шишковѣ и его уставъ.

I.

Какъ ни сильны были мистики, повидимому такъ прочно укоренившіеся въ правительственныхъ и придворныхъ сферахъ, тѣмъ не менѣе впередъ можно было предугадать, что могущество ихъ эфемерное и минутное, и что всѣ шансы побѣды были на сторонѣ партіи православнаго духовенства. Не говоря уже о томъ, что здѣсь была сила исторической традиціи, власть оффиціально-господствующей церкви, опирающейся на вѣрованіяхъ народныхъ массъ—партія эта представляла собою самую единодушную сплоченность, и представители ея духовные іерархи и

дѣйствовавшіе подъ ихъ вліяніемъ нѣкоторые придворные сановники твердо и неуклонно преслѣдовали одну цѣль—низверженіе мистиковъ—безъ малѣйшей розни, колебаній или какихъ-нибудь побочныхъ и заднихъ побужденій. Совершенно не то представляли изъ себя мистики. Лагерь ихъ заключалъ въ себѣ пеструю смѣсь «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній», и самыхъ разнородныхъ побужденій. Искреннихъ и безкорыстныхъ мистиковъ вродѣ Лабзина, Попова, Татариновой, было въ этомъ лагерѣ меньшинство, но и тѣ вскорѣ потеряли всякій кредитъ въ обществѣ, ударившись въ крайнее сектантство, проявившееся рядомъ вопіющихъ скандаловъ вродѣ хлыстовскихъ верченій въ залахъ Инженернаго замка или такого вдругъ пассажа, какой выкинулъ законоучитель Морского корпуса нѣкій іеромонахъ, имени котораго Стурдза не сообщаетъ: однажды передъ обѣднею, которую онъ же собирался служить въ домовой церкви Морского корпуса, онъ вдругъ въ изступленіи бросился къ иконамъ и началъ кромсать ихъ ножомъ. Потомъ, при допросѣ въ лаврѣ, онъ признался, что принадлежалъ къ сектѣ Лабзина.

Въ то время какъ искренніе мистики скандализировали себя подобными проявленіями крайняго фанатизма, большинство лагеря состояло изъ людей, лишь игравшихъ въ мистицизмъ, минутно увлекшись имъ какъ моднымъ повѣтріемъ, или же лицемѣровъ и всякаго рода карьеристовъ, которые ловили рыбу въ мутной водѣ, поддѣлываясь къ господствующему духу, и при первомъ же случаѣ готовы были измѣнить своему лагерю. А во главѣ партіи стояли хотя и искренніе мистики, каковыми были князь Голицынъ и баронесса Крюднеръ, но это были люди случая, не представлявшіе для партіи надежной опоры. Такъ мы видимъ, что уже въ 1818 году партія потеряла баронессу Крюднеръ. Экзальтированная женщина, увлекавшаяся каждымъ повѣтріемъ дня, баронесса не замедлила перейти отъ мистицизма къ политикѣ: она увлеклась вопросомъ о греческой независимости и начала бить въ набатъ, призывая русское правительство заступиться за грековъ. Это разсердило всесильнаго Меттерниха и по настоянію австрійскаго посольства баронесса была изгнана изъ Петербурга.

Въ то же время нашлись такіе предусмотрительные и дальновидные люди, которые чуть что не въ самомъ началѣ господства мистиковъ заблагоразсудили тайно перебѣжать въ противный лагерь. Первымъ такимъ перебѣжчикомъ былъ знакомый уже намъ Стурдза,—и едва успѣлъ онъ совершить это похвальное дѣло, какъ не замедлилъ нанести жестокій ударъ своимъ прежнимъ соумышленникамъ со всѣмъ тѣмъ горячимъ усердіемъ, какое свойственно всѣмъ ренегатамъ.

Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ представителей партіи православнаго духовенства былъ князь Сергѣй Александровичъ Шихматовъ (впослѣдствіи іеромонахъ Аникита). Съ этимъ-то княземъ, жившимъ, по словамъ Стурдзы, въ глуши и создавшимъ себѣ какъ-бы монастырь на Васильевскомъ острову, въ стѣнахъ Морского корпуса, гдѣ онъ служилъ ротнымъ командиромъ, сблизился Стурдза послѣ своего отщепенства и началъ «благоговѣть передъ христіанскою доблестью души его».

«Однажды, говоритъ Стурдза *):—Шихматовъ явился ко мнѣ нежиданно и тотчасъ завелъ разговоръ о новыхъ духовныхъ переводахъ и «Сіонскомъ Вѣстникѣ» (Лабзина), началъ пoхристіански укорять меня за то, что я молчу, не вступаюсь за дѣло Божіе. Напрасны были всѣ оправданія мои. Онъ настаивалъ и требовалъ отъ меня дѣйствія.

— «Вотъ вамъ готовый критическій разборъ самыхъ вредныхъ статей «Сіонскаго Вѣст-

*) «О судьбѣ православной церкви», «Русск. Старина», 1876, т. XV, стр. 244 и слѣд.

ника». Это трудъ Смирнова въ Москвѣ, затворника, мало кому извѣстнаго. Вы знаете, что печатать подобныя воззрѣнія при нынѣшней цензурѣ невозможно. да и мало было бы отъ этого пользы. Займитесь же этою рукописью, сличите ее съ №№ «Сіонскаго Вѣстника», которые я привезъ вамъ и сами рѣшите, должно ли терпѣть такія нападенія на святую истину и святую церковь? Вы напрасно отговариваетесь тѣмъ, что не читали «Сіонскаго Вѣстника»; какъ грѣшно иному читать, такъ вамъ грѣшно не читать его.

«Съ тѣмъ мы разстались. И подлинно. чтеніе рукописи вмѣстѣ съ обличаемыми статьями скоро убѣдило меня въ справедливости увѣщанія Шихматова. Пользуясь благорасположеніемъ ко мнѣ князя Голицына, который ввелъ меня въ различныя должности по министерству просвѣщенія, я имѣлъ къ нему свободный доступъ; но я зналъ, что лжемистики и лицемѣры обступали отовсюду добраго вельможу, тѣснили его, употребляя во зло его смиренномудріе. Надлежало обдумать планъ наступательныхъ дѣйствій. Я рѣшился начать письменно, а потомъ довершить дѣло устною бесѣдою. Чтобы овладѣть сперва слабѣйшими пунктами, я написалъ князю прямой обвинительный актъ противъ двухъ переводовъ Лабзина: «Таинства» и «Побѣдной повѣсти». Здѣсь выписками доказывалъ я, что переводчикъ виновенъ нетолько за переводъ книгъ враждебныхъ церкви, но еще болѣе за то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усилилъ и преувеличилъ выраженія подлинниковъ.

Въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», въ № 1, 1870 г. помѣщена записка о богохульствахъ разныхъ мистическихъ сочиненій того времени, въ особенности же «Таинства креста», «Побѣдной повѣсти» и «Сіонскаго Вѣстника». Очень возможно, что это и есть тотъ самый обвинительный актъ, о которомъ говоритъ Стурдза. Считаемъ не лишнимъ представить наиболѣе замѣчательныя выдержки изъ этого любопытнаго документа:

«Въ уставѣ о цензурѣ 1804 г. 9-го іюня,—говорится въ запискѣ:—восьмымъ пунктомъ повелѣно, дабы книги и сочиненія, до вѣры относящіяся и подлежащія къ печатанію въ духовныхъ типографіяхъ, были разсматриваемы духовною цензурою, находящеюся подъ вѣдѣніемъ Св. Синода и Епархіальныхъ Архіереевъ. Но въ 1806, 13, 14, 15, 16 и 17 годахъ изданы въ свѣтъ многія книги, какъ по заглавію, такъ и по содержанію своему именно касающіяся предметовъ святыя Вѣры нашея, кои всѣ печатаны съ дозволенія гражданской цензуры и въ частныхъ типографіяхъ. Сіе преступленіе закона оказало тѣ печальныя послѣдствія, которыя предотвращались приснымъ храненіемъ онаго (закона). Ибо въ упомянутыхъ незаконно изданныхъ книгахъ находятся разныя вредныя мнѣнія, которыя, бывъ избраны и поставлены одно послѣ другого, представляютъ полный кругъ противъ церковнаго ученія. Сіи вредныя мнѣнія суть слѣдующія:

Отъ Греческой церкви тогда можно ожидать добра, когда она отъ сна воспрянетъ («Жизнь Штиллинга», ч. I, стр. 8). Духовенство есть второй звѣрь Апокалипсическій, говорящій по змѣиному; слѣпые вожди слѣпыхъ людей. Сей звѣрь во всемъ нечистомъ своемъ нарядѣ и убранствѣ появился со временъ Императора Константина... Синодъ и Вселенскіе соборы суть третій звѣрь Апокалипсическій («Таинство Креста», стр. 209).	Сіи внушенія стремятся привесть въ сомнѣніе достоинство всего христіанства вообще, Символъ вѣры, содержимый и свято чтимый всѣмъ христіанствомъ, изданъ на 1-мъ и 2-мъ Вселенскихъ Соборахъ.
Мученія по смерти не вѣчны («Объ истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей», стр. 142). Мысль, что злые духи не обратятся, благодати и премудрости Божіей противна («Побѣдная повѣсть», стр. 284).	Сими умствованіями извращается благовѣствованіе Христово о вѣчности мученій.
Когда Творецъ неба и земли вознамѣрился произвести сей міръ, тогда было одно безпредѣльное ничто. Оное ничто называется хаосомъ, и сей хаосъ былъ огромная глыба («Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества», стр. 25).	Хаосъ существовалъ въ Богѣ. Это основаніе матеріализма.

Далѣе слѣдуютъ выписки вредностей изъ «Сіонскаго Вѣстника» 1817 г. «Сіонскій Вѣстникъ», по словамъ записки: самъ именовалъ мнѣнія свои *не вовсе*

согласными съ обыкновенными (Кн. 1, стр. 40). Несогласныя мнѣнія съ общими господствующими касательно вѣры называются ересями или хулами; касательно же господства — крамолами. Главныя ереси и крамолы «Сіонскаго Вѣстника» суть слѣдующія:

Языческіе боги или Богъ въ разныхъ качествахъ и видахъ вочеловѣчивались и были такъ сказать Богочеловѣкъ.	Это есть, во 1) смѣшеніе скверны язычества со святынею истиннаго Боговѣдѣнія; во 2) поруганіе воплощенія Божія, именуя студныя рожденія боговъ языческихъ Богочеловѣчествомъ и воплощеніемъ.
Любостяжаніе устрояетъ земли и царства (Кн. I, стр. 25).	Такое позорное начало бытія гражданскаго поругаетъ главы Царствъ; ибо приписаніе любостяжанія падаетъ на нихъ. Но нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть.
Въ одной вздорной сказкѣ «Сіонскій Вѣстникъ» представляетъ подданнаго говорящимъ своему царю слѣдующій гражданскій соблазнъ: «Великій царь! Ты могъ бы меня женить и на сукѣ» (Книга 5, стр. 269).	Власть царя не есть насиліе такое, яко-бы дикое, которое, по іероглифу «Сіонскаго Вѣстника», превращаетъ законы природы, но есть благодѣтельный законъ естественной любви отеческой, промышляющей о дѣтяхъ своихъ.
Тотъ, кого нетерпѣливость влечетъ, какъ Петра, ударить ножемъ, да молится: «Господи! даруй сердцу моему Твое терпѣніе!» Будемъ, братія, ждать, пока Господь насъ на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на біеніе Вааловыхъ жрецовъ.	Ваалъ былъ идолъ Вавилонскій. Вавилономъ каменьщики называютъ тѣхъ вообще, кои къ нимъ не принадлежатъ. Разговоръ о нетерпѣливости ударить ножомъ и обожданіи до воззванія заколоть Вааловыхъ жрецовъ весьма отзывается эхомъ тайнаго союза заговорщиковъ, выжидающихъ удобнаго случая, коимъ какъ бы дается знать, чтобы они не торопились до сигнала.

«Таковъ кругъ законопреступнаго ученія, говорится въ запискѣ въ заключеніе:—распространенъ по означеннымъ книгамъ, кои украшаются христіанскими заглавіями, и въ нихъ жестокій вредъ разлитъ между христіанскими разсужденіями, исполняющуся оному пророчеству: «Беззаконнующіи завѣтъ наведутъ съ прелестію»... Въ присягѣ каждый россіянинъ обѣщается и клянется о какомъ-либо узнанномъ имъ вредѣ доносить».

Вотъ съ подобною запискою и обратился Стурдза къ князю Голицыну. «Сими выписками,—говоритъ онъ:—я убѣждалъ князя въ необходимости положить конецъ соблазну, которому цензура очевидно потворствовала. Голицынъ былъ пораженъ—внялъ голосу моему или, точнѣе, голосу истины, запретилъ перепечатку изобличенныхъ книгъ и тѣмъ доказалъ мнѣ, что ошибался дотолѣ неумышленно. Меня ободрилъ неожиданный успѣхъ. Я тотчасъ просилъ у князя аудіенціи. Мнѣ назначили день и часъ. Я вошелъ въ просторный кабинетъ его, съ кипою тетрадей и журналовъ. Мы усѣлись и чтеніе началось. Князь любилъ и умѣлъ читать вслухъ. Каждая страница Смирнова повѣряема была подлинными статьями. Министръ горячо вступался за мысли Лабзина, старался придавать имъ благопріятный смыслъ; но преткновенія часъ отъ часу становились виднѣе и опаснѣе. Смирновъ обличалъ, а я—настаивалъ. Наконецъ дошли мы до одного мѣста, гдѣ Лабзинъ извращалъ значеніе и силу таинства евхаристіи, дерзко основываясь на словахъ Спасителя: «Глаголы моя духъ суть... плоть не пользуетъ ничесоже». Здѣсь Голицынъ прямо сознался въ своемъ заблужденіи и пересталъ защищать своего любимца. Чтеніе, продолжавшееся болѣе трехъ часовъ, остановилось на этомъ самомъ мѣстѣ. Князь былъ смущенъ, а я внутренно удивлялся его самоотреченію, зная, что цензуру «Сіонскаго Вѣстника», въ угодность кичливому и коварному издателю, онъ неосторожно предоставилъ самому себѣ. И такъ, я по-

неволѣ ударялъ знаменитаго сановника въ ланиту, а онъ смиренно подставлялъ мнѣ другую...

— Вы правы,—сказалъ князь,—я виноватъ тѣмъ, что принялъ на себя занятіе, несовмѣстное съ моими обязанностями. Но скажите, какъ теперь этому помочь? Давно ли правительство провозгласило Лабзина первымъ духовнымъ писателемъ въ Россіи, пожаловавъ ему орденъ Владиміра второй степени? Нельзя вдругъ запретить ему писать, тѣмъ паче, что я почитаю его сочинителемъ отличнымъ и полезнымъ, погрѣшающимъ ненамѣренно.

— Не смѣю оспаривать вашего мнѣнія, князь, хотя думаю о Лабзинѣ совсѣмъ иначе, но осмѣливаюсь предложить вамъ средство самое вѣрное для узнанія истины; оно прекратитъ соблазнъ и вмѣстѣ оградитъ честь и достоинство правительства.

— Да говорите скорѣе...

— Какъ угодно—вотъ мой секретъ: не угодно ли будетъ вашему сіятельству, съ вѣдома и соизволенія государя, объявить формально Лабзину, что впредь поставляется ему въ обязанность обратиться съ изданіемъ «Сіонскаго Вѣстника» въ духовную цензуру установленнымъ порядкомъ? Если онъ безъ ропота покорится законному распоряженію, то ваше выгодное мнѣніе о немъ будетъ оправдано. Напротивъ, если онъ станетъ отказываться и роптать, то злонамѣренность его обнаружится во всей наготѣ своей.

«Князь остался доволенъ моею дилеммою; на ней мы разстались. Онъ немедля написалъ оффиціально Лабзину, что не имѣетъ времени долѣе заниматься цензурою его журнала—и вотъ предчувствія мои сбылись. Надменный Лабзинъ вспыхнулъ и забылся до того, что отозвался министру самымъ грубымъ и рѣзкимъ образомъ»...

«Врагамъ моимъ меня предали!» говорилъ разгнѣванный Лабзинъ. Но дѣлать было нечего; приходилось покориться. Цензоромъ надъ «Сіонскимъ Вѣстникомъ» быль назначенъ ректоръ петербургской духовной семинаріи архимандритъ Инокентій, заклятой врагъ мистиковъ. Онъ не замедлилъ написать къ князю Голицыну обвинительное противъ «Сіонскаго Вѣстника» письмо, въ которомъ рѣзко заявлялъ: «Вы нанесли рану Церкви, вы и уврачуйте ее». Князь Голицынъ, выведенный изъ себя этою фразою, немедленно же поѣхалъ съ этимъ письмомъ къ митрополиту Михаилу, стороннику мистиковъ. «Вотъ что пишетъ вашъ архимандритъ», жаловался онъ преосвященному Михаилу, показывая ему письмо Инокентія. Митрополитъ по удаленіи князя тотчасъ же призвалъ къ себѣ Инокентія и началъ его увѣщевать, но Инокентій отвѣчалъ, что онъ дѣйствуетъ по сознанію справедливости, на что ему Михаилъ замѣтилъ, что «для такого дѣйствія требуется особенное призваніе», и въ концѣ-концовъ заставилъ съѣздить къ князю Голицыну съ извиненіемъ. Послѣ этого существованіе «Сіонскаго Вѣстника» подъ цензурою такого ожесточеннаго и притомъ униженнаго врага, какимъ былъ архимандритъ Инокентій, сдѣлалось немыслимымъ, и «Сіонскій Вѣстникъ» въ 1818 г., былъ прекращенъ.

Ободренные этимъ успѣхомъ противники мистиковъ рѣшились нанести немедленно же новый ударъ своимъ врагамъ. Въ это время у статсъ-секретаря у принятія прошеній Петра Андреевича Кикина, одного изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ партіи православнаго духовенства, умерла дочь. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался другъ его дома нѣкто Евстафій Станевичъ, «человѣкъ, по словамъ Стурдзы, благочестивый и довольно ученый, но не дальняго ума» и якобы

въ утѣшеніе сѣтующихъ родителей написалъ цѣлую книгу въ 313 страницъ подъ заглавіемъ: «*Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи Церкви*».

Книга эта въ сущности представляется не столько утѣшительною, сколько обличительною: это безпощадный памфлетъ противъ мистиковъ, которые на каждой страницѣ обзываются бранными словами, то лжемистиками, то безумными мистиками, вавилонянами и т. п., ученіе ихъ называется не иначе какъ діавольскимъ, имѣющимъ цѣлью разрушеніе Церкви и уничтоженіе христіанства. Авторъ употребляетъ всѣ доводы чтобы доказать, что внѣ Церкви нѣтъ Христа, а внѣ Христа нѣтъ спасенія, и приходитъ къ такому выводу, что «наружная Церковь должна быть, что весь народъ съ царемъ своимъ должны быть отрожденными чадами, ея охранителями, по мѣрѣ власти своей; а какъ власти всѣхъ гражданъ въ рукѣ единыя освященныя власти Царскія: слѣдовательно, вся власть оная должна быть на защиту Церкви. Какимъ же образомъ безумные мистики тако нынѣ посмѣваются Царямъ, что дерзаютъ увѣрять ихъ, якобы Церковь была нѣчто наружное, не имущее своей внутренности, когда и древесная кора не можетъ стоять безъ своего внутренняго, и когда сама она не изъ ничего взялась, а изъ того же внутренняго. Можно ли безстыдство свое простирать такъ далеко, чтобы самую Царскую власть возбуждать на разрушеніе Церкви и потребленіе священства?» Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ разбираетъ мнѣнія Фенелона о чистой любви и называетъ его зміемъ; достается отъ него и Севинье за то, что она неправильно судила объ обращеніи Расина, но главная продерзость Станевича заключалась въ томъ, что онъ напалъ на «Божественную философію», книгу, изданную незадолго до того времени на средства самого государя пополамъ съ кн. Голицынымъ.

Книга Станевича надѣлала большого шума въ правительственныхъ сферахъ. Кн. Голицынъ обратился съ докладомъ о ней къ государю. «Признаюсь,—писалъ онъ въ своемъ отношеніи въ комиссію духовныхъ училищъ:—я удивленъ былъ, какъ могла такого содержанія книга быть духовною цензурою одобрена. Авторъ къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязалъ защищеніе нашей Греко-Россійской Церкви, тогда какъ никто на нее не нападаетъ. Церковь не имѣетъ нужды, чтобы частный человѣкъ бралъ ее подъ свое покровительство, особливо съ той точки, съ которой написано все сочиненіе. Защищеніе наружной Церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ! Ибо наружная безъ внутренней Церкви есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о Церкви представлено въ превратномъ видѣ: ибо гдѣ говорится о Церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за оную. Между прочимъ, упоминается о извѣстной распрѣ между Боссюэтомъ и Фенелономъ, и сей послѣдній обвиняется въ лжеученіи. Однимъ словомъ, книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше Правительство по гражданской и духовной части» *).

Книга была тотчасъ же конфискована, отобрана изъ лавокъ и у частныхъ лицъ, успѣвшихъ ее купить, и сожжена: авторъ ея Станевичъ высланъ изъ Петербурга, цензоръ же, пропустившій ее, архимандритъ Инокентій получилъ строжайшій выговоръ; сверхъ того его больного хотѣли сослать въ Уфу, и лишь хо-

---

*) «Чтенія въ общ. исторіи и др. р.», 1861 г., кн. I, стр. 201, 202.

датайство княгини Мещерской смягчило это наказаніе: ему поручили пензенскую и саратовскую епархіи.

II.

Такимъ образомъ партія православнаго духовенства была на этотъ разъ побѣждена. Мистики подняли голову и еще болѣе утвердились, благодаря своей побѣдѣ. Но враги ихъ не впали въ уныніе и, не прибѣгая болѣе къ открытой борьбѣ, продолжали втайнѣ подкапываться подъ ихъ господство. Они пріобрѣли вскорѣ могущественнаго союзника въ лицѣ всесильнаго Аракчеева, и это одно обезпечивало ихъ успѣхъ въ будущемъ. Не менѣе помогла имъ смерть митрополита Михаила 24 марта 1821 года, этого явнаго приверженца мистиковъ. Мѣсто его было занято теперь преосв. Серафимомъ, бывшимъ московскимъ митрополитомъ, заклятымъ врагомъ мистиковъ, не замедлившимъ тотчасъ же по вступленіи на петербургскую метрополію устроить имъ скандалъ: онъ явился на собраніе Библейскаго общества съ суровымъ лицомъ, и сидѣлъ на засѣданіи ничего не говоря, и только слушалъ, мрачно и угрюмо перебирая четками. Наконецъ быстро вскочилъ съ своего мѣста и сказалъ: «Такъ могутъ разсуждать только люди, не понимающіе православія»—и затѣмъ вышелъ изъ собранія, пылающій гнѣвомъ. Въ то же время знаменитый архимандритъ Фотій энергично дѣйствовалъ противъ общихъ враговъ. По собственному его разсказу, хотя можетъ быть и преувеличенному, онъ слѣдилъ неусыпно за всѣмъ движеніемъ масонства, читалъ внимательно всѣ масонскія книги, дѣлалъ изъ нихъ выписки, не щадилъ ничего для покупки особенно дорогихъ книгъ масонской премудрости, скупалъ и новыя изданія, только-что выходившія изъ типографій, и жегъ ихъ, чтобы не допустить расходиться въ народѣ; подкупалъ даже дорогою цѣною служителей домовъ, въ которыхъ бывали масонскія засѣданія, чтобы изъ скрытнаго гдѣ-нибудь мѣста самому все высмотрѣть, услышать и узнать всѣхъ засѣдавшихъ въ нихъ; для сего служители проламывали иногда стѣны подъ самымъ сводомъ или верхнимъ накатомъ и дѣлали небольшія отверстія, чрезъ которыя о. Фотій, будучи невидимымъ никѣмъ, могъ самъ все видѣть и слышать, что̀ дѣлалось внизу.

«Запасшись самыми подробными свѣдѣніями, Фотій началъ готовиться прямо и лично открыть страшную тайну масонства государю императору. Для сего назначилъ онъ себѣ и всему братству Юрьева монастыря сорокадневный постъ, и, прощаясь съ братіею какъ бы уже на смерть, просилъ ся молитвъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ остановился въ домѣ графини Орловой, и послѣ разсказалъ близкимъ къ нему лицамъ слѣдующее:

«Явясь во дворецъ, онъ введенъ былъ въ императорскій кабинетъ, представлявшій весьма длинный рядъ столовъ съ лежащими на нихъ кипами бумагъ. Остановясь почти у самаго входа въ кабинетъ и не видя государя, который стоялъ скрытно въ другомъ концѣ кабинета, о. архимандритъ смутился и тутъ только вспомнилъ, что не взялъ съ собою образа для благословенія. Увидя на ближайшемъ столѣ образъ, который былъ конечно одинъ изъ поднесенныхъ гдѣ-нибудь государю, взялъ его со стола и всталъ съ нимъ. Государь подходитъ и спрашиваетъ:

— Что?—О. архимандритъ объявляетъ причину своего предстательства. На что государь:

— Какъ ты смѣлъ?—Подъ арестъ!

И о. Фотія отводятъ въ нижній этажъ, заключаютъ въ пустую комнату и къ дверямъ приставляютъ караулъ. Тутъ пробылъ о. Фотій до полуночи. Около 12 часовъ его опять представляютъ къ государю. На этотъ разъ государь долго и благодушно слушалъ его, читалъ нѣсколько представленныхъ ему выписокъ изъ масонскихъ книгъ и потомъ спросилъ:

— Гдѣ ты остановился?

— Въ домѣ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской.

— Пріѣзжай сюда въ эти же часы на половину императрицы, оттуда тебя будутъ провожать ко мнѣ; но чтобы никто объ этомъ не зналъ.

И о. Фотій ѣздилъ такимъ образомъ секретно въ одной каретѣ съ графиней во дворецъ, останавливаясь всегда у подъѣзда на императрицыну половину.

Такъ сообщаетъ о посѣщеніи Фотіемъ государя Я. Л. Морошкинъ авторъ воспоминаній о. Фотіи *) со словъ отца Арсенія, настоятеля Кириловскаго монастыря, которому будто бы Фотій лично передалъ фактъ такимъ образомъ. Между тѣмъ въ запискахъ, оставшихся отъ Фотія, ничего не говорится о сценѣ съ образомъ и арестѣ, а просто разсказывается, что Фотій поѣхалъ во дворецъ на коняхъ дѣвицы Анны и, войдя туда, «осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ себя и во всѣ стороны и проходы, помышляя, что толпы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ, но что онѣ сейчасъ избѣгнутъ, видя крестное знаменіе». Во время этого свиданія Фотій «видѣлъ, что царь весь прилѣпился къ услышанію слова изъ устъ его». Сперва началась рѣчь о Серафимѣ и Фотій внушалъ, что «пастырь сей есть единственный по своей любви къ святой церкви, царству и ко благу».

Когда же въ концѣ бесѣды государь спросилъ Фотія о нуждахъ монастыря, Фотій отвѣчалъ отрицательно, и началъ «о паче нужно самому царю». «Враги церкви святой и царства весьма усиливаются,—говорилъ Фотій:—зловѣріе, соблазны явно и съ дерзостью себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества; вредъ великъ святой церкви христіанской и царству всему, но они не успѣютъ, бояться ихъ нечего, надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самой столицы въ успѣхахъ немедленно остановить».

Бесѣда длилась полтора часа причемъ Фотій внушалъ государю, что «противу тайныхъ враговъ дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступать». Императоръ «многократно цѣловалъ благословляющую его руку» и, когда Фотій уходилъ, «царь палъ на колѣни передъ Богомъ и, обратясь лицомъ къ Фотію, сказалъ:

— «Возложи руки твои, отче, на главу мою и сотвори молитву господню о мнѣ, и прости и разрѣши меня. Царь поклонился ему въ ноги и, стоя на колѣняхъ, цѣловалъ десницу его» **).

Какъ бы то ни было, послѣ этихъ бесѣдъ съ Фотіемъ, государь началъ колебаться въ своей благосклонности къ мистикамъ, и положеніе ихъ начало дѣлаться столь непрочнымъ, что вѣрнѣйшій показатель въ то время малѣйшей перемѣны вѣтра Магницкій не замедлилъ перейти въ лагерь враговъ. Это новое ренегатство, по разсказу Стурдзы, произошло при торжественной обстановкѣ своеобразнаго рода. При посредствѣ общихъ друзей Фотій пригласилъ Магницкаго на свиданіе. Встрѣтивъ его у дверей гостиной съ восковыми свѣчами въ рукахъ, Фотій съ безмолвною торжественностью провожалъ его до приготовленныхъ кре-

*) «Русск. Стар.», 1876, т. XVII, стр. 313, 314.

**) «Русск. Старина», 1875 г. т. XIII, стр. 301—332 и 459—489.

селъ. Кругомъ сидѣли почтенныя дамы въ томъ числѣ графиня Орлова. Фотій сѣлъ около Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ схватился за колокольчикъ, стоявшій на столѣ, и сталъ звонить, сколько было у него силы, не проговаривая ни одного слова. «Видно,—говоритъ Стурдза:—Магницкій и они помѣнялись взорами въ залогъ взаимнаго соглашенія и негласный союзъ между ними былъ заключенъ».

Послѣ этого Магницкій открыто началъ дѣйствовать противъ министерства Голицына. Такъ онъ донесъ на пропускъ безъ цензуры нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ вреднаго направленія, и государь велѣлъ отобрать экземпляры этихъ книгъ изъ библіотеки великихъ князей. Затѣмъ на засѣданіи Библейскаго общества онъ возсталъ на персидскій переводъ библіи, представленный собранію для отправки въ Персію. Магницкій съ свойственною ему рѣзкостью объявилъ свое мнѣніе о неблагонадежности такого распространенія слова Божія. Поднялся ропотъ и шумъ. Князь Мещерскій тщетно толкалъ Магницкаго, чтобъ онъ замолчалъ. Магницкій пуще разговорился и заключилъ рѣчь свою противъ неразсмотрѣнныхъ переводовъ устраненіемъ себя отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ занятіяхъ Библейскаго общества.

Не ограничиваясь Магницкимъ, Фотій старался всячески и самого кн. Голицына переманить на свою сторону. Съ этою цѣлью онъ завелъ съ нимъ энергическую переписку, въ которой не переставалъ увѣщевать его отвратиться отъ ереси. Но князь, всецѣло стоя на почвѣ международнаго мистицизма, съ одинаковымъ усердіемъ посѣщавшій и православныя церкви, и католическіе костелы, и протестантскія кирки и раскольничьи молельни всѣхъ толковъ, былъ неуловимъ, хотя и внималъ рѣчамъ Фотія съ набожнымъ умиленіемъ. Наконецъ было устроено въ салонѣ гр. Орловой свиданіе при еще болѣе торжественной обстановкѣ чѣмъ съ Магницкимъ: былъ поставленъ аналой, а на немъ положены крестъ и евангеліе. Когда князь вошелъ и хотѣлъ подойти подъ благословеніе, Фотій сказалъ ему:

— Въ книгѣ «Таинство креста», подъ надзоромъ твоимъ, напечатано: «духовенство есть звѣрь», т. е. антихристовъ помощникъ, а я, Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій, то благословлять тебя не хочу, да и тебѣ не нужно то.

— Неужели за сіе одно? возразилъ князь.

— И за покровительство сектъ, лжепророковъ и за участіе въ возмущеніи противъ церкви съ Гесперомъ, и вотъ на нихъ съ тобою сбудутся слова Іереміи... Прочти и покайся!..

Князь сперва отвѣчалъ ему хладнокровно, что онъ дѣйствуетъ по волѣ государя, и что теперь, зайдя такъ далеко, поздно уже возвращаться назадъ, но Фотій грознымъ голосомъ возразилъ ему:

— Поди къ царю, стань передъ нимъ на колѣни и скажи, что ты виноватъ, самъ дѣлалъ худо и его вводилъ въ заблужденіе.

Тогда князь разсердился и спросилъ у него: какое право имѣетъ онъ говорить ему такимъ повелительнымъ голосомъ?

— Право служителя алтаря Божія,—отвѣчалъ ему Фотій,—могущаго, въ случаѣ упорнаго пребыванія твоего въ злочестіи, предать тебя проклятію!

Князь послѣ этихъ словъ окончательно вышелъ изъ себя, и сказавъ Фотію: — «увидимъ, кто изъ насъ кого преодолѣетъ!»—съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы.

Фотій вслѣдъ ему кричалъ громко:—«Анаѳема, да будешь ты проклятъ!»

Вслѣдъ за этимъ Фотій подробно описалъ всю эту сцену со всѣми произнесенными во время ея словами, запечаталъ письмо свое и послалъ съ надписью: въ собственныя его величества руки. Вскорѣ государь позвалъ его къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ ему съ гнѣвомъ за такой поступокъ, находя его нетолько неприличнымъ, но даже и несообразнымъ съ христіанскою кротостью, однакожъ по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи отпустилъ его безъ гнѣва *).

Эта мягкость, съ которою государь отнесся къ дерзкому поступку Фотія съ бывшимъ любимцемъ царя, послужила партіи православнаго духовенства сигналомъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Поводъ къ этому не замедлилъ представиться. Въ это время пріѣхали въ Россію два католическіе священника Линдль и Геснеръ. «Оба они,—по словамъ Н. И. Греча **),—не отрекаясь отъ католицизма, проповѣдывали какой-то мистическій протестантизмъ, говорили южно-нѣмецкимъ нарѣчіемъ, прямо, грубо, съ убѣжденіемъ и краснорѣчіемъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ. Виндль проповѣдывалъ въ Мальтійской церкви, а Геснеръ въ Екатерининскомъ костелѣ на Невскомъ проспектѣ. Католики видѣли въ этихъ проповѣдникахъ предателей и еретиковъ и проклинали ихъ. Слушателями ихъ были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не находившіе достойной духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ протестантскихъ и православныхъ священниковъ, но большая часть ихъ ходила на эти поученія изъ угодливости покровителю ихъ Голицыну. Магницкій, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Пезаровіусъ (основатель Инвалида), Ливенъ (князь Карлъ Андреевичъ), Адеркасъ, директоръ Петровской школы Шубертъ, Сѣровъ и т. д. окружали ихъ каѳедры, выворачивали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣни».

Между прочимъ Геснеръ издалъ книгу «Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze Neue-Testament. Erster Band. Matthäus und Marcus». Книгу эту одобрилъ къ печатанію К. К. фонъ-Поль, который по нелишенному остроумія предположенію Греча долженъ былъ цензуровать ее не иначе, какъ стоя на колѣняхъ. Печаталась же книга въ типографіи Края. Мистики не замедлили ухватиться обѣими руками за это твореніе любимаго ими проповѣдника и вознамѣрились перевести его на русскій языкъ. За это дѣло принялся отставной инженеръ генералъ-маіоръ Александръ Максимовичъ Брискорнъ, но по своему малограмотству не могъ сладить съ переводомъ. Тогда онъ нанялъ бывшаго профессора казанскаго университета Яковкина и чиновника Трескинскаго. По окончаніи перевода перваго тома Брискорнъ принесъ рукопись Н. Хр. Безаку (двоюродному брату Греча и компаньону его по типографіи). Безакъ изъ угодливости къ партіи кн. Голицына и въ видахъ типографскихъ барышей взялся печатать книгу, но взглянувъ на переводъ, пришелъ въ ужасъ: не было ни смыслу, ни толку. Надлежало все исправить. Гречъ принужденъ былъ принять участіе въ этой адской работѣ. Цѣлые дни, по словамъ его, проходили у него съ братомъ въ исправленіи корректуръ. Въ концѣ 1823 г. Брискорнъ умеръ. Тогда Геснеръ принялъ на себя продолженіе изданія. В. М. Поповъ взялся кончить переводъ и перевелъ нѣсколько главъ.

Вотъ эта-то книга Геснера и послужила партіи православнаго духовенства поводомъ къ нанесенію рѣшительнаго удара мистикамъ. Они рѣшились составить противъ мистиковъ актъ обвиненія на основаніи этой книги ранѣе выхода ея въ

*) Сочиненія Шишкова, Berlin 1870 г. т. II стр. 246.
**) Изъ «Записокъ Н. И. Греча», «Р. Арх.», 1868, стр. 1403—13.

свѣтъ. Для этого нужно было достать изъ типографіи Греча если не всю книгу, то хоть нѣсколько корректуръ. Опытный въ веденіи интригъ Магницкій взялся за это трудное дѣло. Онъ развѣдалъ, что умирающій Брискорнъ давалъ корректуру книги для прочтенія доктору своему Хр. Як. Витту. И вотъ по наущенію Магницкаго какой-то чиновникъ Степановъ захворалъ притворно и пригласилъ къ себѣ этого самаго Витта.—«Стражду,—сказалъ онъ ему:—не тѣломъ, а душою, меня давятъ тяжкіе грѣхи. Только духовная пища утолитъ меня. Вотъ еслибы я могъ прочитать хоть строчку святого мужа Геснера, я непремѣнно бы выздоровѣлъ!» Витту конечно ничего не стоило добыть листки отъ Брискорна и передать ихъ своему паціенту, который тотчасъ же передалъ ихъ Магницкому. Заручившись такимъ документомъ, заговорщики немедля обратились къ митрополиту Серафиму и убѣдили его ѣхать во дворецъ и лично представить государю, какая опасность угрожаетъ церкви отъ подобныхъ книгъ. Нарочно было избрано непринятое для подобныхъ аудіенцій время—6 часовъ вечера, чтобы необычайностью самаго посѣщенія встревожить императора. Явившись къ государю, митрополитъ упалъ къ ногамъ его и требовалъ удаленія кн. Голицына, котораго управленіе, по его словамъ, колеблетъ православную церковь.

Такая сцена не могла не подѣйствовать. Государь старался успокоить пр. Серафима, сказалъ, что обратитъ вниманіе на его жалобу и если найдетъ дѣйствія министра ошибочными, устранитъ его отъ правленія ввѣренными ему частями. Замѣчательно, что Магницкій во время всей этой аудіенціи стоялъ возлѣ дворца въ толпѣ народа, окружавшаго карету митрополита для того чтобы увидѣть, радостное или печальное лицо будетъ у пр. Серафима по выходѣ изъ дворца, и поэтому судить объ успѣхѣ или неуспѣхѣ аудіенціи. Убѣдившись такимъ образомъ, что аудіенція удалась, Магницкій тотчасъ же вслѣдъ за пр. Серафимомъ полетѣлъ въ лавру поздравить его съ успѣхомъ и расспросить, какъ и что было.

Отпечатанные листы книги Геснера по распоряженію гр. Милорадовича были тотчасъ конфискованы въ типографіи Греча. Цензоръ Бируковъ, одобрившій книгу, въ ужасѣ прилетѣлъ къ Гречу и настойчиво требовалъ отъ него возвращенія цензурной рукописи. Но Гречъ нетолько рукописи этой не отдалъ Бирукову, но тщательно прошнуровалъ ее и представилъ гр. Милорадовичу. Вслѣдъ за тѣмъ кн. Голицынъ немедленно подалъ въ отставку, и отставка его была принята, при чемъ ему поручено было новое назначеніе—главно-управляющаго почтовымъ департаментомъ съ оставленіемъ за нимъ званія члена государственнаго совѣта. Соединенное же министерство снова было раздѣлено на свои составныя части, причемъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ адмиралъ Шишковъ, духовныя дѣла отошли въ вѣдѣніе оберъ-прокурора св. Синода князя Мещерскаго, а дѣла иностранныхъ исповѣданій сосредоточены въ одинъ особый департаментъ, причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

III.

До какой степени тяжелъ и невыносимъ былъ цензурный гнетъ министерства кн. Голицына, можно судить по тому, что назначенію даже такого всѣмъ извѣстнаго реакціонера какъ адмиралъ Шишковъ многіе благодушные оптимисты радовались, видя въ этомъ поворотъ къ болѣе либеральной политикѣ и къ ослабленію цензурнаго гнета. Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ Вяземскому (14-го іюня) вы-

разилъ даже опасеніе, чтобы либерализмъ новаго министерства не угасилъ того духа оппозиціи и всеобщаго недовольства, какой развивался въ обществѣ. «Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства,—писалъ онъ:—что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозиція русская, составившаяся благодаря русскому Богу изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я исподтишка поддразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь, какъ позволяютъ №№ говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ».

Но Пушкинъ глубоко заблуждался въ этихъ своихъ опасеніяхъ. Та борьба двухъ партій, какую мы видѣли въ предъидущихъ главахъ, была борьбою не какихъ-либо политическихъ принциповъ, а чисто религіозныхъ, и побѣдившая партія отличалась не меньшимъ, если еще не большимъ фанатизмомъ въ своихъ реакціонныхъ стремленіяхъ. Въ то же время новый глава министерства Шишковъ представлялся нетолько реакціонеромъ въ чисто политическомъ смыслѣ, но былъ проникнутъ особеннымъ, только ему одному свойственнымъ духомъ старовѣрства и поклоненія допетровской старинѣ, напоминавшимъ позднѣйшихъ славянофиловъ, и сверхъ того это былъ педантъ, помѣшавшійся на чистотѣ русскаго языка и отвергавшій всю послѣдующую русскую литературу, начиная съ ненавистнаго ему Карамзина. Чего можно было ожидать отъ него по отношенію къ свободѣ прессы, это можно себѣ ясно представить по двумъ запискамъ его, представленнымъ имъ въ разныя времена правительству (въ государственный совѣтъ и въ комитетъ министровъ), гдѣ онъ высказываетъ свои мнѣнія именно о томъ, какова должна быть цензура.

Первую записку онъ представилъ въ государственный совѣтъ въ 1815 году, во время вышеизложеннаго спора между министрами народнаго просвѣщенія и полиціи о границахъ цензурной власти обоихъ министерствъ. Вотъ что пишетъ онъ между прочимъ въ этой запискѣ:

«Прошедшій вѣкъ, названный просвѣщеннымъ и философскимъ, усыпя бдѣніе правительствъ, породилъ и возлелеялъ духъ безбожія и злонравія, сей духъ истребленіемъ и убійствами дышащій, отъ котораго потрясаются правительства, потухаетъ свѣтъ вѣры, умолкаетъ законъ, гибнетъ власть, водворяется, свирѣпствуетъ шумное буйство, и добродѣтель, труды, науки, художества утопаютъ въ потокахъ крови. Таковы суть слѣдствія, рождающіяся отъ дремоты правительствъ смотрѣть за нравами! Франція, поколебавъ умы и спокойствіе всей Европы, показала и показываетъ еще столь явный и громкій тому примѣръ, что кажется слѣпому должно видѣть и глухому слышать оный. Языкъ ея, содѣлавшійся по несчастью общимъ, способствовалъ сему подъ именемъ любомудрія, образованія, вкуса, просвѣщенія возникшему въ ней злу скитаться изъ страны въ страну, изъ дома въ домъ, изъ училища въ училище, изъ журнала въ журналъ, съ театра на театръ, и сперва скрытно, а потомъ и явно учить, заражать, ослѣплять, развращать юношество, съ тою адскою надеждою, что оно, возмужавъ и напитавшись заблужденіями, станетъ сообщать ихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе».

Но такъ какъ явно проповѣдывать всѣ эти ужасныя вещи злодѣямъ было трудно, то они изобрѣли особенный ученый языкъ съ массою хитроумныхъ терминовъ, съ цѣлью замаскировать такимъ образомъ зловредность своихъ ученій. «Но какъ,—говоритъ Шишковъ:—языкъ есть первѣйшая вещь, просвѣщающая умъ и раскрывающая понятіе, то, дабы не открылъ онъ нелѣпости ихъ мыслей, придумали они подъ видомъ старанія о изящности и чистотѣ языка, спутать его темнотою и невразумительностью словъ, дабы читатель больше вѣрилъ и удивлялся, нежели понималъ. Всѣми сими способами достигли они до своего желанія и такъ хорошо умѣли укоренить свою мысль, что даже и въ нынѣшнее время, послѣ ужас-

ныхъ плодовъ, принесенныхъ развратными писаніями, тотъ же крикъ не умолкаетъ. Тѣ-жъ поборники, подъ именемъ новыхъ наукъ, новаго ума, новаго просвѣщенія, новыхъ правилъ чести и добродѣтели, тщатся поддерживать сіе средство столь надежное къ искорененію добрыхъ нравовъ и которое успѣло уже такъ широко распространиться и такую взять силу, что едва ли самая строгая мѣра и самое проницательное око дерзость его удерживать и пронырство его предусматривать могутъ»...

Далѣе Шишковъ дѣлаетъ длинный рядъ выписокъ изъ различныхъ учебныхъ книгъ и затѣмъ говоритъ: «я не смѣю вниманіе Государственнаго Совѣта обременять дальнѣйшими еще выписками, но довольно уже и сихъ, дабы вопросить: какимъ свѣтомъ озарится умъ юноши, когда онъ, прочитавъ сіе или затвердя наизустъ, станетъ, ничего не понимая, самъ себѣ говорить: *я есмь собственное мое существо, остающееся въ представленіи тѣмъ же и называемое особою или душою?* На полезное ли употребитъ онъ драгоцѣнное время свое, когда въ классѣ философіи станетъ слушать произносимое съ важностью отъ учителя толкованіе тому, чему давно уже онъ отъ рѣзвыхъ товарищей своихъ научился, что *щекотаніе есть ощущеніе, рождающее смѣхъ, и подобное ощущенію тренія и зуда?* Какая добродѣтель вкоренится въ сердце его или какой должности своей научится онъ отъ всѣхъ *чувствованій, игръ удовольствія пріятныхъ и непріятныхъ, сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, имѣющихъ вліяніе одно на другое, отчасти или совершенно уничтожающихся и производящихъ горькое удовольствіе и сладкое неудовольствіе?* Наука ли это? Въ томъ ли состоитъ любомудріе и просвѣщеніе, чтобъ не разумѣть самого себя? Сей ли темный и непонятный языкъ откроетъ намъ силу языка? Но взглянемъ еще хотя мимоходомъ на хитрую науку, называемую эстетикою или наукою вкуса, которой не знали ни Гомеры, ни Виргиліи, ни Расины и которой мы, нынѣ научась, не знаемъ ни Гомеровъ, ни Виргиліевъ, ни Расиновъ. Воспаленныя нѣмецкія головы, смѣшавъ нѣкоторыя блестки ума съ совершеннымъ бредомъ, произвели ее на свѣтъ. Мы у нихъ переняли и наполняемъ сею горячкою, лишающею всякаго здраваго смысла и разсудка, невинное воображеніе несчастныхъ юношей. Возьмемъ изъ нея сколько-нибудь мѣстъ. Что такое: — *природа вразумительна одному только гармонически образованному духу?* Что такое: — *гармонически образованный духъ есть такой духъ, коего всѣ силы и способности въ цѣломъ составѣ своемъ приспособлены къ постоянной стройности природы и имѣютъ съ нею согласіе?* Что такое — *шествовать эмпирическимъ путемъ?* и т. д.

И вотъ въ силу этихъ соображеній Шишковъ находитъ, что существующая цензура совершенно недостаточна для того, чтобы слѣдить за всѣми этими злодѣйскими ухищреніями и предлагаетъ особеннаго рода двухъярусную цензуру, которая, не принадлежа исключительно ни одному министерству, представляла бы собою особенное и самостоятельное государственное учрежденіе и состояло изъ двухъ комитетовъ, нижняго и верхняго: нижній — составлялся бы изъ людей избранныхъ, возмужалыхъ, добронравныхъ, ученыхъ, знающихъ языкъ и словесность и раздѣлялся бы на разные отдѣлы, смотря потому, на сколько родовъ раздѣлены будутъ книги, поступающія въ цензуру, а верхній комитетъ, управляющій всѣми отдѣлами нижняго, состоялъ бы изъ четырехъ особъ: министра просвѣщенія, министра полиціи, оберъ-прокурора св. Синода и изъ президента Академіи наукъ.

Вторая записка была подана въ комитетъ министровъ въ 1823 г. по поводу дѣла о профессорахъ петербургскаго университета. Дѣло это дало возможность Шишкову вновь подтвердить свои мысли, развитыя въ первой запискѣ, о необходимости устройства такого рода цензуры, ни чрезмѣрно строгой, ни слабой, вполнѣ самостоятельной и компетентной, которая главное вниманіе обращала бы на языкъ.

«Я сказалъ, — пишетъ онъ: — что цензура должна быть ни слабая, ни строгая, но къ сему должно еще присовокупить: *разумѣющая силу языка;* ибо безъ сего она будетъ препятствовать успѣхамъ просвѣщенія, а иногда и сама, черезъ поправленіе того, что само по себѣ было невинно, сдѣлаетъ оное виновнымъ. Нужно ли показать тому изъ многихъ хотя одинъ при-

мѣръ? Въ нѣкоторомъ журналѣ, въ стихахъ, подъ названіемъ «*Земная грусть*» *), сочинитель пишетъ:

Ты мнѣ твердишь, что я скучаю жизнью:
Земная жизнь — не жизнь!
О дай мнѣ, другъ, дай крылья серафима!
Мнѣ грустно на землѣ.

цензоръ не пропустилъ и вычернилъ слово *серафима*. Можно ли такимъ образомъ стѣснять писателей? Какая бѣда просить крылья серафима, чтобы возлетѣть на небеса? Да на какихъ же иныхъ крыльяхъ можно туда вознестись? Всѣ народы на всѣхъ языкахъ говорятъ и пишутъ о прекрасныхъ женщинахъ или благонравныхъ мужчинахъ: *какой ангелъ! какой у него ангельскій нравъ!* и проч. Ежели не позволять сего писать, такъ надобно всѣ книги сжечь и всякому запереть уста. Здѣсь по крайней мѣрѣ дѣло идетъ объ одной словесности; но покажемъ изъ тѣхъ же стиховъ еще примѣръ несравненно чуднѣйшій. Сочинитель говоритъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? Что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и рокъ цари?

Цензоръ вымаралъ слово рокъ и сіи два стиха напечатаны такъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? Что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и цари?

Теперь посмотримъ смыслъ двухъ прежнихъ непропущенныхъ цензоромъ, и двухъ послѣднихъ испорченныхъ и пропущенныхъ имъ стиховъ: сочинитель жалуется на здѣшній міръ, говоря, что въ немъ всѣ наши радости кратковременныя, и что въ немъ *смерть и рокъ цари*, то есть царствуютъ рокъ и смерть. Мысль обыкновенная въ грусти и печали. Цензоръ, не пропустя нужнаго слова, принудилъ его опорочивать міръ тѣмъ, что въ немъ господствуютъ два зла: *смерть и—цари!* мысль самая оскорбительная для царей, поелику владычество ихъ уподобляется владычеству смерти. Я увѣренъ, что цензоръ сдѣлалъ сіе не съ умыслу, но отъ излишней строгости, отъ боязни, соединенной съ неразумѣніемъ силы языка**). Между тѣмъ какъ говоритъ пословица: *написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ*, оно пошло читаться всѣми, и можетъ столько же быть вредно, какъ бы и съ умыслу было сказано. Одинъ сей примѣръ показываетъ, что не довольно имѣть строгую цензуру, надобно чтобъ она была умная и осторожная. Что-жъ принадлежитъ до слабой и такъ сказать съ *завязанными глазами* цензуры, какая у насъ по сіе время была и есть, то ясно и несомнѣнно доказываютъ выписки изъ печатныхъ и учебныхъ книгъ, какъ въ моемъ мнѣніи, за семь лѣтъ тому назадъ показанныя, такъ и нынѣ изъ записокъ профессоровъ извлеченныя»***).

Всѣ эти извлеченія даютъ вамъ ясное понятіе, чего можно было ждать по отношенію къ цензурѣ отъ новаго министра. Правда, онъ считалъ излишнимъ тотъ нелѣпый пуризмъ, въ который впала цензура при кн. Голицынѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даже и эта цензура, перешедшая повидимому всѣ границы строгости, казалась ему все-таки слабою и съ завязанными глазами, и въ то же время онъ желалъ педантически обратить ее на сохраненіе чистоты и ясности языка.

Но прежде чѣмъ обратиться къ какимъ-либо положительнымъ реформамъ цензуры въ духѣ своей программы, новому министерству предстоялъ рядъ отрицательныхъ мѣръ. Не надо забывать, что это было министерство побѣдившей партіи и естественно, что первое дѣло его заключалось въ томъ, чтобы принудить низвергнутыхъ мистиковъ вскричать обычное «горе побѣжденнымъ!» Шишковъ не заставилъ себя долго ждать въ этомъ отношеніи.

---

*) Здѣсь идетъ дѣло о «Земной грусти» Ѳ. Глинки, а цензоръ, исправлявшій ее, былъ все тотъ же пресловутый Бируковъ.

**) «Цензоры во всѣ времена были у насъ большею частью худы; то-есть недовольно свѣдущи въ словесности. Я помню, давно уже, что одинъ изъ нихъ не хотѣлъ пропустить выраженія *нагая истина*, сказывая, что *истина* женскаго рода, и потому непристойно ей выходить на свѣтъ *нагою*». Прим. Шишкова.

***) Сочин. Шишкова, т. II, стр. 43—53, 141, 146.

Мы видѣли выше, что книга Геснера, послужившая поводомъ къ перемѣнѣ министерства, была конфискована, но этого было мало. Главный виновникъ его, пасторъ Геснеръ былъ немедленно же высланъ изъ Россіи. Цензора фонъ-Поль и Бируковъ, типографщики Край и Гречъ, переводчики Яковкинъ, Трескинскій и директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія Поповъ—были преданы суду. Комитетъ министровъ поручилъ Шишкову и министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому разсмотрѣть печатный переводъ Геснеровой книги. Вслѣдствіе этого порученія Шишковъ написалъ подробный разборъ книги, который былъ читанъ въ комитетѣ министровъ 20-го мая 1824 года. Чтобы читатели могли составить себѣ понятіе, что это былъ за разборъ, достаточно будетъ нижеслѣдующей выдержки изъ него:

«По внимательномъ разсмотрѣніи сей книги, - говоритъ Шишковъ: — оказывается, что въ толкованіи евангельскихъ текстовъ вездѣ, подъ видомъ наставленія въ вѣрѣ, внушаются противныя ей правила, основанныя на ложныхъ умствованіяхъ, смѣшанныхъ однакожъ съ истинами, и скрытыхъ подъ оными, дабы сею хитростію омрачить умъ читателя или слушателя, и понемногу отводить его отъ вѣры своей, отъ должности мирнаго гражданина, и отъ всѣхъ обязанностей къ небесному и земному царю. Изъ разсмотрѣнія всей книги можно бы ясно сіе вывесть, но для убѣжденія себя въ томъ довольно и того, чтобъ токмо нѣкоторыя мѣста изъ оной выписать.

«Подъ словами: *Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (гл. I, стр. 4), сказано: Въ семъ родословіи встрѣчается столь много именъ извѣстныхъ и великихъ грѣшниковъ, ибо и большая часть царей были люди злые, что и въ самомъ началѣ исторіи Іисуса исполнилось пророчество: «онъ сопричтенъ будетъ къ преступникамъ». Неизвѣстно отколѣ сіе пророчество почерпнуто; есть ли изъ словъ: *со беззаконными вмѣнися*, то сіе сказано не о родословіи Христовомъ, но объ осужденіи Его на крестную смерть и распятіе между двумя разбойниками. И такъ вотъ уже при самомъ началѣ, безъ всякой нужды, бросается нѣкоторая чернота на имена царей и притомъ съ немалымъ отъ себя прибавленіемъ и увеличеніемъ, ибо на стр. 6 возобновляетъ говорить о томъ же: «здѣсь наименованы по порядку всѣ прародители Іисуса, но истинѣ не ради заслугъ своихъ; ибо они почти всѣ, исключая двухъ или трехъ, не были достойны имѣть такого потомка».

«По приведеніи текста (стр. 11): *Іосифъ же мужъ ея праведенъ сый, и не хотя ее обличити, восхотѣ тай пустити ю,* сочинитель разсуждаетъ: благочестивый мужъ не хотѣлъ ни увеличивать, ни уменьшать сего обстоятельства, а желалъ прикрыть «*проступки* ближняго покровомъ любви, и лучше уступить нѣсколько своего права. Онъ могъ бы ясно ее обличить, какъ въ другихъ случаяхъ требовала бы того и строгость правосудія; но онъ не хотѣлъ также оставлять у себя. поелику не былъ довольно увѣренъ въ ея невинности». Іосифъ могъ такъ думать, не будучи еще извѣщенъ отъ ангела: но почему проповѣдникъ извѣстный уже о семъ, называетъ это *проступкомъ,* и по какой пристойности говоритъ, что Іосифъ желалъ лучше *уступить нѣсколько своего права?* Что такое въ семъ случаѣ *уступить нѣсколько?* Какую иную мысль могутъ порождать слова сіи. какъ не ту, что раздѣлить право свое съ другимъ? И эту развратную, нечестивую мысль почерпаетъ проповѣдникъ изъ священнаго текста и сообщаетъ ее своимъ слушателямъ! Онъ даже даетъ мужьямъ совѣтъ терпѣть невѣрность женъ своихъ, продолжая дѣлать слѣдующія, едва ли въ романахъ позволительныя разсужденія: «истинная любовь умѣетъ находить средину между ревностью и нечувствительностью. Праведный умѣетъ сохранить свою честь, не посягая на честь ближняго чрезъ открытіе его проступковъ. Легковѣріе и ложное рвеніе къ соблюденію закона часто нарушаютъ самый законъ, когда обращаютъ вниманіе только на мщеніе и строгость, допускаемыя, какъ кажется, закономъ. Но благоразумная любовь и истинное благочестіе умѣютъ находить кротость въ законѣ, не принуждающемъ никого быть доносителемъ на свою супругу»..

Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ выписокъ и замѣчаній Шишковъ говоритъ:

«Сколько ни станемъ мы разсматривать сію книгу, нигдѣ не найдемъ въ ней ничего евангельскаго. ничего нравоучительнаго, но вездѣ твердится только злоязычная хула и поруганіе всему тому, что мы почитать привыкли. Такъ, на стр: 50, учитъ онъ своего слушателя: — «Старую дорогу долженъ ты оставить навсегда и на вѣки. если не хочешь попасть въ руки Ироду, книжникамъ и первосвященникамъ, кои Христа или умерщвляютъ, или опровергаютъ, или предаютъ проклятію» (Дерзкая и безстыдная ложь! Когда и гдѣ первосвящен-

ники предаютъ Христа проклятію?) Такъ, на стр. 52, говоритъ: «кто Его (Христа) любитъ тотъ не захочетъ нигдѣ быть въ нѣгѣ, и къ мѣсту не прилѣпляется такъ, чтобы не быть готовымъ, ради Христа, вырваться изъ объятій нѣжнѣйшихъ своихъ друзей и послѣдовать обязанности своего званія и исполненію дѣла Божія. Христіанинъ не желаетъ имѣть инаго отечества, кромѣ обширнаго шара земнаго, принадлежащаго Господу». Не разврату ли, не сущему ли разрушенію всѣхъ добродѣтелей учитъ насъ здѣсь проповѣдникъ? Священное писаніе говоритъ намъ: *не любя своего ближняго,* ты *не станешь любить Бога;* а проповѣдникъ велитъ намъ вырываться изъ объятій нѣжнѣйшихъ друзей нашихъ, не велитъ имѣть отечества, слѣдовательно, ни алтаря, ни государя, ни отца, ни брата, и, потушая въ насъ любовь ко всему священнѣйшему, называетъ это *обязанностью нашего званія и исполненіемъ дѣла Божія!* Перо падаетъ изъ рукъ моихъ, гнушаясь описывать столь пагубныя и злочестивыя внушенія!

Не ограничиваясь этимъ разборомъ, Шишковъ во все продолженіе процесса по книгѣ Геснера, принималъ въ немъ самое горячее участіе. Онъ не переставалъ писать обвинительныя письма особенно противъ Попова—и Аракчееву, и императору Александру, читалъ обвинительную рѣчь въ государственномъ совѣтѣ, куда дѣло это поступило по разсмотрѣніи его сенатомъ; наконецъ по вступленіи на престолъ Николая I, онъ не замедлилъ и къ нему обратиться съ длиннымъ обвинительнымъ письмомъ, желая обратить особенное вниманіе его на это дѣло. Письмо это между прочимъ особенно любопытно тѣмъ, что оно раскрываетъ намъ, какъ великъ былъ терроръ, обрушившійся на мистиковъ тотчасъ по сверженіи князя Голицына.

«Госнеръ,—пишетъ Шишковъ:—сверхъ сего, по изгнаніи его, прислалъ тайнымъ образомъ сюда нѣсколько экземпляровъ пѣсни съ нотами, въ которой вообще всякую христіанскую церковь и всѣхъ вѣрующихъ въ нее именуетъ *шалымъ осиротѣвшимъ безъ него стадомъ,* увѣщеваетъ ихъ не унывать, быть вѣрными ему, обѣщаетъ скоро возвратиться къ нимъ и увѣряетъ ихъ, что уже тогда *никакая дьявольская сила не посмѣетъ его выгнать.* Пѣсни сей болѣе сорока экземпляровъ перехвачены были оберъ-полицеймейстеромъ и представлены покойному государю. По изгнаніи Госнера, сектаторы его остались здѣсь и производили тайныя по домамъ сходбища, которыя открыты, и впослѣдствіе сего наряжена была комиссія, состоявшая изъ графа Милорадовича, меня, барона Ребиндера и епископа Сигнеуса. При всѣхъ кроткихъ увѣщаніяхъ, человѣкъ до семидесяти остались упорными въ намѣреніяхъ своихъ, не хотѣли даже обѣщать, чтобъ не дѣлать болѣе тайныхъ сборищъ, такъ что по причинѣ сего ничѣмъ непреодолимаго упорства принуждены мы были осудить ихъ къ разосланію и заточенію по разнымъ крѣпостямъ».

Письмо это однако никакого успѣха не имѣло, и дѣло Геснера было рѣшено въ 1828 году оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ.

Одновременно съ преданіемъ суду всѣхъ участниковъ въ переводѣ книги Госнера Шишковъ съ такою же энергіею приступилъ къ уничтоженію Библейскаго общества, этого излюбленнаго дѣтища мистиковъ и главнаго орудія ихъ дѣятельности. Съ паденіемъ кн. Голицына Библейское общество и безъ того уже висѣло на волоскѣ; довольно того что вмѣсто кн. Голицына предсѣдателемъ его былъ назначенъ злѣйшій врагъ Общества митрополитъ Серафимъ. Оставалось нанести ему послѣдній ударъ, и Шишковъ не замедлилъ совершить это.

Началъ онъ это дѣло по своему обыкновенію письмами къ гр. Аракчееву. Такъ 13 сентября 1824 г. онъ препроводилъ къ Аракчееву два №№ «Моск. Вѣдомостей» и вотъ что писалъ онъ по ихъ поводу:

«Препровождаю къ вашему сіятельству «Московскія Вѣдомости», въ которыхъ изволите увидѣть подъ статьею: *Москва, 27 августа,* выписку изъ журнала засѣданія московскаго комитета Библейскаго общества, гдѣ успѣхи онаго превозносятся, и вслѣдъ за сею статьею возвѣщается о церковныхъ книгахъ, продаваемыхъ отъ Библейскаго общества *на славянскомъ, одномъ русскомъ и славяно-русскомъ языкѣ.* Дѣлаются возванія о семъ; и въ противность всякаго понятія о старообрядцахъ, не терпящихъ ни малѣйшаго измѣненія въ библейскихъ

текстахъ, возглашается, что они съ радостью раскупаютъ и читаютъ Новый Завѣтъ *на русскомъ языкѣ*, и сей языкъ, какъ будто бы нѣкій особый, названъ *ихъ природнымъ!* Таковая преимущественная предъ настоящими христіанами похвала *старообрядцамъ*, то-есть раскольникамъ, и увѣреніе, что русскій языкъ имъ особенно природенъ, есть явная и совершенная ложь, очевидно для того только проповѣдываемая, чтобъ возвысить расколы и уничтожить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе. Сіи статьи печатаются въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», спустя три мѣсяца послѣ перемѣны министерства народнаго просвѣщенія, и тогда, когда въ Петербургѣ ничего о библейскихъ обществахъ не упоминается. Возможно ли Московскому архіепископу *) не знать о сихъ распоряженіяхъ, и безъ особаго намѣренія допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія обнаруживающихъ? Но сего еще мало. На второмъ приложенномъ при семъ листкѣ «Московскихъ Вѣдомостей» ваше сіятельство усмотрите публичную продажу книгъ, изъ которыхъ главную часть, яко противныхъ всякой христіанской вѣрѣ и возмутительныхъ противъ правительствъ, надлежало бы истребить. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже запрещены, но опять появились. Такъ пронырливое злонамѣреніе будетъ всегда стараться возставать и вновь усиливаться, естьли твердою рукою отъ покушеній своихъ не удержится! Мнѣ поручено министерство просвѣщенія; но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Есть ли библейскія общества будутъ попрежнему существовать и, проповѣдуя пользу и распространеніе въ христіанскомъ государствѣ христіанства, въ самомъ дѣлѣ умножать токмо ереси и расколы; если церковныя книги, для того, чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ и какъ на простонародный языкъ, какимъ говоримъ мы между собою, и на театрѣ; если, при распространеніи таковыхъ переводовъ (развѣ для того токмо нужныхъ, чтобъ со временемъ не разумѣть церковной службы, или чтобъ и обѣдни служить на томъ языкѣ, на какомъ пишутся комедіи), еще сверхъ того съ иностранныхъ языковъ, вмѣсто нашихъ молитвъ и евангельскихъ правоученій, переводиться будутъ такъ называемыя духовно-философическія и революціонныя книги; если, говорю, все это продолжаться будетъ попрежнему, то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь; ибо по моему образу мыслей, просвѣщеніе, неоснованное на вѣрѣ и вѣрности къ государю и отечеству, есть мракъ и вредное заблужденіе»... и т. д.

Черезъ шесть дней послѣ этого письма Шишковъ отправилъ гр. Аракчееву другое подобное, въ которомъ между прочимъ доносилъ о вышеупомянутомъ фактѣ присылки изъ-за границы стиховъ Геснера, и фактъ этотъ въ свою очередь пріурочивалъ къ зловредному вліянію Библейскаго общества.

Наконецъ 3-го ноября онъ написалъ Аракчееву третье письмо, въ которомъ доносилъ на ежемѣсячный журналъ Библейскаго общества «Извѣстія о Библейскихъ обществахъ» и на «Краткій Катехизисъ» Филарета, изданный передъ тѣмъ въ восемнадцати тысячахъ экземпляровъ.

«Я имѣю причины,—писалъ онъ:—просить ваше сіятельство доложить о семъ государю императору и принять неукоснительныя мѣры, чтобъ изданіе первой изъ сихъ книжекъ и разсылки второй теперь по крайней мѣрѣ, до ближайшаго разсмотрѣнія оной, остановить; ибо естьли же послѣдняя повсюду разойдется, то уже дѣйствія, сю произведеннаго, отвратить будетъ не можно. Не разсуждая уже о нѣкоторыхъ введенныхъ въ нее, не совсѣмъ согласныхъ съ ученіемъ нашей церкви правилахъ, одно только то, что въ ней главнѣйшія молитвы, составляющія духовное наше воспитаніе, и къ которымъ каждый отецъ пріучаетъ едва начинающаго еще лепетать своего сына, молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы таковыя, какъ *Отче нашъ* и *Вѣрую во единаго Бога*, также и *Заповѣди Господни* переложены на простой языкъ, переиначены, и нарочно, для сильнѣйшаго впечатлѣнія сей важной перемѣны, напечатаны церковными буквами; одно только сіе показываетъ уже, съ какимъ намѣреніемъ тиснуто оной такое огромное количество. Слѣдуя долгу званія моего, надлежало бы мнѣ тотчасъ во всѣ училища разослать приказанія, чтобъ нигдѣ помянутыхъ книжекъ не принимали; но поставленный въ затрудненіе дѣйствовать во благо церкви, государя и отечества, я буду ожидать или разрѣшенія на то, или увольненія меня отъ таковаго званія, въ которомъ я не могу

*) Здѣсь идетъ рѣчь о Филаретѣ, сторонникѣ и другѣ кн. Голицына и принимавшемъ дѣятельное участіе въ Библейскомъ обществѣ.

быть полезенъ, и долженъ, попуская возрастать и усиливаться прежнимъ и стараніямъ, и работамъ, съ укореніемъ совѣсти моей видѣть себя содѣйствующимъ въ томъ, что, по моимъ понятіямъ, можетъ принести крайній вредъ благочестію, нравамъ, и слѣдовательно, государству и человѣчеству»...

На другой день послѣ этого послѣдняго письма гр. Аракчеевъ пріѣхалъ къ Шишкову съ извѣстіемъ, что государю угодно, чтобы они вдвоемъ отправились къ митрополиту и объяснились съ нимъ относительно всѣхъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ письмахъ Шишкова. И вотъ въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера Шишковъ съ Аракчеевымъ отправились къ Серафиму, и тамъ произошли у нихъ жаркія пренія съ послѣднимъ. Серафимъ безпрекословно соглашался на уничтоженіе ненавистнаго ему Библейскаго общества, но принялъ подъ свою защиту катехизисъ Филарета, и когда послѣ различныхъ доводовъ онъ обратилъ вниманіе на количество изданныхъ экземпляровъ и замѣтилъ: «Да куда-жъ намъ дѣваться съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ?»—Шишковъ «едва удержался въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія», а гр. Аракчевъ воскликнулъ внѣ себя: «Не о деньгахъ дѣло идетъ; пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы остановить и сколько можно отвратить сдѣланное зло». Въ результатѣ всѣхъ этихъ преній было наконецъ рѣшено, чтобы библейскія общества закрыть, а краткій катехизисъ Филарета остановить.

По этому поразительному факту вы можете себѣ представить, до какой необузданности могутъ доходить партизанскій фанатизмъ и педантство: въ революціонномъ и чуть что не атеистическомъ направленіи были заподозрѣны тѣ самые всѣмъ извѣстные «Начатки христіанскаго ученія», по которымъ учились сначала наши отцы, а потомъ и мы съ вами! И они даже не избѣгли въ свое время цензурной кары да еще и какой грозной!

Чтобы дать сильнѣе почувствовать это побѣжденному врагу, къ «Краткому Катехизису» Шишковъ присоединилъ еще и другое сочиненіе Филарета именно: «Записки на книгу Бытія»; оно было тоже запрещено и опять-таки подъ тѣмъ же предлогомъ, что не должно излагать текста на общеупотребительномъ языкѣ *).

Далѣе затѣмъ, конечно, ужь послѣдовало строгое запрещеніе всѣхъ масонскихъ и всякаго рода мистическихъ книгъ. Шишковъ предложилъ членамъ Главнаго правленія училищъ, чтобы они, если усмотрятъ въ духовныхъ книгахъ, напечатанныхъ безъ духовной цензуры, что-либо противное православію, представляли бы ихъ въ правленіе съ своими замѣчаніями, чтобы и другія книги съ подобнымъ направленіемъ были отбираемы изъ библіотекъ учебныхъ заведеній и запечатанныя хранились впредь до особаго предписанія. Затѣмъ Шишковъ отнесся къ Серафиму, препровождая по экземпляру такихъ книгъ, и предложилъ сдѣлать то же и относительно духовныхъ училищъ. Книги, конфискованныя такимъ образомъ были слѣдующія: 1) «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Спб. 1828 г.; 2) «Таинство Креста Іисуса и членовъ его». Спб. 1820 г., 3) «Путь ко Христу», Я. Бема, Спб. 1816 г.; 4) «Побѣдная повѣсть или торжество вѣры христіанской», соч. Юнга Штиллинга; 5) «Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ свободныхъ каменьщиковъ»; 6) «Сіонскій Вѣстникъ», 1806, 1817 и 1818 г.; 7) «Краткое разсужденіе о важныхъ предметахъ жизни Христа». Спб. 1821 г.; 8) «Сочиненія г-жи Гюйнъ» и пр.

Шишковъ самъ дѣлалъ при своихъ докладахъ императору на нѣкоторыя

*) «Записки о жизни Филарета», Сушкова, стр. 115.

подобнаго рода конфискованныя книги замѣчанія весьма курьезнаго рода. Такъ напримѣръ, о книгѣ «Краткій и легчайшій способъ молиться» г-жи Гюйнъ Шишковъ докладывалъ:

«Оставляя всякія другія изъ сей книги выписки, изъ которыхъ ясно бы можно было увидѣть проповѣдываемое ею подъ именемъ вѣры безвѣріе и злочестіе, скажемъ объ одномъ только данномъ ей заглавіи. Можетъ ли что быть страннѣе и неприличнѣе онаго? Обыкновенно говорится: краткій и легчайшій способъ *красить сукна*, или *мочить пеньку*, или дѣлать что нибудь подобное; но слыхано ли, чтобъ былъ краткій и легчайшій способъ *молиться*? Можно ли молитву уподоблять какому-нибудь ремеслу, къ обученію котораго предлагается *краткій и легчайшій способъ*? Не есть ли это насмѣхаться надъ человѣческими *о молитвѣ* понятіями? И еще просто сказано *молиться*, не говоря кому, Богу или діаволу; ибо можно и сему послѣднему молиться. Нужно ли по одному заглавію разсуждать о сей книгѣ еще далѣе?» О книгѣ «Божественная философія» Шишковъ докладывалъ: «Въ предисловіи говорится о какомъ-то *мученикѣ духа святаго*. Можетъ ли быть что безбожнѣе и злочестивѣе сего выраженія? *мученикъ Духа Святаго!* Обыкновенно о человѣкѣ, одержанномъ бѣшенствомъ, или какими-либо иными зловредными страстями, говорится: *дьяволъ мучитъ его*; но чтобъ *Духъ Святой* могъ кого *мучить*, такой злочестивой мысли никому въ голову не входило» и т. д.

Переводы книгъ Св. Писанія на русскій языкъ, изданные Библейскимъ обществомъ, въ свою очередь запрещались и даже отбирались у частныхъ лицъ. Къ числу такихъ запрещенныхъ книгъ былъ отнесенъ и переводъ Новаго Завѣта, изданный Библейскимъ обществомъ съ двумя параллельными текстами—церковнославянскимъ и русскимъ. Книга эта была признана вредною нетолько потому, что Шишковъ считалъ неприличнымъ изложеніе Св. писанія на языкѣ, которымъ говорятъ въ театрѣ, но и сверхъ того по революціонной тенденціи одного мѣста, признанной умышленно злонамѣренною. Дѣйствительно въ «Первомъ Посланіи къ Коринѳянамъ» ап. Павла, въ гл. VII, стихъ 21 по церковно-славянски значится такъ: «рабъ ли призванъ былъ еси; да не нерадиши: но аще и можеши свободенъ быти, *больше поработи себѣ*». Въ русскомъ же переводѣ стихъ этотъ напечатанъ совершенно въ обратномъ смыслѣ: «рабомъ ли призванъ, не безпокойся; но если можешь сдѣлаться и свободнымъ, *тѣмъ больше и воспользуйся*», Эта діаметральная противоположность смысла славянскаго и русскаго переводовъ обусловливается тѣмъ, что въ греческомъ текстѣ здѣсь употребленъ глаголъ, который можетъ быть переведенъ и такъ, и иначе; совершенно подобно тому, какъ французское слово exploiter можно перевести словомъ *пользоваться* или пожалуй, если хотите - *порабощать*. Очень возможно, что переводчикъ отступилъ отъ славянскаго перевода не безъ задней мысли провести либеральную тенденцію. Во всякомъ случаѣ начальство заподозрило въ этомъ явный умыселъ возмутить крестьянъ противъ помѣщиковъ, и изданіе было прекращено.

Жертвою всего этого погрома палъ и знаменитый Магницкій. Послѣдніе подвиги его на поприщѣ тартюфства ни мало не помогли ему; напротивъ энергическимъ участіемъ своимъ въ сверженіи кн. Голицына онъ самъ себѣ вырылъ яму подъ ногами. Несмотря на всю свою готовность служить новому министерству съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онъ служилъ старому, ему не удалось потушить ненависти Шишкова и расположить его въ свою пользу. Въ началѣ 1826 года была назначена ревизія казанскаго университета; она была поручена генералъ-маіору П. Ѳ. Желтухину, который приступилъ къ ней 8 февраля 1826 года и съ первыхъ же словъ и дѣйствій обнаружилъ, къ чему эта ревизія клонится. Такъ при представленіи ему въ университетѣ профессоровъ и студентовъ, подойдя къ профессору богословія протоіерею Нечаеву, Желтухинъ спросилъ его:

— Не фанатически ли вы учите закону Божію?

— Изволите видѣть изъ моихъ лекцій, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же должно любить Бога? продолжалъ ревизоръ.

— Выше всякаго фанатизма.

При осмотрѣ библіотеки Желтухинъ выразилъ сильное негодованіе по поводу изъятія изъ нея множества книгъ, сдѣлавшихся недоступными для профессоровъ и публики.

— Какія же это книги? спросилъ онъ библіотекаря, адъюнкта Краузе.

— Мерзости Вольтера, какъ «La Pucelle» и всѣ негодныя сочиненія его, сквернословія Дидерота и вообще всѣ сочиненія его, отвѣчалъ Краузе.

Желтухинъ возразилъ на это, что все это не что иное, какъ фанатизмъ, что самъ онъ не меньше пяти разъ читалъ «La Pucelle» съ удовольствіемъ и намѣренъ еще читать ее. Подъ конецъ же разговора съ Краузе, Желтухинъ взялъ изъ шкафа одну изъ запрещенныхъ книгъ «Confidences philosophiques», и прочитавъ въ ней страницу, нашелъ, что она написана прекрасно, что воздвигать гоненія на произведенія такого рода есть чистый фанатизмъ, что довольно вѣрить во Христа, а все прочее ничего не значитъ.

Затѣмъ ревизія нашла конечно массу великихъ безпорядковъ, а главное на что она указала, это на чрезмѣрную расточительность Магницкаго и безцеремонное отношеніе къ казеннымъ деньгамъ: оказалось, что въ то время, какъ онъ негодовалъ, что содержаніе университета съ 1805 по 1819 г. стоило 1.641,077 р., самъ онъ втеченіе 7 лѣтъ израсходовалъ 1.593,244 р., причемъ въ этотъ періодъ было выпущено изъ университета студентовъ не много болѣе ста человѣкъ, такъ что каждый студентъ обошелся въ 15,000 рублей.

Во время всей этой ревизіи Магницкій предавался мистическимъ галлюцинаціямъ, спалъ на медвѣжьей шубѣ, разостланной на полу, разсказывалъ своимъ приближеннымъ о посѣщеніи его ночью Пресвятой Дѣвой и пр. Высочайшимъ приказомъ 6-го мая 1826 г. онъ былъ уволенъ отъ должности попечителя Казанскаго округа и члена Главнаго правленія училищъ. На имѣніе его наложено было запрещеніе съ цѣлью покрыть значительные начеты, оказавшіеся на немъ. Послѣ этого онъ влачилъ свою жизнь въ изгнаніи, всѣми забытый, ссылаемый на житье то въ Ревель, то въ Одессу, то въ Херсонъ, и не находилъ ни малѣйшаго участія и сочувствія въ окружавшихъ его людяхъ.

IV.

Въ то время, какъ такимъ образомъ мистики претерпѣвали рядъ гоненій, смѣщались съ занимаемыхъ ими должностей, предавались суду, заключались въ крѣпости и всѣ слѣды ихъ дѣятельности тщательно сглаживались, напротивъ того возстановлялось все то, что они наиболѣе преслѣдовали въ дни своего господства. Такъ статсъ-секретарь Кикинъ не замедлилъ представить Шишкову единственный оставшійся у него экземпляръ книги Станевича «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души». Шишковъ послалъ этотъ экземпляръ на разсмотрѣніе митрополиту Серафиму, и по полученіи отъ него одобрительнаго отзыва о книгѣ, представилъ государю докладъ о несправедливомъ запрещеніи этой книги; и вотъ 17 ноября 1824 года состоялся высочайшій указъ на имя министра народнаго просвѣщенія, повелѣвавшій книгу Станевича дозволить печатать и продавать. И

книга дѣйствительно была вновь издана на казенный счетъ съ обозначеніемъ на заглавномъ листѣ ея «по высочайшему повелѣнію».

Точно также и книга «О должностяхъ человѣка и гражданина», изъятая нѣкогда изъ употребленія на томъ основаніи, что «не нужно дѣтямъ читать о должностяхъ человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ», теперь напротивъ того была признана весьма полезною для юношества и была вновь введена для чтенія въ народныхъ училищахъ.

Между тѣмъ надъ свѣтскою литературою строгость цензуры со вступленіемъ Шишкова въ министерство нетолько не уменьшилась, какъ мечтали оптимисты, но напротивъ того увеличилась. Такъ первымъ дѣломъ былъ запрещенъ обычай означать точками мѣста, выкинутыя цензоромъ. Затѣмъ были введены *секретныя* наставленія цензурѣ, и первымъ такимъ наставленіемъ было запрещеніе допускать въ печать «отдѣльные помѣщичьи уставы, непосредственно до управленія крестьянъ относящіеся».

23-го іюля 1824 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о запрещеніи россійскимъ чиновникамъ, находящимся на службѣ, издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія что-либо касающееся до внѣшнихъ или внутреннихъ отношеній Россійскаго государства, безъ дозволенія своихъ начальствъ.

«Дошло до свѣдѣнія государя императора,—сказано въ этомъ указѣ:—что нѣкоторые изъ служащихъ и отставныхъ чиновниковъ позволяютъ себѣ издавать въ свѣтъ печатныя извѣстія о поступкахъ своихъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ должностей; а другіе, напротивъ, такими же печатными извѣстіями опровергаютъ первыя, и что отсюда проистекаютъ неприличныя сужденія, доходящія до нескромности о предметахъ, какъ по обязанностямъ службы, такъ и по самымъ правиламъ благопристойности. Его Императорское Величество изволитъ находить полезнымъ единожды на всегда принять за правило, чтобъ россійскіе чиновники, находящіеся на службѣ, нигдѣ и ни на какомъ языкѣ не издавали въ свѣтъ никакихъ сочиненій, заключающихъ что-либо касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній россійскаго государства, сверхъ обыкновенной цензуры, безъ дозволенія своихъ начальствъ» *)...

Въ 1825 году гр. Аракчеевъ сообщилъ министру высочайшую волю «дабы единожды навсегда было принято за правило не помѣщать въ журналахъ ничего, касающагося до военныхъ поселеній кромѣ тѣхъ статей, которыя будутъ сообщены именно отъ гр. Аракчеева» **).

Въ 1826 году было предписано цензурѣ «принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ въ Россіи издаваемыхъ отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ его величества, допуская тѣ только изъ сего рода, кои заимствуются изъ с.-петербургскихъ академическихъ газетъ или изъ «Journal de S.-Petersbourg», издаваемаго при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ». Такимъ образомъ политическому отдѣлу всей русской прессы былъ сообщенъ характеръ и значеніе оффиціальности, подавшій впослѣдствіи много поводовъ къ недоразумѣніямъ въ международныхъ отношеніяхъ. Заботливость цензуры чтобъ не подать посредствомъ журнальныхъ статей причины къ какому-нибудь неудовольствію за-границей простиралась до того, что невыгодный отзывъ о пасторѣ Штаркѣ, придворномъ проповѣдникѣ одного германскаго герцога, помѣщенный въ малоизвѣстной остзейской газетѣ, былъ признанъ неумѣстнымъ ***).

*) «Сборн. постан. и распор. по цензурѣ», стр. 120.
**) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр., 29, 30.
***) Ibid., стр. 35.

До какой безсмысленной строгости доходила цензура того времени, можно судить потому, что когда случилось наводненіе 7-го ноября 1824 года, историческая катастрофа, обратившая на себя вниманіе всей Европы и свидѣтелемъ которой были всѣ 400,000 жителей Петербурга, извѣстія о наводненіи не были напечатаны ни въ одной газетѣ, и только черезъ годъ позволено было Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, напечатать брошюру съ описаніемъ подробностей наводненія *).

Въ томъ же 1824 году академикъ Германъ читалъ въ засѣданіяхъ Академіи наукъ изслѣдованіе свое о числѣ самоубійствъ и смертоубійствъ въ Россіи въ теченіе 1819 и 20 годовъ. По его исчисленіямъ всего болѣе этихъ случаевъ приходится на долю губерній: Курской, Рязанской, Казанской и Тамбовской; всего менѣе на долю: Костромской и Саратовской. Статистическія цифры заимствованы Германомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ. Важность научныхъ изысканій о насильственной смертности авторъ доказывалъ тѣмъ, что ими до нѣкоторой степени опредѣляется нравственное и политическое состояніе народа, ибо главнымъ источникомъ преступленій служатъ обыкновенно крайности: дикость нравовъ или ихъ эгоистическая утонченность, невѣріе или фанатизмъ, анархія или гнетъ, крайняя бѣдность или чрезмѣрная роскошь. Чрезвычайно рѣдкіе случаи умерщвленія новорожденныхъ и смертоубійствъ, совершаемыхъ членами семейства, служатъ, по мнѣнію автора, признакомъ добрыхъ нравовъ жителей внутреннихъ губерній Россіи. Несмотря на подобный выводъ, лестный для патріотическаго чувства Шишкова, статистика убійствъ показалась ему возмутительною. Препровождая мемуаръ Германа, Шишковъ пишетъ:

«Статью о вычисленіи смертоубійствъ и самоубійствъ, приключившихся въ два минувшіе года въ Россіи, почитаю не токмо ни къ чему ненужною, но и вредною. Первое: какая надобность знать о числѣ сихъ преступленій? Второе: по какимъ доказательствамъ всякій читатель можетъ удостовѣренъ быть, что число сіе отнюдь не увеличено? Третье: къ чему извѣщеніе о семъ можетъ служить? Развѣ къ тому только, чтобы колеблющійся преступникъ, видя передъ собою многихъ предшественниковъ, могъ почерпнуть изъ того одобреніе, что онъ не первый къ такому дѣлу приступаетъ? Мнѣ кажется, подобныя статьи, неприличныя къ обнародованію оныхъ, надлежало бы къ тому, кто прислалъ ихъ для напечатанія, отослать назадъ съ замѣчаніемъ, чтобъ и впредь надъ такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія какъ смертоубійство и самоубійство должны погружаться въ вѣчное забвеніе» **).

Послѣ 14-го декабря 1825 года строгости цензуры естественно еще болѣе усилились; Шишковъ предписалъ цензорамъ при малѣйшемъ сомнѣніи обращаться прямо къ нему, и вотъ что пишетъ онъ между прочимъ объ этомъ предметѣ въ томъ своемъ письмѣ къ государю Николаю Павловичу, о которомъ мы выше говорили:

«Во многихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ появляются таковые же порывы (т. е. революціонные). Сколь не трудно для меня имѣть особое и неусыпное за симъ наблюденіе, однакожъ, я велѣлъ цензорамъ при малѣйшемъ сомнѣніи относиться ко мнѣ. Многое останавливалъ. Напослѣдокъ, прошедшій разъ цензоръ принесъ ко мнѣ поступившіе къ нему стихи, и спрашиваетъ, велю ли я ихъ пропустить. Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *«Посланіе къ артельнымъ друзьямъ»*. Годъ поставленъ 1817. Имя сочинителя означено *Мещевскій*. Слово *артельные друзья* само собою показываетъ, что *посланіе* сіе относится не ко всѣмъ вообще читателямъ, но къ какой-то *артели*, то есть неизвѣстному или тайному обществу. Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и рас-

*) «Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго», «Р. Стар.», т. II, стр. 673.
**) «Матер. для ист. обр. въ Россіи», статья 3-я, гл. II, стр. 26, 27.

пускать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства. Въ стихахъ сихъ между прочимъ говорится слѣдующее:

Друзья! вотъ стонъ души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая раннихъ дней
Еще отъ насъ далеко!
Еще въ туманѣ скрыта цѣль
Возлюбленныхъ желаній!
Кто-жь благотворную артель,
Источникъ всѣхъ мечтаній,
Высокихъ чувствъ и словъ златыхъ,
Для счастія отчизны,
Кто, въ шумѣ радостей пустыхъ,
Мнѣ замѣнитъ въ сей жизни?
Я съ вами—и въ душѣ горитъ
Добра огонь священный;
Безъ васъ—иной все кажетъ видъ,
Столь низкій, столь презрѣнный!
Но часъ пробьетъ: услышимъ мы
Отечества призванье!
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье:
Сплетенныя рука съ рукой,
На путь мы ступимъ жизни,
И пылкой полетимъ душой
Ко счастію отчизны.
И кто возможетъ положить
Преграды намъ въ полетѣ?
Кто для отчизны алчетъ жить,
Тотъ выше бѣдствій въ свѣтѣ».

«Не явно ли стихи сіи заключаютъ въ себѣ воззваніе къ возмущенію? Ибо что можетъ быть яснѣе сихъ словъ: *друзья артельщики*! (можетъ быть нарочно не сказано *товарищи*, дабы подъ словомъ *артельщики* разумѣть вмѣстѣ и солдатъ) *цѣль желаній нашихъ скрыта еще въ туманѣ*! Какая цѣль? для чего скрыта? О какомъ *счастіи отчизны* старается какая-то неизвѣстная, *тайная высокихъ чувствъ артель, источникъ всѣхъ мечтаній и словъ златыхъ*? И что еще!—безъ сей артели все прочее кажетъ *низкій*, *презрѣнный видъ!* А что между прочимъ затѣваетъ артель сія? Взглянемъ только на безнравственныя сочиненія, на безстыдныя и наглыя лжеумствованія, разсѣеваемыя сими артельщиками, почитающими всѣхъ, кромѣ себя, *низкими и презрѣнными*, и тогда мы увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ по злобѣ, а другіе, путеводимые хитрѣйшими себя, по слѣпотѣ и безумію, стремятся разрушить всякое общество, истребить всякую вѣру и правительство. Тѣхъ они ненавидятъ и презираютъ, которые сего не хотятъ. Надежда ихъ на единомышленниковъ своихъ такъ велика, что они нетолько защищаютъ Геснеровъ и ему подобныхъ, нетолько вслухъ о томъ твердятъ, но посылаютъ въ печать стихи, въ которыхъ смѣло пророчествуютъ: *но часъ пробьетъ: услышимъ мы отечества призванье! тогда появится изъ тьмы душъ пламенныхъ желанье*. Какое призванье отечества?—Не отечество, противъ котораго они возстаютъ, призываетъ ихъ, на развратъ, внушенный имъ врагами человѣчества: *не вѣдятъ-бо что творятъ!* И въ семъ незнаніи исполняютъ волю общихъ и своихъ злодѣевъ, и, повинуясь имъ слѣпо и рабски, съ гордостію хвастаютъ *пламеннымъ желаніемъ душъ своихъ*, и угрозами, что въ то время, когда *сіе желаніе ихъ появится изъ тьмы, никто не возможетъ положить имъ преграды въ полетѣ*, и что они *выше всѣхъ бѣдствій*!—Вотъ какіе стихи не боятся присылать для напечатанія! Я призвалъ къ себѣ журналиста (Воейкова) и спросилъ у него: какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять съ намѣреніемъ издать въ своемъ журналѣ? Онъ сперва покушался дать имъ благовидный смыслъ: но когда увидѣлъ, что сего невозможно, то въ извиненіе свое отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ. Потомъ, когда я у него спросилъ: кто такой Мещевскій, подписавшійся подъ сими стихами, гдѣ онъ живетъ, и откуда прислалъ ихъ? то онъ мнѣ сказалъ, что этотъ Мещевскій, года три или четыре тому назадъ, умеръ и оставилъ у него свои сочиненія. И такъ, по словамъ

его, опасался онъ, что и мертвый вызоветъ его на поединокъ! Цензоръ тоже боится, что естьли онъ не пропуститъ, то его разругаютъ или прибьютъ. Вотъ до чего простирается дерзость таковыхъ писаній и требованій! Въ оправданіе сему только и слышишь, что твердятъ: *да это господствующій духъ времени!*»...

Но вѣнцомъ дѣятельности Шишкова былъ новый цензурный уставъ, составленный Главнымъ правленіемъ училищъ подъ его руководствомъ и Высочайше утвержденный 10-го іюня 1826 г.

Мы видѣли уже тѣ программы цензурныхъ реформъ, какія представлялъ Шишковъ въ 1815 и 23 годахъ. Сообразно этимъ программамъ былъ составленъ и уставъ 1826 года. Цензурное управленіе было раздѣлено на двѣ инстанціи. Высшую инстанцію представлялъ верховный цензурный комитетъ, состоя изъ трехъ министровъ: народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ, на томъ основаніи, что (§ 6) «три главнѣйшія въ отношеніи къ цензурѣ попеченія, а именно: а) о наукахъ и воспитаніи юношества; б) о нравахъ и внутренней безопасности и в) о направленіи общественнаго мнѣнія, согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства. Затѣмъ (§ 8) низшія инстанціи состояли изъ: 1) Главнаго цензурнаго комитета въ С.-Петербургѣ и цензурныхъ комитетовъ: 2) московскаго, 3) дерптскаго и 4) виленскаго.

Главный цензурный комитетъ (§ 9) долженъ былъ состоять изъ шести цензоровъ, между которыми раздѣлялось разсмотрѣніе книгъ на разныхъ языкахъ, и предсѣдателя, который наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ всего, что̀ постановлено цензурными учрежденіями. Прочіе же комитеты (§ 14) состояли изъ трехъ цензоровъ, полагая въ томъ числѣ и предсѣдателей.

Цензурные комитеты (§ 18) подчинялись попечителямъ учебныхъ округовъ, черезъ которыхъ и испрашивали въ потребныхъ случаяхъ разрѣшенія министра. Что же касается верховнаго цензурнаго комитета (§ 27), то онъ собирался по приглашенію министра народнаго просвѣщенія; дѣятельность его заключалась (§ 29) въ окончательномъ разсмотрѣніи дѣлъ по цензурѣ, требующихъ соображеній въ государственномъ видѣ какъ по отношенію къ внутреннему устройству Россіи, такъ и внѣшнихъ ея сношеній, и во-вторыхъ (§ 33) въ общемъ направленіи дѣйствій цензурныхъ комитетовъ къ полезной и согласной съ намѣреніями правительства цѣли и въ разрѣшеніи важнѣйшихъ обстоятельствъ, встрѣчающихся при разсматриваніи предполагаемыхъ къ изданію въ свѣтъ сочиненій. Съ этой цѣлью (§ 34) правителемъ дѣлъ верховнаго цензурнаго комитета, подъ наблюденіемъ членовъ его, составлялось ежегодно наставленіе цензорамъ, содержавшее въ себѣ особыя указанія и руководства, для точнѣйшаго исполненія нѣкоторыхъ статей устава, смотря по обстоятельствамъ времени. Наставленіе цензорамъ (§ 35) по разсмотрѣніи въ собраніи верховнаго цензурнаго комитета должно было представляться министромъ народнаго просвѣщенія на высочайшее утвержденіе и затѣмъ разсылаться (§ 36) въ цензурные комитеты къ собственному ихъ свѣдѣнію и наблюденію.

Мы не будемъ останавливаться на параграфахъ, общихъ всѣмъ уставамъ, предшествовавшимъ и послѣдующимъ, которые запрещаютъ антирелигіозныя, возмутительныя, непочтительныя или безнравственныя сочиненія, а обратимъ вниманіе лишь на особенности этого устава, отличающія его отъ прочихъ. Такъ мы видимъ, что вышеупомянутое запрещеніе обозначать точками выпущенныя цензоромъ мѣста вошло въ уставъ (§ 63) и приняло такимъ образомъ санкцію закона. Параграфами 139—143 запрещалось печатать: 1) оффиціальныя статьи, извѣстія о важныхъ событіяхъ, относящіяся къ Россіи, и высочайшіе рескрипты прежде,

нежели они обнародованы будутъ отъ правительства; 2) рескрипты умершихъ государей, въ свое время не обнародованные, безъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, Верховнаго цензурнаго комитета, а въ нужныхъ случаяхъ и высочайшаго соизволенія; 3) статьи, касающіяся до государственнаго управленія безъ согласія того министерства, о предметахъ котораго въ нихъ разсуждается; 4) стихи, посвященія и сочиненія въ честь Высочайшихъ особъ безъ высочайшаго разрѣшенія и соизволенія тѣхъ лицъ, кому они поднесены и подписаны; 5) записки частныхъ людей по тяжебнымъ дѣламъ, исключая производящихся въ Западномъ краѣ.

Замѣчательны были также §§ 153—155. Въ первомъ изъ нихъ уставъ дозволялъ печатаніе въ современныхъ изданіяхъ критикъ и антикритикъ, основанныхъ на безпристрастныхъ сужденіяхъ, хотя бы онѣ содержали въ себѣ непріятныя, но справедливыя возраженія и нужныя для пользы языка и словесности обличенія въ погрѣшностяхъ, но при этомъ предписывалось наблюдать, «чтобы въ таковыя статьи не вкрадывалось личное оскорбленіе, и чтобы онѣ не обращались въ бранную, совершенно безполезную для читателей переписку». Въ слѣдующихъ же двухъ параграфахъ запрещается печатаніе сочиненій на языкѣ отечественномъ, равно и на иностранныхъ, «въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей».

Не забыты были и всѣ тѣ вредныя науки, которыя преслѣдовались въ послѣднее время. Такъ однѣмъ историческимъ наукамъ было посвящено пять параграфовъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ былъ § 181, исключавшій изъ исторіи всякія произвольныя умствованія, которыя не принадлежатъ къ повѣствованіямъ и коихъ содержаніе противно правиламъ устава. Что же касается наукъ умозрительныхъ, то при этомъ вспомнили и о Магницкомъ, и § 190 было предписано, что «всякая вредная теорія, таковая, какъ напримѣръ, о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, будто бы естественномъ, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога, и тому подобныя, отнюдь не должны быть одобряемы къ печатанію». Въ § 193 предписывается по отношенію къ медицинскимъ наукамъ въ особенности наблюдать, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыя изъ нихъ орудіями къ поколебанію, или по крайней мѣрѣ къ ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ достовѣрности священнѣйшихъ для человѣка истинъ, таковыхъ какъ духовность души, внутренюю его свободу и высшее опредѣленіе въ будущей жизни.

Но вѣнцомъ всего устава былъ § 151, гласившій, что «не позволяется пропускать къ напечатанію мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ». Параграфъ этотъ шелъ совершенно въ разрѣзъ какъ съ уставомъ 1804 года, такъ и позднѣйшими, въ которыхъ предписывалось цензорамъ въ случаѣ двухсмысленности мѣста принимать его въ благопріятномъ смыслѣ. Шишковъ же видѣлъ въ этомъ поблажку, допускающую проникновеніе въ печать подъ благовидными прикрытіями всякихъ карбонарскихъ умствованій и особенно хлопоталъ о введеніи вышеупомянутаго параграфа.

Таковъ былъ прозванный *чугуннымъ* уставъ Шишкова, о которомъ цензоръ Глинка говорилъ, что, руководствуясь имъ, «можно и «*Отче нашъ*» истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ». По счастію для литературы, чугунный уставъ этотъ просуществовалъ всего два года.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Рутина реакціонныхъ страховъ.—Исторія Полежаева.—С. Т. Аксаковъ въ качествѣ цензора; запрещеніе имъ «жизни Наполеона I», В. Скотта.—Уставъ 1828 г.—Вліяніе іюльской революціи на нашу цензуру.—Крушеніе «Литературной газеты» Дельвига, «Европейца» И. Кирѣевскаго, «Денницы» Максимовича.—Приговоръ митрополиту Филарету.—Исторія съ трагедіей Бѣлинскаго.—Запрещеніе «Мареы Посадницы».—Погромъ сказокъ Даля.

I.

Уставъ Шишкова съигралъ роль увертюры, выразившей вполнѣ все значеніе общественныхъ дѣятелей вродѣ Шишкова и людей, слѣдовавшихъ за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о полномъ отсутствіи какого-либо творчества, даже всѣ тѣ реакціонные элементы, которыми эти люди были преисполнены, выработаны были отнюдь не ими самими, а всецѣло завѣщаны предшествующими годами. Уже сорокъ лѣтъ прошло со временъ первой французской революціи; сколько въ этотъ почти полустолѣтній періодъ кипучей европейской жизни успѣло народиться и новыхъ потребностей, и новыхъ вѣяній, и новыхъ ученій, а они продолжали еще примѣнять традиціи конца прошлаго столѣтія: они все еще боролись противъ энциклопедистовъ, преслѣдуя новыя естественно-научныя открытія и теоріи. Въ корифеяхъ германской философіи—Кантѣ, Шеллингѣ, Фихте и Гегелѣ усматривали вѣрныхъ послѣдователей и продолжателей все тѣхъ же ученій, какія привели Францію къ разрушенію Бастиліи. И націоналисты, и члены германскаго Тугендбунда и итальянскіе карбонары, и французскіе поклонники легенды Наполеона, и великосвѣтскіе послѣдователи байроновскихъ идеаловъ—все это безразлично смѣшивалось въ два стереотипные призрака, завѣщанные прошлымъ столѣтіемъ: призрака неистоваго якобинца, готоваго обагрить міръ кровью, и развращеннаго волтерьянца, смѣющагося надо всѣми божескими и человѣческими законами и помышляющаго лишь о женѣ ближняго своего. Однимъ словомъ, всѣ тѣ реакціонные страхи и призраки Магницкихъ и Руничей, какіе возникли подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ войны 1812 года, словно окаменѣли и во всей неприкосновенности вошли въ кодексъ Шишкова.

Въ томъ же 1826 году произошелъ случай, сломившій жизнь девятнадцатилѣтняго студента, обѣщавшаго появленіе новаго недюжиннаго таланта. Читатель пойметъ, что мы говоримъ о Полежаевѣ. Полежаевъ является передъ нами жертвою тѣхъ университетскихъ порядковъ, какіе были заведены по всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ по плану Магницкаго. Подъ гнетомъ дисциплины, при изгнаніи всѣхъ мало-мальски талантливыхъ профессоровъ которые могли бы оказывать благотворное вліяніе на слушателей, молодежь была лишена всякой умственной пищи и весь избытокъ своихъ свѣжихъ, юношескихъ силъ тратила въ необузданномъ разгулѣ. Это было именно время тѣхъ безпрерывныхъ кутежей, карточныхъ игръ, кулачныхъ расправъ съ будочниками и содержателями увеселительныхъ заведеній и всевозможныхъ буйствъ и циническихъ выходокъ, которыми славилось студенчество добраго стараго времени. На все это смотрѣли, какъ на своего рода удальство и молодечество, и, какъ мы говорили уже выше, въ этомъ выражалась оппозиція противъ Магницкихъ и Руничей. Студенческіе кутежи имѣли своихъ легендарныхъ героевъ, свою эпопею, своихъ бардовъ, вос-

пѣвавшихъ подобное времяпрепровожденіе. Къ числу этихъ бардовъ принадлежалъ и Полежаевъ, прославившійся въ московскомъ обществѣ своею поэмою «Сашка», пародіею на Евгенія Онѣгина. Въ лицѣ героя Сашки авторъ изображаетъ самого себя, подъ собственною своею фамиліею описываетъ свое дѣтство и отрочество и затѣмъ воспѣваетъ студенческіе годы, со всѣмъ ихъ разгуломъ, рисуя этотъ разгулъ, надо правду сказать, довольно грубыми и грязными красками, свидѣтельствующими объ очень низкомъ уровнѣ культурности того времени. По крайней мѣрѣ вся поэма наполнена сценами вродѣ нижеслѣдующей:

«Ахъ много, много мы шалили!
Быть можетъ пошалимъ опять,
И много, много старой были,
Друзья, найдется разсказать
Во славу университета.
Какъ будто вижу я теперь
Осаду нашу «комитета».
Вотъ Сашка мой стучится дверь.
«Кто ночью тамъ шумѣть изволитъ»?
Оттуда голосъ закричалъ:
—Увидитъ тотъ, кто дверь отворитъ,
Сердито Сашка отвѣчалъ.
Сказалъ, какъ вихорь устремился—
И дверь низвѣргнулась съ крючкомъ,
И, заревѣвши покатился
Лакей съ желѣзнымъ косаремъ.
Се ты, о Сомовъ незабвенный!
Твоею мощной пятерней
Гигантъ, въ затылокъ пораженный,
Слетѣлъ по лѣстницѣ крутой.
Какъ лютый волкъ, стремится Сашка
На дѣву бѣдную одну,
И распростерлася Дуняшка,
Обливщись кровью, на полу.
Какое страшное смятенье,
И дикій вопль, и крикъ, и ревъ,
И стонъ и жалкое моленье
Нещадно избіенныхъ дѣвъ!.. и т. д.

Но какъ бы ни поражали насъ своею грубостью и дикостью подобнаго рода сцены, которыя авторъ воспѣваетъ *во славу университета*, надо принять во вниманіе, что въ то время само начальство смотрѣло сквозь пальцы на подобныя выходки бурщевскаго молодечества, и къ тому же не въ одной студенческой средѣ царили подобные нравы: «распростертыя на полу, обливающіяся кровью Дуняшки», «стоны и жалкое моленье нещадно-избіенныхъ дѣвъ» наблюдались во всѣхъ слояхъ тогдашней русской жизни. Но въ первой части поэмы, въ IX строфѣ находились восемь строкъ политическаго содержанія.

Вотъ эти-то восемь строкъ и погубили поэта.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ г. Рябининъ въ «Рус. Архивѣ».

Когда поэма Полежаева разошлась во множествѣ списковъ среди молодежи, на нее обратила вниманіе московская полиція, и сдѣланъ былъ докладъ. Дворъ находился въ это время въ Москвѣ, готовясь къ празднествамъ коронаціи. Дѣло было въ іюлѣ. Однажды, въ три часа ночи самъ ректоръ университета разбудилъ Полежаева, приказалъ ему надѣть мундиръ и явиться въ университетское правленіе, гдѣ ожидалъ прибывшихъ попечитель учебнаго округа. Онъ тщательно осмотрѣлъ форменный костюмъ Полежаева и безъ всякаго объясненія велѣлъ ему

ѣхать съ собою. Оба они въ попечительской каретѣ пріѣхали къ министру народнаго просвѣщенія, который, въ свою очередь, повезъ студента въ царскій дворецъ.

Тамъ министръ оставилъ Полежаева въ залѣ, гдѣ дожидалось нѣсколько придворныхъ и другихъ высшихъ сановниковъ (не смотря на то, что былъ только шестой часъ утра), а самъ пошелъ во внутренніе покои. Придворные вообразили себѣ, что молодой человѣкъ чѣмъ-нибудь отличился и тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Какой-то сенаторъ даже предложилъ ему давать уроки сыну.

Полежаева позвали въ кабинетъ. Государь стоялъ, опершись на бюро, и говорилъ съ министромъ. Онъ бросилъ на вошедшаго строгій, испытующій взглядъ. Въ рукѣ у него была тетрадь.

— Ты ли, спросилъ онъ, сочинилъ эти стихи?

— Я, отвѣчалъ Полежаевъ,

— Вотъ, продолжалъ государь, обратившись къ министру:—вотъ я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія: я вамъ покажу, чему тамъ учатся молодые люди. Читай эту тетрадь вслухъ, прибавилъ онъ, снова отнесясь къ Полежаеву.

Волненіе Полежаева было такъ сильно, что читать онъ не могъ. Взглядъ императора неподвижно остановился на немъ... «Я не могу», проговорилъ смущенный студентъ.

— Читай! подтвердилъ государь, возвысивъ голосъ.

Тогда, собравшись съ духомъ, Полежаевъ развернулъ тетрадь. Никогда (впослѣдствіи разсказывалъ онъ) я не видывалъ «Сашку» такъ хорошо переписаннаго и на такой славной бумагѣ.

Сперва ему было трудно читать; потомъ, кое-какъ оправившись, онъ тверже дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ государь дѣлалъ знакъ рукою министру.

— Что скажете? спросилъ императоръ по окончаніи чтенія.—Какого онъ поведенія?

Министръ, разумѣется, не зналъ его поведенія, но сказалъ: превосходнѣйшаго поведенія, ваше величество.

— Этотъ отзывъ тебя спасъ, но наказать тебя надо, для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?

Полежаевъ молчалъ.

— Я тебѣ даю военной службой средство очиститься. Что же, хочешь?

— Я долженъ повиноваться, отвѣчалъ Полежаевъ.

Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и, сказавъ: «отъ тебя зависитъ твоя судьба; если я забуду, ты можешь мнѣ писать», поцѣловалъ его въ лобъ.

Отъ государя Полежаева свели къ Дибичу, который жилъ тутъ же во дворцѣ. Дибичъ спалъ, его разбудили, онъ вышелъ зѣвая и, прочитавъ бумагу, спросилъ флигель-адъютанта: «Это онъ?»—Онъ, ваше сіятельство.

— Что же! доброе дѣло, послужите въ военной, я все въ военной службѣ былъ—видите, дослужился, и вы; можетъ, будете фельдмаршаломъ.

Полежаева свезли въ лагерь и отдали въ солдаты. Прошло три года. Полежаевъ вспомнилъ слова государя и написалъ ему письмо. Отвѣта не было. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ написалъ другое, тоже оставшееся безъ отвѣта. Увѣренный, что его письма не доходятъ, онъ бѣжалъ, чтобъ лично подать

просьбу. Онъ велъ себя неосторожно, видѣлся въ Москвѣ съ товарищами, былъ ими угощаемъ; разумѣется, это не могло остаться въ тайнѣ. Въ Твери его схватили и отправили въ полкъ, какъ бѣглаго солдата. Военный судъ приговорилъ его прогнать сквозь строй; приговоръ послали къ государю на утвержденіе.

Государь не велѣлъ наказывать Полежаева. Тогда-то написалъ онъ свое превосходное стихотвореніе:

Безъ утѣшеній
Я погибалъ,
Мой злобный геній
Торжествовалъ...

Полежаева отправили на Кавказъ; тамъ онъ былъ произведенъ за отличіе въ унтеръ-офицеры. Годы шли и шли; безвыходное, скучное положеніе сломило его... Онъ пилъ для того, чтобы забыться. Есть страшное стихотвореніе его «Къ сивухѣ».

Онъ перепросился въ карабинерный полкъ, стоявшій въ Москвѣ. Это значительно улучшило его судьбу, но уже злая чахотка разъѣдала его грудь. Помаялся онъ еще четыре года и умеръ въ солдатской больницѣ.

Когда одинъ изъ друзей его явился просить тѣло для погребенія, никто не зналъ, гдѣ оно; солдатская больница торговала трупами, она ихъ продавала въ университетъ, медицинскую академію и пр. Наконецъ, онъ нашелъ въ подвалѣ трупъ бѣднаго Полежаева, онъ валялся подъ другими, крысы объѣли ему одну ногу.

Послѣ его смерти издали его сочиненія («Арфа», Москва 1838 г.) и при нихъ хотѣли приложить его портретъ въ солдатской шинели. Но цензура нашла это неудобнымъ и Полежаевъ представленъ въ офицерскихъ эполетахъ: онъ былъ произведенъ въ больницѣ, передъ самою смертью *).

На рубежѣ двухъ министерствъ Шишкова и Ливена произошелъ слѣдующаго рода цензурный казусъ съ переводомъ «Жизни Наполеона I» В. Скотта:— Не смотря на то, что книга эта была запрещена въ подлинникѣ; такъ какъ запрещеніе это обусловливалось лишь нецензурностью нѣсколькихъ страницъ, то Н. Ал. Полевой съ братомъ Ксенофонтомъ рѣшились перевести ее, за исключеніемъ этихъ страницъ. Но они побоялись представлять рукопись въ московскій цензурный комитетъ, такъ какъ тамъ предсѣдательствовалъ С. Т. Аксаковъ, заклятой врагъ ихъ, неоднократно задѣтый Полевымъ въ «Моск. Телеграфѣ», другъ театральной партіи Писарева. Будучи одно время цензоромъ «М. Телеграфа», С. Аксаковъ по словамъ Кс. Полевого чинилъ всякія притѣсненія: «черкалъ самопроизвольно невинныя статьи, возвращалъ иныя, требуя чтобы ихъ переписали хорошо; даже пользовался тѣмъ параграфомъ устава, гдѣ сказано, что цензоръ долженъ наблюдать за неисправностью слога и браковалъ нѣкоторыя статьи будто-бы худо написанныя». Н. Ал. Полевой былъ вынужденъ наконецъ просить о перемѣнѣ цензора для «Телеграфа». Это обстоятельство заставило Полевыхъ обратиться съ переводомъ перваго тома въ петербургскую цензуру, гдѣ по докладѣ министру рукопись была процензурована ценз. Анастасевичемъ и допущена къ печати. Заручившись такимъ образомъ допущеніемъ министра переводить запрет-

*) «Русскій Архивъ», 1881 г. Т. I, стр. 314, «Ал. Полежаевъ», статья Д. Д. Рябинина.

ную книгу, и отпечатавши уже первый томъ ея, Полевые рѣшились представить второй и третій томы въ московскій ценз. комитетъ, куда, какъ доказательство, что нельзя препятствовать цензуровать книгу, предъявили и отпечатанный уже первый томъ. Но Аксаковъ отвѣчалъ, что дѣйствія с.-петербургскаго ценз. комитета ему не указъ, а о разрѣшеніи министра онъ не знаетъ ничего оффиціально и предоставитъ высшему начальству судить о поступкѣ Полевого. Онъ и сдѣлалъ въ министерство донесеніе о переводѣ Полевымъ запрещенной книги. Какъ разъ передъ тѣмъ совершилась перемѣна министровъ нар. пр.:—мѣсто Шишкова занялъ кн. Ливенъ. По донесеніи Аксакова Ливенъ не сталъ справляться, виноватъ-ли Полевой, а велѣлъ отобрать у него рукопись перевода «Жизни Наполеона», конфисковать отпечатанные листы перваго тома, отобрать оригиналъ и строго изслѣдовать, откуда и черезъ кого получилъ переводчикъ запрещенную книгу? Курьезнѣе всего то, что не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ «Жизнь Наполеона» была напечатана въ русскомъ переводѣ де-Шапелета и пропущена цензурою *).

II.

Но какъ ни было наклонно правительство того времени къ строгимъ мѣрамъ, и оно не замедлило усмотрѣть, что чугунный уставъ Шишкова невозможенъ къ примѣненію. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что когда въ 1827 году было повелѣно министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому составить проектъ устава для цензуры книгъ иностранныхъ, находившейся въ вѣдѣніи этого министерства, и Ланской вошелъ съ докладомъ о томъ, дозволено ли будетъ при составленіи этого устава не держаться въ точности правилъ шишковскаго устава на томъ основаніи, что цензура иностранныхъ книгъ не можетъ быть подчинена одинаковымъ съ внутреннею цензурою правиламъ, императоръ Николай повелѣлъ: не только не держаться устава о цензурѣ 1826 года, но и самый уставъ этотъ подвергнуть подробному разсмотрѣнію, несмотря на его недавнее обнародованіе.

И вотъ была составлена комиссія изъ ген.-ад. Васильчикова, гр. Нессельроде, ген.-ад. Бенкендорфа, тайн. сов. Уварова, дѣст. статс. сов. Дашкова и самого дѣйст. тайн. сов. Ланского. Труды этого комитета продолжались до конца 1827 года, затѣмъ въ государственный совѣтъ былъ внесенъ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія кн. Ливеномъ проектъ цензурнаго устава, который и былъ утвержденъ 22-го апрѣля 1828 года.

Уставъ 1828 года, дѣйствовавшій впродолженіе всего царствованія императора Николая, при своемъ утвержденіи обѣщалъ нѣкоторыя смягченія сравнительно съ шишковскимъ уставомъ. Въ мнѣніи государственнаго совѣта при обсужденіи этого устава прямо было сказано между прочимъ, что «въ проектѣ устава, представляемомъ нынѣ, вѣдомство цензуры заключено въ предѣлахъ, болѣе соотвѣтствующихъ истинному ея назначенію. Ей не представляется уже въ обязанность давать какое-либо направленіе словесности и общему мнѣнію: она долженствуетъ только запрещать изданіе или продажу тѣхъ произведеній словесности, наукъ и искусствъ, кои въ цѣломъ составѣ или въ частяхъ своихъ, вредны въ отношеніи къ вѣрѣ, престолу, добрымъ правамъ и личной чести гражданъ. Она представляется какъ бы таможнею, которая не производитъ сама добротныхъ

*) «Ист. В.» 1884 г. № 5, стр. 307—314.

товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные и клеймитъ лишь тѣ, коихъ провозъ и употребленіе дозволены тарифомъ. Отъ сего существеннаго различія въ опредѣленіи цѣли и вѣдомства цензуры происходитъ и различіе въ опредѣленіи обязанностей, возлагаемыхъ на цензоровъ. По проекту новаго устава они уже не поставлены судьями достоинства или пользы разсматриваемой книги. Они только отвѣтствуютъ на вопросъ: не вредна ли та книга—и все ихъ дѣйствіе ограничивается простымъ рѣшительнымъ на сей вопросъ отвѣтомъ. Проектъ новаго устава даетъ менѣе свободы собственному произволу цензоровъ и тѣмъ способствуетъ успѣхамъ истиннаго просвѣщенія, но въ то же время даетъ имъ возможность запрещать всякую вредную книгу на основаніи положительнаго закона и не входя въ предосудительныя пренія съ писателями» *)...

Вмѣсто прежняго направляющаго контроля надъ всею литературою было теперь введено Главное правленіе цензуры при министерствѣ народнаго просвѣщенія, состоявшее изъ президентовъ Академій наукъ и художествъ, изъ товарища министерства народнаго просвѣщенія и изъ стороннихъ членовъ отъ духовнаго вѣдомства, министерства внутреннихъ дѣлъ, министерства иностранныхъ дѣлъ, управляющаго третьимъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, изъ попечителя спб. учебнаго округа. Вторую цензурную инстанцію составляли цензурные комитеты (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Тифлисѣ) подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ попечителей учебнаго округа. Иностранная цензура была подчинена министерству народнаго просвѣщенія наравнѣ съ внутренней. Вмѣсто постановленія Шишкова, требовавшаго отыскивать въ каждой цензуруемой рукописи подъ личной наружной благонамѣренностью тайный, зловредный смыслъ, § 6-мъ новаго устава было постановлено, чтобы цензура *принимала всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону*. Въ § 7-мъ это правило дополняется постановленіемъ, чтобы при разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія цензура *не дѣлала привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ*, наблюдая лишь, чтобы и въ сихъ словахъ или выраженіяхъ о предметахъ важныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ. Въ параграфѣ 15-мъ внушается, что цензура *не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя*, если только оные не противны общимъ правиламъ цензуры; *не можетъ входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе*, буде только оно не вредно, *и не должна исправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи*, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію.

Параграфъ 12-й разрѣшалъ всякія сужденія о предметахъ, относящихся къ наукамъ, словесности и искуствамъ, какъ-то: о вновь выходящихъ книгахъ (не исключая и казенныхъ), *о представленіяхъ на публичныхъ театрахъ и другихъ зрѣлищахъ*, о новыхъ общественныхъ зданіяхъ, объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ и т. п.

Наконецъ параграфъ 17-й постановлялъ, что запрещеніе существующаго уже изданія, какого бы содержанія оно ни было, можетъ послѣдовать не иначе, какъ по высочайшему повелѣнію.

---

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 36—37.

Но этими параграфами и ограничивались всѣ льготныя правила новаго устава. Далѣе затѣмъ мы видимъ рядъ постановленій, ограничивающихъ прессу самымъ тѣснымъ кругомъ предметовъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію. Такъ мы видимъ (§ 16), что лишь періодическія изданія по части словесности, наукъ и искуствъ разрѣшались главнымъ управленіемъ цензуры, но и изъ нихъ исключались тѣ, которыя по важности своего содержанія или по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ требовали высочайшаго разрѣшенія. Періодическія же изданія политическаго содержанія разрѣшались не иначе какъ съ высочайшаго соизволенія. При этомъ § 19 предписывалъ статьи періодическихъ изданій разсматривать цензурою *преимущественно* передъ всякими другими книгами. Параграфомъ 12-мъ запрещались всякія разсужденія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и *вообще сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ.* Нужно ли и говорить о томъ, что этотъ параграфъ лишалъ прессу всякаго участія въ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ и замыкалъ ее въ тѣсный кругъ вопросовъ отвлеченно-философскихъ, чисто-научныхъ, естественныхъ и сельско-хозяйственныхъ. Въ то же время параграфъ 11-й, дозволяя частнымъ лицамъ издавать историческіе акты, документы, записки и анекдоты, исключаетъ изъ нихъ тѣ, которые *содержатъ въ себѣ изложенія тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ* *).

Далѣе затѣмъ мы видимъ, что уже уставомъ 1828 года было положено начало той множественности цензуръ, какая развилась мало-по-малу втеченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ. Такъ во-первыхъ параграфомъ 9-мъ постановлено, что всякія извѣстія, относящіяся до особъ августѣйшей фамиліи, описанія придворныхъ торжествъ и съѣздовъ дозволяются не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія черезъ министра императорскаго двора, но и по разрѣшеніи цензурные комитеты обязаны представлять на разсмотрѣніе министра двора подобнаго рода извѣстія и описанія. Книги духовнаго содержанія попрежнему подлежали цензурѣ духовнаго вѣдомства. Иностранныя періодическія сочиненія всякаго содержанія, привозимыя изъ-за границы по почтѣ, подлежали разсмотрѣнію отдѣльной цензуры, учрежденной при почтовомъ вѣдомствѣ. Учебники и всякаго другого рода учебныя пособія и руководства подлежали вѣдѣнію Главнаго управленія училищъ. Журналы по части медицины и гигіены, издаваемые частными лицами или практическими врачами, равно лечебники, назначаемые для общенароднаго употребленія, сверхъ общей цензуры подвергались особому въ медицинскомъ отношеніи разсмотрѣнію медико-хирургической академіи или медицинскихъ факультетовъ въ университетахъ по мѣсту изданія. Цензура періодическихъ изданій въ пограничныхъ губерніяхъ, а именно: Прибалтійскихъ, Виленской, Гродненской и Новороссійскихъ, подчинялась вѣдѣнію таможнихъ главныхъ начальниковъ губерній. Военныя вѣдомости («Русскій Инвалидъ») одобрялись къ напечатанію при Главномъ Штабѣ, «Сенатскія Вѣдомости» издавались подъ отвѣтственностью канцеляріи Правительствующаго Сената. Политическая часть «С.-Петербургскихъ (Академическихъ) Вѣдомостей на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а равно газета Министерства иностранныхъ дѣлъ на французскомъ языкѣ предоставлялись разсмотрѣнію этого министерства. Афиши, мелкія объявленія какъ въ отдѣльномъ видѣ, такъ и въ газетахъ, были подъ надзоромъ министерства

*) «Сборн. росп. по ценз.», стр. 310—396.

внутреннихъ дѣлъ, возлагавшаго разсмотрѣніе ихъ на мѣстныя полицейскія начальства. Наконецъ драматическія сочиненія одобрялись къ представленію въ театрахъ третьимъ отдѣленіемъ соб. Его Имп. Вел. канцеляріи.

Но было бы ошибочно думать, чтобы уставъ этотъ сохранялся въ неприкосновенности во все время своего существованія. Онъ постоянно добавлялся новыми предписаніями и циркулярами, смотря по различнымъ настроеніямъ правительства, причемъ многіе параграфы его совершенно парализовались; въ то же время вышеупомянутая множественность цензуръ все болѣе и болѣе возрастала.

Такъ мы видимъ, что вновь учрежденное третье отдѣленіе соб. Его Имп. Вел. канцеляріи не замедлило оказать свое вліяніе на цензурныя учрежденія. Къ нему перешла обязанность бывшаго министерства полиціи наблюдать за необращеніемъ вредныхъ сочиненій, и гр. Бенкендорфъ потребовалъ въ 1830 году, чтобы ему было доставляемо по экземпляру всѣхъ печатаемыхъ журналовъ и альманаховъ, а черезъ два года потомъ былъ по его представленію назначенъ членомъ Главнаго управленія цензуры управляющій III отдѣленіемъ, дѣйст. ст. сов. Мордвиновъ. Около того же времени гр. Бенкендорфъ сообщилъ кн. Ливену, что отнынѣ цензоры обязываются *извѣщать высшее начальство* въ тѣхъ случаяхъ, когда представлены будутъ на разсмотрѣніе цензуры книга или художественное произведеніе, клонящіяся къ распространенію безбожія, или обнаруживающія въ сочинителѣ или художникѣ нарушителей обязанности вѣрноподданнаго. По всей вѣроятности въ связи съ этимъ требованіемъ гр. Бенкендорфа министръ народнаго просвѣщенія отнесся къ московскому цензурному комитету 29-го декабря 1830 года съ циркуляромъ о томъ, чтобы «всѣ поступающія въ редакцію современныхъ изданій статьи какъ оригинальныя такъ и переводныя, за исключеніемъ объявленій о подрядахъ, продажахъ, зрѣлищахъ и т. п., должны быть за подписью сочинителей и переводчиковъ и притомъ невымышленной, но подлинной ихъ фамиліей, которую впрочемъ если они не пожелаютъ, дозволяется и не печатать подъ самыми статьями съ тѣмъ однако-жь, чтобы имя автора каждой статьи извѣстно было и редакторамъ, и цензурѣ».

Несмотря на то, что параграфъ 12-й разрѣшалъ критику театральныхъ представленій, уже въ 1828 году гр. Бенкендорфъ подчинилъ эту критику своему личному надзору: на подлинномъ корректурномъ листѣ одного нумера «Сѣверной Пчелы» того времени сохранилась собственноручная отмѣтка гр. Бенкендорфа: «позволяется печатать и впредь можно писать о театрахъ, *показывая мнѣ*». Февраля же 13-го, 1830 года слѣдуетъ циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія московскому цензурному комитету, требующій, чтобы «статьи объ императорскихъ театрахъ не иначе были печатаемы въ журналахъ и газетахъ, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи и одобреніи ихъ министромъ двора, которому притомъ должны быть представляемы вполнѣ, а не отрывками; сужденія же о представленіяхъ, бывающихъ при высочайшемъ дворѣ, къ печатанію не дозволяются вовсе».

Такъ началъ измѣняться уставъ 1828 года въ первые же два года своего существованія, несмотря на то, что эти два года (до революціи 1830 г.) считаются самыми либеральными въ цензурномъ отношеніи впродолженіе всего царствованія императора Николая. Правда, что и въ этотъ періодъ—именно въ 1829 году одинъ изъ петербургскихъ цензоровъ былъ выдержанъ 8 дней на гауптвахтѣ за пропущеніе статьи объ упадкѣ питейныхъ сборовъ по Курской губерніи. Въ 1830 г. въ первомъ нумерѣ «Славянина» Воейковъ напечаталъ стихи

«Цензоръ», въ которыхъ досталось какому-то Г., ханжѣ и невѣждѣ по выраженію А. В. Никитенко, сообщающаго этотъ фактъ въ своихъ запискахъ. Спрошенный о томъ, кто авторъ этого стихотворенія, Воейковъ отвѣчалъ, что онъ не помнитъ, кто доставилъ ему эти стихи для напечатанія. Цензоръ-же Сербиновичъ заявилъ, что онъ не могъ знать, что стихи эти содержатъ въ себѣ личность тѣмъ болѣе что это переводъ съ французскаго. Воейковъ былъ посаженъ на гауптвахту. Въ одно время съ нимъ посажены Гречъ и Булгаринъ будто-бы за неумѣренныя и пристрастныя литературныя рецензіи. Въ Москвѣ-же цензоръ Глинка тоже былъ заключенъ на двѣ недѣли *). Но, во всякомъ случаѣ въ это время очень легко разрѣшалось изданіе новыхъ журналовъ и альманаховъ. Жалобы авторовъ и издателей въ Главное правленіе на произволъ цензоровъ принимались во вниманіе и очень часто разрѣшались въ пользу истцовъ. Такъ въ петербургскій комитетъ представлена была статейка подъ заглавіемъ: «Искусство брать взятки». Вниманіе комитета остановилось на нѣсколькихъ строкахъ этой статьи, въ которыхъ говорится, что чѣмъ древнѣе штаты какого-нибудь присутственнаго мѣста, тѣмъ для лихоимца удобнѣе. Слова эти показались нѣкоторымъ цензорамъ намекомъ на многія изъ нашихъ учрежденій и даже на сенатъ, почему они и полагали строки эти исключить. Но вновь поступившій цензоръ профессоръ Сенковскій не соглашался принять обсуждаемую мысль иначе, какъ за мысль общую, примѣнимую ко всѣмъ странамъ. Главное управленіе цензуры, до котораго вопросъ этотъ былъ возведенъ, согласилось съ мнѣніемъ Сенковскаго.

III.

Іюльская революція 1830 года не замедлила поколебать послѣднія попытки устоять на почвѣ вѣрности устава. Правительство, едва успокоившееся отъ впечатлѣнія 1825 г., снова встревожилось при видѣ новой бури, потрясшей Европу и коснувшейся Россіи въ видѣ польскаго возстанія. Обуявшая всѣ правящіе классы тревога не замедлила обрушиться всей тяжестью на прессу, о чемъ можно судить по слѣдующимъ словамъ А. К. Никитенко, заканчивающаго въ своемъ дневникѣ 1830 годъ слѣдующими словами:

> «Истекшій годъ вообще принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія Россіи. Надъ нами тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники... Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ» **).

Въ Петербургѣ жертвою іюльскаго погрома былъ въ полномъ смыслѣ невинный агнецъ въ видѣ «Литературной Газеты» барона Дельвига. Чуждая всякихъ политическихъ тенденцій и вполнѣ оправдывая названіе «литературной», газета эта преслѣдовала однѣ эстетическія цѣли. Довольно сказать, что она издавалась кружкомъ Пушкина, и въ ней кромѣ Дельвига и Пушкина участвовали все такіе почтенные и благонамѣреннѣйшіе корифеи русской литературы, какъ Жуковскій, Баратынскій, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій и пр. Но газета эта имѣла несчастіе соперничать и полемизировать съ «Сѣв. Пчелою» Греча и Булгарина, а послѣдніе къ этому времени успѣли уже втереться въ довѣренность къ гр. Бенкендорфу и

*) «Р. Стар». 1889 г. № 7, стр. 28.
**) «Р. Стар.», 1889 г. № 7, стр. 31.

Дубельту и начали уже свои тайные и явные извѣты. Впрочемъ П. Каратыгинъ въ своей статьѣ о «Сѣв. Пчелѣ» *) отрицаетъ участіе Булгарина въ крушеніи «Литературной Газеты», подозрѣвая здѣсь вліяніе другого лица, которое не называетъ:

«Не пришло то время, говоритъ онъ:—но исторія укажетъ на ту гнусную личность, которая подъ личиною дружбы съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, дѣйствительно, *по професіи* (?), по любви къ искусству, по призванію, занималась доносами и извѣтами на обоихъ поэтовъ. До нынѣ имя этого лица почему-то нельзя произнести во всеуслышаніе, но, повторяемъ, что оно будетъ произнесено, и тогда на ряду съ нимъ, даже имя Булгарина покажется синонимомъ благородства, чести и прямодушія!»

Какъ бы то ни было, но въ литературныхъ кружкахъ того времени гроза, обрушившаяся на «Литер. Газету», неразрывно соединилась съ именами Булгарина и Греча,—тѣмъ болѣе что какъ разъ передъ тѣмъ («Лит. Газ.» 1830 г. апр. 6-го, т. I, № 20, стр. 162) была помѣщена рецензія Пушкина на книгу «Memoires de Vidocq», въ которой подъ видомъ Видока Пушкинъ остроумно и зло охарактеризовалъ Булгарина. Рецензія произвела такую сенсацію въ публикѣ, что послѣ того цензура стала запрещать статьи о Видокѣ. Въ засѣданіи спб. цензурнаго комитета 11 ноября 1830 г. слушали статью для «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» подъ заглавіемъ «Два слова объ исторіи Видока». Засѣданіе комитета, усматривая въ оной довольно очевидные намеки на русское сочиненіе, выраженные словами оскорбительными для того лица, къ которому относятся оные, полагало воспретить напечатаніе сей статьи. Главное управленіе потребовало объясненія, къ какому русскому сочиненію и почему можетъ относиться содержаніе означенной статьи. Попечитель спб. учебнаго округа представилъ 11 января 1830 г. слѣдующее объясненіе:

Въ № 20 «Литер. Газеты», апр. 6 напечатана была статья о Видокѣ, полицейскомъ сыщикѣ и около того же времени ходила по рукамъ въ рукописи эпиграмма:

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшка—ляхъ,
Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ,—и это не бѣда;
Но то бѣда, что ты—Видокъ Фиглярннъ.

«Неизвѣстно мнѣ почему, многіе предполагали, что обѣ сіи пѣсни написаны насчетъ Булгарина. Между тѣмъ сія самая эпиграмма, 26 апрѣля-же мѣсяца, напечатана въ № 17 «Сына Отечества» и «Сѣвернаго Архива», съ перемѣною только двухъ словъ, а именно: вмѣсто Видокъ Фиглярнинъ, сказано Ѳаддей Булгаринъ. Послѣ таковой, такъ сказать гласности, я полагалъ, что и статья: «Два слова объ исторіи Видока» не можетъ быть допущена къ печатанію» **).

Послѣ этого достаточно было, чтобы въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты за 1830 годъ было напечатано четверостишіе къ монументу въ память «іюльскихъ дней» во Франціи Казиміра Делявина,—«Литературная Газета» была заподозрѣна въ сочувствіи къ революціи 1830 г. и у барона Дельвига было отнято право считаться издателемъ газеты. Смерть поэта послѣдовала вскорѣ послѣ этой катастрофы.

Катастрофа съ «Литературной Газетой» такъ напугала самую цензуру, что когда въ нее вскорѣ послѣ того была представлена статейка подъ названіемъ

*) «Р. Арх.» 1882 г. № 4, стр. 274.
**) «Историч. Вѣстн.» 1884 г. № 3, стр. 483.

«Обелискъ», цензоръ не рѣшился пропустить ее на томъ основаніи, что въ ней говорится о памятникѣ, воздвигнутомъ неизвѣстно гдѣ и по какому случаю; «можетъ быть, разсуждалъ онъ: — подъ онымъ разумѣетъ сочинитель обелискъ во Франціи, въ память послѣднихъ переворотовъ». Это было совершенно вопреки уставу, требовавшему, чтобы цензоръ обращалъ вниманіе лишь на явный смыслъ сочиненія *).

Но въ Петербургѣ въ это время было такое «вѣяніе», что «Литературная Газета» представлялась единственною хоть сколько-нибудь честною и независимою газетою, хотя бы въ скромныхъ предѣлахъ эстетики. Все умственное движеніе сосредоточивалось тогда въ Москвѣ; здѣсь Полевой блисталъ своимъ либерализмомъ на страницахъ «Московскаго Телеграфа» и боролся не на животъ, а на смерть со всѣмъ отжившимъ, которое олицетворялось въ его глазахъ въ лицѣ Каченовскаго съ его «Вѣстникомъ Европы». Здѣсь показывались уже свѣжіе побѣги молодой зелени въ лицѣ шеллингистовъ, изъ которыхъ особенно выдавался Ив. Кирѣевскій на страницахъ «Московскаго Вѣстника», «Европейца», «Денницы» и прочихъ журналовъ, издаваемыхъ кружкомъ шеллингистовъ; здѣсь Надеждинъ, готовясь къ докторскому экзамену, язвилъ романтиковъ на страницахъ «Вѣстника Европы, опальный Чаадаевъ ораторствовалъ въ великосвѣтскихъ гостиныхъ и въ то же время незримо для свѣта созрѣвали въ студенческой средѣ два кружка для того, чтобы впослѣдствіи слиться воедино и завладѣть всѣмъ умственнымъ движеніемъ вѣка. Очень понятно, что въ Петербургѣ, разразившись лишь надъ «Литературною Газетою», гроза направила всѣ свои перуны главнымъ образомъ на Москву. Здѣсь первый ударъ обрушился на журналъ «Европеецъ» Ив. Кирѣевскаго за статью его «XIX вѣкъ». Статья эта представлявшая profession de foi западничества и доказывавшая, что для насъ Европа то же самое, что для Европы—классическій міръ, въ сущности была самаго невиннаго содержанія и въ другое время навѣрно прошла бы безпрепятственно, но теперь въ виду только что разразившейся революціи статью поняли такимъ образомъ, что совѣтуя подражать во всемъ Западу, авторъ ни болѣе ни менѣе какъ предлагаетъ повторить на русской почвѣ іюльскіе дни Парижа. И «Европеецъ» былъ немедленно запрещенъ. Затѣмъ былъ полицейскими мѣрами конфискованъ и отобранъ изъ книжныхъ лавокъ альманахъ Максимовича «Денница». Здѣсь зловредною оказалась статья опять-таки Ив. Кирѣевскаго о Новиковѣ. Правда, это была едва ли не первая вполнѣ сочувственная статья о почтенномъ дѣятелѣ эпохи Екатерины, выставившая заслуги его, оказанныя имъ нашему отечеству. Но по старому преданію Новиковъ продолжалъ играть роль родоначальника всѣхъ революціонныхъ ковъ въ Россіи—и этого было достаточно. При этомъ цензоръ, пропускавшій «Денницу», добродушный патріотъ, исключительно жившій преданіями 1812 года, С. Н. Глинка—былъ посаженъ на гауптвахту.

Затѣмъ гроза задѣла своимъ крыломъ и знаменитаго московскаго митрополита Филарета. Послѣ закрытія библейскихъ обществъ и цензурныхъ гоненій Шишкова Филаретъ продолжалъ считать себя обиженнымъ и въ своихъ проповѣдяхъ дѣлалъ иногда намеки, представлявшіе блѣдную тѣнь оппозиціи. Проповѣдь же его на молебствіи по случаю холеры превзошла всѣ остальныя въ этомъ отношеніи. Онъ взялъ текстомъ, какъ ангелъ предложилъ Давиду въ наказаніе избрать войну, голодъ или моръ; Давидъ избралъ моръ. Государь пріѣхалъ въ Москву разсерженъ-

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 41.

ный этою выходкою митрополита и послалъ министра двора кн. Волконскаго сдѣлать Филарету строгій выговоръ, грозя отправить его митрополитомъ въ Грузію. Филаретъ смиренно покорился и разослалъ новое слово по всѣмъ церквамъ, въ которомъ пояснялъ, что напрасно стали бы искать какое-нибудь приложеніе въ текстѣ первой проповѣди къ благочестивѣйшему императору, что Давидъ—это мы сами, погрязшіе въ грѣхахъ. Разумѣется, тогда и тѣ поняли первую проповѣдь, которые не добрались до ея смысла сразу.

Въ томъ же 1831 году произошло первое столкновеніе Бѣлинскаго съ цензурою. Онъ слушалъ въ это время лекціи на второмъ курсѣ словеснаго факультета московскаго университета, находился на казенномъ содержаніи и сильно тяготился жизнью въ стѣнахъ университета, удручавшею его и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. «Я теперь нахожусь,—писалъ онъ по этому поводу своимъ родителямъ:—въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ, нежели жить на этомъ каторжномъ, проклятомъ казенномъ коштѣ. Еслибы я прежде зналъ каковъ онъ, то лучше бы согласился наняться къ кому-нибудь въ лакеи и чищеньемъ сапогъ и платья содержать себя нежели жить на немъ».

И вотъ чтобы избавиться отъ этой каторги Бѣлинскій написалъ трагедію. Это первое юношеское произведеніе великаго критика обличаетъ въ немъ сильное увлеченіе Шиллеромъ. По крайней мѣрѣ въ трагедіи мы видимъ весьма ощутительное вліяніе чтенія «Разбойниковъ» Шиллера. Героями здѣсь точно также парадируютъ два брата, одинъ законный сынъ, другой незаконный помѣщика Лѣсинскаго. Законный сынъ Андрей отличается глупостью, барскою спѣсью и т. п. качествами. Напротивъ того Владиміръ исполненъ гуманности, демократическихъ стремленій и всевозможныхъ возвышенныхъ и эффектныхъ качествъ въ духѣ Карла Мора. «Герой моей драмы,—пишетъ Бѣлинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ:—есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены и слѣдствіемъ ихъ была его гибель». Между братьями конечно ужь царствуетъ непримиримый антагонизмъ, разрѣшившійся тѣмъ, что вслѣдствіе ссоры Владиміръ убилъ Андрея; его арестовали, заковали въ цѣпи и посадили въ тюрьму. Сдѣлавшись такимъ образомъ убійцей своего брата, Владиміръ въ то же время является любовникомъ своей сестры Софьи, дочери все того же Лѣснискаго. Ужь одно это представленіе идеальнымъ героемъ такого двойного преступника съ точки зрѣнія общепринятой морали дѣлало трагедію нецензурною. Но главная зловредность ея заключалась въ томъ, что ужасный герой пьесы сверхъ всего вышесказаннаго выступаетъ передъ нами горячимъ противникомъ крѣпостного права и разражается монологомъ въ родѣ нижеслѣдующаго:

«Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами? Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять его на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердый Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли предмудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?».

Трагедію свою съ подобными тирадами Бѣлинскій представилъ въ московскій цензурный комитетъ, состоявшій по большей части изъ профессоровъ

*

московскаго университета, причемъ онъ возлагалъ на нее золотыя горы. «Смѣло могу сказать,—писалъ онъ родителямъ:—что мое произведеніе было бы расхвачено въ мѣсяцъ и доставило бы мнѣ по крайней мѣрѣ тысячъ шесть. Сами посудите: чего бы въ такомъ случаѣ стоило мнѣ пожертвовать какихъ-нибудь триста, или много-много шесть сотъ рублей на то чтобы вырваться изъ пакостной проклятой бурсы»... Но мечтамъ этимъ конечно не суждено было сбыться. Если вообще во весь періодъ жизни Бѣлинскаго печатаніе подобной трагедіи было немыслимо, то представленіе ея въ цензуру въ злополучный 1831 годъ представляется верхомъ геніальнаго безумія. Вотъ что сообщаетъ Бѣлинскій о судьбѣ своей трагедіи: «Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный кабинетъ (комитетъ?) и узнаю что мое сочиненіе цензуровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобъ онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь вмѣсто отвѣта подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что, несмотря на то что мой цензоръ въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ это дѣло уничтожено и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подаваться особенныя донесенія»...

Такимъ образомъ вмѣсто ожидаемыхъ 6000 тысячъ трагедія дѣйствительно избавила Бѣлинскаго отъ бурсы, но только совсѣмъ инымъ образомъ: попасть въ то время на замѣчаніе начальства значило при первомъ ничтожномъ случаѣ быть исключеннымъ изъ университета, что и не замедлило послѣдовать съ Бѣлинскимъ въ томъ же году. Ему стоило захворать, пропустить весенніе экзамены, а осенью, какъ онъ пишетъ: «экзамена не дали, а вмѣсто его увѣдомили меня о всемилостивѣйшемъ увольненіи отъ университета» *).

Въ томъ же 1831 году была не допущена къ выходу въ свѣтъ трагедія другого молодого писателя, на этотъ разъ неизмѣримо благонамѣреннѣйшаго, чѣмъ считался Бѣлинскій, именно «Марѳа посадница» М. Погодина. Трагедію эту цензуровалъ московскій цензоръ С. Т. Аксаковъ и, усомнившись въ ней, отнесся къ гр. Бенкендорфу, который отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ отъ 10-го марта 1831 года.

«Милостивый государь, Сергѣй Тимофѣевичъ, искреннѣйше благодарю васъ, милостивый государь, за довѣріе, оказанное мнѣ вами въ письмѣ, при коемъ вы изволили препроводить ко мнѣ экземпляръ трагедіи «Марѳа, посадница новгородская», напечатанный по дозволенію вашему, но не выпущенный въ свѣтъ по нѣкоторому сомнѣнію, для разрѣшенія коего, вы, милостивый государь, съ согласія г. сочинителя сей трагедіи, спрашиваете мнѣнія моего. Честь имѣю васъ увѣдомить, что чтеніе сей трагедіи, написанной въ духѣ отлично благородномъ и похвальномъ, доставило мнѣ величайшее удовольствіе и что я не предвижу ничего, могущаго препятствовать выпуску оной въ продажу; но въ уваженіи причинъ, побудившихъ васъ, милостивый государь, обратиться съ симъ вопросомъ ко мнѣ, я съ своей стороны полагалъ бы неизлишнимъ, въ предупрежденіи какой-нибудь непріятности, отложить обнародованіе сего сочиненія до перемѣны нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ. Представляя впрочемъ сіе мое мнѣніе собственному вашему благоусмотрѣнію, честь имѣю быть и пр.» **).

---

*) «Русск. Стар.» 1876 г. № 1-й—«В. Г. Бѣлинскій въ 1829—32 гг.», Н. Н. Енгалычева, стр.—46—129.

**) «Р. Арх.» 1873 г. Стр. 02299.

Въ слѣдующемъ 1832 году гроза обрушилась на голову В. И. Даля. Ему было въ то время 31 годъ и онъ впервые выступилъ на литературное поприще, издавъ въ Петербургѣ свои «Русскія сказки, пятокъ первый», подъ псевдонимомъ казака Владиміра Луганскаго. Цензоромъ изданія былъ Никита Бутырскій, пропустившій книгу безъ большихъ затрудненій. Но полиція усмотрѣла въ ней нѣчто весьма зловредное. Особенное вниманіе было обращено на первую и послѣднюю сказки. Первая сказка «О Иванѣ молодомъ Сержантѣ удалой головѣ» показалась неблагонамѣренною не столько отдѣльными мѣстами, сколько общимъ сюжетомъ. Вотъ ея содержаніе въ сжатомъ видѣ: у нѣкоего царя Додона-Золотой Кошель было много подвластныхъ князей и сановникокъ, но болѣе всего любилъ онъ Ивана, молодого сержанта безъ роду, безъ племени, сироту безъ прозвища, жаловалъ его большими чинами, деньгами, лентами первоклассными, златочеканными кавалеріями, крестами, медалями, орденами. Вельможи возненавидѣли Ивана-сержанта изъ зависти ко всѣмъ этимъ милостямъ и, желая извести его, начали всячески клеветать на него царю Додону, и кончилось дѣло тѣмъ, что уговорили царя задать Ивану рядъ невозможныхъ подвиговъ, чтобъ не даромъ пользовался онъ царскими милостями. Тогда начались для Ивана обычныя сказочныя мытарства, при чемъ онъ при помощи возлюбленной своей волшебной дѣвицы Катерины исполнилъ всѣ возлагаемые на него уроки: въ одни сутки пересчиталъ число зеренъ пшеницы въ царскихъ амбарахъ, въ одни сутки выкопалъ вокругъ города канаву во сто сажень глубины и во сто же сажень ширины съ валомъ передъ ней; наконецъ былъ посланъ за тридесять земель достать гусли-самогуды у Катышъ Нахала невидимки. Гусли онъ дѣйствительно досталъ, но дорогою промѣнялъ ихъ у нѣкоего колдуна-чародѣя на палицу съ золотымъ набалдашникомъ, такую волшебную, что стоило отвернуть этотъ набалдашникъ, изъ палицы тотчасъ же выходило цѣлое войско. Вотъ съ этою-то палицею вернулся онъ домой, выстроилъ свое войско передъ столицею, и когда царь Додонъ хотѣлъ завладѣть имъ хитростью и погубить его, Иванъ ринулся со своимъ войскомъ на столицу и, какъ сказано въ сказкѣ: «обложилъ дворецъ и весь городъ столичный, такъ что лишь только нашедшая туча дождевая пронеслась въ недоумѣніи, ибо некуда было и каплѣ дождя кануть, и истребилъ до послѣдняго лоскутка, ноготка и волоска Додона-Золотого Кошеля и всѣхъ сыщиковъ, блюдолизовъ и потакалъ его. «Человѣку нельзя же быть ангеломъ, говорили они въ оправданіе свое».—Но не должно ему быть и діаволомъ, отвѣчалъ онъ имъ—и Соломонъ, и Давидъ согрѣшали; давидски согрѣшаете, да не давидски каетесь! Нѣтъ вамъ пардону!—И подѣломъ: они всѣ, по владыкѣ своему, на одинъ ладъ, на тотъ же покрой, всѣ наголо бездѣльники; каковъ попъ, таковъ и приходъ; куда дворяне, туда и міряне, куда иголка, туда и нитка!» Затѣмъ сказка кончается тѣмъ, что самъ Иванъ былъ провозглашенъ царемъ, а супруга его Катерина—царицею.

Послѣдняя сказка «О похожденіяхъ чорта-послушника Сидора Поликарповича» заключается въ томъ, что сатана посылаетъ одного изъ своихъ подручныхъ чертей на землю—«извѣдать на дѣлѣ суть и глубь и бытъ гражданскій и военный и взять осѣдлость тамъ, гдѣ для оборотовъ нашихъ окажется повыгоднѣе». Чортъ вылѣзъ изъ земли на самомъ крайнемъ западѣ на взморьѣ, шелъ онъ, шелъ, долго ли, коротко ли, дошелъ «до страны отъ насъ западной, пригишпанской, королевства задорнаго; а обитаютъ въ королевствѣ томъ люди неугомонные, неуживочные. родятся въ нихъ замыслы несбыточные». Тамъ чортъ встрѣтился съ отрядомъ нашихъ солдатъ, которые заинтересовали его своими рѣ-

чами и онъ вознамѣрился пристать къ нимъ: «дай пристану тутъ къ заносному племени этому; къ нимъ и ходить далеко, и проживать холодно. Здѣсь, въ странѣ пригишпанской, западной, сручнѣе будетъ мнѣ съ ними побрататься; а тамъ— чѣмъ отзовется, попытаюсь съ ними вмѣстѣ и до нихъ земли добраться!»

«Нашъ новобранецъ, говорится далѣе въ сказкѣ:—изъ вольноопредѣляющихся, присталъ, служилъ и ходилъ подъ ружьемъ, терпѣлъ всю бѣду солдатскую, перемогался, но— крѣпко морщился! Ему въ первыя сутки киверомъ на лбу мозоль намяло пальца въ полтора; отъ желѣзнаго листа, въ воротникѣ, шея стала неповоротливѣе, чѣмъ у сѣраго волка; широкою перевязью плечи отдавило, ранцемъ чуть не задушило, тесакомъ икры отбило! Солдату, говоритъ, три деньги въ день, куда хочешь, туда ихъ и дѣнь; вѣниковъ много, да пару нѣтъ, а мылятъ, такъ все на сухую руку! У солдата шило брѣетъ, а шубы нѣтъ, такъ палка грѣетъ!.. Эти поговорки прiѣлись мнѣ, какъ сухой ячмень беззубой кобылѣ, уходили меня, какъ кающагося грѣхи; это не по мнѣ! Семь недѣль, какъ въ великій постъ, голодомъ сиди, семь недѣль мозоли сбивай, покуда разъ, да и то на тощахъ, угодишь подраться да поживиться! Что мнѣ за неволя въ такомъ хомутѣ ходить! Стану жить я по своему. Сказано, сдѣлано. Полкъ вышелъ къ смотру, у всѣхъ и ранцы, и амуниція исправны, а у нашего Сидора ни кирпичика форменнаго, ни ваксы сухой, ни воску, ни лоску, пуговицы не чищены, нитокъ въ чемоданчикѣ, на показъ, ни сѣрыхъ, ни бѣлыхъ! Сидоръ Поликарповичъ думалъ переиначить всю службу по своему, да и опростоволосился крѣпко! Ему это отозвалось такъ круто и больно, что онъ, забывъ всѣ благіе совѣты и наставленія старосты-сатаны, бросилъ все, и службу, и ранецъ, и ружье, и суму, проклялъ жизнь и сбѣжалъ. Онъ удиралъ трое сутки безъ оглядки, набилъ плюсны и пятки»...

Затѣмъ Сидоръ Поликарповичъ извѣдалъ морской службы въ качествѣ матроса на русскомъ военномъ суднѣ, но и тамъ ему стало не втерпежъ. «Что за нелегкая меня сюда принесла! подумалъ онъ, присѣвъ подъ кливеромъ, у Эзельгофта, тутъ замотаютъ такъ, что съ толку своротишь, изъ ума выбьешься! Попалъ я никакъ изъ огня да въ воду! Какъ ни ладишь, ни годишь, а не приноровиться никакъ къ этой поведенціи, къ морской заведенціи! Не дотянешь— бьютъ; перетянешь—бьютъ; а что и всего хуже, работа въ прокъ нейдетъ; тяни, тяни, да и отдай! Тяни, изъ шкуры лѣзь, тяни—да и отдай! что это за каторга!»... и т. д. Кончилось тѣмъ, что послѣ одной жаркой порки, такой что съ него, съ живого, сухая пыль пошла, онъ и отсюда бѣжалъ, нырнувъ въ воду вмѣстѣ съ якоремъ и затѣмъ пропалъ безъ вѣсти.

Кромѣ этихъ двухъ сказокъ, наиболѣе привлекшихъ вниманіе полиціи. по всей книгѣ можно найти массу народныхъ пословицъ и поговорокъ, которыя могли показаться неблагонамѣренными. И вотъ книга была конфискована и самъ авторъ подвергся аресту при III отдѣленіи 27-го октября 1832 года. По счастію за него вступился Жуковскій, который познакомился съ нимъ еще въ Дерптѣ и успѣлъ спасти его. Статсъ-секретарь Мордвиновъ объявилъ ему затѣмъ, что случай этотъ не будетъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій и вліянія на будущность его, и что хорошая служба Даля во время возстанія въ Польшѣ извѣстна его императорскому величеству. Графъ А. Х. Бенкендорфъ, возвратившись изъ поѣздки своей въ Ревель, потребовалъ Даля къ себѣ, удостоилъ нѣсколькихъ привѣтливыхъ ободрительныхъ словъ въ томъ же смыслѣ, и присовокупилъ:

— Я жалѣю объ этомъ; при мнѣ бы этого съ вами не случилось!

Тѣмъ не менѣе въ 1841 году Даль снова былъ заподозрѣнъ въ политической неблагонадежности и долженъ былъ для снятія съ себя подозрѣнія обратиться въ III отдѣленіе съ объяснительною запискою, въ которой онъ изложилъ всю свою жизнь, не забывъ и вышеизложеннаго ареста его книги *).

---

*) «Руск. Стар.» 1848 г. № 5, стр. 182—184.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Новыя цензурныя стѣсненія.—Вступленіе Уварова на постъ министра нар. просв. и первыя его распоряженія по цензурѣ.—Рядъ столкновеній съ цензурою Н. Ал. Полеваго, какъ издателя «Московскаго Телеграфа», и исторія запрещенія этого журнала.—Погромъ «Телескопа» Надеждина. Недоразумѣнія и нахлобучки по службѣ Никитенка въ качествѣ цензора.—Арестъ его на гауптвахтѣ.—Запрещеніе Сенковскому именоваться редакторомъ «Библ. для чтенія».—Претензіи Канкрина.—Развитіе множественности цензуръ.

I.

Послѣ 1830 года періодическая пресса ставилась съ каждымъ годомъ въ болѣе и болѣе тяжелыя условія. Такъ въ 1832 году было введено постановленіе, чтобы разрѣшеніе на изданіе всѣхъ періодическихъ журналовъ и газетъ безъ всякихъ исключеній было не иначе допускаемо, какъ съ высочайшаго соизволенія. При этомъ было подтверждено министромъ цензурнымъ комитетамъ, что при испрашиваніи разрѣшенія на изданіе новыхъ журналовъ должны быть представляемы кромѣ подробнаго изложенія предметовъ содержанія журнала и *обстоятельныя свѣдѣнія о способностяхъ издателя и нравственной его благонадежности.* Въ томъ же году министръ послалъ въ московскій цензурный комитетъ предложеніе о недозволеніи никакимъ образомъ статей, оскорбляющихъ личную честь нетолько наименованіемъ самого лица, но и означеніемъ его другими намеками, равнымъ образомъ критическихъ статей, которыя или оскорбляютъ колкими выраженіями и грубыми насмѣшками личность автора, или *которыя общимъ приговоромъ, безъ всякихъ доказательствъ осуждаютъ сочиненія.* Это предложеніе, имѣвшее въ виду полемическія и обличительныя статьи московскихъ журналовъ и въ особенности «Московскаго Телеграфа», отдавало на полный цензурный произволъ всю критику и полемику въ журналахъ, потому что каждая критическая статья могла показаться цензору оскорбительною для чести автора или бездоказательною, и онъ не могъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ никакимъ опредѣленнымъ критеріемъ тѣмъ болѣе, что каждый разъ при пропускѣ подобной статьи могъ ожидать жалобъ со стороны авторовъ съ оскорбленными самолюбіями и сопряженныхъ съ этимъ служебныхъ непріятностей.

Въ 1833 году кн. Ливенъ оставилъ управленіе министерствомъ, и министерскій постъ занялъ т. с. Уваровъ. Но это былъ далеко уже не тотъ Уваровъ, который въ 1823 году въ письмѣ къ Александру возставалъ противъ распоряженій Рунича и защищалъ опальныхъ профессоровъ с.-петербургскаго университета. Годы и событія не только вынули изъ его сердца всѣ слѣды молодыхъ его лѣтъ, но сдѣлали его однимъ изъ самыхъ непреклонныхъ реакціонеровъ. Въ то же время онъ отличался отъ прочихъ министровъ этой эпохи тѣмъ, что былъ образованнѣе всѣхъ ихъ, основательно былъ знакомъ съ отечественною литературою и внимательно слѣдя за современною прессою, зналъ всѣ ея направленія и представителей этихъ направленій. Такъ мы видимъ, что тотчасъ же по вступленіи на министерскій постъ онъ предложилъ цензурѣ обратить особенное вниманіе на повременныя изданія и въ сомнительныхъ случаяхъ спрашивать разрѣшенія Главнаго управленія и его собственнаго, и дѣйствительно, принялъ непосредственное участіе въ цензурныхъ дѣлахъ. Въ то же время конечно неспроста

онъ потребовалъ, чтобы переводы французскихъ романовъ были представляемы на его личный просмотръ прежде одобренія ихъ въ печати. Эта мѣра была предпринята безъ сомнѣнія въ виду того, что во Франціи въ это время послѣ революціи 1830 года, романтизмъ успѣлъ одержать полную побѣду и воцариться въ литературѣ, и это была именно эпоха, когда молодые романтики съ Викторомъ Гюго во главѣ проводили въ своихъ романахъ новыя идеи, волновавшія французское общество и бывшія у насъ подъ строгимъ запретомъ.

Приверженцемъ этихъ новыхъ идей, проповѣдникомъ французскаго романтизма и поклонникомъ Виктора Гюго былъ въ то время Н. А. Полевой съ его «Московскимъ Телеграфомъ». И если на французскіе романы было обращено Уваровымъ такое тщательное вниманіе, то конечно трудно было устоять «Московскому Телеграфу» при этихъ условіяхъ. Тѣмъ болѣе что съ самаго своего основанія въ 1825 году «Московскій Телеграфъ» не переставалъ обращать на себя вниманіе правительства какъ либерализмомъ, такъ и насмѣшливымъ, развязнымъ и рѣзкимъ тономъ полемики. Даже Пушкинъ, котораго при его любви къ свободомыслію, казалось, трудно было бы поразить статьями журнала, проходившими во всякомъ случаѣ сквозь строгую цензуру, выражаетъ въ своемъ дневникѣ удивленіе по поводу «Московскаго Телеграфа: «Телеграфъ, говоритъ онъ:—достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ—пустая только маска».

Этотъ приговоръ Пушкина вдвойнѣ несправедливъ: вопервыхъ не было и тѣни чего-либо общаго между якобинизмомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова и умѣренно либеральнымъ направленіемъ «Московскаго Телеграфа», и безъ сомнѣнія Пушкинъ высказываетъ здѣсь не свое самостоятельно сложившееся мнѣніе, а повторяетъ тѣ реакціонныя фразы, какихъ онъ наслушался въ средѣ, въ которой онъ въ то время вращался. Вовторыхъ несправедливо и то, что будто Полевой умѣлъ особенно ловко отводить глаза полиціи: напротивъ того, несмотря на умѣренно-либеральное направленіе своего журнала, онъ очень часто попадался въ просакъ и обращалъ на себя вниманіе то полиціи, то цензуры. Въ то же время съ самаго перваго года изданія «Московскаго Телеграфа» взоры всѣхъ обскурантовъ съ тревожною подозрительностью начали слѣдить за новымъ журналомъ, о чемъ мы можемъ судить по слѣдующему обстоятельству.

Прошло не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ со времени появленія «Телеграфа», какъ Полевой, ободренный успѣхомъ журнала, задумалъ вмѣсто одного издавать три періодическія изданія: газету «Компасъ», литературный журналъ «Московскій Телеграфъ» и ученый журналъ—«Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературы». Въ іюлѣ 1827 года онъ представилъ въ Московскій цензурный комитетъ планъ предполагаемыхъ изданій. Цензурный комитетъ рѣшилъ дозволить Полевому предполагаемыя изданія; что же касается политическихъ извѣстій и статей о театрѣ, то комитетъ представилъ это на разрѣшеніе министра. Министръ Шишковъ приказалъ снестись съ министромъ иностранныхъ дѣлъ насчетъ отдѣла политическихъ извѣстій; сужденій о театральныхъ пьесахъ и о игрѣ актеровъ не рѣшился дозволить на томъ основаніи, что «вопросъ о семъ остался неразрѣшеннымъ» и распоряженіе бывшаго министерства полиціи, запретившее печатать статьи объ игрѣ актеровъ, оставалось еще въ силѣ и даже вновь подтверждено въ 1827 г. На прочее министръ изъявилъ свое согласіе. Но ему пришлось неожиданно перемѣнить свое рѣшеніе и отвѣтить

отказомъ. Такая перемѣна произошла вслѣдствіе того, что Бенкендорфу представлено было нѣсколько записокъ съ настойчивыми и весьма нехладнокровными обвиненіями Полевого и его сотрудниковъ. Считаемъ не лишнимъ представить наиболѣе характерную изъ этихъ записокъ:

«19-го августа. Издатель журнала «Моск. Тел.» купецъ Полевой старается пріобрѣсть позволеніе на изданіе въ Москвѣ частной политической газеты съ будущаго 1828 года. По сему случаю осмѣливаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1) Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ повѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностью къ правительству, опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и подавать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не можетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія или говорить, гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя. Г. Полевой по происхожденію своему принадлежитъ къ среднему сословію, которое по натурѣ вещей всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ имъ уравненія въ правахъ съ привилегированными классами: сей образъ его мыслей обнаруженъ въ поданномъ министру финансовъ мнѣніи московскаго купечества, въ концѣ царствованія имп. Александра. Мнѣніе сіе сочинено г. Полевымъ и въ свое время произвело большіе толки: тамъ и Вольтеръ и Дидеротъ выведены на сцену для защиты правъ московскаго купечества. Въ «Моск. Телеграфѣ» безпрестанно помѣщаются статьи, запрещаемыя с.-петербургскою цензурою, и разборы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году помѣщались тамъ письма А. Тургенева изъ Дрездена, гдѣ явно обнаружено сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ и прошедшихъ златыхъ временахъ. Вообще духъ сего журнала есть оппозиція, и все, что запрещается въ Петербургѣ говорить о независимыхъ областяхъ Америки и ея герояхъ, съ восторгомъ помѣщается въ «Моск. Телеграфѣ». Сіе замѣчено уже и генераломъ Воиновымъ.

2) Г. Полевой, по своему рожденію, не имѣя мѣста въ кругу большаго свѣта, ищетъ протекціи людей высшаго состоянія, занимающихся литературою, и само собою разумѣется, одинакаго съ нимъ образа мыслей. Главнымъ его протекторомъ и даже участникомъ по журналу есть извѣстный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, который, промотавшись, всѣми средствами старается о пріобрѣтеніи денегъ. Образъ мыслей Вяземскаго можетъ быть достойно оцѣненъ по одной его стихотворной піесѣ: «*Негодованіе*», служившее катехизисомъ заговорщиковъ, которые нуждались его единственно по его безхарактерности и непомѣрной склонности къ игрѣ и крѣпкимъ напиткамъ. Сей-то Вяземскій есть меценатъ Полеваго и надоумилъ его издавать политическую газету.

3) Москва есть большая деревня. Тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ, нежели въ Петербургѣ, и цензура тамъ никогда не искала ни постоянныхъ правилъ, ни ограниченнаго круга дѣйствія. Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя, нынѣ находящіяся въ оборотѣ, напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже «Думы» Рылѣева и его поэма «Войнаровскій», запрещенные въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ. Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда случалось въ Москвѣ. Всѣ политическія новости и внутреннія происшествія иначе понимаются и иначе толкуются въ Москвѣ, даже людьми просвѣщенными. Москва, удаленная отъ центра политики, всегда превратно толковала происшествія, и журналы, даже статьи изъ петербургскихъ газетъ, помѣщаютъ ихъ часто столь неудачно съ пропусками, что дѣла представляются въ другомъ видѣ. Вообще московскіе цензоры, не имѣя никакого сообщенія съ министерствами, въ политическихъ предметахъ поступаютъ наобумъ и часто дѣлаютъ непозволительные промахи. По связямъ Вяземскаго они почти безусловно ему повинуются.

4) Н. Полевой, какъ сказано, состоитъ подъ покровительствомъ князя Вяземскаго, который по родству съ женою покойнаго исторіографа Карамзина, находится въ связяхъ съ товарищемъ министра просвѣщенія Блудовымъ. Не взирая на то, что самъ Карамзинъ зналъ цѣну Вяземскаго, Блудовъ, изъ уваженія къ памяти Карамзина, не откажетъ ни въ чемъ Вяземскому. Изъ угожденія Блудову, можно въ крайности позволить Полевому помѣстить политику въ своемъ двухнедѣльномъ журналѣ «Моск. Телеграфъ», но выдавать особую политическую газету въ Москвѣ невозможно, по причинамъ вышеизложеннымъ и для предупрежденія зла, которое послѣ гораздо труднѣе будетъ истребить.

«Весьма полезно было-бы, чтобы вообще позволеніе вновь издавать политическія газеты даваемо было не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, какъ сіе дѣлается во Франціи».

Обвинительныя записки сдѣлали свое дѣло. Шишковъ взялъ назадъ свое дозволеніе и отвѣчалъ цензурному комитету такимъ образомъ:

«Я не могу изъявить своего согласія: 1) потому, что въ составъ одного изъ сихъ сочиненій входятъ политическія извѣстія, которыя московскій цензурный комитетъ, не имѣя опредѣленнаго уставомъ о цензурѣ особаго постановленія, разсматривать и одобрять къ напечатанію безъ затрудненія не можетъ и 2) что для позволенія г. Полевому распространить кругъ дѣйствія своего, какъ повременному издателю, надлежитъ, на основаніи существующихъ узаконеній, имѣть правительству надежнѣйшее того обезпеченіе, которое признано достаточнымъ для издаванія только «Телеграфа». Причемъ почитаю нужнымъ подтвердить г. Полевому, касательно издаваемаго имъ журнала, чтобы онъ при выборѣ помѣщаемыхъ въ ономъ статей дѣйствовалъ съ величайшею осмотрительностью» *).

Въ исходѣ 1828 года въ московскомъ цензурномъ комитетѣ завязалась цѣлая литературная тяжба между издателемъ «Вѣстника Европы» пр. М. Т. Каченовскимъ и Н. А. Полевымъ. Съ самаго начала изданія «Московскаго Телеграфа» Полевой велъ непрерывную полемику съ Каченовскимъ, какъ съ представителемъ лжеклассицизма, но въ 1828 году полемика эта, благодаря язвительному перу Надеждина, приняла особенно ожесточенный характеръ. Дошло дѣло до того, что Каченовскій началъ печатно грозить Полевому жалобою въ цензурный комитетъ. Когда-же Каченовскій извѣстилъ въ своемъ журналѣ подписчиковъ, что впредь журналъ его будетъ издаваться безъ всякаго содѣйствія университета и онъ, Каченовскій, будетъ полнымъ хозяиномъ своего изданія, а Полевой съострилъ по этому поводу на страницахъ своего журнала, что «Вѣстникъ Европы» выходитъ изъ стѣнъ университета на *скудельныхъ ногахъ*, это до такой степени взорвало Каченовскаго, что онъ тотчасъ-же привелъ въ исполненіе свою угрозу и 18 декабря 1828 г. московскій цензурный комитетъ получилъ отъ него слѣдующую жалобу:

«Въ 20-й книжкѣ «Московскаго Телеграфа» на сей 1828 годъ, издаваемаго купцомъ Николаемъ Полевымъ и печатаемаго подъ цензурою ген.-маіора и кавалера Сергѣя Глинки, на стр. 491, 492 и 493-й, находятся выраженія укоризненныя относительно къ моему лицу, и, не менѣе того, предосудительныя для мѣста, при которомъ имѣю счастіе служить съ честію, съ дипломами на ученыя степени и въ званіи ординарнаго профессора; выраженія сіи, крайне оскорбительныя для меня, совершенно противны § 3, 4 пункту, также § 13 и 14 высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, коими охраняется *личная честь* каждаго отъ оскорбленій. Поступокъ ген.-маіора Глинки тѣмъ болѣе обиденъ для меня, что купецъ Полевой дозволялъ себѣ и сотрудникамъ своимъ въ прежнихъ книжкахъ «Телеграфа» весьма часто, безъ всякаго повода литературнаго, упоминать объ имени моемъ съ неуваженіемъ и порицать мои труды, безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства, и что, слѣдовательно, г. цензоръ *дѣйствовалъ по пристрастію*, ибо не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, воспрещаемомъ силою закона, въ § 70 уст. о цензурѣ. Будучи столь жестоко обиженъ передъ публикою, я, на основаніи того же § 70, покорнѣйше прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ законному меня удовлетворенію и меня же снабдить копіею съ опредѣленія, какое по сему учинено будетъ».

Цензурный комитетъ потребовалъ объясненія отъ цензора С. Н. Глинки. Послѣдній въ свою очередь обратился къ Каченовскому съ требованіемъ, чтобъ онъ представилъ подробное указаніе тѣхъ мѣстъ въ статьяхъ Полевого, въ которыхъ онъ находитъ оскорбленіе своей чести. Каченовскій не замедлилъ представить въ цензурный комитетъ объяснительную записку, съ указаніемъ на оскорбительныя выраженія Полевого. Оказалось, что вотъ какими выраженіями онъ наиболѣе былъ обиженъ:

«Обѣщанія, какія всегда даетъ и не исполняетъ издатель «Вѣстника Европы»... «Мы напоминаемъ только «В. Е—ну», что не такъ должно ему браться за законы

---

*) «Изслѣд. по р. и ст.» II, стр. 481—493.

словесности. «*Еслибъ онъ, старецъ, по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки*»... *Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель* «*Р. Евр.*», *гдѣ права его*»?.. *Юноши, обогнавшіе издателя* «*В. Е.*», *не виноваты что они шли впередъ, когда издатель* «*В. Е.*» *засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ 20 лѣтъ*»... «*Онъ даетъ поводъ у него потребовать доказательствъ на его права: гдѣ они*»?... «*Самъ издатель* «*В. Е.*» *знаетъ по гречески очень плохо*»...

«Я привожу здѣсь, пишетъ при этомъ Каченовскій:—не всѣ мѣста, но цензурный комитетъ благоволитъ усмотрѣть, что не только на упомянутыхъ трехъ страницахъ «Телеграфа», но и на прочихъ той-же статьи сочинитель дозволилъ себѣ упоминать обо мнѣ въ выраженіяхъ оскорбительныхъ для чиновника, долговременною и безпорочною службою своею, смѣю сказать, пріобрѣтшаго законныя права на уваженіе въ обществѣ, и не менѣе того для профессора, имѣющаго не только право, но и обязанность разсуждать о законахъ словесности и объ исторіи, которыя или преподавалъ, или донынѣ преподаетъ съ честью, и которыхъ безъ знанія своего дѣла преподавать не можно въ такомъ высшемъ училищѣ, какимъ есть университетъ московскій»...

Далѣе затѣмъ С. Н. Глинка въ свою очередь представилъ въ цензурный комитетъ объясненіе, въ которомъ онъ, подробно разбирая объявленіе Каченовскаго объ изданіи «В. Е.», послужившее поводомъ къ распрѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что въ сообразность 4 пункта § 3 устава, во всѣхъ пропущенныхъ имъ выраженіяхъ въ статьѣ «Телеграфа» не только нѣтъ никакой клеветы на образъ жизни Каченовскаго, но даже ни слова не упомянуто о семейственномъ и нравственномъ его существованіи».

Совѣтъ московскаго университета принялъ сторону Каченовскаго, нашелъ, что статьею «Телеграфа» уничтожена честь пр. Каченовскаго и тѣмъ оскорблено даже начальство университета, и просилъ предсѣдателя цензурнаго комитета принять начальническія мѣры для законнаго взысканія и для отвращенія на будущее время подобнаго оскорбленія личности служащихъ въ университетѣ.

Московскій цензурный комитетъ съ своей стороны призналъ жалобу Каченовскаго основательною и, представляя ее высшему начальству, просилъ «опредѣлительнаго предписанія — пропускать такія только критики, въ которыхъ явственно доказываются недостатки разбираемой книги, а не знанія самаго писателя, что и для усовершенствованія литературы полезнѣе и съ цѣлію критики сообразнѣе».

Но членъ московскаго цензурнаго комитета В. В. Измайловъ не согласился съ большинствомъ и подалъ особое мнѣніе въ которомъ писалъ:

«Правительство, основывая свои дѣйствія на законахъ государственнаго блага, имѣло въ виду: чрезъ законъ цензуры удержать книгопечатаніе въ границахъ осторожности; но, согласно съ требованіями просвѣщенія и вѣка, не позволилъ цензурѣ порабощать свободу мыслей, какъ видно изъ устава, по которому книги подвергаются запрещенію только въ немногихъ случаяхъ важныхъ, но рѣдкихъ, гдѣ въ смыслѣ государственныхъ правилъ есть злоупотребленія права излагать свои мысли. Далѣе, желая всячески ускорять, а не замедлять ходъ разума и успѣхи гражданственности, желая даже совѣтоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и мыслящими писателями, правительство вызываетъ ихъ говорить, и говорить именно объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, о сочиненіяхъ и статьяхъ отъ казенныхъ мѣстъ издаваемыхъ, слѣдственно съ неоспоримымъ правомъ объ ученыхъ достоинствахъ всякаго писателя, какому-бы ученому обществу онъ ни принадлежалъ и какое-бы мѣсто ни занималъ въ порядкѣ гражданскомъ.

Теперь спрашиваю: на что можетъ цензоръ сослаться или опереться въ уставѣ, намъ данномъ, чтобы перемѣнить или запретить критику одного журналиста на другого, критику, хотя-бы и рѣзкую, но чисто-литературную. Говорятъ на 4 п. § 3, гдѣ запрещается оскорблять честь какого-либо лица; но честь личная не одно съ достоинствомъ литературнымъ, и нанесенное кому-либо неудовольствіе, какъ автору или издателю, не имѣетъ ничего общаго съ оскорбленіемъ человѣка, какъ гражданина или какъ чиновника; и если изъ критики можно вывести безвыгодное заключеніе о талантахъ или учености осуждаемаго писателя, это не касается до цензора; не его дѣло смотрѣть на слѣдствія критики и на ученую степень

разбираемаго сочинителя. Иначе нельзя будетъ пропустить ни одной критической статьи противъ литераторовъ, занимающихъ государственныя мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ—прозаикъ, но судья; этотъ—поэтъ, но сенаторъ; другой—журналистъ но академикъ; не смѣйте же касаться ни того, ни другого. Вотъ что вопреки уставу о цензурѣ воспослѣдовало бы изъ новой требуемой строгости; наконецъ, можетъ-ли какое-либо ученое мѣсто требовать, чтобы его члены были недоступны строгому суду литературному подъ защитою своихъ именъ и своихъ титуловъ? и можетъ-ли частное осужденіе одного изъ нихъ въ литературномъ отношеніи падать на цѣлое общество, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто? По крайней мѣрѣ не такъ думали до нынѣшняго времени, когда никто не протестовалъ ни противъ строгой критики Макарова на вице-адмирала Шишкова, ни противъ другихъ обидныхъ критикъ, писанныхъ на исторіографа Карамзина, ни противъ недавней сильной рецензіи на статсъ-секретаря Муравьева, хотя всѣ упомянутые писатели стоятъ въ спискѣ почетныхъ членовъ россійской академіи и московскаго университета. Когда-же подобныя рецензіи на академиковъ и государственныхъ людей были донынѣ терпимы, то еще болѣе разрѣшены они правилами новаго устава, и цензоръ обязанъ съ нимъ согласоваться, не позволяя себѣ ни своевольнаго отступленія, ни самовольнаго дѣйствія».

Жалоба Каченовскаго и всѣ относящіеся къ дѣлу документы представлены были въ Главное управленіе цензуры, въ которомъ и состоялось слѣдующее опредѣленіе:

Главное управленіе цензуры, разсмотрѣвъ вышеупомянутую статью, признало, что выраженія, на которыя принесъ жалобу г. Каченовскій, относясь единственно къ литературнымъ изданіямъ его, не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести. Посему, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ мнѣніемъ г. цензора Измайлова, управленіе нашло, что г. цензоръ Глинка не могъ воспретить напечатаніе вышеупомянутой статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. При семъ, Главное управленіе замѣтило, что въ споръ совершенно литературный не слѣдовало-бы вмѣшивать достоинство службы государственной и высшаго ученаго сословія. Раздѣляя съ московскимъ ценз. комитетомъ желаніе, чтобы вообще литературныя критики въ повременныхъ изданіяхъ русскихъ приняли сколько можно лучшій и приличнѣйшій тонъ, и чтобы въ нихъ были соблюдаемы всѣ условія вѣжливости и учтивости; но не находя въ уставѣ о цензурѣ постановленія, дающаго цензурн. комитетамъ право воспрещать по симъ только уваженіямъ литературныя сужденія о книгахъ и ученыхъ изданіяхъ, не выходящія впрочемъ изъ предѣловъ благопристойности и не обидныя для нравственности и чести, Главное управленіе цензуры признало, что исправленіе сего недостатка въ литературѣ подлежитъ предоставить вліянію читающей публики и дѣйствію общаго вкуса» *).

Въ 1830 году послѣдовало новое столкновеніе «Московскаго Телеграфа» съ цензурой, повлекшее за собой отставку московскаго цензора С. Н. Глинки. Дѣло заключалось въ томъ, что около того же времени явилось посланіе Пушкина «Къ вельможѣ»,—именно къ князю Н. Б. Юсупову, доживавшему вѣкъ въ своемъ «Архангельскомъ». Въ посланіи этомъ поэтъ, воспѣвая юношескіе годы и путешествія князя, затѣмъ обращается къ послѣднему періоду его угасавшей жизни и между прочимъ говоритъ:

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилища, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благодетствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободный
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой.

---

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 40—44. «Сбор. распор. по ценз.», стр. 218—219

Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный... и т. д.

Вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ этого посланія конечно въ пику Пушкину и съ цѣлью показать обратную сторону княжескаго времяпрепровожденія, которое изображается у поэта въ такомъ величественномъ видѣ, появилась въ № 10 «Московскаго Телеграфа» бытовая сценка, подъ заглавіемъ «Утро у знатнаго барина князя Беззубова», надѣлавшая не мало шуму въ Москвѣ. Но предоставимъ цензору «Московскаго Телеграфа» С. Н. Глинкѣ самому повѣствовать объ этомъ любопытномъ эпизодѣ изъ исторіи цензуры того времени *).

«По возвращеніи моемъ изъ Петербурга (куда Глинка ѣздилъ въ отпускъ), когда я явился въ цензурный комитетъ, меня встрѣтили торжествующія лица профессоровъ-цензоровъ. Они смотрѣли на меня съ лукавою улыбкою и будто неумышленно спрашивали: читалъ ли я посланіе Пушкина къ князю Юсупову. Тутъ, къ сожалѣнію, и сторонній цензоръ Снигиревъ, читавшій «Телеграфъ» въ отсутствіи моемъ, сказалъ мнѣ откровенно, что десятая книга «Телеграфа» ожидаетъ моей подписи, т. е. та роковая книга, въ которой помѣщена была статья подъ заглавіемъ «Утро у знатнаго барина, князя Беззубова». Въ ней выставленъ былъ какой-то князь Беззубый, имѣвшій собакъ Жужу, Ами и любовницу, какую-то Александру Ивановну, чистившую князя по щекамъ за то, что онъ упрекалъ ее за нескромное гулянье въ Марьиной рощѣ съ французомъ, и снова заключившую съ нимъ миръ за ломбардный билетъ въ 20.000. Возвратясь изъ Петербурга за недѣлю до срока отпуска, я могъ бы отказаться отъ цензурованія книжки «Телеграфа», но я всегда стыдился, какъ говоритъ пословица, чужими руками жаръ загребать. Взявъ десятую книжку «Телеграфа», пошелъ я въ типографію Семена, читаю: въ глаза мнѣ тотчасъ бросился стихъ изъ посланія, предлагающій перетолкователямъ намекъ на кн. Юсупова. Отправляю къ издателю «Телеграфа» записку, прося его исключить этотъ стихъ. Получаю въ отвѣтъ, что онъ не намѣренъ исключать ни одной буквы. Что же оставалось цензору? Повиноваться уставу, ибо онъ не дозволялъ цензорамъ никакихъ замѣчаній. Я пропустилъ статью. При первомъ засѣданіи г. Двигубскій объявляетъ мнѣ, что попечитель отстраняетъ меня отъ цензурованія «Телеграфа» и запрещаетъ журналъ. «Онъ не имѣетъ права, одинъ государь предоставилъ себѣ право дозволенія журналовъ и запрещенія ихъ. А если находятъ меня въ чемъ виноватымъ, то, на основаніи устава, я требую суда».

«На другой день получено предписаніе отъ попечителя — немедленно явиться въ залу университетскаго правленія. Едва я вошелъ, г. попечитель закричалъ на меня (безъ поднятія кулаковъ):— Какъ вы, сударь, осмѣлились пропустить такія мерзости на князя Юсупова? Васъ и такъ за такія мерзости государь сажалъ на гауптвахту!..

— Я оправданъ; государь возвратилъ мнѣ свое благоволеніе; если послѣдняго бѣдняка оправдаютъ, то никто не имѣетъ права упрекать его въ прошедшемъ.

— А развѣ вы не читали посланія Пушкина? спросилъ князь.

— Не читалъ.

— А почему?

— Потому что я занятъ тѣмъ, что сопряжено съ моею должностью.

«Отъ возгласовъ попечителя и презрительныхъ улыбокъ ученыхъ головъ кровь у меня сильно кипѣла; я чувствовалъ, что изъ ногъ кровь быстро приливаетъ къ головѣ, а потому и торопился выйти, а попечитель кричитъ мнѣ во слѣдъ:

— Постойте, постойте, слушайте!..

— Чего мнѣ слушать! возразилъ я.—И такъ довольно наслушался незаконныхъ обвиненій; а потому, на основаніи § 70 устава **), прошу уголовнаго суда.

«Выхожу съ этимъ словомъ и кровь брызнула у меня изъ носа и шла впродолженіи трехъ сутокъ. Какъ видите, сіятельный президентъ въ присутствіи цензурнаго комитета,

*) «Соврем.» 1865 г. № 9, стр. 217—232, «Мое цензорство», изъ записокъ С. Н. Глинки.

**) Это не совсѣмъ точно; не 70-й параграфъ, а 73-й и 93-й налагаютъ отвѣтственность на цензора за неправильное одобреніе или запрещеніе чего-либо.

обличилъ своего пріятеля. Князь С. М. Голицынъ (попечитель московскаго округа) былъ убѣжденъ, что я масонъ и иллюминатъ и агентъ всѣхъ тайныхъ обществъ Оглашая меня тѣмъ, чѣмъ я никогда не былъ, князь, видя при этомъ во мнѣ опаснаго бунтовщика, отправилъ на меня грозную жалобу въ Петербургъ и писалъ, что я для объясненій къ нему явился послѣ большого завтрака, т. е. *мертвецки пьянымъ*. Барское чванство не вѣритъ, что у души свой голосъ, своя жизнь; эти богачи и баловни считаютъ насъ безсловесными тварями, осужденными пресмыкаться у ногъ ихъ... Изъ Петербурга требовали, чтобы я искалъ примиренія съ княземъ. Я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ сильныхъ посредниковъ, а потому единственнымъ посредникомъ беру судъ, означенный въ уставѣ... Какъ бы то ни было, только въ 1830 г. приключилось, что въ одно время король французовъ слетѣлъ съ престола, а я съ цензорскаго стула».

Но не смотря на множество замѣчаній, выговоровъ, внушеній и совѣтовъ, имѣвшихъ силу обязательныхъ приказаній, Полевой не падалъ духомъ и послѣдовательно стремился къ намѣченной цѣли. Такъ въ 1831 году онъ обратился къ начальству съ новымъ проектомъ издавать «Телеграфъ» въ трехъ видахъ, а именно: 1) Четыре большія книжки въ годъ, каждая черезъ четыре мѣсяца, подъ названіемъ «*Московскій Телеграфъ*». 2) Пятьдесятъ двѣ небольшія книжки въ годъ, каждая черезъ недѣлю, подъ названіемъ: «*Прибавленіе къ Московскому Телеграфу*» и 3) Сто четыре полулиста на французскомъ языкѣ подъ названіемъ «*Journal des modes*». На послѣднее изданіе предполагалось принимать подписку отдѣльно, а два первыя выдавать на подписку совокупно. Представляя въ Главное управленіе цензуры проектъ Полевого, предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета князь С. М. Голицынъ счелъ нужнымъ присовокупить собственное свое мнѣніе, чтобы журналъ «Московскій Телеграфъ» на предбудущее время ограничивался одною только литературою по той причинѣ, что неоднократно въ немъ помѣщались такія статьи, которыя не совсѣмъ-то были одобряемы высшимъ начальствомъ, и что издатель купецъ Николай Полевой не пользуется совершенною довѣренностью правительства. Министръ народ. просв. князь Ливенъ представилъ государю программу предполагаемыхъ Полевымъ изданій. «Императоръ Николай Павловичъ написалъ: «не дозволять, ибо и нынѣ ничуть не благонадежнѣе прежняго». Рѣшеніе это послѣдовало въ Москвѣ 7 ноября 1831 года *).

Затѣмъ, въ 1832 году Полевой снова подпадаетъ подъ замѣчаніе начальства, на этотъ разъ уже не цензурнаго комитета, а III-го отдѣленія. Въ 1831 году, вышла въ Москвѣ въ свѣтъ небольшая брошюрка подъ заглавіемъ: «Горе отъ ума, производящаго всеобщій революціонный духъ, философически-умозрительное разсужденіе, сочиненіе S». Написанная въ фанатически-реакціонномъ духѣ, книжечка эта играла совершенно такую же роль въ свое время, какою 45 лѣтъ спустя отличалась подобная ей пресловутая брошюра Цитовича. Довольно сказать, что авторъ отрицаетъ въ ней огуломъ всякое образованіе и малѣйшее движеніе мозгами, видя во всемъ этомъ источникъ всѣхъ революцій. Брошюрка эта не была оставлена безъ вниманія «Московскимъ Телеграфомъ» и въ № 16-мъ 1831 года появилась горячая и рѣзкая рецензія на нее:

«Авторъ этой брошюрки, читаемъ мы въ рецензіи:—говоритъ, что онъ надѣется оцѣнки его сочиненія отъ *русскихъ ученыхъ* по достоинству. Хотя мы не смѣемъ причислять сами себя къ русскимъ ученымъ, но по достоинству оцѣнить книжечку г-на S. не откажемся.

«Каждое событіе, каждый переворотъ въ мірѣ необходимо сопровождается насильственными, тяжелыми для современниковъ слѣдствіями. Весьма часто и почти всегда благо остается для потомства, зло терпятъ современники. Таковы неисповѣдимыя судьбы Бога—и кто дерзкій

---

*) «Изслѣд. и статьи по русск. лит. и просвѣщенію», М. И. Сухомлинова, т. II, стр. 394—398.

осмѣлится изъяснить ихъ? Безъ вѣры и безъ ума сіи судьбы могли бы даже показаться намъ страшными, гибельными, а міръ ужасною загадкою. Человѣкъ содрогается, видя гибель тысячи жертвъ въ политическихъ переворотахъ, но землетрясенія, поглощающія цѣлыя области, но огнь молніи, сжигающей цѣлые города, но свирѣпость водной стихіи, даже смерть, поражающая доброе, милое, цвѣтущее созданіе и забывающая дряхлаго злодѣя? Не такія ли это задачи, передъ которыми также содрогается человѣкъ?

«Вѣра, святая утѣшительница, указываетъ ему на благость Бога и другой міръ. Умъ даетъ ему средства отвращать бѣды и въ самой гибели показываетъ начала добра. Таково должно быть наше мнѣніе, таковы наши надежды, оправдываемыя святою вѣрою и философіею, великою и мудрою!

«Но г-на S эта философія не касается. Что ему за нужда до исторіи, до причинъ великихъ волненій, на которыя глядитъ онъ изъ своего окошечка, какая ему надобность до слѣдствій. предполагаемыхъ умомъ!

«Ему *кажется*, что все нынѣ происходитъ отъ излишняго умничанья; что это умничанье сводитъ всѣхъ съ истиннаго ума; что оно производитъ желаніе нелѣпой свободы, которую стараются добыть революціями, а революціи ведутъ къ безчеловѣчію и оканчиваются *варварствомъ*. Этому примѣръ видитъ г-нъ S въ нынѣшней Франціи и заключаетъ сочиненіе свое стихами, вѣроятно списанными съ какой-нибудь суздальской картинки или имъ самимъ скропанными по сему образцу:

Образумьтесь современные умники,
Или вамъ будетъ горе отъ ума!

«Станемъ ли доказывать г-ну-S, что и по его разсказамъ *не умъ*, а злоупотребленіе ума всему причиною, слѣдственно, заглавіе его книжечки есть нелѣпость? Станемъ ли говорить ему, что зло всегда и во всемъ существуетъ и насильственныя явленія его ничего не доказываютъ въ пользу или не въ пользу дѣла? Раскроемъ ли передъ нимъ законъ вѣры, который указываетъ во всемъ неизмѣнную волю Бога, вслѣдствіе чего были, есть и будутъ ужасы и волненія, для добра и блага? Подтвердимъ ли все это выводами ума и философіею исторіи? Нѣтъ! книжка г-на S этого не стоитъ. Мы и упоминаемъ объ ней только для тѣхъ людей, которые всему печатному готовы вѣрить.

«Г-да S являлись и бывали всегда. При каждомъ необыкновенномъ явленіи историческомъ, они подымали вопли и очень походятъ на того драгунскаго капитана, который отрекся отъ Бога, когда умерла у него жена. Бѣдный умъ! бѣдное просвѣщеніе!—всегда и все на него сваливали г-да S! Двигались ли народы для сокрушенія Рима; лились ли кровавыя рѣки отъ фанатизма; реформація ли колебала Европу; овладѣвали ли турки Царьградомъ – одни дѣйствовали, другіе думали, а г-да S затягивали свою пѣсню: «Вотъ дожили! вотъ вашъ умъ, ваше просвѣщеніе! Настало преставленіе свѣта! Смотри-ка: у меня сожгли овинъ, у меня убили корову, меня прибили, ограбили!». Простительно человѣку въ горести такъ стенать и плакать, винить все, во всемъ и за все; но почитать подобные крики стоящими вниманія просвѣщеннаго мыслителя — значило бы отвергать законы Провидѣнія, не знать основанія науки мудрости и наводить себѣ горе только не отъ ума».

Вотъ на эту именно рецензію и было обращено вниманіе гр. Бенкендорфа, который отнесся 8-го февраля 1832 г. къ Полевому съ однимъ изъ тѣхъ писемъ, исполненныхъ утонченной вѣжливости и не менѣе утонченной ядовитости, съ которыми онъ обращался обыкновенно къ писателямъ, требовавшимъ внушенія свыше. Вотъ это письмо:

«М. Г. Николай Алексѣевичъ! Я не рѣшился бы писать къ вамъ и дѣлать мои заключенія на ваши сочиненія, еслибы неоднократные опыты вашего добраго ко мнѣ расположенія не давали мнѣ права полагать, что разсужденія мои вы примете доказательствомъ моего къ вамъ уваженія и доброжелательства. Сожалѣя чрезвычайно, что многосложныя занятія отнимаютъ у меня возможность безпрерывно вникать въ журналъ, вами издаваемый, и что по сей причинѣ только теперь обращено мое вниманіе на № 16 «Московскаго Телеграфа» 1831 г., я твердо увѣренъ, что если вы разсмотрите съ безпристрастіемъ мои разсужденія, то оныя принесутъ очевидную пользу какъ вамъ, такъ и публикѣ, для коей вы пишете. Въ разборѣ брошюрки г-на S «Горе отъ ума», на страницахъ 519, 520 и 521 вы утверждаете, что революціи необходимы и что кровопролитія и ужасы, сопровождающіе насильственные перевороты въ правленіи, не такъ гибельны, какъ воображаютъ такіе простяки, каковъ г-нъ S; что даже польза революціи очевидна для потомства, и что только непросвѣщенные мысли-

тели могутъ жаловаться на бѣдствія, проистекающія отъ оныхъ! Позвольте, милостивый государь, вамъ замѣтить, что это не литература, а совершенное разсужденіе о высшей политикѣ. Я не столько удивляюсь, что цензура пропустила такія вредныя сужденія, какъ удивляюсь тому, что столь умный человѣкъ, какъ вы, пишетъ такія нелѣпости! Желалъ бы имѣть ваше объясненіе, съ какою цѣлію, съ какимъ намѣреніемъ вы позволяете себѣ печатать столь вредныя мнѣнія для общаго блага! Для совершеннаго опроверженія вашей системы, не нужно входить въ общія разсужденія; я ограничу себя только тѣмъ замѣчаніемъ, что подобный образъ мыслей весьма вреденъ въ Россіи, особливо если онъ встрѣчается въ человѣкѣ умномъ, образованномъ, который имѣетъ даръ писать остро и замысловато; въ сочинителѣ, коего публика читаетъ охотно и коего мнѣнія могутъ посѣять такія сѣмена, могутъ дать такое направленіе умамъ молодыхъ людей, которое вовлечетъ государство въ бездну несчастій. Не думайте, чтобы въ то время ваше раскаяніе, сила вашихъ сочиненій могла прекратить тѣ бѣдствія, коихъ вы будете виновникомъ. И по сей причинѣ, какъ человѣкъ, желающій вамъ добра, совѣтую не печатать подобныхъ статей въ вашемъ журналѣ, которыя сколько вредны, столько же и нелѣпы. Вникните, милостивый государь, какія мысли вы внушаете людямъ неопытнымъ! Я не могу не скорбѣть душою, что во времена, въ кои и безъ вашихъ вольнодумныхъ разсужденій, юные умы стремятся къ общему безпорядку, вы еще болѣе ихъ воспламеняете и не хотите предвидѣть, что сочиненія ваши могутъ и должны быть одною изъ непосредственныхъ причинъ разрушенія общаго спокойствія. Писатель съ вашими дарованіями принесетъ много пользы государству, если онъ дастъ перу своему направленіе благомыслящее, успокоивающее страсти, а не возжигающее оныя. Я надѣюсь, что вы съ благоразуміемъ примете мое предостереженіе, и что впредь не поставите меня въ непріятную обязанность дѣлать невыгодныя замѣчанія насчетъ сочиненій вашихъ и говорить вамъ столь горькую истину. Не менѣе того примите увѣреніе въ моемъ къ вамъ отличномъ уваженіи и преданности, съ коею пребыть честь имѣю вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою, А. Бенкендорфъ» *).

II.

Съ появленіемъ Уварова во главѣ министерства народ. просв. настали для Полевого особенно тяжелые дни. Уваровъ не замедлилъ представить докладъ о запрещеніи «Телеграфа» по поводу статьи, помѣщенной въ «Московскомъ Телеграфѣ» въ отдѣлѣ критики, о сочиненіи Вальтеръ-Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта». Въ статьѣ этой Уваровъ усматривалъ «самые неосновательные и предосудительные толки», вслѣдствіе чего и представилъ государю докладъ слѣдующаго содержанія:

«Въ бытность мою въ прошедшемъ году въ Москвѣ, какъ извѣстно вашему имп. велич., я обращалъ особенное вниманіе на издаваемые тамъ журналы, въ коихъ появлялись иногда статьи не только чуждыя вкуса и благопристойности, но и касавшіяся до предметовъ политическихъ съ сужденіями превратными и вредными. Поставивъ Московскому цензурному комитету пространно на видъ обязанности его, я дѣлалъ самыя подробныя внушенія и самимъ издателямъ журналовъ и получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить ложную и дерзкую наклонность ихъ повременныхъ изданій. Сіе, повидимому, имѣло нѣкоторый успѣхъ, ибо съ того времени тонъ сихъ журналовъ смягчился и доселѣ не замѣчалось вообще въ нихъ ничего явно предосудительнаго, какъ вдругъ съ удивленіемъ я прочелъ въ недавно вышедшей 9-й книжкѣ *«Московскаго Телеграфа»* статью подъ заглавіемъ: *«Взглядъ на исторію Наполеона»*, въ коей о происшествіи столь важномъ и столь къ намъ близкомъ заключаются самыя неосновательныя и для чести русскихъ и нашего правительства оскорбительные толки и злонамѣренные ироническіе намеки, какъ ваше имп. величество изволите усмотрѣть изъ представляемой здѣсь въ подлинникѣ статьи съ моими отмѣтками.

«Цензоръ сей книжки, дѣйств. ст. сов. Двигубскій за неосмотрительность свою долженствовалъ-бы подвергнуться отрѣшенію, еслибъ не былъ уже вовсе уволенъ отъ службы.

«Что касается до издателя «Телеграфа», то я осмѣливаюсь думать, что Полевой утра-

---

*) «Р. Арх.» 1866 г. стр. 1753.

тилъ наконецъ всякое право на дальнѣйшее довѣріе и снисхожденіе правительства, не сдержавъ даннаго слова и не повиновавшись неоднократному наставленію министерства, и слѣдовательно, что по всей справедливости, журналъ «Телеграфъ» подлежитъ запрещенію.

«Предоставляя вашему имп. вел. о мѣрѣ, которую я въ нынѣшнемъ положеніи умовъ осмѣливаюсь считать необходимой для нѣкотораго обузданія такъ называемаго духа времени, имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго вашего разрѣшенія».

На докладѣ Уварова написано государемъ: «Я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною. Виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же—въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, вѣроятно себя не разумѣя. Потому бывшему цензору строжайше замѣтить, а Полевому объявить, чтобы вздору не писалъ: иначе запретится журналъ его».

Первая попытка Уварова запретить журналъ Полевого оказалась такимъ образомъ преждевременною; но тѣмъ не менѣе дни «Моск. Телеграфа» были сочтены. Уваровъ никакъ не могъ помириться съ положеніемъ, созданнымъ ему неподатливымъ журналистомъ, такъ какъ получилъ по поводу статьи «Телеграфа» прямыя и косвенныя указанія на распущенность цензуры, т. е. другими словами на плохое отношеніе своихъ обязанностей. Подобныя замѣчанія оскорбляли и раздражали Уварова. Чтобы положить конецъ имъ, онъ сталъ собирать матеріалы для обвинительнаго акта и, наученный опытомъ, заботился какъ о качествѣ ихъ, такъ и о количествѣ. Работа шла успѣшно, и надо было выбрать удобную минуту чтобы употребить въ дѣло собранный матеріалъ. Случай скоро представился *).

Въ началѣ марта 1834 года, на сценѣ Александринскаго театра давали въ первый разъ драму Н. Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла». Государь со всею своею свитою лично присутствовалъ на этомъ спектаклѣ и былъ въ восторгѣ отъ пьесы Кукольника. Вообще какъ содержаніе піесы, на постановку которой было потрачено 40,000 р.—такъ и присутствіе въ театрѣ высочайшихъ особъ, придавали спектаклю характеръ торжества. Н. Ал. Полевой не задолго передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ и былъ на этомъ самомъ спектаклѣ. Въ одномъ изъ антрактовъ къ нему подошелъ гр. Бенкендорфъ, сообщилъ ему о томъ восторгѣ, съ которымъ государь привѣтствовалъ пьесу, затѣмъ спросилъ: «напишетъ-ли Полевой въ «Московскомъ Телеграфѣ» одобрительное извѣстіе о «патріотической піесѣ Кукольника». Полевой отвѣчалъ, что онъ написалъ уже разборъ ея по печатному экземпляру, полученному имъ въ Москвѣ, но что этотъ разборъ будетъ вовсе неодобрительнымъ для пьесы.

— И разборъ вашъ уже напечатанъ? спросилъ Бенкендорфъ.

— Нѣтъ еще, однако я уже отдалъ его для печатанія въ моемъ журналѣ!

— Что вы дѣлаете, Николай Алексѣевичъ! воскликнулъ чуть не съ ужасомъ Бенкендорфъ:—вы видите, какъ принимаютъ здѣсь піесу; надобно сообразжаться съ этимъ мнѣніемъ, иначе вы навлечете на себя страшныя непріятности!.. Прошу васъ, какъ искренній вашъ доброжелатель, примите самыя дѣятельныя мѣры, чтобы вашъ неодобрительный разборъ «Руки Всевышняго» не появлялся въ печати. Напишите, если можно завтра-же, чтобы въ Москвѣ не печатали.

Н. А. Полевой не имѣлъ ни малѣйшаго желанія пренебречь этимъ внушительнымъ замѣчаніемъ, и по возвращеніи изъ театра тотчасъ же написалъ письмо къ брату своему Кс. Полевому, который въ отсутствіе его завѣдывалъ журна-

*) «Изсл. ист. по русск. литер. и просв.», М. И. Сухомлинова, т. II, стр. 192—404.

ломъ, чтобы не печатать никакой рецензіи о драмѣ Кукольника. Но было уже поздно. Въ то время не существовало еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, и Кс. Полевой могъ получить письмо брата лишь черезъ три дня. Книги «Моск. Телеграфа» были не только уже отпечатаны, но и разосланы. Къ тому же содержаніе рецензіи было столь невинно, что Кс. Полевой могъ надѣяться, что важныхъ послѣдствій не послѣдуетъ, и самое большое, что гр. Бенкендорфъ напишетъ новое письмо.

Главный центръ тяжести всей рецензіи заключался въ слѣдующемъ мѣстѣ ея.

«Мы уже говорили когда-то въ «Телеграфѣ» о томъ, что по нашему мнѣнію изъ освобожденія Москвы Мининымъ и Пожарскимъ невозможно сдѣлать драмы, ибо тутъ не было драмы въ дѣйствительности. Романъ и драма заключались въ событіяхъ до 1612 г. Мининъ и 1612 годъ—это *гимнъ, ода,* пропѣтые экспромтомъ русскою душою въ нѣсколько мѣсяцевъ. Одинъ умный иностранецъ, разговаривая о русской исторіи, сказалъ: «У васъ была своя Орлеанская дѣва, это вашъ *Мининъ*». Сказано остроумно и всего болѣе справедливо. Рядъ великихъ событій отъ появленія самозванца до паденія Шуйскаго совершился; дѣла были доведены до послѣднихъ крайностей. На пеплѣ Москвы надобно было сойтись въ послѣдній бой Россіи и Польшѣ. Толпа измѣнниковъ и ничтожныхъ вождей стояли близъ Московскаго кремля. Мужественный Хоткевичъ съ послѣдними силами шелъ къ Москвѣ. Кому пасть: Россіи? Польшѣ? — *Польшѣ,* изрекъ Всемогущій и — духъ Божій вдохновляетъ мѣщанина Минина, какъ нѣкогда вдохновилъ крестьянку Іоанну д'Аркъ. По гласу Минина сошлась нестройная толпа мужиковъ, и ведомая вѣрою, въ лицѣ Авраамія Палицына, и русскимъ духомъ въ лицѣ *Козьмы Минина*—пришла къ Москвѣ: Хоткевичъ разбитъ и Русь спасена. Опять начинается послѣ сего рядъ новыхъ событій, совершенно чуждыхъ подвигу Минина. Мининъ мгновенно сходитъ съ своего поприща и не только онъ, но и *Палицынъ,* и *Пожарскій* и *Трубецкой.* Въ 1618 году поляки снова стоятъ подъ Москвою и какъ событій съ 1612 года, такъ и самаго избранія Михаила на царство нисколько не должно сливать съ исторіею о подвигѣ Минина и Пожарскаго *).

Далѣе затѣмъ слѣдуетъ чисто уже эстетическій разборъ драмы Кукольника, заключающійся въ пересказѣ содержанія драмы и рядъ цитатъ изъ нея, приводимыхъ съ цѣлью убѣжденія читателей, что пьеса не заключаетъ въ себѣ никакихъ драматическихъ элементовъ.

Вернувшись изъ Петербурга, Полевой мирно продолжалъ свои занятія по журналу. Прошло двѣ недѣли, какъ вдругъ въ самый день Благовѣщенія, 25 марта онъ былъ отправленъ въ Петербургъ на перекладныхъ съ жандармомъ и заключенъ въ III отдѣленіе. На другой-же день начались допросы въ кабинетѣ гр. Бенкендорфа въ присутствіи Уварова, который, по словамъ Полевого, и былъ главнымъ обвинителемъ. Графъ-же Бенкендорфъ казался больше защитникомъ Полевого или по крайней мѣрѣ доброжелателемъ: онъ не только удерживалъ порывы Уварова, но иногда подшучивалъ надъ нимъ, иногда просто смѣялся и во все время допроса, какой производилъ министръ, шефъ жандармовъ старался придать характеръ обыкновеннаго разговора тягостному состязанію бѣднаго журналиста съ грознымъ обвинителемъ **). При этомъ Полевого особенно смущала тетрадь, которая была въ рукахъ Уварова и съ которою онъ постоянно справлялся. Это были выписки изъ «Телеграфа», которые Уваровъ, какъ мы выше говорили, приготовлялъ какъ матеріалы для обвинительнаго акта. Продержавши Полевого трое сутокъ въ III отдѣленіи и сверхъ допросовъ отобравъ отъ него письменное объясненіе по поводу рецензіи на драму Кукольника, его отправили обратно въ Москву, опять въ телѣгѣ на перекладныхъ и съ тѣмъ-же самымъ жандармомъ, и лишь по въѣздѣ въ черту Москвы выпустили на полную свободу.

---

*) «Моск. Тел.» 1884 г., № 2, отдѣлъ—Русская Литература.
**) «Ист. В.», 1887 г., стр. 269.

Между тѣмъ Уваровъ не дремалъ и тотчасъ-же представилъ слѣдующій обвинительный актъ:

«Давно уже и постоянно «Московскій Телеграфъ» наполнялся возвѣщеніями о необходимости преобразованій и похвалою революціямъ. Весьма многое, что появляется въ злонамѣренныхъ французскихъ журналахъ, «Телеграфъ» старается передавать русскимъ читателямъ съ похвалою. Революціонное направленіе мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно обнаруживается въ семъ журналѣ, котораго тысячи экземпляровъ расходятся по Россіи, и по неслыханной дерзости, съ какою пишутся статьи, въ ономъ помѣщаемыя, читаются съ жаднымъ любопытствомъ. Время отъ времени встрѣчаются въ «Телеграфѣ» похвалы правительству, но тѣмъ гнуснѣе лицемѣріе: вредное направленіе мыслей въ «Телеграфѣ», столь опасное для молодыхъ умовъ, можно доказать множествомъ примѣровъ.

«Приступая къ симъ доказательствамъ, спросимъ: что еслибы среди обширной столицы кто-нибудь вышелъ на площадь и сталъ провозглашать передъ толпою народа о необходимости революцій, о неосужденіи всеобщности революцій; что явленія нидерландской революціи прекрасны; что Россія, хитрою политикою разжигая раздоры и смуты, во всякомъ случаѣ выигрывала передъ Польшей; что еще Разумовскій согрѣвалъ въ душѣ тайную мысль о свободѣ Малороссіи; что жители Приволжья и Придонья совершенно чужды намъ и то же, что колонисты или цыгане; что наше правительство ежегодно ссылаетъ въ Сибирь по 25 тысячъ человѣкъ на желѣзномъ канатѣ; что французы теперь равны одинъ другому и что во Франціи теперь все ведетъ ко всему.

«Представимъ толпу слушателей умножающуюся, а человѣкъ продолжаетъ проповѣдывать: что разбойничество происходитъ отъ излишка силъ души; что Стенька Разинъ и Пугачевъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы въ борьбѣ дикой независимости съ силами Россіи; что отъ разбойничьихъ пѣсенъ дрожитъ русская душа и сильно бьется русское сердце; что сами русскіе произошли отъ разбойниковъ, назвавшихъ себя Русью; что братоубійцы достойны сожалѣнія, а не проклятія; что Мономахова корона и скипетръ принадлежатъ къ большимъ сказкамъ; что русскихъ пора будить отъ пошлой растительной бездѣйственности; что Магометъ былъ человѣкъ истинно вдохновенный и что природа, мать всѣхъ вещей, есть безсмертная ночь, есть то единство, посредствомъ котораго вещи существуютъ въ самихъ себѣ.

«Можетъ быть, назвали бы такого человѣка сумасброднымъ (если не злонамѣреннымъ), но вѣроятно не позволили бы ему провозглашать долѣе на площади, гдѣ слова его могли бы возбуждать разные толки. Однакожъ именно есть такой провозглашатель и на площади столь обширной, какъ Россія, не передъ толпой поселянъ, а передъ тысячами тѣхъ, которые владѣютъ поселянами, передъ тысячами молодыхъ людей и безъ того уже легко зараженныхъ французскимъ вольнодумствомъ. Все вышесказанное не произнесено на вѣтеръ, а напечатано для современниковъ и потомства въ тысячахъ экземпляровъ «Телеграфа» и «Исторіи русскаго народа». Прилагаются выписки съ указаніемъ страницъ, составляющихъ только самую малую часть того, что можно и должно замѣтить:

1831, № 1, стр. 78. Тотъ не долженъ и думать объ изданіи литературнаго журнала въ наше время, кто полагаетъ, что его дѣломъ будетъ сборъ занимательныхъ статеекъ. Журналъ долженъ составлять нѣчто цѣлое, полное; онъ долженъ имѣть въ себѣ *душу,* которую можно назвать его цѣлью Иначе ваше изданіе непремѣнно подвергнется равнодушію публики. Не указывайте на людей, живущихъ въ обществѣ *безъ цѣли,* а иногда и *безъ души.* Это рядовые, пользующіеся чужимъ умомъ, слѣдующіе чужому направленію. Журналистъ въ своемъ кругу долженъ быть *колонновожатымъ*: куда же заведетъ онъ свой корпусъ, *не зная дороги,* ибо дорогу знаютъ тогда только, когда извѣстна *цѣль пути.* Изъ Москвы не доѣдемъ и до *Серпухова,* если пустимся въ какую попало заставу.

1831, № 1, стр. 82. Возбуждать *дѣятельность въ умахъ и будить ихъ* отъ этой пошлой *растительной бездѣйственности,* которая составляетъ величайшій недостатокъ большей части русскихъ. Вотъ условія, налагаемыя современностью на русскаго журналиста! Отъ исполненія ихъ зависитъ успѣхъ *его предпріятія*...

NB. *И въ томъ же №, стр. 32,* говорится, что не должно осуждать общности революціи, что она есть слѣдствіе прежнихъ вѣковъ, что иначе должно осудить ходъ и успѣхи новаго образованія, утверждать рѣшительную неподвижность... и пр.

1830, № 18, стр. 279. «Надобно, чтобы народы взаимно обглядывали другъ друга. Будущность Франціи *рѣшена* во всемъ, что касается внутренней ея самобытности. Но какъ мало извѣстна, какъ нерѣшительна для Европы будущность взаимныхъ внѣшнихъ отношеній одного государства къ другому. Давно ли мы видѣли смѣлыя доказательства этому? Смѣлая

рѣшительность, одно сраженіе и три-четыре форсированныхъ марша разрушали всѣ разсчеты, желанія, предвидѣнія записныхъ европейскихъ дипломатовъ. *Стоитъ только осмотрѣться кругомъ, узнать чего кто желаетъ, чего кто* боится и кто *что* говоритъ...

1830, № 19, стр. 28. Когда хотятъ *огромнымъ рычагомъ* пошевелить громаду, *тяжелую и твердую въ основаніи*, то прежде всего ищутъ *точки опоры*, въ которой бы можно было *утвердить* рычагъ.

1830, № 19. стр. 462. Если въ головы народа полуобразованнаго западетъ новая мысль, то она западаетъ глубоко, бываетъ единою и единственною пищею, снѣдью вседневною. *Хорошо переваривают*ъ сіи головы такую мысль, проникаются ею, и вскорѣ дѣлается она идеею положительною, чувствомъ глубокимъ, вѣрованіемъ. Все сіе сбылось съ основаніями *карбонарства.*

1831, стр. 321. «Въ наше время найденъ путь къ философическому воззрѣнію на предметы и *число избранныхъ уже довольно велико»* *).

Таковы были и всѣ выдержки изъ «Телеграфа», представленныя Уваровымъ для доказательства зловредности журнала. Тѣмъ не менѣе 3 апр. 1834 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе прекратить дальнѣйшее изданіе «Московскаго Телеграфа». Полевой былъ вмѣстѣ съ тѣмъ отданъ подъ полицейскій надзоръ и самое имя его сдѣлалось нѣкоторое время запретнымъ въ литературѣ. Такъ когда по прекращеніи «М. Телеграфа» онъ вознамѣрился издавать вмѣстѣ съ братомъ Ксенофонтомъ періодическій иллюстрированный сборникъ «Живописное Обозрѣніе», цензурный комитетъ на отрѣзъ отказалъ въ дозволеніи выпускать этотъ сборникъ на томъ основаніи, что предписаніемъ министра народн. просвѣщенія было запрещено дозволять къ печатанію что бы то ни было съ именемъ Полевого, и сборникъ долженъ былъ выходить отъ имени Семэна, типографщика и книгопродавца, у котораго нѣсколько лѣтъ печатался «Телеграфъ». Опала эта прекратилась лишь послѣ того, когда по докладу благоволившаго къ Полевому гр. Бенкендорфа импер. Николай повелѣлъ передать Полевому свое благоволеніе за статью его о Петрѣ Великомъ, напечатанную въ «Живописномъ Обозрѣніи».

III.

Два года спустя, именно въ 1836 году, подобная-же катастрофа обрушилась на журналъ Надеждина «Телескопъ». Поводомъ послужила извѣстная статья Чаадаева «Философскія письма» г-жѣ ***, написанная пофранцузски и помѣщенная въ «Телескопѣ» въ переводѣ Бѣлинскаго. Статья эта, какъ извѣстно, произвела глубокое и сильное впечатлѣніе на людей всѣхъ партій и направленій своимъ мрачнымъ пессимизмомъ и безнадежнымъ отчаяніемъ, что̀ какъ нельзя болѣе гармонировало съ характеромъ времени, въ которое она появилась. Чаадаевъ съ глубокимъ сокрушеніемъ замѣчаетъ, что въ то время какъ у каждаго народа вы найдете нѣчто осѣдлое, свое, родное, къ чему онъ привыкъ, чѣмъ онъ дорожитъ... мы же—словно какое-нибудь кочевое племя, живемъ настоящей минутой и вѣчно какъ будто куда-то все ѣдемъ и находимся въ дорогѣ, на станціи, на распутьи, готовы тотчасъ же покинуть то мѣсто, на которомъ въ настоящую минуту находимся. Ужъ однѣхъ этихъ мыслей было достаточно въ то время, чтобы возбудить преслѣдованіе противъ статьи. Но въ ней нашли мнѣнія, показавшіяся еще болѣе страшными: это именно объясненіе подобнаго печальнаго положенія Россіи ея религіозною изолированностью, тѣмъ, что принявъ отъ Византіи гре-

*) «Изслѣд. и статьи по русск. литер. и просвѣщенію», М. И. Сухомлинова, т. II, стр. 402—428.

ческое вѣроисповѣданіе, Россія не вошла въ семью европейскихъ народовъ, воспитанныхъ въ единеніи средневѣковымъ католицизмомъ. Въ этихъ мысляхъ увидѣли поруганіе отечественной религіи, приверженность къ католицизму, вліяніе іезуитовъ—и ударили въ набатъ. Пресловутый Филиппъ Филипповичъ Вигель по прочтеніи письма Чаадаева до такой степени преисполнился страха за судьбу православной церкви, колеблемой Чаадаевымъ, что немедленно-же (21-го октября 1836 г.) написалъ доносъ къ петербургскому митрополиту Серафиму слѣдующаго содержанія:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь! Проживъ болѣе полувѣка, я никогда ничьимъ не былъ обвинителемъ. Но вчера чтеніе одного московскаго журнала возбудило во мнѣ негодованіе, которое, постепенно умножаясь, довело меня до отчаянія. Въ семъ положеніи не нахожу другого средства къ успокоенію своему, какъ прибѣгнуть къ вашему высокопреосвященству съ просьбою обратить пастырское вниманіе ваше на то, что меня такъ сильно встревожило. Иные скажутъ, можетъ быть, что я не въ правѣ сего дѣлать, но, какъ вѣрный сынъ отечества и православной церкви, я считаю сіе обязанностью.

«Самая первая статья представляемаго у сего журнала, подъ названіемъ «Телескопъ», содержитъ въ себѣ такія изрѣченія, которыя одно только безумство себѣ позволить можетъ. Читая оныя, я сначала не довѣрялъ своимъ глазамъ. Многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіи вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора статьи, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности. Если вашему высокопреосвященству угодно будетъ прочитать хотя половину сей богомерзкой статьи, то усмотрѣть изволите, что нѣтъ строки, которая бы не была ужаснѣйшею клеветою на Россію, нѣтъ слова, кое бы не было жесточайшимъ оскорбленіемъ нашей народной чести.

«Меня утѣшала еще мысль, что сіе такъ называемое философское письмо, писанное по-французски, вѣроятно составлено какимъ-нибудь иновѣрцемъ, иностранцемъ, который назвался русскимъ, чтобы удобнѣе насъ поносить. Увы! къ глубочайшему прискорбію узналъ я, что сей извергъ, неистощимый хулитель нашъ, родился въ Россіи отъ православныхъ родителей и что имя его (впрочемъ мало доселѣ извѣстное) есть Чаадаевъ. Среди ужасовъ французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видано. Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ никто толикой дерзости себѣ не позволилъ.

«Но безумной злобѣ сего несчастнаго противъ Россіи есть тайная причина, коей, впрочемъ онъ скрывать не старается: отступничество отъ вѣры отцовъ своихъ и переходъ въ латинское исповѣданіе. Вотъ новое доказательство того, что неоднократно позволялъ я себѣ говорить и писать: безопасность, цѣлость, благосостояніе и величіе Россіи неразрывно связаны съ Восточною вѣрою, болѣе осьми вѣковъ ею исповѣдуемою. Сею вѣрою просвѣтилась она во дни своего младенчества, ею была защищена и утѣшаема во дни униженія и страданій, ею спасена отъ татарскаго варварства и съ нею вмѣстѣ возстала во дни торжества надъ безчисленными врагами ее окружавшими. Стоитъ только принять ее, чтобы сдѣлаться совершенно русскимъ, стоитъ только покинуть ее, чтобы почувствовать нетолько охлажденіе, омерзѣніе къ Россіи, но даже остервенѣніе противъ нея, подобно сему злосчастному, слѣпотствующему, неистовому ея гонителю. Разъединенію съ западною церковію приписываетъ онъ совершенный недостатокъ нашъ въ умственныхъ способностяхъ, въ понятіяхъ о чести, о добродѣтели; отказываетъ намъ во всемъ, ставитъ насъ ниже дикарей Америки, говоритъ, что мы никогда не были христіанами и, въ изступленіи своемъ наконецъ, нападаетъ даже на самую нашу наружность, въ коей видитъ безцвѣтность и нѣмоту.

«И всѣ сіи хулы на отечество и вѣру изрыгаются явно, и гдѣ же? въ Москвѣ, въ первопрестольномъ градѣ нашемъ, въ древней столицѣ православныхъ государей совершается сіе преступленіе! И есть издатель, который не довольствуется помѣстить статью сію въ журналѣ, но превозноситъ ее похвалами, какъ глубокомысленнѣйшее произведеніе высокаго ума, и онъ грозитъ еще другими подобными письмами! и есть цензура, которая все это пропускаетъ! Кто знаетъ, будутъ и люди, которые съ участіемъ и одобреніемъ будутъ читать оное. О, Боже! до чего мы дожили!

«Сама святая и соборная апостольская церьковь вопіетъ къ вамъ о защитѣ: при ея священномъ гласѣ моленія мои ничто. Вамъ предстоитъ обязанность объяснить правительству пагубныя послѣдствія, которыя проистекутъ отъ дальнѣйшей снисходительности и указать на средства къ обузданію толикихъ дерзостей. Можетъ быть кто-нибудь и предупредитъ меня: дай, Всевышній, чтобы прежде моего тысячи голосовъ воззвали къ вашему высокопреосвященству о скорой помощи. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ честь имѣю быть,

милостивѣйшій архипастырь, вашего высокопреосвященства, всепокорнѣйшій слуга Филиппъ Вигель» *).

По полученіи этого письма Вигеля митрополитъ Серафимъ отнесся къ гр. Бенкендорфу съ слѣдующимъ письмомъ съ своей стороны:

«Ваше сіятельство, м. г.! Въ январѣ мѣсяцѣ 1835 года, в. с. объявили мнѣ лично высочайшую его имп. величества волю, чтобъ въ такихъ случаяхъ, когда въ издаваемыхъ для всеобщаго употребленія сочиненіяхъ усматриваемы будутъ противныя вѣрѣ, нравственности и общественному устройству сужденія либо неблагонамѣренности, сообщалъ я замѣчанія свои на то вашему сіятельству для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія.

«Обращая на таковой предметъ вниманіе свое, усмотрѣлъ я, что въ № 15 періодическаго изданія подъ названіемъ «Телескопъ», вышедшій въ Москвѣ изъ печати въ сентябрѣ сего 1836 года, помѣщены двѣ такія статьи, въ коихъ все, что для насъ россіянъ есть священнаго, поругано, уничтожено, оклеветано, съ невѣроятною продерзостью, и съ жестокимъ оскорбленіемъ какъ для народной чести нашей, такъ для правительства и даже для исповѣдуемой нами православной вѣры. Первая изъ таковыхъ статей есть философическое письмо, сочиненное, какъ сказано въ примѣчаніи издателя, однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ на французскомъ языкѣ, и предлагаемое въ русскомъ переводѣ съ обѣщаніемъ и дальнѣйшаго продолженія. Сужденія о Россіи, помѣщенныя въ сей негодной статьѣ, столько оскорбительны для чувства, столько опасны, безразсудны и преступны сами по себѣ, что я не могу принудить себя даже къ тому, чтобы хотя одно изъ нихъ выяснить здѣсь для примѣра. Они въ особенности заключаются на страницахъ 280—299.

«Всего удивительнѣе, что издатель «Телескопа», отважившійся напечатать во всеобщее извѣстіе столь негодную, безразсудную и наполненную самою наглою ложью статью, почитаетъ оную, какъ значится изъ собственнаго его на первомъ листкѣ примѣчанія, украшеніемъ своего журнала, находитъ въ ней возвышенность предмета вмѣстѣ съ глубиною и обширностію взглядовъ и поставляетъ на особенное вниманіе читателей.

«Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ «Мнѣніе иностранца о русскомъ правленіи» на стр. 386, сказано: «у нихъ русскихъ, есть (что требуется въ политикѣ точно также, какъ и въ математикѣ) свой центръ и этотъ центръ ихъ императоръ! Учрежденіе совѣщательнаго сейма, составленіе общаго законоположенія, одной церкви для всей россійской имперіи и для всѣхъ ея народовъ, все это—и подобное тому, безумно и невозможно».

«Не могши представить себѣ, какъ возможно русскому издателю журнала дойти до такой дерзости, чтобъ распространять между соотечественниками столь преступныя хулы на отечество, вѣру и правительство свое, я долгомъ поставляю препроводить при семъ къ в. с. въ подлинникѣ вышеозначенный № 15 «Телескопа» и прошу покорнѣйше васъ всѣ замѣченныя въ ней мѣста довести до высочайшаго государя императора свѣдѣнія» **)...

Послѣдствія этого доноса извѣстны. «Телескопъ» былъ тотчасъ же закрытъ. Цензоръ его ректоръ московскаго университета Болдыревъ, былъ отставленъ; Надеждинъ арестованъ и сосланъ въ Усть-Сысольскъ. По слухамъ, ходившимъ въ то время въ Москвѣ, на запросъ: почему онъ перевелъ и напечаталъ статью Чаадаева, прибавивъ еще къ ней примѣчаніе, гдѣ названъ былъ авторъ статью великимъ мыслителемъ и гдѣ обѣщано было помѣщеніе въ слѣдующемъ году другихъ его статей, Недеждинъ отвѣчалъ будто бы такъ: «Журналъ мой не могъ съ успѣхомъ продолжаться по малому числу подписчиковъ. Изъ двухъ одно: или статья Чаадаева пройдетъ благополучно и пріобрѣтетъ мнѣ съ новымъ годомъ новыхъ подписчиковъ, или журналъ за нее запретятъ. Въ послѣднемъ случаѣ, прекращая неудачное изданіе, я выигрывалъ въ общественномъ мнѣніи, въ первомъ—у меня будетъ отъ журнала барышъ, а не убытокъ» ***).

Сверхъ всего 28-го ноября въ с.-петербургскомъ ценз. ком. были созваны всѣ издатели петербургскихъ журналовъ, чтобы выслушать высочайшее новелѣ-

*) «Русск. Стар.», 1870 г. № 2, стр. 162—165.
**) Р. Стар. 1870 г. № 3, стр. 291—293.
***) «Русск. Арх.», 1868 г. стр. 898.

ніе о запрещеніи «Телескопа» и приказаніе беречься той-же участи. Всѣ они вошли согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники *).

Что касается до самаго Чаадаева, то онъ былъ подверженъ домашнему аресту, съ него была взята подписка ничего не писать, и сверхъ того гр. Бенкендорфъ отнесся о немъ слѣдующимъ письмомъ къ московскому генералъ-губернатору кн. Д. В. Голицыну 22 окт. 1836 г.

«М. Г., князь Дмитрій Владиміровичъ! Въ послѣднемъ № 15 журнала «Телескопъ» помѣщена статья подъ названіемъ «Философическія письма», коей сочинитель есть живущій въ Москвѣ г. Чаадаевъ. Статья сія, конечно уже вашему сіятельству извѣстная, возбудила въ жителяхъ московскихъ всеобщее удивленіе. Въ ней говорится о Россіи, о народѣ русскомъ, его понятіяхъ, вѣрѣ, исторіи съ такимъ презрѣніемъ, что непонятно даже, какимъ образомъ русскій могъ унизить себя до такой степени, чтобъ нѣчто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающіеся чистымъ здравымъ смысломъ и будучи преисполнены чувствомъ достоинства русскаго народа, тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный свой разсудокъ, и потому, какъ дошли сюда слухи, не только не обратили своего негодованія противъ г. Чаадаева, но напротивъ изъявляютъ искреннее сожалѣніе свое о постигшемъ его разстройствѣ ума, которое одно могло быть причиною написанія подобныхъ нелѣпостей. Здѣсь получены свѣдѣнія, что чувство состраданія о несчастномъ положеніи Чаадаева единодушно раздѣляется всею московскою публикою. Вслѣдствіе чего Государю Императору угодно, чтобы ваше сіятельство, по долгу званія вашего, приняли надлежащія мѣры къ оказанію г. Чаадаеву возможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій. Его Величество повелѣваетъ дабы вы поручили лѣченіе его искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать г. Чаадаева, и чтобы сдѣлано было распоряженіе, дабы г. Чаадаевъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сырого и холоднаго воздуха; однимъ словомъ, чтобы были употреблены всѣ средства къ возстановленію его здоровья. Государю Императору угодно, чтобы ваше сіятельство о положеніи Чаадаева каждомѣсячно доносили Его Величеству. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. гр. Бенкендорфъ» **).

Этотъ надзоръ за умственными способностями Чаадаева продолжался два мѣсяца, пока кн. Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ не выпросилъ у государя Чаадаеву свободу.

Но этотъ эпизодъ съ «Телескопомъ» не покажется намъ особенно поразительнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что въ то время возбуждались цензурныя недоразумѣнія не только по поводу такихъ сенсаціонныхъ вещей, какъ письма Чаадаева, но и по поводу сочиненій самаго хвалебнаго характера. Такъ едва Ал. Вас. Никитенко былъ утвержденъ въ должности цензора 16 декабря 1833 года, не прошло и мѣсяца, у него уже произошло цензурное недоразумѣніе и въ своемъ дневникѣ 3 янв. 1834 года онъ пишетъ:

«Министръ призывалъ меня по дѣламъ цензуры. Олинъ написалъ похвальное слово нынѣшнему царствованію. Въ немъ расточены напыщенныя похвалы государю и Паскевичу. Эта книженка была поручена лично цензору. Въ безвыходномъ положеніи оказывается цензоръ въ такихъ случаяхъ: по духу—такихъ книгъ запрещать нельзя, а пропускать ихъ какъ-то неловко. Къ счастію государь на этотъ разъ самъ разъяснилъ вопросъ. Я пропустилъ эту книжку, однако вычеркнулъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, напримѣръ тѣ мѣста, гдѣ авторъ называлъ Николая I богомъ. Государю все-таки не понравились неумѣренныя похвалы и онъ поручилъ министру объявить цензорамъ, чтобы впредь подобныя сочиненія не пропускались. Спасибо ему!» ***)

Вслѣдъ за тѣмъ 8-го января былъ порученъ Никитенкѣ на цензуру журналъ «Библіотека для чтенія» и уже 16-го Никитенко былъ призванъ къ министру и получилъ отъ него приказаніе какъ можно строже смотрѣть за духомъ

*) «Р. Стар.» 1889 г. № 9, стр. 545.
**) «Р. Арх.», 1885 г. кн. I, стр. 132.
***) «Р. Стар.», 1889 г. № 8, стр. 273.

и направленіемъ «Библіотеки для чтенія», при чемъ министръ очень рѣзко говорилъ о «полонизмѣ» Сенковскаго, его «площадныхъ остротахъ» и т. п.

21 числа, когда Никитенко явился къ министру благодарить его за повышеніе по службѣ, министръ снова возобновилъ свои рѣчи о Сенковскомъ и при этомъ сказалъ, что онъ положитъ на него тяжелую руку: Сенковскому только и оставалось, что отказаться отъ званія оффиціальнаго редактора «Библіотеки», о чемъ и напечаталъ въ «Пчелѣ» Булгарина *).

Не прошло послѣ того и года, какъ Никитенкѣ пришлось испытать еще болѣе серьезное недоразумѣніе по поводу все той-же «Библіотеки для чтенія». Въ декабрьской книжкѣ этого журнала за 1834 годъ были напечатаны слѣдующіе стихи, переведенные изъ В. Гюго:

Красавицѣ.

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница! Тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру;
За взглядъ, за взглядъ единый твой!
И если-бъ Богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь—я отдалъ-бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

Стихи эти поразили А. Н. Муравьева, автора «Путешествія къ святымъ мѣстамъ»; онъ донесъ на нихъ митрополиту Серафиму, а тотъ испросилъ у государя особенную аудіенцію, прочиталъ ему стихи и умолялъ его, какъ православнаго царя, оградить церковь отъ поруганія поэзіи. Государь приказалъ: цензора, пропустившаго стихи, посадить на гауптвахту.

И Никитенко восемь дней, съ 16 по 25-го декабря 1834 года былъ принужденъ провесть на ново-адмиралтейской гауптвахтѣ.

Едва прошло нѣсколько дней послѣ его освобожденія, какъ вотъ что сообщаетъ онъ 2-го февраля въ своемъ дневникѣ за тотъ-же 1835—36 годъ:

«Новая бѣда въ цензурѣ. Въ первой книжкѣ «Библіотеки» напечатаны стихи въ честь царя. Это плохіе стишонки нѣкоего офицера Маркова, который за подобныя произведенія уже разъ получилъ брильянтовый перстень и вѣрно захотѣлъ теперь другаго. Я представлялъ стихи министру; ни онъ, ни я не замѣтили одного глупаго стиха, или лучше сказать слова въ концѣ первой строфы. Авторъ, говоря о великихъ дѣлахъ Николая, называетъ его «поборникомъ грядущихъ золъ». Объ этомъ министръ узналъ вчера и далъ знать князю (Дундукову-Корсакову). Этотъ добрый, благородный человѣкъ не захотѣлъ меня тревожить въ первый день новаго года и такъ скоро послѣ постигшей меня передряги. Онъ не далъ мнѣ ничего знать, но самъ поѣхалъ къ Смирдину и принялъ рѣшительныя мѣры. Еще немного экземпляровъ было разослано по столицѣ и книжка не успѣли дойти до дворца. Тотчасъ собрали всѣ находившіеся еще на лицо экземпляры, перепечатали въ нихъ первую страницу, гдѣ слово «поборникъ» замѣнили словомъ «рушитель»—и дѣло обошлось.

«Семеновъ также сдѣлалъ промахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Сынъ Отечества» напечатана статья о французскихъ и англійскихъ романахъ,

*) Ibid, стр. 276.

гдѣ одна святая названа «представительницею слабаго пола». Цензоръ получилъ отъ министра строгій выговоръ. Тѣмъ пока все кончилось.

«Сенковскій сдѣлалъ глупость. Онъ замѣтилъ слово «поборникъ» наканунѣ разсылки журнала, но не захотѣлъ ни самъ перемѣнить его, ни увѣдомить меня. Но хорошъ Булгаринъ! Онъ тоже замѣтилъ злополучное слово и собрался съ доносомъ къ Мордвинову (въ III отдѣленіе). Но его предупредили, отобравъ экземпляры и замѣнивъ это слово другимъ. Онъ золъ на Сенковскаго за то, что тотъ получаетъ большія выгоды отъ «Библіотеки». Вотъ нравы нашихъ литературныхъ корифеевъ!»

Послѣ Сенковскаго мѣсто оффиціальнаго редактора въ «Библіотекѣ для чтенія» занялъ Гречъ, но онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто Ив. Ап. Крылову, когда разразилась вышеозначенная исторія съ стихами В. Гюго, и къ тому-же съ нимъ произошло другое недоразумѣніе по «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ онъ помѣстилъ содержаніе оперы «Робертъ Діаволъ» въ томъ видѣ, какъ она существуетъ на французскомъ языкѣ. Но на нашемъ театрѣ она по распоряженію самого государя игралась съ нѣкоторыми измѣненіями. Государь велѣлъ сказать Гречу, что еще одинъ такой случай и Гречъ будетъ высланъ изъ столицы.

Всѣ эти исторіи съ журналами, и особенно конечно письма Чаадаева, вызвали новое распоряженіе по цензурѣ. По словамъ Никитенко въ апрѣлѣ 1835 г. было постановлено, чтобы каждая журнальная статья разсматривалась двумя цензорами; тотъ и другой могли исключать, что́ имъ вздумается. Сверхъ ихъ надъ журналами былъ установленъ еще третій цензоръ, вродѣ контролера, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы перечитывать все, что пропущено другими цензорами и повѣрять ихъ *).

IV.

Между тѣмъ множественность цензуръ съ каждымъ годомъ развивалась все болѣе и болѣе. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ отступить нѣсколько отъ того хронологическаго порядка, котораго мы придерживаемся при обзорѣ фактовъ цензурныхъ реформъ и преслѣдованій, и представить въ одной общей картинѣ развитіе этой характеристической особенности разсматриваемой нами эпохи.

Такъ мы видимъ, что уже въ 1830 году, при министрѣ кн. Ливенѣ раздался первый голосъ съ претензіею правъ на цензуру со стороны министра финансовъ гр. Канкрина. Въ одномъ современномъ изданіи было напечатано, что с.-петербургскій технологическій институтъ учрежденъ по мысли академика Гамеля. Гр. Канкринъ тотчасъ-же написалъ кн. Ливену отношеніе, въ которомъ отрицалъ этотъ фактъ и просилъ кн. Ливена, чтобы цензору, пропустившему статью, было приказано объяснить: «по какимъ доказательствамъ онъ пропустилъ фактъ сей, когда не надлежитъ писать о дѣйствіяхъ министерствъ, не спрося ихъ напередъ, или чтобъ объявилъ въ той же газетѣ, что обстоятельство сіе министерствомъ рѣшительно не признается согласнымъ съ ходомъ дѣла».

На письмо это кн. Ливенъ отвѣчалъ, что по силѣ существующаго устава цензоръ не могъ не пропустить статьи, не заключавшей ни рѣзкихъ сужденій о

---

*) «Р. Стар.» 1889 г. № 9, стр. 519—525, 555.

правительственныхъ дѣйствіяхъ, ни личнаго оскорбленія, но что впрочемъ онъ готовъ предписать цензорамъ не пропускать ничего касающагося до министерства финансовъ безъ предварительнаго сношенія съ нимъ, министромъ: въ настоящемъ же случаѣ предлагалъ ему самому, если считаетъ случай этотъ столь важнымъ, распорядиться о его публичномъ опроверженіи.

Но гр. Канкринъ этимъ не удовлетворился: «Чтобы министры у насъ занимались печатаніемъ въ газетахъ опроверженій на подобныя статьи, отвѣчалъ онъ кн. Ливену:—и себя защищали передъ публикою противъ тщеславія авторовъ, сего у насъ еще не введено и едва ли введено быть можетъ». «Я долженъ въ семъ дѣлѣ просить справедливости у вашей свѣтлости не потому, чтобъ я имѣлъ малѣйшее вниманіе къ подобнымъ самохвальнымъ статьямъ, а для избѣжанія вообще столь вреднаго примѣра»... «Если законъ, продолжалъ далѣе гр. Канкринъ: —чтобъ не писать о министерствахъ безъ вѣдома ихъ, еще въ своей силѣ, но не исполняется, то 1) чтó министерство впредь должно дѣлать, если о немъ будутъ печатать факты, противные истинѣ, кои могутъ имѣть болѣе или менѣе вліянія на государственныя дѣла, или по крайней мѣрѣ, на уваженіе публики? 2) въ чемъ состоитъ обязанность и отвѣтственность цензора относительно допущенія къ печатанію фактовъ, до лицъ и публичныхъ мѣстъ касающихся?»

Въ отвѣтѣ своемъ на письмо это кн. Ливенъ приводилъ параграфы цензурнаго устава, оправдывавшіе появленіе въ печати упоминаемой статьи. Затѣмъ, опровергая опасеніе гр. Канкрина объ ослабленіи уваженія къ правительственной власти посредствомъ подобныхъ статей и объяснивъ, что обязанность предварительныхъ сношеній съ министрами при цензурованіи статей, до нихъ управленія касающихся, *снята новымъ уставомъ*, онъ заключалъ, что *министерство не можетъ отъ себя непосредственно заставить неподвѣдомственное ему частное лицо принять какую-либо статью въ свое изданіе.*

На это замѣчаніе гр. Канкринъ отвѣчалъ: «Видя, что вашей свѣтлости не угодно принять какую-либо мѣру, а между тѣмъ прошло довольно времени, я долгомъ счелъ испросить Высочайшее повелѣніе, какъ вообще должно поступать въ случаѣ печатанія въ публичныхъ листахъ невѣрныхъ фактовъ о министерствѣ финансовъ. Государь императоръ, не соизволяя, чтобы министерство финансовъ защищало само себя въ газетахъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: доложить Его Величеству, когда подобное случится впредь» *).

Изъ этой полемики двухъ министерствъ вы можете усмотрѣть, что въ 1830 году, при министрѣ кн. Ливенѣ уставъ 1828 года настолько еще соблюдался, что притязаніе Канкрина на участіе въ цензурѣ на основаніи порядковъ, установленныхъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I, встрѣтило отпоръ со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Но при Уваровѣ никакихъ уже возраженій не слѣдовало, а каждое подобнаго рода притязаніе немедленно же удовлетворялось. Такъ по поводу того же министерства финансовъ министръ народнаго просвѣщенія предложилъ московскому цензурному комитету 2 іюля 1844 года, чтобы сочиненія, касающіяся къ предметамъ вѣдомства этого министерства, каковы: о винокуреніи въ Россіи, о винныхъ откупахъ и т. п., предварительно дозволенія къ печатанію, были отдаваемы на разсмотрѣніе означеннаго министерства **).

---

*) «Ист. свѣд. о ценз въ Рос.», стр. 41—43.
**) «Сборникъ распоряж. по печати», стр. 218.

Съ своей стороны военный министръ гр. Чернышевъ потребовалъ въ 1833 году, чтобы статьи о современныхъ военныхъ событіяхъ печатались неиначе, какъ по его предварительномъ одобреніи. Сверхъ этого въ 1834 году по высочайшему повелѣнію было постановлено, чтобы «всякаго рода критическія статьи, написанныя для какого бы то ни было журнала или книги, издаваемыхъ частнымъ лицомъ, и относящихся до сочиненій, принятыхъ съ разрѣшенія начальства въ руководство въ какомъ либо военно-учебномъ заведеніи и касающихся собственно военнаго образованія, сверхъ обыкновеннаго дозволенія цензуры гражданской, *были печатаемы не иначе, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи и одобреніи военно-цензурнымъ комитетомъ*».

Въ 1841 году, по случаю волненія лифляндскихъ крестьянъ вслѣдствіе отношенія мѣстнаго генералъ-губернатора гр. Палена и по ходатайству гр. Бенкендорфа, указывавшаго на предосудительную статью газеты «Das Inland», вновь былъ постановленъ забытый параграфъ цензурнаго устава о подчиненіи пограничныхъ и прибалтійскихъ цензуръ мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ.

Въ томъ же году академикъ Кеппенъ напечаталъ статейку подъ названіемъ: «Почтовыя сообщенія», которая обратила на себя вниманіе главнаго начальника почтоваго департамента кн. Голицына. «Авторъ этой статьи,—писалъ онъ по этому поводу къ Уварову:—критикуетъ распоряженія почтоваго начальства, предлагаетъ новыя взамѣнъ существующихъ, указываетъ на какія-то злоупотребленія и даже порицаетъ систему страховаго сбора, утвержденную Государемъ Императоромъ». Въ подтвержденіе своихъ словъ кн. Голицынъ приводилъ выдержки изъ самой статьи и заключалъ такъ: «Изъ этихъ отрывковъ легко усмотрѣть непростительную смѣлость, какую позволилъ себѣ г. Кеппенъ, входить то въ разборъ коренныхъ почтовыхъ законовъ, то въ осужденіе дѣйствій почтоваго управленія... Это попытка того либеральнаго духа западной Европы, который стремится подвергать дѣйствія правительствъ контролю свободнаго книгопечатанія... Кеппенъ и теперь уже возглашаетъ въ той же статьѣ: «наступаетъ и для насъ время развитія силъ народныхъ»...

Вслѣдствіе этого письма князя Голицына 31-го октября 1841 г. было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ статьи о почтовой части, которыя будутъ предназначаемы къ напечатанію, должны быть представляемы министру народнаго просвѣщенія для сообщенія предварительно на усмотрѣніе главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ.

Въ 1845 году появилась статья о Николаевской желѣзной дорогѣ и была перепечатана въ нѣсколькихъ газетахъ. Нисколько не порицая ея содержанія, главноуправляющій вѣдомства путей сообщенія гр. Клейнмихель испросилъ однакоже высочайшее повелѣніе, чтобы впредь ничего не печаталось объ этомъ предметѣ безъ его предварительнаго одобренія. Когда же, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, появились литографированные фасады церквей, гр. Клейнмихель исходатайствовалъ запрещеніе и на этотъ родъ изданій.

Мы уже говорили о предоставленіи права министру императорскаго двора просматривать всѣ статьи о театрахъ. Статьи же о празднествахъ въ честь губернскихъ чиновниковъ особенно же при увольненіи ихъ изъ должностей были подвергнуты предварительному разсмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Нѣсколько ранѣе того послѣдовало запрещеніе всѣмъ служащимъ военнымъ и гражданскимъ отдавать что-либо въ печать, не получивъ предварительнаго согласія своего начальства. Право предварительнаго просмотра даровано въ разныя

времена: — управленію военно-учебныхъ заведеній, кавказскому комитету, II отдѣленію собственной е. в. канцеляріи, военно-топографическому депо, археологической комиссіи, главному попечительству дѣтскихъ пріютовъ, с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру, управленію государственнаго коннозаводства.

Однимъ словомъ дѣло дошло до того, что одна только чистая поэзія и беллетристика подлежали вѣдѣнію цензурныхъ комитетовъ; все же прочее сверхъ ихъ отдавалось на просмотръ того или другого вѣдомства *).

Послѣ этого понятно становится полное сокрушенія письмо Пушкина Денису Васильевичу Давыдову въ 1836 году по поводу статьи послѣдняго, прошедшей сквозь военную цензуру А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и напечатанной потомъ въ № 3 «Современника».

«Ты думалъ, писалъ онъ: — что твоя статья о партизанской войнѣ пройдетъ сквозь цензуру цѣла и невредима? Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чернилъ. Право, кажется военные цензоры вымарываютъ для того, чтобы доказать, что они читаютъ. Цензура — дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ. Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства, но знаю, что никогда не бывали они притѣснены, какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову... Одно спасеніе намъ, если государь успѣетъ самъ прочитать и разрѣшить» **)...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Различныя столкновенія съ цензурою, гр. Бенкендорфомъ и мин. Уваровымъ Пушкина.

I.

Какъ настоящая, такъ и слѣдующая главы будутъ посвящены нами отношеніямъ къ цензурѣ корифеевъ нашей словесности — Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и Гоголя.

Въ 9-й главѣ ***) мы оставили Пушкина въ селѣ Михайловскомъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ событія 14-го декабря, едва не побудившимъ его къ ослушанію волѣ начальства и къ самовольному удаленію изъ мѣста ссылки. Когда послѣдствія этого событія разъяснились, естественно, что Пушкинъ долженъ былъ придти въ еще болѣе смятенное состояніе духа. Съ одной стороны его ободряло то, что подсудимые при всѣхъ допросахъ ни разу не упомянули его имени. Но въ то же время его крайне смущало, что онъ находился съ вождями заговора въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ, велъ съ ними до послѣдняго времени переписку...

И вотъ подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ надеждъ и опасеній въ началѣ 1826 года Пушкинъ препроводилъ къ псковскому губернатору Адеркасу прошеніе

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 47—49.
**) «Соч. Пушкина», изд. Анненкова, 1882 г., т. VII, стр. 376.
***) См. «Отеч. Зап.», 1882 г., № 12, стр. 403.

на Высочайшее имя о дозволеніи ему ѣхать въ Петербургъ, Москву или чужіе края для излеченія, при чемъ приложилъ медицинское свидѣтельство и слѣдующаго рода обязательство:

«Я, нижеподписавшійся, обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ», 10-го класса Александръ Пушкинъ, 11 мая 1826 г.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ въ письмѣ къ Жуковскому слѣдующаго рода опасенія:

...«Мудрено мнѣ требовать твоего заступленія передъ Государемъ; я не хочу охмѣлить тебя на этомъ пиру. Вѣроятно правительство удостовѣрилось, что я къ заговору не принадлежу и съ возмутителями 14-го декабря связей политическихъ не имѣлъ; но они въ журналахъ объявили опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія-нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же, кромѣ полиціи и правительства, не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки я отъ жандарма еще не ушелъ; легко можетъ уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ-нибудь изъ обвиненныхъ. А между ними друзей моихъ довольно... Теперь, положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы), но вамъ рѣшительно говорю — не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства и т. д.» *).

Вскорѣ послѣдовало освобожденіе поэта отъ надзора губернатора. Неизвѣстно, было ли это распоряженіе отвѣтомъ на просьбу Пушкина,—во всякомъ случаѣ, о главномъ предметѣ просьбы, о дозволеніи выѣхать изъ Михайловскаго, не было и помину. Пушкинъ провелъ всю весну и лѣто 1826 года въ полной неизвѣстности о своей участи, и лишь въ первыхъ числахъ сентября въ Михайловское прискакалъ фельдъегерь и объявилъ Пушкину повелѣніе немедленно ѣхать съ нимъ въ Москву. Пушкинъ успѣлъ только взять деньги, накинуть шинель, и черезъ полчаса его уже не было.

Вотъ какъ разсказывалъ впослѣдствіи Пушкинъ Ан. Гр. Хомутовой о своемъ представленіи императору Николаю:

«Фельдъегерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву прямо въ Кремль, и всего покрытаго грязью; меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

— Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ ли ты своимъ возвращеніемъ?

Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ:

— Пушкинъ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, еслибъ былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, государь, всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что́ я благодарю Бога!

— Довольно ты надурачился, возразилъ императоръ:—надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ **).

М. М. Поповъ, авторъ статьи «Новые матеріалы къ біографіи А. С. Пушкина», сверхъ того разсказываетъ еще о слѣдующей подробности свиданія Пушкина съ императоромъ Николаемъ:

«Поэтъ и здѣсь вышелъ поэтомъ. Ободренный снисходительностью государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ, дошелъ до того, что онъ незамѣтно для себя самого приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина, и потомъ говорилъ: «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ!» ***).

*) «Р. Стар.», 1879 г., № 11, стр. 520, 521.
**) «Р. Стар.», 1880 г. № 1 стр. 132.
***) «Р. Стар.», 1874 т. X стр. 691.

Милость царя однако не отвернулась отъ поэта, но онъ вскорѣ успѣлъ нажить себѣ немилосердаго врага въ лицѣ всесильнаго гр. Бенкендорфа. Упоенный ласковымъ пріемомъ государя, Пушкинъ вообразилъ, что онъ вполнѣ свободенъ отъ всякихъ отношеній къ полиціи и можетъ безпрепятственно наслаждаться жизнью, не справляясь о каждомъ сдѣланномъ шагѣ. Между тѣмъ гр. Бенкендорфъ каждый день ждалъ отъ него визита, но, не дождавшись, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ отъ 30-го сентября:

«Милостивый государь, Александръ Сергѣевичъ! *Я ожидалъ* пріѣзда Вашего, чтобы объявить высочайшую волю по просьбѣ вашей; но отправляясь теперь въ С.-Петербургъ *и не надѣясь видѣть здѣсь*, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ нетолько не запрещаетъ пріѣзда вамъ въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобъ предварительно испрашивали разрѣшенія черезъ письмо.

«Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя Ваше. Въ сей увѣренности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода—когда и какъ представить ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, *что вы на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.*

«Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ. Объявляя вамъ его монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма, можете для представленія его величеству доставлять ко мнѣ; но впрочемъ отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на высочайшее имя» *).

Пушкина повидимому нисколько не смутилъ прозрачный намекъ гр. Бенкендорфа въ началѣ письма на то, что поэтъ не удостоилъ его посѣщенія. Напротивъ того, онъ былъ въ восхищеніи отъ письма графа и показывалъ его всѣмъ и каждому, какъ выраженіе лестной для него царской милости. Онъ воображалъ, что въ подчиненіи его высочайшей цензурѣ самого государя заключается такое же довѣріе къ нему, какимъ пользовался нѣкогда Карамзинъ. Но онъ не замедлилъ горько разочароваться въ этомъ. Въ письмѣ гр. Бенкендорфа не было договорено самаго главнаго: именно, что Пушкинъ нетолько не могъ ничего печатать, не представивъ предварительно на высочайшій просмотръ, но и показывать кому-либо вновь написанное. Между тѣмъ Пушкинъ, увлекшись свободою послѣ пятилѣтней ссылки и шумомъ жизни Москвы, только что отпраздновавшей коронацію, радушно принятый въ кругъ московской знати, также ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, очарованный блескомъ, роскошью, нѣжнымъ вниманіемъ многочисленныхъ и восторженныхъ поклонниковъ, не могъ утерпѣть и не прочесть многихъ изъ своихъ нецензурныхъ стихотвореній въ пріятельскихъ кружкахъ. То было жаркое литературное время въ Москвѣ: на безпрерывныхъ и многочисленныхъ литературныхъ сходкахъ обсуждались животрепещущіе вопросы литературные и философскіе, начиная съ судебъ русской словесности, до судебъ самой Россіи. Пушкинъ все болѣе и болѣе сходился съ молодыми московскими литераторами: былъ на обѣдѣ у Хомякова въ честь основанія «Московскаго Вѣстника», не могъ утерпѣть, чтобы не подѣлиться со своими литературными друзьями и только-что написаною имъ драмой «Борисъ Годуновъ». Онъ читалъ свою драму на двухъ собраніяхъ, сначала у С. А. Соболевскаго, потомъ у Веневитинова. На первомъ чтеніи слушатели состояли изъ тѣснаго, интимнаго кружка близкихъ знакомыхъ хозяина: П. Я. Чаадаева, Д. В. Веневитинова, гр. М. Ю. Вьельгорскаго и И. В.

*) «Рус. Стар.», 1880 г. № 1, стр. 134.

Кирѣевскаго. Второе же чтеніе 12-го сентября происходило при многочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ; здѣсь кромѣ братьевъ Веневитиновыхъ присутствовали братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Раичъ, Соболевскій и др. Чтеніе это кончилось шумными оваціями. «Мы смотрѣли другъ на друга долго, вспоминаетъ объ этомъ чтеніи Погодинъ:— и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія... Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ разсказывать о планѣ для «Дмитрія Самозванца»: о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ—сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ вполовину, о чемъ глубоко сожалѣлъ. О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ».

И вдругъ послѣ всѣхъ этихъ овацій Пушкинъ получаетъ 22 ноября слѣдующаго рода строгое внушеніе отъ гр. Бенкендорфа.

«Милостивый государь, Александръ Сергѣевичъ! При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія и распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или черезъ посредство мое, или даже и прямо его императорскому величеству.

«Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ однако же заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ.

«Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе, или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго» *).

Можете себѣ представить, какое подавляющее впечатлѣніе должно было произвесть на Пушкина это письмо. Онъ сразу почувствовалъ себя въ положеніи школьника, не смѣющаго даже сочиненія своего прочитать другу. Въ то же время онъ долженъ былъ убѣдиться, что участь его чуть ли не въ большей степени находится въ зависимости отъ всебдящаго гр. Бенкендорфа, чѣмъ отъ самого государя. Даже М. М. Поповъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ при всей своей строго административной точки зрѣнія на поэта замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: «государь былъ чрезвычайно милостивъ къ поэту, встрѣчалъ сочиненія его съ величайшимъ одобреніемъ и, судя по тѣмъ задачамъ, которыя предлагалъ молодому писателю надобно думать, что готовъ былъ оказывать ему полную довѣренность. Бенкендорфъ же и его помощникъ фонъ-Фокъ, не восхищавшіеся ничѣмъ въ литературѣ и не считавшіе поэзію дѣломъ важнымъ, передавали царскую волю Пушкину всегда пополамъ со строгостью, хотя въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Они какъ бы безпрестанно ожидали, что вольнодумецъ ихъ

*) Ibid., стр. 135.

предприметъ какой-либо вредный замыселъ или сдѣлается коноводомъ возмутителей» *).

Пушкинъ былъ въ Михайловскомъ, когда получилъ письмо гр. Бенкендорфа. Оно такъ смутило его, что онъ тотчасъ же написалъ въ Москву къ М. П. Погодину, съ которымъ онъ условился участвовать въ его новомъ журналѣ, чтобы тотъ остановилъ печатаніе его произведеній: «Милый и почтенный, писалъ онъ:— ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ—но все перемелется и будетъ мука, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданья скораго. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся» **).

Въ тотъ же день (29 ноября), онъ послалъ гр. Бенкендорфу слѣдующее извинительное письмо:

«Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ—конечно не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя, то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другого списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить.

«Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями человѣка государственнаго среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшенія сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ. Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства, всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ» ***).

Въ отвѣтъ на это письмо гр. Бенкендорфъ потребовалъ, чтобы Пушкинъ прислалъ къ нему всѣ остальныя мелкія произведенія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ. Пушкинъ такъ и сдѣлалъ. Это были «Ангелъ», «Стансы», 3-я глава Онѣгина, «Фаустъ», «Друзьямъ» и «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ». Всѣ эти произведенія кромѣ двухъ послѣднихъ были разрѣшены. Лишь изъ «Фауста» были выкинуты два стиха:

Да модная болѣзнь: она
Недавно къ намъ занесена.

Относительно же «Пѣсней о Стенькѣ Разинѣ» Бенкендорфъ писалъ Пушкину, что онѣ «при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію, и что сверхъ того, церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева». Пѣсни эти не были возвращены Пушкину, и онѣ до сихъ поръ не отыскиваются ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ.

Что же касается драмы «Борисъ Годуновъ», то въ декабрѣ 1826 г. послѣдовалъ докладъ о ней гр. Бенкендорфа. Въ докладѣ этомъ, разсказывая содержаніе пьесы, ея цѣль и духъ, Бенкендорфъ дѣлаетъ о ней такое заключеніе:

---

*) «Рус. Стар.», 1874 г. № 8, стр. 694.
**) «Сочин. Пушк.», изд. Анненкова, т. VII, стр. 301.
***) «Рус. Стар.», 1889, № 1, стр. 137—138.

«Литературное достоинство (піэсы) гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспиру, Гете, Шиллеру, ибо у сихъ поэтовъ въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣлое въ пьесахъ. У Пушкина это разговоры, припоминающіе разговоры Вальтера-Скотта. Кажется, будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа Вальтера-Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно новости ради, и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторыя сцены, какъ напримѣръ, первая на рубежѣ Россіи, сцена, когда монахъ Пименъ пишетъ исторію, а молодой инокъ Гришка Отрепьевъ спитъ въ кельѣ, сцена Гришки Отрепьева въ корчмѣ на литовской границѣ и еще нѣкоторыя мѣста истинно занимательны и народны; но въ цѣломъ составѣ нѣтъ ничего такого, которое показывало-бы сильные порывы чувства или пламенное логическое воображеніе. Все—подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало.

«Нѣкоторыя мѣста должно непремѣнно исключить. Говоря сіе, должно замѣтить, что человѣкъ съ малѣйшимъ вкусомъ и тактомъ не осмѣлился-бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произнесть ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ! напр. слова Мержерета: Tudieu, il y fait chaud, и т. д.

«Въ сценѣ юродиваго слова: «*не надобно бы молиться за царя Ирода*», хотя не подлежатъ никакимъ толкамъ и примѣчаніямъ,—но такъ говорятъ *раскольники*, и называютъ Иродомъ каждаго, кого имъ заблагоразсудится, кто брѣетъ бороду и т. п.

«Тирада Бориса «*лишь строгостью мы можемъ неусыпной*» производитъ непріятное впечатлѣніе. У насъ еще не привыкли, чтобы каждый герой романа говорилъ *своимъ* языкомъ безъ возраженія вслѣдъ за его умствованіемъ. Предоставить каждому читателю возражать самому—еще у насъ не принято, да и публика наша для сего не созрѣла.

«Далѣе представлено, что народъ съ воплемъ и слезами проситъ Бориса принять царскій вѣнецъ (какъ сказано у Карамзина); а между тѣмъ изображено: что люди плачутъ, сами не знаютъ о чемъ, да другіе вовсе не могутъ проливать слезъ и хотятъ руками натирать глаза!—о чемъ мы плачемъ?—говоритъ одинъ: «А какъ намъ знать, то вѣдаютъ бояре, не намъ чета!»—отвѣчаетъ другой. Затрудняюсь въ изложеніи моего мнѣнія насчетъ сей сцены. Прилично ли такъ толковать народныя чувства?

«Сцену въ корчмѣ можно бы смягчить: монахи слишкомъ представлены въ развратномъ видѣ. Пословица: вольному воля, *спасенному* рай, передѣлана вольному воля, а *пьяному* рай. Хотя эти монахи и бѣжали изъ монастыря, и хотя это обстоятельство находится у Карамзина, но, кажется, самый развратъ и попойка должны быть облагорожены въ поэзіи, особенно въ отношеніи къ званію монаховъ.

«Рѣшительно должно выкинуть весь монологъ боярина Пушкина («Такой грозѣ, что врядъ царю Борису сдержать вѣнецъ на умной головѣ!»). Вопервыхъ, царская власть представлена въ ужасномъ видѣ; а во вторыхъ, явно говорится, что кто только будетъ обѣщать свободу крестьянамъ, тотъ взбунтуетъ ихъ. Въ Юрьевъ день можно было до царствованія Бориса Годунова переходить съ мѣста на мѣсто.

«За сими исключеніями и поправками, кажется, нѣтъ никакого препятствія къ напечатанію піесы. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно; ибо у насъ не видывали патріарха и монаховъ на сценѣ. Въ 1818 г. въ повѣстяхъ, пѣсняхъ и романахъ выводили въ дѣйствіе монаховъ, и даже невсегда въ блестящихъ цвѣтахъ. Во время мистицизма и вліянія духовенства на литературу даже имена монаховъ и священниковъ запрещалось строго упоминать; нельзя было сказать: отецъ мой!—По паденіи мистицизма и уничтоженіи монашескаго вліянія, показались двѣ пьесы, гдѣ монахи выведены въ дѣйствіе: «*Чернецъ*», поэма, сочин. Козлова, и «*Русалка*»—Пушкина. Обѣ пьесы подверглись гоненію духовенства и на нихъ были приносимы жалобы министерству просвѣщенія. Но въ публикѣ это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія и у насъ есть народныя, напечатанныя пѣсни, въ коихъ даже монахи представлены въ самомъ развратномъ видѣ. Характеристическая черта русскаго народа есть та, что онъ приверженъ вѣрѣ и обрядамъ церковнымъ, но вовсе не уважаетъ духовнаго званія какъ тогда только, когда оно въ полномъ облаченіи. Всѣ сказки, всѣ анекдоты не обойдутся безъ попа,—представленнаго всегда въ дурномъ видѣ. И такъ кажется, что введеніе патріарха и монаховъ въ сочиненіи Пушкина не произведетъ никакого дурнаго впечатлѣнія въ публикѣ, исключая партіи, приверженной къ системѣ мистицизма. Впрочемъ это зависитъ совершенно отъ того, какъ угодно будетъ смотрѣть на сей предметъ: у Карамзина все это описано вдесятеро сильнѣе, который говоритъ даже, что въ то время Россія была наполнена бѣглыми монахами, которые, скитаясь по обителямъ, дѣлали большіе соблазны и даже злодѣянія. Здѣсь только въ одной сценѣ представлены они въ попойкѣ».

На рукописи Пушкина государь по свидѣтельству П. А. Плетнева отмѣтилъ нѣсколько сценъ краснымъ карандашемъ, и на представленномъ Бенкендорфомъ докладѣ написалъ: «Я считаю, что цѣль г. Пушкина была-бы выполнена, еслибъ *съ нужнымъ очищеніемъ* передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Вальтера Скотта». Извѣщенный объ этой резолюціи Бенкендорфомъ, Пушкинъ отвѣчалъ ему 3 января 1827 г.

«Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр—ства, увѣдомлявшее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное».

Затѣмъ до 1829 г. стихи Пушкина лежали въ портфелѣ. 20 іюля 1829 г. П. А. Плетневъ представилъ ее вновь въ III отдѣленіе Н. Як. фонъ-Фоку съ письмомъ, извѣщавшемъ о томъ, что по порученію Пушкина комедія была передѣлана согласно высочайшимъ замѣчаніямъ В. А. Жуковскимъ. Вслѣдствіе этого письма рукопись была представлена государю, но высочайшаго соизволенія па изданіе ея вновь не послѣдовало, и 21 января 1830 г. Бенкендорфъ писалъ Пушкину:

«Возвращая при семъ два рукописные экземпляра комедіи вашей о царѣ Борисѣ, покорнѣйше прошу васъ, м. г., перемѣнить въ оной еще нѣкоторыя слишкомъ тривіальныя мѣста. Тогда я вмѣню себѣ въ пріятнѣйшую обязанность снова представить сіе стихотвореніе государю императору».

Требованіе новыхъ измѣненій глубоко опечалило Пушкина, и онъ рѣшился отстаивать до послѣдней крайности свободу своего творчества. И вотъ 16 апр. 1830 г. онъ между прочимъ писалъ гр. Бенкендорфу:

«Еще одну милость: Въ 1826 г. я привезъ въ Москву свою трагедію о Годуновѣ, писанную во время моей ссылки. Только для того, чтобы оправдать себя, я послалъ вамъ свою трагедію въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда была. Императоръ, удостоивъ ее прочтенія, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній о мѣстахъ черезъ чуръ свободныхъ, и я долженъ сознаться, что его величество былъ какъ нельзя болѣе правъ. Два или три мѣста также привлекли его вниманіе, потому что представляли кажущіеся намеки на событія, тогда еще недавнія. Но перечитывая ихъ въ настоящее время, я сомнѣваюсь, чтобъ можно было въ нихъ найти этотъ смыслъ. Всѣ смуты похожи одна на другую. Драматическій писатель не можетъ отвѣчать за слова, которыя онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставлять ихъ говорить сообразно съ ихъ характеромъ. И такъ надо обращать вниманіе на духъ, въ которомъ написана вся піеса, и впечатлѣніе, которое она должна произвести. Моя трагедія есть произведеніе вполнѣ искреннее, и я не могу по совѣсти уничтожить то, что мнѣ кажется существеннымъ. Умоляю его величество простить мнѣ ту свободу, съ которою я ему противорѣчу; очень хорошо знаю, что противорѣчіе поэта можетъ показаться смѣшнымъ, но до сихъ поръ я постоянно отклонялъ всѣ предложенія мнѣ продавцевъ: я былъ счастливъ, что могъ въ тишинѣ приносить эту жертву волѣ его величества. Въ настоящее-же время, вынуждаемый обстоятельствами, я умоляю его величество развязать мои руки и позволить мнѣ напечатать мою трагедію въ томъ видѣ, какъ она есть».

Бенкендорфъ обратился къ государю съ новымъ докладомъ и 28 апрѣля 1830 г. онъ увѣдомилъ наконецъ Пушкина о высочайшемъ разрѣшеніи ему напечатать трагедію «*подъ собственною отвѣтственностью автора*» *).

Въ концѣ 1826 года Пушкинъ представилъ графу Бенкендорфу, согласно возложенному на него порученію, «Записку о народномъ воспитаніи». Въ запискѣ этой ясно отражается вся та паника, которую пережилъ поэтъ въ то время. Вы видите въ ней поразительное сплетеніе подчиненія взглядамъ государственныхъ сановниковъ, въ родѣ графа Бенкендорфа, съ стремленіемъ провести либеральную

*) «Изслѣд. ист. по русск. лит. и просв.» М. И. Сухомлинова, т. II, стр. 219—232.

тенденцію; нѣсколько свѣтлыхъ мыслей рядомъ съ мнѣніями во всѣхъ отношеніяхъ обскурантными. Такъ, словно соглашаясь съ оскорбительнымъ намекомъ гр. Бенкендорфа, что Пушкинъ самъ на опытѣ извѣдалъ совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія, поэтъ находитъ, что лѣтъ 15 тому назадъ молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною свѣтскою образованностью или шалостями, литература не имѣла никакого направленія, а 10 лѣтъ спустя, «мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу (подавленную самою своенравною цензурою), превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные»... Главную причину всего этого поэтъ видитъ въ недостаткѣ просвѣщенія. «Одно просвѣщеніе, говоритъ онъ:—въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія». Далѣе затѣмъ поэтъ настаиваетъ, что воспитаніе юношества должно быть казенное, а отнюдь не частное и семейное. «Въ Россіи, говоритъ онъ:—домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ воспитанника».

«Что касается до воспитанія заграничнаго, то по мнѣнію Пушкина:—запрещать его нѣтъ никакой надобности. *Довольно будетъ опутать его одними невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ.* Ибо: 1) весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; 2) воспитаніе иностранныхъ университетовъ, несмотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитавшійся въ геттингенскомъ университетѣ, несмотря на свои заблужденія и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностью и умѣренностью правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ знаній».

«Такимъ образомъ, говоритъ далѣе Пушкинъ:—уничтоживъ или по крайней мѣрѣ сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго. При этомъ особенное вниманіе обращаетъ поэтъ на корпуса:

«Кадетскіе корпуса, говоритъ онъ:—разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, бо́льшаго присмотра за нравами, кои находятся къ самомъ гнусномъ запущеніи. *Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію. Черезъ сію полицію должны будутъ доходить до начальства и жалобы. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную пахабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную—исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ*: наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока—есть

дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное. Уничтоженіе тѣлеснаго наказанія необходимо» и т. д.

Казалось бы, что трудно было бы представить проектъ воспитанія, наиболѣе соотвѣтствующій видамъ тогдашнихъ дѣятелей воспитанія; основою проекта, хотя и ставилось громкое слово просвѣщеніе, но у этого просвѣщенія заграждались тѣ единственные пути, которыми оно до тѣхъ поръ проникало въ наше отечество, такъ какъ Пушкинъ, совѣтуя опутать заграничное воспитаніе различными невыгодами и тѣмъ стѣснить его примѣненіе, въ то же время проектируетъ ограничить и изученіе иностранныхъ языковъ на томъ основаніи, что «позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго? «Но тѣмъ не менѣе правительство все-таки осталось не совсѣмъ довольно тѣмъ, что Пушкинъ главнымъ оплотомъ противъ всѣхъ заблужденій юношества считаетъ просвѣщеніе, хотя бы и со всѣхъ сторонъ урѣзанное. По крайней мѣрѣ графъ Бенкендорфъ 23-го декабря 1826 года, извѣщая Пушкина, что государь съ удовольствіемъ читалъ разсужденіе его и изъявляетъ ему высочайшую признательность, прибавилъ:

«Его величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, *завлекшее васъ самихъ на край пропасти* и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе—предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ» *).

II.

Все вышеприведенное въ достаточной мѣрѣ показываетъ намъ, какими подозрительными глазами продолжали смотрѣть на Пушкина и какъ тѣсенъ былъ тотъ кругъ свободы, которая была разрѣшена ему въ 1826 году. Отеческія внушенія гр. Бенкендорфа преслѣдовали поэта не только за каждый мало-мальски неосторожный шагъ, но и безъ всякаго повода, въ зачетъ такъ сказать будущаго. Такъ напримѣръ, стоило ему въ началѣ 1827 года обратиться съ просьбою о разрѣшеніи пріѣзда въ Петербургъ по семейнымъ обстоятельствамъ, и хотя разрѣшеніе это было ему дано, но гр. Бенкендорфъ не преминулъ при этомъ внушить поэту въ письмѣ къ нему: «Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано».

Но политическая благонадежность Пушкина еще болѣе поколебалась въ глазахъ полиціи, когда въ 1827 году возгорѣлось знаменитое дѣло о стихотвореніи «Андрей Шенье». Стихотвореніе это, посвященное Н. Н. Раевскому, было переведено Пушкинымъ въ 1825 году и помѣщено въ первомъ собраніи стихотвореній его, изданномъ въ 1826 году. Цензура, разсмотрѣвъ это стихотвореніе 8-го октября 1825 года (слѣдовательно за два мѣсяца слишкомъ до 14-го декабря), выпустила изъ него 44 стиха, все мѣсто, начиная со стиха «Привѣтствуя тебя, мое свѣтило!» и до стиха «И буря мрачная минетъ». Впервые это мѣсто появилось въ печати лишь въ Исаковскомъ изданіи 1870 года. Оно заключаетъ въ себѣ

*) «Русск. Стар.», 1874 г., № 8, стр. 69.

картину французской революціи, причемъ несчастный авторъ этой предсмертной пѣсни, писанной наканунѣ казни, говоритъ между прочимъ:

«О, горе, о, безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари. О, ужасъ! о, позоръ!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая. Нѣтъ —невиновна ты»... и т. д.

Казалось бы, что въ этомъ отрывкѣ ни малѣйшаго примѣненія не могло быть по отношенію къ 14-му декабря; между тѣмъ злополучный отрывокъ распространился по Москвѣ въ многочисленныхъ спискахъ какъ стихотвореніе, написанное будто бы Пушкинымъ спеціально по поводу 14-го декабря. Между прочимъ попало оно въ руки нѣкоему штабсъ-капитану конно-егерскаго полка Александру Алексѣеву; тотъ передалъ стихи кандидату московскаго университета Андрею Леопольдову. Списокъ пока былъ безъ всякаго заглавія; Леопольдовъ же выставилъ па немъ заголовокъ: «По поводу 14-го декабря 1825 года», и въ такомъ видѣ передалъ его. чиновнику Коноплеву, который былъ тайный агентъ генерала Скобелева, употреблявшагося тогда по дѣламъ секретной полиціи. Коноплевъ не замедлилъ передать стихи своему начальнику. А что такое былъ Скобелевъ, и какъ велика была ненависть его къ Пушкину, объ этомъ можно судить по нижеслѣдующему.

До 1822 года Ив. Ник. Скобелевъ былъ генералъ-полиціймейстеръ 1-й арміи, и когда случился бунтъ Семеновскаго полка, онъ подалъ главнокомандующему 1-й арміи рапортъ, въ которомъ, вопреки мнѣнію правительства о политической подкладкѣ этого бунта, выступилъ заступникомъ за благонадежность войскъ и особенно гвардіи. Вслѣдствіе этого поступка, шедшаго въ разрѣзъ господствующему мнѣнію, онъ впалъ въ немилость и лишился мѣста. Это такъ его потрясло, что онъ захворалъ и въ то же время раскаялся. И вотъ чтобы заявить о своемъ раскаяніи и вновь снискать милость начальства, онъ написалъ 17-го января 1824 года изъ Москвы къ тому же главнокомандующему 1-й арміи доносъ. въ которомъ, собравъ нѣкоторыя ходившія по рукамъ нецензурныя стихотворенія Пушкина (напримѣръ, «Мысль о свободѣ», «Посланіе къ другу») между прочимъ вотъ что говоритъ взаключеніе своего письма:

«Еслибъ сочинитель вредныхъ пасквилей (Пушкинъ) немедленно въ награду лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры—было бы лучше. На что снисхожденіе человѣку, надъ коимъ общій гласъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; на сколько же, напротивъ, водворится вреда неумѣстною къ негодяямъ нѣжностью! Можно смѣло ручаться, что многіе изъ порядочныхъ людей безъ соболѣзнованія рѣшились бы удавить дѣтей равномѣрно развратныхъ, слѣдовательно, бо́льшій перевѣсъ на сторонѣ благочестія —надобно только зло умерщвлять въ рожденіи его. Простите смѣлости; это мысль бо́льшей части людей и моя вмѣстѣ» *).

Вотъ къ этому-то фанатику попался въ руки отрывокъ изъ стихотворенія Андрея Шенье. Заварилось сейчасъ же дѣло. Алексѣевъ, Молчановъ и Леопольдовъ были посажены въ тюрьму и послѣ слѣдствія преданы суду, первые два—военному, послѣдній—гражданскому-уголовному. Дѣло это тянулось два года и кончилось тѣмъ, что Алексѣева присудили выдержать одинъ мѣсяцъ въ крѣпости и потомъ выписать изъ гвардіи въ армейскіе полки тѣмъ же чиномъ, прапорщика

*) «Русск. Стар.», 1871 г., № 12, стр. 667—673.

Молчанова, по вмѣненіи ему въ наказаніе тюремнаго заключенія и содержанія подъ арестомъ, тоже перевести въ армію тѣмъ же чиномъ. Что же касается Леопольдова, то правительствующій сенатъ, разсматривавшій дѣло его, отнесся къ нему гораздо строже: именно приговорилъ его, лишивъ кандидатскаго званія и всѣхъ сопряженныхъ съ онымъ преимуществъ, отдать въ солдаты, а въ случаѣ негодности сослать въ Сибирь на поселеніе. Курьезнѣе всего то, что этотъ строгій приговоръ былъ основанъ на 129-й ст. воинскаго артикула, гласящей: «Если кто увѣдаетъ, что единъ или многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены, или имѣетъ вѣдомость о шпіонахъ или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, въ обозѣ или гарнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объявитъ, тотъ имѣетъ, по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть».

Очень понятно, что когда дѣло перешло въ государственный совѣтъ, послѣдній никакъ не могъ согласиться съ подобнымъ отождествленіемъ Пушкина со «шпіономъ въ обозѣ обрѣтающимся», и значительно смягчилъ приговоръ сената, именно положилъ (22-го августа 1828 г.) вмѣнить Леопольдову въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ и подтвердить, чтобъ впредь въ поступкахъ своихъ былъ основательнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ поручить начальству, въ вѣдомствѣ котораго Леопольдовъ будетъ служить, чтобъ оно обращало особенное вниманіе на его поведеніе *).

Пушкинъ въ свою очередь былъ неоднократно призываемъ по этому дѣлу. Онъ доказывалъ, что стихи изъ А. Шенье переведены имъ гораздо прежде 14-го декабря 1825 года, что они явно относятся къ французской революціи, въ которой Шенье погибъ и никакъ безъ совершенной безсмыслицы не могутъ быть относимы къ 14-му декабря; что онъ не знаетъ, кѣмъ надъ этими стихами поставлено ошибочное заглавіе и не помнитъ, кому онъ могъ передать элегію. Далѣе же объясняя, что въ этомъ отрывкѣ Шенье говоритъ о взятіи Бастиліи, о клятвѣ въ jeu de paume, о перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей, Пушкинъ заключилъ вопросъ: «Что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?»

На вопросъ суда, какимъ образомъ непропущенный цензурою отрывокъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки, Пушкинъ отвѣчалъ, что элегія его «Андрея Шенье» была всѣмъ извѣстна вполнѣ еще до напечатанія, и онъ не думалъ дѣлать изъ нея тайны.

Правительствующій сенатъ, соображая духъ этого творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, призналъ это сочиненіе «соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ», и постановилъ, что «хотя Пушкина надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ преступленіе сдѣлано имъ до всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 года, то, избавя его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія».

Государственный совѣтъ прибавилъ къ этому, чтобы «за Пушкинымъ, по

*) «Русск. Стар.», 1874 г., № 11, стр. 584—588.

неприличному выраженію его въ отвѣтахъ насчетъ происшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія его, въ октябрѣ мѣсяцѣ того года напечатаннаго, имѣлся секретный надзоръ» *).

Замѣчательно, что это опредѣленіе государственнаго совѣта, состоявшееся 29-го августа 1828 года, при постоянныхъ разъѣздахъ Пушкина не могло быть объявлено ему впродолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, несмотря на то, что оно препровождалось изъ губерніи въ губернію по пятамъ поэта, и наконецъ московской полиціи удалось сообщить поэту эту пріятную и вѣроятно уже давно извѣстную ему новость лишь въ концѣ января 1831 г., за нѣсколько дней до его свадьбы.

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ въ 1827 году Пушкинъ имѣлъ новое непріязненное столкновеніе съ гр. Бенкендорфомъ. На этотъ разъ дѣло касалось вопроса о литературной собственности. Послѣдняя была ограждена отъ контрфакцій, подлоговъ и всякаго рода злоупотребленій лишь законами, изданными 8-го января 1830 года; до того же времени она существовала номинально болѣе по укоренившемуся обычаю, чѣмъ на основаніи какихъ-либо узаконенныхъ правъ, и авторы въ случаяхъ какихъ-либо тяжебъ съ посягателями на ихъ произведенія, принуждены были прибѣгать къ статьямъ закона, имѣвшимъ лишь случайныя совпаденія съ ихъ исками и которыя съ большими натяжками приходилось примѣнять къ вопросамъ о литературной собственности. Этимъ литературнымъ безправіемъ воспользовался одинъ подчиненный гр. Бенкендорфа, статскій совѣтникъ Ольдеконъ, занимавшійся между прочимъ переводами русскихъ романовъ, повѣстей и стихотвореній на нѣмецкій языкъ. Онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина и, не спрашивая согласія автора, издалъ свой переводъ параллельно съ подлинникомъ.

По этому поводу 20-го іюля 1827 года Пушкинъ писалъ къ гр. Бенкендорфу:

«Въ 1824 году, статскій совѣтникъ Ольдеконъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое «Кавказскій плѣнникъ» и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ второго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3,000 рублей. Вслѣдствіе сего, родитель мой, статскій совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдеконъ перепечаталъ-де «Кавказскаго плѣнника» для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ и что имѣетъ онъ, статскій совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекона, токмо развѣ, яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другого способа къ обезпеченію своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ и нынѣ лично одобренный вашимъ превосходительствомъ, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ вашему покровительству, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность».

Гр. Бенкендорфъ не замедлилъ конечно встать на сторону своего подчиненнаго и отвѣчалъ Пушкину, что «перепечатаніе «Кавказскаго плѣнника» вмѣстѣ съ переводомъ послѣдовало съ дозволенія цензуры, которая имѣетъ на то свои правила; и что впрочемъ даже тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками».

Пушкинъ, уже изъ Опочки 10-го сентября 1827 года писалъ къ гр. Бенкендорфу:

---

*) «Русск. Стар.», 1874 г., № 8, стр. 690—694

«Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы насчетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ и умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ замѣчаніяхъ или предисловіи весьма важенъ» *).

Но никакого болѣе отвѣта на это письмо Пушкина со стороны гр. Бенкендорфа не послѣдовало, и Ольдекопу такимъ образомъ предоставлена была свобода издавать, если пожелаетъ, хотя бы и всѣ сочиненія Пушкина.

Непріязненныя отношенія гр. Бенкендорфа къ Пушкину продолжались до самой смерти послѣдняго. Послѣ каждаго путешествія поэта вродѣ поѣздки на Кавказъ въ 1829 году, или переѣзда изъ Петербурга въ Москву въ мартѣ 1830 года слѣдовали выговоры за самовольные переѣзды безъ испрошенія дозволенія начальства, причемъ въ 1830 году гр. Бенкендорфъ писалъ Пушкину, что «всѣ непріятности, которымъ можетъ подвергнуться за своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести *къ собственному своему поведенію*».

Удрученный этимъ письмомъ, Пушкинъ отвѣчалъ, что съ 1826 года, когда ему высочайше дозволено жить въ Москвѣ, онъ каждую зиму проводилъ тамъ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительнаго разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его, поѣздки въ Арзерумъ, за которую онъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выразилъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и, описывая себя въ гоненіи, говоритъ, что другіе еще болѣе зложелательствуютъ ему, и что гр. Бенкендорфъ *остается единственнымъ его защитникомъ* (!). «Если завтра, прибавилъ онъ:—вы не будете министромъ, то послѣзавтра меня посадятъ въ тюрьму». При этомъ поэтъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью къ гр. Бенкендорфу и злобясь на него, по словамъ поэта, за критики, впрочемъ не имъ писанныя, готовъ въ остервененіи своемъ рѣшиться на все.

Гр. Бенкендорфъ успокоивалъ Пушкина, увѣряя, что Булгаринъ никогда не говорилъ ему ничего дурного о немъ; что журналистъ этотъ вовсе не близокъ къ нему и если бывалъ у него, то развѣ одинъ или два раза въ годъ; что въ послѣднее время онъ призывалъ къ себѣ Булгарина только для того чтобы обуздать его **).

Принимая во вниманіе всѣ эти гоненія, доводившія поэта до лести передъ своимъ гонителемъ, становится какъ нельзя болѣе ясно, что стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «Бородино» были написаны Пушкинымъ съ предвзятымъ намѣреніемъ избавиться отъ полицейскихъ преслѣдованій. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и тѣ обстоятельства, которыя непосредственно вызвали эти стихотворенія. Такъ мы видимъ, что во время польскаго возстанія одинъ изъ членовъ временнаго правительства въ Варшавѣ Іоахимъ Лелевель въ рѣчи, произнесенной имъ въ національномъ собраніи, выразилъ свое сочувствіе къ Пушкину, какъ къ поэту, произведенія котораго проникнуты свободолюбіемъ и доброжелательствомъ полякамъ. Рѣчь эта дошла до свѣдѣнія правительства, о чемъ Пушкину сооб-

*) «Русск. Стар.», 1874 г., № 8. стр. 699—700.
**) «Русск. Стар.» 1874 г., № 8, стр. 704—705.

щилъ дальній родственникъ семейства Гончаровыхъ гр. Строгановъ. Репутація Пушкина въ глазахъ полиціи могла сдѣлаться еще болѣе сомнительною. «Графъ! отвѣчалъ Пушкинъ гр. Строганову на его сообщеніе:—печально приходится мнѣ искупать мечты моей молодости. Объятія Лелевеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако же, весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью, она послужитъ текстомъ для моей отповѣди...» *).

Но ни патріотическія стихотворенія, ни женитьба, ни приближеніе ко двору не избавили Пушкина отъ строгаго полицейскаго надзора. Попрежнему относительно всѣхъ своихъ занятій и каждаго шага онъ долженъ былъ испрашивать предварительное разрѣшеніе, попрежнему прочитывалась его переписка и гр. Бенкендорфъ дѣлалъ ему выговоры. Такъ въ январѣ 1832 года гр. Бенкендорфъ спрашивалъ его, «почему стихотвореніе его «Древо яда» (Анчаръ) было напечатано въ «Альманахѣ» безъ предварительнаго разсмотрѣнія государя императора?»

Пушкинъ отвѣчалъ на это 7-го января:

«Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей нежданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Втеченіе послѣднихъ шести лѣтъ, во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ честь найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней».

Чтобы избавиться отъ подобныхъ придирокъ гр. Бенкендорфа въ слѣдующемъ 1833 году, 6-го декабря Пушкинъ обратился съ просьбою, въ которой излагалъ, что книгопродавецъ Смирдинъ, приступая къ изданію «Библіотеки для чтенія», просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно рѣже пользоваться драгоцѣннымъ дозволеніемъ—утруждать вниманіе государя императора, можетъ согласиться на это въ такомъ только случаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы Смирдинымъ въ цензуру, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей. На просьбу эту было получено Пушкинымъ разрѣшеніе вполнѣ спеціальнаго характера, т. е. ему позволено было отдавать на разсмотрѣніе цензурою сочиненія, предназначенныя для «Библіотеки для чтенія».

Тотъ же 1833 годъ ознаменовался для Пушкина въ цензурномъ отношеніи недопущеніемъ къ печати его поэмы «Мѣдный всадникъ», которую ему такъ и не пришлось при жизни увидѣть напечатанною.

Около того же времени одна великосвѣтская дама передѣлала въ драму «Капитанскую дочку» Пушкина, но цензура не допустила пьесы къ постановкѣ на сцену на томъ основаніи, что въ ней выведенъ на сцену Пугачевъ.

Вообще благодаря гр. Бенкендорфу, отъ котораго безусловно зависѣло допущеніе пьесъ на сцену, Пушкину не удалось видѣть ни одной своей драматической пьесы на сценѣ. Такъ по словамъ А. М. Каратыгиной, Пушкинъ очень желалъ, чтобы она съ мужемъ своимъ прочитала на театрѣ сцену у фонтана Дмитрія съ Мариною. Несмотря однако же на многочисленныя личныя просьбы Каратыгиныхъ, гр. Бенкендорфъ съ обычною своею любезностью и извиненіями отказалъ имъ въ своемъ согласіи. Послѣ того Пушкинъ подарилъ Каратыгину для бенефиса «Скупого рыцаря», но и эта пьеса не была играна при жизни автора, по какимъ-то цензурнымъ недоразумѣніямъ **).

*) «Русск. Стар.», 1880 г., № 5, стр. 70.
**) «Русск. Стар.», 1880 г., № 6, стр. 571.

Впрочемъ не всегда гр. Бенкендорфъ являлся гонителемъ Пушкина; иногда онъ и заступался за него. Такъ Филаретъ обратился къ нему съ жалобою на стихъ Пушкина въ «Онѣгинѣ» — «И стая галокъ на крестахъ», находя въ немъ оскорбленіе святыни. Цензоръ, котораго призывали къ отвѣту по этому поводу, сказалъ, что «галки, сколько ему извѣстно дѣйствительно садятся на крестахъ московскихъ церквей, но что по его мнѣнію виноватъ здѣсь болѣе всего московскій полиціймейстеръ, допускающій это, а не поэтъ и цензоръ». Бенкендорфъ отвѣчалъ Филарету со своею обычною утонченною вѣжливостью, что это даже не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа: «еже писахъ, писахъ» *).

III.

Въ 1833 году министромъ народнаго просвѣщенія былъ сдѣланъ графъ Уваровъ, заклятой врагъ Пушкина, и это не замедлило отразиться на отношеніяхъ поэта къ цензурѣ. Мы только-что сейчасъ видѣли, что поэтъ самъ обращался къ правительству съ просьбою подвергнуть общей цензурѣ сочиненія его, предназначенныя для «Библіотеки для чтенія». Но разрѣшеніе этой просьбы не отнимало у Пушкина права ограничиваться одною высочайшею цензурою для всѣхъ прочихъ его произведеній. Между тѣмъ графъ Уваровъ вознамѣрился всѣ сочиненія Пушкина безъ исключенія подвергать сверхъ высочайшей общей цензурѣ.

И вотъ вслѣдствіе этого притязанія гр. Уварова Пушкинъ принужденъ былъ въ 1835 году обратиться въ цензурный комитетъ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій. Въ 1826 году Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ Его Величества изъ 3-го отдѣленія Собственной Его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ: «съ дозволенія правительства». Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы» — повѣсть (1827 г.), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина» романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833 гг.). «Полтава» (1829 г.) 2-я и 3-я часть «Мелкихъ стихотвореній», 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828 г.), «Графъ Нулинъ» (1828 г.), «Исторія Пугачевскаго бунта» и проч.

«Нынѣ, по случаю второго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель спб. учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ подписью чиновника Собственной Его Величества канцеляріи. Между тѣмъ никакого новаго распоряженія не послѣдовало и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ Государемъ Императоромъ.

«Въ прошломъ мѣсяцѣ Государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ Собственную канцелярію Его Величества и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволилъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію? Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ».

25-го сентября 1835 года Уваровъ препроводилъ копію съ этого прошенія Пушкина къ управляющему 3-мъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. канцеляріи Александру Николаевичу Мордвинову и увѣдомилъ, «что главное управленіе цензуры опре-

*) «Русск. Стар.», 1889 г., № 8, стр. 281.

дѣлило объявить г. Пушкину, въ отвѣтъ на его прошеніе, что рукописи, издаваемыя съ особаго высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія, но всѣ прочія изданія, назначенныя въ печать, должны, на основаніи высочайше утвержденнаго въ 22-й день апрѣля 1828 года устава о цензурѣ, быть представляемы въ цензурный комитетъ, которымъ, разсматриваются и одобриваются по общимъ цензурнымъ правиламъ» *).

Это распоряженіе министра еще болѣе раздражило Пушкина противъ Уварова, и чаша гнѣва его окончательно переполнилась, когда однажды на вечерѣ у Карамзиныхъ къ нему подошелъ Уваровъ и по поводу ходившей въ то время по рукамъ эпиграммы:

«Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ» и проч.

свысока и внушительно началъ выговаривать, что онъ роняетъ свой талантъ, осмѣивая почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эпиграммами!

— Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать что это мои стихи? возразилъ Пушкинъ, выйдя изъ себя.

— Но всѣ говорятъ, что ваши?

— Мало ли, что всѣ говорятъ! а я вамъ вотъ что скажу:—я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ моею подписью.

И вотъ когда Уваровъ опасно захворалъ, а наслѣдникъ его, предполагая близкую смерть министра, позаботился заранѣе опечатать его имущество и осрамился на всю столицу при неожиданномъ его выздоровленіи, Пушкинъ на эту скандальную исторію написалъ стихи подъ заглавіемъ «На выздоровленіе Лукула» (съ латинскаго). Ни одинъ петербургскій журналъ не согласился напечатать эти стихи. Тогда Пушкинъ послалъ ихъ въ Москву, и тамъ ода была напечатана во 2-й сентябрьской книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» 1835 года. Появленіе оды вызвало большую сенсацію въ придворныхъ сферахъ и привело за собою не мало непріятностей Пушкину, начиная съ оскорбительной переписки съ кн. Репнинымъ, дурно отзывавшемся о Пушкинѣ какъ о человѣкѣ въ салонѣ Уварова, и кончая неудовольствіемъ самого государя. Пушкинъ былъ тотчасъ же вызванъ къ гр. Бенкендорфу. Вотъ какъ самъ онъ разсказывалъ этотъ свой визитъ къ шефу жандармовъ:

«Вхожу. Графъ съ серьезной, даже съ строгой миной, впрочемъ учтиво отвѣтивъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола vis-à-vis. Журналъ съ развернутой страницей моихъ стиховъ лежалъ передъ нимъ и онъ сейчасъ же предъявилъ мнѣ его, сказавъ: «Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ непріятное и щекотливое дѣло по поводу вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Лукуломъ и переводомъ съ латинскаго, но согласитесь, что мы да и все русское общество въ наше время настолько просвѣщено, что умѣемъ читать между строкъ и понимать настоящій смыслъ, цѣль и намѣреніе сочинителя?

— Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества...

— Но позвольте замѣтить (строго перебилъ онъ меня), что подобное произведеніе недостойно вашего таланта, тѣмъ болѣе, что осмѣянная вами личность— особа значительная въ служебной іерархіи...

«Тутъ я перебилъ его:

*) «Русск. Стар.», 1881 г., № 5, стр. 101.

— Но позвольте же узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?

— Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ, принесъ мнѣ жалобу и просилъ обо всемъ доложить государю! и даже то, какъ вы у Карамзиныхъ сказали ему, что напишете на него стихи и не отопретесь, то есть подпишитесь подъ ними?

— Сказалъ, и теперь не отпираюсь... только вотъ эти-то именно стихи я написалъ совсѣмъ не на него.

— А на кого же?

— На васъ.

Бенкендорфъ, пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ, опрокинулся на спинку кресла, такъ что оно откатилось отъ стола и, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ:

— Что? на меня?..

«А я, заранѣе восхищаясь развязкой, вскочилъ съ мѣста и быстро дѣлая по четыре шага передъ столомъ или передъ его носомъ, три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ: «На васъ, на васъ, на васъ!»

«Тутъ ужь Александръ Христофоровичъ во всемъ величіи власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя ко мнѣ, дрожащей отъ злобы рукой тыкая на извѣстныя мѣста стиховъ, сказалъ: «Однако, послушайте, г. сочинитель! Что же это такое! Какой-то пройдоха наслѣдникъ»... (читаетъ):

«Теперь ужь у вельможъ
Не стану нянчить ребятишекъ»...

— «Ну, это ничего... (продолжаетъ читать):

«Теперь мнѣ честность—трынъ-трава,
Жену обманывать не буду!»...

— «Ну, и это ничего, вздоръ... но вотъ, вотъ ужасное, непозволительное мѣсто (читая):

«И воровать уже забуду
Казенныя дрова!»

— А? что вы на это скажете?

— Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой личности!

— Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?

— Такъ стало быть Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!

«Бенкендорфъ понялъ силлогизмъ, сердито улыбнулся и промычалъ: «Гм! да! самъ виноватъ»!

— Вы такъ и доложите государю. А за симъ имѣю честь кланяться вашему сіятельству» *).

---

*) «Русск. Стар.» 1881 г., № 8, стр. 616 - 618. Очерки и воспоминанія Куликова.

Между прочимъ Куликовъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ мелкій эпизодъ изъ жизни Пушкина, показывающій до какихъ непостижимыхъ строгостей доходила въ то время полиція въ цензурномъ отношеніи, предавая запрещенію даже ни въ чемъ неповинные музыкальные инструменты. Вотъ этотъ эпизодъ:

«Боголюбовъ объявилъ новость, что сегодня утромъ изъ-за границы черезъ Кронштадтъ пріѣхалъ музыкантъ *съ запрещеннымъ инструментомъ*, въ родѣ эоловой арфы, а администра-

Но этимъ не исчерпалась еще исторія съ одою Пушкина. Въ это время въ Петербургѣ существовалъ нѣкій педагогъ французъ Жобаръ. Онъ родился въ 1793 году во Франціи, воспитывался сначала въ Лангрѣ, потомъ въ митавской гимназіи, по окончаніи курса которой сдѣлался учителемъ французскаго языка въ рижской гимназіи. Затѣмъ въ 1820 году онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ Смольный монастырь и за службу свою удостоился получить золотую табакерку отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Познакомившись съ Магницкимъ, онъ былъ назначенъ въ 1822 году въ казанскій университетъ профессоромъ словесности греческой, латинской и французской съ удвоеннымъ окладомъ жалованья. Человѣкъ безукоризненно честный и строгаго образа жизни во всѣхъ отношеніяхъ, это былъ въ то же время сангвиникъ, обладавшій самыми пылкими и необузданными страстями. «Лицо Жобара, вспоминаетъ о немъ одинъ современникъ:—и въ спокойномъ состояніи всегда красное, горѣло; глаза были мутны какъ у человѣка, готовящагося къ битвѣ, а голосъ гремѣлъ, какъ у оратора въ народномъ собраніи». Принятый сначала съ величайшимъ почетомъ какъ лицо, близкое къ попечителю, Жобаръ скоро разошелся и съ товарищами по университету, и съ самимъ попечителемъ. Послѣ ревизіи астраханской гимназіи, гдѣ Жобаръ обнаружилъ вопіющія злоупотребленія, началась его ожесточенная и безконечная борьба сначала съ Магницкимъ, а потомъ послѣдовательно со всѣми министрами народнаго просвѣщенія: кн. Ливеномъ, Уваровымъ. Неизвѣстно, какія особенныя причины предубѣждали Уварова противъ Жобара, но именно Уварова послѣдній считалъ своимъ величайшимъ врагомъ. Еще Магницкій пустилъ въ ходъ мысль о «разстройствѣ идей» Жобара; этою мыслью воспользовался и Уваровъ, когда Жобаръ 2-го мая 1835 года успѣлъ гдѣ-то на улицѣ Петербурга подать императору Николаю слѣдующую записку: «Sire, daignez m'entendre. Jobard». Арестованный Жобаръ былъ препровожденъ въ Москву, гдѣ подвергся освидѣтельствованію умственныхъ способностей въ московскомъ губернскомъ присутствіи, которое 20-го іюля 1835 года признало его «совершенно въ здравомъ состояніи разсудка».

ція распорядилась *выслать его обратно тою же дорогой въ 24 часа.* Эта новость въ высшей степени возбудила общее любопытство и всѣ пристали къ Пушкину, чтобы онъ сейчасъ же ѣхалъ просить кого слѣдуетъ изъ властей — о дозволеніи нынѣшнимъ вечеромъ въ нумерѣ гостиницы Демута послушать необыкновенный инструментъ, говоря: «тебѣ одному въ подобной просьбѣ не откажутъ». И дѣйствительно, не отказали. Вечеромъ собралось все общество и привезли артиста съ большимъ ящикомъ, т. е. его инструментомъ. По поднятіи крышки, въ ящикѣ оказался валъ, на которомъ отъ правой руки къ лѣвой насажены изъ толстаго стекла круги, въ формѣ тѣхъ, что ставятся подъ цвѣточные горшки: справа очень большіе и уменьшающіеся до самыхъ мелкихъ размѣровъ къ лѣвой сторонѣ. Артистъ, спросивъ стаканъ воды, намочилъ губку и воткнулъ ее на шпинекъ; отъ давленія ногою педали завертѣлся валъ; тогда артистъ, омочивъ о губку оконечности пальцевъ и чуть-чуть касаясь ими вертящихся круговъ, началъ играть симфоніи, аріи всѣхъ знаменитыхъ композиторовъ старой и новой школы.

«Что за гармонія! что за волшебные звуки! по истинѣ что-то неземное! Рояли, арфы и другіе подобные инструменты обыкновенно въ басахъ и дискантахъ теряютъ полноту звуковъ, а тутъ — басъ звучитъ какимъ-то страшнымъ гуломъ, сильнѣе и полнѣе дребезжащей струны контрабаса, также ровно и сильны и сладкозвучны маленькіе кружки до послѣдняго!

«А еще главное преимущество этихъ воздушныхъ колокольцевъ—это піано и фортэ, зависящія отъ легкаго или тяжелаго давленія перстовъ искуснаго артиста. Ну ужъ и искусникъ же попался къ намъ! Не только всѣ были въ восторгѣ, но даже поражены, ошеломлены... а Пушкинъ, лежа на диванѣ, заложивъ руки подъ голову и закрывъ глаза, повторялъ: и замереть, и умереть можно!» Ibid., стр. 612.

Послѣ этого ожесточеніе Жобара не знало предѣловъ. Къ пасхѣ 1836 года онъ послалъ Уварову и распространилъ въ публикѣ письмо, подъ заглавіемъ, «Mon oeuf de Paques», въ которомъ пытался доказать, что ученые труды Уварова, какъ-то: «Изслѣдованіе объ элевзинскихъ таинствахъ» и др. принадлежали не ему, а профессору Грефе. Послѣ того едва появилась въ печати ода Пушкина «На выздоровленіе Лукула» Жобаръ тотчасъ же перевелъ ее на французскій языкъ и послалъ свой переводъ вмѣстѣ съ витіеватымъ «посланіемъ къ господину Уварову, министру народнаго просвѣщенія, президенту академіи наукъ, автору ученыхъ примѣчаній къ древнимъ классикамъ, переводчику оды: «Клеветникамъ Россіи» и проч., и проч., и проч.»

...«Восторгъ овладѣлъ душой моей, пишетъ онъ между прочимъ въ своемъ письмѣ:— когда я прочиталъ прилагаемое стихотвореніе, которымъ нашъ любимецъ Пушкинъ только-что обогатилъ русскую словесность и хотя я ужъ давно отвыкъ влагать въ стѣсненные размѣры свою рѣчь, тѣмъ не менѣе я не могъ удержаться и не переложить во французскіе стихи эту удивительную оду, внушенную безъ сомнѣнія тѣмъ особымъ покровительствомъ, какимъ ваше превосходительство удостоивате чтить сыновъ Аполлона.

«Желая привлечь и на мою невѣдомую музу благосклонный взоръ сѣвернаго мецената, я осмѣливаюсь почтительно сложить у подошвы Геликона, его недоступной обители, французскій переводъ послѣдней пѣсни Пиндара, этого баловня музъ.

«Смѣю надѣяться, что ваше превосходительство, который недавно сами удостоили перевести па французскій языкъ: «Клеветникамъ Россіи», соблаговолите принять это приношеніе почтительнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ вашихъ подчиненныхъ.

«Твердо рѣшившись познакомить Европу съ этимъ необыкновеннымъ произведеніемъ, я предполагаю переслать въ Брюссель моему брату, литографу, типографу, издателю и редактору «Индистрюеля», этотъ переводъ съ примѣчаніями, какихъ можетъ потребовать уразумѣніе текста; но прежде чѣмъ это сдѣлать я счелъ долгомъ подвергнуть мой переводъ сужденію вашего превосходительства и испросить на это вашего разрѣшенія.

«Позволяю себѣ надѣяться, что ваше превосходительство оцѣните чистоту моихъ намѣреній, соблаговолите почтить меня благопріятнымъ отвѣтомъ, а можетъ быть удостоите и личнаго свиданія почтительнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ подчиненныхъ. А. Жобаръ»...

Какую жолчь должно было поднять въ Уваровѣ это письмо, можно судить по тому, что даже Пушкину, при всемъ его нерасположеніи къ Уварову, оно показалось хватившимъ чрезъ край. По крайней мѣрѣ, когда Жобаръ сообщилъ Пушкину переводъ оды и копію съ письма къ Уварову, поэтъ отвѣчалъ ему слѣдующее:

«М. Г. Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукулу и лестное письмо, которое вы къ нему приложили. Ваши стихи настолько же милы, насколько злы, а это много значитъ. Если справедливо, какъ вы разсказываете въ своемъ письмѣ, что васъ хотѣли объявить лишеннымъ разсудка, то надо признать, что послѣ того вы воротили его въ чертовской степени.

«Расположеніе, которое повидимому вы ко мнѣ питаете и которымъ я горжусь, даетъ мнѣ право съ полною откровенностью говорить съ вами. Въ письмѣ къ г-ну министру народнаго просвѣщенія вы кажется изъявляете намѣреніе напечатать свой переводъ въ Бельгіи съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, необходимыхъ по вашему мнѣнію для пониманія стихотворенія: осмѣливаюсь умолять васъ, М. Г., отнюдь этого не дѣлать. Мнѣ самому досадно, что я напечаталъ произведеніе, написанное въ минуту раздраженія. Опубликованіе его вызвало неудовольствіе одного лица, котораго мнѣніемъ я дорожу и которымъ пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безумцемъ. Будьте добры: удовольствіемъ гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своимъ талантомъ произведеніе, которое само по себѣ впадетъ въ заслуженное забвеніе. Позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ любезности, о которой я прошу. Примите увѣреніе и т. д.».

Но конечно это письмо Пушкина не могло поправить дѣла: жестокій ударъ былъ уже нанесенъ Уварову одною посылкою ему посланія Жобара и оды; печа-

таніе же ея въ Бельгіи немного прибавляло къ боли отъ этого удара. Взбѣшенный Уваровъ тотчасъ же употребилъ всѣ усилія, чтобы Жобаръ былъ изгнанъ изъ Россіи. Высланный Жобаръ тотчасъ же заказалъ себѣ визитныя карточки съ надписью: «A. Jobard éxilé de Russie» и карточки эти раздавалъ при случаѣ русскимъ вельможамъ.

Ненависть Уварова къ Пушкину послѣ этого эпизода не имѣла предѣловъ. По крайней мѣрѣ многіе весьма прозрачные намеки въ запискахъ современниковъ ставятъ трагическій эпизодъ смерти Пушкина въ непосредственную связь съ эпизодомъ оды «На выздоровленіе Лукула» *)...

Въ томъ же 1836 году послѣдовало запрещеніе статьи Пушкина о Радищевѣ, предназначавшейся для «Современника». По разсмотрѣніи статьи Пушкина с.-петербургскій цензурный комитетъ препроводилъ ее въ августѣ 1836 г. въ Главное управленіе цензуры при слѣдующемъ представленіи:

«Г. цензоръ Крыловъ донесъ с.-пб. цензурному комитету, что на разсмотрѣніе его поступила статья для періодическаго изданія «Современникъ», подъ названіемъ «Александръ Радищевъ», съ эпиграфомъ: «il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu».— Статья сія напоминаетъ о лицѣ и происшествіи временъ императрицы Екатерины II. Радищевъ, посланный на счетъ правительства для усовершенствованія себя въ иностранныхъ университетахъ, возвратился въ Россію, напитавшись, какъ и другіе сверстники его, философіею своего вѣка. По вступленіи въ службу, онъ напечаталъ въ домашней типографіи возмутительное сочиненіе: «Поѣздка въ Москву», и по повелѣнію императрицы былъ сосланъ въ Сибирь. Императоръ Павелъ I приказалъ его возвратить, а Александръ I соизволилъ и на принятіе въ службу на комиссію составленія законовъ. Несмотря на то, Радищевъ повторилъ старыя идеи свои въ одномъ проектѣ, котораго составленіе было ему поручено съ высочайшаго повелѣнія. Графъ З. сдѣлалъ по сему случаю замѣчанія, и устрашенный Радищевъ отравилъ себя ядомъ. Жизнь Радищева политическая и литературная составляетъ содержаніе статьи, назначаемой для періодическаго изданія - «Современникъ»; въ ней предполагается помѣстить и два отрывка изъ его сочиненій: одинъ въ стихахъ, заимствованный изъ сочиненій, напечатанныхъ въ 1807 г. съ позволенія правительства; другой въ прозѣ, подъ заглавіемъ: «*Клинъ*», взятъ изъ упомянутой «*Поѣздки въ Москву*», но въ отдѣльности не заключаетъ однакожъ мыслей, непозволительныхъ по правиламъ цензуры. Не зная, въ какой степени можетъ быть допущено въ періодическомъ изданіи возобновленіе свѣдѣній *о такомъ лицѣ и происшествіи, которому въ наше время есть еще многіе современники*, г. цензоръ представилъ статью сію на разрѣшеніе комитета. Комитетъ по уваженію причинъ, затруднявшихъ г. цензора Крылова одобрить статью о Радищевѣ къ напечатанію, призналъ себя не въ правѣ пропустить ее безъ разрѣшенія высшаго начальства. Вслѣдствіе сего имѣю честь представить оную на благоусмотрѣніе высшаго начальства».

Кн. Уваровъ написалъ на представленіи этомъ: «Статья по себѣ недурна и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія».

Въ 1840 г., когда печаталось посмертное собраніе сочиненій Пушкина, статья о Радищевѣ была снова представлена въ цензуру и на этотъ разъ уже непосредственно Уварову. Но послѣдній писалъ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа: «Г. цензоръ Никитенко представилъ мнѣ на усмотрѣніе статью подъ названіемъ: «*Александръ Радищевъ*», предполагаемую въ третій томъ «*Сочиненій Пушкина, собранныхъ послѣ его смерти*». По разсмотрѣніи этой статьи я нахожу, что она *по многимъ заключающимся въ ней мѣстамъ* къ напечатанію допущена быть не можетъ и потому предлагаю сдѣлать распоряженіе о запрещеніи ея».

*) «Русск. Стар.», 1880 г., № 6, стр. 327, № 7, стр. 538; также «Русск. Стар.» 1881 г., № 8, стр. 618 и пр.

это мелик.

Лишь въ 1857 г., т. е. болѣе 20 лѣтъ спустя по написаніи, появилась наконецъ въ печати эта статья Пушкина въ седьмомъ дополнительномъ томѣ «*Сочиненій Пушкина*», изд. Н. В. Анненкова *).

Другой непріятель Пушкина гр. Бенкендорфъ былъ въ свою очередь на сторонѣ враждебной партіи, сгруппировавшейся вокругъ Д'Антеса. «Однимъ только этимъ нерасположеніемъ, говоритъ Данзасъ въ своихъ воспоминаніяхъ»—и можно объяснить, что дуэль Пушкина не была остановлена полиціей. Жандармы были посланы въ Екатерингофъ будто бы по ошибкѣ, думая, что дуэль должна была происходить тамъ, а она была за Черной рѣчкой, около комендантской дачи»**)...

Извѣстіе объ исходѣ дуэли и затѣмъ о смерти Пушкина подняло на ноги весь городъ. «Въ городѣ, по словамъ И. И. Панаева въ его воспоминаніяхъ (стр. 125), сдѣлалось необыкновенное движеніе. На Мойкѣ у Пѣвческаго моста (Пушкинъ жилъ тогда въ первомъ этажѣ стариннаго дома княгини Волконской) не было ни прохода ни проѣзда. Толпы народа и экипажи съ утра до ночи осаждали домъ; извощиковъ нанимали просто говоря: «къ Пушкину» и извощики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго народонаселенія, даже люди безграмотные, считали какъ бы своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было похоже на народную манифестацію. на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести гробъ на рукахъ до церкви; стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизустъ всѣми».

Возникли опасенія, и тѣло поэта изъ квартиры въ Конюшенную церковь было препровождено вечеромъ; при отпѣваніи, 1-го февраля присутствовали одни лишь приглашенные по билетамъ. Послѣ отпѣванія гробъ заперли въ подвалъ церкви, гдѣ онъ оставался до 3-го февраля, и въ этотъ день поздно ночью гробъ былъ отправленъ тайкомъ въ Святогорскій Успенскій монастырь въ сопровожденіи жандармовъ и А. И. Тургенева, которому было поручено совершить погребеніе праха поэта.

Въ то же время были приняты по цензурѣ энергическія распоряженія, чтобы въ печати не являлось слишкомъ теплыхъ и прочувствованныхъ некрологовъ о смерти Пушкина. Такъ Гречъ получилъ строгій выговоръ отъ Бенкендорфа за слова, напечатанныя въ «Сѣв. Пчелѣ»:—«Россія обязана благодарностью Пушкину за 22-хъ-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности». Никитенко получилъ приказаніе вымарать совсѣмъ нѣсколько такихъ же строкъ, назначавшихся для «Библіотеки для чтенія» ***). Но болѣе всего досталось А. А. Краевскому послѣ того какъ въ № 5 за 1837 годъ «Литературныхъ прибавленій» появились обведенныя черною каемкою слѣдующія нѣсколько теплыхъ фразъ:

«Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!.. Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы; да и не нужно; всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!.. Неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина! Къ этой мысли нельзя привыкнуть! 29-го января 2 ч. 45 м. пополудни».

Надо замѣтить при этомъ, что Краевскій состоялъ въ то время на службѣ въ

---

*) «А. Н. Радищевъ», М. И. Сухомлинова, Спб. 1883 г., стр. 119—121.
**) «Русск. Стар.», 1880 г., № 7, стр. 515.
***) «Р. Стар.», 1889 г., № 9, стр. 552.

министерствѣ народнаго просвѣщенія,—именно помощникомъ редактора журнала министерства народнаго просвѣщенія и членомъ археографической комиссіи. Еще ранѣе смерти Пушкина онъ имѣлъ столкновеніе съ гр. Уваровымъ по поводу отношеній его къ Пушкину. Послѣдній далъ Краевскому свое стихотвореніе «Аквилонъ» для помѣщенія его въ первый нумеръ «Литературныхъ прибавленій», вышедшій 4-го января 1837 г. Когда Краевскій по выпускѣ перваго нумера своей газеты представилъ его Уварову, какъ своему начальнику, тотъ принялъ его крайне сухо, и по выходѣ изъ кабинета Краевскаго сказалъ бывшему при этомъ кн. М. А. Дундукову-Корсакову (попечителю спб. учебнаго округа и предсѣдателю цензурнаго комитета):

— Развѣ г. Краевскій не знаетъ, что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полиціи, какъ человѣкъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношеніе съ людьми столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ.

Послѣ такихъ словъ министра можно было ожидать, что и заявленіе Краевскаго не оставится Уваровымъ безъ вниманія. И дѣйствительно на другой же день послѣ выхода нумера газеты Краевскій былъ вызванъ къ Дундукову-Корсакову.

— Я долженъ вамъ передать, сказалъ попечитель г. Краевскому:—что министръ крайне недоволенъ вами! Къ чему эта публикація о Пушкинѣ? Что эта за черная рамка вокругъ извѣстія о кончинѣ человѣка не чиновнаго, не занимавшаго никакого положенія на государственной службѣ? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выраженія? «Солнце поэзіи!!» помилуйте, за что такая честь? «Пушкинъ скончался... въ срединѣ своего *великаго поприща»!* Какое это такое поприще? Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ) именно замѣтилъ: развѣ Пушкинъ былъ полководецъ, начальникъ, министръ, государственный мужъ?!. Наконецъ, онъ умеръ безъ малаго сорока лѣтъ! Писать стишки не значитъ еще, какъ выразился Сергѣй Семеновичъ, проходить *великое поприще!* Министръ поручилъ мнѣ сдѣлать вамъ, Андрей Александровичъ, строгое замѣчаніе и напомнить, что вамъ, какъ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, особенно слѣдовало бы воздержаться отъ таковыхъ публикацій *).

Тотчасъ-же послѣ смерти Пушкина зашла рѣчь о полномъ посмертномъ изданіи его сочиненій.—Объ этомъ было доложено государю, который положилъ слѣдующую резолюцію:—«Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы все найденное мною неприличнымъ въ изданныхъ уже сочиненіяхъ было исключено, и чтобы ненапечатанныя еще сочиненія были строго разсмотрѣны».

Цензорами для изданія были назначены Никитенко и Крыловъ, которые должны были дѣйствовать подъ строгимъ наблюденіемъ министра. Уваровъ растолковалъ это такъ, что и всѣ доселѣ уже напечатанныя сочиненія поэта надо опять разсматривать, и конечно уже не жалѣть крысныхъ чернилъ. Но по ходатайству Жуковскаго государь велѣлъ напечатать сочиненія Пушкина безъ всякихъ измѣненій **).

---

*) «Русск. Стар.», 1880 г., № 7, стр. 536—538.
**) «Р. Стар.», 1889 г., № 9, стр. 553—555.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Различныя столкновенія съ цензурою Грибоѣдова, Лермонтова и Гоголя.

I.

Мы говорили уже въ главѣ девятой, что Грибоѣдову не пришлось видѣть свою пьесу въ печати; не удалось ему поставить ее и на сцену. Начальство, судя по выраженію московскаго генералъ-губернатора кн. Голицына, было о ней того мнѣнія, что Грибоѣдовъ «на всю Москву написалъ пасквиль». Единственное утѣшеніе, доставшееся на долю автора, заключалось въ томъ, что пьеса была играна въ 1827 году, въ его присутствіи, офицерами въ крѣпости Эривани, въ одной изъ комнатъ сердарскаго дворца; такимъ образомъ первое представленіе безсмертной комедіи произошло въ домѣ персидскаго сатрапа. Но кн. Паскевичъ-Эриванскій прекратилъ и эти любительскіе спектакли.

Хлопоча о постановкѣ пьесы и введеніи ея въ рамки тогдашней цензуры, Грибоѣдовъ самъ былъ первымъ ея цензоромъ, и по тому—какой это былъ строгій и придирчивый цензоръ, можно судить какъ велико было желаніе автора увидѣть свою пьесу на сценѣ или въ печати. Такъ до насъ дошло извѣстіе о поправкахъ, сдѣланныхъ рукою самого Грибоѣдова въ одной изъ рукописей «Горе отъ ума». Многія изъ этихъ поправокъ носятъ явные слѣды желанія избѣжать придирокъ и подозрѣній въ умышленномъ оскорбленіи личностей. Такъ напримѣръ, въ извѣстномъ монологѣ Фамусова, въ явленіи II, дѣйствія II-го (стр. 63, Гербелевскаго изданія) первоначально было такъ:

«Тогда не то, что нынѣ,
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
Лѣтъ за сорокъ назадъ все было, братъ, чинъ-чиномъ
Тогда не всякій могъ быть знатнымъ господиномъ;
Но всякій важностью особенной надутъ,
Раскланяйся - тупеемъ не кивнутъ».

Напечатанныя курсивомъ три строки, Грибоѣдовъ замѣнилъ лишь одною:

«А въ тѣ поры всѣ важны—въ сорокъ пудъ».

Въ V явленіи того же дѣйствія (стр. 71) Скалозубъ говоритъ:

«За третье августа; засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею».

Первоначально же Скалозубъ гораздо рельефнѣе выражалъ незаслуженность полученнаго имъ знака отличія:

«За третье августа: *теперь я не съумѣю*
Сказать вамъ именно за что,
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею»!

На слѣдующей страницѣ Скалозубъ говоритъ:

«У насъ *въ пятнадцатой* дивизіи не далѣ»...

Грибоѣдовъ вычеркнулъ слова *въ пятнадцатой* опасаясь, чтобы стихи эти не были приняты за личный намекъ.

На 75 стр. вмѣсто:

«Его величество король былъ прусскій здѣсь»:

Грибоѣдовъ написалъ:

«Его высочество какой-то принцъ былъ здѣсь».

Въ явленіи V, дѣйствія III стихъ:

«Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ»

Грибоѣдовъ измѣнилъ такъ:

«Конечно гдѣ-нибудь онъ былъ бы комендантомъ».

Въ явленіи XXI того же дѣйствія Фамусовъ говоритъ (стр. 130):

«Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть предъ монаршіимъ лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ».

Грибоѣдовъ измѣнилъ во второмъ стихѣ слово *монаршимъ* на *извѣстнѣйшимъ лицомъ*,

На слѣдующей страницѣ Хлестова говоритъ:

«По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ»!

Поправка:

По человѣчеству онъ жалости достоинъ!

Наконецъ въ явленіи XXII (стр. 137) даже слѣдующее невинное выраженіе Чацкаго:

«Во всѣхъ княжонъ вселять участье»

Грибоѣдовъ нашелъ нужнымъ смягчить:

«Во всякомъ возбуждать участье» *).

Впервые въ печати былъ помѣщенъ отрывокъ изъ «Горя отъ ума» въ 1825 году въ альманахѣ, изданномъ Ѳ. Булгаринымъ, «Талія». Здѣсь были напечатаны 8-е, 9-е и 10-е явленія 1 дѣйствія и все третье дѣйствіе; конечно съ большими пропусками. Такъ напримѣръ, въ знаменитомъ монологѣ Чацкаго въ III дѣйствіи выпущены 15 стиховъ, которые появлялись во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, именно, начиная со стиха:

«Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой»:

и до стиха:

«Какъ платья, волосы, такъ и умы коротки»!

Однимъ словомъ, цензору очевидно не понравились славянофильскія тенденціи Чацкаго, который заявляетъ, что

...«Хуже для меня нашъ Сѣверъ во-сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ—
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду, на другую,
По шутовскому образцу, и т. д.».

Конечно цензоръ могъ сообразить и то, что свѣтскія и высокопоставленныя особы могутъ принять на свой счетъ насмѣшки Чацкаго надъ фраками и «смѣшными, бритыми, сѣдыми подбородками».

Впервые на сценѣ появилась комедія лишь 26-го января 1831 года. Большихъ усилій стоило покойному артисту Брянскому поставить ее на петербургскую сцену въ свой бенефисъ. Игралась она по рукописи бенефиціанта, который долженъ былъ заплатить 1000 рублей Булгарину за то только, что тотъ далъ Брян-

*) «Р. Стар.», 1874 г., № 7, стр. 610—614.

*

скому хранившуюся у него грибоѣдовскую рукопись для провѣрки. Затѣмъ 25-го февраля того же года пьеса эта была поставлена и на московскую сцену. Замѣчательно при этомъ, что несмотря на всю строгость театральной цензуры, на сценѣ прошли многія мѣста въ комедіи, которыя выбрасывались въ печати.

Наконецъ въ 1833 году появилось въ Москвѣ первое изданіе комедіи Грибоѣдова, подписанное цензоромъ Л. Цвѣтаевымъ. Публика, знакомая съ комедіей по многочисленнымъ спискамъ, ходившимъ по всей Россіи и изучившая ее наизусть, почти не узнала ее въ этомъ изданіи. Всѣ мало-мальски рѣзкіе монологи Чацкаго и Фамусова были изъ нея выкинуты. Искаженіямъ отдѣльныхъ стиховъ и урѣзкамъ не было числа. Вотъ для примѣра наиболѣе курьезныя изъ цензурныхъ измѣненій.

На стр. 46-й вмѣсто:

«Онъ вольность вздумалъ проповѣдать».

цензоръ исправилъ:

«Вотъ что онъ вздумалъ проповѣдать».

вмѣсто:

«Да онъ властей не признаетъ»

исправлено:

«Онъ ничего не признаетъ»...

На стр. 49-й:

«А? Бунтъ? Ну такъ и жду содома»!

исправлено:

«А? Что? Ну такъ и жду содома»!

На стр. 89-й стихъ:

«Съ министрами про вашу связь»

исправленъ такъ:

«Съ иными важными людьми про вашу связь»,

потому что всякій даже невинный намекъ на служебное положеніе какого бы то ни было государственнаго сановника считается недозволительнымъ въ драматическихъ произведеніяхъ. Тогда нельзя было надѣвать на сцену дѣйствительныхъ орденовъ, а компонировались они изъ подходящихъ матеріаловъ; на эполетахъ не употреблялось даже значковъ. И такъ какъ чины утверждались высочайшимъ указомъ, то стихи:

«Вѣдь надобно-жь зависѣть отъ другихъ...
Въ чинахъ мы небольшихъ»...

цензоръ замѣнилъ слѣдующими:

«Вѣдь надобно-жь другихъ имѣть въ виду,
Чтобъ не попасть въ бѣду».

На этомъ же основаніи и слова Чацкаго:

«Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться»...

были признаны направленными къ колебанію довѣрія къ высшей власти.

На стр. 107-й стихъ:

«Отъявленный мошенникъ, плутъ»,

сокращенъ такъ:

«Извѣстный плутъ».

По тогдашнимъ цензурнымъ соображеніямъ казалось неприличнымъ публично въ обществѣ произносить слово *мошенникъ*.

На стр. 111-й вмѣсто:

«Въ его высочества, хотите вы сказать,
Въ Новоземлянскомъ мушкатерскомъ»?

напечатано:

«То-есть хотите вы сказать:
Въ Новоземлянскомъ мушкатерскомъ»?

Это было сдѣлано по тѣмъ соображеніямъ цензуры, что нетолько произношеніе словъ: величество, высочество со сцены, но и появленіе ихъ въ драматическомъ сочиненіи принималось, какъ знакъ неуваженія къ власти предержащей.

На стр. 141-й вмѣсто

«Но государственное дѣло»;

было поправлено:

«Литературное есть дѣло».

по тѣмъ вѣроятно соображеніямъ чтобы не возбуждать повода къ воспоминаніямъ о 14 декабря.

По выходѣ изданія журналы и газеты не замедлили встрѣтить комедію Грибоѣдова сочувственными рецензіями, изъ которыхъ особенно выдавалась помѣщенная на страницахъ «Библіотеки для Чтенія», въ I томѣ 1834 года.

«Наконецъ «Горе отъ ума» вышло въ печати!.. говорилось въ этой рецензіи.—Здѣсь не мѣсто разбирать это прекрасное твореніе: сверхъ того, разбирая его, пришлось бы разбирать не сочиненіе умнаго и несчастнаго Грибоѣдова, но пристрастіе $^9/_{10}$ частей Россіи къ этому сочиненію и отвращеніе, обнаруживаемое $^1/_{10}$ части. «Горе отъ ума» имѣетъ повсюду столь же пламенныхъ обожателей, какъ враговъ. И самое то обстоятельство, что оно заслужило себѣ пламенныхъ противниковъ, уже неоспоримо доказываетъ высокое его достоинство... Когда книга удостоивается сильной вражды, будьте увѣрены, что она необыкновенная во всѣхъ отношеніяхъ... Кто безусловно поноситъ «Горе отъ ума», тотъ оскорбляетъ вкусъ всего народа и судъ, произнесенный всею Россіею. Это народная книга: нѣтъ русскаго, который бы не зналъ наизустъ по крайней мѣрѣ десяти стиховъ изъ этой комедіи... «Горе отъ ума» занимаетъ въ нашей словесности по своему роду и духу именно то мѣсто, которымъ «Свадьба Фигаро», извѣстная комедія Бомарше, овладѣла во французской. Подобно «Свадьбѣ Фигаро», это комедія политическая: Бомарше и Грибоѣдовъ, съ одинаковыми дарованіями и равною колкостью сатиры, вывели на сцену политическія понятія и привычки обществъ, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ... Въ этомъ изданіи примѣчаются нѣкоторые маловажные (!) пропуски противъ рукописныхъ экземпляровъ, которыми наводнена Россія: память нынѣшнихъ читателей легко пополнитъ подобныя мѣста при чтеніи».

При всей благосклонности и кажущемся своемъ либерализмѣ, отзывъ этотъ тѣмъ не менѣе былъ въ высшей степени безтактенъ и оказалъ комедіи Грибоѣдова вполнѣ медвѣжью услугу.

Противъ комедіи продолжало негодовать все московское барство; масса чиновниковъ, начиная съ высшихъ и до самыхъ маленькихъ видѣли въ ней приниженіе своего чиновнаго достоинства. И вотъ едва правительство рѣшилось допустить комедію къ печати, какъ «Библіотека для чтенія» не замедлила обозвать ее *политической* и поставить рядомъ съ «Свадьбой Фигаро» Бомарше. Это побудило цензуру обратить на комедію еще болѣе строгое вниманіе, и въ слѣдующихъ изданіяхъ 40-хъ и 50-хъ годовъ—явилось еще болѣе пропусковъ, передѣлокъ и всякаго рода искаженій *).

---

*) «Русская Старина», 1874 г., № 7, стр. 589—595.

Безцеремонность, съ какою цензура отнеслась къ безсмертной комедіи Грибоѣдова, равно какъ недовольство печатными текстами со всѣми ихъ урѣзками и искаженіями, повели къ тому, что въ половинѣ 30-хъ годовъ появилось изданіе «Горя отъ ума» безцензурное, напечатанное неизвѣстно въ какой типографіи. По нелишенной основанія догадкѣ редакціи «Русской Старины», изданіе это принадлежитъ А. А. Закревскому, впослѣдствіи генералъ-губернатору московскому, который имѣлъ обыкновеніе порою печатать безъ цензуры для себя самого, пользуясь казенною типографіею. Такъ онъ издалъ двѣ тетради приказовъ императора Павла. Но такъ какъ печатаніе производилось по рукописи, писанной, судя по всѣмъ даннымъ, крайне безграмотнымъ военнымъ писаремъ, самъ же Закревскій въ свою очередь не отличался грамотностью, то можно судить какія искаженія текста встрѣчаются въ этомъ изданіи. Всѣ военные чины и званія начинаются въ изданіи большими буквами, слово «высочайшею» (улыбкой) напечатано вразбивъ, какъ тогда оно употреблялось въ оффиціальныхъ бумагахъ, а въ стихѣ «При государынѣ Екатеринѣ» собственное имя «Екатерина» набрано капителью. Тою же капителью напечатано «его величество король прусскій». Все что относится къ военному быту, въ изданіи напечатано вѣрно; что же требуетъ свѣдѣній, выходившихъ изъ круга военнаго канцеляризма—или искажено или пропущено. Повсюду выброшены нетолько цѣлыя французскія фразы (А. А. Закревскій французскаго языка не зналъ), но и самыя простыя слова: мсьё, madame, mon cher и т. п. Буквы *ѣ* и *е* употребляются, кикъ попало: ну кто придѣтъ, бѣремъ же, гнева, зачемъ, давичѣ, тожѣ, завѣсти и т. п. Окончаніе вторыхъ лицъ глаголовъ *ъ* и *ъ* употребляются тоже, какъ Богъ на душу положитъ. Списокъ дѣйствующихъ лицъ начинается такъ:

«Павелъ Афонасьевичъ Фамусовъ (управляющій въ казенномъ мѣстѣ»).

«Софья Павловна, дочь его».

«Лизанька, служанка и пр.».

а оканчивается:

«Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ».

«Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разъѣздѣ».

«Офиціанты Фамусова».

Изъ наиболѣе курьезныхъ искаженій особенно поражаютъ слѣдующія

«На весь кварталъ симоропію (см. симфонію) гремитъ.
Вотъ подпрекать мнѣ станутъ.
Ужастны вѣкъ.
Цвѣтный лугъ я спала (вм. цвѣтистый лугъ... И я искала).
Куроѣздный вистъ (вм. курьезный)
Къ партизанамъ (вм. къ фармазонамъ) и пр.».

И къ довершенію всѣхъ курьезовъ всѣ мѣста, имѣющія хоть малѣйшій намекъ на какую-либо скабрезность, напечатаны курсивомъ*.

*) «Русская Старина», 1874 г., № 7, стр. 595—599.

II

Что касается Лермонтова, то первое столкновеніе его съ цензурою было по поводу какой-то пьесы, по всей вѣроятности «Маскарада». По крайней мѣрѣ вотъ что говоритъ объ этомъ А. Н. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Пришло ему на мысль писать комедію, въ родѣ «Горе отъ ума», рѣзкую картину на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ безсмертнымъ твореніемъ Грибоѣдова. Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника сего отдѣленія, моего двоюроднаго брата Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію; но Мордвиновъ оставался неумолимъ; даже цензура получила неблагопріятное мнѣніе о заносчивомъ писателѣ, чтó ему вскорѣ отозвалось непріятнымъ образомъ» *).

Вскорѣ послѣ того Лермонтову пришлось сдѣлаться героемъ дня во время пушкинской катастрофы. Раздѣляя негодованіе всей Россіи по поводу смерти великаго поэта, Лермонтовъ, какъ извѣстно, написалъ стихотвореніе, которое быстро разошлось въ тысячахъ спискахъ по Петербургу. Но первоначально стихотвореніе это оканчивалось стихами:

«Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать».

и не имѣло въ глазахъ начальства никакого криминальнаго характера. По крайней мѣрѣ и гр. Бенкендорфъ, и Мордвиновъ читали его и ничего преступнаго въ немъ не находили. Но Лермонтовъ не могъ ограничиться этимъ стихотвореніемъ. Вращаясь въ высшемъ обществѣ, которое въ это время раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи, приверженцовъ Пушкина и Дантеса, Лермонтовъ наслушался массу толковъ всякаго рода и толки эти глубоко возмущали его. Въ этомъ настроеніи онъ встрѣтился съ однимъ своимъ родственникомъ Н. А. Столыпинымъ, свѣтскимъ человѣкомъ высшаго круга. Въ разговорѣ съ Лермонтовымъ тотъ сталъ защищать Дантеса; они горячо поспорили, и взволнованный Лермонтовъ тутъ же набросалъ шестнадцать заключительныхъ строкъ своего стихотворенія, которыя измѣнили характеръ всего произведенія, обратя его изъ грустной элегіи въ бичующую сатиру, исполненную грознаго непримиримаго негодованія. Стихи эти не замедлили распространиться въ свою очередь въ публикѣ, присоединясь къ предыдущимъ, и обратили вниманіе начальства, которое взглянуло на произведеніе Лермонтова теперь уже совсѣмъ другими глазами.

Существуетъ нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ возникло дѣло о стихахъ Лермонтова и о его арестѣ. По самому достовѣрному изъ нихъ заключительные стихи озлобили противъ Лермонтова всѣхъ приверженцевъ Дантеса, которые узнали себя въ этихъ стихахъ, и гр. Бенкендорфъ, когда въ обществѣ ему заговорила о нихъ озлобленная старуха-сплетница изъ высшаго круга А. М. Хитрово, счелъ нужнымъ доложить о нихъ императору, вслѣдствіе чего было поручено начальнику гвардейскаго штаба Веймарну произвести обыскъ у Лермонтова, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ лейбъ-гусарскій полкъ; но въ Царскомъ Селѣ Лермонтова не оказалось, потому что онъ жилъ обыкновенно въ Петербургѣ. Наконецъ, онъ былъ арестованъ и бумаги его задержаны.

Наконецъ 25 февраля 1837 года было получено гр. Бенкендорфомъ слѣдующее отношеніе отъ военнаго министра гр. Чернышева:

---

*) «Знакомство съ русскими поэтами», Кіевъ, 1871 г., стр. 21.

«Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: лейбъ-гвардіи гусарскаго полка корнета Лермонтова, за сочиненіе извѣстныхъ вашему сіятельству стиховъ, перевесть тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а губернскаго секретаря Раевскаго за распространеніе сихъ стиховъ и въ особенности за намѣреніе тайно доставить свѣдѣніе корнету Лермонтову о сдѣланномъ имъ показаніи, выдержать подъ арестомъ въ теченіи одного мѣсяца, а потомъ отправить въ Олонецкую губернію для употребленія на службу, по усмотрѣнію тамошняго гражданскаго губернатора».

Полкъ, въ который былъ переведенъ Лермонтовъ, находился на Кавказѣ. Лермонтову позволено было пробыть еще нѣсколько времени въ Петербургѣ, откуда онъ выѣхалъ около Пасхи.

«Ссылка Лермонтова на Кавказъ, по словамъ А. Н. Муравьева, надѣлала много шума; на него смотрѣли, какъ на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностью читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ глазахъ начальства онъ пріобрѣлъ репутацію безпокойнаго и неблагонамѣреннаго человѣка, и въ первое время пребыванія его на Кавказѣ имя его было опальнымъ даже до нецензурности. Такъ первымъ произведеніемъ, присланнымъ имъ съ Кавказа въ томъ же 1837 году, была «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ». Лермонтовъ прислалъ ее г. Краевскому для помѣщенія въ «Литературныя Прибавленія». Когда оно отправлено было обыкновеннымъ путемъ къ цензору изданія, послѣдній нашелъ совершенно невозможнымъ дѣломъ напечатать стихотвореніе человѣка, только что сосланнаго на Кавказъ за свой либерализмъ. Издатель «Прибавленій» выручилъ стихотвореніе только тѣмъ, что обратился къ Жуковскому, который былъ въ великомъ восторгѣ отъ стихотворенія Лермонтова, находилъ что его непремѣнно надо напечатать и далъ г. Краевскому письмо къ министру народнаго просвѣщенія. Уваровъ нашелъ, что цензоръ правъ въ своихъ опасеніяхъ, но разрѣшилъ печатаніе на своей отвѣтственности, не позволивъ однако ставить имени Лермонтова, вмѣсто котораго было подписано лишь «—въ».

Ни о дуэли, ни о какихъ подробностяхъ смерти и похоронъ Лермонтова, конечно не было и помину въ прессѣ того времени. Лишь въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», въ № 63, 1841 г. было помѣщено слѣдующее краткое извѣстіе изъ Пятигорска:

«15 іюля, около 5 часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ; въ это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ, М. Ю. Лермонтовъ»...

Надолго послѣ смерти, лѣтъ по крайней мѣрѣ впродолженіе пятнадцати, на Лермонтовѣ продолжала лежать репутація опальнаго человѣка и біографія его была невозможна въ печати...

Въ Лермонтовскомъ музеѣ сохраняются корректуры съ авторскими помарками Никитенка и Бекетова, свидѣтельствующія сколь мало благодушно-либеральный Никитенка отличался въ качествѣ цензора отъ блаженной памяти Красовскаго. Такъ въ драмѣ «Маскарадъ» въ первой сценѣ 1-го дѣйствія онъ прежде всего вымаралъ слова Казарина *«или—за то, что не былъ на дуэли: боялся быть убійцей»*. Во второй сценѣ—слова Арбенина: *«и также можетъ быть, что эта же краса къ вамъ завтра вечеромъ придетъ на полчаса»*. Далѣе Арбенинъ прощается съ своимъ любовнымъ миромъ, называя его раемъ *«небеснымъ»*,— Никитенко слово *«небеснымъ»* замѣнилъ: *прекраснымъ*. Въ словахъ Казарина о

встрѣчѣ одной барыни съ однимъ князькомъ «не помню я на балѣ, у обѣдни».— Никитенко вычеркнулъ «у обѣдни». Въ словахъ Арбенина: «я самъ свершу свой *страшный* судъ»,—цензоръ слово страшный замѣнилъ «*ужасный*». Вмѣсто «*Но я, не Богъ и не прощаю*».—«Но я,—я нѣтъ, я не прощаю». Неизвѣстный говоритъ о душѣ Арбенина... «*ее поймет лишь Богъ, который сотворить одинъ такую могъ*»! Послѣдній стихъ, со слова «*который*» вычеркнутъ Никитенкомъ. Слѣдующія реплики всѣ вычеркнуты Никитенкомъ.

«*Баронесса*. О, Боже мой!
Арбенинъ. Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа!
Баронесса. (Упадаетъ въ кресла). Но вы безчеловѣчны.
Арбенинъ. Да.
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести! (Хочетъ идти»).

Помарки Бекетова замѣчательны тѣмъ, что дѣлались въ 1861 г., т. е. въ самое либеральное время. Такъ въ поэмѣ «Измаилъ-Бей»—вычеркнуты всѣ мѣста, гдѣ только идетъ рѣчь о «вольности», героизмѣ черкесовъ и о «цѣпяхъ вражескихъ силъ. Такъ въ первой части поэмы, въ строфѣ VIII не допущена 21 строка, начиная со стиха: «Черкесъ удалый въ битвѣ правой». Въ IX строфѣ выпущены слова: «*готовятъ мщеніе народы*» и пѣсня: «Лезгинецъ слыша голосъ брани готовитъ стрѣлы и кинжалъ»—все до конца строфы. Далѣе въ XVII—со словъ «*ужели отдыхаетъ мщенье*» не дозволены 15 стиховъ. Во второй части поэмы Бекетовъ зачеркнулъ слѣдующіе пять стиховъ въ XXI строфѣ:

«За то, что бѣдны мы, а волю
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши парадной!
За то, что мы боготворимъ,
Что презираете вы хладно»!

Наконецъ въ драмѣ «Странный человѣкъ» Бекетовъ вычеркнулъ всѣ мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о пыткахъ надъ крѣпостными, о злоупотребленіяхъ помѣщичьяго произвола и о взглядѣ на крѣпостныхъ какъ на вещь,—не смотря на то что былъ уже конецъ 1861 года, когда крестьяне были уже освобождены *).

III.

Что касается Гоголя, то онъ имѣлъ столкновеніе съ цензурою по поводу двухъ своихъ наиболѣе существенныхъ шедевровъ, «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» и комедіи «Тяжба».

«Ревизоръ», какъ извѣстно, могъ быть допущенъ на сцену не иначе, какъ по высочайшему повелѣнію, послѣ того, какъ императоръ самъ прочелъ и одобрилъ пьесу къ представленію. Мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ была представлена комедія государю и какъ состоялось ея разрѣшеніе; извѣстно намъ лишь письмо Гоголя къ М. С. Щепкину, писанное 29-го апрѣля 1836 г., т. е. вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора».

*) «Ист. В.», 1884 г., № 3, стр. 566—573.

«Всѣ противъ меня, пишетъ Гоголь въ этомъ письмѣ: — чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня, литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. *Еслибъ не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея*»...

«Мертвыя души» въ концѣ 1841 года представлены въ московскій цензурный комитетъ, но послѣдній пришелъ въ ужасъ отъ поэмы Гоголя. Вотъ какъ описываетъ самъ Гоголь въ письмѣ къ Плетневу отъ 7-го января 1842 года этотъ курьезнѣйшій эпизодъ въ исторіи нашей цензуры:

... «Ударъ для меня никакъ неожиданный: запрещаютъ всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору С. (Снегиреву?), который нѣсколько толковѣе другихъ, съ тѣмъ, что если онъ находитъ въ ней какое-нибудь мѣсто, наводящее на него сомнѣніе, чтобъ объявилъ мнѣ прямо, что я тогда посылаю ее въ Петербургъ. Черезъ два дня С. объявляетъ мнѣ торжественно, что рукопись онъ находитъ совершенно благонамѣренной и въ отношеніи къ цѣли, и въ отношеніи къ впечатлѣнію, производимому на читателя, и что кромѣ одного незначительнаго листа: перемѣны двухъ-трехъ именъ (на которыя я тотъ же часъ согласился и измѣнилъ), нѣтъ ничего, что̀ бы могло навлечь притязанія цензуры самой строгой. Это же самое онъ объявилъ и другимъ. Вдругъ С—ва сбилъ кто-то съ толку, и я узнаю, что онъ представляетъ мою рукопись въ комитетъ. Комитетъ принимаетъ ее такимъ образомъ, какъ будто уже былъ приготовленъ заранѣе и былъ настроенъ разыграть комедію: ибо обвиненія всѣ безъ исключенія были комедія въ высшей степени. Какъ только Г., занимавшій мѣсто президента, услышалъ названіе «*Мертвыя души*», закричалъ голосомъ древняго римлянина: «Нѣтъ, я этого никогда не позволю: душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ безсмертія». Насилу наконецъ могъ взять въ толкъ умный президентъ, что дѣло идетъ о ревизскихъ душахъ. Какъ только взялъ онъ въ толкъ и взяли въ толкъ вмѣстѣ съ нимъ другіе цензора, что мертвыя значитъ ревизскія души, произошла еще большая кутерьма. «Нѣтъ, закричалъ предсѣдатель, а за нимъ половина цензоровъ: — этого и подавно нельзя позволить, хотя бы въ рукописи ничего не было, а стояло только одно слово *ревизская душа;* ужъ этого нельзя позволить, это значитъ идти противъ крѣпостного права».

«Наконецъ, самъ С. увидѣлъ, что дѣло зашло уже очень далеко; сталъ увѣрять цензоровъ, что онъ рукопись читалъ и что о крѣпостномъ правѣ и намековъ нѣтъ, что даже нѣтъ обыкновенныхъ оплеухъ, которыя раздаются во многихъ повѣстяхъ крѣпостнымъ людямъ; что здѣсь совершенно о другомъ рѣчь; что главное дѣло основано на смѣшномъ недоразумѣніи продающихъ и на тонкихъ хитростяхъ покупщика, и на всеобщей ералаши, которую произвела такая странная покупка; что это рядъ характеровъ, внутренній бытъ Россіи и нѣкоторыхъ обитателей, собраніе картинъ самыхъ невозмутительныхъ. Но ничего не помогало. «Предпріятіе Чичикова, стали кричать всѣ: — есть уголовное преступленіе», «Да впрочемъ и авторъ не оправдываетъ его», замѣтилъ мой цензоръ. «Да, не оправдываетъ, а вотъ онъ выставилъ его теперь и пойдутъ другіе брать примѣръ и покупать «мертвыя души».

«Вотъ какіе толки! Это толки цензоровъ-азіатцевъ, то-есть людей старыхъ, выслужившихся и сидящихъ дома. Теперь слѣдуютъ толки цензоровъ-европейцевъ, возвратившихся изъ-за границы, людей молодыхъ. «Что вы ни говорите, а цѣна, которую даетъ Чичиковъ (сказалъ одинъ изъ такихъ цензоровъ, К.) цѣна два съ полтиною, которую онъ даетъ за душу, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого; хотя конечно эта цѣна дается за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя — душа, душа человѣческая; она жила, существовала; этого ни во Франціи, ни въ Англіи, нигдѣ нельзя позволить. Да послѣ этого ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ».

«Это главные пункты, основываясь на которыхъ признано запрещеніе рукописи. Я не разсказываю вамъ о другихъ, мелкихъ замѣчаніяхъ; какъ-то въ одномъ мѣстѣ сказано, что одинъ помѣщикъ разорился, убирая себѣ домъ въ Москвѣ въ модномъ вкусѣ. «Да вѣдь и государь строитъ въ Москвѣ дворецъ»! сказалъ цензоръ. Тутъ по этому поводу завязался у цензоровъ разговоръ, единственный въ мірѣ. Потомъ произошли другія замѣчанія, которыя даже совѣстно пересказывать и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитетъ только прочелъ три или четыре мѣста.

«Вотъ вамъ вся исторія Она почти невѣроятна, а для меня въ добавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить. Я думаю, что противъ меня что-нибудь есть. Но дѣло между прочимъ для меня слишкомъ серьезно. Изъ-за ихъ комедій или интригъ мнѣ по-

хмѣлье. У меня, вы сами знаете, всѣ мои средства и все мое существованіе заключены въ моей поэмѣ. Дѣло клонится къ тому, чтобы вырвать у меня послѣдній кусокъ хлѣба, выработанный семью годами самоотверженія, отчужденія отъ міра и всѣхъ его выгодъ. Другого я не могу ничего предпринять для моего существованія. Усиливающееся болѣзненное мое расположеніе и недуги лишаютъ меня даже возможности продолжать далѣе начатый трудъ. Свѣтлыхъ минутъ у меня немного, а теперь просто отнимаются руки. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы должны дѣйствовать теперь соединенными силами и доставить рукопись къ государю. Я объ этомъ пишу къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой. Я просилъ ее дѣйствовать чрезъ великихъ княженъ или другими путями. Это ваше дѣло, объ этомъ вы сдѣлаете совѣщаніе вмѣстѣ. Попросите Александру Осиповну, чтобы она прочла сама мое письмо. Это вамъ нужно. Рукопись моя у кн. Одоевскаго. Вы прочитайте ее вмѣстѣ, человѣка три, четыре не больше. Не нужно объ этомъ дѣлѣ производить огласки. Только тѣ, которые меня очень любятъ, должны знать. Я твердо полагаюсь на вашу дружбу и на вашу душу и нечего между нами тратить больше словъ! Обнимаю сильно васъ и да благословитъ васъ Богъ! Если рукопись будетъ разрѣшена и нужно будетъ только для проформы дать цензору, то я думаю, лучше дать Очкину для подписанія, а впрочемъ, какъ найдете вы. Не въ силахъ больше писать. Весь вашъ Гоголь» *).

Въ Петербургѣ послѣ соединенныхъ хлопотъ рукопись была разрѣшена къ печатанію 9-го марта 1849 года, пройдя сквозь цензуру А. В. Никитенка, который сдѣлалъ въ ней не мало всякаго рода поправокъ, выбросокъ и измѣненій. Считаемъ не лишнимъ представить здѣсь перечень этихъ цензорскихъ измѣненій, причемъ счетъ страницъ дѣлаемъ по изданію 1874 года

Первое и самое существенное измѣненіе цензора заключается въ самомъ заглавіи поэмы. Вмѣсто «Мертвыя души, поэма Гоголя», Никитенко озаглавилъ: «*Похожденія Чичикова* или Мертвыя души, поэма Гоголя». Затѣмъ мы видимъ слѣдующія измѣненія въ текстѣ:

Въ рукописи:	*Цензорскія поправки:*
Во 2 главѣ, стр. 20 «Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта, какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ, *этого, впрочемъ, мирнаго войска, но отчасти не трезваго по воскреснымъ днямъ.*	Слова, обозначенныя курсивомъ, выпущены цензоромъ.
Въ той же главѣ стр. 38: что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обвораживаютъ всѣхъ пріятностью обращенія, *и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами.*	Слова, обозначенныя курсивомъ измѣнены такъ: «и что когда узнали о такой ихъ дружбѣ, то они пожалованы были генералами
Глава III, стр. 39: возгласъ Селифана на лошадь: «У варваръ! *Бонапартъ ты проклятый!*	Слова «Бонапартъ ты проклятый!» выпущены цензоромъ.
Въ той же главѣ, стр. 43: «псы заливалися всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши голову, выводилъ такъ протяжно... другой отхватывалъ наскоро, *какъ пономарь.*	Слова «какъ пономарь», выпущены цензоромъ.
Глава V, стр. 105: послѣ обѣда у Сабакевича, Чичиковъ, усѣвшись въ креслахъ, приступилъ къ своему дѣлу, и, начавъ издалека, намекнулъ подъ конецъ хозяину, который слегка пригнулъ голову, «*о ревизскихъ душахъ, которыя, окончивши жизненное поприще, числятся однакоже до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми*».	Цензоръ, поставивъ знакъ (г) на полѣ, сдѣлалъ выписку внизу и приписалъ: «*хотя въ замѣнъ того, и вновь родившіеся не вносятся въ подушные списки*». Фраза эта вошла въ подлинникъ и печатается во всѣхъ изданіяхъ до настоящаго времени.

*) «Р. Арх.», 1866 г., стр. 766.

Въ рукописи:	*Цензорскія поправки:*
Въ той же главѣ, на стр. 111: «попробуй онъ (кулакъ) слегка вершковъ какой-нибудь науки, дастъ онъ знать, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку! *Да еще, пожалуй, скажетъ потомъ: «Дай-ка себя покажу». Да такое выдумаетъ мудрое постановленіе, что многимъ придется солоно».*	Слова, обозначенныя нами курсивомъ, выпущены цензоромъ.
Въ той же главѣ стр. 114: «выражается сильно Россійскій народъ, и если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужь потомъ ни хитри, ни облагороживай свое поприще, *хоть заставь пишущихъ людишекъ выводить его за наемную плату отъ древне-княжескаго рода,* ничто не поможетъ...	Слова, обозначенныя курсивомъ, выпущены цензоромъ.
Въ той же главѣ, стр. 130: «Я не знаю, какъ священники-то не обращаютъ на это вниманія. Сказалъ бы какое-нибудь поученіе. Вѣдь, что ни говори, а противъ слова Божія не устоишь...	Цензоръ измѣнилъ это мѣсто такъ: «Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманія. Ну, сказалъ бы ему какое-нибудь душеспасительное слово. Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго не устоишь.
Глава VII, стр. 141: «При одномъ имени его (писателя, изображающаго высокіе характеры) уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца, отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — *онъ Богъ...*	Слова «онъ Богъ» вычеркнуты цензоромъ.
Въ той же главѣ, стр. 144: А можетъ и *государственную* зашивалъ въ холстяные штаны.	Цензоръ слово «*государственную*» замѣнилъ словомъ «ассигнацію».
Тамъ же: «Взмостился ли ты для большаго прибытку *подъ церковный куполъ, а можетъ быть и на крестъ потащился»...*	Цензоръ всѣ слова, означенныя курсивомъ, замѣнилъ однимъ словомъ «на колокольню».
Въ той же главѣ, стр. 152. Вотъ онъ васъ приведетъ въ присутствіе, сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ *священнодѣйствующихъ,* приносившихъ съ такимъ усердіемъ жертвы Ѳемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, *за что и получилъ* въ свое время коллежского регистратора, прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту.	Цензоръ слово «священнодѣйствующихъ» замѣнилъ словами «тутъ же находящихся», а далѣе слова «за что и получилъ», замѣнилъ такъ: «получившій за ту службу».
Въ той же главѣ, стр. 158: «Онъ (полиціймейстеръ) у насъ *чудотворецъ*», и ниже: «полиціймейстеръ точно былъ *чудотворецъ*».	Цензоръ, слово «чудотворецъ», въ обоихъ мѣстахъ замѣнилъ словами «чудный человѣкъ».
Глава IX, стр. 186: Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и, можно сказать, тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся, *какъ на Бога.*	Цензоръ вмѣсто слова «какъ на Бога», поставилъ: «какъ на каменную стѣну».
Въ той же главѣ, стр. 198: Такъ русскій баринъ, *собачей и іора,* подъѣзжая къ лѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочитъ оттопанный	Слова «собачей и іора», замѣнены словомъ «охотникъ».

Въ рукописи:	*Цензорскія поправки:*
доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ конемъ и поднятымъ арапникомъ въ одинъ застывшій шагъ...	
Глава X, стр. 214. Капитанъ Копейкинъ, сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только на половину, изъ боязни, чтобы кто нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ, *и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: «знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ быть, не вѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ—вещь, требующая чистоты.*	Всѣ означенныя курсивомъ слова выпущены цензоромъ.
Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ подверглась полной передѣлкѣ. Такъ мы видимъ, что въ первоначальномъ текстѣ, капитанъ Копейкинъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, является просить монаршей милости прямо къ министру. Министръ велитъ ему навѣдаться дня черезъ три или четыре, но во время второго визита объявляетъ, что государя въ Петербургѣ нѣтъ, а безъ монаршей воли онъ оказать ему ничего не можетъ. Капитанъ Копейкинъ послѣ того еще нѣсколько разъ былъ у министра, но его не допускали въ пріемную, пока наконецъ, онъ хитростью не втерся туда. Тамъ онъ никакихъ особенныхъ дерзостей не дѣлалъ, а только началъ настойчиво требовать помощи, ссылаясь на свой голодъ. Министръ раскричался на него, обозвалъ его грубіяномъ и съ фельдъегеремъ отправилъ на родину. Кончается же разсказъ тѣмъ, что капитанъ Копейкинъ сформировалъ шайку въ рязанскихъ лѣсахъ, и, не трогая частныхъ лицъ, началъ грабить исключительно казенное имущество, а затѣмъ разбогатѣвъ, уѣхалъ въ Америку.	Въ передѣланномъ разсказѣ, вмѣсто министра является какая-то неопредѣленная коммиссія. Капитанъ Копейкинъ объясняется съ начальникомъ этой коммиссіи. Обнадеженный послѣднимъ, онъ увлекается петербургскими развлеченіями, и истрачиваетъ половину деньженокъ, съ которыми пріѣхалъ въ Петербургъ. При второмъ визитѣ, начальникъ является такимъ сострадательнымъ человѣкомъ, что отъ своихъ средствъ помогаетъ Копейкину, давая ему возможность прожить кое-какъ въ ожиданіи рѣшенія дѣла. Но капитанъ кое-что попробовалъ въ петербургской жизни, и ему показалось мало этого предварительнаго пособія; онъ раскричался въ присутствіи, дошелъ чуть не до драки, вслѣдствіи чего его и отправили съ фельдъегеремъ на родину, какъ кругомъ виноватаго. Затѣмъ разсказъ прерывается появленіемъ неизвѣстной разбойничьей шайки въ рязанскихъ лѣсахъ, при чемъ полиціймейстеръ не успѣваетъ договорить, кто былъ атаманомъ этой шайки, какъ его прерываютъ.
Но и въ этомъ передѣланномъ разсказѣ цензоръ нашелъ, что̀ поправить; на стр. 215, въ подлинникѣ было написано:	
«Вотъ мой капитанъ Копейкинъ, отправился сударь ты мой, въ Петербургъ, чтобы хлопотать по начальству, *что вотъ де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь,* не будетъ ли какого вспоможенія».	Цензоръ выпустилъ слова, означенныя курсивомъ.
На стр. 216: «натащилъ на себя мундиришка и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился *къ самому начальству* въ комиссію».	Цензоръ выбросилъ слово *къ самому начальству.*
На стр. 218: «На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись; а вмѣсто того жди *да и время не назначено*».	Означенныя курсивомъ слова вычеркнуты цензоромъ.
На стр. 219: «Шумъ поднялся такой, всѣхъ распушилъ тамъ этихъ *правителей*».	Цензоръ слово «правителей» замѣнилъ словомъ секретарей.
На той же стр. ниже: «тамъ какой-то *генералъ*, понимаете, подвернулся, даже вовсе посторонняго вѣдомства, онъ, сударь мой, и его!»	Цензоръ замѣнилъ слово «генералъ» словомъ «чиновникъ».
Глава X, стр. 221: «но какъ на бѣду все именно произошло такъ, какъ разсказывается,	Цензоръ вычеркнулъ слова, напечатанныя курсивомъ.

Въ рукописи:	*Цензорскія поправки:*
и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а напротивъ, недалеко отъ обѣихъ столицъ.	
Въ той же гл. на стр. 222: разсказывается о пророкѣ, предсказывавшемъ, что Наполеонъ есть антихристъ и держится на каменной цѣпи и т. д.	Цензоръ замѣнилъ слово «пророкъ» словомъ «предвѣщатель».
Въ той же гл. стр. 230: «они, сказать правду, боятся новаго генералъ-губернатора, *чтобы изъ-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчетъ генералъ-губернатора такого мнѣнія, что если онъ подыметъ носъ и заважничаетъ, то съ дворянствомъ рѣшительно ничего не сдѣлаетъ. Дворянство требуетъ радушія: не правда ли? Конечно, можно запрятаться къ себѣ въ кабинетъ и не дать ни одного бала, да вѣдь этимъ что-жъ? Вѣдь этимъ ничего не выиграешь*».	Цензоръ вычеркнулъ все, напечатанное курсивомъ.
Глава XI, стр. 237: «Русь! Русь! Вижу тебя изъ моего чуднаго, прекраснаго далека, тебя вижу: *бѣдно, разбросано и непріятно въ тебѣ*».	Напечатанныя курсивомъ слова цензоръ замѣнилъ фразой: «бѣдна природа въ тебѣ».
Въ той же главѣ, стр. 241: «Нѣтъ, пора наконецъ припречь и *подлеца.* Итакъ, припряжемъ его, *подлеца*»!	Слово «подлеца» въ обоихъ мѣстахъ цензоръ замѣнилъ словами «плутоватаго человѣка».
Въ той же главѣ, стр. 250: «Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, *новый порядокъ, преслѣдованіе взятокъ*».	Вмѣсто обозначенныхъ курсивомъ словъ цензоръ поставилъ: новые обычаи, облагороженныя обращенія чиновниковъ.
Въ той же главѣ, на стр. 251: «говорится о новомъ правдивомъ генералѣ, выгнавшемъ Чичикова со службы».	Слово *генералъ* замѣнено цензоромъ во всѣхъ мѣстахъ словомъ начальникъ.
Въ той же главѣ, стр. 255: «Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ *самой ревностной службы*».	Означенныя курсивомъ слова, вычеркнуты цензоромъ.
На той же страницѣ: «читатель безъ сомнѣнія слышалъ такъ часто повторяемую исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ».	Цензоръ вставилъ передъ словомъ «исторію» эпитетъ «давнишнюю».
Въ той же главѣ, стр. 256: «Статскій совѣтникъ, по русскому обычаю, съ горя запилъ».	Цензоръ измѣнилъ такъ: статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши... *).

Что касается «Тяжбы», то до 1844 года она не была дозволена къ представленію. Осенью 1844 г. Щепкинъ пріѣхалъ играть въ Петербургъ и имѣлъ значительный успѣхъ. Публика принимала его восторженно. Всѣ высокопоставленные лица приглашали его къ себѣ читать, и оказывали ему самое лестное вниманіе. Между тѣмъ приближался день бенефиса Щепкина; завѣтнымъ желаніемъ его было поставить «Тяжбу», но всѣ хлопоты оказались безъ успѣха. Тогда Щепкинъ обратился къ Дубельту и просилъ его разрѣшить «Тяжбу», объясняя что никакой новой пьесы для бенефиса не имѣетъ.

Благоволившій къ Щепкину Дубельтъ принялъ его необычайно любезно, съ первыхъ же словъ успокоилъ его, обѣщая сдѣлать все возможное, и потребовалъ пьесу для прочтенія, такъ какъ совсѣмъ не зналъ ея.—Щепкинъ оставилъ Дубельту

*) «Чтен. въ Общес. ист. др. Рос.», 1866 г. кн. 3, стр. 240—246.

свой экземпляръ, и на другой день явился за отвѣтомъ. Возвращая Щепкину книгу съ своими помѣтками, Дубельтъ, сказалъ: «Играйте, но смотрите, чтобы зачеркнутое не произносилось на сценѣ. Я самъ буду въ театрѣ! И дѣйствительно онъ присутствовалъ при представленіи и по окончаніи спектакля одинъ изъ первыхъ пришелъ на сцену и благодарилъ бенефиціанта. Вотъ помѣтки Дубельта.

Въ первой сценѣ, слова Пролетова, точь въ точь баба, «*засидѣвшаяся въ дѣвкахъ*»... (про Бурдюкова)... «былъ подъ судомъ, *отецъ воръ*, *обокралъ казну... подлецъ... подлецъ*»...

Во II сценѣ: «губы какія, какъ вола, *у канальи*».

Въ IV сценѣ: въ словахъ Бурдюкова... «когда была брюхата вами», слово «брюхата» зачеркнуто и подписано «*беременна*»... Она доводится родной теткой мнѣ и *бестіи* моему брату... встрѣчаетъ меня эта *бестія то-есть* братъ... тетушка лежитъ *на корачкахъ...* одинъ Богъ, *какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра*, властенъ... *А эта шельма, что стоялъ возлѣ кровати ея*, братъ... а этотъ *подлецъ* опять... Въ словахъ Пролетова, ахъ онъ мошенникъ этакой — слово *мошенникъ* зачеркнуто и подписано *злодѣй*. Въ фразѣ: напьюсь я пьянъ *какъ стелько*, два послѣднія слова зачеркнуты *)».

IV.

Казалось бы, что впечатлѣніе, произведенное на административный міръ того времени «Ревизоромъ» и «Мертвыми душами», должно было со временемъ сгладиться, особенно принимая во вниманіе направленіе мыслей Гоголя въ послѣдній періодъ его жизни, тотъ явный консерватизмъ, какой онъ выразилъ въ своей «Перепискѣ съ друзьями». Но ни почитаніе его таланта высочайшими особами, не исключая самого императора Николая Павловича, ни монаршія милости, изливаемыя на него въ послѣдніе годы его жизни, ни придворныя и великосвѣтскія связи, ничто не могло измѣнить со стороны реакціонеровъ, усилившихся послѣ 1848 года, взглядовъ на Гоголя, какъ на писателя, крайне неблагонамѣреннаго и вреднаго. Онъ былъ ненавистенъ для нихъ не только самъ по себѣ, своими твореніями, но и какъ создатель и представитель въ беллетристикѣ натуральной школы, на которую въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ смотрѣли, какъ на революціонную гидру, потрясающую всѣ основы русской жизни. Статьи «Сѣверной Пчелы», направленныя противъ произведеній Гоголя, еще болѣе раздували это мнѣніе. Въ этомъ отношеніи смерть Гоголя послѣдовала какъ нельзя болѣе вовремя, иначе ему не миновать было бы тяжелыхъ непріятностей. По крайней мѣрѣ, объ этомъ мы вправѣ судить по тому гоненію на имя его, какое послѣдовало тотчасъ же послѣ его смерти. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ кн. Д. А. Оболенскій въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Смерть Гоголя, какъ громовой ударъ, поразила нашу литературу. Всѣ газеты и журналы наполнены были статьями о Гоголѣ. Это окончательно возмутило цензурное управленіе, уже прежде подозрительно относившееся къ Гоголю, считая его знаменемъ или главою либеральной партіи. Особенно злобно относился къ Гоголю бывшій въ то время попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ, предсѣдательствующій въ главномъ управленіи цензуры. Цензорамъ объявлено было приказаніе—строго цензуровать все, что пишется о Гоголѣ, и наконецъ объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ, такъ что взамѣнъ имени его въ печати начали употреблять выраженіе: «извѣстный писатель»**).

*) «Р. Арх.», 1887 г. № 6, стр. 256.
**) «Русск. Стар.», 1878 г., № 12, стр. 948—949.

Въ это самое время Ив. Серг. Тургеневъ написалъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ по поводу смерти Гоголя. Вотъ эта маленькая статейка вся цѣликомъ.

«Гоголь умеръ!.. Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ... Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы всѣ могли надѣяться, что онъ нарушитъ наконецъ свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія, пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертью—называть великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означитъ эпоху въ исторіи нашей литературы, человѣкъ, которымъ мы гордились, какъ одною изъ славъ нашихъ! Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла, подобно благороднѣйшимъ изъ его предшественниковъ... Его утрата возобновляетъ скорбь о тѣхъ незабвенныхъ утратахъ, какъ новая рана возобновляетъ боль старинныхъ язвъ. Не время теперь и не мѣсто говорить о его заслугахъ - это дѣло будущей критики; должно надѣяться, что она пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженія и любви судомъ, которымъ подобные ему люди судятся передъ лицомъ потомства; намъ теперь не до того, намъ только хочется быть однимъ изъ отголосковъ той великой скорби, которую мы чувствуемъ разлитою повсюду вокругъ насъ; не оцѣнять его намъ хочется, но плакать; мы не въ силахъ говорить теперь спокойно о Гоголѣ - самый любимый, самый знакомый образъ не ясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами... Въ день, когда его хоронитъ Москва, намъ хочется ей протянуть отсюда руку, соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали; мы не могли взглянуть въ послѣдній разъ на его безжизненное лицо, но мы шлемъ ему дружескій нашъ прощальный поклонъ и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей любви на его свѣжую могилу, въ которую намъ не удалось, подобно москвичамъ, бросить часть родимой земли! А мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ! Но невообразимо тяжело было бы намъ подумать, что послѣдніе самые зрѣлые плоды его генія—погибли для насъ невозвратно и мы съ ужасомъ внимаемъ жестокимъ слухамъ объ ихъ истребленіи...

«Едва ли нужно говорить о тѣхъ немногихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными или даже вовсе неумѣстными... Смерть имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и завистъ, вражда и недоразумѣніе—все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилою: они не заговорятъ надъ могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставитъ за нимъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами: «Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!» 24 февр. 1852 года, Т...въ»

Нечего и говорить о томъ, что въ настоящее время статью эту самый строгій блюститель благонамѣренности не задумался бы помѣстить въ любую дѣтскую христоматію какъ образецъ посмертнаго панегирика. Но не такъ посмотрѣлъ на нее Мусинъ-Пушкинъ. Онъ зачеркнулъ ее въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ она предназначалась къ напечатанію, выразивъ мнѣніе, что о такомъ писателѣ, какъ Гоголь, преступно отзываться столь восторженно. Тургеневъ послалъ тогда статью въ Москву къ В. П. Боткину, вовсе не ради печатанія ея, а лишь для того, чтобы показать, что Петербургъ не остался равнодушенъ къ страшной потерѣ, понесенной всей Россіей съ кончиной Гоголя. Но Боткинъ и друзья его безъ вѣдома Тургенева рѣшились напечатать статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 13-го марта 1852 г. Московская цензура не зная о запрещеніи статьи въ Петербургѣ, безъ затрудненія пропустила ее. Появленіе статьи взбѣсило Мусина-Пушкина. Онъ нажаловался начальству, изобразивъ Тургенева «бунтовщикомъ», и авторъ «Записокъ Охотника» водворенъ былъ въ съѣзжую 2-й части (на Офицерской улицѣ, близъ Большого Театра). Тургеневу предстояла печальная участь проводить время въ обществѣ пьяницъ и мазуриковъ, но судьба

сжалилась надъ нимъ и послала ему двухъ спасительницъ: это были дочери частнаго пристава; онѣ оказались почитательницами таланта Тургенева, приняли въ немъ большое участіе, обрадовались «счастливому случаю» познакомиться съ нимъ лично и убѣдили своего родителя, вмѣсто помѣщенія Тургенева въ «сибирку»—дать ему пріютъ въ ихъ квартирѣ. Здѣсь Тургеневъ и провелъ нѣсколько недѣль, а затѣмъ былъ высланъ изъ Петербурга въ свое имѣніе *).

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ друзья и родственники Гоголя принуждены были хлопотать о посмертномъ изданіи его сочиненій. Нечего было и надѣяться на успѣхъ этого предпріятія, не заручившись какою-нибудь сильною протекціею. Къ счастью, на помощь явился извѣстный московскій артистъ М. С. Щепкинъ. Въ концѣ 1852 года, прибывъ въ Петербургъ для участія въ представленіяхъ Александринскаго театра, онъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ старался снять опалу съ памяти Гоголя, пріискивая случаи читать разныя его сочиненія во вліятельныхъ салонахъ. При помощи друзей Гоголя это ему удалось вполнѣ. Щепкину не разъ посчастливилось читать Гоголя въ присутствіи в. кн. Елены Павловны и в. кн. Константина Николаевича. Кромѣ искуства читать, М. С. Щепкинъ, весь проникнутый любовью и уваженіемъ къ памяти Гоголя, умѣлъ такъ трогательно разсказывать о немъ свои воспоминанія и такъ живо изображать всю несправедливость гоненія на его память, что невольно подчинялъ своему убѣжденію самыхъ равнодушныхъ слушателей. Горючими слезами оканчивалъ обыкновенно Щепкинъ свою защиту. Весной 1853 года онъ вновь пріѣхалъ въ Петербургъ и на этотъ разъ привезъ съ собой нѣсколько рукописей покойнаго Гоголя; въ числѣ ихъ были «Развязка Ревизора», которую онъ читалъ въ Стрѣльнѣ у в. кн. Константина Николаевича.

Заинтересованный чтеніемъ Щепкина, великій князь вытребовалъ затѣмъ отъ Шевырева, занимавшагося въ Москвѣ разборомъ бумагъ покойнаго Гоголя, оставшіяся главы и отрывки изъ 2-го тома «Мертвыхъ душъ» и «Авторскую исповѣдь». По прочтеніи этихъ двухъ рукописей, великій князь легко могъ убѣдиться, что въ цензурномъ отношеніи онѣ не представляли ни малѣйшаго повода къ какому-либо преслѣдованію, а потому, высоко цѣня талантъ покойнаго Гоголя, онъ рѣшился черезъ посредство шефа жандармовъ графа Орлова ходатайствовать передъ государемъ о разрѣшеніи посмертнаго изданія сочиненій Гоголя. Вслѣдствіе этого ходатайства высочайше было повелѣно разсмотрѣть всѣ сочиненія Гоголя въ московской цензурѣ.

Въ Москвѣ разсмотрѣніе сочиненій Гоголя было поручено цензорамъ Ржевскому и Похвисневу. Сознавая всю щекотливость подобнаго порученія и покорствуя духу времени, цензора эти сдѣлали массу отмѣтокъ почти на каждой страницѣ мѣстъ, которыя по ихъ мнѣнію «будучи отдѣльно взяты, подвергались осужденію не потому, чтобы въ нихъ заключались преступныя мысли, но потому только что онѣ могутъ быть истолкованы читателями въ преступномъ видѣ и подать поводъ къ неблаговиднымъ заключеніямъ». Отмѣтки эти по своему характеру во многомъ напоминаютъ карандашъ Красовскаго. Считаемъ не лишнимъ указать на наиболѣе выдающіяся изъ нихъ:

«Такъ въ т. I, на стр. 42, въ повѣсти «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы» цензорамъ не понравилось выраженіе о лукавомъ: «*чтобъ ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой*»!

«Тамъ же стр. 52, отмѣчено выраженіе: «*Чортъ съ тобою! давай креститься*»!

*) Ibid., стр. 949—950.

«Въ повѣсти «Ночь передъ Рождествомъ», т. I, стр. 103, отмѣчено мѣсто: «Еслибы въ это время проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, *съ дьявольски сплетенною плетью, которою онъ имѣетъ обыкновеніе подгонять своего ямщика*, то онъ вѣрно бы примѣтилъ ее, потому что отъ сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ не ускользнетъ».

«Въ той же повѣсти. стр. 141: «Это царь? спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ». «*Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ*, отвѣчалъ тотъ».

«Тамъ же, стр. 147: «Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара и бѣдный чортъ припустился бѣжать, какъ *мужикъ, котораго только-что выпоролъ засѣдатель*».

«Въ повѣсти «Страшная месть», т. I, стр. 161 Данило такъ отзывается о трезвомъ казакѣ: «*Горилки даже не пьетъ! экая пропасть! Мнѣ кажется, пани Катерина, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ*».

«Въ повѣсти Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька», т. I, стр. 194: «П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки и не смотря на то, что онъ большею частью стоялъ по деревнямъ, онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. *Большая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики, не хуже гусаръ*... Чтобъ еще болѣе показать читателямъ образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, *что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже послѣднее платье, что не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать*».

«На той же страницѣ: «Зато не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ полку и взводомъ своимъ онъ такъ командовалъ, что ротный командиръ всегда ставилъ его въ образецъ. *За то въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина*, произведенъ онъ былъ въ подпоручики».

«Въ повѣсти «Вій», т. I, стр. 403: «Кто? я? сказалъ бурсакъ, отступивши отъ изумленія:—я святой жизни? произнесъ онъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза сотнику:—Богъ съ вами, панъ! Что́ вы говорите! да я—хоть оно непристойно сказать—*ходилъ къ булочницѣ противъ самаго страстнаго четверга*».

«Тамъ же, стр. 411: «*Эхъ жаль, что въ храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить*»!

«Въ повѣсти «Коляска», т. II, стр. 123, при описаніи города П*: «*садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить*».

«Въ ком. «Женитьба», т. II, стр. 311, Ѳекла:—«*И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь, да перекрестишься, коли услышишь*».

«Тамъ же, стр. 333; Ѳекла: «Ужь тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, рѣчь извѣстно какая: *всѣ святые говорили по-русски*».

«Во второй части «Мертвыхъ душъ», т. III, стр. 320: — «Обѣдали? закричалъ баринъ, выходя съ пойманною рыбой на берегъ, весь окутанный въ сѣть, какъ въ лѣтнее время дамская ручка въ сквозистую перчатку, держа одну руку надъ глазами козырькомъ, въ защиту отъ солнца, *другую же пониже — на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани*».

«Тамъ же, стр. 325:—*Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій*».

«Тамъ же, стр. 336—341: цензора обратили вниманіе на характеристику полковника Кошкарева съ его письменнымъ дѣлопроизводствомъ по сельскому управленію, какъ на пародію бюрократизма».

«Тамъ же въ главѣ, стр. 374—414, цензорамъ не понравилось описаніе интригъ и взаимныхъ доносовъ другъ на друга чиновниковъ, съ цѣлью запутать дѣло Чичикова о подложномъ духовномъ завѣщаніи, а также положеніе генералъ-губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собрался ѣхать въ Петербургъ жаловаться на нихъ государю».

«Въ повѣсти «Невскій проспектъ», т. IV, стр. 170:—«притомъ толпа его притиснула такъ, что онъ не смѣлъ попятиться назадъ, *опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ какого-нибудь тайнаго совѣтника*».

«Въ «Запискахъ сумасшедшаго», т. IV, стр. 252:—«Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ. Никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ смотришь иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ, фрачишко на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а по-

смотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ: «фарфоровой вызолоченной чашки и не носи къ нему: это говоритъ докторской подарокъ, *а ему давай пару рысаковъ, или дрожки, или боберъ рублей въ триста. Съ виду такой тихонькой, говоритъ такъ деликатно: «Одолжите ножичка очинить перушко», а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ».*

Тамъ же, стр. 264: — «*Вѣдь черезъ то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ во лбу*» *).

Кромѣ всего этого цензора отмѣтили множество мѣстъ, которыя, даже взятыя отдѣльно, не представляютъ ничего сомнительнаго. Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о небесномъ и т. п. останавливало ихъ, коль скоро упоминанія соединяются съ чѣмъ либо житейскимъ.

Но впрочемъ всѣ эти отмѣтки представлялись отнюдь не рѣшительнымъ veto со стороны цензоровъ. Московская цензура не рѣшилась принять на свою отвѣтственность выпускъ изданія и представила все дѣло въ Главное правленіе цензуры, высказавъ съ своей стороны робкое но благопріятное мнѣніе въ пользу разрѣшенія изданія, въ родѣ того, что «сочиненія Гоголя по общему ихъ духу и впечатлѣнію, производимому ими на читателя, нетолько не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, но еще отличаются чисто нравственнымъ и благонамѣреннымъ направленіемъ; что изъ нихъ комедія «Ревизоръ» и другія постоянно разыгрываются на императорскихъ театрахъ, а прочія сочиненія никогда не подвергались замѣчанію со стороны цензурнаго начальства».

Съ своей стороны попечитель московскаго учебнаго округа и предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета В. И. Назимовъ отнесся въ маѣ 1853 г. къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«Новое изданіе означенныхъ сочиненій оказывается необходимымъ какъ потому, что литературные труды покойнаго Гоголя составляютъ единственное достояніе его семейства, такъ и потому, что экземпляры прежняго изданія, сдѣлавшись рѣдкими, продаются по неимовѣрно высокой цѣнѣ. Но кромѣ этихъ уваженій есть еще болѣе существенная причина, заставляющая желать появленія въ свѣтъ новаго изданія произведеній Гоголя: это ихъ высокое нравственное и художественное достоинство. Ваше превосходительство конечно изволите согласиться, что сочиненія этого писателя, несмотря на комическій характеръ въ нихъ преобладающій, проникнуты самымъ нравственнымъ направленіемъ и исполнены чистой любви ко всему отечественному, ко всѣмъ кореннымъ основаніямъ нашей жизни. Лучшимъ доказательствомъ его убѣжденій служитъ «Переписка съ друзьями», въ которой онъ съ особенной силой высказалъ и преданность церкви, и приверженность къ государю, однимъ словомъ всѣ истинно русскіе чувствованія. Изданіе такого рода писателей по моему мнѣнію не только не должно затруднять, но еще слѣдуетъ поощрять всѣми возможными способами. Но дабы новое изданіе могло имѣть полный успѣхъ и не потерять цѣны въ глазахъ читателей — необходимо дозволить отпечатать сочиненія Гоголя безъ перемѣнъ и исключеній, въ томъ видѣ, какъ они были просмотрѣны авторомъ и одобрены цензурой. Такое снисхожденіе по существующимъ цензурнымъ правиламъ допускается въ отношеніи къ новымъ изданіямъ извѣстныхъ русскихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ и конечно по всей справедливости должно быть примѣнено къ сочиненіямъ Гоголя» **)...

Великій князь Константинъ Николаевичъ, узнавъ отъ Шевырева, что дѣло поступило въ Главное правленіе цензуры, съ своей стороны написалъ письмо къ гр. А. Ѳ. Орлову, въ которомъ ставилъ ему на видъ, что сочиненій Гоголя нѣтъ уже въ продажѣ, тогда какъ они должны были бы находиться въ каждой библіотекѣ, что даже у него нѣтъ полнаго собранія ихъ, просилъ побудить члена Главнаго правленія Л. В. Дубельта постараться, чтобы разрѣшеніе комитета на

*) «Р. Стар.», 1880 г., № 12, стр. 1001—1003.
**) «Р. Стар.», 1882 г., № 2, стр. 482.

*

изданіе этихъ сочиненій послѣдовало по возможности въ непродолжительномъ времени, и между прочимъ писалъ:

Сверхъ того, я просилъ бы Леонтія Васильича (Дубельта) оказать просвѣщенное содѣйствіе еще по одному обстоятельству этого изданія. Я слышалъ, будто московскіе цензоры находятъ нужнымъ исключить въ новомъ изданіи Гоголя многія мѣста, напечатанныя въ первомъ изданіи; подобное распоряженіе мнѣ кажется будетъ имѣть слѣдствіемъ то, что вниманіе публики будетъ обращено именно на эти исключенныя мѣста и молодые люди, которые купятъ новое изданіе, станутъ вписывать въ него для полноты непропущенныя мѣста перваго изданія. Примѣры этому бывали уже неоднократно, и вмѣсто пользы предполагаемое распоряженіе принесетъ явный вредъ. Сверхъ того личность Гоголя, его религіозныя вѣрованія и преданность къ Престолу слишкомъ извѣстны, чтобъ можно было подозрѣвать въ его сочиненіяхъ какое-либо неблагонамѣренное направленіе. Какъ сатирикъ и комикъ, онъ осуждалъ дурное и смѣялся надъ смѣшнымъ, но цѣль его всегда была хорошая и плоды его сатиры были всегда полезны. Поэтому мнѣ казалось бы, что необходимо даже оказать пособіе правительства на изданіе ненапечатанныхъ еще его сочиненій, которыя желательно бы видѣть въ печати безъ всякихъ пропусковъ» *).

Вслѣдствіе этого письма Л. В. Дубельтъ при разсмотрѣніи дѣла объ изданіи сочиненій Гоголя представилъ въ Главное правленіе цензуры особенную записку, въ которой съ своей стороны выразилъ слѣдующее мнѣніе о сочиненіяхъ Гоголя.

Гоголь, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны. Какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ, подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то онъ представляетъ сцены не всегда строго-нравственныя и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судятъ ошибочно или невыгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Но вообще направленіе у него всегда нравственное; неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе или возбуждаетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіяхъ дѣйствительно кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, кѣмъ и по какому случаю что̀ сказано. Эти-то мѣста всѣ безъ малѣйшаго исключенія отмѣчены цензорами».

Дѣлая затѣмъ перечень этихъ мѣстъ (представленный нами выше), Дубельтъ замѣчаетъ, что ежели подобныя мѣста, въ сущности безвредныя, запрещать, то «цензура впадетъ въ тѣ же ошибки, въ которыя впали цензора лѣтъ 20-ть тому назадъ», и при этомъ Дубельтъ приводитъ рядъ извѣстныхъ намъ курьезныхъ замѣчаній, которыя нѣкогда Красовскій сдѣлалъ къ стихотворенію Олина. И затѣмъ онъ заключаетъ свою записку слѣдующими словами:

«По уваженію же того, что сочиненія Гоголя въ общемъ направленіи вполнѣ благонамѣренны; что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнемъ, заставитъ почитателей автора пріискивать выпущенныя мѣста по первому изданію, а это придастъ видъ преступнаго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго, что съ тѣмъ вмѣстѣ упадетъ достоинство новаго изданія и наслѣдники Гоголя не получатъ тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтены для нихъ литературными заслугами умершаго ихъ родственника, я полагаю справедливымъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1851 года **),

*) «Р. Стар.» 1880 г., № 12, стр. 1004—1005.

**) Высочайшее повелѣніе, на которое опирается Дубельтъ, заключается въ томъ, чтобы «предоставить Главному правленію цензуры, при разсмотрѣніи донесеній цензурныхъ комитетовъ о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе въ примѣненіи къ содержанію ихъ цензурныхъ правилъ, съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, большей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время и наконецъ тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія, относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большему числу читателей отъ тѣхъ, которыя читаются только людьми, посвятившими себя подробному изученію нашей литературы».

исходатайствовать разрѣшеніе на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій *).

Только подобныя сильныя ходатайства и могли сломить упрямство Мусина-Пушкина, непреклонно стоявшаго за то, чтобы не допустить ни подъ какимъ видомъ изданія сочиненій Гоголя. Лишь присутствіе на засѣданіи Главнаго цензурнаго правленія самого министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, Орлова и Дубельта могли поколебать эту неприступную твердыню. Да и то дѣло уладилось лишь послѣ того, какъ было постановлено, чтобы заглавіе «Мертвыхъ Душъ» было измѣнено и поэма Гоголя названа просто «Похожденія Чичикова». Согласно этому постановленію составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, удостоенный высочайшаго утвержденія **).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Редакторскія и цензурныя дрязги при изданіи энциклопедическаго лексикона Плюшара.—Цензоръ П. А. Корсаковъ и его распоряженія.—«Сѣверная Пчела».—Характеристика Греча и Булгарина и различныя цензурныя недоразумѣнія, постигавшія ихъ.—Усиленіе надзора за журналами и ограниченіе разрѣшенія новыхъ.—Упадокъ книжной торговли.—Стѣсненія изданій для народа и подчиненіе цензурѣ лубочныхъ произведеній.—Рядъ мелкихъ цензурныхъ распоряженій касательно различныхъ изданій.

I.

Въ 1836 году возникло въ Петербургѣ изданіе знаменитаго энциклопедическаго словаря, книгопродавца Плюшара, предпріятіе грандіозное, задуманное на самую широкую ногу. Здѣсь были сосредоточены повидимому всѣ умственныя силы Петербурга, потому что къ сотрудничеству въ работахъ по словарю были привлечены болѣе ста писателей, профессоровъ и всякаго рода ученыхъ спеціалистовъ. Успѣхъ въ публикѣ предпріятіе это имѣло небывалый: цифра подписки достигла до 7000, о чемъ въ то время не смѣло мечтать ни одно даже періодическое изданіе.

Но все это предпріятіе оказалось, какъ извѣстно, дутымъ. Начать съ того, что во главѣ изданія Плюшаръ не могъ поставить никакихъ иныхъ болѣе достойныхъ, дѣльныхъ и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ личностей, какъ пресловутыхъ Греча и Сенковскаго. И не говоря уже о томъ, что трудно было и ожидать, чтобы предпріятіе подъ такой редакціей было поставлено на высоту соотвѣтственной цѣли его, въ самыхъ закулисныхъ нѣдрахъ ея должны были неминуемо послѣдовать при полномъ отсутствіи какого бы то ни было порядка и согласія рядъ интригъ, происковъ и ссоръ, доходившихъ если не до драки, то

Сопоставляя это высочайшее повелѣніе съ тѣми трудностями, которымъ подверглось посмертное изданіе сочиненій Гоголя, мы видимъ, что какъ ни было въ то время расположено къ суровымъ строгостямъ высшее правительство, администраторы, въ родѣ Мусина-Пушкина, усугубляли эти строгости вопреки даже его видамъ и предписаніямъ.

*) «Русск. Стар.», 1880 г., № 12, стр. 999—1004.

**) «Русск. Стар.», 1873 г., № 12, стр. 951.

во всякомъ случаѣ до взаимныхъ доносовъ. И дѣйствительно мы видимъ, что не успѣла еще сформироваться редакція, какъ уже въ нѣдрахъ ея произошелъ раздоръ. Гречъ, къ которому Плюшаръ обратился съ предложеніемъ принять на себя редакцію лексикона, первоначально отказался подобно Борису Годунову при избраніи на царство, и великодушно предложилъ Плюшару обратиться къ Сенковскому. Послѣдній согласился; но тогда вдругъ всѣ сотрудники, узнавъ объ этомъ, отказались отъ участія въ изданіи. Плюшаръ опять обратился къ Гречу съ слезною мольбою. Тогда Гречъ, продолжая отказываться, предложилъ Плюшару, чтобы сотрудники сами избрали себѣ редактора по большинству голосовъ. Мѣстомъ собранія сотрудниковъ была назначена зала въ квартирѣ Греча; они собрались въ ней въ числѣ 105 человѣкъ и конечно ужь единогласно избрали главнымъ редакторомъ хозяина квартиры. Сенковскій же былъ избранъ редакторомъ по части восточныхъ языковъ и исторіи. Онъ покорился повидимому своей скромной долѣ, но въ душѣ затаилъ намѣреніе при первомъ же удобномъ случаѣ не замедлить разыграть по отношенію къ Гречу роль Макбета, тѣмъ болѣе что дѣло шло здѣсь не объ одномъ только главенствѣ, но и о тепленькомъ мѣстечкѣ: редакторство доставляло Гречу до 25,000 р. асс.

Нечего и говорить о томъ, что въ цензурномъ отношеніи Гречъ повелъ дѣло безукоризненно, и относился къ статьямъ, какъ мы увидимъ ниже, строже самихъ цензоровъ. Лишь на VI томѣ вышла маленькая запятая. Тамъ была помѣщена статья о Бонапартахъ. Императоръ Николай, какъ видно, лично просматривавшій томы лексикона, обратилъ вниманіе на эту статью и замѣтилъ въ ней нѣсколько предосудительныхъ мѣстъ. Особенно не поправилось ему слѣдующее мѣсто (стр. 293, при исчисленіи дѣтей бывшаго короля Голландскаго Людовика-Наполеона): «Карлъ-Люи-Наполеонъ, родившійся въ 1808 году, принцъ мужественный, любезный и кроткій». Находясь въ это время въ Чембарѣ и лежа въ постели съ вывихнутой ключицей, Николай особенно отмѣтилъ карандашомъ это мѣсто и приказалъ розыскать автора этой статьи. Въ концѣ сентября 1836 года редакторъ Энц. лексикона былъ приглашенъ въ III отдѣленіе. Вотъ какъ описываетъ допросъ по этому поводу самъ Гречъ, выставляющій себя самого въ своихъ запискахъ постоянно самымъ что ни на-есть благороднымъ и великодушнымъ человѣкомъ:

— Кто сочинитель статьи? спросилъ у меня начальникъ секретнаго отдѣленія, Лавровъ.

— Эта статья переводная, отвѣчалъ я.

— Откуда переведена? Покажите подлинникъ.

Я отправился домой, взялъ томъ лексикона «Encyclopédie des gens du monde» и привезъ въ канцелярію.

— Кто переводилъ? спросилъ начальникъ отдѣленія.

Я вспомнилъ, что перевелъ эту статью или заставилъ перевести Ив. Петр. Шульгинъ, ректоръ с.-петербургскаго университета, и что ректоръ московскаго университета Болдыревъ недавно пострадалъ по дѣлу о «Телескопѣ» Надеждина, и сказалъ:

— Право не помню: у насъ переводятъ и дѣвицы. Но за содержаніе статей отвѣчаю я, главный редакторъ. На какую гауптвахту идти?

Онъ разсмѣялся и сказалъ: — «Гр. Бенкендорфъ просилъ васъ только внимательнѣе смотрѣть за изданіемъ и больше ничего».

Это возвышенное благородство не помѣшало Гречу въ скоромъ времени принять на себя весьма двусмысленную и въ своемъ родѣ небывалую роль цензора надъ самимъ цензоромъ. Это курьезное обстоятельство произошло въ томъ же 1836 году, въ разгарѣ страстей, возгорѣвшихся по случаю интригъ Сенковскаго. Послѣдній не дремалъ и дѣятельно подкапывался подъ Греча. Придравшись къ

ничтожному поводу, онъ поссорился съ Гречемъ, вкрался въ довѣріе къ Плюшару и убѣдилъ его, что берется быть главнымъ редакторомъ за половину той суммы, которая выплачивается Гречу. Плюшаръ былъ очень конечно радъ этому, но затруднялся, какъ уволить Греча. Сенковскій научилъ Плюшара, какъ лучше вести интригу, и самъ дѣятельно принялся за нее. Въ числѣ редакторовъ былъ нѣкто Ал. Ѳед. Шенинъ, инспекторъ классовъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, завѣдывавшій въ лексиконѣ отдѣломъ военныхъ наукъ и математики. Первымъ дѣломъ Сенковскій поссорилъ Греча съ этимъ самымъ Шенинымъ, и послѣдній отказался отъ сотрудничества въ лексиконѣ. Хотя Гречъ, распутавъ эту интригу,повидимому помирился съ Шенинымъ и получилъ отъ него обѣщаніе снова сотрудничать, но Шенинъ уѣхалъ на время на Кавказъ и, судя по послѣдующему, остался не особенно расположеннымъ къ Гречу. Мѣсто Шенина занялъ Петръ Александровичъ Корсаковъ. Это былъ братъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа князя Мих. Ал. Дундукова-Корсакова. Отставной, обремененный семействомъ морякъ, много путешествовавшій во время своей службы по всѣмъ морямъ и странамъ свѣта, подвизавшійся не мало и на литературномъ поприщѣ, онъ при посредствѣ брата получилъ мѣсто цензора при с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ. Должность цензора не помѣшала ему сотрудничать и въ лексиконѣ Плюшара. Но обязанности свои онъ исполнялъ крайне небрежно, заботясь лишь о пріобрѣтеніи какъ можно большаго заработка. Съ этою цѣлью онъ помѣщалъ въ лексиконѣ длиннѣйшія и скучнѣйшія переводныя статьи своихъ дочерей и часто выходилъ совершенно изъ рамокъ своего отдѣла. Такъ напримѣръ, конечно ужь ни къ военному, ни къ математическому отдѣламъ нельзя отнести пресловутую статейку его о бритвенномъ приборѣ: «Бритвенный приборъ состоитъ изъ блюдечка съ выемкою на краю, изъ кисточки, мыльца и чашки съ кипящей водою». Гречъ браковалъ подобныя статьи Корсакова, и этимъ вооружилъ его противъ себя. Между прочимъ Корсаковъ приготовилъ для лексикона переведенную дочерью его изъ «Dictionaire des gens du monde» статью «18-е Брюмера». И вотъ, несмотря на то, что статья эта была представлена въ лицѣ Корсакова самимъ цензоромъ, Гречу показалась она нецензурною, «заключавшею въ себѣ разныя революціонныя выходки», и онъ забраковалъ ее, замѣнивъ слѣдующимъ: «18-го Брюмера VIII года французской республики (9-го ноября новаго стиля 1799 г.), день, въ который Наполеонъ Бонапартъ былъ назначенъ первымъ консуломъ (см. Наполеонъ)».

Корсаковъ вышелъ изъ себя какъ вообще вслѣдствіе забраковки его статьи, такъ въ особенности отъ посрамленія его цензорскаго званія и обратился съ претензіею къ возвратившемуся съ Кавказа Шенину и самому Плюшару. Тогда Плюшаръ написалъ Гречу письмо, въ которомъ, жалуясь на медленный ходъ изданія и на препятствія, которыя Гречъ ставитъ дѣлу, отвергая готовыя статьи, сообщилъ въ то же время, что Корсаковъ и Шенинъ *приказали* помѣстить въ лексиконѣ забракованную статью о 18-мъ Брюмерѣ. Гречъ естественно былъ до крайности оскорбленъ, какое право имѣли сотрудники, получавшіе изъ его кармана половину своего гонорара, приказывать ему, главному редактору, черезъ третье лицо, чтобы онъ подчинился ихъ волѣ и подвергся отвѣтственности за содержаніе статьи. Но вмѣсто того чтобы ограничиться отказомъ отъ участія въ лексиконѣ, что ему только и оставалось дѣлать, вслѣдствіе нанесенной ему грубости, Гречъ обратился вдругъ къ попечителю кн. М. А. Дундукову-Корсакову, какъ предсѣдателю цензурнаго комитета, съ жалобою на П. А. Корсакова за помѣщеніе подоб-

ной статьи. Очень понятно, что вся редакція лексикона посмотрѣла на это письмо Греча какъ на доносъ.

П. А. Корсаковъ въ свою очередь, при посредствѣ конечно начальника-брата, принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы парализовать жалобу Греча, и вотъ 7-го октября 1836 г. Гречъ получилъ отъ попечителя слѣдующій отвѣтъ на свою жалобу:

«Милостивый государь, Николай Ивановичъ, по предложенію моему читана была вчера въ цензурномъ комитетѣ статья «18-е Брюмера», назначенная для энциклопедическаго лексикона. Комитетъ не нашелъ въ ней ничего предосудительнаго, а я съ своей стороны и тѣхъ замѣчаній, кои находились въ письмѣ вашемъ; при чтеніи этой статьи цензоръ Корсаковъ объявилъ, что она была представляема имъ на разсмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія и получила уже одобреніе его высокопревосходительства. По этой причинѣ я почелъ излишнимъ вносить въ комитетъ письмо ваше и даже доводить его до свѣдѣнія г. министра, на коего высочайшимъ повелѣніемъ возложено непосредственное наблюденіе за изданіемъ энциклопедическаго лексикона».

Гречъ съ своей стороны отвѣчалъ князю на это письмо:

«На почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 7 октября, подъ № 2916, коимъ вы благоволите увѣдомить меня, что вы не нашли въ статьѣ «18-е Брюмера» тѣхъ замѣчаній, которыя находятся въ письмѣ моемъ къ вамъ отъ 30 сентября, честь имѣю вамъ отвѣтствовать, что мнѣ неизвѣстно, въ какомъ видѣ статья сія была представлена вамъ, но что всѣ обозначенныя мною мѣста находятся въ рукописи сей статьи, бывшей у меня въ рукахъ и востребованной у меня обратно черезъ типографію Плюшара П. А. Корсаковымъ 3 сего октября. Эта рукопись, для вящшаго удостовѣренія, скрѣплена мною по мѣстамъ и мѣста, возбудившія мое сомнѣніе, подчеркнуты красными чернилами. Благоволите справиться. Впрочемъ, какъ единственною цѣлью моего письма къ вашему сіятельству было сложеніе съ меня отвѣтственности, которой я подвергался на основаніи подписки, данной мною въ С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ 22 дек. 1834 г. въ томъ, что редакторъ отвѣтствуетъ наравнѣ съ цензоромъ сочиненія и цѣль сія совершенно достигнута благосклоннымъ объявленіемъ вашего сіятельства, то и остается мнѣ только выразить вамъ за сіе чувствительнѣйшее мое благодареніе и повторить изъявленіе истиннаго высокопочитанія и совершенной преданности, съ каковыми имѣю честь пребыть и пр.»

Вслѣдъ за тѣмъ Гречъ былъ приглашенъ къ князю Корсакову, который встрѣтилъ его словами:

— Вы написали мнѣ вздорное письмо!..

— Извините, князь, отвѣчалъ Гречъ:—оно было лишь отвѣтомъ на Ваше.

Затѣмъ Гречъ пустился въ длинныя объясненія, подкрѣпляя слова свои различными письмами и бумагами, причемъ были пущены въ ходъ письма, адресованныя не только къ нему, Гречу, но и чужія; что видно изъ того, что князь выразилъ сильное негодованіе на дерзость Плюшара, который въ письмахъ къ Шенину называлъ его статскаго, совѣтника, *ты*. Въ концѣ концовъ Гречу удалось умилостивить князя и они разстались, обмѣнявшись взаимными обѣщаніями: Гречъ обѣщалъ князю прекратить печатаніе въ Сѣверной Пчелѣ объявленія объ отказѣ его отъ участія въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», а князь съ своей стороны обѣщалъ «*не дозволять противникамъ Греча печатать полемическихъ статей по поводу этого отказа*».

«Онъ далъ слово, говоритъ Гречъ въ своихъ запискахъ: – и сдержалъ: *Въ журналахъ не было пропущено ни одной статьи противъ меня;* но «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Инвалидъ» состояли подъ другою цензурою и въ этихъ журналахъ соперники мои излили на меня въ декабрѣ, при выходѣ 7-го тома «Энциклопедическаго лексикона», всю злость свою. Я отвѣчалъ имъ подробно и жестоко въ трехъ послѣднихъ нумерахъ «Сѣверной Пчелы» 1836 года статьею, подписанною псевдонимомъ. Плюшаръ ужасно боялся этихъ статей и постарался, чтобы по крайней мѣрѣ иногородные читатели «Пчелы» ихъ не видали. Онъ подкупилъ сторожей, запечатывавшихъ номера «Сѣверной Пчелы» на почтѣ, чтобы они удержали и истребили всѣ экземпляры послѣд-

нихъ трехъ нумеровъ «Пчелы». Подписчики думали, что эти нумера не выходили и дѣло осталось въ шляпѣ» *).

Изъ всего этого наглядно можно видѣть, что представляли собою наши россійскіе энциклопедисты 30-хъ годовъ; это было такое невообразимое скопище всевозможной грязи, что никакіе опытные прокуроры и слѣдователи во вѣки вѣковъ не разобрали бы ихъ дрязгъ и не рѣшили бы. кто изъ нихъ болѣе, кто менѣе низокъ.

Кстати о П. Ал. Корсаковѣ какъ о цензорѣ. Петербургскій старожилъ г. Бурнашевъ разсказываетъ весьма курьезный фактъ. Правда, фактъ этотъ имѣетъ слишкомъ ужъ анекдотическій характеръ, но, не имѣя возможности подвергнуть его исторической критикѣ, выдаемъ его въ томъ видѣ въ какомъ получили.

Въ 1837 году по заказу книгопродавцевъ братьевъ Заикиныхъ, Бурнашевъ скомпилировалъ географическую книгу для дѣтскаго чтенія: «Прогулка съ русскими дѣтьми по Россіи» въ 4 томахъ. Изданіе это предполагали напечатать въ 12,000 экземплярахъ. Когда рукопись отдали въ с.-петербургскій цензурный комитетъ, тамъ ее поручили цензору Александру Лукичу Крылову. Но Крыловъ, по словамъ Бурнашева, былъ до того пристрастенъ къ горячительнымъ напиткамъ, что пагубная эта страсть обратилась у него въ запой; пароксизмы этой болѣзни иногда были очень продолжительны, и тогда надо было сказать прощай на безграничное время рукописямъ, попавшимъ въ его цензуру.

Но въ то время, имѣя связи, можно было пристроивать рукописи къ тому или другому цензору ad libitum. Бурнашевъ сейчасъ же началъ хлопотать. Онъ отправился къ П. А. Корсакову и за: нтересовалъ его своимъ трудомъ какъ страстнаго географа. Затѣмъ онъ побывалъ на обѣдѣ у князя Дундукова-Корсакова и попросилъ у него чтобы рукопись была передана отъ Крылова къ его брату. Когда Корсаковъ получилъ на свое разсмотрѣніе рукопись и принялся на нее, онъ такъ увлекся ею, что началъ относиться къ ней не какъ цензоръ, а какъ сотрудникъ автора:

«Онъ принялся, говоритъ г. Бурнашевъ:—заниматься ею съ особенною охотою и увлеченіемъ, дѣлая поправки и вшивая не листы, а почти цѣлыя дести собственноручныхъ прибавленій съ описаніями, довольно живыми и очень подробными различныхъ то мѣстностей, то обрядовъ и обычаевъ народныхъ, то празднествъ чисто русскихъ. Масса моихъ листовъ, мѣстами уменьшавшаяся вымарками, замѣнялась въ двойномъ количествѣ работою цензора, преобразившагося изъ любви къ искусству въ моего коллаборатора и чуть ли не сдѣлавшагося главнымъ составителемъ книги, разумѣется много выигравшей отъ такого участія въ моихъ ученическихъ и несовершенныхъ трудахъ пера бойкаго и довольно краснорѣчиваго человѣка владѣвшаго имъ мастерски. Иногда ему нужны были нѣкоторыя справки, и для этого онъ при хорошемъ знакомствѣ съ управленіемъ публичной библіотекою получалъ оттуда себѣ на домъ цѣлые вороха книгъ изъ русскаго отдѣленія. При обработкѣ каждаго тома Петръ Александровичъ возвращалъ мнѣ этотъ томъ, уже вполнѣ готовый въ печать и снабженный сургучнымъ пропускомъ цензурнаго комитета. Мало этого: Петръ Александровичъ до того полюбилъ мою, сдѣлавшуюся почти уже его, книгу, что требовалъ къ себѣ на разсмотрѣніе до тисненія каждый листъ корректуры и тутъ обыкновенно дѣлалъ еще нѣкоторыя дополненія и измѣненія, бывшія конечно далеко не во вредъ этому увражу».

Принявъ такое горячее участіе въ составленіи книги, Корсаковъ по выходѣ ея сдѣлался не менѣе ревностнымъ ея пропагандистомъ. И здѣсь въ свою очередь онъ не преминулъ воспользоваться своимъ цензорскимъ положеніемъ: такъ онъ разослалъ книгу по всѣмъ редакціямъ съ своею личною рекомендаціею и этого было достаточно, чтобы рецензенты взапуски принялись расхваливать ее. Мало

*) «Русск. Архивъ», 1870 г., стр. 1249.

этого: онъ рекомендовалъ книгу самому министру, когда тотъ обратился къ нему за совѣтомъ что читать по географіи Россіи его сыну. Книга была представлена Уварову въ бархатномъ переплетѣ съ золоченными инкрустаціями. Но совершенно неожиданно это оказалось излишнимъ, хватившимъ черезъ край усердіемъ, едва не сгубившимъ книгу. Уваровъ пересматривая ее, нашелъ въ ней какой-то анекдотъ о Павлѣ и велѣлъ тотчасъ же конфисковать ее. Двадцать экземпляровъ, уже проданныхъ и розданныхъ, были отобраны у покупатлей. Пришлось перепечатывать все изданіе. Досталась головомойка нетолько Корсакову, но и Бурнашеву: ему черезъ директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія былъ объявленъ строгій выговоръ *).

II.

Среди мутнаго и смраднаго болота, какое представляла собою петербургская журналистика въ 30-е годы, самымъ постыднымъ для русской литературы и самымъ тлетворнымъ для читающей публики того времени возвышался печальный памятникъ эпохи въ видѣ «Сѣверной Пчелы» Булгарина и Греча. Знаменитый органъ этотъ не даромъ оставилъ по себѣ мрачную и грязную память, и памяти этой онъ обязанъ не однимъ только тупымъ непониманіемъ литературнаго движенія своего времени и насмѣшками надъ Бѣлинскимъ, Гоголемъ и натуральною школою, но и тѣмъ нравственнымъ неряшествомъ, какимъ онъ проникнутъ былъ въ каждомъ своемъ номерѣ, тѣмъ сикофантствомъ, на поприщѣ котораго онъ постоянно подвизался.

Возникла «Сѣверная Пчела» при самыхъ мрачныхъ обстоятельствахъ реакціи послѣдняго года царствованія Александра I. Въ то время даже Гречъ попалъ въ неблагонадежные люди: отданный подъ судъ вслѣдствіе печатанія въ его типографіи книги Геснера, онъ былъ уволенъ отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія, не принятъ на службу по министерству финансовъ и, находясь въ весьма критическихъ обстоятельствахъ, такъ какъ и «Сынъ Отечества» его шелъ вяло, онъ задумалъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ издавать политическую и литературную газету, выходящую трижды въ недѣлю. Трудно было въ то время выхлопотать разрѣшеніе на изданіе подобной газеты, тѣмъ болѣе опальному Гречу. Но за дѣло это взялся Булгаринъ и оказался первымъ мастеромъ пролѣзать, гдѣ и куда угодно. Суровый относительно литераторовъ вообще и мистиковъ въ особенности, министръ Шишковъ былъ въ то же время очень слабъ къ женскому полу, несмотря на свои преклонные годы, и въ это время какъ разъ ему случилось увлечься полькою Нарбутъ, на которой онъ потомъ женился. Вотъ эту-то свою соотечественницу удалось обойти ловкому Булгарину, а ей ничего не стоило обойти министра,— и разрѣшеніе газеты послѣдовало, несмотря на всѣ тогдашнія строгости.

Переживая погромъ 1825 года, во время котораго друзья-соиздатели зорко слѣдили одинъ за другимъ, взаимно опасаясь другъ друга, газета при новомъ царствованіи возсіяла въ полномъ блескѣ. Она сдѣлалась въ скоромъ времени привиллегированною газетою, которой одной только было разрѣшено сообщать политическія новости и даже обсуждать ихъ иногда; всѣ высшіе государственные

*) «Биржевыя Вѣдомости», 1872 г., №№ 347, 348 и 355.

люди подписывались на «Сѣверную Пчелу» и изъ нея одной почерпали новости дня, равно и мнѣнія о новыхъ явленіяхъ въ литературѣ; самъ императоръ Николай прочитывалъ газету, которая ежедневно полагалась на столъ въ его кабинетѣ, вслѣдствіе чего заграницей на «Сѣверную Пчелу» смотрѣли какъ на оффиціальный органъ и въ Германіи ее называли не иначе какъ «Hofzeitung».

Пользуясь этимъ положеніемъ господа соиздатели какъ пауки раскинули свою сѣть надъ всею литературою. Не было ничего отраднаго, выдающагося и завѣтнаго въ литературѣ того времени, надъ чѣмъ бы они ни насмѣялись, чего бы ни забросали грязью, на что бы ни бросили тѣни своихъ инсинуацій и наговоровъ, явныхъ и тайныхъ. Гнуснѣе всего было то, что ими руководило въ этомъ отношеніи отнюдь не какое-либо политическое изувѣрство, заблужденіе, которое при всей своей нелѣпости могло бы оправдываться хотя бы искренностью невѣжества. Ничуть не бывало: при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было послѣдовательныхъ и опредѣленныхъ убѣжденій они руководились одними только самыми низменными страстишками вродѣ соперничества, зависти, уязвленнаго самолюбія и барышничества. Но наиболѣе опасны, вредны и отвратительны они были тѣмъ, что не ограничивались одними печатными, открытыми нападеніями, которыя всегда можно отразить. Они постоянно втирались въ знакомство съ наиболѣе вліятельными и сильными административными людьми вродѣ гр. Бенкендорфа, Дубельта, фонъ-Фока и т. п. и въ интимныхъ дружескихъ разговорахъ съ ними они... не доносили, какъ можно! они считали себя слишкомъ благородными и возвышенными людьми для этого, они только высказывали свои мнѣнія о книгахъ и людяхъ своимъ высокопоставленнымъ друзьямъ, помогали имъ совѣтами, предупреждали, предостерегали, разъясняли и т. п. Они держались такого мнѣнія, что явиться къ незнакомому лично администратору съ формальнымъ доносомъ на друга—это конечно низко и отвратительно. Но бросить какъ бы вскользь нѣсколько компрометирующихъ тѣней на врага и заставить администратора-друга обратить должное вниманіе на ненавистнаго имъ человѣка—въ этомъ они нетолько не видѣли ничего предосудительнаго, а напротивъ того полагали честь и долгъ каждаго благонамѣреннаго гражданина и истиннаго сына отечества. Особенно этою доблестью отличался Н. И. Гречъ, который на другой же день послѣ 14-го декабря написалъ записку о причинахъ возмущенія и между прочимъ сказалъ въ ней, что тому спобствовало удаленіе многихъ способныхъ людей и въ томъ числѣ М. Я. фонъ-Фока. «Я подалъ эту бумагу, говоритъ Гречъ въ своихъ запискахъ:—новому военному генералъ-губернатору П. В. Кутузову для поднесенія государю; но такъ какъ въ то время для секретныхъ дѣлъ составлено было III отдѣленіе канцеляріи его императорскаго величества, то онъ препроводилъ туда и эту бумагу. Такимъ образомъ она попалась въ руки фонъ-Фоку, который узналъ изъ нея мою искреннюю дружбу и уваженіе къ нему, бывшему тогда въ немилости и всѣми оставленному. Это сблизило насъ еще болѣе *и доставило мнѣ случай дѣлать при посредствѣ фонъ-Фока много добра и еще болѣе предупреждать зла*».

Выставляя себя, какъ мы замѣтили выше, въ запискахъ своихъ самымъ что ни на есть возвышеннымъ человѣкомъ, Гречъ старается выгородить и Булгарина отъ обвиненій въ наушничествѣ. Но мы видѣли уже въ предшествующей главѣ частицу подвиговъ благородства Н. И. Греча и могли убѣдиться, что благородству этому не мѣшали ни доносы на цензоровъ, ни чтеніе административнымъ лицамъ чужихъ писемъ, ни исходатайствованіе запрещенія полемическихъ статей

противниковъ. Что касается Булгарина, то конечно, не будучи принятъ въ знатныхъ домахъ какъ Гречъ, онъ плавалъ мельче, но все-таки плавалъ и, стараясь его всячески защитить, Гречъ въ то же время говоритъ о немъ слѣдующее:

«Онъ былъ представленъ фонъ-Фокомъ и Бенкендорфу, кланялся, льстилъ и хвалилъ попольски, но никогда не былъ употребляемъ по секретнымъ дѣламъ *и только развѣ жаловался на обиды, которыя претерпѣвалъ отъ Воейкова, Краевскаго и другихъ журналистовъ.* Онъ до крайности боялся жандармеріи и завидя издали лошадь съ синимъ чепракомъ хватался за шляпу и кланялся. Бенкендорфу понадобился польскій секретарь. Ѳаддей рекомендовалъ ему друга своего Леонарда Викентьевича Ордынскаго, человѣка честнаго. Булгаринъ полагалъ, что будетъ черезъ Ордынскаго еще лучше узнавать, не готовится ли какая напасть на «Пчелу», но ошибся въ своемъ разсчетѣ. Ордынскій, утвердясь на своемъ мѣстѣ, поднялъ носъ передъ своимъ патрономъ и на вопросъ Булгарина: «Неужели ты не будешь сообщать мнѣ, если кто-нибудь станетъ угрожать мнѣ изъ графскаго кабинета?» отвѣчалъ съ благородною гордостью человѣка, не имѣющаго нужды въ спрашивающемъ: «Ничего тебѣ не скажу, ибо не хочу осрамить твоей рекомендаціи и ни въ какомъ случаѣ не нарушу моихъ обязанностей ни для кого». Булгаринъ онѣмѣлъ, испугался неожиданной честности своего бывшаго друга и кліента и даже сталъ его бояться. Ордынскій не только не прекращалъ съ нимъ дружбы, но и сблизился съ нимъ еще болѣе, водворился у него въ домѣ и сталъ хозяйничать и командовать какъ у себя. Булгаринъ не смѣлъ пикнуть и предоставилъ ему дѣлать, что угодно. До какихъ предѣловъ простиралась эта уступчивость, по совѣсти сказать не могу. Она прекратилась только смертью Ордынскаго въ маѣ 1852 года. Булгаринъ почтилъ память его въ «Сѣверной Пчелѣ» великолѣпнымъ некрологомъ»... *)

Но замѣчательно при всемъ этомъ, что цѣною всѣхъ этихъ искательствъ, ползаній и нравственныхъ униженій жалкіе люди эти не могли себѣ снискать хотя бы капли довѣрія и расположенія въ административныхъ сферахъ. Сановники, допускавшіе ихъ въ свои кабинеты, въ то же время презирали и брезгали ими нисколько не менѣе ихъ литературныхъ враговъ. И въ то же время надъ ними постоянно висѣлъ Домокловъ мечъ административныхъ каръ, которымъ безцеремонно подвергали ихъ же высокопоставленные пріятели. Такъ напримѣръ вотъ что разсказываетъ Гречъ по поводу бѣды, какая обрушилась въ началѣ 1830 года на соиздателей «Сѣверной Пчелы» по поводу невинной перебранки ихъ съ Воейковымъ.

«Въ декабрѣ 1829 г. вышелъ «Юрій Милославскій» М. Н. Загоскина и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе въ нашей публикѣ. Его читали вездѣ и въ гостиныхъ, и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолюдиновъ, и при высочайшемъ дворѣ... Всѣ восхищались «Юріемъ», прощая его недостатки; досадовалъ и сердился на него одинъ Булгаринъ, отпечатывавшій послѣдніе листы своего «Дмитрія Самозванца». Досада внушена ему была не авторскимъ самолюбіемъ, боявшимся превосходства своего соперника въ литературѣ, а боязнью за коммерческій успѣхъ своего новаго произведенія. Вотъ онъ и началъ нападать на Загоскина и его сочиненія. Самую жестокую статью (въ №№ 7 и 9 «Сѣв. Пчелы» 1830 г.) написалъ, по усиленной просьбѣ Булгарина, нашъ сотрудникъ А. Н Очкинъ. Грамматическіе и историческіе промахи замѣтилъ я многогрѣшный. Дѣло обошлось бы безъ шуму, еслибы не вступился за Загоскина Воейковъ: онъ нещадно обругалъ и Булгарина, и всѣхъ его сотрудниковъ, обвинивъ ихъ въ несправедливости и зависти.

«Государь, которому понравился «Юрій Милославскій до того, что онъ приблизилъ Загоскина къ своей особѣ, вознегодовалъ на эту перебранку и велѣлъ Бенкендорфу объявить воюющимъ сторонамъ, чтобъ онѣ прекратили бой. Бенкендорфъ передалъ приказаніе М. Я. фонъ-Фоку, а этотъ нѣжный, добрый человѣкъ смягчилъ выраженія неудовольствія государева, объявивъ Булгарину, что въ этихъ перебранкахъ не должно звать противниковъ по имени. «Слушаю-съ», отвѣчалъ Булгаринъ, сѣлъ и написалъ (№ 13 «Пчелы», 30 января 1830 г.) жаркую отповѣдь Воейкову, не назвавъ Загоскина. Въ этотъ день пріѣхалъ я домой къ обѣду около четырехъ часовъ. Мнѣ подаютъ конвертъ съ оффиціальною надписью: «Его высокородію Н. И. Гречу отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа». Въ немъ нашелъ я оффиціальное пригла-

*) «Р. Стар.», 1871 г., № 11, стр. 509.

шеніе, за нумеромъ, немедленно явиться къ шефу жандармовъ. Недоумѣвая, о чемъ идетъ дѣло я отправился къ Бенкендорфу. Онъ встрѣтилъ меня съ важною оффиціальною миною и, отдавая пакетъ на имя с.-петербургскаго коменданта Башуцкаго, сказалъ:

— Я говорилъ вамъ неоднократно, чтобъ вы прекратили ваши перебранки. Теперь терпите. Извольте ѣхать съ этою бумагою къ коменданту.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, сказалъ я: — когда вы мнѣ говорили?

— Не я самъ, а Максимъ Яковлевичъ отъ меня, именемъ государя.

— Да не мнѣ лично.

— Все равно, Булгарину или вамъ. Вы должны были бы его удерживать.

— Позвольте, сказалъ я:—попросить васъ,—пошлите адъютанта или кого-нибудь другого ко мнѣ въ домъ съ объявленіемъ, что я остался обѣдать у васъ. Обо мнѣ будутъ безпокоиться. Домашніе мои Богъ знаетъ что подумаютъ, когда я не ворочусь.

— Извольте, отвѣчалъ Бенкендорфъ:—это будетъ исполнено; но вы теперь же извольте ѣхать.

Я повиновался, поѣхалъ въ Зимній дворецъ, явился къ коменданту, подалъ ему пакетъ. Башуцкій, привыкшій къ посланіямъ сего рода, не сказалъ мнѣ ни слова, сѣлъ за столъ и началъ писать приказаніе о посаженіи меня на гауптвахту.

Въ это самое время вошелъ Воейковъ. Я не видалъ его давно и ужаснулся, взглянувъ на него теперь. Онъ вошелъ, сгорбясь и прихрамывая (онъ упалъ за нѣсколько мѣсяцевъ съ дрожекъ и крѣпко ушибся), исхудалый, блѣдный, съ широкимъ черным пластыремъ, покрывавшимъ носъ и часть щеки. Башуцкій, кончивъ бумагу, сказалъ мнѣ:

— Извольте идти съ плацъ-адъютантомъ на дворцовую гауптвахту.

— Ваше превосходительство, сказалъ я ему:—я здоровъ и могу просидѣть въ какомъ угодно мѣстѣ. Потрудитесь пожалуйста посадить на дворцовую гауптвахту, сухую и теплую, г. Воейкова: вы видите, онъ слабъ и боленъ! Холодъ и сквозной вѣтеръ могутъ повредить ему.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ комендантъ: — я и г. Воейкова посажу въ теплое мѣсто.

Воейковъ, изумленный моимъ предложеніемъ, бросился ко мнѣ на шею съ восклицаніемъ: «Ah, mon généreux ami, je vous reconnais à cette générosité»!

Я съ трудомъ удержалъ его отъ великодушнаго облобызанія меня и пошелъ по коррндорамъ дворца подъ присмотромъ плацъ-адъютанта. Не знаю, что обратило на себя мое вниманіе; я остановился и посмотрѣлъ въ сторону. Офицеръ, полагая можетъ быть, что препровождаемый въ тюрьму государственный преступникъ высматриваетъ, какъ бы улизнуть, сказалъ мнѣ впрочемъ очень учтиво: «Не извольте останавливаться и смотрѣть по сторонамъ: вы нашъ!»

На гауптвахтѣ Гречъ провелъ вечеръ, пируя съ знакомыми офицерами и «услаждаясь винами изъ царскаго погреба», и въ 9 часовъ былъ отпущенъ домой.

На другой день, продолжаетъ онъ свой разсказъ: — пригласилъ меня къ себѣ Бенкендорфъ, обошелся со мною очень учтиво, обнялъ меня и старался утѣшить и успокоить во вчерашней невзгодѣ. Я говорилъ съ нимъ улыбаясь и увѣрялъ, что ни мало не сѣтую на государя, потому что не заслужилъ его немилости.

— Неужели можно мнѣ сердиться на архитектора, когда съ его строенія упадетъ камень на голову! Мало ли что бываетъ на свѣтѣ?

«Этотъ оборотъ ему понравился и онъ хвалилъ меня потомъ предъ другими за это равнодушіе, прибавляя: «c'est que c'est un homme d'esprit».

«Такъ дѣло съ моей стороны прекратилось. Впослѣдствіи я узналъ, что А. А. Закревскій, у котораго я былъ на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, услыхавъ о моемъ арестѣ, одѣлся, чтобъ ѣхать къ государю и просить о моемъ освобожденіи, но остался, узнавъ, что я уже выпущенъ. И В. А. Жуковскій просилъ или собирался просить о томъ государя.

«Воейкова комендантъ отправилъ въ старое адмиралтейство. Булгаринъ въ тотъ день обѣдалъ у П. В. Прокофьева въ большой компаніи. Лишь только онъ принялся за свѣжую икру, ему подали посланіе Бенкендорфа. Онъ взялъ конвертъ, понюхалъ и сказалъ шутя сидѣвшему подлѣ него городскому головѣ Н. И. Кусову: «Не крѣпостью ли пахнетъ? Я поѣду къ генералу, но ты, Николай Ивановичъ, береги мою икру. Ворочусь сейчасъ». Бенкендорфа не было дома и Булгарину отдали бумагу къ коменданту. Башуцкій легъ отдохнуть послѣ обѣда и Булгаринъ дожидался его голодный до семи часовъ. Тогда отправили и его въ теплое мѣстечко. Жена его, узнавъ, что мужъ ея сидитъ въ адмиралтействѣ, отправилась въ старое

и спросила у входа: «Гдѣ сидитъ подъ арестомъ сочинитель, что книжки пишетъ?» Ей сказали: «Здѣсь, сударыня, извольте войти!» Она входитъ въ комнату и попадаетъ въ объятія— Воейкова.

— Какими судьбами Богъ принесъ васъ сюда, Елена Ивановна?

— Ахъ, это не тотъ! отвѣчаетъ она со злобою: — это Воейковъ. Мнѣ надо Булгарина.

— Вѣрно онъ отправленъ въ новое адмиралтейство, сказали ей. Она отправилась туда и очутилась въ нѣжныхъ объятіяхъ чувствительнаго Ѳаддея.

«Это происшествіе очень огорчило Булгарина; ему стыдно было, что другіе за него поплатились и онъ выразилъ свое огорченіе Бенкендорфу, называлъ себя обиженнымъ, обезчещеннымъ, говорилъ объ отчаяніи жены и пр. Недѣли черезъ три вышелъ «Дмитрій Самозванецъ» и авторъ его получилъ въ подарокъ отъ государя богатый брильянтовый перстень. Въ память нашего ареста онъ подписалъ подъ портретомъ государя: «30 января 1830 года», и никогда не прощалъ этого оскорбленія» *).

Нѣсколько лѣтъ спустя, Ѳ. Булгаринъ получилъ новый репримандъ по случаю полемики, хотя и не столь строгій, но во всякомъ случаѣ показывающій, какъ непріязненно относилось въ то время правительство ко всякаго рода литературной полемикѣ, хотя бы въ послѣдней вовсе не замѣшивалось политики и не было и того разногласія со взглядами высочайшихъ особъ, какое мы находимъ въ только что описанномъ случаѣ.

Дѣло заключалось въ томъ, что лично оскорбленный Ив. Ив. Панаевымъ, который при представленіи ему Булгарина пустилъ ему въ ротъ клубъ сигарнаго дыма, Булгаринъ озлобился на Панаева, и затѣмъ каждый разъ, когда въ фельетонѣ заходило дѣло о повѣстяхъ И. Панаева, онъ заговаривалъ о сигарѣ, совершенно некстати, увѣряя, будто всѣ изображаемыя Панаевымъ лица непремѣнно курятъ сигары, что эти сигары весьма неумѣстны, и что можно быть конечно охотникомъ до нихъ, но не надоѣдать съ ними въ литературѣ.

Наконецъ по поводу одной изъ повѣстей Панаева «Сѣверная Пчела» отозвалась, что она хотя не имѣетъ удовольствія знать лично Панаева и не слыхала, къ какому обществу онъ принадлежитъ, но судя по тому, что онъ недурно изображаетъ мірокъ мелкихъ чиновниковъ, онъ вѣроятно долженъ принадлежать къ этому мірку. Взаключеніе «Пчела» замѣчала, что Панаевъ до такого совершенства изучилъ извѣстнаго рода старушекъ, у которыхъ собираются молодыя дѣвицы для пріятнаго препровожденія времени съ молодыми людьми, и такъ вѣрно изображаетъ подобные дома, что можно заключить, что онъ родился и воспитывался въ одномъ изъ такихъ домовъ.

Это мѣсто возбудило большую сенсанцію въ лагерѣ противниковъ Булгарина и всѣ они совѣтывали Панаеву непремѣнно жаловаться на Булгарина, такъ какъ подобная наглость не можетъ остаться безнаказанной: сегодня онъ оскорбитъ одного, завтра другого и т. д. Но Панаевъ не рѣшился жаловаться. Тогда гр. Соллогубъ при встрѣчѣ съ кн. Дундуковымъ-Корсаковымъ разсказалъ ему о выходкѣ Булгарина.

Князь спросилъ въ комитетѣ, кто пропустилъ статью. Оказалось, что все тотъ же пресловутый П. А. Корсаковъ. Послѣдній отговаривался тѣмъ, что не понялъ намека. Князь сдѣлалъ ему выговоръ и приказалъ строго слѣдить за «Пчелой».

Узнавъ объ этомъ, Булгаринъ послалъ къ князю письмо, въ которомъ объснилъ, что статью писалъ не онъ, что онъ и не подозрѣвалъ о существованіи

*) Ibid., стр. 502—506.

Панаева; мало ли что говорится иногда о людяхъ и позначительнѣе его; что неужели о Панаевѣ нельзя ничего сказать, потому что онъ носитъ одну фамилію съ какимъ нибудь директоромъ канцеляріи (намекъ на дядю И. И. Панаева — В. И. Панаева); что онъ, Булгаринъ, человѣкъ благонамѣренный, извѣстный съ самой хорошей стороны правительству; что онъ въ дѣтствѣ былъ такъ сказать *повитъ голубыми лентами*; что его вельможи ласкали, а Свистуновъ всегда цѣловалъ; что онъ рѣжетъ всѣмъ правду-матку въ глаза; что поэтому его ненавидятъ разные литераторы, считающіе себя, неизвѣстно почему, аристократами; что Соллогубъ величается графомъ, хотя въ Польшѣ графовъ никогда не было; что князь Вяземскій работаетъ по найму у купца третьей гильдіи Полевого, что князь Одоевскій готовъ за деньги написать статью противъ кого угодно и пр., и пр. Взаключеніе онъ просилъ; какъ притѣсняемый, защиты у князя и называлъ брата его благороднымъ цензоромъ и *дворяниномъ* *).

Впрочемъ, не одному Булгарину доставалось за полемику противъ многочисленныхъ враговъ его. Случалось иногда и наоборотъ: доставалось и врагамъ за него. Такъ извѣстно, что въ февралѣ 1838 года праздновался пятидесятилѣтній юбилей И. А. Крылова. Инниціатива этого юбилея принадлежала князьямъ Одоевскому и Вяземскому, и этого одного было довольно, чтобы ненавидѣвшіе ихъ Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій отказались отъ участія въ немъ. Но когда юбилей, высочайше одобренный, принялъ оффиціальный характеръ, они начали хлопотать о билетахъ для себя; но билеты были всѣ розданы и они на юбилей не попали.

Воейковъ воспользовался этимъ случаемъ и напечаталъ въ «Инвалидѣ», что на праздникѣ въ честь нашего знаменитаго баснописца не пожелали принять участія только трое изъ литераторовъ: Сенковскій, Булгаринъ и Гречъ.

Высшему начальству (вѣроятно по доносу Греча) почему-то показалось это дерзостью и Воейковъ долженъ былъ три дня просидѣть на гауптвахтѣ. Онъ очень потомъ тщеславился этимъ, разослалъ всѣмъ своимъ пріятелямъ нумера «Инвалида», въ которомъ была напечатана статья и, подробно разсказывая о происшествіи этомъ, прибавлялъ:

«Еслибы меня предупредили заранѣе, что я просижу за это не три дня, а три года—я все-таки бы напечаталъ это и просидѣлъ-бы съ удовольствіемъ три года въ заключеніи, для того только, чтобы опубликовать и опозорить этихъ господъ передъ всѣми»...**).

Въ 1846 году, Булгаринъ навлекъ на себя гнѣвъ правительства, помѣстивъ въ № 284-мъ «Сѣв. Пчелы» (дек. 17-го) балладу гр. Ростопчиной «Баронъ». Баллада эта была написана гр. Ростопчиной въ Падуѣ 3-го окт. 1845 года. Въ ней изображается споръ барона передъ вассалами и слугами съ его непокорною женою. Баронъ жалуется на жену, что онъ призрѣлъ ее сиротою, взялъ ее раззоренною, одѣлъ парчей и златомъ, окружилъ стражей и самъ стоитъ надъ ней съ булатомъ, чтобъ врагъ ее не сманилъ; а она все недовольна, неблагодарна, клеймитъ его навѣтомъ передъ всѣмъ свѣтомъ, клянетъ его кровъ и щитъ, повторяя лживыя клятвы, готовитъ козни, точитъ ножъ, вздуваетъ огонь междоусобья, шепчется съ монахомъ, а враги этимъ довольны, дразнятъ ея крамольный гнѣвъ и льстятъ ея суетной гордынѣ.

---

*) «Литературныя воспоминанія И. И. Панаева». Спб. 1876 г., стр. 61—62.
**) Ibid., стр. 112.

Но жена отвѣчаетъ, что знаетъ Богъ,—раба она или подруга, сама ли избрала она супруга и дала клятву, что жила она вольно и счастливо, но ее плѣнилъ хищный набѣгъ злыхъ сосѣдей и она предана, продана, она узница, а не жена, что ей не нужны его щедроты, стражи, что она сама научитъ строптивыхъ платить ей мирно дань почета, что онъ запрещаетъ ей говорить на родномъ языкѣ, знаменоваться наслѣдственнымъ гербомъ, гордиться стариннымъ именемъ и молиться крестомъ предковъ, что онъ послалъ въ ссылку и заточилъ всѣхъ лучшихъ ея слугъ, ее же предалъ притѣсненію рабовъ-лазутчиковъ, что позоръ гоненія и неволю приноситъ онъ ей въ брачный даръ, и ей-ли послѣ этого запрещенъ ропотъ?

Какъ ни было замаскировано стихотвореніе это въ форму средневѣковой легенды, но политическій смыслъ содержанія его былъ на столько прозраченъ, что каждому при чтеніи его сейчасъ же приходило въ голову, кого здѣсь нужно понимать подъ барономъ, кого подъ его женою. Тѣмъ не менѣе когда графиня прочитала свое стихотвореніе Гоголю, онъ посовѣтывалъ ей: «пошлите безъ имени въ Петербургъ; не поймутъ и напечатаютъ». Она такъ и сдѣлала. А у Булгарина нежданно-негаданно хватило на столько смѣлости, чтобы напечатать балладу. Правительство же въ это время какъ разъ находилось подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ волненій въ Краковѣ, присоединенія этого города къ Австріи и раскрытія заговоровъ въ Польшѣ, повлекшаго за собою казни и ссылки. И вотъ экземпляры «Сѣв. Пчелы» съ балладою были немедленно же конфискованы и отобраны у подписчиковъ. Булгаринъ былъ приглашенъ къ Л. В. Дубельту и ему былъ сдѣланъ строгій выговоръ за неосмотрительность и недогадливость. Онъ клялся всѣми святыми православными и католическими что онъ «старый солдатъ» и вѣрноподданный съ 1831 года не питаетъ къ Польшѣ никакого сочувствія...

— Вы сами, ваше превосходительство, очень хорошо знаете, говорилъ онъ:— что я не полонофилъ.

— «Не полонофилъ, отвѣчалъ Дубельтъ, смѣясь:—а простофиля!». Государь хотѣлъ-было запретить «Пчелу». Но Орловъ защитилъ Булгарина, объяснивъ, что онъ не понялъ смыслъ стиховъ. Государь, говорятъ, отвѣтилъ на это замѣчаніе графа:—Если онъ (Булгаринъ) не виноватъ какъ полякъ, то виноватъ какъ дуракъ!..

Булгаринъ такъ или иначе оправдался, но графиня Ростопчина навсегда лишилась благосклонности императора Николая. Самыя восторженныя патріотическія стихотворенія, какія она писала впослѣдствіи, не искупили ея вины *).

Затѣмъ въ 1848 году въ фельетонѣ «Сѣв. Пчелы» отъ 2-го іюня разсказывалось, что для недѣльныхъ концертовъ Гунгля въ Павловскомъ вокзалѣ учреждены отдѣльные поѣзда по желѣзной дорогѣ и посѣтители могутъ возвращаться домой часомъ позже, а затѣмъ прибавлено:

«Слово «возвращаться» производитъ всегда какое-то гальваническое потрясеніе. Пріѣхать въ Петербургъ ночью въ дурную погоду и предаться на жертву легковымъ извощикамъ—это ужасно! Мы часто сравнивали прекрасное учрежденіе таксы въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ съ произвольною цѣною петербургскихъ извощиковъ, но на дняхъ убѣдились, что и тамъ, гдѣ такса существуетъ, надобно торговаться. Въ случаѣ дурной погоды въ особенности царскосельскіе извощики точно также неумолимы, какъ и столичные. Мы видѣли примѣры, что отъ станціи желѣзной дороги до дворца должно было заплатить 40 к. сер. Это были женщины и дѣти, застигнутыя дождемъ: что имъ было дѣлать? уступить необходимости».

---

*) «Русск. Стар.», 1872 г., № 1, стр 122; № 2, стр. 296—299; 1880 г., № 2, стр. 371—373. Также «Русск. Арх.», 1882 г., № 4, стр. 290, 291.

Императору Николаю не понравилась эта критика царскосельскихъ извощиковъ, и вотъ министръ народнаго просвѣщенія разослалъ въ цензурные комитеты конфиденціальное предложеніе отъ 19-го іюня 1848 г., въ которомъ, выписывая вышеприведенное мѣсто, между прочимъ говоритъ:

«Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что цензурѣ не слѣдовало пропускать сей выходки. Каждому скромному желанію лучшаго, каждой умѣстной жалобѣ на неисполненіе закона, или установленнаго порядка, каждому основательному извѣщенію о дошедшемъ до чьего-либо свѣдѣнія злоупотребленіи, указаны у насъ законные пути. Косвенныя укоризны начальству царскосельскому, а отчасти с.-петербургскому, въ приведенномъ фельетонѣ содержащіяся, сами по себѣ, конечно, не важны; но важно то, что онѣ изъявлены не передъ надлежащею властью, а преданы на общій приговоръ публики; допустивъ же единожды сему начало, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства. Впрочемъ, какъ означенная статья напечатана въ журналѣ, вообще отличающемся благонамѣренностью и направленіемъ совершенно соотвѣтственнымъ цѣли и видамъ правительства, то Его Императорское Величество, приписывая и эту статью одному только недостатку осмотрительности, Высочайше изволилъ повелѣть, сдѣлать общее по цензурѣ распоряженіе, дабы впредь не было допускаемо въ печати никакихъ, хотя бы и косвенныхъ, порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія не принадлежали *)».

За тѣмъ московская корреспонденція, напечатанная въ № 2 (3-го января) «Сѣверной Пчелы» 1851 года, повела за собою слѣдующее отношеніе 9-го января того же года Булгарину попечителя Мусина-Пушкина!

«Въ № 2 «Сѣв. Пчелы» 3-го сего января помѣщена вами статья въ величайшей степени неприличная, заключающая въ себѣ тайный смыслъ, который однако же съ перваго взгляда легко можно разгадать. Вы, во 1), выставляя, въ лицѣ вашего московскаго корреспондента, вредное будто бы вліяніе новаго тарифа на отечественную промышленность, обнаруживаете свое неудовольствіе, почти безъ всякой утайки давая чувствовать, что отъ послѣдствій этого тарифа, «для многихъ бѣдныхъ праздники могутъ быть печальными»; во 2) черезъ упоминовеніе о подаяніи, присланномъ «бѣдному русскому семейству, занимающемуся шитьемъ перчатокъ», еще яснѣе выражаете свои мысли, какъ бы давая чувствовать, что частные люди вынуждены уже приходить на помощь тѣмъ, которыхъ раззорило или разстроило правительство; наконецъ въ 3) усиливаете еще все это извѣщеніемъ, что хотя вполнѣ раздѣляете разсужденія своего корреспондента насчетъ закавказской торговли, но не можете ихъ напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ», безъ объясненія свойства сего препятствія, чѣмъ, для знакомыхъ у насъ съ подобными литературными оборотами прямо намекаете, что этихъ разсужденій не пропустила бы цензура: слѣдовательно, что они обращены также въ порицаніе тарифа, съ чѣмъ вы и согласны.

«Сѣверная Пчела» находится въ рукахъ огромной массы читателей всѣхъ сословій и всякихъ понятій, и упомянутая статья, при самомъ ея помѣщеніи, понята была многими именно въ вышеозначенномъ предосудительномъ и дерзкомъ смыслѣ возбуждающемъ публику противъ закона, едва только изданнаго и прикасающагося, болѣе или менѣе, къ интересамъ всѣхъ ея слоевъ.

«Такъ какъ подобныя выходки совершенно нетерпимы въ нашей журналистикѣ, то я, во исполненіе послѣдовавшаго нынѣ высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго мнѣ г. министромъ народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 8-го сего января за № 26, объявляю вамъ: *крайнее неудовольствіе высшаго правительства и дѣлаю вамъ строжайшій выговоръ*, который распространенъ и на цензора Крылова, не вникнувшаго въ истинное значеніе статьи или пропустившаго оную вопреки сему значенію. Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа М. Мусинъ-Пушкинъ».

Наконецъ, чтобы за одно покончить съ Булгаринымъ, приводимъ еще строгій выговоръ, данный ему 11-го іюня 1848 года. Въ настоящемъ случаѣ дѣло шло о его воспоминананіяхъ, напечатанныхъ въ мартовской книжкѣ «Библіотеки для чтенія», въ которыхъ были собраны разныя подробности о Сперанскомъ.

Императоръ Николай сдѣлалъ на эту статью слѣдующія замѣчанія:

*) «Сборн. постан. и распоряж. по цензурѣ», стр. 249.

1) Авторъ говоритъ, что императоръ Александръ поручилъ Сперанскому обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ высшаго государственнаго управленія, передалъ ему всѣ поступившіе по этому предмету проекты и наконецъ поручилъ ему составленіе плана государственнаго образованія. Независимо отъ перваго вопроса: откуда взяты авторомъ свѣдѣнія, столь положительно выраженныя, здѣсь рождается и другой: можетъ ли частный человѣкъ распредѣлять за эпоху столь еще къ намъ близкую и такимъ диктаторскимъ тономъ славу государственныхъ подвиговъ между монархомъ и его подданнымъ?

2) Въ статьѣ выведено, что Сперанскій въ 1812 году палъ жертвою вражды и зависти, которыя успѣли очернить его и представить человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ. Сочинитель прибавляетъ даже: «не смѣю называть главныхъ виновниковъ несчастья Сперанскаго, хотя они всѣ уже въ могилѣ—тамъ, гдѣ и жертва ихъ злобы. Но могила не все прикрыла. Добрыя и злыя дѣла остаются и громко вопіютъ въ потомствѣ»! Далѣе слѣдуютъ подробности объ удаленіи Сперанскаго въ Нижній-Новгородъ и Пермь, описаніе его ощущеній и прочее.

По мнѣнію его величества, вся эта выходка совершенно неумѣстна въ печати. Представляя все событіе несчастіемъ незаслуженнымъ и плодомъ однихъ происковъ, онъ какъ бы накидываетъ передъ публикою тѣнь на характеръ императора Александра, а съ другой стороны прямо намекаетъ на мнимую извѣстность автору самихъ виновниковъ удаленія Сперанскаго и вообще всѣхъ подробностей такого дѣла, которое правительствомъ донынѣ всегда оставляемо было подъ покровомъ тайны, и слишкомъ, какъ уже упомянуто выше, близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало безъ особаго призванія, а вѣроятно и безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова.

3) Говоря о представленномъ Сперанскимъ въ 1810 году финансовомъ планѣ, авторъ пишетъ, что этотъ планъ «принесъ величайшую пользу и приноситъ ее до сихъ поръ, предварительнымъ разсматриваніемъ смѣтъ и послѣдовательною повѣркою издержекъ въ государственномъ контролѣ, который былъ страшенъ при покойномъ баронѣ К. К. Камненгаузенѣ, человѣкѣ съ необыкновеннымъ умомъ, дѣятельностью, безпристрастіемъ и правдивостью». Такую характеристику прежняго, выставленную какъ бы въ противоположность и въ укоръ послѣдующему и настоящему, равно какъ и самое мнѣніе, столь рѣзко произносимое о пользѣ мѣръ государственныхъ, государь императоръ изволилъ также признать совершенно неприличными.

4) Въ означенной статьѣ приводится указъ 1816 года, которымъ Сперанскій опредѣленъ былъ снова въ службу, въ должность пензенскаго гражданскаго губернатора, но приводится не подлинными словами, а будто бы въ видѣ извлеченія его содержанія, которое между тѣмъ представлено совершенно превратно. Такъ въ указѣ сказано, что не оказалось «убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ» на Сперанскаго, тогда какъ въ статьѣ напечатано, что по произведенному слѣдствію (сихъ словъ совсѣмъ нѣтъ въ указѣ) «обвиненія оказались неосновательными». Такое искаженіе словъ и смысла высочайшаго указа, въ свое время гласно обнародованнаго, а теперь приводимаго, какъ историческій цитатъ, въ иномъ совсѣмъ видѣ, представляется, какъ его императорское величество изволилъ выразить, столько же дерзкимъ, сколько и предосудительнымъ.

«Наконецъ 5), приводя частный разговоръ свой съ Сперанскимъ о постигшемъ его въ 1812 году несчастіи, авторъ влагаетъ въ уста покойнаго графа слѣдующія слова: «Еслибы я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, то безъ сомнѣнія дѣло приняло бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца». Государь императоръ изволилъ при этомъ положеніи замѣтить, что если слова сіи и были точно сказаны въ минуту откровенной и не совсѣмъ, можетъ быть, осторожной бесѣды, то вѣрно уже не для оглашенія ихъ передъ современною публикою; а посему нельзя допускать, чтобы память государственнаго человѣка, такъ сказать, вчера еще оставившаго поприще, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ нѣкоторомъ отношеніи и самый образъ дѣйствія правительства, были поносимы приписываніемъ первому подобныхъ мнѣній.

«Вслѣдствіе всѣхъ сихъ замѣчаній его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: *сдѣлать автору приведенной статьи строгій за нее выговоръ* *)».

Однимъ словомъ, въ концѣ-концовъ выходитъ, что ни одинъ писатель того времени не получилъ такое несмѣтное число выговоровъ и всяческихъ нахлобучекъ, какъ именно этотъ самый пресловутый Ѳ. Булгаринъ, несмотря на всѣ свои заѣзжа-

*) «Русск. Стар.», 1871 г., № 11, стр. 520.

нія къ предержащимъ властямъ и усилія заявить себя безукоризненно благонамѣреннымъ человѣкомъ. Безъ сомнѣнія эти усилія и привели Булгарина къ такой ироніи судьбы: своими заискиваніями онъ ставилъ себя на виду, и власти смотрѣли на него не просто какъ на пятаго-десятаго изъ писателей и издателей, а какъ на своего человѣка, оффиціальное лицо, и выговоры, которые дѣлались ему, совершенно подобны тѣмъ, какіе даются начальствомъ подчиненнымъ чиновникамъ. П. П. Каратыгинъ разсказываетъ даже такой анекдотъ, будто Дубельтъ, получивши приказаніе свыше сдѣлать Булгарину *отеческое внушеніе*, призвалъ его въ свой кабинетъ и, какъ ребенка, поставилъ въ уголъ носомъ къ стѣнѣ, и Булгаринъ будто-бы простоялъ съ полчаса *). Интересно было бы знать, не заносили ли это даже въ формулярный списокъ издателя «Сѣверной Пчелы»?

Въ то же время, безпрестанныя нахлобучки привели издателей «Сѣверной Пчелы» къ тому, что въ мало-мальски сомнительныхъ случаяхъ они начали обращаться за совѣтами къ высшему начальству, не смѣя порою сообщать въ своей газетѣ извѣстія, печатанныя въ оффиціальныхъ органахъ. Такъ въ № 22 «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1851 года былъ сообщенъ трагическій случай разрушенія деревяннаго моста во Владимірѣ, при чемъ погибло очень много народа. Н. И. Гречъ препроводилъ эту статью Дубельту, прося дозволить перепечатать описаніе несчастнаго случая въ «Сѣверной Пчелѣ». Дубельтъ въ свою очередь не дерзнулъ дать окончательное рѣшеніе, и послалъ статью шефу жандармовъ гр. Ал. Ѳед. Орлову, съ слѣдующимъ своимъ мнѣніемъ:

«По моему мнѣнію эту статью не должно было печатать въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», которыя не для сего учреждены; но какъ она уже напечатана, то, кажется, нѣтъ препятствія печатать ее въ «Сѣверной Пчелѣ». Какъ прикажите?»

Графъ Орловъ положилъ слѣдующую резолюцію:

«Я нахожу печатаніе этой статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» совсѣмъ не нужнымъ. «Губернскихъ Вѣдомостей» никто почти не читаетъ, а «Сѣверная Пчела» по всей имперіи и въ чужихъ краяхъ читается. Зачѣмъ возобновлять общую скорбь о семъ несчастномъ происшествіи? Поблагодарить Н. И. Греча за его осторожность и объявить ему мое мнѣніе **).

Такое добровольное подчиненіе надзору Дубельта имѣло въ редакціи «Сѣв. Пчелы» не случайный, а постоянный и систематическій характеръ, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующему свидѣтельству П. Усова въ его воспоминаніяхъ:

«Когда, во время моего уже сотрудничества въ «Сѣверной Пчелѣ», именно въ 1853 и 54 гг., Н. И. Гречъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ за-границу, для поправленія своего здоровья и оставлялъ меня отвѣтственнымъ редакторомъ газеты, то онъ поручалъ мнѣ письма его изъ-за границы, которыя онъ будетъ присылать для напечатанія въ газетѣ, до отправки ихъ въ обыкновенную цензуру посылать предварительно начисто переписанныя на просмотръ Л. В. Дубельту. Онъ возвращалъ ихъ въ редакцію черезъ сутки съ очень небольшими измѣненіями; но этотъ просмотръ члена главнаго правленія цензуры служилъ руководствомъ для цензора, и статья легко пропускалась въ печать. Поэтому въ тогдашнее время въ заграничныхъ своихъ письмахъ, Н. И. Гречъ свободно касался текущихъ политическихъ вопросовъ, чего не пропускала цензура въ другихъ статьяхъ. Цензоры часто мнѣ говорили, что безъ просмотра Л. В. Дубельта они должны были бы иногда на-половину сокращать заграничныя письма Н. И. Греча. Точно также Н. И. Гречъ поступалъ и до моего участія въ редакціи, когда, передъ французскою революціею 1848 г., неоднократно годы и мѣсяцы проводилъ за-границею и когда редакціею газеты завѣдывалъ его сынъ, Ал. Ник. Гречъ, скончавшійся въ мартѣ 1850 года отъ чахотки на пути на островъ Мадеру и погребенный въ волнахъ Атлантическаго океана. Болѣзнь Ал. Ник. Греча и вызвала приглашеніе мое въ 1849 г. въ сотрудники «Сѣверной Пчелы». Когда въ 1853 году по полученіи перваго письма Греча изъ-за-границы, я отвезъ его лично къ Л. В. Дубельту, то онъ, принявъ его,

*) «Ист. Вѣстн», 1887 г., № 10, стр. 168.

**) «Ист. Вѣстн», 1881 г., № 12, стр. 857—858.

сказалъ мнѣ: «Не трудитесь привозить сами, присылайте въ конвертѣ на мое имя; для Николая Ивановича я готовъ сдѣлать все пріятное, даже быть для него цензоромъ *)».

III.

Изъ всего предыдущаго мы видимъ, что послѣ іюльской революціи мы не переставали идти по одной наклонной плоскости до самаго крымскаго погрома. И дѣйствительно каждый годъ приносилъ какія-нибудь новыя стѣсненія и строгости. Не ограничиваясь запрещеніемъ журналовъ, казавшихся зловредными, министръ Уваровъ не замедлилъ надъ всею журналистикою усилить самый бдительный надзоръ. Съ этою цѣлью по совѣту члена Главнаго управленія цензуры барона Брунова, подавшаго въ 1836 году докладную записку о мѣрахъ къ усиленію цензуры, Уваровъ приставилъ къ каждому журналу, какъ мы уже видѣли въ гл. XII по два цензора и увеличилъ личный составъ комитетовъ **). Вмѣстѣ съ этимъ было внушено комитетамъ циркуляромъ, что «цензура должна имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ отнюдь не возобновлялась литературная полемика въ томъ видѣ, въ какомъ она въ прежніе годы овладѣла было журналами обѣихъ столицъ».

Въ то же время были приняты всѣ мѣры къ ограниченію количества періодическихъ изданій. Такъ распоряженіемъ Главнаго управленія цензуры 22-го ноября 1837 г. было постановлено, чтобы «издатели, не желающіе продолжать журналъ или газету, но которые получили позволеніе, объявляли, что прекращаютъ свое повременное изданіе; послѣ чего тѣ, которые пожелаютъ возобновить прекращающееся изданіе, входили бы о томъ съ прошеніемъ по установленному порядку, какъ о журналѣ вновь предпринимаемомъ, на который и будетъ испрашиваемо Высочайшее соизволеніе». Между тѣмъ заранѣе было уже сдѣлано распоряженіе о неразрѣшеніи новыхъ изданій. Это произошло въ 1836 году, когда Краевскій предпринялъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ изданіе журнала и обратился съ просьбою объ этомъ установленнымъ порядкомъ къ министру Уварову. Послѣдній представилъ программу журнала, съ ручательствомъ за благонамѣренность редакторовъ на высочайшее усмотрѣніе. Государь находился въ это время въ Чембарахъ, со сломленною ключицею, былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа и на представленіи Уварова о новомъ журналѣ написалъ: «И безъ того много». Вслѣдъ за тѣмъ Уваровъ разослалъ циркуляръ по комитетамъ отъ 1-го октября 1836 года о томъ, что «представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время запрещаются» ***).

Послѣ этого дѣйствительно, по словамъ И. И. Панаева (стр. 125), «никакія уже просьбы о новыхъ журналахъ не принимались, и существовавшіе журналы стали перепродаваться за значительныя суммы. Нѣкоторые изъ немногихъ, имѣвшихъ привиллегіи на изданіе журналовъ и кое-какъ издававшіе ихъ—ловко воспользовались этимъ и перепродавали ихъ, дѣлая такимъ образомъ очень хорошія спекуляціи».

---

*) «Истор. Вѣстн.», 1882 г., № 2, стр. 347.
**) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 46.
***) «Сборникъ постановл. и распоряж. по цензурѣ», стр. 227.

Нѣсколько позже, именно 23 го сентября 1841 года были сдѣланы еще два распоряженія относительно періодическихъ изданій. Именно, было постановлено не дозволять одному лицу быть отвѣтственнымъ редакторомъ двухъ періодическихъ сочиненій безъ особаго разрѣшенія начальства,и во-вторыхъ были составлены особенныя правила для изданія сборниковъ. По этимъ правиламъ было дозволено издавать въ неопредѣленные сроки сборники статей по одной или по разнымъ отраслямъ наукъ, литературы, искусствъ, промышленности, общественной жизни, но чтобы въ такихъ сборникахъ отнюдь не были излагаемы послѣдовательно и въ непрерывномъ порядкѣ свѣдѣнія о современныхъ текущихъ явленіяхъ по какой бы то ни было отрасли наукъ, литературы и пр., съ обѣщаніемъ излагать все это впредь. Вмѣстѣ съ тѣмъ исключалась изъ сборниковъ критика, библіографія и полемика. Дозволялись лишь общія и критическія розысканія о разныхъ предметахъ наукъ и пр., также отдѣльныя разсужденія о томъ, что сдѣлано по нимъ въ такую-то эпоху, или такой-то періодъ времени. Подписка на сборникъ со взносомъ денегъ допускалась неиначе, какъ отдѣльно на каждую книгу, разсмотрѣнную и одобренную цензурою *).

Результатомъ этихъ мѣръ, само-собою разумѣется, былъ полный застой въ развитіи журналистики въ количественномъ конечно отношеніи. Такъ авторъ «Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ въ Россіи» упоминаетъ о таблицѣ сочиненій, напечатанныхъ съ дозволенія цензуры, составленной въ началѣ 60-хъ годовъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія (стр. 51). Изъ этой таблицы видно, что число періодическихъ изданій, хотя и увеличивалось (весьма, впрочемъ, слабо), но увеличивалось именно число изданій хозяйственно-промышленныхъ, медицинскихъ и модныхъ; напротивъ того, число изданій учено-литературныхъ въ періодъ съ 1834 по 1847 годъ уменьшилось.

Не малымъ стѣсненіямъ подверглась и книжная торговля. Не говоря уже о цензурныхъ строгостяхъ и мытарствахъ, какія испытывала каждая издаваемая книга, самый способъ изданія подвергся особеннаго рода регламентаціи. Въ то время въ особенномъ ходу былъ обычай, нынѣ почти уже не практикующійся, передъ выходомъ изданія собирать подписку. При ограниченномъ кругѣ читателей, обычай этотъ имѣлъ свое немаловажное значеніе. Собирая подписку, издатель заранѣе могъ сообразить, въ какомъ количествѣ экземпляровъ выпустить ему изданіе; и въ то же время, если онъ былъ человѣкъ не капитальный, подписка могла дать ему средства для совершенія предпріятія. И вотъ 12-го ноября 1835 г., были изданы министромъ народнаго просвѣщенія слѣдующія правила, значительно стѣснившія этотъ обычай: 1) «подписка на сочиненіе, заключающее въ себѣ не болѣе 2-хъ томовъ, можетъ быть дозволена только по предварительномъ разсмотрѣніи и одобреніи цензурою всего сочиненія; 2) если сочиненіе содержитъ въ себѣ болѣе двухъ томовъ, то подписка на цѣлый трудъ дозволяется по усмотрѣнію и одобренію половины сочиненія; 3) ежели сочиненіе заключаетъ въ себѣ много томовъ, то подписка дозволяется на одинъ томъ или болѣе, по мѣрѣ разсмотрѣнія и одобренія оныхъ, и 4) не запрещается автору, или переводчику вообще, открывать *подписки безденежной*, для узнанія, будетъ ли, и въ какой мѣрѣ поддержано публикою предполагаемое сочиненіе или переводъ, съ тѣмъ, чтобы въ объявленіи сказано было, что по оной подпискѣ деньги вносятся по напечатаніи одного или нѣсколькихъ томовъ» **).

*) Ibid, стр. 232—233.
**) «Сборн. постановл.», стр. 226.

Изъ вышеозначенной таблицы мы видимъ, насколько уменьшилось количество вышедшихъ книгъ въ періодъ съ 1833 по 1847 годъ: съ 1833—37 годы было издано 51,828 кн.; съ 1838 по 42—44,609, съ 1843 по 47—45,793. «Если разсматривать, говоритъ авторъ «Истор. свѣд. о ценз. въ Россіи»:—эту таблицу по родамъ сочиненій, то окажется, что втеченіе періода времени съ 1833 по 1847 годъ уменьшилось: книгъ для дѣтей, романовъ, стихотвореній, сочиненій по части теоріи словесности и искуствъ, а также философіи (разительно), отечественной исторіи, математики, естественныхъ наукъ (разительно) и медицины; увеличилось же лишь по предмету сельскаго хозяйства и юридическихъ наукъ» (стр. 51).

Подтвержденіе этихъ статистическихъ свѣдѣній мы находимъ и въ недавно вышедшей книгѣ «Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ 1782—1882 г.». На 62-й стр. этой интересной въ своемъ родѣ книги мы читаемъ:

«Книжная торговля въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ это время, или лучше сказать, въ періодъ времени съ 1829—30, почти до 1840 года была чрезвычайно оживлена. Книжныя лавки были постоянно полны покупателями. Кромѣ покупателей мѣстныхъ, между которыми стали показываться аристократы и люди высшей администраціи, до того времени въ руки небравшіе русскихъ книгъ, зимою появлялись въ значительномъ числѣ помѣщики, покупавшіе за разъ на большую сумму книгъ. В. П. Поляковъ, будучи прикащикомъ въ небольшой лавкѣ № 9, продавалъ въ годъ на 70 тысячъ рублей ассигн., сумма по тому времени чрезвычайно значительная. Послѣ 1840 года книжная торговля стихла окончательно; покупатель какъ-бы исчезъ куда-то; даже и въ настоящее время, если и продается болѣе книгъ, чѣмъ въ то время, то книгъ учебныхъ, ибо число учащихся противу того времени возросло, можетъ быть, болѣе чѣмъ въ 20 разъ, но книгъ собственно для чтенія продается теперь менѣе, чѣмъ тогда»...

Само общество до такой степени одичало и охладѣло къ умственнымъ интересамъ, что когда въ 1841 году были выпущены 9, 10 и 11 томы сочиненій Пушкина, то, по словамъ той же книги (стр. 71): «несмотря на то, что въ этихъ томахъ были помѣщены мало знакомыя еще публикѣ, лучшія произведенія Пушкина, каковы: «Мѣдный Всадникъ», «Русалка», «Арапъ Петра Великаго» и множество дотолѣ не напечатанныхъ мелкихъ лирическихъ стихотвореній—эти новые четыре тома стали продаваться очень тихо и всѣ 5,000 экз. были распроданы въ теченіи десяти лѣтъ». Около того же времени первое изданіе романа Лермонтова, напечатанное типографіею Глазунова въ 1840 году, несмотря на хорошіе отзывы въ «Отечественныхъ Запискахъ» В. Г. Бѣлинскаго, сначала совсѣмъ почти не расходилось; это побудило издателей обратиться къ Ѳ. В. Булгарину и попросить его написать въ «Сѣверной Пчелѣ» статью объ этомъ произведеніи. Какъ только появилась въ «Сѣверной Пчелѣ» статья Ѳ. В. Булгарина, изданіе раскупили почти нарасхватъ» (стр. 71—72).

Подобное равнодушіе невѣжественнаго апатичнаго общества къ лучшимъ литературнымъ силамъ страны и постыдное подчиненіе его вліянію продажныхъ писакъ, въ родѣ Греча и Булгарина естественно оправдывали тотъ пренебрежительный взглядъ на всѣхъ литераторовъ вообще, какой господствовалъ въ административныхъ сферахъ. Ужь если наиболѣе авторитетные и вліятельные писатели, какими парадировали въ глазахъ начальства издатели «Сѣверной Пчелы», представлялись въ то же время столь презрѣнными, то какими глазами могло

смотрѣть начальство на всю прочую пишущую братью, не исключая и такихъ великихъ именъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и Бѣлинскій. Послѣ этого ни малѣйшаго удивленія не заслуживаетъ нижеслѣдующій случай, относящійся къ тому же времени. Когда въ 1839 году Краевскій началъ издавать «Отечественныя Записки» и въ первыхъ нумерахъ подъ рубрикою «неизданныя сочиненія А. С. Пушкина» началъ помѣщать вновь открытыя произведенія только что умершаго поэта, онъ былъ неожиданно приглашенъ къ Дубельту, который всрѣтилъ его слѣдующими словами:

— Ну, что, любезнѣйшій, какъ поживаете? Чай веселы, что давненько не зову васъ къ себѣ? А? Вѣдь весело, не правда ли? Ну, а теперь призвалъ васъ вотъ для чего: что это, голубчикъ, вы затѣяли, къ чему у васъ потянулся рядъ *неизданныхъ* сочиненій Пушкина? Къ чему, зачѣмъ, кому это нужно?

Краевскій попробовалъ было объяснить, кому и чѣмъ дороги сочиненія Пушкина, но былъ прерванъ на первыхъ же словахъ:

— Э, эхъ, голубчикъ, заговорилъ Дубельтъ: — никому то не нуженъ вашъ Пушкинъ; да вотъ и графъ Алексѣй Өедоровичъ (шефъ жандармовъ гр. Орловъ) недоволенъ, сердится и приказалъ вамъ передать, что де довольно *этой дряни, сочиненій то вашего Пушкина* при жизни его напечатано чтобы продолжать еще и по смерти его отыскивать «неизданныя» его творенія да печатать ихъ! Нехорошо, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, нехорошо. Повторяю, графъ Алексѣй Өедоровичъ очень недоволенъ *)!

Дубельтъ имѣлъ свое основаніе сказать подобныя слова при видѣ того какъ романы Булгарина, Загоскина или Кукольника расхватываются мигомъ тысячами экземпляровъ, а до сочиненій Пушкина и Лермонтова дѣйствительно словно будто не было никому дѣла, и Булгаринъ со своей стороны могъ бы заявить своимъ литературнымъ врагамъ: «какъ вы меня ни честите, а безъ моей рекламы вашъ Лермонтовъ и до сихъ поръ стоялъ бы на полкахъ книжныхъ лавокъ, и вотъ вамъ доказательство, чьи критическія статьи вліятельнѣе, мои или ваши!»

Затѣмъ отъ общихъ мѣръ и общаго состоянія литературы подъ ихъ гнетомъ мы перейдемъ къ ряду частныхъ мѣропріятій и отдѣльнымъ случаямъ преслѣдованій различныхъ сочиненій, не смотря на то, что послѣднія успѣли пройти сквозь строй многочисленныхъ цензуръ того времени.

Такъ еще въ 1834 году было обращено вниманіе на книги, издаваемыя для народа. Замѣтивъ, что нерѣдко поступаютъ прошенія объ изданіи дешевыхъ книгъ и періодическихъ сочиненій, Уваровъ предложилъ на обсужденіе Главнаго правленія цензуры вопросъ о томъ, удобно ли распространять подобную литературу? Главное правленіе пришло къ тому заключенію, «что приводить низшіе классы нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать оные какъ бы въ состояніи напряженія не только безполезно, но и вредно» **).

Между тѣмъ, несмотря на всѣ регламентаціи прежняго времени, продолжала существовать, минуя всякія цензуры, цѣлая отрасль литературы, именно литература народная, создаваемая самимъ народомъ, въ видѣ лубочныхъ сказокъ и картинъ самаго разнообразнаго содержанія, начиная съ религіознаго и кончая сатирическимъ и скабрезнымъ. Но Уваровъ не замедлилъ обратить вниманіе и на это упущеніе. Говорятъ, что поводомъ къ этому послужила случайная встрѣча его съ

---

*) «Русск. Стар.», 1881 г., № 3, стр. 714.
**) «Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи», стр. 52.

коробейникомъ, продававшимъ лубочныя картины, изъ которыхъ особенное вниманіе министръ остановилъ на одной, изображавшей двухъ дерущихся мужиковъ. Подъ картиной была подпись: «два дурака дерутся, а третій смотритъ и смѣется». Когда графъ, не видя на картинѣ никакого третьяго, спросилъ у коробейника, гдѣ же онъ, то оказалось, что смотрящимъ и смѣющимся duракомъ бываетъ всегда самъ зритель картины. Это показалось графу непристойною дерзостью, и, принимая во вниманіе скабрезность или сатирическую соль другихъ картинъ, онъ приказалъ въ 1839 году цензурнымъ комитетамъ вытребовать и процензуровать всю лубочную литературу и живопись, не исключая портретовъ особъ императорской фамиліи и героевъ, начиная съ 1812 г. *).

По всей вѣроятности въ связи съ этимъ обстоятельствомъ находится распоряженіе 15-го мая 1840 г. о томъ, чтобы отнюдь не были допускаемы къ печатанію объявленія или афиши съ изображеніемъ Спасителя или другихъ священныхъ лицъ и предметовъ **).

На сколько въ то же время усиливалось вліяніе на свѣтскую цензуру духовнаго вѣдомства, можно судить по слѣдующему факту. Въ цензурномъ уставѣ находилась статья, въ силу которой книги православнаго содержанія, хотя-бы основанныя на Св. писаніи и подкрѣпленныя текстами изъ него, пропускались свѣтскою цензурою; въ духовную-же отсылались только догматическія и церковно-историческія. Въ августѣ-же 1829 г. комитетъ получилъ отъ министра предписаніе, основанное на отношеніи св. Синода, чтобы всѣ сочиненія духовнаго содержанія, въ какой-бы то мѣрѣ ни было отсылались въ духовную цензуру ***).

Послѣ этого можно себѣ представить, какихъ огромныхъ затрудненій и мытарствъ стоило князю Львову выхлопотать дозволеніе издавать книги для народа, несмотря на то, что дѣло шло здѣсь о душеспасительныхъ книгахъ религіознаго содержанія, и князь въ просьбѣ своей писалъ: «служа страждущимъ втеченіе 20 лѣтъ, и впродолженіе сего времени обращаясь съ сими несчастными, виновными противъ небеснаго и земного правосудія, я опытомъ убѣдился, что большая часть изъ нихъ не имѣетъ почти никакого понятія о божественной религіи нашей, ни объ обязанностяхъ, ею налагаемыхъ въ отношеніи къ Богу и ближнему, и такимъ образомъ, будучи внѣ закона нравственнаго, они руководствуются однимъ инстинктомъ животной природы... Я желалъ бы снабжать ихъ такими книгами, которыя вмѣстѣ питаютъ душу и сердце русскаго примѣрами нравственными и благородными. Миссіонеры шотландскіе, англійскіе и американскіе желаютъ помочь намъ своими произведеніями, но ихъ книги не удовлетворяютъ нашимъ потребностямъ». Лишь въ уваженіе къ званію князя и несомнѣнно религіозной цѣли его предпріятія ему было дано разрѣшеніе на изданіе книгъ для народа ****)

Въ 1837 году была напечатана книга подъ заглавіемъ «Разсказы о преступленіи и невинности». Неизвѣстно, въ чемъ заключалось содержаніе этого сочиненія, но только министръ предложилъ петербургскому цензурному комитету, не видя никакой пользы въ распространеніи подобныхъ сочиненій и признавая

*) «Сборн. отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. XXVII; «Русскія народн. карт». Д. Ровинскаго.

**) «Сборн. постан.», стр. 230.

***) «Русск. Стар.», 1889 г., № 10, стр. 111—112.

****) «Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи», стр. 52.

книгу эту, хотя ничтожною, но вредною, изъять изъ обращенія и воспретить дальнѣйшую продажу ея.

Въ 1839 году подвергся служебной непріятности самъ начальникъ III отдѣленія Мордвиновъ за то, что одобрилъ къ напечатанію въ альманахѣ Смирдина «Сто русскихъ литераторовъ» портретъ Бестужева (Марлинскаго); портретъ былъ конечно вырѣзанъ изъ изданія *).

Въ 1841 г. были конфискованы и сожжены въ присутствіи Никитенки и Куторги экземпляры драматическаго сочиненія «Янстерскій» **) Великопольскаго (псевд. Ивельевъ). По словамъ Ив. Панаева и Никитенки, цензоръ Ольдекопъ былъ отставленъ отъ должности и благородный авторъ тотчасъ же предложилъ ему ежегодно выдавать его цензорское жалованіе. Уволенный цензоръ отказался отъ великодушнаго предложенія».

Къ этому же времени относится появленіе «Трехъ повѣстей» Н. Ф. Павлова, обратившихъ на себя вниманіе правительства либеральнымъ направленіемъ. По словамъ И. Панаева (стр. 240), «самъ императоръ удостоилъ ихъ прочтенія, и строго осудивъ ихъ неблагонамѣренное направленіе, замѣтилъ, чтобы посовѣтывать талантливому автору избѣгать впредь такого рода сюжетовъ, что онъ можетъ заняться, напримѣръ, описаніемъ кавказской природы или чѣмъ-нибудь подобнымъ»...

Въ то же время государь приказалъ сдѣлать предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета Голохвастову выговоръ, а цензору пропустившему книгу строгій выговоръ и объявить имъ, что при первой подобной оплошности виновный будетъ отданъ подъ судъ.

Сообщая объ этомъ начальству московскаго учебнаго округа, министерство нар. пр. просило обратить вниманіе цензурнаго комитета на эпиграфъ книги «Домашнія дѣла», а также и на виньетку, представляющую чудовище, поражаемое кинжаломъ рукою невидимаго. О виньеткѣ цензурный комитетъ отнесся къ московскому оберъ-полиціймейстеру, чтобы онъ приказалъ, «отобравъ оную отъ содержателя типографіи Степанова, доставить въ комитетъ; по полученіи же сія виньетка имѣетъ быть пріобщена къ числу запрещенныхъ» ***). Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало запрещеніе перепечатывать книгу Павлова.

Изъ мелкихъ частныхъ распоряженій обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія два, относящіяся къ этому времени:

3-го октября 1840 года государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы не употреблялись совсѣмъ названія: Бѣлоруссія и Литовскія губерніи. Вслѣдствіе этого заглавіе издаваемой въ Вильнѣ оффиціальной газеты «Литовскій Вѣстникъ» было измѣнено въ «Виленскій Вѣстникъ».

11-го октября 1841 года вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія было сдѣлано распоряженіе отъ канцеляріи министра въ цензурные комитеты о томъ, что въ статьяхъ о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ не должны быть помѣщаемы вообще всѣ тѣ лица, кои принадлежатъ къ вѣдомству корпуса жандармовъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они пріѣзжаютъ или уѣзжаютъ изъ столицы и не по казенной надобности ****).

---

*) «Русск. Стар.», 1889 г., № 10, стр. 106.
**) Ibid, стр. 45—46. «Русск. Стар.», 1889 г., № 11, стр. 324.
***) «Изслѣд. ист. по русск. литер. и просв.», М. И. Сухомлинова, т. II, стр. 454—455
****) «Сборн. постановл.», стр. 230 и 234.

Въ 1841 году было обращено высочайшее вниманіе на повѣсть Н. Кукольника «Сержантъ или всѣ за одно». Неудовольствіе государя по случаю этой повѣсти повело за собою слѣдующее письмо графа Бенкендорфа къ Н. Кукольнику отъ 6-го января 1842 г.:

«М. Г. Несторъ Васильевичъ! Историческій разсказъ «Сержантъ или всѣ за одно» обратилъ на себя вниманіе публики желаніемъ вашимъ выказать дурную сторону русскаго дворянина и хорошую—его двороваго человѣка. Государь императоръ удивляется, какъ можетъ человѣкъ, столь просвѣщенный и обладающій такимъ хорошимъ перомъ, какъ вы, милостивый государь, убивать время на занятія васъ недостойныя и на составленіе статей, до такой степени ничтожныхъ.

«Хотя разсказъ вашъ вы почерпнули изъ дѣяній Петра Великаго, по предметъ, вами описанный въ анекдотѣ, составляя прекрасную черту великаго государя, въ вашемъ сочиненіи совершенно искаженъ неумѣстными выраженіями и получилъ совершенно другое направленіе. Желаніе ваше безпрерывно выказывать добродѣтель податного состоянія и пороки высшаго класса людей, не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій, а потому не благоугодно ли вамъ будетъ на будущее время воздержаться отъ печатанія статей, противныхъ духу времени и правительства, дабы тѣмъ избѣжать взысканія, которому вы при меньшей какъ нынѣ снисходительности подвергнуться можете».

Неизвѣстно, что отвѣчалъ на это грозное посланіе Кукольникъ, но надо полагать, что отвѣтъ его былъ исполненъ подобострастной покорности и страха, такъ какъ 30-го января того же года послѣдовало новое письмо гр. Бенкендорфа, исполненное мягкаго и успокоительнаго тона:

«М. Г., Несторъ Васильевичъ!» писалъ графъ Бенкендорфъ, получивъ письмо ваше, отъ 27-го сего января, спѣшу успокоить васъ, м. г., что изъ памяти государя императора совершенно изгладилось то впечатлѣніе, которое произведено было повѣстью вашею «Сержантъ Ивановъ», и въ мысляхъ его величества не осталось противъ васъ ни малѣйшаго гнѣва; если же вамъ и сообщено было о замѣченныхъ недостаткахъ въ вашей повѣсти, то единственно потому, что его величество, памятуя всѣ другія произведенія ваши по части литературы, былъ нѣсколько остановленъ тѣмъ, что въ новой повѣсти вашей встрѣчаются мѣста, не вполнѣ достойныя пера вашего, и его императорское величество соизволилъ замѣтить это именно потому, что считаетъ васъ въ числѣ отличныхъ писателей, всегда ожидалъ отъ васъ произведеній, равныхъ вашему таланту, и что вы трудами своими можете приносить пользу и честь нашей литературѣ» *).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Дѣятельность духовной цензуры въ тридцатые и сороковые годы.—Комитетъ о политическихъ книгахъ и его рѣшеніе.—Вопросъ о переводѣ книгъ св. Писанія на русскій языкъ.—Дѣла о переводахъ прот. Павскаго и архим. алтайскаго Макарія.

I.

Между тѣмъ духовное вѣдомство, чуждое мірскихъ дѣлъ и тревожныхъ вопросовъ жизни, и въ 30-ые, и въ 40-ые годы продолжало заниматься все тѣми же вопросами, какіе были подняты въ первой половинѣ 20-хъ годовъ дѣятельностью библейскихъ обществъ и затѣмъ паденіемъ мистиковъ. Такъ мы видѣли, что еще въ 1824 году Шишковъ препроводилъ митрополиту Серафиму цѣлый рядъ мистическихъ книгъ съ цѣлью разсмотрѣнія и осужденія ихъ. Тогда же

*) «Русск. Стар.», 1871 г., № 6, стр. 793—794.

былъ учрежденъ съ этою цѣлью при с.-петербургской духовной академіи особенный комитетъ, но комитетъ этотъ, мѣняясь со временемъ въ своемъ составѣ, не торопился съ исполненіемъ возложеннаго на него порученія, чему конечно способствовали смутныя событія того времени, а затѣмъ отставка Шишкова и ослабленіе того живого интереса, какой внушали мистическія книги въ 24 и 25 годахъ. Отобранныя у публики книги массами валялись по съѣзжимъ домамъ, а о существованіи комитета всѣ позабыли. Но вотъ въ 1830 году с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ отнесся вдругъ къ оберъ-прокурору св. Синода о томъ, что дальнѣйшее загроможденіе съѣзжихъ домовъ мистическими сочиненіями крайне неудобно. Тогда св. Синодъ 18-го іюля 1830 г. опредѣлилъ перемѣстить книги въ зданія духовнаго вѣдомства. Тѣмъ дѣло и ограничилось, о комитетѣ опять забыли и продолжалъ онъ безвѣстно и бездѣятельно существовать 8 лѣтъ, до 1838 года.

Въ этотъ годъ о комитетѣ снова вспомнили по совершенно случайному поводу: въ Пензу былъ командированъ коллежскій совѣтникъ Кудрявцевъ для ревизіи тамошняго консисторскаго архива. Онъ донесъ между прочимъ, что отобранныя по пензенской епархіи книги стѣсняютъ книгохранилище и предлагалъ сжечь ихъ по описи, при свидѣтеляхъ. Вслѣдствіе этого указами изъ св. Синода 24-го октября 1838 года потребованы были отъ архіереевъ свѣдѣнія о положеніи этого дѣла по епархіямъ, а митрополиту Серафиму поручено было побудить комитетъ немедленно заняться разсмотрѣніемъ книгъ.

Архіереи не замедлили своими донесеніями, причемъ обнаружилось, что книги хранились такъ небрежно, что по большей части оказались утраченными и похищенными. Такъ напримѣръ, въ кіевской епархіи не оказалось ни одной книги; онѣ были разворованы еще въ 1831 году нѣкіимъ канцелярскимъ служителемъ Вензелемъ, который продавалъ ихъ на базарѣ. Но при всѣхъ этихъ донесеніяхъ архіереевъ самый курьезнѣйшій фактъ былъ слѣдующій: св. Синодъ внезапно открылъ существованіе такого цензурнаго комитета, о которомъ никто и не подозрѣвалъ. Именно казанскій епископъ Владиміръ доносилъ, что книги, представленныя въ консисторію, онъ поручилъ разсмотрѣнію *казанскаго духовнаго цензурнаго комитета*. Въ 1842 году 30-го ноября, св. Синодъ предписалъ казанскому епископу доставить свѣдѣніе, что это за духовно-цензурный комитетъ, существуетъ ли онъ нынѣ въ казанской епархіи, если существуетъ, то на какомъ основаніи и какія были занятія его въ истекшемъ и прошедшихъ годахъ? Архіепископъ донесъ, что комитетъ учрежденъ въ 1817 г. преосвященнымъ Амвросіемъ (Протасовымъ) при правленіи казанской академіи, какъ цензурный комитетъ проповѣдей, сказываемыхъ духовенствомъ г. Казани и уѣзда его, а по закрытіи академіи въ 1818 г. продолжался оный при семинарскомъ правленіи, и ему же поручено было разсмотрѣніе вредныхъ книгъ; въ 1840 году по представленію семинаріи, что въ немъ нѣтъ болѣе нужды въ томъ видѣ, какъ онъ учрежденъ первоначально, положено не считать его существующимъ, а членамъ его именоваться просто цензорами проповѣдей.

Между тѣмъ вышеупомянутый комитетъ при с.-петербургской духовной академіи, выведенный предписаніемъ Синода изъ своего пятнадцатилѣтняго усыпленія, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, долженъ былъ заняться пополненіемъ своихъ членовъ, такъ какъ въ эти 15 лѣтъ одни изъ его членовъ успѣли умереть, другіе—перемѣститься по службѣ и число оставшихся оказалось крайне незначительно; пришлось прибавить еще шесть членовъ. Въ 1843 году 10-го фе-

враля, т. е. 19 лѣтъ спустя послѣ своего учрежденія, комитетъ наконецъ окончилъ свои работы. Всѣ разсмотрѣнныя имъ мистическія книги онъ раздѣлилъ на два разряда: къ первому отнесены книги *вредныя и опасныя:* «Воззваніе къ человѣкамъ», «Таинство креста», «Путь ко Христу», «Побѣдная повѣсть», «Письма къ другу» и «Сіонскій Вѣстникъ». Только въ двухъ изъ нихъ, по мнѣнію комитета, нѣтъ прямой хулы на церковь и правительство, но за то одна изъ нихъ («Письма къ другу») проповѣдуетъ масонство, а другая («Путь ко Христу»)—мрачныя начала розенкрейцеровъ или химическихъ философовъ, у которыхъ все духовное идетъ по физическимъ законамъ стихій, а не по слову Божію, не по закону благодати. Ко второму разряду отнесены остальныя книги: въ нихъ, по заключенію комитета, не видно злой политической цѣли, но онѣ всѣ вообще исполнены заблужденій квіэтизма, эманотизма, излишней свободы ума въ разсужденіи вѣры и весьма ясно проповѣдуютъ то, что противно св. Писанію и вообще православному ученію вѣры. По общему заключенію комитета «самая строгая истина оправдываетъ тѣ мудрыя, давно принятыя духовнымъ и гражданскимъ правительствами мѣры къ изъятію оныхъ изъ употребленія; и потому комитетъ полагалъ бы привести въ исполненіе въ отношеніи ихъ такую мѣру, чтобы онѣ вовсе были уничтожены, какъ плевелы, которыхъ ни подъ какимъ видомъ нельзя оставить растущихъ до жатвы на благодатной нивѣ единой, святой, соборной, апостольской, православно-каѳолической всеросійской церкви».

Св. Синодъ поручилъ это донесеніе на предварительное разсмотрѣніе митрополиту Антонію, который 8-го іюля 1843 г. представилъ, что мнѣніе комитета относительно мистическихъ книгъ онъ признаетъ основательнымъ, а потому полагаетъ истребить ихъ посредствомъ сожженія. 1-го сентября 1843 года состоялось синодское опредѣленіе: рапортъ сей доложить св. Синоду впредь, когда будетъ назначено. Въ другой разъ дѣло доложено было 20-го декабря 1844 г. и снова состоялось опредѣленіе: дѣло сіе доложить въ будущемъ 1845 году. Въ декабрѣ 1846 г. составленъ былъ проектъ опредѣленія св. Синода, чтобы всѣ книги, значущіяся въ реэстрѣ, вытребовать изъ епархіи въ св. Синодъ, съ приложеніемъ описи онымъ. Но было ли приведено въ исполненіе это опредѣленіе св. Синода и вообще получило ли дѣло дальнѣйшее движеніе, или оно такъ и заглохло, остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. И еще бы: болѣе 20-ти лѣтъ спустя, какой-же иной интересъ могли имѣть подобныя книги, кромѣ историческаго? Судъ надъ ними былъ теперь судомъ надъ мертвыми *).

II.

Гораздо бо́льшій интересъ возбуждалъ въ средѣ духовенства вопросъ о переводѣ «Библіи» на русскій языкъ. Вопросъ этотъ былъ не только поднятъ, но почти рѣшенъ Библейскимъ обществомъ, главная дѣятельность котораго заключалась именно въ переводѣ «Библіи» на всѣ возможные языки. Библейское общество успѣло во время своего существованія перевести на русскій языкъ «Новый Завѣтъ»

*) Факты, изложенные въ §§ I—III, взяты всѣ изъ «Исторіи—перевода библіи на русскій языкъ И. Чистовича».

и издать его въ параллели съ славянскимъ текстомъ нѣсколькими изданіями въ количествѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ; передъ закрытіемъ же своимъ оно готовилось издать «Евангеліе» на одномъ русскомъ безъ параллели славянскаго текста. Кромѣ этого оно издало 12 изданій «Псалтыри» на русскомъ языкѣ въ количествѣ 100,000 экземпляровъ и готовилось выпустить въ свѣтъ переводъ книгъ «Ветхаго Завѣта», при чемъ пять книгъ Моисеевыхъ были уже отпечатаны.

Партія православнаго духовенства, ратовавшая противъ дѣятельности Библейскаго общества, наиболѣе возставала на него именно за эти переводы. Несмотря на то, что по духу православной церкви переводъ книгъ Священнаго писанія на какой бы то ни было языкъ не возбраняется и это составляетъ существенный пунктъ различія православія отъ католичества, въ средѣ духовенства того времени не мало было членовъ, безусловно отрицавшихъ переводъ «Библіи» на русскій языкъ. Правда, что во время существованія Библейскаго общества и видя расположеніе Александра къ переводамъ «Библіи» на русскій языкъ, люди эти не смѣли высказываться прямо и протесты свои замаскировывали такимъ образомъ, что они вовсе не противъ того, чтобы «Библія» была переведена на народный языкъ, а лишь требуютъ, чтобы это было сдѣлано православными пастырями подъ вѣдѣніемъ св. Синода, а не Библейскимъ обществомъ, состоящимъ изъ массы мистиковъ, сектантовъ, людей разныхъ вѣроисповѣданій, подъ начальствомъ свѣтскихъ людей съ колеблющимися мыслями. Но когда партія православнаго духовенства восторжествовала, воздвиглись гоненія на мистиковъ, библейскія общества были закрыты, тогда противники перевода «Библіи» заговорили другимъ языкомъ. Первымъ дѣломъ приступлено было къ истребленію всѣхъ заготовленныхъ Библейскимъ обществомъ книгъ Св. писанія на русскомъ языкѣ и въ послѣдней половинѣ 1824 г. или первой 1825 г. на кирпичномъ заводѣ было устроено цѣлое auto-da-fe, причемъ были сожжены десятки тысячъ экземпляровъ этихъ книгъ. Затѣмъ, когда во время коронаціи въ 1826 г. и по пріѣздѣ въ Петербургъ московскій митрополитъ Филаретъ, принимавшій нѣкогда участіе въ библейскихъ обществахъ и не перестававшій открыто ратовать за переводъ Св. писанія, заговорилъ съ митрополитомъ Серафимомъ объ этомъ предметѣ, Серафимъ не сталъ уже теперь приводить никакихъ косвенныхъ доводовъ противъ перевода, а безъ всякихъ объясненій категорически заявилъ: «если вы будете настаивать на продолженіи перевода Священнаго писанія, я выйду въ отставку».

Вскорѣ послѣ того государю представленъ былъ проектъ объ улучшеніи духовнаго управленія. Въ проектѣ этомъ было представлено о томъ, что Синодъ самъ не знаетъ положенія церкви, никакихъ ревизій въ эпархіяхъ не производится, во всѣхъ частяхъ церковнаго управленія страшныя упущенія, и поэтому предполагалось учредить надъ Синодомъ что-то въ родѣ протестантской консисторіи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Между прочимъ проектъ коснулся и вопроса о переводѣ библіи. Государь приказалъ разсмотрѣть этотъ проектъ въ св. Синодѣ. Такъ какъ проектъ былъ обширенъ и требовалъ разсмотрѣнія многихъ предметовъ, то было положено, чтобы члены Синода предварительно прочли его, чтобы потомъ могли при общемъ слушаніи представить свои замѣчанія. Митрополитъ Филаретъ, воспользовавшись этимъ, написалъ особую записку о проектѣ для предложенія прочимъ членамъ. «Здѣсь между прочимъ, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ:—нужно было коснуться и перевода Священнаго писанія. Я изложилъ тоже, что говорилъ преосв. Серафиму. Записка была прочтена. О переводѣ снова изъ-

явилъ несогласіе преосв. Серафимъ. Несмотря на то, положено было представить ее государю, какъ мнѣніе одного изъ членовъ Синода. Еслибы государь и не одобрилъ, Синодъ не потерпѣлъ бы пораженія, представляя только частное мнѣніе. Государь прочиталъ и написалъ: «справедливо». Послѣ говорилъ мнѣ А. Н. Голицынъ: что же вы не настояли на своемъ мнѣніи о переводѣ Священнаго писанія? Я отвѣчалъ, что не хочу производить раскола въ церкви».

Послѣ этого вліяніе с.-петербургскаго митрополита Серафима, первоприсутствующаго въ св. Синодѣ, до такой степени превозмогло, что вопросъ о переводѣ «Библіи» казался окончательно погребеннымъ. Наиболѣе вліятельные члены церковнаго управленія рѣшительно стали въ этомъ отношеніи на почву католичества, начавши утверждать, будто у православной церкви есть правило не всѣмъ христіанамъ дозволять чтеніе слова Божія. Они опирались въ этомъ мнѣніи на патріаршія граматы, въ которыхъ о чтеніи Священнаго писанія сказано слѣдующее: «всякому благочестивому позволяется слушать Писаніе, дабы вѣровать сердцемъ въ правду и устами исповѣдовать во спасеніе; но не всякому позволяется безъ руководства читать нѣкоторыя части писанія, особливо «Ветхаго Завѣта». Безъ разбору позволять неискуснымъ чтеніе Св. писанія тоже значитъ, что и младенцамъ предложить употребленіе крѣпкой пищи».

На этомъ основаніи было даже предложеніе утвердить исключительное, церковное и учебное, общественное и домашнее употребленіе *славянской* «Библіи» церковнымъ авторитетомъ, какъ это сдѣлано въ римско-католической церкви относительно «Вульгаты».

Приверженцы перевода Св. писанія на русскій языкъ были сильно смущены такими предположеніями своихъ противниковъ. Тверской архіепископъ Григорій писалъ по этому поводу къ митрополиту Филарету (московскому): «Одна мысль о запрещеніи чтенія Св. писанія простымъ христіанамъ приводитъ меня въ страхъ. Не могу постигнуть, откуда происходитъ такое мнѣніе. Не есть ли оно изобрѣтеніе всегда скрытно дѣйствующихъ агентовъ *латинства*? Или это мнѣніе есть порожденіе умножающагося въ наше время вольнодумства, дабы потомъ, какъ оно прежде поступало съ духовенствомъ западной церкви, смѣяться надъ нами? Да помилуетъ насъ Всемилостивый»...

Послѣ этого понятно, что когда въ 1834 г. алтайскій архимандритъ Макарій прислалъ къ московскому митрополиту Филарету письмо *о потребности для россійской церкви переложенія всей библіи съ оригинальныхъ языковъ на современный русскій языкъ*, пр. Филаретъ не нашелъ удобнымъ дать этому заявленію гласность и оффиціальный характеръ; нечего было и думать объ успѣхѣ подобнаго заявленія.

Но, какъ это всегда бываетъ, когда какая-либо потребность насильственно сдавливается, она ищетъ себѣ удовлетворенія окольными путями и переходитъ на нелегальную почву. Такъ произошло и въ настоящемъ случаѣ. Между тѣмъ, какъ противники перевода «Библіи» на русскій языкъ помышляли о томъ, какъ бы ограничить чтеніе даже и славянской «Библіи», одинъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ въ Библейскомъ обществѣ, переводчикъ «Библіи», протоіерей Г. П. Павскій, профессоръ еврейскаго языка въ Спб. академіи и богословія въ спб. университетѣ, и законоучитель наслѣдника престола, продолжалъ переводить «Библію» и послѣ закрытія Библейскаго общества, съ студентами, въ качествѣ профессора и, пере-

водя книгу за книгой, довелъ свой переводъ до конца пророческихъ книгъ. Списки перевода передавались изъ курса въ курсъ; а въ 1838 году, уже по прекращеніи Г. П. Павскимъ его лекцій въ академіи, студенты XIII курса (выпущенные въ 1839 г.) выпросили у академическаго начальства позволеніе отлитографировать свои лекціи, и вмѣстѣ со всѣми прочими курсами приступили къ отлитографированію и перевода «Библіи». Дѣло это поручено было студенту Гошкевичу. Онъ собиралъ списки, свѣрялъ ихъ и лучшіе приготовлялъ для литографированія при помощи своихъ товарищей Хергозерскаго и Захарова. Такимъ образомъ въ 1838—39 годахъ было отлитографировано литографщикомъ Пажескаго корпуса Мейеромъ 150 экземпляровъ слѣдующихъ книгъ «Ветхаго Завѣта»: «Іова», «Экклезіаста», «Пѣсни Пѣсней», «Притчей Соломоновыхъ», «Пророковъ», большихъ и меньшихъ. Цѣна каждаго экземпляра обходилась 15 руб. асс. Экземпляры продавались съ большою осторожностью подъ видомъ лекцій.

Примѣру студентовъ XIII курса послѣдовали и студенты XIV курса, (вышедшіе въ 1841 году), съ большею ревностью и предпріимчивостью. Для усиленнаго хода дѣла приглашены были студенты Московской и Кіевской духовныхъ академій. Главнымъ распорядителемъ былъ студентъ Жемчужинъ: онъ отбиралъ подписки отъ студентовъ, сколько кому изъ нихъ нужно экземпляровъ, договаривалъ писцовъ, велъ разсчетъ съ литографіею и заботился объ исправленіи ошибокъ перваго выпуска перевода. Жемчужинъ бралъ подписку отъ студентовъ съ условіемъ, чтобы получаемыхъ экземпляровъ не давать и не посылать никому изъ лицъ свѣтскихъ, а отсылать ихъ къ однимъ духовнымъ, и то собственно къ профессорамъ и учителямъ семинарій; литографированіе библіи содержать въ тайнѣ. Изъ литографіи Мейера въ 1841 году выпущено было 300 экземпляровъ учительныхъ и пророческихъ книгъ «Ветхаго Завѣта». Цѣна каждаго экземпляра обходилась около 10 р. Кромѣ этихъ двухъ изданій въ литографіи спб. военнаго генералъ-губернатора было отлитографировано 30 экземпляровъ.

Но при всѣхъ этихъ предосторожностяхъ дѣло велось слишкомъ явно, чтобы долго сохраниться въ тайнѣ. Литографированные экземпляры «Библіи», вмѣстѣ съ рукописными не замедлили распространиться по всей Россіи. И вотъ въ концѣ 1841 года послѣдовалъ доносъ: именно кіевскій митрополитъ Филаретъ получилъ въ Петербургѣ письмо безъ подписи, присланное изъ Владиміра. По нѣкоторымъ извѣстіямъ письмо это было писано баккалавромъ московской академіи іеромонахомъ Агаѳангеломъ.

«Св. апостолъ Іуда, оправдывалъ свой доносъ авторъ письма: —умоляетъ христіанъ подвизаться за вѣру, однажды преданную святымъ. Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ обличать дѣла тьмы. Самъ Господь повелѣваетъ объявлять церкви о томъ, кто вводитъ въ соблазнъ другихъ. Слыша сіи уроки, вѣрующій христіанинъ не можетъ оставаться спокойнымъ, когда передъ его очами превращаютъ истину Божію во лжу, вѣчную премудрость—въ буйство человѣческое.

«Недавно вышелъ въ Петербургѣ литографированный русскій переводъ учительныхъ и пророческихъ книгъ ветхо-завѣтнаго канона (исключая псалмовъ). Переводъ показываетъ, что надъ нимъ трудился человѣкъ, свѣдущій въ еврейскомъ языкѣ и способный владѣть русскимъ словомъ... Можно бы почесть не важнымъ сіе дѣло, еслибы оно произошло отъ неопытности и ошибочнаго выбора иностранныхъ пособій; но когда переводчикъ не разъ, не два пересматривалъ свой переводъ, когда при каждомъ пересмотрѣ вводилъ новыя лжесловія и когда авторитетъ его учености и слава многовѣдѣнія грозятъ обширнымъ распространеніемъ переводу, то ни молчаніе не умѣстно, ни терпѣніе не спасительно».

Далѣе слѣдуютъ пункты обвиненія перевода Павскаго: 1) «читателя прежде всего поражаютъ заблужденія касательно пророчествъ, относящихся къ Іисусу Христу и Его церкви.

Читая переводъ, не видишь ни одного предсказанія о Его божественномъ Лицѣ. Если же гдѣ и захотѣли бы видѣть по причинѣ яснаго описанія свойствъ и дѣйствій Спасителя съ совершенною точностью, повторяемаго евангелистами, то переводчикъ прилагаетъ къ такимъ мѣстамъ замѣчанія, давая совершенно другой смыслъ рѣчамъ пророковъ. 2) Въ переводѣ встрѣчаются многія мѣста, въ которыхъ переводчикъ усвояетъ св. писаніямъ мысли и слова, недостойныя богодухновенныхъ мужей и противныя намѣренію ихъ (въ примѣръ указано на замѣчаніе о книгѣ «Пѣснь Пѣсней», на оглавленіе книги «Іова» и на деревенскія фразы перевода начала 58 главы «Исаіи»: «кричи во все горло, не умолкай», что можно бы перевести такъ: «восклицай, провозглашай отъ всей гортани, не умолкай»). 3) Наконецъ, переводчикъ не увѣренъ въ подлинности и достовѣрности многихъ частей»...

Взаключеніе же этого доноса авторъ совершенно неожиданно нетолько не оказывается противникомъ перевода «Библіи» на русскій языкъ, но напротивъ того въ этомъ видитъ единственное средство къ искорененію такихъ заблужденій какъ переводъ Павскаго.

«Самое дѣйствительное средство, говоритъ онъ:—воспрепятствовать распространенію перевода состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворить общему чувству нужды вѣрнымъ переводомъ, обнаружить въ полномъ свѣтѣ самую истину, которая имѣетъ довольно силы состязаться съ ложью и одержать надъ нею побѣду. Справедливо, что при семъ дѣлѣ невозможно избѣжать роптанія со стороны людей суевѣрныхъ и упорствующихъ въ темнотѣ невѣжества. Но чѣмъ же виноваты души ищущія истины, чтобы изъ опасенія возмутить покой суевѣрія и грубости, отказать имъ въ пищѣ? Ни въ какое время истина Божія не была скрываема отъ людей, преданныхъ ей. Мы можемъ указать даже на многіе отечественные примѣры въ доказательство того, какъ всегда заботились пастыри приблизить разумѣніе слова Божія къ понятіямъ и языку современному».

Митрополитъ кіевскій Филаретъ, получивъ это письмо, препроводилъ его оберъ-прокурору св. Синода Н. А. Протасову, который тотчасъ же поручилъ директору духовно-учебнаго управленія А. И. Карасевскому произвести о переводѣ Павскаго предварительное дознаніе. Затѣмъ св. Синодъ опредѣленіемъ 13—18 февраля постановилъ нарядить слѣдствіе, поручивъ его особенно для того учрежденному комитету подъ предсѣдательствомъ ревельскаго епископа Венедикта и ректора Курской семинаріи архимандрита Варлаама. Начались обыски, отбиранія литографированныхъ экземпляровъ «Библіи», допросы.

Дѣло это повело къ новому враждебному столкновенію двухъ партій, на которыя въ то время дѣлилось духовное вѣдомство, по отношенію къ вопросу о переводѣ «Библіи». Наиболѣе рьяный противникъ этого вопроса преосвященный Серафимъ былъ до крайности возмущенъ открытіемъ перевода Павскаго и умирающій, лежа на смертномъ одрѣ онъ тѣмъ не менѣе разразился грознымъ письмомъ къ гр. Протасову.

«При извѣстіи объ упомянутомъ переложеніи, писалъ онъ въ этомъ письмѣ:—я исполнился душевнаго прискорбія, какъ потому, что такое злоупотребленіе святынею, очевидно, угрожаетъ той чистотѣ, въ которой ученіе вѣры преподавалось въ отечествѣ нашемъ, ограждаемомъ отъ пагубныхъ иноземныхъ суемудрій помощію Божіею и попеченіемъ благочестивѣйшаго Государя Императора, такъ и потому, что такое злокачественное посягательство явилось отъ имени и посреди духовнаго юношества, отъ котораго мы ожидаемъ вѣрныхъ и усердныхъ пастырей и служителей церкви, воспитывающей ихъ своими трудами и пожертвованіями. Разсматривая сей случай со всѣхъ сторонъ, я, къ величайшему прискорбію, усматриваю въ немъ горестное послѣдствіе тѣхъ ложныхъ насчетъ употребленія слова Божія понятій, которыя, бывъ нѣкогда занесены къ намъ иновѣрцами, и увлекши умы нѣкоторыхъ у насъ, угрожали іерархіи подрывомъ власти, народу - воспитаніемъ въ немъ обольстительнаго, но вмѣстѣ и гибельнаго чувства независимости отъ церкви, православію—ниспроверженіемъ коренныхъ началъ его; ибо, по ученію православной церкви, Св. писаніе передано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей, и уже черезъ нихъ народу. Зловредныя мнѣнія, пресѣченіе

коихъ требовало великихъ усилій, отъ истиннаго усердія къ церкви, возродившись нынѣ и явившись во всемъ своемъ безобразіи, на самомъ опытѣ показали, какъ глубоко вкореняются и съ какимъ трудомъ врачуются подобные недуги. Нечестивое приложеніе Священнаго писанія тѣмъ больше возбуждаетъ негодованіе и скорбь, что оно явилось тогда, когда православная церковь наша такъ недавно еще однѣми истинами своего неповрежденнаго ученія возвратила къ себѣ милліоны отпадшихъ чадъ (здѣсь разумѣется возсоединеніе уніатовъ въ 1839 году), когда начинаютъ вразумляться и другіе, погрѣшительно укоряющіе насъ въ допущеніи перемѣнъ, и когда церковь наша съ утѣшеніемъ видитъ возрастающимъ благочестивое чувство въ народѣ, возбужденное примѣромъ благочестія въ Государѣ».

Въ этихъ мысляхъ преосв. Серафимъ предлагалъ: «1) дознать съ полною достовѣрностью, кто именно тотъ и тѣ, которые возбудили студентовъ приступить къ такому дѣлу: ибо не можетъ онъ допустить, чтобы студенты приступили къ тому сами безъ руководства, безъ опыта, безъ связи съ прежнимъ, воспрещеннымъ образомъ мыслей; и затѣмъ виновнымъ пресѣчь всякую возможность посягать на подобныя дѣйствія, испытавъ совѣсть и тѣхъ, которые почему-либо знали о существованіи зла и оказывали грѣховное равнодушіе, не поспѣшивъ обнаружить того, какъ требовали и присяга и польза церкви, и 2) усилить мѣры, которыя уже приняты г. оберъ-прокуроромъ, чтобы на будущее время все воспитаніе духовнаго юношества направлено было къ сохраненію во всей неприкосновенности прямого православнаго ученія вѣры и ограждено отъ всякаго колебанія мыслями иновѣрныхъ, и чтобы никто, ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ, не отваживался посягать на переложеніе Св. писанія, долженствующаго оставаться въ томъ видѣ въ какомъ оно принято нами отъ нашихъ благочестивыхъ предковъ и донынѣ служило закономъ нашего благоденствія»...

Митрополиты кіевскій и московскій, не зная ничего объ этомъ письмѣ Серафима, однажды въ частной бесѣдѣ между собою разговорились о неясности и невѣрности въ разныхъ мѣстахъ славянскаго перевода «Библіи» и пришли къ такому заключенію, что слѣдовало бы въ иныхъ мѣстахъ присовокупить истолкованіе, въ другихъ—замѣнить непонятныя слова и неправильныя выраженія иными, въ третьихъ—пояснить смыслъ въ краткомъ перечисленіи содержанія въ оглавленіи той или другой книги. О разговорѣ этомъ узналъ гр. Протасовъ, раздѣлявшій всѣ мнѣнія пр. Серафима и рѣшился устроить особеннаго рода западню для приверженцевъ перевода «Библіи» Онъ явился къ Филарету московскому и спросилъ его: «Справедливъ ли дошедшій до него слухъ?». Филаретъ передалъ разговоръ свой съ митрополитомъ кіевскимъ отъ слова до слова. Тогда гр. Протасовъ спросилъ: «Не рѣшится ли онъ дать ему записку о такомъ важномъ вопросѣ, чтобъ самому въ него вдуматься и оцѣнить мнѣніе двухъ старшихъ членовъ Синода?»—«Охотно, отвѣчалъ Филаретъ:—я не отрекусь отъ своихъ словъ и что говорилъ вашему сіятельству, то же скажу и на письмѣ».

Митрополитъ Филаретъ не замедлилъ изложить въ запискѣ всѣ свои мнѣнія объ истолкованіи и исправленіи славянскаго текста «Библіи», графъ же Протасовъ препроводилъ эту записку пр. Серафиму, переговорилъ съ нимъ и затѣмъ съ его словъ велѣлъ въ своей канцеляріи написать отъ преосв. Серафима къ нему отношеніе, въ которомъ записка митрополита Филарета разгромлена и всѣ предположенія, высказанныя имъ, были признаны излишними и опасными.

Затѣмъ всѣ три бумаги, т. е. два письма Серафима и записку Филарета гр. Протасовъ представилъ св. Синоду. При этомъ никакихъ разсужденій не было. Филаретъ полагалъ, что за несогласіемъ первоприсутствующаго съ мыслями двоихъ изъ членовъ Синода, предложеніе ихъ само собою уничтожается. Между тѣмъ гр. Протасовъ обратился съ докладомъ къ государю объ этомъ разногласіи. Государь на этотъ разъ одобрилъ мнѣніе Серафима и вмѣстѣ съ тѣмъ, «съ прискорбіемъ усматривая изъ настоящаго случая виновность духовныхъ начальствъ въ недосмотрѣ или въ допущеніи столь пагубнаго направленія», повелѣлъ, чтобы «со всею строгостью дознано было и донесено ему, кто именно изъ духовенства

виновенъ въ соучастіи по сему дѣлу и въ какой степени, и чтобы св. Синодъ согласно съ мнѣніемъ преосв. Серафима и по прямому своему долгу усилилъ мѣры къ охраненію книгъ Св. писанія въ настоящемъ ихъ видѣ неприкосновенно и къ утвержденію всего воспитанія духовнаго юношества на истинныхъ началахъ нашего древняго православія, посредствомъ скорѣйшаго преподаванія правильныхъ къ тому руководствъ».

При подписаніи протокола о выслушаніи высочайшей резолюціи Филаретъ кіевскій настаивалъ, чтобы въ протоколъ было внесено, что въ Синодѣ не было сужденія объ исправленіи славянской «Библіи», что разговоръ объ этомъ былъ въ частной бесѣдѣ двухъ товарищей на дому, что если затѣвать дѣло, то надобно прежде предложить возбужденный вопросъ присутствію, отобрать мнѣніе всѣхъ членовъ и тогда уже идти съ докладомъ къ императору. Филаретъ московскій мало по малу успокоилъ его и убѣдилъ не заводить тяжбы, въ сущности не съ прокурорской канцеляріей, а съ первоприсутствующимъ на великій соблазнъ церкви, не воздавать оскорбленіемъ за оскорбленіе, не гнѣваться и покоиться. Тѣмъ не менѣе, отпрашиваясь на лѣто въ свою эпархію, онъ высказалъ всю правду графу Протасову, т. е. что лучше было бы провести это дѣло черезъ Синодъ.

— Что-жъ, вы развѣ не вернетесь въ Синодъ? спросилъ его графъ.

— Прикажетъ государь, не могу ослушаться, а самъ не вернулся бы.

— Почему?

— Потому, что такъ дѣло вести нельзя и опасно.

Дѣло Павскаго со всѣми своими обысками, допросами, дознаніями и проч., возбудило сильный говоръ особенно въ Петербургѣ, между тѣмъ слѣдствіе пришло къ результатамъ самымъ ничтожнымъ: все дѣло сводилось не къ какимъ-либо антирелигіознымъ или сектантскимъ цѣлямъ, а къ филологическому изслѣдованію текста «Библіи» на лекціяхъ еврейскаго языка. Вслѣдствіе этого власти, поднявшія и раздувшія это дѣло, быстро склонились къ тому чтобы скорѣе окончить его и утишить поднятый имъ шумъ. Съ этою цѣлью подъ предсѣдательствомъ волынскаго архіепископа Никанора (впослѣдствіи с.-петербургскаго митрополита) былъ образованъ 19 октября 1842 г. комитетъ для общаго разсмотрѣнія этого дѣла и составленія доклада о немъ св. Синоду. Комитетъ этотъ приступилъ къ своимъ занятіямъ въ маѣ 1843 г. и 5 іюня представилъ св. Синоду журналъ своихъ засѣданій. Заключенія комитета состояли въ слѣдующемъ:

1) Протоіерей Павскій самъ сознался, что составлялъ переводы съ еврейскаго языка съ оглавленіями, введеніями и замѣчаніями; выдавая же ихъ студентамъ постепенно, въ видѣ уроковъ, имѣлъ въ виду не ученіе догматическое или герменевтическое, а единственно знаніе еврейскаго языка. Но по неразумѣнію студентовъ, переводы сіи явились въ литографированныхъ экземплярахъ съ именемъ книгъ Св. писанія, безъ согласія и вѣдома его и такимъ образомъ распространились не только его, Павскаго, ошибки, догадки и мнѣнія, въ которыхъ онъ самъ признается, но и вставки студентовъ, завѣдывавшихъ редакціею сего дѣла, исказившія самый переводъ до того, что послѣдній въ томъ видѣ, какъ онъ налиторгафированъ, Павскій не можетъ признать весь за собственный По таковымъ объясненіямъ Павскаго, которыя вполнѣ подтверждаются и самымъ изслѣдованіемъ, нельзя признать его ни руководителемъ, ни участникомъ въ томъ, а слѣдовательно, должно освободить его отъ всякой за это отвѣтственности.

2). Всѣ воспитанники здѣшней Академіи отозвались, что литографированіе было предпринято и исполнено ими для облегченія при чтеніи «Библіи» и при переводѣ въ классѣ съ еврейскаго, а также по любознательности и особенному желанію имѣть Св. писаніе на отечественномъ языкѣ; иныхъ же цѣлей и особенно зловредныхъ никто изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ

не указалъ. За всѣмъ тѣмъ, какъ дѣло сіе начато и совершилось безъ дозволенія начальства, а посредствомъ литографированія содержащіяся въ переводѣ ложныя и вредныя мысли сдѣлались извѣстными не только между духовными, но и между свѣтскими лицами въ самыхъ даже отдаленныхъ мѣстахъ, то такой безразсудный и могущій быть вреднымъ по послѣдствіямъ поступокъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ участниковъ въ семъ дѣлѣ нельзя оставить безъ особеннаго въ свое время разсмотрѣнія.

3) На начальниковъ Академіи падаетъ двойная отвѣтственность за допущеніе студентовъ исполнить свое безразсудное предпріятіе; ибо дѣйствія студентовъ показываютъ, если не совершенное знаніе о литографированіи, то по крайней мѣрѣ явное нерадѣніе о надзорѣ за воспитанниками, руководству и попеченію ихъ ввѣренными, и по предмету такой важности. Прочіе за симъ наставники Академіи, равно какъ и члены академическаго правленія, имѣвшіе экземпляры, но не доносившіе о томъ, хотя и менѣе виновны, не могутъ остаться однако же безъ замѣчанія.

Затѣмъ по опредѣленію св. Синода 7-го и 10-го марта 1844 года было постановлено:

1) Прот. Павскій освобождается отъ отвѣтственности въ налитографированіи перевода «Библіи» и участіи въ распространеніи его. Но какъ въ переводѣ и особенно въ введеніяхъ, оглавленіяхъ и примѣчаніяхъ есть мѣста, противныя ученію православной церкви, а это не можетъ быть терпимо въ совершителѣ тайнъ божественныхъ, то епископу полтавскому Гедеону поручено было испытать келейно искренность раскаянія Павскаго и о послѣдующемъ донести св. Синоду съ своимъ заключеніемъ и съ приложеніемъ собственноручнаго исповѣданія Павскаго и подписки о неуклонномъ исполненіи обязанностей званія своего до конца жизни.

2) Воспитанники, участвовавшіе въ налитографированіи и распространеніи перевода были подвержены строгому наблюденію со стороны духовно-училищнаго и эпархіальнаго начальства за образомъ ихъ мыслей и дѣйствій.

3) Всѣмъ наставникамъ С.-петербургской академіи и въ особенности членамъ конференціи, имѣвшимъ у себя экземпляры и не представившимъ ихъ въ свое время начальству, сдѣланъ строгій выговоръ. На наставниковъ прочихъ духовно-учебныхъ заведеній, прикосновенныхъ по чему-либо къ настоящему дѣлу, обращено особенное вниманіе мѣстныхъ архіереевъ съ тѣмъ, что если усмотрятъ они что-либо неправильное въ ихъ преподаваніи или образѣ мыслей, то донесли бы о семъ св. Синоду.

4) О нарушеніи литографіями Пажескаго корпуса и генералъ-губернаторскою 246 ст. XIV св. зак. литографированіемъ перевода безъ цензурнаго дозволенія и выпускомъ онаго безъ позволительнаго свидѣтельства отъ академическаго начальства, предоставлено оберъ-прокурору св. Синода сообщить начальствамъ тѣхъ литографій по принадлежности.

5) Всѣ собранные экземпляры какъ литографированные, такъ и рукописные, положено было уничтожить по особому распоряженію оберъ-прокурора, оставивъ по одному отъ каждаго изданія въ синодальномъ архивѣ за печатью.

По докладу о семъ государю императору 12-го марта 1844 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о приведеніи этого опредѣленія св. Синода въ исполненіе.

III.

Одновременно съ пр. Павскимъ занимался переводомъ «Библіи» на русскій языкъ и алтайскій архимандритъ Макарій. Выше мы видѣли уже неуспѣхъ письма его въ 1834 г. къ Филарету московскому о необходимости изданія «Библіи» на русскомъ языкѣ. Неудача эта не остановила Макарія, и среди своихъ миссіонерскихъ трудовъ, испытывая практически все неудобство славянской «Библіи» для новообращенныхъ язычниковъ, онъ предпринялъ переводъ книгъ «Ветхаго Завѣта» съ еврейскаго на русскій и въ 1837 году прислалъ въ Комиссію духовныхъ училищъ

переводъ книги Іова, какъ бы продолжая дѣло Библейскаго общества, такъ какъ послѣднее довело свой переводъ именно до этой книги. Одновременно съ этимъ Макарій послалъ письмо на высочайшее имя, прося высочайшаго повелѣнія о разсмотрѣніи перевода его въ Комиссіи духовныхъ училищъ и объ изданіи его на суммы Комиссіи для употребленія въ духовныхъ училищахъ.

Комиссія духовныхъ училищъ поручила разсмотрѣніе перевода книги Іова профессору еврейскаго языка въ С.-петербургской духовной академіи протоіерею Иванову. Послѣдній отозвался, что «переводъ, исключая немногихъ мѣстъ, довольно правиленъ, но не вездѣ чистъ и ясенъ, иногда слишкомъ букваленъ, часто весьма растянутъ, а потому безъ значительнаго усовершенствованія не можетъ быть полезно употребленъ въ духовныхъ училищахъ».

Но и эта новая неудача не сломила упорства Макарія и въ 1839 г. онъ представилъ такимъ же порядкомъ переводъ книги пророка Исаіи съ новымъ письмомъ на высочайшее имя, причемъ полагая что первое письмо его затерялось и не было представлено государю, онъ приложилъ къ новому письму копію и съ прежняго. Лѣтомъ же въ этомъ самомъ году, посѣтивши Петербургъ, онъ досталъ рукописный переводъ «Библіи» Павскаго и въ донесеніи своемъ св. Синоду 26-го декабря 1840 г. писалъ:

«Я имѣлъ радость пріобрѣсти на россійскомъ нарѣчіи всѣ каноническія книги ветхаго завѣта пророческія и поучительныя, переведенныя съ оригинала протопресвит. Г. П. Павскимъ Но какъ сіи подаренныя мнѣ библейскія рукописи были писаны поспѣшно и притомъ молодыми людьми, то я тогда же предположилъ свѣрять ихъ съ оригиналомъ еврейскимъ и рукопись книги Іова свѣрялъ, находясь на возвратномъ пути сюда. въ Москвѣ и въ Казани, а рукопись пророка Исаіи—по возвращеніи къ церковной алтайской миссіи».

Исправивъ такимъ образомъ по переводамъ Павскаго свои переводы, Макарій снова представилъ ихъ въ 1840 г. св. Синоду, заявляя съ прежнею настойчивостью, что увѣренность его въ необходимой благопотребности для церковныхъ миссій и вообще для россійскаго народа полной «Библіи» на россійскомъ нарѣчіи въ переводѣ съ оригиналовъ теперь еще болѣе укрѣпилась; что онъ желаетъ и надѣется сохранить сію увѣренность во всю свою жизнь и пр.

Далѣе же въ своемъ донесеніи св. Синоду онъ впадаетъ въ обличительно-пророческій паѳосъ и пріурочиваетъ къ вопросу о переводѣ «Библіи» на русскій языкъ всѣ историческія событія и катастрофы предшествовавшаго времени.

«Всему свѣту извѣстно, говоритъ онъ:—что великое наказаніе и великое избавленіе, которое Господь послалъ людямъ своимъ, и, какъ одинъ отечественный писатель выразился людямъ 12-го года, сія животворящая сила креста возбудила и въ царѣ, и въ народѣ благоговѣніе предъ Вседержителемъ; и въ россійскую церковь Богъ послалъ евангелистовъ и апостоловъ, царя Давида и Моисея, проповѣдующихъ слово Божіе на живомъ народномъ, понятномъ для всѣхъ нарѣчіи. Всѣ пророки готовы были явиться и освѣтить русское слово, чтобы оно было великолѣпнымъ храмомъ полнаго слова Христова, апостольскаго и пророческаго. Но шумъ браней утихъ, и громъ побѣдъ умолкъ, и кровь россіянъ уже не проливалась за отечество и народы. Мы успокоились, мы воздремали на лаврахъ, и подъ пѣснями очаровательнаго стихотворца погрузились въ сонъ; и наши юноши, въ бреду усыпленія и безпечности, наизусть произносили стихи очаровательнаго пѣвца—слова часто гнилыя, но для ветхаго человѣка чрезвычайно сладостныя—какъ имъ прилично было бы утверждать въ памяти изреченія Духа Святаго! О горе! Мы стали тыломъ къ истинѣ, а лицомъ ко всякой лжи; мы отвратились отъ св. евангелистовъ, апостоловъ и пророковъ и обратились къ духамъ обольстителямъ, которые пріятностями порабощеннаго суетѣ слова народнаго, у многихъ испортили вкусъ, такъ что многіе не хотѣли уже и не могли наслаждаться словомъ Божіимъ; и

всѣ они, отъ малаго до великаго, преклонили колѣна удивленія очаровательному генію міра... О горе! затворились царскія двери, которыми изъ святилища исходили къ намъ евангелисты одинъ за другимъ, и церковь россійскую благословляли отъ лица Іисуса Христа, каждый своимъ евангеліемъ на россійскій языкъ; затворились царскія двери, которыми апостолы отъ престола Божія исходили другъ послѣ друга, и Россію благословляли каждый своимъ посланіемъ на россійскомъ языкѣ; затворились царскія двери, которыми исходили къ намъ изъ чертога небеснаго и царь Давидъ, и пророкъ Моисей, и первый благословлялъ россійскую церковь книгою богодухновенныхъ псалмовъ на россійскомъ языкѣ, а послѣдній, рукою одного избраннаго изъ тысящей израилевыхъ служителей слова, благословилъ царя и народъ первою книгою божественнаго откровенія на россійскомъ языкѣ. Боговидѣцъ хотѣлъ и другими всѣми писаніями, начертанными имъ по внушенію Духа Святаго, благословить и царя, и народъ; они были уже преложены съ оригинала священнаго на россійскій языкъ; они были уже печати преданы, какъ затворились царскія двери... И все скрылось, и стало темно»...

Далѣе оказывается, что и наводненіе 1824 года, и смерть императора Александра I-го, и событія 1825 г., и холера 1830, и пожаръ зимняго дворца 1838—всѣ эти катастрофы были ничѣмъ инымъ, какъ небесными карами, ниспосланными свыше ни за что иное, какъ именно за запрещеніе перевода «Библіи» на русскій языкъ.

Конечно Макарію и безъ этого посланія трудно было ждать одобренія своихъ переводовъ. Посланіе же своимъ обличительнымъ тономъ еще болѣе озлобило членовъ св. Синода, и вотъ 11-го апрѣля 1841 г. состоялось опредѣленіе:

1) «Что арх. Макарій, употребляя передъ св Синодомъ настояніе о продолженіи перевода Св. писанія на русское нарѣчіе, преступаетъ предѣлы своего званія и своихъ обязанностей, и тѣмъ болѣе, что входитъ въ сужденія, несогласныя съ рѣшеніемъ, уже принятымъ по сему предмету высшею властію; 2) что неосмотрительная ревность его основывается на непогрѣшительномъ мнѣніи, будто церковь россійская не имѣетъ всего Св. писанія на природномъ нарѣчіи россійскаго народа, тогда какъ она имѣетъ оное на природномъ славянско-русскомъ языкѣ, который употребляется и въ церковномъ богослуженіи, и на которомъ и простолюдины Св. писаніе читаютъ и разумѣютъ, и нѣкоторые даже охотнѣе читаютъ, нежели въ переводѣ на ново-русское нарѣчіе, 3) что разсужденія арх. Макарія, въ которыхъ онъ разныя бѣдствія представляетъ какъ бы наказаніемъ за неисполненіе его мысли—преложить все Св. писаніе на новое русское нарѣчіе, сколько неосновательны и нелѣпы, столько же несообразны и съ должнымъ повиновеніемъ къ постановленной отъ Бога власти и съ духомъ смиренія, въ противность которому онъ поставилъ себя непризваннымъ истолкователемъ судебъ Божіихъ, и потому преосвященному томскому поручено было вызвать арх. Макарія въ архіерейскій домъ и, вразумивъ его о вышесказанномъ, внушить ему, что онъ за свой дерзновенный и нетерпимый поступокъ подлежалъ бы строгой отвѣтственности, по силѣ 55 правилъ св. апостолъ, еслибы св. Синодъ не взиралъ на него съ снисхожденіемъ, по уваженію къ людямъ, которымъ онъ приноситъ и еще можетъ принести пользу миссіонерскимъ своимъ служеніемъ. Для такого вразумленія удержать его въ архіерейскомъ домѣ отъ трехъ до шести недѣль, смотря по надобности; и для очищенія совѣсти его отъ поступка, несообразнаго съ долгомъ подчиненности, назначить ему молитвенную эпитимію съ поклонами по силѣ и по усмотрѣнію преосвященнаго... Затѣмъ, отпустить его къ мѣсту служенія съ подтвержденіемъ, чтобы данныя Богомъ способности и время употреблялъ на то служеніе, къ которому Богомъ же чрезъ власть церковную призванъ, и котораго вѣрное прохожденіе должно оправдать его предъ Богомъ и начальствомъ. Сіе служеніе призываетъ его къ переводу Св. писанія не на русское нарѣчіе, а на языкъ инородцевъ, которымъ онъ проповѣдуетъ».

Но и эта грозная эпитимія не въ силахъ была отвлечь неукротимаго Макарія отъ преслѣдованія своей излюбленной цѣли. Въ томъ же самомъ 1841 году въ ноябрѣ онъ послалъ въ Москву «Алфавитъ Библіи», рукопись, заключающую въ себѣ извлеченія изъ книгъ «Ветхаго» и «Новаго Завѣта» на русскомъ языкѣ для чтенія новообращеннымъ. Рукопись эту онъ отправилъ къ московскому военному генералъ-губернатору кн. Голицыну, прося содѣйствія его къ изданію ея въ свѣтъ.

Кн. Голицынъ препроводилъ эту рукопись вмѣстѣ съ письмомъ Макарія къ гр. Протасову, испрашивая отзыва его, можетъ ли быть она одобрена къ напеча-

танію. Гр. Протасовъ препроводилъ ее на разсмотрѣніе къ ректору с.-петербургской духовной академіи преосв. Аѳанасію. Послѣдній представилъ о ней самый неблагопріятный отзывъ, и св. Синодъ 31-го декабря 1842 года опредѣлилъ:

«Оставивъ сію рукопись безъ всякаго употребленія, сдать для храненія въ синодальный архивъ; но въ то же время принимая въ уваженіе, что уже въ прошломъ году арх. Макарію сдѣлано было замѣчаніе, что онъ время и способности свои долженъ употребить на то служеніе, къ какому призванъ Богомъ чрезъ церковную власть, св. Синодъ признаетъ и въ настоящемъ случаѣ необходимымъ вновь подтвердить ему о томъ чрезъ преосвященнаго томскаго съ строгимъ внушеніемъ, что если онъ и впредь будетъ преступать долгъ смиренія предъ церковностью съ произвольнымъ объясненіемъ Св. писанія и по таковымъ совершенно духовнымъ предметамъ обращаться мимо духовнаго начальства къ постороннимъ властямъ, то за сіе подвергнется законному взысканію. О чемъ и послать указъ преосвященному, чтобы онъ для таковаго внушенія вызвалъ его въ архіерейскій домъ и вообще принялъ надлежащія мѣры къ наблюденію за его дѣйствіями и къ отклоненію его впредь отъ неправильныхъ дѣйствованій».

Но и послѣ этой послѣдней неудачи Макарій остался такимъ же непоколебимымъ. Въ 1843 г. онъ былъ уволенъ отъ алтайской миссіи и назначенъ настоятелемъ въ Болховской Оптинъ монастырь Орловской губерніи. Мысль о переводѣ «Библіи» и здѣсь не оставляла его. Въ 1846 г. онъ выпросилъ себѣ у св. Синода позволеніе отправиться въ Іерусалимъ и думалъ въ виѳлеемской пещерѣ блаженнаго Іеронима или въ другомъ какомъ-нибудь іерусалимскомъ мѣстѣ заняться на свободѣ пересмотромъ своего перевода «Ветхаго Завѣта»; но, не успѣвши отправиться въ свое путешествіе, онъ занемогъ и 18-го мая 1848 года скончался.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Доносъ на славянофиловъ.—Исторія съ диссертаціей Н. И. Костомарова.—Повѣсть «Гувернантка» Ефимовскаго.—Повѣсти Машкова.—Публичныя лекціи Грановскаго.—Исторія изъ-за пѣвицъ Віардо и Ассандри.—Доносы на различные журналы Булгарина, Бибикова, Марковича, епископа Афанасія.—Подвиги Плетнева въ качествѣ временнаго предсѣдателя спб. цензурнаго комитета..—Крушеніе Кирилло-Меѳодіевскаго общества.—Просьба Кюхельбекера объ изданіи своихъ сочиненій.

I.

Одновременно съ тѣмъ какъ въ духовномъ вѣдомствѣ разыгралась драма съ переводомъ «Библіи» Павскаго, въ свѣтской цензурѣ 1842-й годъ ознаменовалъ себя нѣсколькими выдающимися фактами цензурныхъ погромовъ. Вопервыхъ, въ этотъ годъ впервые было обращено вниманіе на пропаганду славянофиловъ. Именно, гр. Уваровъ получилъ доносъ, въ которомъ говорилось: «Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности «Москвитянинъ», приняли за особенную тэму выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи славянъ, какъ терпящихъ особыя угнетенія и предвѣщать скорое отдѣленіе ихъ отъ иноплеменнаго ига... Возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, представлять имъ Россію, какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эман-

сипаціи—едва ли можно считать такую пропаганду не опасною» *). Неизвѣстно, сдѣлано ли было гр. Уваровымъ какое-нибудь непосредственное распоряженіе по этому доносу; во всякомъ случаѣ съ этихъ поръ на славянофиловъ было обращено вниманіе.

Въ томъ же году произошло уничтоженіе первой магистерской диссертаціи г. Костомарова. По выдержаніи экзамена на степень магистра въ 1840 году, г. Костомаровъ представилъ въ 1841 г. въ филологическій факультетъ харьковскаго университета диссертацію подъ заглавіемъ «О причинахъ и характерѣ уніи въ Западной Россіи». Диссертація эта была тогда же напечатана въ Харьковѣ по одобреніи къ печатанію ея большинствомъ членовъ факультета и подписи декана П. Артемовскаго-Гулака. Затѣмъ она была представлена въ совѣтъ и назначено было публичное ея защищеніе. Но внезапно это назначеніе было отмѣнено по распоряженію управляющаго харьковскимъ округомъ помощника попечителя кн. Цертелева, который представилъ экземпляръ диссертаціи товарищу министра народнаго просвѣщенія кн. П. А. Ширинскому-Шахматову при отношеніи отъ 4-го апрѣля 1842 года слѣдующаго содержанія:

«Совѣтъ императорскаго харьковскаго университета препроводилъ ко мнѣ экземпляръ разсужденія объ Уніи, написаннаго кандидатомъ Костомаровымъ для полученія степени магистра историческихъ наукъ.

«Судя по современнымъ событіямъ, я полагаю, что разсужденіе Костомарова можетъ обратить на себя вниманіе нетолько ученыхъ и духовенства, но и вообще читающей публики нашей; а какъ нѣкоторыя мѣста этого сочиненія показались мнѣ слишкомъ рѣзкими и вмѣстѣ неосновательными, то я и предложилъ совѣту университета публичное защищеніе диссертаціи г. Костомарова отложить впредь до особеннаго моего по сему распоряженія. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего сіятельства и препровождая при семъ экземпляръ упомянутаго сочиненія съ отмѣткою тѣхъ выраженій, которыя показались мнѣ или сомнительными или неприличными, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, почтить меня увѣдомленіемъ: можетъ ли разсужденіе Костомарова быть допущено къ публичному защищенію въ настоящемъ его видѣ?

«Къ сему неизлишнимъ считаю присовокупить: а) что прилагаемая диссертація при разсмотрѣніи оной въ 1-мъ отдѣленіи философическаго факультета признана удовлетворительною и одобрена къ напечатанію не всѣми членами отдѣленія, но большинствомъ голосовъ; в) что диссертаціи этой напечатано всего 100 экземпляровъ, изъ коихъ не болѣе 50 роздалъ г. Костомаровъ преподавателямъ университета и наконецъ с) что хотя диссертація эта въ ученомъ ея значеніи имѣетъ многіе недостатки и погрѣшности, но по духу своему кажется не представляетъ ничего противнаго видамъ правительства и ученію православной церкви, и если я остановилъ публичное защищеніе этой диссертаціи, то единственно изъ осторожности, опасаясь, чтобы нѣкоторыя необдуманно употребленныя сочинителемъ выраженія не оскорбили наше духовенство и не дали повода къ невыгоднымъ, хотя бы то и несправедливымъ толкамъ».

Гр. Уваровъ поручилъ академику Устрялову разсмотрѣть диссертацію Костомарова. Устряловъ сдѣлалъ слѣдующаго рода отзывъ, въ письмѣ на имя кн. Ширинскаго-Шахматова:

«Во исполненіе воли г. министра народнаго просвѣщенія, объявленной мнѣ предписаніемъ вашего сіятельства отъ 24-го числа минувшаго апрѣля, разсмотрѣвъ диссертацію кандидата Костомарова (при семъ возвращаемую) «О причинахъ и характерѣ Уніи въ западной Россіи», имѣю честь представить, что диссертація сія принадлежитъ къ разряду тѣхъ произведеній современной литературы, въ которыхъ молодые, малоопытные писатели, увлекаясь примѣромъ полуученыхъ софистовъ, заботятся не о подтвержденіи или лучшемъ развитіи давно признанныхъ истинъ (по ихъ мнѣнію устарѣвшихъ), а о новости воззрѣнія на предметъ, стараются блеснуть остроуміемъ или особеннымъ взглядомъ дозволяютъ себѣ странные парадоксы и впадаютъ въ непостижимыя противорѣчія. Такъ пишутся многія статьи «Отечественныхъ Записокъ»; въ томъ же духѣ писалъ и Костомаровъ.

*) «Ист. свѣд. о цензурѣ въ Россіи», стр. 52—53.

«Непреложныя свидѣтельства историческія удостовѣряютъ, что Унія была преступнымъ ковомъ весьма немногихъ лицъ, руководимыхъ своекорыстными разсчетами, что единственною цѣлію виновниковъ ея было избавиться отъ вліянія царьградскаго патріарха, что вслѣдствіе сего, признавая надъ собою власть папы вмѣсто власти патріаршей, они удержали главные догматы и обряды православной церкви, что при всемъ томъ русскій народъ въ Литовскомъ княжествѣ встрѣтилъ Унію съ полнѣйшимъ негодованіемъ и только упорныя усилія польскаго правительства дали ей возможность утвердиться въ западной Россіи. Вопреки сему авторъ диссертаціи принимаетъ за основную идею, что Унія была по выраженію его не видимымъ признаніемъ первенства папы съ удержаніемъ всей греческой вѣры, но рѣшительнымъ соединеніемъ съ католическою, *простымъ принятіемъ римско-католической вѣры* (стр. 62). Въ то же время признаетъ ее *потребностью и необходимостью народною!* (стр. 58 и 62). Этотъ странный выводъ онъ извлекъ изъ неправильнаго воззрѣнія на политическое и религіозное состояніе западной Руси передъ началомъ Уніи. По мнѣнію его, ничѣмъ однакожъ недоказанному, при постепенномъ сближеніи русскихъ съ поляками въ политическомъ смыслѣ, *сближалась православная вѣра съ римско-католическою* (стр. 52) и чѣмъ необходимѣе казалось соединеніе Литвы съ Польшею, тѣмъ *необходимѣе становилось соединеніе вѣры и введеніе Уніи* (стр. 35). Авторъ какъ-будто забылъ цѣлый рядъ событій отъ Ягелла до Сигизмунда Августа, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что православные обитатели Литовскаго княжества постоянно напрягали всѣ свои силы къ спасенію своей національности и своей вѣры, что вслѣдствіе сего нѣсколько разъ они разрывали узы, связывавшія ихъ съ поляками при Ягеллѣ и только тогда согласились соединиться съ Польшею, когда національныя права ихъ политическія и религіозныя были обезпечены при Сигизмундѣ Августѣ самымъ торжественнымъ и положительнымъ образомъ. Еслибы авторъ вмѣсто Варушевича, Солемьяка и другихъ писателей позднѣйшихъ вникнулъ въ болѣе достовѣрныя и безпристрастныя свидѣтельства современниковъ, то онъ увидѣлъ бы, съ какимъ усиліемъ и неослабнымъ упорствомъ русскій народъ въ Литовскомъ княжествѣ спасалъ вѣру праотцовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже Поссевичъ въ письмахъ своихъ къ римскому папѣ. Да и послѣдующія событія по введеніи Уніи, въ особенности въ Малороссіи, удостовѣряютъ, что сближеніе съ Римомъ вовсе не было *потребностью русскаго народа*.

«При неосновательномъ воззрѣніи на *причины Уніи* авторъ столь же неправильно смотритъ и на *характеръ* ея. Онъ говоритъ, что «Уніею совершилось *возрожденіе* юго-западной Руси, укрѣпленіе Московіи, *что на ней почіетъ наше величіе и благосостояніе*, что она показала *намъ дорогу на череду европейскихъ державъ* (стр. 68); что главною задачею ея было *освобожденіе западной Руси* отъ польскаго правленія и присоединеніе оной къ другой половинѣ (69)». Здѣсь авторъ противорѣчитъ нетолько истинѣ, но и самому себѣ; если Унія по словамъ его была принятіемъ католицизма и потребностью народа, то она должна была сближать западную Русь съ Польшею и отдѣлять ее отъ Московіи, что дѣйствительно и случилось въ XVII столѣтіи. Возсоединеніе же западной Руси съ восточною было слѣдствіемъ не Уніи, а мудрой политики нашихъ государей. Какъ переходъ къ католицизму—Унія не возрождала, а губила русскую народность въ Литовскомъ княжествѣ. И если оно, бывъ прежде государствомъ самостоятельнымъ обратилось въ польскую провинцію, то главною истинною виною тому была Унія. Еще неосновательна мысль автора будто на Уніи *почіетъ наше величіе и благосостояніе*: мысль эта такъ нелѣпа, что она не заслуживаетъ и возраженія.

«Диссертація Костомарова представляетъ сверхъ того много опрометчивыхъ сужденій въ подробностяхъ: нѣтъ сомнѣнія, что православное духовенство въ Литовскомъ княжествѣ, находясь подъ верховною властью государя иновѣрнаго, тѣснимое и оскорбляемое, иногда уступало тягостнымъ обстоятельствамъ времени и изъ среды его являлись люди слабодушные; но проступки немногихъ лицъ не давали автору права, *по однимъ гаданіямъ* обвинять всего сословія (стр. 41), которое напротивъ того заслуживало признательность потомства подвигами благочестія и самоотверженія. Столь же несправедливыми упреками осыпаетъ онъ восточныхъ іерарховъ, называя ихъ неоднократно *взяточниками* (стр. 56—58) и увѣряя, будто «власть патріаршаго престола, потерявъ свое значеніе *ограничивалась испрашиваньемъ подаяній* (31). Кромѣ того, можно ли назвать конфедерацію дворянства *православнаго и протестантскаго* (стр. 81) святымъ ополченіемъ двухъ *частныхъ вѣтвей христіанской религіи*? Г. Костомаровъ такъ любитъ парадоксы и такъ упорно идетъ наперекоръ истинѣ, что даже Хмѣльницкаго не хочетъ признать избавителемъ Малороссіи отъ ига польскаго (стр. 101)».

Отзывъ Устрялова былъ препровожденъ въ Харьковъ попечителю учебнаго

округа, вмѣстѣ съ предписаніемъ гр. Уварова отъ 24-го апрѣля 1842 г., въ которомъ по поводу дѣла о диссертаціи Костомарова говорится:

«Разсмотрѣвъ внимательно это дѣло я нахожу: 1) что самый предметъ означенной диссертаціи, какъ по современности событій, относящихся къ уничтоженію у насъ Уніи, такъ по многосложности и запутанности возникающихъ изъ учрежденія и распространенія ея вопросовъ и прикосновенныхъ къ состоянію православной церкви и духовенству нашему, не подлежалъ одобренію и 2) что многія мѣста диссертаціи по неосновательности своей и недостатку яснаго критическаго взгляда на происшествія, изложенныя притомъ не всегда согласно съ историческою истиною, отнюдь не долженствовали быть пропущены къ напечатанію.

«Вслѣдствіе сего поручаю вамъ, милостивый государь, членамъ отдѣленія философскаго факультета, признавшимъ диссертацію Костомарова удовлетворительною и одобрившимъ оную къ напечатанію, поставить на видъ несообразность такого съ ихъ стороны распоряженія съ подтвержденіемъ быть впредь въ подобныхъ случаяхъ осмотрительнѣе; самую же диссертацію, по приказанію сочинителю испросить обратно розданные имъ преподавателямъ университета и нѣкоторымъ своимъ знакомымъ экземпляры, истребить, съ предоставленіемъ написать ему на степень магистра новую диссертацію и защищать ее публично на основаніи существующихъ правилъ».

Такое распоряженіе повлекло за собою то, что диссертація Костомарова объ уніи сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, и г. Костомаровъ принужденъ былъ предпринять новую работу, обратившись къ памятникамъ устной народной поэзіи. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ уничтоженія первой диссертаціи, онъ представилъ другую, подъ заглавіемъ: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», по защищеніи которой удостоенъ степени магистра историческихъ наукъ *).

Въ томъ-же 1842 году произошло слѣдующее:

Въ восьмомъ нумерѣ «Сына Отечества» была напечатана повѣсть нѣкоего Ефимовскаго «Гувернантка». Въ ней описывался балъ у одного чиновника на Пескахъ и между прочимъ встрѣчались такія два мѣста:

1) «Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ эксельбантомъ? Считая себя военнымъ и, что еще лучше, кавалеристомъ господинъ фельдъегерь имѣетъ полное право думать, что онъ интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его самого, и танцующую съ нимъ даму», и 2) «затѣмъ прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстукомъ».

Эти два мѣста сильно разгнѣвали гр. Клейнмихеля, и онъ пожаловался государю, что его офицеры оскорблены этимъ.

Какъ Калаченко, такъ и Куторга, въ качествѣ цензоровъ, читавшихъ «Сынъ Отечества», оба тотчасъ-же были посажены на гауптвахту. Правда, ихъ продержали всего одни сутки, но возможность произвольно карать цензоровъ совершенно посторонними администраторами осталась открытою**).

Нѣтъ ничего мудренаго, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ строгостей въ обществѣ происходили случаи паники, доходившей до курьезовъ. Такъ напримѣръ, около того-же времени какой-то пасторъ Зедергольмъ вздумалъ прочесть нѣсколько платныхъ философскихъ лекцій хорошо знакомымъ людямъ изъ великосвѣтскаго общества. Но кто-то вздумалъ пошутить надъ Зедергольмомъ, и только что тотъ собирался начать вторую лекцію, шутникъ вызвалъ его въ другую комнату и шепнулъ на

*) «Стар. и Нов. Россія», 1877 г., № 1, стр. 42—45.
**) «Русск. Стар.», № 1, стр. 736—740.

ухо, что одно высокопоставленное лицо предупреждаетъ его, чтобы онъ прекратилъ лекціи подъ опасеніемъ великихъ непріятностей. Этого было достаточно, чтобы ужасъ овладѣлъ всѣми присутствующими. Слушатели всѣ разбѣжались въ смятеніи, а пасторъ и жена его въ отчаяніи начали ожидать невѣдомыхъ каръ.

Сверхъ всего этого въ ноябрѣ 1842 года произошла, по словамъ Никитенки, слѣдующая цензурная тревога. Нѣкто Машковъ, вздумалъ издавать листки подъ названіемъ «Сплетни», въ которыхъ соотвѣтственно ихъ названію собирался разсказывать разные городскіе слухи, скандалы, осмѣивать извѣстныхъ лицъ и т. п. Это не было періодическое изданіе по названію, но сильно на него походило. Цензоръ Очкинъ поддался обману и пропустилъ уже четыре нумера. Въ одномъ изъ нихъ сильно досталось генералъ-губернатору Эссену подъ именемъ «недремлющаго ока». Это разошлось по городу, дошло до государя, который приказалъ запретить изданіе и сдѣлать выговоръ цензору.

При этомъ Бенкендорфъ написалъ министру, что литераторы опять начали непристойно браниться. Въ примѣръ онъ привелъ «Комаровъ» Булгарина, которые по его словамъ, заключаютъ въ себѣ непростительныя ругательства на разныхъ лицъ. Цензорамъ отданъ приказъ, впредь строже относиться къ такого рода литературнымъ сплетнямъ *).

Послѣ этого Машковъ принялъ псевдонимъ «Кукуреку», и подъ этимъ псевдонимомъ вздумалъ издавать повѣсти одна за другою. Цензоръ Никитенко, не замѣтивъ въ нихъ ничего общаго съ «Сплетнями», пропустилъ ихъ. Между тѣмъ въ «Пчелѣ» напечатали объявленіе, что выходятъ новыя сочиненія Кукуреку и въ скобкахъ: автора «Сплетней». Къ этому прибавлено, что самыя «Сплетни», остающіяся въ небольшомъ количествѣ, можно получать тамъ то.

«И вотъ, пишетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ, изъ этихъ-то «Сплетенъ» новыя сплетни. Министръ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, зачѣмъ я позволилъ Машкову назваться «Кукуреку» и Очкину за то, что онъ пропустилъ объявленіе въ «Пчелѣ». Странное дѣло, какъ будто существуетъ законъ, налагающій запрещеніе на то или другое имя. Еслибъ Машковъ назвался собственнымъ именемъ въ «Сплетняхъ», я долженъ былъ бы оказывается запретить ему называться Машковымъ, въ другихъ самыхъ невинныхъ сочиненіяхъ, какія ему вздумалось бы еще напечатать. Можно ли оставаться цензоромъ при такихъ нашихъ понятіяхъ властей **).

1843-й годъ ознаменовался шумомъ по случаю публичныхъ лекцій Грановскаго въ Москвѣ. Очень понятно, что лекціи эти, собравшія въ аудиторію университета все московское общество, своими восторженными оваціями, апплодисментами, а вмѣстѣ съ тѣмъ враждебнымъ отношеніемъ и инсинуаціями славянофиловъ, обратили на себя вниманіе начальства. Попечителемъ московскаго учебнаго округа былъ въ то время гр. Строгановъ. Человѣкъ образованный и для своего времени очень либеральный, которому московскій университетъ былъ обязанъ лучшими своими профессорами, онъ тщетно старался плыть противъ теченія, стоя въ оппозиціи противъ тогдашнихъ цензурныхъ строгостей. Такъ напримѣръ, въ 1845 году онъ дѣлалъ представленіе графу Уварову о неудобствѣ множества спеціальныхъ цензуръ. «Рѣшаюсь обратить вниманіе вашего высокопревосходительства, писалъ онъ:—что въ недавнее время послѣдовали Высочайшія повелѣнія о напечатаніи свѣдѣній, касающихся и другихъ вѣдомствъ безъ предварительнаго соображенія главныхъ ихъ начальствъ: о театрахъ, о Кавказскомъ краѣ, объ обязанныхъ крест-

---

*) «Русск. Стар.», 1889 г., № 12, стр. 735.
**) Ibid., стр. 744—745.

янахъ и по другимъ временнымъ мѣрамъ правительства. При точномъ исполненіи этихъ правилъ, я замѣтилъ на опытѣ, что писатели наши *до крайности стѣсняются цензурою* въ изданіи своихъ сочиненій и тѣмъ самымъ нерѣдко благонамѣренныя и полезныя для общей образованности статьи или остаются не напечатанными, или выходятъ въ свѣтъ совершенно несвоевременно». Поэтому графъ Строгановъ просилъ, не будетъ ли дозволено ему самому разсматривать непропускаемыя цензурою статьи и одобрять ихъ къ напечатанію, посылая въ министерства лишь тѣ, въ которыхъ онъ самъ усомнится». Ходатайство гр. Строганова осталось повидимому безъ послѣдствій *).

Гр. Строгановъ былъ очень расположенъ къ Грановскому, равно и ко всему кружку Станкевича, съ нѣкоторыми членами котораго онъ былъ лично знакомъ и бесѣдовалъ не рѣдко съ ними обо всѣхъ животрепещущихъ вопросахъ современности; онъ очень хвалилъ «Отечественныя Записки», органъ, въ которомъ въ то время сотрудничали нѣкоторые члены кружка Станкевича, и высоко ставилъ дѣятельность Бѣлинскаго. Лишь благодаря его покровительству, публичныя лекціи Грановскаго могли быть допущены. Тѣмъ не менѣе, и онъ принужденъ былъ принять мѣры къ утишенію шума, какой произвели эти лекціи. Такъ первая статья о лекціяхъ Грановскаго, напечатанная въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», была пропущена лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы имя Гегеля не было въ ней произнесено. Вторую же статью онъ не пропустилъ, а затѣмъ призывалъ Грановскаго къ себѣ и имѣлъ съ нимъ объясненія по поводу его лекцій. И вообще послѣ лекцій Грановскаго надъ чтеніемъ всѣхъ прочихъ московскихъ профессоровъ былъ усиленъ надзоръ настолько, что одинъ изъ друзей Грановскаго пишетъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ: «Строгановъ испуганный преслѣдуетъ порядочныхъ профессоровъ, требованіемъ иначе читать—они хотятъ бѣжать изъ Москвы искать слушателей въ другихъ университетахъ. Что-то будетъ»?

Понятно, что при подобномъ неблагопріятномъ впечатлѣніи которое произвели лекціи Грановскаго, нечего ему было и надѣяться на разрѣшеніе журнала «Ежемѣсячное Обозрѣніе», изданіе котораго онъ предпринялъ тотчасъ же послѣ своихъ лекцій. Отвѣтъ на просьбу его о журналѣ послѣдовалъ лишь въ 1845 году и былъ весьма краток: «не нужно»**).

Между тѣмъ въ Петербургѣ въ томъ-же 1843 году произошли слѣдующіе два переполоха по поводу газетныхъ театральныхъ рецензій.

Въ одну изъ средъ въ октябрѣ было объявлено въ афишахъ, что Віардо Гарсія въ первый разъ явится на сцену въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Краевскій заказалъ для «Русскаго Инвалида» М. Сорокину статью для фельетона, попросивъ написать ее заранѣе для того чтобы напечатать ее въ четверговомъ номерѣ, ранѣе чѣмъ въ другихъ журналахъ и газетахъ. М. Сорокинъ написалъ статью, въ которой превознесъ до небесъ пѣніе и игру знаменитой артистки. Публика по его словамъ была въ неистовомъ восторгѣ, на сцену было брошено два вѣнка и т. д. Между тѣмъ спектакль не состоялся по болѣзни Рубини. Можно вообразить себѣ всеобщіе удивленіе и смѣхъ, когда въ четвергъ прочли въ «Инвалидѣ» восторженныя похвалы блестящему спектаклю, котораго не было—и особенно царицѣ его Гарсіи. Государь велѣлъ автора статьи Сорокина немедленно посадить на гауптвахту, а «Инвалиду» запретилъ писать статьи о театрѣ***).

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Р.», стр. 49.
**) «Т. Н. Грановскій», очеркъ А. Станкевича, стр. 145.
***) «Русск. Стар.», 1889 г., № 12, стр. 752—753.

Нѣкто увидѣлъ въ Варшавѣ на сценѣ пѣвицу Ассандри, которая была очень красива и захотѣлъ, чтобъ она была въ Петербургѣ. Ее пригласили участвовать въ итальянской оперѣ за большія деньги. На бѣду Ассандри на столько-же худо пѣла, на сколько была прекрасна, и притомъ ей пришлось соперничать съ Віардо-Гарсіей Ее жестоко ошикали. За тѣмъ въ № 256 «Пчелы» было сказано о представленіи «Нормы» гдѣ дебютировала Ассандри слѣдующее:

«Мы не скажемъ объ этомъ представленіи ни словечка по латинской пословицѣ: aut bene, aut nihil. Гораздо болѣе нашли мы наслажденія въ звѣринцѣ г-на Зама» и пр.

Изъ-за этой фразы надъ цензурой разразилась страшная гроза. Князь Волконскій (министръ двора) потребовалъ отвѣта для доклада «на какомъ основаніи осмѣлились пропустить сію неприличную фразу — сравненіе оперы съ звѣринцемъ— и кто ея авторъ?»

«Мы, разсказываетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ:—до пяти часовъ пробыли въ цензурномъ комитетѣ, изготовляя отвѣтъ на сей мудрый запросъ. Отвѣчали, что цензура не находитъ въ этой статьѣ ничего ни для кого обиднаго, а «въ простомъ сближеніи, двухъ разнородныхъ предметовъ—оперы и звѣринца—она видитъ только дурной вкусъ автора статьи, противъ чего нѣтъ никакихъ цензурныхъ правилъ, а напротивъ цензурный уставъ требуетъ, чтобы цензора не вмѣшивались въ дѣла личнаго вкуса» *).

II.

Одновременно съ славянофилами и съ ихъ органомъ «Москвитяниномъ», обратили на себя вниманіе своимъ либерализмомъ и «Отечественныя Записки», въ которыхъ подвизался Бѣлинскій со своими друзьями и проповѣдывалась ненавистная въ административныхъ сферахъ гегелевская философія. Первымъ выступилъ противъ «Отечественныхъ Записокъ» Гречъ, написавшій на нихъ доносъ въ III отдѣленіе въ 1843-мъ году; но видно онъ перешелъ черезъ край, потому что III отдѣленіе отвергло съ презрѣніемъ доносъ Греча и написало непріятный для него отвѣтъ. Вслѣдъ за Гречемъ выступилъ въ томъ-же году тоже съ доносомъ и Булгаринъ.

Въ одномъ изъ засѣданій ценз. комитета въ декабрѣ 1843 года было положено озаботиться прекращеніемъ ругательствъ, которыми осыпаютъ другъ друга журналисты, особенно Булгаринъ и Краевскій. Такъ въ одномъ изъ ближайшихъ въ то время нумеровъ «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ объявилъ, что Краевскій унижаетъ Жуковскаго, не смотря на то, что Жуковскій авторъ нашего народнаго гимна: «Боже царя храни». Князь Волконскій (попечитель) велѣлъ рѣшеніе комитета сообщить Булгарину не оффиціально, а въ видѣ предостереженія, чтобы тотъ больше не трудился писать такихъ мерзостей, ибо цензура будетъ безжалостно вымарывать ихъ. Въ отвѣтъ на это Булгаринъ и разразился грознымъ письмомъ Волконскому, въ которомъ между прочимъ доносилъ, что «существуетъ партія мартинистовъ, положившихъ себѣ цѣлью ниспровергнуть существующій

---

*) Ibid., стр. 754—755.

порядокъ вещей, и что представителемъ этой партіи являются «Отечественныя Записки»; цензура имъ потворствуетъ». Дѣлая затѣмъ нѣсколько выписокъ изъ «Отеч. Записокъ», Булгаринъ говоритъ князю: но съ того времени, какъ вы предсѣдательствуете въ комитетѣ, пропускаются вещи посильнѣе и почище этихъ».

Далѣе Булгаринъ упрекалъ министра въ томъ, что тотъ не видитъ, что̀ дѣлается у него подъ носомъ, давая понять, что онъ или простякъ или покровитель либерализма; требовалъ слѣдственной комиссіи, передъ которой предстанетъ, какъ доноситель для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ это или до него не доведутъ его, Булгарина, извѣты, то онъ будетъ просить прусскаго короля довести до свѣдѣнія государя императора все, что угодно будетъ ему, Булгарину, сказать въ огражденіе его священной особы и его царства». Все это заключалось многознаменательною и сильною фразой: «Я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, цензура надѣвала намордникъ».

Такъ какъ это письмо заключало въ себѣ формальный доносъ о важномъ государственномъ дѣлѣ, своего рода «слово и дѣло», то кн. Волконскій препроводилъ его министру, а тотъ Бенкендорфу. Бенкендорфъ доложилъ о письмѣ государю. Но государь, прочитавъ письмо Булгарина, отдалъ его Бенкендорфу со словами: «сдѣлай такъ, чтобъ я какъ будто объ томъ ничего не зналъ и не знаю».

Тѣмъ не менѣе Уваровъ по поводу письма Булгарина сдѣлалъ представленіе государю о необходимости дополнить и измѣнить цензурный уставъ, такъ какъ въ немъ будто-бы мало средствъ для обузданія литераторовъ, особенно журналистовъ. Онъ ссылался на попечителя, который будто-бы требуетъ его помощи, а министръ самъ имѣетъ мало возможности дѣлать что-нибудь рѣшительное. Между прочимъ Уваровъ просилъ, чтобы ему было предоставлено право немедленно прекращать журналы, какъ скоро въ нихъ найдется что нибудь бранное.

Государь отвѣчалъ, что цензурный уставъ достаточенъ и что, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности дополнять его, а еще менѣе измѣнять. «У цензоровъ довольно власти, сказалъ онъ: — у нихъ карандаши — это ихъ скипетры». За испрашиваніе-же помощи велѣлъ сдѣлать строгій выговоръ попечителю, потому что эту помощь онъ долженъ былъ-бы найти въ своихъ правахъ.

Но это fiasco не укротило Уварова въ его рвеніи къ обузданію литературы. Онъ все-таки разослалъ по цензурнымъ комитетамъ циркуляръ, въ которомъ объявлялъ, что «дѣйствительно нашелъ въ журналахъ статьи, гдѣ подъ видомъ философскихъ и литературныхъ изслѣдованій, распространяются вредныя идеи, и потому онъ предписывалъ цензорамъ быть какъ можно строже». При этомъ повторялъ свое неоднократное внушеніе бдительнѣе смотрѣть за переводами французскихъ повѣстей и романовъ.

При этомъ въ разговорѣ съ попечителемъ Уваровъ откровенно сознался ему, что «хочетъ, чтобы наконецъ русская литература прекратилась. Тогда по крайней мѣрѣ будетъ что нибудь опредѣленное, а главное онъ будетъ спать спокойно» *).

Слѣдующій 1844-й годъ ознаменовался двумя доносами изъ Кіева. Прежде всего кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ донесъ на «Юридическія записки» Рѣдкина, что въ нихъ была помѣщена года два назадъ статья о Литовскомъ ста-

*) «Русск. Стар.», 1889 г., № 12, стр. 756—758.

тутѣ, апологическая ему въ то время, какъ онъ замѣняется русскимъ законодательствомъ. Началась переписка, слѣдствіе и лишь благодаря гр. Строганову, дѣло ограничилось однимъ выговоромъ. Вслѣдъ затѣмъ черезъ того-же Бибикова Маркевичъ, авторъ исторіи Малороссіи и съ нимъ 40 малороссовъ, прислали къ министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на цензуру, или вѣрнѣе на «Библіотеку для Чтенія» за статьи, помѣщенныя тамъ въ прошломъ году объ исторіи Малороссіи Маркевича. «Библ. для Чтенія» обвиняется въ явномъ пристрастіи къ Польшѣ, въ неблагопріятныхъ отзывахъ о Россіи и Малороссіи, въ оскорбленіи малороссійской національности словами: «что народъ ея составился изъ бѣглыхъ польскихъ холопей»,—въ ругательномъ тонѣ вообще и наконецъ въ самомъ пагубномъ антинаціональномъ направленіи. Эту жалобу министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій препроводилъ Уварову, который сдѣлалъ легкій выговоръ цензорамъ Корсакову и Фрейгангу.

На это замѣчаніе цензора отвѣчали, что «Библіотека для Чтенія» изъявила только свое ученое мнѣніе относительно малороссійскаго народа, мнѣніе, въ которомъ всякій воленъ. Что же касается общаго направленія журнала будто-бы мирволящаго польскимъ идеямъ—это совершенно несправедливо: въ немъ напротивъ, можно указать много мѣстъ, гдѣ Польша сильно порицается. Но главную свою защиту цензора построили на слѣдующей основной мысли «Библ. для Чтенія»: Малороссія никогда не составляла отдѣльнаго политическаго общества, дѣлала много глупостей и зла сосѣдямъ и что все это кончилось лишь съ тѣхъ поръ, какъ она соединилась съ Россіей.

Жалоба малороссовъ дошла наконецъ до государя. Онъ рѣшилъ это дѣло такъ:

— Если въ статьяхъ «Библ. для Чтенія» заключается ложь, то ее и должно опровергнуть литературнымъ образомъ, только безъ брани.

Въ маѣ 1844 года состоялось высочайшее повелѣніе по цензурѣ—не позволять печатать въ журналахъ извѣстій о выѣздѣ государя изъ столицы.

Въ томъ-же 1844 году подвергся неизвѣстно почему запрещенію даже с.-петербургскій оберъ-полицiймейстеръ: по крайней мѣрѣ въ московскихъ газетахъ было запрещено печатать его полицейскіе отчеты о Петербургѣ.

Въ маѣ-же 1844 года вышла книга подъ вымышленнымъ именемъ автора «Продѣлки на Кавказѣ». Въ ней довольно рѣзко описаны были безпорядки въ управленіи на Кавказѣ и разныя административныя мерзости. Книгу пропустилъ московскій цензоръ Крыловъ. Военный министръ прочелъ книгу и ужаснулся. Онъ указалъ на нее Дубельту и сказалъ:

— Книга эта тѣмъ вредна, что въ ней—что строчка, то правда.

25-го мая ее отобрали у петербургскихъ книгопродавцевъ, но въ Москвѣ она успѣла уже разойтись въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и въ іюньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» была помѣщена рецензія на эту книгу съ выдержками изъ нея. Никитенко пропустилъ эту рецензію, ничего не зная. Рецензія надѣлала шума, и когда дошло до Никитенки, что онъ допустилъ рецензію на запрещенную книгу, о которой нельзя говорить и еще менѣе перепечатывать изъ нея выдержки, онъ конечно перетрусилъ, побѣжалъ къ Краевскому и просилъ его уничтожить статью въ еще не разосланныхъ экземплярахъ и началъ ожидать грозы. Но по счастью гроза миновала, такъ какъ было глухое, лѣтнее время, и всѣ высшія власти, начиная съ самаго государя, отсутствовали.

Въ октябрѣ 1844 года послѣдовалъ доносъ на цензуру отъ ректора с.-петербургской духовной академіи епископа Афанасія, за пропускъ въ «Отеч. Запискахъ» статей о реформаціи, извлеченныхъ изъ сочиненій Ранке. По поводу этого доноса у Никитенки было объясненіе съ попечителемъ; министръ-же Уваровъ рвалъ и металъ, говоря, что у «Отечеств. Записокъ» дурное направленіе—соціализмъ, коммунизмъ и т. д., и что онъ желаетъ не щадить ихъ *).

Въ 1845 году, марта 26 получено было въ цензурномъ комитетѣ высочайшее повелѣніе не дозволять печатать никакихъ статей о постройкахъ по вѣдомству путей сообщенія безъ предварительнаго сношенія съ его главнымъ начальствомъ **).

Около этого времени попечитель кн. Волконскій былъ переведенъ въ Одессу; и пока не былъ назначенъ новый попечитель (гр. Мусинъ-Пушкинъ), предсѣдательствовалъ въ цензурномъ комитетѣ Плетневъ, и совершенно неожиданно выказалъ такое цензурное рвеніе, что превзошелъ самого Уварова. Въ первомъ-же засѣданіи подъ его предсѣдательствомъ онъ уже поднялъ вопросъ объ усиленіи строгости и бдительности цензуры. Затѣмъ вотъ что сообщаетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ 8 марта:

«Плетневъ предсѣдательствуетъ въ цензурномъ комитетѣ. Первое употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своей власти въ пользу литературы—это притѣсненіе журналовъ, ему непріязненныхъ, а они почти всѣ ему непріязненны, ибо не обращаютъ вниманія на его бѣдный «Современникъ». Болѣе всего онъ ожесточенъ противъ «Отечеств. Записокъ», которыя какъ-то разъ легонько посмѣялись надъ его романомъ «Семейство», покровительствуемомъ имъ. Теперь Плетневъ вздумалъ провѣрить, издаются-ли журналы точь-въ-точь по программѣ, которая была утверждена правительствомъ, то-есть не помѣщаютъ-ли журналисты въ своихъ изданіяхъ такихъ статей, которыя не были поименованы въ первоначальной программѣ? Оказалось, что всѣ отступали отъ нея болѣе или менѣе, и это въ первый-же годъ своего существованія. Особенно виноваты въ этомъ смыслѣ «Отеч. Записки», которыя сначала не обѣщались помѣщать иностранныхъ новостей, а теперь помѣщаютъ. Обстоятельство это никогда не считалось въ цензурѣ важнымъ: они знали, что всѣ наши журналы стремятся быть энциклопедическими—и это весьма естественно: спеціальные журналы еще не могутъ у насъ существовать. Всякій редакторъ спѣшитъ взять верхъ надъ своими товарищами объемомъ и разнообразіемъ своего журнала. Цензура заботилась только о томъ, чтобы журналы не нарушали правилъ ея и не касались предметовъ, предоставленныхъ другимъ цензурамъ: духовной, военной и проч. Плетневъ, поднимая этотъ вопросъ, воздвигалъ страшную бурю и повергалъ въ затрудненіе самого министра, который въ началѣ каждаго года утверждаетъ существованіе журнала въ томъ

*) «Русск. Стар.», 1890 г., № 1, стр. 36—42.

**) Ibid., стр. 46.

видѣ, въ какомъ онъ уже существовалъ передъ тѣмъ. Я вступилъ въ споръ съ Плетневымъ и успѣлъ заставить его отмѣнить это предложеніе. Но хороши мои товарищи: одни поддакивали Плетневу, другіе молчали, предоставляя мнѣ одному сражаться и побѣждать. Особенно поразилъ меня Куторга, который всегда такъ много толкуетъ о гуманныхъ началахъ: на этотъ разъ онъ настаивалъ, чтобы предложеніе предсѣдателя было уважено. Впрочемъ, онъ это дѣлалъ не изъ дурныхъ побужденій: онъ честный человѣкъ—а по легкомыслію и недостатку твердости, которые часто повергаютъ его въ противорѣчія съ самимъ собою. Какъ бы то ни было, бой былъ жаркій, и хотя я одержалъ побѣду, однако не увѣренъ въ прочности ея».

Далѣе затѣмъ подъ 15-мъ числомъ Никитенко пишетъ:

«Не даромъ сомнѣвался я въ Плетневѣ. Въ комитетѣ онъ согласился не начинать дѣла о журналахъ. Въ среду, въ дружескихъ моихъ съ нимъ объясненіяхъ, онъ подтвердилъ мнѣ то же, а сегодня мы получили предписаніе министра, который, «увидавъ, что нѣкоторые журналы самопроизвольно отступили отъ своихъ программъ, предписываетъ ввести ихъ въ предѣлы». На этотъ разъ однако весь комитетъ возсталъ. Мнѣ поручено написать отвѣтъ министру. Жаркія пренія. Плетневъ, который кромѣ того покушался еще на разныя другія стѣснительныя распоряженія по цензурѣ, разбитъ на всѣхъ пунктахъ. Я болѣе всѣхъ поражалъ его закономъ. Была прочитана статья устава, по которой права предсѣдателя являются очень ограниченными въ томъ, что касается цензурованія. На этотъ разъ всѣ дѣйствовали единодушно и твердо, и Плетневъ былъ разбитъ въ-пухъ. Пробовалъ онъ придраться къ «Библ. для чтенія»; въ программѣ ея объявлено, «что она будетъ печатать переводныя повѣсти», а она печатаетъ романы, какъ напр.: «Вѣчный жидъ».

« — Какую же существенную разницу полагаете вы,—спросилъ я,—между повѣстью и романомъ? Мы оба съ вами профессоры словесности и я, по крайней мѣрѣ, не могу опредѣлить иначе повѣсть, какъ «повѣсть есть романъ», а романъ, какъ «романъ есть повѣсть». Бѣдная, бѣдная наша литература!..»

Въ одномъ изъ нумеровъ своей «Иллюстраціи» Кукольникъ помѣстилъ шараду такого содержанія: «усердіе безъ денегъ, одно и лачуги не построитъ». Это была пародія на извѣстныя слова, данныя въ девизъ гр. Клейнмихелю за постройку Зимняго дворца: «усердіе все превозмогаетъ». Никитенко не пропустилъ разгадки. Несмотря на это, разгадка была напечатана въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ. Кукольникъ извинялся небрежностью типографіи. Въ городѣ пошли толки. Гр. Клейнмихель, по слухамъ, послалъ шараду государю. Комитетъ обратился къ Никитенкѣ съ запросомъ и тотъ долженъ былъ отписываться.

Въ декабрѣ того же года Уваровъ воздвигъ гоненіе на «Литературную Газету», которой не позволено выходить по три раза въ недѣлю (не измѣняя ни на

іоту програмы) и переставлять статьи съ одного мѣста на другое, напримѣръ печатать повѣсти надъ чертою, въ видѣ фельетона и т. д., хотя это позволялось или, лучше сказать, не замѣчалось прежде, потому что не заслуживало замѣчанія.

Вслѣдъ за арестомъ Костомарова, Шевченка и Кулиша,—19 іюня 1846 г., печатными циркулярами за подписью министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго дано было знать подлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ, что, по особому повелѣнію, напечатанныя сочиненія: Шевченки—«Кобзарь», Кулиша—«Повѣсть объ украинскомъ народѣ», «Украйна» и «Михайло Чернышенко», Костомарова—«Украинскія баллады» и «Вѣтка» - запрещены и изъяты изъ продажи. Министромъ народнаго просвѣщенія тогда-же было предписано цензурному вѣдомству не дозволять впредь перепечатывать означенныя сочиненія новымъ изданіемъ *).

«Повѣсть объ украинскомъ народѣ» Кулиша была напечатана предварительно въ дѣтскомъ журналѣ Ишимовой «Звѣздочка» и затѣмъ вышла отдѣльно. Въ «Звѣздочкѣ» цензуровалъ ее Ивановскій; въ отдѣльномъ изданіи—Куторга и оба они послѣ полученія вышеозначеннаго циркуляра подверглись отвѣтственности, какъ могли они пропустить столь зловредную вещь. Куторгу государь велѣлъ посадить въ крѣпость, Ивановскій же получилъ легкій высочайшій выговоръ; было сказано, что такъ какъ это случилось единственно по неосмотрительности цензора и по довѣрію его къ журналу, для котораго назначалось сочиненіе, и какъ цензоръ этотъ отличный человѣкъ, то сдѣлать ему только выговоръ безъ внесенія въ формуляръ **).

Послѣ всего этого могъ ли ожидать ссыльный декабристъ Кюхельбекеръ, что его сочиненія будутъ разрѣшены въ печати, о чемъ онъ обращался съ просьбою къ гр. Орлову. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу въ своемъ письмѣ къ Жуковскому 11 іюня 1846 г. изъ Тобольска:

«20 декабря прошлаго года обратился я съ письмомъ къ гр. Орлову (при этомъ письмѣ было письмо и къ вамъ, съ полнымъ спискомъ моихъ сочиненій); писанное къ графу Орлову было таково, что кажется и камень отъ него бы тронулся. Оно, вы отгадаете, заключало двѣ просьбы; во-первыхъ чтобы самъ графъ благоволилъ войти съ представленіемъ объ разрѣшеніи печатать мнѣ свои статьи, стихи и прозу, или, по крайней мѣрѣ, напечатать хоть третью часть «Ижорскаго», котораго двѣ первыя части еще въ 1835 г. государь императоръ изволилъ приказать напечатать въ III отдѣленіи собственной своей канцеляріи. Вторая просьба состояла въ томъ, чтобы сдѣлалъ милость графъ Алексѣй Ѳедоровичъ и непремѣнно доставилъ вамъ, моему благородному другу, строки, гдѣ говорю къ душѣ, и къ душѣ Жуковскаго. Графъ отказалъ мнѣ въ первой просьбѣ; полагаю, что не исполнилъ и второй. Отказъ его заключается въ слѣдующихъ словахъ: «въ 1840 году графъ А. В. Бенкендорфъ входилъ съ представленіемъ о разрѣшеніи Кюхельбекеру пе-

*) «Р. Стар.» 1889 г. № 11, стр. 367—368.

**) «Р. Стар.» 1890 г. № 2, стр. 376—377 и 380.

чатать безъименно его сочиненія и переводы, и получилъ отвѣтъ, *что еще не время*. Вотъ почему графъ А. Ѳ. Орловъ не осмѣлился войти съ представленіемъ о томъ же предметѣ». Но съ 1840 года прошло шесть лѣтъ: изъ сильнаго и бодраго мужчины я сталъ хилымъ, изнуреннымъ лихорадкою и чахоточнымъ кашлемъ старикомъ, слѣпцомъ, котораго насилу ноги носятъ. Когда же настанетъ это время? Мои дни сочтены: ужели пущу по-міру мою добрую жену и малыхъ дѣтей? Говорю съ поэтомъ, и сверхъ того полуумирающій пріобрѣтаетъ право говорить безъ большихъ церемоній: *я чувствую, знаю и убѣжденъ совершенно, точно также, какъ убѣжденъ въ своемъ существованіи*, что Россія не десятками можетъ противоставить европейцамъ писателей, равныхъ мнѣ по воображенію, по творческой силѣ, по учености и разнообразію сочиненій. Простите мнѣ, добрѣйшій мой наставникъ и первый руководитель на поприщѣ поэзіи, эту мою гордую выходку! Но право, сердце кровью заливается, если подумаешь, что все, все мною созданное, вмѣстѣ со мною погибнетъ, какъ звукъ пустой, какъ ничтожный отголосокъ!»...

Но не пришлось Кюхельбекеру увидѣть въ печати своихъ сочиненій: ровно черезъ два мѣсяца послѣ написанія этого письма его не стало *).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Подготовительныя мѣры министерства нар. пр. къ реакціи 50-хъ годовъ. — Наставленіе ректору и деканамъ, какъ новая правительственная программа. — Инструкція цензорамъ 12 марта 1848 г. — Учрежденіе комитета 2 апр. и дѣятельность его. — Паника во время дѣла петрашевцевъ. — Доносы и ссылки (М. Е. Салтыкова). — Репримапды «Русск. Инвалиду», «Спб. Полицейскимъ Вѣдом.» и пр. — Отставка гр. Уварова и ея причины. — Проектъ Медема. — Мѣры по цензурѣ иностранныхъ книгъ и изданій для народа. — Рядъ мелкихъ цензурныхъ распоряженій въ эту эпоху.

I.

Въ 1848 году, подъ впечатлѣніемъ февральской революціи, начался періодъ крайней реакціи, продолжавшейся до вступленія на престолъ императора Александра II. Но реакція эта была не какимъ-либо скачкомъ и внезапнымъ поворотомъ вспять, а лишь послѣднимъ шагомъ, увѣнчаніемъ того зданія, которое строилось съ 1830 года. Все время управленія гр. Уварова министерствомъ народнаго просвѣщенія было подготовкою къ этому шагу. Уже тогда была усилена бдительность за журналами вслѣдствіе постоянныхъ доносовъ на ихъ зловредное направленіе, и министръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы отстранить ихъ отъ всякаго участія въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, хотя-бы въ благона-

*) «Р. Стар.», 1878 г. № 6, стр. 345—346.

мѣренномъ духѣ. Такъ, циркуляромъ 1847 года онъ предписываетъ спб. цензурному комитету, чтобы было обращено вниманіе цензоровъ на журнальныя и другія статьи отечественной исторіи для предотвращенія въ оныхъ разсужденій о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особенною осторожностью и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности. *Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть* *).

Такимъ образомъ уже въ 1847 году начали смотрѣть, какъ на непозволительное, на всякое одушевленіе въ прессѣ, даже и патріотическое.

Въ то же время гр. Уваровъ снова озаботился усиленіемъ бдительности за переводною беллетристикою, на что онъ обращалъ уже вниманіе въ началѣ своей министерской дѣятельности. Такъ, распоряженіемъ 5 іюня 1847 года по спб. цензурному комитету были предписаны имъ слѣдующія правила: 1) «обращать впредь ближайшее и строжайшее вниманіе на представляемые въ комитетъ переводы съ иностранныхъ языковъ, особенно современныхъ французскихъ писателей, коихъ имена болѣе или менѣе извѣстны публикѣ, обязавъ гг. цензоровъ, чтобы по окончательномъ разсмотрѣніи ихъ переводовъ, каждый изъ нихъ предварительно доводилъ до свѣдѣнія предсѣдателя цензурнаго комитета, которому предоставляется или разрѣшить изданіе подобнаго перевода, или представить на разсмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія, и 2) въ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ журналахъ наблюдать, чтобы цѣлыя книжки оныхъ вопреки программѣ не были составлены изъ однихъ почти переводныхъ въ цѣлости романовъ или повѣстей». Когда же Никитенко оспаривалъ эти распоряженія передъ попечителемъ, видя въ нихъ полное нарушеніе устава, Мусинъ-Пушкинъ вскричалъ:

— Надо совсѣмъ вывести романы изъ Россіи, чтобы никто не читалъ романовъ!

Годомъ же позже, именно 6 и 24 марта 1848 г., по докладу гр. Уварова было сдѣлано распоряженіе не дозволять русскимъ журналамъ и газетамъ печатать переводы иностранныхъ романовъ, помѣщаемыхъ въ фельетонахъ иностранныхъ газетъ, въ «Revue Etrangère» и «Messager», пока эти романы не будутъ изданы въ цѣлости, пропущены иностранною цензурою, и разрѣшенъ Главнымъ управленіемъ цензуры вопросъ о возможности переводить ихъ на русскій языкъ.

Весною 1847 года былъ арестованъ на границѣ извѣстный славянофилъ Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ и привезенъ въ III отдѣленіе. Послѣ допроса, во время котораго онъ исповѣдывалъ свои убѣжденія и заявилъ себя ревностнымъ

*) «Сборн. постан. по ценз.», стр. 240.

патріотомъ и приверженцемъ монархической власти, его отпустили, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязали всѣ свои сочиненія представлять на цензуру въ III отдѣленіе.

Вслѣдъ затѣмъ 31-го мая состоялось чрезвычайное собраніе совѣта университета подъ предсѣдательствомъ попечителя. Въ совѣтъ былъ приглашенъ и директоръ педагогическаго института Ив. Ив. Давыдовъ.

Читали предложеніе министра, составленное по высочайшей волѣ и гдѣ объясняется какъ надо понимать намъ нашу народность и что такое славянство по отношенію къ Россіи. Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ. Мы симъ самымъ торжественно отъ него отрекаемся. Оно и не заслуживаетъ нашего участія, потому что мы безъ него устроили свое государство, безъ него страдали и возвеличились, а оно всегда пребывало въ зависимости отъ другихъ, не умѣло ничего создать и теперь окончило свое историческое существованіе.

На основаніи всего этого министръ желалъ, чтобы профессора съ каѳедры развивали нашу народность не иначе, какъ по этой программѣ и по повелѣнію правительства. Это особенно касалось профессоровъ: славянскихъ нарѣчій, русской исторіи и исторіи русскаго законодательства *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено тогда уже вниманіе и на чрезмѣрное развитіе сатирическаго отношенія къ русской жизни, на такъ называемую «натуральную школу», и въ томъ же циркулярѣ 5 іюня 1847 г. гр. Уваровъ поставляетъ на видъ цензорамъ, что съ нѣкоторыхъ поръ оригинальныя изданія, вродѣ повѣстей и романовъ, наполнены выходками противъ чиновниковъ, представляя этотъ классъ въ самыхъ гнусныхъ и смѣшныхъ видахъ, и на этомъ основаніи предписываетъ неослабно наблюдать, чтобы подобныя изображенія не выходили изъ предѣловъ благопристойности и вкуса и были вообще допускаемы тогда только, когда цензура убѣдится въ чистотѣ намѣренія сочинителя и его безпристрастіи **).

Наконецъ уже въ самомъ началѣ 1848 года былъ составленъ подъ предсѣдательствомъ кн. Ширинскаго-Шихматова и подъ руководствомъ самого министра комитетъ для пересмотра цензурнаго устава и начертанія «наказовъ» цензорамъ. Результатомъ работъ этого комитета былъ проектъ, предполагавшій устранить отъ исправленія цензорскихъ обязанностей ученое сословіе, соединить оба петербургскіе цензурные комитета въ одинъ департаментъ, обложить пошлиной иностранныя книги.

Но государственный совѣтъ призналъ ненужною предполагаемую организацію цензурнаго управленія, а предлагаемыя проектомъ средства къ сообщенію литературѣ направленія, соотвѣтствующаго видамъ правительства, недостаточными и потому проектъ былъ возвращенъ гр. Уварову. Изъ всѣхъ его предположеній осу-

*) «Р. Стар.», 1890 г., № 2, стр. 378—380.
**) «Сборн. пост. по ценз.», стр. 241—245.

ществились только два, именно: объ увеличеніи содержанія цензорамъ и о назначеніи чиновниковъ особаго порученія при Главномъ управленіи цензуры для чтенія всего, что выходило изъ печати въ Россіи, и наблюденій такимъ образомъ какъ за направленіемъ литературы, такъ и за дѣйствіемъ цензоровъ *).

Но если 1848 годъ не могъ много прибавить по части реакціонныхъ мѣръ, такъ какъ и безъ того уже онѣ всѣ стояли на чеку, за то онъ оказалъ приверженцамъ реакціи двѣ важныя услуги: вопервыхъ далъ уважительный поводъ ко всѣмъ ихъ мѣрамъ въ томъ революціонномъ движеніи, которое распространилось по всей Европѣ; во-вторыхъ, что самое главное, онъ раскрылъ имъ глаза и направилъ ихъ дѣйствія совершенно въ другую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, какъ мы неоднократно могли убѣдиться изъ всего предыдущаго, правительство наше руководилось самыми смутными и неопредѣленными воззрѣніями на то, что̀ ему слѣдуетъ допускать и чего опасаться. Это были традиціонные призраки краснаго якобинизма въ духѣ 1793 года, и съ этими давно отжившими призраками отождествлялись вещи, не имѣвшія съ ними ничего общаго, вродѣ философіи Гегеля, или еще лучше—скабрезныхъ стишковъ русскихъ недоучившихся баричей. И въ то время, какъ въ малѣйшемъ оппозиціонномъ намекѣ, невинной сатирической колкости видѣли колебаніе всѣхъ основъ, на страницахъ журналовъ свободно и незамѣтно проскальзывали порою жгучія идеи, которыя волновали передовые умы на Западѣ. Теперь же правительство въ своихъ преслѣдованіяхъ сразу переходитъ съ политической на экономическую почву, становится вполнѣ au courant современныхъ идей и событій. Эта новая точка зрѣнія отлично выражается въ «Наставленіи ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультета», данномъ 24-го октября 1849 г. Документъ этотъ, вполнѣ выражающій новую правительственную программу, считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ:

1) «Въ инструкціи ректору и деканамъ изложены ихъ обязанности и порядокъ дѣйствій въ надзорѣ за университетскимъ преподаваніемъ. Между тѣмъ современныя политическія обстоятельства и господствующія въ западной Европѣ идеи требуютъ особеннаго въ этомъ отношеніи предостереженія, которое, по самому существу своему, не подлежитъ гласности и должно быть извѣстно только лицамъ, имѣющимъ ближайшее наблюденіе за ходомъ образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

2) «Ректоръ университета и деканы факультетовъ, будучи обязаны имѣть постоянный и дѣятельный надзоръ за преподаваніемъ всѣхъ вообще предметовъ, входящихъ въ кругъ университетскаго ученія, обращаютъ особенное и самое бдительное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыхъ изложеніе, по предосудительному духу настоящаго времени, можетъ подавать неблагонамѣренности болѣе случаевъ ко внушенію молодымъ людямъ неправильныхъ и превратныхъ понятій о предме-

*) Ист. свѣд. о ценз. въ Рос.», стр. 54—55.

тахъ политическихъ. Таковы напримѣръ, государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки, возможность злоупотребленія коихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

3) «При предварительномъ разсмотрѣніи программъ этихъ наукъ, которыя по своей важности утверждаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, при посѣщеніи лекцій и во время испытаній ректоръ и деканы строго наблюдаютъ за неприкосновенностью начала, служащаго основою нашего государственнаго быта. Оно состоитъ въ томъ, что Россія, какъ по мѣстному своему положенію, правамъ народнымъ и потребностямъ всѣхъ сословій, такъ и по вѣковымъ историческимъ событіямъ, упрочившимъ ея благоденствіе, не можетъ и не должна имѣть иного образа правленія, кромѣ монархическаго самодержавнаго, въ которомъ государь, какъ покровитель церкви и отецъ отечества, есть не только средоточіе, но и соединеніе всѣхъ властей въ государствѣ: законодательной, судебной и исполнительной. По сему въ университетскомъ преподаваніи ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допускаемо не только порицаніе нашего образа правленія, но даже изъявленіе сомнѣнія въ пользѣ и необходимости самодержавія въ Россіи.

4) «Въ настоящее смутное время, когда большая часть такъ называемой просвѣщенной Европы, забывъ евангельскую заповѣдь о повиновеніи законнымъ властямъ, поколебала и отчасти ниспровергла престолы царей съ провозглашеніемъ верховнаго властительства народа—болѣе, нежели когда-либо, надлежитъ ограждать университетское юношество отъ чуждыхъ намъ понятій о мнимомъ превосходствѣ республиканскаго или конституціоннаго правленія, объ ограниченіи монархической самодержавной власти, о равенствѣ всѣхъ состояній и тому подобнаго. Не довольствуясь отстраненіемъ этихъ зловредныхъ мнѣній, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ программахъ и преподаваніи рѣшительно ничего, могущаго ослабить чувства преданности, вѣрности и покорности высочайшей власти и законамъ отечественнымъ.

5) «Въ ректорѣ и деканахъ предполагается ясное понятіе о возникшихъ въ наше время, преимущественно во Франціи, разныхъ политико-экономическихъ системахъ, каковы сенъ-симонисты, фурьеристы, соціалисты и коммунисты, въ особенности о двухъ послѣднихъ, играющихъ столь важную роль въ современныхъ событіяхъ на западѣ Европы. Основная мысль ихъ, какъ извѣстно, есть достиженіе всѣми возможными средствами безусловнаго равенства. Объявивъ непримиримую войну всему, что возвышается надъ беземельною и бездомною черпью, коммунизмъ нагло подводитъ подъ свой желѣзный уровень всѣ состоянія, съ уничтоженіемъ всякихъ отличій породы, заслугъ, богатства и даже ума. Слѣдя внимательно за развитіемъ столь гибельнаго и по несчастію преуспѣвающаго мнѣнія въ Европѣ, ректоръ и деканы будутъ тщательно отсѣкать въ разсматриваемыхъ ими программахъ и воспрещать въ устномъ преподаваніи съ каѳедръ все, что мо-

*) «Р. Стар.», 1872 г., № 10, стр. 448.

жетъ даже и косвенно содѣйствовать къ распространенію у насъ этихъ разрушительныхъ началъ или служить имъ нѣкоторою опорою. Къ сему относятся разсужденія, имѣющія цѣлію унизить достоинство и пользу какого бы то ни было сословія въ государствѣ или поколебать установленныя законами отношенія между разными состояніями, двусмысленные или сомнительные намеки на счетъ несбыточныхъ теорій объ общности капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, однимъ словомъ всякаго рода попытки притязанія пролетаріевъ къ общественной и частной собственности.

6) «Съ этимъ же намѣреніемъ и въ видахъ охраненія внутренняго въ Россіи спокойствія, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ лекціяхъ профессоровъ изъявлять въ неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, говорить съ преувеличеніемъ о злоупотребленіи власти помѣщиковъ или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ была бы полезна для государства. Тов. мин. народн. просв. кн. Ширинскій-Шихматовъ».

Этой же самой программы, выражающей не одни туманныя и смутныя опасенія, а опредѣленный и ясный кругъ требованій, держалось правительство наше и по отношенію къ прессѣ во все время, начиная съ 1848 и до 1856 года. Требованія эти еще болѣе расширялись и осложнялись на этой почвѣ вслѣдствіе большей широты круга вліянія, захватываемаго прессой. Кафедра имѣла дѣло съ одною учащеюся молодежью. Пресса же могла оказывать непосредственное вліяніе не на одну только интеллигенцію, но и на самыя массы народа, на всѣ слои населенія. Поэтому главная забота правительства по отношенію къ прессѣ съ 1848 года заключалась не только въ томъ, чтобы интеллигенція не заразилась вредными идеями, бродившими на Западѣ, но чтобы идеи эти не проникли въ народъ. Этимъ и объясняется, какъ увидимъ ниже, особенно тщательный и строгій надзоръ за газетами, книгами для народнаго чтенія и всякаго рода популярными изданіями, проникающими въ народныя массы.

12-го марта была объявлена министромъ слѣдующая высочайшая воля: «вслѣдствіе обстоятельствъ, обратившихъ вниманіе Государя Императора на направленіе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: 1) начальству цензуры созвать цензоровъ, объявивъ имъ, что правительство обратило вниманіе на предосудительный духъ многихъ статей, съ нѣкотораго времени появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, и предупредить ихъ, что за всякое дурное направленіе статей журналовъ, хотя бы оно выражалось и въ косвенныхъ намекахъ, цензура, сіи статьи пропустившая, подвергнется строгой отвѣтственности. 2) Главному управленію строго взыскивать по предоставленной начальству власти за упущенія цензоровъ въ этомъ случаѣ. 3) Теперь же поставить цензорамъ въ непремѣнную обязанность не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ намеки на строгость цензуры. 4) Пояснить, что запрещеніе цензурою выпускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги заклю-

чаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить о ихъ содержаніи въ журналахъ, а тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или переводѣ» *).

Около того же времени были созваны по высочайшему повелѣнію въ министерство редакторы всѣхъ издаваемыхъ въ Петербургѣ періодическихъ изданій и имъ было объявлено, что долгъ ихъ не только отклонять всѣ статьи предосудительнаго направленія, но содѣйствовать своими журналами правительству въ охраненіи публики отъ зараженія идеями, вредными нравственности и общественному порядку. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ высочайшаго имени они предупреждались, что за всякое дурное направленіе статей ихъ журнала, хотя бы оно выражалось косвенными намеками, они лично подвергнутся строгой отвѣтственности, независимо отъ отвѣтственности цензуры **).

Но этихъ мѣръ казалось недостаточно для окончательнаго обузданія прессы, и вотъ 2-го апрѣля 1848 г. былъ учрежденъ особенный комитетъ для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ за духомъ и направленіемъ книгопечатанія подъ предсѣдательствомъ морского министра князя Меньшикова и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: Дм. П. Бутурлина, М. А. Корфа, гр. Строганова (брата министра), Дегая и Дубельта. Комитетъ этотъ впродолженіе своего восьмилѣтняго существованія (1856 г.) оффиціально носилъ названіе «Комитета 2-го апрѣля 1848 г.», въ обществѣ же называли его «Совѣтомъ пяти».

Съ учрежденіемъ этого комитета пресса была положительно со всѣхъ сторонъ окружена бдительнымъ надзоромъ начальства. Каждую книгу, выходившую въ свѣтъ, разсматривали сначала узаконенные цензора и чиновники какого-нибудь вѣдомства, смотря по ея содержанію, затѣмъ чиновники особыхъ порученій при министерствѣ народнаго просвѣщенія и наконецъ Бутурлинскій комитетъ. Въ то время, какъ министерскіе чиновники докладывали министру о всѣхъ упущеніяхъ цензуры, Бутурлинскій комитетъ въ свою очередь входилъ съ докладомъ къ государю и затѣмъ сообщалъ министру высочайшую резолюцію. Курьезнѣе всего здѣсь было то, что кн. Ширинскій-Шихматовъ, бывшій въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ засѣдавшій въ Бутурлинскомъ комитетѣ, являлся такимъ образомъ жалобщикомъ на своего непосредственнаго начальника.

Въ то время какъ по смыслу устава 1828 года цензора были обязаны принимать за основаніе лишь явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ другую сторону, Бутурлинскій комитетъ, напротивъ того, вмѣнялъ себѣ въ обязанность читать между строкъ, обращать вниманіе на предполагаемую цѣль автора и не ограничиваться одною «дозволительностью» статей, а слѣдить за тѣмъ, на сколько онѣ приличны и умѣстны сообразно обстоятельствамъ времени. Такое радикальное отклоненіе отъ устава 1828 года, по всей вѣроятно-

*) «Сборн. постановл. по ценз.», стр. 244.

**) Ibid., стр. 245.

сти, совершилось подъ вліяніемъ записки кн. Вяземскаго о недостаточности цензуры, представленной имъ на высочайшее усмотрѣніе именно въ это самое время. Въ запискѣ своей кн. Вяземскій особенно ставитъ на видъ междустрочность, сильно развившуюся послѣднее время въ прессѣ, въ которой, по его словамъ: «каждое слово есть обинякъ. Литература наша, и особенно нѣкоторые изъ петербургскихъ журналовъ, наполнены этихъ обиняковъ и намековъ, прозрачныхъ для смышленныхъ читателей *). И вотъ, чтобы искоренить эту междустрочность, «все туманное, неопредѣленное, дающее поводъ къ предположеніямъ и толкованіямъ», было тотчасъ же указываемо комитетомъ министру. Такъ напримѣръ, по поводу какой-то поэмы Бутурлинъ писалъ гр. Уварову: «Хотя означенная поэма была разсмотрѣна цензурою еще прежде происшествій на Западѣ, но какъ проявленія подобныхъ мыслей не слѣдовало допускать въ нашей литературѣ, то комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству сдѣлать цензору за пропускъ означенныхъ стиховъ строгое замѣчаніе. О таковомъ заключеніи комитета, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія, имѣю честь сообщить вашему сіятельству для зависящаго распоряженія».

Подобныхъ указаній съ выраженіемъ высочайшей воли въ одномъ іюнѣ 1848 г. было сообщено Бутурлинымъ шесть. Надзоръ комитета производился нетолько по текущей литературѣ, но, какъ видно изъ предшествовавшаго примѣра, и по сочиненіямъ, изданнымъ ранѣе, онъ простирался на губернскія вѣдомости, на изданія спеціальныя и мѣстныя, какъ напримѣръ, на описаніе пятидесятилѣтняго юбилея наборщика Неберта, напечатанное въ Митавѣ, на нѣмецкій словарь, въ которомъ замѣчены были нѣкоторыя неприличныя слова, и т. д.

Къ тому же наблюденіе комитета не ограничивалось одною литературою; онъ обращалъ вниманіе и на механизмъ самаго цензурнаго управленія и указывалъ министру на случавшіяся въ его вѣдомствѣ неисправности, какъ напримѣръ на то, что «Journal d'Odessa» выходилъ безъ подписи цензора. Комитетъ же сообщилъ ему высочайшую волю, чтобы авторы непремѣнно выставляли свои имена подъ статьями; по высочайшему же повелѣнію потребовалъ списокъ всѣхъ журнальныхъ сотрудниковъ по редакціямъ **).

Но не одинъ Бутурлинскій комитетъ, иногда и III отдѣленіе дѣлало доклады государю и затѣмъ относилось къ министру о неисправности цензоровъ. Такъ въ маѣ 1848 года гр. Орловъ отнесся къ гр. Уварову:

«Писатели нерѣдко представляютъ къ разсмотрѣнію сочиненія самаго преступнаго содержанія и цензора часто воспрещаютъ вполнѣ такія сочиненія или уничтожаютъ въ нихъ многія мѣста. Поставленные въ затруднительное положеніе въ отношеніи къ писателямъ, которые ропщутъ и негодуютъ на строгость цензоровъ, послѣдніе иногда какъ бы принуждены бываютъ пропускать сочине-

*) «Истор. св. о ценз. въ Россіи», стр. 53.

**) Истор. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 55—56.

нія съ сомнительными мѣстами. Цензоры объясняютъ, что еслибъ правительству извѣстны были всѣ сочиненія или мѣста въ статьяхъ, которыя ими воспрещены къ напечатанію, то оно, усмотрѣвъ, сколько вредныхъ книгъ и мыслей остановлено, отдало бы еще похвалу усердію и предусмотрительности цензоровъ. Объясненія эти показываютъ, что дѣйствія цензоровъ ограничиваются единственно тѣмъ, что они возвращаютъ писателямъ преступныя сочиненія или уничтожаютъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, а сами писатели остаются не только безъ взысканія, но даже въ неизвѣстности правительству, тогда какъ многіе изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ обнаруживаютъ самый вредный образъ мыслей. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ, Высочайше повелѣть изволилъ, дабы тѣ изъ воспрещаемыхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное въ политическомъ и нравственномъ отношеніи направленіе, были представляемы отъ цензоровъ, негласнымъ образомъ, въ III отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе *).

II.

Наибольшее число всякаго рода внушеній и распоряженій приходилось конечно на долю газетъ и журналовъ, не исключая даже и оффиціальныхъ. Такъ въ первый же мѣсяцъ своего существованія Бутурлинскій комитетъ обратилъ вниманіе на «Русскій Инвалидъ», редакторомъ котораго былъ въ это время Ѳедоръ Ѳедорычъ Корфъ, авторъ салонныхъ театральныхъ пьесъ. Впрочемъ военный министръ Чернышевъ, вѣдомству котораго принадлежалъ «Русскій Инвалидъ», ранѣе Бутурлина уже замѣчалъ неисправность цензуры по отношенію къ этой газетѣ и 20-го апрѣля 1848 г. отнесся къ предсѣдателю военно-цензурнаго комитета съ бумагою слѣдующаго содержанія:

«Неоднократно замѣчено, что редакція газеты «Русскій Инвалидъ» не слѣдуетъ общимъ установленнымъ для цензуры правиламъ и что въ газетѣ сей часто проявляются описанія извѣстій въ томъ превратномъ видѣ, въ какомъ выставляютъ ихъ иностранныя газеты. Я поручилъ уже дежурному генералу главнаго штаба Его Императорскаго Величества объясниться о семъ съ директоромъ канцеляріи комитета, выс. учрежд. 19-го августа 1814 г.; но и за симъ редакція помянутой газеты обнаруживаетъ тѣ же превратныя правила. Такъ напримѣръ, въ газетѣ 16-го апрѣля, № 82, въ статьѣ «Иностранныя Извѣстія», австрійскія войска названы *непріятельскими*; предводительствующимъ полками инсургентовъ расточается названіе *храбрыхъ*; а статья изъ Киля *о студентахъ вовсе*

*) «Сборн. постан. по ценз.», стр. 247—248.

не должна имѣть мѣста въ газетѣ. Считая долгомъ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство обратить особенное вниманіе на редакцію газеты «Русскій Инвалидъ», какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, поставляю обязанностью присовокупить, что наблюденіе за духомъ и направленіемъ сей газеты останется на отвѣтственности комитета, предсѣдательствуемаго вашимъ высокопревосходительствомъ. Военный министръ князь Чернышевъ *).

Вслѣдъ затѣмъ и Бутурлинъ обратилъ вниманіе на «Русскій Инвалидъ» и 25-го апрѣля отнесся къ кн. Чернышеву съ слѣдующею бумагою:

«М. Г. князь Александръ Александровичъ! Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что если настоящія событія на западѣ Европы возбуждаютъ во всей мыслящей и благоразумной части нашей публики одно справедливое омерзеніе, то необходимо всячески охранять и низшіе классы отъ распространенія между ними круга идей, нынѣ, благодаря Богу, совершенно имъ чуждыхъ, а въ семъ отношеніи нельзя не обратить вниманія, что русскія газеты читаются и всѣми мелкими чиновниками, и на гостиномъ дворѣ, и въ трактирахъ, и въ лакейскихъ, разсыпаясь такимъ образомъ между сотнями тысячъ читателей, для которыхъ все это свято какъ законъ по тому уже одному, что оно печатное. Въ такомъ смыслѣ нѣтъ безъ сомнѣнія никакой пользы и надобности, чтобы эти многочисленные читатели, изъ коихъ самая большая часть стоитъ на низшей степени образованія и общественной лѣстницы, знали напримѣръ, что въ Парижѣ тронъ выброшенъ въ окно и всенародно сожженъ, или читали тѣ коммунистическія выходки, тѣ опасныя лжеумствованія, которыми теперь такъ обилуютъ заграничные журналы.

«Между тѣмъ, Его Императорское Величество изволилъ усмотрѣть, что въ политической части нашихъ газетъ являются иногда такія статьи, которыя, хотя онѣ и не содержатъ въ себѣ ничего прямо противнаго существующимъ цензурнымъ правиламъ, лучше и осторожнѣе было бы при сихъ особенныхъ обстоятельствахъ времени, стоящихъ выше силы закона, не оглашать на русскомъ языкѣ. Такъ напримѣръ, въ 84 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (14-го апрѣля) переведено изъ французскихъ журналовъ письмо, гдѣ разсказывается разговоръ одного студента съ коммисаромъ временнаго правительства и между прочимъ помѣщены слѣдующія слова послѣдняго: «Пусть банкирскіе дома падаютъ; пусть погибаетъ торговля; тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе достигнемъ мы своей цѣли. Покуда останутся богатые, надобно будетъ стараться разорить ихъ; теперь богачи — горсть людей безъ энергіи, которые страдаютъ и ничего не дѣлаютъ; ихъ нечего слушать. Да развѣ вы думаете, что работники не страдаютъ такъ же, какъ и богачи? Нѣтъ, потому что все у нихъ въ рукахъ и еслибы они страдали, то страдали бы не долго». Такъ и въ 82 № «Русскаго Инвалида» (16-го апрѣля), при описаніи шлезвигъ-гольштинскаго возстанія противъ Даніи, напечатано: «Доказательства храбрости, представленныя студентами, принесли бы честь са-

*) «Русская Старина», 1870 г., № 10, стр. 416.

мымъ старымъ солдатамъ. Юноши, никогда не обращавшіеся съ оружіемъ, дрались какъ львы. Вокругъ нихъ падали товарищи, скошенные картечью датчанъ, но они не отступали, пока неравенство силъ не заставило отложить въ сторону всякую мысль объ удержаніи позиціи. Храбрость студентовъ поистинѣ пристыдила кильскихъ егерей». По мнѣнію Его Величества, статьи, вродѣ первой, могутъ способствовать постепенному вторженію и въ наше простонародіе того губительнаго образа мыслей, который обтекаетъ теперь Францію и Германію; а хвалебные возгласы студентовъ, вродѣ помѣщенныхъ въ «Инвалидѣ», могутъ опасно воспалятъ страсти и ложное любочестіе и въ нашемъ юношествѣ, хотя воспитываемомъ въ другихъ правилахъ, но не болѣе опытномъ и разсудительномъ, нежели вездѣ. Отсюда ясно, какъ желательно было бы, чтобъ подобные случаи не могли уже болѣе повторяться.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ, обозрѣвая подлежащій вопросъ со всѣхъ сторонъ, убѣдиться изволилъ, что едва ли возможно предуказать какія-нибудь общія, положительныя правила или постоянную раму для политическихъ статей въ русскихъ газетахъ. Ибо хотя главный вредъ заключался бы конечно въ передачѣ читателямъ такихъ разсужденій или подробностей, которыя даютъ или могутъ дать поводъ къ превратнымъ идеямъ или опаснымъ примѣненіямъ, но иногда и простое сообщеніе голыхъ фактовъ (напримѣръ упомянутый выше о тронѣ) даже еслибы изображать ихъ и въ яркихъ краскахъ того омерзенія, коего они заслуживаютъ, оказалось бы не менѣе вреднымъ и предосудительнымъ. Вслѣдствіе сего Его Императорское Величество изволилъ полагать, что здѣсь можно и должно ожидать всего лишь отъ собственной прозорливости, отъ высшаго такъ сказать такта тѣхъ лицъ, коимъ предоставлено предварительное одобреніе политической части русскихъ газетъ, въ прозорливости и тактѣ которыхъ конечно невозможно и усомниться, когда лица сіи вполнѣ ознакомлены будутъ съ образомъ воззрѣнія на сей важный предметъ Его Величества и увидятъ притомъ приведенные выше примѣры такихъ статей, которыя признаются предосудительными.

«Для достиженія сей цѣли Государь Императоръ, имѣя въ виду, что цензура политическихъ въ газетахъ статей сосредоточивается въ главномъ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: сообщить г. государственному канцлеру иностранныхъ дѣлъ объ изложенныхъ здѣсь мысляхъ Его Величества для поставленія ихъ въ виду тѣхъ лицъ, на коихъ упомянутая цензура возложена съ тѣмъ, чтобы они имѣли впредь самое строгое въ указываемомъ смыслѣ наблюденіе.

«О сей Высочайшей волѣ, объявленной мною съ симъ вмѣстѣ графу Нессельроде, Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ увѣдомить и ваше сіятельство для обращенія особаго на сей предметъ вниманія» *).

Въ сентябрѣ того же 1848 года обрушилась подобная же гроза на «Вѣдомости С.-Петербургской городской полиціи». Въ фельетонѣ № 147 этой газеты (9-го августа) было помѣщено увѣдомленіе Л. Покорлинскому, что статьи его не могутъ быть напечатаны по причинамъ отъ редакціи независящимъ; между тѣмъ въ мартѣ того же года послѣдовало высочайшее повелѣніе не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ въ себѣ намеки на строгость цензуры. Вслѣдствіе этого министръ потребовалъ 5-го сентября 1848 г. отъ дозволившаго этотъ № газеты цензора Лангера объясненіе, на какомъ основаніи онъ пропустилъ вышеозначенное объявленіе, вопреки Высочайшаго повелѣнія.

---

*) «Русск. Старина», 1872 г., № 5, стр. 784—786.

По представленіи Лангеромъ объясненія гр.—Уваровъ представилъ объ этомъ дѣлѣ докладъ на высочайшее усмотрѣніе, и императоръ повелѣлъ: «Сдѣлать Лангеру надлежащее вразумленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить вообще по всему цензурному вѣдомству, чтобы впредь не были дозволяемы къ напечатанію такія объявленія и статьи, которыя двусмысленною формою своего выраженія могли бы подать поводъ къ толкованію ихъ въ видѣ намека на строгость цензуры». Къ этой резолюціи государь собственноручно прибавилъ: что «отказы, подобные вышеприведенному, не слѣдуетъ и печатать, такъ какъ это дѣло частное между редакторомъ и сочинителемъ, и отнюдь не касается до публики» *).

Въ томъ же сентябрѣ, 16-го числа послѣдовало отъ министра попечителю учебнаго округа предложеніе вновь по поводу «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи». На этотъ разъ дѣло шло объ отчетѣ «Общества посѣщенія бѣдныхъ». Вотъ что писалъ министръ въ своей бумагѣ:

«Въ № 169 «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи» (2 августа) и въ № 188 «Спб. Вѣд.» (22 августа) помѣщено окончаніе отчета Общества посѣщенія бѣдныхъ. При изложеніи дѣйствій Общества по доставленію бѣднымъ работы и изслѣдованію о причинахъ, почему эта мѣра, повидимому столь благодѣтельная, не имѣла въ самомъ дѣлѣ тѣхъ успѣшныхъ послѣдствій, какихъ отъ нея ожидали, сказано между прочимъ: «это явленіе показываетъ, что въ Петербургѣ до сихъ поръ милостыня выгоднѣе работы». Причиною сему явленію поставляется неразборчивость и небрежность, съ какою милостыня раздается частными лицами и въ подтвержденіе приводится далѣе нѣсколько примѣровъ плутовства, коими ложные бѣдные исторгаютъ, такъ сказать, подаяніе.

«Не останавливаясь на томъ, что въ дѣлаемыхъ «Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ», для самого себя и для правительства замѣчаніяхъ и изслѣдованіяхъ можетъ заключаться благонамѣреннаго, справедливаго и полезнаго, едва ли полезно печатать въ газетахъ, обращающихся во всѣхъ классахъ народа, всѣ безъ изъятія упомянутыя замѣчанія и наблюденія. Такъ напримѣръ между простолюдинами, держащимися болѣе буквы, нежели внутренняго смысла, упомянутое выше выраженіе: *что въ С.-Петербургѣ милостыня выгоднѣе работы*, легко можетъ породить ложныя понятія и направленія и приведенные въ отчетѣ Общества примѣры замысловатыхъ и ловкихъ обмановъ, употребляемыхъ ложными бѣдными для полученія помощи, точно также могутъ служить вреднымъ указаніемъ и завлеченіемъ для людей легкомысленныхъ и недобросовѣстныхъ.

«Въ основаніи Высочайшей воли, по сему предмету воспослѣдовавшей, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить с.-петербургскому цензурному комитету, чтобы впредь въ статьяхъ подобнаго рода цензоры поступали со всею осмотрительностію, дабы въ печать не могло прорываться ничего, могущаго имѣть даже и косвеннымъ образомъ вредное на общественную нравственность вліяніе» *).

Въ сентябрѣ 1848 г. гр. Уваровъ ѣздилъ въ Москву. Тамошнее «Общество исторіи и древности», состоящее подъ предсѣдательствомъ гр. Строганова, занималось въ то время печатаніемъ въ русскомъ переводѣ записокъ Флетчера. Изданіе это предпринято на основаніи статьи цензурнаго устава, разрѣшающей печатать безъ извлеченія предосудительныхъ для Россіи мѣстъ все, что пишется и писалось о ней до водворенія дома Романовыхъ. Гр. Строгановъ лично разрѣшилъ записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится о Іоаннѣ IV, Өеодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей церкви. У гр. Уварова были личные счеты съ Строгановымъ, пользуясь которыми и желая подслужиться министру, Шевыревъ (который ухаживалъ нѣкогда за Строгановымъ), представилъ министру, какъ неблаговидно въ данную минуту печатать Флетчера и какъ дурно дѣлаетъ Строгановъ, допуская это. Уваровъ приказалъ остановить печатаніе и довелъ это до свѣдѣнія государя. Послѣдовало повелѣніе: объявить Строганову строжайшій выговоръ черезъ московскаго

*) «Сборн. постан.», стр. 252—255.
**) Ibid, стр. 252—253.

генералъ-губернатора. При этомъ Закревскій не поцеремонился послать къ графу Строганову квартальнаго надзирателя съ приглашеніемъ явиться къ нему для полученія выговора. Секретарь же общества Бодянскій былъ удаленъ въ Казань. *).

Если оффиціальные органы возбуждали подобнаго рода замѣчанія и предписанія, то можно себѣ представить, какъ строго относились къ прессѣ неоффиціальной. Всякое участіе въ обсужденіи правительственныхъ мѣръ и распоряженій было здѣсь устранено безусловно; высочайшимъ повелѣніемъ 20-го іюня 1848 года было положено «не допускать въ печать никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, *къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали***) Въ силу этого указа нельзя было порицать дѣйствій даже будочника, уже не говоря о квартальномъ надзирателѣ. До какой степени каждая мелочь самаго повидимому невиннаго и безобиднаго свойства совершенно неожиданно могла въ то время быть заподозрѣна въ колебаніи основъ, мы можемъ судить по слѣдующему случаю:

Въ № 91 фельетона «Сѣверной Пчелы» (26-го апрѣля) былъ помѣщенъ слѣдующій анекдотъ: «Одинъ чиновникъ, въ донесеніяхъ начальству, нерѣдко дозволялъ себѣ ироническія замѣчанія касательно дурного теченія дѣлъ и ошибочныхъ разсужденій. Начальникъ, полушутя, полусерьезно, сказалъ ему: «Любезный другъ, не пишите такимъ острымъ перомъ, не то мы его должны будемъ притупить».—Что же? отвѣчалъ чиновникъ:—тогда я буду писать «грубо». И вотъ цензурный комитетъ получилъ замѣчаніе, что подобные мнимо-остроумные разсказы могутъ дать поводъ къ ослабленію понятій о подчиненности, и въ такомъ смыслѣ должны быть почитаемы прямо предосудительными, и при этомъ Высочайше повелѣно было принять надлежащія мѣры, дабы впредь ничего подобнаго не могло повториться***).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, обратила на себя вниманіе Дерптская газета «Das Inland» статьею о собраніи Лифляндскаго Провинціальнаго Синода въ Валкѣ. Въ статьѣ этой была пересказана рѣчь генералъ-суперинтендента, произнесенная имъ при открытіи собранія, и въ этомъ пересказѣ начальству особенно не понравилось слѣдующее мѣсто: «Упомянувъ о евангелическо-лифляндской церкви, генералъ-суперинтендентъ увѣщевалъ ее упорствовать въ вѣрности, рвеніи и молитвѣ. Какія бы ни постигли ее испытанія, но духовенство ея должно утѣшаться мыслію, что ея сила и слава зависятъ не отъ людей, а отъ Бога, и помнить слова Лютера: Богъ— наша незыблемая твердыня, наша защита и оружіе. Профессоръ докторъ Филиппи привѣтствовалъ Синодъ отъ имени дерптскаго теологическаго факультета, благодаря за этотъ призывъ, и указывая на единодушіе въ претерпѣваемыхъ испытаніяхъ и на тѣсную связь науки съ жизнью церкви. и ему отвѣчали братскимъ спасибо».

По поводу этого мѣста состоялся докладъ государю и, въ результатѣ этого доклада послѣдовало конфидеціальное предложеніе гр. Уварова цензурному комитету отъ 29-го іюня 1848 г., въ которомъ министръ, приводя вышеприведенное мѣсто изъ дерптской газеты, пишетъ: «Какъ въ приведенныхъ словахъ заключаются сѣтованіи о какихъ то претерпѣнныхъ будто бы скорбныхъ испытаніяхъ, нигдѣ въ рѣчи ближе необъясненныхъ, сѣтованія, могущія, по самой не-

*) «Р. Стар.», 1890 г., № 2, стр. 787.
**) Ibid, стр. 246.
***) Ibid, стр. 247.

опредѣленности своей, породить тревожное чувство въ многочисленномъ классѣ читателей этой газеты, то государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, предписать по вѣдомству цензуры, не пропускать впредь въ печать подобныхъ статей, которыя своею таинственностью могутъ лишь наводить на однѣ ложныя или произвольныя предположенія и догадки» *).

Въ «Москвитянинѣ» были напечатаны два разсказа Даля. Въ одномъ изъ нихъ изображена цыганка воровка. Она скрывается; ее ищутъ и не находятъ, обращаются къ мѣстному начальству и все-таки не могутъ отыскать. Бутурлинъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ, не тотъ ли это самый Даль, который служитъ у него въ министерствѣ? Перовскій призвалъ къ себѣ Даля, выговорилъ ему за то, что дескать охота тебѣ писать что-нибудь кромѣ бумагъ на службѣ и взаключеніе предложилъ ему на выборъ любое: «писать такъ, не служить; служить такъ не писать».

Затѣмъ Бутурлинъ представилъ дѣло государю въ слѣдующемъ видѣ: что хотя Даль своимъ разсказомъ и вселяетъ въ публику недовѣріе къ начальству, но повидимому дѣлаетъ это безъ злаго умысла, и такъ какъ сочиненіе его вообще не представляетъ въ себѣ ничего вреднаго, что онъ Бутурлинъ, полагалъ бы сдѣлать автору замѣчаніе, а цензору выговоръ. Послѣдовала резолюція: «сдѣлать и автору выговоръ, тѣмъ болѣе, что онъ служитъ» **).

Въ началѣ 1849 года возникло дѣло по поводу статьи «О назначеніи русскихъ университетовъ», напечатанной въ мартовской книжкѣ «Современника», дѣло знаменитое по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ оно повело за собою отставку гр. Уварова.

Статья эта, напечатанная безъ подписи, была написана Давыдовымъ, и самъ министръ исправлялъ ее, дополнялъ и взаключеніе далъ позволеніе печатать. Нужно ли и говорить, что статья была написана въ самомъ благонамѣренномъ тонѣ, какого только требовало въ то время правительство. Объ этомъ можно судить по слѣдующему вступленію ея:

«Съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія, въ особенности университетовъ. На Западѣ страсть къ преобразованіямъ, недовольство своимъ состояніемъ, пренебреженіе къ преданіямъ—общій недугъ людей безъ прошедшаго и будущаго, живущихъ для одного настоящаго. Для такихъ людей не существуютъ ни вѣра, ни законъ, ни права, ни обязанности; они пользуются смутами, въ чаду властолюбія и своекорыстія. Но въ православной и боголюбимой Руси благоговѣніе къ Провидѣнію, преданность къ государю, любовь къ Россіи — эти святыя чувствованія никогда не преставали питать всѣхъ и каждаго: ими мы спасены въ годины бѣдствій; ими возвышены на степень могущественнѣйшей державы, какой не было въ мірѣ историческомъ. Въ благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ благъ и Самодержцу, намъ остается лишь только наслаждаться этими благами. Ложныя лишь только понятія о томъ, что совершается въ нашихъ глазахъ, производятъ недовольство существующимъ и несбыточныя мечты о нововведеніяхъ. Достаточно показать *назначеніе* и благотворное *участіе русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи*, чтобы обнаружить легкомысліе поверхностныхъ мечтателей и уличить ихъ въ несправедливости. За правое дѣло будутъ говорить исторія и статистика».

---

*) Ibid, стр. 251.
**) «Р. Стар.», 1890 г., № 2, стр. 386.

Послѣ краткаго историческаго очерка всѣхъ предшествовавшихъ мѣропріятій правительства въ пользу развитія университетскаго образованія въ Россіи, начиная съ утвержденія перваго московскаго университета, и по исчисленіи всѣхъ заслугъ, какія оказали Россіи университеты, авторъ приступаетъ къ главному предмету своей статьи.

«Вотъ, говоритъ онъ:—бѣглый очеркъ участія русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи. Несмотря на столь очевидныя и осязательныя указанія на благотворныя дѣйствія ихъ, люди легкомысленные обвиняютъ университеты въ образованіи будто поверхностномъ и ничтожномъ. То, что за сто почти лѣтъ считалось необходимымъ, что въ продолженіи почти вѣка произвело столь благодѣтельное вліяніе на всю Россію, то нынѣ считаютъ преждевременнымъ! Полагаютъ, что у насъ можно съ пользою имѣть одни только спеціальныя училища, каковы: Военная Академія, Инженерное и Артиллерійское, Морской корпусъ, Институтъ Путей Сообщенія, Горный Институтъ, Училище Правовѣдѣнія. Но кѣмъ дышатъ и питаются всѣ эти заведенія? Профессорами и наставниками университетовъ. Да иначе и быть не можетъ: наука во всей обширности преподается только въ университетахъ; профессорское преподаваніе, какъ общее образованіе, приготовляетъ учащихся ко всѣмъ частнымъ занятіямъ; безъ универсальнаго ученія не можетъ быть и спеціальнаго. Самые факультеты университетскіе развѣ не спеціальныя училища правовѣдѣнія, медицины, математики, филологіи?..

«Иные возстаютъ на обученіе въ университетахъ и университетскихъ заведеніяхъ греческому и латинскому языкамъ. Новая борьба тьмы со свѣтомъ! Осмѣливаются увѣрять несвѣдущихъ, будто самые кровожадные изверги французской революціи были глубоко-ученые латинисты и располагали свои замыслы и дѣйствія по урокамъ, вычитаннымъ ими въ римскихъ писателяхъ, что въ этихъ писателяхъ почерпается лишь безбожіе, безначаліе, мятежъ, развратъ! Такъ могутъ говорить не читавшіе латинскихъ писателей: для нихъ Робеспьеры, Мараты, Равальяки кажутся глубокими учеными латинистами! Нынѣшніе заговоры и смуты на Западѣ представляютъ намъ въ числѣ кровожадныхъ мятежниковъ и философовъ, и юристовъ, и историковъ, и медиковъ, и астрономовъ и химиковъ; но станемъ ли осуждать за это и ученіе вѣры, и науку? Развѣ виновна религія или наука въ томъ, что фанатики, во зло употребляя ихъ имя, безтрепетно попираютъ ногами все для человѣка священное?..

«Возстающіе противъ русскихъ университетовъ не имѣютъ о нихъ надлежащаго понятія, называя ихъ подражаніемъ нѣмецкимъ университетамъ. Между нашими университетами и германскими нѣтъ никакого сходства кромѣ того только, что науки преподаются въ одинаковомъ объемѣ, по одинаковымъ способамъ... Такъ у насъ ученіе православнаго исповѣданія и отечественныхъ законовъ составляетъ общій предметъ всѣхъ факультетовъ, а въ германскихъ университетахъ одно относится къ богословскому факультету, а другое къ юридическому; прочіе студенты этими предметами не занимаются. Въ нашихъ университетахъ надъ студентами наблюдается надзоръ инспекторами съ нѣсколькими чиновниками, имъ подчиненными; а въ германскихъ университетахъ студенты внѣ всякаго надзора. Въ нашихъ университетахъ студенты по экзамену переходятъ изъ одного курса въ другой; а въ германскихъ университетахъ никакой отчетливости отъ студентовъ не требуется. Въ нашихъ университетахъ студенты носятъ однообразную одежду, ихъ всякій въ обществѣ узнаетъ; а въ германскихъ университетахъ студенты одѣваются въ блузы; ихъ нельзя узнать въ толпѣ отчаянныхъ пролетаріевъ. Въ нашихъ университетахъ профессора въ чтеніяхъ своихъ подлежатъ отвѣтственности; въ германскихъ университетахъ профессора читаютъ на лекціяхъ что имъ вздумается.

«Порицатели университетовъ не знаютъ даже и того, изъ какого состоянія нынѣшніе студенты въ нихъ обучаются. За двадцать пять лѣтъ передъ симъ еще поступали въ университеты воспитанники духовныхъ семинарій и академій и составляли большинство студентовъ; но въ наше время ежегодные отчеты министерства нар. просвѣщенія показываютъ, что большая часть студентовъ дворяне и дѣти чиновниковъ. Такъ въ здѣшнемъ петербургскомъ университетѣ изъ 653 студентовъ 405 дворянъ, 77 сыновей чиновниковъ и лишь только 19 изъ духовнаго званія. Точно также въ казанскомъ университетѣ изъ 325 студентовъ дворянъ 141, сыновей чиновниковъ 78, изъ духовнаго званія 18. Во всѣхъ университетахъ студентовъ 3,937: въ этомъ числѣ дворянъ и сыновей чиновниковъ 2,506, а изъ духовнаго званія 279. Лучшіе студенты нынче въ университетахъ не воспитанники духовныхъ семинарій и академій, а питомцы гимназій, лицеевъ, дворянскихъ институтовъ. Между профессорами даже половина дворянъ»...

Но до такихъ крайностей успѣла въ то время дойти реакція, что даже Уваровъ со всѣми его репрессивными мѣрами и желаніемъ полнаго уничтоженія литературы началъ казаться либераломъ. Довольно было того, что онъ, стоялъ за классицизмъ, въ которомъ реакціонеры того времени полагали источникъ всѣхъ революціонныхъ золъ, и, ратуя за реальное, техническое, спеціальное воспитаніе, доводили свое преслѣдованіе общаго образованія до отрицанія университетовъ. Понятно, что статья, написанная именно въ защиту классическаго и университетскаго образованія, шла совершенно противъ теченія и произвела переполохъ въ реакціонномъ лагерѣ. Бутурлинскій комитетъ призналъ ее неприличною, вошелъ о ней съ докладомъ къ государю и объявилъ гр. Уварову Высочайшій выговоръ за пропущеніе статьи. Гр. Уваровъ былъ задѣтъ за живое, онъ обратился къ государю съ всеподданнѣйшею докладною запискою, въ которой излагалъ, что «статья эта написана съ благонамѣренностью, съ нелицемѣрною преданностью правительству, съ знаніемъ предмета и настоящаго положенія учебной части; наконецъ съ любовію къ просвѣщенію, истинному и благотворному»...

«Комитетъ 2-го апрѣля, продолжалъ онъ:—самъ принужденъ сказать, и говоритъ, что статья эта по ея изложенію ничего не имѣетъ предосудительнаго, что напротивъ вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности Государю, о любви къ Россіи и пр. При всемъ томъ комитетъ, *вникнувъ*, какъ сказано въ отношеніи д. т. с. Бутурлина, *во внутренній смыслъ* ея, видитъ въ ней неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства... Какой цензоръ или критикъ можетъ присвоить себѣ даръ, недоставшійся въ удѣлъ смертному, даръ всевѣдѣнія и проникновенія внутрь природы и человѣка, даръ въ выраженіяхъ преданности и благодарности открывать смыслъ совершенно тому противный? Я вижу себя принужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, не довольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую обстановку, подозрѣвать тайное значеніе, что это стремленіе неизбѣжно ведетъ къ произволу и несправедливымъ обвиненіямъ»... Излагая затѣмъ содержаніе статьи объ университетахъ, гр. Уваровъ замѣчаетъ, что комитетъ 2-го апрѣля не порицаетъ мыслей автора, но находитъ только, что онѣ вмѣсто того, чтобъ заявить ихъ въ печати, *могли бы быть представлены на усмотрѣніе высшаго начальства*. «Опять нахожусь въ необходимости сказать откровенно, что статья благонамѣренная — и комитетъ самъ двукратно призналъ ее такою—не можетъ оттого только, что она напечатана, сдѣлаться внезапно столь преступною, какою потомъ она выставляется»... «Государь, продолжалъ гр. Уваровъ:—статья въ «Современникѣ» была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность по совѣсти и закону должна единственно пасть на меня».

Взаключеніе гр. Уваровъ переходитъ на общую почву щекотливыхъ и подчиненныхъ отношеній, въ какія онъ поставленъ къ комитету 2-го апрѣля, и обращается къ государю съ предложеніемъ, «не благоугодно ли будетъ Его Величеству вовсе отдѣлить цензуру отъ министерства народнаго просвѣщенія, подчинивъ ее исключительно комитету 2-го апрѣля, или же комитету этому совмѣстно съ III-мъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи».

Вскорѣ послѣ этого представленія гр. Уваровъ оставилъ министерство *).

Конечно результатомъ исторіи со статьею «Современника» были два распоряженія по высочайшему повелѣнію: 24-го марта 1849 г. было повелѣно впредь не пропускать ничего насчетъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, а въ случаяхъ недоумѣній испрашивать разрѣшенія; 21-го же апрѣля было объявлено, «что всѣ статьи въ журналахъ за университеты и противъ нихъ рѣшительно воспрещаются въ печати» **).

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Р.», стр. 56—58.
**) «Сборн. пост. и расп. по ценз.», стр. 258.

Около того-же времени комитетъ 2-го апрѣля усмотрѣлъ въ какихъ-то пропущенныхъ Куторгою нѣмецкихъ стихахъ «мистическія изображенія и неблаговидные намеки, несогласные съ нашею народностью»; при этомъ было обращено вниманіе на то, что книга состояла изъ двухъ частей: первая пропущена въ Дерптѣ профессоромъ Неемъ, имя котораго и выставлено на книгѣ, а имя Куторги умолчено. Изъ этого члены комитета заключали, что Куторга учинилъ подлогъ, съ намѣреніемъ не выставилъ своего имени на печатномъ экземплярѣ, чтобы всю отвѣтственность свалить на Нея. Поэтому рѣшено было посадить Куторгу на десять дней на гауптвахту, внести это въ его послужной списокъ и спросить у министра народнаго просвѣщенія, считаетъ-ли тотъ возможнымъ послѣ этого терпѣть Куторгу на службѣ? Между тѣмъ оказалось, что имя Куторги напечатано на всѣхъ экземплярахъ, находящихся въ продажѣ, но по типографской опечаткѣ или недосмотру, не выставлено на двухъ или трехъ экземплярахъ. О подлогѣ значитъ, и помину не было, а о цензурномъ проступкѣ даже самъ государь отозвался, что считаетъ его невиннымъ. Куторгу освободили. на пятый день *).

III.

Мѣсто гр. Уварова занялъ бывшій товарищъ министра кн. Ширинскій-Шихматовъ. Новому министру не приходилось вступать ни въ какія пререканія ни съ комитетомъ 2-го апрѣля, ни съ III-мъ отдѣленіемъ; князь вполнѣ соотвѣтствовалъ духу времени и былъ солидаренъ во всѣхъ отношеніяхъ и съ Бутурлинымъ, и съ гр. Орловымъ. Очень понятно, что со вступленіемъ его въ министерство цензура сдѣлалась еще строже и подозрительнѣе. Между тѣмъ правительство все-таки продолжало быть недовольнымъ ею и измышляло мѣры къ еще большему ея изощренію. Такъ вслѣдъ за кн. Вяземскимъ была подана на Высочайшее усмотрѣніе записка бар. Медема о томъ же предметѣ. Бар. Медемъ въ свою очередь признавалъ несостоятельность существующей цензуры, но не отчаявался придать ей болѣе силы и дѣйствительнаго значенія. Средство, предлагаемое имъ для достиженія этого, заключалось въ томъ, чтобы снабдить какъ редакторовъ, такъ и цензоровъ весьма подробными инструкціями относительно ихъ обязанностей, а главное дѣло чтобы цензора не ограничивались однимъ откидываніемъ мѣстъ, неудобныхъ къ печати, но измѣняли ихъ и замѣняли своими собственными мыслями, приводя въ представляемыхъ имъ статьяхъ взгляды и понятія, согласныя съ видами правительства.

Комитетъ 2-го апрѣля остался очень доволенъ этою запискою, вполнѣ одобрилъ ее и препроводилъ на заключеніе министра иностранныхъ дѣлъ. Гр. Нессельроде въ свою очередь отозвался съ похвалою къ стремленіямъ автора, но выразилъ сомнѣніе въ исполнимости его проекта.

«Для этого надо, замѣтилъ онъ:—чтобы редакторы и ихъ ближайшіе сотрудники проникнуты были духомъ самого автора записки; чтобы всѣ они смотрѣли на политическія событія съ одной и той же точки зрѣнія, имѣли самыя полныя понятія о государственныхъ формахъ, законахъ, управленіяхъ какъ у насъ, такъ и въ чуждыхъ краяхъ; наконецъ, чтобы они могли все это объяснить не только съ совершеннымъ знаніемъ предмета, но еще съ красно-

*) «Р. Стар.», 1890 г., № 2, стр. 401.

рѣчивымъ убѣжденіемъ. Если всѣ эти условія окажутся соединенными въ поименованныхъ лицахъ, въ такомъ случаѣ — но только въ такомъ — вновь составленныя инструкціи будутъ соблюдены въ совершенной точности и въ ихъ настоящемъ духѣ. Я предоставляю комитету судить, легко ли достигнуть сочетанія этихъ условій и можно ли даже требовать и ожидать его иначе, какъ отъ людей государственныхъ и вмѣстѣ первостепенныхъ писателей».

Не болѣе успѣха ожидалъ канцлеръ и отъ участія цензоровъ въ редактированіи статей.

«Указать редактору газеты, какъ надо передѣлать политическую статью, какое ей надо дать направленіе, на что въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе, чтобы окончательно сдѣлать полезное заключеніе, и все это въ виду основныхъ началъ нашего государственнаго управленія и общественнаго мнѣнія, все это требуетъ зрѣлости, вѣрной точки зрѣнія, наконецъ истинной опытности—достоинства, которыя весьма трудно найти въ одномъ лицѣ... Передѣлывать статьи было бы также трудно, какъ написать новыя, а статьи подобнаго рода не должны быть написаны посредственно: надо, чтобы критика, даже словесная, не могла ихъ оспорить и опровергнуть. Иначе онѣ не только не принесутъ пользы, но будутъ рѣшительно вредны. Весьма понятно, что на эти статьи и у насъ, и въ чужихъ краяхъ будутъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній правительства, отчего и въ отношеніи дипломатическомъ могутъ возникнуть разныя затрудненія».

По всѣмъ этимъ причинамъ гр. Нессельроде совѣтовалъ ограничиться тѣмъ, чтобы обязать редакторовъ «разсказывать событія просто, избѣгая, если возможно, всякихъ разсужденій, но сопровождая иногда извѣстія выраженіями одобренія, сочувствія или же негодованія и насмѣшки на подобіе, какъ это дѣлаетъ иногда «Сѣверная Пчела», вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ, выборахъ, утверждаемыхъ законахъ, депутатахъ: однимъ словомъ, не обращать на нихъ никакого вниманія. Избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ, о безпорядкахъ, произведенныхъ иногда своеволіемъ студентовъ, о поданіи голосовъ солдатами и пр.» *).

Этотъ совѣтъ гр. Нессельроде произвелъ свое вліяніе, проектъ бар Медема былъ отстраненъ, и 3-го ноября 1852 года было сдѣлано распоряженіе, въ которомъ буквально были переданы только-что приведенные слова канцлера съ прибавленіемъ лишь вмѣненія редакторамъ въ обязанность, «чтобы при статьяхъ переведенныхъ или извлекаемыхъ изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ они всегда, надъ каждою изъ сихъ статей обозначали: изъ какой именно газеты или журнала она переведена или извлечена», причемъ цензорамъ было поручено наблюдать за исполненіемъ этого **).

Мы уже видѣли выше, что слѣдствіе по дѣлу Петрашевскаго раскрыло продажу въ большомъ количествѣ книжными магазинами запрещенныхъ цензурою книгъ. Въ 1849 году гр. Орловъ обратился объ этомъ съ особеннымъ докладомъ къ государю, и ему было поручено войти въ соображеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ къ предотвращенію подобныхъ злоупотребленій. Во исполненіе этой высочайшей воли графы Орловъ и Перовскій пришли къ слѣдующимъ предположеніямъ: а) отнять у университетовъ и ученыхъ обществъ право получать иностранныя книги, цензурою неодобренныя; это основывалось на томъ соображеніи, что «отъ ученыхъ людей запрещенныя книги или вредныя мысли изъ этихъ книгъ могутъ переходить и къ другимъ лицамъ», б) принять болѣе строгія мѣры относительно раскупорки тюковъ съ иностранными книгами и между

*) «Ист. св. о ц. въ Р.», стр. 58—61.
**) «Сборн. постановл. по ценз.», стр. 285.

*

прочимъ производить ее на границахъ и таможняхъ, причемъ книги неодобряемыя къ ввозу внутрь страны сожигать.

Предположенія эти были высочайше одобрены и государь повелѣлъ войти въ ближайшія соображенія съ кн. Шихматовымъ и гр. Блудовымъ. Кн. Шихматовъ нашелъ, что для людей спеціально занимающихся какою-либо наукою необходимо слѣдить за всею безъ исключенія литературою этой науки, за всѣми возникающими въ ней здравыми, какъ и ложными мыслями; относительно же осмотра иностранныхъ книгъ въ таможняхъ онъ возражалъ лишь съ точки зрѣнія матеріальныхъ затрудненій и новыхъ расходовъ, которые повлечетъ подобная мѣра.

Напротивъ гр. Блудовъ возсталъ противъ истребленія запрещенныхъ книгъ: «Сожиганіе книгъ, писалъ онъ—было бы мѣрою и ненужною, и весьма неблаговидною. Такая публичная казнь книгъ, эстамповъ и пр. ни въ какое время и ни въ какой странѣ не производила полезнаго дѣйствія. Притомъ, замѣчалъ гр. Блудовъ—германскіе книгопродавцы присылають сюда большею частью книги на комиссію, слѣдовательно до самой ихъ распродажи онѣ составляютъ собственность не русскихъ подданныхъ: наказывать ли сихъ послѣднихъ за неисполненіе правилъ, которыя они можетъ быть не знаютъ или не поняли, и не поведетъ ли сіе къ непріятнымъ объясненіямъ и разсчетамъ съ другими правительствами» *)?

Всѣ эти пренія повели къ установленію слѣдующаго правила, предписаннаго министромъ народнаго просвѣщенія комитету иностранной цензуры предложеніемъ отъ 23-го февраля 1850 года:

«Иностранныя запрещенныя книги раздѣляются на два разряда: однѣ, не заключающія въ себѣ особенной предосудительности, могутъ быть выдаваемы по разрѣшенію Главнаго управленія цензуры и министра народнаго просвѣщенія нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ съ роспискою о храненіи для собственнаго употребленія; другія-же какъ совершенно вредныя не должны быть выдаваемы никому безъ особеннаго Высочайшаго повелѣнія. Согласно съ тѣмъ,—въ донесеніяхъ о первыхъ, цензоры полагаютъ *запретить* ихъ *для публики*, а о послѣднихъ—*запретить безусловно*».

При этомъ возникъ вопросъ, какъ быть съ книгами, выписываемыми для особъ императорскаго дома, должны ли онѣ подлежать общему съ прочими цензурному разсмотрѣнію или быть изъяты изъ него. Кн. Ширинскій-Шихматовъ обратился объ этомъ съ докладомъ къ государю, высказавъ съ своей стороны мнѣніе, что такія книги слѣдуетъ выдавать безъ замедленія и разсмотрѣнія, но по надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что эти изданія дѣйствительно присланы изъ-за границы для особъ императорской фамиліи. Императоръ Николай 23-го ноября 1850 г. положилъ слѣдующую резолюцію: «Не исключать изъ цензуры, но при выдачѣ прописывать, какія сочиненія цензурою не пропускаются» **).

Въ тоже время было обращено вниманіе на книги, издаваемыя для народнаго чтенія. Здѣсь конечно болѣе всего дѣйствовало опасеніе, какъ бы ни проникли въ среду народа соціальныя идеи, бродившія въ народныхъ массахъ западной Европы. Уже въ 1848 г. обратила на себя вниманіе государя вышедшая въ Москвѣ повѣсть подъ заглавіемъ: «Похожденія и приключенія гостинодвор-

---

*) «Ист. св. о ценз. въ Р.», стр. 60—62.

**) «Сборн. постан.», стр. 263, 267.

скихъ сидѣльцевъ или поваливай! наши гуляютъ!» Государь замѣтилъ, что «она, будучи, по дешевизнѣ своей, доступною низшему классу народа, для котораго естественно и содержаніемъ своимъ, и самымъ заглавіемъ предназначена, нетолько не можетъ приносить никакой пользы по нелѣпому и безнравственному ея содержанію, но даже можетъ почитаться вредною по нѣкоторымъ встрѣчающимся въ ней неумѣстнымъ выходкамъ». Вслѣдствіе этого по высочайшему повелѣнію было предписано цензорамъ обращать самое строгое вниманіе на мелкія сочиненія этого рода, не допуская въ нихъ ничего безнравственнаго и особенно могущаго возбуждать непріязнь или завистливое чувство однихъ сословій противъ другихъ *).

Затѣмъ въ 1850 году государь обратилъ вниманіе на недостатокъ простонародныхъ книгъ, соотвѣтствующихъ видамъ правительства и замѣтилъ это новому министру народнаго просвѣщенія. Кн. Шихматовъ немедленно представилъ докладъ, въ которомъ подробно разсматривалъ цѣль, которую должны подобныя книги имѣть въ виду и склонялся къ тому мнѣнію, что въ нихъ долженъ быть употребляемъ церковно-славянскій шрифтъ. Вслѣдъ за этимъ докладомъ были утверждены слѣдующія правила, которыми должны были руководиться цензора при разсмотрѣніи книгъ для народнаго чтенія:

1) Разсматривая книги такого рода цензоръ наблюдаетъ съ особенною строгостью, чтобы въ нихъ не было нетолько никакого неблагопріятнаго, но даже и неосторожнаго прикосновенія къ православной церкви и установленіямъ ея, къ правительству и ко всѣмъ постановленнымъ отъ него властямъ и законамъ. Онъ не дозволяетъ также соблазнительныхъ разсказовъ и неблагопристойныхъ выраженій, допуская впрочемъ, соотвѣтствующія обычаямъ и образу жизни читателей, хотя и грубыя, но невинныя шутки.

2) Цензоръ не долженъ дозволять описанія особенныхъ бѣдствій или нуждъ того состоянія, къ которому принадлежитъ многочисленный классъ читателей этого рода книгъ, ни современныхъ происшествій, сильно дѣйствующихъ на простонародье съ невыгодной стороны. Здѣсь онъ обязанъ мысленно ставить себя на мѣсто читателя и, примѣняясь къ его понятіямъ, опредѣлять, какое впечатлѣніе будетъ на него сдѣлано нетолько господствующимъ въ сочиненіи мнѣніемъ или чувствомъ, но и каждою отдѣльною мыслью и, такъ сказать, каждымъ словомъ **).

3) Охраняя семейственное согласіе, какъ залогъ общественнаго благополучія, цензоръ ни подъ какимъ видомъ не пропускаетъ ничего, что бы могло ослабить въ мнѣніи простолюдиновъ уваженіе къ святости браковъ и повиновеніе власти родительской.

4) Сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа***).

Первою жертвою этихъ правилъ было московское изданіе «Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный и подробнѣйшій оракулъ и чародѣй». Комитетъ Бутурлина отнесся черезъ министра въ цензурный комитетъ съ запросомъ по поводу этого изданія, «кто авторъ этой книги и почему авторъ этотъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей?» Цензурный комитетъ отвѣчалъ, что «книгу эту напечаталъ новымъ, сотымъ изданіемъ такой-то книгопродавецъ, а почему онъ думаетъ что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей—комитету неизвѣстно». И тѣмъ не менѣе Бутурлинскій комитетъ счелъ нужнымъ сдѣлать по поводу книги всеподданнѣйшій докладъ, на который послѣдовала высочайшая резолюція: «Не вижу препятствія подобныя сочиненія впредь вовсе запрещать». На основаніи

*) «Сборн. постан.», стр. 249.
**) «Ист. свѣд. о ценз.», стр. 58.
***) «Сборн. постанов.», стр. 265.

этой резолюціи министръ предложилъ спб. цензурному комитету, «чтобы книга «Магазинъ всѣхъ увеселеній» и подобныя ей гадательныя книги не были впредь разрѣшаемы къ печатанію» *).

Одновременно съ этимъ Бутурлинскій комитетъ вновь обратилъ вниманіе на лубочную народную литературу. Оказалось, что несмотря на то, что въ 1839 г. лубочныя картины и сказки были процензурованы по распоряженію гр. Уварова, у заводчиковъ все-таки еще оставалось множество старыхъ досокъ, ускользнувшихъ отъ цензуры, и заводчики продолжали печатать этими досками свои изданія. Поднялась по поводу этого длинная переписка между различными вѣдомствами, и всѣ они пришли къ убѣжденію, что новаго издавать ничего не слѣдуетъ, а предписать народныя картинки представлять въ цензуру на общихъ основаніяхъ; относительно же старыхъ картинъ обязать полицію представить о тѣхъ изъ нихъ, которыя предусмотрѣны въ 1311 ст. Уложенія о наказаніяхъ, для опредѣленія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Вслѣдствіе этого рѣшенія московскій генералъ-губернаторъ гр. Закревскій приказалъ заводчикамъ уничтожить всѣ доски, не имѣвшія цензурнаго дозволенія. Заводчики собрали всѣ мѣдныя доски, изрубили ихъ при участіи полиціи въ куски и продали въ ломъ въ колокольный рядъ. Этимъ и былъ положенъ конецъ безцензурной народной литературѣ **).

IV.

Между тѣмъ статьи, появляющіяся въ періодической прессѣ, не переставали возбуждать неудовольствіе въ высшихъ цензурныхъ сферахъ и навлекать непріятности какъ на цензоровъ, такъ и на редакторовъ.

Такъ въ 1849 въ № 1 «Современника» обратила на себя вниманіе статья С. Соловьева о смутномъ времени; о статьѣ этой былъ сдѣланъ докладъ государю, и въ результатѣ этого доклада послѣдовало слѣдующее предложеніе министра народнаго просвѣщенія предсѣдателю спб. цензурнаго комитета:

«Не входя въ критическій разборъ самой статьи и не встрѣчая въ ней ничего предосудительнаго по духу ея изложенія, нельзя однако не остановиться на слѣдующихъ помѣщенныхъ въ ней цитатахъ:

«Мы видѣли, какой былъ характеръ возстанія сѣверной страны и кто стоялъ подъ знаменами Болотникова; пришедши подъ Москву, Болотниковъ тотчасъ объявилъ цѣль и характеръ своего возстанія; въ столицѣ явились отъ него листы съ воззваніями къ самому низшему слою народонаселенія: *«И велятъ, пишетъ московское духовенство къ областному, боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; и шпынямъ и безъименнымъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ и хотятъ имъ давать боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество»*. Далѣе: «Послѣ этого успѣха самозванецъ и Лисовскій пошли далѣе, приближаясь къ столицѣ и вездѣ находили союзниковъ: они находили ихъ въ черни, *объявивъ крестьянамъ, что они вольны захватывать земли господъ своихъ, служившихъ Шуйскому, вольны даже жениться на дочеряхъ господскихъ»*.

«Подобныя подробности, составляя достояніе исторіи, могутъ конечно въ такомъ смыслѣ входить въ составъ спеціальныхъ трудовъ по сей части, имѣющихъ свой особый кругъ читателей, но помѣщеніе ихъ въ журналѣ, расходящемся въ большомъ количествѣ и во всѣхъ классахъ народа, нельзя не признать ни полезнымъ, ни соотвѣтствующимъ цѣли подобныхъ

*) Ibid. стр. 279—280 и «Р. Стар.» 1890 г., № 3, стр. 631.
**) «Сборн. отд. рус. яз. и слов. Имп. ак. н.», т. 27, стр. 33—34.

изданій. Въ исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать пропустившему означенную статью цензору соотвѣтственное вразумленіе» *).

Здѣсь замѣтимъ кстати, что пять лѣтъ спустя, именно 7-го октября 1854 года, было сдѣлано слѣдующее общее распоряженіе касательно статей о смутномъ времени: «сочиненія и статьи, относящіяся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ-то: ко временамъ Пугачева, Стеньки Разина и т. п., и напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніями и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, при всей благонамѣренности авторовъ и самыхъ статей ихъ, неумѣстны и оскорбительны для народнаго чувства, и оттого должны быть подвергаемы строжайшему цензурному разсмотрѣнію и не иначе быть допускаемы въ печать, какъ съ величайшею осмотрительностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихъ изданіяхъ»**).

Въ томъ же 1849 году обратила на себя вниманіе майская книжка «Отечественныхъ Записокъ» и о ней послѣдовало слѣдующее конфиденціальное предложеніе предсѣдателю цензурнаго комитета со стороны министра народнаго просвѣщенія:

«Въ майской книжкѣ журнала «Отеч. Записокъ» хотя и не находится ничего прямо противнаго цензурнымъ правиламъ, однако нельзя не обратить вниманія на нижеслѣдующія мѣста:

«Въ критической статьѣ о литературной дѣятельности Богдановича встрѣчаются слѣдующіе афоризмы: «Человѣкъ, нерѣдко жадный къ фантастическимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, богатъ надеждой истинной, утѣшеніемъ несомнѣннымъ. Хотя онъ часто и затворяетъ слухъ на ихъ воззваніе, но сила истины беретъ свое. Не зная ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ причинъ бѣдствій, онъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло. Постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ физическихъ и нравственныхъ, неизмѣнное совершенствованіе—вотъ его обязанность и величіе».

«Очевидно, что это мѣсто напоминаетъ духъ прежней туманной философіи и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи сего журнала, дававшей преднамѣренною неясностью идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ. Фразы напримѣръ: «человѣкъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло или «постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ; вотъ его обязанность и величіе!» Фразы сіи не могутъ ли въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ или въ понятіяхъ неопытныхъ юношей сдѣлаться поводомъ къ самымъ двусмысленнымъ, превратнымъ и даже преступнымъ толкованіямъ?

«При разборѣ дѣтской книжки «Колокольчикъ» критика разсуждаетъ объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ и къ сему приводитъ мѣсто изъ другой книги, гдѣ сочинителемъ г. Булгаринымъ описывается, какъ, пріѣзжая съ родителями своими къ старой бабушкѣ, они должны были преклонить передъ нею колѣни, цѣловать ей ноги, садиться не иначе, какъ по ея приказанію и пр.; затѣмъ критикъ пишетъ: «Неужели чувство должно выражаться подобнымъ поклоненіемъ? Неужели самое вліяніе родителей, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ и власть, должно выражаться какимъ то чванствомъ передъ сыномъ?.. Согласны, что при этихъ отношеніяхъ довѣренности быть не можетъ, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны дѣтей: первые будутъ представляться чѣмъ то недоступнымъ для послѣднихъ, а послѣднія непремѣнно будутъ лукавить и обманывать первыхъ; вмѣсто того, чтобы чтить память ихъ, дѣти и по смерти родителей будутъ, не стѣсняясь ничѣмъ, не краснѣя, разсказывать о нихъ вещи, о которыхъ внутреннее чувство должно было бы заставить ихъ молчать. И все оттого, что сами родители болѣе всего обращали вниманіе на соблюденіе внѣшняго уваженія къ нимъ, на форму, а форма ничего не значитъ, если одушевляющее ее чувство утрачено.

«Эту выходку трудно признать приличною. Во-первыхъ, при патріархальномъ образѣ мыслей и дѣйствій, господствующемъ еще во многихъ у насъ семействахъ, подобныя разсуж-

---

*) «Сборн. пост.», стр. 256—257.
**) Ibid, стр. 298.

денія всѣми получаемаго журнала, попавъ въ руки молодыхъ читателей, могутъ внушить имъ такія новыя понятія, которыя послѣ легко поведутъ къ разстройству мира семейнаго. Во-вторыхъ, возстаніе въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ вообще противъ внѣшней формы легко также можетъ способствовать къ отнесенію сего понятія и на другой кругъ вещей, который при нашемъ общественномъ устройствѣ долженъ быть неприкосновененъ частнымъ разсужденіямъ. Въ предметахъ сего рода двусмысленность нерѣдко столько же опасна, какъ и прямо выраженная мысль, иногда даже и болѣе, потому что прямо вредному не даетъ мѣста цензура.

«Во исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство поставить цензорамъ разсматривающимъ журналъ «Отечественныя Записки» въ обязанность дѣйствовать, при пропускѣ статей въ ономъ, съ самою величайшею осмотрительностью, не допуская ничего двусмысленнаго, а тѣмъ болѣе могущаго имѣть смыслъ предосудительный» *).

Въ началѣ слѣдующаго 1850 года, было обращено вниманіе на № 45 газеты «Rigasche Stadtblätter» за 1849 годъ, гдѣ была перепечатана изъ гамбургскихъ періодическихъ листовъ статья отчета тамошняго библейскаго общества. Въ статьѣ этой описываются случаи, въ которыхъ люди низшихъ сословій съ презрѣніемъ и насмѣшкою отвергали святость Божьяго слова.

«Хотя по видимой цѣли и намѣренію, писалъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія въ своемъ отношеніи къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета: — не находится ничего неблагонамѣреннаго со стороны издателей газеты, но во всякомъ случаѣ осторожнѣе и соотвѣтственнѣе слабости природы человѣческой, людей, незнакомыхъ со зломъ, оставлять въ прежнемъ о немъ невѣдѣніи, нежели знакомить съ онымъ, даже посредствомъ порицаній и опроверженій. Напечатаніе означенной статьи представляется неумѣстнымъ потому еще болѣе, что она помѣщена въ такой газетѣ, которая, по самой формѣ и дешевизнѣ ея изданія какъ будто бы назначена предпочтительно для низшаго сословія, болѣе податливаго по невѣжеству къ воспріятію соблазнительныхъ мыслей и правилъ, нежели способнаго понимать нравственные доводы и убѣжденія.

«Во исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету Высочайшаго повелѣнія покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить с.-петербургскому цензурному комитету о должномъ наблюденіи, чтобы впредь въ перепечатываніи извлеченій изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ и вообще въ статьяхъ подобнаго рода, цензура поступала со всевозможною осмотрительностью, дабы въ печать не могло прорываться ничего могущаго имѣть даже косвеннымъ образомъ вредное вліяніе на общественную нравственность» **).

Изъ этого примѣра мы видимъ, что правительство озабочивалось нетолько о томъ, чтобы въ прессѣ не было пропаганды какихъ либо предосудительныхъ идей, но чтобы о нихъ не упоминалось даже и въ отрицательномъ, полемическомъ духѣ, какъ будто этихъ идей совсѣмъ не существовало. Это же самое побужденіе въ слѣдующемъ 1851 году заставило министра обратиться къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета съ новымъ предложеніемъ слѣдующаго рода:

«Въ нѣкоторыхъ изъ выходящихъ у насъ повременныхъ изданіяхъ замѣчены были статьи и разсужденія, заимствованныя изъ иностранныхъ газетъ и сочиненій, заключающія въ себѣ большею частію повторенія тѣхъ утопій, которыя проповѣдывались на *мирныхъ конгрессахъ*: парижскомъ 1849 и франкфуртскомъ 1850 годахъ. Въ предупрежденіе распространенія у насъ предосудительныхъ мыслей и понятій, которыя могутъ быть возбуждены изложеніемъ вреднаго и ложнаго ученія такъ-называемыхъ *мирныхъ конгрессовъ*, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить с.-петербургскому цензурному комитету не допускать въ повременныхъ изданіяхъ и въ сочиненіяхъ никакихъ статей и разсужденій, относящихся къ мирнымъ конгрессамъ и ихъ ученію» ***).

Пуританская заботливость о томъ, чтобы въ печать не проникло ничего, могущаго хоть сколько-нибудь смутить нравственность публики, простиралась до

*) Ibid, стр. 259.
**) Ibid, стр. 261—262.
***) Ibid, стр. 291.

того, что преслѣдовались такія вещи, какъ нѣкоторыя народныя поговорки, пословицы, пѣсни и т. п., несмотря на то, что онѣ и безъ того уже были распространены въ народныхъ массахъ раньше, чѣмъ попадали въ печать. Такъ въ 1853 г. было обращено вниманіе на № 11-й «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ которомъ была напечатана XII статья матеріаловъ подъ заглавіемъ: «Народныя игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанскаго и Рыльскаго уѣздовъ».

«Собраніе и обнародованіе подобныхъ матеріаловъ, писалъ министръ предсѣдателю спб. цензурнаго комитета:—живыхъ памятниковъ старины и преданій—весьма полезно и достойно всякаго поощренія, такъ какъ кромѣ занимательности своей они иногда объясняютъ обычаи, нравы и нерѣдко самыя историческія событія, но при всемъ этомъ едва ли слѣдуетъ допускать печатаніе безъ разбора, а тѣмъ болѣе въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» всего, что сохранилось въ изустномъ преданіи, въ особенности же, если имъ нарушаются добрые нравы и можетъ быть данъ поводъ къ легкомысленному или превратному сужденію о предметахъ священныхъ.

«Въ сихъ видахъ, при чтеніи вышеупомянутой статьи, вниманіе остановилось на слѣдующихъ загадкахъ: 1) Родился не крестился; умеръ—не спасся, богоносцемъ былъ (оселъ); 2) На свѣтѣ жилъ и Богу служилъ, а умеръ ни въ святыхъ, ни въ грѣшныхъ (тоже); 3) Вышелъ дѣдъ, семьдесятъ лѣтъ, вынесъ внучку старше себя (евангеліе).

«Хотя эти загадки дѣйствительно въ народѣ существуютъ и собираются съ полезною цѣлью; но по неприличію ихъ въ 15-й день сего апрѣля послѣдовало Высочайшее повелѣніе: принять зависящія мѣры къ отклоненію на будущее время пропуска цензурою преданій подобнаго рода, которыхъ конечно нѣтъ никакой пользы сохранять въ народной памяти черезъ печать. Вслѣдствіе сего, я покорнѣйше прошу В. П. предложить какъ цензурующимъ неоффиціальную часть «Губернскихъ Вѣдомостей» ввѣреннаго вамъ, м. г., округа, такъ и спб. цензурному комитету, чтобы при допущеніи въ печать народныхъ преданій они руководствовались вышеизложенными соображеніями» *).

Въ 1854 году въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» были напечатаны нѣсколько народныхъ пѣсенъ, о которыхъ Бутурлинскій комитетъ донесъ государю, какъ о колеблющихъ нравственность. Велѣно: губернатору сдѣлать выговоръ, цензировавшаго газету директора гимназіи выдержать мѣсяцъ на гауптвахтѣ и спросить министра: «благонадеженъ-ли онъ продолжать дальше службу?» Но по ходатайству министра директоръ былъ прощенъ. Ему велѣно было одновременно объявить мѣсячный арестъ и помилованіе **).

По тому же поводу было обращено вниманіе на книгу Ѳ. Буслаева «Русскія пословицы и поговорки» въ 1854 г.

«Въ этомъ впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ и достойномъ уваженія трудѣ писалъ министръ: - найдены однако же совершенно неумѣстными въ печати слѣдующія пословицы: 1) Дѣти отца бьютъ —въ запасъ пасутъ (стр. 90). 2) Мила жена, какъ къ вѣнцу ведутъ, да какъ вонъ несутъ (стр. 112). 3) Слава Богу! батюшку съ матушкой схоронилъ, какъ съ поля убралъ (стр. 159).

«Во исполненіе объявленнаго мнѣ по этому случаю Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 20-й день сего мая, я покорнѣйше прошу В. Пр. вмѣнить себѣ въ обязанность внушить цензорамъ ввѣреннаго вамъ, м. г., учебнаго округа, чтобы впредь они не пропускали въ печать подобныхъ поговорокъ, которыя, едва ли имѣя какое нибудь общее въ народѣ распространеніе, столь противны общему патріархальному чувству нашего народа, и которыя, если онѣ и существуютъ дѣйствительно въ какой-нибудь мѣстности, не можетъ конечно быть полезно оглашать и вводить черезъ печать какъ бы въ общее употребленіе».

Несмотря на это распоряженіе, министръ нашелъ, что въ нѣкоторыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ все еще встрѣчаются народныя преданія не согласующіяся съ его требованіемъ; таковы напримѣръ «заговоры, наговоры и

*) Ibid, стр. 288.
**) «Р. Стар.» 1889 г. № 5, стр. 278—279.

заклятія», напечатанные въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева» (книги второй, полов. первая, отд. VI, стр. 50—57).

И вотъ 5-го августа 1854 г. онъ отнесся къ предсѣдателю спб. цензурнаго комитета съ новымъ предложеніемъ, подтверждая «о строгомъ исполненіи вышеозначеннаго Высочайшаго повелѣнія, въ особенности же при разсмотрѣніи повременыхъ популярныхъ изданій, съ изъясненіемъ при этомъ, что подобные вышеозначеннымъ *наговоры и волшебныя заклятія*, какъ остатки вреднаго суевѣрія, неимѣющіе и въ ученомъ отношеніи никакого значенія, вовсе не должны быть допускаемы къ печати нетолько въ періодическихъ изданіяхъ доступныхъ большому и разнообразному кругу читателей, но даже и въ сборникахъ и книгахъ составляемыхъ съ ученою цѣлію и предназначаемыхъ для образованнаго класса публики».

Наконецъ 24-го сентября 1854 г. было объявлено, что «народныя пѣсни предаваемыя печати должны быть подвергаемы столь же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности: не должны быть допускаемы такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ, ибо желательно, чтобы подобныя пѣсни, если онѣ точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и обновлялись въ памяти появленіемъ ихъ въ печати, въ особенности въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» *).

Подобными распоряженіями правительство того времени совершенно выходило изъ предѣловъ чисто политической цензуры, не ограничивалось уже одними опасеніями, чтобы въ народъ не проникла какая-нибудь западная зараза, а вступало на почву патріархальной заботливости о нравственности народа, о томъ, что слѣдуетъ народу помнить и о чемъ забывать.

Около того же времени, именно въ 1850 г. обрушился погромъ на «Журналъ Вольно-экономическаго Общества». Журналъ этотъ въ 1850 году былъ отданъ въ аренду Бурнашеву съ субсидіей въ 3,000 р. ежегодно. Бурнашеву повезло, и въ февралѣ уже число подписчиковъ простиралось до 6,500. Враги Бурнашева (между прочимъ Булгаринъ) исполнились зависти и начали интриговать. Въ это время нѣкто Сердюковъ, хохолъ, приподнесъ кн. В. В. Долгорукову описаніе своего витебскаго имѣнія усовершенствовавшагося посредствомъ перевода туда изъ черниговскаго хутора украинскихъ бугаевъ, рѣшетиловскихъ барановъ, нѣжинскихъ кабановъ, битюгскихъ жеребцовъ и наконецъ нѣсколькихъ душъ крестьянъ. Князь такъ былъ очарованъ лестью Сердюкова, что настоялъ, чтобы статья была напечатана въ февральской книжкѣ. Сердюковъ получилъ 100 экземпляровъ оттисковъ и развозилъ ихъ вельможамъ при рекомендательныхъ письмахъ князя, который былъ въ восторгѣ отъ статьи и повсюду ее расхваливалъ. Булгаринъ, прочтя статью, нашелъ, что въ ней бугаи, кабаны, бараны, жеребцы и «крѣпостные» мужчины-малороссы были сопоставлены въ такія близкія между собою связи, что очевидно авторъ статьи, писавшій, и редакторъ—помѣстившій ее, того мнѣнія, что въ Россіи «крѣпостной человѣкъ» есть ни что иное, какъ «быдло». Проведеніе такой идеи въ народъ посредствомъ двухрублеваго журнала вольно-экономическаго общества ясно доказываетъ, что они, т. е. авторъ, редакторъ и даже цензоръ (Ал. Лук. Крыловъ) очевидно революціонеры, имѣющіе злое намѣ-

*) Ibid, стр. 294—297.

реніе произвести въ русскомъ народѣ чувство самой жестокой горечи противъ помѣщиковъ и правительства, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ иностранцамъ (которые непремѣнно переведутъ эту книгу на языки французскій, нѣмецкій, англійскій), до какой степени оскотиненія дошло любезное наше отечество.

Доносъ этотъ подѣйствовалъ, и Бутурлинскій комитетъ составилъ всеподданнѣйшій докладъ съ проектомъ слѣдующей резолюціи: 1) автору Сердюкову воспретить личное управленіе имѣніемъ, отдавъ оное въ опеку и подвергнуть личность его полицейскому надзору съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы и обязавъ подпискою ни въ какія періодическія изданія статей не отдавать, о чемъ и поставить въ извѣстность всѣ цензурные комитеты, 2) цензора исключить изъ службы и впредь никуда не принимать; 3) редактору воспретить всякое изданіе, редактированіе и писаніе, взявъ его личность подъ строжайшій надзоръ полиціи; 4) Вольному же экономическому обществу поставить на видъ, чтобы оно органомъ своей гласности, пользующимся отъ правительства правомъ безвозмездной почтовой пересылки, болѣе дорожило и не допускало въ свои члены и редакторы людей неблагонадежныхъ и явно стремящихся къ ниспроверженію общественнаго благоустройства и спокойствія.

Но государь значительно смягчилъ этотъ грозный приговоръ и далъ другую резолюцію, сущность которой заключалась въ томъ, что въ статьѣ Сердюкова онъ «никакого злого умысла не усматриваетъ, а находитъ лишь нѣкоторую неловкость въ самомъ изложеніи факта, самого по себѣ впрочемъ интереснаго, о чемъ сообщить Вольно-экономическому обществу, редакторъ коего, какъ лицо подначальственное, собственно за эту статью, напечатанную имъ по распоряженію вице-президента общества, отвѣтственности ни въ какомъ случаѣ подлежать бы не могъ» *).

Когда началась крымская война, были употреблены всѣ наистрожайшія мѣры, чтобы въ печать не проникло никакихъ частныхъ свѣдѣній съ театра войны кромѣ оффиціальныхъ объявленій, печатаемыхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ». Впрочемъ еще до войны, 1 ноября 1850 г. по поводу дѣйствій русскихъ войскъ на Кавказѣ было уже сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ войскъ нашихъ не были помѣщаемы въ газетахъ и журналахъ, доколѣ они не будутъ напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ». Достаточно было вслѣдъ затѣмъ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» и «Сѣверной Пчелѣ» перепечатать изъ №№ 4 и 5 газеты «Кавказъ» за 1851-й годъ нѣсколько приказовъ о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ на Кавказѣ, и тотчасъ же военный министръ отнесся объ этомъ къ министру народнаго просвѣщенія, а послѣдній обратился къ председателю спб. цензурнаго комитета съ требованіемъ «представить объясненіе, кѣмъ изъ цензоровъ и на какомъ основаніи допущено это отступленіе отъ предписаннаго порядка» **).

Конечно во время разгара крымской кампаніи правительство еще строже и неустаннѣе соблюдало это правило и каждая строка о военныхъ дѣйствіяхъ въ періодической прессѣ подвергалась цензурѣ военнаго министра. Цензурное вѣдомство приняло на себя заботу даже и о томъ, чтобы сдержать въ границахъ и умѣрить то патріотическое одушевленіе, которое, овладѣвъ всѣмъ обществомъ, прорывалось и въ печати при всей крайней сдержанности послѣдней. Такъ 11 фе-

*) «Биржевыя Вѣдомости», 1872 г., № 355.
**) «Сборн. распор. по цензурѣ», стр. 272.

враля 1854 г. послѣдовало слѣдующее циркулярное предположеніе товарища министра народнаго просвѣщенія: «По случаю настоящихъ событій представляется въ цензуру множество различныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, съ изъясненіемъ патріотическихъ чувствованій. Всѣ они выражаютъ троякое направленіе умовъ: глубокую преданность престолу и вѣрѣ, чувство національной гордости, готовое на всякую борьбу съ врагами и пожертвованія, и порывы негодованія противъ посягательства чуждыхъ народовъ на величіе и благоденствіе Россіи. Уважая столь возвышенныя и прекрасныя начала и имѣя въ виду настоящую потребность общества въ ихъ обнаруженіи, я долгомъ почелъ испросить Высочайшее указаніе, *до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій*. Государь Императоръ въ 8-й день сего февраля Высочайше соизволилъ разрѣшить безпрепятственное печатаніе вышеизложенныхъ сочиненій, съ тѣмъ только, чтобы въ нихъ не заключалось *брани*».

Тѣмъ не менѣе вопросъ о предѣлахъ патріотизма неоднократно подымался и помимо брани. Такъ въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1854 годъ были напечатаны стихотворенія Ѳ. Тютчева, въ которыхъ находились слѣдующіе стихи:

И своды древнія Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ святой алтарь.
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Государь, прочитавъ это стихотвореніе, послѣдніе два стиха собственноручно зачеркнулъ и написалъ: «Подобныя фразы не допускать».

Въ томъ же году была напечатана въ Петербургѣ брошюра подъ заглавіемъ «Паденіе Турціи», содержащая въ себѣ: 1) Пророчество, найденное на гробѣ Константина Великаго; 2) Предсказаніе султана Солимана и арабскаго астронома Муста-Эддина и 3) Предсказанія Мартина Зедеки.

По поводу этой книги министръ писалъ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета:

«Въ прежнее время подобныя статьи, какъ не содержащія въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры, проходили незамѣтно, не останавливая на себѣ вниманія. Нынѣ же, по возникшему недоумѣнію, можно ли и должно ли, по видамъ правительства, статьи сего рода, предназначаемыя разумѣется болѣе для простонароднаго чтенія, пропускать въ печать, и при настоящихъ обстоятельствахъ упомянутая брошюра была повергнута на благоусмотрѣніе Государя Императора съ испрашиваніемъ Высочайшихъ по сему предмету указаній. По сему послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: «Лучше избѣгать, ибо пользы отъ сего нѣтъ».

Въ томъ же году были сдѣланы еще два распоряженія по поводу войны:

1) «Отклонять впредь отъ печатанія похвалы будущимъ, т. е. несостоявшимся еще дѣйствіямъ нашего флота и положительно не допускать похвалы и одобренія дѣйствіямъ и намѣреніямъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-адмирала».

2) «Государь Императоръ, въ разрѣшеніе возникшаго вопроса: могутъ ли быть печатаемы въ газетахъ сообщаемыя въ частныхъ письмахъ свѣдѣнія о подвигахъ совершаемыхъ въ сраженіяхъ отдѣльными лицами? Высочайше повелѣть соизволилъ: по полученіи частныхъ свѣдѣній о подвигахъ въ сраженіяхъ сно-

ситься предварительно съ надлежащимъ начальствомъ и тогда печатать о нихъ въ газетахъ, когда будетъ получено удостовѣреніе о дѣйствительности сихъ подвиговъ» *).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Исторія съ «Московскимъ Сборникомъ».—Цензора того времени и ихъ распоряженія.—Пржеславскій, какъ издатель «Тыгодника» и членъ Главнаго правленія цензуры Царства Польскаго.—Рядъ мелкихъ фактовъ, характеризующихъ время.—Исторія съ изданіемъ сочиненій Пушкина, П. В. Анненкова.

I.

Всѣ разсмотрѣнныя нами цензурныя преслѣдованія конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ касались однихъ западниковъ. Но нельзя сказать, чтобы и противники ихъ славянофилы были пощажены цензурою того времени. Напротивъ того они были заподозрѣны въ еще большей злонамѣренности и гоненіе, воздвигнутое па нихъ, простерлось до полнаго запрещенія пропаганды ихъ идей. Эта катастрофа обрушилась на нихъ въ 1852 г..

Въ 1852 году было предпринято московскими славянофилами изданіе ряда учено-литературныхъ сборниковъ подъ общимъ заглавіемъ «Московскій Сборникъ». Предполагалось сдѣлать это изданіе безсрочно-періодическимъ и втеченіе года выпустить до четырехъ книгъ. Но предположенію этому пришлось ограничиться выпускомъ одного лишь перваго тома. Вслѣдъ за появленіемъ этого перваго тома министръ народнаго просвѣщенія тотчасъ же обратилъ вниманіе на предосудительность направленія «Московскаго Сборника», выражавшаго неудовлетворительность для русскихъ образованности западной и необходимость обратиться къ нашимъ собственнымъ началамъ просвѣщенія. Министръ полагалъ, что «хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ». Въ числѣ статей сборника особенное неодобреніе министра заслужила статья И. В. Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію въ Россіи», въ которой авторъ проводилъ параллель между просвѣщеніемъ западной Европы и древней Россіи въ отношеніяхъ религіозномъ, нравственномъ, государственномъ, общественномъ и семейномъ и, отдавая послѣднему предпочтеніе передъ первымъ, доказывалъ, что введенное Петромъ Великимъ европейское просвѣщеніе послужило въ нравственномъ отношеніи болѣе ко вреду чѣмъ къ пользѣ русскаго общества.

Признавъ направленіе «Московскаго Сборника» предосудительнымъ, министръ 17 мая 1852 года предложилъ попечителю московскаго учебнаго округа по мѣрѣ разсмотрѣнія въ московскомъ цензурномъ комитетѣ предполага-

---

*) Сбор. распор. по ценз., стр. 292—294.

емыхъ къ изданію втеченіе 1852 года остальныхъ трехъ томовъ сборника, представлять ихъ въ рукописи въ Петербургъ, въ Главное управленіе цензуры, вмѣстѣ съ заключеніемъ комитета объ общемъ направленіи каждаго тома вообще и о позволительности или непозволительности каждой статьи въ особенности.

Вслѣдъ за тѣмъ 27 мая 1852 г. было сдѣлано распоряженіе: «впредь всякіе вообще сборники подвергать тѣмъ правиламъ цензуры, какимъ подлежатъ журналы, и между прочимъ не разрѣшать выходы подобныхъ сборниковъ чаще, чѣмъ одинъ разъ въ годъ».

Такимъ образомъ славянофилы вмѣсто четырехъ книгъ въ 1852 году должны были ограничиться лишь одною книгою. Въ началѣ же 1853 года редакторъ сборника И. С. Аксаковъ внесъ въ московскій цензурный комитетъ— сперва программу трехъ предполагаемыхъ томовъ, а затѣмъ и весь второй томъ въ рукописи. Комитетъ согласно данной ему инструкціи переслалъ его въ Главное управленіе цензуры. Послѣднее, разсмотрѣвъ представленную рукопись съ тою строгостью, которая была вмѣнена ему въ непремѣнную обязанность, нашло въ ней: «не мало статей, которыя по предосудительности выраженныхъ въ нихъ мыслей, высказывающихъ недоброжелательство къ настоящему порядку вещей и косвенное неодобреніе предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ ко благу народному нетолько не могутъ войти въ составъ второго тома «Московскаго Сборника», но и вообще не могутъ быть допущены къ печатанію и должны быть подвергнуты строгому запрещенію».

Въ приведенной при этомъ заключеніи запискѣ были подробно разобраны всѣ тѣ статьи, на которыя было обращено особенное вниманіе Главнаго управленія цензуры. Такова напримѣръ была статья Хомякова: «Нѣсколько словъ по поводу статьи Кирѣевскаго *О характерѣ просвѣщенія Европы*»».

«Хомяковъ», читаемъ мы въ запискѣ, «не ясно говоритъ, но видно, что христіанство, по его мнѣнію, «требуетъ вольнаго дѣйствія личности, равенства». Но это не достигло своей цѣли въ древности отъ того, что въ римской жизни все, даже религія и просвѣщеніе, принимало видъ юридическій и государственный и побѣжденные римлянами народы западной Европы «были втиснуты силою въ желѣзныя формы административнаго просвѣщенія римскаго»... «Византіецъ не могъ дать *полнаго права равенства* съ собою тѣмъ народнымъ стихіямъ, которыя приливали къ нему съ сѣвера и готовы были своею свѣжею кровью укрѣпить составъ одряхлѣвшаго общества. Онъ пользовался славянами, онъ вполнѣ зависѣлъ отъ союза съ ними и въ то же время нетолько не хотѣлъ признать ихъ братьями, но постояннымъ коварствомъ, утѣсненіемъ и гордостью, болѣе оскорбительною, чѣмъ самыя утѣсненія, вселялъ въ нихъ вражду, которой еще не было». Сочинитель говоритъ, что западная Европа приняла эти понятія древнихъ, смѣшала ихъ съ христіанствомъ и «тысячи лѣтъ было мало, чтобы обличить обманъ римскаго просвѣщенія: *но онъ обличенъ, онъ сознанъ или уже весьма близко время полнаго его сознанія*; прежніе призраки разсѣяны логикою разсудка...

«Приступая затѣмъ къ разсужденію о просвѣщеніи Россіи, Хомяковъ и тутъ болѣе углубляется въ мысли о политикѣ, нежели о просвѣщеніи. Обнаруживая вездѣ приверженность къ старинѣ, онъ выводитъ натянутыя заключенія о такомъ порядкѣ дѣлъ въ древней Россіи, который не могъ быть въ монархическомъ государствѣ. По его мнѣнію, нетолько до призванія Рюрика, но и послѣ того, до царя Іоанна Грознаго, *русскій бытъ* по преимуществу былъ *общинный*. Сочинитель называетъ этотъ бытъ *племенною общиною, сельскими общинами, племенными союзами, братствомъ*. Онъ говоритъ: «Великое слово: на землѣ миръ—есть высшее благоволеніе, ниспосланное небомъ новому человѣчеству; широкій миръ, *великое братство—таково признаніе для всѣхъ*; оно находило своихъ представителей въ князьяхъ, въ ихъ дружинѣ и въ духовенствѣ». «Въ земской душѣ сливалась мысль боярина съ мыслью гостя торговаго, и человѣка посадскаго, и обывателя сельскаго; судъ былъ общій и губные старосты выбирались голосами всѣхъ жителей безъ исключенія».

«*Общинный русскій бытъ* произвелъ дружину, въ которой *личная отдѣльность была доведена до крайности и узаконена. Мѣстная страсть требовала свободы своему произволу*». Начало государствованія Рюрикова дома въ Россіи Хомяковъ называетъ *союзомъ подъ княжескимъ правленіемъ, составившимся общею волею*».

«Нѣкоторыя мѣста статьи Хомякова показываютъ, что онъ отдаетъ преимущество древнему *общинному порядку дѣлъ* передъ государственнымъ правленіемъ и надѣется, что прежній порядокъ у насъ будетъ возстановленъ... Во всей статьѣ Хомяковъ показываетъ любовь свою къ отечеству; но онъ по этой любви не ищетъ въ нашей исторіи тѣхъ событій, которыя клонятся къ поддержанію величія нынѣшней Россіи и старается открывать признаки какихъ-то общинъ, братства, въ родѣ общинъ коммунистовъ и фурьеристовъ; древнихъ государей нашихъ старается представить неимѣвшими самодержавной власти и все склоняетъ къ надеждамъ и желаніямъ, чтобы порядокъ общинный былъ возстановленъ въ нынѣшней Россіи. Съ такою цѣлію славянофилы роются въ нашихъ древностяхъ! Хотя же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи своей Хомяковъ выражаетъ мысли и благонамѣренныя, но послѣднія остаются въ тѣни; и если онъ не имѣлъ возмутительной цѣли (ибо въ такомъ случаѣ не представилъ бы самъ сочиненія своего въ цензуру), то во всякомъ случаѣ умъ и занятія его получили направленіе весьма вредное».

При этой характеристикѣ статьи Хомякова были приложены слѣдующія свѣдѣнія и о его личности: «Хомяковъ отставной ротмистръ. Уже въ 1847 году было видно, что онъ принадлежитъ къ московскимъ славянофиламъ. Этотъ человѣкъ весьма ученый и поэтъ; убѣжденія его болѣе умственныя, нежели душевныя; любитъ пренія и готовъ спорить за и противъ; занимается хозяйствомъ, а въ Москвѣ живетъ только по зимамъ».

Затѣмъ слѣдуетъ характеристика статьи К. Аксакова «Богатыри временъ великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ».

«Въ этой статьѣ», говорится въ запискѣ, «изображены характеръ и подвиги Добрыни Никитича, Ильи Муромца, Ставра, Рохдая и другихъ богатырей, а равно пиры и домашняя жизнь самаго Владиміра не такъ, какъ повѣствуетъ исторія, а какъ описывается въ древнихъ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ.

«Подобно Хомякову, К. Аксаковъ старается отыскивать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того же небывалаго въ Россіи общиннаго порядка дѣлъ. Въ одной пѣснѣ сказано, что Владиміръ, дѣлая пиръ у себя, приказалъ брать со всякаго званаго по 10 рублей, и К. Аксаковъ говоритъ: «Весьма замѣчательное указаніе: и такъ этотъ княжескій пиръ—складчина; пиры складчиною—явленіе совершенно русское и древнее; вспомнимъ *братчины* напримѣръ, братчину Никольщину, гдѣ складочный пиръ и вмѣстѣ союзъ, въ которомъ выбирается и пировой староста, это также чисто *общинное явленіе*; это вольное видоизмѣненіе *самородной общины*, ея отпрыскъ... Къ такимъ же *общиннымъ явленіямъ*, возникшимъ изъ самой *коренной общины*, причисляемъ мы *артель и даже казацкое устройство*». Этого мало, даже въ хороводѣ сочинитель видитъ образъ *русской общины*.

«Изъ другихъ пѣсней К. Аксаковъ выводитъ, что богатыри сидѣли у Владиміра не по аристократическому праву награды и прибавляетъ, что «аристократическое понятіе, образовавшееся на западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси; на богатырской скамьѣ сидѣли и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ, сынъ гостя (купца) и наконецъ Илья Муромецъ, крестьянинъ: *всѣмъ имъ равный почетъ*». «Отношенія богатырей къ великому *князю почтительны, но не подобострастны; они вольно собрались вокругъ него,* зовутъ его краснымъ солнцемъ, солнцемъ кіевскимъ, охотно служатъ ему службы, *но ни въ чемъ не выражается униженное или придворное ихъ отношеніе къ великому князю;* битвы, подвиги, свадьбы и пиры составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышится *воля и приволье*».

«К. Аксаковъ указываетъ на мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ *Соловей-разбойникъ* называетъ князя *воромъ;* богатырь *Тугаринъ-Змѣевичъ* цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя; а *Алеша Поповичъ* чуть не назвалъ ее *сукою*... Сверхъ того К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калины. Хотя это и непріятельскій царь, но все неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ царь!
Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ!

«Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, бóльшею частью напечатаны; всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей сказокъ: одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ—небывалыя въ Россіи — общину, вольницу и дерзаетъ богатырей ставить противъ великаго князя!..

«Константинъ Аксаковъ написалъ еще «Примѣчанія къ статьѣ Шеппинга: «Купало и Коляда». Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ нѣсколько разъ опять упоминаетъ объ *общинной жизни* въ древней Россіи, утверждая, будто бы *общинное начало неотъемлемо соединено съ существомъ славянина*. Онъ говоритъ также: лѣсъ, поле, рѣка принадлежатъ всѣмъ; тамъ семья исчезаетъ». Мысль совершенно коммунистическая.

«Еще въ «Московскомъ Сборникѣ» находятся два стихотворенія К. Аксакова, ничтожныя по содержанію, но и въ нихъ есть непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго *духъ свободенъ и открытъ*».

И о Константинѣ Аксаковѣ мы находимъ въ запискѣ свѣдѣнія, характеризующія его личность слѣдующимъ образомъ:

«Константинъ Аксаковъ, магистръ московскаго университета, живетъ въ Москвѣ, проникнутъ славянофильствомъ. Въ 1846 году онъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статью: «Семисотлѣтіе Москвы». Въ этой статьѣ, сверхъ неумѣстныхъ доказательствъ о преимуществѣ Москвы, какъ столицы имперіи, передъ С.-Петербургомъ, высказывались вообще мысли несообразныя съ монархическимъ правленіемъ. За эту статью и сочинителю, и цензору сдѣлано было строгое замѣчаніе. Этотъ молодой человѣкъ не безъ ума и образованъ, добросовѣстенъ и хорошей нравственности, но его, какъ фанатика, трудно убѣдить въ ложности его мнѣній».

«Издатель «Московскаго Сборника», говорится далѣе въ запискѣ:—Ив. Аксаковъ, помѣстилъ въ немъ нѣсколько и своихъ сочиненій, въ томъ числѣ два стихотворенія подъ заглавіемъ: «Подражанія еврейской поэзіи». Въ нихъ сочинитель, обращаясь къ человѣку, пребывающему въ бездѣйствіи, укоряетъ его за равнодушіе, тогда какъ въ мірѣ «кипятъ задачи» и торжествуетъ зло; совѣтуетъ ему «стряхнуть ярмо благоразумія» и вызываетъ его «на дѣло общаго труда». Оба стихотворенія темны и отъ этой неясности смыслъ ихъ подозрителенъ».

Князь Черкасскій помѣстилъ въ «Московскомъ Сборникѣ» статью: «О подвижности народонаселенія въ древней Россіи», въ которой сочинитель излагаетъ исторію крѣпостного состоянія въ нашемъ отечествѣ. Основная мысль кн. Черкасскаго та, что въ древней Россіи жизнь была *общинно семейная;* что «русская волость есть ни что иное, какъ аггрегатъ безчисленнаго множества мелкихъ *общинъ,* составленныхъ изъ семей»; что «порабощеніе варягское (призваніе Рюрика) оставило волость *вольной общиною,* платившею только извѣстную дань». Потомъ кн. Черкасскій задаетъ себѣ вопросъ: «какимъ образомъ *вольные роды превратились въ подданныхъ смердовъ?*» Отвѣтъ на это тотъ, что въ «Россіи временъ Судебника (Іоанна III) *союзъ общины разорванъ, права собственности надъ землями отъ общины перешли къ отвлеченному лицу государя и великаго князя,* или ко множеству частныхъ владѣльцевъ и помѣщиковъ; наконецъ крестьянинъ, бездомный бобыль, вѣчно блуждая изъ края въ край по обширнымъ степямъ Россіи, *изъ прежней неограниченной свободы* сохранилъ одно право: разъ въ годъ по произволу мѣнять мѣстожительство и господина». Юрьевъ день, *изъ всѣхъ неограниченныхъ правъ свободы,* даровалъ крестьянамъ худшую его сторону, безграничный произволъ бродяжничества. «Вспомнивъ, продолжаетъ кн. Черкасскій:—*независимое состояніе русской волости,* мы едва ли можемъ себѣ представить, что само собою, естественно, могло развиться *подобное ограниченіе крестьянской свободы,* такъ явно носитъ оно на себѣ печать искусственнаго, положительнаго изобрѣтенія!.. Ясно, что всякое *стѣсненіе* въ этомъ отношеніи *свободы крестьянской* могло быть лишь мѣрой полицейской, основанной на произвольныхъ договорахъ князей». Послѣ же того, какъ царь Борисъ Годуновъ укрѣпилъ крестьянъ на землѣ, въ Россіи продавали крестьянъ врознь, дочь отъ матери, сына отъ отца, какъ *скотовъ*. Редакція сборника прибавила къ этому, что «обычай продавать крестьянъ врознь возникъ только со времени Петра I».

Въ заключеніи записки говорится, что московскій цензурный комитетъ, находя, что «въ статьяхъ Хомякова, Конст. и Ив. Аксаковыхъ замѣтно какое-то недовольство настоящимъ образованіемъ, образомъ жизни и даже учрежденіемъ правительства, и высказывается стремленіе выставить нашъ древній русскій бытъ въ преувеличенно лучшемъ видѣ, какъ заслуживающій безусловнаго, во всѣхъ

отношеніяхъ, одобренія и подражанія, полагаетъ что означенныя статьи, какъ вредныя по развиваемымъ въ нихъ началамъ, несогласнымъ съ видами правительства, должны быть подвергнуты запрещенію порядкомъ указаннымъ въ уставѣ о цензурѣ; статьи же прочихъ писателей, даже кн. Черкасскаго, за исключеніемъ только мѣстъ въ сочиненіи послѣдняго, гдѣ говорится о свободѣ крестьянъ и вольной общинѣ, могутъ быть напечатаны».

Согласно этому заключенію 3-го марта 1853 г. печатаніе второго тома «Московскаго Сборника» было воспрещено. Распоряженіе же о томъ, чтобы сочиненія московскихъ славянофиловъ отсылались для цензурованія въ Петербургъ. осталось во всей силѣ *).

II.

Вся эта масса докладовъ, представленій и внушеній имѣла тѣ послѣдствія, что цензора, на отвѣтственности которыхъ всецѣло лежало каждое пропущенное слово, положительно теряли голову. Ежеминутно ожидая выговоровъ, арестовъ, отставокъ, они въ то же время бродили въ потемкахъ, не имѣя сколько-нибудь яснаго представленія о томъ, что можно пропустить въ рукописи безъ всякихъ послѣдствій и за что налетитъ на нихъ неожиданный гнѣвъ начальства. Это дѣлало ихъ подозрительными и придирчивыми до того полнаго помраченія разсудка. которое обыкновенно сопровождаетъ панику, когда человѣку муха начинаетъ казаться со слона и наоборотъ слонъ съ муху. Этою паникою и объясняется, что цензора способны были вытравлять революціонный духъ даже изъ поварскихъ книгъ. Къ тому же хотя проектъ гр. Уварова объ устраненіи изъ числа цензоровъ людей ученаго званія и не былъ принятъ, фактически же онъ уже практиковался, такъ какъ цензоровъ-профессоровъ было очень немного. Предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета Мусинъ-Пушкинъ не любилъ ученыхъ людей и съ большей охотой помѣщалъ на должности цензоровъ людей не окончившихъ курса высшаго образованія, и потому большинство цензоровъ состояло изъ выслужившихся чиновниковъ учившихся на мѣдные гроши и людей во всѣхъ отношеніяхъ темныхъ. Такъ О. А. Пржецлавскій, человѣкъ близко знакомый съ составомъ цензурнаго вѣдомства того времени прямо говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «цензоровъ удовлетворявшихъ требованіямъ своего званія было очень немного: они составляли исключеніе» **). И дѣйствительно ни одна эпоха не представляетъ такой массы цензурныхъ анекдотовъ какъ именно эта. Въ прежнія эпохи мы встрѣчали одну, много двѣ личности, оставившія по себѣ память своею анекдотичностью. Теперь же мы видимъ нѣсколько цензоровъ прославившихся въ этомъ отношеніи. Такъ въ то время какъ сквозь всю эту эпоху проходятъ подвиги незабвеннаго Красовскаго, предсѣдателя комитета иностранной цензуры, въ комитетѣ внутренней цензуры наиболѣе выдавались Корсаковъ, Крыловъ, Ахматовъ, Фрейгангъ; но всѣхъ ихъ превзошелъ Карлъ Станиславовичъ Обертъ.

Съ Корсаковымъ, занимавшимся не столько вычеркиваніемъ изъ рукописей подозрительныхъ мѣстъ, сколько наоборотъ вставкою своихъ собственныхъ сочиненій, и Крыловымъ, извѣстнымъ задерживаніемъ рукописей во время своихъ за-

*) «Русск. Стар.», 1875 г., № 10, стр. 167—379.
**) «Русск. Стар.», 1875 г., № 9, стр. 143.

поевъ, мы уже знакомы. Ахматовъ былъ именно тотъ самый знаменитый цензоръ, который, цензуруя повареную книгу Авдѣевой, не допустилъ, чтобы пироги ставились на *вольный духъ*. Тотъ-же Ахматовъ остановилъ, печатаніе одной ариѳметики, потому что между цифрами какой-то задачи помѣщенъ рядъ точекъ. Ахматовъ заподозрилъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариѳметики *). Онъ-же, цензуруя «Записки археологическаго Общества», состоящаго подъ президентствомъ герцога Максимильяна Лейхтенбергскаго, настаивалъ, чтобы въ описаніи медали петровскаго времени слово *царь* было замѣнено *императоромъ*, такъ какъ во время выбитія этой медали Петръ I былъ уже коронованъ императоромъ. Герцогъ обратился къ Ширинскому-Шахматову, и тотъ черезъ предсѣдателя цензурнаго комитета Мусина-Пушкина приказалъ Ахматову «не умничать».

Бывшій министръ гр. Уваровъ послѣ своей отставки самъ извѣдалъ всю горечь борьбы съ цензурою при печатаніи своей книги «О греческихъ древностяхъ, открытыхъ въ южной Россіи». Встрѣчалось въ книгѣ слово: *демосъ*—народъ, цензоръ никакъ не соглашался пропустить это слово и замѣнилъ его словомъ: *граждане*. Автору стоило большого труда убѣдить его, что это былъ-бы не переводъ а искаженіе подлинника. Еще цензоръ не позволилъ говорить о римскихъ императорахъ, убитыхъ, что они убиты, а велѣлъ писать—*погибли* и т. д. **).

Около того-же времени цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ физикѣ выраженія «силы природы», а Фрейгангъ, цензуруя статью о Жуковскомъ своего-же собрата цензора Никитенко, въ свою очередь ни за что не соглашался оставить въ этой статьѣ «движеніе *умовъ*» ***).

Тотъ-же цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ.

Цензоръ Пейкеръ не пропустилъ одной метеорологической таблицы, гдѣ числа мѣсяца означены по старому и новому стилю обыкновенно принятою формулою: $\frac{\text{по стар. стилю}}{\text{по нов. стилю}}$. Онъ потребовалъ, чтобы на верху чёрточки стояло по новому стилю, а слова по старому—внизу. Таблицы между тѣмъ, какъ состоящія изъ цифръ, представлены были на разсмотрѣніе уже по напечатаніи, такъ какъ нельзя было предвидѣть, чтобы онѣ могли подвергнуться запрещенію. Издателю предстояло вновь все перепечатать. Онъ обратился къ попечителю, и наконецъ тотъ по долгомъ и глубокомъ размышленіи насилу согласился разрѣшить, чтобы таблицы остались въ первоначальномъ видѣ ****).

Андрей Ивановичъ Фрейгангъ былъ человѣкъ мягкій въ личныхъ отношеніяхъ и его легко было уговорить, но въ сношеніяхъ письменныхъ онъ былъ твердъ и непреклоненъ какъ скала. Такъ напримѣръ въ «Дѣтскомъ журналѣ» А. Н. Очкина во времена болѣе еще мягкія, т. е. до 1848 г. въ статейкѣ Бурнашова (подъ псевдонимомъ Виктора Бурьянова) онъ ни за что не дозволилъ бѣдному мальчику умирать голодною смертью, замѣнивъ ее простудною болѣзнью. Очкинъ самъ бывшій цензоръ, обратился къ Фрейгангу, доказывая, что такое измѣненіе перековеркаетъ суть статьи и нарушитъ моральную идею. Но Фрейгангъ отвѣчалъ

*) «Русск. Стар.», 1890 г., № 4, стр. 31.
**) «Русск. Стар.», 1890 г., № 3, стр. 637.
***) Ibid., стр. 650.
****) «Русск. Стар.», 1890 г., № 4, стр. 32.

письменно: «Не могу, не могу, не могу! Согласенъ впрочемъ на голодную смерть мальчика, если авторъ перенесетъ дѣйствіе изъ Россіи напримѣръ въ снѣжныя долины и горы шведской Финляндіи за Торнео, *такъ какъ въ Россіи никто съ голоду никогда не болѣетъ и не умираетъ, и у насъ голода никогда не бываетъ и не бывало.* Послѣднія слова были крѣпко подчеркнуты цензоромъ.

Неизвѣстно о какомъ цензорѣ разсказываетъ Бурнашовъ въ своихъ воспоминаніяхъ два слѣдующіе анекдота:

Когда Бурнашовъ въ концѣ 40-хъ годовъ редактировалъ журналъ «Экономъ», цензоръ то и дѣло вычеркивалъ самыя невинныя указанія на приготовленіе за границею того или другого предмета болѣе удачно чѣмъ у насъ. Однажды Бурнашовъ сдѣлалъ указаніе на венгерскій способъ салотопленія, подробно описанный въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ», и при этомъ сказалъ, что Россія, богатая саломъ, къ сожалѣнію даетъ Европѣ свой сырецъ въ видѣ крайне неудовлетворительномъ, позволяя превосходить себя на всѣхъ рынкахъ Европы и Америки такой странѣ какъ Венгрія. Цензоръ вычеркнулъ все это красными чернилами съ огромнымъ notabene, и на полѣ настрочилъ слѣдующее:

«Сколько мнѣ извѣстно, г. редакторствующій за Ѳ. Булгарина чиномъ не выше надворнаго совѣтника, почему членомъ комитета господъ министровъ едва ли можетъ быть; а туда же пускается въ совѣты правительству! Г. редакторъ! Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ! Вы забираетесь слишкомъ высоко! Берегитесь, на этой высотѣ какъ разъ голова закружится! Да и къ тому же, милостивый государь, обратите вниманіе на то обстоятельство, что слова ваши о салѣ могутъ имѣть междустрочное значеніе—инсинуированія ненависти русской національности къ венгерской».

Въ 1848 году, во время холеры кто-то доставилъ Бурнашову стихи написанные еще по случаю холеры 1831 года, но нигдѣ не напечатанные. Въ медицинскомъ отдѣлѣ «Эконома» постоянно печатались въ то время наставленія и рецепты противъ холеры. Бурнашовъ, желая поразнообразить эту рубрику рецептомъ въ стихахъ, шутки ради назначилъ эти стишки въ одинъ нумеръ августа мѣсяца 1848 г., именно въ то время, когда холера была очень сильна. Вотъ эти стихи:

«Возьми разсудку восемь грановъ,
Пять лотовъ сердца доброты,
Шесть драхмъ сердечныхъ минераловъ,
И столько-жь мыслей простоты.
Толки все это камнемъ вѣры,
Сквозь сито совѣсти просѣй
И въ чашу мудрости глубоку
Сто унцій умственнаго соку
На специи сіи налей.
Покрой игрой воображенья,
Молитвой теплою согрѣй—
Любви, покорнаго смиренья.
И въ этомъ можешь элексирѣ
Найти все то, что нужно въ мірѣ
Для жизни, счастія людей!
Садись предъ зеркаломъ природы.
Сочти лѣта свои и годы
И понемногу капли пей».

Цензоръ написалъ: «Уничтожаю эти злые стихи, которымъ нигдѣ не можетъ быть мѣста, а тѣмъ болѣе въ «Экономѣ», программа котораго стихотвореній не

компортируетъ. Авторъ этихъ стиховъ повидимому имѣлъ зловредныя стремленія, постаравшись съобща съ простонародіемъ представить врачебный факультетъ въ несимпатичномъ видѣ».

К. Ст. Обертъ если и не представлялъ изъ себя такого идеально-чистаго типа, какъ Красовскій, во всякомъ случаѣ поражалъ массою эксцентрическихъ чудачествъ. Такъ напримѣръ паника его доходила до такой степени, что, живя на Васильевскомъ острову, въ 8-й линіи, онъ не развѣшивалъ занавѣсей на своихъ окнахъ, а онѣ у него лежали подъ окнами на полу и когда кто-нибудь приходилъ къ нему по дѣлу, и какой-нибудь писатель начиналъ выпрашивать о пропускѣ сомнительнаго мѣста, онъ указывалъ просителю на лежавшія на полу занавѣси и говорилъ: «вы видите, я и занавѣсей не развѣшиваю, не стоитъ; того и гляди, что столкнутъ съ мѣста злачна въ тьму кромѣшную».

Между прочимъ знаменитъ онъ былъ вѣчными пререканіями съ типографіями изъ-за чинопочитанія. Онъ требовалъ, чтобы корректуры посылались ему не иначе какъ въ запечатанныя конвертахъ съ обозначеніемъ полнаго его титула. Если же это не соблюдалось, онъ собственноручно дѣлалъ на текстѣ надпись: «Его превосходительству Августу Станиславовичу Оберту» и затѣмъ отсылалъ листы непрочитанными въ типографію. Тамъ должны были сдѣлать новый пакетъ съ требуемою надписью, вновь прислать тѣ же корректуры, и лишь тогда Обертъ приступалъ къ чтенію.

Доставалось отъ него и разсыльнымъ за неоказаніе ему должнаго почтенія. Бурнашовъ часто посѣщалъ его по дѣламъ сестры, издававшей «Часы Досуга», журналъ для дѣтей. Разъ Обертъ пригласилъ Бурнашова очень рано для «конфиденціальнаго» объясненія. Оказалось, что Оберта обидѣлъ разсыльный, принесшій два листа корректуры и не пожелавшій ждать пять, шесть часовъ, а обѣщавшій придти послѣ. Бурнашовъ отказался быть посредникомъ между обиженнымъ цензоромъ и разсыльнымъ и посовѣтовалъ Оберту обратиться самому къ фактору типографіи Тиблена и К°. Факторъ явился. Между тѣмъ Обертъ велѣлъ служанкѣ разложить въ залѣ на стульяхъ мундиръ, шпагу, шляпу съ витушкой, бѣлыя брюки, а самъ вышелъ къ фактору въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, неся всѣ ордена и медали свои въ рукахъ. Испуганный факторъ думалъ, что его превосходительство помѣшались; Обертъ же при свиданіи объяснилъ Бурнашову, что его «внушеніе» подѣйствовало.

Другой разъ Обертъ снова выговаривалъ Бурнашову за разсыльнаго, котораго онъ засталъ въ кухнѣ сладострастно цѣлующимъ кухарку Оберта, чухонку, далеко не красавицу и не молодую. Обертъ находилъ, что подобныя безнравственныя проявленія разсыльнаго, носящаго корректуры журнала, назначеннаго для дѣтскаго чтенія, могутъ вредно повліять на нравственность юныхъ читателей и читательницъ дѣтскаго журнала.

Однажды была представлена Оберту дѣтская сказка, переведенная съ иностраннаго журнала подъ названіемъ «Кошачій міръ». Обертъ во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ сказки: котахъ, кошкахъ и котятахъ заподозрилъ тогдашнее высшее общество, и двѣ недѣли убѣждалъ его Бурнашовъ пропустить статью; наконецъ Обертъ согласился, взявши формальное на гербовой бумагѣ обязательство, что въ случаѣ отставки его за эту сказку Бурнашовъ и сестра его обязуются кормить его ежедневно обѣдомъ.

Въ другой разъ Обертъ взъѣлся, что на политипажѣ, изображавшемъ ученую корсиканскую лошадь, былъ представленъ въ числѣ публики кадетъ. При-

сутствіе кадета на дачѣ въ то время, какъ всѣ корпуса находятся въ лагерѣ въ Петергофѣ, показалось Оберту неприличнымъ, и политипажъ былъ препровожденъ къ военному цензору генералъ-маіору Гейроту, который конечно тотчасъ же пропустилъ политипажъ безъ малѣйшихъ затрудненій и лишь выразилъ свое удивленіе: «Г. Обертъ, сказалъ онъ:—должно быть очень того, того»... и онъ повертѣлъ пальцемъ вокругъ лба *).

III.

Впрочемъ чего-же было требовать отъ такихъ темныхъ служакъ какъ Фрейгангъ и Обертъ, когда столпы науки вродѣ ректора казанскаго университета С. отличались не лучше ихъ. Одинъ изъ профессоровъ восточнаго факультета перевелъ какого-то арабскаго автора, который, говоря о Магометѣ, называетъ его пророкомъ. С. подчеркнулъ это слово и не рѣшился пропустить сочиненіе. Переводчикъ поинтересовался узнать причину.

— Помилуйте, говоритъ С.—вы Магомета называете великимъ пророкомъ.

— Да вѣдь я перевожу слова магометанина!

— Все равно: напишите *лже-пророкъ*,—я пропущу, убѣждалъ ректоръ.

— Какъ я это могу сдѣлать? отвѣчалъ переводчикъ:—влагая въ уста магометанина хулу на его пророка, я, кромѣ того что погрѣшу противъ подлинника, допущу безсмыслицу.

— Ну, какъ хотите, а я не могу пропустить.

Переводъ былъ посланъ въ Петербургъ, гдѣ магометанину разрѣшили называть своего Магомета пророкомъ, а не лже-пророкомъ **).

Всѣ эти непредвидѣнныя цензорскія придирки принуждали редакторовъ періодической прессы изощряться въ самой искусной, сложной и подчасъ унизительной политикѣ во всѣхъ отношеніяхъ къ цензорамъ, въ непрестанныхъ хлопотахъ сговариваться съ ними, обойти ихъ, если возможно, и провести въ печать хоть то немногое, что въ то время проходило. До какой виртуозности доходила эта печальная сторона редакторскаго дѣла, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Некрасовъ въ качествѣ издателя «Современника» какъ-то провѣдалъ, что цензоръ, читавшій его журналъ, страстный любитель гречневой каши, и что каша эта такъ дѣйствуетъ на него, что подъ ея вліяніемъ его старческое существо все уходитъ въ пищевареніе: онъ дѣлается мягокъ, сговорчивъ, теряетъ всякую способность вникать въ корректуры и подписываетъ ихъ, почти не читая. Узнавъ объ этомъ можетъ быть по неоднократному опыту, находчивый редакторъ обратился къ кухаркѣ цензора, закупилъ ее, и каждый разъ, когда цензору предстояло чтеніе какой-нибудь сомнительной статьи, на столѣ его появлялась любимая каша. Это не анекдотъ, а фактъ, вполнѣ характеризующій тѣ хотя и печальныя, но добрыя и патріархальныя времена, когда гречневая каша могла имѣть такую рѣшающую роль въ судьбахъ нашей литературы.

Если же читатель, несмотря на всѣ мои утвержденія въ правдоподобности этого факта все-таки усомнится въ немъ, то вотъ передъ нами свидѣтельство относительно трудности изданія журналовъ въ то время О. А. Пржецлавскаго,

*) «Бирж. Вѣд.», 1872 г., № 355.
**) «Р. Арх.», 1885 г., кн. 3, стр. 446.

издававшаго въ Петербургѣ съ 1830 по 1859 г польскую газету «Тыгодникъ» (еженедѣльникъ). Свидѣтельство этого издателя тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ уваженія, что это былъ человѣкъ ультраблагонамѣренный, преданный вполнѣ русскимъ интересамъ. Что газета его въ политическомъ отношеніи была безупречна, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ его записокъ:

«Съ конца 1830 г. газета «Тыгодникъ» сдѣлалась органомъ самаго энергическаго осужденія преступнаго варшавскаго движенія и не переставала всѣми силами противодѣйствовать революціоннымъ доктринамъ, которыми подъ знаменіемъ лже-патріотизма значительная часть польскаго народа вовлечена была въ преступленіе и пагубу. Для такого противодѣйствія, какъ и для всякаго ратоборства за правду въ виду господствовавшаго въ царствѣ и западномъ краѣ фанатизма требовалось не мало не только гражданскаго мужества, но и самоотреченія, такъ какъ газета и ея редакторъ съ такимъ направленіемъ не могли нравиться тогдашней польской публикѣ. Въ 1832 году правительство присвоило нашей газетѣ названіе и права оффиціальной газеты Царства Польскаго. Почти одновременно, кажется въ началѣ 1833 г., редакторъ вмѣстѣ съ четырьмя товарищами его по университету остававшимися, какъ и онъ, въ государственной службѣ, парижскимъ эмигрантскимъ трибуналомъ были приговорены къ смерти и казнены по портретамъ на Ботиньольскомъ полѣ» *).

Изданіе въ такихъ благонадежныхъ рукахъ казалось бы не должно было внушать ни малѣйшихъ подозрѣній, и дѣйствительно съ 1830 года по 1847 оно выходило безпрепятственно, не встрѣчая ни малѣйшихъ задержекъ и придирокъ со стороны цензуры.

«Съ 1830 по 1847 годъ, говоритъ Пржецлавскій: — газета находилась въ разсмотрѣніи людей умныхъ, образованныхъ и вполнѣ знающихъ польскій языкъ. Это были одинъ послѣ другого: К. С. Сербиновичъ, Ѳ. И. Сенковскій, П. И. Гаевскій, Иг. Іак. Ивановскій; два изъ нихъ занимали профессорскія каѳедры въ университетѣ. Въ этомъ періодѣ «Тыгодникъ», не встрѣчая нераціональныхъ препятствій, помѣстилъ въ себѣ замѣчательнѣйшія статьи и цѣлыя сочиненія лучшихъ современныхъ писателей» **).

Но съ 1848 года условія изданія «Тыгодникъ» совершенно измѣнились, и даже заочно разстрѣлянный революціонерами Пржецлавскій оказался человѣкомъ не заслуживающимъ довѣрія. Газета попала въ руки двухъ новыхъ личностей, вліяніе которыхъ отразилось на ней самымъ тяжелымъ образомъ:

«Я и теперь удивляюсь себѣ, говоритъ Пржецлавскій:—какъ у меня достало настолько силы воли, чтобы въ такихъ обстоятельствахъ продолжать изданіе. Оно, лишенное всякаго литературнаго достоинства, всякой занимательности, должно было компрометировать меня въ глазахъ читателей, которые не могли уяснить себѣ причины такой внезапной перемѣны, которой я не могъ имъ объяснить.

«Причины такого неблагопріятнаго вліянія двухъ разновременно, но одинъ за другимъ, цензоровавшихъ «Тыгодникъ» были различны и чисто-личны, по отъ этого мнѣ было не легче. Первый, умный и ученый, не былъ оффиціальнымъ цензоромъ; онъ занималъ значительное положеніе въ ученой сферѣ и былъ имъ очень занятъ. Обязанность цензуровать мою газету была ему навязана сверхъ настоящаго его званія и навязана безъ всякаго за то вознагражденія потому только, что онъ зналъ польскій языкъ. Онъ самъ откровенно признался мнѣ, что при отвѣтственности, которая въ тогдашнее время лежала на цензорѣ и при своихъ занятіяхъ, едва ли онъ можетъ считать обязанностью давать себѣ трудъ вникать съ полнымъ цензорскимъ вниманіемъ въ смыслъ литературныхъ произведеній: трудъ былъ бы непроизводительный, а рискъ напрасный. Я и самъ не могъ не сознать нѣкоторой основательности такого *реальнаго* взгляда и долженъ былъ отказаться отъ всякой литературы, ограничась въ моей газетѣ оффиціальными внутренними, полуоффиціальными иностранными извѣстіями и самою невинною, безцвѣтною смѣсью. Такимъ образомъ осталась недоконченною въ «Тыгодникѣ» одна прекрасная повѣсть Крашевскаго.

---

*) «Русск. Стар.», 1875 г., № 9, стр. 136.
**) Ibid., стр. 139.

«Я не былъ такъ близко извѣстенъ моему полу-цензору, чтобы пользоваться такимъ его довѣріемъ, какое имѣли ко мнѣ его предшественники, до такой степени, что одинъ изъ нихъ подписывалъ не читавши мои корректуры и ни разу въ этомъ не раскаявался.

«Другой, читавшій мое злополучное изданіе во второмъ періодѣ тяжелаго времени, былъ уже оффиціальнымъ цензоромъ. Но онъ кромѣ чрезвычайной боязливости имѣлъ одинъ маленькій недостатокъ: онъ не зналъ ни слова по-польски. При всемъ разсчетѣ времени на долю его мнительности я не могъ не замѣтить, что мои корректурные листы онъ продерживалъ слишкомъ долго, часто до поздней ночи. Но я пересталъ удивляться этому, когда узналъ, что каждый разъ онъ посылаетъ за однимъ студентомъ, уроженцемъ западнаго края, который переводитъ ему устно каждое слово. По устраненіи этого лингвистическаго — выступали на сцену интеллектуальныя препятствія. Почти каждое слово переведенное съ грѣхомъ пополамъ возбуждало сомнѣніе, вызывало колебанія и нескончаемыя размышленія. Въ результатѣ цензоръ многое самъ исключалъ, большую же часть статей останавливалъ для доклада цензурному комитету. Не производя самъ и не пропуская ничего даже сомнительнаго, я напрасно въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ старался постигнуть тотъ умственный процессъ, который моего цензора дѣлалъ такимъ, какимъ онъ былъ. И до сихъ поръ я остаюсь въ невѣдѣніи, чего онъ хотѣлъ, чего боялся и чѣмъ можно было угодить ему? И при немъ я принужденъ былъ отказаться отъ всякой литературы, отъ всякихъ статей съ разсужденіями и заключеніями. Газета болѣе чѣмъ когда-нибудь осуждена была на пошлую, прозябательную жизнь. Дабы никто не могъ заподозрить меня въ преувеличеніи и дабы дать понятіе о такомъ цензорѣ и о моемъ тогдашнемъ положеніи, приведу изъ многихъ слѣдующіе два примѣра.

«Отъ знаменитаго владѣльца сахарнаго завода волынскаго помѣщика Зенона Головинскаго я получилъ письмо изъ Брюсселя, которымъ онъ просилъ напечатать, что въ этомъ городѣ видѣлъ примѣненіе къ фабрикаціи сахара нововыдуманнаго процесса, по коему кристаллизованный рафинадъ получается въ одни сутки изъ свѣжаго свекловичнаго сока. Авторъ письма предостерегаетъ фабрикантовъ, чтобы они воздержались отъ всякихъ другихъ нововведеній до его возвращенія въ имѣніе, а тогда онъ всѣмъ сообщитъ новый способъ, которому теперь учится въ Бельгіи.

«Что могло быть цензурно-невиннѣе этой статьи? Это такъ казалось мнѣ, двуглазому простому смертному. Но мой стойкій Аргусъ высмотрѣлъ въ ней нѣчто такое, что заставило его отложить статью для внесенія ея въ комитетъ. Еслибы по этому случаю назначена была премія за догадливость, то и тогда, я увѣренъ, никто не нашелъ бы того, что затруднило моего цензора. Я отправился къ нему съ подлиннымъ письмомъ. Тутъ на мой вопросъ г. А., всячески извиняясь передо мною, сказалъ:

«— Помилуйте, я не могъ не усомниться: въ статьѣ говорится и о кристаллизаціи, и о центробѣжной силѣ, и о распространеніи новости въ краѣ. При томъ же изобрѣтатель— Руссо! Не ясно ли тутъ видна аллегорія?

«Я не зналъ что отвѣчать и, насилу удержавшись отъ смѣха покорился, въ надеждѣ, что комитетъ разрѣшитъ статью. Не тутъ-то было; къ довершенію курьеза письмо Головинскаго было окончательно запрещено. Но каково было удивленіе и первой, и аппелляціонной инстанціи, осудившей его за коварную аллегорію, когда недѣли черезъ двѣ послѣ такого рѣшенія въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» появилась испрошенная г. Руссо привиллегія на его изобрѣтеніе. Тогда цензоръ наивно и даже не покраснѣвши сказалъ мнѣ, что теперь къ напечатанію письма Головинскаго «препятствія не имѣется».

«Другой курьезъ былъ слѣдующій: въ химіи съ давняго времени оставался нерѣшеннымъ вопросъ: что такое кураре (curare), страшный ядъ, которымъ дикіе Южной Америки и нѣкоторыхъ острововъ напитываютъ свои стрѣлы, кинжалы и т. п., и который мгновенно причиняетъ смерть отъ малѣйшей раны. Наконецъ Гумбольдтъ въ послѣднее свое путешествіе разрѣшилъ этотъ вопросъ; онъ видѣлъ и описалъ, какъ приготовляютъ ядъ. Это— экстрактъ корней дерева, ростущаго въ гніющихъ водахъ тропическихъ странъ, изъ рода Strychnos, вида Strichnos toxifera. Къ экстракту дикіе прибавляютъ еще ядъ гремучей змѣи (Crotalus horridus) и другой Trigonocephalus Lacgesis. Найдя извѣстіе объ этомъ въ одномъ англійскомъ журналѣ, я повторилъ его въ отдѣлѣ смѣси. Неудивительно, что проницательный цензоръ, убоявшійся кристаллизаціи сахара, устрашился также и кураре. Онъ удержалъ статейку для представленія на разрѣшеніе своего ареопага. Когда я спросилъ его о причинѣ, то онъ съ свойственною ему тонкостью соображенія, отвѣчалъ:

— Это извѣстіе можетъ послужить злому человѣку рецептомъ для составленія такого смертоноснаго вещества.

«Напрасно я представлялъ, что для этого *злому человѣку* нужно бы совершить путешествіе въ тѣ страны, гдѣ ростетъ дерево и гдѣ живутъ названныя змѣи, цензоръ былъ

непреклоненъ. Комитетъ однако же на этотъ разъ не раздѣлилъ съ нимъ его ультра-туманныхъ опасеній.

«Я могъ бы привести множество подобныхъ примѣровъ, повторявшихся регулярно два раза въ недѣлю въ моихъ корректурахъ, но думаю, что и двухъ достаточно, чтобы дать понятіе о моемъ положеніи и о той грусти, которую я чувствовалъ безъ всякой вины съ моей стороны за упадокъ моего изданія, которое въ первые 16 лѣтъ занимало такое почетное мѣсто въ періодической литературѣ. Помочь же этому было по тогдашнимъ обстоятельствамъ невозможно; я зналъ навѣрно, что жалобы на цензора, и именно на моего цензора, не повели бы ни къ чему и еще къ плачевной неспособности его прибавилось бы личное ко мнѣ неудовольствіе.

«Начальнику моему и по службѣ, и по оффиціальности моей газеты, министру стасъ-секретарю Царства Польскаго, я не разъ объяснялъ причины упадка этого изданія и разсказывалъ странности цензора; но я замѣтилъ, что покойный Туркулъ какъ-будто подозрѣваетъ меня въ преувеличиваніи. Мнѣ легко было подтвердить мои слова, показавъ ему искалѣченныя корректуры, и я хотѣлъ уже вытребовать ихъ изъ типографіи, но это оказалось ненужнымъ. Разъ министръ, возвращаясь изъ дворца отъ доклада, зашелъ въ книжный магазинъ Беллизара (теперь Мелье), гдѣ обыкновенно покупалъ книги; тогда издавался тамъ журналъ «Revue Etrangère».

Игн. Лавр. Туркулъ засталъ издателя въ страшно возбужденномъ состояніи. Въ припадкѣ своей furia francese, онъ бѣгалъ по комнатѣ и рвалъ себѣ волосы.

— Что съ вами? спросилъ Туркулъ.

— А вотъ посмотрите, г. министръ, и Беллизаръ подалъ только-что полученную обратно корректуру.

«Тутъ, въ одной фразѣ Бальзака, слова «la majesté de la nature» были зачеркнуты и противъ нихъ красовалось слѣдующее поучительное замѣчаніе цензора г. П—ра: «Le mot majesté ne se dit que de têtes couronnées» (Величество говорится только о коронованныхъ головахъ).

«Туркулъ, разсмѣявшись отъ души, напрасно старался успокоить расходившагося француза. Возвратившись домой, онъ намъ, чиновникамъ, разсказалъ курьезъ, а затѣмъ обращаясь ко мнѣ прибавилъ:

— Извините меня, Пржецлавскій, я не совсѣмъ довѣрялъ вашимъ жалобамъ, теперь же вѣрю всему.

«Къ главнымъ начальникамъ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, подъ наблюденіемъ котораго состояла моя газета, поступило на меня разновременно нѣсколько тяжкихъ доносовъ; но эти попытки были крайне неудачны. Каждый разъ призывали меня для объясненій и мнѣ слишкомъ легко было въ нѣсколькихъ словахъ выказать недоразумѣніе, а чаще еще и грубое невѣжество доносчиковъ, въ родѣ пресловутой кристаллизаціи. Наконецъ меня совсѣмъ оставили въ покоѣ. Въ послѣдствіи, когда я сдѣлался товарищемъ по Главному управленію цензуры Л. В. Дубельта, то узналъ отъ него что по многимъ доносамъ на меня поступавшимъ даже не тревожили меня и они рѣшались совершаемымъ въ III-мъ отдѣленіи, по субботамъ, сожженіемъ доносовъ, оставляемыхъ безъ послѣдствій. Равнымъ образомъ, не знаю почему, вѣроятно по изданію мною газеты, приказано было на почтѣ вскрывать мои письма. Я кромѣ покойной матери не переписывался ни съ кѣмъ, но получалъ много писемъ. Многія изъ нихъ, по вскрытіи, были очень неискусно припечатаны; это было слишкомъ замѣтно, а между тѣмъ не мало писемъ было попорчено. Отдѣленіе почтамта, гдѣ это дѣлалось, называлось также *цензурой*. Я разъ обратился къ начальнику этого отдѣленія г. У—ву и просилъ его не давать себѣ труда припечатывать вскрытыя письма, а доставлять ихъ мнѣ въ особомъ пакетѣ. У—въ хотѣлъ увѣрить меня, что я ошибаюсь, но я легко уличилъ его имѣющимся со мною письмомъ. На немъ почтовый штемпель о полученіи былъ приложенъ такъ, что пришелся на складку конверта; онъ долженъ бы составлять правильный замкнутый кругъ, въ моемъ же случаѣ вышло два полукруга, не сходившіеся съ собою. По такомъ наглядномъ доказательствѣ я узналъ, что приказаніе касающееся моихъ корреспонденцій было отдано давно, тотчасъ по возникновеніи польскаго мятежа 1830 года, но и до 1846 года не было отмѣнено. Съ тѣхъ поръ однако же я сталъ получать письма въ цѣлости» *).

Въ 1853 году Пржецлавскій былъ сдѣланъ членомъ Главнаго управленія цензуры отъ Царства Польскаго. На этомъ мѣстѣ ему конечно пришлось наслу-

---

*) Ibid, стр. 140—146.

шаться не мало всякаго рода курьезовъ. Нѣкоторые изъ нихъ онъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ.

Такъ, когда въ Римѣ состоялся догматъ о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и булла о немъ была напечатана, въ комитетѣ иностранной цензуры возникъ вопросъ: можетъ ли она быть пропущена? Въ Главномъ управленіи, гдѣ вопросъ разсматривался, спросили мнѣнія Пржецлавскаго, и онъ отвѣчалъ, что такъ какъ католическая вѣра въ Россійской имперіи терпима, а новый догматъ со времени установленія его вошелъ въ число статей этой вѣры (article de foi), то запрещеніемъ буллы нарушена была бы вѣротерпимость въ ея полнотѣ. Этимъ доводомъ присутствіе убѣдилось, и булла была пропущена. Затѣмъ нѣкоторые члены пожелали знать, въ чемъ заключается новый догматъ. Пржецлавскій объяснилъ имъ и затѣмъ, обращаясь къ министру Норову, сенатору Митусову и генералу Дубельту, сказалъ:

— Не мнѣ бы вамъ, господа, объяснять значеніе догмата, а отъ васъ научиться, вѣдь вы кавалеры ордена непорочнаго зачатія.

— Какъ такъ? спросили они, крайне удивленные.

Пржецлавскій объяснилъ имъ, что такое было первоначальное названіе ордена Бѣлаго орла, учрежденнаго королемъ Владиславомъ. Кавалеровъ было всего двѣнадцать и каждый давалъ присягу, что вѣруетъ, какъ и самъ учредитель, въ непорочное зачатіе Богородицы и обязывается вѣрованіе это защищать до послѣдней капли крови. Современемъ орденъ перемѣнилъ форму и утратилъ первоначальное значеніе.

Въ одномъ магазинѣ въ Москвѣ продавались парижскія картинки съ изображеніемъ разныхъ святыхъ и съ французскими подписями ихъ именъ. Одна изъ нихъ показалась мѣстному духовному начальству несоотвѣтствующею религіознымъ преданіямъ и оно ходатайствовало о запрещеніи ея въ продажѣ. Картинка, присланная въ Главное управленіе, была слѣдующая: изображенъ красивый молодой человѣкъ, нѣжно обнимающій ребенка, лѣтъ 7—8; внизу подпись: «Saint Joseph Patriarche». Принявъ это за изображеніе св. Іосифа—супруга Пресвятой Дѣвы, а ребенка за Христа-отрока, просители осуждали рисунокъ за то, что вопреки церковной традиціи, святой представленъ молодымъ, съ «французской бородкой», и что вокругъ его головы и головы отрока нѣтъ сіянія. На вопросъ предсѣдателя о мнѣніи Пржецлавскаго онъ отвѣчалъ, что жалоба есть слѣдствіе простой ошибки и анахронизма. Тутъ очевидно, какъ это и въ подписи значится, изображены не св. Іосифъ-супругъ и не Христосъ, а св. Іосифъ ветхозавѣтный патріархъ, ласкающій младшаго изъ своихъ братьевъ Веніамина. Въ изображеніяхъ святыхъ «Ветхаго Завѣта», какъ извѣстно, сіянія не бываетъ на томъ основаніи, что въ ихъ время «истинный свѣтъ» (lex vera) не нисходилъ еще на землю. Представленіе патріарха молодымъ и красивымъ согласно съ преданіемъ, присвоившимъ ему даже имя «прекраснаго», а справедливость этого прилагательнаго доказывается эпизодомъ съ женою Пентефрія. По такомъ разъясненіи недоумѣнія картина была разрѣшена въ продажѣ.

Въ Главное управленіе прислано было изъ таможни нѣсколько фуляровыхъ носовыхъ платковъ съ портретами, очень похожими на императора австрійскаго, короля прусскаго, королевы англійской и папы Пія IX. Министръ Норовъ полагалъ запретить продажу этихъ платковъ, находя по легко оцѣняемой причинѣ крайне неумѣстнымъ ихъ назначеніе; что же касается до портрета папы, то онъ спросилъ мнѣнія Пржецлавскаго. Послѣдній отвѣчалъ, что не касаясь даже католическаго

вопроса, предметъ этотъ разрѣшенъ уже имъ самимъ, министромъ, изъ справедливаго уваженія къ изображеніямъ лицъ монарховъ, такъ какъ и папа (пользовавшійся тогда еще свѣтскою властью) также монархъ. Всѣ эти платки были запрещены.

Какая-то дама вошла въ Главное управленіе съ прошеніемъ о разрѣшеніи ей издавать модный журналъ съ картинками и выкройками. Подписная цѣна назначалась очень умѣренная. Въ программѣ обѣщался и текстъ для легкаго чтенія, при томъ же было въ ней сказано, что подписчикамъ предназначается нѣсколько премій состоящихъ изъ дамскихъ платьевъ и другихъ уборовъ. Нумера подписныхъ билетовъ по истеченіи каждой половины года будутъ подвергнуты тиражу и преміи будутъ доставлены тѣмъ, чьи билеты выйдутъ. Просительница вручила министру письмо отъ одной высокопоставленной особы ходатайствовавшей о скорѣйшемъ разрѣшеніи изданія. Предсѣдатель и члены высказывались уже въ томъ же смыслѣ, но Пржецлавскій къ общему изумленію запротестовалъ.

«Я это сдѣлалъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: – по слѣдующимъ уваженіямъ. Предположеніе просительницы, по которому предоставлялись преміи вслѣдствіе тиража, есть ни что иное, какъ розыгрышъ ея журнала въ лоттерею; а подписные билеты—ни что иное, какъ лоттерейные билеты, которые многіе будутъ брать не столько для самаго изданія, сколько въ надеждѣ выигрыша, цѣнность котораго не много превосходитъ подписную плату. Если мы разрѣшимъ это одному изданію, то не будетъ основанія къ отказу въ томъ же и всѣмъ другимъ, а тогда большіе журналы, какъ академическая газета, «Сѣверная Пчела», «Библіотека для Чтенія», имѣющіе и безъ того тысячи подписчиковъ, станутъ назначать въ преміи цѣлые дома въ столицахъ или большія суммы денегъ и, по извѣстному пристрастію общества къ азартной игрѣ, пріобрѣтутъ уже не тысячи и не десятки, а сотни тысячъ подписчиковъ; лоттерея подъ предлогомъ подписки на журналы распространится въ огромныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ частныя лоттереи запрещены и допускаются нашимъ законодательствомъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія высшей власти. Кромѣ того въ Царствѣ Польскомъ существуетъ правительственная, такъ называемая «классная лоттерея», составляющая одну изъ статей казеннаго дохода, которому всякія частныя того же рода операціи не могутъ не принести ущерба. Я прибавилъ, что въ случаѣ разрѣшенія большинствомъ голосовъ моднаго журнала на просимомъ издательницею основаніи, я буду принужденъ въ интересѣ казны царства и общаго закона подать особое мнѣніе и объ этомъ случаѣ донести по начальству. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній кончилось тѣмъ, что модный журналъ былъ разрѣшенъ съ исключеніемъ выигрышныхъ премій. Проектъ г-жи *** былъ хорошо придуманъ съ разсчетомъ на порядочный доходъ; тайна нашихъ о немъ преній не была сохранена, и въ издательницѣ, и ея покровителяхъ я нашелъ себѣ сильныхъ враговъ»...

IV.

Для довершенія характеристики разсматриваемаго нами періода приведемъ еще нѣсколько фактовъ, относящихся къ началу и серединѣ 50-хъ годовъ.

Вотъ что сообщаетъ г. Н. Путята на страницахъ «Бесѣдъ въ обществѣ любителей россійской словесности» *).

«Въ пятидесятыхъ годахъ нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ учебнаго заведенія Н. Н. Муравьева для колоновожатыхъ собрались вечеромъ у одного изъ товарищей своихъ В. Х. Христіани, тогда директора департамента въ контрольномъ вѣдомствѣ. Разговоры ихъ весьма естественно обратились на воспоминанія о времени, проведенномъ ими въ училищѣ и о бывшемъ ихъ начальникѣ и наставникѣ, котораго всѣ они глубоко уважали и любили. Между прочимъ они пришли къ тому сознанію, что слѣды полезной дѣятельности Н. Н. Муравьева и основаннаго имъ учебнаго заведенія, бывшаго разсадникомъ офицеровъ тогдашняго генеральнаго

---

*) «Бес. въ общ. люб.», вып. III, 1871 г., стр. 47.

штаба, изглаживаются мало-по-малу изъ памяти современниковъ, такъ какъ никакихъ о томъ печатныхъ свидѣтельствъ не имѣется, а современемъ исчезнутъ и вовсе. Желая пополнить этотъ недостатокъ хотя до нѣкоторой степени, собравшіеся товарищи тутъ же положили составить краткое извѣстіе о жизни Н. Н. Муравьева и заслугахъ его на военно-учебномъ поприщѣ и возложили этотъ трудъ на меня, только-что оставившаго службу и потому болѣе другихъ имѣвшаго на то досуга. Въ виду строгостей тогдашней цензуры я ограничился въ составленной мною *Біографіи генералъ-маіора Николая Николаевича Муравьева* почти одними голыми фактами, подтверждавшимися оффиціальными документами. По прочтеніи моего труда въ томъ же кружкѣ товарищей мы передали его для помѣщенія въ «Военномъ Журналѣ» одному изъ насъ, генералъ-маіору П. Болотову, бывшему профессоромъ геодезіи въ военной академіи и сотрудникомъ помянутаго журнала. Дня черезъ два Болотовъ сообщалъ мнѣ, что главные редакторы и цензоры статью мою въ «Военный Журналъ» не приняли. На вопросъ мой, по какой причинѣ, Болотовъ отвѣчалъ: «Да такъ, не угодно; ничего не нашли въ ней недозволеннаго, но положительно отказали напечатать». Тогда мы отдали статью И. И. Панаеву, издателю «Современника». Панаевъ изъявилъ полную готовность принять ее въ свой журналъ, но затруднился тѣмъ обстоятельствомъ, что статья, будучи военнаго содержанія, должна быть предварительно представлена въ военную цензуру, которая уже отвергла ее. Между тѣмъ И. И. Панаевъ показалъ эту статью дядѣ своему, извѣстному сочинителю идиллій В. И. Панаеву, который былъ директоромъ канцеляріи министра двора фельдмаршала князя П. М. Волконскаго и слѣдовательно близкимъ къ нему человѣкомъ. Въ статьѣ упоминалось, что князь П. М. Волконскій въ бытность свою начальникомъ штаба, озабочиваясь особенно наполненіемъ ввѣренной ему части хорошо приготовленными образованными офицерами, обратилъ вниманіе на учебную дѣятельность Н. Н. Муравьева, поощрилъ его и доставилъ права службы его воспитанникамъ. В. И. Панаевъ прочелъ статью кн. Волконскому, который написалъ на ней: *очень хорошо и справедливо*. Съ такою подписью статья была представлена въ военную цензуру. Запретить ее становилось неловко, но начали въ ней вымарывать, измѣнять и искажать нѣкоторыя мѣста, такъ что заставили меня говорить совсѣмъ противное тому, что я хотѣлъ сказать. Въ борьбѣ съ этою цензурою я обратился наконецъ къ генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба, генералъ-адъютанту барону В. К. Ливену, также нашему товарищу по училищу и который принималъ участіе въ нашемъ дѣлѣ. Посредничество барона Ливена привело къ нѣкоторымъ соглашеніямъ и уступкамъ, и статья была пропущена цензурою. При этомъ одна помарка цензуры представляла совершенный курьезъ. Въ статьѣ было сказано между прочимъ, что въ 1820 году для образованія ученыхъ офицеровъ генеральнаго штаба курсы были пополнены потребными для того спеціальными предметами и учреждены при учебномъ заведеніи офицерскіе классы, въ которыхъ преподавались «*дифференціальное и интегральное вычисленія*»... Къ крайнему изумленію моему исчисленія эти были зачеркнуты краснымъ карандашемъ и вмѣсто того поставлено: *продолженіе чистой математики*... Никакъ не могъ я понять, въ чемъ заподозрѣла цензура эти невинныя исчисленія! Печатный приказъ начальника главнаго штаба объ учрежденіи офицерскихъ классовъ съ означеніемъ предметовъ преподаванія въ нихъ былъ у меня въ рукахъ, и я выписалъ изъ него въ мою статью правительственныя слова буквально... Болотовъ разрѣшилъ мое недоумѣніе. «Вотъ видишь, сказалъ онъ мнѣ:—въ военной академіи не преподаютъ дифференціальнаго и интегральнаго вычисленій, и такъ мы не хотимъ показать, что въ прежнее время въ Муравьевскомъ заведеніи курсъ наукъ былъ полнѣе и обширнѣе.

«Оспаривать это измѣненіе цензуры я почелъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ статьѣ были поименованы части чистой математики, преподававшіяся въ классахъ для колоновожатыхъ, продолженіе этой науки въ офицерскихъ классахъ не могло заключаться въ иномъ, какъ въ помянутыхъ вычисленіяхъ. Статья моя подъ заглавіемъ «*Генералъ-маіоръ Н. Н. Муравьевъ*» была наконецъ напечатана въ майской книжкѣ «Современника» 1852 г. и въ ней остались слова: *продолженіе чистой математики*. Излагая этотъ разсказъ, я невольно вспомнилъ стихи Грибоѣдова:

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»!

Въ началѣ 1852 года въ Парижѣ былъ выдуманъ какой то новый танецъ. «Въ фельетонѣ Академическихъ Вѣдомостей» объ этомъ было сказано нѣсколько словъ съ замѣчаніемъ, что этотъ танецъ вѣроятно распространится вездѣ. Министру показалось, что тутъ скрывается насмѣшка надъ Россіею. Онъ позвалъ

къ себѣ Очкина и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ съ угрозой отдать его подъ судъ.

Около того же времени были подвергнуты запрещенію Кантеміръ и двѣ басни Хемницера: «Левъ учредившій совѣтъ и привилегію». На докладѣ Главнаго управленія цензуры подписано: «Согласенъ. Кантеміра во всякомъ случаѣ нѣтъ пользы печатать: онъ только занимаетъ мѣсто на заднихъ полкахъ библіотеки *).

Въ томъ 1852 году, въ концѣ октября, Главное управленіе цензуры, разсмотрѣвъ представленіе московскаго цензурнаго комитета о прозаическихъ переводахъ на русскій языкъ сочиненій Мильтона: «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», обращающихся во множествѣ между отечественной публикой и въ особенности между простымъ народомъ, и имѣя въ виду неодобрительный о нихъ отзывъ духовной цензуры, опредѣлило: предложить циркулярно по цензурному вѣдомству, чтобы на будущее время принято было за правило допускать къ печати только такіе переводы Мильтона, которые по изяществу слога подходятъ близко къ достоинству подлинника и притомъ не иначе какъ въ стихахъ.

Распоряженіемъ 7-го апрѣля 1853 г. было запрещено печатаніе русскихъ статей латино-польскими буквами.

25-го іюля 1853 года Главное управленіе цензуры постановило—названіе русскихъ *москалями* допускать въ старыхъ сочиненіяхъ на польскомъ языкѣ, не распространяя этого снисхожденія на новыя книги; о чемъ было предложено комитету цензуры иностранной 17-го сентября 1853 года **).

Надо ли и говорить о томъ, что въ томъ же 1853 году въ числѣ иностранныхъ книгъ конечно ужь былъ безусловно запрещенъ для русской публики романъ Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома».

Въ октябрской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» напечатана рецензія Сенковскаго на «Пропилеи», гдѣ разобрана и разругана статья Авдѣева о храмѣ св. Петра въ Римѣ. Въ рецензіи между прочимъ сказано:

«Жаль, очень жаль, что «Пропилеи» издаются не на французскомъ языкѣ; такого вздора не посмѣлъ бы г. Авдѣевъ написать на языкѣ академіи надписей и г. Леонтьевъ (издатель «Пропилей») навѣрно не рѣшился бы напечатать для назиданія всей Европы того, что счелъ за довольно хорошее для насъ. Удивительно, что даже и въ русскомъ изданіи, въ которомъ можно пороть дичь безнаказанно, г. Леонтьевъ не употребилъ своей издательской власти на устраненіе по крайней мѣрѣ этой наглой шалости».

Комитетъ 6-го апрѣля нашелъ, что тутъ оскорблены русская литература и русское сужденіе. Велѣно было сдѣлать строгій выговоръ цензору и строжайшій Сенковскому съ внушеніемъ, что такія статьи не только не приносятъ пользы литературѣ, но напротивъ, вредятъ ей».

Въ № 6-мъ «Москвитянина» за 1854 годъ была напечатана статья М. Дмитріева «Мелочи изъ запаса моей памяти», въ которой описываются между прочимъ подробности удаленія отъ службы гр. Сперанскаго. Вслѣдъ за появленіемъ этой статьи, безъ сомнѣнія по докладу Бутурлинскаго комитета, было объявлено высочайшее повелѣніе недопускать въ печать ничего касающагося этого событія ***).

---

*) «Р. Стар.», 1890 г., № 3, стр. 640, 645.
**) «Сборн. постанов. по ценз.», стр. 284, 288, 290.
***) «Русск. Стар.», 1890 г., № 4, стр. 45—46, 293.

Въ той же книжкѣ «Москвитянина» была напечатана повѣсть Лихачева «Мечтатель», за которую лишены были мѣста цензора Похвистневъ и Ржевскій.

Въ томъ же 1854 году извѣстная писательница Татьяна Петровна Пассекъ намѣревалась издать для юношества педагогическій сборникъ изъ статей, подаренныхъ ей знакомыми московскими учеными. По новому закону, повелѣвавшему считать сборники за журналы, пришлось испрашивать высочайшаго разрѣшенія. Послѣдовала резолюція: «и безъ того много печатается».

7-го октября 1854 года министръ народнаго просвѣщенія отнесся къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Въ журналѣ «Современникъ» за августъ текущаго года напечатана повѣсть Писемскаго подъ заглавіемъ «Фанфаронъ», въ которой выведенъ помѣщикъ, изъ ложнаго самолюбія губящій свое состояніе, семейство и службу. Повѣсть эта, имѣющая и литературныя и правоучительныя достоинства, можетъ въ цензурномъ отношеніи, подвергнуться замѣчанію за встрѣчающіяся въ ней сатирическія выходки противъ должностей и лицъ служебныхъ. Такимъ образомъ неодобрительны: на стр. 157, выраженіе о судебныхъ мѣстахъ: «*Нельзя же, могутъ случиться дѣлишки по судамъ, лучше какъ прикормить*», и на стр. 470 отзывающійся проніею разсказъ о губернаторѣ, который посѣщаетъ помѣщика-мота въ благодарность за подаренную имъ губернаторской женѣ дорогую собачку.

«Находя, что въ литературныя произведенія не слѣдуетъ вводить ничего могущаго вредить тому уваженію, которымъ должны быть облечены въ общемъ мнѣніи правительственныя мѣста и лица, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить о семъ с.-петербургскому цензурному комитету для руководства на будущее время».

Въ №№ 9-мъ и 10-мъ «Отечественныхъ Записокъ» на 1854 годъ была помѣщена статья «Фантастическая зоологія», переведенная изъ «Revue des deux mondes». Въ статьѣ этой казалось бы нѣтъ ни сучка, ни задоринки въ цензурномъ отношеніи. Строго научная, сухая, она трактуетъ о различныхъ миѳическихъ вѣрованіяхъ, относящихся къ древнимъ и особенно среднимъ вѣкамъ, сказаніяхъ о всевозможныхъ сфинксахъ, драконахъ, центаврахъ и тому подобныхъ чудовищахъ различныхъ миѳологій. Конечно ужь библейскія сказанія подобнаго рода тщательно обходятся въ статьѣ, прошедшей сквозь строгую цензуру того времени. Какихъ либо обобщеній или выводовъ вы не найдете здѣсь и слѣда, одинъ голый наборъ фактовъ, и лишь въ концѣ статьи авторъ радуется, что «въ концѣ XVII-го вѣка науки, литература и художества положили конецъ прежней роли животныхъ, что теперь исторія животныхъ не принадлежитъ уже ни поэзіи, ни нравственности, ни судопроизводству, а положительной наукѣ и строгимъ наблюденіямъ; одни сельскіе жители, остающіеся подъ вліяніемъ преданій древности, сохранили еще нѣкоторыя изъ старинныхъ повѣрій; въ сельской жизни еще вѣрятъ предзнаменованіямъ филина, ворона, ласточки, разсказываютъ еще о пещерахъ, гдѣ живутъ крылатые змѣи, и беррійскій крестьянинъ увѣренъ, что быки его разговариваютъ между собою человѣческимъ языкомъ въ ночь на 25-е декабря. Наука, съ своей стороны, теперь только классифируетъ животныхъ, анатомируетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ чучелы, безжалостно устраняя всякую поэзію и повѣрья»...

Тѣмъ не менѣе высшія цензурныя власти заподозрили въ этой статьѣ колебаніе основъ, и вотъ 17-го декабря 1854 года было сдѣлано распоряженіе по с.-петербургскому цензурному комитету о томъ, что впредь «цензура обязана отстранять всякое разсужденіе, могущее поколебать вѣрованіе читателей въ непреложность церковныхъ преданій» *).

---

*) «Р. Стар.», 1890 г., № 5, стр. 279, 297, 299.

Въ началѣ слѣдующаго, 1855 года настоятель Троицко-Сергіевской пустыни архимандритъ Игнатій обратился съ жалобою къ министру народнаго просвѣщенія, что съ нѣкотораго времени въ столбцахъ различныхъ газетъ и ихъ фельетонахъ начали довольно часто появляться статьи о вышеозначенной пустыни въ особенности по поводу двухъ вновь устроенныхъ гостинницъ для богомольцевъ посѣщающихъ монастырь. Одна изъ этихъ гостинницъ находится на землѣ монастырской и называется арендаторскою, а другая на землѣ генералъ-маіора Толстого и называется «меблированныя комнаты». Нисколько не сомнѣваясь въ благонамѣренности побудительныхъ причинъ къ такимъ публикаціямъ, отецъ архимандритъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онѣ нерѣдко сообщаютъ публикѣ свѣдѣнія неправильныя о самомъ монастырѣ, каковою была публикація о закладкѣ церкви Преподобнаго Сергія 18-го іюля 1854 года якобы высокопреосвященнымъ митрополитомъ; свѣдѣнія о гостинницахъ, которыми косвенно нарушается достоинство монастыря къ соблазну для публики и ко вреду монастыря. Одна изъ такихъ статей напечатана въ фельетонѣ № 6-й «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», вышедшаго 9-го января текущаго года. Непосредственно вслѣдъ за объявленіемъ о тепломъ балаганѣ клоуна Віоля фельетонистъ говоритъ:

«Загородныя поѣздки на тройкахъ въ обшевняхъ, съ русской упряжью, по прежнему въ модѣ. Средняя Рогатка все еще служитъ цѣлью этихъ поѣздокъ, но у нея явилась опасная соперница: Арендаторская гостинница, недавно открытая за Сергіевскою Пустынью, па Петергофской дорогѣ». Слѣдуютъ подробности объ устройствѣ этой гостинницы, «въ которой стоитъ фортепьяно и можно слѣдовательно танцовать», о находящейся въ ней женской прислугѣ для дамъ» и т. п.

Вслѣдствіе этого заявленія архимандрита Игнатія министръ народнаго просвѣщенія обратился 10-го марта 1855 года къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Соглашаясь съ мнѣніемъ высокопреподобнаго архимандрита о томъ, что по мѣсту нахожденія упомянутыхъ гостинницъ и преимущественному ихъ назначенію для богомольцевъ, подобныя статьи могутъ, хотя и косвенно, оскорблять достоинство св. обители ко вреду ея и къ соблазну публики, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить с.-петербургскому цензурному комитету о строгомъ наблюденіи подобающаго приличія при одобреніи къ печати статей, касающихся первоклассной Троицко-Сергіевской Пустыни, въ особенности по поводу двухъ вышеупомянутыхъ вновь устроенныхъ гостинницъ для богомольцевъ» *).

Въ томъ же году или въ началѣ слѣдующаго вышла брошюра: «Говоръ простого человѣка: 1) Пѣтушинцы». Къ сожалѣнію, мы не могли нигдѣ достать этой брошюрки, даже въ Публичной Библіотекѣ. По поводу ея было сдѣлано слѣдующее распоряженіе по с.-петербургскому цензурному комитету 5-го апрѣля 1855 г.:

«Изложеніе коммунистическихъ правилъ, хотя бы и сдѣланное иронически, признано неумѣстнымъ въ изданіи, назначенномъ для простонароднаго чтенія».

Къ довершенію всего тому самому А. С. Пушкину, который едвали не болѣе всѣхъ своихъ современниковъ пострадалъ отъ грознаго режима разсматриваемаго нами періода, едва не пришлось сдѣлаться послѣднею жертвою этого режима. Въ 1855 году предпринято было новое изданіе его сочиненій. Такъ какъ предвидѣли, что со стороны тогдашней цензуры трудно будетъ ожидать пощады опальному, хотя и чтимому всею Россіею поэту, то позаботились исходатайствовать высочайшее повелѣніе, предоставлявшее вдовѣ Пушкина Натальѣ Николаевнѣ Ланской, попечительницѣ его дѣтей, право на повтореніе въ новомъ изданіи всѣхъ произведеній, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи 1838 года. Этимъ было огражде-

---

*) Ibid, стр. 300.

но отъ строгостей цензуры все то, что составляло содержаніе прежняго изданія. Но въ новое изданіе должно было войти множество стихотвореній Пушкина, разсѣянныхъ по старымъ журналамъ, начиная съ 1814 года и непопавшихъ въ изданіе 1838 года, а также статьи, отрывки и цѣлыя пьесы, находившіеся до тѣхъ поръ въ рукописяхъ и бумагахъ, оставшихся послѣ смерти поэта. Кромѣ того предполагалось приложить къ изданію «Матеріалы для біографіи Пушкина» и «Примѣчанія къ его произведеніямъ». Все это не находилось уже подъ охраною вышесказаннаго высочайшаго повелѣнія, и цензура могла безпрепятственно наброситься на эту оставшуюся на ея долю добычу, что̀ и было сдѣлано въ лицѣ А. Фрейганга, которому было поручено разсмотрѣніе изданія.

Прежде всего конечно ужь досталось «Матеріаламъ для біографіи А. Пушкина», несмотря на то, что издатель употребилъ всѣ усилія, чтобы избѣжать всякихъ столкновеній съ цензурою. «Составитель ихъ, говоритъ Анненковъ въ своей статьѣ «Любопытная тяжба» *):—зналъ, при какой обстановкѣ и въ какихъ условіяхъ онъ работаетъ, и могъ предпринять мѣры для огражденія отъ непосредственнаго вліянія враждебныхъ силъ. Оно такъ и было. Не трудно указать теперь на многія мѣста его біографическаго и библіографическаго труда, гдѣ видимо отражается страхъ за будущность своихъ изслѣдованій и гдѣ бросаются въ глаза усилія предупредить и отвратить толкованія и заключенія подозрительности и напуганнаго воображенія отъ его выводовъ и сообщеній».

Несмотря на всѣ предосторожности, Фрейгангъ отмѣтилъ много мѣстъ подлежащихъ къ исключенію. Вотъ эти мѣста:

1) Слѣдующіе отрывки изъ предисловія къ «Кавказскому плѣннику»:

a) Когда я *погибалъ безвинный*, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладной,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили,
Я близъ *тебя*...

b) Я рано скорбь узналъ, *постигнутъ былъ гоненьемъ*,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ,
Но сердце укрѣпивъ надеждой и терпѣньемъ...

c) Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ,
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ...

2) Слѣдующія разсужденія Пушкина о своей трагедіи:

«Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ переходитъ на сторону Димитрія, первый начинаетъ заговоръ и замѣтьте—онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ уже близокъ къ казни, но Димитрій съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которая отличала этого пройдоху, даетъ ему помилованіе, изгоняетъ его и снова возвращаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что же дѣлаетъ уже стоявшій разъ подъ топоромъ? Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, успѣваетъ, захватываетъ престолъ, падаетъ и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіи всей своей жизни».

«Димитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ и хвастливъ, какъ тотъ. Оба перемѣняютъ религію для политическихъ видовъ, оба любятъ войну, удовольствія, оба наклонны къ необыкновеннымъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью многочисленныхъ заговоровъ. Но Генрихъ не имѣлъ Ксеніи на совѣсти; правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своей обязанностью ему не вѣрить».

---

*) См. «Вѣстн. Евр.», 1881 г., № 1, стр. 19.

«Грибоѣдовъ не доволенъ былъ Іовомъ».

Слѣдующія мѣста изъ письма Пушкина, тоже о своей трагедіи: 1) «Ma tragédie est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps-là... Quant aux grosses indécenses, n'y faites pas attention»... 2) «Après avoir goûté de la royauté— voyez la (Марину Мнишекъ), ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier. partager tantôt le lit degoutant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque qui peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus»... 3) «Гаврило Пушкинъ est un de mes encêtres; je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents. Homme de guerre, homme de cour—c'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès de Самозванецъ par une audace inouie».

3) Слѣдующее размышленіе Пушкина:

«Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже) и что всѣ ея *секты* для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. *Обряды* и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть?

4) Слѣдующее мнѣніе Пушкина о Державинѣ въ письмѣ къ Дельвигу:

«По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія; вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдерживать и строфы (исключая чего—знаешь). Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія, истинно поэтическія. Читая его кажется читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ о немъ. У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно о Державинѣ» *).

5) Слѣдующее стихотвореніе Пушкина о собственной его жизни:

«Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ,
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые.
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ, и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба.

6) Слѣдующіе отрывки о *безсмертіи души*, написанные Пушкинымъ, какъ произведеніе Владиміра Ленскаго:

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Могилу переживъ, уноситъ мысли вѣчны,

---

*) Мѣсто это было выпущено цензоромъ вслѣдствіе цензурнаго мѣропріятія, по которому не должна была допускаться къ обнародованію никакая критическая оцѣнка старыхъ классическихъ писателей, если она можетъ умалить ихъ авторитетъ. Распоряженіе это было вызвано доносами на критическіе разборы литературы В. Бѣлинскаго, будто бы оскорбляющіе народную гордость и помрачающіе славу великихъ мужей Россіи.

И память, и любовь въ пучины безконечны —
Клянусь! давно бы я покинулъ грустный міръ,
Узрѣлъ бы я предѣлъ восторговъ, наслажденій,
Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ;
Но тщетно предаюсь плѣнительной мечтѣ».

7) Слѣдующій отрывокъ изъ письма Пушкина о программѣ газеты, которую дозволено было издавать ему въ 1832 году:

«Онъ (Пушкинъ) получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но почти на другой день писалъ съ досадой: «какую программу хотите вы видѣть: извѣстія о курсѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ: вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію... Остальное меня мало интересуетъ» и пр.

8) Слѣдующія выраженія въ сказкахъ Ирины Родіоновны:

«Царь женился на меньшой и съ первой ночи она понесла».

«Одинъ изъ сыновей уродился чудомъ, ноги серебряныя, руки золотыя», и пр.

«Царь пьетъ изъ проруби; кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ... Царь взмолился... Задумался бѣдный царь».

«Царь (другой, подземнаго царства) повелѣваетъ Ивану Царевичу построить церковь въ одну ночь. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: не печалься, Иванъ Царевичъ, *скинь портки, повѣсь на шестокъ* *, да спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви... Царевичъ думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ: а ну-же его! повѣситъ такъ повѣситъ, голова мнѣ не дорога... Поутру церковь готова».

«Марья Царевна превращаетъ Ивана Царевича въ церковь, а себя въ священника... церковь ветха, священникъ старъ».

9) Слѣдующіе подчеркнутые стихи въ различныхъ отрывкахъ и цѣльныхъ пьесахъ Пушкина:

a) Не женщины любви насъ учатъ
А первый *пакостный* романъ...

b) Мой недочитанный разсказъ
Въ передней кончитъ вѣкъ позорный,
Какъ инвалидъ иль календарь...

c) Въ пещерѣ тайной, *въ день гоненья*
Читалъ я *сладостный* коранъ —
Внезапно ангелъ утѣшенья,
Взлетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ...

d) На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

Выраженіе объ александрійскомъ стихѣ (изъ «Домика въ Коломнѣ»):
«Растрепанъ былъ свободною цензурой».

Далѣе идутъ слѣдующія исключенія изъ прочихъ томовъ изданія:

10) Изъ стихотворенія къ «Другу—стихотворцу:»

«Въ деревнѣ помнится, съ мірянками простыми,
Отшельникъ **) пожилой и съ кудрями сѣдыми,
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, въ довольствѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у нихъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы подъ вечеръ онъ шелъ немного пьяный;
Попалися ему на встрѣчу мужики:
— Послушай, батюшка, сказали простяки,
Настави грѣшныхъ насъ: ты пить вѣдь запрещаешь,
Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь—
И вѣримъ мы тебѣ; да что-жь сегодня самъ?..
— Послушайте, сказалъ отшельникъ мужикамъ:

*) Слова, подчеркнутыя курсивомъ, остались выпущенными изъ изданія.
**) Въ подлинникѣ *священникъ*.

Какъ *) васъ учу, такъ вы и поступайте;
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте».

11) Окончаніе стихотворенія «Блаженство»:

«Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужь третью; но въ глазахъ—
Видъ окрестный потемнился
И несчастный—утомился,
Томно голову склоня.
— Научи, сатиръ, меня,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ,
Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу счастливымъ быть?
Я не въ силахъ больше пить!
— Слушай, юноша, любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови!
Помни дружбы наставленья;
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви;
Такъ поди-жь теперь съ похмѣлья
Съ Купидономъ помирись,
Позабудь его обиды,
И въ объятіяхъ Дориды
Снова счастьемъ насладись».

12) Цѣликомъ все стихотвореніе «Элегія», несмотря на то, что оно было напечатано недавно, въ «Современникѣ» 1850 г., почерпнувшемъ его изъ стараго альманаха «Сѣверная Звѣзда» 1829 года:

«О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный жаръ,
При коей сносны жизни бѣдства,
Безъ коей счастье тщетный даръ!
Я звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ;
Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ.
Услышатъ пѣснь мою потомки
Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ,
И лиры гордые обломки,
Переживутъ вѣнки льстецовъ».

13) Окончаніе стиховъ «къ Н. Г. Л—ву»:

Когда-жъ пойду на новоселье
(Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ.

14) Слѣдующіе стихи изъ «Руслана и Людмилы»:

1) Ужели Богъ намъ далъ одно
Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
Вамъ остаются въ утѣшенье
Война, и музы, и вино...

2) Не правъ фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему—теперь колдунъ
Иль магнетизмомъ лечитъ бѣдныхъ,
И дѣвочекъ худыхъ и блѣдныхъ,
Пророчитъ, издаетъ журналъ:
Дѣла, достойныя похвалъ!

---

*) Пропущено издателемъ «въ церкви».

15) Въ статьѣ «Замѣтка на сцену изъ Фонвизина: «Разговоръ у княгини Халдиной» Пушкинъ, разбирая характеръ Сорванцова, одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены, говоритъ:

«Она продаетъ крестьянъ въ рекруты и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка».

16) Слѣдующій отрывокъ изъ письма Пушкина къ Погодину и замѣчаніе послѣдняго по поводу стихотворенія «Герой»:

Письмо Пушкина: «Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ»; но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы—не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ее, то перешли Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанную».

Замѣчаніе Погодина: «Я напечаталъ стихи тогда же въ «Телескопѣ» и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ послѣ многозначительнаго *«утѣшься!»* «29-го сентября 1830», есть день прибытія государя императора въ Москву во время холеры».

17) Слѣдующая выписка изъ предисловія къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», напечатаннаго при второмъ ея изданіи (1828 г.):

«Долгъ искренности требуетъ также упомянуть о мнѣніи одного изъ увѣнчанныхъ первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ «Руслана и Людмилу», сказалъ: я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственноость. Другой (а можетъ быть и тотъ же) первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

«Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.
18-го февраля 1828».

18) Слѣдующая отдѣльная замѣтка:

«Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятія о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Өедоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшались: Іоаннъ III, ни терпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ».

19) Слѣдующія мѣста изъ антикритики Пушкина на статью Броневскаго объ «Исторіи Пугачевскаго бунта»:

a) «*Политическія и нравоучительныя размышленія*, коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе, слабы и *пошлы* и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій»...

b) Цитата изъ Броневскаго, приводимая Пушкинымъ въ подстрочномъ примѣчаніи для примѣра пошлыхъ размышленій своего критика:

«Нравственный міръ, также какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзающаго разсматривать оные. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла—то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ, ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которыя разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ пасть человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостью вырвалъ бы страницу сію изъ моего труда»!

20) Въ статьѣ «Россійская Академія» слѣдующія два мѣста:

a) Выписка, которую Пушкинъ дѣлаетъ изъ журнала «Собесѣдникъ любителей русскаго слова» 1783 г., гдѣ находились вопросы Фонвизина и отвѣты на нихъ императрицы Екатерины II, и которые гласятъ:

Вопросъ Фонвизина: Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе? *Отвѣтъ:* Предки наши не всѣ граматѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли».

*

«Сіи отвѣты, прибавляетъ Пушкинъ, писаны самой императрицей» *).

b) Слѣдующее мѣсто о Карамзинѣ:

«Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову государыни великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли «О древней и новой Россіи», со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостью убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы—прочелъ и остался попрежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя, и благородство патріота» **).

Всѣ эти выдержки наглядно показываютъ намъ, до какого крайняго умопомраченія дошла предварительная цензура въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ въ лицѣ такихъ цензоровъ, какъ А. Фрейгангъ и комп. Это была мертвая, бюрократическая машина, отъ излишняго усердія совершенно истершаяся и до такой степени исказившаяся, что въ концѣ концовъ она уже не разбирала, что́ попадалось подъ ея поломанные зубья—мука ли, известка или пальцы владѣвшихъ ею мастеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить, что одинъ и тотъ же цензоръ однимъ и тѣмъ же карандашомъ въ цензуруемомъ имъ изданіи на одной страницѣ вычеркнулъ слова Погодина, дѣлающія изъ стихотворенія Пушкина «Герой» оду въ честь императора Николая, а на другой не допустилъ безпощадную брань, которою осыпаетъ Броневскій Пугачева, то можно подумать, что это былъ цензоръ какого-нибудь революціоннаго трибунала, не желавшій допустить, чтобъ въ одномъ и томъ же изданіи прославлялся императоръ и поносился Пугачевъ. По словамъ г. Анненкова, такія антиправительственныя запрещенія дѣлались тогда сплошь и рядомъ.

Операція, произведенная Фрейгангомъ надъ изданіемъ Пушкина, была послѣднею каплею переполнившею чашу. Само высшее начальство въ лицѣ большинства членовъ Главнаго управленія цензуры, отшатнулось отъ этой операціи. Когда издатель апеллировалъ приговоръ спб. цензурнаго комитета передъ Главнымъ управленіемъ цензуры пространною запискою, въ которой представилъ рядъ подробныхъ и обстоятельныхъ возраженій на каждое исключеніе цензора, напрасно гр. Мусинъ-Пушкинъ, вполнѣ соглашаясь съ Фрейгангомъ и убѣжденный въ политической необходимости всѣхъ его помарокъ, настаивалъ на томъ, чтобы записка издателя не была принята, что такая поблажка издателю могла бы послужить дурнымъ примѣромъ для авторовъ вообще, постоянно заявляющихъ нестерпимую претензію знать причины цензурныхъ распоряженій до нихъ касающихся. Случись все это одинъ годъ назадъ, и голосъ гр. Мусина-Пушкина конечно имѣлъ бы рѣшающее значеніе. Но жизнь наша въ это время успѣла уже вступить въ новую эпоху, и въ воздухѣ хотя и смутно еще начинали чувствоваться совершенно новыя вѣянія... Ужь и министромъ народнаго просвѣщенія былъ теперь не кн. Ширинскій-Шихматовъ, а мягкосердечный и литературно образованный ветеранъ 1812 года А. С. Норовъ, который первый подалъ голосъ за принятіе оправдательной записки издателя. И даже Дубельтъ, нѣкогда отзывавшійся о произведеніяхъ Пушкина, какъ о дряни, которой не стоитъ заниматься, присоединился къ мнѣнію Норова и съ своей стороны заявилъ, что онъ «не находитъ опасности для дѣйствующихъ по печати законовъ въ допущеніи «записки» ни для кого не обязательной при рѣшеніи спорныхъ пунктовъ».

Записка была такимъ образомъ принята и нетолько прочитана большин-

*) Мѣсто это осталось выпущеннымъ въ изданіи.

**) «В. Евр.» 1881 г., № 1, стр. 21—40.

ствомъ членовъ правленія, но канцелярія снабдила ее поправками, ссылками на уставы и законодательство, что сдѣлало ее еще болѣе убѣдительною. Начались жаркія пренія, въ которыхъ рельефно выразилась вся та ожесточенная борьба отжившаго прошлаго съ зарождавшеюся новою жизнью, борьба, которая закипала въ то время во всѣхъ отрасляхъ государственнаго правленія. Напрасно гр. Мусинъ-Пушкинъ отстаивалъ съ пѣною у рта, что если помарки Фрейганга не будутъ утверждены, то Россіи угрожаетъ чуть-что не гибель. Кромѣ двухъ, вышеозначенныхъ нами въ подстрочномъ примѣчаніи, всѣ онѣ были отвергнуты большинствомъ собранія. Когда гр. Мусинъ-Пушкинъ удалялся изъ засѣданія, мрачный, какъ послѣдняя туча разсѣянной бури, онъ произнесъ въ раздраженіи замѣчательное изреченіе, показывавшее все его недоумѣніе при видѣ новыхъ порядковъ:

«Никогда еще не бывало, чтобы цѣлое вѣдомство пожертвовано было неизвѣстно откуда взявшемуся господину»!

Послѣ этого достопамятнаго засѣданія, въ которомъ новая эпоха одержала первую блистательную побѣду надъ отжившимъ режимомъ, министръ Норовъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ императору Александру II и послѣдній утвердилъ рѣшеніе Главнаго управленія цензуры слѣдующею резолюціею: «печатать изданіе безъ всякихъ поправокъ и *неумѣстныхъ умничаній* по ихъ поводу».

Подчеркнутыя нами слова высочайшей резолюціи повели Главное управленіе цензуры къ новому столкновенію партій. Поднялись пренія о томъ, какъ понимать эти слова. Враги изданія настаивали на томъ, что слова резолюціи должны относиться къ біографіи и примѣчаніямъ издателя и требовали, чтобы было отказано имъ въ пропускѣ. Приверженцы же изданія утверждали, что подъ *неумѣстными умничаньями* слѣдуетъ понимать критики и рецензіи, которыя могутъ появиться по выходѣ изданія въ свѣтъ. Министерство народнаго просвѣщенія и на этотъ разъ присоединилось къ прогрессивной партіи и приняло на себя отвѣтственность за выпускъ изданія въ полномъ его составѣ *).

Часъ стараго режима окончательно пробилъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Цензурная анархія въ эпоху императора Александра II и ея причины. — Записка Берте. — Протесты либеральныхъ членовъ Главнаго правленія цензуры. — Разрѣшеніе военныхъ корреспонденцій. — Разрѣшеніе «Русскаго Вѣстника» и «Русск. Бесѣды». — Статьи «Морского» и «Военнаго» сборниковъ и ихъ почипъ обличительной гласности.—Протесты различныхъ лицъ А. С. противъ цензурныхъ строгостей и оппозиція реакціонеровъ противъ свободы прессы.—Отставка Норова и его prefession de foi.—Усиленіе репрессивныхъ мѣръ при Ковалевскомъ.—Обузданіе «Военнаго» и «Морского» сборниковъ.—Протесты духовныхъ властей.—Исторія съ «Одесскимъ Вѣстникомъ» и пр.

I.

Когда возможна будетъ настоящая, полная и всесторонняя исторія нашей цензуры, по обнародованіи и изслѣдованіи всей массы документовъ, я убѣжденъ, что и тогда десятилѣтіе отъ 1855 по 1865 годъ, будетъ названо смутнымъ и хотическимъ періодомъ въ исторіи русской цензуры. Это было время полной

---

*) Ibid, стр. 41—43.

цензурной анархіи. Но это слово *анархія* отнюдь не слѣдуетъ принимать въ томъ смыслѣ, чтобы цензура сдѣлалась такъ слаба, что все проходило сквозь нее безпрепятственно, какъ будто ея совсѣмъ не существовало. Напротивъ того она заявляла о своемъ существованіи болѣе чѣмъ когда-либо, но въ ней замѣчалось полное отсутствіе какого бы то ни было руководящаго принципа, опредѣленныхъ требованій, единства въ отправленіи ею своихъ обязанностей. Всѣ многочисленные члены ея вѣдомства разбились на отдѣльныя, враждебныя группы, ежедневно вступавшія въ ожесточенную борьбу между собою, и пропускъ чего бы то ни было, начиная отъ самаго смѣлаго и кончая невиннѣйшимъ, сталъ зависѣть отъ слѣпого, непредвидѣннаго случая.

Было бы совершенно ошибочно предполагать, чтобы съ общимъ оживленіемъ жизни во всѣхъ ея сферахъ и отправленіяхъ, съ общимъ стремленіемъ къ либеральнымъ реформамъ, обуявшимъ всѣ слои общества, и цензура сразу встала на либеральную почву, какъ это было нѣкогда въ началѣ царствованія Александра I. Если первое десятилѣтіе XIX вѣка имѣетъ не мало аналогическихъ сторонъ съ эпохою отъ 55 по 65 годовъ, то отнюдь эта аналогія не простирается на исторію цензуры. При Александрѣ I цензурная реформа была чуть ли не первымъ дѣломъ правительства при самомъ вступленіи на престолъ молодого императора; теперь же хотя въ свою очередь вопросъ о новомъ цензурномъ уставѣ былъ поднятъ, какъ увидимъ ниже, въ самомъ началѣ царствованія, но—иныя болѣе важныя и существенныя реформы поглотили все вниманіе правительства; печать же почти цѣлое десятилѣтіе оставалась все при тѣхъ же тягостныхъ законахъ, при которыхъ она существовала при Николаѣ; если же и предпринимались кое-какія реформы въ этомъ отношеніи, то по большей части онѣ клонились не столько къ освобожденію прессы отъ прежнихъ узъ, сколько къ обузданію ея и введенію въ прежнія границы.

Тѣмъ не менѣе никогда ни до, ни послѣ того печать не была такъ либеральна и смѣла, никогда ей такъ много не допускалось, никогда не имѣла она такого рѣшающаго, почти господствующаго голоса въ русской жизни, какъ именно въ это достопамятное десятилѣтіе. Обойденная реформами, она затмила собою жалкую прессу эпохи Александра I, несмотря на то, что послѣдняя опиралась на либеральныя постановленія. И это очень понятно. Въ началѣ царствованія Александра I русская пресса находилась еще въ зародышѣ. Самый кругъ интеллигенціи въ это время былъ еще очень узокъ, и, не простираясь въ глубь общества, обнималъ собою одни верхи, сливки его. Верхи эти, увлеченные грандіозными событіями запада, смотрѣли на жалкую русскую прессу сверху внизъ, и, поощряя ее, въ то же время питали къ ней высокомѣрное презрѣніе, и сама она безъ читателей, безъ умственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, находясь въ полной зависимости отъ великодушныхъ меценатовъ, поневолѣ была принижена, робка и ничтожна. Теперь же кругъ интеллигенціи значительно расширился, глубоко внѣдрился въ средніе слои общества и пресса, богатая плеядою блестящихъ и образованнѣйшихъ талантовъ, опиралась на массу читающей публики. Когда послѣ крымской войны послѣдовалъ взрывъ реформеннаго энтузіазма, это было уже не увлеченіе кружка, а массовое движеніе чисто стихійное. Подобныя же стихійныя движенія имѣютъ то свойство, что они нетолько рушатъ всѣ воздвигаемыя имъ преграды, но увлекаютъ ихъ за собою, такъ что преграды обращаются иногда въ участниковъ движенія. То же случилось и въ разсматриваемое нами время. Общее движеніе, увлекшее за собою прессу, вмѣстѣ

съ тѣмъ увлекло и значительную часть самихъ цензоровъ, и грозныя цензурныя постановленія конца сороковыхъ годовъ начали безцеремонно обходиться, а если и употреблялись какъ слѣпое орудіе со стороны наиболѣе рьяныхъ приверженцевъ дореформенныхъ порядковъ, то возбуждали протесты и оппозицію въ либеральномъ мірѣ, и реакціонеры очень часто принуждены бывали отступать.

Вотъ какими характеристическими чертами рисуетъ положеніе цензурнаго вѣдомства въ этотъ періодъ д. ст. сов. Берте въ своей запискѣ, представленной имъ въ 1862 году въ качествѣ предсѣдателя комитета для пересмотра цензурнаго устава:

«Здѣсь серьезно возникаютъ вопросы: почему же цензура неудовлетворительно исполняетъ свою обязанность? Почему она допускаетъ уклоненіе литературныхъ произведеній за указанныя имъ границы? Заключается ли такое послабленіе только въ качествахъ и произволѣ самихъ цензоровъ или имѣются еще другія къ тому побужденія? Надобно сознаться, что сначала, когда литературные органы гласности, пріобрѣвъ или придавъ себѣ большую свободу слова сравнительно съ прежнею, со всею пылкостью и страстностью ложно понятой свободы устремились къ обсужденію и обработкѣ такихъ предметовъ, которые прежде лежали внѣ литературной сферы, цензоры захвачены были такимъ порывомъ такъ сказать врасплохъ, переходъ отъ стараго строя словесности къ новому засталъ ихъ неприготовленными, недостаточно вразумленными. Главное управленіе цензуры, руководящее цензоровъ, не успѣло еще снабдить ихъ сколько-нибудь положительными наставленіями, да и не могло предвидѣть всѣхъ частныхъ случаевъ, всѣхъ вопросовъ и предметовъ, по которымъ цензура могла встрѣтить недоразумѣніе. Слѣдствіемъ сего были нетолько шаткость, но и полное разнообразіе дѣйствій. Тогда какъ одни цензора, понимая дарованную литературѣ свободу въ слишкомъ обширномъ смыслѣ и можетъ быть сочувствуя общему движенію, дозволяли болѣе и болѣе разливаться этому потоку, другіе, неумѣвшіе постигнуть истинныхъ видовъ правительства или считавшіе новое направленіе противнымъ своей обязанности и своимъ убѣжденіямъ, упорно сопротивлялись всякому облегченію и снисхожденію. Въ такомъ положеніи дѣла одни цензоры были устранены начальствомъ, другіе же сами сознали свою несостоятельность и удалились добровольно. Вновь назначенные цензора, не имѣя опытности прежнихъ, встрѣтили литературное поле уже разработаннымъ по новой системѣ и можетъ быть, считая ее законно признанною, продолжали дѣлать послабленія, за которыя также подвергались взысканіямъ Главнаго управленія цензуры, которое непрерывно и по собственному побужденію и по настоянію другихъ вѣдомствъ, считавшихъ себя оскорбленными въ журнальныхъ статьяхъ, касавшихся предметовъ ихъ управленія, обращались къ цензорамъ съ наставленіями, указаніями, подтвержденіями и выговорами и даже многихъ изъ нихъ удаляло отъ должностей. увѣщевало издателей и редакторовъ журналовъ и нѣкоторыя изъ повременныхъ изданій прекратило. Но всѣ эти мѣры не вполнѣ достигали своей цѣли: цензурныя упущенія продолжаются доселѣ; авторы и издатели прибѣгаютъ къ разнымъ изворотамъ, чтобы провести цензора, осаждаютъ его неотступно, заваливаютъ грудами статей, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ появиться въ свѣтъ и напрасно отнимаютъ у цензоровъ время. Къ этой безпрерывной борьбѣ присоединяется часто общественное мнѣніе, направляемое литераторами противъ цензуры, а въ иныхъ случаяхъ и нѣкоторое сочувствіе самихъ цензоровъ успѣхамъ литературы и преуспѣянію тѣхъ отраслей знанія или сторонъ общественной жизни. которыхъ касаются сочиненія. Въ такомъ положеніи цензорамъ остается только дѣйствовать съ полнымъ самоотверженіемъ. Но если и самые благоразумные и преданные правительству цензора не смотря на всѣ побужденія, взысканія и предстоящее даже удаленіе отъ службы, впадаютъ въ ошибки, оказывая послабленіе писателямъ и редакторамъ, то надобно сознаться, что цензурѣ въ настоящемъ положеніи недостаетъ силы, необходимой для энергическаго исполненія своего долга, силы, которую она могла бы противопоставить враждебному натиску литературы. Скажемъ прямо: уклоненіе печатныхъ литературныхъ произведеній отъ указаннаго имъ направленія составляетъ не исключительную вину цензоровъ; оно объясняется обстоятельствами времени и поддерживается несоотвѣтствующимъ настоящимъ потребностямъ страдательнымъ положеніемъ цензуры *)....

---

*) Записка предсѣд. комит. для пересмотра ценз. уст. д. ст. сов. Берте и чл. сего комитета ст. сов. Яценкова, 1862 г., стр. 14—15.

Но было бы ошибочно предполагать, что пресса «захвативъ,—какъ выражается Берте:—врасплохъ неприготовленныхъ и маловразумленныхъ цензоровъ», сразу заняла то положеніе, какое она имѣла въ половинѣ 60-хъ годовъ. Положеніе это было завоевано прессою медленно, шагъ за шагомъ, путемъ непрерывной борьбы—правда весьма упорной, но заключавшейся не въ какихъ-либо грандіозныхъ сраженіяхъ, а въ безконечномъ рядѣ ежедневныхъ мелкихъ стычекъ, Уже въ первой половинѣ 1855 года, въ Главномъ управленіи цензуры начали раздаваться оппозиціонные голоса, протестующіе противъ излишнихъ строгостей цензуры. Во главѣ этихъ протестантовъ являются товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь Вяземскій и членъ Главнаго управленія цензуры Скрипицынъ. Такъ когда по поводу одной переводной статьи, въ которой проводилась параллель между современнымъ состояніемъ Франціи и Голландіи, нѣкоторые члены Главнаго управленія цензуры выразили подозрѣніе, что въ статьѣ заключаются злонамѣренные намеки, князь Вяземскій письменно возражалъ противъ этихъ подозрѣній. «Нельзя не сожалѣть, писалъ онъ:—о кривомъ направленіи нѣкоторыхъ умовъ, слишкомъ щекотливыхъ, которые во всякомъ похвальномъ отзывѣ о чужомъ порядкѣ вещей ищутъ тайнаго порицанія порядка у насъ существующаго, и во всякомъ замѣчаніи на постороннія злоупотребленія и недостатки видятъ лукавый намекъ на наши». Это мнѣніе князя Вяземскаго превозмогло, и статья была пропущена. Скрипицынъ въ томъ же году отстоялъ подобнымъ же образомъ какую-то повѣсть, которую цензоръ не пропускалъ въ свою очередь, подозрѣвая автора въ тайной злонамѣренности. «Я полагаю, писалъ Скрипицынъ:—что цензоръ долженъ ограничиться разсмотрѣніемъ статьи, не входя въ сужденія о предполагаемыхъ намѣреніяхъ автора».

Мы уже говорили выше, что извѣстія съ поля войны составляли монополію «Русскаго Инвалида», прочія же какъ газеты, такъ и журналы ограничивались лишь перепечаткою сообщаемаго въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ 1854 году редакторы «Современника» обратились-было съ просьбою въ Главное управленіе цензуры о дозволеніи имъ помѣщать свои извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ. Но имъ было отказано на томъ основаніи, какъ писалъ военный министръ, что «отъ подобнаго совмѣстничества можетъ пострадать «Русскій Инвалидъ», доходы съ изданія коего имѣютъ благотворительную цѣль». Цензора же еще болѣе усугубили эту монополію «Русскаго Инвалида»: они не допускали печатанія въ періодическихъ изданіяхъ нетолько какихъ-либо корреспонденцій изъ военнаго лагеря, но даже и беллетристическихъ произведеній съ военною обстановкою. При такихъ условіяхъ «Севастопольскимъ разсказамъ» гр. Л. Толстого предстояла печальная участь пролежать въ портфелѣ автора, Богъ знаетъ, сколько времени. Но въ маѣ мѣсяцѣ 1855 г. редакторъ «Современника» И. Панаевъ обратился въ Главное управленіе цензуры съ новою просьбою о дозволеніи печатать въ «Современникѣ», какъ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и военную беллетристику.

«Такого рода статьи, писалъ онъ: — должны быть кажется достояніемъ всѣхъ газетъ и журналовъ, а не одного «Русскаго Инвалида» или «Сѣверной Пчелы», ибо патріотизмъ—чувство неотъемлемое ни у кого, присущее всѣмъ и не раздающееся, какъ монополія. Если литературные журналы будутъ вовсе лишены права разсказывать о подвигахъ нашихъ героевъ, быть проводниками патріотическихъ чувствъ, которыми живетъ и движется въ сію минуту вся Россія, то оставаться редакторомъ литературнаго журнала будетъ постыдно... Развѣ мы, редакторы этихъ журналовъ, не русскіе по сердцу и убѣжденіямъ? Можемъ ли мы оставаться въ эти минуты совершенно чуждыми великимъ совершающимся событіямъ? Можемъ ли

подавить въ себѣ всѣ патріотическія стремленія, порыванія, чувства? Описывая петербургскія новости провинціальнымъ нашимъ читателямъ, мы не смѣемъ упомянуть о томъ, какъ Государь Императоръ изволилъ дѣлать смотръ петербургской дружинѣ государственнаго ополченія, энтузіазмъ всѣхъ видѣвшихъ это, наши впечатлѣнія, наши слезы, наши ощущенія при этомъ зрѣлищѣ!»

Князь Долгорукій уважилъ просьбу Панаева и ему было разрѣшено печатать нетолько повѣсти изъ военнаго быта, но и военныя корреспонденціи. Дозволеніе это, само собою разумѣется, простиралось и на всю прессу, которая не замедлила воспользоваться льготою. «Современникъ» праздновалъ побѣду тѣмъ, что въ іюльской же книжкѣ 1855 года появилось начало военныхъ разсказовъ гр. Л. Толстого, причемъ заглавіе перваго разсказа «Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ, Л. Н. Т.» было напечатано въ оглавленіи нумера самымъ крупнымъ шрифтомъ. Послѣ этого разсказы и повѣсти изъ военнаго быта и корреспонденціи изъ-подъ Севастополя посыпались какъ изъ рога изобилія, и ни одинъ нумеръ «Современника» не обходился безъ нѣсколькихъ статей въ этомъ родѣ.

Въ томъ же 1855 году было представлено въ московскую цензуру второе изданіе книги «Выбранныя мѣста изъ переписки Гоголя». Московская цензура, сверхъ того что было выпущено изъ перваго изданія, отмѣтила еще нѣсколько мѣстъ. Но князь Вяземскій подалъ слѣдующее мнѣніе по этому поводу:

«Полагаю, что мѣста отмѣченныя московскою цензурою въ книгѣ «Выбранныя мѣста изъ переписки Гоголя», могутъ и должны быть безъ малѣйшаго сомнѣнія разрѣшены къ перепечатанію. Болѣе того: желательно бы представить вновь и письма (19, 20, 21, 26 и 28), вовсе изъ помянутой книги исключенныя цензурою прежнихъ годовъ. Не помню въ подробности содержанія этихъ писемъ, но судя по общему духу книги, духу высоконравственному, чисто религіозному и православному, нельзя не предполагать, что эти письма могутъ быть съ пользою допущены къ напечатанію. Впрочемъ если и встрѣтились бы въ нихъ нѣкоторыя рѣзкія выраженія, возбуждающія сомнѣнія цензуры по своему изложенію, но вовсе не предосудительныя по смыслу, они не должны подвергаться безусловной строгости цензуры; эта рѣзкость выраженій принадлежитъ къ характеристическимъ особенностямъ таланта автора и при общемъ направленіи настоящаго сочиненія придаетъ только болѣе блеска и живости разсужденіямъ нравственнымъ и назидательнымъ.

Тотъ же 1855 годъ ознаменовался уничтоженіемъ того безусловнаго veto, которое тяготѣло надъ просьбами объ изданіи новыхъ періодическихъ изданій. Въ этомъ году было разрѣшено изданіе разомъ двухъ московскихъ журналовъ — «Русскаго Вѣстника» и «Русской Бесѣды».

Катковъ въ просьбѣ своей объ изданіи новаго журнала обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующими словами:

«Просвѣщеніе, распространявшееся поверхностно и непосредственно изъ чуждыхъ источниковъ, теперь почувствовалось въ глубинѣ собственной нашей народности. Прекрасные проблески поэзіи и искусства возвѣстили міру присутствіе новаго духовнаго дѣятеля въ семьѣ человѣчества. Должно желать, чтобы образованіе наше укрѣплялось въ этомъ направленіи, чтобы все болѣе и болѣе прояснялся собственно русскій взглядъ на вещи, чтобы русскій умъ также свергъ съ себя иго чуждаго слова, чтобы наша литература, созрѣвая и обогащаясь, могла доставлять удовлетвореніе всѣмъ умственнымъ потребностямъ русскаго человѣка. Однѣхъ запретительныхъ мѣръ недостаточно для огражденія умовъ отъ несвойственныхъ вліяній; необходимо возбудить въ умахъ положительную силу, которая бы противодѣйствовала всему ей несродному. Къ сожалѣнію мы въ этомъ отношеніи вооружены недостаточно... Отъ праздномыслія лучшее средство есть трудъ, совершаемый на глазахъ у всѣхъ, подлежащій общему суду и оцѣнкѣ и потому должно желать, чтобы сколь можно болѣе процвѣтали у насъ законныя и публичныя средоточенія умственной дѣятельности».

Въ представленную при этой просьбѣ программу новаго журнала г. Катковъ включилъ между прочимъ и политическій отдѣлъ. Этотъ отдѣлъ допускался до

того времени лишь въ четырехъ газетахъ: «С.-Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверной Пчелѣ» и «Русскомъ Инвалидѣ»; во всѣхъ же прочихъ періодическихъ изданіяхъ онъ издавна былъ безусловно воспрещенъ. Ходатайство г. Каткова было подкрѣплено письмомъ попечителя московскаго университета генералъ-адъютанта Назимова, который, отдавая «полную справедливость отличнымъ способностямъ просителя», представилъ лишь нѣсколько возраженій съ экономической точки зрѣнія относительно «Московскихъ Вѣдомостей». Это побудило Каткова нѣсколько измѣнить свою программу; но политическій отдѣлъ былъ сохраненъ—и это была новая побѣда прессы, такъ какъ вслѣдъ за Катковымъ и всѣ прочія періодическія изданія исходатайствовали себѣ расширеніе своихъ программъ и дозволеніе говорить о политикѣ *).

Одновременно съ Катковымъ начали хлопотать объ изданіи новаго журнала и опальные московскіе славянофилы, но имъ было конечно гораздо труднѣе выхлопотать разрѣшеніе. «Вскорѣ послѣ того (то есть послѣ присяги новому императору), говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ покойный Кошелевъ:—мы задумали издавать журналъ, но препятствій къ тому оказалось много. Въ сотрудникахъ, и весьма даровитыхъ, у насъ не было недостатка; но многіе изъ нихъ, Хомяковъ, И. Кирѣевскій, К. Аксаковъ и нѣкоторые другіе были подъ цензурною опалою, т. е. всѣ ихъ статьи должны были цензуроваться не въ Москвѣ, а исключительно въ Петербургѣ. Такое распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе статей, ими представленныхъ къ напечатанію во 2-й книгѣ «Московскаго Сборника». Я былъ нѣсколько разъ у попечителя университета В. И. Назимова, ѣздилъ въ Петербургъ къ А. С. Норову, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія; отправлялся туда и Хомяковъ. Наконецъ послѣ долгихъ хлопотъ и разнаго рода разъясненій, особенно при горячемъ содѣйствіи В. И. Назимова я получилъ разрѣшеніе издавать журналъ подъ именемъ «Русская Бесѣда» **).

Содѣйствіе В. И. Назимова въ этомъ дѣлѣ заключалось въ двухъ письмахъ, посланныхъ имъ въ Главное управленіе цензуры и написанныхъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ и руководствомъ правителя канцеляріи Назимова, М. Н. Похвиснева ***). Въ первомъ письмѣ онъ адресовался къ князю Вяземскому и между прочимъ писалъ:

«Москва, гдѣ въ званіи издателей журнала когда-то дѣйствовали благороднѣйшіе представители русскаго слова, Карамзинъ и Жуковскій, гдѣ въ томъ же званіи съ пользою трудился Каченовскій, Полевой, Надеждинъ и многіе другіе, гдѣ возникла и развилась большая часть нашихъ талантовъ, въ настоящее время лишена всякой литературной дѣятельности и почти не имѣетъ журнала, въ которомъ московскіе ученые и литераторы могли бы размѣниваться своими мыслями и высказывать свои убѣжденія на пользу русскаго просвѣщенія. Я считаю излишнимъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ такого упадка отечественной словесности въ городѣ, гдѣ она преимущественно процвѣтала въ прежнее время. Но конечно истинно любящіе русское просвѣщеніе пожелаютъ, чтобы наша словесность выведена была изъ этого усыпленія»... «Поступившее уже въ министерство народнаго просвѣщенія, говоритъ далѣе Назимовъ:—прошеніе Каткова объ изданіи въ Москвѣ журнала, по моему мнѣнію, не должно служить препятствіемъ къ другимъ предпріятіямъ подобнаго рода. Я даже думаю, что совмѣстное изданіе двухъ и болѣе журналовъ могло бы скорѣе дѣйствовать къ пробужденію полезной литературной дѣятельности въ Москвѣ» ****).

---

*) «Ист. свѣд. о цензурѣ въ Россіи», стр. 62—65.
**) «Русскій Архивъ», 1879 г., № 11, стр. 267.
***) «Русская Старина», 1882 г., № 4, стр. 287.
****) «Истор. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 66.

Не получивъ никакого отвѣта на это письмо, Назимовъ обратился затѣмъ съ новымъ письмомъ на этотъ разъ къ самому министру А. С. Норову.

«Вашему превосходительству не безъизвѣстно, писалъ онъ въ этомъ письмѣ:—что въ послѣднее время публичная литературная дѣятельность, вслѣдствіе крайне стѣснительныхъ мѣръ цензуры, у насъ замѣтно ослабѣла. Стремленіе мысли и умственнаго развитія особенно должно было имѣть вредныя послѣдствія, какъ для успѣховъ отечественнаго просвѣщенія, такъ и вообще для нравственнаго состоянія русскаго общества; наша публика, уже достигшая извѣстной степени образованія, не находя для себя умственной пищи въ скудныхъ произведеніяхъ отечественнаго слова, по необходимости должна была обратиться къ источникамъ иностраннымъ, не всегда безукоризненнымъ, и въ нихъ почерпать всѣ свои насущныя свѣдѣнія. Между тѣмъ, русская мысль и русское слово при всѣхъ запретительныхъ мѣрахъ не могли, однакожь, совершенно остановиться въ своемъ развитіи: не имѣя возможности высказываться гласнымъ образомъ, они искали себѣ исхода на другомъ, болѣе безопасномъ пути, и вслѣдствіе этого приняли странное и совершенно неестественное направленіе. Вмѣсто печатной, гласной литературы образовалась литература безгласная, письменная. Въ рукахъ читающей публики появились во множествѣ списковъ разныя сочиненія по всѣмъ современнымъ вопросамъ наукъ и словесности, и между ними, разумѣется, нашли себѣ путь и рукописи содержанія не совершенно одобрительнаго. Но что всего прискорбнѣе: невозможность, въ которую были поставлены наши писатели, и вообще образованные люди печатно высказать свои мысли, была можно сказать, одною изъ главныхъ причинъ того неудовольствія и того ропота, которые съ нѣкотораго времени обнаружились въ нашемъ обществѣ. Всѣ стѣснительныя по части народнаго просвѣщенія мѣры вызваны были, какъ мнѣ кажется, излишнимъ опасеніемъ революціонныхъ идей, волнующихъ умы въ Западной Европѣ. Пора наконецъ, убѣдиться, что эти идеи, какъ совершенно намъ чуждыя и противоположныя кореннымъ началамъ русской жизни, не могутъ имѣть вліянія на дѣйствія большинства нашего общества. Впрочемъ русское правительство такъ сильно, что оно всегда можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать вторженію вредныхъ и ложныхъ началъ, не препятствуя черезъ то правильному и неизбѣжному ходу просвѣщенія. Въ настоящее время необходимо дать бо̀льшій просторъ и движеніе нашей умственной жизни, для чего слѣдуетъ поощрять нашихъ писателей и наши таланты, обращая ихъ отъ вреднаго бездѣйствія, въ которомъ они коснѣютъ, разрѣшаясь только въ безплодныхъ сѣтованіяхъ, къ трудамъ полезнымъ. Само собою разумѣется, что одною изъ первыхъ мѣръ, для достиженія этой цѣли, должно быть смягченіе цензурныхъ правилъ, доведенныхъ въ послѣднее время до такой степени строгой придирчивости, при которой уже невозможна никакая литература. Не входя въ подробности по этому вопросу, я скажу только, что для выхода изъ того запутаннаго положенія, въ которое поставлена наша цензура, необходимо вернуться къ коренному уставу 1828 года, отмѣнивъ всѣ послѣдующія дополнительныя постановленія, ничего существенно недополняющія и только затрудняющія прямыя дѣйствія благоразумной цензуры».

Далѣе затѣмъ Назимовъ излагаетъ исторію славянофильства въ Россіи, стараясь оградить славянофиловъ отъ несправедливыхъ подозрѣній ихъ въ неблагонамѣренности. Такъ онъ доказываетъ, что славянофилы не имѣютъ ничего общаго съ панславистами, кличкою, сочиненною западными публицистами, что возникли они вслѣдствіе отрезвленія послѣ упоенія иноземными образцами и обращенія къ изученію отечественной старины и исторіи, причемъ само правительство одобряло и поощряло нашихъ ученыхъ и литераторовъ на этомъ благородномъ пути, доказательствомъ чего служатъ учрежденіе археологической коммиссіи и изданіе разныхъ актовъ историческаго и юридическаго содержанія и древностей государства Россійскаго.

«Къ сожалѣнію, пишетъ онъ далѣе:—нашлись люди, которые заподозрили такъ называемыхъ славянофиловъ въ какихъ то политическихъ замыслахъ и признали ихъ людьми опасными и вредными, чѣмъ-то въ родѣ якобинцевъ, тогда какъ это люди весьма мирные, благочестивые отцы семейства, помѣщики, вовсе не помышляющіе о нарушеніи законнаго порядка вещей. Можно отвергать крайніе выводы ихъ мнѣнія, но нельзя вполнѣ осуждать самое направленіе, потому что оно основано на чистой любви ко всему отечественному, къ уставамъ нашей церкви, къ народнымъ нашимъ обычаямъ, къ нашему родному языку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на сочувствіи къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ. Люди, раз-

дѣляющіе этотъ образъ мыслей, даже и въ его исключительности, отличаются благородными нравственными свойствами и не заслуживаютъ того нареканія, которому они по недоразумѣнію подверглись со стороны правительства. Если же обвинять всѣхъ любящихъ славянскую старину и исторію то, пожалуй, можно назвать славянофилами и лучшихъ нашихъ писателей. Карамзинъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь любили обращаться мыслію къ древней Россіи и въ ней искать примѣровъ для нынѣшняго поколѣнія; однакожъ никто изъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей не почиталъ ихъ опасными и вредными писателями. Замѣчательно, что между такъ называемыми московскими славянофилами есть люди съ истиннымъ талантомъ. Приведу имена Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскаго» *)...

Старанія Кошелева, подкрѣпленныя подобнымъ энергическимъ ходатайствомъ Назимова, получили, какъ мы говорили успѣхъ, и изданіе «Русской Бесѣды» было допущено. Мало того, въ первый же годъ существованія этого журнала редакторы нашли возможность помѣстить въ немъ почти всѣ тѣ статьи, которыя предполагались для 2-го выпуска «Московскаго Сборника» и были причиною недопущенія этого выпуска къ печати. Даже статья Аксакова «Богатыри великаго князя Владиміра», показавшаяся въ прежнее время чуть-что не революціонною, теперь была пропущена, хотя и въ настоящее время она возбудила въ Главномъ правленіи цензуры не малую борьбу. Такъ одинъ изъ членовъ Главнаго правленія отозвался о ней, что это «рукопись безполезная, отчасти безсмысленная, а между тѣмъ общее ея направленіе состоитъ въ томъ, чтобы выказать прелесть бывшей вольности». Другой членъ д. с. с. Рихтеръ написалъ слѣдующее: «Я не знаю, вредно ли славянофильство или нѣтъ, но я убѣжденъ въ томъ, что излишняя строгость цензуры направленія мыслей не измѣнитъ, а напротивъ придастъ имъ болѣе силы. Я направленія славянофильскаго не раздѣляю, и по сему самому считаю напечатаніе статьи «О богатыряхъ» скорѣе полезнымъ... Статья эта безъ сомнѣнія подвергнется критикѣ, между тѣмъ какъ мысли, которыя принуждены укрываться, остаются безъ всякаго контроля, безъ всякаго обсужденія и тѣмъ самымъ гораздо легче могутъ сдѣлаться впослѣдствіи опасными».

Отзывы всѣхъ прочихъ членовъ Главнаго управленія сгруппировались около двухъ вышеприведенныхъ мнѣній, но рѣзче и сильнѣе всѣхъ и на этотъ разъ высказался кн. Вяземскій. Онъ устранилъ вопросъ о политическомъ значеніи славянофильскихъ идей, какъ неподлежащій вѣдѣнію цензуры.

«Въ отношеніи же чисто литературномъ, писалъ онъ:—невозможно признать въ статьѣ ничего предосудительнаго... Цензура должна судить не лицо, не автора, а только представленное имъ сочиненіе. Если совращать ее съ прямыхъ правилъ, коими руководствоваться она должна въ силу даннаго ей устава, требовать, чтобы она иначе смотрѣла на рукописи славянофила, нежели на рукопись послѣдователя натуральной школы, то сужденія ея будутъ пристрастны, своевольны и слѣдовательно противозаконны. Что же касается прямо до статьи «О богатыряхъ», я никакъ не могу доискаться въ ней политическаго значенія и во первыхъ просто потому, что не могу признать автора ея сумасшедшимъ, а одному безумію можно было бы приписать намѣреніе противодѣйствовать существующему законному порядку полуисторическою, полубаснословною картиною нравовъ, обычаевъ и повѣрій, существовавшихъ въ Россіи почти за 1000 лѣтъ до насъ. Даже и сѣтованія объ этой отдаленной эпохѣ могутъ быть также неважны и чужды всякаго политическаго умысла, какъ общія сѣтованія поэтовъ о золотомъ вѣкѣ... Въ дополненіе къ моимъ замѣчаніямъ позволяю себѣ подкрѣпить ихъ общимъ замѣчаніемъ. Болѣе 40 лѣтъ принадлежу я къ званію писателей. Съ нѣкоторымъ самолюбіемъ и съ благодарностью замѣчу, что дѣятельности моей по этому званію отчасти обязанъ я возможностью и честью подавать нынѣ голосъ мой въ Главномъ управленіи цензуры. Такимъ образомъ думаю безъ излишней гордости, что нельзя отказать мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ опытности по этому вопросу. Руководствуясь этою опытностью и добросовѣстнымъ убѣжденіемъ, которое впрочемъ раздѣляли со мною лучшіе и

*) «Р. Стар.», 1882 г., № 2, стр. 484—490.

благороднѣйшіе писатели, начиная съ Карамзина и Жуковскаго, скажу откровенно, что всѣ многочисленныя, подозрительныя и слишкомъ хитро обдуманныя притѣсненія цензуры не служатъ къ измѣненію въ направленіи мыслей, понятій и сочувствій. Напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ правительства людей, которые по дарованіямъ своимъ могутъ быть ему полезны и нужны. Наконецъ эти притѣсненія могутъ именно возродить ту опасность, отъ которой думаютъ отдѣлаться прозорливостью цензурной строгости. Они могутъ составить систематическую оппозицію, которая и безъ журнальныхъ статей и мимо стоокой цензуры, получитъ въ обществѣ значеніе, вѣсъ и вліяніе... Слѣдуетъ опасаться дѣйствія и послѣдствій насильственнаго молчанія. Въ умѣренной свободѣ излагаемыя мнѣнія, желанія, даже и тогда, когда они не буквально согласны съ общимъ порядкомъ и ходомъ дѣйствительности, уже и тѣмъ безвредны, что они самымъ дѣломъ выраженія испаряются и къ тому же обезсиливаются и нейтрализуются противодѣйствіемъ другихъ мнѣній, другихъ воззрѣній, направленій. Взаперти всякій протестъ, даже въ основаніи своемъ безопасный, крѣпнетъ и безмолвно вооружается: правительство обязано заботиться о текущемъ днѣ и случайныхъ явленіяхъ, съ нимъ сопряженныхъ, но еще болѣе должно пещись о будущемъ и о событіяхъ, которыя могутъ зародиться въ настоящемъ, чтобы впослѣдствіи созрѣть и осуществиться» *).

Подкрѣпленная такою энергическою рѣчью кн. Вяземскаго, прогрессивная партія Главнаго управленія цензуры превозмогла, и статья «О богатыряхъ» была пропущена. Мы нарочно сдѣлали обширныя выписки изъ записки кн. Вяземскаго, чтобы показать, какія рѣчи начали ежедневно раздаваться въ стѣнахъ Главнаго управленія цензуры, какія мнѣнія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе превозмогали въ немъ, и какими способами велась та борьба, о которой мы выше говорили. 1855 годъ ограничился тѣми первыми завоеваніями, о которыхъ шла рѣчь въ этой главѣ; т. е. періодическая пресса получила право печатать военныя корреспонденціи и было разрѣшено два новыхъ журнала. Въ общемъ же тонѣ журналистика была попрежнему крайне сдержанна, робка, состояла исключительно изъ беллетристическихъ произведеній, сухихъ ученыхъ статей и индифферентныхъ извѣстій о новостяхъ наукъ, искусствъ, промышленности, изобрѣтеній и т. п., однимъ словомъ, ничѣмъ еще пока не отличалась отъ беллетристики начала 50-хъ годовъ. Довольно сказать, что когда въ «Современникѣ» въ концѣ 1855 года начался рядъ статей подъ заглавіемъ «Очерки гоголевскаго періода», имѣвшихъ спеціальную цѣль опредѣлить значеніе Гоголя и критика его Бѣлинскаго, авторъ этихъ статей не смѣлъ назвать Бѣлинскаго по имени. Въ первой статьѣ, онъ называетъ его «авторомъ статей о Пушкинѣ»; статьи его именуетъ глухо «критикою гоголевскаго періода, центромъ которой были «Отечественныя Записки», а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что только-что высказанное мнѣніе извлечено имъ изъ статьи «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», напечатанной ровно двадцать лѣтъ тому назадъ въ «Телескопѣ», 1835 г., часть XXVI, и принадлежавшей автору «Статей о Пушкинѣ». И только въ шестой уже статьѣ, напечатанной въ іюльской книжкѣ 1856 г., авторъ рѣшается впервые упомянуть имя Бѣлинскаго и сказать прямо, что главнымъ дѣятелемъ критики гоголевскаго періода былъ Бѣлинскій. Изъ этого одного мы можемъ судить, какими медленными шагами выходила пресса наша изъ той подавленности, въ которой она находилась до 1855 года.

Выше мы видѣли, что въ либеральныхъ рѣчахъ прогрессивной партіи Главнаго управленія цензуры часто въ то время проскальзывало мнѣніе, что излишнія строгости цензуры ведутъ къ тому, что идеи вмѣсто того чтобы проводиться прямымъ путемъ въ легальной прессѣ, переходятъ на нелегальный путь, начинаютъ распространяться въ публикѣ въ рукописяхъ или напечатанныхъ за-границею и

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 69—71.

тайно провозимыхъ нецензурныхъ сочиненіяхъ. Дѣйствительно, никогда въ публикѣ не циркулировала такая масса рукописной и печатной нецензурной литературы, какъ именно въ разсматриваемое нами время. Очень понятно, что сдѣлавши первые шаги къ освобожденію прессы отъ излишнихъ цензурныхъ стѣсненій, правительство тотчасъ же озаботилось принять мѣры къ искорененію нецензурной литературы. Такъ циркуляромъ 26-го декабря 1855 г. было предложено министромъ внутреннихъ дѣлъ С. Ланскимъ всѣмъ начальникамъ губерній «строго наблюдать за водвореніемъ издаваемыхъ за-границею на русскомъ языкѣ разныхъ сочиненій, и своевременно останавливать этотъ незаконный промыселъ». 26-го октября 1857 года циркуляръ этотъ былъ снова подтвержденъ: «Между тѣмъ сочиненія эти продолжаютъ печататься за-границей. Министерству внутреннихъ дѣлъ извѣстно, что нѣкоторыя изъ нихъ появляются въ Россіи и находятся въ обращеніи между частными лицами. Въ отвращеніе сего вновь предлагаю усилить мѣры осторожности и самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить за появленіемъ всѣхъ вообще издаваемыхъ за-границею на русскомъ языкѣ предметовъ книгопечатанія, изготовляемыхъ тамъ нынѣ возмутительныхъ сочиненій, имѣющихъ цѣлью поколебать основанія гражданскаго устройства нашего, и въ случаѣ открытія сей контрабанды немедленно оную конфисковать и доставлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ, адресуя прямо ко мнѣ въ собственныя руки».

Вмѣстѣ съ тѣмъ русское правительство снеслось съ правительствами дружественныхъ державъ, какъ напримѣръ Пруссіи и Саксоніи, о недопущеніи въ предѣлы этихъ державъ заграничной русской прессы.

II.

Въ 1856 и 1857 годахъ въ журналистикѣ замѣчается гораздо болѣе оживленія и смѣлости. Само правительство какъ бы возбуждаетъ прессу изъ ея прежней летаргіи и подаетъ ей примѣръ гласности. Такъ въ «Морскомъ Сборникѣ», въ неоффиціальномъ отдѣлѣ, между прочимъ поднимается рядъ жгучихъ вопросовъ о воспитаніи, совершенно въ разрѣзъ съ господствовавшею до того времени воспитательной системой. Статьи Бема и знаменитые «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова произвели сенсацію не столько по своему содержанію, сколько именно потому, что возможность появленія ихъ въ печати, и притомъ въ оффиціальномъ органѣ, производило впечатлѣніе отреченія правительства отъ прежнихъ порядковъ, объявленіе новой программы дѣйствій, а для печати это было своего рода поднятіе шлагбаума и приглашеніе къ участію въ обсужденіи цѣлаго ряда новыхъ и существенныхъ вопросовъ, которые у всѣхъ были на умѣ и на языкѣ. Статьи Бема и Пирогова сдѣлались предметами горячихъ обсужденій и восторженныхъ дифирамбовъ во всей журналистикѣ. Нумера такого спеціально казеннаго журнала, какъ «Морской Сборникъ», до той поры не выходившіе изъ предѣловъ морского вѣдомства, сдѣлались вдругъ настольными книгами у каждаго литератора и начали вращаться въ салонахъ на ряду съ «Современникомъ», «Отечественными Записками» и прочими журналами.

Но не ограничиваясь одними статьями о воспитаніи, «Морской Сборникъ» первый подалъ примѣръ обличительной гласности, допустивши на своихъ страницахъ печатаніе статей, обнаруживавшихъ различныя злоупотребленія во время севастопольской войны чиновъ, какъ морского, такъ и прочихъ военныхъ вѣ-

домствъ. Примѣру «Морского» послѣдовалъ и «Военный Сборникъ», въ свою очередь открывшій на своихъ страницахъ обличительный отдѣлъ. Даже въ журналѣ «Министерства внутреннихъ дѣлъ», въ «Правительственномъ указателѣ» помѣщались иногда статьи, заключающія въ себѣ описанія неправильныхъ и ошибочныхъ дѣйствій мѣстныхъ начальствъ, и кн. Вяземскій сдѣлалъ даже 12 іюня 1857 г. распоряженіе о неперепечатываніи ихъ въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ на томъ основаніи, что «въ органѣ министерства онѣ приличны, даже необходимы, но перепечатываніе ихъ въ другихъ сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ совершенно неумѣстно» *).

Пресса конечно не замедлила послѣдовать этимъ примѣрамъ, преподаннымъ ей самимъ правительствомъ. Начался періодъ «обличительной гласности» и горячаго обсужденія цѣлаго ряда вопросовъ, поднятыхъ жизнью. Появился рядъ новыхъ журналовъ. Многое, что лежало въ авторскихъ портфеляхъ, никогда не надѣясь выйти на свѣтъ, было теперь пропущено цензурою безпрепятственно. Литература входила въ моду, къ голосу ея внимательно прислушивались, ею интересовались, начинали бояться ея обличеній и приговоровъ. Высокопоставленныя лица приходили въ книжные магазины справляться, не вышло ли чего новенькаго. Не обходилось ни одного реформеннаго вопроса, въ рѣшеніи котораго литература не приняла бы самаго горячаго и вліятельнаго участія. Ниже мы разсмотримъ спеціально отношеніе цензуры къ прессѣ при рѣшеніи различныхъ реформенныхъ вопросовъ, какъ-то вопроса о гласности, объ освобожденіи крестьянъ, откупного, судебнаго и проч. Теперь же пока мы ограничимся характеристикою общаго отношенія цензуры къ печати конца 50-хъ годовъ.

Очень понятно, что съ усиленіемъ пульса общественной жизни и съ поднятіемъ ряда существенныхъ вопросовъ, со всѣхъ сторонъ начали раздаваться голоса противъ излишнихъ строгостей цензуры. Такъ предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета кн. Щербатовъ вооружался противъ множественности цензуръ и писалъ Норову: «Нерѣдко бываетъ, что одно вѣдомство допускаетъ гласность какихъ-либо фактовъ, а другое запрещаетъ подобное, вслѣдствіе чего, естественно рождается въ писателяхъ и читателяхъ недоумѣніе и даже жалобы», и слова кн. Щербатова воочію передъ глазами всего министерства подтверждались вопіющимъ фактомъ: въ 1856 году была представлена въ Главное управленіе цензуры рукопись «Хозяйственное обозрѣніе Оренбургскаго края» изъ с.-петербургскаго комитета, и затѣмъ она поочередно перебывала въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, въ вѣдомствахъ и почтовомъ и военно-учебныхъ заведеній и у оберъ-прокурора Синода **).

Предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета Назимовъ въ свою очередь писалъ Норову, что для оживленія литературы необходимо смягченіе самыхъ правилъ цензурныхъ, доведенныхъ въ послѣднее время до такой степени строгой придирчивости, при которой уже невозможна никакая литература». «Не входя въ подробности по этому вопросу, писалъ онъ:—я скажу только, что для выхода изъ того запутаннаго положенія, въ которое поставлена наша цензура, необходимо вернуться къ коренному уставу 1828 года, отмѣнивъ всѣ послѣдующія дополнительныя постановленія, ничего существеннаго недополняющія и только затрудняющія прямыя дѣйствія благоразумной цензуры» ***).

*) «Сборн. пост. и расп. по ценз.», стр. 413.
**) «Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи», стр. 73.
***) Ibid, стр. 71.

Не остался въ долгу передъ министерствомъ и новый предсѣдатель одесскаго цензурнаго комитета Н. И. Пироговъ и въ свою очередь представлялъ министру о своихъ затрудненіяхъ въ виду несоотвѣтствія цензурныхъ постановленій съ новымъ духомъ времени.

«Съ нѣкотораго времени, писалъ онъ, начали появляться во многихъ журналахъ и газетахъ обѣихъ столицъ статьи, въ которыхъ гласно высказываются мнѣнія о разныхъ вопросахъ общественнаго и служебнаго интереса, не исключая даже и самаго значенія цензурнаго устава... Статьи эти, какъ по предмету содержанія, такъ и по духу самаго изложенія, ни мало не отвергая неоспоримой благонамѣренности ихъ, выходятъ изъ ряда тѣхъ постановленій, которыми руководствуются доселѣ цензора ввѣреннаго управленію моему одесскаго цензурнаго комитета и поставляютъ ихъ въ крайнее затрудненіе отъ отношеній редакцій и авторовъ, навлекая незаслуженныя нареканія въ публикѣ. Цензора, соблюдая во всей точности предписанныя имъ въ руководство правила и не имѣя въ виду позднѣйшихъ распоряженій, измѣняющихъ дѣйствія ихъ по внутренней цензурѣ, остаются по прежнему строгими исполнителями предписанныхъ постановленій; авторы же и публика, ссылаясь на статьи «Русскаго Вѣстника», «Морского Сборника», «Сына Отечества» и другихъ журналовъ, требуютъ отъ цензоровъ по духу и направленію этихъ статей соразмѣрнаго снисхожденія и приносятъ мнѣ постоянно жалобы, а черезъ то побуждаютъ и самихъ цензоровъ обращаться ко мнѣ за наставленіями» *)...

Частныя лица въ свою очередь при каждомъ случаѣ дѣлали съ своей стороны заявленія о ненормальности цензурныхъ постановленій. Такъ напримѣръ, Катковъ въ объяснительной запискѣ, представленной министру народнаго просвѣщенія, приписывалъ цензурнымъ затрудненіямъ и слишкомъ подозрительному контролю надъ мыслью, замѣчаемый въ нашемъ обществѣ упадокъ религіознаго чувства.

«Нельзя безъ грусти», писалъ онъ: «видѣть, какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ великимъ интересамъ религіи. Это слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно выдѣлить высшіе интересы изъ живой мысли и живого слова образованнаго русскаго общества. Вотъ почему въ литературѣ нашей замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія. Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его, и русскій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ полнаго религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ, гдѣ нѣтъ спеціальной духовной цензуры... Въ такомъ великомъ дѣлѣ мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ *и съ грустію должны сознаться, что будущность нашего отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли, этотъ ревнивый и недоброжелательный контроль надъ нею*.. Не добромъ помянутъ насъ потомки наши, вникая въ причины глубокаго упадка религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ интересовъ въ народѣ. Признаки этого упадка замѣчаются и теперь, и намъ живущимъ среди общества и имѣющимъ возможность наблюдать жизнь въ самой жизни признаки эти замѣтнѣе, нежели оффиціальнымъ дѣятелямъ, которые по своему положенію иногда при всей доброй волѣ не могутъ усмотрѣть, нетолько оцѣнить многихъ характеристическихъ явленій въ народной жизни **).

Но не смотря на всѣ эти либеральныя заявленія и протесты, практика цензурныхъ комитетовъ шла все тѣмъ же прежнимъ, рутиннымъ порядкомъ. При всемъ томъ что въ литературѣ проходило многое такое, о чемъ до 1855 года не смѣли и заикнуться, рядомъ съ этимъ не менѣе часто запрещались или подвергались гнѣву начальства такія вещи, которыя по своей невинности не многимъ отличались отъ вольнаго духа поваренной книжки Авдѣевой. Не говоря уже о томъ, что открытые приверженцы дореформенныхъ порядковъ не падали духомъ, упорно отстаивали каждый шагъ, на который дерзала пресса, и гдѣ только было

*) Ibid, стр. 76.
**) Ibid, стр. 72.

возможно, дѣйствовали беззастѣнчиво, вполнѣ въ духѣ цензуры начала пятидесятыхъ годовъ, но и сами приверженцы реформъ иногда не отставали отъ нихъ. Воспитанные эпохою тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, они до такой степени свыклись съ порядками этой эпохи, всосали въ плоть и кровь духъ ея, что въ то время, какъ въ общемъ направленіи своихъ мыслей, рѣчей и поступковъ вполнѣ искренне подчинялись духу новыхъ идей и вліяній, при встрѣчѣ же съ тѣмъ или другимъ частнымъ фактомъ иногда вдругъ приходили въ смущеніе и прибѣгали къ старой рутинѣ. Такое смущеніе овладѣло напримѣръ Я. Ростовцевымъ, который впослѣдствіи, какъ извѣстно, вполнѣ искренно стоялъ во главѣ крестьянской реформы. И вдругъ не болѣе какъ за годъ, за два передъ этимъ онъ выступилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ излишняго либерализма прессы. Когда вслѣдствіе поднятаго вопроса о реформѣ воспитанія первымъ дѣломъ было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы въ гражданскія учебныя мѣста не назначали воспитателей изъ военныхъ, газеты и журналы конечно съ энтузіазмомъ привѣтствовали эту мѣру правительства, но болѣе всѣхъ размахнулись «С.-Петербургскія Вѣдомости», посвятивъ этой реформѣ цѣлый фельетонъ и распространившись въ немъ о преимуществѣ статскихъ воспитателей передъ военными. Статья была вполнѣ невиннаго и приличнаго содержанія, и производила впечатлѣніе дифирамба новому царствованію. Тѣмъ не менѣе Я. Ростовцеву она показалась неприличною и онъ обратился съ докладомъ о ней къ самому государю, заявивъ, что статья эта оскорбительна памяти покойнаго государя, оскорбительна для военнаго вѣдомства, что наконецъ такое выраженіе сочувствія новымъ распоряженіямъ есть какъ бы осужденіе старыхъ.

Государь, выслушавъ докладъ Ростовцева, препроводилъ дѣло на разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Въ цензурномъ вѣдомствѣ произошелъ переполохъ. Цензоръ пропустившій статью получилъ конечно надлежащій выговоръ. Обратились въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за справкою о томъ, кто авторъ статьи, и оказалось вдругъ, что статью писалъ подчиненный Ростовцева, учитель московскаго кадетскаго корпуса Басистовъ. Кн. Вяземскій доложилъ объ этомъ государю, и затѣмъ объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Ростовцева. Послѣдній, проглотивъ поднесенную ему кн. Вяземскимъ пилюлю, утѣшился тѣмъ, что приказалъ немедленно уволить Басистова изъ вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, что и было исполнено, несмотря на всѣ ходатайства директора московскаго кадетскаго корпуса за Басистова, какъ за одного изъ лучшихъ преподавателей. Вслѣдъ за тѣмъ какъ прямой результатъ этого происшествія былъ объявленъ министромъ народнаго просвѣщенія по высочайшему повелѣнію циркуляръ отъ 15-го августа 1857 с.-петербургскому и московскому цензурнымъ комитетамъ о томъ. что «при выраженіи сочувствій къ правительственнымъ мѣрамъ, принимаемымъ нынѣшнимъ правительствомъ, не должно быть дозволяемо къ печатанію порицаніе мѣръ прошедшаго царствованія, имѣвшихъ еще недавно законную силу». Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе цензуры на всѣ сочиненія и особенно журнальныя статьи, въ которыхъ было бы въ невыгодномъ видѣ противопоставляемо военное вѣдомство гражданскому, или обратно *).

Одновременно съ этимъ былъ изданъ циркуляръ, чтобы всѣ поступающія на разсмотрѣніе статьи о книгѣ барона Корфа: «Восшествіе на престолъ императора

*) «Сборн. ценз. постан.», стр. 414.

Николая I-го» должны быть представляемы на разсмотрѣніе въ Главное управленіе цензуры.

Въ № 4-мъ «Экономическаго Указателя» (26-го января 1857 года) была напечатана статья г. Е. Ламанскаго «Китайскія ассигнаціи». Говоря о томъ, что Китай раньше Европы былъ знакомъ съ ассигнаціями, г. Ламанскій разсказываетъ вкратцѣ исторію китайскихъ ассигнацій, и при этомъ высказываетъ нѣсколько элементарныхъ финансовыхъ истинъ о томъ, какой вредъ приноситъ чрезмѣрный выпускъ ассигнацій, роняя кредитъ государства, производя паденіе курса, общую дороговизну и пр. Однимъ словомъ, совершенно скромно и безобидно здѣсь проводится рядъ такихъ азбучныхъ трюизмовъ, какіе вы найдете въ любомъ курсѣ финансоваго права. Тѣмъ не менѣе министру финансовъ показалась эта статья неприличною, и напрасно кн. Щербатовъ съ своей стороны обратился съ представленіемъ въ Главное управленіе цензуры, что «если мнѣніе цензурнаго комитета не будетъ признано достойнымъ уваженія и если оцѣнка статей не будетъ основана на чисто научныхъ соображеніяхъ, а на толкованіяхъ, подлежащихъ личному взгляду того или друго вѣдомства, то цензурный комитетъ будетъ находиться въ крайнемъ затрудненіи». Министръ финансовъ гр. Канкринъ вошелъ съ докладомъ о статьѣ г. Ламанскаго, и 28-го марта 1857 года послѣдовало рѣшеніе: «не допускать къ печати статей подобныхъ статьѣ Е. Ламанскаго» *).

Въ томъ же «Экономическомъ Указателѣ», № 11-мъ, 1857 года былъ напечатанъ юмористическій фельетончикъ, въ которомъ проводилась совершенно безобидная параллель годовыхъ расходовъ трехъ чиновниковъ, одного—имѣющаго крупное мѣсто вродѣ начальника отдѣленія и получающаго солидное жалованье, другого—средняго оклада, и третьяго — канцелярскаго служителя. При этомъ чиновникъ средняго оклада, Альчиковъ, изображенъ либераломъ, слѣдящимъ за новыми вѣяніями, и въ порывѣ своего либерализма онъ разражается тирадами вродѣ нижеслѣдующей:

— Чортъ знаетъ, что у насъ министръ куралеситъ! Мальчишку въ вицедиректоры посадить! Экая важность, что статскій совѣтникъ! Вотъ у насъ есть еще трое статскихъ совѣтниковъ, начальники отдѣленія. Зачѣмъ было обижать старыхъ чиновниковъ, у которыхъ и пряжки почтенныя, и опытность, и все такое... Эхма! порядковъ нашихъ его высокопревосходительство не знаетъ, а туда же перестраивать на свой ладъ все хочетъ и т. п.

Подобная тирада конечно кѣмъ-нибудь была признана неприличною; послѣдовалъ докладъ и затѣмъ циркуляромъ по цензурнымъ комитетамъ было объявлено: «поставить на видъ цензурѣ, дабы она была осмотрительнѣе при пропускѣ статей, подобныхъ помѣщенной въ № 11-мъ «Экономическаго Указателя», подъ заглавіемъ: «Бюджеты петербургскихъ чиновниковъ», замѣчательной по неприличію сужденій, особенно въ разговорѣ Альчикова» **).

Попрежнему на цензуру сверхъ чисто-полицейской обязанности слѣдить за благонамѣренностью прессы, возлагалась иногда обязанность патріархальной опеки надъ воззрѣніями народа и не только русскаго, но даже и армянъ. Такъ въ томъ же 1857 году былъ напечатанъ календарь на армянскомъ языкѣ, и въ немъ было помѣщено нѣсколько предсказаній о добрыхъ и дурныхъ дняхъ и толкованій

*) «Сборн. постан. по ценз.», стр. 412.
**) Ibid, стр. 412.

сновъ. И вотъ 20-го мая 1857 года послѣдовало отношеніе московскому цензурному комитету: «на будущее время не помѣщать въ календарѣ, какъ книгѣ положительной и основанной на научныхъ данныхъ, статей, могущихъ возбуждать и питать суевѣрные предразсудки» *).

Даже и множественность цензуръ, не смотря на всѣ протесты со стороны предсѣдателей цензурныхъ комитетовъ, не только не сокращалась, а напротивъ возростала. Такъ 16-го іюля 1857 года были сдѣланы слѣдующія два распоряженія по московскому цензурному комитету: 1) всѣ статьи, касающіяся Земли Войска Черноморскаго, должны быть препровождаемы на предварительное разсмотрѣніе канцеляріи кавказскаго комитета и 2) статьи, касающіяся до правительственныхъ распоряженій въ Сибири, а также и тѣ, гдѣ помѣщаются историческія, статистическія, этнографическія и тому подобныя свѣдѣнія объ означенномъ краѣ, должны быть препровождаемы на предварительное разсмотрѣніе въ канцелярію сибирскаго комитета.

Но въ наиболѣе затруднительное положеніе было поставлено министерство народнаго просвѣщенія послѣдовавшимъ въ 1857 году разрѣшеніемъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными вѣдомствами докладывать государю о статьяхъ, въ которыхъ проявляются сужденія о вопросахъ государственныхъ или стремленіе къ нововведеніямъ.

Очень возможно, что мѣра эта была предпринята съ намѣреніями вполнѣ либеральными: именно—чтобы имѣть свѣдѣнія о томъ, какъ отзывается литература на поднятые вопросы и чего желаетъ общество, но приверженцы старыхъ порядковъ не замедлили обратить эту мѣру въ свою пользу и воспользовались ею для доносовъ на вредное направленіе литературы. Такъ отъ одного вѣдомства послѣдовало донесеніе на высочайшее усмотрѣніе о нѣкоторыхъ вышедшихъ въ послѣднее время неодобрительныхъ статьяхъ, и между прочимъ о романѣ Мельникова «Старые годы», не смотря на то, что романъ этотъ не имѣлъ никакого отношенія къ этому вѣдомству.

Въ отвѣтъ на это донесеніе кн. Вяземскій представилъ, что, по его мнѣнію, изъ числа вышеозначенныхъ статей только одна касается злоупотребленій по тому вѣдомству, которое на нихъ указывало:

«Остальныя-же, писалъ князь Вяземскій, не должны подлежать по моему мнѣнію разсмотрѣнію этого вѣдомства. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи участіе гг. министровъ въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдомству цензуры, должно быть ясно и твердо опредѣлено и положительно ограничено высочайшими выраженіями Государя Императора. Изъ помянутой высочайшей резолюціи слѣдуетъ, что на гг. министровъ возлагается только на будущее время обязанность слѣдить за періодическими изданіями, и то исключительно въ отношеніи тѣхъ статей, которыя касаются постановленій и распоряженій ихъ личнаго вѣдомства, не входя въ посторонніе и чисто литературныя отрасли и не устремляя обратнымъ путемъ изслѣдованій своихъ на такія статьи, которыя уже нѣсколько мѣсяцевъ тому напечатаны и въ которыхъ, какъ напримѣръ здѣсь (романъ «Старые годы»), описываются нравы и личный бытъ людей тысячи семисотыхъ годовъ, что уже совершенно чуждо государственныхъ вопросовъ и стремленія къ нововведеніямъ. Иначе, если всѣ министерства будутъ входить въ разсмотрѣніе разнородныхъ сочиненій, не имѣющихъ никакого характера ни административнаго, ни политическаго, и подвергать заднимъ числомъ сужденію своему даже повѣсти и романы, то дѣло цензуры при множествѣ журналовъ нынѣ издающихся такъ осложнится и расплодитъ такую переписку, что добросовѣстное дѣлопроизводство по этому предмету окажется невозможнымъ» **).

*) Ibid, стр. 413.
**) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 76.

Но какъ ни отписывался кн. Вяземскій давленіе реакціонеровъ было все-таки настолько сильно, что 14-го ноября 1857 года министерство должно было послать по цензурнымъ комитетамъ циркуляръ, по своей крайней туманности и неопредѣленности показывающій, что онъ былъ вовсе не добровольнымъ дѣйствіемъ министерства, а вынужденъ обстоятельствами и совершенно не согласовался съ духомъ министерства. Вотъ этотъ циркуляръ:

«Съ нѣкотораго времени начали появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ сужденія слишкомъ смѣлыя, касающіяся вопросовъ государственныхъ и также стремящіяся къ нововведеніямъ. Эти сужденія весьма часто несогласны съ видами правительства. Конечно не надлежитъ смѣшивать благороднаго желанія улучшеній съ тенденціями къ политическимъ преобразованіямъ, но сіи послѣднія нерѣдко облекаются въ благовидныя наружныя формы и потому гг. цензора обязаны съ необходимою прозорливостью вникать въ духъ сочиненій и, покровительствуя науку, не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ. Обязываясь покорнѣйше просить ваше... обративъ особенное вниманіе на сочиненія, въ которыхъ могутъ скрываться означенныя направленія, предписать гг. цензорамъ усугубить просвѣщенную строгость при разрѣшеніи оныхъ къ печати» *).

Очень понятно, что своею двусмысленностью циркуляръ этотъ не достигалъ никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, и лишь подливалъ масла въ огонь: либеральнымъ цензорамъ онъ развязывалъ руки пропускать что угодно подъ тѣмъ предлогомъ, что они въ пропускаемой статьѣ не усмотрѣли никакой тенденціи къ политическимъ преобразованіямъ, а лишь одну науку, которую циркуляръ обязываетъ покровительствовать; цензора же противнаго лагеря на основаніи того же циркуляра смѣло могли стать на почву Бутурлинскаго комитета исканія сокровенныхъ смысловъ и запрещать что угодно, во всемъ усматривая «вредныя умозрѣнія подъ благовидными наружными формами».

При всей своей двусмысленности циркуляръ этотъ, какъ дѣло во всякомъ случаѣ реакціонеровъ, привелъ къ тому, что послѣдніе подняли голову, о чемъ мы можемъ судить по тѣмъ рѣчамъ, какія начали раздаваться въ нѣдрахъ самаго министерства народнаго просвѣщенія. Такъ когда во время святокъ въ 1857 году кн. Щербатовъ уѣхалъ въ отпускъ, а мѣсто его въ качествѣ предсѣдателя цензурнаго комитета занялъ помощникъ попечителя учебнаго округа, послѣдній собралъ цензоровъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой жаловался на то, что журналисты начинаютъ говорить о предметахъ, не подлежащихъ ихъ обсужденію, вмѣшиваются въ правительственные вопросы и взаключеніе рекомендовалъ цензорамъ не допускать такихъ безпорядковъ. Одинъ цензоръ замѣтилъ на это, что литература также можетъ высказывать что-нибудь полезное и практически дѣльное для правительства.

— Я не согласенъ съ этимъ, возразилъ товарищъ попечителя:—по моему, чиновникъ земскаго суда больше приноситъ пользы, чѣмъ какой-нибудь литераторъ!

Если въ самыхъ нѣдрахъ министерства начали раздаваться подобныя рѣчи, то понятно,что положеніе министра А. С. Норова, открыто высказывавшагося за свободу прессы и вставшаго вслѣдствіе этого въ оппозицію со всѣми прочими министерствами, сдѣлалось крайне критическимъ. И вотъ мы видимъ, что въ 1858 году А. С. Норовъ сходитъ съ министерскаго поприща, высказавъ передъ тѣмъ свое полное profession de foi по вопросу о свободѣ печати въ всеподданнѣйшей запискѣ.

«Для Россіи писалъ онъ: — наступаетъ теперь новая эпоха и въ дѣлѣ ея обновленія литература призвана играть немаловажную роль». Затѣмъ отмѣтивши три главныя направленія, господствующія въ современной литературѣ: нравоописательное и сатирическое, учено-

*) «Сборн. ценз. постанов.», стр. 418.

практическое и третье, стоящее особнякомъ, славянофильское, А. С. Норовъ обращаетъ особенное вниманіе на второе, т. е. учено-практическое направленіе, проще говоря, публицистику, представлявшую предметъ наибольшей заботы и тревоги въ правительственныхъ сферахъ. «Оно, писалъ Норовъ: — прямо истекаетъ изъ современныхъ потребностей и обстоятельствъ. Литература никогда не оставалась равнодушною и нѣмою зрительницею тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые преимущественно занимали и озабочивали современную ей эпоху. Нынѣ это участіе, это вмѣшательство развилось болѣе противу прежняго и таковое развитіе совершенно естественно. Нынѣ эти интересы въ обществѣ сами заговорили громче... Можетъ ли она молчать о томъ, что въ помышленіяхъ каждаго и у каждаго на языкѣ? Литература должна содѣйствовать и помогать обществу въ уразумѣніи и присвоеніи этихъ побѣдъ, одержанныхъ наукою и просвѣщеніемъ въ пользу правительствъ и въ пользу управляемыхъ. Въ эту среду, которою обхвачено все общество, сами собою врываются вопросы промышленности, торговли, финансовъ, законодательства, всего государственнаго хозяйства. Отчужденіе общества отъ знакомства по крайней мѣрѣ въ общихъ понятіяхъ съ сими важными и жизненными вопросами, равнодушіе къ ихъ дѣйствіямъ и пользѣ было бы явленіемъ прискорбнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно лишило бы правительство надежнѣйшаго пособія, нравственной силы, которою оно можетъ дѣйствовать на общество, на его довѣріе, убѣжденіе, сочувствіе и единомысліе... Однакожъ эта важная общественная сила связана и затруднена въ приложеніи своего вліянія. При тѣхъ цензурныхъ требованіяхъ, которыя еще въ настоящее время существуютъ, невозможно изученіе ни всеобщей исторіи, ни законодательства, ни статистики. Между тѣмъ слѣдя хотя бы только и поверхностно за ходомъ ученой журналистики, нельзя не признать, что въ послѣднее время появлялись нѣкоторыя весьма дѣльныя статьи... Нерѣдко появлялись ученыя разсужденія о поземельной собственности, о распредѣленіи сельскихъ работъ и т. п., гдѣ безъ всякой рѣзкости и заносчивости, хладнокровнымъ и ученымъ образомъ, разсматривались тѣ же вопросы, которые нынѣ будутъ предложены на разсмотрѣніе губернскихъ комитетовъ. Подобное вмѣшательство науки уясняетъ и провѣряетъ частныя понятія. Многіе опасаются у насъ толковъ, которые каждая печатная статья можетъ породить. Но въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ вынужденное молчаніе породитъ еще болѣе толковъ, истекающихъ часто отъ невѣжества и невѣдѣнія, а иногда отъ недоброжелательства. Когда умы заняты важными современными вопросами, здоровая пища нужна для ихъ возбужденнаго вниманія и дѣятельности. Извѣстно, что въ военное время недостатокъ вѣстей изъ дѣйствующей арміи всегда порождаетъ въ массѣ самые нелѣпые, неблагонамѣренные и недоброжелательные слухи»...

Взаключеніе же своей обширной записки Норовъ говоритъ: «должно положительно опредѣлить и обозначить ту долю благоразумной и законной свободы, которую правительство полагаетъ возможнымъ предоставить наукѣ и литературѣ», и съ этою цѣлью онъ предлагаетъ заняться опредѣленіемъ этихъ границъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначить отъ различныхъ вѣдомствъ довѣренныхъ чиновниковъ, которые могли бы разрѣшать спорные пункты, возникающіе въ цензурѣ относительно статей, касающихся этихъ вѣдомствъ, чѣмъ нѣсколько упростилось бы дѣйствіе спеціальныхъ цензуръ, хотя бы въ томъ отношеніи, что менѣе было бы переписки.

Но записка Норова оставлена была безъ послѣдствій. Вопросъ о цензурной реформѣ былъ отложенъ въ долгій ящикъ, и изъ предположеній министра осуществилось лишь назначеніе довѣренныхъ чиновниковъ отъ различныхъ вѣдомствъ *). Именно 25-го января 1858 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: «для сношеній съ с.-петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ назначить по одному довѣренному чиновнику отъ всѣхъ министерствъ, главнаго штаба его императорскаго величества по военно-учебнымъ заведеніямъ и III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи». Лица эти, состоя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ цензорами, должны были разсматривать статьи, подлежащія ихъ вѣдомству и возвращать ихъ съ своими отзывами; въ случаѣ же сомнѣній испрашивать разрѣшенія своего начальства и затѣмъ сообщать объ этихъ разрѣшеніяхъ цензурѣ или редакціи. Если же цензурный комитетъ окажется несогласнымъ съ та-

*) «Истор. свѣд. о ц. въ Р.», стр. 78.

кимъ рѣшеніемъ посторонняго вѣдомства, тогда дѣло поступаетъ въ Главное правленіе по дѣламъ печати, оттуда въ министерство народнаго просвѣщенія и наконецъ на высочайшее разрѣшеніе *).

III.

Итакъ мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ пресса становилась съ каждымъ днемъ все смѣлѣе и вліятельнѣе, и борьба противъ нея все болѣе и болѣе обострялась. Съ 1858 года это стало особенно замѣтно: репрессивныя мѣры противъ печати значительно учащаются и дѣлаются рѣшительнѣе особенно же со вступленіемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія вмѣсто Норова д. ст. сов. Ковалевскаго. Это усиленіе репрессивныхъ мѣръ конечно было обусловлено и тѣмъ обстоятельствомъ, что вмѣстѣ съ Норовымъ оставили свои посты—кн. Вяземскій и кн. Щербатовъ, самые рьяные поборники свободы печати.

Впрочемъ еще при Норовѣ, въ самомъ началѣ 1858 года были предприняты энергическія мѣры къ обузданію двухъ оффиціальныхъ журналовъ, именно «Морского» и «Военнаго» Сборниковъ. Пользуясь привиллегіею изъятія изъ общей цензуры, журналы эти помѣщали такія обличенія и разоблаченія вопіющихъ беззаконій и безпорядковъ, совершавшихся во время крымской войны, какія немыслимы были во всей остальной прессѣ, подчиненной общей цензурѣ. И вотъ 19-го февраля 1858 года военно-цензурный комитетъ былъ упраздненъ и военная цензура была присоединена къ общей цензурѣ министерства народнаго просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ были подчинены общей цензурѣ и вышеупомянутые военные журналы, за исключеніемъ оффиціальныхъ отдѣловъ, въ которыхъ печатались правительственныя распоряженія, отчеты и донесенія разныхъ мѣстъ и лицъ военнаго и морского вѣдомствъ и статей, помѣщаемыхъ въ «Морскомъ Сборникѣ» по приказанію генералъ-адмирала **).

Прямымъ результатомъ этой мѣры было то, что редакція, завѣдывавшая въ то время «Военнымъ Сборникомъ», принуждена была отказаться отъ дѣла, и «Сборникъ», поступившій въ иныя, чисто военныя руки, сразу утратилъ весь прежній интересъ своего неоффиціальнаго отдѣла. «Морской Сборникъ» хотя и продолжалъ обличать, но значительно понизилъ тонъ и въ томъ же году не замедлилъ испытать на себѣ вліяніе общей цензуры по слѣдующему случаю.

Въ одну изъ книжекъ «Морского Сборника» предназначалась статья, обличавшая возмутительные порядки во время войны въ военномъ госпиталѣ въ Николаевѣ. Въ статьѣ говорилось о томъ, какъ нерѣдко транспортъ больныхъ и раненыхъ оставлялся зимой въ мятель на улицахъ до вечера, и только въ сумерки слѣдовало распоряженіе о размѣщеніи страдальцевъ по квартирамъ; какъ въ госпиталь часто принимали умершихъ по дорогѣ подъ видомъ трудно-больныхъ; замерзшіе трупы складывали въ сарай и на нихъ по отчетамъ шли медикаменты и продовольствіе, а когда собиралось множество труповъ, то ихъ клали въ сколоченные кое-какъ гробы и отвозили на кладбище, но случалось, что гробы эти распадались и мертвецы нагишомъ валялись по улицѣ и т. п.

По новому закону 25-го января 1858 г. цензоръ спб. цензурнаго комитета

*) «Сборн. постановл. по ценз.», стр. 423.
**) Ibid., стр. 400 и 425.

представилъ эту статью довѣренному чиновнику отъ военнаго министерства. Послѣдній не рѣшился пропустить ее. Тогда морское вѣдомство апеллировало въ военное министерство, и 21-го августа 1858 года послѣдовало отношеніе предсѣдателя морского ученаго комитета къ военному министру князю Вик. Ил. Васильчикову слѣдующаго содержанія:

«Представляя при семъ вашему сіятельству корректурные листы статьи, предназначенной для напечатанія въ «Морскомъ Сборникѣ», имѣю честь доложить, что по встрѣтившимся затрудненіямъ со стороны военнаго цензора статья эта была представлена на благоусмотрѣніе великаго князя генералъ-адмирала и его императорское высочество изволилъ замѣтить, что еслибы злоупотребленія, такъ ярко выставленныя въ этой статьѣ, относились бы до морского вѣдомства, то горькая истина эта не встрѣтила бы препятствій къ напечатанію въ «Морскомъ Сборникѣ»; въ настоящемъ же случаѣ, лица, по справедливости подлежащія карѣ общественнаго мнѣнія, состояли на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, а потому его императорское высочество изволилъ приказать представить эту статью на благоусмотрѣніе вашего сіятельства».

При Норовѣ же, именно 31-го марта, было сдѣлано распоряженіе Главнаго управленія цензуры по спб. цензурному комитету по поводу рукописи Кукольника «Судьба страны, занимаемой древнею Литвою», «исключить тѣ акты, статьи, стихи и воззванія, которыя, бывъ составлены въ духѣ, враждебномъ нашему отечеству, могутъ произвести дурное впечатлѣніе на страсти еще не угасшія» *).

Затѣмъ, когда въ апрѣлѣ того же года были смѣнены разомъ три министра— Норовъ, Брокъ и Сухозанетъ, пресса не замедлила воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и, подъ прикрытіемъ похвалъ вновь назначеннымъ министрамъ, расточила не мало сарказмовъ и порицаній насчетъ мрачнаго прошлаго. Поэтому первымъ распоряженіемъ по цензурному вѣдомству новаго министра народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскаго былъ циркуляръ 15-го апрѣля слѣдующаго содержанія:

«Въ послѣднее время явились въ нашихъ газетахъ сужденія о нѣкоторыхъ лицахъ, вновь призванныхъ высочайшимъ довѣріемъ къ занятію высшихъ государственныхъ должностей. Въ сужденія эти входили похвалы, содержавшія въ себѣ иногда косвенное порицаніе предыдущаго времени и другіе неумѣстные намеки. По сему поводу Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: впредь не допускать въ печати никакихъ сужденій о лицахъ, назначаемыхъ къ занятію должностей государственной службы **).

Вслѣдъ затѣмъ 1858 годъ ознаменовался нѣсколькими протестами со стороны духовнаго вѣдомства. Въ это время въ Петербургъ пріѣхалъ иностранецъ

*) «Сборн. постанов. по ценз.», стр. 427.
**) Ibid, стр. 427.

Роде со своими туманными геологическими картинами, изображавшими постепенное образованіе земного шара. Картины свои онъ показывалъ сначала въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а потомъ и публикѣ въ зданіи цирка (теперешній Маріинскій театръ). С.-петербургскій митрополитъ преосв. Григорій былъ возмущенъ этими представленіями Роде и обратился къ оберъ-прокурору св. Синода съ слѣдующимъ отношеніемъ за № 641:

«Неоднократно доходили до меня слухи, что нѣкто иностранецъ Роде здѣсь, въ Петербургѣ, въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разными картинками, не упоминая ни слова о Богѣ создателѣ, показываетъ, что образованіе нашей земли, со всѣми ея растеніями и животными, не исключая и людей, произошло только отъ дѣйствія естественныхъ силъ какой-то первобытной матеріи, въ продолженіи не простыхъ шести дней, а шести болѣе или менѣе длинныхъ періодовъ.

«Въ настоящее время, какъ сказываютъ, этотъ Роде уже дѣлаетъ свои представленія публично, близъ Большого театра, въ циркѣ и для большаго привлеченія народа съ торжественною музыкою.

«Такое представленіе, явно колеблющее основаніе христіанства и истребляющее въ народѣ всѣми христіанскими народами благоговѣйно признаваемую и чтимую истину въ созданіи нашей земли отъ Всемогущаго, Премудраго и Всеблагаго Творца Бога, весьма вредно для народной вѣры и нравственности.

«Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство, чтобы означенное даваемое въ циркѣ представленіе было прекращено».

Затѣмъ преосв. Григорій возмутился модною картинкою въ «Сынѣ Отечества» и обратился къ спб. генералъ-губернатору Игнатьеву съ слѣдующимъ отношеніемъ 15-го мая 1858 г. за № 1107:

«Ваше высокопревосходительство, м. г., при послѣднемъ 19-мъ нумерѣ издаваемаго здѣсь журнала подъ названіемъ «Сынъ Отечества» разослана къ подписчикамъ картинка парижскихъ модъ, на которой одна женская фигура представлена въ платьѣ, украшенномъ вмѣсто обыкновенныхъ женскихъ уборовъ — крестами, подобно тому, какъ изображаются они на церковныхъ священныхъ облаченіяхъ.

«Находя такое злоупотребленіе священнаго знамени креста крайне неприличнымъ, оттого долгомъ считаю препроводить доставленную мнѣ картинку вашему высокопревосходительству съ тѣмъ, не признаете ли нужнымъ воспретить въ здѣшнихъ мастерскихъ устройство означенныхъ платьевъ и принять другія, по усмотрѣнію вашему, мѣры, чтобы платья эти не были въ употребленіи».

Спб. генералъ-губернаторъ отвѣчалъ на это слѣдующее:

«Ваше высокопреосв. милостивый архипастырь, при почтеннѣйшемъ отношеніи вашего высокопреосв. отъ 15-го числа сего мѣсяца за № 1107, получивъ возвращаемую при семъ картинку, принадлежащую къ № 19-му періодическаго изданія «Сынъ Отечества», долгомъ поставляю доложить вамъ, высокоуважаемый

архипастырь, что воспрещеніе изготовленія въ здѣшнихъ мастерскихъ подобныхъ женскихъ убранствъ оказывается неудобнымъ, ибо многія таковыя бываютъ провозимы изъ заграницы или по иностраннымъ рисункамъ изготовляются въ домашнемъ быту. Притомъ воспрещеніе сіе дало бы поводъ къ неумѣстной отговоркѣ, что изображеніе уподобляется не церковному облаченію, а математическому знаку умноженія.

«Тѣмъ не менѣе, я сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что замѣчаніе ваше надлежало бы предписать къ руководству цензурѣ при пропускѣ рисунковъ всякаго рода».

Вслѣдствіе вышеупомянутаго сообщенія генералъ-губернатора министру народнаго просвѣщенія, послѣдній послалъ въ цензурные комитеты слѣдующій циркуляръ 28-го мая 1858 г.:

«Обратить строгое вниманіе на то, чтобы въ картинкахъ или изображеніяхъ, неподлежащихъ отсылкѣ въ духовную цензуру и одобряемыхъ, по существующимъ постановленіямъ, свѣтскою цензурою, не было допускаемо неприличнаго смѣшенія предметовъ религіозныхъ съ свѣтскими» *).

Третій протестъ со стороны духовнаго вѣдомства произошелъ по случаю статьи Даскалова «Возрожденіе болгаръ», помѣщенной во 2-й книжкѣ 1858 года «Русской Бесѣды». Оберъ-прокуроръ св. Синода сообщалъ министру народнаго просвѣщенія «о глубоко горестномъ впечатлѣніи, произведенномъ на св. патріарха константинопольскаго и тамошній Синодъ статьею, допущенною московскою цензурою, въ духѣ самомъ враждебномъ противъ Греческой церкви, какой никогда еще въ Россіи не появлялось»... «Нельзя и представить себѣ, чтобы православный христіанинъ могъ рѣшиться писать въ семъ духѣ, но должно скорѣе предположить, что статья эта есть плодъ внушеній заграничной пропаганды. Съ перваго разу можно уже видѣть въ ней явное оскорбленіе главной іерархіи восточной православной церкви и что она не столько ведетъ къ возбужденію сочувствія нуждамъ болгаръ (которое можно возбуждать и не оскорбляя іерархіи), сколько къ тому, чтобы поселить въ русскомъ народѣ ненависть къ единовѣрному греческому народу и къ константинопольской церкви, отъ которой отечество наше получило свѣтъ вѣры Христовой».

Вслѣдствіе этого отношенія министръ народнаго просвѣщенія предложилъ московскому цензурному комитету истребовать отъ редактора «Русской Бесѣды», по поводу вышеозначенной статьи, надлежащее объясненіе. И вотъ Хомяковъ послалъ въ московскій цензурный комитетъ записку, написанную въ очень горячемъ тонѣ.

«Статья не могла и не должна быть холодною, писалъ онъ въ ней между

---

*) «Сборн. постан. о ценз.», стр. 430.

прочимъ: — стыдно было бы болгарину говорить безъ глубокаго и горячаго негодованія о постоянномъ угнетеніи своихъ единоплеменниковъ, о постоянномъ и хитромъ насиліи греко-фанаріотовъ надъ славянскими народностями, о постоянномъ ихъ стремленіи искоренить всякую умственную жизнь, мѣстную, непокорную или лучше сказать не рабствующую передъ своекорыстіемъ греческаго фанара. Но съ другой стороны ни одно слово въ цѣлой статьѣ не обращено не только противъ вѣры православной, но даже и противъ законовъ церковной іерархіи. Еще болѣе: обличая поступки фанаріотовъ, авторъ ограничивается только тѣми, которые прямо враждебны духовной жизни болгарскаго народа или разорительны для его вещественнаго благосостоянія, и не касается многихъ и слишкомъ плачевныхъ явленій въ цареградской іерархіи, которыя извѣстны къ несчастію всѣмъ, видѣвшимъ ее вблизи, но не прямо падаютъ на страдальческія головы задунайскихъ славянъ. Въ этомъ уже видно ясное доказательство, что перомъ его водили ни вражда, ни невѣріе, ни непочтеніе къ закону іерархическому, но единственно тяжелая необходимость исполнить священный долгъ заступничества за истомленныхъ братій...

«Не въ духѣ вражды или невѣрія, говоритъ Хомяковъ,—а въ духѣ глубокой скорби и душевной болѣзни была написана и напечатана статья г. Даскалова. Она должна была познакомить русскихъ съ вопросомъ близкимъ сердцу каждаго изъ насъ; она должна быть полезною славянамъ, которымъ покажетъ, что мы неравнодушны къ ихъ бѣдствіямъ; она можетъ быть, наконецъ, полезна самимъ фанаріотамъ, какъ предостереженіе, какъ доказательство, что сочувствіе Россіи будетъ не съ ними, а съ бѣднымъ народомъ, гонимымъ ихъ слѣпымъ своекорыстіемъ изъ нѣдръ истинной церкви въ лоно обманчивыхъ, но гостепріимныхъ ересей.

«Іезуитская Австрія запретила не только перечитывать, но даже и пропускать въ изданіяхъ заграничныхъ жалобы славянъ на греческое духовенство: она желаетъ заглушеніемъ жалобъ довести православный народъ до отчаянія и отпаденія. Такое дѣйствіе Австріи служитъ намъ назидательнымъ урокомъ. То, о чемъ она старается, не можетъ быть полезно для Россіи; то, чему ее учатъ духовные ея наставники-іезуиты, не можетъ имѣть другихъ цѣлей, кромѣ цѣлей гибельныхъ для вѣры православной.

«Вотъ соображенія, на основаніи коихъ мною помѣщена статья г. Даскалова въ № 2 «Русской Бесѣды». Я остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что просвѣщенное начальство оцѣнитъ по справедливости дѣйствіе добросовѣстное, предпринятое въ видахъ общей пользы православной церкви, Россіи и соплеменныхъ ей единовѣрцевъ» *).

*) «Русскій Архивъ», 1879 г., № 11, стр. 273—276.

IV.

Около того же времени разразилась буря надъ «Одесскимъ Вѣстникомъ», давно уже впрочемъ надвигавшаяся на эту маленькую газету. До 1858 года «Одесскій Вѣстникъ» находился въ рукахъ военнаго генералъ-губернатора; въ этомъ же году онъ былъ причисленъ къ одесскому лицею и началъ издаваться подъ номинальною редакціею двухъ профессоровъ этого лицея; настоящимъ же редакторомъ «Одесскаго Вѣстника» былъ Н. И. Пироговъ, сгруппировавшій вокругъ этой газеты всѣ умственныя силы Одессы въ тѣсный и дружный кружокъ. Такъ какъ Н. И. Пироговъ въ качествѣ попечителя одесскаго округа былъ въ то же время и предсѣдателемъ одесскаго цензурнаго комитета, то «Одесскій Вѣстникъ» вслѣдствіе совмѣщенія въ одномъ лицѣ редактора и цензора находился въ весьма выгодномъ положеніи самоцензурованія. Тѣмъ не менѣе хотя газета и заявила себя съ первыхъ же нумеровъ 1858 года впереди движенія, съ горячимъ сочувствіемъ относилась къ готовившимся реформамъ, отзывалась па всѣ вопросы, возбужденные въ литературѣ и жизни, будировала и обличала, но въ общемъ тонъ ея былъ очень умѣренный, и, какъ увидимъ ниже, ничего особенно выдающагося въ нецензуромъ отношеніи на столбцахъ ея не появлялось. Но какъ ни была сдержанна и умѣренна газета, одесскій генералъ-губернаторъ гр. Строгановъ, непреклонный поборникъ дореформеннаго режима, неблаговолившій къ Пирогову какъ къ одному изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ новыхъ вѣяній, враждебно отнесся въ преобразованію «Одесскаго Вѣстника», и въ первый же мѣсяцъ существованія газеты подъ новой редакціею поспѣшилъ отправить къ министру народнаго просвѣщенія Норову донесеніе о весьма вредномъ направленіи, принятомъ въ послѣднее время литературою вообще, «Одесскимъ же Вѣстникомъ» въ особенности. Вслѣдъ за гр. Строгановымъ и херсонскій предводитель дворянства послалъ съ своей стороны донесеніе о вредномъ направленіи, принятомъ редакціею «Одесскаго Вѣстника» съ 1858 г., причемъ онъ обращалъ вниманіе въ особенности на осужденіе правительственныхъ мѣръ, на неумѣстныя выходки противъ помѣщиковъ и частныхъ лицъ и на послабленіе цензуры въ этомъ отношеніи. При этихъ двухъ донесеніяхъ были обозначены и статьи, обратившія па себя особенное вниманіе одесскихъ властей своею непозволительностью. Мы сдѣлаемъ краткій перечень этихъ статей, чтобы читатели могли видѣть, до какихъ предѣловъ простиралось вольномысліе «Одесскаго Вѣстника».

Такъ въ № 5 въ корреспонденціи нѣкоего Ильина подъ заглавіемъ «Замѣтки и вѣсти изъ Подоліи» авторъ говоритъ, что полевыя работы производятся въ Подоліи на ремапентахъ помѣщика, т. е. его собственными волами или лошадьми, тогда какъ въ Россіи помѣщикъ для производства полевыхъ работъ имѣетъ у себя лишь земледѣльческія орудія; скотъ же употребляется крестьянскій. Поэтому въ Подоліи помѣщикъ мало заботится о довольствѣ своего крестьянина и вовсе не сочувствуетъ его нуждамъ: «по крайней мѣрѣ, говоритъ авторъ:—во время моего постояннаго здѣсь пребыванія я могъ въ этомъ убѣдиться собственными глазами».

Въ № 6 въ статьѣ «О юридическомъ образованіи» авторъ высказываетъ нѣсколько ходячихъ сѣтованій, что у насъ никто не знаетъ законовъ, правъ и обязанностей гражданскихъ, и это ведетъ часто къ самымъ печальнымъ послѣдстві-

ямъ, вводитъ людей въ нечаянныя преступленія, дѣлаетъ ихъ жертвами кляузнаго обмана и т. п. Противъ этого зла авторъ предлагаетъ слѣдующія средства: 1) чтобъ всѣ и каждый интересовались общественнымъ дѣломъ, принимали въ немъ живое участіе. Поднятіе выборнаго начала на службѣ, усиленіе и распространеніе его—есть готовое у насъ средство для привлеченія частныхъ людей къ дѣламъ общественнымъ; 2) судопроизводство, которое было бы всѣмъ доступно и извѣстно; 3) преподаваніе законовъ въ школахъ дѣтямъ старшаго возраста: 4) развитіе юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ № 7 въ статьѣ «Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ» обращается вниманіе на крайне бѣдственное положеніе рабочаго класса въ Одессѣ, при чемъ авторъ вычисляетъ, что изъ всего скуднаго заработка поденьщика, по крайней мѣрѣ 4/5 тратится на одно продовольствіе и лишь 1/5 на все остальное, и взаключеніе авторъ задаетъ вопросъ, какъ рѣшить задачу чтобы уравновѣсить заработную плату съ цѣною на первыя жизненныя потребности такъ, чтобы послѣдняя составляла лишь 1/5 или 1/4 заработка? Свободной ли конкурренціей, которая возвышаетъ косвеннымъ образомъ цѣну на жизненные припасы, напримѣръ цѣховою платою, платою за мѣсто на площади и пр., или же таксой, составленной такимъ образомъ, чтобы хлѣбъ, мясо и пр. доставляли производителю справедливое вознагражденіе за трудъ и индустрію, а не входили бы въ разрядъ предметовъ, какіе избираетъ себѣ спекуляція для быстраго обогащенія.

Въ № 9 въ статьѣ «о степномъ хозяйствѣ» авторъ говоритъ о преимуществѣ сельскаго хозяйства Новороссіи передъ Великороссіею.

«У насъ въ степяхъ, говоритъ онъ; — не спрашиваютъ какъ тамъ: сколько у васъ душъ? Но желая узнать ваше состояніе освѣдомляются о количествѣ десятинъ земли, испанскихъ овецъ, крупнаго скота и пр. Земля составляетъ главное богатство края, души, т. е. крѣпостные крестьяне—на второмъ послѣ нея планѣ. Косовица и уборка хлѣба производится наемными рабочими. Скотъ и орудія у помѣщика свои, оранка производится дворовыми, которые имѣютъ здѣсь совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ Великороссіи, удовлетворяющее лишь личныя потребности и вкусы тамошнихъ помѣщиковъ».

Въ №№ 13, 16, и 21 описывается костюмированный балъ, данный какимъ-то богатымъ одесскимъ комерсантомъ. Все это описаніе полно нападокъ на пусканіе пыли въ глаза и безразсудную трату денегъ на наряды.

«Вамъ кажется, говоритъ авторъ что стоитъ только дамамъ накупитсь себѣ кучу нарядовъ для того, чтобы оживить промышленность и торговлю и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить и долгъ христіанскій своимъ избыткомъ подѣлиться съ неимущими. Чтобы вамъ посовѣтываться на этотъ счетъ съ другою особою, тоже прекраснаго пола, можетъ быть нестолько ослѣпленною блестящимъ свѣтомъ. Я говорю о миссъ Мартино и ея письмахъ о политической экономіи. Отъ нея безъ труда узнали бы вы, какая разница между безплоднымъ и полезнымъ употребленіемъ богатства. Еслибъ примѣрно 40 тысячъ рублей сер. вмѣсто блестящихъ нарядовъ употребить хоть на то, чтобъ возлѣ вашего дома было вполнѣ удобно ходить и ѣздить, думаете ли вы, что оттого было бы меньше пользы промышленности и торговлѣ, не подѣлились ли бы вы съ бѣдными каменьщиками и мостовщиками своими избытками, а вмѣстѣ съ тѣмъ у васъ остались бы отличные тротуары и мостовыя, не говоря о томъ, что на вашу долю досталась бы честь подать первый добрый примѣръ вашимъ согражданамъ. А теперь что остается? Наряды, которыхъ вы болѣе двухъ, трехъ разъ не надѣнете».

Въ № 17 въ статьѣ «О существенныхъ условіяхъ процвѣтанія промышленности земледѣльческой», авторъ распространяется о необходимости свободнаго труда. Для процвѣтанія земледѣлія, по его мнѣнію, необходимо: 1) чтобы въ странѣ не было иного труда, кромѣ свободнаго, установляемаго съ обоюднаго согласія, правильно установленнаго, 2) чтобъ земля свободно переходила изъ

рукъ въ руки, попадая въ такія, которыя способны извлекать изъ нея наиболѣе пользы, чтобы пользованіе землею не было временною случайностью, зависящею отъ произвола, а было обезпечено или правомъ полной собственности. или особыми заключенными па долгіе сроки договорами.

Говоря затѣмъ объ австрійскихъ порядкахъ землевладѣнія, авторъ указываетъ, что тамъ для тѣхъ поселянъ, которымъ предоставлено было пользованіе господскою землею, поставлено было въ этомъ случаѣ ограниченіе: отъѣзжать могли они не иначе, какъ предваривъ владѣльца за 6 мѣсяцевъ и предоставивъ ему на свое мѣсто годнаго хозяина. Изъ этого ограниченія, по мнѣнію автора, произошло все зло, отъ котораго Австрія освободилась послѣ бурь 1848 г. съ такими тяжкими пожертвованіями.

Въ № 18 въ статьѣ «О французской беллетристикѣ» говорится между прочимъ о Беранже, по случаю его смерти, что онъ безспорно первый великій поэтъ во Франціи въ настоящее столѣтіе, что онъ былъ ея народнымъ поэтомъ въ полномъ значеніи этого слова: каждая пѣсня его обходила всю Францію и вездѣ находила улыбку сочувствія или слезы участія. Ни одного національнаго интереса, народнаго чувства онъ не обошелъ. Онъ не былъ человѣкъ партіи. Партія, къ которой онъ принадлежалъ, есть вся мыслящая, благородная масса французскаго народа, для которой дороги счастіе и слава родины и т. п.

Въ № 28 статья «Ab ovo» имѣетъ чисто мѣстный интересъ; это письмо изъ Екатеринославля, подписанное Ижицинымъ и заключающее въ себѣ обличеніе какого-то сосѣда Петра Петровича Копейкина за то, что онъ взяточникъ, круглый невѣжда и не хочетъ просвѣщать своихъ дѣтей.

Наконецъ въ № 29 помѣщена еврейская реклама въ видѣ письма, подписаннаго буквами О. Р., о какомъ-то глазномъ докторѣ Линкѣ въ Одессѣ, слава о которомъ разнеслась такъ далеко, что онъ былъ восхваленъ даже въ одной еврейской газетѣ, издаваемой въ Пруссіи.

«Vox populi—vox Dei—гласъ народа—гласъ Божій! восклицалъ авторъ рекламы:—сколько варьяцій можно написать на эти четыре латинскія слова, полныя глубокаго смысла! Чего народъ хочетъ, того и Богъ хочетъ; что Богу пріятно, то пріятно и народу; что народомъ опредѣлено, то Богомъ внушено; кого народъ отвергаетъ, того Богъ отвергаетъ; нѣтъ отъ Бога ничего скрытнаго и отъ народа ничего не скроешь; какъ за Богомъ молитва не пропадетъ, такъ не пропадаетъ доброе дѣло за народомъ. Нечего и говорить, что латинская поговорка не имѣетъ въ виду какой-либо народъ исключительно: ея объемъ безпредѣленъ, потому что подъ словами «гласъ народа» она разумѣетъ *общественное мнѣніе*.

«Остается прибавить, что намъ, жителямъ Одессы, слѣдуетъ гордиться тѣмъ, что въ числѣ нашихъ согражданъ находятся такіе люди, какъ почтенный докторъ Линкъ».

Вотъ и все, на что одесскія власти указали, какъ на выдающіеся признаки вреднаго направленія «Одесскаго Вѣстника». При Норовѣ донесенія Строганова и херсонскаго предводителя дворянства конечно не имѣли бы силы, и дѣло затормазилось бы, встрѣтя энергическіе протесты со стороны кн. Вяземскаго, кн. Щербатова и прочихъ либеральныхъ членовъ Главнаго управленія цензуры. Но при Ковалевскомъ дѣло не замедлило принять иной оборотъ. Онъ не преминулъ войти о немъ съ докладомъ къ государю, и по высочайшему повелѣнію предложилъ Главному управленію цензуры на разсмотрѣніе всѣ статьи «Одесскаго Вѣстника» за 1858 годъ, какъ указанныя гр. Строгановымъ и херсонскимъ предводителемъ дворянства, такъ и вообще обратившія на себя вниманіе по своему содержанію или способу изложенія.

Главное управленіе изъ числа вышеозначенныхъ статей признало предосуди-

тельными три: въ № 6 *О юридическомъ образованіи*, въ № 7 *Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ* и въ № 28 *Ab Ovo*.

«Въ первой нетолько осуждается вообще наша система судопроизводства и въ противоположность ей рекомендуется судопроизводство гласное, но въ ней явно видно направленіе чернить все отечественное. Во второй статьѣ оправдывается пьянство въ простомъ народѣ недостаточностью будто бы платы за его труды, и во всей статьѣ явно обнаруживается нерасположеніе къ достаточнымъ сословіямъ. Въ третьей статьѣ взяточничество чиновниковъ выставляется въ самой грязной картинѣ, которая легко можетъ возбудить негодованіе простого народа противъ служащихъ, особенно противъ полицейскихъ властей, и притомъ взяточничество это оправдывается недостаточнымъ содержаніемъ чиновниковъ и признается почти неизбѣжнымъ зломъ при нашей системѣ управленія».

Въ другихъ статьяхъ, по мнѣнію Главнаго управленія, встрѣчаются только неосторожныя фразы и выраженія, которыя слѣдовало бы исключить, не подвергая запрещенію самихъ статей, большею частью написанныхъ съ хорошимъ направленіемъ. Таковыя статьи: въ № 5 *Замѣтки и вѣсти изъ Подоліи*, гдѣ въ концѣ есть выходка противъ помѣщиковъ, въ № 18 *О французской беллетристикѣ*, статья, заключающаяся слишкомъ безусловнымъ восхваленіемъ Беранже; и въ № 29 *письмо г. О. Р. о докторѣ Линкѣ*, въ которомъ неумѣстно превозносятся *гласъ и мнѣніе народа*. Въ иныхъ же статьяхъ, каковы: въ № 8 *О современномъ положеніи русской мануфактурной промышленности*, въ № 9 *О степномъ хозяйствѣ*, въ № 17 *О существенныхъ условіяхъ процвѣтанія промышленности земледѣльческой*, имѣющихъ цѣль вполнѣ благонамѣренную—возбудить нашу промышленность мануфактурную и земледѣльческую къ новой дѣятельности, нельзя одобрить упрековъ хотя и справедливыхъ, но дѣлаемыхъ исключительно *русскимъ* мануфактуристамъ, и слишкомъ общаго порицанія нашего помѣщичьяго хозяйства, причемъ исключительно чернятся помѣщики и не совсѣмъ основательно. Въ послѣдней статьѣ сверхъ того допущены отзывы о томъ, какъ уничтожилось крѣпостное состояніе въ Австріи, по мнѣнію автора, «бурями 1848 года», съ довольно явными намеками на недостаточность мѣръ, указанныхъ въ этомъ отношеніи правительствомъ у насъ. Иныя статьи, какъ напр. въ 13, 16 и 21 *о частномъ балѣ въ Одессѣ*, не противны въ строгомъ смыслѣ цензурнымъ постановленіямъ, но показываютъ незнаніе общественныхъ приличій или недостатокъ такта въ авторахъ. Общее же разсмотрѣніе всѣхъ статей, указанныхъ, какъ предосудительныя въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», привело Главное управленіе цензуры къ заключенію, что нельзя согласиться съ мнѣніемъ гр. Строганова, будто нынѣшняя редакція этой газеты приняла рѣшительно вредное направленіе или, какъ утверждаетъ херсонскій губернскій предводитель дворянства, почти преступное, тѣмъ болѣе что въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» нынѣшняго года появились въ другихъ нумерахъ статьи истинно полезныя и дѣльныя,—можно только сказать, что направленіе большей части статей не вполнѣ одобрительно по довольно часто повторяющимся выходкамъ противъ помѣщиковъ и богатаго сословія, по рѣдкости отзывовъ о недостаткахъ нашего внутренняго устройства и по излишней наклонности къ теоретической полемикѣ въ газетѣ, имѣющей цѣли чисто практическія. А потому Главное управленіе цензуры положило: 1) сдѣлать замѣчаніе цензорамъ; 2) отдать «Одесскій Вѣстникъ» съ будущаго 1859 г. попрежнему въ распоряженіе г. новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора съ правомъ отъ себя назначить редактора и 3) взамѣнъ предложить лицею издавать какой-нибудь учено-педагогическій журналъ.

Это предложеніе Главнаго управленія цензуры по всеподданнѣйшему докладу министра было высочайше утверждено 7-го іюля 1858 года.

Н. И. Пироговъ вслѣдъ затѣмъ былъ переведенъ изъ Одессы въ Кіевъ на подобное же мѣсто попечителя учебнаго округа.

Около того же времени, именно 17-го іюня 1858 г. былъ разосланъ по цензурнымъ комитетамъ нижеслѣдующій циркуляръ министра народнаго просвѣщенія:

«Въ 1857 году напечатана въ С.-Петербургѣ книга на малороссійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Граматика». Помѣщенныя въ этой книгѣ, на стр. 13, 14, 28 и 29 статьи, въ коихъ говорится о существовавшей нѣкогда между казаками и поляками враждѣ, возбудили неудовольствіе въ дворянствѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ губерній, которое выражаетъ опасеніе, чтобы съ распространеніемъ сей книги въ народѣ, не получила бы новой силы вражда и безъ того еще незабытая въ тамошнемъ простомъ народѣ. Посему я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить ...скому цензурному комитету, въ случаѣ представленія книги *Граматика* для одобренія къ напечатанію новымъ изданіемъ, исключить изъ оной тѣ статьи, которыя, будучи написаны въ духѣ исключительной малороссійской народности въ противоположность общей русской или заключая въ себѣ враждебныя между племенами воспоминанія, противны цензурнымъ правиламъ и въ особенности не должны быть терпимы въ книгѣ, предназначенной для дѣтскаго и народнаго чтенія» *).

Въ это время общество, въ высшей степени возбужденное, было преисполнено всякаго рода слуховъ о предстоящихъ реформахъ, слуховъ, подъ часъ совершенно невѣроятныхъ и фантастическихъ. Слухи эти проникали иногда и въ газеты. «Экономическій указатель» завелъ даже постоянный отдѣлъ у себя подъ заглавіемъ «Слухи и вѣсти», гдѣ, передавая предположенія и сужденія о готовящихся реформахъ, дерзнулъ даже вопреки высочайшаго повелѣнія 15-го апрѣля отозваться съ похвалою о нѣкоторыхъ вновь назначенныхъ чиновникахъ (гг. Гагемейстерѣ и Бутовскомъ).

И вотъ министръ народнаго просвѣщенія 26-го ноября 1858 года обратился въ с.-петербургскій цензурный комитетъ съ предложеніемъ, въ которомъ, подтверждая высочайшее повелѣніе 15-го апрѣля о недопущеніи въ печати никакихъ сужденій о лицахъ, назначаемыхъ къ занятію должностей государственной службы, далѣе говоритъ:

«Что же касается до распубликованія по однимъ слухамъ, часто ложнымъ, предполагаемыхъ правительственныхъ мѣръ, то частныя изданія нетолько вовлекаютъ публику сими объявленіями иногда въ напрасныя ожиданія, неправильные толки и волнуютъ тѣмъ умы, но вообще и не имѣютъ никакого права объявлять правительственныхъ мѣръ, пока онѣ не распубликованы законнымъ образомъ. Нельзя притомъ упустить изъ виду, что и частныя вѣсти о разныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ должны быть всегда съ особенною осторожностью помѣщаемы въ журналахъ, дабы не произвести вреднаго впечатлѣнія на читателей или промышленный классъ или не повредить предпріятіямъ.

«Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, предложить с.-петербургскому цензурному комитету сдѣлать по симъ предметамъ надлежащее внушеніе редакціямъ газетъ и журналовъ, въ которыхъ особенно замѣчено стремленіе помѣщать подобныя вышесказаннымъ статьи, и съ своей стороны не дозволять имъ выходить изъ приличныхъ границъ» **).

Конецъ 1858 года ознаменовался слѣдующимъ промахомъ со стороны довѣреннаго чиновника отъ министерства двора П. Федорова, которому со времени учрежденія съ начала того года довѣренныхъ чиновниковъ отъ министерствъ начали представляться на просмотръ между прочимъ статьи касающіяся высочайшихъ особъ. При открытіи одного женскаго училища въ Петербургѣ императрица Марія Александровна сказала рѣчь, которая была напечатана въ нѣкоторыхъ газетахъ, причемъ въ рѣчь императрицы вкралась фраза, что *образованіе*

---

*) «Сборн. постанов. ценз.», стр. 431.
**) «Сборн. пост. о ценз.», стр.

уравниваетъ всѣ сословія. Государыня заявила, что такія слова не были произнесены ею. Вслѣдствіе этого Федоровъ получилъ выговоръ, и затѣмъ по высочайшему повелѣнію былъ разосланъ по цензурнымъ комитетамъ циркуляръ 30-го декабря 1858 г., въ которомъ говорилось, что цензора «неправильно предполагаютъ, будто бы назначеніе особаго чиновника для разсмотрѣнія статей до министерства императорскаго двора относящихся, отмѣняетъ порядокъ, установленный 9 ст. цензурнаго устава». Поэтому для предупрежденія на будущее время недоразумѣній и непріятныхъ отъ того послѣдствій, подтверждено было цензурнымъ комитетамъ о точномъ соблюденіи съ ихъ стороны означеннаго закона, т. е. о доставленіи на разсмотрѣніе министра двора выписокъ изъ тѣхъ сочиненій, въ коихъ описываются событія до государя императора или особъ императорской фамиліи относящіяся; вышеупомянутый же чиновникъ министерства двора—долженъ былъ разсматривать статьи, собственно до учрежденія министерства касающіяся *).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Отношеніе цензуры къ обсужденіямъ въ печати крестьянскаго вопроса, къ обличительной гласности и къ статьямъ о гласномъ судопроизводствѣ.

I.

Предыдущія главы достаточно показали намъ, что почти всѣ цензурныя распоряженія второй половины 50-хъ годовъ клонились нестолько къ освобожденію прессы, сколько напротивъ того къ обузданію и введенію ея въ надлежащія границы. Между тѣмъ несмотря всѣ эти распоряженія, пресса нетолько не смирялась, а съ каждымъ днемъ предѣлы ея обсужденій расширялись, и тонъ ея дѣлался громче и рѣшительнѣе. И это совершалось вполнѣ непроизвольно, фатально, силою самихъ обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ реформахъ, которыми увлекались въ то время правительство и общество, мы видимъ одинъ и тотъ же неизмѣнный путь: начиналось дѣло съ самыхъ скромныхъ повидимому преобразованій, съ непреклоннымъ желаніемъ сохранить по возможности все прежнее въ его основаніяхъ, причемъ опасались даже называть реформу ея настоящимъ именемъ и давали ей какое-нибудь самое невинное названіе, а затѣмъ шагъ за шагомъ и сами не замѣчали, какъ приходили къ результатамъ, далеко оставлявшимъ за собою первоначальныя намѣренія. Это отражалось конечно и на прессѣ. То, о чемъ сегодня запрещалось нетолько писать, но даже и думать, черезъ годъ, черезъ два дѣлалось вопросомъ дня, входило въ правительственные акты. Такимъ образомъ обойденная до поры до времени реформою, прямо касающеюся ея собственнаго положенія, пресса сама создавала себѣ положеніе, цѣпляясь за всѣ прочія реформы. Это сдѣлается намъ вполнѣ ясно, когда мы разсмотримъ отношенія цензуры къ прессѣ по вопросамъ о совершившихся въ то время реформахъ, къ чему мы теперь и приступимъ.

---

*) Ibid, стр. 439.

На первомъ планѣ стояла въ то время, само собою разумѣется, крестьянская реформа.

Нужно ли говорить о томъ, что въ 1855 и 56 годахъ литература и заикаться не смѣла о такомъ издавна запретномъ вопросѣ какъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Въ то время только и возможны были что повѣсти изъ народнаго быта съ изображеніемъ несчастнаго положенія крестьянъ подъ игомъ помѣщиковъ, причемъ изображенія эти бывали обыкновенно до крайности смягчены и затушеваны художественными аксесуарами, да изрѣдка въ сухихъ, неудобочитаемыхъ статьяхъ о сельскомъ хозяйствѣ авторы позволяли себѣ дѣлать робкіе намеки на преимущества вольнонаемнаго труда. И тѣмъ болѣе строга была цензура къ малѣйшимъ покушеніямъ прессы затрогивать роковой вопросъ, что правительство повидимому не имѣло ни малѣйшаго намѣренія приступать къ рѣшенію его, какъ объ этомъ можно было заключить изъ словъ циркуляра новаго министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, гдѣ прямо и рѣшительно было сказано: «Всемилостивѣйшій Государь нашъ повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству».

Лишь въ манифестѣ 19 марта 1856 года по поводу заключенія міра съ западными державами правительство впервые рѣшается сдѣлать глухой и косвенный намекъ на крѣпостную реформу съ слѣдующихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: «*и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ*». И если само правительство не рѣшалось еще въ то время печатно высказаться болѣе опредѣленно и ясно, то могла-ли цензура допустить прессѣ свободное обсужденіе крестьянскаго вопроса? И хотя нѣсколько дней спустя послѣ объявленія этого манифеста раздались въ Москвѣ передъ предводителями дворянства историческія слова: «*лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу*», эти слова, съ быстротою молніи облетѣвшія всю Россію, возбудившія всеобщее смятеніе, исполнившія однихъ восторгомъ, другихъ тревогою, не произвели ни малѣйшаго вліянія на прессу. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что впродолженіе нетолько 1856, но и большей части 1857 года литература ничего еще не могла говорить о крестьянскомъ вопросѣ, и лишь стороною, обиняками касалась его, поднимая разные побочные вопросы, относящіеся къ крестьянскому быту. Такъ въ 1857 велась достопамятная полемика между «Современникомъ» и «Экономическимъ указателемъ» объ общинномъ землевладѣніи. Въ томъ же году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» печатались статьи Гакстгаузена объ отмѣнѣ и выкупѣ помѣщичьихъ господскихъ правъ въ Пруссіи и Австріи.

«Вопросъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, писалъ кн. Вяземскій въ 1856 году предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета: — есть одинъ изъ важнѣйшихъ и щекотливѣйшихъ нашихъ государственныхъ вопросовъ. Касаться до него должно съ чрезвычайною предусмотрительностью и осторожностью. Возбужденіе же о немъ частныхъ сужденій и преній въ печати едва ли дѣло литературное и въ особенности журнальное, такъ какъ вопросъ сей и по сущности своей и по своимъ послѣдствіямъ есть преимущественно вопросъ правительственный и подлежащій въ свое время рѣшенію верховной власти. Не сомнѣваюсь въ благонамѣренности и добросовѣстности нашихъ писателей, но едва ли участіе литературы принесетъ въ этомъ дѣлѣ пользу. Тѣхъ, которые не расположены къ дѣлу этому, она не переувѣритъ, но раздразнитъ неизбѣжно». Другая опасность, по мнѣнію кн. Вяземскаго, предвидится со стороны тѣхъ малограмотныхъ читателей, для которыхъ «печатный каждый листъ быть кажется святымъ» *).

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Росс.», стр. 80.

Замѣтьте, что подобныя мысли о невозможности допущенія прессы обсуждать крестьянскій вопросъ, высказывались однимъ изъ самыхъ либеральныхъ приверженцевъ свободы прессы. Лишь съ появленіемъ высочайшихъ рескриптовъ на имя генералъ-губернатора Западнаго края Назимова отъ 20 ноября и на имя с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора Игнатьева 5-го декабря 1857 г., крестьянскій вопросъ впервые вступаетъ на путь гласности. Разосланные во всѣ концы Россіи рескрипты эти были вмѣстѣ съ тѣмъ и напечатаны во всѣхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ органахъ печати. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Между прочимъ циркуляры были конечно напечатаны и въ «Сынѣ Отечества». Но надо же было случиться, что въ томъ же самомъ нумерѣ была помѣщена въ фельетонѣ небольшая статейка о поземельной собственности въ Остзейскихъ губерніяхъ, статейка совершенно невинная, состоящая изъ однихъ голыхъ фактовъ безъ всякихъ выводовъ и обобщеній. Но достаточно было этого злополучнаго совпаденія, чтобы «Сынъ Отечества» былъ заподозрѣнъ въ злоумышленной тенденціозности, и министръ Норовъ велѣлъ цензору Бекетову, пропустившему номеръ, подать въ отставку и лишь энергическое заступничество кн. Щербатова спасло Бекетова.

Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1857 г. на стр. 640 было напечатано стихотвореніе кн. Кугушева «Дуняша, легенда давнихъ временъ». Въ легендѣ этой довольно плохими стихами описывается помѣщикъ, любившій очень весело пожить и задававшій роскошные пиры. Полюбилъ онъ дочь буфетчика Дуняшу, но послѣдняя не сочувствовала страсти барина, такъ какъ въ свою очередь была влюблена въ коробейника, молодого парня Семена. Это не помѣшало барину силою завладѣть Дуняшей, запереть ее въ отдѣльный флигель и приставить къ ней въ видѣ стражи злую старуху и сверхъ того домъ окружить дозоромъ. Однакоже несмотря на весь этотъ дозоръ, возлюбленному Дуняши Семену удалось тайкомъ пробраться къ ней ночью и чтобы умилостивить старуху онъ подарилъ ей бумажный платокъ и въ платкѣ золотой. Старуха отъ подарка не отказалась, но это не помѣшало ей тотчасъ же донести барину о посѣщеніи Семена, и далѣе затѣмъ слѣдуетъ трагическая развязка легенды въ духѣ «Черной шали» Пушкина:

«Съ безсоннаго ложа онъ молча встаетъ
И Дуню съ Семеномъ вдвоемъ застаетъ.
Но встрѣчи ужасной не знаютъ конца—
Съ тѣхъ поръ не видали по селамъ купца.
Съ тѣхъ поръ въ одинокомъ Дуняши окнѣ
Не свѣтится сторка при блѣдномъ огнѣ.
Изъ дома молва на село прибрела,
Что Дуня внезапно въ ночи померла.
Пріѣхалъ исправникъ; но лекарь рѣшилъ,
Что видно скончаться Господь ей судилъ».

Помѣщикъ устроилъ Дуняшѣ великолѣпные похороны, осыпалъ ея могилу цвѣтами, и затѣмъ угрюмо заперся въ своихъ хоромахъ, и наконецъ въ заключеніи легенды говорится:

«И слышится сказка въ народѣ одна,
Что баринъ не знаетъ покоя и сна,
Печально угрюмо стоитъ барскій домъ,
Надворнымъ строеньемъ обставленъ кругомъ;
На длинномъ порядкѣ большого села
Съ избенокъ солому погода снесла;

Дырявыя крыши нагія торчатъ
И бариномъ дѣти пугаютъ впучать».

Стихотвореніе это обратило на себя вниманіе, и вотъ 27 декабря 1857 года былъ разосланъ министромъ народнаго просвѣщенія слѣдующій секретный циркуляръ:

«Вслѣдствіе обнародованныхъ высочайшихъ рескриптовъ (поименовано какихъ именно) относительно помѣщичьихъ крестьянъ, обязываюсь покорнѣйше просить обратить строжайшее вниманіе на всѣ представляемыя статьи и стихотворенія, въ которыхъ могутъ появляться рѣзкіе и язвительные отзывы объ отношеніяхъ господъ и помѣщиковъ къ служителямъ и крестьянамъ. Излишнимъ было бы входить въ ближайшее указаніе на тѣ причины, по которымъ журналы и печать вообще должны остерегаться отъ всего, что можетъ возбуждать враждебныя предубѣжденія и страсти въ то самое время, когда правительство приступило къ разрѣшенію вопроса столь близкаго всѣмъ по государственому своему значенію. Просвѣщенной предусмотрительности и благоразумной заботливости вашей предоставляется и оцѣнить всю важность современныхъ обстоятельствъ и согласовать съ ними дѣйствія ввѣренной вамъ цензуры» *).

Около того же времени Академія наукъ предложила на соисканіе особыхъ назначенныхъ ею премій задачу, относящуюся къ историческимъ изслѣдованіямъ объ отмѣнѣ и выкупѣ помѣщичьихъ правъ въ разныхъ государствахъ Европы, но циркуляромъ 30 декабря 1857 г. запрещено было печатать въ русскихъ газетахъ и журналахъ программу этой задачи, и Академія принуждена была обратиться къ иностранной прессѣ **).

Странное впечатлѣніе производятъ всѣ эти тревоги министерства по поводу какой-то ничтожной статейки въ «Сынѣ Отечества», плохого стихотворенія кн. Кугушева или ученой программы Академіи наукъ въ самое такое время, когда вся Россія была охвачена огнемъ необузданнаго энтузіазма послѣ обнародованія рескриптовъ. Во всѣхъ слояхъ общества при каждой встрѣчѣ двухъ трехъ человѣкъ въ то время только и говорили, что о предстоящей реформѣ, и говорили не въ однѣхъ интимныхъ бесѣдахъ, но открыто, публично, чуть не на площадяхъ. Какъ разъ въ то время, именно 28 декабря состоялся знаменитый обѣдъ въ Москвѣ въ купеческомъ клубѣ, на который въ числѣ около 200 человѣкъ собралась вся московская интеллигенція, и на которомъ и Катковъ, и Кавелинъ, и Павловъ, и Бабстъ, и Кокоревъ разразились самыми восторженными рѣчами по поводу предстоящей реформы. Правительство правда было очень недовольно этой московской демонстраціей. Кокореву за его рѣчь былъ сдѣланъ выговоръ, обѣды, подобные московскому, были воспрещены. Тѣмъ не менѣе вышеозначенныя дѣйствія министерства очень были похожи на стремленіе заткнуть пальцами двѣ-три скважины бочки, изъ которой вода свищетъ во всѣ поры. Могла ли пресса одна оставаться безмолвною въ виду всеобщаго говора и шума, возбужденнаго рескриптами? Это было бы вопіющимъ скандаломъ нетолько передъ возбужденнымъ обществомъ, но и передъ всею Европою. Понятно, что прессѣ тогда же было дозволено приступить къ обсужденіямъ крестьянскаго вопроса, и съ начала 1858 года во всѣхъ журналахъ: «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Атенеѣ»—начали печататься статьи по крестьянскому вопросу. Въ Москвѣ возникъ деже ежемѣсячный журналъ «Сельское благоустройство» А. И. Кошелева, спеціально предназначенный освобожденію крестьянъ. Въ высшихъ сферахъ теперь начали хлопотать не о томъ уже—дозволять или не дозволять прессѣ об-

*) «Сборн. расп. по ценз.», стр. 420.
**) «Истор. свѣд. о ценз. въ Росс.», стр. 80 и «Сб. расп.», стр. 421.

суждать крестьянскій вопросъ, а лишь бы пресса не выходила въ своихъ обсужденіяхъ изъ предѣловъ, намѣченныхъ рескриптами, не противорѣчила имъ и не дозволяла себѣ критиковать ихъ.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что въ концѣ 1858 реакціонная партія значительно усилилась и подняла голову. Вліяніе ея замѣтно отразилось и на рескриптахъ; право земли оставалось за помѣщиками; крестьяне могли лишь пользоваться частью помѣщичьихъ земель и за это пользованіе платить оброкомъ или барщиною; помѣщикамъ предоставлялось право вотчинной полиціи надъ крестьянами и т. п. И вотъ послѣ того какъ прессѣ разрѣшено было толковать о крестьянскомъ вопросѣ, реакціонеры начинаютъ дѣлать всѣ усилія, чтобы пресса въ своихъ обсужденіяхъ ни на іоту не отступала отъ рескриптовъ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что съ самаго начала 1858 года цензурные комитеты постоянно осаждаются циркулярами относительно этого предмета. Такъ 16-го января является слѣдующій циркуляръ:

«Для руководства внутренней цензуры при разсмотрѣніи и пропускѣ къ напечатанію статей, относящихся до предпринятаго нынѣ освобожденія крѣпостнаго состоянія предписываются слѣдующія правила:

а) Статей, гдѣ будутъ разбирать, обсуждать и критиковать распоряженія правительства по этому дѣлу, къ напечатанію не допускать.

б) Не позволять печатать также тѣхъ статей преимущественно литературнаго содержанія, гдѣ въ формѣ разсказа или какой либо другой помѣщаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ.

в) Затѣмъ всѣ сочиненія и статьи, чисто ученыя, теоретическія, историческія и статистическія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственные о теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, дозволять печатать, какъ отдѣльными книжками, такъ и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ съ тѣмъ только: а) чтобы при этомъ не было допускаемо разсужденій и толкованій о главныхъ началахъ, высочайшими рескриптами подписанныхъ въ руководство комитетамъ по губерніямъ учрежденнымъ; б) чтобы при пропускѣ всѣхъ подобнаго рода статей и сочиненій въ точности соблюдались общія правила цензурнымъ уставомъ предписанныя; в) чтобы обращено было особое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія и г) статьи, писанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ» *).

Затѣмъ слѣдуетъ 2[illegible]-го февраля наистрожайшее запрещеніе московскому цензурному комитету «допускать въ печать все, что переноситъ настоящій крестьянскій у насъ вопросъ на политическую почву, удерживая писателей по этому предмету въ тѣхъ границахъ, которыя правительствомъ указаны» **).

II.

Вступленіе Е. Ковалевскаго на постъ министра народнаго просвѣщенія не замедлило и по крестьянскому вопросу какъ и въ другихъ отношеніяхъ ознаменоваться крупнымъ эпизодомъ. Таково было дѣло со статьею Кавелина.

Еще до возникновенія крестьянскаго вопроса среди рукописной литературы, которою такъ богато было то время, въ числѣ множества проектовъ освобожденія крестьянъ наиболѣе выдавалась записка профессора Кавелина. Въ январѣ 1858 г., когда литературѣ было дозволено трактовать о крестьянскомъ вопросѣ, редакція «Современника» обратилась къ Кавелину съ предложеніемъ помѣстить въ жур-

---

*) «Сб. постан.», стр. 422.

**) Ibid, стр. 426.

налѣ этомъ записку его. Кавелинъ напечаталъ въ февральской и апрѣльской книжкахъ «Современника» статью подъ заглавіемъ: «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», вторая часть которой (въ апрѣльской книжкѣ) и заключала въ себѣ упомянутую записку. Надо замѣтить при этомъ, что Кавелинъ въ то время читалъ лекціи русскаго права наслѣднику цесаревичу, что́ очень не нравилось реакціонной партіи, въ томъ числѣ и шефу жандармовъ. Появленіе записки Кавелина въ печати было удобнымъ предлогомъ подкопаться подъ него. Тѣмъ не менѣе первая часть статьи Кавелина прошла благополучно: въ то время министромъ былъ еще Норовъ, и враги Кавелина могли встрѣтить въ цензурномъ вѣдомствѣ энергическій отпоръ князей Вяземскаго и Щербатова. Но вотъ вышла вторая часть статьи въ апрѣлѣ, когда министромъ былъ уже Ковалевскій; ни кн. Вяземскаго, ни кн. Щербатова не было уже въ цензурномъ вѣдомствѣ. Къ тому же самое содержаніе статьи давало поводъ къ поднятію дѣла. Написавъ записку свою ранѣе поднятія крестьянскаго вопроса, Кавелинъ не имѣлъ конечно въ виду послѣдовавшихъ рескриптовъ и свободно разсуждалъ въ ней о выкупѣ полевой земли и необходимости замѣнить сословныя административныя привиллегіи общимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Мѣста эти были выпущены цензурою, тѣмъ не менѣе нашлись люди читавшіе раньше записку въ рукописи и полагавшіе необходимымъ заявить въ Главномъ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ о статьѣ Кавелина какъ о произведеніи совершенно противномъ видамъ правительства, расходящемся съ циркулярами и возмутительномъ. Шефу жандармовъ было поручено изслѣдовать дѣло. Панаевъ, редакторъ «Современника». и Кавелинъ были призваны въ III отдѣленіе для объясненій. Вытребовали подлинную рукопись, и, не обращая вниманія на цензурные пропуски, составили докладъ со сборными выписками изъ записки, со включеніемъ нетолько цензурныхъ пропусковъ, но даже и мѣстъ, вычеркнутыхъ или измѣненныхъ въ рукописи самимъ авторомъ. Министерство народнаго просвѣщенія въ докладѣ этомъ обвинялось въ злоумышленіи за то, что оно, зная содержаніе выпусковъ, допустило къ печати подобную статью, причемъ ставилось на видъ и то, что записка Кавелина была частью напечатана въ заграничномъ изданіи, именно въ «Голосахъ изъ Россіи».

Результатомъ этого доклада было то, что цензору, пропустившему статью, былъ сдѣланъ выговоръ, а Ковалевскій разослалъ по цензурнымъ комитетамъ слѣдующій циркуляръ:

«Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Современникъ» напечатана статья: «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта». Не говоря уже о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ выраженіяхъ и сужденіяхъ автора сей статьи о столь важномъ государственномъ вопросѣ, въ ней главная мысль состоитъ въ томъ, что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьянъ при освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются. Находя такое направленіе статей о помѣщичьихъ крестьянахъ противнымъ высочайше установленнымъ для цензуры ихъ правиламъ, я покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о недопущеніи къ печати статей вышеизъясненнаго содержанія и вообще о строгомъ соблюденіи предписанныхъ правилъ» *).

Вслѣдъ за тѣмъ, 22-го апрѣля составленъ въ Главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу и переданъ министру народнаго просвѣщенія къ подписанію и исполненію еще другой циркуляръ слѣдующаго содержанія:

---

*) Ibid, стр. 427.

«Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться статьи, относящіяся до предпринятаго улучшенія и устройства крестьянскаго быта, гдѣ предлагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ; излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицейской ихъ власти; помѣщаются противу дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія и наконецъ стараются доказать права собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность безъ выкупа. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные разсказы случаевъ злоупотребленія помѣщичьей власти.

«Такое направленіе печатаемыхъ нынѣ статей можетъ возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ, оскорбляетъ сословіе дворянъ и вселяетъ въ умы крестьянъ такія надежды, кои впослѣдствіи едва ли могутъ осуществиться. Кромѣ того дошло до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что цензура, разрѣшая къ печатанію статьи, написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ. Государь Императоръ, признавая необходимымъ, чтобы при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса не были рѣшительно допускаемы къ напечатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы и помѣщиковъ, и крестьянъ, разсѣвая между сими послѣдними нелѣпые толки и сужденія, изволилъ высочайше повелѣть: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ, указанныхъ уже по сему предмету Его Императорскимъ Величествомъ въ минувшемъ январѣ. Его Величеству угодно, чтобы съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, цензура дозволяла къ печатанію только тѣ чисто ученыя, теоретическія и статистическія статьи, гдѣ обсуждаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, статьи непротивныя духу и направленію означенной программы, не вдаваясь отнюдь въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество изволилъ признать необходимымъ, чтобы цензура, разрѣшая печатаніе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатать статей, написанныхъ въ пользу помѣщиковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ Высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ и вообще сочиненія, кои могутъ возбуждать одно сословіе противъ другого, но всегда обращала строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія. Сверхъ того Государю Императору благоугодно, чтобы въ отдѣльныхъ листкахъ, продаваемыхъ нынѣ на улицахъ и перекресткахъ, не было вовсе допускаемо сужденій и статей вообще до крестьянскаго сословія относящихся, и чтобы обращаемо особое строгое вниманіе на отдѣльныя книжки, издаваемыя для простаго народа, дабы въ нихъ не было допускаемо нетолько ничего несогласнаго съ постановленными для устройства крѣпостнаго сословія началами, но и ничего такого, что бы могло давать поводъ хотя и намеками къ превратнымъ толкованіямъ» *).

Какое вліяніе оказали на прессу всѣ эти циркуляры, мы можемъ судить по тому, что уже во второй апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» редакція принуждена была закрыть заведенный ею особый отдѣлъ подъ заглавіемъ «Крестьянскій вопросъ», и вмѣсто него было напечатано слѣдующее объявленіе:

«Редакція «Русскаго Вѣстника» *по нѣкоторымъ обстоятельствамъ* отлагаетъ въ этомъ номерѣ, *а можетъ быть и въ слѣдующемъ* продолженіе открытаго ею отдѣла подъ заглавіемъ: «Крестьянскій вопросъ». Такъ какъ статьи и письма по вопросу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ были доставлены въ редакцію по ея собственному вызову и такъ какъ она приняла на себя обязанность обнародовать ихъ, то считаетъ своимъ долгомъ объявить при этомъ случаѣ, что она отнюдь не уклоняется отъ исполненія своей обязанности и воспользуется *первою возможностью*, чтобы дать полученнымъ ею корреспонденціямъ и замѣткамъ гласность, для которой онѣ предназначены. Исполненные живѣйшаго желанія служить по мѣрѣ нашихъ силъ и средствъ великому дѣлу, мы напротивъ покорнѣйше просимъ гг. помѣщиковъ, которые пожелаютъ избрать насъ посредниками между ними и русскою публикою о сообщеніи намъ и впредь своихъ замѣчаній. Какъ тѣмъ, что̀ уже доставлено намъ съ разныхъ концовъ Россіи, такъ и тѣмъ, что̀ будетъ и впредь доставляемо, мы не преминемъ воспользоваться со всею добросовѣстностью и будемъ служить вѣрно на основаніяхъ, объявленныхъ нашимъ журналомъ, обмѣну мыслей и соображеній, хотя бы они и не были согласны съ нашими собственными взглядами».

---

*) Ibid, стр. 428.

Если въ столичной прессѣ статьи по крестьянской реформѣ встрѣчали подобныя затрудненія, то тѣмъ съ бóльшимъ трудомъ проходили онѣ въ провинціальной прессѣ. Такъ мы видимъ, что предсѣдатель варшавскаго цензурнаго комитета Мухановъ, не смотря на то, что рескриптъ 20-го ноября относился прямо къ дворянству Юго-западнаго края, въ средѣ котораго очень многіе не знали русскаго языка, тѣмъ не менѣе впродолженіе двухъ недѣль не могъ рѣшиться дозволить напечатать этотъ рескриптъ въ польскихъ газетахъ, несмотря на то, что во всѣхъ русскихъ изданіяхъ онъ былъ уже отпечатанъ, и лишь по сношеніи съ министерствомъ телеграфической депешей, онъ далъ наконецъ свое разрѣшеніе. Что же касается до статей о крестьянскомъ вопросѣ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ съ русскаго, на нихъ онъ постоянно налагалъ безусловное veto, и въ то время какъ дворянство Юго-западнаго края обсуждало крестьянскій вопросъ, польская литература и не заикалась о немъ.

Впрочемъ и русская литература втеченіе всего 1858 года могла обсуждать крестьянскій вопросъ, касаясь лишь косвенно и обинякам такихъ существенныхъ его сторонъ, какъ выкупъ крестьянскихъ земель и вотчинная полиція помѣщиковъ, а это въ то время равнялось полной невозможности обсуждать вопросъ.

Но втеченіе 1858 года, послѣ путешествія государя императора по Россіи и рѣчей, произнесенныхъ имъ дворянствамъ Тверской, Нижегородской и Московской губерній, послѣ представленія проектовъ губернскихъ комитетовъ, учрежденія земскаго отдѣла центральнаго статистическаго комитета, вѣтеръ подулъ совершенно съ другой стороны. Реакціонная партія была окончательно поражена въ своихъ усиліяхъ затормозить освобожденіе крестьянъ; и правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости выкупа крестьянскихъ земель, равно какъ въ несообразности какой бы то ни было вотчинной власти помѣщиковъ надъ крестьянами. И вотъ въ концѣ 1858 года литературѣ вновь было разрѣшено говорить о выкупѣ крестьянскихъ земель и о вотчинной полиціи. Но и при всемъ этомъ разрѣшеніи статьи по крестьянскому вопросу проходили сквозь цензуру весьма туго. Стоило появиться хоть сколько-нибудь смѣлой мысли или неловкому, слишкомъ рѣзкому выраженію, и въ цензурныхъ сферахъ тотчасъ же поднималась тревога. Такъ мы видимъ, что едва послѣдовало упомянутое разрѣшеніе, и одна изъ первыхъ появившихся статей о выкупѣ возбудила такую сенсацію въ цензурныхъ сферахъ, что разрѣшеніе тотчасъ подверглось новымъ ограниченіямъ. Это была статья Кокорева «Милліардъ въ туманѣ», помѣщенная въ № 5 и 6 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1859 годъ. Вотъ краткій экстрактъ содержанія этой статьи для читателей, конечно давно забывшихъ объ ея существованіи.

Оцѣнивая стоимость всѣхъ земель, которыми владѣли крестьяне, въ одинъ милліардъ, Кокоревъ въ то же время полагаетъ, что долги помѣщиковъ въ кредитныя установленія простираются по крайней мѣрѣ до 500 милліоновъ. Слѣдовательно правительству предстоитъ выдать государственныхъ актовъ лишь на половину милліарда. Если же затѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ, вмѣсто 2 рублевой подушной подати обложить наравнѣ съ государственными крестьянами 7-ми рублевой, въ такомъ случаѣ въ 37 лѣтъ они выплатятъ 2 милліарда 220 милліоновъ, и долгъ будетъ уплаченъ съ процентами, полагая, что выкупные билеты будутъ приносить 6% (5% ренты и 1% погашенія). Если же подобный разчетъ рискуетъ въ дѣйствительности подорваться неисправными платежами податей

крестьянами, въ такомъ случаѣ Кокоревъ совѣтуетъ разрѣшить всѣмъ сословіямъ право покупать помѣщичьи земли съ тѣмъ условіемъ, чтобы покупатель уступалъ крестьянамъ въ собственность ихъ извѣстное количество десятинъ. «Въ доказательство убѣжденія моего въ возможности и полезности этой мѣры, говоритъ Кокоревъ:—я заявляю готовность купить удобныхъ для промышленности имѣній на 1 милліонъ рублей, съ тѣмъ чтобы всѣ крестьяне, при нихъ живущіе, получили даромъ въ полную собственность владѣемые ими поля и покосы. Въ кругу моихъ знакомыхъ я знаю многихъ, имѣющихъ крайнюю необходимость въ пріобрѣтеніи земель на подобныхъ основаніяхъ для развитія промышленности». Взаключеніе же Кокоревъ предлагаетъ еще третью мѣру: именно взамѣнъ крестьянскихъ земель давать помѣщикамъ въ новороссійскихъ степяхъ пустыя казенныя земли по двѣ десятины за одну крестьянскую.

Статья Кокорева съ ретроспективной точки зрѣнія въ настоящее время можетъ показаться весьма курьезной, такъ какъ г. Кокоревъ, явно играя въ ней въ руку своего сословія, предлагаетъ даровать ему за огромное съ его стороны пожертвованіе право, которымъ сословіе это впослѣдствіи воспользовалось и безъ малѣйшихъ съ своей стороны пожертвованій, т. е. начало скупать помѣщичьи земли, не уступая крестьянамъ ни пяди изъ нихъ. Но при появленіи своемъ статья г. Кокорева показалась въ Главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу весьма предосудительною, и 22-го января 1859 г. появился слѣдующій циркуляръ по цензурному вѣдомству:

«Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу обратилъ вниманіе на напечатанную въ «Спб. Вѣдом.» 8 и 9 сего января, №№ 5 и 6, статью Кокорева «Милліардъ въ туманѣ». Въ этой статьѣ сочинитель, доказывая необходимость выкупа у помѣщиковъ земли, которою нынѣ пользуются ихъ крестьяне и предлагая для сего финансовую мѣру, помѣстилъ сужденія вовсе неумѣстныя и которыя не слѣдовало бы допускать въ печать. По убѣжденію Главнаго комитета можно и въ извѣстной степени полезно допускать печатаніе статей о выкупѣ крестьянами земли, дозволяя при этомъ и сужденія о необходимыхъ финансовыхъ для сего операціяхъ, о продажѣ казенныхъ земель, государственныхъ имуществъ и проч., но всѣ эти статьи могутъ быть допускаемы къ печатанію не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы въ нихъ не были помѣщаемы сужденія неумѣстныя, не относящіяся прямо къ предмету и возбуждающія толки противъ дѣйствій правительства. При этомъ необходимо также наблюдать постановленное уже, но не всегда строго соблюдаемое правило, чтобы всѣ статьи, касающіяся предметовъ одного или нѣсколькихъ министерствъ или главныхъ управленій, были непремѣнно сообщаемы на предварительное разсмотрѣніе чиновниковъ сихъ министерствъ и главныхъ управленій».

Вслѣдствіе сего предписывалось цензорамъ: а) дозволяя къ печатанію статьи о выкупѣ крестьянами земли, строго наблюдать чтобы въ статьяхъ не было неумѣстныхъ сужденій и выраженій, и б) всѣ вообще статьи, относящіяся до крестьянскаго вопроса прежде пропуска въ печати непремѣнно сообщать на разсмотрѣніе чиновниковъ не одного только министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ это доселѣ дѣлалось, но всѣхъ тѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, до вѣдомства коихъ относятся предметы въ статьѣ обсуждаемые. При семъ пояснялось, что пропускъ статей въ министерствахъ нисколько не освобождаетъ цензоровъ ни отъ обязанности строгаго съ ихъ стороны разсмотрѣнія статей, ни отъ отвѣтственности за пропускъ тѣхъ изъ нихъ, которыя по цензурнымъ правиламъ не должны быть дозволяемы къ печатанію *).

Но этого оказалось еще недостаточно, и вслѣдъ затѣмъ вышло новое постановленіе, чтобы статьи по крестьянскому вопросу сверхъ трехъ цензуръ, о кото-

*) «Сборн. пост.», стр. 440.

рыхъ упоминается въ циркулярѣ, поступали на спеціальную цензуру Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Это распоряженіе затормозило печатаніе статей по крестьянскому вопросу до послѣдней крайности. Главный комитетъ, у котораго и безъ того было масса дѣла, не особенно спѣшилъ со статьями, представляемыми ему на цензуру и онѣ залеживались у членовъ его по цѣлымъ мѣсяцамъ. Толстые журналы конечно могли ожидать резолюцій комитета, сколько угодно; спеціальный же органъ по крестьянскому вопросу «Сельское Благоустройство» положительно не могъ существовать при такихъ условіяхъ. Напрасно Кошелевъ хлопоталъ о расширеніи права изслѣдованій по крестьянскому вопросу, заявляя въ своей просьбѣ, что «безъ права говорить о будущемъ окончательномъ устройствѣ крестьянскаго сословія, нѣтъ возможности разсуждать о постепенномъ переходѣ отъ настоящаго къ будущему», и что «онъ не теоретикъ, а практическій, опытный хозяинъ, не менѣе кого бы то ни было заинтересованный въ мирной развязкѣ этого важнаго и затруднительнаго вопроса, но видитъ рѣшительную невозможность продолжать журналъ, если цензурныя постановленія по крестьянскому вопросу не измѣнятся» *). Журналъ принужденъ былъ прекратиться на февральской книжкѣ 1859 года, которая вышла уже въ апрѣлѣ, причемъ Кошелевъ напечаталъ слѣдующее объявленіе:

«Выпуская наконецъ въ апрѣлѣ февральскій № «Сел. Благоустройства», мы вмѣстѣ съ тѣмъ объявляемъ, что рѣшились прекратить наше изданіе. Журналъ, имѣющій исключительно предметомъ крестьянское дѣло, такъ быстро у насъ развивающееся, долженъ выходить своевременно: статьи запоздалыя неминуемо утрачиваютъ свое значеніе. Не имѣя возможности *по причинамъ, совершенно отъ редакціи независящимъ*, выпускать книжки въ срокъ и въ надлежащемъ составѣ, мы предпочитаемъ отказаться отъ изданія, чѣмъ представлять нашимъ читателямъ статьи не полныя по содержанію и ослабленныя позднимъ появленіемъ. Прекращая «Сельское Благоустройство», мы впрочемъ предоставляемъ себѣ помѣщать въ «Русской Бесѣдѣ» тѣ статьи по крестьянскому дѣлу, которыя заключаютъ въ себѣ интересъ не быстро преходящій и которыя по выполненіи всѣхъ формальностей сохранятъ еще нѣкоторое значеніе. Искренно благодаримъ нашихъ почтенныхъ сотрудниковъ и подписчиковъ за ихъ содѣйствіе къ успѣху «Сельскаго Благоустройства». Мы покидаемъ ежемѣсячную бесѣду съ ними неохотно, вслѣдствіе рѣшенія, принятаго нами не мгновенно, а послѣ трехъ мѣсячныхъ ожиданій и размышленій».

До какой степени крестьянскій вопросъ тревожилъ цензуру, можно судить по тому, что съ 1857 года по 19-е февраля 1861 г. министръ народнаго просвѣщенія и Главное управленіе цензуры разослали 14 циркуляровъ относительно статей по крестьнскому вопросу. Изъ Москвы, изъ редакцій «Сельскаго Благоустройства», «Русскаго Вѣстника» и «Русской Бесѣды» присылались цѣлыя кипы рукописей, и большая часть была устраняема отъ печати. Такъ однажды (въ 1859 г.) было прислано 14 статей, изъ нихъ одобрено было всего 4 статьи; въ другой разъ изъ 12—тоже всего 4; въ третій разъ изъ 9—3. Вотъ съ какимъ трудомъ проходили статьи по крестьянскому вопросу вплоть до самаго 19-го февраля 1861 г. Лишь за четере дня до объявленія манифеста, именно 14-го февраля 1861 года былъ разосланъ новый циркуляръ о томъ, чтобы «всѣ сочиненія и статьи, касающіяся крестьянскаго вопроса и вообще настоящихъ и будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, а также устройства крестьянскаго быта на новыхъ началахъ, прежде пропуска ихъ къ напечатанію общею цензурою, передавать ихъ на предварительное разсмотрѣніе не министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ это было до сихъ поръ, но Государственной канцеляріи, и пропускать къ печатанію только тогда, когда статьи сіи будутъ одобрены государ-

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Р.», стр. 82.

ственнымъ секретаремъ или тѣмъ изъ чиновниковъ Государственной канцеляріи, который для этого будетъ имъ назначенъ» *).

III.

Не менѣе, чѣмъ и крестьянское дѣло озабочивалъ правительство вопросъ о печатной гласности, о такъ называемой «обличительной литературѣ». Поощряемая такими оффиціальными органами, какъ «Морской» и «Военный» сборники, обличительная литература, начиная съ 1857 года, наводнила всѣ журналы и газеты, появляясь повсюду въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и проникнувъ во всѣ отрасли литературы, начиная съ ученыхъ и публицистическихъ трактатовъ, газетныхъ передовыхъ статей и корреспонденцій, и кончая фельетонами, стихотвореніями, каррикатурами, даже повѣстями и романами объемистаго размѣра. Въ то время какъ въ періодической прессѣ на взяточничество, казнокрадство и всевозможныя злоупотребленія сыпались со всѣхъ сторонъ безпощадные перуны сатиры, порою съ весьма прозрачными намеками на лица и обстоятельства,—на сценѣ Александринскаго театра гремѣлъ противъ взятокъ блестящій Надимовъ въ «Чиновникѣ» гр. Соллогуба, и публика апплодировала безкорыстному становому приставу въ комедіи Львова «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей». А такъ какъ такихъ просвѣщенныхъ чиновниковъ какъ Надимовъ и такихъ неподкупныхъ становыхъ приставовъ какъ герой комедіи Львова было очень немного до крымской кампаніи, то понятно, что обличительная литература не замедлила привести въ ужасъ, и при самомъ ея возникновеніи, уже въ 1857 году началась противъ нея ожесточенная борьба со стороны всѣхъ недовольныхъ новыми порядками.

Такъ въ «Сынѣ Отечества» за 1857 годъ была напечатана въ нѣсколькихъ нумерахъ обличительная повѣсть «Червячки».—Но прежде чѣмъ явиться въ печати, повѣсть эта возбудила не мало толковъ и переписки въ цензурныхъ сферахъ. Предсѣдатель цензурнаго комитета, кн. Щербатовъ, найдя нужнымъ представить рукопись, содержавшую эту повѣсть, въ Главное управленіе цензуры, съ своей стороны далъ о ней вполнѣ благопріятный отзывъ. «Польза такихъ статей, писалъ онъ:—неопровержима: снимать покровъ съ таящагося злоупотребленія, дѣлать его явнымъ, не есть ли уже нравственно наказывать преступника, а еще болѣе отвращать другихъ отъ поползновенія къ пороку, слѣдовательно, обращать ихъ къ добродѣтели»? «Притомъ, заключалъ кн. Щербатовъ:—§ 14 цензурнаго устава допускаетъ печатаніе статей «подъ общими чертами осмѣивающихъ общіе пороки и слабости, а слѣдовательно допускаетъ и настоящую статью».

Но такъ какъ въ повѣсти обличенія направлены были главнымъ образомъ на лица военнаго званія, то рукопись была послана на разсмотрѣніе военнаго министра. Комитетъ военной цензуры призналъ, «что статья эта, заключая въ себѣ оскорбительные и насмѣшливые отзывы на счетъ всѣхъ вообще ротныхъ, эскадронныхъ и полковыхъ командировъ, по точному смыслу § 2 и 6 высочайше утвержденной дополнительной инструкціи къ общему уставу о цензурѣ для руководства военно-цензурнаго комитета, не можетъ быть допущена къ напечатанію въ ея настоящемъ видѣ».

---

*) «Сборн. постан. по ценз.», стр. 457.

Предсѣдатель военно-цензурнаго комитета баронъ Медемъ замѣчалъ при этомъ, что можно осмѣивать общіе пороки и слабости, не разрушая уваженія къ учрежденіямъ и сословіямъ: «стоитъ только, чтобы авторъ не представлялъ обнаруживаемыя имъ злоупотребленія, какъ явленія общія, въ той или другой части военнаго правленія, а лишь какъ злоупотребленія частныхъ лицъ: это принесетъ еще и ту пользу, что откроетъ правительству всѣ тайныя увертки и хитрыя продѣлки злоупотребленій».

Но несмотря на это мнѣніе военно-цензурнаго комитета, военный министръ г-лъ Сухозанетъ одобрилъ повѣсть: «По ближайшемъ моемъ разсмотрѣніи этой статьи, писалъ онъ Норову:—я съ своей стороны нахожу, что за исключеніемъ въ оной мѣстъ, обозначенныхъ краснымъ карандашомъ, со стороны военнаго вѣдомства не встрѣчается препятствія къ напечатанію оной» *).

«Червячки» были такимъ образомъ пропущены наконецъ цензурою, но это все-таки не прошло даромъ цензурному вѣдомству. Оказалось, что въ повѣсти задѣты были между прочимъ и чины вѣдомства путей сообщенія. И вотъ когда повѣсть явилась въ свѣтъ, вѣдомство путей сообщенія въ свою очередь протестовало противъ напечатанія повѣсти, и въ концѣ-концовъ цензурные комитеты с.-петербургскій и московскій получили циркуляръ 7-го октября 1857 года, по поводу напечатанной въ «Сынѣ Отечества» повѣсти Щ. «Червячки», въ которой «выставляются въ самой грубой картинѣ личности и дѣйствія губернскихъ чиновниковъ, а въ особенности чиновъ вѣдомства путей сообщенія». Циркуляръ ставилъ на видъ, что правительствомъ обращено вниманіе на эту статью «и вообще на полицейское направленіе, которое своевольно и неумѣстно принято въ послѣднее время большинствомъ нашихъ періодическихъ изданій. Обязанность цензуры имѣть благоразумное понятіе того, что можно допускать къ печати и чего нельзя безъ потрясенія и подрыва общественнаго довѣрія и уваженія къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ».

Взаключеніе же циркуляръ подтверждаетъ всѣмъ цензорамъ «быть впредь осмотрительнѣе въ пропускѣ статей, которыя дѣлаютъ изъ журналовъ какую-то уголовную палату, а изъ всѣхъ чиновниковъ и администраторовъ, безъ разбора, лицъ, подсудимыхъ журнальному суду» **).

Оваціи, которыя публика дѣлала неподкупному становому въ комедіи Львова, въ свою очередь не нравились многимъ лицамъ; пьесу его «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» запретили въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ приказали давать рѣже. Въ то же время Львова призвали къ генералъ-губернатору, и послѣдній убѣждалъ его смягчить комедію...

Въ 1858 году не менѣе шума чѣмъ «Червячки» надѣлалъ романъ «Откупное дѣло», напечатанный въ «Современникѣ». Романъ этотъ изображалъ въ самыхъ черныхъ краскахъ цѣлое общество одного изъ губернскихъ городовъ, конечно безъ означенія настоящихъ названій лицъ и мѣстности. По поводу этой повѣсти мѣстный начальникъ обратился съ энергическою жалобою къ министру нар. просвѣщенія. «У какой власти, писалъ онъ:—должны оскорбленныя личности, считая себя обиженными, искать суда и расправы? И ежели правительство попускаетъ подобнаго рода оскорбленія, за которыя законнаго защищенія найти негдѣ, то казалось бы по крайней мѣрѣ справедливымъ не воспрещать поедин-

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Р.», стр. 74,
**) «Сб. постан.», стр. 476.

ковъ и оставлять самоуправство безнаказаннымъ. «Мы узнаемъ, говоритъ онъ въ заключеніе: — «Ревизора» Гоголя въ болѣе широкомъ размѣрѣ! Еще немного, и другой цензоръ—конечно, въ С.-Петербургѣ этого никогда не допустятъ—разрѣшитъ въ печати новую статью, въ которой главными предметами типическихъ изображеній будете уже вы, гг. министры» *).

До какой степени въ то время гласность пугала людей, это можно судить по нижеслѣдующему факту, свидѣтельствующему что къ обличительной литературѣ относились враждебно не только административныя лица, но сами писатели, и притомъ такіе которые въ свое время считались либеральными, — каковы Лажечниковъ и Гончаровъ.

Въ 1858 году извѣстный обличительный поэтъ Розенгеймъ приступилъ къ изданію своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Русскія элегіи». Весною этого года рукопись была представлена въ цензурный комитетъ и была передана на просмотръ И. И. Лажечникову, который отнесся къ стихотвореніямъ Розенгейма такъ строго, что почти цѣликомъ запретилъ ихъ печатать. Розенгеймъ думалъ уже отложить всякія попеченія объ изданіи книги, по случилось иначе. Приговоръ Лажечникова не былъ одобренъ попечителемъ кн. Щербатовымъ, который очень любезнымъ письмомъ пригласилъ Розенгейма представить ему бывшую въ цензурѣ рукопись. Розенгеймъ явился по приглашенію, и князь тутъ-же при немъ просмотрѣлъ бѣгло рукопись, разрѣшилъ нѣсколько непропущенныхъ стихотвореній и затѣмъ надписью карандашемъ на заглавномъ листѣ предложилъ цензору снова пересмотрѣть рукопись въ томъ духѣ, какъ онъ разсматривалъ ее самъ и, возвративъ ее Розенгейму, сказалъ ему, чтобы онъ снова представилъ ее въ цензуру, чтò тотъ и исполнилъ, выкинувъ однако самъ предварительно нѣкоторыя стихотворенія, которыя Лажечниковъ призналъ особенно нецензурными. Лажечниковъ былъ очень недоволенъ возвратомъ къ нему рукописи. Прежде всего онъ потребовалъ для огражденія себя, чтобы секретарь комитета Загибенинъ покрылъ лакомъ сдѣланныя кн. Щербатовымъ на рукописи карандашомъ разрѣшенія и предложеніе новаго пересмотра ея, а затѣмъ объявилъ откровенно Розенгейму, что ему остается два мѣсяца до отставки съ полнымъ пансіономъ и что онъ рисковать выпускомъ такихъ вольныхъ стихотвореній не намѣренъ, и дѣйствительно держалъ рукопись у себя два мѣсяца до полученія отставки, послѣ чего она перешла къ назначенному на его мѣсто новому цензору И. А. Гончарову. Гончаровъ отнесся къ сборнику Розенгейма болѣе снисходительно, но также не соглашался пропустить массу стихотвореній, предложивъ замѣнить ихъ стихотвореніями, не имѣвшими гражданско-обличительнаго характера. Розенгеймъ вновь собирался бросить дѣло; но одинъ изъ пріятелей его О. Н. Шилль, профессоръ гельсингфорскаго университета, принялъ на себя возню съ цензурой и всѣ хлопоты по изданію. Розенгеймъ предоставилъ ему всѣ свои бумаги, изъ страшнаго хаоса которыхъ Шилль съ большимъ трудомъ и безъ особенно строгаго выбора извлекъ такія, которыми и замѣнилъ запрещенныя Гончаровымъ. Такимъ путемъ сборникъ только и могъ появиться на свѣтъ **).

Тотъ же 1858 годъ ознаменовался особеннымъ обиліемъ уличныхъ сатирическихъ листковъ съ каррикатурами, которые одно время совершенно наводнили собою арки Гостинаго двора. Изданія грубо-лубочныя, копеечныя, по большей

---

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Р.», стр. 83.
**) «Р. Стар.», 1887 г., № 9, стр. 617.

части бездарныя и безграмотныя, съ плоскими и скабрезными шуточками и куплетиками, они тоже порою впадали въ обличительный тонъ, а главное дѣло открывали возможность издавать сатирическіе журналы, не испрашивая на это разрѣшенія, такъ какъ авторы ихъ, довольствуясь розничною продажею, придавали своимъ листкамъ форму отдѣльныхъ выпусковъ, и періодически выпускали новые листки подъ тѣмъ же наименованіемъ, по мѣрѣ распродажи старыхъ. Обращено было вниманіе и на эту новую отрасль литературы, и 22-го мая и 13-го августа было два распоряженія по поводу «выходящихъ въ свѣтъ листковъ для простонароднаго чтенія подъ разными названіями, имѣющихъ наружный видъ періодическихъ изданій». При этомъ с.-петербургскому ценз. комитету предложено было: 1) руководствоваться въ точности относительно этихъ листковъ высочайшимъ повелѣніемъ 1850 года касательно цензуры книгъ для простого народа; 2) воспретить придавать симъ листкамъ наружную форму, исключительно принадлежащую періодическимъ изданіямъ вообще, а въ особенности газетамъ, и 3) не допускать въ нихъ никакихъ безнравственныхъ статей, намековъ и выраженій» *).

Послѣ этихъ двухъ распоряженій сатирическіе листки исчезли изъ подъ арокъ Гостинаго двора и прекратили свое эфемерное существованіе.

Проникши всюду, обличительная литература воспользовалась даже и отдѣломъ газетныхъ объявленій. Начали появляться мнимыя объявленія, скрывавшія въ себѣ сатирическую соль, иногда съ весьма прозрачными намеками и даже съ выставленіемъ адресовъ лицъ, подвергавшихся осмѣянію. Особенно въ ходу въ то время были объявленія о *дантистахъ*, подъ которыми подразумѣвались конечно люди съ размашистыми руками. Но тоже 13-е августа, которое положило конецъ уличнымъ листкамъ, привело къ законному порядку и объявленія о дантистахъ. Въ этотъ день вышло слѣдующее распоряженіе по с.-петербургскому и московскому цензурнымъ комитетамъ:

«Вслѣдствіе отношенія министра внутреннихъ дѣлъ предложено о томъ, чтобы не принимались къ напечатанію въ вѣдомостяхъ, газетахъ, журналахъ или отдѣльныхъ листахъ, объявленія дантистовъ, безъ разсмотрѣнія и пропуска къ напечатанію, согласно ст. 274 уст. врачебнаго, т. XIII св. зак. (изд. 1842 г. св. 1857 г. ст. 309) и чтобы въ пропускаемыхъ на семъ основаніи статьяхъ не было допускаемо никакихъ выраженій, неприличныхъ ученому званію, а просто было разрѣшаемо означеніе мѣста жительства дантиста, часовъ пріема имъ больныхъ и т. п.» **).

Одною изъ самыхъ богатыхъ тэмъ для обличеній представлялись въ то время винные откупа со всѣми ихъ вопіющими беззаконіями, которыми они прославились, какъ-то: систематическимъ подкупомъ административныхъ лицъ, начиная съ губернаторовъ и кончая становыми, опаиваніемъ народа самою дрянною водкою и т. п. Когда въ самомъ народѣ начался энергичный протестъ противъ винныхъ откуповъ въ видѣ обществъ трезвости, распространившихся повсемѣстно, винные откупщики конечно всячески противодѣйствовали обществамъ трезвости, причемъ не малую услугу въ этомъ противодѣйствіи оказывали имъ полицейскіе чины, подкупленные откупщиками. Литература въ свою очередь не замедлила огласить массу подобнаго рода фактовъ, и такъ какъ подобнаго рода оглашенія въ виду всеобщей ненависти возбуждаемой винными откупами, и сочувствія къ обществамъ трезвости производили впечатлѣнія вопіющаго скандала, то чтобы прекратить

---

*) «Сборн. постан.», стр. 429.
**) Ibid, стр. 434.

подобныя обличенія,—по цензурному вѣдомству былъ разосланъ слѣдующій циркуляръ 20-го марта 1859 года:

«Въ періодическихъ изданіяхъ начали появляться съ нѣкотораго времени статьи, въ которыхъ описывается выражаемая въ разныхъ мѣстахъ Россіи рѣшимость крестьянъ не употреблять вовсе горячаго вина. Въ статьяхъ этого рода присовокупляются къ тому почти всегда извѣстія о принятыхъ мѣстнымъ начальствомъ и полицейскими чинами мѣрахъ, нерѣдко сопровождаемыя осужденіями и весьма рѣзкими выходками противъ мѣстныхъ властей и существующей откупной системы.

«При разсужденіи о семъ въ совѣтѣ гг. министровъ найдено было, что сколь ни отрадно въ нравственномъ отношеніи явленіе о прекращеніи пьянства между крестьянами, заслуживающее сочувствія благомыслящихъ людей, и сколь ни желательно распространеніе извѣстій о немъ, однако съ другой стороны необходимо принять ограничительныя мѣры для устраненія притомъ всякихъ прямыхъ или косвенныхъ нападеній со стороны журналовъ и газетъ на мѣстныя начальства, а тѣмъ болѣе на правительственныя распоряженія и учрежденія».

Вслѣдствіе этого предлагалось: «не воспрещая излагать въ періодическихъ изданіяхъ разсказы или извѣстія о событіяхъ, относящихся до обязательствъ между крестьянами воздерживаться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, дозволять въ подобныхъ статьяхъ помѣщать и нравственныя разсужденія вообще о пользѣ воздержанія въ народѣ, но притомъ строго воспретить выходки противъ полиціи и мѣстныхъ властей съ намѣреніемъ подрывать необходимое къ нимъ уваженіе, а также рѣзкія сужденія и ѣдкія выходки противъ принятой правительствомъ откупной системы, пока она существуетъ» *).

Въ связи съ этимъ стоитъ и другой циркуляръ 16-го іюля 1859 г., предписывающій вслѣдствіе представленія министра финансовъ печатаніе въ газетахъ и журналахъ статей о питейныхъ откупахъ и дѣйствіяхъ откупщиковъ не иначе, какъ съ разрѣшенія состоящаго при с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ чиновника министерства финансовъ **).

Однимъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ обличительной литературы въ Главномъ правленіи цензуры былъ членъ его, знакомый уже намъ О. А. Пржецлавскій, который, не довольствуясь преслѣдованіями тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ случаевъ гласности, обратился въ Главное управленіе цензуры въ 1859 году съ особою запискою по этому предмету. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Съ половины 50-хъ годовъ цензура стала ощутительно свободнѣе. Это имѣло благодѣтельное вліяніе на письменность вообще. Но какъ обыкновенно бываетъ послѣ продолжительнаго стѣсненія, это породило на первыхъ порахъ поползновеніе къ нѣкоторому своеволію. Симптомомъ его было появленіе почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ такъ называемой обличительной литературы. Ее составляли статьи, въ которыхъ описывались иногда въ смѣшномъ, часто въ оскорбительномъ видѣ разныя болѣе извѣстныя столичныя и провинціальныя личности, скандальные съ ними случаи, слабыя и дурныя ихъ стороны, а иногда возводимы были на нихъ и тяжкія обвиненія, такъ что большая часть этихъ статей подходили подъ опредѣленіе диффамаціи, клеветы, даже просто доноса. Хотя лица не назывались по имени, но въ ихъ фамиліяхъ дѣлались незначительныя измѣненія, а ихъ общественное и служебное положеніе и вся обстановка были такъ съ натуры скопированы, что въ тождествѣ описываемаго субъекта не могло быть сомнѣнія. А между тѣмъ обиженные не могли жаловаться какъ потому, что тогда не было еще гласнаго суда, который одинъ можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ публичнаго очищенія отъ позора, такъ и потому что жаловаться на подобныя нападки, болѣе или менѣе аллегорическія, значило узнавать себя въ пасквильномъ изображеніи.

«Такая литература сдѣлалась почти господствующею модою, такъ какъ она въ высшей степени интересовала читающую публику вѣроятно вслѣдствіе того недобраго расположенія, которое Ларошфуко замѣтилъ въ человѣческой природѣ. Но были и добрые и умные люди,

*) Ibid, стр. 442.
**) Ibid, стр. 447.

одобрявшіе это своеволіе; они видѣли въ немъ справедливую кару за смѣшное и предосудительное, находили даже пользу въ общественной нравственности, не замѣчая, что подобныя представленія частныхъ случаевъ о лицѣ могутъ быть уродливо преувеличены, или даже вполнѣ выдуманы и служить орудіемъ для злобы и личностей, какъ это часто и случалось.

«Съ первыхъ же явленій этого жанра я энергично высказался противъ него по двоякому моему служебному званію: какъ членъ цензуры, я не могъ одобрять пасквильнаго характера, проникавшаго въ печать; а какъ чиновникъ юридической части—я находилъ его противнымъ общему духу законодательствъ, въ особенности нашего. Это послѣднее мнѣніе основывалось на слѣдующихъ соображеніяхъ.

«Оглашеніе посредствомъ печати чьего-либо неблаговиднаго, предосудительнаго или даже неразумнаго поступка, или непохвальныхъ подробностей частной жизни, есть наказаніе и не рѣдко тяжкое. Изъ этого опредѣленія сами собою вытекаютъ слѣдующія заключенія:

«Всякое наказаніе можетъ быть налагаемо единственно подлежащимъ судомъ и не иначе какъ: а) по предварительному удостовѣренію въ дѣйствительности осуждаемаго дѣянія и б) по истребованію отъ обвиняемаго объясненія и по принятіи къ совокупному соображенію всего, что онъ могъ бы привести въ свое оправданіе.

«Черезъ возводимыя публично на частныхъ лицъ обвиненія и ѣдкія выходки, нарушались всѣ эти необходимыя условія справедливости. Факты приводились бездоказательно; возраженія на нихъ были невозможны и наказаніе налагалось любымъ аматеромъ скандала, неподписывавшимся или принявшимъ вымышленное имя. Въ конечномъ анализѣ это было присвоеніе себѣ частными, безъименными лицами судейской власти, безъ уполномочія на то и безъ всякаго ручательства въ праведности суда.

«Поэтому всѣ обличительныя статьи, хотя бы въ нихъ изображались и правдивые факты, должны признаваться пасквилями потому именно, что оглашеніе ихъ составляетъ наказаніе, то-есть такое юридическое дѣйствіе, которое не можетъ быть предоставлено произволу частныхъ лицъ, особенно принявъ въ уваженіе, что законное оглашеніе по суду примѣнялось къ весьма рѣдкимъ случаямъ.

«Такой взглядъ казался мнѣ тѣмъ болѣе справедливымъ, что при несуществованіи еще въ то время гласнаго суда, потерпѣвшіе отъ обличительныхъ статей не могли получить удовлетворенія полнаго, то-есть настолько публичнаго, насколько публично было помраченіе ихъ доброй славы.

«Къ тому слѣдуетъ еще замѣтить, что въ обличительныхъ статьяхъ приходился очень значительный процентъ болѣе или менѣе ложныхъ, почти же всѣ отличались непомѣрнымъ преувеличеніемъ. Достовѣрно то, что великое большинство ихъ внушено было не какою-либо благонамѣренностью, а личнымъ озлобленіемъ и мщеніемъ.

«Соображенія эти представлены были мною Главному управленію цензуры. Я прибавилъ къ нимъ проектъ наставленія цензорамъ, заключающаго указанія признаковъ, по которымъ различается позволительная сатира отъ неодобряемаго пасквиля. Главный изъ этихъ признаковъ тотъ, что первая имѣетъ предметомъ не лица, а общіе типы, свойственные цѣлымъ группамъ, цѣлымъ категоріямъ, а послѣдній—всегда только отдѣльныя личности. Затѣмъ слѣдовало подраздѣленіе этого главнаго признака на второстепенные признаки и подробности, изслѣдованіе которыхъ вело къ положительному опредѣленію: къ какому изъ двухъ жанровъ слѣдуетъ причислить данную юмористическую или сатирическую статью, дабы ни въ какомъ случаѣ нельзя было взять одинъ за другой. Въ этомъ проектѣ наставленія, какъ напримѣръ образцовой сатиры, я указывалъ на «Горе отъ ума», на «Мертвыя души», на «Ревизора» и другія драматическія сочиненія» *).

Записка Пржецлавскаго имѣла повидимому не малое вліяніе въ Главномъ управленіи цензуры; она установила опредѣленный критерій, которымъ не замедлили воспользоваться при дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ обличительной литературѣ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что 3-го октября 1859 года былъ разосланъ циркуляръ, во многихъ мѣстахъ котораго взгляды Пржецлавскаго повторяются дословно. Вотъ этотъ циркуляръ:

«Главное управленіе цензуры, слѣдя за ходомъ русской литературы, не могло не обратить вниманія на то, что *въ послѣднее время въ нашей журналистикѣ, сверхъ сатирическихъ произведеній беллетристики, изображающихъ вообще слабости и недо-*

---

*) «Русск. Стар.», 1875 г., № 9, стр. 148—151.

статки людей въ томъ числѣ и лицъ, занимающихъ должности въ государственной и общественной службѣ, *стали появляться статьи, чуждыя литературнаго вымысла, но посвященныя преимущественно указанію на злоупотребленія лицъ существующихъ и разсказамъ дѣйствительныхъ будто бы происшествій* съ означеніемъ иногда даже подлинныхъ именъ лицъ и мѣстъ, а большею частію съ такою обстановкою и прозрачнымъ замаскированіемъ ихъ, что очень не трудно догадаться о комъ и о чемъ идетъ дѣло. Статьи подобнаго рода, нерѣдко изображающія самымъ рѣзкимъ образомъ злоупотребленія и даже уголовные проступки, побуждали правительство къ неоднократнымъ изслѣдованіямъ указанныхъ дѣйствій и происшествій. Произведенныя такимъ образомъ слѣдствія показали, что нѣкоторыя изъ напечатанныхъ разсказовъ выдаютъ за дѣйствительно случившіяся такія событія, какихъ никогда не было; чему между прочимъ служить можетъ примѣромъ помѣщенное въ № 65 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» извѣстіе о заживо погребенной женщинѣ, какого происшествія по оффиціальномъ, самомъ тщательномъ изслѣдованіи, рѣшительно не было, а между тѣмъ оно едва не нарушило общественнаго спокойствія. Другія же статьи сего рода хотя и заключали въ себѣ до нѣкоторой степени истину, но описанныя въ нихъ происшествія оказались чрезмѣрно преувеличенными и легковѣрно или недобросовѣстно записанными со словъ лицъ, вовсе не заслуживающихъ довѣрія, какъ напримѣръ напечатанный въ № 175 «Московскихъ Вѣдомостей» разсказъ инженернаго офицера подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ объ одномъ тюремномъ замкѣ». Къ этой категоріи принадлежитъ большинство обличительныхъ статей.

«Распространеніе такого направленія журналистики можетъ повести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ злоупотребленія печати; а потому Главное управленіе цензуры при обсужденіи сего предмета не могло не остановиться: во-первыхъ на допускаемыхъ, вопреки устава о цензурѣ, въ печати *личностяхъ*, показывая именно описываемыя лица или обозначая ихъ осязательно; во-вторыхъ, на необходимость установленія такого порядка при допущеніи къ печати разсказовъ о такъ-называемыхъ истинныхъ происшествіяхъ, который обезпечилъ бы правительство и публику отъ ложныхъ извѣстій, вводящихъ ихъ въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что опровергать всѣ печатаемые въ современныхъ изданіяхъ несправедливые и ложные разсказы было бы невозможно и недостойно правительства».

Вслѣдствіе сего Главное управленіе цензуры постановило:

1) «Подтвердить по цензурному вѣдомству, что дальнѣйшее допущеніе къ печати, вопреки ст. 3, пункта 2 устава цензурнаго статей, оскорбляющихъ честь какого-либо лица, непремѣнно повлечетъ за собою удаленіе отъ должностей виновныхъ въ семъ упущеніи цензоровъ.

2) «Принять за правило, чтобы отъ редакцій періодическихъ изданій, при представленіи или для одобренія къ печати статей, заключающихъ въ себѣ описаніе какихъ-либо злоупотребленій или происшествій, выдаваемыхъ за дѣйствительно случившіяся, требовать *фактическаго* удостовѣренія въ ихъ дѣйствительности, и чтобы при этомъ, въ случаѣ допущенія къ печати статьи непремѣнно было извѣстно цензурѣ какъ имя и мѣстопребываніе автора, такъ время и мѣсто описываемаго происшествія съ тѣми фактическими подробностями, которыя всякій благоразумный цензоръ найдетъ необходимыми для удостовѣренія и которыя исчислить впередъ невозможно. Само собою разумѣется, что цензоръ при этомъ не въ правѣ требовать *юридическихъ* доказательствъ въ подкрѣпленіе описываемыхъ происшествій, а долженъ ограничиваться вышесказаннымъ руководствомъ. За симъ всякое ложное извѣстіе вышесказаннаго рода, допущенное цензоромъ въ печать, будетъ отнесено къ неизбѣжной его отвѣтственности» *).

Пржецлавскому же было обязано цензурное вѣдомство отмѣненіемъ печатанія цензорскихъ подписей на книгахъ и газетахъ. Въ той же своей запискѣ между прочимъ онъ проводилъ ту мысль, что въ литературѣ жажда популярности овладѣваетъ не только авторами, но и цензорами, пропускающими обличительныя статьи, и такимъ образомъ щеголяющими передъ публикою своимъ либерализмомъ. На этомъ основаніи онъ предлагалъ отмѣнить существовавшій искони обычай печатной подписи цензора на книгахъ и газетахъ.

«Я докладывалъ, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ:—что въ Австріи и другихъ странахъ, гдѣ есть цензура, пропускъ печатается безъ подписи по тому уваженію, что и

*) «Сборникъ постанов.», стр. 447.

современникамъ, и потомству нѣтъ никакой надобности знать, кто именно цензуровалъ напечатанное и извѣстность фамиліи можетъ въ томъ или въ другомъ направленіи вліять на дѣйствія цензора. Онъ не можетъ не оглядываться болѣе или менѣе на общественное мнѣніе, тогда какъ оно, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ прямою обязанностью цензорскаго званія. Но какъ при этой отмѣнѣ, вмѣсто подписи, принята была формула «одобрено цензурою», то впослѣдствіи, при переходѣ уже цензуры къ министерству внутреннихъ дѣлъ, по моему же представленію о несвойственности выраженія: «Одобрено», принята и до сихъ поръ осталась болѣе соотвѣтствующая дѣйствію наблюдательной власти формула: «Дозволено цензурою» *).

IV.

Но несмотря на всѣ эти распоряженія, обличительная литература не только не спадала съ тона, а напротивъ все болѣе и болѣе возвышала голосъ. Страхъ попасть въ ряды взяточниковъ и казнокрадовъ и желаніе выставиться поборниками гражданской честности и безкорыстія довели нѣкоторыхъ администраторовъ до такого увлеченія, что они находили нужнымъ печатно заявлять о своей неподкупности. Такъ въ № 260 1-го ноября въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Вятки:

«*Вятка, октября 16-го.* 14 октября 1859 года явился ко мнѣ одинъ изъ управляющихъ откупами по Вятской губерніи и принесъ въ даръ деньги на томъ основаніи, что онѣ записаны въ расходную его книгу на мое имя. Не принявъ этихъ денегъ, я просилъ его распорядиться, чтобы имя мое не значилось въ его книгѣ.

«А такъ какъ я служилъ прокуроромъ въ Архангельскѣ, Херсонѣ и Екатеринославлѣ, гдѣ можетъ быть откупщики или управляющіе откупами также показывали по книгамъ своимъ, что мнѣ даны деньги, то считаю долгомъ объявить всѣмъ, что я никогда и ни отъ кого во всю мою 35-ти-лѣтнюю службу ничего не принималъ и не принимаю. Вятскій губернскій прокуроръ А. И. Сырневъ».

Вслѣдъ затѣмъ въ № 274-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» появилась слѣдующая корреспонденція изъ Орла:

«*Орелъ, ноября 14-го.* Въ № 266-мъ «Моск. Вѣд.» напечатано письмо г. вятскаго губернскаго прокурора А. И. Сырнева, въ которомъ онъ, вслѣдствіе поступка съ нимъ одного изъ управляющихъ Вятской откупами губерніи, объявляетъ всенародно, что онъ никогда и ни отъ кого во всю его 35-ти-лѣтнюю службу ничего не принималъ и не принимаетъ. Этотъ благородный, безпримѣрный поступокъ г. Сырнева истинно обрадовалъ всѣхъ безкорыстныхъ слугъ отечества. Дай Богъ, чтобы примѣръ его нашелъ многихъ подражателей. Я же съ своей стороны имѣю честь объявить, что въ теченіе 40-ка-лѣтней службы тоже никогда и ни отъ кого никакихъ подарковъ и приношеній не принималъ и не принимаю. Надѣюсь, милостивый государь, что вы не откажетесь помѣстить письмо это въ одномъ изъ ближайшихъ №№ «Моск. Вѣд.». Орловскій гражданскій губернаторъ В. Сафоновичъ».

Не беремся рѣшать, дѣйствительно ли это письмо принадлежало орловскому губернатору В. Сафоновичу, или же оно представлялось лишь одною изъ формъ ироническаго обличенія, во всякомъ случаѣ въ циркулярѣ по цензурному вѣдомству 23-го декабря 1859 г. оно объявлено подложнымъ, и циркуляръ этотъ между прочимъ предписываетъ «статьи, поступающія въ редакціи періодическихъ изданій за подписью правительственныхъ лицъ, печатать не иначе, какъ по тщательномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной присылкѣ оныхъ отъ сихъ лицъ» **).

---

*) «Русская Старина», 1875 г., № 9, стр. 159.
**) «Сборн. постан.», стр. 449.

1859 годъ можно считать апогеемъ обличительной литературы еще и въ томъ отношеніи, что это былъ первый годъ изданія «Искры», которая съ первыхъ же нумеровъ своихъ встала во главѣ обличительной прессы и сдѣлалась грозою для провинціальной администраціи. Выраженіе «попасть въ «Искру» сдѣлалось такимъ же обычнымъ терминомъ, какъ впослѣдствіи «сѣсть на скамью подсудимыхъ», только пожалуй еще болѣе страшнымъ. Цензурному вѣдомству «Искра» причиняла не мало хлопотъ и тревогъ во все время своего существованія. Я убѣжденъ, что еслибы была возможность перебрать всѣ тѣ преслѣдованія и запрещенія, какимъ подвергались различныя статьи и рисунки «Искры», всѣ жалобы и протесты обличенныхъ, вообще всю переписку, какую пришлось вести цензурному вѣдомству по поводу «Искры», то составился бы объемистый томъ. Мы приведемъ здѣсь лишь три-четыре случая, которые имѣемъ подъ рукою.

Такъ въ 1860 году, въ № 4-мъ вниманіе всей публики привлекла каррикатура подъ заглавіемъ «Свободный выборъ» изображавшая повара, обращающагося къ пѣтухамъ съ слѣдующей рѣчью:

— Я призвалъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы спросить вашего мнѣнія: подъ какимъ соусомъ угодно вамъ быть приготовленными: подъ бѣлымъ или краснымъ?

Въ этой каррикатурѣ увидѣли намекъ и сочли нужнымъ сдѣлать о ней докладъ. Однакожъ дѣло было оставлено безъ послѣдствій.

Въ 1861 году, въ № 11-мъ (стр. 161) «Искры» была перепечатана слѣдующая корреспонденція изъ № 59-го «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»:

«*Саратовъ, 10-го февраля 1861 г* Мм. гг., просимъ васъ напечатать слѣдующее:

«Дворовый человѣкъ Елизаветы Дмитріевны Кривской, помѣщицы Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, Яковъ Ивановъ, 35-ти лѣтъ, уже нѣсколько лѣтъ ходитъ по оброку платя въ годъ своей помѣщицѣ за себя и за свое семейство 25 рублей серебромъ, и занимаясь въ городѣ Саратовѣ столярнымъ ремесломъ. Въ концѣ января 1861 года, г-жа Кривская прислала въ Саратовъ своего конторщика, отставного унтеръ-офицера Петра Прокофьева, съ полномочіемъ *сдать въ рекруты* нѣсколькихъ изъ своихъ людей, между прочимъ и Якова Иванова, если онъ *немедленно* не откупится *за двѣсти рублей серебромъ*. Рекрутское присутствіе въ г. Саратовѣ бываетъ по четвергамъ и потому Яковъ Ивановъ, не имѣя наличныхъ денегъ, долженъ былъ искать убѣжища въ чужихъ домахъ впродолженіе вторника, среды и четверга. Въ эти дни онъ успѣлъ занять у знакомыхъ только сто рублей, а такъ какъ конторщикъ не имѣлъ разрѣшенія вручить ему отпускую за эту сумму, то мы убѣдили послѣдняго дать ему ее за нашимъ поручительствомъ въ уплатѣ Яковомъ Ивановымъ остальныхъ ста рублей къ 1-му апрѣля 1861 года, что конторщикъ и исполнилъ.

«Для большей же увѣренности г-жи Кривской въ прочности нашего ручательства, мы заявляемъ его публично, воздерживаясь отъ дальнѣйшаго обсужденія такого способа извлеченія доходовъ. Н. Мордвиновъ, Н. Москвинъ І. Кондыревъ, В. Корсаковъ».

Корреспонденція эта конечно осталась бы безъ всякихъ послѣдствій, еслибы 22-го сентября 1860 года не было издано новаго постановленія въ видахъ огражденія лицъ, потерпѣвшихъ отъ печатнаго обличенія. Вотъ это постановленіе:

«Для предупрежденія вреда, могущаго произойти отъ распространенія въ періодическихъ изданіяхъ ложныхъ извѣстій и слуховъ или появленія статей оскорбительныхъ для правительственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ, постановлены слѣдующія правила: 1) Издатели и редакторы журналовъ и газетъ обязаны печатать безплатно въ своихъ изданіяхъ опроверженія на появившіяся въ нихъ неосновательныя извѣстія и слухи или возраженія на статьи, оскорбительныя для какого-либо мѣста или лица, какъ скоро такія опроверженія и возраженія доставлены будутъ мѣстами или лицами, упоминаемыми въ означенныхъ извѣстіяхъ, слухахъ и статьяхъ. 2) Обязанность сія распространяется только на опроверженія и возраженія, имѣющія цѣлью возстановленіе истины посредствомъ поясненія или опроверженія невѣрно переданныхъ или умышленно искаженныхъ извѣстій или фактовъ, но отнюдь не относится къ возраженіямъ на критическіе разборы ученыхъ или литературныхъ мнѣній или

сочиненій. 3) Доставляемыя издателямъ и редакторамъ опроверженія и возраженія должны быть печатаемы въ томъ самомъ отдѣлѣ періодическаго изданія, въ которомъ появились опровергаемое извѣстіе или поясняемая статья, и притомъ въ теченіе трехъ дней по полученіи и одобреніи оныхъ цензурою, или въ ближайшемъ нумерѣ, если таковой не выйдетъ до истеченія трехъ дней. 4) Недоразумѣнія, могущія возникнуть между издателями и редакторами съ одной стороны и лицами и мѣстами, требующими возстановленія истины—съ другой, относительно содержанія и объема представляемыхъ сими послѣдними опроверженій или возраженій, разрѣшаются комитетомъ, въ которомъ цензуруется подлежащее періодическое изданіе и который по разсмотрѣніи опроверженія или возраженія, опредѣляетъ: обязательно или нѣтъ помѣщеніе онаго въ томъ изданіи, по точному смыслу втораго пункта сего дополненія. Въ случаѣ утвержденія рѣшенія, ближайшій къ выходу нумеръ изданія не можетъ быть выпущенъ изъ типографіи безъ помѣщенія въ немъ признанной обязательно статьи. Недовольные рѣшеніемъ цензурнаго комитета могутъ обращаться съ жалобою, на основаніи статьи 146 уст., въ Главное управленіе цензуры» *).

Основываясь на этомъ постановленіи Кривская не замедлила написать опроверженіе на приведенную корреспонденцію съ требованіемъ, чтобы оно было напечатано во всѣхъ изданіяхъ, помѣстившихъ корреспонденцію, въ томъ числѣ и въ «Искрѣ». Напрасно редакторы «Искры» представляли въ цензурный комитетъ свои основанія противъ печатанія письма Кривской, 17-го іюня 1861 года — цензурный комитетъ, отказавши имъ въ ихъ просьбѣ, предписалъ имъ напечатать въ ближайшемъ нумерѣ «Искры» упомянутое письмо, и дѣйствительно оно появилось, но не въ ближайшемъ нумерѣ, а лишь въ 29-мъ, 4 августа.

«Съ тѣхъ поръ, какъ употребляютъ во зло гласность, какъ и многое прекрасное, публикуя обвиненія бездоказательныя, безъ предварительнаго, добросовѣстнаго изслѣдованія дѣла, выставляя его одностороннe, подобной публикаціи она не удивляется, и по 65-лѣтней старости могла бы ею пренебречь; знающіе ее хорошо, особенно такъ, какъ ее знаютъ въ Саратовѣ, не повѣрятъ такой несправедливости съ ея стороны даже и въ такомъ случаѣ, еслибы г. Мордвиновъ не ограничился тремя, а просилъ бы подписаться и всѣхъ остальныхъ чиновниковъ управляемой имъ удѣльной конторы. Для остальной же читающей публики нужнымъ считаю разсказать это дѣло какъ оно было». И далѣе она поясняетъ, какъ было дѣло. Якову Иванову, по ея словамъ, содержавшему въ Саратовѣ столярное заведеніе съ 15-ю рабочими, было поручено ею, какъ человѣку зажиточному, собирать оброки съ 20 крѣпостныхъ Кривской, проживавшихъ въ Саратовѣ. Но они, въ виду близкаго освобожденія, перестали платить и наросла на нихъ недоимка до 600 рублей. Въ числѣ этой недоимки 200 рублей были рабочими уплачены, но Яковъ Ивановъ удержалъ эти деньги при себѣ, да сверхъ того извелъ для себя господскихъ 500 березовыхъ досокъ на сумму слишкомъ 600 рублей. «Все это вмѣстѣ, пишетъ Кривская: —не могло остаться безъ взысканія. Можетъ быть, кто нибудь сдѣлалъ бы и такъ: велѣлъ бы продать его имущество, взыскать деньги и отдалъ бы потомъ за наказаніе въ рекруты—я же велѣла взыскать съ него принадлежащія мнѣ деньги, и по настоящему времени, развязаться съ нимъ совершенно, то есть отпустить на волю, и въ противномъ только случаѣ отдать его въ рекруты» и т. д.

Въ томъ же 1861 году, въ № 41, было обращено вниманіе III отдѣленія на сцены г. Н. Потѣхина «Фигуры откупной колоды». Въ этихъ сценахъ въ лицахъ Карла Иваныча и Нины Арсеньевны были заподозрѣны нѣкоторыя высокопоставленныя особы прошлаго времени, изображенныя въ весьма непривлекательномъ видѣ по отношенію къ откупамъ, и вотъ Главное управленіе цензуры на основаніи статьи 61-й цензурнаго устава потребовало у редакторовъ «Искры» объявленія имени автора сценъ. Редакція повидимому ограничилась указаніемъ одного имени безъ точнаго опредѣленія званія и мѣстожительства автора и III отдѣленію пришлось напрасно потревожить нѣкоего штабсъ-ротмистра кирасирскаго полка Сергѣя Аркадьевича Потѣхина, и затѣмъ канцелярія Главнаго управленія цензуры вновь обратилась въ редакцію «Искры», требуя подробнаго указанія о

*) «Сборн. постановл.», стр. 407.

*

званіи, службѣ и адресѣ Потѣхина. Но дѣло это, ограничившись однимъ конфиденціальнымъ объясненіемъ г. Потѣхина, дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣло.

Затѣмъ въ 1863 году въ № 48, 14-го декабря, появилась статья «Благотворительность къ празднику» (разсказъ одного выпущеннаго изъ долгового отдѣленія), подъ псевдонимомъ Власа Точечкина, въ которой описывались различныя злоупотребленія и беззаконія, совершавшіяся въ Тарасовкѣ; и опять въ редакцію «Искры» посыпались бумаги и изъ цензурнаго комитета, и изъ канцеляріи военнаго генералъ-губернатора объ имени, званіи и мѣстожительствѣ автора. На этотъ разъ дѣло дошло до суда. По крайней мѣрѣ на одной изъ бумагъ с.-петербургскаго комитета кто-то сдѣлалъ карандашомъ помѣтку: «Дѣло кончилось въ 1869 году (черезъ шесть лѣтъ по возникновеніи!) оправданіемъ въ какой-то соединенной палатѣ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ».

Всѣ эти безчисленныя столкновенія съ цензурою повели къ тому, что въ 1864 году министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшилось устранить В. Курочкина отъ званія отвѣтственнаго редактора «Искры», и 3-го сентября 1864 года с.-петербургскій цензурный комитетъ отнесся къ нему съ слѣдующей бумагой:

«Имѣя въ виду, что въ журналѣ «Искра» постоянно помѣщаемы были статьи обличительнаго характера, направленныя главнымъ образомъ къ оскорбленію личной чести, г. министръ внутреннихъ дѣлъ не призналъ возможнымъ допустить дальнѣйшее изданіе сего журнала подъ вашею редакціею. Вслѣдствіе сего с.-петербургскій цензурный комитетъ предлагаетъ вамъ, м. г., представить лицо, которое могло бы быть утверждено въ званіи отвѣтственнаго редактора издаваемаго вами сатирическаго журнала».

Въ Москвѣ былъ свой сатирическій журналъ «Развлеченіе», газета въ неизмѣримой степени скромнѣе и безцвѣтнѣе «Искры», но и она не замедлила навлечь на себя цензурныя кары. Такъ 2-го апрѣля 1860 года предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета М. Щербининъ получилъ слѣдующее письмо отъ члена Главнаго управленія цензуры Н. Муханова:

«М. г. Михаилъ Ивановичъ, въ № 11-мъ за сей годъ журнала «Развлеченіе» напечано нѣсколько статей, не заслуживающихъ цензурнаго одобренія. На первой страницѣ помѣщена неприличная каррикатура, оскорбляющая военный мундиръ. На страницѣ 124 находится стихотвореніе: «Петерб. телеграфъ», наполненное личностями противъ разныхъ писателей, журналистовъ, противъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и, сверхъ того, содержащая въ себѣ неприличную и неосторожную выходку, на которую цензоръ не могъ не обратить своего вниманія: авторъ, говоря о недостаткахъ въ Россіи звонкой монеты, приводитъ слухи о причинѣ такого явленія, и между прочимъ замѣчаетъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ металлъ уѣхалъ за-границу для поправленія здоровья въ Баденъ, въ Ниццу.

«Въ городской хроникѣ, на страницѣ 131, есть язвительная выходка противъ московскаго почтамта: «Итакъ, стоитъ чиновнику умереть, чтобы ходъ дѣла ему порученнаго покрылся мракомъ неизвѣстности. Поучительно!» Въ стихотвореніи изъ Гейне, страница 132, цвѣтъ воротника квартальнаго надзирателя и коммиссаріатскаго чиновника названъ дурацкимъ.

«Этотъ № «Развлеченія» одобренъ къ печати цензоромъ Драшусовымъ. Имъ же допущена въ № 40 «Московскаго Вѣстника», въ отдѣлѣ *Внутреннія извѣстія*, на страницѣ 150, неумѣстная выходка противъ школъ дѣтей канцелярскихъ служителей, которыхъ и учрежденіе, и устройство представляется въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, и на страницѣ 161 той же газеты въ «*Замѣткахъ кое о чемъ*» употреблено странное въ печати слово *языкоблудіе*, въ примѣненіи къ ложнымъ толкамъ о литературныхъ произведеніяхъ.

«Главное управленіе цензуры, обративъ вниманіе на непрерывно дѣлаемыя цензоромъ Драшусовымъ упущенія, за которыя онъ неоднократно подвергался замѣчаніямъ, находитъ невозможнымъ оставлять его долѣе цензоромъ; а потому предоставило мнѣ покорнѣйше просить ваше превосходительство попросить къ себѣ статскаго совѣтника Драшусова и отъ имени Главнаго управленія цензуры предложить ему подать просьбу объ увольненіи его отъ службы. Редактору же журнала «Развлеченіе» Главное управленіе проситъ васъ, м. г., за помѣщеніе

въ семъ журналѣ столь большого числа неодобрительныхъ статей, сдѣлать предвареніе, что если сіе изданіе останется при нынѣшнемъ направленіи, то подвергнется запрещенію».

Не малый шумъ былъ поднятъ около этого времени приключеніями Павла Якушкина въ его скитаніяхъ съ цѣлью собиранія народныхъ пѣсенъ. Надо принять въ соображеніе, что еще въ 1857 году 3-го декабря было предписано начальникамъ губерній «бдительно слѣдить за распространителями ложныхъ извѣстій, которыя могутъ нарушать общественное спокойствіе, а въ нужныхъ случаяхъ принимать мѣры для пресѣченія зла въ началѣ». Павелъ Якушкинъ своимъ простонароднымъ костюмомъ и постояннымъ пребываніемъ въ крестьянскомъ кругу сильно смущалъ мѣстныя полицейскія власти, подозрѣвавшія въ немъ именно одного изъ распространителей ложныхъ слуховъ, и однажды былъ арестованъ становымъ приставомъ и подвергся различнымъ полицейскимъ мытарствамъ, что́ самъ онъ не замедлилъ предать гласности, и вся пресса разомъ заговорила объ этомъ. И вотъ для избѣжанія впредь подобныхъ скандаловъ былъ разосланъ 31-го декабря 1859 года циркуляръ, разъясняющій, «что только ученыя общества, утвержденныя правительствомъ, могутъ посылать отъ себя лицъ для собиранія нужныхъ имъ свѣдѣній; что и ученыя общества, посылая путешественниковъ, должны снабжать ихъ надлежащими видами и о каждомъ изъ нихъ поставлять въ извѣстность министерство внутреннихъ дѣлъ, дабы начальники губерній могли быть предварены объ упомянутыхъ собирателяхъ прежде прибытія ихъ на мѣсто. а равно и сами собиратели обязаны заявлять о себѣ мѣстной полиціи; что издатели журналовъ и газетъ отправлять подобныхъ путешественниковъ права не имѣютъ; и что съ лицами, путешествующими безъ установленныхъ видовъ, слѣдуетъ поступать по закону» *).

Въ началѣ 1860 года для рѣшенія вопроса о печатной гласности и обузданіи обличительной литературы былъ даже составленъ особенный комитетъ изъ министровъ юстиціи, народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и шефа жандармовъ. Комитетъ этотъ пришелъ къ убѣжденію, что мѣры для обузданія обличительной литературы должны быть двоякія: административныя и судебныя. Относительно первыхъ результатомъ совѣщаній комитета является циркуляръ 8-го марта 1860 года, подтверждающій по цензурному вѣдомству:

«Чтобы не были допускаемы въ печать сочиненія и журнальныя статьи, а равно изображенія и каррикатуры: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія въ государствѣ къ другому; б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями и должностями гражданской и военной службы, надъ военнымъ мундиромъ и занятіями по фронтовой части въ мирное время и т. п.; в) въ которыхъ вопреки § 3 (пунктъ 4) уст. ценз., хотя не прямо съ названіемъ фамиліи, а большею частью подъ такимъ прозрачнымъ замаскированіемъ, что легко узнать можно, о комъ и о чемъ идетъ дѣло, оглашаются обстоятельства, относящіяся до нравственности и частной жизни разнаго званія лицъ, до преступленій ихъ родителей, до происхожденія или дурнаго поведенія членовъ семействъ и т. д. А какъ въ цензурномъ уставѣ нѣтъ особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространеніе извѣстій неосновательныхъ и по существу своему неприличныхъ къ разглашенію о жизни и правительственныхъ дѣйствіяхъ, августѣйшихъ особахъ царствующаго дома, уже скончавшихся и принадлежащихъ исторіи, то съ одной стороны, чтобы подобныя извѣстія не могли приносить вреда, а съ другой, дабы не стѣснить отечественную исторію въ ея развитіи; періодомъ, до котораго не должны доходить подобныя извѣстія, принять конецъ царствованія Петра Великаго. Послѣ сего времени воспрещать оглашеніе свѣдѣній, могущихъ быть поводомъ къ распространенію неблагопріятныхъ

---

*) «Сборн. постан.», стр. 450.

мнѣній о скончавшихся августѣйшихъ лицахъ царствующаго дома, какъ въ журнальныхъ статьяхъ, такъ въ отдѣльныхъ мемуарахъ и книгахъ *).

Въ судебномъ же отношеніи министры постановили предположеніе объ устройствѣ новаго порядка судопроизводства надъ виновными въ печатномъ оскорбленіи личной чести; именно, чтобы дѣла о подобныхъ оскорбленіяхъ разсматривались въ судахъ второй степени, такъ какъ отъ судовъ первой степени нельзя ожидать правильной оцѣнки такихъ дѣлъ и удовлетворительнаго постановленія приговоровъ.

Эти предположенія министровъ получили утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ и распубликованы въ указѣ правительствующаго сената 23-го января 1861 года **).

Выше мы видѣли уже примѣръ преданія суду сообразно новому закону неизвѣстнаго автора статьи «Благотворительность къ празднику», напечатанной въ «Искрѣ».

Но и административныя мѣры имѣли повидимому не больше успѣха; по крайней мѣрѣ 28-го апрѣля 1861 года Главное управленіе цензуры считаетъ нужнымъ разослать новый циркуляръ касательно всей той же неукротимой обличительной литературы. Напоминая о вышеприведенныхъ циркулярахъ 3-го октября 1859 года и 8-го марта 1860 г., Главное управленіе внушаетъ слѣдующее:

«Несмотря на вышеозначенныя постановленія, воспрещающія положительнымъ образомъ появленіе въ печати личностей, Главное управленіе цензуры усматриваетъ въ журналахъ и газетахъ статьи, описывающія злоупотребленія и проступки разныхъ лицъ, нетолько съ ясными намеками на обстоятельства, могущія вести къ открытію именъ сихъ лицъ, но даже съ поименованіемъ полныхъ ихъ фамилій. Примѣрами подобныхъ отступленій отъ цензурныхъ постановленій могутъ служить напечатанныя въ послѣднее время, возбудившія журнальную полемику, статьи о грубыхъ поступкахъ Козляинова на Николаевской желѣзной дорогѣ и о поступкѣ студента Харьковскаго университета Страхова на маскарадѣ въ Харьковѣ. Въ № 60 же «Московскихъ Вѣдомостей», 28-го истекшаго марта напечатано извѣстіе о побояхъ, нанесенныхъ маіоромъ Чириковымъ кадету межевого института на улицѣ въ Москвѣ, съ прямо выраженнымъ намѣреніемъ предать общему позору фамилію сего офицера.

«Вслѣдствіе сего Главное управленіе цензуры считаетъ своею обязанностью подтвердить снова цензурнымъ комитетамъ строго руководствоваться пунктомъ ст. 3 ценз. уст., не допуская въ сочиненіяхъ и статьяхъ личностей и не дозволяя ни въ какомъ случаѣ оглашенія подлинныхъ фамилій въ разсказахъ о происшествіяхъ, предосудительныхъ для нравственности приводимыхъ въ нихъ лицъ. Къ сему Главное управленіе цензуры считаетъ нужнымъ присовокупить, что напечатаніе статьи въ одномъ періодическомъ изданіи не даетъ права къ перепечатанію оной въ другихъ повременныхъ изданіяхъ безъ новаго цензурнаго разсмотрѣнія» ***).

До какой нервной раздражительности была доведена администрація обличительною литературою, можно судить по тому, что она начала раздражаться всякимъ замѣчаніемъ прессы нетолько порицательнаго, но даже и хвалебнаго характера. Такъ послѣ величественныхъ похоронъ Мартынова «Русскій Инвалидъ» получилъ со стороны с.-петербургскаго генералъ-губернатора слѣдующее замѣчаніе, напечатанное въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Въ фельетонѣ № 200 газеты «Русскій Инвалидъ» отъ 18-го сентября, въ статьѣ о похоронахъ артиста императорскихъ театровъ Мартынова, между прочимъ напечатано: съ величайшимъ удовольствіемъ исполняю желаніе многихъ лицъ, просившихъ меня выразить печатно благодарность нашей полиціи, которая дѣйствовала въ день похоронъ съ величайшимъ тактомъ и умѣренностью.

*) Ibid, стр. 453.
**) «Записка Д. С. С. Берте», стр. 20.
***) «Сборн. постан.», стр. 459.

«С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ долгомъ поставляетъ объявить симъ редакціи означенной газеты для руководства, что разсмотрѣніе служебныхъ дѣйствій здѣшней полиціи не подлежитъ вовсе контролю редакціи «Русскаго Инвалида», не имѣющей права порицать полицію столицы, а слѣдовательно и права объявлять ей благодарность за ея тактъ».

Въ связи съ вопросомъ о печатной гласности стоялъ вопросъ и о гласномъ судопроизводствѣ, который въ свою очередь подвергался тѣмъ же пертурбаціямъ въ цензурномъ вѣдомствѣ. Уже въ 1857 году журналы начали разрабатывать этотъ вопросъ, и въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*» появились тогда двѣ статьи объ этомъ предметѣ: «*Объ устности и гласности*» и «*О словесномъ дѣлопроизводствѣ въ Россіи*». Но Главное управленіе цензуры и министерство юстиціи, обративъ вниманіе на эти статьи, не замедлили выразить свое мнѣніе, что вопросъ о гласномъ судопроизводствѣ не подлежитъ разсмотрѣнію литературы. По счастью, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Норовъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ и почелъ своимъ долгомъ представить на высочайшее усмотрѣніе, что «благонамѣренныя и скромно написанныя сужденія о предметахъ, подобныхъ порядку судопроизводства, могли бы быть у насъ допускаемы». Государь согласился съ мнѣніемъ Норова, и статьи о гласномъ судопроизводствѣ получили право появляться, а черезъ годъ право это вновь было подтверждено высочайшимъ повелѣніемъ 25 января 1858 г., которымъ съ учрежденіемъ довѣренныхъ чиновниковъ отъ министерствъ при главномъ цензурномъ управленіи, было постановлено, что правила для руководства цензоровъ при разсмотрѣніи статей по крестьянскому вопросу «*распространить и на прочіе предметы современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій*» *).

Но несмотря на это разрѣшеніе, статьи о гласномъ судопроизводствѣ продолжали встрѣчаться въ консервативномъ лагерѣ неодобрительно и враждебно, и консерваторы стремились, чтобы и по этому вопросу стѣснить литературу какъ только возможно. Объ этомъ мы можемъ судить по циркуляру 3 апрѣля 1859 г., въ которомъ министръ народнаго просвѣщенія, упоминая о вышеозначенномъ разрѣшеніи вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ:

«Нынѣ при сужденіи въ совѣтѣ министровъ о гласности въ печатныхъ сочиненіяхъ вообще и о статьяхъ, *касающихся гласности судопроизводства въ особенности*, найдено, что оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о существующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезнымъ въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ представится правительству возможность къ повѣркѣ свѣдѣній оффиціальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ. Но гласность можетъ быть и вредною, когда она касается важныхъ предметовъ управленія, правительствомъ окончательно не обсужденныхъ или непризнанныхъ имъ заслуживающими вниманія и когда напечатанныя сужденія о такихъ предметахъ не вполнѣ доступныхъ по неполнотѣ свѣдѣній читающей публикѣ, могутъ быть принимаемы въ видѣ истинъ, неподлежащихъ сомнѣнію, а не въ видѣ вопросовъ, подлежащихъ еще обсужденію и допускающихъ возможность опроверженія...

«Въ этомъ убѣжденіи полагалось возможнымъ допускать оглашеніе о предметахъ правительственныхъ въ такомъ случаѣ, когда изложеніе подобныхъ статей будетъ заключаться въ предѣлахъ, согласныхъ съ постановленіями, охраняющими неприкосновенность самодержавнаго правленія и государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ все непротивное основнымъ началамъ нашихъ государственныхъ учрежденій, представляемое въ видѣ разсужденій или предположеній, допускающихъ разсмотрѣніе и слѣдовательно опроверженіе, можетъ быть допущено къ обнародованію, тогда какъ напротивъ того, безусловное утвержденіе преимущества порядка государственнаго устройства, несогласнаго въ основаніяхъ съ существующимъ въ нашемъ отечествѣ, или изложеніе рѣшительныхъ заключеній о вопросахъ государственнаго устройства, непризнанныхъ еще правительствомъ подлежащими его обсужденію, или по

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 82.

коимъ не послѣдовало распоряженій, обнаруживающихъ намѣреніе верховной власти подвергнуть пересмотру какую-либо часть нашего законодательства, къ печатанію допускаемо быть не можетъ.

«Руководствуясь сими указаніями, благонамѣренные писатели будутъ имѣть возможность обнаруживать всякаго рода злоупотребленія, не допуская личностей, какъ это предписано Высочайшими повелѣніями и содѣйствовать правительству развитіемъ мыслей, полезныхъ относительно предположеній, коими достигнуты быть могутъ улучшенія въ ходѣ управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнята будетъ возможность увлекать общественное мнѣніе въ заблужденія относительно истинной цѣли и видовъ правительства» *).

Но циркуляръ этотъ, имѣвшій очевидную цѣль ограничить прессу въ ея обсужденіяхъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ и ввести въ болѣе тѣсные предѣлы въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе не достигалъ никакой цѣли по крайней неопредѣленности нѣкоторыхъ своихъ выраженій. Написанный для руководства цензоровъ при чтеніи ими публицистическихъ статей, онъ внушалъ имъ при этомъ такой темный и двусмысленный критерій, какъ допущеніе только такихъ разсужденій, которыя излагаются не въ формѣ безусловныхъ истинъ, а лишь предположеній, доступныхъ опроверженіямъ. Но подобный критерій, предоставляя цензорамъ обсуждать статьи со стороны ихъ истинности и неопровержимости, дѣлалъ ихъ уже не цензорами, а критиками, съ тою только противуположностью, что критики одобряютъ обыкновенно статьи, заключающія рядъ безусловныхъ истинъ, не подлежащихъ возраженіямъ, а цензора принуждались эти-то именно статьи и запрещать. Понятно, что въ концѣ-концовъ все осталось по старому, и допущеніе или запрещеніе публицистическихъ статей не перестало зависѣть попрежнему отъ полнаго произвола цензоровъ, сообразно ихъ взглядамъ и убѣжденіямъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія.—Проектъ новаго цензурнаго устава министра Ковалевскаго. — Проектъ барона Корфа. — Преобразованіе Главнаго управленія цензуры. — Исторія съ газетой «Парусъ».

I.

Неопредѣленные, двухсмысленные циркуляры, особенно часто появлявшіеся въ то время и не достигавшіе никакихъ результатовъ, какъ нельзя болѣе свидѣтельствовали о томъ, что старая цензурная машина отжила свой вѣкъ и переставала дѣйствовать.

Очень понятно, что въ самомъ началѣ новаго царствованія явилась уже мысль о необходимости преобразованія цензурнаго вѣдомства. Еще въ 1857 году была объявлена Норову высочайшая воля о необходимости составить новый цензурный уставъ. Норовъ отвѣчалъ на это высочайшее заявленіе пространною запискою, извлеченіе изъ которой было представлено нами въ 20-й главѣ.

Изъ предположеній министра осуществилось въ то время, какъ мы видѣли, лишь назначеніе довѣренныхъ чиновниковъ; вопросъ же о цензурѣ не получалъ

*) «Сборн. постан.», стр. 443.

еще разрѣшенія. При вступленіи же въ должность министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго государь императоръ вновь выразилъ ему мысль о настоятельной надобности пересмотра цензурныхъ правилъ, и въ ожиданіи этихъ преобразованій былъ учрежденъ 24 января 1859 г. особый негласный комитетъ подъ названіемъ «комитета по дѣламъ книгопечатанія», изъ гр. Адлерберга, генералъ-маіора А. Е. Тимашева и профессора А. В. Никитенко.

На обязанность этого комитета возлагалось «принятіе мѣръ къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы», причемъ ему дана была инструкція, слѣдующимъ образомъ опредѣляющая предметы и кругъ его дѣйствій:

«Надзоръ за направленіемъ литературы.

«Сношенія съ министерствами и главными управленіями для полученія нужныхъ свѣдѣній и объясненій по вопросамъ, до подлежащихъ вѣдомствъ относящихся и обсуждаемыхъ въ печатныхъ статьяхъ.

«Комитетъ, не касаясь цензурныхъ установленій, ни въ чемъ не ограничиваетъ и не измѣняетъ существованія и дѣйствій сихъ послѣднихъ.

«Статьи, составляемыя въ министерствахъ для напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ, препровождаются предварительно въ комитетъ.

«Статьи, печатаемыя въ журналахъ по распоряженію сего комитета, подъ рубрикой «сообщено», какъ исходящія отъ правительства, должны служить цензорамъ указаніемъ и руководствомъ для ихъ дѣйствій.

«Помѣщеніе въ газетахъ и журналахъ статей, доставляемыхъ съ подписью одного изъ членовъ комитета, обязательно для редакцій оныхъ» *).

Какъ результатъ этой инструкціи, былъ первымъ дѣломъ разосланъ по цензурному вѣдомству и редакціямъ слѣдующій циркуляръ вновь возникшаго комитета:

1) Помѣщеніе въ газетахъ и журналахъ статей, доставленныхъ съ надписью одного изъ членовъ комитета, *обязательно* для редакцій. 2) Для необходимыхъ объясненій и совѣщаній членовъ комитета въ случаѣ надобности, *требуютъ личной явки въ оный* цензоровъ, а равно и журналистовъ и литераторовъ. 3) Слѣдуетъ для комитета доставлять прямо изъ типографіи экземпляръ журнала *тотчасъ по выдачѣ билета*, прежде выпуска прочихъ экземпляровъ.

Кромѣ всего этого, въ будущемъ проектировалось изданіе правительственнаго журнала, въ которомъ и должно было сосредоточиться впослѣдствіи руководительство литературой. Но комитету не удалось выполнить возложенной на него задачи. И въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ ли онъ возможность, ставши во главѣ литературы, сдѣлаться руководителемъ такой общественной силы, которая по самому своему существу стремится къ полной самостоятельности и можетъ быть руководима одними лишь литературными авторитетами, неотразимо вліяющими на нее силою талантовъ и знаній? Къ тому же негласность комитета и положеніе его внѣ всякихъ вѣдомствъ невольно придавали ему видъ какого-то чрезвычайнаго тайнаго трибунала; у всѣхъ же, подвизавшихся въ то время на литературномъ поприщѣ, живо сохранялась еще память о знаменитомъ Бутурлинскомъ комитетѣ, покончившемъ свое существованіе лишь къ 1856 году. Понятно, что на новый комитетъ и въ литературѣ, и въ обществѣ смотрѣли, какъ на возобновленіе стараго, и встрѣтили его всеобщимъ ропотомъ и недовольствомъ. Еще не успѣлъ онъ открыться и лишь носились слухи о немъ, какъ «Русскій Вѣстникъ» во второй декабрьской книжкѣ успѣлъ уже выразить протестъ противъ его возникновенія въ слѣдующихъ словахъ своего политическаго обозрѣнія:

---

*) «Ист. св. о ценз. въ Россіи», стр. 83—84.

«Въ Берлинѣ существуетъ центральный комитетъ прессы, который кромѣ редакціи оффиціальнаго журнала, служащаго органомъ министерству, занимался составленіемъ и разсылкою корреспонденцій и статей въ провинціальныя газеты и вообще имѣлъ своею задачею руководить направленіемъ журналистики. Если провинціальная газета отказывалась помѣстить присланную статью или принять навязаннаго сотрудника, то она подпадала подъ дѣйствіе 71 ст. законовъ о промышленности, т. е. у редакціи можно было отнять позволеніе издавать журналъ. Теперь правительство ясно поняло нелѣпость такого учрежденія и убѣдилось въ безполезности и беззаконности подобнаго насилія; оно отняло у комитета это вредное и безнравственное назначеніе. Правительство отказалось также платить и выдавать субсидіи разнымъ журналамъ, которые за это обязывались говорить въ духѣ правительства.

«Кто не порадуется этой мѣрѣ прусскаго правительства, отмѣняющей одно изъ самыхъ губительныхъ проявленій административной опеки? Подкупить мысль, насиловать убѣжденіе,—что можетъ быть губительнѣе какъ для общества, такъ и для самаго правительства? Мудрено ли, что при такомъ недостойномъ и безнравственномъ учрежденіи, общественное мнѣніе въ Пруссіи было такъ болѣзненно и хило, мудрено ли, что тамъ создались изъ ничего разные мрачные элементы, столько же опасные порядку, сколько и свободѣ. Скажите, гдѣ найдетъ себѣ опору порядокъ, если систематическимъ подкупомъ и насиліемъ будутъ отравлены всѣ источники общественнаго мнѣнія, будетъ убита мысль, будетъ осквернена святыня убѣжденія? Подозрѣвали ли многомудрые основатели этой системы въ Пруссіи, что они заражали самою опасною язвою организмъ народа, что они болѣе всякихъ революціонеровъ колебали то, что брались охранять? Къ счастію, эта позорная система не могла распространиться въ Пруссіи слишкомъ далеко и ограничивалась лишь провинціальною ежедневною журналистикою; но, спрашивается, къ чему было подкупать и насиловать эти несчастныя провинціальныя газеты? Получало ли правительство взамѣнъ неизбѣжнаго зла, которымъ заражало общество, хоть какую нибудь временную пользу, когда всею силою своего авторитета вносило развратъ и безчестную ложь въ умственное дѣло? Какая радость была ему отъ того, что общество переставало вѣрить въ чистоту мнѣній? Какая радость для охранительныхъ началъ, когда каждое слово, сказанное въ ихъ пользу, публика привыкаетъ понимать за презрѣнную корыстную ложь? Вѣрнѣйшій способъ погубить какое нибудь начало въ убѣжденіяхъ людей, лучшій способъ подорвать его нравственную силу—взять его подъ оффиціальную опеку. Наконецъ не всякому ли здравому уму понятно, что система лжи и подкуповъ не можетъ привести ни къ чему доброму? Правительство, не входя ни въ какія унизительныя и частныя сдѣлки съ литераторами и журналами, можетъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе и гораздо достойнѣе, предлагая литературѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе тѣ или другіе административные, политическіе или финансовые вопросы и вызывая всѣ лучшіе умы въ обществѣ содѣйствовать ему въ ихъ разъясненіи».

Не ограничиваясь этимъ, въ первой февральской книжкѣ 1859 года, по возникновеніи уже комитета, «Русскій Вѣстникъ» высказалъ вновь нѣсколько столь же рѣзкихъ словъ объ употребленіи правительствомъ литераторовъ для проведенія въ литературѣ своихъ видовъ, на этотъ разъ по поводу нѣкоторыхъ подобныхъ дѣйствій французскаго правительства. Тогда министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ исправляющему должность попечителя московскаго учебнаго округа съ слѣдующимъ отношеніемъ 9-го марта 1859 г.

«Во 2-й декабрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за истекшій 1858 г. въ «Политическомъ Обозрѣніи», на стр. 441 и 442, разсказывается о существующемъ въ Берлинѣ центральномъ комитетѣ прессы, котораго назначеніе— руководствовать направленіемъ журналистики и который разсылаетъ статьи и корреспонденціи въ провинціальныя газеты. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападая на мысль прусскаго правительства, выраженную учрежденіемъ этого комитета, авторъ статьи «Русск. Вѣстн.» отвергаетъ право всякаго правительства на какое бы то ни было вмѣшательство въ дѣла литературы и журналистики и находитъ лучшимъ, чтобы правительство предлагало литературѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе административные, политическіе и финансовые вопросы. Вся статья пропитана духомъ озлобленія и протеста и выражаетъ конституціонныя стремленія въ сочинителѣ статьи. Подобныя тому выходки противъ вліянія правительства на общественное мнѣніе появились въ 1-й февральской книжкѣ 1859 г. «Русск. Вѣстн.» въ «Современной Лѣтописи». Здѣсь выражается мысль, что употребленіе правительствомъ литераторовъ для проведенія въ публику своихъ видовъ ведетъ къ умственному разврату и нравственному растлѣнію. Такая декламація въ виду учрежденнаго у насъ нынѣ комитета по дѣламъ книгопечатанія, не можетъ

не имѣть значенія громко заявленнаго протеста противъ вмѣшательства правительства въ дѣла литературы и слѣдственно носитъ на себѣ отпечатокъ противудѣйствія распоряженіямъ его.

«Покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать выговоръ цензорамъ статскому совѣтнику Драшусову и надворному совѣтнику Гилярову-Платонову, одобрившимъ къ печати означенныя журнальныя книжки, а также внушить редактору «Русскаго Вѣстника» все неприличіе, всю непозволительность какъ вышесказанныхъ статей, такъ и господствующаго въ «Современной Лѣтописи» его журнала (кромѣ отдѣльныхъ статей), не соотвѣтствующаго началамъ нашего государственнаго устройства, духа и направленія и предостеречь его, что если онъ не измѣнитъ этого направленія, то правительство вынуждено будетъ принять касательно его изданія рѣшительныя мѣры».

Вмѣстѣ съ этимъ министерство въ предупрежденіе впредь подобныхъ же литературныхъ протестовъ подъ маскою обсужденія иностранныхъ дѣлъ разослало по цензурнымъ комитетамъ слѣдующій циркуляръ:

«1) Текущія политическія извѣстія, какъ въ ежедневныхъ газетахъ, такъ и въ недѣльныхъ изданіяхъ, печатаемыхъ въ Москвѣ, заимствовать исключительно изъ газетъ с.-петербургскихъ, которыхъ политическіе отдѣлы разрѣшаются къ печати цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ.

«2) Политическія обозрѣнія и статьи въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, хотя и должны быть составляемы по извѣстіямъ, помѣщаемымъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ, разсмотрѣнныхъ цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ, но какъ въ подобныхъ статьяхъ и обозрѣніяхъ можетъ проявляться собственный взглядъ автора иногда противный политикѣ нашего правительства, то для устраненія всякихъ неумѣстныхъ сужденій и намековъ разсматривать эти обозрѣнія и статьи въ полномъ засѣданіи московскаго цензурнаго комитета, и съ разрѣшенія его дозволять печатаніе оныхъ; въ случаѣ же какого-либо недоумѣнія или сомнѣнія комитета, представлять эти статьи и обозрѣнія г. министру народнаго просвѣщенія для передачи ихъ, если онъ признаетъ это нужнымъ, на окончательное разсмотрѣніе министра иностранныхъ дѣлъ» *).

Но подобныя распоряженія министерства конечно не могли расположить литературу къ комитету, претендовавшему стоять во главѣ ея, и доставить ему какую бы то ни было популярность. Кончилось дѣло тѣмъ, что въ октябрѣ того же года комитетъ самъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе, что своимъ «неоффиціальнымъ положеніемъ» и съ другой стороны участіемъ своимъ въ рѣшеніи существеннѣйшихъ вопросовъ общественныхъ онъ принужденъ былъ принять видъ «какого-то чрезвычайнаго, контролирующаго и по его уединенности устрашающаго постановленія»,—что литераторы уклонялись отъ всякихъ съ нимъ сношеній и что такимъ образомъ онъ «сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему подлежало дѣйствовать», а потому онъ самъ ходатайствовалъ о прекращеніи своего существованія**).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же представленіи комитетъ, указывая на недостатки существующихъ цензурныхъ учрежденій, обращалъ особенное вниманіе на несостоятельность цензуры, подчиненной взглядамъ множества правительственныхъ, ученыхъ, филантропическихъ и другихъ учрежденій. Въ виду этихъ неудобствъ, комитетъ представлялъ, что цензурному управленію необходимо придать полную самостоятельность и сосредоточенность, то-есть образовать изъ него особое вѣдомство подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія; при такомъ лишь условіи и при помощи предполагаемой имъ большой правительственной газеты, по его мнѣнію, правительство могло бы обнаружить на литера-

---

*) «Сборн. постан.», стр. 441.
**) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 85.

туру положительное вліяніе и сообщить ей болѣе сообразное со своими видами направленіе *).

Между тѣмъ въ томъ же 1859 г. былъ составленъ проектъ новаго цензурнаго устава министромъ народнаго просвѣщенія Ковалевскимъ. Но проектъ этотъ поразилъ крайнимъ безплодіемъ творчества въ министерствѣ. Онъ не вводилъ ничего новаго и, опираясь на уставъ 1828 года, оставлялъ все въ прежнемъ неизмѣнномъ порядкѣ за исключеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, навѣянныхъ послѣднимъ временемъ; но вопросы эти требовали радикальныхъ измѣненій въ самомъ строѣ цензурнаго вѣдомства и никакъ не могли быть рѣшены мертвыми статьями устава. Для наглядности представимъ нѣкоторые существенные параграфы проекта:

§ 6. При разсмотрѣніи всякаго сочиненія цензура обязана обращать особенное вниманіе на духъ его, на видимую цѣль и намѣренія автора и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольныхъ толкованій оной.

§ 7. Слѣдуя тѣмъ же правиламъ, цензоръ не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ сочиненія, однако наблюдаетъ, чтобы и въ словахъ, и выраженіяхъ о предметахъ священныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ.

§ 8. Цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы отъ дерзкихъ мудрствованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію. Цензура различаетъ сочиненія ученыя, дидактическія и спеціальныя отъ книгъ назначенныхъ для всенароднаго употребленія и журналовъ. Она обязана въ разсматриваніи всякаго сочиненія тѣмъ къ большей бдительности и осторожности, чѣмъ предметъ онаго и изложеніе общенароднѣе.

§ 9. Цензура обращаетъ вниманіе на самую форму сочиненій. То, что въ журнальной статьѣ или летучемъ листкѣ можетъ возбуждать опасенія по впечатлѣніямъ, какія вообще могутъ производить подобные способы обнародованія мыслей, то въ книгѣ при систематическомъ изложеніи и многостороннемъ обсуживаніи предмета на основаніи принятыхъ общихъ началъ науки и искусства можетъ быть разрѣшаемо безвредно къ печатанію.

§ 11. Разсужденія о подробностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства или администраціи въ имперіи, если объясняются благонамѣренно и безъ порицанія настоящаго порядка, а равно изложенія обнародованныхъ правительствомъ постановленій, съ цѣлью уяснить ихъ, или указать удобнѣйшіе способы къ ихъ измѣненію, допускаются, не иначе однакожъ, какъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія со стороны тѣхъ министерствъ или главныхъ управленій, до какихъ по содержанію своему они непосредственно будутъ относиться. Общія же теоретическія сужденія о разныхъ вопросахъ и улучшеніяхъ, касающихся гражданскаго быта, примѣнимыя вообще къ разнымъ странамъ и народамъ, разсматриваются прямо общею цензурою министерства народнаго просвѣщенія. Въ такихъ случаяхъ она наблюдаетъ, чтобы разсужденія сіи не имѣли цѣлью оспаривать существующія уже постановленія правительства или противупоставлять имъ теоретическія начала, прямо подрывающія правительственный авторитетъ. Вообще же цензура не допускаетъ противъ существующихъ въ государствѣ учрежденій выраженій желчныхъ, язвительныхъ и насмѣшливыхъ.

Примѣчаніе. Такъ какъ по стеченію обстоятельствъ и требованію времени могутъ встрѣтиться случаи, когда касаться въ печати извѣстныхъ вопросовъ будетъ несвоевременно или вовсе неудобно, то объ исключеніи таковыхъ вопросовъ изъ круга предметовъ, подлежащихъ печатной гласности, высшее цензурное начальство всякій разъ будетъ снабжать цензуру особенными временными ограниченными предписаніями и постановленіями.

§ 12. Въ статьяхъ политическаго содержанія, печатаемыхъ въ журналахъ и газетахъ, допускаются всѣ благонамѣренныя, не противныя правиламъ цензуры, сужденія о современныхъ событіяхъ въ иностранныхъ государствахъ, о взаимныхъ отношеніяхъ народовъ между собою, ихъ интересахъ и установленіяхъ, дѣйствіяхъ правительственныхъ; причемъ однако цензура строго наблюдаетъ, чтобы въ сужденіяхъ сихъ не допускались дерзкія выходки и намеки

*) Ibid, стр. 86.

какъ противъ россійскаго правительства, такъ и противъ всѣхъ иностранныхъ правительствъ, особенно въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіею состоящихъ.

§ 14. Никакой чиновникъ не имѣетъ права безъ дозволенія своего начальства обнародовать дѣлъ и свѣдѣній, ввѣренныхъ ему по службѣ. Равнымъ образомъ не дозволяется печатать прошенія и записки частныхъ лицъ по дѣламъ тяжебнымъ и уголовнымъ.

§ 15. Всѣ изысканія, до отечественной исторіи относящіяся, съ критическою оцѣнкою лицъ и событій дозволяются къ печатанію, если они не противны общимъ цензурнымъ правиламъ.

Примѣчаніе. Предѣлами такихъ историческихъ изысканій должно считать время, въ которое государственные дѣятели существуютъ еще, могутъ существовать или существовали столь недавно, что вѣрное и безпристрастное истолкованіе ихъ дѣйствій, а слѣдовательно и полная принадлежность ихъ исторіи невозможны. Вообще окончательнымъ для сего предѣломъ должно быть восшествіе на престолъ императрицы Екатерины II.

§ 20. Такъ какъ сатира въ изображеніи человѣческихъ пороковъ и слабостей для олицетворенія ихъ заимствуетъ нерѣдко нравы и характеры изъ круга разныхъ государственныхъ сословій, то цензура обязана наблюдать, чтобы въ сочиненіяхъ этого рода не было ничего оскорбительнаго для самихъ сословій. Но она не должна считать оскорбленіемъ какого-либо изъ сихъ послѣднихъ, если принадлежащее къ нему вымышленное лицо въ романѣ, повѣсти, комедіи выставлено въ смѣшномъ видѣ, безъ указаній однако и намековъ на такую испорченность духа и нравовъ сословія, изъ коихъ слѣдовало бы, что самыя лучшія явленія въ немъ невозможны. Вообще сатирѣ дозволяется нападать на пороки какъ на явленія случайныя, возможныя по естественному ходу дѣлъ человѣческихъ, во всякомъ сословіи, но отнюдь не дозволяется колебать уваженія, по праву сему сословію принадлежащаго и выставлять предосудительные случаи въ видѣ неизбѣжныхъ слѣдствій его сущности и учрежденія.

Примѣчаніе. Цензура, допуская вообще сочиненія сатирическія, должна устранять все, въ чемъ можетъ выражаться пасквиль. Отличительныя черты сатиры заключаются въ томъ, что она изображаетъ *типы* или *виды* характеровъ и лицъ, тогда какъ пасквиль, даже тщательно прикрытый, отсутствіемъ указанія именъ, мѣстъ и т. п. носитъ на себѣ признаки изображенія индивидуальнаго, мѣстнаго *).

По этимъ выдержкамъ можно судить, какъ мало измѣнилъ старые цензурные порядки проектъ Ковалевскаго; даже множественность цензуръ, это печальное наслѣдіе 30 и 40 годовъ, оставалась въ немъ безъ измѣненія. Очень понятно, что проектъ Ковалевскаго, хотя и былъ представленъ въ Государственный совѣтъ, но вскорѣ былъ взятъ обратно. Гораздо болѣе успѣха имѣла всеподаннѣйшая записка Ковалевскаго, представленная имъ около этого же времени. Вотъ что писалъ онъ въ этой запискѣ:

«По организаціи нынѣшняго цензурнаго управленія, единственными дѣятелями и отвѣтчиками являются цензоры, а за ними непосредственно слѣдуетъ, какъ лицо отвѣтственное de facto, министръ народнаго просвѣщенія. Правда, между ними находятся мѣстные цензурные комитеты и главное управленіе цензуры; но первые состоятъ изъ тѣхъ же цензоровъ подъ предсѣдательствомъ попечителей учебныхъ округовъ, не имѣющихъ ни времени, ни возможности слѣдить за ихъ дѣйствіями. Еще менѣе можетъ исполнить это Главное управленіе цензуры, состоящее подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія изъ лицъ, обремененныхъ другими государственными занятіями, для которыхъ цензура есть обязанность почти посторонняя. Дѣла въ этомъ управленіи производятся съ соблюденіемъ установленныхъ формъ. Между тѣмъ литература идетъ быстрыми шагами; безпрерывно возникаютъ по цензурѣ вопросы, сомнѣнія, уклоненія. Надобно кому-либо дѣйствовать и также быстро, а для собранія присутствія, для разсмотрѣнія дѣлъ, постановленія заключенія и приведенія его въ исполненіе потребно много времени. Это положеніе обратило по необходимости министра народнаго просвѣщенія въ личнаго исполнителя по цензурѣ. А какъ, при существенныхъ его занятіяхъ по министерству, ему невозможно со всею точностью лично исполнять безпрерывно умножающуюся обязанность по цензурѣ, то за нимъ остается одна только отвѣтственность. Между тѣмъ распоряженія, исходящія не отъ присутственнаго мѣста, а отъ лица, какъ бы они добросовѣстны ни были, всегда сопровождаются недовѣріемъ. Можетъ быть отъ этого и происходитъ,

*) «Проектъ цензур. уст. Е. П. Ковалевскаго» 1859 г. Спб., 1862 г.

что тогда какъ нѣкоторые въ обществѣ обвиняютъ министра народнаго просвѣщенія въ послабленіи цензурѣ, журналисты вопіютъ противъ стѣсненій. По моему крайнему убѣжденію, одно только средство къ выходу изъ этого ненормальнаго положенія: подчинить цензуру такимъ образомъ организованному правленію, чтобы президентъ и члены его, не отвлекаясь многими посторонними занятіями, имѣли всю возможность слѣдить систематически за ходомъ литературы, направлять ее сколько возможно къ истинной цѣли просвѣщенія и государственной пользы, наблюдать постоянно за дѣйствіями цензоровъ, руководить ихъ, взыскивать съ нихъ по мѣрѣ вины и награждать по заслугамъ» *).

Обѣ записки—«комитета по дѣламъ книгопечатанія» и Ковалевскаго были разсмотрѣны въ совѣтѣ министровъ, и 12-го ноября 1859 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отдѣленіи Главнаго управленія цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія и объ образованіи изъ него особаго оффиціальнаго государственнаго учрежденія для исключительнаго и непосредственнаго завѣдыванія цензурою въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ. Статсъ-секретарю барону Корфу было поручено составить соображеніе о такомъ новомъ государственномъ учрежденіи. Онъ представилъ предположеніе о Главномъ управленіи книгопечатанія, въ видѣ отдѣльнаго и самостоятельнаго государственнаго учрежденія, причемъ его предсѣдателю принадлежали бы тѣ же права и обязанности, какія присвоены были министру народнаго просвѣщенія. Только цензура духовнаго вѣдомства не подчинялась этому главному учрежденію. Предположенія барона Корфа были одобрены, и были бы вѣроятно осуществлены, если бы онъ не поставилъ при этомъ первою необходимостью покупку для «главнаго управленія книгопечатанія» особеннаго дома на Фонтанкѣ, близь Аничкина моста, причемъ хозяину этого дома Шишмареву, было назначено за этотъ домъ 200,000 золотомъ по курсу и кромѣ того совершеніе купчей предполагалось на счетъ казны. Но когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія государя императора, государь повелѣлъ барону Корфу немедленно осмотрѣть бывшій педагогическій институтъ, а покупку дома Шишмарева отмѣнилъ. Это побудило барона Корфа отказаться отъ своего предположенія**), и Главное управленіе цензуры въ началѣ 1860 г. было преобразовано на совершенно новыхъ основаніяхъ. Именно 14-го января 1860 года высочайше повелѣно:

1) Главное управленіе цензуры преобразовать, составивъ его подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, изъ членовъ по штату и сверхъ того назначаемыхъ по личному высочайшему избранію.

2) При Главномъ управленіи цензуры учредить отдѣльную канцелярію по штату.

3) Въ с.-петербургскій и московскій цензурные комитеты опредѣлить особыхъ предсѣдателей, съ увольненіемъ отъ сей обязанности попечителей с.-петербургскаго и московскаго учебныхъ округовъ.

4) Подчинивъ Главному управленію всѣ мѣстные цензурные комитеты и отдѣльныхъ цензоровъ, сосредоточить въ немъ, для окончательнаго разрѣшенія всѣ дѣла и вопросы, до внутренней и иностранной цензуры всей имперіи относящіяся и возникающія какъ въ кругу его дѣятельности, такъ и въ другихъ вѣдомствахъ ***).

Сообразно этому закону Главное управленіе цензуры получило значеніе «отдѣльнаго самостоятельнаго учрежденія»; атрибуты его состояли въ слѣдующемъ:

Оно обязано было слѣдить *систематически* за ходомъ литературы, направлять ее, сколько возможно, къ истинной цѣли просвѣщенія и государственной пользы, наблюдать постоянно за дѣйствіями цензоровъ, руководить ихъ, взыскивать съ нихъ по мѣрѣ вины и награждать по заслугамъ. Въ управленіи дол-

*) «Ценз. реформа» въ 1862 г. П. Усова. «*В. Евр.*» 1882 г., № 5, стр. 139.
**) Ibid., стр. 141.
***) «Сборн. постановл.», стр. 406.

жны окончательно разрѣшаться всѣ вопросы и дѣла, до цензуры относящіеся и возникающіе не только въ кругу самого Управленія, но и въ другихъ вѣдомствахъ, съ тѣмъ только чтобы въ случаѣ разногласія управленія съ министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, управленіе испрашивало высочайшее разрѣшеніе чрезъ своего предсѣдателя».

Кромѣ всего этого было предположено въ составъ членовъ Главнаго управленія цензуры включить три лица, «которые не отвлекаясь посторонними занятіями, имѣли бы возможность слѣдить за ходомъ, направленіемъ литературы, замѣчать ея уклоненія и о томъ вносить свои доклады въ общее присутствіе главнаго управленія». Около того же времени, именно 24-го января 1860 года былъ упраздненъ «Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія» и члены его вошли (въ свою очередь) въ составъ главнаго управленія цензуры *).

II.

Между тѣмъ какъ задумывались и совершались эти реформы, цензурная практика въ 1859 году ознаменовалась гораздо болѣе строгимъ отношеніемъ къ литературѣ, чѣмъ это было въ предшествовавшіе годы. Такъ мы видимъ, что въ самомъ началѣ этого года разразилась гроза надъ славянофилами. Они получили передъ тѣмъ въ лицѣ г. Ив. Аксакова право на изданіе еженедѣльной газеты «*Парусъ*», но изданіе этой газеты было прекращено съ 2-го же нумера. Наибольшее вниманіе Главнаго управленія цензуры обратили на себя слѣдующія четыре статьи въ этихъ двухъ нумерахъ: статьи подъ заглавіямъ «Нѣсколько словъ мѣщанина о мѣщанахъ», вступительныя статьи въ №№ 1 и 2 и статья Погодина «Прошедшій годъ въ русской жизни».

Въ передовой статьѣ № 1-го редакція, не высказывая еще основного направленія своей газеты, говоритъ о тѣхъ трудностяхъ, какія предстоятъ въ борьбѣ съ цензурою и о необходимости свободы слова.

«Выпуская первый нумеръ нашей газеты: — говорится въ статьѣ, мы считаемъ нетолько не лишнимъ, но и необходимымъ прежде всего оглядѣться, отдать самимъ себѣ ясный отчетъ въ нашемъ положеніи, установить если возможно разъ навсегда наши отношенія, не къ публикѣ, не къ читателямъ, а къ тѣмъ или къ тому... какъ-бы выразить это половчѣе?.. Къ тому, что на условно-литературномъ языкѣ разумѣется надъ «обстоятельствами отъ редакціи независящими»... Не скроемъ отъ читателя, что плаваніе предстоитъ намъ трудное и опасное, да и вѣтры съ сѣвера дуютъ не совсѣмъ попутные. Опытные плаватели обыкновенно начинаютъ тѣмъ, что измѣряютъ глубину, изучаютъ дно, берега и теченіе воды. Но разсказываютъ, что на Волгѣ чрезвычайно мудрено составить карту рѣчного дна и промѣровъ; отмели и подводные камни безпрестанно мѣняются и бѣдные лоцмана никакъ не могутъ принаровиться къ своенравію могущественной рѣки: нынче въ такомъ-то мѣстѣ теченіе свободно, нѣтъ преградъ для плаванія, завтра нежданные-негаданные мель или камень; нынче глубина воды, легко поднимающая самыя тяжелыя суда, завтра подуетъ «выгонный» вѣтеръ и нашлетъ мелководье! И хорошо еще, когда лоцманъ успѣетъ во время замѣтить опасность, остеречься, принять спасительныя мѣры, но часто случается, что понадѣется онъ на свою догадку и знаніе, обманется внѣшнимъ видомъ воды—и управляемое имъ судно садится на мель или разбивается о камень. Мы отчасти находимся въ такомъ же положеніи»... «Люди, стоящіе во главѣ», говоритъ та же редакція: «нерѣдко одушевлены самыми благими намѣреніями, но исполнители плохи и неискренни и доброе—на дѣлѣ выходитъ вреднымъ. Состарѣвшіеся опекуны наслѣдниковъ всѣ сроки перешедшей опеки ревниво

*) «Истор. свѣд. о ценз. въ Р.», стр. 87.

и съ недоумѣніемъ смотрятъ на своихъ бывшихъ питомцевъ; какъ это они ходятъ сами безъ помочей и бумаги подписываютъ и имуществомъ распоряжаются! Все сдѣлалось щекотливо и обидчиво до крайности. Раздраженныя фантазіи создаютъ чудовищные призраки, которыми пугаютъ и себя, и другихъ. Сознается необходимость гласности и общественнаго мнѣнія, сознается даже и отсталыми; но привыкнувъ къ долголѣтнему шопоту, эти несчастные—самою скромною рѣчью, произносимою самымъ обыкновеннымъ голосомъ, поражаются будто раскатами грома. Да и слова у нихъ въ ушахъ отдаются какъ-то иначе. Особенно странный резонансъ въ Петербургѣ, и къ законамъ петербургской акустики мы никакъ не могли приладиться»...

«Неужели», говоритъ въ заключеніе редакція:—еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать и безмолвствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ согласно съ требованіемъ совѣсти не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ!.. Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству и настоящее положеніе дѣлъ, и его отношенія къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему совершить или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованій путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ «Парусѣ» съ полною откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ общественныхъ вопросовъ, разумѣется всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ это не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія, стѣсняющія искренность слова, что еще видно не созрѣла пора для безоглядочной правды»...

Въ передовой статьѣ № 2 редакція приступаетъ къ разъясненію своей программы.

«Странная, странная эпоха, въ которую мы живемъ! говорится въ статьѣ: — и радуешься, и боишься, и сочувствуешь ей, и безпрестанно поражаешься уродствомъ, безобразіемъ, аномаліей современныхъ явленій! Эпоха попытокъ, разнообразныхъ стремленій, движенія впередъ, движенія назадъ; эпоха крайностей одна другую отрицающихъ, деспотизма науки и теоріи надъ жизнью, отрицанія науки и теоріи во имя жизни; насилія и либерализма, консервативнаго прогресса и разрушительнаго консерватизма, раболѣпства и дерзости, утонченной цивилизаціи и грубой дикости, свѣта и тьмы, грязи и блеску! Все въ движеніи, все въ броженіи, все тронулось съ мѣста, возится, копошится, просится жить! И слава Богу! Что можетъ быть выше, прекраснѣе, законнѣе этого требованія?.. Какъ не желать улучшеній, какъ не сочувствовать прогрессу! Но бѣда въ томъ, что наше общество, порвавшее связь съ преданіями, отторгнутое отъ народной жизни, сознавая потребность преобразованій, въ то же время забываетъ, что только то прочно и плодотворно, что выростаетъ органически, извнутри, держится корнями за народную почву, связано съ бытомъ, преданіями, исторіей, со всѣмъ духовнымъ строемъ народной жизни. Бѣда въ томъ, что присущій петровской реформѣ элементъ презрѣнія къ народной жизни глубоко проникъ въ наше образованное общество и каждый изъ членовъ его готовъ сдѣлаться деспотомъ во имя общаго блага, во имя свободы, во имя гуманизма и науки. Какъ по большей части относятся къ прогрессу наши доктринеры-чиновники, чиновники con amore молодые ученые, смотрящіе администраторами и т. д.? Не отдавая себѣ никакого отчета въ дѣйствительныхъ потребностяхъ русской земли, даже не считая этого нужнымъ, они съ жадностью хватаются за разные образчики европейскаго прогресса... Нужно напримѣръ преобразовать намъ гражданское или уголовное судоустройство. Вотъ и думаютъ наши прогрессисты: какое бы изъ судоустройствъ выбрать: не то прусское, не то французское? или ужъ сардинское съ примѣсью голландскаго? А вѣдь не дурно бы и англійское?.. Пожалуй найдутся и такіе люди, которые въ «патріотическомъ» усердіи къ прогрессу и для того, чтобы уже намъ вполнѣ *догнать* западные народы—въ состояніи были бы даже посягнуть (еслибы это было возможно) на наши общины съ общиннымъ землевладѣніемъ и ввести начало личной поземельной собственности на манеръ англійскаго фермерства или французскихъ мелкихъ собственниковъ! Для нихъ, проповѣдующихъ уваженіе къ личности человѣческой, народъ—tabula rasa, гладкая доска, на которой вырѣзывай рѣзкомъ что хочешь!.. Насъ не менѣе (нашихъ литературныхъ противниковъ) возмущаетъ современная мерзость: мы желаемъ и прогресса, и

преобразованій; но мы хотимъ въ то же время, чтобы они не были порожденіемъ отвлеченныхъ, безплодныхъ системъ или слѣпого подобострастнаго отношенія къ жизни, намъ чуждой и развившейся по другимъ началамъ. Мы хотимъ, чтобы сама жизнь пустила ростки, а для этого необходимо очищать и очищать ниву отъ старыхъ травъ, густо на ней засѣвшихъ; необходимо давать ея росту просторъ, какъ можно болѣе простора, вопрошать смиренно ея тайны, проникаться ея внутреннимъ смысломъ. Иначе, что бы вы ни дѣлали, всѣ ваши усилія останутся тщетными: вы можете изуродовать, исказить жизнь, но не добьетесь отъ нея здороваго плода, не вызовете ее къ самобытному творчеству въ *чуждомъ* ей духѣ...

«Въ заключеніе скажемъ, что 9 января начались въ Москвѣ дворянскіе выборы. О результатѣ ихъ, если возможно, мы сообщимъ читателямъ въ свое время, а теперь замѣтимъ къ чести дворянъ, что они съ видимымъ удовольствіемъ называютъ эти выборы *послѣдними* выборами душевладѣльцевъ. Да, уже не долго вамъ ждать, благородные дворяне! еще немного терпѣнія, и вы свалите съ себя такъ ненавистное вамъ званіе душевладѣльцевъ!..

Въ письмѣ въ редакцію подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ мѣщанина о мѣщанахъ», подписанномъ ярославскимъ мѣщаниномъ Ѳ. Стратилатовымъ, авторъ толкуетъ о бѣдственномъ положеніи мѣщанъ.

«О чемъ и о комъ теперь не толкуютъ?—говоритъ онъ:—о помѣщикахъ, о крестьянахъ, о чиновникахъ, о купечествѣ, о духовенствѣ, о евреяхъ, о татарахъ, объ инородцахъ... забыли однихъ мѣщанъ (которыхъ авторъ насчитываетъ 1.500,000 душъ). Поставленное, говоритъ авторъ въ лѣстницѣ сословій выше крестьянства и составляя второй разрядъ *городскихъ обывателей въ особенности*, какими же правами и преимуществами отличается оно отъ дворянства? Безземельностью, большимъ стѣсненіемъ въ торговлѣ и правомъ большихъ повинностей, ибо иначе нельзя назвать права, предоставленныя мѣщанству городскимъ положеніемъ. Сравнимъ крестьянина и мѣщанина въ экономическомъ отношеніи. Каждый крестьянинъ имѣетъ землю—усадебную, пахатную, выгонную: онъ не можетъ не имѣть ея, благодаря общинному землевладѣнію. У мѣщанина же нѣтъ земли вовсе, кромѣ развѣ усадебной на правѣ личной собственности... Вся городская земля составляетъ собственность городскаго общества, но общество владѣетъ ею только по имени и не распоряжается ею по своему усмотрѣнію. Землею распоряжается дума. Ну что же, скажете вы, дума есть представительница общества. Какъ бы не такъ. Развѣ вы не знаете, что дума контролируется *казенными* мѣстами, руководствуется *казенными* законами и совершенно обратилась въ казенное присутственное мѣсто?—Городская земля для думы есть статья оброчная, вообще доходная. Она или отдаетъ землю въ аренду или продаетъ ее участками—тамъ, гдѣ земли мало, съ аукціона, гдѣ много—за опредѣленную таксу. Такимъ образомъ мѣщане въ городѣ—личные собственники (усадебныхъ мѣстъ) или большею частію, какъ теперь говорятъ въ нашихъ книгахъ,—пролетаріи, т. е. бездомовные и безземельные, не имѣющіе никакой недвижимой собственности... Мѣщанинъ земли не имѣетъ и платитъ податей всякаго рода несравненно больше крестьянина. Спрашивается, за что же онъ платитъ? И съ чего ему платить? За право быть городскимъ жителемъ, пользоваться его удовольствіями и выгодами, за право заниматься промышленностью? Но вѣдь этими удобствами пользуется во-первыхъ всякій временно проживающій въ городѣ, во-вторыхъ масса дворянъ, занимающихся также промышленностью, или иначе добываніемъ себѣ хлѣба посредствомъ личныхъ трудовъ, услугъ и т. п?.. Ну а если мѣщанинъ безземельный и не производитъ никакой промышленности, вѣдь онъ все же платитъ подушныя! Спрашиваемъ опять, за что же? За право существованія—не больше... Подушными не ограничиваются платежи бѣднаго мѣщанина. Имѣетъ ли онъ домъ—онъ платитъ поземельныя, содержитъ ли постоялый дворъ, или иное заведеніе — онъ тоже платитъ и за это. За каждую лавчонку, шалашъ, навѣсъ—опять плата! Его деньгами мостятся улицы, устраиваются великолѣпные ревербера, содержится полиція, строятся начальническіе дворцы; на его счетъ квартируютъ войска въ городѣ, созидаются казармы, его домъ «отбываетъ» постойную повинность... Въ чемъ же наконецъ его права и преимущества? Въ правѣ на рекрутскую повинность, въ правѣ на тѣлесное наказаніе, въ правѣ на многочисленныя и разорительныя городскія службы, въ правѣ жить по паспорту даже въ родномъ городѣ, у себя дома (тогда какъ крестьянинъ можетъ отлучаться на 30 верстъ отъ своего села безъ всякаго паспорта), — а паспортъ не дешево стоитъ; въ правѣ торговать *крестьянскими* товарами не всѣми, а *перечисленными* въ особой росписи, на сумму не свыше капитала купца 3-й гильдіи. Слѣдовательно, сами вы можете понять все, что только мало-мальски въ силахъ, все лѣзетъ изъ мѣщанства вонъ, всѣ бѣгутъ отъ рекрутства, отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ придирокъ торговой полиціи—въ ку-

печество... Кто же остается въ мѣщанскомъ званіи? Семьи бѣдныя и слабыя, онѣ—только одни»...

Что касается до статьи Погодина «Прошедшій годъ въ русской исторіи», то своеобразность языка и манеры изложенія лишаютъ насъ всякой возможности передать эту статью въ краткомъ извѣстіи, а мы ограничимся лишь тѣмъ, что приведемъ начало этой статьи и тѣ пункты, которые наиболѣе навлекли гнѣвъ начальства:

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ я не хочу, я не могу писать вамъ историческое обозрѣніе за прошедшій годъ. Мысли въ разбродѣ, рука не поворачивается, перо только что царапаетъ бумагу, лихорадка знобитъ тѣло и душу. Всякій нумеръ чужихъ газетъ поднимаетъ мою желчь; всякій нумеръ своихъ газетъ причиняетъ мнѣ панику; можно ли разсуждать спокойно объ европейскихъ дѣлахъ, когда мы дома, здѣсь завалены важнѣйшими собственными, а когда тамъ насъ нигдѣ не спрашиваютъ и почти знать не хотятъ? Русская дипломатія вездѣ молчитъ. Она поступаетъ разумѣется прекрасно, но о чемъ мнѣ писать? и что мнѣ писать? Не о восточномъ ли вопросѣ желаете вы услышать мое мнѣніе? Восточный вопросъ — ха, ха, ха! Что это такое? Существованіе Турціи въ системѣ европейскихъ государствъ, законное, неприкосновенное, святое? Турція необходима для Европы! Такъ разсуждаютъ европейскіе публицисты. То-есть: варварство по общему признанію великихъ государственныхъ людей нашего времени необходимо для цивилизаціи: — какова цивилизація! Уму непремѣнно нужно безуміе — геніальный умъ! Честь тебѣ и слава! Христіанство не можетъ жить безъ помощи магометовой! Для равновѣсія Европы десять милліоновъ славянъ должны стонать, страдать и мучиться подъ игомъ самаго дикаго деспотизма, самаго необузданнаго фанатизма и самаго отчаяннаго невѣжества... И такія вещи могутъ провозглашаться торжественно во всеуслышаніе въ XIX вѣкѣ, гордящемся своимъ прогрессомъ! Далеко ты ушелъ, пресловутый XIX вѣкъ, на парахъ, на винтахъ, по желѣзнымъ дорогамъ съ электрическими телеграфами. Горе вамъ, книжники, фарисеи, лицемѣры! Не думаете ли вы обмануть исторію? Нѣтъ, вы не обманете не только исторіи, но даже и мыслящихъ современниковъ. Прошла пора, когда ваши фразы выслушивались съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и ваши парадоксы принимались за чистыя деньги. Нѣтъ, нынѣ уже на чердакахъ, по угламъ и въ подземельяхъ есть много людей, которые произносятъ вамъ достойный приговоръ, заносимый немедленно въ исторію.

И не уйти вамъ отъ суда людскаго,
Какъ не уйти отъ Божьяго суда!..

Далѣе указывая, какіе у него имѣются подъ рукою матеріалы для обозрѣнія домашней русской дѣятельности, Погодинъ говоритъ:—«а вотъ какихъ у меня нѣтъ»:

«Чѣмъ заняты тѣ пять-шесть человѣкъ, которыхъ открыла намъ прошедшая война въ полномъ блескѣ, которые получили одобрительные патенты даже отъ европейской публики и печати, имѣющей для насъ значеніе и вѣсъ par excellence, которыхъ способности дѣйствительно несомнѣнны? Всякое дѣло мастера боится, говоритъ пословица, а пять-шесть человѣкъ, каждый по своей части, могутъ сдѣлать многое. Такихъ людей дѣятельность—это общая польза, общій ростъ, общій прогрессъ.

Кто же эти пять-шесть человѣкъ, которымъ посчастливилось (рѣдкое у насъ счастье) выйти, что называется, изъ ряду вонъ?

Назову вамъ троихъ: Тотлебена, Путятина, Хрулева. Четвертый, Инокентій, скончался въ порѣ самаго могучаго мужества...

Пятаго, шестого не назову: пусть охотники до славы воображаютъ себя на открытыхъ ваканціяхъ и въ благодарность сдѣлаются мнѣ друзьями въ оплотъ многочисленнымъ моимъ врагамъ, раздраженнымъ на меня за мою простую и слишкомъ искреннюю, можетъ быть, сознаюсь, и грубую рѣчь, которой цѣнить у насъ съ непривычки не умѣютъ! Но возвратимся къ оглавленію потребныхъ матеріаловъ.

Каково здоровье Тотлебена? Чѣмъ онъ занимается? Какіе пункты Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго, Балтійскаго, Бѣлаго, Аральскаго, Восточнаго морей онъ считаетъ удобнымъ для укрѣпленія и какія средства для того нужными?..

Путятину предлежитъ поприще не уже. Это остальной воспитанникъ Лазарева, товарищъ Нахимова и Корнилова. Кого спрашивать лучше о возстановленіи флота? Кто найдетъ вѣрнѣе средства утѣшить тоскующую-тѣнь Петра В. Года два тому назадъ я встрѣтилъ его въ партикулярномъ сюртучкѣ въ русской церкви въ Парижѣ. Потомъ явился онъ негаціаторомъ въ переговорахъ съ Китаемъ, на водахъ Восточнаго океана. Все это прекрасно, но русскія моря безъ него сиротѣютъ, чесменскіе, синопскіе герои взываютъ о мести и т. д.

Вотъ по поводу вышеприведенныхъ статей и состоялось января 31-го 1859 года слѣдующее опредѣленіе министерства народнаго просвѣщенія.

«Дѣло о вышедшихъ въ свѣтъ двухъ первыхъ нумерахъ газеты «Парусъ», издаваемой въ Москвѣ надв. сов. Иваномъ Аксаковымъ, было мною предложено на обсужденіе Главнаго управленія цензуры, причемъ я обратилъ вниманіе онаго на выраженное въ № 1 «Русской Газеты», издаваемой въ Москвѣ отставнымъ капитанъ-лейтенантомъ Полемъ, сочувствіе къ направленію газеты «Парусъ»... Главное управленіе цензуры нашло доставленныя по сему дѣлу изъ московскаго цензурнаго комитета объясненія неудовлетворительными и признало виновными: 1) издателя и редактора газеты «Парусъ», надв. сов. Ив. Аксакова, который, употребивъ во зло всемилостивѣйше возвращенное ему право быть редакторомъ періодическаго изданія, въ самыхъ первыхъ статьяхъ своей новой газеты обнаружилъ предосудительное направленіе, издѣваясь надъ цензурой, возбуждая открыто ей сопротивленіе и доказывая необходимость свободнаго обсужденія существующихъ у насъ учрежденій, недопускаемаго нашими законами и потому онъ не заслуживаетъ довѣрія, какъ издатель газеты, могущей вредно дѣйствовать на общественное мнѣніе. 2) Московскій цензурный комитетъ, который одобрилъ къ печати статью въ № 1 «Паруса» («Нѣсколько словъ мѣщанина о мѣщанахъ»), недозволительную по духу осужденія и сарказма, съ которымъ въ ней говорится о существующихъ узаконеніяхъ касательно мѣщанскаго сословія и вступительную статью № 2, которая содержитъ въ себѣ осужденіе на настоящее, рѣзкія выходки противъ современныхъ правительственныхъ учрежденій и улучшеній, съ дерзостью предсказывая имъ неуспѣхъ; наконецъ допустилъ выпускъ въ свѣтъ предосудительной вступительной статьи № 1-го, одобренной къ печати бывшимъ цензоромъ фонъ-Крузе и потому требовавшей особенной осторожности; 3) цензора Т. С. Капниста, который допустилъ въ печати въ № 2 «Паруса» статью академика Погодина, содержащую въ себѣ ѣдкое униженіе нашей иностранной политики и непозволительное вмѣшательство частнаго лица въ виды и соображенія правительства, не представивъ даже на разсмотрѣніе комитета эту статью, которая ужъ и тѣмъ должна была возбудить сомнѣніе въ цензорѣ, что не подходила подъ программу «Паруса», не допускающую политики. Подобное отсутствіе такта указываетъ на недостаточность *цензорской* способности въ Т. С. Капнистѣ. 4) Редактора «Русской Газеты», капит.-лейтенанта Поля, который одинъ изъ всѣхъ издателей журналовъ и газетъ въ обѣихъ столицахъ поторопился изъявить самое полное сочувствіе направленію, выраженному въ № 1 «Паруса». 5) Цензора надв. сов. Гилярова-Платонова, допустившаго къ печати означенную статью редактора Поля.

«Посему Главное управленіе цензуры опредѣляетъ: 1) Изданіе газеты «Парусъ» прекратить. 2) Московскому цензурному комитету сдѣлать выговоръ. 3) Цензора Капниста предоставить мнѣ употребить къ болѣе соотвѣтственной его способностямъ должности. 4) Редактору «Русской Газеты» сдѣлать строгое предостереженіе, что въ случаѣ повторенія въ его газетѣ подобныхъ статей, обнаруживающихъ сочувствіе къ направленію неблагонамѣренному, газета его будетъ подвержена запрещенію. 5) Цензору Гилярову-Платонову сдѣлать строгій выговоръ.

«О такомъ опредѣленіи Главнаго управленія цензуры я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать его императорскому величеству, и государь императоръ въ 29-й день сего января высочайше повелѣть соизволилъ привести оное въ исполненіе. Министръ народнаго просвѣщенія Евграфъ Ковалевскій».

Опредѣленіемъ этимъ наиболѣе былъ обиженъ М. П. Погодинъ. По крайней мѣрѣ онъ не замедлилъ 7 февраля того же года обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ весьма длиннымъ оправдательнымъ письмомъ, изъ котораго считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько выдержекъ:

«М. Г. Евграфъ Петровичъ, получивъ извѣстіе о признаніи статьи моей, подъ заглавіемъ: «Прошедшій годъ въ Русской исторіи», напечатанной въ № 2 газеты «Парусъ», неблагонамѣренной, въ числѣ статей, кои побудили Главное управленіе цензуры прекратить изданіе означенной газеты, считаю необходимымъ представить слѣдующее объясненіе вашему высокопревосходительству.

«Въ отношеніи вашемъ на имя г. управляющаго московскимъ учебнымъ округомъ, отъ 31 января № 259, статья моя подвергается двумъ обвиненіямъ: 1) за ѣдкое униженіе нашей иностранной политики и 2) за непозволительное вмѣшательство частнаго лица въ виды и соображенія правительства. Противъ перваго обвиненія имѣю честь объяснить, что статья моя не только не заключаетъ никакого униженія нашей иностранной политики, но напротивъ,

воздастъ ей совершенную и безусловную хвалу, согласно съ прежними объ ней моими отзывами. Осмѣливаюсь привести въ доказательство неопровержимое слѣдующія слова, коими заключается первая часть статьи: «Что дѣлаетъ Россія на поприщѣ Европы и т. д... То благо Европѣ и человѣчеству».

«Спрашиваю всякаго безпристрастнаго читателя: можно ли выразить одобреніе яснѣе и полнѣе? Согласно съ этими словами и въ самомъ приступѣ статьи сказано: «Русская внѣшняя политика вездѣ молчитъ или махаетъ рукою. Она поступаетъ прекрасно».

«Спрашиваю, можетъ ли оставаться сомнѣніе послѣ такихъ категорическихъ положеній въ мнѣніи моемъ о дѣйствіяхъ внѣшней политики, извѣстныхъ по газетамъ. Но есть ея дѣйствія, по газетамъ неизвѣстныя. Я не отрицаю ихъ и готовъ назвать еще прекраснѣйшими, когда онѣ поступятъ во всеобщее свѣдѣніе.

«Угодно ли вашему высокопревосходительству, чтобы я открылъ даже свою тайную мысль при шутливыхъ разсужденіяхъ о дѣйствіяхъ англичанъ въ Турціи и Греціи, французовъ въ Молдавіи и Валахіи, австрійцевъ въ Черногоріи? Вотъ она: чортъ васъ возьми, думалъ я про себя, судите и рядите, какъ хотите; мы молчимъ теперь, но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

«Какъ профессоръ, преподававшій 25 лѣтъ политическую исторію и знакомый ex officio со всѣми ея событіями, со всѣми министрами и ихъ тайнами даже до настоящихъ минутъ, если не до настоящей минуты, я считалъ себя въ правѣ имѣть свое мнѣніе о политикѣ, какъ предметѣ науки и объявлять его во всеуслышаніе, не преклоняясь предъ авторитетами никакого Гизо, никакого Метерниха и никакого Нессельроде.

«Надѣюсь, что дальнѣйшаго толкованія о первой половинѣ моей статьи, послѣ открытія даже и тайной задушевной мысли, болѣе не нужно, перехожу къ второму обвиненію «о непозволительномъ вмѣшательствѣ частнаго лица въ виды и соображенія правительства».

«Тему, предметъ второй половины статьи составляетъ мысль, что Россія должна заботиться больше всего объ оборонительныхъ средствахъ въ настоящую минуту, когда всѣ европейскія государства, даже дружныя между собою, принимаютъ подобныя мѣры въ огромныхъ размѣрахъ.

«Я счелъ невозможнымъ высказать эту мысль прямо по взыскательному иногда образу дѣйствій цензуры и потому завернулъ ее въ вопросъ, что дѣлаютъ Тотлебенъ, Путятинъ, Хрулевъ, князь Меншиковъ, князь Горчаковъ и пр.? Неужели въ такой мысли и подъ такою формою есть вмѣшательство въ виды и соображенія правительства?

«Такое вмѣшательство можно показать на всѣхъ страницахъ нашей печати и не найдется ни одного порядочнаго русскаго человѣка, который бы не восклицалъ, не говорилъ, не желалъ, не молился, чтобы наши воины были побѣдоносны, чиновники справедливы, священники благочестивы, писатели благоразумны; чтобъ наши крѣпости были неприступны, училища просвѣтительны и пр.

«Во всѣхъ нашихъ газетахъ, журналахъ и книгахъ встрѣчаются ежедневно эти мысли въ безчисленныхъ формахъ и онѣ не только не показываютъ «непозволительнаго вмѣшательства частныхъ лицъ въ виды и соображенія правительства», но служатъ доказательствомъ возникшаго благотворнаго сердечнаго участія гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, которому нельзя не радоваться. Приводимые къ присягѣ предъ крестомъ и Евангеліемъ, мы клянемся дѣлать и говорить все, что считаемъ для отечества полезнымъ. Неужели эти слова должно считать только словами и не думать о приложеніи ихъ къ жизни?..

...«Еслибъ Главное управленіе цензуры, по чьему бы то ни было совѣту или доносу, заимствовавъ оружіе изъ подваловъ испанской инквизиціи, оставленныхъ въ наслѣдство Торквемадою, опредѣлило вырвать у меня языкъ, такъ я выучился бы пантомимѣ и пантомиму мою настоящіе чистые русскіе люди поняли бы лучше всякаго ученаго и краснорѣчиваго разсужденія.

«Спросятъ, почему я, именно я, принимаю такъ къ сердцу то или другое событіе? Потому, что я сорокъ лѣтъ занимаюсь русской исторіей, потому, что я ежедневно питаюсь ею, какъ насущнымъ хлѣбомъ, и потому, что она сдѣлалась моею плотію, мозгомъ, кровью.

«Въ продолженіе послѣдней войны написалъ я записокъ 20, кои передавались покойному государю его сыномъ, нынѣшнимъ нашимъ государемъ. Во всѣхъ этихъ запискахъ, изъ коихъ иныя разсылались въ тысячахъ экземпляровъ по всей Россіи, я говорилъ одно и то же, что сказалъ въ послѣдней, полушутливой статьѣ моей. Покойный государь, получивъ еще прежде вѣрное свидѣтельство моей благонамѣренности, отдавалъ справедливость моему искреннему образу дѣйствій и выражалъ мнѣ свою признательность.

«А теперь меня называетъ неблагонамѣреннымъ Главное управленіе цензуры. Нѣтъ, ваше высокопревосходительство; въ благонамѣренности я не уступлю никому на свѣтѣ; 20 лѣтъ я

издавалъ журналъ, 25 лѣтъ я преподавалъ исторію, я издалъ книгъ больше, чѣмъ кому пришлось прочесть ихъ, тысячи моихъ учениковъ разсѣяны по всѣмъ городамъ русскимъ: извольте спросить кого угодно, поручите пересмотрѣть мои лекціи, перечесть мои сочиненія— и вы не найдете ни одного слова, за которое я долженъ былъ бы отвѣчать совѣсти и вмѣстѣ которое находилось бы въ противорѣчіи съ послѣднею моею статьею. Приближаясь къ концу своего поприща, на 60-мъ почти году, я не позволю никому относиться легко къ моей гражданской чести, которую я берегу какъ зеницу ока, вмѣстѣ съ знакомъ 40 почти лѣтней безпорочной службы, не думая и не заботясь ни объ какихъ наградахъ, остававшихся всегда въ долгу у правительства. Я требую суда, я прошу ваше пр—ство сообщить это письмо Главному управленію цензуры, дабы оно, разсмотрѣвъ и уваживъ выше предложенныя мои доказательства, отмѣнило свое первое рѣшеніе, позволило мнѣ перепечатать статью въ настоящемъ ея видѣ и исходатайствовало у государя императора законное для меня удовлетвореніе въ нанесенномъ мнѣ по недоразумѣнію оскорбленіи...

...«Предъявивъ мои права, я долженъ принести покаяніе вашему пр—ству и въ своихъ винахъ. Мои вины, мною впрочемъ по слабости человѣческой несознаваемыя, могутъ относиться къ незнанію свѣтскихъ приличій, къ жесткости и грубости рѣчи, которая доходитъ иногда, говорятъ, до дерзости. Во всѣхъ прежнихъ моихъ запискахъ, писанныхъ однимъ тономъ, и даже въ послѣдней полушутливой статьѣ, я коснулся самъ этихъ недостатковъ и просилъ извиненія. Человѣкъ кабинетный, занимающійся болѣе съ книгами, чѣмъ съ людьми, точно, я выражался иногда слишкомъ рѣзко, особенно когда говоритъ моя кровь и дѣло касается русской исторіи. Скажу болѣе,—я могу ошибаться, я могу увлекаться любимыми своими мыслями, судите меня по закону, я приму съ совершенной покорностью всякое наказаніе, снесу его терпѣливо, но не называйте никто моей статьи неблагонамѣренной. Ни одной страницы не пускалъ я безъ своего имени и ни одной строки не напечаталъ нигдѣ тайно—вотъ осязательное доказательство, что я хотѣлъ служить своему отечеству по крайнему своему разумѣнію открыто, чисто и честно, если и грубо и дерзко. Примите увѣреніе и пр. (затѣмъ слѣдуетъ длиннѣйшій перечень всѣхъ титуловъ автора письма) Михаилъ Погодинъ».

Послѣ запрещенія «*Паруса*» славянофилы немедленно же начали хлопотать о разрѣшеніи имъ новой газеты подъ названіемъ «*Пароходъ*». «*Пароходъ*», говорилось въ просьбѣ объ изданіи, будетъ имѣть существенную цѣлью поддерживать въ русскихъ читателяхъ сочувствіе къ единоплеменнымъ славянамъ; сочувствіе это вполнѣ законно и основано на неискоренимыхъ нравственныхъ началахъ... Русская литература конечно въ правѣ говорить съ особенною любовію о тѣхъ славянахъ, которые связаны съ нами, кромѣ родства кровнаго, еще родствомъ вѣры. Но въ правѣ ли она оказывать сочувствіе нѣкоторымъ только изъ славянскихъ племенъ, а исключить другіе? Чтобы подумали, напримѣръ, поляки, если бы русская газета, изъявила участіе къ другимъ славянскимъ народамъ, вовсе забыла о нихъ? Въ такомъ случаѣ сочувствіе наше къ славянской братьѣ показалось бы имъ разсчитаннымъ съ политическою цѣлью служить приманкою для единовѣрныхъ намъ соплеменниковъ, живущихъ внѣ нашихъ предѣловъ. Напротивъ, мы должны убѣдить ихъ, что сочувствія наши вполнѣ безкорыстны, чужды мыслей о политическомъ преобладаніи и обнимаютъ безразлично всѣ единокровные намъ народы. Въ такомъ смыслѣ славянская идея есть лучшая примирительница между польскою народностью и русскою. Извѣстно, что въ новѣйшей польской литературѣ именно тѣ писатели, которые принадлежатъ къ славянскому направленію, указываютъ своимъ соотечественникамъ на необходимость братолюбиваго союза съ Россіею. Умственное сближеніе съ нами и нашей литературою возможно не иначе, какъ при развитіи чувства славянскаго сродства, особенно желательно для того, чтобы вывести поляковъ изъ ихъ тѣсной исключительности, плодомъ которой являются въ нихъ самообольщеніе народной гордости и мечтательный патріотизмъ».

Просьба эта была представлена отъ имени сотрудника «*Русской Бесѣды*» Ѳедора Васильевича Чижова, который предназначался редакторомъ «*Парохода*»,

при чемъ издатели представили проектъ объявленія объ изданіи новой газеты, которое они намѣревались напечатать въ газетахъ по разрѣшеніи изданія. Въ объявленіи этомъ заявлялось, что «*Пароходъ*» будетъ слѣдовать тому направленію, которое выражено въ программѣ «*Русской Бесѣды*»: будетъ служить идеѣ русской народности, и одною изъ существенныхъ задачъ будетъ духовное и умственное общеніе съ славянскими народами; контора газеты будетъ соединена съ конторою «*Русской Бесѣды*»; подписчики «*Паруса*» будутъ перечислены подписчиками «*Парохода*»; если же кто изъ нихъ не пожелаетъ получать «*Пароходъ*», то можетъ получить изъ конторы «*Русской Бесѣды*» деньги, возвративши при этомъ вышедшіе два №№ «*Паруса*».

Но на эту просьбу редакторъ новаго изданія получилъ черезъ двѣ недѣли слѣдующее извѣщеніе:

«На представленіе московскаго цензурнаго комитета о дозволеніи вашему высокоблагородію издавать въ Москвѣ еженедѣльную газету «Пароходъ» по составленной вами программѣ, г. министръ народнаго просвѣщенія, въ предложеніи отъ 2-го сего марта за № 492 увѣдомилъ цензурный комитетъ, что по обсужденіи сего дѣла въ совѣтѣ министровъ, его императорское величество, въ 26-й день февраля текущаго года, высочайше повелѣть соизволилъ программу предполагаемой газеты измѣнить такимъ образомъ, чтобы идея о *правѣ самобытности развитія народностей, какъ славянскихъ, такъ и иноплеменныхъ*, занимала немного мѣста въ газетѣ и все, что относится до сего предмета, было изъ нея исключено. Съ тѣмъ вмѣстѣ, допуская умственное наше обхожденіе съ единоплеменными намъ славянами, особливо же съ тѣми изъ нихъ, которые родственны намъ не по одному происхожденію, а и по вѣрѣ, а равно соглашаясь, что для уразумѣнія вполнѣ общаго быта славянъ весьма полезно сравнительное изученіе быта каждаго славянскаго племени, необходимо однакожъ, чтобы предполагаемая къ изданію газета ограничивалась исключительно разработкою языкознанія, литературы, законодательства, исторіи и археологіи славянскихъ народовъ, чтобы она имѣла чисто учено-литературный характеръ и устраняла бы отъ себя всякое вмѣшательство въ современную политику. При такомъ только условіи можно будетъ разрѣшить редакціи газеты входить въ сношенія съ учеными и литераторами чешскими, сербскими, хорватскими, болгарскими и польскими, а равно получать славянскія изданія, газеты, журналы и книги, дозволенныя цензурою. Наконецъ должно замѣнить предполагаемое названіе газеты «Пароходъ» болѣе приличнымъ и соотвѣтствующимъ дѣлу изданія именемъ, напр. «Славянскій Вѣстникъ» или какимъ-либо другимъ, тому подобнымъ. О чемъ, согласно предложенію г. министра народнаго просвѣщенія, цензурный комитетъ имѣетъ честь сообщить вамъ, милостивый государь, присовокупляя, что если вамъ угодно на основаніи изложенныхъ замѣчаній составить новую программу, то оная снова должна быть представлена въ здѣшній цензурный комитетъ, и что въ случаѣ утвержденія программы для вашей газеты въ объявленіи оной не можетъ быть вовсе упоминаемо ни о прекратившейся газетѣ «Парусъ», ни о сліяніи конторъ» *).

Послѣ этого славянофиламъ только и оставалось, что разослать подписчикамъ «*Паруса*» слѣдующее объявленіе.

«По обстоятельствамъ, отъ редакціи независящимъ, изданіе газеты «*Парусъ*» прекращено. Редакція только потому не объявила до сихъ поръ о прекращеніи изданія, что надѣялась передать свою дѣятельность и свои обязательства къ подписчикамъ редакціи другой, новой газеты; но и это предпріятіе оказалось неисполнимымъ, о чемъ редакція «*Паруса*» имѣетъ честь объявить всѣмъ своимъ русскимъ и заграничнымъ славянскимъ подписчикамъ, сотрудникамъ и доброжелателямъ. Всѣ гг. подписчики получатъ назадъ свои деньги» и т. д...

---

*) «Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 91.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія съ «Русск. Вѣстн.» и «Русск. Газетою» по поводу статей о правахъ дворянства.— Мнѣніе св. Синода о вредномъ направленіи «Православнаго Собесѣдника».—Новыя цензурныя затрудненія при изданіи сочиненій Пушкина Исаковымъ. — Дѣятельность преобразованнаго Главнаго цензурнаго правленія. — Проекты барона Медема.—Мысли о переходѣ цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ и учрежденіе подготовительной комиссіи для рѣшенія этого вопроса.—Цензурныя распоряженія и дѣла 1860—1861 годовъ.

I.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что при опредѣленіи запрещенія «Паруса» было сдѣлано строгое внушеніе «Русской Газетѣ» Поля за то, что она похвалила направленіе «Паруса». Этимъ внушеніемъ не ограничилось дѣло, и «Русская Газета» не замедлила подвергнуться одной участи съ «Парусомъ». Но поводомъ къ ея запрещенію послужило иное обстоятельство.

Нужно замѣтить, что въ то время рядомъ со статьями о крестьянскомъ вопросѣ начали появляться довольно часто въ журналахъ и газетахъ и статьи объ устройствѣ быта дворянскаго сословія послѣ эмансипаціи, при чемъ подъ покровомъ такихъ модныхъ въ то время словъ, какъ «самоуправленіе», «общественные интересы», проводились прозрачные намеки на то, что за лишеніе крѣпостного права дворяне должны быть вознаграждены новыми правами политическаго характера. Такъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» втеченіе всего 1859 года тянулись статьи В. Безобразова «Аристократія и интересы дворянства», при чемъ въ заключительной статьѣ, въ № 11 авторъ переходитъ къ русскому дворянству и высказываетъ свой взглядъ на то положеніе, какое должно имѣть дворянство послѣ освобожденія крестьянъ.

Начинаетъ онъ свою статью восхваленіемъ конечно ужъ самоуправленія, противуполагая его административной опекѣ, какъ обыкновенно тогда дѣлалось. Но чтобы это самоуправленіе вполнѣ осуществилось и было не мнимымъ а дѣйствительнымъ самоуправленіемъ, въ основѣ его, по мнѣнію автора, должны стоять люди независимые, для которыхъ ничего не стоитъ свободно отстаивать свои убѣжденія и быть готовыми каждую минуту оставить свой постъ, если того требуютъ интересы дѣла, люди, пользующіеся досугомъ и вполнѣ располагающіе временемъ, которое они могли-бы всецѣло посвящать благу родины. Такими людьми, по мнѣнію г. Безобразова, только и могутъ быть всѣ, принадлежащіе къ зажиточнымъ слоямъ общества, составляющимъ въ странѣ естественную аристократію. Этой естественной (въ отличіе отъ искусственной, привиллегированной) аристократіи и ввѣряетъ г. Безобразовъ самоуправленіе. Объемъ политическихъ правъ каждаго лица, по его мнѣнію, долженъ сообразоваться со степенью его общественной самостоятельности, правственной и имущественной.

Съ упраздненіемъ крѣпостонго состоянія, говоритъ авторъ, снимается съ дворянства послѣднее условіе его *служилаго* характера, этого ярма, положеннаго на него съ другими классами общества суровыми историческими обстоятельствами *государственной необходимости*, всюду тяжкой, всюду жестокой, но, по особеннымъ свойствамъ славянской національности и сѣверо-восточной равнины, особенно тяжкой и особенно жестокой въ Россіи. Совершающееся преобразованіе можно столько же назвать освобожденіемъ дворянства отъ крѣпостного состоянія,

сколько и освобожденіемъ отъ него крестьянъ. Таковымъ оно и должно быть. Дворянство, лишаясь крѣпостного труда, освобождается изъ оковъ искусственнаго государственнаго сословія, оно дѣлается естественною общественною группою образованныхъ землевладѣльцевъ. Всѣ интересы дворянства заключаются потому въ естественныхъ условіяхъ жизни землевладѣльческой группы, а не искусственнаго сословія, и въ отношеніяхъ этой группы къ прочимъ группамъ. Мы должны принять всѣ послѣдствія этого новаго положенія и нетолько не отчаяваться отъ него, но смѣло идти къ нему на встрѣчу.

На этомъ пути, по мнѣнію автора, представляются дворянству слѣдующія задачи: 1) «безусловно и прямодушно разстаться съ крѣпостнымъ правомъ и всѣми отношеніями къ крестьянамъ, носящими на себѣ какія-бы то ни было слѣды этого права въ хозяйствѣ; 2) воспользоваться для разрѣшенія предыдущей задачи денежными способами, возникающими изъ выкупа крестьянскихъ земель. Новые капиталы должны быть приложены къ самымъ имѣніямъ, а не къ непроизводительнымъ тратамъ; 3) озаботиться устройствомъ выкупа, несравненно болѣе доступнаго для частнаго кредита нежели для государственнаго, и тѣмъ самымъ въ устройствѣ частныхъ землевладѣльческихъ кредитныхъ товариществъ и земскихъ банковъ положить первое основаніе учрежденіямъ самоуправленія, и завѣдываніемъ такихъ учрежденій, нынѣ нашедшихъ у насъ всеобщее сочувствіе, показать себя способными къ самоуправленію, столько-же необходимому для интересовъ общества, какъ и самаго правительства; 4) облегчать всѣми мѣрами возникновеніе крестьянской поземельной собственности, какъ такого типа хозяйства, къ которому органически тяготѣетъ нашъ земледѣльческій классъ; 5) отказаться отъ тяжкаго гнета всѣхъ безъ изъятія искусственныхъ привиллегій вотчинной власти и искать вознагражденія за нее въ правильной системѣ самоуправленія, которое, избавляя отъ злоупотребленій крайней централизаціи и бюрократіи, будетъ столько-же выгодно для всѣхъ классовъ общества, какъ и для самаго дворянства, безпрестанно вопіющаго противъ административныхъ злоупотребленій, но которое немыслимо, если дворянство не откажется отъ всякихъ искусственныхъ привиллегій, несовмѣстимыхъ съ самымъ понятіемъ о самоуправленіи. На указанномъ нами пути политическаго развитія вмѣсто *привиллегій* являются *права;* 6) приготовить себя и грядущія поколѣнія къ исполненію такой задачи успѣхами умственнаго развитія и воспитаніемъ духа самостоятельности и гражданскаго характера».

Около того-же времени, именно въ № 6-мъ выпуска 58-го «Русской Газеты» появилась статейка подъ заглавіемъ «Отзывъ къ дворянамъ Елецкаго уѣзда предводителя дворянства Стаховича». Здѣсь дѣло идетъ тоже о дворянскихъ правахъ:

«Равнодушіе дворянства русскаго къ общественнымъ интересамъ, говоритъ авторъ:— лишало во многомъ службу по выборамъ общей, неисчислимой пользы, какой можно было отъ нея ожидать. Еслибы съ самаго устройства этой службы дворянство стало на ту полезную стезю, которую указала ему мудрая, великая монархиня, и умѣло удержаться на этой стезѣ, то конечно служба по выборамъ нисколько не утратила бы своего значенія. Неужели и нынѣ, когда русское общество тяготится своимъ неустройствомъ, дворянство будетъ равнодушно смотрѣть на предстоящій съѣздъ свой въ губернскій городъ? Неужели дворянство останется бездѣйственнымъ до послѣдней крайности, не будетъ пособлять своими общественными трудами благодушному монарху и, можетъ быть, поставитъ правительство въ необходимость испытать новый проектъ уѣзднаго устройства, устранивъ службу по выборамъ? Неужели дворяне, ощущая свое положеніе, требующее нынѣ съ ихъ стороны усиленнаго разумнаго труда, какъ для своего благосостоянія, такъ и для того, чтобы подать

полезный примѣръ для народной дѣятельности, увидя вкоренившуюся административную безнравственность и зная притомъ способы вывесть общество изъ этого состоянія, будутъ молчать?

«Дворянство имѣетъ всѣ средства, дабы его правдивый голосъ въ дѣлѣ отечественной пользы былъ услышанъ государемъ, который самъ такъ милостиво изволитъ вызывать дворянство на поприще благородной дѣятельности. Административныя стѣсненія, на кои могли бы жаловаться, не существуютъ болѣе. Теперь по волѣ монарха законъ вступаетъ въ полныя свои права, а по закону дворянство имѣетъ право составлять для совѣщанія по общественнымъ дѣламъ собранія губернскія и уѣздныя (Св. Зак. О состояніяхъ, т. IX, стр. 90—91).

«Оно имѣетъ право совѣщаться о своихъ нуждахъ и пользахъ и въ случаяхъ важныхъ приносить всеподданнѣйшія о томъ прошенія, адресуя конверты въ собственныя руки Его Величества (Свод. Зак. О сост., т. IX, стр. 112—113) и пр.

«Великій монархъ не откажетъ цѣлому сословію нашему, если оно въ видахъ общественной пользы, повергнетъ ему свое всеподданнѣйшее ходатайство напримѣръ о гласности всякаго судопроизводства и слѣдствія, о замѣнѣ винныхъ откуповъ свободнымъ винокуреніемъ при акцизной пошлинѣ, о предоставленіи дворянству содержанія въ своей губерніи почтъ по примѣру остзейскихъ провинцій, о дозволеніи устроить мѣстную администрацію изъ лицъ, подлежащихъ контролю общественнаго мнѣнія, т. е. по избранію дворянства съ возстановленіемъ прежняго трехлѣтняго срока службы по выборамъ во всѣхъ должностяхъ, наконецъ о всѣхъ предметахъ, которые по важности своей необходимо устроять на основаніяхъ практическихъ, чтобы упрочить и обезопасить общественный порядокъ»...

Правительство обратило вниманіе на обѣ статьи; какъ «Русскаго Вѣстника», такъ и «Русской Газеты», навело справки относительно предводителя Стаховича, но онъ оказался вдругъ давно умершимъ; и вотъ 23 декабря 1859 г. былъ разосланъ по цензурному вѣдомству слѣдующій циркуляръ.

«Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ послѣднее время въ періодическихъ изданіяхъ статей обратили на себя вниманіе государя императора, какъ несоотвѣтствующія общимъ правиламъ цензурнаго устава и несообразныя съ духомъ нашихъ государственныхъ учрежденій. Сверхъ того, являлись статьи съ подлинными подписями оффиціальныхъ лицъ. Между первыми его величеству благоугодно было въ особенности указать на содержащіяся въ первой ноябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за сей годъ статьи Безобразова, подъ заглавіемъ «Аристократія и интересы дворянства». Къ послѣднимъ относится напечатанный въ № 6 (выпускъ 58) «Русской Газеты» текущаго года «Отзывъ къ дворянамъ Елецкаго уѣзда» предводителя Стаховича, который давно уже умеръ и отзыва въ настоящее время писать не могъ. Вслѣдствіе сего высочайше повелѣно:

1) «Статей, касающихся правъ дворянства на совѣщанія по общественнымъ и государственнымъ дѣламъ въ дворянскихъ собраніяхъ, впредь не допускать къ печати въ повременныхъ изданіяхъ.

2) «Статьи, поступающія въ редакціи періодическихъ изданій за подписью правительственныхъ лицъ, печатать не иначе, какъ по тщательномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной присылкѣ оныхъ отъ сихъ лицъ.

3) «Подтвердить цензорамъ: всѣ вообще статьи, представляющія какое-либо сомнѣніе или по направленію, или по содержанію сочиненія, отнюдь не разрѣшать къ печати собственною властью, а непремѣнно вносить на разсмотрѣніе комитета» *).

Какъ нарочно около того времени разыгралась и исторія съ адресами тверского и нѣкоторыхъ другихъ дворянскихъ собраній, просившихъ самоуправленія, независимаго гласнаго суда и другихъ реформъ, впослѣдствіи осуществленныхъ. Адресы эти были приписаны вліянію вышеупомянутыхъ статей «Русскаго Вѣстника» и «Русской Газеты», и Главное управленіе цензуры сочло нужнымъ представить государю, что изданія эти неоднократно подвергались замѣчаніямъ и что поэтому необходимо прекратить ихъ. Вопросъ этотъ рѣшался въ комитетѣ министровъ, причемъ министру иностранныхъ дѣлъ Горчакову удалось отстоять «Русскій Вѣстникъ»; «Русская-же Газета» была запрещена.

Редакторъ-издатель Поль обратился тогда въ Главное управленіе цензуры

*) «Сборн. постановленія», стр. 449.

съ объясненіемъ, въ которомъ, представляя о нанесенномъ ему ущербѣ этимъ запрещеніемъ, объяснялъ, что обстоятельствъ (т. е. адресовъ), послѣдовавшихъ за появленіемъ его статей, не могли предвидѣть ни авторъ, ни редакторъ, ни цензоръ при напечатаніи этихъ статей: «я видѣлъ въ нихъ разработку юридическихъ вопросовъ, не болѣе, писалъ онъ: такое-же значеніе придавалъ имъ и цензоръ, и московскій цензурный комитетъ. Уже послѣ запрещенія моей газеты получено здѣсь предписаніе не допускать къ печати подобныхъ статей». Почему, заявляя о своемъ искреннемъ желаніи содѣйствовать благимъ видамъ правительства, Поль просилъ дозволить ему предпринять новое періодическое изданіе.

Объясненія Поля были признаны удовлетворительными и изданіе новой газеты было ему разрѣшено, хотя и безъ политическаго отдѣла *).

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ указать еще на нѣсколько цензурныхъ распоряженій 1859 года.

Такъ въ началѣ этого года, именно 13 февраля, св. Синодъ имѣлъ разсужденіе «о особомъ несвойственномъ духовному изданію направленіи «Православнаго Собесѣдника», издаваемаго при казанской духовной академіи, принятомъ имъ въ послѣднее время», и нашелъ, что «нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ послѣдней книгѣ этого журнала, содержатъ въ себѣ совершенно неумѣстныя выраженія, неправильныя мысли и такія явныя несообразности, которыя неріятно видѣть въ печати, особенно въ изданіи духовной академіи, такъ напр. въ статьѣ: «Нѣчто о современныхъ отношеніяхъ римской церкви къ православной» (Дек. 1858) сочинитель утверждалъ, что покушенія латинской пропаганды безвредны и безопасны для Россіи, отвергалъ всякую пользу возраженій на ученіе римской церкви, обличенія неправды ея и вообще всякаго препирательства съ нею; самъ-же въ этомъ именно духѣ и притомъ весьма непочтительно разбираетъ критически извѣстное сочиненіе достоуважаемаго православнаго писателя Авдія Востокова, Антонія Могилевскаго, «объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ церквамъ». Въ январьской книгѣ за текущій годъ въ статьѣ: «Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей» преподобный Зосима Соловецкій, преп. Іосифъ Волоколамскій и другіе св. отцы называются пророками и преобразователями *грядущей славы* чадъ Божіихъ (стр. 60), подъ которою разумѣются настоящія правительственныя распоряженія объ улучшеніи быта крестьянъ. Далѣе говорится, что церковь возвышалась до самой чистой идеи человѣческаго достоинства задолго прежде, чѣмъ искусственная цивилизація дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ (стр. 63). Въ декабрьской книгѣ за прошедшій годъ (на стр. 506) сказано: «теперь Россія на зарѣ своего возрожденія». Подобно сему говорится и въ февральской книгѣ: «видно пришелъ часъ Россіи». «Она стремилась къ возрожденію» (стр. 236), какъ будто возрожденіемъ одного-ли человѣка, или цѣлаго народа могло быть что-либо иное, кромѣ св. крещенія, и какъ-будто позволительно правительственнымъ мѣрамъ присвоивать одинаковое названіе со св. таинствомъ и одинаковую силу съ благодатію, нисходящею въ этомъ таинствѣ. Въ той-же книгѣ (стр. 227) совершенно несогласно съ православнымъ разумомъ св. церкви, говорится о Пр. Дѣвѣ Богородицѣ, будто древній міръ дѣлалъ послѣднія сверхъестественныя усилія надъ собою, чтобы извлечь изъ всего существа своего, собрать со всѣхъ лучшихъ

---

*) «Истор. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 92. Въ силу этого разрѣшенія Поль началъ было изданіе «Московскаго Обозрѣнія», но газета эта не просуществовала и года.

цвѣтовъ своей жизни все для того, чтобы произвести ее. На стр. 227 сказано, что человѣчество, въ эпоху рожденія Христа до того было близко къ возрожденію, что умъ человѣческій въ самыхъ событіяхъ міра уже предугадывалъ будущую эпоху. На стр. 237 безъ всякаго смысла сказано: «Россія можетъ родить изъ себя жизнь аномальную, болѣзненную и можетъ быть жертвою». Во всѣхъ этихъ статьяхъ изобиліе иностранныхъ словъ: «гуманность, идеальность, прогрессъ, цивилизація, комфортъ, параллизировать, гармонизировать, арена и др. вовсе несоотвѣтствующихъ достоинству духовнаго изданія».

Казалось-бы, что вмѣстѣ съ изданіемъ сочиненій Пушкина Анненковымъ, возбудившимъ не малую бурю въ Главномъ управленіи цензуры въ началѣ царствованія Александра II, вопросъ о Пушкинѣ былъ окончательно рѣшенъ. Между тѣмъ по поводу новаго изданія, предпринятаго книгопродавцемъ Я. Исаковымъ, вновь возникли недоразумѣнія. По крайней мѣрѣ мы видимъ вотъ какого рода отношеніе министра народнаго просвѣщенія попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа:

«Главное управленіе цензуры, разсмотрѣвъ представленіе с.-петербургскаго цензурнаго комитета отъ 28 декабря 1858 года о предпринимаемомъ книгопродавцемъ Я. Исаковымъ изданіи «Сочиненій А. С. Пушкина» и имѣя въ виду данное уже симъ управленіемъ въ январѣ 1858 года разрѣшеніе одобрить къ новому изданію напечатанное Анненковымъ въ 1855—57 годахъ «Собраніе сочиненій Пушкина», опредѣлило: предложить комитету разсмотрѣть всѣ сочиненія Пушкина, предполагаемыя ко внесенію въ предпринимаемое нынѣ Исаковымъ изданіе «Сочиненій А. С. Пушкина», не бывшія въ изданіи Анненкова, съ тѣмъ, что если какія-либо изъ сихъ добавленій возбудятъ цензурныя сомнѣнія, то представить о нихъ Главному управленію. *При семъ комитетъ долженъ исключить всѣ мѣста въ «Сочиненіяхъ Пушкина», исключенныя по высочайше утвержденному опредѣленію Главнаго управленія цензуры въ 1854 г.*, а также пьесы и отрывки, напечатанныя въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 года, возбудившіе замѣчаніе со стороны министерства народнаго просвѣщенія.

«О семъ опредѣленіи Главнаго управленія цензуры имѣю честь увѣдомить ваше пр—ство, для предложенія с.-петербургскому цензурному комитету къ подлежащему исполненію. Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что вышеупомянутыя два опредѣленія Главнаго управленія сообщены предмѣстникамъ вашимъ, м. г., предложеніями министерства отъ 14 окт. 1854 г., за № 2037 и 28 іюня 1857 г., за № 1125, съ приложеніемъ выписокъ и мѣстъ, исключенныхъ изъ сочиненій Пушкина и требовавшихъ особаго объясненія; а также, что въ 1858 г. сдѣланы были мною и предмѣстникомъ моимъ строгое замѣчаніе бывшему цензору московскаго цензурнаго комитета Крузе и редактору журнала «Библіографическія Записки», поручику Щепкину, и выговоръ первому за напечатаніе въ семъ журналѣ нѣкоторыхъ писемъ и стихотвореній Пушкина, признанныхъ въ различныхъ отношеніяхъ неумѣстными. Стихотворенія сіи, помѣщенныя въ № 12 «Библіографическихъ Записокъ», суть слѣдующія: 1) *Ахъ, тетушка, ахъ, Анна Львовна.* 2) *Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ.* 3) *Къ Смирдину какъ ни зайдешь.* 4) *На выздоровленіе Лукулла.* 5) *Ты прозаикъ, я поэтъ.* 6) *Не то бѣда, что ты полякъ.* Притомъ нужно имѣть въ виду предложеніе с.-петербургскому цензурному комитету отъ 26 февр. 1858 г., за № 448, о стихотвореніи: *Иной имѣлъ мою Аглаю* и предложеніе отъ 18 апр. 1858 г., за № 179, о письмахъ А. С. Пушкина Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій».

Изъ этого отношенія вы можете видѣть, что въ 1859 году изданіе Анненкова, разрѣшенное въ 1856 году, казалось уже слишкомъ либеральнымъ, и министерство, какъ показываютъ обозначенныя нами курсивомъ строки, возвращалось къ опредѣленію 1854 года, т. е. къ временамъ дореформеннымъ, когда на Пушкина смотрѣли еще какъ на вольнодумца.

Укажемъ еще на одно распоряженіе цензурнаго вѣдомства въ 1859 году, приведшее не въ малое затрудненіе издателей иностранныхъ журналовъ въ Россіи. Именно, по предписанію Главнаго цензурнаго управленія с.-петербургскому цензурному комитету было сдѣлано распоряженіе, чтобы редакторы иностранныхъ

періодическихъ изданій въ Россіи «не иначе представляли въ цензуру статей, относящихся до чужихъ народовъ, какъ вмѣстѣ съ русскими переводами»; цензурному-же комитету вмѣнялось въ обязанность «серьезныя статьи этого рода, безъ предварительнаго согласія министра народнаго просвѣщенія не допускать къ напечатанію».

Мы не знаемъ, что вынудило такое строгое распоряженіе. Представленіе же русскихъ переводовъ ничѣмъ нельзя объяснить инымъ, какъ лишь тѣмъ что въ числѣ цензоровъ того времени было очень мало знающихъ иностранные языки.

II.

Преобразованіе Главнаго управленія цензуры въ началѣ 1860 г. не замедлило оказать свое вліяніе на дѣятельность цензурнаго вѣдомства, а черезъ него и на всю прессу. Если это преобразованіе не уничтожило еще множественности цензуръ, во всякомъ случаѣ оно придало Главному управленію гораздо бо̀льшую самостоятельность въ своихъ рѣшеніяхъ. Прежде стоило только какому-либо министерству, имѣющему своего довѣреннаго чиновника при Главномъ управленіи цензуры, представить о неумѣстности цензуруемой статьи, и Главное управленіе безусловно соглашалось съ мнѣніемъ довѣреннаго чиновника. Теперь-же оно, если и принимало въ соображеніе подобныя представленія, то могло и не соглашаться съ ними, и этимъ правомъ оно не замедлило воспользоваться въ самомъ началѣ 1860 года.

Такъ въ то время возникла полемика между Главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ и «С.-Петербургскими Вѣдомостями», на страницахъ которыхъ появились статьи Воскобойникова противъ Главнаго общества. Въ Главномъ обществѣ была составлена отвѣтная статья противъ нападокъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», но довѣренный чиновникъ вѣдомства путей сообщенія призналъ статью эту неудобною къ печати. Предсѣдатель Главнаго общества б. Мейендорфъ принесъ на это жалобу, представляя, что если цензура дозволяетъ статьи, строго порицающія дѣйствія Общества, то было-бы совершенно несправедливо препятствовать Обществу защищаться. Главное управленіе цензуры, разсмотрѣвъ представленную б. Мейендорфомъ статью, нашло, что она можетъ быть напечатана и представлю ее потомъ на высочайшее усмотрѣніе государя императора, который утвердилъ заключеніе Главнаго управленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Главное управленіе отнеслось особеннымъ циркуляромъ къ с.-петербургскому цензурному комитету о томъ, чтобы строго слѣдить за статьями «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о Главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ, въ особенности за статьями Воскобойникова *).

Въ томъ-же году Императорское человѣколюбивое общество, терзаемое бичами обличительной литературы, обратилось въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбою даровать ему право предварительной цензуры по статьямъ, касавшимся его вѣдомства, но Главное управленіе цензуры рѣшительно отвергло это требованіе.

Главное управленіе цензуры не замедлило оказать вліяніе даже на совершенно отдѣльно стоявшую цензуру духовнаго вѣдомства. Такъ по поводу одной

*) «Истор. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 87.

весьма рѣзкой статьи въ духовномъ журналѣ «Странникъ», касавшейся отношеній между крестьянами и помѣщиками, Главное управленіе просило оберъ-прокурора св. Синода не дозволять духовной цензурѣ пропускать по крестьянскому вопросу такихъ статей, которыя не дозволяются общими постановленіями.

Въ то же время по отношенію къ прессѣ преобразованное Главное управленіе оказало еще болѣе строгости, чѣмъ мы видѣли въ 1859 году. Съ 1856 по 1860 годъ періодическія изданія разрѣшались безъ малѣйшихъ затрудненій и росли какъ грибы. Съ 1860 г. получать разрѣшеніе на изданіе новаго журнала сдѣлалось гораздо труднѣе. Многимъ лицамъ просившимъ разрѣшенія было отказано безъ объясненія даже причинъ отказа или по причинамъ, которыя въ предшествовавшіе годы не считались препятствіемъ. Вообще, какъ видно изъ отчета Главнаго управленія за 1860 годъ, въ этомъ году изъ числа 50 ходатайствъ объ открытіи различныхъ періодическихъ изданій было разрѣшено только 30*).

Между тѣмъ записки и проекты о преобразованіи цензурнаго вѣдомства продолжали подаваться различными личностями въ министерство народнаго просвѣщенія. Такъ бар. Медемъ подалъ въ концѣ 1860 года записку объ обузданіи политическихъ обозрѣній въ журналахъ и газетахъ и о печатаніи рѣчей, произносимыхъ въ европейскихъ парламентахъ. Описывая въ самыхъ мрачныхъ краскахъ современное состояніе литературы, бар. Медемъ говоритъ: «при такомъ почти общемъ направленіи журналистики цензура рѣшительно не въ силахъ устранять изъ газетъ и журналовъ все то, что скрывается въ нихъ предосудительнаго. Для достиженія такой цѣли нужно-бы было возвратиться къ самымъ строгимъ цензурнымъ постановленіямъ, какія когда-либо существовали, а именно нужно было-бы не только запретить всякія разсужденія о либеральныхъ мысляхъ и всякія объясненія политическаго устройства европейскихъ государствъ, но не допускать даже сообщенія большей части заграничныхъ происшествій».

Но подобный идеалъ цензурной строгости, по мнѣнію бар. Медема, былъ неосуществимъ. «Возвращеніе къ подобнымъ цензурнымъ строгостямъ, пишетъ онъ, считаю въ настоящее время невозможнымъ; оно было бы болѣе вредно, чѣмъ полезно... Большая часть нашихъ литераторовъ станетъ тогда печатать свои сочиненія за границею, и никакія таможенныя и полицейскія мѣры не воспрепятствуютъ провозу этихъ сочиненій въ Россію, въ особенности послѣ открытія желѣзныхъ дорогъ, устраиваемыхъ для соединенія насъ съ государствами Запада. Другіе будутъ распространять свои статьи въ рукописяхъ; наконецъ найдутся и такіе, которые устроятъ въ самой Россіи тайныя литографіи и типографіи; они будутъ несравненно опаснѣе и вреднѣе какихъ бы то ни было сочиненій и статей, пропущенныхъ самою снисходительною цензурою».

Единственнымъ средствомъ, по мнѣнію бар. Медема, было бы составленіе для цензоровъ весьма подробныхъ и точныхъ инструкцій по всевозможнымъ категоріямъ литературныхъ сочиненій. Одну изъ такихъ инструцій бар. Медемъ предлагаетъ для примѣра по главному предмету своей записки, именно относительно печатанія политическихъ изданій. Инструкція эта заключалась въ томъ, чтобы «дозволять помѣщать въ нашихъ газетахъ парламентскія рѣчи и отрывки изъ нихъ въ такихъ лишь случаяхъ, когда вслѣдъ за ними помѣщены и отвѣ-

---

*) Ibid., стр. 88, 91.

ты другихъ членовъ палаты, опровергающіе сказанныя мысли и разсужденія, не согласныя съ видами нашего правительства».

Главное управленіе цензуры, которому было поручено высказать свое мнѣніе объ этомъ предложеніи бар. Медему, возложило разсмотрѣніе записки Пржецлавскому, который и представилъ свои возраженія на нее. Такъ по поводу предложенной бар. Медемомъ инструкціи о печатаніи парламентскихъ рѣчей съ возраженіями, Пржецлавскій писалъ между прочимъ:

«Можно-ли положиться на судъ всякаго читающаго газету цензора, въ рѣшеніи тонкаго вопроса объ удовлетворительности или неудовлетворительности такихъ опроверженій? Безопаснѣе, по мнѣнію моему, не помѣщая подобныхъ рѣчей, упоминать о нихъ вкратцѣ, а за то помѣщать вполнѣ дѣльныя опроверженія, изъ коихъ читатель всегда узнать можетъ сущность опровергаемаго. Я по крайней мѣрѣ въ изданіи здѣсь, въ С.-Петербургѣ, польской политической газеты постоянно слѣдовалъ этому правилу... Во всякомъ-же случаѣ удобнѣе, кажется, промалчивать вовсе предосудительныя рѣчи, чѣмъ (какъ полагается въ проектѣ) помѣщать ихъ съ *исключеніями*, то есть передѣлывать ихъ... Въ политическомъ отдѣлѣ газетъ болѣе чѣмъ въ какихъ-либо другихъ достиженіе истинной цѣли цензуры не можетъ имѣть полнаго успѣха безъ искренняго соучастія самихъ редакторовъ. Инструкціи цензорамъ могутъ лишь указать болѣе выдающіеся, осязательные пункты внѣшней положительной стороны предмета; но сколько еще останется внутреннихъ, неуловимыхъ оттѣнковъ, составляющихъ отрицательную сторону, которыхъ сформулировать невозможно и которые всегда должны оставаться зависящими съ одной стороны, отъ большей или меньшей степени добросовѣстности редактора, а съ другой отъ проницательности, такта и какъ-бы чутья цензора. Кромѣ самаго изложенія политическихъ статей, оттѣнки эти состоятъ въ тонѣ, въ порядкѣ расположенія, въ сопоставленіи или раздѣленіи, то есть въ группировкѣ извѣстій, и наконецъ, въ намѣренномъ промолчаніи такого какого-нибудь повидимому и незначительнаго факта, но который, бывъ поставленъ на своемъ мѣстѣ и въ свое время, придалъ-бы совсѣмъ иной видъ цѣлой группѣ окружающихъ событій или иное значеніе разсужденіямъ и выводамъ. На все это, какъ на внутреннее и отрицательное, цензура дѣйствія имѣть не можетъ; все это остается рѣшительно во власти редактора».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Пржецлавскій заключилъ, что единственною полезною мѣрою для сообщенія литературѣ иного направленія, было бы склоненіе къ иному образу мыслей или дѣйствія самихъ редакторовъ и въ привлеченіи ихъ къ отвѣтственности за статьи неодобрительнаго содержанія.

Не ограничиваясь этимъ проектомъ, бар. Медемъ представилъ и другой, именно объ изданіи оффиціальнаго правительственнаго органа, въ родѣ того, какой предполагался уже при комитетѣ по дѣламъ книгопечатанія.

«Основаніе журнальнаго органа, писалъ б. Медемъ: который имѣлъ-бы направленіе въ духѣ правительства, сдѣлалось крайнею необходимостью; одно или нѣсколько довѣренныхъ отъ правительства лицъ должны быть назначены для постояннаго бдительнаго надзора за ходомъ органа и имѣть право перемѣнить редакцію при малѣйшемъ отступленіи ея отъ духа и направленія, указанныхъ инструкціею... Такой органъ долженъ издаваться ежедневною газетою по цѣнѣ, втрое или вчетверо дешевѣйшей противъ нынѣшней подписки на «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Сѣверную Пчелу»... Съ принятіемъ такихъ основаній можно положительно быть увѣреннымъ въ томъ, что уклоненіе органа отъ даннаго направленія сдѣлается невозможнымъ и что даже при редакторѣ съ посредственными только дарованіями, органъ распространится по Россіи въ огромномъ числѣ экземпляровъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ рѣшительно вытѣснитъ всѣ прочія политическія русскія газеты изъ среднихъ и низшихъ классовъ публики» *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда уже все болѣе и болѣе начала утверждаться мысль, что цензурному вѣдомству гораздо свойственнѣе принадлежать министерству внутреннихъ дѣлъ чѣмъ — народнаго просвѣщенія. И это вполнѣ естественно и понятно. Цензура была утверждена при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ

*) Ibid, стр. 94—97.

началѣ царствованія Александра I, въ такое время, когда литература едва еще существовала и правительство не успѣло еще отрѣшиться отъ покровительственной системы относительно ея. На цензуру смотрѣли тогда не какъ на полицейскую власть, обязанную ограждать правительство и общество отъ какихъ либо зловредныхъ покушеній, а какъ на опеку надъ малолѣтними, или, еще правильнѣе, на няньку, которая должна была заботиться, чтобы ребенокъ по глупости не нашалилъ, не заблудился, не нанесъ вреда себѣ и другимъ; понятно, лучшимъ пѣступомъ представлялось министерство народнаго просвѣщенія, и въ немъ ученые мужи, стоявшіе во главѣ просвѣщенія. Теперь же положеніе литературы совершенно измѣнилось. Она возрасла, расширилась прежде всего по самому своему чисто матеріальному объему. Прежде профессорамъ ничего не стоило прочитать между дѣломъ въ годъ нѣсколько книжонокъ; теперь по одной обширности цензурнаго дѣла профессора не могли уже быть въ то же время и цензорами, такъ какъ дѣло это требовало посвященія ему всего времени, и министерство, какъ мы видѣли, давно уже отступило отъ первоначальнаго плана цензурнаго вѣдомства, и должно было содержать массу чиновниковъ, спеціально посвящавшихъ свою дѣятельность цензурѣ. Но важнѣе всего было то, что литература развилась не только по своему объему, но и по содержанію. Она выросла изъ пеленокъ, и онѣ, какъ мы видимъ, начали рваться по всѣмъ швамъ; нянька ничего не могла подѣлать съ воспитанникомъ, обратившимся въ взрослаго человѣка. Литература сдѣлалась самостоятельною силою, съ которою приходилось мѣряться. И особенно въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, по духу и обстоятельствамъ того времени, литература вся поголовно, не исключая и «Русскаго Вѣстника», приняла оппозиціонный характеръ. Правительство въ то время положительно теряло голову, не зная какъ ему управиться съ этою развернувшеюся силою, отвергавшею всякую опеку надъ собою и стремившеюся въ свою очередь все вокругъ взять подъ свою опеку. Отсюда и является сначала рядъ попытокъ вернуть старое, но попытки эти ни къ чему не приводятъ и только доказываютъ, что старое невозвратно. Такъ мы видѣли, что учреждается комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, цѣль котораго заключалась именно въ томъ, чтобы снова подвергнуть литературу правительственной опекѣ; но мы видѣли, что комитетъ послѣ первыхъ же усилій долженъ былъ отказаться отъ своей миссіи. Является мысль о правительственномъ органѣ для того чтобы имѣть хоть какой-нибудь оффиціальный голосъ въ самой средѣ литературы; при этомъ мечтаютъ даже подорвать газетную литературу дешевизною оффиціальнаго органа и большею полнотою извѣстій на его страницахъ, но это въ свою очередь не удается: оказывается вдругъ, что литературныя силы неисключая и самыхъ могучихъ способны руководить литературою и общественнымъ мнѣніемъ, пока они стоятъ на самостоятельной почвѣ и тотчасъ же теряютъ все свое обаяніе, едва изъ независимыхъ литературныхъ дѣятелей обращаются въ чиновниковъ; понятно, что не одна изъ дѣйствительныхъ литературныхъ силъ не согласилась поступиться своимъ вліяніемъ, и пришлось отказаться отъ тѣхъ радужныхъ надеждъ, какія возлагались на правительственный органъ: онъ могъ быть вполнѣ полезнымъ и необходимымъ органомъ въ своемъ родѣ и самъ по себѣ, но далеко не въ томъ смыслѣ чтобы руководить литературою и преобладать надъ нею.

При всѣхъ этихъ условіяхъ только и оставалось одно: оставить всякую мысль о какой-бы то ни было опекѣ надъ литературою и руководствѣ ею, начать смотрѣть на нее, какъ на одну изъ функцій общественной самодѣятельности и какъ

таковую, подвергнуть вѣдомству полицейской власти. Но министерству народнаго просвѣщенія совершенно нечего было тутъ дѣлать: какой-бы то ни было полицейскій надзоръ совершенно выходилъ изъ его сферы, это было прямое дѣло министерства внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ мысль о переходѣ цензурнаго вѣдомства изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ вполнѣ естественно и логически вытекла изъ обстоятельствъ жизни и духа времени; и какъ всѣ мысли, фатально возникающія изъ силы вещей, она разомъ явилась во многихъ головахъ и никому нельзя приписать изобрѣтеніе ея. Такъ уже Е. П. Ковалевскій, по словамъ Пржецлавскаго *), находилъ нецѣлесообразнымъ, что цензура состояла при министерствѣ народнаго просвѣщенія; онъ раздѣлялъ взглядъ на цензуру, какъ на полицію, и поэтому думалъ, что она должна принадлежать министерству внутреннихъ дѣлъ или III-му отдѣленію Е. И. В. канцеляріи. Онъ говаривалъ при случаѣ: «въ моемъ положеніи я чувствую въ себѣ какое-то тяжкое раздвоеніе: какъ министръ народнаго просвѣщенія я долженъ способствовать возможнымъ успѣхамъ литературы, умноженію числа повременныхъ изданій, а въ то же время, какъ генералъ-цензоръ, я, по необходимости, принужденъ останавливать это движеніе, нерѣдко запрещая и новыя, и прежнія изданія».

Новый министръ народнаго просвѣщенія, назначенный въ 1861 году, Путятинъ раздѣлялъ ту же самую мысль. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 9 ноября 1861 г. онъ яркими красками изображалъ безпрерывныя уклоненія литературы отъ цензурныхъ правилъ, безсиліе цензуры бороться съ ними, а съ другой стороны неудобство употребленія крайнихъ мѣръ, и ходатайствовалъ объ установленіи залоговъ для повременныхъ изданій. «Но при этихъ условіяхъ, заключалъ онъ, дающихъ цензурѣ характеръ какъ-бы карательный, она не можетъ оставаться при министерствѣ народнаго просвѣщенія, а по естественному порядку должна перейти въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдствіе такого представленія гр. Путятина была по соглашенію его съ статсъ-секретаремъ Валуевымъ составлена смѣшанная комиссія изъ двухъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія и двухъ-же министерства внутреннихъ дѣлъ. Цѣль этой комиссіи состояла въ томъ, чтобы подготовить работы для другого предполагавшагося высшаго комитета **).

Но прежде чѣмъ мы займемся дальнѣйшимъ ходомъ цензурныхъ реформъ, мы обратимъ вниманіе на нѣсколько случаевъ цензурной практики втеченіе 1860 и 1861 годовъ.

III.

Въ предыдущей главѣ мы говорили уже о мѣрахъ, предпринятыхъ правительствомъ въ 1860 году по вопросу объ обузданіи обличительной литературы и потому считаемъ излишнимъ вновь возвращаться къ этому предмету. Затѣмъ въ началѣ 1860 года было обращено вниманіе на еврейскій вопросъ, сильно будировавшійся въ то время литературою, и циркуляромъ 17 марта 1860 года Главное управленіе цензуры предложило, чтобы «статьи, въ коихъ разсуждается о дарованіи евреямъ въ Россіи гражданскихъ правъ, наравнѣ со всѣми сословіями Рос-

*) «Р. Стар.», 1875 г., № 9, стр. 153.
**) «Ист. свѣд. о ценз. въ Р.», стр. 97.

[illegible]ской имперіи, не пропускались къ печати безъ разрѣшенія Главнаго управленія цензуры».

Около того-же времени было обращено вниманіе, что статьи не пропускаемыя въ одномъ цензурномъ комитетѣ, представляются иногда въ другой,—и тамъ находятъ свободный пропускъ, попадая въ руки болѣе либеральнаго цензора. Для избѣжанія подобнаго разлада въ дѣйствіяхъ цензурнаго вѣдомства 21 апрѣля 1860 г. былъ изданъ слѣдующій циркуляръ:

«Въ ст. 265 Уст. ценз. (Свод. Зак. изд. 1857 г. томъ XIV), сказано: «для предупрежденія злоупотребленій, могущихъ произойти со стороны сочинителей, переводчиковъ или издателей, коихъ рукописи разсмотрѣны въ одномъ изъ комитетовъ, но неодобрены къ напечатанію, каждый изъ комитетовъ сообщаетъ другому о неодобренномъ имъ сочиненіи или переводѣ, излагая вообще содержаніе его, и въ особенности нѣкоторыя неодобренныя мѣста». Главное управленіе цензуры, замѣтивъ, что сіе постановленіе не всегда исполняется, подтверждаетъ о строгомъ соблюденіи его».

19 августа 1860 г. былъ разосланъ слѣдующій циркуляръ по высочайшему повелѣнію:

«Въ № 175 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за текущій годъ напечатано извѣстіе о наложеніи при Высочайшемъ дворѣ траура по случаю кончины государыни великой княгини Анны Өедоровны, съ присовокупленіемъ словъ, отнюдь необозначенныхъ въ придворныхъ по сему предмету повѣсткахъ: «Супруги покойнаго великаго князя Константина Павловича». Вслѣдствіе сего Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: строжайше подтвердить редакторамъ газетъ, чтобы они непремѣнно держались въ подобныхъ случаяхъ буквальнаго смысла придворныхъ повѣстокъ, безъ всякихъ прибавленій со стороны редакцій».

Сентября 6-го 1860 г. былъ разосланъ слѣдующій циркуляръ по комитетамъ: Главное управленіе цензуры неоднократно замѣчало, что въ періодическихъ изданіяхъ, вопреки цензурнымъ правиламъ и предложенію отъ 26 апрѣля сего года за № 547, часто появляются ряды точекъ, выставляемые безъ особенной надобности по содержанію статей, и имѣющіе очевидно цѣлью ими выказать пропуски, требуемые цензурою, или обратить на статьи особенное вниманіе. Вслѣдствіе сего Главное управленіе цензуры подтверждаетъ строго руководствоваться правиломъ, чтобы въ печатаемыхъ статьяхъ и сочиненіяхъ не допускаемы были ряды точекъ, могущіе указывать на цензурныя исключенія *).

Вслѣдъ затѣмъ обратила на себя вниманіе въ высшихъ сферахъ статья въ «Русскомъ Словѣ» о Гоголѣ, въ которой говорилось, что тотъ пользовался уваженіемъ публики до тѣхъ поръ, пока не началъ «воскурять оиміамы Царю небесному и царю земному».

Государь призывалъ по этому случаю министра, которому сказалъ:

— «Что обо мнѣ говорятъ, я на то не обращаю вниманія. Нельзя всѣми быть любимымъ—одни любятъ, другіе—нѣтъ. Цари земные бываютъ съ ошибками; но о Царѣ небесномъ нельзя такъ отзываться».

Результатомъ было то, что цензоръ П. К. Ярославцевъ былъ отрѣшенъ отъ

*) «Сборн. постановл. по цензурѣ», стр. 454—457.

должности, а издателю «Русскаго Слова» гр. Кушелеву-Безбородко былъ данъ строжайшій выговоръ *).

Около того-же времени была представлена Главнымъ управленіемъ на усмотрѣніе министра двора рукопись Р. Зотова «Пятилѣтіе царствованія Императора Александра II». Гр. Адлербергъ 2-й вошелъ объ этомъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору, и послѣдній, не соизволяя на напечатаніе сочиненія Р. Зотова, Высочайше повелѣть соизволилъ: не допускать впредь къ печати никакихъ историческихъ сочиненій о настоящемъ и слишкомъ близкомъ къ настоящему времени царствованіи.

6 декабря 1860 г. былъ разосланъ циркуляръ о неодобреніи къ печати слуховъ по дѣламъ государственнымъ **).

1861-й годъ прежде всего ознаменовался процессомъ, которому былъ подвергнутъ редакторъ журнала «Свѣточъ» Калиновскій. Процессъ этотъ возникъ по инціативѣ цензора, читавшаго этотъ журналъ и обратившагося въ Главное управленіе цензуры съ жалобою, что редакторъ журнала «Свѣточъ» прислалъ ему для полученія выпускного билета книжку, въ которой не были сдѣланы замѣченныя цензурою измѣненія и что къ ней было приложено объявленіе «въ саркастическомъ тонѣ» о несвоевременномъ выходѣ въ свѣтъ изданія «по причинамъ отъ редакціи независящимъ». По представленію Главнаго управленія цензуры Калиновскій былъ этимъ лишенъ права редактировать журналъ «Свѣточъ» и подвергнутъ формальному слѣдствію черезъ военнаго генералъ-губернатора. Отъ слѣдователя дѣло это обыкновеннымъ порядкомъ поступило въ с.-петербургскій надворный судъ, который постановилъ слѣдующее заключеніе: «Редактора журнала «Свѣточъ», отст. пр. Калиновскаго, по предмету возведеннаго на него обвиненія относительно допущенія къ выпуску безъ цензурнаго дозволенія объявленія при второй книжкѣ журнала «Свѣточъ», а также въ измѣненіи подписи въ каррикатурномъ листкѣ, подъ заглавіемъ «Похожденіе туриста», какъ въ томъ не сознавшагося и неизобличеннаго, никакому взысканію согласно 103 ст. улож., не подвергать»***).

Между прочимъ было обращено вниманіе на то, что въ журналахъ того времени особенно часто начали появляться оригинальныя и переводныя статьи, представляющія характеристики различныхъ государственныхъ переворотовъ въ западной Европѣ въ концѣ прошлаго и въ настоящемъ столѣтіи. Обиліе такихъ статей въ то время объясняется очень просто. До 1856 года какъ въ журналистикѣ, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ не только среднихъ, но и высшихъ, новѣйшая европейская исторія разсматривалась по возможности весьма вкратцѣ и съ большими купюрами; о революціяхъ-же или вовсе умалчивалось, или дозволялось говорить подъ весьма строгою цензурою и притомъ съ исключительно порицательной точки зрѣнія. Такимъ образомъ въ умахъ интеллигенціи нашей образовался значительный пробѣлъ въ этомъ отношеніи. Тысяча образованныхъ людей не занимавшихся спеціально исторіею и не читавшихъ иностранныхъ книгъ оставались съ тѣми скудными свѣдѣніями относительно европейской исторіи по-крайней мѣрѣ за сто послѣднихъ лѣтъ, какія выносили со школьной скамьи изъ учебника Смарагдова. Очень понятно, что при такихъ условіяхъ при малѣйшемъ ослабленіи цензуры историческія монографіи полились въ журналистикѣ, какъ

*) «Русск. Стар.», 1890 г., № 12, стр. 603 и 606.

**) «Сборн. пост. по ценз.» стр. 457.

***) «Истор. свѣд. о ценз. въ Р.» стр. 93.

долго сдерживаемый потокъ. Статьи по новѣйшей исторіи, особенно характеристики революцій сдѣлались любимѣйшимъ чтеніемъ читателей журналовъ, и редакторы послѣднихъ конечно не замедлили удовлетворять этой живой потребности публики тѣмъ болѣе что для переводовъ знаменитыхъ иностранныхъ монографій пора еще тогда не наступила (переводная литература наиболѣе процвѣла послѣ 1865 года). И вотъ въ виду этого наплыва историческихъ статей 21 апрѣля 1861 года былъ разосланъ по цензурному вѣдомству слѣдующій циркуляръ:

«Въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ весьма часто появляются подробныя описанія политическихъ переворотовъ, сопровождаемыя иногда (особенно въ переводныхъ сочиненіяхъ) оправданіями ихъ общими теоретическими ученіями и ходомъ государственнаго управленія, неотразимо влекущимъ къ реформамъ. Примѣромъ подобнаго рода статей могутъ служить восторженныя описанія итальянскаго возстанія, заключающіяся въ политическихъ обозрѣніяхъ разныхъ журналовъ; переводъ сочиненія Токвиля «Старый порядокъ и революція», приложенный къ январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» за 1861 годъ, и статья «Предисловіе къ нынѣшнимъ австрійскимъ дѣламъ», помѣщенная въ февральской книжкѣ «Современника» за 1861 годъ.

«При настоящемъ взволнованномъ положеніи умовъ въ европейскихъ государствахъ, нельзя не признать вреднымъ распространеніе сочиненій, въ которыхъ выставляются яркія описанія революцій, необходимыхъ будто-бы для оживленія организма государства. Неопытный читатель легко можетъ примѣнять къ положенію своей страны тѣ дѣйствительные или мнимые недостатки управленія, которые вызвали въ другихъ странахъ событія, описанныя съ желаніемъ сдѣлать изъ нихъ факты всеобщаго значенія.

«Вслѣдствіе сего Главное управленіе цензуры нужнымъ считаетъ предложить допускать къ печати съ особою осмотрительностью вышеозначеннаго рода сочиненія, и переводныя изъ нихъ дозволять единственно въ томъ случаѣ, когда они, представляя описаніе событій въ какомъ либо государствѣ, не выводятъ изъ нихъ общихъ началъ для примѣненія въ другихъ государствахъ».

Около того-же времени, именно 2 марта, былъ сосланъ въ заточеніе въ Никитскій монастырь (въ Переяславцѣ-Залѣсскомъ, Владимірской губ.) бывшій баккалавръ московской академіи, потомъ инспекторъ казанской академіи и наконецъ членъ цензурнаго комитета архимандритъ Ѳеодоръ по навѣту Аскоченскаго и по опредѣленію св. Синода, за свои книги: «Объ отношеніи православія къ современности» и «3-хъ писемъ къ Гоголю», писанныхъ имъ въ 1848 году.

Тогда-же при усиливавшемся броженіи въ царствѣ Польскомъ было издано высочайшее повелѣніе, «чтобы цензурою не были отнюдь допускаемы къ печатанію въ нашихъ газетахъ статьи, имѣющія цѣлію дѣйствовать на умы въ смыслѣ возстановленія Польши даже и въ томъ случаѣ, если эти статьи относятся исключительно до Галиціи или великаго княжества Познанскаго».

Увѣдомивши цензурные комитеты объ этомъ высочайшемъ повелѣніи особеннымъ циркуляромъ, Главное управленіе цензуры вслѣдъ затѣмъ 31 мая 1861 г. разослало новый циркуляръ о томъ, чтобы «сочиненія на польскомъ языкѣ для народнаго чтенія и буквари разсматривать съ особою осмотрительностью и обращать вниманіе на то, чтобы въ сочиненіяхъ этого рода не было допускаемо статей, клонящихся къ поддержанію народности польской и направленія въ этомъ смыслѣ» *).

Но не одна Польша—и скромная, вѣрноподданная Финляндія озабочивала въ то время правительство въ цензурныхъ отношеніяхъ. Весьма естественно, что освобожденіе Италіи, совершившееся незадолго передъ тѣмъ, побуждало правительство опасаться чтобы впечатлѣніе этого событія не произвело волненіе умовъ

*) «Сборн. постановл.», стр. 459, 461.

въ такихъ окраинахъ, какъ Польша или Финляндія. Ничѣмъ инымъ какъ этими опасеніями можно объяснить слѣдующій циркуляръ генералъ-губернатора Велик. Кн. Финляндскаго графа Ѳ. Ѳ. Берга, разосланный 28 августа 1860 г. губернаторамъ всѣхъ провинцій Финляндіи:

«Съ самаго начала смутъ, нынѣ волнующихъ Италію, финляндскіе журналы печатаютъ много подробностей объ этихъ происшествіяхъ. Но такъ какъ я полагаю, что народъ финляндскій не можетъ извлечь ни малѣйшей пользы изъ знакомства съ подобными событіями, и что редакторамъ финляндскихъ журналовъ гораздо бы лучше было наполнять свои изданія статьями болѣе назидательными, то прошу васъ внушить цензорамъ, чтобы впредь они не пропускали объ итальянскомъ вопросѣ иныхъ статей, какъ написанныхъ въ духѣ порядка, нравственности и чувствъ должнаго повиновенія властямъ».

Огромное распространеніе продажи книгъ, брошюръ и газетъ русской заграничной прессы, дошедшее въ то время до максимума, до того, что «Колоколъ» и прочія лондонскія изданія продавались даже на улицахъ, побудило правительство къ принятію ряда мѣръ противъ этой контрабанды. Такъ между прочимъ с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ генералъ-адъютантъ Паткуль 22 августа 1861 г. издалъ слѣдующій приказъ по своему вѣдомству:

«Высочайше утвержденнымъ 8 мая 1850 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта о предупрежденіи ввоза изъ за границы запрещенныхъ книгъ, между прочимъ опредѣлено (пунктъ 5): продажа книгъ разнощиками по улицамъ или площадямъ въ столицахъ и тѣхъ городахъ, въ коихъ существуютъ книжныя лавки, запрещается. Изобличенные въ продажѣ книгъ симъ образомъ подвергаются сверхъ конфискаціи книгъ и всего найденнаго у нихъ товара, буде вмѣстѣ съ книгами они торговали и другими предметами: въ первый разъ взысканію 10 р., во второй—20 р., въ третій—30 р. и т. д., прибавляя за каждый разъ по 10 р. Если въ числѣ сихъ книгъ будутъ найдены неодобренныя еще цензурою или-же запрещенныя, то смотря по роду, къ коему сія книга принадлежитъ, виновные приговариваются къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1314 и 1315 улож. о наказ (ст. 1369 и 1370 т. XV, изд. 1857 г.) на точномъ оныхъ основаніи. Замѣчая, что въ послѣднее время подобнаго рода запрещенная торговля увеличивается въ своихъ размѣрахъ, предписываю ввѣренной мнѣ полиціи немедленно принять мѣры къ прекращенію ея, уничтоживъ этого рода мелочную продажу на улицахъ и площадяхъ, назначивъ для того трехдневный срокъ со дня объявленія сего приказа, а на будущее время строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ вышеозначенныхъ правилъ, за нарушеніе которыхъ виновные подвергнутся отвѣтственности по закону».

Въ №№ 17, 18 и 19 журнала «Вѣкъ» была напечатана статья «О государственномъ бюджетѣ», подписанная буквами М. Ѳ. Статья эта обратила на себя вниманіе въ высшихъ сферахъ, причемъ государь императоръ, найдя, что вся эта статья не должна была быть допущена къ напечатанію, ибо она касается такого дѣла, которое уже рѣшено и приводится въ исполненіе, высочайше повелѣлъ принять мѣры, чтобы подобное не повторялось. Во исполненіе монаршей воли Главное управленіе цензуры 27 августа 1861 года разослало циркуляръ о томъ, чтобы цензора отнюдь не допускали къ печати статей по тѣмъ изъ государственныхъ вопросовъ, которые уже поступили на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учрежденій или получили окончательное разрѣшеніе *).

29 сентября 1861 года былъ разосланъ слѣдующій циркуляръ по цензурному вѣдомству:

«Въ №№ 23 и 24 издаваемой въ Москвѣ газеты «Наше Время» напечатана статья подъ заглавіемъ: «Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о сельскихъ запасныхъ магазинахъ», въ которой министерскія распоряженія касательно собранія положительныхъ свѣдѣній о сельскихъ магазинахъ перемѣшаны съ разсужденіями и замѣчаніями автора по этому предмету въ такомъ видѣ, что весьма трудно отдѣлить одно отъ другихъ и что министерскому циркуляру могутъ быть приписаны порицательные отзывы о нынѣшнемъ положеніи сельскихъ ма-

---

*) Ibid., стр. 462.

газиновъ. Вслѣдствіе отношенія по настоящему предмету г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Главное управленіе цензуры предлагаетъ не допускать къ печати въ періодическихъ изданіяхъ подобнаго смѣшиванія разсужденій редакцій съ самымъ текстомъ правительственныхъ распоряженій. При сообщеніи-же читателямъ текста правительственныхъ распоряженій вполнѣ или въ извлеченіи наблюдать, чтобы соображенія редакцій въ сихъ случаяхъ излагались въ предѣлахъ, предписываемыхъ цензурными требованіями, и такимъ образомъ, чтобы читающій могъ точно понять сущность правительственныхъ распоряженій, независимо отъ соображеній объ оныхъ редакцій и ясно могъ видѣть смыслъ тѣхъ и другихъ».

31 октября 1861 года былъ разосланъ по цензурному вѣдомству новый циркуляръ касательно литературы Великаго Княжества Финляндскаго, явившійся прямымъ результатомъ тѣхъ цензурныхъ строгостей, какія ввелъ гр. Бергъ, опасаясь финскаго сепаратизма. Вотъ этотъ циркуляръ:

«Дѣйствующими въ Финляндіи постановленіями цензурѣ вмѣнено въ обязанность между прочимъ предупреждать, чтобы въ газетахъ и другихъ сочиненіяхъ не публиковались ложныя и ведущія въ заблужденіе статьи о дѣйствіяхъ правительства, каковую обязанность мѣстные цензора исполняютъ вообще удовлетворительно. Встрѣчая въ Финляндіи затрудненіе въ обнародованіи неосновательныхъ сужденій о правительственныхъ мѣрахъ, сочинители подобнаго рода статей стали въ послѣднее время печатать ихъ внѣ Великаго Княжества. Такимъ образомъ посылаются изъ Финляндіи къ редакціямъ выходящихъ въ С.-Петербургѣ газетъ статьи, въ томъ предположеніи, что здѣшняя цензура, которой неизвѣстна вѣрность приведенныхъ фактовъ, ихъ пропускаетъ, а затѣмъ сіи статьи перепечатываются въ финляндскихъ газетахъ.

«Для введенія необходимой правильности въ этомъ дѣлѣ Главное управленіе цензуры вслѣдствіи отношенія по сему предмету съ Высочайшаго разрѣшенія генералъ-губернатора В. Кн. Финляндскаго покорнѣйше просить сдѣлать распоряженіе, чтобы статьи о Финляндіи не иначе допускались къ печати, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ».

Ноября 17-го 1861 года было объявлено Главнымъ управленіемъ цензуры, «что дѣло объ устройствѣ народныхъ школъ обсуждается въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, и потому на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго комитету отъ 27 августа 1861 г., статьи касающіяся этого вопроса, не должны быть въ настоящее время допускаемы къ печати»*).

Конецъ 1861 года ознаменовался знаменитымъ письмомъ митрополита московскаго Филарета о неблагонадежномъ состояніи современной литературы. Письмо это было вызвано распространившимися въ Петербургѣ слухами, будто преосв. Филаретъ въ виду всеобщаго шатанія умовъ сдѣлалъ распоряженіе по всей своей митрополіи, чтобы въ церквахъ во время литургіи читалась особенная молитва съ колѣнопреклоненіемъ, какая обыкновенно произносится въ годины общественныхъ бѣдствій. На запросъ свыше объ этихъ слухахъ преосв. Филаретъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ слѣдующее:

«Отъ васъ уже не отъ перваго слышу вопросъ: справедливъ ли слухъ, что въ церквахъ московскихъ читается недавно составленная молитва необыкновеннаго содержанія, подобно молитвамъ, употребляемымъ во времена общественныхъ бѣдствій... Не читается у насъ никакой новосоставленной молитвы такого необыкновеннаго содержанія... Вѣроятно слухъ произошелъ отъ перетолкованія дѣйствія церковнаго не соединеннаго ни съ какимъ указаніемъ на политическія обстоятельства въ Россіи.

«На всякой вечернѣ, воскресной и праздничной, на литіи между прочимъ читается слѣдующее молитвенное прошеніе: «еще молимся о еже милостиву и благоувѣтливу быти благому и человѣколюбивому Богу нашему, отвратити всякій гнѣвъ на ны движимый и избавити насъ отъ надлежащаго и праведнаго Своего прещенія и помиловати насъ». Сіе прошеніе, съ присоединеніемъ немногихъ выраженій, не заключающихъ въ себѣ особеннаго прошенія, а только возбуждающихъ къ сердечной молитвѣ съ нѣкотораго времени читается во

*) Ibid, стр. 463, 465.

многихъ церквахъ діакономъ между прочими прошеніями такъ называемой сугубой эктеніи, на вечернѣ, утрени и литургіи...

«Побужденіе къ употребленію сего прошенія чаще обыкновеннаго въ началѣ записки о семъ, находящейся въ рукахъ священнослужителей, полученной отъ начальства не въ видѣ предписанія, выражено въ слѣдующихъ словахъ: «понеже умножились грѣхи наши, наипаче требуется покаянная и умиленная молитва».

«Еслибы на сіе потребовалось объясненіе: по справедливости можно сказать, что съ нѣкотораго времени мысли и ученія противухристіанскія и противунравственныя обнаруживаются въ литературѣ и распространяются въ обществѣ, особенно въ молодомъ поколѣніи, и проникаютъ до низшихъ слоевъ общества... За умноженіемъ грѣховъ мысленныхъ слѣдуетъ умноженіе и грѣховъ дѣятельныхъ, частно незастѣнчиво обнаруживающее себя въ прискорбныхъ зрѣлищахъ предъ глазами общества, частно примѣчаемое въ признакахъ скрытой заразы.

«Не думаю, чтобы это нужно было доказывать. Сдѣлаю однако для удовлетворенія вопросу немногія указанія на то, что близко вижу или легко могу вспомнить, неохотно рѣшаясь оскорбить вашъ взоръ или слухъ чужими, слишкомъ непріятно звучащими словами.

«1) Въ «Современникѣ» была напечатана статья, въ которой излагался и доказывался матеріализмъ — ученіе, конечно, не дружное съ религіею и нравственностью. Баккалавръ кіевской академіи написалъ на сію статью опроверженіе, которому отдали справедливость основательные ученые. Проповѣдникъ матеріализма не показалъ, что онъ въ силахъ защищать свое ученіе, но не упустилъ, а отвѣчалъ насмѣшками и оскорбленіями. Матеріалистъ одинокій не былъ бы такъ смѣлъ. Такъ поступить могъ только надѣющійся встрѣтить сочувствующихъ распространить сочувствіе на другихъ.

«2) Въ «Свѣточѣ» (1861, кн. IX), въ статьѣ подъ заглавіемъ «Петръ Великій, какъ юмористъ», говорится о «всепьянственнѣйшемъ соборѣ». Бутурлинъ является «петербургскимъ владыкою», а Петръ Великій «протодіакономъ». Описывается избраніе и постановленіе князя-папы, и кощунственно предаются осмѣянію и поруганію не только избраніе и посвященіе папы, но также и православныя церковныя дѣйствія и избраніе и посвященіе православныхъ архіереевъ, какъ-то:

«Въ процессіи идутъ діаконы, попы, монахи, архимандриты, Бахусъ, несомый монахами великой обители, ковшъ, несомый отъ плѣшивыхъ.

«Что убо брате пришелъ еси, и чесаго просити отъ нашея немѣрности?

«Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою.

«Како содержиши законъ Бахусовъ?

«Бахусовымъ (питіемъ) чрево свое, яко бочку наполняю. И тако всегда творю. И учити врученныхъ мнѣ обѣщаюсь. Инако-же мудрствующія отвергаю.

«Налагаютъ руки архижрецы.

«Рукополагаю азъ пьяный сего нетрезваго.

«Налагаютъ шапку съ возгласомъ: вѣнецъ иглы Бахусовой налагаю на главу твою.

«Послѣ сего поютъ: аксіосъ.

«Во всемъ этомъ явно пародируется чинъ православной архіерейской присяги и посвященія и выраженія изъ него взяты и изуродованы. Такъ литература вдругъ оскорбляетъ и религію, и нравственность, и царскій родъ. То, что сіе основано на современныхъ письменныхъ документахъ, не служитъ къ оправданію. Нечистоты существуютъ: но ихъ выносить на улицу и показывать народу можетъ рѣшиться только нездравомыслящій или потерявшій чувство приличія.

«3) Въ «Сѣверной пчелѣ» 1861 г. (№ 256) по случаю критики на одну хрестоматію выписаны слова Христа Спасителя (Матѳ. гл. 5-я, ст. 13 и 14). Слова Христовы по мѣстамъ съ особенною цѣлію напечатаны курсивомъ, съ знаками вопроса, удивленія и съ критическими замѣчаніями въ скобкахъ. Привожу ихъ такъ, какъ они напечатаны въ «Сѣверной пчелѣ»: «Вы соль земли (?!). Если же соль потеряетъ силу (?), то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже *ни къ чему* не годна (?!), *какъ развѣ выбросить ее вонъ* (вотъ что значитъ не знать наукъ!) на попраніе (?!) людямъ. *Вы свѣтъ міра.* Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы (отъ чего укрыться?) и т. д. Вслѣдъ за словами Спасителя сочинитель говоритъ: «мы можемъ только сказать, что это издается для народа, которому, по мнѣнію г. Невскаго, логичность въ мысли совершенно излишня».

Т. е. критикъ полагаетъ, что въ точныхъ словахъ Христа Спасителя нѣтъ логичности мысли, и что они подлежатъ тѣмъ порицательнымъ знакамъ недоумѣнія и удивленія, которые онъ разставилъ между словами евангельскаго текста. Такъ судящій Христа видно не имѣетъ притязанія быть и почитаться вѣрующимъ во Христа. А провозглашая свой судъ въ

народѣ, онъ видно надѣется заслужить рукоплесканія за свое свободное сужденіе и желаетъ распространить свой образъ мыслей.

«Между тѣмъ какъ государственная мудрость изыскиваетъ средства законами и правительственными мѣрами преградить разрушительное вліяніе противурелигіозныхъ и противунравственныхъ мудрованій и направленій и охранить духъ религіозный и нравственный, который есть истинная душа и сила жизни общественной; не есть ли долгъ церкви и ея служителей, при видѣ усилій ослабить сей духъ и распространяющагося ослабленія, не тревожнымъ, но тихимъ дѣйствованіемъ возбуждать въ народѣ сознаніе своей грѣховности и расположеніе къ смиренной и покаянной молитвѣ, для избѣжанія гнѣва и прощенія Божія и для привлеченія вышней помощи дѣлу самоисправленія и общественному исправленію? Не благо ли было бы, еслибы такими чувствованіями дѣйствительно одушевились чада московской церкви,— и не одной московской?» *).

Письмо это не преминуло оказать свое вліяніе въ цензурныхъ сферахъ. «Современникъ», и безъ того уже не пользовавшійся благоволеніемъ начальства, подвергся еще большимъ подозрѣніямъ, что же касается до автора статейки въ «Сѣверной Пчелѣ», то подвергшись полицейскому слѣдствію, онъ лишилъ себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера, и Аскоченскій въ 13 выпускѣ (марта 31-го 1862 г.) своей «Домашней бесѣды» извѣстилъ объ этомъ обстоятельствѣ слѣдующимъ образомъ:

Страшное извѣщеніе. Богъ видитъ, что не съ злорадованіемъ, а съ желаніемъ внушить, кому слѣдуетъ, осторожность, сообщаемъ слѣдующее извѣщеніе: читатели «Домашней бесѣды» безъ сомнѣнія были глубоко возмущены сатанинскимъ кощунствомъ нѣкоего Піотровскаго, который дерзнулъ подвергнуть критикѣ и кощунственному осмѣянію слова самаго Христа Спасителя («Дом. бесѣда» 1861, вып. 49, стр. 974); объ этомъ ужасномъ кощунствѣ заявлено и въ письмѣ московскаго священнослужителя. Что же? Въ полицейскихъ вѣдомостяхъ мы читаемъ: «18 марта. Васильевской части, въ 6-мъ часу пополудни, дворянинъ Игнатій Піотровскій, въ 21 году отъ роду, въ квартирѣ своей застрѣлился отъ револьвера». Ужасно! Но иначе и быть не могло. Богъ поругаемъ не бываетъ!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Работы подготовительной комиссіи и ея раздѣленіе на двѣ партіи. — Комиссія кн. Оболенскаго.—Указъ о временныхъ правилахъ.—Двоевластіе въ цензурномъ вѣдомствѣ. - Мнѣнія періодической прессы о свободѣ печати.—Проектъ «Дня»; полемика этой газеты съ Фуксомъ и пріостановленіе «Дня».—Пріостановленіе «Современника» и «Русскаго Слова».—Запрещеніе перевода романа В. Гюго «Lesmyserables».—Рядъ сообщеній министерства внутр. дѣлъ и прочихъ вѣдомствъ. Преобладающая роль министерства вн. дѣлъ; его обвинительныя рѣчи и защитительныя рѣчи министерства народн. просв. — Лебединая пѣсня послѣдняго и окончательная передача цензурнаго вѣдомства въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

I.

Открытіе смѣшанной комиссіи изъ четырехъ чиновниковъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ произвело сильное возбужденіе, какъ въ обществѣ, такъ въ особенности въ литературныхъ сферахъ. Комиссія была

---

*) «Душеполезн. чтеніе», 1862 г., № 1, стр. 3—9.

осаждена различными проектами и мнѣніями частныхъ лицъ. Между прочимъ редакторы нѣсколькихъ петербургскихъ изданій подали записку, которая читалась на засѣданіи комиссіи. Записка эта отрицала вполнѣ предварительную цензуру и требовала свободы слова. «Каждый редакторъ и писатель, говорилось въ запискѣ: --справляется прежде всего съ личными воззрѣніями своего цензора и старается поладить съ нимъ въ извѣстныхъ пунктахъ, пригладить наружность статьи согласно его вкусу, дѣлать ему уступки въ извѣстныхъ отношеніяхъ, въ другихъ требуя отъ него такихъ-же... Занятый своею игрою съ цензурой, редакторъ не имѣетъ ни времени, ни охоты, ни побужденія самъ вникать въ требованія закона, въ практическія условія времени, въ виды правительственной власти, совпадающіе съ существенными интересами народа и общества. Трудно рѣшить, кто отъ этого болѣе теряетъ... Вся горечь, которая необходимо развивается изъ отношеній редактора или автора къ цензору, переносится на самое правительство, а иногда и на самые предметы, которые поставлены подъ охрану закона; вотъ источникъ того прискорбнаго антагонизма, который замѣчается у насъ между правительствомъ и мыслящею частью общества»...

Въ виду всѣхъ этихъ заявленій на третьемъ засѣданіи комиссіи было рѣшено: приступить къ разсмотрѣнію устава, имѣя по возможности въ виду постепенный переходъ отъ предупредительной цензуры въ карательную. Но на слѣдующемъ засѣданіи голоса совершенно раздѣлились: члены министерства народнаго просвѣщенія пошли въ одну сторону, члены-же министерства внутреннихъ дѣлъ— въ другую совершенно противуположную.

Члены министерства народнаго просвѣщенія, вѣрные традиціямъ своего министерства и привычной имъ цензурной практикѣ, высказались въ пользу преобладанія предупредительной цензуры. «Если въ другихъ государствахъ, говорили они: карательныя мѣры встрѣчаютъ не частое примѣненіе, то причину сего должно искать между прочимъ и въ болѣе зрѣломъ положеніи ихъ литературы, и въ большей опытности, осторожности и предусмотрительности издателей. Наша-же литература, и въ особенности журналистика страдаетъ еще въ сильной степени юношескою пылкостью, увлеченіемъ и опрометчивостью. Она нуждается еще въ руководствѣ, предостереженіи, даже въ обузданіи. Въ странахъ, гдѣ водворена законная свобода управленія и прессы, издателю не трудно сообразоваться съ существующими положительными законами. Но можетъ-ли у насъ редакторъ во всякое время знать кромѣ общихъ правилъ цензурнаго устава еще частныя распоряженія и даже одни виды правительства, которые однакоже служатъ важнымъ элементомъ въ цензурномъ дѣлѣ? Можетъ-ли частный человѣкъ, редакторъ быть проникнутъ такъ, какъ чиновникъ, сознаніемъ обязанностей своихъ къ правительству, когда онъ, набирая въ журналъ статьи, преимущественно обращаетъ вниманіе на литературныя ихъ достоинства. Неодобряемое цензурою весьма большое число статей можетъ служить доказательствомъ, какъ мало редакторы заботятся о томъ, чтобы ихъ изданія соотвѣтствовали требованіямъ и пользѣ правительства» *).

На основаніи всѣхъ этихъ доводовъ члены министерства народнаго просвѣщенія не могли не прійти къ глубокому убѣжденію, что карательная система цензуры въ полномъ ея значеніи не можетъ быть введена у насъ въ настоящее

*) Записка председателя комитета для пересмотра ценз. уст. д ст. сов. Берте и члена сего комит., ст. сов. Янкевича, 1862 г., стр. 19.

время, когда сильное броженіе умовъ, разгаръ страстей отдѣльныхъ партій и политическое движеніе между европейскими народами указываютъ на необходимость предупреждать сильными мѣрами вредное на массу публики вліяніе неблагонамѣренныхъ публицистовъ. Если страхъ наказанія и въ другихъ государствахъ не всегда предупреждаетъ выходки литературы, то можно-ли съ увѣренностью утверждать, что наши писатели и издатели будутъ воздержнѣе и что между ними не найдутся такіе, которые признаютъ понесенное ими за твердую стойкость въ своихъ убѣжденіяхъ и за свободу мысли и слова наказаніе, какъбы вѣнцомъ мученичества за правду и которые пріобрѣтутъ тѣмъ въ своей партіи еще большее уваженіе и силу? Не проще-ли и не вѣрнѣе-ли предупреждать преступленіе, нежели, допустивъ его, преслѣдовать виновнаго и принимать не всегда успѣшныя мѣры къ устраненію распространеннаго уже вреда? И такъ намъ нужна цензура бдительная, благоразумная, *предупредительная*, очищенная отъ излишнихъ формальностей, но сближаемая съ системою карательною, черезъ введеніе въ нее, въ извѣстной мѣрѣ элемента законности *).

Сводя всѣ эти соображенія, члены министерства народнаго просвѣщенія пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Существующій нынѣ уставъ о цензурѣ признается удовлетворительнымъ, но нѣкоторыя изъ частныхъ его постановленій могутъ быть измѣнены, пополнены и пояснены, сообразно съ настоящими потребностями литературы. Существеннымъ-же измѣненіемъ въ уставѣ можетъ быть: освобожденіе нѣкоторыхъ изданій отъ предварительной цензуры: 1) періодическихъ изданій правительственныхъ мѣстъ и учрежденій, за исключеніемъ политическихъ и литературныхъ, въ которыхъ статьи политическаго и литературнаго содержанія должны подвергаться общей цензурѣ; 2) изданія и сочиненія частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ ученыя—по математикѣ, физикѣ, химіи, технологіи, сельскому хозяйству, моды, словари, справочныя и адрессовыя книги, указатели, ноты безъ словъ» *).

Члены-же министерства внутреннихъ дѣлъ напротивъ того заявили о необходимости полнаго преобладанія карательной системы цензуры надъ предварительною, и вмѣстѣ съ тѣмъ перехода цензурнаго вѣдомства въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Предварительная цензура, по ихъ мнѣнію, можетъ имѣть мѣсто лишь въ трехъ случаяхъ, когда административная власть дѣйствуетъ исключичельно отъ своего имени, какъ напримѣръ во время военнаго положенія и тому подобныхъ обстоятельствъ; при нормальномъ-же порядкѣ вещей сочиненія могутъ подвергаться предварительной цензурѣ лишь тогда, когда издатели и редакторы отказываются принимать на себя отвѣтственность по всей строгости карательныхъ законовъ.

Вслѣдствіе этого раздвоенія мнѣній составились два радикально противуположные проекта: одинъ съ усиленнымъ предупредительнымъ характеромъ, другой съ преобладаніемъ судебныхъ преслѣдованій за нарушеніе законовъ о печати **).

Новый министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ въ началѣ 1862 года представилъ государю императору эти два противуположныя мнѣнія смѣшанной комиссіи, при чемъ съ своей свороны высказался въ пользу мнѣнія членовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, т. е. за уничтоженіе предварительной

*) Ibid., стр. 27, 34.
**) «Истор. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 98.

цензуры и за передачу въ министерство внутреннихъ дѣлъ обязанности преслѣдовать судомъ нарушенія законовъ о печати. Государь по выслушаніи этого доклада повелѣлъ, чтобы существующія постановленія по дѣламъ книгопечатанія были пересмотрѣны, а до введенія новыхъ законовъ исполнялись въ точности существующія съ тѣмъ что если нѣкоторые изъ нихъ устарѣли и сдѣлались совершенно неудобоисполнимыми, то замѣнить ихъ *временными* правилами.

Во исполненіе монаршей воли А. В. Головнинъ исходатайствовалъ учрежденіе особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря кн. Оболенскаго, для пересмотра, измѣненія и дополненія всѣхъ вообще постановленій по дѣламъ книгопечатанія. Въ предложеніи предсѣдателю комиссіи министръ, указывая на необходимость охраненія вѣры, православной церкви, уваженія ко всѣмъ вообще церквамъ, основныхъ государственныхъ законовъ, неприкосновенности верховной власти, особъ Императорской фамиліи, нравственности вообще, чести и домашней жизни каждаго, а въ то же время на необходимость допускать сужденія о несовершенствѣ прочихъ законовъ, о несовершенствѣ и злоупотребленіяхъ администраціи, о мѣстныхъ нуждахъ и недостаткахъ, порокахъ и слабостяхъ людскихъ вообще, предоставлялъ комиссіи обсудить: а) какія книги и періодическія изданія можно было-бы вовсе освободить отъ предварительной цензуры; б) возможно-ли освободить отъ цензуры всѣ вообще періодическія изданія, съ тѣмъ чтобы редакторъ имѣлъ право выбора: печатать безъ цензуры подъ собственною отвѣтственностью, или обращаться къ цензору, не отвѣчая уже за пропущенную статью.

Для доставленія-же этой комиссіи средствъ обсудить вопросъ съ возможною многосторонностью министръ народнаго просвѣщенія затребовалъ мнѣніе цензоровъ и предложилъ литературѣ въ свою очередь высказаться по этому поводу *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда-же, именно 12-го января министръ разослалъ по цензурному вѣдомству слѣдующій циркуляръ:

Замѣчая въ послѣднее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ явныя упущенія со стороны гг. цензоровъ, которые весьма слабо исполняютъ обязанности, возложенныя на нихъ цензурнымъ уставомъ, и приписывая это обстоятельство ожиданію скорой перемѣны дѣйствующихъ въ отношеніи къ цензурѣ правилъ, я прошу немедленно объявить гг. цензорамъ, что предполагаемыя измѣненія въ цензурномъ уставѣ, какъ и всякая ожидаемая перемѣна закона, не слагаетъ обязанности исполнять законъ существующій. Посему предлагаю строжайше предписать гг. цензорамъ исполнять нынѣшнія цензурныя правила безъ малѣйшаго послабленія, подъ личною отвѣтственностью» **).

Но комиссія кн. Оболенскаго не успѣла еще совершить возложеннаго на нее порученія, какъ 10 марта 1862 года былъ данъ пр. сенату именной указъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ.

«Признавая необходимымъ для болѣе успѣшнаго исполненія постановленій цензурнаго устава преобразовать цензурное управленіе, повелѣваемъ: 1) Главное управленіе цензуры упразднить. 2) Наблюденіе, чтобы въ печати не являлось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, возложить на министерство внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы министерство это о замѣченныхъ упущеніяхъ сообщало для зависящаго распоряженія относительно изданій, подлежащихъ общей цензурѣ—министерству народнаго просвѣщенія; относительно изданій,

---

*) «Истор. свѣд. о цenз. въ Россіи», стр. 105.

**) «Вѣстн. Евр.», 1882 г., № 4, Ценз. реформ., стр. 144.

подлежащихъ духовной цензурѣ — оберъ-прокурору св. Синода. 4) Прочія затѣмъ обязанности Главнаго управленія цензуры возложить на министра народнаго просвѣщенія, предоставивъ ему права сего учрежденія и подчинивъ ему непосредственно цензурные комитеты и отдѣльныхъ цензоровъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. 5) Не подвергать вовсе разсмотрѣнію общей цензуры всѣ изданія правительственныхъ учрежденій и «Губернскія Вѣдомости», предоставивъ начальствамъ сихъ учрежденій и губернаторамъ поручать цензурованіе оныхъ лицамъ по своему выбору съ тѣмъ, чтобы въ сомнительныхъ только случаяхъ лица сіи обращались къ цензорамъ министерства нар. просвѣщенія, а гдѣ оныхъ не полагается, къ директорамъ училищъ (6 и 7). Изъ специальныхъ цензуръ оставить въ прежней силѣ лишь духовную цензуру и министерство двора; по всѣмъ же прочимъ предметамъ министерству народнаго просвѣщенія только въ сомнительныхъ случаяхъ обращаться къ другимъ вѣдомствамъ; вслѣдствіе чего отмѣнить назначенныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ довѣренныхъ чиновниковъ для просмотра статей касающихся этихъ вѣдомствъ. 9) Канцелярію Главнаго управленія цензуры переименовать въ Особенную канцелярію министра народнаго просвѣщенія, а правителя дѣлъ ея въ правителя Особенной канцеляріи, сохранивъ оной нынѣшній штатъ и ассигнованную на сію канцелярію сумму» *).

Вслѣдъ затѣмъ 12 мая 1868 г. были утверждены слѣдующія тринадцать временныхъ правилъ по цензурѣ:

1) Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность верховной власти и ея атрибутовъ, уваженіе къ особамъ царствующаго дома, непоколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждаго.

2) Не допускать къ печати сочиненій и статей излагающихъ вредныя ученія социализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи.

3) При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволять къ печатанію только специальныя ученыя разсужденія, написанныя тономъ приличнымъ предмету и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ.

4) Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій.

5) Разсужденія, указанныя въ предыдущихъ двухъ пунктахъ, дозволять только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою не менѣе семи рублей въ годъ.

6) Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предоставляется, по взаимному ихъ соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія, причислить оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ пунктахъ 3 и 4, и прекратить каждое періодическое изданіе на срокъ не долѣе восьми мѣсяцевъ.

7) Не допускать къ печати статьи: а) въ которыхъ возбуждается неприязнь и ненависть одного сословія къ другому и б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы.

8) Не дозволять распубликованія по однимъ слухамъ предполагаемыхъ будто бы правительственныхъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.

9) Статьи за подписью правительственныхъ лицъ дозволять къ печатанію не иначе, какъ по положительномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной присылкѣ ихъ отъ этихъ лицъ.

10) Въ отношеніи къ статьямъ и извѣстіямъ политическимъ, наблюдать общее правило объ охраненіи чести и домашней жизни царствующихъ иностранныхъ государей и членовъ ихъ семействъ отъ оскорбленія печатнымъ словомъ и о соблюденіи приличія при изложеніи дѣйствій иностранныхъ правительствъ.

11) Редакція каждаго періодическаго изданія, представляя въ цензуру какую-либо статью, обязана знать, кто именно авторъ оной, для сообщенія по востребованію судебныхъ мѣстъ и министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

12) Независимо изложенныхъ здѣсь правилъ, цензоры обязаны руководствоваться нижеслѣдующими особыми постановленіями при цензурованіи статей, касающихся военной части, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

13) За симъ считать отмѣненными состоявшіяся съ 1828 по 1 января 1862 года по-

*) «Сборн. постан.», стр. 466—468.

становленія и распоряженія по цензурѣ, исключая поименованныхъ на прилагаемомъ при семъ спискѣ.

Кромѣ этихъ временныхъ правилъ въ цензурные комитеты были разосланы два приложенія: 1) особое наставленіе для цензоровъ и 2) списокъ всѣхъ прежнихъ законовъ по дѣламъ печати, не подвергнувшихся отмѣненію. Считаемъ не лишнимъ указать на нѣсколько существенныхъ пунктовъ этого наставленія.

Такъ прежде всего наставленіе предписывало не допускать статей оскорбительныхъ для чести русскаго войска, могущихъ поколебать понятіе о дисциплинѣ и уваженіе къ ней или ослабить уваженіе публики къ военному сословію. Затѣмъ запрещалось допущеніе къ печати статей, въ которыхъ заподозрѣвается истина фактовъ, объявляемыхъ въ государственныхъ финансовыхъ актахъ, или имѣющихъ цѣлью повредить государственному кредиту и произвести колебаніе курсовъ. Далѣе предписывалось не допускать извѣстій о постановленіяхъ и совѣщаніяхъ дворянскихъ и городскихъ собраній безъ разрѣшенія въ С.-Петербургѣ министра внутреннихъ дѣлъ, а въ провинціи безъ разрѣшенія мѣстныхъ губернскихъ начальствъ, которые обязаны удостовѣряться, что сообщаемыя извѣстія согласны съ истиною, что передаваемыя постановленія получили законное утвержденіе и распубликованіе и не противно видамъ правительства; не допускать статей, касающихся будто-бы правъ дворянства на обсужденіе въ дворянскихъ собраніяхъ общихъ государственныхъ дѣлъ и вопросовъ, равно какъ и наоборотъ—статей оскорбительныхъ для дворянскаго сословія или высказывающихъ мнѣнія о необходимости уничтоженія дворянства, какъ государственнаго учрежденія. По крестьянскому дѣлу—не допускать порицать положеній 19-го февраля 1861 г. и вообще ничего противнаго основнымъ началамъ ихъ, статей, въ которыхъ излагаются мнѣнія о принадлежащемъ будто бы крестьянамъ правѣ собственности на землю, предоставленную имъ только въ пользованіе на установленныхъ въ законѣ условіяхъ: не допускать осужденія постановленій мѣстныхъ губернскихъ присутствій, никакихъ рѣзкихъ и язвительныхъ отзывовъ объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами и вообще статей, которыя могли-бы возбуждать неудовольствіе и раздраженіе одного сословія противъ другого. По еврейскому вопросу предписываются статьи, требующія расширенія гражданскихъ правъ евреевъ, представлять на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Въ видахъ усиливавшагося броженія въ Царствѣ Польскомъ—не допускать статей, въ которыхъ доказывается необходимость возстановленія независимости Польши, хотя бы эти статьи относились не непосредственно къ Царству Польскому, но и къ Галиціи и Великому Княжеству Познанскому, и не дозволять примѣненія польскаго алфавита къ русскому языку, печатать русскія или малороссійскія статьи латино-польскими буквами и т. д. *).

Временныя правила съ ихъ приложеніями были разосланы по цензурнымъ комитетамъ при циркулярѣ отъ 17 мая, въ которомъ было сказано:

«Вы получите вмѣстѣ съ симъ одобренныя государемъ императоромъ «Временныя правила» для дѣйствія цензоровъ. Предлагаю вамъ назначить неотлагательно чрезвычайное собраніе цензурнаго комитета и, прочитавъ въ ономъ помянутыя правила, объявить гг. цензорамъ: 1) что отнынѣ должно прекратиться то слабое цензурованіе, которое имѣло слѣдствіемъ, что наши періодическія изданія наполнялись статьями, въ которыхъ систематически постоянно осуждалось все, что дѣлаетъ правительство, и которыя имѣли явною цѣлью возбужденіе въ обществѣ неудовольствія противъ правительства, и 2) что засимъ г. цензоръ, который будетъ нѣсколько разъ замѣченъ въ упущеніяхъ, будетъ уволенъ отъ службы» **).

---

*) «Сборн. постановл.», стр. 468—474.

**) «В. Евр.», 1882 г., № 5, стр. 156.

II.

Законъ 10 марта объ уничтоженіи Главнаго управленія цензуры и о предоставленіи наблюденія за печатью министерства внутреннихъ дѣлъ повелъ къ еще большему осложненію дѣлъ и путаницѣ въ цензурномъ вѣдомствѣ. Теперь это вѣдомство стало зависѣть разомъ отъ двухъ министерствъ, дѣйствовавшихъ каждое отдѣльно и самостоятельно безъ всякаго предварительно обсужденнаго общаго плана и согласія. Министерство народнаго просвѣщенія почти съ перваго-же дня обнародованія этого закона увидѣло себя подъ непрестаннымъ контролемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое начало осыпать его безпрерывными отношеніями о различныхъ опущеніяхъ цензуры, подчасъ крайне мелочныхъ, заключающихся въ допущеніи нѣсколькихъ рѣзкихъ фразъ въ какой-нибудь газетной статейкѣ. Возникла безконечная переписка между министерствами причемъ министерство народнаго просвѣщенія иногда не соглашалось съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и представляло ему свои возраженія, по большей-же части разсылало циркуляры по цензурному вѣдомству относительно замѣчаній министерства внутреннихъ дѣлъ и подвергало выговорамъ и болѣе строгимъ взысканіямъ провинившихся цензоровъ, призывало къ себѣ редакторовъ для объявленія имъ и принятія къ свѣдѣнію замѣчаній министерства внутреннихъ дѣлъ и т. п.

Такъ въ № 51 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1862 годъ была напечатана статья мирового посредника Албранда, подъ заглавіемъ «Образчикъ рѣшенія одного изъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу», въ которой содержалось порицаніе постановленій губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія касательно требованія повинностей въ пользу помѣщиковъ съ временно-обязанныхъ крестьянъ, надѣленныхъ одною усадебною землею, и вотъ министерство внутреннихъ дѣлъ черезъ два лишь дня послѣ обнародованія закона 10 марта успѣло уже обратиться въ министерство народнаго просвѣщенія о недопущеніи впредь подобныхъ статей *).

Вслѣдъ затѣмъ 15 марта министерство внутреннихъ дѣлъ, обративъ вниманіе на появленіе въ періодическихъ изданіяхъ статей, въ которыхъ на основаніи будто-бы историческихъ разслѣдованій высказывалась мысль, что помѣщичьи земли нѣкогда принадлежали и должны-бы принадлежать крестьянамъ, усмотрѣло въ этомъ несогласіе съ сущностью положеній 19 февраля и просило министерство народнаго просвѣщенія возбудить вопросъ: не слѣдуетъ-ли дать соотвѣтственныя указанія цензурному вѣдомству? Головнинъ по этому вопросу обратился съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ государю императору и по высочайшему повелѣнію предложилъ цензурнымъ комитетамъ сдѣлать распоряженіе: 1) чтобы въ газетахъ и литературныхъ журналахъ не допускалось вовсе статей о правѣ будто-бы собственности крестьянъ на землю, состоящую только въ ихъ пользованіи и 2) чтобы въ книгахъ и спеціально-ученыхъ журналахъ подобныя статьи допускались не иначе, какъ ученыя разсужденія» *).

Не задолго передъ тѣмъ произошло столкновеніе В. В. Григорьева (впослѣдствіи начальника Главнаго управленія по дѣламъ печати) съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего Григорьевъ принужденъ былъ оставить постъ

*) Ibid., стр. 145.

губернатора киргизской области. Вслѣдствіе этого столкновенія Григорьевъ прислалъ изъ Оренбурга въ газету «Акціонеръ» статью подъ заглавіемъ «О нашихъ среднеазіатскихъ дѣлахъ». Въ статьѣ этой, напечатанной въ № 12 «Акціонера», авторъ приводитъ нѣсколько фактовъ неудавшагося поселенія русскихъ на низовьяхъ Сыра и заключаетъ: «Теперь уже дѣло испорчено, а лѣтъ десять тому назадъ, несмотря на всѣ неудобства, можно еще было колонизировать Сыръ людьми русской крови. Надобно только было приняться не казеннымъ образомъ,— а какимъ именно мы указали; но планъ нашъ не былъ принятъ, какъ несообразный съ господствовавшими тогда, да и теперь еще господствующими административными понятіями». Далѣе на стр. 92, столб. 3 объясняетъ, что «удержаніе въ покорности коканскаго ханства, въ случаѣ завоеванія его, стоило-бы огромныхъ издержекъ, которыя и падутъ всею тяжестью на чисто русскія области, и безъ того отдувающіяся за всѣ финансово-филантропическія затѣи нашихъ бюрократовъ», а на стр. 93, столб. 1 увѣряетъ, что онъ пишетъ это «въ поученіе, между прочимъ, и *нѣкоторымъ военнымъ людямъ*, которые въ стремленіи нахватать чиновъ и украситься разною кавалеріею весьма не прочь втянуть правительство въ кровавое и совершенно безполезное дѣло завоеванія Ташкента».

Министерство внутреннихъ дѣлъ не замедлило обратить вниманіе на эту статью, написанную противъ него и немедленно отнеслось въ министерство народнаго просвѣщенія съ замѣчаніемъ, что «означенныя выраженія не слѣдовало-бы допускать къ печати по тому уваженію, что онѣ заключаютъ въ себѣ укоръ частію правительству, частію правительственнымъ лицамъ» *).

Мы уже видѣли выше, что при открытіи комиссіи кн. Оболенскаго, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ литературѣ высказаться по поводу преобразованія законовъ о печати. Литература не замедлила конечно горячо отозваться на этотъ вопросъ, столь близкій къ ней и роковой для ея процвѣтанія и развитія.

Во всѣхъ журналахъ и газетахъ послѣдовала масса статей объ этомъ предметѣ. Такъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» было напечатано изслѣдованіе Де-Роберти, подъ заглавіемъ «Англійская журналистика»; въ «Отечественныхъ Запискахъ», появилась статья Скарятина «Замѣтки о судѣ надъ печатью въ Тосканѣ»; въ «Русскомъ Словѣ» было напечатано нѣсколько очерковъ Лагодина «Изъ исторіи печати во Франціи», въ «Сѣверной Пчелѣ»—«Законы о печати въ Англіи». Даже «Православное Обозрѣніе» посвятило вопросу о цензурѣ особенную статью подъ заглавіемъ «Нужно-ли преобразованіе духовной цензуры», въ которой авторъ между прочимъ говоритъ: «Комиссія конечно будетъ имѣть въ виду избавить литературу отъ стѣсненій напрасныхъ, задерживающихъ ея развитіе. Нельзя не желать устраненія подобныхъ стѣсненій и для литературы духовной. Одною изъ главныхъ причинъ слабаго развитія духовной нашей письменности была требовательность духовной цензуры, простиравшаяся даже на самое качество слога».

Но особенное вниманіе возбудили славянофильскій органъ «День» передовою статьею № 32-го и «Современникъ» двумя статьями въ мартовской книжкѣ за 1862-й годъ: «Письмо по дѣлу преобразованія цензуры» и «Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія».

Газета «День» въ № 32-го предложила цѣлый проектъ законовъ о книгопечатаніи. Во главѣ этого проекта стояло положеніе: «Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской имперіи, безъ различія

*) Ibid., стр. 148—149.

званія и состоянія». Каждый русскій подданный имѣетъ полное право печатать, равно и заводить типографіи, безъ всякаго разрѣшенія, лишь съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: желающій открывать типографію обязанъ получать на оную свидѣтельство отъ мѣстной городской думы или волостнаго правленія, съ платою не свыше 100 рублей пошлины въ пользу волости или города; желающій издавать періодическое изданіе «сообщаетъ мѣстной полиціи *къ свѣдѣнію* имя отвѣтственнаго редактора, названіе, условія, программу изданія, и затѣмъ ни въ какомъ уже разрѣшеніи не нуждается. Ни полиція, ни министерство внутреннихъ дѣлъ не должны имѣть права безъ приговора суда остановить періодическое изданіе, если на немъ есть подпись редактора и фирма типографіи: имъ предоставляется право преслѣдовать злоупотребленіе печати передъ судомъ, уже по выходѣ въ свѣтъ виновнаго нумера. Преступныя дѣйствія въ области публичнаго слова должны подлежать единственно вѣдѣнію тѣхъ-же судебныхъ учрежденій, которымъ подлежатъ и всякія другія преступныя дѣйствія. Но такъ какъ по особеннымъ условіямъ нашего общественнаго развитія не всякое судебное мѣсто можетъ быть компетентно, т. е. можетъ вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ условіямъ, которыхъ требуетъ судъ надъ преступными дѣйствіями въ области слова, и такъ какъ существовавшій еще въ то время порядокъ судопроизводства былъ неудобенъ для рѣшенія дѣлъ этого рода, то проектъ предлагалъ создать для печати особенный судъ присяжныхъ, которые ежегодно должны избираться изъ лицъ, имѣющихъ аттестаты объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Проектъ «Дня» возбудилъ большую сенсацію въ обществѣ и литературѣ. Въ правительственныхъ сферахъ имъ были конечно не довольны, такъ какъ онъ далеко оставлялъ за собою виды правительства относительно цензурныхъ реформъ, предлагая полную свободу слова въ то время, когда цензурныя реформы были предприняты напротивъ того съ тою цѣлью чтобы обуздать прессу. Понятно, что правительство не оставило проектъ «Дня» безъ вниманія и возраженія. Оппонентомъ отъ правительства выступилъ г. Викторъ Фуксъ, который въ № 112 газеты «Наше Время» напечаталъ статью подъ заглавіемъ «Замѣтка по поводу напечатанной въ № 32 «Дня» статьи о законодательствѣ по дѣламъ печати». Представляя рядъ возраженій противъ проекта «Дня», г. Фуксъ между прочимъ говоритъ въ своей замѣткѣ: «Нельзя не смотрѣть безъ боязни на столь рьяныхъ законодателей. Если мы часто въ правѣ сѣтовать па слишкомъ медленное движеніе законодательныхъ реформъ, то наоборотъ нерѣдко намъ приходится испытывать опасенія пострадать отъ слишкомъ отчаянной поспѣшности».

Редакція «Дня» возразила на эти слова въ № 34 своей газеты въ отвѣтной статьѣ на замѣтку г. Фукса слѣдующее:

«Не говоря уже о тонѣ этихъ словъ, не только докторальномъ, но докторально-оффиціальномъ, мы просто не понимаемъ, чего такъ испугался г Фуксъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что нашъ проектъ не больше, какъ наше частное личное мнѣніе, что мы ни въ какихъ законодательныхъ комиссіяхъ и ни въ какой государственной службѣ не состоимъ. Мы, напротивъ, имѣемъ полное основаніе пугаться высказанныхъ имъ мнѣній потому, между прочимъ, что это мнѣніе не одного г. Фукса, а и многихъ въ Петербургѣ. Смѣемъ увѣрить его, что ни одинъ изъ дѣятелей литературныхъ не раздѣляетъ страха, испытываемаго г. Фуксомъ изъ Петербурга, хотя бы и находилъ нашъ проектъ ошибочнымъ или неудобнымъ. И что же ему страшно? Освобожденіе авторовъ отъ отвѣтственности, право печатать безъ предварительнаго разрѣшенія правительства?... Нѣтъ, г. Фуксъ, вы не принадлежите къ средѣ литературной, свободной и независимой. Мы вовсе и не ставимъ вамъ этого въ вину, но къ чему же вводить въ заблужденіе людей непосвященныхъ?»

Проектъ «Дня» равно и приведенная нами полемика по поводу его отягчи-

лись еще однимъ обстоятельствомъ, навлекшимъ гнѣвъ начальства на эту газету, издававшуюся въ то время первый еще годъ. Именно въ № 31 «Дня» подъ рубрикою «Смѣсь» былъ перепечатанъ изъ «Русскаго Инвалида» текстъ оффиціальнаго извѣстія о наказаніяхъ, которымъ подвергнуты лица, произведшія 10-го апрѣля того года безпорядки въ одной изъ варшавскихъ церквей, именно: изъ числа арестованныхъ по приказанію исправлявшаго должность намѣстника Царства Польскаго одинъ былъ отданъ подъ военный судъ, какъ главный виновникъ, двѣнадцать человѣкъ опредѣлены на службу рядовыми; остальные-же, менѣе виновные, посажены на нѣсколько недѣль подъ арестъ въ казематъ.— Предполагая, что русскій переводъ этого извѣстія не вѣренъ, или что самый подлинникъ написанъ неправильно, редакція «Дня» высказала при этомъ опасеніе, что «можетъ распространяться въ Европѣ мнѣніе, будто у насъ и въ самомъ дѣлѣ можно, схвативши людей на улицѣ по подозрѣнію въ безпорядкахъ, отдавать ихъ въ солдаты безъ суда, безъ допроса, не разбирая ни возраста, ни званія, ни обстоятельствъ жизни и самаго дѣла». Министерство внутреннихъ дѣлъ не замедлило сообщить въ министерство народнаго просвѣщенія свое мнѣніе о допущеніи къ печати подобной статейки, какъ о важномъ упущеніи со стороны цензуры. «Переводъ «Инвалида», писало оно: дѣйствительно невполнѣ точенъ; но редакція «Дня» получающая и варшавскія газеты, знала одинаково и польскій текстъ, и текстъ русскаго перевода. Подобнаго рода журнальныя хитрости не должны-бы быть терпимы, ибо при предположеніи лишь невѣрности опубликованнаго текста могли-бы подвергаться всякаго рода нападкамъ и даже рѣшительному осужденію въ печати не только правительственныя распоряженія, но и самые законы и изъявленія высочайшей воли. Означенная статья газеты «День» представляется еще предосудительнѣе и неумѣстнѣе въ печати по тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится Царство Польское. Кромѣ усиленія раздраженія умовъ, она можетъ еще поселить мнѣніе, что русское общество, или по крайней мѣрѣ, журналистика сочувствуетъ виновникамъ повторяющихся тамъ безпорядковъ» *).

Въ совокупности всѣхъ этихъ провинностей газета «День» послѣ № 34 была пріостановлена до 1-го сентября того же года, причемъ г. Аксаковъ былъ лишенъ права быть отвѣтственнымъ редакторомъ «Дня», и это лишеніе продолжалось до конца года.

Что касается до вышеупомянутыхъ статей въ «Современникѣ», то содержаніе ихъ раскроется передъ нами въ слѣдующемъ отношеніи по поводу ихъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ министерству народнаго просвѣщенія:

«Въ № 3 «Современника» за мартъ мѣсяцъ текущаго года помѣщены двѣ статьи, относящіяся до предполагаемаго преобразованія цензуры: 1) «Письмо по дѣлу преобразованія цензуры» (Совр. обозрѣніе, стр. 59) и 2) «Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія». Обѣ онѣ, по увѣренію авторовъ, написаны вслѣдствіе объявленія высочайше учрежденной для сего коммиссіи, приглашающей литературу къ участію въ уясненіи возникающихъ вопросовъ по сему предмету. Въ первой статьѣ обращаетъ на себя вниманіе одно мѣсто, стр. 63, строка 4, гдѣ высказана мысль объ освобожденіи отъ всякой отвѣтственности авторовъ по довольно странному предположенію, что они во время сочиненія логическою послѣдовательностью мысли могутъ быть увлечены за предѣлы, указанные распоряженіемъ правительства. Во второй статьѣ послѣ чрезвычайно натянутой попытки доказать, что книгопечатаніе, какъ и всякое другое ремесло, можетъ вообще обойтись безъ спеціальныхъ законовъ и управляться одними общими (стр. 141, 142), авторъ находитъ, что для тѣхъ государствъ, гдѣ эта спеціальность признавалась бы нужною, французское законодательство представляетъ самый полный примѣръ. По-

*) Ibid., стр. 164.

этому въ статью свою онъ включилъ въ переводѣ текстъ важнѣйшихъ постановленій, изданныхъ тамъ съ 1814 г. по настоящее время; затѣмъ слѣдуетъ подробный разборъ этихъ законовъ по эпохамъ ихъ изданія и по современнымъ видамъ и нуждамъ каждаго изъ правленій, смѣнявшихся въ семъ періодѣ во Франціи. Разборъ этотъ составляетъ рядъ комментаріевъ, довольно искусно подобранныхъ къ основной мысли автора, заключающейся въ томъ, что каждому изъ различныхъ правленій Франціи (кромѣ республики, когда не было цензуры) общественное мнѣніе было противно; что къ каждому изъ нихъ большинство народа питало враждебное чувство и что поэтому каждое имѣло необходимость стѣснять все болѣе и болѣе выраженіе общественной мысли. Придя къ такому общему выводу, авторъ оправдывается, что не будетъ разбирать теперь вопросовъ, до какой степени нужны были бы у насъ спеціальные законы по дѣламъ печати и оканчиваетъ такъ: «Мы опасаемся, что добросовѣстное изслѣдованіе привело бы насъ къ отвѣту: «да, они нужны» По соображенію этого съ предыдущимъ, заключеніе вытекаетъ само собою и отвѣтъ на вопросъ, почему авторъ такъ думаетъ, очень простъ: именно, что цензура у насъ нужна для того, чтобы не давать высказываться общественному мнѣнію, неблагопріятному будто бы для правительства. Но чтобы вполнѣ уразумѣть смыслъ и тенденцію этихъ статей, нужно прочитать помѣщенную въ томъ же нумерѣ «Современника» въ отдѣлѣ литературы (стр. 177) какъ бы пріуготовительную къ общему заключенію статью: «Журналистика во Франціи во время консульства и имперіи», гдѣ подробно и въ рѣзкихъ чертахъ описаны мѣры, которыя принималъ Наполеонъ I къ подавленію всякаго выраженія общественной мысли, высказана безуспѣшность этихъ мѣръ и пагубныя ихъ послѣдствія для него же самого. Всѣ эти статьи взаимно объясняются и дополняются и въ одной именно статьѣ о журналистикѣ можно было сказать и сказано много такого, что въ двухъ другихъ не было бы пропущено. Связь существующая между ними ведетъ къ заключенію, что это сопоставленіе ихъ въ одномъ нумерѣ не есть дѣло случайности. Нельзя также оставить безъ вниманія, что авторъ послѣдней статьи сгруппировалъ и высказалъ такія стороны французской исторіи, которыя весьма близко подходятъ къ современнымъ обстоятельствамъ Россіи и, представляя ихъ болѣе или менѣе въ неблагопріятномъ свѣтѣ, возбуждаетъ такимъ образомъ въ читателяхъ чувство неудовольствія и духъ порицанія прямо противъ нашихъ правительственныхъ дѣйствій» и т. д.

Послѣ нѣсколькихъ новыхъ отношеній министерства внутреннихъ дѣлъ къ министерству народнаго просвѣщенія касательно различныхъ статей въ журналахъ «Современникъ» и «Русское Слово», министръ народнаго просвѣщенія 15 іюня сообщилъ петербургскому цензурному комитету, что «на основаніи § IV Высочайше утвержденныхъ 12 мая 1862 г. «Временныхъ правилъ» по цензурѣ г. министръ внутреннихъ дѣлъ и онъ, по взаимному соглашенію, признали нужнымъ прекратить на восемь мѣсяцевъ изданіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово» *).

III.

Считаемъ не лишнимъ привести еще нѣсколько отношеній министерства внутреннихъ дѣлъ къ министерству народнаго просвѣщенія втеченіе 1862 года о цензурныхъ опущеніяхъ того времени.

Такъ особенное вниманіе министерства вн. дѣлъ было обращено на печатаніе въ то время во многихъ періодическихъ изданіяхъ романа В. Гюго «Les Miserables». Уже 9 мая министерство вн. дѣлъ отнеслось къ министру нар. просвѣщенія, что въ продолженіи романа В. Гюго «Отверженные», въ разговорѣ сенатора и епископа развиты основныя мысли матеріализма. «Такое опопуляризированіе идей матеріализма, по мнѣнію министерства вн. дѣлъ, уступаетъ только одному роману Евгенія Сю «Mystères du peuple», который признанъ вреднѣе всѣхъ атеистическихъ сочиненій Штрауса и другихъ, запрещенныхъ во Франціи и Германіи.

*) Ibid., стр. 151—153, 166.

Такой-же демократизмъ господствуетъ въ романѣ Гюго, какъ и въ романѣ Сю. Такое пренебреженіе господствующихъ началъ всякаго благоустроеннаго общества въ романѣ Гюго должно было обратить вниманіе цензора. Здѣсь явно высказывается одностороннее стремленіе автора-демократа подорвать религію и монархію, что противорѣчитъ основнымъ положеніямъ нашей цензуры» и т. д.

Вслѣдствіе этого отношенія министерство народнаго просвѣщенія начало строго слѣдить за переводомъ романа В. Гюго. Такъ 29 іюня сообщено было министерствомъ спб. ценз. комитету, что «по случаю изданія отдѣльною книгою перевода В. Гюго «Les Miserables», высшему правительству угодно, чтобы цензура съ особеннымъ вниманіемъ и строгостью пересматривала этотъ переводъ». Іюля 6 состоялось слѣдующее предложеніе того-же министерства тому-же комитету: «вслѣдствіе представленія отъ 3 іюля, имѣю честь увѣдомить, чтобы цензура не дозволяла продолжать печатать переводъ романа В. Гюго «Les Misérables», такъ какъ послѣдніе томы этого сочиненія имѣютъ самое вредное направленіе», а отъ 10 іюля было предложено: «въ послѣдствіе сообщеннаго запрещенія продолжать печатаніе въ повременныхъ изданіяхъ перевода романа В. Гюго «Les Miserables», я не нахожу возможнымъ изданіе нынѣ отдѣльными книжками тѣхъ частей этого романа, которыя уже были помѣщены въ журналахъ и газетахъ» *).

Іюля 2-го министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Если журналы «Современникъ» и «Русское Слово подверглись временному запрещенію вслѣдствіе замѣченныхъ въ нихъ систематически-вредныхъ, противурелигіозныхъ и противуправительственныхъ теорій, то въ настоящее время кажется, что ту же самую мѣру надлежало бы принять въ отношеніи къ газетѣ «Современное Слово». Поводомъ къ самому возникновенію ея было неблагонамѣренное направленіе, данное ея издателемъ оффиціальной военной газетѣ «Русскій Инвалидъ». Изданіе «Современ. Слова» разрѣшено съ тѣмъ, чтобы не нарушая заключеннаго на счетъ изданія «Русск. Инвалида» контракта, отдѣлить по крайней мѣрѣ вредныя литературныя писанія отъ оффиціальной части газеты. Съ тѣхъ поръ направленіе этихъ писаній не только не измѣнилось, но обнаруживаетъ еще болѣе систематическое стараніе противудѣйствовать видамъ правительства и возбуждать умы противъ настоящаго общественнаго порядка. Достаточно указать на статью по вопросу о поджогахъ, на статью въ № 22 о духѣ прусской конституціи, и на другую статью, гдѣ говорится, подъ предлогомъ сравненія Америки съ Франціею, о томъ, что политическіе преступники не должны подлежать карѣ, потому что въ ихъ преступленіяхъ всегда есть доля самопожертвованія. Цѣль подобныхъ заявленій, послѣ покушенія на жизнь великаго князя намѣстника, и въ виду высочайшаго повелѣнія судить военнымъ судомъ подстрекателей къ безпорядкамъ, слишкомъ очевидна, чтобы оставаться незамѣченной. Тоже самое относится и къ статьѣ о прусской конституціи, и если цензоръ можетъ не замѣчать попытокъ оправдывать разнаго рода злодѣйства или прикрывать наименованіемъ какого нибудь иностраннаго государства то, что не могло бы быть выражено на счетъ Россіи, то подобныя попытки не должны ускользнуть отъ вниманія министерствъ, наблюдающихъ за дѣйствіями прессы. Нельзя также не принять въ соображеніе, что ежедневная газета должна подлежать еще болѣе строгому наблюденію, чѣмъ ежемѣсячный журналъ». Въ заключеніе предлагалось прекратить изданіе «Совр. Слова» на срокъ примѣрно пяти или шести мѣсяцевъ».

Министерство народнаго просвѣщенія на этотъ разъ не согласилось съ мѣрою, предложенною министромъ внутреннихъ дѣлъ и 4 іюля отвѣчало ему: «Въ отвѣтъ на сообщеніе отъ 2 іюля и вслѣдствіе личнаго объясненія имѣю честь увѣдомить, что я объявилъ редактору «Современнаго Слова», что газета его подвергнется

---

*) «Вѣстн. Евр.», 1882 г., № 5, стр. 160—163.

неминуемо временному прекращенію въ случаѣ продолженія нынѣшняго направленія помѣщаемыхъ въ ней статей, и предписалъ цензурующему оную цензору усилить внимательность свою и строгость при пересмотрѣ статей».

Того-же 4 іюля министерство вн. дѣлъ прислало министру народнаго просвѣщенія новое сообщеніе: въ № 5 журнала «Время», въ статьѣ подъ заглавіемъ «Законы о печати во Франціи» авторъ говоритъ о безполезности, даже о вредѣ цензуры вообще между прочимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «можетъ возникнуть предположеніе, что общественное мнѣніе можетъ быть истреблено, подавлено дѣятельными запретительными мѣрами, если это будетъ признано удобнымъ въ административномъ отношеніи. Но въ нашемъ вѣкѣ даже на минуту подумать это—неблагопристойно, непотребно, и если Луи-Наполеонъ это дѣлаетъ, то всякій сколько-нибудь опытный машинистъ скажетъ, что это неблагоразумно. Стѣнки всякаго пароваго котла устроены такъ, что могутъ выдержать большое давленіе запертаго внутри пара; но всему есть мѣра, и если плотно запереть всѣ предохранительные клапаны, то котелъ нѣсколько времени продержится, а потомъ, неизвѣстно въ какую именно минуту, неожиданно лопается и откидываетъ трупъ неосторожнаго машиниста на груду труповъ всѣхъ его друзей и попутчиковъ» (стр. 175 и 176). Разсуждая о постановленіяхъ карательной цензуры во Франціи, авторъ называетъ эту цензуру веревкою удавленника, распущенною настолько, чтобы паціентъ задохнулся не сейчасъ-же (стр. 178 и 179). Цензура предупредительная по словамъ статьи ни для религіи, ни для морали, ни для власти не оказала никакихъ услугъ; въ прошломъ столѣтіи она не умѣла ничего предупредить (стр. 183). Столь рѣзкія сравненія и сужденія имѣютъ цѣлью вооружить читающую публику противъ существующаго и у насъ порядка цензуры, а также заранѣе поселить въ обществѣ предубѣжденіе противъ тѣхъ мѣръ, какія будутъ приняты правительствомъ въ предполагаемомъ къ изданію новомъ цензурномъ уставѣ» *).

Около того-же времени, именно 3 іюля министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало слѣдующее распоряженіе по петерб. ценз. комитету: «Въ журналѣ «Искра» помѣщается постоянно, въ продолженіе уже довольно долгаго времени, особый отдѣлъ, подъ названіемъ «Намъ пишутъ», въ которомъ разсказываются, подъ вымышленными именами мѣстъ и лицъ, случавшіяся будто-бы въ нашихъ губерніяхъ происшествія, большею частію въ служебномъ мірѣ, причемъ какъ лица, такъ и происшествія выставляются въ самомъ каррикатурномъ и часто совершенно ложномъ видѣ. Названія мѣстъ и лицъ въ этихъ статейкахъ употребляются въ разныхъ нумерахъ «Искры» для каждой мѣстности тѣ же самыя, такъ что читатели, слѣдящіе внимательно за симъ журналомъ, легко могутъ найти нить приводимымъ разсказамъ; такимъ образомъ дѣйствительно въ публикѣ составился полный ключъ симъ названіямъ, и всѣ читатели знаютъ, что, напримѣръ, вмѣсто Грязнославля, Крутогорска, Чернилина, должно читать: Екатеринославль, Вятка и Черниговъ. Появленіе въ печати такого рода доносовъ, такъ сказать привиллегированныхъ, ибо оклеветанное и опозоренное въ нихъ лицо не имѣетъ никакой возможности ни оправдаться, ни защищаться противъ взводимыхъ на него обвиненій, составляетъ безпримѣрный въ исторіи литературы фактъ злоупотребленія печатнымъ словомъ». Вслѣдствіе этого, найдено было необходимымъ запретить на

---

*) Ibid, стр. 167. 168.

будущее время печатаніе въ «Искрѣ» отдѣла «Намъ пишутъ» и вообще всякихъ обличительныхъ статей подобнаго рода» *).

Августа 8-го министерство вн. дѣлъ сообщило министру народнаго просвѣщенія, что въ № 46 «Современнаго Слова», въ фельетонѣ помѣщенъ разборъ сочиненія о духоборцахъ. Рецензентъ замѣчаетъ, что «у нихъ (духоборцевъ) нѣтъ между собою собственности, но каждый имѣніе свое почитаетъ общимъ». Вслѣдъ за симъ, какъ-бы одобряя это, говоритъ: «страннопріимство также не послѣдняя между ними добродѣтель». Далѣе: «духоборецъ отрицаетъ и государство, и увѣренъ, что люди могли-бы жить хорошо и безъ всякаго раздѣленія ихъ границами, таможнями и правленіями». Принимая во вниманіе, что печатное распространеніе столь ложнаго и пагубнаго ученія, особенно въ ежедневной газетѣ, можетъ имѣть вредное вліяніе на читателей тѣмъ болѣе, что авторъ высказалъ это ученіе не только безъ опроверженія, но еще съ видимымъ одобреніемъ онаго, означенную статью въ ея настоящемъ видѣ не слѣдовало-бы допускать къ печати» **).

Августа 22-го министерство внутреннихъ дѣлъ вновь сообщило министерству народнаго просвѣщенія:

Въ № 223 «Сѣверной Пчелы», на стр. 889, стат. 4, въ статейкѣ о новомъ законѣ «О мѣрахъ къ охраненію земельныхъ угодій отъ потравъ и другихъ поврежденій», по которому «полевой сторожъ, уличенный въ ложномъ показаніи, удаляется отъ должности, подвергается взысканію на основаніи уложенія о наказаніяхъ и во всякомъ случаѣ навсегда лишается права быть полевымъ сторожемъ», авторъ выражаетъ искреннее желаніе, чтобъ это высокое начало лишенія права занимать прежнюю должность законодательство наше примѣнило не къ однимъ крестьянамъ, полевымъ сторожамъ, стражамъ чужой собственности, но ввело бы его въ практику въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ стражамъ высшихъ степеней и разныхъ сословій, которымъ казна и разныя общества ввѣряютъ охрану своихъ имуществъ и своихъ интересовъ; такъ какъ нарушившаго присягу чиновника или иного казеннаго или общественнаго дѣятеля не только не штрафуютъ часто изгнаніемъ съ почетнаго мѣста, но еще спокойнымъ образомъ смотрятъ на дальнѣйшіе его подвиги, или же, согнавъ лживаго слугу съ одного теплаго мѣста, сажаютъ на другое еще болѣе теплое мѣсто. Далѣе авторъ, указавъ въ примѣръ на слышанную имъ исторію о проигрышѣ чиновника въ карты казенной суммы до милліона, и о томъ, что одинъ изъ игроковъ, прогнанный съ очень виднаго и почетнаго мѣста, вскорѣ получилъ новое назначеніе, должность предсѣдателя какой-то палаты, прибавляетъ: «подобные случаи бывали нерѣдко. Видя такое осмѣяніе общественной нравственности, могъ ли народъ, могла ли публика наша воспитать въ себѣ чувство уваженія къ классу коронныхъ дѣятелей? Какими глазами она исторически привыкла на нихъ смотрѣть?» Въ этой статьѣ очевидно проводится та мысль, что правительство наше, принимая въ законодательствѣ строгія мѣры противъ преступленій въ низшихъ классахъ общества, на такія же совершаемыя преступленія въ привиллегированномъ классѣ, извѣстныя исторически и воспитавшія уже въ народѣ чувство неуваженія къ дѣйствіямъ сего класса, смотритъ будто бы снисходительно и даже какъ бы поощряетъ ихъ. А потому статьи этой, какъ могущей возбудить недовѣріе къ правительству и непріязнен-

---

*) Ibid, стр. 147.

**) «В. Евр.» 1882 г., № 6, стр. 594.

ныя чувства низшихъ классовъ общества къ высшимъ, не слѣдовало бы допускать къ печати» и т. д.*).

3-го октября 1862 г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ: «Наблюдательное чтеніе педагогическаго журнала «Ясная Поляна», издаваемаго гр. Толстымъ, приводитъ къ убѣжденію, что этотъ журналъ, проповѣдующій совершенно новые пріемы преподаванія и основныя начала народныхъ школъ, нерѣдко распространяетъ такія идеи, которыя независимо отъ ихъ неправильности по самому направленію своему оказываются вредными. Не входя въ подробный разборъ доктрины этого журнала и не указывая на отдѣльныя статьи и выраженія, что впрочемъ не представило бы затрудненій, я считаю нужнымъ обратить вниманіе вашего пр—ства на общее направленіе и духъ этого журнала, нерѣдко низвергающее самыя основныя правила религіи и нравственности. Продолженіе этого журнала въ томъ же духѣ по моему мнѣнію должно быть признано тѣмъ болѣе вреднымъ, что издатель, обладая значительнымъ и можно сказать увлекательнымъ литературнымъ дарованіемъ, не можетъ быть заподозрѣнъ ни въ злоумышленности, ни въ недобросовѣстности своихъ убѣжденій. Зло заключается именно въ ложности и такъ сказать въ эксцентричности этихъ убѣжденій, которыя, будучи изложены съ особеннымъ краснорѣчіемъ, могутъ увлечь на этотъ путь неопытныхъ педагоговъ и сообщить неправильное направленіе дѣлу народнаго образованія. Имѣю честь сообщить о семъ вамъ, м. г., въ томъ предположеніи, что не изволите ли вы признать полезнымъ обратить особенное вниманіе цензора на это изданіе».

Получивъ это отношеніе, министръ народнаго просвѣщенія поручилъ разсмотрѣть всѣ вышедшія книги журнала «Ясная Поляна» и сообщилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ 24-го октября того же года, что какъ по собственному наблюденію министерства, такъ и по содержанію представленнаго ему, министру, отчета о «Ясной Полянѣ», въ направленіи помянутаго изданія нѣтъ ничего вреднаго и противнаго религіи, но встрѣчаются крайности педагогическихъ воззрѣній, которыя подлежатъ критикѣ въ ученыхъ педагогическихъ журналахъ, а никакъ не запрещенію со стороны цензоровъ. «Вообще, писалъ министръ народнаго просвѣщенія:—я долженъ сказать, что дѣятельность гр. Толстого по педагогической части заслуживаетъ полнаго уваженія, и министерство народнаго просвѣщенія обязано помогать ему и оказывать сочувствіе, хотя и не можетъ раздѣлять всѣхъ его мыслей, отъ которыхъ, послѣ многосторонняго обсужденія, онъ и самъ вѣроятно откажется» **).

Октября 28-го министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило: «Въ № 41 газеты «День», въ статьѣ «Договоръ Порты съ Черногоріею», стр. 12, въ столбцѣ 2 говорится, что черногорцы, помогавшіе русскимъ въ войнѣ противъ французовъ и содѣйствовавшіе экспедиціи адмирала Синявина, должны были уступить единственный свой портъ Австріи, «уступить безъ войны, единственно по требованію Александра I, великодушнаго благотворителя австрійцевъ и пруссаковъ». Не слѣдовало бы встрѣчать въ русской газетѣ такую ироническую выходку противъ монарха, котораго память уважается всею Европою. Къ этой же категоріи должно отнести фельетонъ № 281 «Сѣверной Пчелы», подъ заглавіемъ «Аракчеевскія поселенія на Украйнѣ». Статья эта вообще отличается рѣзкостью тона, въ осо-

*) Ibid, стр. 596.
**) «Истор. Вѣстн.» 1884 г., № 3, стр. 590.

бенности же самое окончаніе ея: «счастливъ этотъ несчастный мономанъ села Грузина, что его громадныя и опасныя ошибки исправлены теперь такою опытною рукою». Реформы, указанныя опытомъ и совершающіяся въ настоящемъ, не даютъ никому права отзываться съ такимъ презрѣніемъ о столь близкомъ къ намъ прошедшемъ. Дѣятельность гр. Аракчеева по устройству военныхъ поселеній ободрялась въ два прошедшія царствованія; слѣдовательно даваемое ей названіе мономаніи въ высшей степени дерзко» и т. д.

Ноября 8-го министръ внутреннихъ дѣлъ пишетъ: «Въ послѣдне время въ періодической прессѣ участились нападки на полицію, выходящія нерѣдко за предѣлы всякаго приличія и отличающіяся своею безусловностью и общностью. Такъ въ № 285 «Сѣверной Пчелы», въ статьѣ: «Голосъ изъ Саратова» (стр. 1139, столб. 4), разсуждая о предоставленномъ городскому сословію правѣ составить правила для городскаго управленія и приводя слова императора Петра I, что «полиція есть душа гражданства», нѣкто г. Орловъ прибавляетъ: «собственно говоря полиціи въ настоящемъ ея значеніи нѣтъ въ Россіи. Несостоятельность ея намъ вполнѣ открыта современною литературою. Нѣкогда и мы указали гласно, что полиція составляется въ Россіи большею частью изъ личностей неспособныхъ» и т. д. Сообразивъ это съ тѣмъ, что въ передовой статьѣ того же нумера сказано (стр. 1, столб. 2) о распространеніи «Сѣверной Пчелы» между низшими классами народонаселенія, съ которыми полиція находится въ ежеминутномъ столкновеніи, едва ли можно признать одобрительнымъ такую характеристику, которая окончательно роняетъ полицію въ общественномъ мнѣніи. Какъ будто по взаимному соглашенію редакцій тотъ же предметъ еще обширнѣе и съ бо́льшимъ ожесточеніемъ развитъ въ № 115 «Современнаго Слова» (стр. 468, столб. 4 и стр. 469, столб. 1). Во всѣхъ газетахъ разсказанъ былъ случай произвольнаго арестованія какого-то г. Тарновскаго какимъ-то полиціймейстеромъ-полковникомъ. Хотя несомнѣнность факта ничѣмъ не удостовѣрена, тѣмъ не менѣе «Современное Слово» воспользовалось этимъ случаемъ для высказанія въ самыхъ рѣзкихъ фразахъ своего негодованія къ полицейскимъ властямъ вообще; не довольствуясь представленіемъ въ самыхъ черныхъ краскахъ настоящаго положенія, газета эта даже отнимаетъ надежду на будущее. Она говоритъ: «Можемъ ли мы надѣяться, что и въ новомъ судопроизводствѣ это правило (чтобы арестованный былъ спрошенъ втеченіе 24 часовъ) не останется мертвою буквою, какъ оно теперь остается въ наказѣ судебныхъ слѣдователей? На чемъ основываясь мы должны этого надѣяться? Развѣ полиціймейстеры съ изданіемъ новаго положенія измѣнятся или ихъ замѣнятъ немедленно другими?» и т. д. Въ № 117 «Современнаго Слова» описанъ также случай произвольнаго и неправильнаго по показанію автора статьи распоряженія полиціи и мѣстныхъ властей по крестьянскому дѣлу (стр. 476, столб. 4 и др.). Такимъ образомъ втеченіе четырехъ дней въ двухъ газетахъ три нападки на полицію. Кажется, что не слѣдовало бы дозволять прессѣ въ ожиданіи возвѣщенныхъ преобразованій разрушать до основанія довѣріе къ существующему порядку. Если до извѣстной степени и можно бы позволить указывать на недостатки существующаго, то ни въ какомъ случаѣ по смыслу изданныхъ для цензуры правилъ не должно бы допускать неблагопріятныхъ догадокъ о томъ, что будетъ и заранѣе уже поселять въ обществѣ недовѣріе къ успѣшности улучшеній, предпринимаемыхъ правительствомъ» *).

---

*) «В. Евр.» 1882 г., № 6, стр. 599—600.

Ноября 30-го министръ внутреннихъ дѣлъ представлялъ: «Въ фельетонѣ № 317 «Сѣверной Пчелы» (стр. 1271, столб. 1) авторъ, говоря о великосвѣтскихъ раутахъ, особенно начавшихся у князя Ю., выражается такъ: «на всѣхъ этихъ раутахъ, какъ извѣстно, господствуетъ соблюденіе этикета, строгое сохраненіе приличій, образцовая вѣжливость—и не мудрено. Тамъ, какъ выразился колко одинъ поэтъ, собирается:

«... Цвѣтъ столицы,
Ума и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы...»

Хотя въ цензурныхъ правилахъ нѣтъ такого постановленія, которымъ воспрещалось бы печатаніе подобныхъ отзывовъ, но благонамѣренная редакція и особенно цензоръ по требованію простой вѣжливости въ отношеніи къ каждому лицу даже изъ низшихъ классовъ общества не должны бы допускать къ печать въ органѣ гласности столь грубыхъ и оскорбительныхъ выходокъ противъ высшаго свѣтскаго общества».

Наконецъ послѣднее отношеніе въ 1862 г. министерства внутреннихъ дѣлъ къ министру народнаго просвѣщенія съ замѣчаніями на упущенія цензуры состоялось 24-го декабря:

«Въ № 156 газеты «Современное Слово» (стр. 142, столб. 2) подъ рубрикою «Славянскія земли», помѣщено извѣстіе изъ Кракова, о представленіи тамошней палаты адвокатовъ воинскому высшему суду относительно политическихъ процессовъ, производящихся въ краковскомъ уголовномъ судѣ противъ лицъ дозволившихъ себѣ пѣть запрещенныя пѣсни. Палата адвокатовъ выразила мнѣніе, что пѣсни эти не имѣютъ никакого возмутительнаго или революціоннаго смысла и преслѣдованіе за пѣніе ихъ она находитъ несправедливымъ. Въ виду существующихъ запрещеній упомянутыхъ пѣсенъ въ царствѣ польскомъ и западныхъ губерніяхъ и признанной правительствомъ вмѣняемости въ вину нарушеній сихъ запрещеній помѣщеніе въ русской газетѣ приведеннаго извѣстія изъ Кракова должно по крайней мѣрѣ признать неблаговиднымъ и неумѣстнымъ. Въ № 341 «Сѣв. Пчелы», въ передовой статьѣ, говоря о сѣверо-американской войнѣ, проводится мысль, что южные штаты имѣли полное право отдѣлиться отъ союза, и что этотъ разрывъ не можетъ считаться мятежемъ. Мысль эту авторъ статьи подтверждаетъ слѣдующимъ общимъ положеніемъ: «Политика не признаетъ безусловныхъ истинъ; единодушная воля цѣлаго народа или государства отложиться отъ другого, совершенно достаточна, чтобы оправдать шагъ, подобный тому, который сдѣлали южныя республики бывшаго вашингтонскаго союза». Проповѣдуемое здѣсь правило, кромѣ своего общаго демократическаго характера, можетъ еще имѣть и очень предосудительное значеніе въ примѣненіи къ тѣмъ государствамъ, которыя составлены изъ разнородныхъ частей и разноплеменныхъ народностей» *).

Мы привели только нѣсколько наиболѣе выдающихся сообщеній министра внутреннихъ дѣлъ изъ всей той массы, какую вы можете встрѣтить на страницахъ «Вѣстника Европы» въ статьѣ Усова «Цензурная реформа». Но и Усовъ въ свою очередь говоритъ, что приведенныя имъ бумаги составляютъ далеко не всю массу переписки между двумя вѣдомствами. Между тѣмъ по словамъ Усова эта переписка была не единственная: министерство народнаго просвѣщенія получило одновременно не мало сообщеній, указаній и отъ другихъ нашихъ вѣдомствъ, на которыя вовсе не было возложено наблюденіе за печатью и нетолько вѣдомствъ русскихъ, но даже и иностранныхъ. Такъ министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи Друэнъ де-Монсъ писалъ 3 декабря нашему посланнику слѣдующую жалобу на двѣ статьи «Сѣверной Пчелы».

*) Ibid, стр. 604, 609.

Герцогу де-Монтебелло, Парижъ, 15-го декабря 1862 г.

«Господинъ герцогъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ (во Франціи) указалъ мнѣ, и я имѣю честь при семъ препроводить вамъ выдержки изъ корреспонденцій, напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Настроеніе этой газеты вовсе не соотвѣтствуетъ дружественному свойству отношеній, существующихъ между обоими государствами, равно какъ между обоими правительствами. Намъ достаточно будетъ, я въ томъ увѣренъ, обратить на эти статьи вниманіе князя Горчакова, чтобы побудить раздѣлять съ нами то чувство, которое онѣ намъ внушаютъ. Поэтому я прошу васъ показать ихъ ему, не сомнѣваясь въ томъ, что онъ поспѣшитъ признать справедливость нашихъ замѣчаній и принять, на сколько это отъ него зависитъ, необходимыя мѣры, чтобы положить конецъ полемикѣ, на которую мы считаемъ себя въ правѣ жаловаться. Примите, и проч. Друэнъ-де-Монсъ *).

Въ № 44 за 1862 г. сатирическаго журнала «Гудокъ» появилась каррикатура подъ названіемъ «Изъ семейной хроники римскаго вопроса», сущность которой состояла въ настойчивомъ требованіи императрицею Евгеніею у своего супруга Наполеона III, чтобы онъ не оставлялъ безъ защиты свѣтской власти римскаго папы. Министръ иностранныхъ дѣлъ князь А. М. Горчаковъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что онъ съ своей стороны не можетъ вообще одобрить появленія въ сатирическихъ журналахъ политическихъ каррикатуръ, потому что «подобныя каррикатуры потрясаютъ уваженіе къ монархической власти». Въ доказательство своего мнѣнія, князь Горчаковъ сослался на означенную каррикатуру въ № 44 «Гудка», которой по его мнѣнію цензурѣ не слѣдовало бы пропускать.

Министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ объясненія отъ петербургскаго цензурнаго комитета, почему подобная каррикатура была пропущена. Комитетъ отвѣчалъ, что дозволеніе на помѣщеніе означенной коррикатуры и вообще просторъ, данный политическому отдѣлу въ нашихъ журналахъ, произошли не случайно и не по неосмотрительности, но въ уваженіе слѣдующихъ причинъ.

Политическія каррикатуры существуютъ и нигдѣ не почитаются опаснымъ орудіемъ для потрясенія монархическихъ началъ. Доказательствомъ служитъ то, что изъ всѣхъ западныхъ государствъ, едва ли не въ Англіи верховная власть пользуется наибольшимъ уваженіемъ, и между тѣмъ нигдѣ болѣе, какъ въ Англіи не появляется политическихъ каррикатуръ. У насъ въ Россіи вкусъ къ этимъ каррикатурамъ до сихъ поръ еще мало былъ развитъ, но при существованіи трехъ сатирическихъ листковъ въ Петербургѣ и при безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Западомъ, увеличивающихся особенно въ послѣднее время съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, каррикатуры во множествѣ привозятся изъ-за границы, причемъ онѣ тѣмъ еще безвредны, что вовсе непонятны для огромной массы публики и могутъ быть разгаданы только наиболѣе образованнымъ обществомъ. Наши же сатирическіе журналы помѣщаютъ ихъ болѣе для того, чтобы не отстать отъ заграничныхъ сатирическихъ листковъ, которымъ они стараются подражать. Запрещеніе же всѣхъ подобныхъ каррикатуръ произвело бы безъ всякой надобности раздраженіе въ журналистикѣ и придало бы этимъ листкамъ слишкомъ большое значеніе. Поэтому не представляется возможности и не предвидится особенной надобности въ воспрещеніи перепечатки изъ заграничныхъ журналовъ политическихъ каррикатуръ, безвредность которыхъ признается цензурою. Каррикатура.

*) Ibid, стр. 610.

о которой упоминаетъ князь Горчаковъ, взята цѣликомъ изъ берлинскаго сатирическаго журнала «Kladderadatch». Цензурный комитетъ, исключивъ изъ подлинника всѣ надписи и подписи, которыя могли бы показаться оскорбительны, не затруднился дозволить эту каррикатуру, намекающую на обстоятельство, извѣстное всей читающей публикѣ, а именно, что императрица французовъ настойчиво дѣйствуетъ на Наполеона III, убѣждая его не оставлять въ Римѣ безъ защиты свѣтской власти папы. Впрочемъ всѣ каррикатуры иностранныхъ журналовъ, которыя по содержанію своему могли бы быть дѣйствительно оскорбительны для царствующихъ особъ или касались бы тѣхъ изъ нихъ, которые связаны родственными отношеніями съ нашею императорскою фамиліею, какъ напримѣръ каррикатуры, направленныя противъ короля прусскаго и нашего правительства, въ настоящее время не одобряются цензурою. Что же касается до политическаго отдѣла въ журналахъ, то при большемъ просторѣ, даваемомъ этому отдѣлу, казалось бы министръ иностранныхъ дѣлъ можетъ только выигрывать, потому что съ одной стороны наше правительство при настоящемъ его либеральномъ направленіи имѣетъ возможность не безъ пользы для себя прислушиваться къ говору общественнаго мнѣнія, съ другой же стороны господинъ вице-канцлеръ при личныхъ своихъ сношеніяхъ съ представителями чужеземныхъ державъ можетъ на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 8-го марта 1862 г. отклонять отъ себя всякую солидарность со всѣми мнѣніями по вопросамъ внѣшней политики, которые высказываются въ нашихъ журналахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ можетъ иногда не безъ пользы, въ случаѣ когда того потребуютъ виды нашего правительства и интересы нашей заграничной политики, ссылаться на общественное мнѣніе, выражающееся въ печати, которое нынѣ у насъ, какъ и вездѣ, день ото дня получаетъ большее и большее значеніе *).

Виленскій военный генералъ-губернаторъ съ своей стороны жаловался на «Сѣверную Пчелу» шефу жандармовъ. «Въ № 310 «Сѣв. Пчелы», писалъ онъ подъ рубрикою: «Польская хроника» помѣщено извѣстіе о фактѣ, совершившемся въ Ковенской губерніи (сборъ денегъ по частной подпискѣ въ пользу дѣтей покойнаго поэта Сырокомли). Извѣстія подобнаго рода о различныхъ случаяхъ и событіяхъ, происходившихъ въ западныхъ нашихъ провинціяхъ, уже не разъ появлялись на столбцахъ «Сѣверной Пчелы» подъ указанною выше рубрикою. Какъ ни маловажно повидимому подобное обстоятельство, встрѣчающееся въ русской газетѣ, но въ сущности оно даетъ въ руки враговъ русской народности въ этомъ краѣ оружіе — защищать свои интересы и права и упрекать правительство въ отнятіи у нихъ того, чтò признаетъ ихъ собственностью русская газета, служащая въ нѣкоторой степени отголоскомъ общественнаго мнѣнія въ Россіи». Разсматривая съ этой точки зрѣнія характеръ отдѣла въ «Сѣверной Пчелѣ» польской хроники и полагая неумѣстнымъ помѣщеніе въ этомъ отдѣлѣ статей, подобныхъ приведеннымъ выше, генералъ Назимовъ проситъ, не будетъ-ли признано возможнымъ обязать редакцію «Сѣверной Пчелы», чтобы на будущее время подъ рубрикою «Польской хроники», не были помѣщаемы свѣдѣнія, факты и вообще предметы относящіеся до западнаго края Россіи»**).

---

*) «Истор. В.», 1884 г. стр. 575—577.
**) «В. Евр.» № 6, стр. 611.

IV.

Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ отношеній министерства внутр. дѣлъ и прочихъ вѣдомствъ, министерство народнаго просвѣщенія съ своей стороны осыпало цензурное вѣдомство массою циркуляровъ, въ которыхъ указывалось на непріятное для правительства направленіе печати. Такъ въ циркулярѣ отъ 1-го іюня говорилось:

«Государь императоръ, обративъ вниманіе на то, что во многихъ статьяхъ, появившихся въ послѣднее время въ журналахъ и газетахъ, замѣтна цѣль возбудить недоброжелательство и недовѣріе къ правительству, причемъ постоянно даются правительству наставленія, высочайше повелѣть соизволилъ: возложить на особую отвѣтственность гг. цензоровъ и самихъ предсѣдателей цензурныхъ комитетовъ, чтобы подобныя статьи не допускались въ печати и чтобы всякія разсужденія, касающіяся правительства, дозволялись только въ выраженіяхъ приличныхъ и умѣренныхъ. Въ циркулярѣ отъ 8 іюля сообщалось, что «Государь императоръ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, изволилъ приказать не допускать къ печати никакихъ статей, написанныхъ съ враждебнымъ къ правительству направленіемъ, такъ какъ статьи подобнаго рода имѣли въ послѣднее время весьма вредное вліяніе, особенно на молодыхъ людей, которыхъ вводили въ заблужденіе насчетъ видовъ и намѣреній правительства» *).

Подобные циркуляры хотя и имѣли видъ самостоятельныхъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія, возвѣщавшаго лишь волю монарха, тѣмъ не менѣе во всѣхъ нихъ видно сильное вліяніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Послѣднее положительно примировало во всѣхъ дѣлахъ цензурнаго вѣдомства и министерство нар. просвѣщенія являлось въ этомъ отношеніи какою-то подчиненною властью по отношенію къ нему. Такъ, не ограничиваясь своими отношеніями, министерство внутреннихъ дѣлъ представило въ іюнѣ 1862 года особую записку «О неблагонамѣренномъ направленіи значительнѣйшей части нашей литературы и неосновательности сужденій, произносимыхъ въ публикѣ на счетъ дѣйствій и распоряженій правительства». Главная мысль этой записки заключалась въ томъ, что для устраненія неблагопріятныхъ послѣдствій неблагонамѣреннаго направленія и неосновательныхъ сужденій литературы, надлежало бы распространять въ печати точныя свѣдѣнія о принятыхъ въ послѣднее время правительствомъ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ, и печатными статьями, написанными въ благонамѣренномъ духѣ противодѣйствовать вліянію статей, направленныхъ противъ правительства.

Записка эта была выслушана въ совѣтѣ министровъ 15-го іюля и получила высочайшее одобреніе, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что было признано неудобство явной полемики между оффиціозными журналами правительства и частными изданіями, и въ видахъ практическаго осуществленія общей мысли записки высочайше повелѣно было: 1) подтверждать къ исполненію со стороны цензуры, какъ общей, такъ и духовной и всѣхъ вообще вѣдомствъ, цензурныя правила о недопущеніи въ печати статей явно вредныхъ по своему направленію или по неприличію изложенія; 2) поставить въ обязанность всѣмъ вѣдомствамъ и управленіямъ имѣющимъ свои журналы болѣе часто указывать, какъ въ этихъ изданіяхъ, въ статьяхъ оффиціальныхъ, такъ и въ полуоффиціальныхъ статьяхъ, печатаемыхъ въ частныхъ журналахъ и газетахъ, на принятыя по разнымъ отраслямъ администраціи законодательныя и административныя мѣры, направленныя

*) «Вѣст. Евр.», 1882 г., № 5, стр. 172.

къ улучшенію этихъ отраслей государственнаго управленія; и 3) возбуждать частныя повременныя изданія къ болѣе справедливому и благонамѣренному направленію въ отношеніи къ религіи, нравственности и дѣйствіямъ правительства, съ цѣлію водворенія въ читающей публикѣ болѣе правильныхъ понятій о дѣйствіяхъ правительства и о нашихъ современныхъ потребностяхъ.

Какъ результатъ этой записки, послѣдовало отношеніе министра народн. просвѣщенія къ министру юстиціи отъ 7 августа, въ которомъ министръ пишетъ: «Государь Императоръ, обративъ вниманіе на статью: «Судъ надъ членами тайнаго общества въ Парижѣ», которая не допущена цензурою къ печати и признавая такое запрещеніе правильнымъ, высочайше повелѣть соизволилъ сообщить вашему сіятельству, что Его Императорское Величество, въ виду производящагося нынѣ слѣдствія въ С.-Петербургѣ, призналъ-бы полезнымъ напечатаніе благонамѣренной статьи, составленной опытными юристами, о судѣ, произведенномъ въ Парижѣ. Въ исполненіе сей высочайшей воли, имѣю честь доставить при семъ вашему сіятельству помянутую статью».

Была ли исполнена высочайшая воля министромъ юстиціи, мы не имѣемъ свѣдѣній. Покрайней мѣрѣ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» никакой подобной статьи не появилось ни въ 1862 ни въ 1863 годахъ.

Тою-же запискою министерства внутреннихъ дѣлъ можно объяснить, что отношеніемъ министерства народнаго просвѣщенія въ почтовый департаментъ отъ 13-го августа было дозволено редакціямъ журналовъ и газетъ, пользовавшихся наибольшимъ довѣріемъ правительства, какъ-то: «Русскаго Вѣстника», «Нашего Времени», «Отечественныхъ Записокъ», «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества», получать безъ цензуры выходящія за границею на русскомъ и иностранныхъ языкахъ всякія книги, брошуры и періодическія изданія, съ тѣмъ, чтобы редакторы этихъ изданій «согласно ихъ убѣжденіямъ опровергали тѣ ученія, которыя они признаютъ ложными, и которыя, проникая тайными путями въ Россію и оставаясь безъ возраженій, имѣютъ вредное вліяніе на людей молодыхъ и недоучившихся». Съ 1-го января 1863 г. такое-же право было предоставлено новой редакціи «С.-Петерб. Вѣдомостей» *).

Въ то время какъ министерство внутр. дѣлъ выставляло литературу въ крайне неблаговидномъ свѣтѣ, министерство народнаго просвѣщенія напротивъ того при всякомъ удобномъ случаѣ брало ее подъ свою защиту и высказывало весьма благопріятныя мнѣнія о ея направленіи и духѣ, стараясь этими мнѣніями оправдать свои цензурныя распоряженія. Такъ предсѣдатель спб. цензурн. комитета послѣ поѣздки своей въ Москву 15 іюня 1862 года съ цѣлію соглашенія общаго направленія дѣйствій цензурныхъ комитетовъ, петербургскаго и московскаго, въ отчетѣ о своей поѣздкѣ между прочимъ писалъ:

«При всей моей бдительности по спб. цензурѣ, чтобы въ литературѣ не касались догматовъ и постановленій церковныхъ, я однакоже даю значительный просторъ для основательныхъ статей, обсуживающихъ съ знаніемъ дѣла недостатки нынѣшняго воспитанія духовенства; ибо, по моему искреннему убѣжденію, это лучшее средство, чтобы смягчить тѣ грубые нравы и обычаи, которые, къ сожалѣнію, замѣчаются у насъ отчасти въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, и естественно противодѣйствуютъ тому нравственному образованію, которымъ въ особенности должны отличаться пастыри церкви. Равнымъ образомъ, я нахожу полезнымъ пропускать всѣ статьи, направленныя противъ недостатковъ учебныхъ заведеній, подчиненныхъ министерству народнаго просвѣщенія, дабы дать этому вѣдомству возможность принять мѣры къ ихъ благовременному исправленію. Въ семъ случаѣ это министерство на-

*) Ibid, стр. 171—174.

ходится въ самомъ благопріятномъ положеніи, ибо, имѣя въ своемъ составѣ ученое сословіе, ему всегда представляется удобнымъ опровергать эти замѣчанія, еслибы они оказались неосновательными. Самый-же предметъ его занятій никогда не нуждается въ тайнѣ. Наконецъ еще весьма важный вопросъ представляется въ журналахъ и газетахъ, это—разработка въ нихъ политическаго отдѣла. Съ тѣхъ поръ, какъ цензура этого отдѣла перешла изъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ въ общую цензуру, литература могла естественно получить большой просторъ при обсужденіи всего того, что дѣлается за границею, такъ какъ солидарность нашего правительства была вполнѣ отстранена по сужденіямъ нашихъ журналовъ объ общественныхъ иноземныхъ дѣлахъ. Я полагаю, что въ настоящее время не слѣдуетъ заграждать простора и свободы нашимъ журналамъ въ означенномъ отдѣлѣ, конечно, съ сохраненіемъ только должнаго приличія въ выраженіяхъ относительно царствующихъ особъ и августѣйшихъ фамилій; просторъ этотъ слѣдуетъ допустить какъ потому, что наше современное общество, получившее значительное развитіе, вслѣдствіе разумныхъ и либеральныхъ реформъ правительства, уже не довольствуется тѣми пустыми и ничтожными свѣдѣніями по заграничной политикѣ, которыми въ прежнее время наполнялись наши повременныя изданія, такъ и потому, что, при сообщеніи и обсужденіи многихъ фактовъ изъ заграничной жизни, наши русскіе читатели могутъ вполнѣ убѣдиться, что даже за границею, при несравненно высшемъ уровнѣ народнаго образованія, нѣкоторые правительства по разнымъ вопросамъ внутренней политики дѣйствуютъ менѣе либерально, чѣмъ это дѣлается у насъ, и что реформы идутъ тамъ медленно и постепенно, а въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Австріи, Италіи и Турціи, внутренніе раздоры и волненія, продолжающіяся нѣсколько лѣтъ, не даютъ возможности идти тѣмъ прогрессивнымъ путемъ, которымъ въ послѣднее время шло наше отечество»... «Не могу также умолчать, говоритъ предсѣдатель въ заключеніи своего отчета, что при ближайшемъ знакомствѣ моемъ съ московскими литераторами, я вполнѣ убѣдился въ томъ, что въ большинствѣ ихъ преобладаетъ направленіе консервативно-либеральное, и что они искренно сочувствуютъ реформамъ нашего правительства. Въ особенности-же, при знакомствѣ съ М. Н. Катковымъ, могъ я вполнѣ оцѣнить этого достойнаго дѣятеля въ области русской журналистики»... *).

Точно также и въ отчетѣ своемъ о состояніи литературы за 1862 годъ министерство народнаго просвѣщенія высказало самые благопріятные взгляды на направленіе періодической прессы за это время.

«Съ самаго начала 1862 года, говорится въ введеніи къ этому отчету**), періодическая литература наша обращала особенное вниманіе на предметы правительственной дѣятельности и вопросы вытекавшіе изъ условій общественной жизни. Сочиненія чисто литературныя не выдвигались на первый планъ и не возбуждали особеннаго интереса въ читающей публикѣ. Это настроеніе въ литературѣ замѣчается отчасти уже въ началѣ нынѣшняго царствованія и преимущественно со времени послѣдовавшихъ въ 1857 г. распоряженій по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Съ опубликованіемъ-же 1 янв. 1862 г. въ «Сѣверной Почтѣ» извѣстія о работахъ, находившихся въ окончательномъ разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій участіе журналистики нашей къ правительственной дѣятельности выразилось еще сильнѣе. Сообразно различію въ характерѣ самихъ періодическихъ изданій взгляды ихъ на ожидаемыя перемѣны не были тождественны, и это часто производило между ними весьма оживленную полемику; но что касается собственно до заявленныхъ правительствомъ мѣръ, то большинство отзывовъ журналистики было для большей части оныхъ постоянно самое благопріятное. Всѣ журналы и газеты поспѣшили перепечатать вышеупомянутое извѣстіе изъ «Сѣверной Почты» съ выраженіемъ полнаго сочувствія, и съ этого времени начали и продолжаютъ появляться въ нихъ статьи соотвѣтствующія содержанію этого извѣстія, а потому преобразованіе судебной части, городской и земской полиціи, государственный бюджетъ, примѣненіе положеній 19 февр. 1861 г. къ государственнымъ, удѣльнымъ и другимъ крестьянамъ, устройство народныхъ школъ и вообще система народнаго образованія, все это стало для періодическихъ изданій предметомъ постояннаго вниманія и разсужденія».

---

*) «В. Евр.», 1882 г., № 6, стр. 590—593.

**) «Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 годъ». Спб. 1862 г. стр. 1—11.

Далѣе затѣмъ, приводя изъ газетъ и журналовъ образцы отзывовъ прессы о предпринятыхъ реформахъ, министерство особенно ставитъ на видъ отзывы «Дня» и «Современника».

«Газета «День», говорится въ отчетѣ, отличающаяся вообще духомъ исключительности, обратилась съ надеждою къ 1862 году и сгруппировала тѣ вопросы, которыя по ея мнѣнію выдвинулись на очередь. Наконецъ въ доказательство удовлетворительности общаго настроенія нашей періодической литературы съ начала 1862 года можно упомянуть объ отзывѣ, который по поводу заявленнаго «Сѣверною Почтою» извѣстія о предстоящихъ преобразованіяхъ появился въ журналѣ «Современникъ», направленіе коего, какъ извѣстно, возбуждало особенно внимательное за нимъ наблюденіе. «Новый годъ принесъ намъ пріятныя извѣстія изъ міра правительственнаго, замѣтилъ «Современникъ»: въ скоромъ времени совершатся преобразованія всѣхъ болѣе важныхъ частей управленія въ государствѣ. Есть нѣкоторыя основанія думать, что они совершатся болѣе или менѣе именно въ томъ направленіи, въ какомъ ожидаетъ ихъ современное общество («Совр.», внутреннее обозрѣніе № 1, стр. 99)».

«Обозрѣвая характеристику и направленіе различныхъ періодическихъ изданій, существующихъ въ 1862 году, говорится далѣе въ отчетѣ: должно остановить вниманіе между прочимъ на газетѣ «Сынъ Отечества». Доступная по дешевизнѣ своей большинству читателей, она имѣетъ до 20,000 подписчиковъ, изъ коихъ болѣе 13,000 изъ провинціальныхъ жителей и до 4,000 принадлежатъ къ духовному сословію. Это обстоятельство было причиною, что «Сынъ Отечества», какъ проводникъ идей въ массы, былъ предметомъ особеннаго вниманія цензуры. Между тѣмъ означенная газета не отличалась оригинальными статьями, но главное достоинство ея состояло въ удачномъ и добросовѣстномъ выборѣ и въ перепечатаніи цѣликомъ или въ извлеченіяхъ заимствованныхъ изъ другихъ періодическихъ изданій самыхъ замѣчательныхъ статей о правительственныхъ дѣйствіяхъ и общественныхъ вопросахъ, и такимъ образомъ «Сынъ Отечества» былъ передаточнымъ пунктомъ между столь значительнымъ количествомъ читателей и тѣми изданіями, статьи коихъ онъ заимствовалъ. Въ пользу общаго направленія нашей журналистики въ 1862 г. говоритъ тотъ фактъ, что «Сынъ Отечества», будучи компиляціей изъ другихъ газетъ и журналовъ, производилъ вообще на массу впечатлѣніе самое благопріятное и по направленію своему не вызывалъ ни одного замѣчанія».

«Цензура, говорится въ заключеніе введенія въ отчетѣ — примѣняясь къ этому сложившемуся подъ вліяніемъ правительственныхъ дѣйствій и явленій общественной жизни характеру современной нашей прессы, старалась направлять оную къ цѣлямъ, соотвѣтственнымъ требованіямъ правительства и условіямъ пользы общества. Содѣйствуя выраженію сочувствія, усвоеннаго большинствомъ журналовъ и газетъ послѣдняго времени къ важнѣйшимъ мѣропріятіямъ правительства, она находила не безполезнымъ допускать характеръ обличенія и гласности тамъ, гдѣ они не отклонялись отъ благонамѣренности и приличія. Въ этомъ случаѣ цензура руководилась убѣжденіемъ, что литература приноситъ существенную пользу, если съ одной стороны она бываетъ блюстительницей уваженія, правильнаго пониманія и точнаго исполненія закона въ массахъ общества, а съ другой стороны если она же служитъ проводникомъ къ приличному заявленію нуждъ и къ уясненію разнообразныхъ явленій общественной жизни. Такое направленіе литературы особенно важно въ отечествѣ нашемъ, пока образованность, проникая въ различные слои общества, разливается въ нихъ неравномѣрно, безъ строгой системы, какъ просвѣщенное пониманіе законовъ не вездѣ встрѣчается даже между оффиціальными блюстителями и исполнителями оныхъ, а правительство по громадности разстояній не можетъ всегда слѣдить за всѣмъ, и пока наконецъ многія мѣстныя условія и потребности не приведены въ извѣстность и часто не имѣютъ возможности къ заявленію путемъ оффиціальнымъ. Въ виду приготовляемой нынѣ реформы нашего судоустройства и судопроизводства, которою облегчено будетъ и преобразованіе въ области цензуры, съ достовѣрностью надѣяться можно, что устранятся и замѣчавшіеся доселѣ недостатки въ пониманіи нашими журналами истинно полезнаго назначенія просвѣщенной гласности и прекратится проявляющееся иногда недобросовѣстное ея употребленіе. Гласное судопроизводство можетъ быть въ этомъ отношеніи надежной гарантіей. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать, что журналистика наша не мало служила къ ознакомленію общества въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, со многими сторонами реформы крестьянскаго быта, согласно съ цѣлями правительства. Такую же услугу приносила и снова можетъ принести она для другихъ преобразованій, если будетъ руководима къ вышеизложенному направленію. Согласно этимъ убѣжденіямъ цензура относилась къ нашей прессѣ въ 1862 году. Можно конечно указать въ ней въ этотъ періодъ времени на нѣсколько фактовъ неудовлетворительнаго свойства, напримѣръ на нѣкоторое раздраженіе и безпокойство въ прессѣ вслѣдствіе пріостановленія двухъ изданій («Современникъ» и «Рус-

ское Слово»); такъ что и самая цензура не всегда имѣла возможность отклонять все, что писалось объ этомъ предметѣ для всѣхъ столь извѣстномъ.

«Въ заключеніе сего краткаго обзора дѣйствій нашей журналистики въ 1862 году нельзя не замѣтить, что въ этомъ году въ журналахъ совершенно прекратились: 1) статьи проповѣдующія матеріализмъ, безвѣріе и вообще всякіе нападки на православіе и христіанскую вѣру; 2) статьи, въ которыхъ колебалось бы монархическое начало и самодержавіе; 3) раздражительная полемика по крестьянскому вопросу, оскорбительная для помѣщиковъ и безполезная для крестьянъ; 4) статьи проповѣдующія коммунизмъ, а въ особенности тѣ, въ которыхъ доказывалось право собственности крестьянъ на помѣщичьи земли; статьи эти до 1862 года къ сожалѣнію являлись почти во всѣхъ нашихъ журналахъ, какъ бы съ цѣлію поколебать юридическія начала всякаго образованнаго общества и 5) всѣ тѣ статьи, въ которыхъ безъ всякой пользы для дѣла и вопреки видамъ правительства, разсуждалось объ утратившемся значеніи дворянства и объ уничтоженіи сего сословія. Но взамѣнъ этихъ ограниченій, которымъ должна была подчиниться наша литература въ 1862 году, нельзя было не предоставить ей бо̀льшаго простора въ ея разсужденіяхъ по другимъ предметамъ, такъ какъ наша публика, умственная дѣятельность которой была возбуждена либеральными распоряженіями самаго правительства, уже нынѣ не довольствуется чтеніемъ пустыхъ по содержанію статей и ничтожныхъ извѣстій. Во вниманіе къ симъ обстоятельствамъ, политическому заграничному отдѣлу данъ былъ значительный просторъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: Высочайшимъ повелѣніемъ 8 марта сего года устранена всякая солидарность между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и печатаемыми въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ политическими извѣстіями. Слѣдовательно всѣ подобныя статьи ни въ какомъ случаѣ не могли дать повода къ пререканію со стороны представителей иностранныхъ державъ. Газеты же наши отъ этого пріобрѣли значительный интересъ, а публика получила нѣкоторое вознагражденіе за тѣ ограниченія, которымъ литература подверглась въ 1862 году, вслѣдствіе увеличенія строгости цензуры, которая естественно должна была усугубиться отъ двоякаго надзора, которому литература подчинена была со стороны двухъ министерствъ: народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и хотя надзоръ сего послѣдняго былъ очень бдителенъ, тѣмъ не менѣе представляется тотъ отрадный фактъ, что при огромномъ количествѣ журналовъ, газетъ и разныхъ изданій въ Россіи число замѣчаній было незначительно и если убѣжденіе въ томъ, что масса произведеній здравой и полезной литературной дѣятельности въ 1862 году весьма значительно преобладаетъ надъ количествомъ предосудительныхъ литературныхъ явленій, не всѣми еще раздѣляется, то это почти исключительно происходитъ отъ того, что къ сожалѣнію даже самая образованная часть нашей публики гораздо болѣе обращаетъ вниманіе на статьи предосудительныя, тогда какъ статьи серьезныя, благонамѣренныя и консервативныя остаются незамѣченными. Первыя немедленно замѣчаются, о нихъ говорятъ, передаютъ другъ другу, какъ бы ни были незначительны, а на статьи весьма благонадежныя, дѣльныя, составленіе коихъ требовало учености и большаго труда, не обращается вниманія».

Этотъ отчетъ былъ лебединою пѣснью нашего министерства народнаго просвѣщенія по отношенію къ цензурному вѣдомству. Достаточно было одного года, чтобы убѣдиться, что управленіе цензурнымъ вѣдомствомъ одновременно двухъ министерствъ—было дѣломъ совершенно невозможнымъ. Между тѣмъ, мысль о томъ, что цензура по самому своему существу свойственна болѣе министерству внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ какому-либо другому, все болѣе и болѣе утверждалась. Въ октябрѣ 1862 года комиссія кн. Оболенскаго кончила свои работы, составивъ проектъ новаго устава о печати, и въ этомъ рѣшительно высказалась за передачу цензурнаго вѣдомства министерству внутреннихъ дѣлъ».

«Цензурныя постановленія», говорится въ проектѣ *), «по самой цѣли ихъ входятъ въ составъ общихъ охранительныхъ полицейскихъ законовъ,—слѣдовательно цензурное вѣдомство есть часть общей государственной полиціи, сосредоточенной подъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Изъ краткаго историческаго очерка цензурныхъ установленій Россіи видно, что подчиненіе цензурнаго вѣдомства министерству народнаго просвѣщенія было скорѣе дѣломъ случайнымъ, чѣмъ основаннымъ на какихъ-либо особыхъ соображеніяхъ. Въ послѣднее время попытка раздѣлить цензуру на предупредительную и карательную,

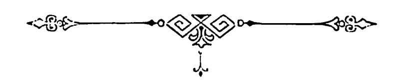
*) «Проектъ устава о книгопечатаніи», Спб., 1862 г., стр. 75—77.

оставивъ первую въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подчинивъ вторую министерству внутреннихъ дѣлъ, оказалась совершенно несостоятельною. Она въ извѣстной степени могла быть полезною, какъ временная мѣра, впредь до окончательнаго разрѣшенія возбужденныхъ вопросовъ о будущей организаціи цензуры и теперь комиссія можетъ ограничиться указаніемъ на самый опытъ, чтобы убѣдить въ невозможности сохранить на будущее время эту двойственность завѣдыванія дѣломъ, требующимъ единства и строгой послѣдовательности».

«Министерство народнаго просвѣщенія съ своей стороны, представляя проэктъ устава въ совѣтъ министровъ 10 января 1863 года, подтвердило вышеозначенное мнѣніе комиссіи въ особомъ докладѣ, заявивъ, что до обсужденія проекта комиссіи необходимо прежде всего разрѣшить вопросъ: кому завѣдывать цензурою, министерству ли внутреннихъ дѣлъ, министерству ли народнаго просвѣщенія или особому установленію? Въ докладѣ объяснилось, что «министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанностью покровительствовать литературѣ, заботиться о ея развитіи, о преуспѣяніи ея. По сему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, оно не можетъ быть ея строгимъ судьею. Сверхъ того министерство народнаго просвѣщенія обязано содѣйствовать движенію впередъ науки, а для этого необходима свобода анализа; по сему цензура, находясь въ вѣдѣніи сего министерства, принимаетъ направленіе болѣе снисходительное, стремящееся къ тому, чтобы медленно и осторожно отодвигать границы, поставляемыя свободѣ разсужденій. При нынѣшнемъ же всеобщемъ броженіи умовъ, необыкновенномъ развитіе умственной дѣятельности, обращающейся преимущественно къ обсужденію вопросовъ общественныхъ, дѣятельность цензуры становилась все болѣе и болѣе затруднительною въ томъ вѣдомствѣ, которое обязано содѣйствовать развитію умственной дѣятельности. Положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи цензурѣ совсѣмъ другое. На него не возложена обязанность изыскивать средства къ развитію литературы. Оно обязано только наблюдать за нарушеніемъ закона и способнѣе министерства просвѣщенія оцѣнивать важность нарушенія; роль министерства внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе».

Вслѣдствіе этого доклада, 12 января 1863 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: 1) передать проектъ комиссіи по дѣламъ книгопечатанія министру внутреннихъ дѣлъ; 2) предоставить министру народнаго просвѣщенія передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ всѣ цензурныя учрежденія, и 3) предоставить министру внутреннихъ дѣлъ составить, по его усмотрѣнію, проектъ окончательнаго устройства цензурной части въ ввѣренномъ ему управленіи.

Высочайшее повелѣніе это немедленно было исполнено и къ 1 марта 1863 г. цензурное вѣдомство во всемъ своемъ составѣ поступило подъ управленіе министра внутреннихъ дѣлъ.



Популярно-научныя книги.

Законы подражанія. *Тарда.* Переводъ съ французс. Ц. 1 р. 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингенъ.* Ц. 60 коп.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена.* часть 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Пимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Грема.* Со многими рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Огородничество. Практическія наставленія для народныхъ учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вавилова.* Популярное руководство для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Цѣна 30 коп.

Записки желудка. Перев. съ 10 англ. изд. Ц. 50 к.

Физіологія души. *А. Герцена,* професс. лозанскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Міръ грезъ. *Д-ра Симона* (Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. Составилъ *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ—2 р.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрическіе очерки. *Д-ра Реньяра.* Переводъ съ франц. *Эл. Зауэръ.* Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Шеде* Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Электр. аккумуляторы *Реньe.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Перев. *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова* 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли.* Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста* 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо* Ц. 50 к.

Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера* Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *П. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ.* Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье.* Съ 34 рисун. Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтенія для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа.* Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго* Ц. 20 к.

Гигіена семьи *Гебера.* Ц. 50 к.

Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) **Призракъ** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды** Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. 7 к.